РУССКОЕ СЛОВО.

I.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

ЯНВАРЬ.

САКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Семена Сѣдинкина, въ торговой 17.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25 Января 1861 года.

Цензоры *П. Дубровской.*
Ѳ. Рахманиновъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Стихотворенія: Къ ***, А. С. ПУШКИНА. — Мельникъ, Я. П. ПОЛОНСКАГО. — На пепелищѣ, И. С. НИКИТИНА.

Приказчикъ (повѣсть, ~~окончаніе~~). А. П. КОБЯКОВОЙ.

Понизовая вольница (~~окончаніе~~). Д. Л. МОРДОВЦОВА.

Объ отношеніяхъ англійскихъ колоній къ метрополіи. Г. ГОЛЬЦЕНДОРФА.

Трехмѣсячное путешествіе по Австріи. П. Л—АГО.

ОТДѢЛЪ II.

Политика. Обзоръ современныхъ событій. Г. Б. . . 1

Письмо изъ Парижа. ЖАКА ЛЕФРЕНЯ 12

Русская литература. Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. *Ор. Новицкаго.* П. Л. ЛАВРОВА 1

Маколэй. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Изд. *Н. Тиблена.* Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. 22

Основа. (Южно-русскій учено-литературный вѣстникъ № 1). А. ЧУЖБИНСКАГО 37

Великорусскія сказки *И. А. Худякова.* Изд. *К. Солдатенкова* и *Н. Щепкина.* В. К—СКАГО 65

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ *В. Варенцова* В. К—СКАГО 78

Судьба Евреевъ въ средніе вѣка и обычаи ихъ въ настоящее время 82

Матеріалы для будущей физіологіи алкогольнаго отравленія. *Сѣченова.* — Опытное ученіе о золотушныхъ и бугорчатыхъ болѣзняхъ, *Лебера.* — Естественная исторія для юношества, изд. *Кораблева* и *Сирякова.* — Курсъ элементарной общей химіи, сост. *Кагуромъ.* — Картина растительности. Изъ соч. *Г. Мазіуса,* пер. *Ф. Резенера.* — Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ, *А. Разина.* В. Л ХАНКИНА 84

Иностранная литература. Исторія Савойскаго дома, княгини *Бельджойзо.* В. П. ПОПОВА. . . . 105

Литературная корреспонденція, Ж. ЛЕФРЕНЯ 124

Руководство къ живописи. Нѣмецкая, фламандская и голландская школа. На основаніи книги Куглера составилъ *Уэгенъ.* 129

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Нѣсколько замѣтокъ о земскихъ банкахъ. В. А. БАБКИНА 1

Провинціальныя тѣни. Изъ записной книжки ѲОМЫ БРУТА. 23

Русскій театръ. В. К. ИВАНОВА 35

Кой-что изъ лѣтописи Петербурга, или исторія отмороженныхъ носовъ. И. СЕРМЯГИНА 53

Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.

Въ приложеніи къ этой книжкѣ идетъ [redacted].

Изъ исторіи Греціи, Грота, переводъ Ѳ. Н. НЕНАРОКОМОВА.

Къ ***.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки:
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? — Не знаю,
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

А. ПУШКИНЪ.

Мельникъ.

(Посвящается А. Н. Островскому.)

Мельникъ съ-похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
Мельника будитъ сынишка:
«Батька! куда ты съ дороги свернулъ?»
— Полно ты, полно, трусишка!

Глуше, все глуше становится лѣсъ...
Что тамъ? Не мѣсяцъ ли всходитъ?
Али съ зажженной лучиною бѣсъ
Между деревьями бродитъ?
Ѣдетъ старикъ, инда сучья трещатъ...
«Батька! куда ты? Ворочай назадъ!»

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
Этто костры зажигаютъ —
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ, — слышь —
Наши робята гуляютъ.

Смотритъ ребенокъ, и видитъ — огни,
Искры летятъ, тѣни пляшутъ;
Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
Скачутъ, хохочутъ и машутъ...
Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
«Батька! мнѣ страшно!» ребенокъ кричитъ.

— Что тутъ за страсти? откуда ты взялъ?
Билъ я тебя — билъ, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана-купала.

Пышутъ огни — вотъ изъ лѣсу идетъ
Мельника старшая дочка;
Косы свои распустила, поетъ:
«Эхма ты, ноченька, ночка!»
Парень ее сзади ловитъ рукой...
Крикнулъ ей мельникъ: «Куда ты? постой!»

— Батюшка, батюшка! молвила дочь:
Дай ужь ты мнѣ нагуляться,—
Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
Завтра съ постели подняться.

Пышутъ огни — вотъ, качаясь, идетъ
Мельника младшая дочка.
Вся разгорѣвшись идетъ она — льнетъ
Къ бѣлому тѣлу сорочка.
«Эхъ!» говоритъ: «загуляю, запью
Злую неволю-кручину свою!...»

«Дамъ я вамъ знать, какъ безъ спроса гулять!»
Мельникъ ворчитъ: «эко дѣло!...»
Медленно сталъ онъ съ телѣги слѣзать —
Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ — въ шубёнкѣ стоитъ
Кумъ его — точно Ерёмка.
Зубы оскаливши, «кумъ!» говоритъ,
«Полно сердчать-то! Пойдемъ-ка,
Выпьемъ-ка съ горя... Чего замигалъ?
Али ты, милый, меня не узналъ?»

— Какъ не узнать! глухо молвилъ старикъ.
«Ну, и пойдемъ... обоприся...»
— Батька! раздался ребяческій крикъ:
Это не кумъ — воротися!

Мельникъ не слышитъ — и съ кумомъ своимъ
Сталъ за кострами теряться.
Хохотъ, какъ буря, пронесся за нимъ;
Начали тѣни сгущаться;
И красноватыми пятнами сталъ
Дымъ пропадать, пропадать — и пропалъ.

Только туманъ изъ-за низменныхъ пней
Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
Дождикъ дробилъ по листамъ, да ручей
Глухо ворчалъ въ буеракѣ.

Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
Шорохъ проснувшихся галокъ...
«Батька!» въ лѣсу раздавалось, и былъ
Голосъ тотъ робокъ и жалокъ...
Къ утру робята съ рогатиной шли
Въ лѣсъ по медвѣдя — телѣгу нашли...

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
Въ лужѣ съ болотною тиной.
Мальчикъ дрожалъ, и весь день наяву
Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
Душу сгубилъ. Толковали:
Чортъ ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
Пьянъ, такъ отъ лѣсу подалѣ.
Но и донынѣ душа старика
Стонетъ въ лѣсу позади кабака...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

1859.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуетъ.
На камнѣ мужикъ одиноко горюетъ;
У ногъ его кучами пепелъ лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу:
На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу,
Онъ клалъ ее дома съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ не чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли;
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа... да что за бѣда!
Ужъ видно не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, — и въ поле другая ходила;
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
И только выдерживалъ пахарь-мужикъ.

Просилъ безотвѣтный не счастья у неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
Подкралась бѣда, — все метлой подмела,
У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола,

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
И матери старой пронзительный стонъ,
Въ то время, какъ въ полымя кинулся онъ.

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели.
За нимъ по слѣдамъ потолки загремѣли...
«Пускай догараютъ»!... И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

И. НИКИТИНЪ.

ПРИКАЗЧИКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Есть у насъ народная поговорка, что «грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ нейдетъ». Но Боже мой! какъ часто видишь противуположныя явленія этой поговоркѣ, — какъ часто трудомъ нажитое богатство изчезаетъ, какъ дымъ, — не отъ расточительности, — а отъ какихъ-то непредвидѣнныхъ и ничѣмъ неотразимыхъ случаевъ, отъ стеченія и запутанности обстоятельствъ, которыхъ ни какая воля, ни какой умъ человѣческій не въ силахъ распутать, или обратить въ свою пользу, и капиталы ускользаютъ изъ рукъ, при всей благоразумной экономіи, по волѣ какой-то враждебной судьбы, дѣлаясь добычей честныхъ воровъ, или какъ говорять: «умныхъ людей». У насъ еще у многихъ въ понятіяхъ, — умный человѣкъ и плутъ, — сливаются въ одно; обмануть, надуть, ни болѣе ни менѣе, какъ только стать *не промахомъ*, быть себѣ на умѣ, — и только... И сколько народныхъ пословицъ оправдываютъ это мнѣніе; — напримѣръ: «кто самъ себѣ врагъ«. «Своя рубашка къ тѣлу ближе.» «На то щука въ морѣ,» и проч... Конечно надо имѣть ловкость, чтобъ продѣлка не слишкомъ бросалась въ глаза, чтобъ не навлечь на себя преслѣдованія и концы схоронить въ воду, а на общественное мнѣніе не стоитъ обращать вниманія. Да и что

такое общественное мнѣніе? Не изъ тѣхъ-ли же грѣшныхъ людей наши судьи?.. У насъ и на то сложились оправдательныя пословицы: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ».

И сколько, сколько этихъ *умныхъ людей* можно встрѣтить въ необразованныхъ обществахъ, по захолустьямъ нашего раздольнаго отечества!..

И вотъ, послѣ этихъ-то умниковъ, спокойно нажитые ими капиталы, переходятъ къ ихъ потомкамъ и растутъ въ прибывающей прогрессіи, наперекоръ пословицѣ: *«грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ нейдетъ»;* благосостояніе потомковъ процвѣтаетъ; дѣти родятся здоровыми, сыновья дѣлаются степенными, скопидомами, пользуются довѣріемъ общества, становятся въ первыхъ рядахъ его; дочери находятъ хорошія партіи;—словомъ, счастье во всемъ и вездѣ, деньги сами льются въ карманъ, и *«грѣхомъ нажитое богатство идетъ въ прокъ...»*

Между тѣмъ, какъ дѣти честныхъ тружениковъ, протягиваютъ руку за милостынею; да и часто не заслуженно лишаются даже честнаго имени — послѣдняго богатства бѣдняка...

Не разъ, не два этотъ грустный фактъ заставлялъ меня задумываться...

И страшно мнѣ стало, когда я припомнила всѣ подробности подобной *исторіи*, которую хочу вамъ передать, какъ фактъ.

Не то чтобъ давно, и не то чтобъ недавно, жили да были въ городѣ Привольскѣ два двоюродные братца... одинъ былъ Петръ Васильичъ, а другой Петръ Иванычъ и прозывались оба Отрубевы. Петръ Васильичъ былъ купецъ богатый... Петръ Иванычъ... но передо мною развивается драма...

Въ одно весеннее время, послѣ-обѣда, супруга Петра Васильича Отрубева, Наталья Ивановна, сидѣла въ своей спальнѣ. Сидѣла она, облокотившись на столъ, и думала какую-то тяжелую думу. Глаза ея машинально переходили съ рабочаго ящика съ разноцвѣтными шелками на бархатную подушечку стальной швейки, на которой игралъ яркій лучъ солнца, прорывавшійся въ окно, сквозь густую зелень цвѣ-

тущихъ жасминовъ. Круглый подбородокъ купчихи лежалъ на ладони правой руки, на пальцахъ которой блестѣло множество золотыхъ колецъ и разныхъ перстеньковъ. Короткіе, слегка закрученные височки оттѣняли полныя щеки Натальи Ивановны; зеленая французская косынка, ловко повязанная, очень шла къ ея темнорусымъ волосамъ; на открытой шеѣ переливалась мелкою гранью нитка крупныхъ янтарей; въ ушахъ висѣли большіе яхонты. Кисейный платокъ, обшитый широкимъ кружевомъ, свалился съ плечъ, и оставилъ не закрытыми и грудь, и полную короткую талію, обтянутую тафтянымъ платьемъ.

Воздухъ комнаты былъ пропитанъ запахомъ жасмина. Передній уголъ былъ занятъ большимъ кіотомъ, передъ которымъ неугасимо теплилась серебряная лампадка. Огромная кровать, съ горою подушекъ, подъ шатромъ бѣлаго полога, казалась не меньше другой походной палатки. Большой краснаго дерева комодъ, туалетъ, украшенный позолоченой рѣзьбой, и нѣсколько стульевъ, съ высокими дубовыми спинками, обитыхъ краснымъ сафьяномъ, довершали убранство комнаты. Изъ спальни выходили трое дверей: одна въ маленькую прихожую, другая въ залу, третья небольшая дверь, въ ногахъ кровати, вела въ дѣтскую.

— Господи Боже мой! Чтожъ я это въ самомъ дѣлѣ, дурь-то на себя накидываю!.. прошептала Наталья Ивановна, какъ будто пробудясь отъ сна, подняла быстро голову и махнула рукой, какъ будто отгоняя отъ себя непріятный призракъ.

— Что я бранена? аль бита? аль недостатокъ какой терплю что-ли? Кабы увидѣлъ Петръ Васильичъ, такъ задалъ-бы мнѣ... грущу, тоскую, сама не знаю о чемъ...

Она встала, подошла къ окну, понюхала вѣтку жасмина, и сѣла опять на прежнее мѣсто, твердо рѣшившись приняться за работу; — но лишь только оторвала она съ клубка цвѣтную шелковинку, рука ея опустилась, голова склонилась на грудь сама собой: — что-то прихлынуло къ сердцу и глаза наполнились слезами.

Не видя причины о чемъ бы поплакать, Отрубева крѣпилась нѣсколько минутъ; но грустное чувство, съ которымъ

она боролась уже нѣсколько дней, взяло наконецъ свое: слезы брызнули градомъ; она дала имъ полную волю. Она плакала долго и много, стараясь только заглушить рыданія, чтобъ кто нибудь не подслушалъ.

Наконецъ, наплакавшись вдоволь, Отрубева почувствовала, что на сердцѣ у ней сдѣлалось легче, какъ всегда бываетъ послѣ обильныхъ слезъ; она отерла глаза, встала, подошла къ зеркалу, поправила разбившіеся височки, помахала платкомъ въ горящее отъ слезъ лицо, и произнесла грустно, покачавъ головой:

— А что нибудь да значитъ, что сердце такъ тоскуетъ! можетъ и вѣщуетъ оно какую-нибудь бѣду — да не скажетъ...

Въ эту минуту на дворѣ послышался жалобный вой цѣпной собаки. Этотъ зловѣщій звукъ, словно острымъ желѣзомъ, скользнулъ по сердцу Натальи Ивановны.

— Это что еще! часъ отъ часу не легче! — почти вскричала она въ испугѣ и съ замирающимъ сердцемъ произнесла:

— Господи помилуй раба своего Петра и дѣтей нашихъ!..

Но собака не переставала выть.

Наталья Ивановна подошла къ окну. На мощеномъ дворѣ не видно было ни души, одинъ черный козелъ, съ рогами, окрашенными красной краской, выщипывалъ едва пробивающуюся между камнями мостовой зеленую травку, и огромная цѣпная собака, привязанная возлѣ конюшни, лежала въ растяжку на припекѣ, и высунувъ пересохшій отъ жажды языкъ, жалобно выла.

— Чтобъ твое вытье было на твою голову! — проговорила купчиха, взглянувъ на собаку, и стараясь успокоить внутреннее волненіе, кликнула:

— Эй! Любашка! нянька!

Дверцы изъ дѣтской скрипнули, на порогѣ показалась худощавая, съ длиннымъ носомъ старушка, въ ситцевомъ сарафанѣ — и послышался дребезжащій голосъ:

— Чего изволишь, сударыня?

— Али ты, нянька! гдѣ-жъ Ѳединька! спросила Наталья

Ивановна, не оборачиваясь, можетъ быть потому, чтобъ скрыть слѣды слезъ на своемъ лицѣ.

— Ѳединька, матушка, остался въ саду, — мы съ нимъ черемушки да сирѣни нарѣзали, такъ пучечки изъ нихъ связываетъ; а я пришла спросить: не прикажешь-ли самоварчикъ ставить?

— Черемушки нарѣзали!.. Ты смотри у меня, чтобъ дитя ручку не порѣзало!.. перебила Наталья Ивановна, и совершенно забывшись быстро оборотилась, — ты, смотри у меня, береги дитя пуще глаза... Какъ можно его одного оставлять!.. Развѣ твое дѣло о самоварѣ хлопотать?

— Ужъ не безпокойся, матушка, объ немъ-то! мы цвѣточки-то ножницами стригли, да и тѣ я себѣ въ карманъ спрятала... Помню, матушка, помню ваше приказаніе — не давать ему ножичка въ ручки, — отвѣчала нянька.

— А нянька Ѳедора съ Фисонькою гдѣ?

— Ѳедора, сударыня, съ дитею на крыльцѣ сидитъ; пришла къ ней сестра, — ужъ такъ-то переколачиваютъ, да шепчутся, ужъ вѣрно все про хозяевъ судятъ да рядятъ, отвѣчала нянька.

— Непремѣнно; такъ-таки ужъ по твоему, и говорить больше не о чемъ, какъ о хозяевахъ?

— Ужъ конечно. Отчего же они вслухъ не говорятъ? Ты сударыня, ужъ слова не дашь про Ѳедору сказать; а послушала-бы сама...

— Перестань пожалуйста — я не люблю твои сплетни и ябеды слушать; ступай лучше въ садъ къ Ѳединькѣ, и пошли ко мнѣ Любашу.

— То-то и есть, сударыня, что Любашки собаками не съищешь; оттого-то я и пришла — что молъ не нужно-ли чего. Ужъ эта мнѣ дѣвка! дала ты ей матушка, Наталья Ивановна, волю... все-то она негодная у кучера на конюшнѣ, коли я ее не хватюсь! Ужъ если что выйдетъ, такъ пожалуй Петръ-то Васильичъ и на твою милость вскинется... что молъ, сударыня, не смотрѣла...

— Ты что это такое бредишь?.. Тебѣ ужъ вездѣ разные пустяки мерещатся... произнесла съ досадой хозяйка. Ужъ когда дѣвчонка съ кѣмъ пошутила, такъ по твоему не

просто. Что ее развѣ на веревкѣ что-ль держать? Развѣ моя *обязанность* за холопками приглядывать?.. аль по щекамъ бить? такъ нѣтъ, ужъ я къ этому не могу привыкнуть!

— И побьешь, матушка, Наталья Ивановна, и побьешь, коли рѣчей не слушаютъ — народъ такой хамово-колѣно. Это я, сударыня, по себѣ знаю: была и я грѣшная молода, и худы не добры были всѣ тѣ, кои меня уму-разуму учили, а тамъ послѣ и слюбилось, и добромъ помянешь строгость-то... А я скажу твоей милости, сударыня, какъ намедни Любашка въ семикъ на гулянку собиралась, такъ я на ней, пострѣловкѣ, коленкоровое платье застегнуть не могла, такъ кой-какъ веревочкой связала и свою шаль, съ *махрами*, на нее надѣла, такъ все и прикрылось. А въ маленькомъ-то платочкѣ ужъ и идти нельзя было...

— Коленкоровое платье — ей пять лѣтъ минуло какъ сшито, такъ мудренаго, что дѣвка и выросла, и потолстѣла...

— Нѣтъ, не то, не то — пожила таки я матушка на свѣтѣ, и коль-кто Михайловну обманетъ, такъ я думаю, трехъ дней не переживетъ, — вотъ что!

— А вотъ мнѣ это-то и *нендравится*, что ты завсегда съ хозяйкою готова спорить, и учить ее, — сказала запальчиво Наталья Ивановна.

— Что ты, сударыня моя! Да смѣютъ-ли, примѣрно, яицы курицу учить! Да и какъ я, хамово-колѣно, покушусь на то!.. Нѣтъ, нѣтъ, Наталья Ивановна, и напрасно ты гнѣваться изволишь! я такъ, спроста, иной разъ къ слову, люблю правду молвить... Вотъ хоть-бы Отрубевъ Петръ Иванычъ, и вся его семья — чтожъ, что они вамъ, мужняя родня-то, да другая и глядѣть-то-бы на нихъ не стала, — а ты матушка, готова ихъ къ себѣ за пазушку посадить... А что они, аспиды лихіе, — прости ты меня Господи!.. Михайловна перекрестилась. Такъ истинно аспиды! Петръ-то Иванычъ кланяется чуть не въ землю, а кажись такъ и глядитъ гдѣ-бы, въ которое мѣсто ужалить. А Сидоръ то Петровичъ на весь Привольскъ на расцѣнъ цѣнитъ, сокола-то моего Пашеньку-то: и простофиля-то онъ, и рохля-то, и дуракъ-то, дур...

— Перестань! Я тебѣ давно приказала, чтобъ ты мнѣ

такихъ пустяковъ говорить не смѣла, сказала съ негодованіемъ Наталья Ивановна, покраснѣвъ до самыхъ волосъ.

— Прости ты меня, сударыня Христа-ради, не гнѣвайся на старую дуру, а я говорю правду...

— Никто тебя не проситъ говорить ни правды, ни кривды. А всего бы лучше, еслибъ ты помнила, что Петръ Иванычъ Отрубевъ — мой двоюродный деверь, — проговорила хозяйка, стараясь овладѣть собой: поди къ Ѳединькѣ, и скажи Любашкѣ или Агафьѣ, чтобъ принесли мнѣ пива и льду; а самоваръ не нужно... фу! и такъ жарко... Наталья Ивановна сѣла, и принялась обмахивать платкомъ горѣвшее лице.

— Сейчасъ, иду сударыня... А ужъ не погнѣвайтесь—не люблю, не люблю Отрубевыхъ! ужъ они такіе люди: лей имъ на голову масла — а они говорятъ, — деготь... Деверь онъ вашъ, деверь! да такихъ деверьевъ я думаю у васъ до Москвы не перевѣш...

— Ужъ ты и грубіянить начала еще!.. вонъ! Наталья Ивановна разсердилась не нашутку.

— Уйду, уйду, сударыня, говорила нянька, подвигаясь къ двери: а ужъ если-бы воля-то, да власть моя, ужъ я бы этихъ Отрубевыхъ! ужъ я бы имъ! ужъ я бы ихъ!.. ворчала нянька, выходя въ дѣтскую, и затворяя за собою дверь.

— Ужъ этакая злая старушонка! этая ненавистница! говорила, сама съ собой хозяйка, по уходѣ няньки.

— И каждый разъ она меня на грѣхъ наведетъ... непремѣнно наведетъ. Это ея любимое дѣло. А изъ чего? изъ зависти —изъ чего-же больше... впрочемъ можетъ работница Петра Иваныча наболтала ей что нибудь — кто ихъ знаетъ... Ужъ это народъ такой, забрала себѣ въ голову одно, просто знать изъ ума выживаетъ.

Собака на дворѣ опять завыла.

— Нянька! крикнула опять Наталья Ивановна.

— Чего изволишь? отвѣтила нянька, высунувъ голову въ дверь.

— Слышишь!.. сѣрко воетъ!

— Тьфу, проклятый! вылъ-бы на свою голову... Это онъ отъ жару, сударыня.

— Скажи, чтобъ его перевели въ другое мѣсто, гдѣ есть тѣнь, да чтобъ дали ему пить.

— У него у проклятаго, и еще другая дурная привычка завелась: — Иванъ говоритъ, что онъ по ночамъ ямы роетъ.

— Не хорошо, прошептала Наталья Ивановна, покачавъ головой.

— Ничего, сударыня, это онъ отъ скуки, проговорила старуха, затворяя дверь.

Нянька ушла. Минутъ черезъ десять явилась горничная Любашка, дѣвка лѣтъ восьмнадцати, рыжая, и до нельзя весноватая, въ холстинковомъ платьѣ и розовомъ передникѣ, съ большой хрустальной кружкой въ рукахъ, въ которой пѣнилось домашнее мартовское пиво.

Дѣвка поставила кружку на столъ.

— Гдѣ ты была? спросила Наталья Ивановна, стараясь строго смотрѣть на горничную.

— На огородѣ.

— А кто тебя туда посылалъ?

— Я-съ... да такъ... тамъ Агафья разсаду полетъ, и я съ нею слово за слово...

— Ишь не наговорились!.. Я думаю Агафья въ тебѣ не нуждалась, и безъ тебя свое дѣло дѣлала? а ты только шляешься: *семь пересемъ, какъ бы день перешелъ.* Скажи-ка, которую недѣлю ты Пашинькѣ носки вяжешь?

— Что за важность; кажется вина моя небольшая, что съ Агафьей на огородѣ постояла!.. не съ кѣмъ-нибудь. Отвѣчала бойко дѣвка и, повернувшись, хотѣла уйти.

— Ишь какая словесная! отвѣчать умѣешь! Да куда же ты бѣжишь? Гдѣ-же ледъ? Я думаю нянька говорила тебѣ, чтобъ ты принесла мнѣ льду!

— Я не слыхала-съ; я сейчасъ пошлю Ивана на ледникъ.

— Тебѣ зачѣмъ-бы нибудь, да только къ Ивану сбѣгать; и за дѣломъ, и безъ дѣла выросла у Ивана... Ты смотри у меня! я гляжу, гляжу, да Петру Васильевичу буду говорить; ты что-то изъ рукъ вонъ...

Горничная остановилась у порога и заплакала.

— Что вы меня, сударыня, съ какой стати Иваномъ-то корить изволите! Напрасно *обижаете* — Богъ съ вами! я ни

въ какой винѣ не виновата; лопни мои глаза, коли въ чемъ виновата. Аль няньки слушаете, такъ она вамъ то наскажетъ, чего и во снѣ никогда не видѣлось...

— Ну хорошо, хорошо! а ты веди себя поскромнѣе, такъ никто ничего и говорить не станетъ. Да ступай, зачѣмъ тебя посылаютъ, и скажи, чтобъ сѣрку напоили и привязали гдѣ нибудь въ тѣни.

Выслушавъ нотацію хозяйки, дѣвка всхлипывая и утирая слезы передникомъ, вышла.

— Побранила дуру, а самой жалко стало, думала Наталья Ивановна, по уходѣ горничной. Долго-ли занапрасно человѣка обидѣть! А ужъ и сплетница моя Михайловна, сплетница, какихъ на рѣдкость; и еслибъ все слушать, все принимать, что она говоритъ, такъ и Боже мой! И давно-бъ я ее къ шаху, да что дѣлать, дѣти любятъ старую.

Вошла горничная съ тарелкой льду и не глядя сказала:

— Мавра Григорьевна пришла.

— Зови ее сюда!

Спустя минуту по уходѣ горничной, вошла въ спальню крошечная, пожилая женщина, въ ситцевомъ ватномъ капотѣ, повязанная черной косынкой по самые брови.

Помолясь на образа, она подобострастно обратила къ хозяйкѣ свое маленькое личико, украшенное на правой щекѣ черной бородавкой и, съ низкимъ поклономъ, проговорила робко:

— Здравствуйте, сударыня, Наталья Ивановна-съ! Какъ находитесь въ вашемъ драгоцѣнномъ здравіи-съ?

— Помаленьку, Мавра Григорьевна, отвѣчала хозяйка, привѣтливо поцѣловавшись съ пришедшей. Какъ ты поживаешь? да что стоишь! садись, пожалуйста, гостья будешь.

— Покорнѣйше благодарствуемъ сударыня-съ, проговорила Мавра Григорьевна, кой-какъ прильнувъ на край стоявшаго у дверей стула; живемъ по сиротски, покуда Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ.

— Ну что твоя дочка, что она подѣлываетъ? разспрашивала ласково Наталья Ивановна, приходя минута отъ минуты все болѣе въ спокойное расположеніе духа.

— Одно у ней дѣло, сударыня Наталья Ивановна, кру-

жева плететъ-съ; заказы таки есть, благодаря Бога. Дѣло сиротское, надобно кормиться сударыня-съ.

— Разумѣется такъ. Чтобъ тебѣ съ ней прійти когда нибудь? я люблю твою Дашу; такая она дѣвушка скромная...

— Покорнѣйше благодарствую, что похвалили, матушка, и Мавра Григорьевна опять низко поклонилась.

— Гдѣ ужъ, сударыня, намъ васъ безпокоить-съ!

— Вотъ какіе пустяки! Ну что, я думаю къ дочкѣ и женишки сватаются? Сколько ей лѣтъ?

Вмѣсто отвѣта Мавра Григорьевна встала, подошла на цыпочкахъ къ хозяйкѣ и повалилась ей въ ноги.

— Что ты! что ты, Мавра Григорьевна! воскликнула съ изумленіемъ Отрубева, вставъ со стула; встань пожалуйста, встань!

— Вѣдь я, матушка вы моя, просватала Дашу-то, за кузнеца просватала, говорила Мавра Григорьевна, все еще лежа на полу.

— Ну и слава Богу. Да встань-же пожалуйста!

— И пришла я, сударыня, не оставьте при такомъ дѣлѣ насъ сиротъ своей милостью...

— Какая ты упрямая, встань же пожалуйста!.. Лучше Богу кланяйся... Да разскажи-ка все по порядку.

Насилу встала съ полу Мавра Григорьевна и, утирая слезы, усѣлась опять на краекъ стула.

— Ужъ простите... ужъ извините, сударыня Наталья Ивановна, на моей смѣлости! Не взыщите, что утруждаю васъ.

— Постараюсь помочь чѣмъ могу. Да скажи-ка каковъ женихъ-то? Невѣста-то хороша.

— Говорятъ непьющій, вдовецъ, четверо дѣтей, сударыня, годовъ этакъ сорока пяти.

— Что-жъ это ты такую молоденькую да за старика хочешь выдать?

— Гдѣ-жъ намъ сударыня разбирать? дѣло сиротское! Этотъ большаго приданаго не спрашиваетъ.

— Ну, а невѣста его видѣла?

— Какъ же, сударыня-съ. Съ Пасхи сватовство-то тя-

нется. Ее и водили къ Царю Константину къ вечерни; она ему *пондравилась.*

— Еще-бы! А невѣста-то что говоритъ.

— Что? извѣстно плачетъ. Дѣло дѣвичье, сударыня, дѣвушки всѣ плачутъ, и я плакала...

— Послушай, что я тебѣ скажу: откажи ты этому жениху; для твоей дочери женихъ найдется получше; я переговорю съ Петромъ Васильичемъ, и помаленьку все Богъ устроитъ; Даша еще не остарокъ, время терпитъ, сказала Наталья Ивановна и велѣла вошедшей горничной ставить самоваръ и подавать въ залъ. Ударили къ вечернѣ; Отрубева перекрестилась и принялась убирать въ комодъ свою не начатую работу.

— Что-же это-съ? какъ-же это-съ? говорила нерѣшительно, ошеломленная словами хозяйки, Мавра Григорьевна: какъ-же это-съ? Вѣдь ужъ мы на словѣ положили-съ.

— Ну что-жъ? лучше я думаю теперь взять слово назадъ, чѣмъ заставить дѣвушку плакаться и жаловаться на всю жизнь... Не уже-ли радостно ей будетъ житье въ семнадцать лѣтъ, съ четырьмя чужими дѣтьми, да еще въ бѣдности?

— Вѣдь ужъ, сударыня-съ, у меня и роспись-то имъ отдана-съ, твердила свое Мавра Григорьевна.

— Перестань ты съ своею росписью. Роспись: — два платья старыхъ, да третье въ дырахъ. — Откажи, да и все тутъ! — сказала горячо и рѣшительно Наталья Ивановна. — Эй, Любашка! подай стаканъ! —

Горничная подала стаканъ; хозяйка налила въ него пива изъ кружки и приказала подать Маврѣ Григорьевнѣ. У бѣдной вдовы дрожали руки; она боялась смотрѣть на Наталью Ивановну; сердце ея билось тревожно; она внутренно не соглашалась съ хозяйкой, но противорѣчить не смѣла, — тѣмъ болѣе, что отъ нея ожидала помощи. Чтобъ успокоить или ободрить себя сколько нибудь, она хлѣбнула пива; пѣнистая брага бросилась въ носъ, Мавра Григорьевна закашлялась, слезы покатились изъ глазъ. Не зная куда поставить стаканъ, она почти все пиво вылила себѣ въ колѣни, и увидѣвъ лужу на полу, принялась вытирать сво-

имъ носовымъ платкомъ. Сконфуженная, и перепуганная, она готова была провалиться сквозь землю, а вертлявая Любашка какъ на зло хохотала надъ ней изподтишка.

Между тѣмъ Наталья Ивановна накинула себѣ на плечи свалившуюся кисейную косынку и пригласила Мавру Григорьевну въ залъ.

Залъ въ домѣ Отрубевыхъ находился въ срединѣ дома, какъ и во всѣхъ купеческихъ домахъ старинной постройки. Два огромныхъ зеркала, оба цѣльные, въ золоченыхъ рамахъ, занимали простѣнки между окнами; подъ зеркалами стояли чинно два ломберные столика подъ камчатными скатертями. У стѣнъ стояли стулья съ высокими выгнутыми спинками, обитые желтой шелковой матеріей. Возлѣ одной изъ боковыхъ стѣнъ, стоялъ огромный шкафъ съ чайной посудой саксонскаго фарфора; на противуположной сторонѣ другой съ серебромъ, задернутый зеленою тафтою. Полъ былъ паркетный.

На право, возлѣ двери, стоялъ высокій футляръ съ стѣнными часами. По стѣнамъ было развѣшено нѣсколько картинъ изъ священной исторіи старинной французской гравировки, въ золоченыхъ рамахъ. На потолкѣ, въ красноватыхъ облакахъ, былъ нарисованъ Юпитеръ во всемъ своемъ олимпійскомъ величіи; возлѣ него разрумяненная Юнона, облокотившаяся на своего павлина, съ самымъ радужнымъ хвостомъ. Орелъ, сидящій у ногъ Юпитера, приходился въ центрѣ потолка, и въ своемъ клювѣ держалъ большую люстру изъ граненаго хрусталя, спускавшуюся надъ большимъ круглымъ столомъ. На этотъ столъ иногда ставились закуски для гостей, которыхъ Петръ Васильичъ не хотѣлъ принимать въ своей парадной гостиной, бывшей по большей части затворенною. Теперь на этомъ столѣ кипѣлъ самоваръ. Въ открытыхъ окнахъ были опущены живописныя гардины, съ нарисованной на нихъ охотой; красноватый колоритъ ихъ чуть пропускалъ матовый свѣтъ въ комнату, и она казалась въ какомъ-то полу-мракѣ.

— Ну вотъ здѣсь по прохладнѣе.... фу! Наталья Ивановна сѣла къ столу. Садись сюда по ближе, Мавра Григорьевна! но взглянувъ на гостью, она увидѣла, что та

стояла въ дверяхъ, глядѣла на лоснящійся паркетъ, и никакъ не рѣшалась войдти.

— Чтожъ ты стоишь!.... Поди сюда, садись пожалуйста поближе!

— Помилуйте-съ, сударыня Наталья Ивановна, боюсь натоптать-съ.

— Вотъ пустяки! Ахъ какая ты право!

Мавра Григорьевна вошла и помѣстилась у дверей. Никакія убѣжденія хозяйки не могли ее заставить сѣсть къ столу; на всѣ уговариванья присѣсть бѣдная вдова только кланялась.

Хозяйка что-то пошептала, нырявшей около стола горничной; та вышла, и черезъ минуту воротилась съ маленькимъ подносомъ, на которомъ стояла рюмка съ красной жидкостью, и поднесла ее гостьѣ.

— Что это? Что это-съ, Наталья Ивановна, сударыня? лепетала, вскочивъ Мавра Григорьевна.

— Ничего, это вишневка, сладенькая.... Выпей, выпей, Мавра Григорьевна!

Мавра Григорьевна не смѣла долго отговариваться и выпила, хотя вовсе никогда не пивала; потомъ хотя и не ровными, но уже болѣе смѣлыми шагами, подошла къ столу за чашечкой; а потомъ какъ бы почувствовала маленькую бодрость, и рѣшилась заговорить:

— А что, сударыня Наталья-съ Ивановна, чай дорога эта матерья-то-съ, что у васъ стулики обиты? вѣдь атласъ-съ, проговорила она, водя рукою по подушкѣ сосѣдняго стула.

А право не знаю, вѣдь у насъ вся *мобель* изъ Питера выписана готовая; это старая, а въ гостиной поньче къ Рождеству выписали новую, отвѣчала хозяйка съ маленькимъ тщеславіемъ.

— Охъ, моя сударыня, ужь какъ хорошо-то у васъ! этакіе, подумаешь палаты-съ, Господи Боже мой!.... Это собачки-съ, какія прекрасныя, жаркія-съ.... Мавра Григорьевна говорила о собакахъ на гардинахъ, которыхъ солнечные лучи изъ коричневыхъ превратили въ оранжевыхъ. Потомъ она закинула свою крошечную голову и смотря на потолокъ

чуть не перекрестилась. Наталья Ивановна замѣтила это и улыбнулась.

— Это написанъ языческій богъ Юпитеръ съ женою, объясняла она.

— Какъ, сударыня, богъ Юпитеръ-съ?

— Да. Это Петръ Васильичъ сказывалъ давно было, когда люди не крещены были еще, такъ покланялися богу Юпитеру.

— Эко, сударыня-съ, какое имячко мудреное-съ....

Стѣнные часы пробили, и заиграли какую-то арію. Хотя одна дудка сильно хрипѣла и отставала отъ прочихъ, но Наталья Ивановна, постоянно слѣдившая за ихъ вѣрнымъ ходомъ, и не думала подозрѣвать этой продѣлки, да, кажется, и самъ Петръ Васильичь едва ли ее замѣчалъ. Что же касается до Мавры Григорьевны, то она была въ совершенномъ восторгѣ, даже слезы навернулись на ея глазахъ.

— Ужъ истинно райскія забавы-съ, Наталья Ивановна, сударыня-съ! промолвила она накрывая чашку.

Наталья Ивановна улыбнулась. Какъ ни ничтожна была ея гостья, но все таки видя возлѣ себя посторонняго человѣка, Отрубева невольно развеселилась.

— Тебѣ *ндравится* здѣсь; поди-ка, посмотри гостиную-то нашу, сказала вставая Наталья Ивановна, и отворила дверь въ гостиную. Мавра Григорьевна робко на цыпочкахъ побрела за хозяйкой.

Въ гостиной Отрубевыхъ зеленыя стѣны, расписанныя подъ штофную матерію, шелковые съ бахрамой занавѣсы у оконъ, и бархатная малиновая мебель, которую вчера выбивали и не надѣли еще чахловъ, поразили Мавру Григорьевну.

— Господи! этакой чертогъ! воскликнула она всплеснувъ руками; вѣдь это настоящій бархатъ венецейскій-съ! примолвила она, пощупавъ стулъ. Наталья Ивановна промолчала, улыбнувшись.

Четыре такихъ зеркала, какъ и въ залѣ, занимали четыре простѣнка. Двѣ узенькія софы, на кривыхъ ножкахъ, стояли возлѣ стѣнъ. Надъ одной софой висѣли большіе пор-

треты Кутузова и Барклая-де-Толли, надъ другой портреты хозяина съ хозяйкой; всѣ писанные масляными красками.

— Это вы сударыня-съ? Живые ей-Богу-съ, и косынка кинареечнаго цвѣта, и жемчугъ.... совсѣмъ живые-съ. Мавра Григорьевна подобострастно глядѣла на портреты, особенно на портретъ Петра Васильича, смотрѣвшаго гордо и слегка нахмурившаго брови. И наконецъ смотря на люстру, изъ большаго зеленаго куска хрусталя, въ видѣ вазы, увѣряла, что это чистѣйшій настоящій изумрудъ, и любовалась красавицей Венерой, страстно смотрѣвшей съ потолка, у которой золотая пуговка надъ разрѣзомъ воздушной туники была чрезвычайно натурально сдѣлана.

— Вы два царства царствуете, сударыня Наталья Ивановна-съ: на здѣшнемъ-то свѣтѣ увеселяетесь, да и на будущемъ себѣ мѣстечко изрядное приготовили-съ, говорила Мавра Григорьевна въ умиленіи, оставляя гостиную.

— Ну, Мавра Григорьевна, на томъ-то еще не извѣстно, проговорила вздохнувъ Наталья Ивановна.

— Что вы, матушка-съ! да для кого же и рай-то пресвѣтлый приготовленъ-съ, какъ не для милостивыхъ? А вы-съ.... Мавра Григорьевна сама удивлялась своей смѣлости.

— Въ рай ведетъ узкій путь, а мы грѣшные идемъ широкой дорогой, замѣтила хозяйка, вздохнувъ глубже прежняго.

— А добродѣтель-то ваша-съ, добродѣтель-то-съ! она всѣ грѣхи, сударыня, покроетъ.... Ну развѣ это не добродѣтель, что вы меня-то бѣдную сироту-съ какъ привѣтили-то-съ, не погнушались моей бѣдностью, посадили вы меня съ собой-съ, обласкали и чайкомъ напоили-съ, и не оставленье свое сиротѣ-то моей обѣщали-съ? Не оставь васъ, Господи, самихъ! Мавра Григорьевна утирала глаза.

Наталья Ивановна махнула рукой.

— Какія наши добродѣтели, сказала она! Но у самой на сердцѣ чувствовалось очень хорошо — отъ словъ-ли признательной женщины, или отъ сознанія, что она въ самомъ дѣлѣ поступаетъ хорошо — въ этомъ она не могла себѣ дать яснаго отчета.

— Вбѣжалъ младшій сынъ Отрубевыхъ, мальчикъ году по девятому, пухлый, круглолицый, съ русыми плотно выстриженными волосами, въ *платьицѣ*, (куртка пришитая къ панталонамъ) изъ полушелковой полосатой матеріи и въ кружевномъ воротничкѣ; онъ въ обѣихъ рукахъ несъ пуки душистой сирени. Нянька сзади его несла полный передникъ цвѣтовъ черемухи.

— Ѳединька! Ѳедоръ Петровичъ! Поцѣлуй у маменьки, сударь, ручку, сказала нянька.

Ѳединька поцѣловалъ у матери руку.

— Ну гдѣ ты, дружокъ, погулялъ? А?

— Въ саду.... Видишь, какіе хорошіе цвѣточки....

— Не изволишь-ли, душечка, чайку? говорила Наталья Ивановна, поцѣловавъ сына и гладя его по головѣ.

— Дай! отвѣчалъ Ѳединька, кладя цвѣты на столъ.

— Говори, Ѳединька: пожалуй, маменька, учила нянька.

— Скажи, душечка: позвольте маменька-съ, повторила сама мать.

— Позвольте маменька-съ, повторялъ за ними мальчикъ машинально.

— Здравствуйте, сударь, Ѳедоръ Петровичъ, отозвалась Мавра Григорьевна, низко кланяясь.

— Кланяйся, Ѳединька! Это Мавра Григорьевна троюродная сестра твоего папеньки, сказала Наталья Ивановна.

Ѳединька только поглядѣлъ на бѣдную родственницу; костюмъ и наружность ея видимо его озадачили.

— Пожалуйте ручку съ, Ѳедоръ Петровичъ?... пожалуйте ручку поцѣловать-съ? сказала Мавра Григорьевна.

— Ѳединька, дай ручку! молвила нянька.

Ѳединька протянулъ, не глядя, руку.

— Этакой умникъ! этакой красавецъ ненаглядный, сударь-съ! говорила Мавра Григорьевна: весь въ васъ, весь въ васъ, сударыня Наталья Ивановна, двѣ капли воды-съ вы.

— Напротивъ, онъ весь въ отца — носъ и глаза его, отвѣчала Наталья Ивановна, наливая сыну чаю, и поглядѣвъ на него пристально.

— Я *ни въ мать, ни въ отца, въ проѣзжаго молодца!* проговорилъ сынокъ, усаживаясь за чай.

— Что это ты, судырь Ѳедоръ Петровичъ?

— Помилуй, Ѳединька! Развѣ можно такъ говорить? воскликнули въ одинъ голосъ нянька и мать.

— Откудова, отъ кого ты научился такія рѣчи говорить? спросила съ досадой послѣдняя.

— Да Степка (сынъ кухарки) и всегда такъ говоритъ, когда Иванъ кучеръ его спрашиваетъ: Степка! на кого ты похожъ, на отца или на мать?

— Степка, душенька, рабскій сынъ, тебѣ съ нимъ равняться не слѣдъ, и говорить то, что̀ онъ, дуракъ, говоритъ, не должно. А ты нянька чего глядишь? Развѣ я тебѣ не говорила, чтобъ Ѳединькѣ разговаривать много съ рабами не давать! Видишь что онъ у нихъ перенимаетъ.

— Да какъ-же.... Помилуй, сударыня, перебила не церемонно старуха: положимъ, что Ѳединька и ваше дѣтище,— да все же онъ, сударыня, еще дитя младое, и все то одинъ однешенекъ. Посиди-ка и ты большой человѣкъ одинъ то, такъ одурь возьметъ. А онъ извѣстно ребенокъ и порѣзвиться хочетъ. Ну, а Степка мальчишка однихъ съ нимъ лѣтъ, ну и поиграютъ, въ лошадки побѣгаютъ.

— Въ лошадки пусть побѣгаютъ, а болтать съ ними много не должно давать.... Ну кабы Ѳединька сказалъ это при гостяхъ! А? вѣдь онъ бы голову снялъ! — молвила мать.

— Этакое важное дѣло!... ужъ такъ-бы ребенка и осудили! Вѣдь онъ по глупости.

— Я знаю, что ты спорить съ хозяйкой любишь и оправдываться тоже мастерица, сказала съ неудовольствіемъ Наталья Ивановна. А что діаконъ еще не бывалъ? Долго что-то сегодня нѣтъ его.

— Ужъ прости, сударыня, Христа-ради: приходилъ онъ, да я отказала; солгала матушка, что молъ сегодня Наталья Ивановна ученьемъ заниматься Ѳединькѣ не приказала.... Отвѣчала нянька.

— Это что еще такое значитъ! произнесла съ негодованіемъ Отрубева. Ты что это выдумала распоряжаться! мы будемъ стараться дѣтей учить, а ты мѣшаешь.... Нѣтъ ужъ, нѣтъ это изъ рукъ вонъ, я скажу Петру Васильичу.

Мавра Григорьевна сидѣла ни живая, ни мертвая, и со страхомъ взглядывала на раскраснѣвшееся лице хозяйки.

— Такъ чтожъ! Ну, и скажи, сударыня. Экая вина моя большая! Будто я матушка и не перенесу чего нибудь. за Ѳединьку-то перенесу, все перенесу, за него моего голубчика, дребезжала расходившаяся нянька.

— Ступай вонъ, старая грубіянка! вскрикнула Наталья Ивановна.

— Уйду, уйду, сударыня. Да и ты пойдемъ въ дѣтскую, судырь Ѳедоръ Петровичъ, говорила нянька, пятясь къ двери: а то опять маменька какую нибудь еще *фальшу* найдетъ...

— Хорошо, хорошо, убирайся!... А ты, Ѳединька, въ другой разъ, дружокъ, такъ не дѣлай, и глупой своей няньки не слушай; она, видишь, изъ ума выжила, говорила мать сыну: ты долженъ, душенька, помнить, что папенька желаетъ чтобъ ты учился....

— Ученье ваше — мученье да и только, въ чахотку вгоните ребенка. Ишъ онъ и такъ какой сердечной испитой: въ чемъ душа держится; только что весны матушка дождались, теплынь такая, всякая мушка отдохнула, только бы и гулять теперь дитяти, а вы.... Нянька уже стояла у порога и держалась за ручку замка, но не переставала пѣть свое.

— Слышишь Ѳединька! а не то, если маменьки ты не будешь слушать, то я скажу папенькѣ, и онъ тебя поставитъ въ уголъ, слышишь!

— Слышу! очень равнодушно отвѣчалъ сынъ, хладнокровно пившій чай, съ повязанною вокругъ шеи салфеткою, и очень хорошо знавшій, что его въ уголъ не поставятъ, а поставятъ въ назиданіе его Степку, на котораго ему прикажутъ казниться.

Въ эту минуту вышла изъ спальни нянька Ѳедора, женщина лѣтъ тридцати, полная и красивая, въ шелковомъ повойникѣ и цвѣтныхъ бусахъ на шеѣ; на рукахъ она держала, пухленькую съ прищуренными глазками дѣвочку, лѣтъ двухъ, въ розовомъ чепчикѣ и кисейномъ платьицѣ.

— Вотъ и мы къ маменькѣ пришли, сказала нянька,

пріятнымъ голосомъ: Анфиса Петровна, *барышня* моя ненаглядная, сдѣлайте маменькѣ-съ *ручки.*

Дитя приложило рученку къ губамъ, и смѣясь потянулось было къ матери, но какъ будто одумалось, отвернулось, и обняло няню.

— Фисочка, Фисочикъ! Чтожъ, мой ангелъ, нейдешь ко мнѣ! Поди, я сахарку дамъ, говорила Наталья Ивановна, держа въ рукахъ кусокъ сахара.

Дитя поглядывало на сахаръ, но крѣпко держалось за шею няньки.

— Ненаглядная моя *барышня*, Анфиса Петровна! голубочка моя, подите къ маменькѣ! Упрямиться не надобно. Скажите: здравствуйте маменька!

— Маменька! пролепетало дитя и протянуло матери руки; потомъ такъ быстро бросилось, что Наталья Ивановна едва удержала ее.

Ласкамъ и поцѣлуямъ конца не было. Мавра Григорьевна чуть не плакала отъ умиленія.

— Ангелъ, шептала она громко, сущій ангелъ!

Разцѣловавъ свою маленькую дочь, Наталья Ивановна приказала нянькѣ Ѳедорѣ идти съ ней въ дѣтскую.

— Любашка! снеси мои цвѣты въ дѣтскую! приказалъ Ѳединька, поблагодаривъ мать за чай, и отправился вслѣдъ за ушедшей нянькой.

— Постой! подари мнѣ дружечекъ, хоть одинъ букетикъ, сказала ласково мать.

— Возьми! отвѣчалъ сынъ.

— Ты скажи, душенька: извольте взять маменька-съ.

— Извольте взять маменька-съ, повторилъ Ѳедя машинально за матерью.

— Спасибо, дитя мое, поди, Господь съ тобою.

Наталья Ивановна стала нюхать букетъ, а Ѳедя съ горничной вышелъ.

— Этакой, сударыня, сыночикъ-то у васъ умница-съ! замѣтила Мавра Григорьевна, вставъ, чтобъ откланяться; вѣдь что ни скажетъ, точно рублемъ подаритъ-съ, точно лѣтъ пятнадцати-съ.

— Не знаю, что будетъ впередъ, а теперь, благодаря Бога,

такой *смирный*, отвѣчала самодовольно мать. Да куда-жъ ты торопишься, Мавра Григорьевна? Посиди!

— Премного благодарствую, сударыня-съ.... Ужъ такъ словно въ раю у васъ насидѣлась.... Прежде знаете я у вашей милости хоша и бывала, то въ дѣтской, то въ спальнѣ посидишь, а ужъ сегодня накрасовалась я, моя матушка....

Дверь тихонько отворилась, и вошла женщина въ какомъ-то черномъ *шугаѣ*, подпоясанная ремнемъ, и покрытая чернымъ драдедамовымъ платкомъ.

Положивъ три поклона передъ образомъ, она произнесла на распѣвъ гнусливымъ голосомъ.

— Миръ дому сему — и господину и госпожѣ дома сего; миръ и милость Божія во вѣки. Аминь.

— Милости просимъ, Марья Степановна! Садись-ка, садись! Хозяйка привѣтливо поцѣловалась съ гостьей и посадила ее возлѣ себя.

— Грѣшная раба Божія Мамельфа, отвѣчала пришедшая также на распѣвъ: ужъ такъ-то мнѣ опротивѣлъ сей міръ прелестный и лукавый, что даже имя-то свое мірское я готова совсѣмъ забыть и зараньше нарекла себя Мамельфою; и если Господь приведетъ дойдти мнѣ до святаго и славнаго града Кіева, то не медленно, по пришествіи своемъ, буду просить постриженія.

— Я думаю прежде надобно выдержать искусъ, Марья Степановна, въ какомъ нибудь монастырѣ?

— Грѣшная раба Божія — сестра Мамельфа. Прошу тебя называй ты меня, моя добрая, этимъ возлюбленнымъ именемъ.

— И такъ, сестра Мамельфа, я думаю, монастырскій искусъ долженъ продолжаться сколько нибудь.

— Искусъ, ты говоришь? О, возлюбленная! я уже искусилась; двадцать лѣтъ странствую я изъ монастыря въ монастырь; во многихъ изъ нихъ проживала я годичное, и даже двухъ-годичное время, и уставу монастырскому навыкла совершенно.... О Господи! не вмѣни сіе въ тщеславіе! Будущая Мамельфа подняла свое длинное узкое лицо къ верху, но въ ея тусклыхъ и безцвѣтныхъ глазахъ, увы! не выразилось ни вѣры, ни надежды, ни любви, ни внутрен-

ней энергіи, ни даже смиренія; это была статуя, говорящая скрытымъ механизмомъ. Даже мысли не слышалось въ ея монотонномъ голосѣ.

— Можно чайку? спросила хозяйка.

— Если не въ трудъ твоему великодушію, то не откажусь, во славу Божію: *духъ бо бодръ, плоть же немощна*....

— Любашка! вели подогрѣть самоваръ, молвила Наталья Ивановна входившей горничной. И самоваръ исчезъ со стола.

— А это кто у тебя, моя возлюбленная? Ужъ вѣрно бѣдная или сирая, которыхъ ты мать? спросила Марья Степановна у хозяйки, показывая на Мавру Григорьевну.

— Это наша сродственница.... Вотъ она заботится бѣдная какъ-бы дочку сироту пристроить: говорю молъ, за сиротами Богъ....

— Да, конечно за сиротами Онъ Творецъ премилосердый; но какъ же ты говоришь, пристроить?. .

— Да просто замужъ выдать.

— А! Что ты это хочешь дѣлать, жена убогая! Сочетаваеши свою дщерь міру лукавому и прелестному. Да знаешь-ли, чего ты ее лишаешь, какой мзды, если-бы, она въ дѣвахъ осталась!

Мавра Григорьевна робко поглядѣла на будущую монахиню и сказала:

— Матушка! Вѣдь мы люди бѣдные, въ монастырь безъ денегъ не примутъ.

— Все деньги-то у васъ на умѣ.... богатство погибельное и тлѣнное. Вотъ я развѣ богата? А развѣ христолюбцы не питаютъ меня пищей манною? И я во младыхъ лѣтахъ оставила домъ родительскій, бѣжала удобства и покою привременнаго, дабы обрѣсти покой вѣчный, и вотъ скитаюсь, летаю аки вольная птица.

— Однако-же, сестра Мамельфа, вѣдь священное писаніе не осуждаетъ сочетающихся законнымъ бракомъ? вѣдь не у всякой же молодой дѣвицы достанетъ терпѣнія и силъ совершать такія странствія, какія ты совершаешь, говорила Наталья Ивановна, поддѣлываясь невольно подъ языкъ будущей монахини. А и въ монастырѣ-то тоже всякія боренія

предстоятъ, много хорошо начинающихъ, и мало хорошо кончающихъ; другіе увлекутся минутнымъ желаніемъ, а послѣ и раскаяваются, не находя въ себѣ довольно твердости, совершить трудный путь. Отчего на примѣръ, и ты сама до сей поры не осталась на постоянное жительство ни въ одномъ монастырѣ?

— Конечно, много званныхъ, а мало избранныхъ, проговорила странница, опять поднявъ глаза къ верху: но я, моя возлюбленная.... чувствую въ себѣ къ тому особенное призваніе. А что я до-сихъ-поръ не основала еще своего постояннаго жительства, такъ это оттого, что врагъ рода человѣческаго возставалъ на меня: въ иномъ монастырѣ, сестры, видя мои подвиги, озлоблялись на меня, и гнали по наущенію дьявольскому, въ другомъ я сама, видя, что предпочитаютъ мнѣ слабѣйшихъ и неискусныхъ послушницъ, отходила отъ соблазна.... А все это строитъ ненавистникъ нашего спасенія.... Какъ я у тебя была прошлый разъ, моя возлюбленная, ты объявила свое желаніе, идти въ святый градъ Кіевъ, теперь настало время благопріятно.... договорила она, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Что дѣлать, матушка! желаніе-то мое, да воля-то не моя; давно я обѣщалась въ Кіевъ, еще въ первый годъ замужества, тогда у меня мужъ хворалъ, при-смерти былѣ.... ну я и дала обѣщаніе въ Кіевъ, а теперь прошусь, такъ онъ говоритъ: какъ ты пойдешь? да гдѣ тебѣ пѣшкомъ! да какъ дѣтей и домъ оставишь! Погоди, говоритъ, вмѣстѣ, Богъ-дастъ съѣздимъ.... Вотъ и толкуй съ нимъ.... а обѣщаніе-то мое на душѣ лежитъ, не знаю, какъ Богъ устроитъ отвѣчала Наталья Ивановна.

— Вотъ она, вотъ замужняя-то жизнь! А я-то, я! какъ птица небесная.... никто меня не одерживаетъ: сегодня здѣсь, а завтра тамъ.... Ну, такъ чтожъ ты намѣрена дѣлать?

— Что дѣлать! Я говорю, что воля не моя, вѣрно еще подождать надо.

— Не должно поддаваться врагу рода человѣческаго.... вѣдь это все дѣлается по его наущенію. А знаешь-ли, какъ прежде святыя жены мужей оставляли....

— Любовь къ Богу великую имѣли.... сказала Наталья Ивановна, помолчавъ. По правдѣ сказать, и отпустилъ-бы

меня мой мужъ въ Кіевъ, если-бы мнѣ настоять на томъ; но ужъ это моя собственная слабость, что не люблю ссоры съ нимъ заводить; да и Богъ знаетъ будетъ-ли польза, отъ моего богомолья, когда мужъ гнѣваться да роптать станетъ? а я разстроюсь, буду тосковать. Хорошо молиться въ спокойномъ духѣ....

— Правда твоя; такъ что жъ Богъ и укрѣпитъ духъ, когда ты оставишь всѣ мірскія заботы...

— Нѣтъ, не могу я не заботиться о дѣтяхъ; что дѣлать, слаба, промолвила со вздохомъ Отрубева.

— А какъ-бы мы съ тобой славно постранствовали, возлюбленная!.. ты бы наняла лошадокъ до Москвы, — а тамъ, пріявъ посохи, пошли бы мы по разнымъ монастырямъ; вездѣ бы я тебя выводила. Сколько мнѣ знакомыхъ игуменій, сколько честныхъ духовныхъ старцевъ, и ты, слушая ихъ, узнала бы совершенную тщету міра сего...

— Я прямо, безъ доклада... Здравствуйте мой свѣтъ, Наталья Ивановна... Здорово ли поживаете? воскликнула, входя въ комнату, съ большимъ узломъ въ рукахъ, высокая старуха, въ синемъ камлотовомъ капотѣ, накрытая шалевымъ платкомъ.

То была Авдотья Петровна, торговка по ремеслу, извѣстная почти каждому въ Привольскѣ; она принимала на коммиссію для продажи разнаго рода вещи: старое платье, и даже вышедшія изъ моды, шляпки привольскихъ щеголихъ. Вхожая во всѣ дома, она отлично знала всю подноготную жителей Богомъ хранимаго града Привольска. Хотя заочно и звали ее вѣстовщицей и старой колотовкой, но всегда были ради ея приходу, потому что надѣялись услышать отъ нея какую нибудь новость, которая у ней всегда была въ запасѣ.

— Здорово, Авдотья Петровна!.. ты съ торгами не бось? молвила ласково хозяйка:

— Съ торгами-то съ торгами, да только эвтотъ не для васъ, моя дорогая...

— Отчего же?

— Да тутъ у меня старое тафтяное одѣяло, рублей въ пятнадцать, да наволочки кисейныя, такъ бы какой небогатой невѣстѣ.

— Такъ что жъ! у меня можетъ и невѣста есть; оставь у меня узелъ, и приди завтра, сказала Наталья Ивановна; а теперь садись, напейся чайку, да потолкуй... Невѣста-то у меня хороша... (у Мавры Григорьевны, сидѣвшей до сей поры молча и слушавшей разговоръ хозяйки со странницею, ёкнуло сердечко) да, невѣста-то славная дѣвушка, рукодѣльная... продолжала Наталья Ивановна. Нѣтъ ли у тебя, Авдотья Петровна, женишка?

— Вотъ ужь эвтимъ-то ремесломъ не занимаюсь я, сударыни мои; отвѣчала торговка, усаживаясь, вотъ моя хозяйка, такъ пожалуй, она недавно стянула одну свадбенку. Лихая сваха, божится, лобъ трещитъ, а на каждомъ словѣ лжетъ... А ты какъ поживаешь, Мавра Григорьевна? спросила Авдотья Петровна у вдовы.

— Слава Богу, матушка Авдотья Петровна.

— Слава Богу!... А я собираюсь къ вамъ — одна барыня воротничекъ кружевной заказываетъ, такъ ужъ я къ твоей дочкѣ... ну а ты какъ сюда попала, Марья Степановна? Давно ли въ нашихъ Палестинахъ? говорила торговка, живо повернувшись къ страницѣ, и устремивъ на нее свои каріе проницательные глаза.

— Какая Марья Степановна! раба Божія Мамельфа, отвѣчала та по обыкновенію своему на распѣвъ.

— Кто? Мамельфа?.. Развѣ ты ужь постриглась?

— Нѣтъ еще, Господь не сподобилъ, однако я желала бы, чтобъ меня назвали именемъ, которымъ я назовусь въ постриженіи; такъ я возненавидѣла сей міръ прелестный, что даже желала бы забыть свое мірское имя.

— Господи помилуй насъ! я думала, что грѣшно презирать имя, данное при святомъ крещеніи; оно невиновато, что мы грѣшные. Ну я думала, что ты давно гдѣ нибудь въ монастырѣ мать... мать... ну просто Марья Степановна... Здравствуетъ ли твой братецъ?

— Мы всѣ о Христѣ братія, я незнаю о комъ ты спрашиваешь, сказала съ досадой странница?

— О комъ? извѣстно объ отцѣ Васильѣ, священникѣ села Успенскаго.

— Развѣ ты знаешь сестру Мамельфу? спросила Наталья Ивановна.

— Еще бы! вѣдь она дочь отца Стефана, священника села Успенскаго, — старичекъ умеръ, а теперь ея братецъ, отецъ Василій священникомъ. Я и матушку-то ея знала; мы бывало рѣдкій годъ прежде не ходили въ Успенское на праздникъ... И отецъ-то Василій хорошій человѣкъ... что онъ здоровъ ли? спросила опять торговка у будущей монахини.

— Весь погруженъ въ суеты мірскія, отвѣчала послѣдняя съ досадой.

Горничная явилась съ самоваромъ.

— А вѣдь сестра Мамельфа всегда говоритъ, что она издалека, сказала хозяйка, наливая чай.

— Забывъ все земное, мы должны думать о небесномъ отечествѣ, проговорила странница, принимаясь за чашку.

— Петръ Васильичъ пріѣхалъ! сказала горничная, выглянувъ въ дверь, и вскорѣ дверь широко распахнулась, и хозяинъ окинувъ всѣхъ строгимъ взглядомъ, быстро прошелъ черезъ залу въ спальню, нахмуривъ брови, только слегка кивнувъ головой на поклонъ Авдотьи Петровны.

II.

Наталья Ивановна тревожно посмотрѣла на затворившуюся громко за своимъ супругомъ дверь, но осталась на мѣстѣ; Авдотья Петровна видимо торопилась допить чашку; странница-же совершенно равнодушно наливала какъ можно поболѣе сливокъ, желая, во-что-бы ни стало, поймать жирную пѣнку, которая то и знай скрывалась подъ отливъ серебрянаго молочника. Одна только Мавра Григорьевна страшно оробѣла; кой-какъ пролепетала хозяйкѣ благодарность за угощеніе и неоставленіе, откланялась всѣмъ и поспѣшила уйти.

— Смотри же, Мавра Григорьевна, сдѣлай то, что я тебѣ говорила!.. ты у меня не погуби Дашу... не погуби, говорила ей въ слѣдъ въ полголоса хозяйка.

— Очинно хорошо, сударыня-съ, очинно хорошо-съ!.. твердила бѣдная родственница, кланяясь въ дверяхъ.

— А вы ничего не слыхали про Катерину Васильевну, сударыня моя Наталья Ивановна? спросила почти шопотомъ Авдотья Петровна, которая тоже торопилась уйдти, но, непремѣнно желала сообщить ей извѣстную свѣженькую новость.

— Нѣтъ, ничего не знаю... а что такое?

— Да, я была у нея давича; теперь гоститъ у нихъ какой-то странникъ, Иванъ Павлычъ, и съ сестрой Марьей Павловной.

— Много есть на свѣтѣ людей Божьихъ, проговорила какъ-бы сама съ собою странница.

— Ну что-жъ они? спросила съ любопытствомъ хозяйка.

— Ничего. Иванъ-то Павлычъ, такой мужчина еще не старый, изъ себя худощавый, ходитъ босой и посохъ носитъ, моя красавица, желѣзный, претяжелѣющій. Про его Катерина Васильевна сказывала, что будущее узнаетъ!

— А ты его ни о чемъ не спрашивала? спросила живо заинтересованная Отрубева.

— О чемъ мнѣ съ нимъ толковать?.. будущее-то мое мнѣ извѣстно; замужъ не пойду, богатства не наживу: коль потружусь, похожу съ узломъ-то, такъ и на кусокъ добуду, а залѣнюсь, да дома просижу, ну такъ и голодная пробуду... Охъ-ма! матушка Наталья Ивановна! а тамъ Богъ по душу сошлетъ... такъ о чемъ мнѣ спрашивать-то? Отвѣчала Авдотья Петровна.

— По-крайней мѣрѣ, онъ можетъ скажетъ: долго-ли проживешь, сказала хозяйка.

— Все равно матушка. Правда, умереть не хочется; а и старости-то боюсь, хворой да одинокой... Охъ тяжело безродной!.. за мужъ не вышла...

— Благую часть избрала, замѣтила странница: христолюбцы пропитаютъ.

— Хорошо это тому говорить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ, и кто привыкъ безсовѣстно надѣяться безъ труда на чужой хлѣбъ, почти сердито молвила старая торговка.

— Ну, а сестра-то Ивана Павлыча? спросила Наталья Ивановна.

— Охъ... сударыня вы моя — вотъ ужъ она-то мнѣ и *непондравилась!*

— Отчего-же?

— Да такъ; глаза у ней такіе скоромные, даромъ что вся въ черномъ, однако еще молода. И Авдотья Петровна стала прощаться.

— Оставь же узелъ-то свой, а завтра побывай, побывай Авдотья Петровна, безпремѣнно. Мнѣ нужно съ тобою потолковать, говорила Наталья Ивановна.

— Любашка! убирай самоваръ! да спроси Петра Васильевича, не прикажетъ ли онъ для себя его поставить, приказала хозяйка вставая.

Любашка съ самоваромъ ушла; осталась Наталья Ивановна вдвоемъ со странницей.

— Возлюбленная моя! воскликнула послѣдняя: я къ тебѣ съ моей нужной просьбою, духъ-бо бодръ, плоть же не мощна, иду я грѣшная въ дальній путь, ряска моя ветха, есть другая, та на ватѣ, въ пути тяжела: сотвори любовь, одѣнь мое грѣшное тѣло; нѣтъ ли у тебя камлоту или чего-нибудь шелковаго по легче? коленкоръ али нанка скоро полиняютъ.

— Хорошо; я поищу. Зайди въ другое время!

— Иду въ дальній путь. Можетъ одолѣть немощь тѣлесная, тогда горекъ будетъ хлѣбъ съ пепломъ, захочется промочить запекшія уста, напримѣръ, чайкомъ, пожалуй ты мнѣ, хотя малое утѣшеніе; Господь тебя вознаградитъ большимъ...

— Чего же ты желаешь?

— Кабы рубликовъ пятьдесятъ на дорогу, — я бы и тѣмъ довольна была.

— Ну, пятьдесятъ не... знаю... а что могу. Ты приди въ другой разъ, Марья Степановна, сказала вставая хозяйка.

— Сестра Мамельфа, повторила странница, тоже вставая.

Простясь съ хозяйкой, странница остановилась у лѣстницы, придумывая, чтобы еще попросить, какъ выбѣжавшая изъ спальни горничная чуть было ее не сбила съ ногъ.

— Ну чего еще тутъ стоять-то! нечего стоять, надо и честь знать... пора и во-свояси, говорила она грубо. — Ходите, да обираете только хозяйку. Ханжи этакія. Ишь вамъ далась! кабы я была Петромъ Васильичемъ, такъ пугнула-бы васъ такъ, что и не заглянули бы! ишь святоша! міръ лукавый, міръ прелестный, а за деньгами первые руку протянете. Отъ міра отрѣклись, такъ нечего въ него и заглядывать.

— Возлюбленная... самъ діаволъ говоритъ твоими устами... начала было странница, но толкнутая будто ненарочно озлобленной дѣвкой, хотя невольно, но скоро сбѣжала съ лѣстницы, говоря въ полголоса, уже не такіе напыщенные но довольно общепонятные эпитеты.

— Хорошо, хорошо! убирайся, покуда хозяинъ не вышелъ, кричала ей вслѣдъ горничная: а то еще и не такъ заговоришь!

— Рабыня вельзевулова, да спадетъ огонь на твою грѣшную главу, да пожретъ тебя глубина морская... злая раба доброй госпожи! выйдя на улицу выражалась озлобленно Марья Степановна, и съ угрожающимъ видомъ подняла руку.

Но обратимся къ хозяину дома, повидимому сердито прошедшему чрезъ залу въ спальню и довольно громко хлопнувшему дверью.

Петръ Васильевичъ Отрубевъ, былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, средняго роста, съ густыми кудреватыми волосами, красивой окладистой бородой и смѣлаго гордаго вида. Сознавая свое нравственное превосходство надъ многими, онъ этого нисколько не таилъ; лицемѣрія не любилъ и имѣя ясный взглядъ на вещи, смѣло осмѣивалъ многое. На деньги смотрѣлъ, какъ на средство жить хорошо, и привыкъ всегда казаться богаче, чѣмъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ.

За нѣсколько надменное обращеніе называли Отрубева гордецомъ. Судя по этому бѣглому очерку его характера, очень понятно, почему онъ взбѣсился, заставъ свою супругу въ такой *мизерной* компаніи. Вошедъ въ спальню, онъ смѣнилъ свой коричневой сюртукъ на шелковый съ красными полосками халатъ и, развязавъ галстухъ, принялся быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

Порой останавливался противъ дверей, слушалъ разговоръ супруги въ залѣ, покачивалъ головой, взмахивалъ руками и опять принимался ходить. Наконецъ онъ сказалъ громко, услышавъ, что гости жены разошлись:

— Наталья Ивановна! пожалуй сюда!

— Сейчасъ! иду, иду, Петръ Васильичъ! отвѣтила Наталья Ивановна, и немедленно явилась передъ супругомъ.

— А-ахъ! молвилъ онъ съ упрекомъ, покачавъ головой.

— Что такое, батюшка Петръ Васильичъ?

— А-ахъ сударыня! повторилъ Петръ Васильичъ: — подумай-ка хорошенько, пристало ли тебѣ такую компанію водить? Подумай, кто ты такова, и кто твои гости? Вѣчно нищими, да ханжами себя окружаешь! гдѣ бы за хозяйствомъ за дѣтьми смотрѣть, гдѣ бы въ чемъ мужу посовѣтовать, а ты, срамъ!.. Петръ Васильичъ плюнулъ.

Наталья Ивановна заплакала отъ незаслуженнаго упрека.

— Что жъ, я у тебя *мотушка* что ли какая? заговорила она: у меня ли худо хозяйство идетъ! я ли экономіи не знаю! у меня ли дѣти заброшены! одумайся, мой другъ, за что, ты меня обижаешь?

Петръ Васильичъ опомнился; ему жаль стало жены.

— Да подумай ты, сказалъ онъ мягче: — Мавра напримѣръ у тебя въ гостяхъ. Еще ханжа какая-то, или разстрига, торговка. И ты сидишь съ ними, перебиваешь, угощаешь ихъ, Наталья Ивановна *Отрубева!* Да когда ты сама себя забываешь, такъ хоша бы помнила кто у тебя мужъ-то!

— Полно, мой другъ, Петръ Васильичъ! сказано: *Гордымъ Богъ противится...* проговорила супруга, утирая слезы; Мавра, что жъ такое Мавра? Она бѣдная женщина, а все-таки твоя сродница; пришла она по сиротству попросить дочь выдавать хочетъ...

— Дай ей столько, сколько твое желаніе есть... развѣ я тебѣ запрещаю.... чай трянья-то у тебя есть и переесть, перебилъ мужъ: — а ужь *компаниться* съ нею, распивать съ *нею* въ залѣ чай — нѣтъ Наташенька! воля твоя, а мнѣ не нравится...

— Другъ мой, Петръ Васильичъ, а по моему я думаю

такъ, что иной разъ бѣдному привѣтъ и ласки, въ тысячу разъ дороже милостыни; я думаю, теперь Мавра больше будетъ говорить о томъ, что сидѣла со мною, и я своими руками наливала ей чаю, — чѣмъ если бы я дала ей двадцать пять рублей... право такъ!

— Ты тоже имѣешь самолюбіе, только на другой манеръ, сказалъ какъ-будто самъ себѣ Отрубевъ.

Наталья Ивановна усмѣхнулась.

— А что я пригласила бездомную странницу выпить чашку чаю, то вина не велика; постороннихъ никого не было. Торговка же Авдотья Петровна, по своему ремеслу, и въ генеральскіе домы вхожа, а не только въ нашъ. По моему мой другъ, надобно всегда чувствовать, что, то, что̀ сегодня имѣемъ, Богъ властенъ завтра отнять, и я могу сдѣлаться также бѣдна, какъ бѣдна Мавра...

Петръ Васильичь на слова жены отвѣтилъ глубокимъ вздохомъ. Наталья Ивановна тоже вздохнула и замолчала, присѣвъ къ окну.

Петръ Васильичъ все ходилъ по комнатѣ и хмурилъ брови; по временамъ онъ вздыхалъ.

— Что жъ, мой другъ, такой ты не веселый? здоровъ ли ты? спросила ласково супруга, когда онъ сѣлъ къ столу и облокотился задумчиво на руки.

— Ничего, отвѣчалъ онъ.

— Ужь не случилось ли чего нибудь? спросила все болѣе и болѣе тревожная Наталья Ивановна: — гдѣ Пашенька?

— Пашенька ничего, остался въ лавкѣ.

— Что жь, развѣ что съ судномъ сдѣлалось?

— Судно идетъ; отъ брата Петра письмо получилъ.

— Такъ что жь такое, Петръ Васильичъ? Ужь вѣрно, что нибудь не просто? Скажи, не мучь ты меня, ради Бога, добивалась неотступно Наталья Ивановна.

Долго молчалъ Отрубевъ, наконецъ сказалъ:

— Много будешь знать, скоро состарѣшься, и такъ ужь морщинки появляются... кажется въ прихожую самоваръ подали, такъ сдѣлай-ко мнѣ пуншикъ.

Наталья Ивановна грустно вздохнула; она очень хорошо

знала, что Петръ Васильичъ, тогда только выпивалъ пуншикъ, когда былъ разстроенъ или сильно огорченъ; но она уже болѣе не смѣла докучать своими вопросами.

Петръ Васильичъ выпилъ свой стаканъ чаю съ ромомъ, молча надѣлъ на себя свой домашній картузъ изъ зеленаго сафьяна съ большимъ козырькомъ, взялъ съ собой листокъ Сѣверной Пчелы, которую выписывалъ, и отправился въ садъ.

— Что нибудь да не просто, думала Наталья Ивановна по уходѣ мужа, и съ нетерпѣніемъ дожидалась изъ лавки своего старшаго сына. Наконецъ подъ окнами раздался топотъ воронаго рысака и стукъ бѣговыхъ дрожекъ. Лошадью правилъ самъ Павелъ Петровичъ; сзади его сидѣлъ кучеръ.

Чрезъ минуту сынъ вошелъ въ спальню матери. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, обыкновеннаго роста, русый и круглолицый, очень похожій на мать, съ робкими манерами; тихій отъ природы, но безпрестанно принуждающій себя *бойчиться.* Онъ былъ одѣтъ чисто и щеголевато, гороховый лѣтній сюртучекъ, сшитый первымъ Привольскимъ портнымъ, сидѣлъ на немъ не дурно; бѣлый пике, съ голубой каймой и съ золотыми пуговками жилетъ, батистовая вышивная манишка и ловко повязанный галстухъ говорили, что сынъ Натальи Ивановны привыкъ съ дѣтства къ порядочному костюму. Онъ вѣжливо подошелъ къ рукѣ матери и стоялъ, покуда она велѣла ему сѣсть.

— Пашенька! ты курилъ табакъ? А? сказала она посмотрѣвъ пристально на сына.

— Помилуйте маменька-съ... съ чего вы изволили взять!.. А! вы услышали, что табакомъ отъ меня пахнетъ. Нѣтъ-съ, это Петруша Шестуновъ сидѣлъ возлѣ меня и курилъ,— ей-Богу-съ.

— Не божись напрасно, сказала мать. — Ты солгалъ, да и покраснѣлъ сейчасъ, я будто не вижу. Богъ съ тобой, мой другъ! ты моихъ наказовъ не слушаешься... Вредно Пашенька съ такихъ лѣтъ курить-то, еще молодъ,; ну, долго ли, долго ли до грѣха, чахотку получить... а!

Павелъ Петровичъ дѣйствительно покраснѣлъ, потому что

лгалъ, и, обличенный матерью, сидѣлъ потупившись, не смѣя на нее взглянуть.

— Гдѣ жъ папенька-съ? спросилъ онъ чрезъ минуту.

— Папенька въ саду.

— Позвольте и мнѣ туда-съ?

— Погоди, посиди со мною: я хочу съ тобой поговорить, спросить кой-о-чемъ. Только смотри Паша, не лги, какъ теперь солгалъ .. Смотри, грѣшно мать обманывать!

— Помилуйте, маменька-съ!

— Ну, такъ вотъ что, — что это сегодня папенька очень не веселъ. Здоровъ ли онъ?

— Я не знаю-съ, кажется ничего-съ, по крайней мѣрѣ они ничего не жаловались, отвѣчалъ сынъ.

— Послушай, мой дружокъ, ну, что, какъ судно?..

— Да ничего, судно идетъ-съ, — все слава Богу-съ. Отъ Петра Иваныча сегодня письмо получили-съ.

— Дѣла-то, дѣла-то какъ?

— Какія дѣла, маменька-съ?

— Торговыя-то дѣла какъ, Пашенька? Вѣдь папенька-то ничего со мною не говоритъ...

— За чѣмъ же про нихъ и говорить съ вами, — вы женщины-съ.

— Господи Боже мой! ужь что я женщина, такъ будто и смыслу у меня ни какова нѣтъ. Это только вѣдь въ нашемъ глупомъ Привольскѣ мужъ жену считаетъ точно, прости Богъ, за болвана; ничего она не знаетъ какъ идутъ мужнины дѣла; словно дитя безсмысленное, только проситъ нарядовъ... Ну мужъ, который любитъ жену, и рядитъ какъ куклу, изъ послѣдняго тянется... какъ дуру-бабу не потѣшитъ, особенно старикъ — молодую; и лошади, и пиры и все, чего жена хочетъ... а кабы жена-то иная знала мужнины дѣла, такъ и не попросила бы лишняго, да и дѣтей-то къ бережливости бы пріучила. Вонъ поскажетъ Александра Ивановна, у нихъ въ Шуѣ, такія продувныя бабы, что чудо! другая сама фабрикой управляетъ, получше инаго мужчины... А у отцовъ, незамужнія дочери, часто вмѣсто приказчика счеты ведутъ, отчего? оттого что съ-измала къ тому пріучаютъ; не таятся отъ женщинъ въ своихъ дѣлахъ...

А я, напримѣръ, двадцать лѣтъ за мужемъ живу, не знаю сколько у мужа капиталу, сверхъ объявленнаго по второй гильдіи, али и объявленный-то, свой или чужой, — и то мнѣ неизвѣстно!

— Ваше дѣло женское, маменька-съ, къ чему вамъ и знать-то-съ!

— Правда, мой другъ, въ Привольскѣ мужчины и всѣ такъ говорятъ. А умретъ иной купецъ, останется жена съ малыми дѣтками, и завоетъ обоймя голову... не знаетъ за что приняться; торговля брошена, опекуны чужіе иной разъ и тащатъ, она ничего не понимаетъ, ни счетовъ, ни отчетовъ; а если пустится въ торговлю, и тутъ горе-горькое, любой приказчикъ-разбойникъ ограбитъ... Вотъ что Пашенька...

Сынъ невольно разсмѣялся.

— Есть правда у насъ и такія, что надъ иногородными дѣловыми женщинами смѣются, — мужиками ихъ называютъ... А право они счастливѣе насъ, небойсь нигдѣ не пропадутъ... А все-таки, мой другъ, я желала бы знать, отчего папенька такой грустный? Что нибудь да не просто.

— Да что вамъ сказывать-то-съ, отвѣчалъ сынъ потупясь; — ужь если папенька ничего не говорили вамъ-съ, такъ стало быть такъ и должно-съ.

— Богъ съ тобою, Паша! Стало и ты свою мать считаешь такою глупою?

— Помилуйте, маменька! не то, не то-съ. Ужь коли вамъ такъ желательно-съ... вы помните-съ... что зимою Петръ Иванычъ на Моршѣ хлѣбъ закупалъ по дорогой цѣнѣ?...

— Помню, другъ мой, папенька проговаривалъ.

— Ну, а теперь цѣны на хлѣбъ упали-съ, и на низу, и здѣсь, да и почти повсемѣстно-съ. Папенька говорятъ, что не стоитъ и приставать здѣсь судну... что лучше идти ему до Рыбинска; а тамъ, перегрузивъ, въ Петербургъ отправить. Ужь папенька послали нарочнаго, къ Петру Иванычу, чтобъ пріѣхалъ, оставивъ судно, и съ нимъ хотятъ посовѣтоваться-съ; они полагаютъ, что судно теперь должно быть повыше Нижняго-съ. Такъ можетъ объ эвтомъ папенька и грустятъ-съ.

— Господи помилуй! Такъ объ чемъ же тутъ грустить?

На все воля Божія; авось Богъ дастъ, и въ Питерѣ продадутъ хлѣбъ съ пользою... мало ли люди и въ Питеръ отправляютъ?

— Оно такъ-съ, маменька... заговорилъ опять сынъ, глядя на кончики своихъ сапоговъ; но вѣдь... до Питера путина дальная-съ, а здѣсь бы все сподручнѣе-съ, на своихъ глазахъ... Притомъ же теперь и денегъ просятъ... Сроки подходятъ-съ...

— Кто денегъ проситъ? Какіе сроки? Что ты, Паша, сказалъ? спрашивала торопливо Наталья Ивановна, слегка поблѣднѣвъ.

— Деньги, которыя... которыя заняли... Да послушайте, маменька... вы сдѣлайте милость не скажите папенькѣ, вы знаете, они не любятъ...

— Что ты! что ты, мой другъ! Успокойся!

— Когда отъ насъ ходила разшива, продолжалъ молодой Отрубевъ тогда обходились безъ займа... ну-съ, а нынѣшній годъ папенька вздумали мокшанъ пустить. Капиталъ былъ ограниченный-съ, безъ займа не обошлось... у Чернухина заняли... принесло его съ деньгами, наваливаетъ. Вы знаете, маменька, Чернухина-съ?

— А я-то, глупая, радовалась, что нынче у насъ мокшанъ! Ахъ ты, Господи Боже мой! — сказала Наталья Ивановна, поблѣднѣвъ, какъ бѣлый платокъ. Ахъ-ти! Ахъ-ти!.... Ну что-же, Пашенька, Чернухинъ?... Что-то ты про него сказалъ?

— Я спросилъ: не знаете-ли вы его.

— Слыхала; только не знаю, кто онъ такой?

— Старичишко-приказный, ужъ такой ростовщикъ — жидъ-жидомъ! — всегда носитъ подъ мышкой мѣшокъ съ деньгами, заходитъ къ знакомымъ въ лавки, спрашиваетъ: неугодно-ли-дескать товарцу... Вотъ какъ теперь помню-съ: зашелъ онъ къ намъ, уговорилъ папеньку, навалилъ денегъ, однако за большіе проценты-съ. Но передъ-тѣмъ незадолго Петръ Иванычъ писалъ съ Моршп, докладывалъ папенькѣ, что хлѣбъ на низу повсемѣстно дорожаетъ, и что надобно ожидать къ будущей зимѣ еще выше цѣны поднимутся, потому-дескать, что осенью озими всѣ померзли; снѣгъ долго

не выпадалъ. Ну, папенька и разсудили-съ, что отъб ольшой закупки можно побольше пользы пріобрѣсть, и послали Петру Иванычу денегъ для большой закупки... Потомъ еще кой у кого занимали въ сроки, и послали ему... Вдругъ теперь пишутъ, — что на низу взошли хлѣба озимные и яровые отличные, и около Приволжска тоже... да говорятъ, — повсемѣстно хороши — и цѣны на хлѣбъ вдругъ упали... Можетъ объ этомъ папенька и грустятъ; они не такъ разсчитывали...»

— Не даромъ мнѣ все грустно; сердце вѣщунъ, — сказала какъ будто сама съ собою мать; но потомъ какъ будто одумавшись продолжала: — чтожъ дѣлать! Надобно на Бога надѣяться; зачѣмъ преждевременно убивать себя.... Ну и въ Питеръ можно отправить, съ надеждой на Бога.... Хоть безъ барыша, да и безъ убытка еслибы обошлось, то и слава Богу.

— Папенька разсчитывали, что послѣ распродажи съ судна могли уплатить кредиторамъ...

— Богъ дастъ и уплатимъ. Что-жъ такое! не мы первые занимаемъ; торговыя дѣла безъ того рѣдко обходятся.

— Ну, маменька-съ, все это не скоро-съ, какъ Богъ донесетъ, до Петербурга не близко-съ... не скоро... сроки...

— Что-жъ за жиды такіе!... Ужъ-ли на нихъ креста-то нѣтъ? Уже-ли и не подождутъ?

— Можетъ другіе, а ужъ отъ Чернухина-то ждать пощады не надежно, — онъ сейчасъ попроситъ закладной, на домъ, или на лавку.

— Домъ въ залогъ! лавку... что я слышу!... Господи!... Думала-ли я когда нибудь о томъ! — говорила со слезами на глазахъ Наталья Ивановна. Да ты, можетъ, все болтаешь, Паша? Тебѣ такъ можетъ кажется?

— Конечно, маменька, ничего этого не будетъ-съ, Богъ милостивъ... у насъ еще слава Богу съ; я только къ слову: что молъ у такихъ людей, какъ Чернухинъ, души нѣтъ... Вотъ я васъ только напугалъ, дуракъ этакой; успокойтесь, маменька, голубушка!... Павелъ Петровичъ всталъ, и поцѣловалъ руку у матери. Она его обняла и заплакала.

— Дай-то Господи, чтобъ всѣ эти случаи-то мимо насъ

прошли. Васъ-то мнѣ пуще жалко, тебя-то жалко, Ѳедя еще малъ, Фисочка мала, дѣти, ничего не понимаютъ, а ты только на свѣтъ взглянулъ, только разцвѣлъ, веселиться и радоваться только-бы тебѣ, вотъ Господь-бы привелъ тебя женить, — да и на твое счастье посмотрѣть!...

— Полноте, милая маменька-съ, успокойтесь, прошу васъ... говорилъ Павелъ Петровичъ, цѣлуя руку у матери.

— Зачѣмъ это папенька съ этимъ Чернухинымъ-то связался?

— Я тоже думалъ, маменька... Да чтожъ дѣлать — вѣдь сказать не смѣлъ, папенька эвтого не любятъ, вы сами знаете-съ!

— Знаю, знаю!

Въ прихожей послышались шаги хозяина и прервали разговоръ матери съ сыномъ.

Петръ Васильичъ вошелъ, бросилъ картузъ на столъ и сѣлъ отдуваясь.

— Охъ!... фу! Насилу вошелъ на лѣстницу! Былъ на конюшнѣ: — Ванька, подлецъ, нисколько не жалѣетъ хозяйскаго добра; давно-ли ты, Паша, пріѣхалъ, — и онъ, разбойникъ, ужъ жеребца поить хочетъ. Еслибъ я не зашелъ, бездѣльникъ...

— Я сей-часъ пріѣхалъ, папенька-съ! отвѣчалъ Паша, вскочившій со стула, при входѣ отца, и все еще стоящій.

— Садись, сказалъ Петръ Васильичъ сыну. Тотъ сѣлъ.

— Хочу я, его негодяя барынѣ отдать назадъ.... Пусть дѣлаетъ съ нимъ, чтó хочетъ, хоть въ солдаты отдаетъ... А хотѣлъ-было выкупить подлеца! — Чтò ты будешь дѣлать! самъ себѣ добра не желаетъ... А драться не люблю, развѣ въ части велѣть выпороть?

— Отдать его барынѣ — деньги пропадутъ. Сколько уже она взяла: двѣсти, аль триста рублей? (ассигнаціями), замѣтила Наталья Ивановна, смотря въ окно, и стараясь, чтобъ супругъ не замѣтилъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Чтожъ дѣлать! Онъ нашутить можетъ и не на триста рублей... Вретъ онъ, разбойникъ, — что сѣрая отъ заковки храмлетъ, — онъ ее такимъ-же манеромъ опоилъ... Вотъ я ему! У Аграфены Ѳедоровны вспомнитъ и насъ!... а то за-

ѣлись шельмы... У насъ, у купцовъ въ богатомъ домѣ катаются какъ сыръ въ маслѣ... и въ усъ себѣ не дуютъ, и слова не скажи — напакостятъ... А вонъ у тебя Любашка — чему ты выучила? Только за воротами стоитъ.

— Петръ Васильичъ, ты мой другъ все на меня, — что такое Любашка! дѣвка, что̀ и дѣвка....

— Знаю, что не парень. А ты Наташа не сердись, — я правду говорю... Ну что Паша, — Гришка-Татаринъ былъ послѣ меня въ лавкѣ? спросилъ Петръ Васильичъ, обратясь къ сыну.

— Былъ-съ; говоритъ, что помѣщикъ согласенъ взять ту цѣну, что вы давали, — завтра приведутъ лошадей-съ!

— Какихъ лошадей, Петръ Васильичъ? спросила Наталья Ивановна.

— Купилъ парочку вороныхъ у одного барина, соблазнился... Да ужъ и лошади! любо дорого! какъ сядешь, матушка, въ коляску, да поѣдешь, такъ всякій полюбуется, отвѣчалъ самодовольно Отрубевъ.

Жена вздохнула.

— Другъ мой! Къ чему лишнія траты? Вѣдь есть лошади... чѣмъ же худы?

— Эхъ, матушка! Не та стать, вовсе не та стать, такихъ на-малѣ... да кабы Гришка не предупредилъ, такъ Таратайкинъ купилъ-бы, безпремѣнно-бы купилъ; я у него просто изъ-подъ носа вырвалъ... Татарину двадцать пять рублей обѣщалъ, только-бъ *смазалъ* дѣло.

— Все-то у тебя роскоши на умѣ, — не худо-бы иной разъ и ограничить себя, Петръ Васильичъ! Я сама слышала, что хлѣбъ дешевѣетъ... произнесла дрожащимъ голосомъ голосомъ Наталья Ивановна.

— Ну такъ что-жъ, что хлѣбъ дешевѣетъ! пусть дешевѣетъ, Богъ съ нимъ;... развѣ я самъ себя не понимаю, малый ребенокъ что-ль? Что это, сударыня, всегда не въ своей тарелкѣ: то съ ханжами хандришь, то объ торговыхъ дѣлахъ толкуешь, что̀ до тебя вовсе не касается, чего я терпѣть не могу...

— Напрасно, Петръ Васильичъ, гнѣваешься; развѣ я лиходѣйка что-ли какая? Развѣ я не желаю тебѣ и своимъ

дѣтямъ добра?... Я думаю, въ мокшанъ-то вонче весь капиталъ вбухалъ?...

— Ну ужъ, сударыня, покорно прошу оставить; не люблю, не люблю, когда не въ свое дѣло мѣшаешься!... Лучше бы ты знала свое варенье, да соленье, да почаще въ подвалъ, да въ кухню заглядывала, чтобъ слуги за уголъ не тащили; ты, я думаю, не подозрѣваешь, что Любашка у тебя сахаръ да и чай крадетъ... Вотъ ты должна какую экономію-то знать! а то... по твоему все равно, можно и на хромой сѣрой ѣздить!

Наталья Ивановна замолчала, и мяла въ рукахъ кончикъ своей кисейной косынки.

— А на чемъ вы, папенька, сошлись? спросилъ сынъ.

— Восемьсотъ съ придачей хромой сѣрой. Татаринъ берется ее вылечить... Ну, чтожъ, вѣдь не дорого кажется, Паша? какъ по твоему?

— Лошади отличныя, папенька-съ.

— Ужъ что отличныя, такъ отличныя, только боюсь, Ванька испортитъ... Гришка-Татаринъ говоритъ, что знаетъ какого-то господскаго кучера, по оброку ходитъ, говоритъ: двадцать пять рублей въ мѣсяцъ асигнаціями, хвалитъ его... Ну что-жъ, я обѣщалъ, хотѣлъ его переманить ко мнѣ.

— Этакія роскоши! прошептала Наталья Ивановна, покачавъ головой.

— Ничего, сударыня, сама не откажешься прокатить на хорошенькихъ лошадкахъ, молвилъ весело Петръ Васильичъ, обращаясь къ супругѣ.

Наталья Ивановна взохнула, но промолчала.

Дверь отворилась; вошелъ Ѳедя, въ сопровожденіи няньки.

— Ѳедоръ Петровичъ! цѣлуй, сударь, у папеньки ручку, говори: спокойной ночи, папенька, пріятнаго сна желаю, проговорила нянька своимъ дребезжащимъ голосомъ. Ѳедя проговорилъ диктуемыя нянькою слова.

— Ты ужъ спать собрался? сказалъ отецъ, гладя мальчика по головѣ.

— Да ужъ, батюшка Петръ Васильичъ, времечко и баиньки; покушалъ онъ, мой голубчикъ, больше нечего дѣлать, начала-было нянька.

Не обративъ вниманія на слова старухи, Отрубевъ сказалъ женѣ:

— Скажи пожалуйста, Наталья Ивановна, для чего ты держишь Ѳедю, какъ пятигодовалаго ребенка? слава Богу, онъ не маленькій, что за особица, я думаю пора бы ему и за общимъ столомъ кушать? Пора ребенка и къ людямъ пріучать...

— Гдѣ еще ему за общимъ столомъ, Петръ Васильичъ; дитя шалитъ только; одинъ въ дѣтской лучше, проговорила мать.

— Надобно, чтобъ онъ не шалилъ. Вотъ за этимъ такъ ты, сударыня, не можешь посмотрѣть... Это *не твое дѣло*... молвилъ строго Петръ Васильичъ, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Наталья Ивановна ничего не отвѣчала.

— Ну, что, Ѳединька, учился сегодня? Какъ твои прописи? Что учитель на нихъ записалъ? Покажи-ка мнѣ!

— Говори, Ѳединька: дескать учился, папенька, дескать все благополучно... подсказала опять нянька.

— Развѣ я у тебя спрашиваю? что ты это учишь его отвѣчать; развѣ у Ѳеди языка нѣтъ что-ли? сказалъ хозяинъ, строго взглянувъ на старуху: «ступай вонъ!»

— Батюшка Петръ Васильичъ... я ничего... я учу...

— Не разговаривать! крикнулъ сердито Петръ Васильичъ.

Михайловна уже пяткомъ выбралась изъ спальни.

Ѳедя со слезами на глазахъ бросился за нянькой.

— Ѳедя! сказалъ отецъ.

Ѳедя остановился.

— Поди сюда!

Мальчикъ робко подошелъ къ отцу.

— Ну что, мой милый! началъ опять Петръ Васильичъ, взявъ за руку сына. «Ничего твои прописи! А?»

— Я не писалъ... прошепталъ мальчикъ, помолчавъ.

— Отчего ты не писалъ? Да ты не дичись папеньки, смотри на меня, отчего? Развѣ дьяконъ не былъ сегодня?

— Отецъ дьяконъ былъ, да няня ему сказала, что сегодня жарко, учиться ненадобно, отецъ дьяконъ такъ и ушелъ.

— Слышите-ли, Наталья Ивановна! Это было сказано по твоему приказанію?

Наталья Ивановна не отвѣчала.

— Вотъ видишь-ли, какъ у тебя прислуга распоряжается. Я стараюсь дѣтей образовать, а тамъ какая нибудь безмозглая старуха... На что это похоже! говорилъ запальчиво Петръ Васильичъ.—И къ чему она Ѳедю пріучитъ?... Давно я подумываю для него дядьку взять, какого нибудь пожилаго, двороваго человѣка.

— Отъ часу не легче!... Господи помилуй насъ! Новости за новостями, прошептала Наталья Ивановна; потомъ прибавила вслухъ: кажется, Петръ Васильичъ, Пашенька у насъ и безъ дядьки выросъ, да слава Богу, жаловаться напрасно грѣшно.

— Ну конечно выросъ; такъ что-жъ тогда?... теперь старуха тупа стала, балуетъ ребенка, и балуетъ глупо... Не нравится мнѣ это...

— Тебѣ, мой другъ, нынѣ стало не *ндравиться* все что *ндравилось* прежде. Не понимаю, что съ тобою сдѣлалось? сказала Наталья Ивановна вслухъ, и подумала про себя: вѣдь, знаю, знаю, что все съ грусти взрывается.

— На столъ готово-съ! проговорила горничная, просунувъ голову въ дверь.

— Поди, Ѳедя, спать!... Прости мой милый, молвилъ Петръ Васильичъ, перекрестивъ мальчика. Только сегодня въ послѣднее, а завтра, братъ, обѣдаешь и ужинаешь вмѣстѣ съ нами. Слышишь!... Ѳедя опять поцѣловалъ руку отца, простился съ матерью и съ братомъ и побѣжалъ въ дѣтскую.

Между тѣмъ старшіе члены семейства отправились въ столовую, которая находилась въ нижнемъ этажѣ.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Наталья Ивановна особенно усердно и со слезами молилась Богу.

Давно во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина. Въ хозяйской спальнѣ тускло мерцала неугасимая лампадка передъ образами; блѣдная луна заглядывала въ окно сквозь кисейные занавѣсы, и тѣнь отъ жасминовъ узорчатой рѣшеткой лежала на полу. Петръ Васильичъ храпѣлъ съ какими-то странными переливами, часто поворачиваясь съ бо-

ку на бокъ; ему снился безпокойный сонъ: то приступаетъ къ нему въ сюртукѣ, сшитомъ изъ векселей, Чернухинъ, настоятельно требуя отъ него закладной на домъ; то Гришка-Татаринъ просилъ у него денегъ, приведя на дворъ, вмѣсто купленной пары лошадей, какую-то куцую, хромую клячу, и нагло ее похваливалъ. Иногда Петру Васильичу казалось, что онъ летитъ на парѣ купленныхъ вороныхъ, въ своей петербургской коляскѣ, летитъ быстрѣе птицы, быстрѣе вѣтра, на козлахъ сидитъ и погоняетъ коней нянька Михайловна, а Наталья Ивановна, въ черной ряскѣ, подпоясанная ремнемъ, бѣжитъ, бѣжитъ за нимъ и не можетъ догнать. То ему снилось, что пришелъ его мокшанъ, что его разгружаютъ, и что, вмѣсто хлѣба, онъ видитъ песокъ, песокъ и песокъ. Петръ Васильичъ мычалъ и метался... Наталья Ивановна, напротивъ, зарывъ голову въ подушки, какъ ни старалась заснуть, не могла сомкнуть глазъ; ей думались грустныя думы:

— Этакой, Петръ Васильичъ, Богъ ему судья!... Вѣдь груститъ, знаю что груститъ, а не хочетъ быть откровеннымъ; я бы его и разговорила, и посовѣтовала, все-бы кажется, легче на сердцѣ было, такъ нѣтъ! Ужъ такой крѣпкой *ндравъ*... И что это, на роскоши-то напустился! ужъ передъ добромъ-ли?... Охти, охти!... Поди вотъ, невѣрь сердцу!... недаромъ оно, бѣдное, тосковало...

Въ мертвой полночной тишинѣ чиканье часовъ въ залѣ громко раздавалось. Межъ этимъ чиканьемъ слышался въ дѣтской мѣрный легкій стукъ... Это нянька, молясь въ землю, била лбомъ о-полъ, произнося молитву шопотомъ, — но такъ, что слова долетали до ушей Натальи Ивановны.

На антресоляхъ, надъ спальной, раздавались осторожные шаги Павла Петровича, который, войдя послѣ ужина въ свою комнату, раздѣлся съ помощію старика Тимофея, который былъ чѣмъ-то въ родѣ дворника, а иногда и приказчика, онъ же былъ и истопникомъ. Въ извѣстное время, Тимофей надѣвалъ какой-то длинный лиловый сюртукъ, и помѣщался на запяткахъ коляски; когда нуждались въ офиціантѣ, Тимофей выбривался почище, надѣвалъ бѣлый галстухъ, бѣлыя перчатки, и являлся къ столу; тогда брусничнаго

цвѣта лице его еще болѣе лоснилось отъ самодовольствія. Въ обыкновенные будничные дни, Тимофей или помогалъ кучеру на конюшнѣ, или помогалъ женѣ своей Агафьѣ, на кухнѣ, или мелъ улицу, или просто, ничего не дѣлая, сидѣлъ за воротами. Онъ постоянно сопѣлъ отъ большихъ пріемовъ табаку и довольно скупъ былъ на слова. Всякій вечеръ Тимофей, раздѣвъ молодаго хозяина, ложился въ корпдорчикѣ, возлѣ его комнаты. Объ этомъ онъ всегда такъ выражался:

— Меня Павелъ Петровичъ держитъ при себѣ *для скуки.*

И такъ, молодой Отрубевъ, раздѣвшись, посидѣлъ подъ открытымъ окномъ, помечталъ о своемъ рысакѣ, парѣ вороныхъ, вчера купленныхъ, о модной шляпѣ, которую Петруша Шестуновъ выписалъ изъ Москвы; и мало-ли еще о чемъ мечталъ онъ. Потомъ легъ въ постель, думалъ-было читать какой-то романъ Дюкре-Дюмениля, и... задремалъ.

Долго еще не спала Наталья Ивановна... Стала заниматься утренняя заря и она задремала.

III.

Утромъ, когда привели лошадей, Петръ Васильичъ вышелъ и съ восторгомъ любовался ими, ласково потрепывая ихъ волнистыя гривы. И правда, лошади стоили того; большія и статныя, съ лоснящеюся, какъ вороново крыло шерстью онѣ рыли отъ нетерпѣнія землю копытами, фыркали, и гордо закидывали головы. Кучеръ помѣщика, у котораго онѣ были куплены, и Татаринъ — маклеръ въ дѣлѣ покупки, едва ихъ удерживали.

— Грудь-то! шея-то! сударь, Петръ Васильичъ, говорилъ послѣдній, трепля одну изъ нихъ по крутой шеѣ; вѣдь дуга дугой. Экой звѣрь! Ишь ноздри-то раздула, ушами стрижетъ!... Шалишь!

— Спасибо, Гриша! (въ Привольскѣ мода Татаръ называть русскими именами). Я думаю-бы запречь ихъ въ коляску. Проѣзди, братъ, ихъ, я посмотрю, сказалъ Отрубевъ.

— Извольте, сударь! Да ужъ будьте покойны, будете благодарить; еслибъ того... Александро Иванычъ не проигрался,

не разстался бы онъ съ ними; онъ мнѣ по душѣ сказалъ. Чай, плачетъ теперь, сердечный... Посмотрите-ка, стать-то! стать-то! вѣдь доморощенная. Матка-то изъ Орловскихъ была...

— Слышалъ, слышалъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Ужъ я вамъ скажу, сударь, еслибы Александро Иванычъ подождалъ до Нижегородской... ей-ей! я вамъ скажу, по восьмисотъ за каждую-бы взялъ, продолжалъ Татаринъ.

— Ладно! Вѣдь ты барышникъ, что и говорить, неучиться тебѣ—обдули меня съ Александромъ-то Иванычемъ, прервалъ весело Петръ Васильичъ.

— Что угодно, говорите, Петръ Васильичъ, а не отпустилъ-бы я ихъ, голубчиковъ, кабы-деньги были, порядочный-бы барышъ взялъ,— да видите, хозяину-то ихнему горячо пришло; ну, думаю, коли не себѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ доброму человѣку доставлю. Таратайкинъ, я думаю, когти грызетъ; онъ мнѣ не двадцать пять далъ-бы. Только изъ уваженія, судырь къ вамъ!...

— Хорошо, хорошо! Закладывайте-ка!

Покуда лошадей закладывали въ коляску, съ помощью Татарина, и даже Тимофея, Петръ Васильичъ оставался въ сараѣ.

Наконецъ лошади были заложены. Иванъ взмостился на козлы, Татаринъ съ господскимъ кучеромъ сѣли въ коляску, Тимофей приткнулся на запятки. Петръ Васильичъ пошелъ въ комнаты, велѣлъ позвать Павла Петровича и Наталью Ивановну, и сѣлъ возлѣ открытаго окна, любоваться бѣгомъ новокупленныхъ лошадей.

Вдругъ коляска вихремъ вылетѣла изъ воротъ, пронеслась вдоль по улицѣ. Петръ Васильичъ и Павелъ Петровичъ высунулись въ окно.

— О, охъ! крикнулъ отецъ въ восторгѣ.

— Лихо! замѣтилъ сынъ.

— Передавятъ, передавятъ всѣхъ!... Господи! Тимофей-то свалился, Тимофей свалился! кричала Наталья Ивановна, съ замирающимъ сердцемъ, смотря изъ другаго окна.

— Поди! Поди! оралъ во все горло Иванъ, едва сдерживая горячую пару, которая неслась какъ вѣтеръ. Испу-

ганные прохожіе, бросились во всѣ стороны; у Тимофея занимался духъ, онъ едва держался отъ страха. Наконецъ при поворотѣ коляска скрылась изъ глазъ хозяина.

Прошло болѣе получаса въ тревожномъ ожиданіи.

— Убьютъ, задавятъ, задавятъ-кого-нибудь! говорила Наталья Ивановна, съ упрекомъ смотря на супруга. Купилъ-же такихъ звѣрей, Петръ Васильичъ, себѣ на бѣду; ужъ сломитъ кто нибудь шею! Знаю, знаю.

— Ничего ты не знаешь; это онѣ такъ сгоряча понесли, застоялись; — не бойся, не убьютъ, Богъ милостивъ, говорилъ Петръ Васильичъ, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе, хотя въ голосѣ его слышилось тревожное безпокойство: «Паша! взгляни-ка, не ѣдутъ-ли?»

— Не видать-съ, отвѣчалъ Паша съ нетерпѣніемъ, безпрестанно высовывающійся изъ окна.

— Не поѣду я, никогда не поѣду на этихъ лошадяхъ, говорила Наталья Ивановна.

— По мнѣ хоть вѣчно пѣшкомъ ходи, отвѣчалъ Петръ Васильичъ. Ну, что, Паша, не видать?

— Ѣдутъ, ѣдутъ-съ! воскликнулъ сынъ, завидѣвъ вдали клубъ пыли; и чрезъ нѣсколько минутъ взпыленные кони влетѣли на дворъ.

— Тимошки нѣтъ на запяткахъ! Куда у васъ Тимошка дѣвался? кричалъ хозяинъ въ окно.

— А хто-жъ его знаетъ, отвѣчалъ Иванъ; я и самъ-то чуть усидѣлъ... черти проклятые, издохнуть-бы имъ! проворчалъ онъ, осаживая лошадей у сарая.

— Такъ и есть, ужъ вѣрно ушибли... Охъ, Боже мой, какая бѣда! такъ и есть; вонъ и собака вчера выла, говорила въ сильномъ испугѣ хозяйка. Ахъ, Петръ Васильичъ!

И Петръ Васильичъ и Павелъ Петровичъ опять вышли на дворъ и съ безпокойствомъ спрашивали о запятникѣ.

Даже и сама Наталья Ивановна явилась на крыльцо.

— Тимофея лошади убили! кричала горничная, бѣгая по всему дому. Жена его Агафья, услышавъ такую горькую вѣсть, подхватила своего годовалаго ребенка, и съ громкимъ воемъ выбѣжала на дворъ. Старшій, Степка, тоже не отставалъ отъ матери, аккомпанируя ей во все горло. Нянька, Михай-

ловна, забывъ свою обязанность, не отлучаться ни на минуту отъ Ѳединьки, прибѣжала, запыхавшись, на всеобщую суматоху. (Нянька Ѳедора въ это время гуляла съ Фисонькою въ саду.) Крикъ и плачъ на дворѣ разбудилъ Ѳедю; онъ проснулся, и, не видя няньки въ дѣтской, въ одной ночной рубашкѣ бросился изъ комнаты, и, вслѣдъ за бѣгущей съ лѣстницы Любашкой, скатился кубаремъ, и тоже поднялъ плачъ, схватившись за платье стоявшей на крыльцѣ матери.

— Ахъ, ты, Господи, Ѳединька! радость моя! Нянька! старая дура, нянька! зачѣмъ ты его оставила?... Любка! Любашка! Боже мой! дитю-то перепугали... Ѳединька, что ты? кричала растерявшаяся Наталья Ивановна.

— Спинку, спинку больно, я съ лѣстницы упалъ... ай! Ѳединька ревѣлъ во все горло.

— Голубчикъ-ты мой, Тимофей Микифорычъ! На кого ты меня съ своими малыми дѣтками покинулъ! между тѣмъ голосила звонкимъ голосомъ краснощекая Агафья, у которой пестрый платокъ едва держался на самомъ затылкѣ.

— Нянька! Любашка! Пашинька! Ѳединька съ лѣстницы упалъ, расшибся?.. слышите-ли вы? кричала хозяйка, ощупывая сынка. Радость моя, ангелочикъ. Ахъ, онѣ мерзавки!..

— Да гдѣ-же онъ у васъ? Упалъ что-ли? Куда вы его дѣвали? спрашивалъ хозяинъ.

— Свалился да и разъ... Ничего, лошади не помяли; вѣдь позади стоялъ; что-жь, ничего; вотъ кабы съ козелъ... Да, я сударь, и подъ козлами бывалъ, и ногами меня эвти звѣри бивали, да что-жь, ничего, говорилъ барскій кучеръ, вылѣзая изъ коляски.

— Вотъ они, кони-то, какіе, Петръ Васильичъ! началъ-было Татаринъ.

Никто не замѣчалъ, что человѣкъ пять нищихъ, пришедшихъ на дворъ за милостынею, стояли тутъ-же и смотрѣли на эту сцену; и нѣсколько прохожихъ, слыша такой гвалтъ, съ любопытствомъ заглядывали въ ворота.

— Гдѣ, гдѣ онъ, свѣтъ-то мой, Тимофей Микифорычъ? вопила Агафья и лѣзла чуть не подъ ноги лошадямъ, которыхъ откладывали.

— Что такое сдѣлалось! Ужъ не разбили-ли кого лоша-

ди? спросилъ, вбѣгая на дворъ, запыхавшійся, весь въ пыли и безъ шапки, Тимофей.

— Вонъ онъ! вскрикнулъ первый барскій кучеръ.

— Ничего, цѣлъ, не помяли?

— Что ты?

— Ахъ!

— Какъ ты?

— Слава Богу, живъ! раздалось нѣсколько вдругъ голосовъ, и глаза всѣхъ обратились на Тимофея.

— Слава Богу, живъ, сказала Наталья Ивановна, уводя сына наверхъ.

— Голубчикъ Ѳединька, Ѳедоръ Петровичь! Ну, зачѣмъ, судырь, изъ дѣтской выскочилъ? Ахти бѣда! все я виновата, все я дура, проклятая... А все Тимофей... все онъ, ворчала нянька, вслѣдъ за ними.

— Ну что, Тимофей, убился? спросилъ съ участіемъ Петръ Васильичъ.

— Больно ушибся, Тимоша? спросилъ ласково Павелъ Петровичъ.

— Ничего-съ, слава Богу, какъ есть ничего-съ, соскочилъ я, какъ знаешь, увидѣлъ что понесли-то. Ужъ и лошади, шутъ ихъ возьми!... Жаль только, картузъ потерялъ, не могъ найдти, знать кто нибудь поднялъ; жаль, новенькій былъ-съ, отвѣчалъ спокойно Тимофей.

— Ну ничего, слава Богу, все обошлось, сказалъ весело хозяинъ.

— А мы объ тебѣ безпокоились, думали, что тебя и въ живыхъ-то нѣтъ... проговорилъ Павелъ Петровичъ.

— Покорнѣйше благодарствуемъ-съ, ничего-съ. Эка, картуза-то жалко!..

— Ну изъ чего ты такова безпокойства-то намъ надѣлалъ! а? вскипулась Агафья на мужа: дурья твоя рожа! Ужь, право, родился дуракомъ, дуракомъ и умретъ. И хозяева-то жалѣютъ и я-то вою, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало... Этакой сычъ, собачья морда!

Тимофей ничего не отвѣтилъ своей дражайшей половинѣ и принялся помогать кучерамъ управляться съ лошадьми. Горничная, все время стоявшая въ сторонѣ и съ боязнію

смотрѣвшая, чтобъ которая нибудь изъ лошадей не улягнула Ивана въ зубы, услышала изъ окна дѣтской голосъ хозяйки:

— Эй, Любашка! Любашка! Куда засудобила ключъ отъ шкапа? Бѣги скорѣй!

Любашка побѣжала наверхъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, и проклиная въ душѣ Наталью Ивановну, лошадей и Петра Васильича, ихъ купившаго. Агафья въ присутствіи хозяевъ удовольствовалась мужу вышеприведеннымъ упрекомъ и, ни съ того, ни-съ-сего, дала шлепка ребенку, котораго держала на рукахъ. Степка, вспомнивъ, что онъ забылъ недоѣденный блинъ, побѣжалъ за матерью, подскакивая на одной ногѣ, и напѣвая въ полголоса:

— Тятька живъ, тятька живъ! Тра-та-та! тра-та-та!

Теперь только замѣтилъ Петръ Васильичъ стоящихъ на дворѣ нищихъ, нахмурилъ слегка брови и что-то шепнулъ сыну. Павелъ Петровичъ подошелъ и, одѣливъ ихъ, показалъ рукою на ворота. Вскорѣ ворота затворились за ними.

— Каковы соколики-та! А? говорилъ Татаринъ, когда стали лошадей проваживать по двору. Дай Богъ на владѣнье вамъ, Петръ Васильичъ, только и всего.

— Спасибо, Гриша, спасибо. Я, братъ, у тебя въ долгу не буду; приходи ужо въ лавку, говорилъ Петръ Васильичъ, любуясь лошадьми. Ну, братъ, Ванька! теперь держи ухо востро: если что отъ твоего недосмотра съ лошадьми случится, тогда на себя не пеняй; это, братъ, не сѣрыя; я тамъ спустилъ... а если что теперь, чего Боже сохрани, то... Петръ Васильичь не договорилъ, но его взглядъ и жестъ, которые онъ обратилъ къ своему кучеру, до-того были выразительны, что тотъ закусилъ себѣ губу и прошепталъ только:

— Э!.. чортъ!

— То само-собою, судырь, а теперь, какъ же поздравить вашу милость надобно... сказалъ Татаринъ, поглаживая свою клинообразную бороду, и вертя въ рукахъ шапку. На водочку-та?

Барскій кучеръ тоже стоялъ и переминался съ ноги на ногу, въ ожиданіи чего-то.

— О, мошенникъ! Да вѣдь Магометъ водочку запретилъ!

— Помилуйте, судырь! запретилъ пророкъ вино, да и что въ немъ, кисло; а объ водкѣ не сказалъ ни слова...

— Мало васъ мулла бьетъ, сказалъ смѣясь Отрубевъ: Паша! дай имъ по три цѣлковыхъ, обратился отецъ къ сыну. Сынъ исполнилъ приказаніе отца.

— Премного благодарны; прощенія просимъ, судырь.

— Прощайте.

— Вѣрно, хозяинъ-то богатъ? спросилъ кучеръ Татарина, выйдя за ворота.

— Не богатъ, да тароватъ, отвѣчалъ послѣдній.

Петръ Васильичъ съ сыномъ стояли на крыльцѣ и любовались лошадьми, до тѣхъ поръ, покуда можно было поставить ихъ въ конюшню.

— Вѣдь хороши, Паша? А? Какъ по твоему, хороши?

— Помилуйте, папенька-съ!

— Хороши-то, судырь, хороши, только не совѣтую на нихъ ѣздить Натальѣ Ивановнѣ, ей-Богу не совѣтую! замѣтилъ Тимофей, хотя его совѣта никто и не просилъ.

Между тѣмъ въ дѣтской Наталья Ивановна ухаживала за Ѳединькою: мочила ему голову спиртомъ, терла спину о-деколономъ, укладывала его въ постель, но мальчику не хотѣлось лежать и онъ плакалъ; бранила горничную, упрекала няньку и затруднялась, за кѣмъ-бы ей послать: за докторомъ, или за костоправкою; въ ея воображеніи Ѳедя былъ уже горбатъ, кривобокъ, испуганъ, коситъ глазами, и картавитъ. Она бы и заплакала, еслибъ не ожидала каждую минуту прихода своего мужа.

Словомъ, это утро было самое безпокойное для Отрубевыхъ.

По отъѣздѣ Петра Васильича въ лавку, явилась торговка Авдотья Петровна, помня вчерашнее приказаніе Натальи Ивановны.

— Послушай-ка, любезная моя; человѣкъ-то ты, кажется, не перебивчивый, пусть это останется между нами, заговорила Отрубева, кликнувъ торговку къ себѣ въ спальню.

— И! мать вы моя, Наталья Ивановна! Что вы, что вы матушка! да развѣ я не понимаю! да сохрани меня Господи!

— То-то-же, Авдотья Петровна: что я тебѣ скажу, чуръ не выносить; задумала я одну сироту пристроить... ну...

— Доброе дѣло, свѣтикъ вы мой, доброе дѣло... Такъ не нужно-ли чего? Салопчикъ продается.

— Ну это послѣ; а теперь главное, найди-ка мнѣ жениха...

— Ну ужъ не знаю, Наталья Ивановна...

— Невѣста у меня дѣвушка порядочная, дочь Мавры.

— Ужъ я такъ и догадалась, такъ и догадалась, вы, только вчера того-то, а я и догадалась, сказала Авдотья Петровна самодовольно улыбаясь и сверкнувъ своими кари ми проницательными глазами. Какого-бы вамъ жениха-то?.. Ужъ-коли вы, мой свѣтикъ, взялись за эвто дѣло, такъ вѣрно не обидите. Есть у меня на примѣтѣ сосѣдъ, домокъ свой имѣетъ, съ матерью живетъ, моя сударыня, слесарному обучался.... Вотъ ужъ паренекъ, нечего сказать, кровь съ молокомъ!... Все-то любуюсь, какъ пройдетъ мимо; вотъ думаю: замужъ-то-молъ не вышла, и у меня-бы можетъ такой сыночикъ былъ! Вѣдь идетъ-то онъ, мой соколикъ, не обернется, словно отопочка, только кудерьки потряхиваются; а поклонится такъ степенно, да такъ привѣтно, словно дѣвушка.... Зовутъ его Сережей.... Ну ужъ паренекъ!

— Хорошо, еслибы парень порядочный, небалованный; ты, вѣдь, знаешь Дашу-то, пара онъ ей?

— Ужъ какая парочка-то! любо, сударыня, вы моя! отвѣчала утвердительно Авдотья Петровна.

— Ладно. Затѣвай-ка дѣло Петровна, авось, Богъ благословитъ!

— Наталья Ивановна, сватать не берусь, а съ матерью жениховой, пожалуй, поговорю, будто отъ себя: вотъ-молъ такая-то невѣста!

— Да, конечно, будто отъ себя.

— Вотъ-молъ у нихъ роденька богатая, Отрубевы, сиротѣ-молъ помогутъ.

— Хорошо; только смотри-же, будто отъ себя, не проболтай!

— Что вы, радость моя, Наталья Ивановна! да сохрани меня Господи!

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на жениха.... Ты говоришь, онъ слесарь? Пришли его къ намъ, будто замки починять, а я за невѣстой пошлю.... ну и уладимъ, чтобъ они другъ-друга посмотрѣли, проговорила Отрубева, подумавъ: вѣдь ладно будетъ, какъ ты скажешь?

— О, да! распрекрасно, свѣтикъ вы мой, Наталья Ивановна! постараюсь, отвѣчала радостно торговка.

— Такъ что́ у насъ сегодня? вторникъ? четвергъ.... я жду въ четвергъ, молвила Наталья Ивановна. Слышишь? въ четвергъ!

— Постараюсь. Да не думаете-ли вы побывать у Катерины Васильевны? Сей-часъ я иду, а она со странницей-то своей отъ обѣдни идетъ.... сказала Авдотья Петровна.

— А! ты мнѣ напомнила.... сегодня же поѣду, посмотрю, что будетъ продаваться гожее для невѣсты, молвила Отрубева, прощаясь съ торговкою.

— И въ самомъ дѣлѣ, думала Наталья Ивановна по уходѣ Авдотьи Петровны, дѣло затѣяла, надобно переговорить съ Петромъ Васильичемъ; неужели откажетъ? А пожалуй чего добраго; на роскоши денегъ не жалко, да на свое удовольствіе, а помочь ближнему пожалуй и поскупится.... Охо хо! грѣшные мы люди!... А вотъ поѣду къ Катеринѣ Васильевнѣ и спрошу Ивана Павлыча; что́-то онъ мнѣ скажетъ, уладится-ли задуманное. Да, что́-то скажетъ! Наталья Ивановна вздохнула, грустное предчувствіе опять зашевелилось въ ея сердцѣ.

Катерина Васильевна Саламатина, двоюродная сестра Натальи Ивановны, была женщина лѣтъ пятидесяти, съ безстрастнымъ, желтоватымъ лицемъ, съ протяжною рѣчью; нѣкогда бѣлокурые ея волосы замѣтно посѣдѣли, и постоянно были прикрыты простымъ кисейнымъ чепцомъ. Она никогда не мѣняла своего шелковаго капота и своей черной материнской шали, у которой кайма уже превратилась въ рѣшето.

Несмотря на то, что домъ Саламатиныхъ, слывшій изъ первыхъ купеческихъ домовъ въ городѣ, былъ не что иное, какъ пріютъ странниковъ, странницъ, святошъ, ханжей разнаго рода, и станція во время пребыванія ихъ въ городѣ.

Катерина Васильевна и въ церковь, и въ гости къ роднымъ являлась не иначе, какъ въ сопровожденіи юродиваго, или какой нибудь блаженной.

Супругъ ея Алексѣй Алексѣичъ, круглый, бодрый старичекъ, глядѣлъ сквозь пальцы на причуды своей жены, и умильно улыбался ключницѣ Якимовнѣ, сорокалѣтней вдовѣ, которую по праздникамъ дарилъ *рыжичками* (червонцами) и которая управляла всѣмъ хозяйствомъ. Катерина Васильевна ни до чего не доходила и не обращала ни малѣйшаго вниманія на свое семейство. Двѣ взрослыя дочери Саламатиныхъ, не имѣя порядочнаго платья для выѣзда, постоянно сидѣли дома. Мать не заботилась объ ихъ нарядахъ, потому что обѣихъ собирала въ монастырь. Обязанность дѣвушекъ состояла въ томъ, чтобъ поить чаемъ материныхъ гостей, слушать разсказы о ихъ странствованіяхъ и разныхъ эпизодахъ изъ монастырской жизни, а иногда и назидательныя поученія о презрѣніи суеты житейской. По вечерамъ, дочери поочередно читали для матери что нибудь изъ священнаго писанія. Зато въ ея отсутствіе по цѣлымъ днямъ били баклуши, сидя подъ окномъ, щелкали орѣхи, встрѣчая и провожая глазами прохожихъ, слушали сказки старой няньки о колдунахъ и лѣшихъ, или скандалезныя исторіи горничной, дѣвки не совсѣмъ строгихъ правилъ. Отъ этихъ разсказовъ молодое воображеніе разъигрывалось, и дочки Катерины Васильевны, забывъ о томъ, что ихъ готовили въ монастырь, очень охотно мечтали о гарнизонныхъ офицерахъ, игравшихъ въ исторіяхъ горничной главную роль.

Старшій сынъ Саламатиныхъ былъ женатъ. Но молодая и богатая невѣстка называла свекровь почти въ глаза ханжею, скучала въ этомъ полу-монастырскомъ домѣ, и все время проводила у своей матери. Мужъ ея, весь погруженный въ торговые разсчеты и присмотръ за фабрикою, казалось не замѣчалъ отсутствія своей жены. Младшія дѣти, въ числѣ двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ отъ пятнадцати до девяти лѣтъ, были безъ всякаго надзора, худо одѣтыя, и худо накормленныя. Они забирались на кухню, и таскали у кухарки, что кто могъ, иногда же уносили тихонько ключи у Якимовны и дѣлали нападенія на шкафы съ сластями

и закусками. Ключница не смѣла жаловаться на нихъ хозяйкѣ, зато все передавала хозяину. Алексѣй Алексѣичъ, погрозивъ имъ пальцемъ, кончалъ тѣмъ, что всѣхъ четверыхъ, правыхъ и виноватыхъ, ставилъ по угламъ въ залѣ. И лишь только выходилъ въ буфетъ, гдѣ что нибудь дѣлала румяная ключница, какъ дѣти съ крикомъ вырывались изъ подъ ареста, и неслись куда попало.

При матери, которая требовала тишины, эта шумная толпа кой-какъ торопливо выпивала чай и тоже убѣгала поспѣшно съ родительскихъ глазъ. Грамотѣ ихъ училъ какой-то семинаристъ, существо безотвѣтное, которому ученицы пришпиливали бумажные банты къ фалдамъ сюртука, а ученики писали на спинѣ мѣломъ кресты и карикатуры. Обучать дѣвушекъ рукодѣльямъ возлагалось на старшихъ сестрицъ, но старшія сестрицы сами не долюбливали работы, потому что у одной, завязанный годъ тому назадъ чулокъ, очень мало подвигался къ окончанію, а у другой стояли пяльцы, за которыми никто ее не видалъ.

Очень понятно, что при такой обстановкѣ, дѣти болѣе смотрѣли изъ рукъ ключницы, потому что мать была для нихъ почти чужая. Прислуга хотя заочно бранила Якимовну, но въ глаза льстила и подличала передъ нею; Катеринѣ Васильевнѣ некогда было заглядывать въ кухню.

— Якимовна, другъ мой, ты смотри-же.... не удариться-бы намъ въ грязь лицемъ; сегодня у меня обѣдаетъ отецъ казначей такого-то монастыря, если ли у насъ рыба? говорила, по обыкновенію, утромъ хозяйка ключницѣ.

— Есть мелкая, что вчера привезли, Катерина Васильевна-съ.

— Какъ-же можно мелкая! съѣзди-ка на садокъ, выбери что есть лучшее; нечего тутъ толковать! А вина?...

— Вина подъ-исходъ, Катерина Васильевна; есть тамъ бутылки двѣ мадеры, да портвейну бутылка; ромъ весь. Я докладывала Алексѣю Алексѣичу, они сказали, что теперь покуда будетъ, не нужно-съ!

— Что тебѣ толковать съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, развѣ онъ понимаетъ что нужно! съѣзди, мой другъ, въ погребокъ; слышь, завтра у меня отецъ-казначей обѣдаетъ.

— Очень хорошо-съ.... И ключница отправлялась за покупками. Хлопотлива была должность Якимовны; но она на нее не жаловалась, скапливая усердно *рыжички* на черный день.

На другое утро, по обыкновенію, Саламатина ѣхала къ обѣднѣ и приглашала къ себѣ на обѣдъ: то отца казначея, то отца эконома, иногда и самого игумена, какъ приходилось.

Обѣдъ былъ вкусный и чинный. Катерина Васильевна бесѣдовала съ отцами о суетѣ мірской, или о дѣлахъ монастырскихъ. Двѣ старшія дочки кушали молча, потупивъ глаза. На концѣ стола смиренно сидѣли двѣ-три странницы, или монахини-сборницы дальнихъ монастырей. Алексѣй Алексѣичъ то грозилъ пальцемъ, обертываясь на буфетъ, гдѣ въ полуотворенныя двери заглядывали младшіе дѣти, лишенныя общаго стола и ожидающія какой нибудь подачки отъ щедротъ Якимовны.

Старшій сынъ, часто не промолвивъ ни слова, уходилъ изъ-за половины обѣда; когда бывала невѣстка, то, прислушиваясь къ разговору и не мѣшаясь въ него, она иногда позволяла себѣ дѣлать насмѣшливыя мины, стараясь, чтобъ то замѣтила свекровь. Послѣдняя въ присутствіи отцовъ дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ; но если бывали за столомъ только женщины, то громко изъявляла неудовольствіе на непочтеніе къ старшимъ, на неуваженіе къ святымъ людямъ, на вольнодумство, отъ жалобъ переходило къ упрекамъ, потомъ къ личностямъ. И ссора закипала: невѣстка осыпала насмѣшками свекровь, и та заливалась слезами. Алексѣй Алексѣичъ тихонько вставалъ и уходилъ. Дочки толкали другъ-друга локтями, не приставая ни къ той ни къ другой сторонѣ. Сынъ выбранивалъ жену, кидалъ салфетку, стулъ съ громомъ летѣлъ въ сторону, и онъ быстро убѣгалъ изъ комнаты. Гости вслухъ и шопотомъ творили молитву. Кончалось тѣмъ, что невѣстка уѣзжала къ матери, а Катерина Васильевна, для успокоенія взволнованныхъ чувствъ, заставляла одну изъ дочерей прочитать что нибудь назидательное.

Пробило шесть часовъ. Вся семья Саламатиныхъ была въ сборѣ и сидѣла за чаемъ въ гостиной, ободранная ме-

бель, которая постоянно покрыта была чахлами, и чахлы эти, по милости пыли и хозяйки, ничего вокругъ себя невидѣвшей, изъ бѣлыхъ превратились въ ситцевые. Катерина Васильевна на диванѣ бесѣдовала съ чернобровою Марьей Павловной; старшая дочь разливала чай, вторая подавала чашку отцу, сидѣвшему подъ открытымъ окномъ. За другимъ столомъ, младшія дѣти, съ повязанными вокругъ шеи салфетками, перешептывались изподътишка, дразнили другъ-друга языкомъ, толкались и щипались. Около нихъ стояла старуха-нянька, унимавшая ихъ шопотомъ. На полу среди комнаты сидѣлъ Иванъ Павлычъ, въ синемъ нанковомъ халатѣ, подпоясанный ремнемъ, босой, и нечесаный, худощавый, но крѣпкаго сложенія, повидимому лѣтъ сорока. Щетинистая рыжая борода его давала о себѣ знать, что она не очень давно была выбрита; лукавые, красноватые, прищуренные глаза его быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, хотя онъ и старался принять глупый видъ. Передъ нимъ на подносѣ стояла большая чашка съ чаемъ, въ которую онъ крошилъ булку; возлѣ него лежала желѣзная палка его, увѣшанная бубенчиками и лоскутками.

Подъ окномъ послышался стукъ дрожекъ.

— Наталья Ивановна идетъ, сказалъ Алексѣй Алексѣичъ, взглянувъ въ окно, и всталъ, чтобъ встрѣтить гостью.

— Наталья Ивановна, Наталья Ивановна! пронеслось по комнатѣ. Старшая дочь привела въ порядокъ чашки на столѣ; вторая поправила волосы.

— Тс.... тише!... проговорила Катерина Васильевна, привставъ и обдергивая капотъ. Нянька, уведи этихъ шалуновъ.

Дѣти встали и пошли; старшій изъ нихъ сталъ за креслами отца.

— Александръ! произнесла протяжно мать: ты зачѣмъ тутъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? ступай вонъ!

— Маменька-съ.... заговорилъ-было сынъ.

— Это что! не повиноваться матери! Аль хочешь на стыдъ меня навести? Ишь, оборвышъ! неучъ! вонъ! Мальчикъ ушелъ.

Вошла Отрубева.

Хозяйка ее встрѣтила и обняла. Дѣвушки разцѣловались съ гостьею.

— Милости просимъ, Наталья Ивановна. Ну что, здоровы ли? Прошу садиться, говорилъ скороговоркою хозяинъ: хе-хе! ну какъ вы-съ?... А мы все спасаемся.... Хе-хе-хе!

Катерина Васильевна строго посмотрѣла на мужа.

— Провѣдать васъ надумала. Ужъ извините, сестрица, сказала Наталья Ивановна, усаживаясь: ну, вы какъ въ своемъ здоровьѣ?

— Слава Премилосердому! до сегодня. И я тоже думала къ тебѣ, Наташенька, заѣхать.... Видишь, у меня какое сокровище! Катерина Васильевна показала на Ивана Павлыча и Марью Павловну. Послѣдняя встала и смиренно поклонилась. Рабы Божіи удостоиваютъ мою хижину своимъ посѣщеніемъ, не за мои добродѣтели.... нѣтъ! а за молитвы моихъ родителей, продолжала Саламатина, садясь возлѣ гостьи.

— Слышала я, сестрица.... и не утерпѣла, проговорила Наталья Ивановна посмотрѣвъ съ любопытствомъ на Ивана Павлыча.

— Ну, вотъ видишь, блаженные какъ ни стараются скрыться, какъ ни стараются избѣгать мірской славы, а все-таки земля наполняется слухомъ объ ихъ жизни. Чудные братъ и сестра, посвятившіе себя страннической жизни!... Взгляни-ка ты на нее-то, Наташенька, какая еще юная!...

Наталья Ивановна обратила вниманіе на Марью Павловну. Несмотря на черное длинное платье и платокъ, закрывавшій лобъ по самыя брови, видно было, что она не дурна, и на видъ ей казалось не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Но темные, быстрые глаза ея вовсе не выражали того смиренія, которое она старалась придать своимъ движеніямъ.

— А онъ-то, ужъ истинно праведный человѣкъ!... Все духомъ провидитъ, сказала шопотомъ Катерина Васильевна, наклонясь къ уху гостьи; лишь только взглянулъ на Надю и Соню: ты, говоритъ, ихъ замужъ не выдавай, а въ монастырь. Слышишь, точно узналъ мои сокровенныя мысли; да, онъ и узналъ.... Прозорливый человѣкъ!...

Наталья Ивановна съ удивленіемъ покачала головой.

— Я тоже намѣрена у него кой-о-чемъ спросить, затѣмъ

и пріѣхала, молвила она шопотомъ: Грусть такая, сердце щемитъ... сама не знаю отчего... словно бѣду какую чую; а сама здорова, и дѣти тоже, слава Богу.

— А все лукавый на унынiе наводитъ, Наташенька; право такъ... Да что мы гостью-то не попотчуемъ?.. Соня! чаю Натальѣ Ивановнѣ! молвила хозяйка, обращаясь къ старшей дочери.

Надя подала чай гостьѣ.

— Да у васъ все дѣти прислуживаютъ! Какъ это хорошо, сестрица! пріятнѣе чѣмъ изъ чужихъ рукъ... право-съ! замѣтила Отрубева.

— Они у меня послушаніе несутъ, привыкаютъ; правда, я, грѣшна, я и всегда заботилась о ихъ смиреніи, сказала самодовольно Катерина Васильевна; онѣ у меня, Наташенька, слава Милосердому, совсѣмъ не имѣютъ житейской гордости, или мірскихъ желаній; другія, знаешь, пожалуй, и нарядовъ-бы запросили, а онѣ и не думаютъ.

Въ это время Иванъ Павлычъ всталъ, и, поднявъ свою палку, принялся прыгать па одной ногѣ, вокругъ подноса съ чашкою. Надя подошла и хотѣла взять подносъ.

— Не смѣй!.. крикнулъ онъ дикимъ голосомъ, не переставая кружиться. Сдѣлавъ два-три прыжка, и поднявъ подносъ, подалъ его съ низкимъ поклономъ Натальѣ Ивановнѣ. Та робко приняла, смотря съ боязнію на всклоченную голову юродиваго.

— Покорно благодаримъ, Иванъ Павлычъ! садись-ка, садись, рабъ Божій, между нами; молвила привѣтливо Катерина Васильевна и подвинулась въ уголъ дивана. Иванъ Павлычъ безцеремонно помѣстился между хозяйкою и Натальею Ивановной. Послѣдняя боязливо отъ него отодвинулась и смотрѣла съ недоумѣніемъ въ пустую чашку, не зная, что съ нею дѣлать.

— Пей! сказалъ юродивый, нагло посмотрѣвъ на гостью.

— Да тутъ ничего нѣтъ, чашка пустая, отвѣтила робко послѣдняя.

— А! вы любите полныя-то чаши, пустыхъ не любите! Знаю, знаю!.. и Иванъ Павлычъ замололъ скорюговоркой: стоятъ семьдесятъ семь горшковъ, полнымъ полны, сокрая-

ми ровны, кади не съ пшеницей, не съ чечевицей, золотомъ насыпаны, полны сусѣки серебра и куры не клюютъ, несутъ курицы золотыя яйцы...

— Богатство тебѣ пророчитъ, — шепнула Катерина Васильевна гостьѣ.

— Иванъ Павлычъ! проговорила не смѣло Наталья Ивановна: у насъ суденышко съ хлѣбцомъ въ путинѣ; благополучно-ли оно приплыветъ?

— А что-жъ ты мнѣ дашь, Наташа, коли я пѣсенку спою? А? что ты мнѣ дашь?

Наталья Ивановна посмотрѣла вопросительно на хозяйку.

— Дай ему хоть цѣлковый, если есть съ тобой деньги, молвила та тихо.

Наталья Ивановна достала изъ кармана бисерный кошелекъ, въ которомъ нашлось мелочи целковыхъ на два; она всѣ деньги подала предсказателю.

Иванъ Павлычъ всталъ, повергѣлся на одной ногѣ, подошелъ къ столу и наливъ въ полоскательную чашку воды, бросилъ туда деньги, и, сталъ смотрѣть, выдѣлывая самыя странныя гримасы; потомъ дико затянулъ:

«Плыветъ, плыветъ корабликъ
«Съ парчами, съ соболями,
«Съ добрыми молодцами...

— Слышишь! шептала Катерина Васильевна, подталкивая подъ-бокъ Наталью Ивановну.

Послѣдняя кивнула головой; сердце ея радостно билось.

Но юродивый выбралъ изъ чашки деньги, спряталъ ихъ къ себѣ въ рукавъ, а водою съ ногъ до головы окатилъ Соню. Дѣвушка вскрикнула и убѣжала.

— Вотъ, славно, ха, ха, ха! хохоталъ во все горло Иванъ Павлычъ, и прибавилъ, обратясь къ хозяйкѣ: Катюша! вели-ка мнѣ сдѣлать пуншикъ.

Катерина Васильевна сердито посмотрѣла вслѣдъ убѣжавшей дочери, и обратилась ко второй.

— Надя! сдѣлай пуншикъ Ивану Павлычу.

Дѣвушка принялась исполнять приказаніе, но когда стала подливать въ стаканъ рому, юродивый подскочилъ и безце-

ремонно началъ колотить по рукѣ молодую хозяйку, такъ что ромъ лился черезъ край стакана на блюдечко.

— Иванъ Павлычъ! пропищала дѣвушка, отнявъ бутылку.

— Надя! что ты! молвила строго мать, развѣ ты не понимаешь, что Иванъ Павлычъ пророчитъ намъ *въ полномъ* домѣ жить... Но уже лить было не куда, блюдечко было полно, и предсказатель, схвативъ стаканъ, принялся со смѣхомъ пить, потомъ запѣлъ:

«Ужъ ты роща, березовая,
«А въ тебѣ, рощица, брала Маша ягодки,
«Калину съ малиною...

— Слышите, Катерина Васильевна, что братецъ-то пророчитъ? пророчитъ дорогу, значитъ мы отъ васъ скоро отправляемся, пойдемъ лѣсами и будемъ питаться ягодками, замѣтила смиренно Марья Павловна, доселѣ молчавшая.

— Что это вы, Марья Павловна! Да какъ я рада-то васъ въ своей хижинѣ видѣть! развѣ что не понравилось Ивану Павлычу? Такъ ужъ уговорите его, чтобъ простилъ наши недостатки... а я право рада, еслибъ вы погостили, отвѣчала хозяйка.

— Покорно благодаримъ, наша матушка, за ваше радушіе, отвѣчала странница съ низкимъ поклономъ. Но что-жъ дѣлать, когда посвятили себя страннической жизни; не все покоиться въ вашемъ благопріятномъ домѣ, пора подумать и о новыхъ трудахъ... Жалѣю только, что съ вами, сударыня, прежде не познакомилась, вы тоже добрая душа, какъ видно, не гнушаетесь насъ, смиренныхъ рабовъ Божіихъ... примолвила она, обращаясь къ Натальѣ Ивановнѣ.

— Я тоже съ своей стороны очень жалѣю, что не пригласила васъ посѣтить мой домъ. Удивляюсь я, такія вы, Марья Павловна, еще молодыя, а обрекли себя на такую многотрудную жизнь: легко сказать, безъ вѣрнаго пристанища ходить по бѣлу свѣту! сказала ласково Наталья Ивановна.

— Молода я, правда ваша,—отвѣчала Марья Павловна, потупя глаза: такъ что-жъ, покуда въ силахъ; зачѣмъ же

дожидаться хворой старости, когда ноги ходить не будутъ... А теперь, вотъ мы съ братцомъ, два раза были въ Кіевѣ, два раза въ Новомъ Іерусалимѣ; теперь собираемся въ старый, если боголюбцы помогутъ...

— Доброе дѣло, но трудное, Марья Павловна! Говорятъ, тамъ вѣдь по-русски ни слова не знаютъ. А на пути-то все разбойники, такъ, говорятъ, и губятъ, и губятъ прохожихъ, которымъ откупиться не чѣмъ... замѣтила хозяйка.

Вошла Соня.

— Что это, сударыня, бѣгаешь! дура ты этакая! гдѣ-бы радоваться, что праведный человѣкъ, значитъ, можетъ быть здоровье тебѣ пророчитъ, или особую какую благость, а она изволитъ кричать, замѣтила строго Катерина Васильевна.

— Маменька-съ, да какъ-же-съ! Вѣдь я испугалась; я была вся мокрая, нужно было платье перемѣнить-съ, отвѣчала робко дочь.

— Перестань, сударыня, дурачиться, ишь испугалась! А чего, позволь спросить? Молчать у меня!.. чтобъ я больше не слышала! Дѣвушки переглянулись и тихонько пересмѣхнулись, увидѣвъ, что мимо окна проѣхалъ верхомъ адъютантъ.

— Иванъ Павлычъ! заговорила Наталья Ивановна: я къ вамъ, батюшка, за совѣтомъ: задумала я свадьбу устроить, какъ вы скажете, а?

Иванъ Павлычъ, кончивъ свой пуншъ, понюхалъ изъ тавлинки табаку и отвѣчалъ съ разстановкою:

— Ѣхалъ мужикъ на телѣгѣ, были запряжены двѣ лошади: одна ретивая, другая лѣнивая; первая впередъ бѣжитъ, а послѣдняя упирается; обѣ мучатся, и выходитъ дрянь. А кабы была запряжена одна ретивая, то бѣжала бы какъ ей надо, а одна лѣнивая, тащилась-бы тоже какъ хотѣла. Не надо, не нужно, дочь не женится, сынъ замужъ не пойдетъ... надѣнутъ дѣвушки черныя шапочки... ха, ха, ха... Понюхай-ка, Наташа, табачку!.. Иванъ Павлычъ поднесъ свою раскрытую тавлинку къ самому носу Натальи Ивановны.

— Я не нюхаю, Иванъ Павлычъ, отвѣчала она и шепнула хозяйкѣ: значитъ, сестрица, свадьбѣ не бывать?

— Разумѣется! да что-жъ это за свадьба! неужели ты о Пашѣ думаешь? кажется, рано, еще молодъ!

— Нѣтъ, не о немъ, я такъ... задумала объ одной дѣвушкѣ. Неужели, что онъ говоритъ, все можетъ сбыться?

— Увѣряю я тебя, что это праведный человѣкъ! не только что можетъ случиться, да что и думаешь, и то можетъ быть знаетъ...

— Господи помилуй! прошептала со страхомъ Наталья Ивановна, усомнившаяся въ святости Ивана Павлыча, видя, съ какимъ удовольствіемъ онъ тянулъ пуншъ. Сестрица, я не знаю, право... можетъ и грѣшу, а вѣдь онъ, посмотрите-ка, и хмѣльное пьетъ, и табакъ нюхаетъ, замѣтила она на ухо Катеринѣ Васильевнѣ.

— Это онъ, другъ мой, такъ на себя юродство накидываетъ, чтобъ люди его поста не видѣли, а ты думаешь онъ изъ удовольствія? О! нѣтъ!

Иванъ Павлычъ вышелъ.

— Уже хотя на единую минуту, а буду у васъ, Наталья Ивановна; за грѣхъ считаю не посѣтить васъ! сказала умилительно Марья Павловна: много святыхъ мѣстъ, предполагаемъ мы съ братцомъ посѣтить, можетъ, возъимѣете усердіе на свѣчи послать?

— Зайдите, Марья Павловна, во всякое время я рада буду.

— Ужъ, конечно, позволите съ братцомъ. Одна я никуда не хожу, грѣшница.

— Рѣдко вы насъ посѣщаете, Наталья Ивановна, вотъ что-съ. Сказалъ вдругъ Алексѣй Алексѣичъ, доселѣ молча перебиравшій какую-то книгу; а Петръ Васильичъ и вовсе къ намъ не заглядываетъ, да-съ, наше общество ему не нравится. Вѣдь онъ такой *вольнодумецъ*. Хе, хе, хе!

— Что это Алексѣй Алексѣичъ! ты ужъ вовсе изъ ума выжилъ. Да какъ тебѣ не стыдно, да какъ тебѣ не грѣхъ такія богопротивныя слова говорить! Ты его вольнодумцемъ называешь... Развѣ мы не знаемъ, что Петръ Васильичъ

и въ церковь ходитъ... Ахъ, ты грѣховодникъ! сказала Катерина Васильевна.

— Ну что-жъ я такое сказалъ? я ничего... Петръ Васильичъ такой-же православный, только многаго не любитъ такого, что любишь ты; да и смѣется еще вдобавокъ... Вѣдь я правду говорю; Наталья Ивановна, что вы, на это скажете-съ?

Наталья Ивановна только махнула рукой.

— Полно, судырь, о людяхъ говорить, самъ-то ты что дѣлаешь? человѣкъ ты старый, сѣдинами украшенъ... гдѣ бы иной разъ что нибудь назидательное прочитать, на пользу себѣ и другимъ, а ты, только и вижу, что какую-то театральную книжонку въ рукахъ вертишь. Стыдно сказать — урокъ дѣтямъ, примѣръ поучительный. Охъ ты, грѣховодникъ!..

— Ну, вся разсердилась! сказалъ въ полголоса Алексѣй Алексѣичъ, понюхавъ табаку изъ большой серебряной съ чернью табакерки, продолжалъ вслухъ:

— Э-хе-хе!.. что-жъ тутъ за грѣхъ? Не вижу, матушка, никакого грѣха, умное сочиненіе просмотрѣть, это видишь *горе отъ ума*, то есть критика...

— Перестань ты съ критиками своими. Что такое критика? праздные люди, отъ нечего дѣлать, или отъ злости пересуживаютъ другъ-друга. Стыдно, судырь, тебѣ такими пустяками заниматься! Горе отъ ума! послушайте добрые люди!.. прибавила Саламатина, обращаясь къ гостямъ: горе отъ ума! Да развѣ отъ ума терпѣлъ кто горе?.. терпятъ, судырь, горе-то, да только отъ безумія. Вотъ что!

Алексѣй Алексѣичъ махнулъ обѣими руками и вышелъ въ залу, забывъ на окнѣ табакерку.

— Ужъ какъ бы мнѣ дочерей-то поскорѣй Богъ привелъ избавить отъ такого соблазна! сказала со вздохомъ Катерина Васильевна.

— И такъ вы думаете дѣвицъ?.. молвила Отрубева.

— Въ монастырь... Ужъ это рѣшено давно; пусть молятся за меня Богу! перебила хозяйка.

Въ залѣ послышалось шушуканье, поцѣлуй, и голосъ

Петра Васильича Отрубева. Потомъ онъ явился на порогѣ гостиной, въ сопровожденіи хозяина.

— Ну вотъ и я къ вамъ! мое почтеніе, Катерина Васильевна! здоровье ваше? Пріѣхалъ я домой, говорятъ: Наталья Ивановна уѣхала къ Катеринѣ Васильевнѣ, ну и я слѣдомъ за женой.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ, не видала васъ, Петръ Васильичъ. Садитесь-ка, милости просимъ! говорила хозяйка: вотъ здѣсь, гость дорогой, возлѣ Натальи-то Ивановны. Эй, Якимовна! чаю Петру Васильичу!

Отрубевъ и хозяинъ помѣстились на ближнихъ креслахъ. Остывшій самоваръ унесли со стола. Дочерямъ мать приказала идти въ свою комнату.

— О, у насъ все тѣ же гости, Катерина Васильевна! Вы нисколько не перемѣнились! Право, какъ вы постоянны! замѣтилъ гость, посмотрѣвъ холодно на Марью Павловну, которая потупилась.

— Поздно ужъ мнѣ, да и грѣшно на старости лѣтъ мѣняться, отвѣчала хозяйка; какіе-жъ тѣ же гости у меня? эта смиренная странница еще не давно... вы, вѣрно, ее не видали?

— Право, не помню. Я хотѣлъ только сказать, что вы по прежнему окружаете себя странниками разнаго рода, ханж...

Наталья Ивановна толкнула тихонько мужа.

— Ну что-жъ ты толкаешься! развѣ я не правду говорю?..

Катерина Васильевна поморщилась.

— Полно, полно, вольнодумецъ! хе, хе! Когда ты исправишься? сказалъ весело хозяинъ.

Марьѣ Павловнѣ было очень не ловко; она встала, подошла къ окну, повертѣлась и сѣла въ самый дальній уголъ.

— Петръ Васильичъ, я думаю, всякій воленъ принимать въ своемъ домѣ кого онъ хочетъ, замѣтила съ неудовольствіемъ хозяйка.

— Я не спорю съ вами, только позвольте замѣтить, что вѣрно скучно вашимъ дочкамъ вести такую, какую-то затворническую жизнь?.. право! А я Софьѣ Алексѣевнѣ и жениха

нашелъ. Ну-ка, Катерина Васильевна, не лучше-ли веселымъ пиркомъ, да и за свадебку, чѣмъ притворствовать-то тутъ! Право!..

Наталья Ивановна сидѣла точно на угольяхъ.

— Петръ Васильичъ! прошептала она.

— Ну что такое, Петръ Васильичъ! развѣ я не правду говорю?

— Никто васъ не проситъ искать жениховъ для моихъ дочерей, сказала съ видимой досадой хозяйка, кусая губы. Съ своими дочерями я и сама умѣю распорядиться безъ вашего вмѣшательства; я сказала, что онѣ не будутъ замужемъ, ну, и не будутъ, я хочу чтобъ онѣ шли въ монастырь, и пойдутъ, значитъ я мать, и властна дѣлать изъ нихъ что хочу. У меня, слава Богу, онѣ не смѣютъ и губами перешевелить. А вамъ, Петръ Васильичъ, не слѣдовало-бы насмѣхаться надо мною; у васъ у самихъ дѣти...

— О, да вѣрно съ вами не сговоришь! Ну, Богъ съ вами, совсѣмъ; боюсь только, что и жена моя не набралась бы отъ васъ такихъ же душеспасительныхъ мыслей, тогда хоть изъ дому бѣги... А замашки-то ужъ появляются. Послушай-ка, Алексѣй Алексѣичъ, у меня и Наталья Ивановна, въ подражанье твоей супругѣ, пріучила какую-то пройдоху... сказалъ Петръ Васильичъ, обращаясь къ хозяину, который уже суетился около окна, то заглядывая подъ столъ, то шаря руками подъ стульями.

— Слышу, слышу! отвѣчалъ послѣдній. Эка пропасть! куда она запропастилась?

— Да что ты тутъ дѣлаешь?

— Табакерку, братецъ, ищу; не помню, гдѣ положилъ.

— Петръ Васильичъ! молвила съ упрекомъ Наталья Ивановна, покачавъ головой.

— Что, я развѣ не правду сказалъ? Однако здѣсь очень жарко, пойдемъ-ка сюда, Алексѣй Алексѣичъ! Отрубевъ всталъ и вышелъ въ залу, на порогѣ столкнулся съ Иваномъ Павлычемъ.

— Это что еще за *нечоса* у васъ? Тьфу, ты, чортъ! Кто онъ такой? спрашивалъ онъ строго.

— Человѣкъ, отвѣчалъ юродивый, закатывая глаза подъ лобъ.

— Не кобенься, пожалуйста! какой-же ты человѣкъ, кто и откуда?

— А тебѣ на-что? Человѣкъ я Божій, обшитъ кожей, отвѣчалъ какъ будто не хотя странникъ, прошелъ мимо Отрубева, закинувъ голову и развалился на диванѣ, между хозяйкой и Натальей Ивановной.

— Знаешь-ли что? — и барабанъ обшитъ кожей. А что, если палки, которыя гуляютъ по барабанной кожѣ, разгуляются грѣхомъ по твоей,—что ты на это скажешь, любезный? проговорилъ Петръ Васильичъ, нахмуривъ брови.

— Вы осмѣливаетесь обижать въ моемъ домѣ смиренныхъ странниковъ, людей праведныхъ! Вы ничему не вѣрите, Петръ Васильичъ; смотрите, не получите за то наказанія свыше... проговорила Катерина Васильевна, съ угрожающимъ видомъ и поблѣднѣвъ съ досады.

— Сестрица, извините его, ужъ у него такой *харахтеръ*, вставая, сказала взволнованнымъ голосомъ Наталья Ивановна.

— Сиди, сиди, Наташенька! я тебѣ рада, мой другъ; но мнѣ, право, обидно...

— Я васъ не думалъ обижать; но воля ваша, не заставите меня считать праведникомъ всякаго бродягу. Въ былыя времена, сударыня, праведники не заглядывали въ тѣ дома, гдѣ сладко кормятъ, и не лѣзли напоказъ, а всячески скрывались, чтобъ люди не замѣтили ихъ подвиговъ. Вотъ что! А это что такое? лѣнтяи, и, работать не хотятъ, тунеядцы, къ старухамъ подбиваются, строятъ имъ турусы на колесахъ, да деньги выманиваютъ; одну одурачатъ, къ другой идутъ; вотъ и все!.. Чего это, право, полиція-то у насъ смотритъ? тоже съ досадой проговорилъ Петръ Васильичъ.

— Господи! какое вольнодумство! воскликнула сквозь слезы хозяйка и заткнула себѣ уши.

— Ну вотъ и сама, матушка, проговорила богопротивное-то словцо, замѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ, поднимаясь съ полу. Не могу найдти... что ты будешь дѣлать... куда это она дѣвалась?.. Эй! Якимовна!..

Якимовна явилась на зовъ.

— Поищи ты моей табатерки, не знаю куда дѣвалась! помнится, я тутъ на окнѣ ее оставилъ.

Ключница принялась искать табатерку.

Между тѣмъ Иванъ Павлычъ нагло погрозилъ Петру Васильичу палкою.

— Каналья!.. произнесъ послѣдній, выходя въ залу. Ну, Алексѣй Алексѣичъ, только съ тобой ссориться не хочу, сказалъ онъ, когда подошелъ къ нему хозяинъ: а то я съумѣлъ-бы проучить этого *нечосанаго* шельму, я отправилъ бы его въ полицію, не посмотрѣлъ-бы на защиту Катерины Васильевны. Ишь, смѣетъ мнѣ палкою грозить! мерзавецъ!

— Полно, братецъ; стоитъ-ли обижаться. Чего ты захотѣлъ отъ дурака?

— Ну ужъ мое почтеніе! Я бы тогда узналъ, дуракъ онъ или наглый плутъ; удивляюсь я тебѣ, Алексѣй Алексѣичъ! Ну можно-ли терпѣть подобныя женины дурачества! Положимъ, что она сердобольна и пусть накормитъ ихъ, когда они голодны, дастъ ночлегъ на ночь, ну это куда не шло; а-то окружать себя безпрестанно подобными уродами, день и ночь сидѣть съ ними; и, какъ какую нибудь диковинку, возить ихъ на показъ съ собою въ коляскѣ!.. А кто ихъ знаетъ, можетъ быть они какіе нибудь бѣглые мошенники! По правдѣ сказать, привольская, братецъ, полиція, часто не знаетъ, что у ней подъ носомъ дѣлается. Какъ хочешь, все это ни на что не похоже.

— Что ты будешь дѣлать! сказалъ хозяинъ со вздохомъ, садясь противъ гостя, и пожавъ плечами. Я тоже сперва и такъ и сякъ — куда ты! жалуется, что преграждаю ей путь къ спасенію, и то и другое... Ну, скрѣпилъ свое сердце и махнулъ рукой. Богъ съ тобой! думаю, живи, матушка, какъ хочешь, тревоги и ссоры не люблю; притомъ-же ея причуды никому большаго и вреда не дѣлаютъ.

— Напротивъ, другъ любезный, вредъ-то они дѣлаютъ большой. При всемъ моемъ уваженіи къ Катеринѣ Васильевнѣ, замѣчу, что она не совсѣмъ хорошо поступаетъ; пусть бы

ужъ хотя сама-то хаживала, какъ хотѣла, а-то и дочерей-то къ тому-же ведетъ. Что вамъ выдать что-ль ихъ не чѣмъ?

— Петръ Васильичъ, дочери наши сами желаютъ въ монастырь.

— А ты ихъ спрашивалъ объ ихъ желаніи?

— Что мнѣ спрашивать-то! Что я? мое, братъ, мужское дѣло. Ихъ должна мать руководствовать!

— То-то и есть. А я думалъ Соню-то бы за Петрушу Шестунова. Ужъ смазали бы дѣло. Какъ ты думаешь?

— Поди-ка, сговори съ Катериной Васильевной. Охъ, братъ! Алексѣй Алексѣичъ махнулъ рукой: Якимовна, что-жъ табатерка?

— Не нашла, сударь, Алексѣй Алексѣичъ! ужъ вѣрно дѣти затащили, отвѣчала ключница, выходя изъ гостиной.

— Ну такъ поскорѣй, хоть чай давай.

— Какое къ праху дѣти затащили, дѣти давно ушли, лишь Наталья Ивановна пріѣхала, сказалъ хозяинъ, по уходѣ ключницы.

— Вотъ къ слову, хоть-бы и младшія-то ваши дѣти, гдѣ они? при васъ ихъ никто никогда не видитъ, прячутся, гдѣ-то по закоулкамъ.

— Эхъ братецъ! шалуны, шалятъ, шумятъ.

— Они и всегда будутъ шалунами, когда только съ прислугою на кухнѣ обращаться станутъ, а пріѣдетъ, напримѣръ, кто нибудь къ вамъ, они и носа показать не смѣютъ. *Не изъ рода вонъ*, моя Наталья Ивановна, тоже выдумала держать Ѳедю, всегда одного въ дѣтской, кормитъ на особицу; я вчера ужъ вниманіе на то обратилъ, говорю: что это, сударыня, что ты сына-то дикаремъ что-ли хочешь сдѣлать! Нѣтъ, такъ-то, почтеннѣйшій Алексѣй Алексѣичъ! нонче свѣтъ другой пошелъ, надобно дѣтей въ люди выводить.

— Правда твоя, я согласенъ, да что ты будешь дѣлать, мать того не хочетъ: а спорить, непріятности заводить, я не люблю.

— Неизлѣчимъ, братъ ты, совсѣмъ неизлѣчимъ, Алексѣй Алексѣичъ! сказалъ Огрубевъ, покачивая головой. Да и всѣ-то вы *чудные*, вотъ у васъ и Николай Алексѣичъ, человѣкъ-бы кажется умный, а со стороны посмотришь, точно

чужой въ своей семьѣ, вѣчно на фабрикѣ торчитъ; изъ дому бѣжитъ какъ угорѣлый; домашніе безпорядки для него *трынъ трава*. Впрочемъ извини, братъ Алексѣй Алексѣичъ, что я говорю то, чтобы не должно, не мое дѣло; говорятъ: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Душевно тебя люблю и уважаю, а бывать у васъ часто не могу, потому что лишь попаду къ вамъ, непремѣнно съ Катериной Васильевной поссорюсь. А что за радость!..

— Полно, Петръ Васильичъ, перестань пожалуйста, перебилъ хозяинъ. Мало ли что между родственниками говорится; если что такое и сказалъ ты, что Катеринѣ Васильевнѣ не понравилось, то я увѣренъ, что все же изъ желанія намъ добра. Ну, а что я тебя люблю, и уважаю, такъ ужъ ты братецъ, въ томъ не сомнѣвайся... Якимовна, сдѣлай-ка намъ по пуншику, только смотри: не по будничному, а по праздничному. Понимаешь!.. примолвилъ онъ, хлопнувъ легонько по плечу ключницу, подошедшую съ чаемъ.

— Ого! любезный, какія нѣжности! сказалъ гость, засмѣявшись, и принимаясь за стаканъ: — смотри, жена увидитъ, бѣда! Пожалуй и ключницу къ шаху! А ключница-то у васъ славная! Смотри-ка какая пышка!

— Что эвто-съ, Петръ Васильевичъ, ужь что нибудь да скажете... право-съ!.. молвила Якимовна, закраснѣвшись и убѣгая въ буфетъ.

— Ахъ ты шутникъ! однако на счетъ Катерины Васильевны, братецъ мой, того-то...

— А что?

— Да такъ, святоша стала... совсѣмъ святоша.

— Вотъ что! такъ значитъ на твои проказы глядитъ сквозь пальцы; а ты ея дурачествамъ поблажаешь. Это ужь что-то будто по дворянски. Смотрите чего добраго, не разойдитесь на разныя половины, чтобъ обоимъ было удобнѣе... да!

— Шутникъ ты ей-Богу! Хе, хе, хе! разсмѣшилъ, братецъ. Однако шутить нечего, жена и такъ этто пристала, отпусти ее, видишь, въ монастырь съ дочерьми; тамъ она, слышь, годъ али два проживетъ, устроитъ ихъ, поглядитъ на ихнее житье-бытье.

— Такъ что жъ ты?

— Да помилуй, братецъ!.. какъ же я тутъ съ младшими-то дѣтьми останусь!

— Напрасно. А я бы, знаешь ли, что сдѣлалъ, отвезъ-бы ее самъ, да въ такую пустыню, гдѣ монахини сами все черныя и тяжелыя работы исправляютъ, безъ всякаго лицепріятія, да попросилъ бы еще, чтобъ ее тамъ къ трудамъ-то хорошенько постарались пріучить. Вотъ что-съ! А то у этихъ барынь монастырская-то жизнь только на языкѣ...

Якимовна подала стаканы съ пуншемъ.

— Совсѣмъ забылъ я тебѣ сказать, Алексѣй Алексѣичъ, я новыхъ лошадей купилъ у Кутилова. Посмотри-ка какія; нарочно велѣлъ въ коляску запречь и прикатилъ сюда на нихъ.

— Ахъ ты мотъ, мотъ! Развѣ сѣрая-то пара у тебя, худа что ли была? сказалъ, покачавъ головой, Саламатинъ.

— Куда сѣрыя, одна захромала... а ты посмотри-ка, братъ, что это за лошади! небось у всякаго зубы разгорятся; онѣ у воротъ, — я Ванькѣ не велѣлъ въѣзжать на дворъ. Пойдемъ-ка въ столовую... посмотри...

Хозяинъ и гость вышли, и долго изъ окна столовой любовались стоявшими за воротами лошадьми. Когда они опять возвратились въ залу, стаканы ихъ были порожни, и стояли опрокинуты вверхъ дномъ.

— Это что! воскликнули почти въ одинъ голосъ хозяинъ и гость.

— Ужь вѣрно Иванъ Павлычъ спроказилъ! сказалъ, засмѣявшись, хозяинъ, желая обратить все въ шутку.

— И это ничего у васъ, позволяется? молвилъ Отрубевъ, вспыхнувъ отъ досады.

— Да что ты будешь дѣлать съ дуракомъ!.. Эй, Якимовна!

— Не надо, молвилъ гость, нахмуривъ брови: — не безпокойся, пожалуйста, Алексѣй Алексѣичъ, мнѣ пора домой; а то ваши дураки еще какую нибудь дурацкую шутку подшутятъ, чего я терпѣть не могу. Онъ всталъ.

На крикъ хозяина вмѣсто ключницы вошла горничная.

— Звать изволили-съ? Степаниды Якимовны нѣтъ-съ, сказала она.

— Возьми стаканы, и вели Якимовнѣ сдѣлать пунши, приказалъ хозяинъ.

— Ай! Иванъ Павлычъ! проворчала дѣвка, взявъ подносъ.

— Что такое Иванъ Павлычъ?

— Да ничего-съ; выпилъ пуншъ, и думаю совсѣмъ теперь свалился-съ, отвѣчала горничная.

— А ты развѣ видѣла, какъ онъ пилъ?

— Видѣла-съ.

— Дура! отчего-же ты ему ничего не сказала?

— Помилуйте, Алексѣй Алексѣичъ, развѣ я смѣла что нибудь сказать-съ! вы сами изволите знать, какъ бы за это Катерина Васильевна прогнѣвалась...

— Ну, ну, замолчи пожалуйста, сказалъ хозяинъ, которому уже замѣтно дѣлалось стыдно.

— Наталья Ивановна, пора домой! Наталья Ивановна, слышишь! пожалуйста поскорѣй... говорилъ Петръ Васильичъ, быстро подходя къ дверямъ гостиной.

Наталья Ивановна поднялась и стала торопливо прощаться съ хозяйкой.

— Наташенька, посиди, мой другъ, я тебѣ рада, говорила Катерина Васильевна: куда торопиться-то?

— Ну-же, пора, пора, Наталья Ивановна! говорилъ Отрубевъ, стоя въ дверяхъ.—Мое почтеніе, Катерина Васильевна... за угощеніе! — счастливо оставаться...

— Помилуйте, Петръ Васильичъ. Ужь заторопились. Рѣдко къ намъ жалуете, да и то словно на угольяхъ; и поглядѣть-то на себя не дали.—Посидите пожалуйста, сказала хозяйка.

— Покорно благодаримъ-съ... Ужь пожалуйста не удерживайте... ну же Наташенька!

— Къ намъ милости просимъ, сестрица, пожалуйте, проговорила Отрубева, накидывая шаль.

— Только пожалуйста безъ вашихъ юродивыхъ, договорилъ мужъ. Саламатина не слыхала.

— Заторопились вдругъ, и Боже мой! скоро больно надобно. Ахъ Петръ Васильичъ! точно загорѣлось!..

— Да, загорѣлось... загорѣлось мое самолюбіе, Катерина Васильевна, то есть, позвольте вамъ доложить, что вашему дураку себя дурачить не позволю; съ вами онъ все можетъ дѣлать, но со мной... вретъ онъ собачій сынъ! не на такого напалъ, я попрошу полиціймейстера, чтобъ онъ допытался, что это за праведникъ такой; тогда увидимъ. Жаль только, что теперь его здѣсь нѣтъ, проговорилъ Петръ Васильичъ, сурово оглядывая гостиную, изъ которой къ счастію Иванъ Павлычъ улизнулъ.

— Прощенья просимъ... сказалъ Огрубевъ Катеринѣ Васильевнѣ, повернулся, и быстро и гордо пошелъ черезъ залу, пожавъ на походѣ руку оторопѣвшему хозяину. Наталья Ивановна также съ нимъ поклонилась, спѣша догнать мужа.

— Господи! произнесла обиженнымъ тономъ Саламатина, и, залившись слезами, опустилась на диванъ.

— И все-то вы изъ-за насъ терпите такія непріятности, наша благодѣтельница!.. сказала слезливымъ голосомъ, выходя изъ угла Марья Павловна: — ужь позвольте лучше мнѣ несчастной удалиться! не могу видѣть, не могу видѣть вашихъ слезъ, вашего безпокойства-съ!

— Нѣтъ, нѣтъ, душенька моя Марья Павловна; напротивъ, останьтесь, сядьте тутъ возлѣ меня. Развѣ вы не видите, что это искушеніе... надо перенести... Катерина Васильевна утирала глаза. Странница послушно помѣстилась возлѣ нея на диванѣ, и вздыхала какъ только могла, вторя глубокимъ вздохамъ хозяйки.

Между-тѣмъ сконфуженный хозяинъ думалъ немножко поправиться, понюхавъ табаку; но какъ въ жилетномъ карманѣ табатерки не отыскалось, то онъ только въ раздумьи почесалъ за ухомъ, и поникнувъ головой, остался на мѣстѣ.

— А! такъ вотъ онъ гдѣ! хорошо! нашелъ-таки, нашелъ!.. кричалъ басистый голосъ за дверьми. Дверь распахнулась, и Петръ Васильичъ лицомъ-къ-лицу столкнулся съ Ильею Епифанычемъ Чемодановымъ.

IV.

— Нашелъ-таки, нашелъ друга... не переставалъ кричать Илья Епифаныч, едва протолкнувшись въ половинку двери, и покушаясь закинуть свои короткія жирныя руки на шею Петра Васильича, который однако жъ успѣлъ отшатнуться.

— Илья Епифанычъ! воскликнули въ одинъ голосъ гость и хозяинъ. Къ послѣднему, при появленіи посторонняго лица, успѣла возвратиться его обыкновенная живость.

Илья Епифанычъ Чемодановъ никто иной былъ, какъ исправникъ привольскаго земскаго суда. Краснощекій, усатый, толстякъ-помѣщикъ, картежникъ, кутила, и извѣстный коноводъ, знакомый со всѣми въ городѣ, знающій каждаго въ лицо и по имени, даже десятилѣтнихъ дѣтей. Видя, что Отрубевъ уклонился отъ его душныхъ объятій, Чемодановъ протянулъ обѣ руки и гостю и хозяину.

— Петръ Васильичъ! Алексѣй Алексѣичъ! какъ поживаете, господа? Наталья Ивановна, — ваше здоровье? Что ваши дѣточки-съ?

— Поживаемъ, слава Богу, отвѣчали въ одинъ голосъ Отрубевъ и Саламатинъ. Наталья Ивановна, молча, поклонилась.

— А я, представьте, не утерпѣлъ, ей-Богу не утерпѣлъ... продолжалъ исправникъ скороговоркой: — иду, вижу кутиловская пара у воротъ стоитъ; Ваньку тоже твоего узналъ, Илья Епифанычъ обратился къ Отрубеву; — спрашиваю: хозяинъ, говоритъ, купилъ. Чортъ возьми, думаю, а самъ сюда... ну, Петръ Васильичь, укралъ... ей-Богу укралъ. Будь я подлецъ. Объ рождествѣ Александру я за нихъ тысячу давалъ, не продалъ, бестія; при деньгахъ былъ и теперь будь я тутъ, соколики не ушли бы отъ моихъ рукъ: такъ нѣтъ, вѣрно ужь не судьба... унесла меня нелегкая на слѣдствіе, чортъ возьми! Однако я думаю, покупку-то надобно вспрыснуть. Какъ ты думаешь, дружище?

— Такъ что жъ! И поѣдемъ съ нами, Илья Епифанычъ, милости просимъ, я сейчасъ домой, отвѣчалъ Отрубевъ.

— Постой, постой дружище, зачѣмъ торопиться, дай мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, съ хозяиномъ-то... говорилъ исправникъ, схвативъ Петра Висильича за полу сюртука. Ну что, Алексѣй Алексѣичъ, что вашъ Николай Алексѣичъ подѣлываетъ? обратился онъ къ хозяину.

— Да ничего-съ; все тоже что и всегда, отвѣтилъ Саламатинъ.

— Ну пойдемъ, Наташа! Прощайте, господа! И коль поѣдете ко мнѣ, Илья Епифанычъ, то пора, а если нѣтъ, то оставайтесь съ Богомъ, сказалъ Отрубевъ, потянувшись къ двери.

— Да погоди же, дружище, ну подожди немного; дай хоть Катеринѣ Васильевнѣ почтеніе отдать. Я сейчасъ, и выпустивъ изъ рукъ полу сюртука Петра Васильевича, исправникъ поспѣшно побѣжалъ въ гостиную.—Мое наиглубочайшее почтеніе Катеринѣ Васильевнѣ! проговорилъ онъ, расшаркиваясь передъ хозяйкою своими коротенькими ножками.

— Добро пожаловать, Илья Епифанычъ! прошу покорно садиться! побесѣдуйте съ старухой, молвила ласково Катерина Васильевна.

— Некогда, добрѣйшая Катерина Васильевна, ей-Богу некогда, торопл... Чемодановъ не договорилъ, устремивъ свои круглые глаза на Марью Павловну, и подходя поспѣшно къ ней.

Странница тоже какъ взглянула на него, такъ и окаменѣла, словно истуканъ, поблѣднѣвъ смертной блѣдностію.

— Что съ вами, Илья Епифанычъ? спросила въ недоумѣніи хозяйка, взглянувъ на него, и замѣтивъ необыкновенное выраженіе лица исправника.

Вмѣсто отвѣта исправникъ протянулъ руку къ Марьѣ Павловнѣ, какъ-будто хотѣлъ схватить ее за воротъ. Чувство самосознанія мгновенно возвратилось къ странницѣ, она быстро вскочила и хотѣла бѣжать.

— Афроська! крикнулъ громовымъ голосомъ Илья Епифанычъ, и уже безцеремонно держалъ странницу желѣзной рукой. Послѣдняя раскрыла-было ротъ, но не могла произнести ни одного слова; блѣдность ея лица перешла въ зеленый цвѣтъ.

Катерина Васильевна тоже не могла выговорить отъ испуга, и сидѣла, открывъ ротъ и выпучивъ глаза.

— Афроська! ахъ ты мерзавка! попалась наконецъ! эй люди! квартальнаго и будочника! кричалъ Чемодановъ: караулъ! караулъ!

— Караулъ! въ свою очередь проговорила Марья Павловна, и стала съ усиліемъ рваться изъ рукъ исправника.

На крикъ появились въ дверяхъ гостиной хозяинъ и Петръ Васильичъ; изъ-за нихъ робко выглядывала Наталья Ивановна.

— Что вы, Илья Епифанычъ? произнесла наконецъ опомнившаяся Саламатина, и встала, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Ничего, ничего-съ, Катерина Васильевна, успокойтесь! примолвилъ Чемодановъ и закричалъ опять: — Эй! бѣгите за будочникомъ! эй! люди! Да помилуй, Алексѣй Алексѣичъ, пошли же за будочникомъ, сказалъ онъ повелительно, увидѣвъ хозяина. Саламатинъ засуетился, и не зналъ, что̀ дѣлать.

— Къ чему же вы обижаете смиренную странницу, мою гостью? Зачѣмъ схватили ее? что она вамъ сдѣлала, скажите-ка на-милость, Илья Епифанычъ? возразила съ достоинствомъ хозяйка.

— Какая тутъ странница, Катерина Васильевна! это моя Афроська, — увѣряю васъ!

— Обознались вы, Илья Епифанычъ, тоже увѣряю васъ, — это Марья Павловна; она и братъ ея Иванъ Павлычъ посвятили себя страннической жизни. И вотъ пришли помолиться къ намъ въ Привольскъ, ну я, ради Бога, приняла ихъ, успокоила... и вотъ они у меня гостятъ три недѣли...

— Помилуйте, Катерина Васильевна, какая тутъ Марья Павловна! — Это Афроська, моя Афроська, понимаете ли, сударыня! это горничная моей жены, которая четыре года отъ насъ бѣгала; а вы принимаете, укрываете у себя бѣглыхъ! гдѣ жъ ея братъ? это вѣрно тоже какой-нибудь бродяга.

Алексѣй Алексѣичъ и его супруга поблѣднѣли, какъ полотно. — Помилуйте, помилуйте-съ, Илья Епифанычъ! можетъ быть какое недоразумѣніе, произнесъ заикаясь хозяинъ. Между-тѣмъ какъ Отрубевъ насмѣшливо улыбался, супруга его дрожала словно въ лихорадкѣ.

— Кто жъ ты такая—Афроська, аль нѣтъ? вскричалъ горячо Чемодановъ, сильно тряхнувъ страницу. Послѣдняя вмѣсто отвѣта опустилась на колѣни, схватилась за ноги исправника, и чуть слышно произнесла:

— Помилуйте, Илья Епифанычъ! Помилуйте! виновата!

— Видите, Катерина Васильевна!.. вотъ ваша страннипа-та! Да гдѣ жъ тотъ, котораго она братомъ называла?

Саламатина, не отвѣчая, закрыла лицо руками и со стономъ опустилась на диванъ.

— Что жъ, Алексѣй Алексѣичъ, вѣроятно вы съ умысломъ за-знамо укрываете у себя бѣглыхъ? сказалъ Чемодановъ, обращяясь къ хозяину и приходя въ азартъ. Отчего вы до-сихъ-поръ не посылаете за полиціей!... А-сь?

Саламатинъ какъ бомба вылетѣлъ за дверь, чтобъ отдать должныя приказанія. Илья Епифанычъ между-тѣмъ, выпустивъ изъ рукъ свою жертву, заперъ однѣ двери на ключъ, который положилъ себѣ въ карманъ, и самъ сталъ возлѣ Отрубева у зальныхъ дверей.

Всѣ находились въ тревожномъ ожиданіи. Наталья Ивановна жалобно посматривала на Марью Павловну, которая стояла на своемъ мѣстѣ, какъ къ смерти приговоренная. Между-тѣмъ Петръ Васильичъ не переставалъ пожимать плечами, и насмѣшливо поглядывалъ на хозяевъ.

— Охъ, Боже мой! вѣдь знаю! знаю, что это искушеніе!.. Не дай ты мнѣ умереть, дай все перенести, перетерпѣть... охъ, дурно мнѣ, дурно!.. чуть слышно говорила хозяйка, закрывая глаза.

Наталья Ивановна бросилась отъискивать горничную и ключницу, которыя вскорѣ прибѣжали,—одна съ холодной водой, а другая съ спиртомъ. Вслѣдъ за ними явился совершенно разстроившійся Алексѣй Алексѣичъ и бросился къ женѣ.

— Ну что жъ, матушка! ну кто жъ виноватъ, коли случай такой несчастный! ну, кто жъ могъ предвидѣть! бормоталъ онъ, помогая женщинамъ поднять съ дивана охавшую Катерину Васильевну, и увести ее въ спальню.

— Ну что, Алексѣй Алексѣичъ! Хорошо начудила Катерина Васильевна? Вотъ вамъ и праведники ваши смиренные!

Не говорилъ ли я вамъ, что принимаете и сами не знаете кого, сказалъ Отрубевъ, когда возвратился хозяинъ. Саламатинъ только развелъ руками, вздохнулъ и опустилъ голову.

— Прошу васъ, Илья Епифанычъ, какъ благороднаго человѣка, не погубите насъ, сказалъ онъ подумавъ и обращаясь къ исправнику, вѣдь мы не знали; жена имѣетъ, такъ сказать, привязанность къ разнымъ богомолкамъ, — ну что вы будете дѣлать! Хоть самъ-то я и не люблю ханжества, — да вѣдь не станешь же съ нею ссориться каждый день... сами посудите-съ!

— Я вамъ какъ честный человѣкъ говорю: будь я подлецъ, еслибъ другой на моемъ мѣстѣ не съигралъ съ вами шутки, заговорилъ Чемодановъ, хлопнувъ хозяина по плечу; — я только изъ дружбы къ вамъ, вотъ что... ну, Богъ съ вами! Это все Катерина Васильевна виновата. Ну да что будешь дѣлать, Богъ съ ней, имѣю слабость, братцы, дамамъ все прощать.... Право, я радъ, что она попалась. Дѣло вотъ въ чемъ: жена моя страшно ее ко мнѣ ревновала, и иногда этакъ, хлопъ-хлопъ по ланитамъ, знаете. Ну что бы кажется такое, велика ли у барыни рука... отчего бы и не перенести, такъ нѣтъ же. Надобно сказать вамъ, что у Афроськи дурной нравъ, словомъ, дѣвка была непокорливая: ужь коли, бывало, барыня ударила, такъ она убѣжитъ и три дня съ собаками ее не сыщешь... Что жъ, наконецъ, совсѣмъ убѣжала, да и пропадала слишкомъ четыре года...

— Ну, а этакъ жена-то, не напрасно ее къ вамъ ревновала? спросилъ смѣясь Отрубевъ.

— Ужь конечно. Вотъ вамъ доказательство, что если бы что нибудь того-то, такъ неужели бы дѣвка — дрянь этакая, убѣжала отъ такого молодца, какъ я, напротивъ, она должна бы гордиться моимъ вниманіемъ, произнесъ хвастливо Илья Епифанычъ.

Отрубевъ расхохотался.

Вскорѣ пришелъ квартальный, съ двумя будочниками.

— Прикажете обыскать? спросилъ будочникъ, обратясь къ исправнику, и не дождавшись отвѣта, проворно засунулъ руку въ карманъ странницы, вынулъ оттуда что-то блестя-

щее, и поспѣшно спряталъ себѣ въ рукавъ. Движеніе это не укрылось отъ Отрубева.

— Что ты вынялъ у ней? спросилъ онъ подходя.

Будочникъ опять погрузилъ руку въ карманъ и вытащилъ платокъ.

— Больше ничего... отвѣчалъ онъ, размахивая платкомъ.

— Напротивъ, вы вынули ключи.

— Какіе ключи? ничего нѣтъ, посмотрите сами. Будочникъ выворотилъ самый карманъ; но при этой операціи, не ловко запрятанная вещь выпала изъ рукава и покатилась по полу.

— А, вотъ что, Алексѣй Алексѣичъ! табатерка-то твоя... сказалъ Петръ Васильичъ, поднимая ее съ полу и подавая хозяину.

— Ахъ! да какъ, да какимъ манеромъ? Откудова она взялась? спрашивали хозяинъ и Чемодановъ.

— Очень просто: ваша смиренная гостья положила ее въ свой карманъ; а потомъ: *воръ у вора дубинку укралъ...* никто на эти слова не обратилъ вниманія, кромѣ будочника.

— Что вы сказали-съ? спросилъ онъ обернувшись и посмотрѣвъ на Отрубева.

— Я, я сказалъ, что хотя Илья Епифаньичъ и не хотѣлъ Афроську наказывать за побѣгъ, но за воровство я бы совѣтовалъ дать ей хорошую припарку, въ примѣръ прочимъ, кто прячетъ чужія вещи въ свои карманы, за пазуху и въ рукава... сказалъ Петръ Васильичъ, посмотрѣвъ выразительно на будочника. Послѣдній сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но только скривилъ ротъ въ какую-то неестественную гримасу.

По настоянію Чемоданова, отыскали и Ивана Павлыча, который, выпивъ приготовленные въ залѣ праздничные пунши, завалился спать гдѣ-то подъ лѣстницей, въ темномъ чуланѣ. На всѣ вопросы, кто онъ и откуда, юродивый только мычалъ, дико водя глазами вокругъ себя; но когда ему связали руки, и вмѣстѣ съ Марьей Павловной повели въ полицію, казалось, хмѣль вышелъ у него: онъ понялъ, въ чемъ дѣло, затрясся, принимался нѣсколько разъ что-то сказать, заикался и не могъ выговорить ни слова.

— Наконецъ комедія кончилась, пора домой, прощайте Алексѣй Алексѣичъ, сказалъ Отрубевъ, когда увели арестантовъ.

— Посиди, братецъ Петръ Васильичъ; вотъ мы всѣ по пуншику... Сдѣлай, братецъ, компанію Ильѣ-то Епифанычу, сказалъ хозяинъ. А на счетъ комедіи-то, я вамъ вотъ что скажу: читалъ я сегодня «Горе отъ ума» и моя Катерина Васильевна...

— Разыграла: «Горе отъ ханжества,» проговорилъ въ полголоса Петръ Васильичъ.

Хозяинъ понюхалъ табаку, и сильно крякнулъ; напротивъ Чемодановъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Ай-да Петръ Васильичъ! ну съострилъ, удружилъ, нечего сказать, удружилъ! кричалъ онъ, хлопая въ ладоши. Да побудь съ нами! ну куда ты торопишься? У меня, дружище, и дѣла есть... да чортъ съ ними, писарь подождетъ. Хоть какъ ни убивайся, чортъ возьми, а толку больно не много. И я здѣсь останусь изъ любви, изъ дружбы къ почтеннѣйшему Алексѣю Алексѣичу. Ну неужели такой случай, какъ Афроська, долженъ нарушить наши хорошія отношенія? Что вы на это скажете, Алексѣй Алексѣичъ? Будь я подлецъ...

Явилась ключница съ стаканами.

— Вотъ и утѣха, радость дорогая, Аннушка милая! продолжалъ исправникъ, подлипая къ Якимовнѣ: — вѣдь тебя Аннушкой зовутъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчала та жеманно.

— Ну для меня все равно, — ты, милая, не обидься... Тьфу, чортъ, какая дыня! примолвилъ онъ, прищуривъ лѣвый глазъ и смотря въ слѣдъ уходившей въ буфетъ Якимовнѣ.

— Значитъ, вы не ѣдете со мной? спросилъ Отрубевъ, перебивая болтуна-исправника.

— Завтра, завтра, дружище, дѣлаю тебѣ визитъ...

Наталья Ивановна—пошла было проститься съ хозяйкой, но у дверей ее встрѣтила Надя, и объявила шопотомъ, — что только теперь успокоилась маменька и приказала, чтобъ ее никто не безпокоилъ. Между тѣмъ Соня дежурила у постели матери.

— Ну вотъ и праведники ваши! Видѣла исторіи въ ли-

цахъ? говорилъ Петръ Васильичъ своей женѣ, когда сѣли въ коляску. Надѣюсь Наталья Ивановна, ты не будешь подражать Катеринѣ Васильевнѣ?

Отрубева молчала, и только тогда вздохнула свободно, когда завидѣла свой домъ.

Между тѣмъ, какъ хозяева проводили у Саламатиныхъ самый безпокойный вечеръ, въ ихъ собственномъ домѣ въ дѣтской происходила слѣдующая сцена:

На столѣ Ѳедя строилъ карточные домики, сердился, и плакалъ, что они падали. На всѣ его просьбы — помочь ему, сидѣвшая съ чулкомъ у окна нянька, Михайловна, отвѣчала ворчаньемъ, въ родѣ того: «и что это, Ѳедоръ Петровичъ, право, съ пустяками-то мнѣ пристаешь! Дай мнѣ петлю, сударь, поднять; ишь, спустилась, проклятая...» Потомъ она начала громко бранить свои старые плохіе глаза.

Нянька Ѳедора ходила взадъ и впередъ, укачивая на рукахъ Фисочку, и напѣвая звонкимъ голосомъ:

«Ужъ ты котикъ, мой котокъ,
Котикъ, сѣренькій хвостокъ,
Приди, котикъ, ночевать,
Приди, Фисоньку качать.
Ужъ и я тебѣ, коту,
За работу заплачу,
Дамъ тебѣ, коту,
Я кувшинъ молока,
Да конецъ пирога...»

Дитя начинало засыпать, но крикъ Ѳеди опять разбудилъ его, и дѣвочка заплакала.

— Сдѣлай такую милость, Михайловна, погуляй съ Ѳедоромъ Петровичемъ, покуда я дитя укачаю; ишь, она, бѣдняжка, мечется, заночивать ей охота, а вы съ нимъ, мою милушку, будите.

— Ишь, какая указчица! Изволь, барыня-сударыня, такъ вотъ по твоему и будетъ, и пойду съ ребенкомъ шляться по зорѣ, на воздухъ, отвѣчала задорливо Михайловна.

Ѳедора не отвѣтила ничего, покачала головой, и видя, что дѣвочка опять засыпаетъ, принялась снова напѣвать:

«Спи въ тафтѣ,
Пробудись въ камкѣ;

Выростешъ большая,
Станешь въ золотѣ ходить,
Будешь серебро носить!
Нянекъ, мамушекъ
Подарочкамъ дарить,
Сѣнныхъ дѣвушекъ
Гостинчиками дѣлить...»

Въ эту минуту Ѳедя, бросивъ карты, съ хныканьемъ принялся Михайловну звать въ садъ.

— Что это, сударь! развѣ не знаешь, что маменька не приказываетъ поздно вечеромъ на вольномъ воздухѣ быть.

Ѳедя громко заплакалъ и разбудилъ сестру.

— Бога ты не боишься, Михайловна, вѣкъ доживаешь, а снаровки никакой нѣтъ. Знаю, что ты на зло мнѣ дѣлаешь; да *баришна*-то моя милая чѣмъ виновата? Прошу тебя, успокой ты Ѳединьку, дай мнѣ Ѳисочку укачать!

— Вѣкъ-то я доживаю, да, слава Богу, въ дурахъ не бывала до сихъ поръ, только нонче у насъ новые порядки пошли: стали хозяева старыхъ слугъ, что двадцать лѣтъ служатъ, — на пришлецовъ мѣнять, которые два года живутъ. А отчего? Оттого, что язычкомъ услужить умѣютъ... ворчала озлобленная старая нянька.

— Напрасно ты грѣшишь, старушка-Божья, окромѣ тебя никто язычкомъ не служитъ. А право, давно-бы пора, про твои обиды, да не Натальѣ Ивановнѣ сказать — она у насъ добрая душа, — а самому Петру Васильичу... говорила Ѳедора, стараясь казаться равнодушной, — у тебя на всѣхъ зависть, да ненависть Да кабы тебя хозяйка слушала, такъ тутъ никому-бы житья не было-бы; всѣ тебѣ впоперегъ горла стоятъ.

— Чтожъ! Зачѣмъ дѣло стало! жалуйся на меня хозяевамъ. Будто ужъ мы противъ тебя и отвѣтить не съумѣемъ? отвѣтимъ, Богъ дастъ; видали мы и не такихъ... А я все-таки отсюда не выйду, дѣтская общая: тебѣ уголъ — и мнѣ уголъ; а я въ своемъ сижу давно, а ты не давно, да Ѳедоръ-то Петровичъ мой постарше своей сестрицы, такъ тебѣ и не слѣдъ мной распоряжаться. Ступай сама, куда хочешь, тебѣ не первина по горницамъ шляться безъ хо-

зяевъ,—а я не выйду, сама Өединьку укладывать буду, а ты не смѣй его у меня безпокоить своимъ люлюканьемъ... Продолжала Михайловна, и въ ея дребезжащемъ голосѣ слышалась слезливая досада.

— Этакая азарница! сказала Өедора въ полголоса, оставляя дѣтскую. Потомъ примолвила: «Голубушка моя, милая *баришна*, и мѣста-то намъ съ тобою нѣтъ здѣсь... И пошла она ходить по заламъ, прилюлюкивая дитя попрежнему своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что! сама скорѣе моего вылетѣла!... вскричала ей въ слѣдъ старуха Михайловна; и принялась бранить вслухъ нынѣшній развратный свѣтъ, и балованную молодую прислугу.

Находившись до-сыта, нянька Өедора усѣлась съ своей ненаглядной *баришней* въ мягкія кресла, и вскорѣ звонкое люлюканье перешло въ какую-то грустную жалобную пѣсню кукушки, растерявшей въ черномъ бору своихъ дѣтенышей. Голосъ ея дрожалъ, словно отъ слезъ. Порою будто она отирала свою полную свѣжую щеку, и съ любовію тихо прикладывала свои губы къ пухленькой ручкѣ дѣвочки, крѣпко спавшей на ея груди. И о чемъ думала теперь эта женщина? Прожитое-ли время беззаботнаго дѣтства проходило въ ея воображеніи? Можетъ быть, она вспомнила о своихъ дѣтяхъ, зарытыхъ въ могилу или брошенныхъ въ далекой сторонѣ на чужія попеченія, — кто знаетъ!

Между тѣмъ въ дѣтской, Өедя не переставалъ хныкать, а его старая нянька ворчать; она непремѣнно настаивала, чтобъ онъ покушалъ, и легъ почивать, потому что уже пробило десять часовъ; а онъ настаивалъ, чтобъ она съ нимъ шла въ садъ. Наконецъ старуха успѣла заставить его лечь, обѣщая разсказать сказку. Но сказка, которую мальчикъ слышалъ уже сто разъ, ему скоро наскучила.

— Что же, въ-самомъ-дѣлѣ, ты сегодня, судырь, *расфуражился*, ничѣмъ тебя утѣшить не могу! вѣдь ужъ скоро полночь. Смотри, того и гляди, что худо будетъ!

— А что-же будетъ? спросилъ мальчикъ.

— А вотъ что: около полуночи домовой по всему дому ходитъ, и, коли твое хныканье услышитъ, такъ бѣда!

Ѳедя, нѣсколько разъ слышавшій отъ кучера, что лошадей домовой то любитъ, то не любитъ, но, необращавшій никогда на то вниманія, теперь хотѣлъ полюбопытствовать, кто такой этотъ домовой, котораго онъ почему-то воображалъ коноваломъ-татариномъ, и спросилъ:

— Какъ же смѣетъ домовой придти въ комнаты, и зачѣмъ придетъ? Вѣдь онъ только въ конюшни ходитъ?

— А вотъ—таки нѣтъ, судырь, домовой хозяинъ дому,—вездѣ онъ ходитъ, гдѣ ему угодно.

— А вотъ и врешь, няня!—хозяинъ дому-то мой папенька, а не домовой.

— То папенька само по-себѣ, и ужъ кого онъ не взлюбитъ, то бѣда... Отвѣчала увѣрительно нянька.

— Я его не боюсь, я его видѣлъ, и что это у него на поясѣ-то что-то виситъ?

— Полно, судырь. Ты это видѣлъ, вѣрно, коновала; домоваго, судырь, никто не видитъ, и коли, чего Боже сохрани, увидалъ ты его, то и глазки бы покосило, и язычекъ бы отнялся.

— А ты его, няня, видѣла?

— И! что ты, мой родимый! Сохрани Господи! — наше мѣсто свято!... Михайловна перекрестилась,

Ѳедя присмирѣлъ, закутался плотнѣе одѣяломъ, чувствовалъ, что ему чего-то страшно. — Няня, подвинься поближе. сказалъ онъ. Да скажи-же, гдѣ живетъ этотъ домовой?

— Да вездѣ онъ живетъ, по всему дому; — вотъ, можетъ, теперь и въ дѣтской находится! кто его знаетъ! оттого его хозяиномъ и зовутъ.

Ѳедя боязливо озирался кругомъ по угламъ, которые были въ глубокой тѣни.

— Няня! Ты-бы засвѣтила свѣчки.

— Полно, судырь, какая свѣчка! Я тебя баиньки укладываю, а ты свѣчки захотѣлъ... Спи, Господь съ тобою!...

— Я боюсь, няня.

— Чего, мое яблочко, тебѣ бояться: я съ тобою.

— Отчего-же ты говоришь, что домоваго никто не видѣлъ? спросилъ Ѳедя, нѣсколько помолчавъ.

— Оттого, что онъ не человѣкъ; напримѣръ: вотъ онъ тутъ близко, а его не видишь, оттого что не человѣкъ.

— Да кто-же онъ такой?

— Кто? А вотъ, видишь, мой родной. Богъ сотворилъ ангеловъ; вотъ одни ангелы были святые, а другіе согрѣшили — и стали дьяволы. Святые-то ангелы грѣшныхъ дьяволовъ съ неба и сверзили, и они полетѣли въ воду, сдѣлались водяные, а что упали въ лѣсъ — сдѣлались лѣшіе, а что упали въ домы — стали домовые. Вотъ, кто домовые-то!

Ѳедя задрожалъ; онъ вообразилъ близь себя страшнаго дьявола съ копытами, рогами, и длиннымъ хвостомъ, котораго онъ видѣлъ горящаго въ адскомъ пламени, на иконѣ страшнаго суда, висѣвшей на церковной паперти.

— Ай, няня! мнѣ страшно!... прошепталъ онъ, схвативъ за руку сидѣвшую возлѣ кровати старуху.

— Чего страшно,—дитя мое, вѣдь я съ тобою... И знаешь-ли что!... продолжала она: съ тѣхъ поръ домовые и шутятъ разныя шутки съ тѣми, кого не любятъ; напримѣръ: днемъ они живутъ на подволокѣ, а ночью бродятъ по всему дому; то лошадямъ на конюшнѣ гривы заплетаютъ, али верхомъ на нихъ ѣздятъ, да такъ измучатъ, что лошадь и къ овсу не притронется; то косы бабамъ плетутъ, али бороды мужикамъ; иной разъ навалится на тебя, и душитъ, душитъ, бѣда, того гляди, душа вонъ; али изщиплетъ всего до синяковъ, коли не взлюбитъ. Говорятъ, которымъ случилось его видѣть, такъ послѣ того по три дня не говорили ни слова отъ испуга; говорятъ, будто весь черный, да лохматый, страсти подобно; а другіе говорятъ, что видѣли его старикомъ, какъ есть — старикъ съ бородой...

— Няня!... я боюсь!... шепталъ, закутываясь мальчикъ, и дрожа отъ испуга. Няня! лягъ со мной! Не уходи, не уходи отъ меня...

— Какъ же я, судырь, съ тобою лягу!... вѣдь кроватка маленькая... Да постой-ка, я лампадку засвѣчу, поохотнѣе будетъ... А ты почивай, судырь, скоро и папенька съ маменькой пріѣдутъ, сказала старуха. Напуганная своими соб-

ственными разсказами, и робко озираясь, она встала и пошла въ передній уголъ, чтобъ засвѣтить лампадку.

Ѳедя, выпустивъ руку няньки, еще крѣпче закутался одѣяломъ. Но ему почудилось, что дверь скрыпнула, онъ робко выглянулъ изъ-подъ одѣяла. На бѣломъ фонѣ двери чернѣла человѣческая фигура небольшаго роста; фигура тихонько двигалась безъ шума. Вглядясь хорошенько, онъ увидѣлъ старика, съ сѣдой бородой, который шелъ къ кровати, и Ѳедя хотѣлъ закричать, но голосъ не выходилъ изъ горла. Холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ мальчика, и, употребивъ неимовѣрныя усилія, онъ вскрикнулъ произительнымъ голосомъ:

— Домовой, домовой!

Испуганная Михайловна оглянулась и увидѣла ту же фигуру позади себя; съ громкимъ крикомъ: «домовой!...» бросилась стремглавъ изъ дѣтской въ сѣни, и во мракѣ, со всего размаха, наткнулась на возвратившуюся отъ Саламатиныхъ хозяйку, за которою шелъ Петръ Васильичъ и горничная, все время въ отсутствіи хозяевъ, простоявшая за воротами.

— Что такое!... спрашивала въ испугѣ Наталья Ивановна, едва удержавшаяся за перилы лѣстницы.

— Ты меня съ ногъ сбила!...

— Охъ! домовой, домовой! наше мѣсто свято! Матушка Наталья Ивановна... лепетала старуха, едва переводя духъ: «Ѳедоръ Петр....» Михайловна не договорила, вспомнивъ, что оставила Ѳедю одного, въ жертву привидѣнія, бросилась впередъ, но силы ей измѣнили, ноги подкосились и старуха грохнулась на полъ. Отецъ и мать поспѣшно вбѣжали въ дѣтскую въ сопровожденіи горничной, и къ удивленію увидѣли во мракѣ Петра Иваныча Отрубева, поднимавшаго съ полу безчувственнаго Ѳедю.

Первымъ движеніемъ родителей было броситься на помощь къ сыну, но Наталья Ивановна, коснувшись холодныхъ рукъ мальчика, мгновенно вообразила, что онъ умеръ, произительно вскрикнула и упала бы, еслибъ не удержалъ ее мужъ.

— Огня, огня! кричалъ между-тѣмъ Петръ Васильичъ, посадивъ жену на стулъ, и вмѣстѣ съ горничною отыски-

вая спички и свѣчу, которыхъ на ту пору, какъ нарочно, не случилось въ комнатѣ.

Къ счастію, Павелъ Петровичъ, проведшій весь вечеръ у себя на антресоляхъ, за какимъ-то мрачнымъ романомъ Г-жи Редклифъ, заслышавъ внизу шумъ и бѣготню, прибѣжалъ съ огнемъ, и освѣтилъ странную суматоху.

— Боже мой! Чтожъ это такое надѣлалось? говорилъ Петръ Васильичъ, приводя въ чувство сына, который оказался въ обморокѣ.

— До сего часа, судырь-братецъ, я и понять не могу, что случилось... отозвался Петръ Иванычъ, тоже суетясь около дѣтской кроватки.

Наконецъ Ѳедя открылъ глаза.

— Домовой! Маменька! прошепталъ мальчикъ, съ ужасомъ посмотрѣвъ на приказчика, и спряталъ лицо на груди матери, плакавшей отъ испуга и радости, что Ѳедя очувствовался.

— Господь съ тобой, мой ангелъ! какой тутъ домовой, наше мѣсто свято, *а ихнее проклято*. Ты не узналъ, дружечекъ — это Петръ Иванычъ, нашъ Петръ Иванычъ, отвѣчала Наталья Ивановна, нѣжно цѣлуя сына.

Наконецъ, когда все мало-по-малу успокоилось, Петръ Васильичъ сѣлъ и обратился съ вопросомъ къ приказчику: «давно-ли онъ пріѣхалъ, и какъ тутъ очутился.»

— По вашему приказанію, судырь-братецъ, третьяго дня Иванъ Погорѣлкинъ встрѣтилъ судно недалеко отъ Нижняго... отвѣчалъ Петръ Иванычъ, учащая съ каждымъ словомъ свои поклоны, — и какъ слѣдуетъ-съ вручилъ онъ мнѣ ваше письмо, и я, оставивъ судно, поѣхалъ на перемѣнныхъ, какъ вы приказывали мнѣ въ письмѣ. Пріѣхавъ часа съ два тому назадъ, я немедленно явился сюда. У воротъ мнѣ Степка сказалъ, что вы съ *фамиліей* уѣхать изволили въ гости, и я пошелъ къ нянькамъ, какъ и прежде дѣлалъ, чтобъ спросить: скоро-ли вы хотѣли возвратиться... Прихожу, судырь, я въ дѣтскую, не успѣлъ я оглянуться, смотрю, Михайловна съ крикомъ вонъ бѣжитъ, Ѳедоръ Петровичъ прыгнулъ изъ кроватки, и хлопъ. Бросился я къ нему, — холодный весь. Перепугался я, даже подколѣнки у меня задрожали. Потомъ

смотрю, и вы изволили войдти... Какъ ваше здоровье, судырь-братецъ? добавилъ приказчикъ съ самымъ низкимъ поклономъ.

— Ничего, слава Богу. Ну что судно?

— До часа моего отъѣзда было все благополучно, отвѣчалъ приказчикъ. Извините, я, сударыня Наталья Ивановна, вашъ покорнѣйшій слуга не успѣлъ и почтенія моего отдать, примолвилъ онъ, низко поклонившись, и пробывъ съ минуту въ наклонномъ положеніи.

Но Наталья Ивановна, занятая совершенно сыномъ, не обратила вниманія на его поклонъ.

— Стало-быть, сказалъ Петръ Иванычъ, обратясь къ женѣ: Петръ Иванычъ просто за-просто своимъ нечаяннымъ приходомъ въ-потьмахъ перепугалъ Ѳедю, и старую дуру Михайловну. Нянька! Михайловна! гдѣ-жъ она тамъ?

На зовъ вошла Михайловна, которую горничная успѣла образумить кой-какъ, и безъ утайки, нисколько не оправдывая себя, разсказала, какъ она разговаривала съ Ѳедей про домоваго, и какъ онъ и она приняли за нечистаго духа вошедшаго нечаянно стараго приказчика.

— А все онъ, государи мои, виноватъ! продолжала она, глядя свирѣпо на Петра Иваныча, и тряся головой: все онъ, Петръ-то вашъ Иванычъ, родня-то ваша хорошая, дитю перепугалъ, не на животъ, а на смерть, да и меня тоже... Ухъ! чуть-чуть душа въ тѣлѣ удержалась!...

— Видишь, Наташа, произнесъ Петръ Васильичъ, нахмуривъ брови: прислуга у тебя дѣтей совсѣмъ безъ ума сдѣлаетъ!... Разказывать ребенку такія вещи! Да она, свинья, даже и не понимаетъ, что худо сдѣлала... А ты чего смотришь?

— Петръ Васильичъ! Развѣ я всегда съ нимъ бываю, заговорила-было жена.

— Лучше молчи, сударыня; кажется, за тобою тоже водится похвальная манера пугать дѣтей трубочистомъ, букою и разнымъ вздоромъ. Я не разъ замѣчалъ тебѣ, что этого не должно быть... Слышишь!...

— Слышу, прошептала супруга.

— Да гдѣ-жъ нянька Ѳедора съ Фисонькой? не видя ихъ, спросилъ вдругъ Петръ Васильичъ.

Растерявшаяся Наталья Ивановна, только теперь замѣтила, что колыбель дѣвочки стояла пустая.

— Извѣстно, безъ васъ Ѳедора любитъ шляться по всѣмъ комнатамъ, задребезжала-было нянька.

— И ужъ вѣрно поссорились? сказала хозяйка.

— Помилуй, сударыня, Наталья Ивановна, кто, напримѣръ, старше, я или Ѳедора? Я у вашей милости живу двадцать...

— Молчать! ступай-же вонъ, и чтобъ завтра не было тебя въ домѣ! крикнулъ сердито хозяинъ: завтра у Ѳеди будетъ дядька; я ихъ помѣщу на антресоляхъ.

Михайловна громко завыла и бросилась со слезами цѣловать руки своего питомца, причитывая на-распѣвъ:

— Несчастная, я горемычная... Ненаглядной мой сударикъ, Ѳедоръ Петровичъ; разлучатъ насъ съ тобою...

— Вонъ!... повторилъ, топнувъ, хозяинъ.

Ѳедя заревѣлъ во все горло, уцѣпясь за шею своей няньки.

— Папенька! помилуйте-съ! простите ее! проговорилъ скромно Павелъ Петровичъ.

— Прости мой соколикъ! Папенька на меня твой прогнѣвался, гонитъ меня, старую дуру... говорила Михайловна, обхватывая мальчика.

— Ѳедя не переставалъ ревѣть.

— Петръ Васильичъ, ну прости ее; успокой ребенка, захвораетъ бѣдный, того и гляди...

— Хорошо; но только до слѣдующаго раза, проговорилъ строго хозяинъ, вставая: только смотри, Наталья Ивановна, чтобъ я болѣе не видѣлъ ничего подобнаго... Петръ Иванычъ, ты ужинаешь у насъ, а завтра поговоримъ о дѣлѣ... Любашка! накрывать на столъ!

Всѣ вышли, кромѣ матери и няньки, которыя всячески старались успокоить расплакавшагося мальчика.

— Ѳедора, ты опять здѣсь, отчего же не въ дѣтской? спросила Наталья Ивановна, выходя въ залу, гдѣ молодая

нянька чутко дремала въ креслахъ, боясь пошелохнуться, чтобъ не разбудить своей ненаглядной *баришны.*

— Я нарочно ушла сюда, сударыня, потому что Михайловна не хочетъ знать никакой снаровки, не хочетъ унять Ѳедора Петровича, чтобъ онъ не шумѣлъ, и я не могла укачать мою *баришну*.

— Другъ на друга. Что мнѣ съ вами дѣлать? молвила съ досадой Наталья Ивановна. Ну, да скоро васъ разведемъ. Она перекрестила малютку дочь, тихонько поцѣловала, и приказала снести въ колыбель.

Когда Отрубевы сѣли за ужинъ, Петръ Васильичъ дѣлалъ приказчику самые пустые вопросы, какъ будто нарочно избѣгая дѣловаго разговара. Петръ Иванычъ отвѣчалъ подобострастно, какъ и всегда, привставая со стула при каждомъ отвѣтѣ. Наталья Ивановна почти шопотомъ расказывала сыну о происшествіи въ домѣ Саламатиныхъ. Онъ слушалъ съ молчаливымъ удивленіемъ.

— И такъ, Петръ Иванычъ, приходи, пожалуйста, завтра пораньше, — сказалъ послѣ ужина хозяинъ приказчику.

— Очень хорошо, сударь-братецъ, отвѣтилъ послѣдній съ низкими поклонами.

Петръ Иванычъ Отрубевъ, несмотря на низкіе поклоны, личность была вовсе не симпатичная, не нравившаяся не одной старой Михайловнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, лицо его, смиренное и подобострастное въ домѣ своего двоюроднаго брата и хозяина, при выходѣ оттуда принимало какое-то плутовское выраженіе: главное чувство приказчика была зависть, главная цѣль жизни—деньги, какъ-бы ни нажить ихъ; но дѣло въ томъ, что онъ былъ еще бѣденъ и закупая хлѣбъ въ низовыхъ губерніяхъ для своего богатаго родственника, а иногда исполняя другія его порученія, жилъ такъ себѣ, мечтая о собственномъ богатствѣ. Особенно эта грѣшная мечта дразнила его, когда онъ былъ въ домѣ Петра Васильича. Довольство, комфортъ, и свѣтлая жизнь — все это заставляло его задумываться, желать подобной жизни если не себѣ, то по-крайней-мѣрѣ дѣтямъ.

Хозяина онъ не любилъ за то, что Петръ Васильичъ, не смотря на родство и довѣренность къ приказчику, всегда

какъ-то умѣлъ держать его отъ себя на извѣстномъ разстояніи, тѣмъ болѣе гордый, открытый видъ, громкій, почти всегда повелительный голосъ и прямыя смѣлыя сужденія богатаго родственника подъ-часъ очень смущали рабскую натуру Петра Иваныча.

Въ своемъ кругу Петръ Иванычъ, откинувъ притворное смиреніе, корчилъ изъ себя всегда книжника, сыпалъ не[illegible]а-ти изъ-библіи, которую, какъ говорится, проглотилъ, объяснялся загадками, говорилъ иносказаніями, и пускался въ словопреніе о такихъ предметахъ, о которыхъ и самъ едвали имѣлъ ясныя понятія; словомъ, слылъ человѣкомъ начитаннымъ и хитрымъ, но никто не звалъ его добрымъ. Давно уже онъ былъ вдовъ, и, имѣя двухъ сыновей, изъ нихъ онъ особенно любилъ старшаго Сидора Петровича, который осуществлялъ въ себѣ отцовскія стремленія и ожиданія — накопить деньги.

За нѣсколько лѣтъ прежде Сидоръ Петровичъ былъ приказчикомъ у одного погребщика. По случаю войны тогда бывшей, были частые рекрутскіе наборы и служащіе въ казенной палатѣ, вмѣстѣ съ отдатчиками пьянствовали на-пропалую, сидя безвыходно въ погребкѣ, въ которомъ торговалъ молодой Отрубевъ. Сидоръ Петровичъ, какъ ловкій малый, умѣлъ пользоваться случаемъ; онъ пустилъ всевозможныя надувательныя средства, неуловимыя при распивочной торговлѣ, и барыши, вмѣсто хозяйскаго кармана, шли въ его собственный. Вскорѣ Сидоръ Петровичъ отошелъ отъ хозяина и началъ торговать отъ себя.

На другой день прибытія своего въ Привольскъ, часовъ въ одинатцать утра, Петръ Иванычъ сидѣлъ у сына въ лавкѣ и бесѣдовалъ съ послѣднимъ отечески, оперпись подбородкомъ на конецъ своей палки. Онъ по-временамъ обкусывалъ бороду, отчего она всегда казалась подстриженной.

Сидоръ Петровичъ въ длиннополомъ суконномъ сюртукѣ и въ смазныхъ сапогахъ съ длинными голенищами, стоялъ передъ батюшкой, оперпшись на прилавокъ, и взглядывалъ изъ-подлобья то на отца, то на свои сапоги. На кругломъ, грубомъ лицѣ его трудно было прочитать, о чемъ онъ думалъ.

Наружная дверь лавки была заперта изнутри.

— Тоскуетъ, видимо тоскуетъ, хошь и старается скрыть; однако думаю: нѣтъ! меня, стараго воробья, не обманешь: насквозь вижу... говорилъ старикъ. Ну, думаю: свѣтло жили, — люби кататься, люби и саночки возить... Однако я не жалѣю, сказано: *гордымъ Богъ противится*... Хоть-бы напримѣръ вчерась, фамилія-то важнѣйшая, я того-то... поклонъ, а она мальчишку своего лижетъ, будто не видитъ, *ананья*! (Петръ Иванычъ вмѣсто канальи всегда употреблялъ: *ананья*). Ну, думаю: лижи... Да, хорошо было, какъ въ гору шло... Ну, терпи барышъ, терпи и убытокъ... Да, видимо тоскуетъ...

— Что ихъ жалѣть, еще заводъ останется, хоть-бы и въ самомъ-то дѣлѣ — какова пора; не мѣра, замѣтилъ сынъ.

— Ну заводъ, и заводъ тоже; съ окончаніемъ войны, поставки товару меньше въ армію понадобится... Ужь, братъ, какъ пойдетъ, такъ только держись!.. И теперь хочетъ не мытьемъ, такъ катаньемъ. Слышь, пишутъ, что въ Питерѣ пшеница въ цѣнѣ, за границу большое требованіе, такъ и хочетъ туда посылать... Ну, Сидоръ, прибавилъ онъ, буди меня завтра раньше. Путь далекій лежитъ.

И на другой день, едва забрезжила заря, онъ простился съ сыномъ и невѣсткой (другой сынъ его жилъ въ людяхъ) и отправился на лодкѣ на судно, при наказѣ хозяина не приставать у Привольска, а плыть до Рыбинска, перегрузиться тамъ на барки и отправиться въ Петербургъ.

Наступилъ четвергъ, и вѣрная своему слову Авдотья Петровна, привела къ Натальѣ Ивановнѣ молодаго слесаря, починять замки. Сцена происходила внизу, въ столовой. Съ изломанными замками оказался старинный комодъ; около его возился съ клещами красивый молодецъ, въ суконной сибиркѣ. У окна сидѣла Даша, хорошенькая, бѣлокурая дѣвушка, гладко причесанная, въ ситцевомъ платьицѣ и крошечномъ платочкѣ на бѣлой шеѣ; возлѣ Даши сидѣла словоохотливая торговка, и говорила съ ней о кружевахъ. Слесарь тоже посматривалъ черезъ-плечо на Дашу. Явилась Наталья Ивановна, съ костяною, устюжской работы, шкатулочкою въ рукахъ, отъ которой потерялся ключикъ, и принялась о томъ толковать

съ мастеромъ. Молодецъ учтиво объяснялся съ купчихой; она пристально на него смотрѣла, спросила, какъ его зовутъ? кто у него есть? и проч... причемъ также поглядывала и на Дашу. Дѣвушкѣ все это показалось подозрительнымъ; притомъ она припомнила слова матери, которая сказала, что Наталья Ивановна увѣрила ее, что выдастъ Дашу за порядочнаго жениха. Сердце Даши стукнуло, щеки и даже уши загорѣлись, она встала, чтобъ уйдти; но хозяйка серьезно приказала сѣсть.

Передавъ шкатулку слесарю, Наталья Ивановна ушла; и онъ, покончивъ съ комодомъ, и получивъ отъ горничной деньги за роботу, раскланялся съ Дашей и Авдотьей Петровной.

— Погоди, свѣтикъ Сережинька, пойдемъ вмѣстѣ по одной дорогѣ: вѣдь сосѣди. Прощай душа, Дарья Семеновна, будь здорова, говорила торговка и догоняла сосѣда за воротами.

— Ну что, Сережа! вѣдь ягодка-вишенка. Что на это скажешь? спросила она молодца.

— Что сказать-то, Авдотья Петровна, чего-жь лучше. Вѣдь и мы-то что такое! отвѣтилъ женихъ.

— Ну, ладно, дай-то Богъ! А я завтра схожу къ Натальѣ Ивановнѣ; я думаю, что ты, мой соколикъ, ей тоже *пондравился,* и, Господи благослови, посылайте настоящую сваху...

По уходѣ жениха, Дашу позвали къ Натальѣ Ивановнѣ въ спальню.

— Ну, что Дарьюшка! я слышала, что тебя мать просватала-было за какого-то старика? сказала ласково Отрубева, пригласивъ дѣвушку сѣсть.

— Ужь не говорите, сударыня, Наталья Ивановна, выдумаютъ-же старухи что нибудь... право-съ, *пристроить,* только у нихъ и на языкѣ, а ужь пристройка! нечего сказать! пристроятъ тебѣ суму за плечи, ну, и носи.... Ужь не одну ночь я проплакала-съ.

— Не плачь, Богъ дастъ выдадимъ за молодаго, молвила, улыбаясь Наталья Ивановна, и открыла комодъ. Я тебѣ хотѣла, Даша, заказать кружево выплести, но это послѣ; а теперь вотъ эта работа нужнѣе, продолжала она, вынувъ

изъ комода два куска полотна. Накрой рубахъ. Я думаю, умѣешь?

— Какъ могу-съ, готова вамъ служить, отвѣчала скромно дѣвушка; позвольте мнѣ вашу шитую сорочку-съ.

— Не нужно, другъ мой; крой на свой ростъ, и кончено, да и приносить не трудись, когда сошьешь. А это вотъ тутъ моихъ два шелковыхъ платья, перешей по себѣ, и ситецъ на наволочки возьми.

Наталья Ивановна вытащила еще узелъ изъ комода.

— Да скажи матери, чтобъ на-дняхъ ко мнѣ побывала....

Даша стояла, какъ громомъ пораженная; руки и ноги тряслись у ней; она поняла въ чемъ дѣло, и слезы въ три ручья покатились по щекамъ дѣвушки; она закрыла лице руками, и не могла ничего выговорить.

— О чемъ это? спросила смѣясь Наталья Ивановна. Полно, мой другъ, не плачь: женихъ молодой, красивый... Правда, дѣвушки всѣ плачутъ, а замужъ идутъ! *Кто наплачется за столомъ, тотъ не будетъ плакать за столбомъ.* (*)

V.

Былъ полдень тихій и знойный, несмотря на то, что стоялъ еще май мѣсяцъ; прозрачный туманъ и запахъ гари носился въ воздухѣ; чуть замѣтная рябь едва шевелила поверхность Волги, по обоимъ берегамъ которой тамъ и сямъ пестрѣли согнанныя на полдневный отдыхъ къ водопою стада. Скотина или лежала на пескѣ, жуя лѣниво жвачку, или стоя поколѣно въ водѣ, флегматически глядѣла другъ на дружку, и на проплывающія мимо лодки. Цѣлый караванъ грузныхъ судовъ тянулся бичевами вверхъ по рѣкѣ. Бичевы эти, каждая въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, покрывали собой лѣвый, песчаный и отлогій берегъ, сильно навалившись плечами на широкую ременную лямку, прикрѣпленную къ бичевѣ. Грязные бурлаки изъ всѣхъ низовыхъ племенъ

*) Народная поговорка; т. е. наплачется въ невѣстахъ при людяхъ, такъ не будетъ плакать украдкою замужемъ.

шли тяжелой поступью въ ногу, напѣвая, съ уханьемъ и присвистомъ, плясовую или хороводную пѣсню, или привирая какую нибудь совершеннѣйшую безсмыслицу.

Другія суда шли завозомъ; здѣсь бурлаки съ тѣми же грубыми припѣвами сновали взадъ и впередъ по палубѣ, вытягивая завозную снасть. На нѣкоторыхъ мачтахъ болтались топсели (малые верхніе паруса), поднятые въ подмогу силѣ человѣческой, но за совершеннымъ отсутствіемъ вѣтра висѣли словно на просушкѣ.

На одномъ изъ большихъ мокшановъ, шедшихъ завозомъ, въ двѣ смѣны, одна половина бурлаковъ работала съ однообразнымъ припѣвомъ: «быкъ да козелъ, былъ да ушелъ!» другая половина, въ ожиданіи обѣда, отдыхала на палубѣ, сидя и лежа въ различныхъ положеніяхъ. На креслахъ (*) у руля стоялъ лоцманъ, приземистый, лысый мужикъ, съ огромной до-нельзя рыжей бородой, въ красной рубахѣ, и синей поддѣвкѣ. Онъ былъ безъ шляпы, и усердно утиралъ бѣлой ширинкой крупный потъ, подъ полуденными лучами солнца, градомъ выступавшій на его лысинѣ.

Въ самомъ-ли дѣлѣ кривъ былъ лоцманъ на лѣвый глазъ, или только щурилъ его по привычкѣ, на это никто не могъ достовѣрно отвѣтить; за-то правый глазъ, неопредѣленнаго цвѣта, безпрестанно прыгающій, глядѣлъ неимовѣрно лукаво.

Надѣвъ шляпу, лоцманъ посмотрѣлъ правымъ глазомъ на флюгарку, откуда алая *сорочка* **) висѣла вдоль мачты, безъ малѣйшаго движенія.

Около артельныхъ котловъ, въ которыхъ варились щи и каша, хлопотали два кашевара, парни лѣтъ по шестнадцати. Возлѣ домика, пристроеннаго на палубѣ къ мачтѣ, въ которомъ жилъ приказчикъ судна, расположилось человѣкъ шесть бурлаковъ; они, повидимому, съ большимъ вниманіемъ слушали разказчика-краснобая, только-что кончившаго свой расзказъ и говорившаго въ заключеніе самымъ увѣрительнымъ тономъ:

---

*) Креслами зовутъ на мокшанахъ возвышеніе, съ котораго лоцманъ правитъ рулемъ.

**) Полоса кумача, голубой китайки, а иногда и просто бѣлаго холста.

— Ей-же ей, ребята, не лгу! такъ дѣло было, а коли не вѣрите, такъ... разсказчикъ не договорилъ, и принялся со свистомъ втягивать табакъ правою ноздрей, прижавъ пальцемъ лѣвую.

— Оно такъ... оно, вѣстимо... оно всяко бываетъ... проговорило на разные лады нѣсколько голосовъ.

— Да, всяко бываетъ!.. примолвилъ старый, сѣдой и щедушный бурлакъ.—Вотъ со мной тоже оказія такая, ребята, случилась, что, право, подумать *полды* страшно... Онъ какъ-то робко оглянулся и замолчалъ.

— Что-жъ ты, дѣдъ, не баешь? разскажи, что такое? спросилъ одинъ парень.

— Ужъ коли, началъ, такъ разскажи, дѣдушка Макаръ! сказывай!.. повторило нѣсколько голосовъ.

— Взаправду, коли-началъ, такъ что-жъ я! сказалъ старикъ, какъ будто ободряя самъ себя: что-жъ... на все воля Божья... Вотъ, ребятушки, давно это было-то, женили меня, братцы, минуло мнѣ только восьмнадцать лѣтъ; взялъ я дѣвку нашей же деревни, которую мнѣ взять хотѣлось, а ей за меня выйдти, ну, значитъ, мы слюбившись были, все дѣло рѣшилось. Прожили мы зиму вмѣстѣ, вотъ на весну мнѣ батька и баетъ: дескать, Макарка, надобѣ и въ путину сряжаться. Мнѣ, знашь, словно ножъ подъ сердце, ну, а вѣдь отцу поперечить не станешь, въ путину, такъ въ путину, дѣлать нечего... Вотъ мы съ бабой ночь-ту всю протужили, а на утро какъ ни въ чемъ не бывало; ей-ту еще ничего, бабье дѣло, хоть и вспухнетъ рожа-то отъ слезъ, ну а мнѣ знать стыдно: — вѣдь и ребята просмѣютъ... а все-таки просто дурость, молодость была... Одначе нехвастовски сказать, ужъ и баба у меня была, что лебедь!.. Вонъ Тимофей-ту нашенской знаетъ мою старуху, и солгать не дастъ... она и таперичка конь конемъ... Тимохъ!.. обратился онъ къ одному, невзрачному мужиченку, который, сидя на связкѣ каната, чистилъ свою трубку: Тимохъ! знаешь мою старуху?

— Колды не знать! отвѣчалъ Тимоха.

— Ну вотъ, и прощаньецо пришло, ревемъ оба коровой... матка пуще нашего голоситъ, полды отецъ плетью пригрозилъ... Дѣлать нечего, ушелъ я. Пришелъ въ Казань

и нанялся я отъ Казани до Рыбной. Не помню, какая кладь была... Ѣду я, а самъ тоскую, дурость нашла, глаза бы на свѣтъ не глядѣли, отъ ѣды отбило; хотѣлъ ужъ и домой бѣжать, отца боюсь... каюсь, раза два хотѣлъ свѣту бѣлаго укрыться... просто-на-просто въ воду броситься...

— Вотъ, братцы, какъ теперь помню: разъ остановилось судно ночевать. Ночь такая темная, да душная, ребята всѣ улеглись, и я легъ на палубѣ съ краю... тоска меня такъ и давитъ, не спится, полды голова разболѣлась... Гляжу я, этакъ около полуночи, идетъ ко мнѣ моя баба... откуда взялась, не примѣтилъ. Идетъ, какъ есть, *она*, тихонечко ступаетъ, рубаха на ней бѣлая, подолъ кумачомъ обшитъ, простоволосая, косы висятъ, такъ-то мнѣ весело стало, она и шмыгъ ко мнѣ подъ-бокъ. Словно я, помнится, ребята, хочу слово промолвить... нѣтъ, языкъ не володаетъ... точно я окаменѣлъ весь; а она обнимаетъ, цѣлуетъ меня; а мнѣ ужъ какъ будто и ужасно... Вспомнилось мнѣ, что жена-то отъ меня больно далеко, верстъ тысяча пожалуй будетъ... навожденіе, себѣ думаю, навожденіе. А она-то шепчетъ: и завтра, говоритъ, къ тебѣ приду, только не бай про-то никому, да меня, слышь, именемъ не называй... а сама ластится... Спалъ я, братцы, аль не спалъ, не могу заподлинно сказать... Стали ребята наши на зарѣ подниматься, всталъ и я, и всталъ я самъ не свой; смѣюсь, будто и весело мнѣ, будто я взаправду съ своей бабой навидался, а сердце словно змѣя сосетъ... Промаячилъ я день кой-какъ; а ѣсть не могу, въ горло хлѣбъ нейдетъ... Вотъ опять вечеряетъ, дрожь меня беретъ, полды зубы стучатъ другъ объ-дружку, а самъ опять на старое мѣсто ложусь, и жду что будетъ... Гляжу: около полуночи идетъ, и опять ложится возлѣ меня, такъ вѣдь вотъ, братцы, какая сила вражья!.. у меня ужъ словно и страху нѣтъ... И начала она волосы гребнемъ расчесывать. И сталъ я словно привыкать. Днемъ подумаю: вѣдь, молъ навожденіе, а какъ вечеръ—и помысла того нѣтъ... будто такъ и надобно... какъ лишь начнетъ смеркаться, я ужъ насилу и дождусь полуночи... Горе, бывало, какъ попутный дуетъ, коли вѣтеръ небольшой, судно и ночью идетъ парусомъ, а меня иной разъ на носу до полуночи посадятъ. Послѣ того, какъ смѣнятъ,

да уснешь подъ утро, не придетъ... и тоска такая всесвѣтная, что не знаешь куда и дѣваться цѣлый день... а тамъ какъ ляжешь съ вечера, придетъ... Да такъ, братцы, и ходила ко мнѣ недѣли двѣ, а можетъ и больше, и дошелъ же я за то время! Здоровъ, а сдѣлался совсѣмъ испитой, вѣтромъ шатаетъ, объ обѣдѣ и рѣчи не заводи... Вотъ и случись-же на мое счастье такой случай: былъ у насъ на суднѣ бурлакъ, старый такой, все его шептуномъ звали, оттого что онъ, бывало, безпрестанно самъ съ собою что-то шепчетъ, молитву что-ль творитъ, аль заговоръ какой!.. хто-жъ его вѣдаетъ... Ложится разъ этотъ шептунъ возлѣ меня, и не радъ я былъ сосѣду, да такъ полѣнился перелечь на другое мѣсто... Не спится мнѣ... ворочаюсь съ боку на бокъ, а на Волгѣ тихонечко, только наши ребята похрапываютъ... Гляжу я: идетъ моя баба, отъ кормы. Подошла, видитъ шептуна, покачала головой и пятится... и... пропала. Не спалъ я до утра, и что со мною дѣялось?—сказать нельзя... Досадно мнѣ на шептуна, что онъ ея мѣсто занялъ... да словно и страхъ на меня нашелъ... такъ-бы вотъ кажись и заревѣлъ коровой.. такъ слезъ-то нѣтъ, словно сердце закаменѣло... Хожу я поутру словно дуракъ; ребята завтракаютъ, сѣлъ и я за муру, (мурою зовутъ на Волгѣ крошеный хлѣбъ съ водою) нѣтъ! ложка въ ротъ, братцы, нейдетъ... И слышу я послѣ завтрака, подошелъ шептунъ къ лоцману, да и говоритъ:

— Не ладно, Григорій Григорьичъ! больно не хорошо! дескать Макарку нечистая сила обуяла...

Лоцманъ покачалъ головой.

— Прикачнулась, совсѣмъ прикачнулась... надобѣ парню помочь...

Лоцманъ какъ окинетъ меня глазами, такъ на меня словно кто нибудь ведро холодной воды. Вотъ пошептали они, пошептали и разошлись. И нужно было энтимъ разомъ съѣхать на берегъ за хлѣбомъ. Подвалили мы къ селу, поѣхали наши ребята на берегъ, шептунъ мнѣ и баитъ: — Макарка, поѣдемъ и мы съ тобой. Ладно, говорю, поѣдемъ пожалуй, но мнѣ все равно. Вотъ поколѣ ребята на базаръ ходили, мы съ шептуномъ легли на травкѣ близъ кабака.

— Послушай-ка, батьковъ сынъ! если на тебѣ хрестъ-

то? баетъ мнѣ мой дѣдъ. А креста-то, братцы, давно на мнѣ не было, порвалась веревочка и не вспомню коли.

— Потерялъ, говорю, дѣдъ: надобѣ купить!

— То-то, говоритъ, парень. А вѣдь худо! вѣдь къ тебѣ того-то!..

— Какъ промолвилъ эвто шептунъ, такъ-то мнѣ, братцы, тошно стало, словно подкатило что подъ сердце; ничего я не отвѣтилъ, уткнулъ носъ въ траву, да такъ горько всплакнулъ, не знаю, отколь у меня только слезы взялись...

— Ладно... баетъ дѣдъ; добро, не плачь... поможемъ, авось, Богъ милостивъ!.. а самъ и пошелъ въ кабакъ. Несетъ мнѣ оттудова стаканъ вина, пребольшущій, а я толды еще хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, отбиваюсь, а онъ приступаетъ ко мнѣ.

— Выпей... говоритъ, дурьная твоя голова, коли хочешь себѣ-ка добра!

Выпилъ я, братцы, все пошло кругомъ; дѣдъ мой передо мной на головѣ ходитъ, кабакъ пляшетъ, и чего-то мнѣ не видѣлось! а тутъ ужъ и не помню какъ свезли меня на судно. Опомнился я, братцы, въ мурьѣ, шубами прикутанъ, мнѣ жарко стало... слушаю, нѣтъ не плывемъ, стоимъ, гляжу, темно, и тихо, всѣ спятъ, только на палубѣ надъ моей головой шептунъ съ кѣмъ-то разговариваетъ... И вдругъ словно кто соскочилъ въ воду, вода заплескалась, и такъ кто-то жалобно, словно женщина, заплакалъ. А у меня точно порвалось что у сердца. Тутъ опять я ничего не помню...

— Встаю я, ребятушки, на другой день, баютъ, къ вечеру, а самъ шатаюсь, силы нѣту, одначе перекусилъ крошку. Дня три я больно маялся, руки опускались, да лоцманъ-то былъ нашъ добрый человѣкъ, Григорій Григорьичъ, живъ—доброе здоровье, а умеръ, царство небесное,—споровилъ, не бросилъ. А ка-бы ссадили на берегъ, ужъ можетъ меня грѣшнаго давнешенько на свѣтѣ-то бы не было, уморили бы въ лазаретѣ, али на берегу-бы издохнулъ, какъ собака. Ну вотъ и оклемался-же я дня черезъ три. Воротился я домой. Надобѣ сказать правду, на первыхъ порахъ словно ужасно было мнѣ-ка своей жены, хоть она и встрѣтила меня, и повисла на шеѣ, ну а тутъ и ничего, и привыкъ. А старики, отецъ

съ маткой, баяли, что съ моей бабой и сладить не вѣдали какъ, больно тосковала слышь обо мнѣ; правду знать баютъ, что сердце сердцу вѣсть подаетъ. Вотъ она притча-то какая!.. всяко бываетъ. Послѣ эвтаго одначе батька годовъ съ десятокъ не посылалъ меня на Волгу, а тутотки онъ *побывшился*, ну, и пошелъ я опять, и пошелъ да пошелъ... одначе ужъ такого навожденія не бывало, Богъ миловалъ... только сегодня...

Старикъ мгновенно замолчалъ, качнувъ съ досадой головою, какъ будто на то, что проговорился.

Слушатели подождали минуты три, но видя, что разсказчикъ молчитъ, нѣкоторые изъ нихъ заговорили:

— Ну такъ что-жъ, дѣдко... досказывай!.. али привидѣлось что сегодня... скажи-ка! скажи!..

— Да что, братцы, сказать-то? примолвилъ Макаръ, почесавъ затылокъ, наше мѣсто свято, сегодня приснилось... будто опять свою бабу видѣлъ, какъ прежде, въ бѣлой рубахѣ... Тьфу, ты!.. и онъ плюнулъ на сторону.

— Ха, ха, ха! отозвался молодой парень: дѣдушка, вѣдь старуха-то твоя жива?

— Жива, ну такъ что-жъ? отвѣчалъ старикъ.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, продолжалъ шутникъ: значитъ, старуха тоскуетъ объ тебѣ. А ты, старый хрѣнъ, все еще ходишь по Волгѣ! Ну, въ твои-ли года! сидѣлъ-бы на печи, съ своей старухой, не ровенъ часъ...

— Что правда, то правда... отвѣчалъ какъ-то особенно грустно Макаръ, а вотъ такъ, привычка... Вѣдь и нѣтъ никого, двоимъ-то со старухой можно-бы сытыми быть, а все такъ за привычку...

Всплескъ веселъ подъѣхавшей лодки прервалъ рѣчь старика. Это возвратились бурлаки, посланные за припасами въ городокъ, мимо котораго тянулось судно. Они привезли груды печенаго хлѣба и пуки зеленаго луку, часть котораго сейчасъ-же была расхватана бурлаками, а остатки были привязаны на веревку и спущены въ воду, за бортъ судна. У кашеваровъ все было готово. Работающая половина бурлаковъ сняла лямки, и менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты, палуба покрылась кружками обѣдающихъ рабочихъ. Всякій, вытащивъ

свою ложку изъ-за полоски плиса или ремня, опоясывающихъ его шляпу, садился возлѣ артельной чаши, и утолялъ свой голодъ, не исключая и лоцмана. Судно на эту минуту остановилось совсѣмъ. Всѣ ѣли съ большимъ апетитомъ, кромѣ стараго Макара, ложка котораго какъ-то особенно лѣниво работала, и старикъ былъ замѣтно невеселъ.

— Попутнаго-то Богъ не даетъ, замаялись! промолвилъ одинъ молодой бурлакъ, взглянувъ на повисшій топсель.

— Эка замаялись! видно лямку тянуть не у жены за спиною лежать! А вотъ я, братъ, лѣтъ тридцать ее тяну, такъ ужъ старыя-то кости и сказываются; а то эка! жутко ишь кажется. Да ты не въ первый-ли разочикъ на Волгѣ-то? Коль въ первый, такъ еще на кобылу дружка погонимъ, сказалъ Макаръ.

— А что такое, какая такая кобыла? спросилъ, озираясь, молодой бурлакъ.

— Э! въ первый, въ первый!.. закричалъ съ хохотомъ весь кружокъ.

— А вотъ пойдешь на нее, такъ и узнаешь, сказалъ одинъ старый бурлакъ. Счастливъ, коли судно парусомъ пробѣжитъ. Да вонъ и того Васюка на кобылу: онъ тожъ, кажись, въ первый... Онъ указалъ на одного изъ Чувашъ.

— За что мой на кобылу пойдетъ, бачка? Васюкъ никого не обидилъ, бачка, отозвался Чувашъ.

— Ладно! разговаривай! А какъ меня ребята погнали, такъ я всѣхъ святыхъ перемолилъ!

— А, а! сказали со смѣхомъ нѣсколько голосовъ.

— Ужъ такъ-то отжарили, такъ любо-дорого. А денегъ-то ни гроша не было...

— И я, братъ, помню, ой, ой! проговорилъ Макаръ.

— Ужъ-ли и тебя, дѣдко?

— А какъ-же!

— Что-жъ эхто такое взаправду? спросилъ съ видимой заботой новичекъ, обращаясь къ одному пожилому бурлаку, котораго звали Никитичемъ, и котораго честный, задушевный видъ говорилъ въ его пользу, надѣясь, что этотъ мужикъ не зубоскалъ, и навѣрное скажетъ правду.

— А вотъ что, отвѣчалъ послѣдній: подъ Привольскомъ

есть большущій, высокій и гладкій камень. Вотъ, какъ идетъ бичева по берегу, всѣ бурлаки и погонятъ на эхтотъ камень, примѣрно тебя, и другихъ, кто первую путину идетъ...

— Эка-ста важность, можно и нейдти...

— Полѣзешь, братъ, какъ примутся лямками-то жарить; небо съ овчинку покажется...

— Эхъ! А рази ужъ безъ того и нельзя?..

— Отчего нельзя, можно, коли вина купишь да угостишь.

— Вона што! проговорилъ парень въ раздумьи, почесавъ въ затылкѣ. Ну, а кобыла-то чтожъ?

— Эхтотъ-то камень и зовутъ кобылой, отвѣчалъ Никитичъ.

Между тѣмъ старый Макаръ потиралъ себѣ плечи и поясницу и поглядывалъ на небо.

— Дѣдко носъ поднялъ, знать попутный чуетъ, молвилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Попутный, не знаю, а ненастье такъ чуетъ моя спина, отвѣчалъ Макаръ.

— Охъ ты, старый хрѣнъ! вѣдь прикидываешься, будто ужъ и невѣсть какая старость! Старики любятъ себѣ годы насчитывать, я это знаю; баушка моя всѣмъ говорила, что другое сто живетъ, а мать баетъ, что и всего-то старуха жила семдесятъ лѣтъ. Такъ и ты...

— Нечего зубы-та скалить, спроси-ка у Микитича, онъ тебѣ про-то скажетъ... Микитичъ, сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Макаръ.

— Кажись, сорокъ минуло, дѣдушка Макаръ.

— Вотъ слышь; а Микитичъ толды родился, колды я женился.

— Ишь знаетъ коли Микитичъ-то родился! Ахъ ты старый балясникъ!

— Еще бы! мы изъ одной деревни съ дѣдушкой Макаромъ, сказалъ Никитичъ, затыкая свою ложку за шляпу, и подымаясь на ноги отъ опорожненной чаши.

— Да еще маленько и сродни, договорилъ Макаръ.

Всѣ встали, и помолясь на востокъ, пошли всякій на свое

мѣсто. Работавшая до обѣда половина бурлаковъ пошла на отдыхъ, а отдыхавшая лѣниво надѣвала лямки.

Между тѣмъ ставшій на свое мѣсто лоцманъ, пытливо поглядывалъ за бортъ судна, гдѣ съ крикомъ рѣяли рыболовки, чуть не касаясь воды крыльями. Мелкая рябь переходила въ легкія волны.

— А! пошевеливается! быть погодѣ, сказалъ самъ себѣ лоцманъ, взглянувъ на флюгарку мачты, которая вертѣлась во всѣ стороны.

— Проворнѣй ребята, собачьи дѣти! крикнулъ онъ пронзительнымъ рѣзкимъ дискантомъ.

— Гей, шевелись! раздалось опять: что заснули скоты! и градъ ругательствъ посыпался отъ руля, и покрылъ всю палубу. Бурлаки засуетились, толкая другъ-друга.

— Что спишь, Василій Иванычъ, поворачивайся... вскричалъ одинъ изъ бѣгущихъ къ бичевѣ, и хлеснулъ лямкой лѣниво двигающагося передъ собой Чуваша. Этакой народецъ, чортъ, какъ къ обѣду, такъ первый, понимаетъ и слышитъ, а къ дѣлу такъ словно не понимаетъ... распроклятые!..

Чувашъ оглянулся и молча почесалъ спину.

И вскорѣ раздался по палубѣ мѣрный тяжелый шопотъ: бурлаки, опустя руки и головы, легли всей силой на лямки, и задрали во все горло, безсмысленное: «еще разъ!»..

— Савелъ! Савелко! поди становись, а я часокъ сосну, сказалъ лоцманъ, обращаясь къ высокому молодому парню; таперичка ничего, а тамъ какъ пройдемъ колѣно, смотри, разбуди меня, тамъ влѣво каменная коса, да и вправо мель есть. Смотри, разбуди, слышь! а то не ровенъ часъ, чортъ попутаетъ...

Савелъ, родной племянникъ лоцмана, готовящійся тоже быть въ свое время лоцманомъ, влѣзъ на кресла, и смѣнилъ дядю. Послѣдній отправился въ казенку.

Это былъ домикъ, состоящій изъ трехъ крошечныхъ комнатокъ, оклеенныхъ цвѣтными шпалерами. Въ первой, кромѣ широкой скамьи, ничего не было, во второй, кругомъ стѣнъ были придѣланы чистыя лавки, кромѣ того находились большой крашеный столъ, и два стула грубой работы, старый посудный шкафъ, съ закопченными стеклами; въ углу

образъ, предъ которымъ висѣла цвѣтная лампадка, и на стѣнѣ разбитое зеркальце. Въ третьей комнатѣ, которая служила спальней приказчику судна, помѣщалась сосновая некрашеная кровать, и маленькій придѣланный къ стѣнѣ изъ некрашеныхъ досокъ шкафикъ. За отсутствіемъ приказчика, теперь эта комнатка служила спальней лоцману. Вошедъ въ нее, Самойлычъ прилегъ на постель, состоящую изъ войлока и грязной подушки, твердой какъ кирпичъ, и скоро захрапѣлъ.

Между тѣмъ Савелій стоялъ у руля и разговаривалъ съ водоливомъ. Мужикъ этотъ былъ огромнаго роста, съ заросшимъ густою черною бородою лицомъ и свирѣпымъ взглядомъ; словомъ, имѣлъ такую образину, встрѣтясь съ которою, не только ночью въ лѣсу, но и днемъ среди чистаго поля, всякій попятился бы назадъ и перекрестился. Теперь Филипычъ (такъ звали водолива) вылѣзъ изъ мурьи *), какъ баснословный гномъ изъ нѣдръ земли и, усѣвшись на кормѣ, на связкѣ каната, закурилъ свою коротенькую трубку, часто поплевывая на сторону.

— Какъ ты мекаешь, Филипычъ, я чаю скоро гряда-то, про кою дядюшка баялъ? обратился Савелій къ водоливу.

— Тебѣ больше знать, руль-то въ рукахъ держишь, отвѣчалъ, плюнувъ, Филипычъ и почесалъ за ухомъ.

— Мало-ли что руль... тебѣ больше моего энто дѣло извѣстно: не годъ, не два по Волгѣ ходишь; а я... я... долго-ли до грѣха!..

— Не мое дѣло, не мнѣ приказано.

— Вотъ вѣдь ты какой, Филипычъ! молвилъ Савелій съ досадою, а отчего бы не сказать! развѣ тебя убудетъ, что-ль?

— Не мѣшай мнѣ дѣло дѣлать, проворчалъ водоливъ, снова набивая трубку.

Савелій, опасаясь гряды, поворотилъ немного вправо.

— Куда ты воротишь, чертенокъ! вскричалъ вдругъ Филипычъ, вскочивъ проворно на кресла и вырвавъ у Савелья

---

*) Мурьею на рѣчныхъ судахъ называется пространство подъ палубою, гдѣ помѣщается грузъ.

руль, круто поворотилъ влѣво. Ослѣпъ что-ль? прибавилъ онъ, показавъ на длинную полосу желтоватой воды, почти возлѣ самаго праваго борта.

— Ахти, Господи! проговорилъ Савелій, почесавъ въ затылкѣ; совсѣмъ не досмотрѣлъ. Спасибо, дядя Филипычъ.

— Ну теперь возьми глаза въ зубы, смотри прямо, ишь головачи торчатъ! сказалъ водоливъ, бросивъ руль, и сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ передъ носомъ судна, три или четыре камня, при совершенно гладкой поверхности рѣки, едва выказывали свое сѣрое темя. Савелій удачно ихъ обошелъ.

— Филипычъ, ужъ вѣрно это гряда-то начинается?

Водоливъ молчалъ.

— Ахъ-ти бѣда, чуть не насадилъ, продолжалъ парень; а какъ ты думаешь, судно старо?

— Порядово, отвѣчалъ лаконически Филипычъ.

— Значитъ и опасно, коли шарахнется.

— Отъ коего чорта шарахнется! умѣючи поведешь, такъ не шарахнется; а вотъ такой лоцманъ, какъ ты...

Савелій почесалъ затылокъ; замѣтно было, что ему хотѣлось поговорить, но также замѣтно было, что водоливу при всякомъ отвѣтѣ хотѣлось ругнуть будущаго лоцмана.

Оба молчали. Прошло четверть часа, судно обогнуло небольшой мысъ, и Савелій почувствовалъ, что ему подуло въ спину.

— Кажись, низовякъ подулъ! смотрико-сь Филипычъ, замѣтилъ онъ водоливу, взглянувъ на флюгарку, которой длинная сорочка хлестала чуть ему не въ лицо.

Послѣдній, вмѣсто отвѣта, всталъ, спряталъ свою трубку въ карманъ шараваръ, и пошелъ будить лоцмана.

Черезъ минуту уже Самойлычъ стоялъ на мѣстѣ племянника, буровилъ воду рулемъ и кричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Попутный! молись Богу, ребята!.. потомъ, снявъ шляпу, перекрестился, и продолжалъ во все горло: косные на райну, распетляй парусъ!

Вмигъ встрепенулась его грязная команда; отдыхавшіе

тоже вскочили съ мѣстъ, сняли шляпы и крестились на-скоро; одни бросились на носъ, вытягивать завозный якорь, до котораго судно дошло. Другіе съ крикомъ полѣзли на райну, (большая рея нижняго большаго паруса), по веревочнымъ лѣстницамъ, или просто цѣпляясь по снастямъ, чтобъ распустить подвязанный парусъ. Черезъ десять минутъ, все видимое пространство Волги, покрытое судами, огласилось страшнымъ крикомъ. Нѣтъ словъ выразить этотъ безконечный вопль, прерываемый ругательствами, и это было не что иное, какъ команда лоцмановъ, и вспомогательные крики бурлаковъ, по ихъ мнѣнію, возбуждающіе силы человѣка, при исполненіи тяжкихъ работъ. «Завяжи узелъ! затяни петлю! отдай снасть! подай веревку!» слышалось на разные голоса, и это все перемѣшивалось тѣми словами, которыми такъ богатъ русскій языкъ. Молитва, при начатіи дѣла, и ругательства при исполненіи, кажется, необходимы для русскаго простаго человѣка; по-крайней-мѣрѣ на Волгѣ думаютъ, что безъ этого нельзя.

Между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ, на волнахъ появились бѣлые гребни, съ юго-востока показалась сизая туча, вѣтеръ свисталъ въ снастяхъ и гнулъ райну. Самойлычъ все кричалъ, кричалъ, до потери голоса, доколѣ его дискантъ не перешелъ въ какой-то хриплый вопль, терявшійся въ общемъ крикѣ. Наконецъ парусъ распустили, онъ заполоскался и началъ надуваться.

Молодые и болѣе ловкіе бурлаки полѣзли на среднюю райну, чтобъ поставить средній топсель; малый вверху давно уже круто надувался.

Старикъ Макаръ, бывшій въ числѣ косныхъ, и также сидѣвшій на концѣ большой райны, развязывалъ веревки и также кричалъ, насколько ставало легкихъ. Когда работа кончилась, онъ сходилъ внизъ по веревочной лѣстницѣ, оступился на половинѣ и... упалъ на палубу. Грохнувшись, старикъ простоналъ, потомъ смолкнулъ, закрылъ глаза, и не шевелился. Товарищи ахнули, бросились къ нему, ощупывали голову, раны ни гдѣ не оказалось, но бѣднякъ былъ безъ памяти. Постояли вокругъ бурлака, поговорили, спрыснули его холодной водой, но легче не было, только легкая дрожь

пробѣжала по старому тѣлу. Ушибеннаго прикрыли кафтанишкомъ, и отошли прочь. Долѣе всѣхъ возлѣ него оставался Никитичъ, какъ землякъ и родственникъ; положилъ ему голову на связку каната, чтобъ было половчѣе, звалъ его по имени, старался влить въ ротъ хоть каплю воды, но видя, что ушибенный не шевелится, пошелъ къ лоцману, около котораго собралось уже нѣсколько человѣкъ.

— Иванъ Самойлычъ! бурлакъ съ райны упалъ... ушибся... перебивали другъ-друга работники, что—прикажешь съ нимъ дѣлать-то?

Но Иванъ Самойлычъ, не обращая вниманія па ихъ говоръ, хрипло кричалъ сидѣвшимъ на средней райнѣ, чтобъ они шевелились проворнѣй. Наконецъ, когда всѣ паруса были поставлены, какъ слѣдуетъ, и лоцманъ окончательно охрипъ, отъ своей команды, Никитичъ заговорилъ:

— Иванъ Самойлычъ! старикъ Макаръ, слышь, ушибся!

— Эка чортъ! прохрипѣлъ лоцманъ; а рази я виноватъ?

— Извѣстно не виноватъ никто, знать рокъ его такой; а всё-бъ попользовать надоть, хоша-бы вина каплю въ ротъ влить...

— Какое вино! замѣтилъ одинъ изъ бурлаковъ: старикъ, сердечный, такъ зубы щемилъ, что и не разнимешь; смотри, скоро умретъ...

— Эти слова нѣсколько смутили лоцмана; онъ передалъ руль водоливу *), и пошелъ посмотрѣть больнаго.

— Гмъ! да! проговорилъ онъ, пощупавъ пальцемъ зубы убившагося. Не оживетъ, кажись!.. и отошелъ на носъ судна, сѣлъ, и началъ хриплымъ дискантомъ:

— Держи лѣво, держи право, чортовъ сынъ!.. прибавлялъ онъ въ полголоса къ своей командѣ.

— Эхъ-ма, поди-жъ ты! да и гдѣ ужъ такому старику быть въ косныхъ!.. замѣтилъ одинъ изъ бурлаковъ, стоявшихъ близъ Макара.

---

*) На волжскомъ суднѣ всѣ паруса ставятся по командѣ лоцмана, и когда уже судно въ полномъ ходу, лоцманъ передаетъ руль водоливу, какъ первому по себѣ на суднѣ лицу, и начинаетъ самъ командовать съ носу судна.

— Ужъ знать такъ на роду написано! заключилъ другой, принимаясь бротать какую-то веревку.

— Держи право, дьяволъ! или: — держи лѣво, чортовъ сынъ! оралъ въ свою очередь, стоя на кормѣ водоливъ Филипычъ, видя, что правому или лѣвому борту судна угрожала на всѣхъ парусахъ, летѣвшая расшива. И суда, съ помощію обоюдныхъ криковъ и ругательствъ, расходились.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ, потянулись длинныя тѣни отъ растущихъ по берегамъ сосенъ, запахъ которыхъ приносился вѣтромъ на суда, проходившія близь крутыхъ подъярыхъ береговъ. Солнце, западая за далекій темный лѣсъ, окрашивало огненнымъ цвѣтомъ бѣлые паруса судовъ, и края черносизыхъ тучъ, которыя все болѣе и болѣе, плотной массой, сдвигались позади убѣгающихъ судовъ, и казалось, стояли въ раздумьи пуститься, или нѣтъ, за этою утлой бѣлокрылой стаей.

Дико раздавались крики лоцмановъ, и между хриплымъ ревомъ уныло дребезжалъ какой-нибудь дискантъ, какъ завыванье голоднаго волка. Пискъ рыболовокъ и плескъ пѣнистыхъ валовъ дополняли эту дисгармонію, отъ которой всякій непривычный человѣкъ съ удовольствіемъ заткнулъ бы уши.

И вотъ тучи надумали идти по слѣдамъ судовъ, двигаясь быстро, и заволокли собой полнеба. Только на западѣ алѣла узкая полоса зари. Раздался глухой далекій ударъ грома.

Самойлычъ все еще сидѣлъ на носу, и возлѣ его Савелій докучалъ, по обыкновенію, своими разспросами:

— А что, дядюшка, на перекатахъ (мели) будемъ паузиться, али нѣтъ? спросилъ племянникъ.

— Хто-жъ знаетъ, впередъ не узнаешь, грузно идемъ... отвѣчалъ лоцманъ.

— Да, грузновато. А какъ, дядюшка, скажешь, нонче вода?

— Кажись, большая, а хто-жъ его знаетъ, къ Волгѣ-то, Савелко, не примѣнишься... Вонъ лѣто-сь весною подъ Балахной, и слуху не было, что мель, я самъ мокшанъ провелъ, а осенью, тихвинка съ солью на мель сѣла, а еще лѣто было дожливое... поди ты! Да нихто и не помнитъ, что тутотка мель была, вотъ и раскуси...

— Такъ-ста... Савелій почесалъ въ затылкѣ.

— А что, дядюшка, отчего энто вдругъ приказчикъ-то у насъ съ судна съѣхалъ, не доплылъ съ нами до Привольска?

— Стало-быть хозяинъ такъ приказалъ, отвѣчалъ лоцманъ, и закричалъ, что было силъ:

— Руль лѣво,—камень!

Удары грома слышались все ближе и ближе, чаще и чаще; сталъ накрапывать дождь; вѣтеръ почти превращался въ бурю, парусъ заполаскивало, мачты гнулись со скрыпомъ; начинало смеркаться ранѣе обыкновеннаго. Самойлычъ оглянулъ небо и волны; впереди шедшія суда принялись уже съ крикомъ убирать паруса. Самойлычъ еще съ четверть часа сидѣлъ на носу, опередилъ многія изъ судовъ; и потомъ, снова занявъ свое мѣсто у руля, крикнулъ:

— Убирай парусъ, чортовы дѣти, поколь не разнесло по клочьямъ! спускай верхній топсель! ишь *боковень* рветъ! Смотри, отуритъ, залобанитъ... *).

И въ-самомъ-дѣлѣ вѣтеръ, началъ дуть въ лѣвый бортъ, отчего при прямыхъ парусахъ очень легко можно было удариться въ крутой берегъ.

И опять пошла работа; суета, бѣготня, крикъ и ругательства заглушали команду лоцмана; опять полѣзли на мачту, на райну; никто не думалъ о бѣдномъ Макарѣ, котораго всякую минуту можно было чѣмъ-нибудь прихлопнуть, задавить. Вскорѣ судно пошло однимъ среднимъ топселемъ, и замѣтно убавило ходу.

Бурлаки сѣли ужинать, поспѣшая до большой грозы.

— Ну вотъ и дѣдушка Макаръ! а еще собирался гнать меня на какую-то кобылу! замѣтилъ новичекъ, пристававшій за обѣдомъ съ распросами къ Никитичу.

— Да, дума за горами, а смерть за плечами, проговорилъ другой бурлакъ.

— На все воля Божья, ребятушки, сказалъ со вздохомъ Никитичъ.

— Извѣстно воля Божья! а недаромъ, ребята, старикъ

---

*) То есть вѣтеръ подуетъ съ носу.

баялъ, что сегодня баба-то ему въ бѣломъ пригрезилась; не къ добру! примолвилъ третій.

— Баба! извѣстно что такое баба,—сама-то смерть и есть! заключилъ второй.

Вся артель невольно и робко оглянулась назадъ, какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ смерть была у нихъ за спиной.

— Мартыново! Мартыново! раздалось нѣсколько голосовъ, и руки протянулись къ лѣвому берегу, гдѣ изъ-за темныхъ соссенъ бѣлѣла сельская колокольня. Почти всѣ начали креститься.

— А какъ вы думаете, ребята, лоцманъ ссадитъ на берегъ дѣдушку Макара? спросилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Ссадитъ, какъ есть ссадитъ, отвѣчалъ другой; ужь у Ивана Самойлыча снаровки нѣтъ, отцу родному не спуститъ...

— Ужъ рази креста на немъ нѣтъ что ль? заговорилъ Никитичъ. Смотрико-сь, какая темень-то! хочетъ быть буря! того и гляди дождь хлынетъ... И что такое старикъ,—воля Божья! авось, къ утру и очнется!..

Сильная молнія и трескучій ударъ грома, почти надъ самымъ судномъ, прервали его слова, всѣ вскочили на ноги и начали креститься. Застучалъ по палубѣ рѣдкій и крупный дождь.

— Ужъ какая молонья!.. Господи помилуй!.. такъ вотъ словно змія возжою! да возлѣ самаго судна!.. говорилъ одинъ старый бурлакъ своему товарищу, опускаясь въ мурью: «святъ, святъ!..» прибавилъ онъ, крестясь при вторичномъ блескѣ молніи.

— Я самъ видѣлъ, какъ стрѣла въ воду упала, полды судно дрогнуло, примолвилъ другой, и оба погрузились во мракъ.

Когда судно немного проплыло село Мартыново, на палубѣ появился водоливъ, съ какою-то бумагою въ рукахъ; онъ велѣлъ четверымъ бурлакамъ приготовиться съѣхать на берегъ. Потомъ обратился къ Никитичу, который опять старался съ родственной заботливостью около ушибеннаго.

— У тебя что ль старикова котомка? спросилъ онъ.

— У меня. А на что тебѣ-ка? спросилъ Никитичъ.

— Какъ на что? Развѣ не видишь, что нужно его на берегъ свезти... издохнетъ, пожалуй, тутъ...

— Богъ съ тобой, Филипычъ! Креста что ль, родимый, на тебѣ нѣту-ть? что старикъ помѣшалъ тебѣ-ка? — Авось опомнится, пролежится... а то смотри-ка, какова ночка-то хочетъ быть!.. началъ-было Никитичъ.

— Разговаривать нечего, давай котомку, а не то и ненадоть. Вотъ его паспортъ и деньги... Ребята, подымай!.. крикнулъ звѣрски Филипычъ. Двое бурлаковъ прыгнули въ лодку, другіе двое приподняли Макара, и стали напяливать на него кафтанишко.

— Охъ! больно... простоналъ ушибенный.

— Вотъ вѣдь онъ, сердечный, въ памяти, говорилъ Никитичъ. — Побойся Бога, Филипычъ! что это за управа у насъ такая... Господи Боже мой!.. Онъ побѣжалъ къ кормѣ и началъ упрашивать лоцмана.

— Отецъ родной, Иванъ Самойлычъ! Ну что это вздумали сдѣлать-то, дѣдушку Макара на берегъ... Да онъ умретъ тамъ, сердечный, такъ-таки и умретъ, прежь времени... И дождь, и буря, — Господи Боже мой!..

— Ну жь, подавай котомку... слышь! ревѣлъ водоливъ, осыпая ругательствами Никитича.

— Слышу я... и прошу твоей милости, смилуйся!.. хоша бы подъ-утро — а то ночью то, какая буря! умретъ онъ!..

— Дурень, чортовъ сынъ, умретъ! вскричалъ хрипло лоцманъ: — а рази не умретъ онъ здѣсь на суднѣ? А рази не наѣдетъ всяческій судъ, да не задержитъ судна на недѣлю, водяные черти! (такъ честилъ лоцманъ водяную коммуникацію), до-тѣхъ-поръ, какъ водяному не сунешь въ зубы цѣлкачей пятнадцать, и побольше? А рази больно весело, когда станемъ какъ раки на зимовьѣ сидѣть, коли прочіе люди поносомъ (попутнымъ вѣтромъ) побѣгутъ! А рази ты, дуракъ, не видишь, какой вѣтеръ Богъ даетъ!.. Такъ не указывай подмазывать, дурья твоя башка, — знаемъ-ста съ твое... Лоцманъ прибавилъ очень энергическое слово. Никитичъ почесалъ затылокъ и долженъ былъ подать котомку старика.

Водоливъ положилъ въ котомку деньги и паспортъ.

— Прости, дѣдушка Макаръ! Сердечный, не доживетъ онъ до завтра... говорилъ жалобно Никитичъ, когда больнаго спускали въ лодку. Послѣдній глухо простоналъ. Вслѣдъ за нимъ

сброшена была его котомка. Трое сильныхъ гребцовъ ударили дружно въ весла, четвертый былъ на кормѣ, и лодка быстро понеслась.

Толпа молча и равнодушно глядѣла на происходившее. Ни одинъ голосъ, кромѣ Никитича, не протестовалъ противъ самоуправства лоцмана; всѣ знали, что Макаръ не первый, и не послѣднiй подвергался своей незавидной участи, которая, можетъ быть, и многихъ изъ нихъ ждетъ впереди.

Долго стоялъ на палубѣ Никитичъ, вытянувъ шею и опустивъ руки; зорко глядѣлъ онъ вслѣдъ удаляющейся быстро лодкѣ, которая, направляясь къ берегу, скоро сдѣлалась едва замѣтнымъ пятномъ, а потомъ и совсѣмъ исчезла въ густомъ мракѣ бурнаго вечера.

— Эка! подумаешь, воля Господня! проговорилъ онъ, разводя руками: ну, Иванъ Самойлычъ!.. и сошелъ съ мѣста, когда уже лодка совсѣмъ исчезла.

Между-тѣмъ, несмотря на мракъ, Самойлычъ, обрадовавшiйся попутному вѣтру и не думалъ бросать якорь; водоливъ смѣнилъ его у руля, а онъ опять сѣлъ на носу судна.

— Держи лѣво! впереди конная! кричалъ онъ Филипычу.

Филипычъ сильно взбуровилъ воду рулемъ, и мокшанъ обошелъ какое-то длиннохвостое черное чудовище, мигавшее своими фонарями, словно очами огненными, и загромоздившее собою путь. По берегамъ чернѣло что-то неопредѣленное: были ли то ряды крестьянскихъ избъ, или тянулся кустарникъ; все приняло какiя-то уродливыя очертанiя и слилось въ ночной темнотѣ.

Попутный вѣтеръ донесъ бой часовъ съ колокольни села Мартынова. Било десять.

И когда лодка возвратилась съ берега, Никитичъ спрашивалъ заботливо:

— Ну, что, ребята, свезли старика?

— Ничего, свезли и положили — никто не видалъ.

— Не доживетъ онъ, сердечный, до утра, замѣтилъ въ полголоса Никитичъ.

Ничего, доживетъ! старики живущи! примолвилъ одинъ изъ возвратившихся бурлаковъ. — Да и село недалечко...

— Кажись, дядюшка, тутъ синякъ? (камень) замѣтилъ дремавшій возлѣ него Савелій.—Смотри, вѣдь, зги не видно.

— Кажись, ты хочешь спать, такъ спи; а мнѣ не указывай подмазывать, коли тебя не спрашиваютъ, отвѣчалъ лоцманъ.

Послѣ удара грома полилъ сильный ливень. Бурлаки прятались, кто куда попало, только лоцманъ и водоливъ, накинувъ на себя рогожи, не оставляли своихъ мѣстъ.

— Держи право! держи лѣво! — какъ-будто на память кричалъ Самойлычъ,—и Филипычъ сильной рукой ворочалъ руль Громъ гремѣлъ, вѣтеръ свисталъ, дождь стучалъ въ палубу, и судно бѣжало.

— Чье судно? раздался рѣзкій окликъ возлѣ самаго борта, выходившій какъ-будто изъ водяной пучины.

— Изъ Привольска, отвѣчалъ Самойлычъ.

— Чье изъ Привольска?

— Отрубева!

— Подавай причалъ, приказчикъ воротился! раздалось съ лодки.

— Эй, дурни! что спите, бросай причалъ, приказчикъ воротился!.. кричалъ въ свою очередь лоцманъ:—эй, встрѣчай!

Полусонные бурлаки выползали изъ всѣхъ закоулковъ, и сновали, не зная за что приняться. Узнавъ, въ чемъ дѣло, многіе опять попрятались на оставленныя теплыя мѣста свои. Причалъ (веревка) былъ брошенъ, и черезъ минуту на палубѣ показался приказчикъ, знакомый нашъ Петръ Иванычъ Отрубевъ, въ бѣломъ азямѣ, и высокомъ, пухомъ набитомъ, своемъ картузѣ, съ котораго бѣжала ручьями дождевая вода.

— Ну, Самойлычъ, здорово! все ли у васъ благополучно? спрашивалъ онъ, отряхиваясь.

— Здорово, Петръ Иванычъ; нечто, ничего такого, слава Богу, не случилось, полземъ помаленьку, отвѣчалъ съ поклономъ лоцманъ.

— Такъ!

— Только сегодня бурлакъ убился... съ райны упалъ.

— До смерти убился? спросилъ въ испугѣ приказчикъ.

— Живъ еще, Петръ Иванычъ. Подъ Мартыновскимъ ссадили...

— Ладно сдѣлалъ. Ты у меня, Самойлычъ, молодецъ, ананья! а то бы умеръ на суднѣ—водяные съ допросами нахлынули бы, какъ коршуны, чортъ ихъ дери! ну вотъ, а я и опять къ вамъ воротился...

— Милости просимъ, Петръ Иванычъ! Мы безъ твоей милости *скучились*,—свыклись цѣлую путину, все вмѣстѣ, говорилъ лоцманъ, отворяя дверь въ казенку, куда шелъ приказчикъ.

— Какъ я измокъ... тьфу, какая темь! гдѣ Никитичъ? говорилъ приказчикъ, отряхиваясь.

— Чаво угодно, Петръ Иванычъ?.. спросилъ голосъ въ темнотѣ.

— Хоть бы ты, ананья, огня засвѣтилъ!

— *Опаско*, Петръ Иванычъ, смотри—Золотухинъ не далеко, водяные шныряютъ. Кому хочется штрахъ платить, замѣтилъ лоцманъ.

Вскорѣ за приказчикомъ внесены было въ казенку его подушка, сундучокъ и кулечекъ съ съѣстнымъ.

Петръ Иванычъ сбросилъ свой азямъ въ первой комнатѣ, вошелъ ощупью во вторую, и также, ничего не видя во мракѣ, перекрестился въ уголъ.

— Тьфу, какая темь!.. хоша бы выпилъ чего, и закусилъ: да боюсь въ ухо пронести; знать, придется подождать, когда *солнце возсіяетъ*. А я тебя, Самойлычъ, побраню, прибавилъ Петръ Иванычъ: безшабашная твоя голова! темь-глазъ уколи, а ты идешь топселемъ. Ну, если ты, ананья, насадишь!.. а?..

— Хмъ! насадить! что твоя милость говорить изволитъ, Петръ Иванычъ! отвѣчалъ самонадѣянно усмѣхнувшійся лоцманъ, хотя этой усмѣшки Петръ Иванычъ и не могъ видѣть.

— Насадить! мѣста знакомыя, дѣло привычное, вѣтерокъ дуетъ... верстъ двадцать ночью уйдемъ—и ладно! А завтра, хто жъ знаетъ, съ которой стороны вѣтеръ подуетъ... А коль твоей милости угодно, такъ и якорь бросимъ!

— Брось, Самойлычъ, брось, отдохнемъ маленько. Сегодня парусомъ много ли пробѣжали?

— Порядово, Петръ Иванычъ; верстъ тридцать пробѣжали.

— Пора на покой, Самойлычъ.

— Спокойной ночи, Петръ Иванычъ; только кровать-то твоя моей постелью занята.

— Ничего, ничего, уладимся... старый вѣдь ты знакомый-то: надобно жить по-товарищецки, молвилъ ласково приказчикъ: — прощай, братъ!

— Прощенья просимъ... лоцманъ вышелъ, и на палубѣ послышался крикъ:

— Спускай топсель, собачья дѣти! Эй, черти! бросай якорь! слышь! — Опять послышалась бѣготня и брань. Блоки заскрипѣли, тяжесть упала въ воду, вода заполоскалась, минуты три судно двигалось, потомъ стало, и все затихло... порой слышались шаги и бротъ веревки. Вскорѣ все смолкло.

Между-тѣмъ Петръ Иванычъ ощупалъ въ своемъ кулечкѣ полуштофикъ: отпилъ нѣсколько изъ горлышка, и также ощупью закусилъ. Потомъ легъ и старался согрѣться и заснуть, но ни того, ни другаго не удавалось; онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но не отъ стужи и сырости, а отъ своихъ чудовищныхъ мыслей, которыя не давали ему сомкнуть глазъ; воображенiе рисовало ему страшныя картины: то онъ видѣлъ себя богатымъ, въ почетѣ, рылся въ деньгахъ, полъ-города ему кланялось, то его тащили за воротъ въ тюрьму. Онъ безпрестанно открывалъ, и закрывалъ глаза и наконецъ, не вытерпѣвъ, закричалъ:

— Эй, Никитичъ! Бурлакъ, бурлакъ!

— Что надобно твоей милости? откликнулся Никитичъ, спавшiй на скамьѣ, въ первой комнатѣ.

— Ты тутъ?

— Тутъ я. Что надобно, Петръ Иванычъ?

Петръ Иванычъ не отвѣтилъ ничего...

А. КОБЯКОВА.

ПРИКАЗЧИКЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Рано проснулся Петръ Иванычъ, такъ рано, что, по народному выраженію, *черти еще въ кулачки не дрались*, такъ рано, что и на суднѣ и въ окрестностяхъ царствовала совершеннѣйшая тишина. Голова Петра Иваныча отъ безсонницы была не совсѣмъ въ порядкѣ; онъ надѣлъ сибирку, прошелъ черезъ прихожую, гдѣ Никитичъ храпѣлъ на разные лады, поднялся на палубу и сѣлъ на носу судна. Дождь давно уже пересталъ и въ воздухѣ вѣяло свѣжей прохладой; тучи убѣжали на юго-западъ, и, принявъ видъ крѣпостной стѣны съ башенками, ждали, покуда вѣтеръ не разорветъ ихъ въ клочки и не заставитъ принять другія очертанія. Небо выяснилось; передразсвѣтная звѣзда съ каждой минутой дѣлалась блѣднѣе и восточный край неба принималъ розовый оттѣнокъ; но надъ Волгой и прибрежными лѣсами висѣлъ еще густой туманъ. Гдѣ-то далеко мыкнула корова, вѣроятно съ вечера заблудившаяся въ лѣсу, и этотъ звукъ далеко разнесся по водѣ и повторился долгимъ эхомъ.

Вода тихонько плескала въ бока судна, какъ будто нашептывая что-то. Впереди и позади сквозь туманъ неясно виднѣлись мачты заночевавшихъ барокъ. Картина была по-

этичная, но смѣло можно сказать, что ни одинъ человѣкъ изъ временныхъ обитателей этихъ пловучихъ магазиновъ не думалъ любоваться ею, — тѣмъ болѣе Петръ Иванычъ, у котораго въ головѣ бродили какія-то темныя думы.

Изъ отверстія мурьи слышался отрывистый храпъ бурлаковъ.

Широкая, алая полоса зари окаймила восточный край неба; все болѣе и болѣе обозначались вершины лѣсовъ; туманъ начиналъ стлаться по долинамъ и прятаться въ овраги.

— Гей-дурни! пора вставать! — крикнулъ лоцманъ, вылѣзая изъ своего убѣжища, устроеннаго въ родѣ шкафа подъ креслами, гдѣ онъ правилъ рулемъ. На голосъ Самойлыча выползали изъ всѣхъ закоулковъ заспанные бурлаки; всплеснувшись водой и утершись рукавомъ грязной рубахи, они на-скоро крестились и клали поклоны, смотря на розовый востокъ.

Самойлычъ стоялъ уже у руля и смотрѣлъ на флюгарку, которая показывала легкій попутный вѣтерокъ.

— Вытягивай якорь! поднимай малый топсель! — кричалъ онъ отрывисто; и всѣ на суднѣ забѣгали и засуетились.

Вскорѣ мокшанъ тронулся и поплылъ мимо зеленыхъ береговъ, умытыхъ ночнымъ дождемъ. Волга огласилась крикомъ рабочихъ; всѣ суда зашевелились; все двинулось впередъ.

Съ береговъ послышалось мычанье стада и звукъ пастушьихъ рожковъ. Ярко глянуло солнце на землю; гдѣ-то въ дальнемъ селѣ послышался благовѣстъ къ заутрени. Бурлаки усѣлись за свой обыкновенный завтракъ-муру.

Петръ Иванычъ вошелъ въ казенку, какъ подобаетъ, въ передній уголъ, выпилъ ковшъ воды, затѣмъ приложился къ вчерашнему полуштофику, чтобъ подкрѣпить силы и разогнать мрачныя думы, мучившія его всю ночь, закусилъ сухаремъ и вышелъ опять на палубу.

— Ну, что, Самойлычъ, какъ поживаешь, пріятель?—спросилъ онъ, подходя къ лоцману.

— Ничего, живемъ, Петръ Иванычъ; какъ твое степенство? — отвѣчалъ лоцманъ. — Мы рады, что тебя Богъ

принесъ; человѣкъ ты книжный, говоришь, что пишешь, все поохотнѣе.

— Спасибо на добромъ словѣ. Ну, какъ ты думаешь, скоро добѣжимъ до Привольска? спросилъ приказчикъ.

— Да коль подуетъ такой вѣтерокъ, такъ, я чаю, къ будущему воскресенью быть, коль благополучно пройдемъ перекаты.

— Ты думаешь пройти перекаты благополучно? Смотри, ананья, не насади!

— Богъ милостивъ, Петръ Иванычъ, не первина... авось...

— Хорошо, — если пройдешь, а если нѣтъ — тогда что? — ну, да впрочемъ и тогда намъ съ тобой убытку не много будетъ... перебилъ приказчикъ.

— Оно, конечно, Петръ Иванычъ, намъ-то съ тобою что... одначе мы, какъ честные люди, должны хозяйское добро беречь пуще глаза; вотъ я третій разъ Петру Васильичу судёнышко веду, да Богъ миловалъ, такого грѣха не случалось.

— Вижу я, что ты, ананья, мужикъ-то хорошій; — хотѣлъ я тебя вчера угостить, да ощупью, братъ, неприводьно было; такъ чѣмъ съ бурлаками муру хлѣбать, приходи-ка сейчасъ ко мнѣ чай пить, проговорилъ Петръ Иванычъ и пошелъ въ казенку.

— Благодарствуемъ, Петръ Иванычъ, отвѣчалъ ему вслѣдъ лоцманъ.

Черезъ нѣсколько минутъ уже приказчикъ и лоцманъ сидѣли за шипучимъ самоваромъ. Привезенный изъ Привольска Петромъ Иванычемъ кулечекъ былъ разгруженъ, полуштофъ травнику, бутылка кизлярки, икра, сайка, пирожки съ вареньемъ домашняго печенья, все стояло и лежало на столѣ.

— А, вѣдь, мы, Самойлычъ, Привольскъ-то мимо пройдемъ, не остановимся, — говорилъ Петръ Иванычъ, наливая въ стаканъ чаю, — прокатимся, братъ, на-рысяхъ до Рыбной — а тамъ, братъ, въ Питеръ. Такъ хозяинъ приказалъ. Бери-ка стаканчикъ-то.

— Почему-жъ и не такъ Петръ Иванычъ! счастливый путь; даруй Богъ благополучно, — сказалъ лоцманъ, почесавъ въ затылкѣ.

Между тѣмъ приказчикъ наполнилъ ему рюмку травникомъ.

— Кушай-ка, Самойлычъ, на здоровье; хвати, братъ, передъ чаемъ-то!

— Благодарствую, Петръ Иванычъ... Желаю здравствовать твоему степенству! Ишь-ты человѣкъ-то больно хорошiй!

— Спасибо, ананья, на добромъ словѣ Закуси-ко.

— Покорнѣйше благодаримъ. Вотъ и Петръ-то Васильичъ, хозяинъ-то нашъ, — продолжалъ лоцманъ, набивая ротъ закускою, — десять лѣтъ его знаю, — тоже хорошiй, добрый человѣкъ.

— Ну, лучше скажемъ человѣкъ *богатый*, это вѣрнѣе будетъ, заговорилъ приказчикъ, принимаясь за чай ;— а мы бѣдняки, должны служить богатому человѣку. Вотъ, хоть-бы и я считаюсь родственникомъ, а прежде его кучера снимаю передъ нимъ шапку и гляжу въ глаза какъ дворовая собака, ну и Петръ Иванычъ, и такой-сякой, не мазаной. Я тоже Петра Васильича братцомъ величаю, а будь-ко я въ чемъ неисправенъ, то и братца къ чорту пошлютъ, даже забудутъ какъ и звали тебя. А все бѣдность наша. Отецъ мой не оставилъ мнѣ ничего; а братецъ мой въ богатствѣ и дѣтство и молодость провелъ, и старость... Конечно, будущее закрыто, провидѣть нельзя, да все-же онъ думаетъ богатымъ умереть.

— Извѣстное дѣло, кто бѣдности самъ не испыталъ. тот ее до точности и понять не можетъ, — замѣтилъ лопман

Оба замолчали. Началось безмолвное прихлебыванье чаю

— Одначе, Петръ Иванычъ, ты правду баешь, будущее закрыто, — можетъ, и твое степенство тысячникомъ будетъ, — сказалъ Самойлычъ, опрокидывая на блюдечко выпитый стаканъ.

— Перестань ты, ананья! гдѣ ужь намъ тысячниками быть, отвѣчалъ приказчикъ: тысячи-то, другъ, наживаютъ люди умные, да ловкiе, а мы развѣ съумѣемъ что-ли? Да намъ, дуракамъ, богатство-то прямо въ ротъ ползетъ, такъ мы испугаемся, да и выплюнемъ, вотъ что! Что-жъ не пьешь, Самойловъ! кушай еще стаканчикъ!

— Доволенъ, Петръ Иванычъ; я, кажись, и такъ около пяти выцѣдилъ.

— Что-жъ въ самомъ дѣлѣ я водою-то тебя подчую; — ну-ка попробуемъ винограднаго сока.

Петръ Иванычъ себѣ и лоцману сдѣлалъ по пуншу.

— Пей-ка, Самойловъ, это будетъ погорячѣе

— Напрасно, ваше степенство, ты балуешь меня, — стало бы съ-меня и сивухи; ну, съ моимъ-ли свинымъ рыломъ барское питье пить? — молвилъ лоцманъ, смотря на стаканъ и лукаво улыбаясь.

— Эхъ, Самойлычъ, *уничиженіе паче гордости.* Что мы съ тобою сѣряки, такъ ужъ будто ни въ чемъ и смаку не знаемъ; ты, я думаю, знаешь пословицу: *мужичокъ сѣръ, да ума у него волкъ не съѣлъ.* Такъ-то, Иванъ Самойлычъ! Ну-ка во славу Божію выпьемъ, да и закаемся, — сказалъ приказчикъ, хлопнувъ лоцмана по плечу.

— Гдѣ-жъ мнѣ съ тобою, Петръ Иванычъ, тягаться, — я такъ *простыня* — мужикъ-сиволапъ, все не то, что ты.

— Ну, Самойлычъ, нонче смотрятъ не на образину, а на карманъ. Вонъ, примѣрно, случалось мнѣ бывать у нашего губернатора, и видалъ, бывало, ждутъ въ залѣ и купцы и чиновники часа по два, а тутъ было дѣло у одного мужичка, придетъ, бывало, онъ, — и только что не въ сѣрой сѣрмягѣ, а сейчасъ и говорятъ ему: «просятъ дескать васъ въ кабинетъ», да тамъ съ часъ времени и объясняется съ его превосходительствомъ. Вниманіе такое къ его дѣлу; а отчего? оттого, что карманъ туго набитъ... Такъ-то, Иванъ Самойлычъ. Другой ходитъ, ходитъ, добиться ничего не можетъ.

— Ужъ знамо дѣло, что деньги вездѣ и всему голова, замѣтилъ лоцманъ, потягивая пуншъ; одначе, Петръ Иванычъ, какъ кому Богъ дастъ.

— Есть пословица: *коли самъ плохъ, такъ не подастъ Богъ».*

— Это, я чаю, Петръ Иванычъ, ужъ больно къ лѣнивымъ сказано, а вотъ, кажись, живешь на свѣтѣ никто тебя и лѣнивымъ не назоветъ, сломаешь путину, небольшую копѣйку зашибешь, — разсуждалъ лоцманъ, осушивъ стаканъ, — на

чистоту-то, ваше степенство, большаго богатства не наживешь, да баютъ: *не пустишь душу въ адъ, такъ не будешь богатъ*... Благодарствую за угощеніе, Петръ Иванычъ.

— Все это такъ, Самойлычъ, однако, ананья, и безъ денегъ-то куда тяжело... Ну будь примѣрно у меня тысячъ сотняга, али хотя-бы полсотняги, понесло-ли бы меня теперь за тысячи верстъ? сталъ-бы я кланяться, передъ кѣмъ нибудь безъ шапки-то стоять... ну-ка, ананья, по пуншику, а тамъ и закаемся, — примолвилъ приказчикъ, принимая отъ лоцмана пустой стаканъ.

— Много будетъ, Петръ Иванычъ! да что это съ тобою сдѣлалось, всю путину плыли, ты былъ свѣжъ, какъ стеклышко, а сегодня...

— Эхъ, Самойлычъ! сегодня? Такъ, разгуляться захотѣлось... — отвѣчалъ приказчикъ со вздохомъ, потому что его давили какія то тяжелыя мысли. — Ну-ка выпьемъ! — И онъ опять налилъ стаканы.

— Конечно, ваше степенство, *случаи* всякіе бываютъ, — началъ Самойлычъ: — знавалъ я *прежь*, въ нашей *губерніи* огача, — шельма былъ продувная, вотъ что называется — пустилъ душу въ адъ. Ходилъ онъ по Волгѣ лоцманомъ, какъ и я грѣшный; велъ онъ судно, да ужъ и состроилъ штуку: по неосторожности, али нарочно, хто-жъ его знаетъ, и насадилъ на камень. Проломилъ немного, баютъ, только низъ попортило... Желаемъ здравствовать! — прибавилъ Самойлычъ, принимаясь за пуншъ.

— Ну дальше, что же дальше?... спросилъ, насторожившись уши, приказчикъ.

— Дальше-то?... хлѣбъ немного попортило, — продолжалъ лоцманъ, отпивъ немного, — тутъ случись на суднѣ приказчикъ, какъ бы и ты теперечка. Вотъ парни-то они были не промахи, сговорились, да приваливши къ берегу хлѣбъ то весь, — баютъ, и продали по хорошей цѣнѣ. Хозяинъ-то находился далече, они ему отписали, что молъ такъ и такъ, хлѣбъ не годится, кой-что немного попродали на солодъ, а остальное все такъ сгорѣло да погнило, что и скотина не ѣла. Потомъ, ваше степенство, умныя головы-то,

лоцманъ съ приказчикомъ, денежки тихонько, безъ шуму, межъ собою раздѣлили, да и разошлись...

Послѣднія слова Самойлыча взбуровили всѣ тайные помыслы его собесѣдника, всѣ черные замыслы на днѣ его души, которые онъ таилъ отъ людей, а, можетъ, и отъ самого себя; онъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ пристально глаза на разказчика и, казалось, глоталъ каждое его слово. Необычайное состоянiе души дико отразилось на лицѣ Петра Иваныча, такъ что лоцманъ спросилъ, глядя на него:

— Что съ тобою, Петръ Иванычъ?

— Такъ, ничего, голова что-то кружится... какъ-будто пробудясь отъ тяжкаго сна и проводя рукою по глазамъ, отвѣтилъ поспѣшно Петръ Иванычъ: — ничего, пройдетъ. Потомъ, оправясь совершенно, сказалъ засмѣявшись:

— Ну, Самойлычъ, славныя сказки, ананья, разсказываешь!..

— Какiя сказки,— помилуй, ваше степенство, ей-Богу не грѣхъ побожиться; это истинно такой случай былъ,— увѣрялъ горячо лоцманъ.

— Ну, а какъ послѣ того ихнiй хозяинъ?

— Да что хозяинъ,— хто-жъ его вѣдаетъ, я чаю, потосковалъ, погорѣвалъ, да вѣдь всякому-то горю конецъ есть.

— Не слышно, и въ судъ хозяинъ не пошелъ?

— Какимъ же манеромъ ему въ судъ-то было идти? Дѣло все было подведено законно, значитъ, молодцы всѣхъ подмаслили, и водянаго, и всѣхъ кого слѣдуетъ, ну и свидѣтельство выправили отъ начальства, молъ: — дѣйствительно судно затонуло, хлѣбъ погибъ. Такъ все и покончилось.

— А! вотъ что!.. Петръ Иванычъ опять задумался.

— Такъ вѣдь ужь не всякой на такой грѣхъ пустится — заключилъ окончательно лоцманъ и поднялся. — За угощенiе, ваше степенство!

— Еще по *стакашку!* Приказчикъ принялся за бутылку.

— Нѣтъ, нѣтъ! лишне будетъ, Петръ Иванычъ, ей-Богу; ваше степенство, только разговоромъ себя угощаетъ; а я, прости Богъ, словно бочку бездонную свою утробу наливаю.

— Пей, когда поятъ.

— Отчего и не выпить, когда пріятель *пошшуетъ;* одначе, ваше степенство, имѣемъ и свои гроши, коль охота придетъ разгуляться. Ты не думай: что вотъ-молъ мужикъ вахлакъ лоховщинку любитъ, — замѣтилъ обиженнымъ голосомъ Самойлычъ; въ деревнѣ, Петръ Иванычъ, въ послѣднихъ мы не бывали — прошлой годъ на-силу отъ головъ отбился, значитъ оробѣлъ, — слышь, окружный золъ больно... а то міръ хотѣлъ выбрать, значитъ, міръ вѣдаетъ Ивана Самойлова, — покончилъ онъ, начиная уже хвастать, по примѣру всѣхъ богатыхъ мужиковъ, когда у нихъ шумитъ въ головѣ лишняя рюмка.

— Кто и споритъ о томъ съ тобою, — знаю я, что ты мужикъ-то не глупый, знаю тоже, что и деньжонки у тебя есть, и ужь вѣрно побольше, чѣмъ у меня, что-жь ты закобенился-то, ананья! Я тебя только по-пріятельски хочу угостить. Пей-ка во славу Божію. Приказчикъ поставилъ передъ нимъ опять стаканъ и потрепалъ Самойлыча по плечу.

— Оно такъ, да только ужь я больно пьянъ. Ну, кабы вчера я такой былъ, какъ почало парусъ рвать, судно на берегъ летитъ... просто бы быть бѣдѣ.

— Ужь истинно бѣда, и пришла бы та бѣда на дворъ къ Петру Васильичу; а мы съ тобой ничего бы не потеряли, окромѣ того, чтобъ какой нибудь ананья, Иванъ Самойловъ, изъ бараньяго полушубка въ лисью-бы шубу облачился. Хе, хе, хе! Петръ Иванычъ засмѣялся глухимъ смѣхомъ.

— Что ты, ваше степенство! оборони Господи! воскликнулъ Самойлычъ, прискочивъ на мѣстѣ, — да меня тому отецъ съ матерью не учили, у насъ, Петръ Иванычъ, и въ роду таковыхъ не было!..

— Эхъ, полно, братъ, не обижайся! мужики-то мы съ тобою честные; я пошутилъ, пьянъ я больно, ананья, — вотъ что. Ну-ка кончай, да и закаемся...

Лоцманъ уже пошатываясь вышелъ изъ казенки, швырнулъ ногою подвернувшуюся худую лейку, подошелъ къ рулю, далъ кой-какія наставленія Савелью, и крикнувъ на бурлаковъ, тянувшихъ завозную снасть: эй, чортовы дѣтки! жи-

вѣе! убрался въ свой шкафъ подъ креслами, чтобъ всхрапнуть до хорошаго попутнаго вѣтра, котораго, по всѣмъ примѣтамъ, скоро ожидалъ.

По уходѣ Самойлыча, приказчикъ всталъ, сердце у него сильно билось, словно отъ угара, въ глазахъ рябило, голова шла кругомъ; но онъ ясно сознавалъ, что не выпитые пунши производили это дѣйствіе, а скорѣй разсказъ лоцмана, который освѣтилъ собою, какъ молнія, его неясныя желанія, неопредѣленныя стремленія; онъ выпилъ еще рюмку ерофеича и пошелъ на палубу.

— Тьфу, ты чортъ, и хмѣль-то не беретъ! проворчалъ самъ съ собою Петръ Иванычъ, пробираясь на носъ. Тамъ онъ сидѣлъ долго, неподвижно обкусывая бороду и смотря вдаль сквозь какое-то туманное облако. Разсказъ лоцмана, казалось, повернулъ голову Петра Иваныча задомъ напередъ. Сначала онъ какъ будто испугался чернаго, уже теперь опредѣленнаго помысла, такъ быстро охватившаго его душу; но потомъ, зависть ему представила житье-бытье его хозяина, капиталъ, почетъ, и онъ уже хладнокровнѣе прислушивался къ обольстительному голосу темнаго желанія. Все болѣе и болѣе, съ каждой минутой, росла преступная мысль, которую онъ принялся обдумывать систематически...

Въ то же самое утро недалеко отъ села Мартынова, на берегу Волги, происходили слѣдующія сцены:

Только-что начало всходить солнышко, по прибрежной дорожкѣ изъ села въ ближній лѣсокъ, парень, лѣтъ четырнадцати, гналъ трехъ стреноженныхъ лошадей. Онъ во все горло тянулъ какую-то безконечную пѣсню, по временамъ побранивая и подхлестывая хворостиной хромую кобылу, которая то-и-знай отставала отъ товарищей

— Ихъ, — ты! волкъ бы тебя съѣлъ! вскричалъ онъ, и глаза его, безпечно бѣгающіе по сторонамъ, остановились на чемъ-то. — Что жъ эвто такое? Кажись человѣкъ? аль корова? Нѣтъ, человѣкъ! спрашивалъ самъ себя вслухъ парень, сдѣлавъ изъ ладони щитъ надъ глазами, и всматриваясь во что-то. Потомъ, приближаясь, онъ уже ясно могъ разсмотрѣть лежавшаго и, повидимому, желающаго приподняться мужика.

— Хто жъ эвто такой? а! Должно быть бурлакъ, а може и нѣтъ! Парень постоялъ, подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и рѣшился подойти.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ нашъ знакомый бѣдный Макаръ.

— Хворой, знать! Хто ты такой, дѣдушка? спросилъ мальчикъ.

— Бурлакъ, отвѣчалъ слабымъ голосомъ старикъ.

— Знать, хворый?

— Да, родимый. Ночью ссадили съ судна, паренекъ родимый. Дай, Христа-ради, напиться! Охъ, во рту горитъ!..

— Да какъ же я тебѣ дамъ-то?

— Зачерпни, отвѣчалъ Макаръ, показавъ на свою шляпенку.

Парень зачерпнулъ шляпой воды изъ Волги и подалъ ему.

Старикъ пилъ съ жадностію.

— Спасибо тебѣ, паренекъ... спасибо, душу отвелъ...

— Тебя дождемъ всего вымочило, — ты бъ шелъ па село.

— Какое жъ это село?

— Мартыново.

— Мартыново? знаю... Не могу, охъ не могу подняться я! кабы ты добѣжалъ, мой родимый, и оповѣстилъ... Охъ, знать, смертонька моя приходитъ! старикъ опустилъ голову на котомку.

— Нельзя жъ мнѣ топеречка, видишь лошадей въ лѣсъ гоню, пообожди назадъ пойду, то пожалуй. И парень опять погналъ лошадей, но гораздо поспѣшнѣе и усерднѣе похлестывалъ хромую кобылу.

Возвращаясь изъ лѣсу, онъ увидѣлъ, что бурлакъ лежалъ ницъ, и лизалъ мокрую траву, желая хоть сколько нибудь утолить сжигавшую его жажду; парень опять зачерпнулъ ему воды въ шляпу, напоилъ его и побѣжалъ въ село.

— Эй, тетка Маланья! слышь! на берегу у насъ, за селомъ, лежитъ хворый бурлакъ: слышь, ночью съ судна ссадили; мокрый весь, говорилъ парень у первой избы бабѣ, выгонявшей скотину со двора на улицу.

— Ой-ли! и вправду, Ванька?

— И вправду; неужь-то я хвастаю? Не хвастаю.

— Богъ въ помочь! сказалъ Ванька ѣхавшему въ поле съ сохой мужичку. Дядюшка Яковъ, подъ селомъ на берегу хворый бурлакъ лежитъ.

— Неужли! Надоть сказать сотскому, молвилъ мужикъ и поѣхалъ своею дорогой.

Эту вѣсть передалъ Ванька и Аксюткѣ, молоденькой дѣвченкѣ, шедшей за водой, и толпѣ другихъ дѣвокъ, бѣжавшихъ на Волгу полоскать холсты, и старухѣ Иринѣ, которая тащилась къ заутрени, и которая, по глухотѣ своей, ничего не разобравъ, только перекрестилась. Наконецъ Ванька пришелъ и въ свою избу, сказалъ и своему отцу:

— Весь-то онъ, бачка, мокрый; взять бы его, а? заключилъ онъ.

— Пошелъ, дуракъ, отвѣтилъ отецъ, угрюмый и неслоовоохотливый мужикъ, смотрѣвшій изподлобья.

— А и что, взаправду, возьмемъ-ка его, Дорофей, обогрѣемъ? Сердечный Бога помолитъ, проговорила жена, бросая дрова въ печь.

— Дура! этакая утроба! Бога помолитъ! А того баба не вѣдаетъ, какая у него такая болѣсть-то? Можетъ, повальная, такъ и всю семью вывалитъ, а можетъ и все село.

Баба тихонько прошептала молитву, а Ванька присѣлъ къ столу, за которымъ завтракали его младшіе братья. И дѣлать ему было нечего больше; онъ исполнилъ данное слово, *оповѣстилъ,* даже желалъ въ душѣ, чтобъ помогли хворому старику. Остальное предоставлялось волѣ старшихъ, или лучше сказать случаю. Однако вѣсть эта мгновенно облетѣла все село, и черезъ часъ бабы и ребятишки трезвонили о томъ на улицѣ, и у кого не было *спѣшнаго* дѣла, тѣ побѣжали поглядѣть. Дошелъ наконецъ слухъ и до сотскаго Федота, который, вооружась орудіемъ своей власти—палкой, окрашенной зеленой краской, рѣшился досмотрѣть своимъ глазомъ. Когда онъ пришелъ на мѣсто, уже цѣлая толпа окружала старика; бабы, стоя поодаль, спрашивали: какимъ случаемъ его ссадили, откуда онъ родомъ, и проч.; ребятишки, толкая другъ-друга, лѣзли впередъ; старикъ отвѣчалъ какъ могъ на

безконечные вопросы и, охая, пощупывалъ ушибенную голову. Завидѣвъ сотскаго, бабье разступилось. Вслѣдъ за сотскимъ пришло нѣсколько мужиковъ. Федотъ, какъ слѣдуетъ, допросилъ хвораго бурлака, пощипалъ себѣ бороду, подумалъ и, обратясь къ толпѣ, сказалъ:

— Вѣдь надо-жъ, православные, дать пріютъ-то?

— Извѣстно надо-ть, — заговорили мужики.

— Кудажъ его помѣстить-то? ну-ка хоша ты, Власъ Семенычъ, возьми на свои руки, обратился сотскій къ приземистому, сѣдобородому мужику.

— Ужъ уволь меня-то, Федотъ Пафнутьичъ, сдѣлай Божескую милость!... одна изба, ребята малые, — отвѣчалъ Власъ съ низкимъ поклономъ.

— Правда! Такъ отправить его къ Шарову, у него нѣтъ дѣтей.

— Что ты, родимый, Федотъ Пафнутьичъ, преждевременно погубить насъ хочешь! — завопила звонкимъ голосомъ высокая баба; — у насъ одна избушка, а онъ, Христосъ его вѣдаетъ, какая у него болѣсть-то, можетъ нетолько насъ, да и все село вывалитъ.

— Что кричишь, горло-то распустила, али не слышишь-отчего его болѣсть, — съ райны свалился, сказалъ сердито сотскій.

— Всѣ они такъ баютъ, правды не скажутъ; кому охота въ полѣ лежать, извѣстное дѣло.

— Ничего Акулина, только черезъ три огня переведите, никакая зараза не пристанетъ, — замѣтила старуха.

— Какъ эвто, какъ? — спросила дѣвка.

— Просто-на-просто: взять положить въ горшокъ горячихъ угольевъ да богородской травки и поставить на порогъ. — Какъ хворый, примѣрно, перейдетъ, поставить на другой порогъ, а тамъ и на третій — и Богъ милостивъ, отвѣчала увѣрительно старуха.

— Ужь помилосердуй, Федотъ Пафнутьичъ! — вопила снова Акулина.

— Куда я поспѣла! мужа дома нѣтъ, я одна, бабье дѣло, не ровенъ часъ, — что я съ хворымъ стану дѣлать?

— И то правда!... замѣтилъ глубокомысленно Федотъ

«Э! у Дорофея двѣ избы.... Дорофей! возьми-ка бурлака къ себѣ, пригляни за нимъ.» Молвилъ сотскій Ванькину отцу, который тоже прибрелъ вслѣдъ за другими.

— Помилуй, Федотъ Пафнутьичъ! Двѣ избы! да рази у меня у одного двѣ избы? У тебя у самого двѣ.... Что-жь я-то всѣхъ грѣшнѣй?

— Смотри, братъ, у меня не *артачься!* крикнулъ сердито сотскій: ишь разговаривать началъ! Больно рѣчистъ!... Что-жь крещеному человѣку рази на полѣ умирать?—Дойдешь-ли ты до его избы? спросилъ онъ, обратясь къ Макару.

— Охъ, нѣтъ!... произнесъ онъ, утомленный распросами; встать не....мо....гу.

— Слышь, запряги лошадь, и возьми его тотчасъ-же! крикнулъ опять сотскій на Дорофея. Послѣдній, проворчавъ что-то, отошелъ-было, но опять воротился и сказалъ:

— Ужь не прогнѣвайся Федотъ Пафнутьичъ, — коли пришла ко мнѣ такая бѣда, такъ рази въ пустую избу, а въ жилую ужь нѣтъ, ни за что, какъ твоей милости угодно!

— Эхъ, ты чортъ тебя дери! Ну въ пустую, такъ въ пустую.... Экъ торговаться научился....

— Дорофей уходя погрозился на своего сына, который стоялъ въ толпѣ ребятъ.

— И мужики, потолковавъ еще на досугѣ, поплелись восвояси. Вслѣдъ за ними разошлись и бабы, ушелъ и сотскій. Всѣхъ долѣе оставалась Малафѣевна; стоя въ сторонѣ, и сложа руки, она молча поглядывала на разговаривающихъ, и прислушивалась, чѣмъ рѣшатъ сотскій и *міръ*. Порой она съ участіемъ взглядывала на Макара, и что-то шептала, можетъ быть молитву, а можетъ выражала шопотомъ свою мысль, кто ее знаетъ, — но видя, что всѣ разошлись, Малафѣевна тоже отправилась въ свою избушку на курьихъ ножкахъ, стоящую гдѣ-то за гумномъ богатаго Власа.

— Эй, Малафѣевна! что бѣжишь больно! куда скоро надобно? Постой! погоди! — кричали ей молодицы, которыхъ она обгоняла, но старушка обращала къ нимъ свое морщинистое лицо, кланяясь въ поясъ, и махнувъ рукой шла далѣе.

— Высоко стояло солнце, оно высушило траву, на которой лежалъ больной Макаръ, высушило и его мокрую дырявую одежонку; жажда опять начала мучить бѣдняка, и внутренность и голова его горѣли; но онъ лежалъ попрежнему, закрывъ глаза и не шевеля ни однимъ членомъ. Оставшіеся ребятишки, зашедши по-колѣно въ воду, кидали камешки, не обращая на старика уже ни малѣйшаго вниманія.

— Голубчикъ, старичокъ, не хочешь-ли кваску? Напейся во славу Божію! — сказалъ привѣтный голосъ близь него.

Макаръ открылъ глаза, — возлѣ него стояла Малаѳѣевна съ жбанчикомъ квасу въ одной рукѣ и чашкой кислой капусты въ другой.

— Поѣшь, родимый, капустки я-те принесла; у тебя въ роту запеклось-чай? Хвати-ка кисленькаго-то, — продолжала она.

Бѣднякъ кой-какъ приподнялъ голову и съ жадностію выпилъ квасъ, но отъ капусты и хлѣба отказался.

— Эка, Господи! Коли толкованьямъ-то ихнимъ конецъ придетъ? сказала старушка. Что, родимый, не приходилъ никто сюда? спросила она Макара.

— Не...з...на...ю, едва проговорилъ онъ.

— Паренки! сотской-то́ приходилъ сюды? И Дороѳей не бывалъ? спросила опять старуха у ребятъ.

Ребята только взглянули на нее и, не отвѣчая, продолжали бросать камни.

— Эхе-хе! И Малаѳѣевна сѣла на выдавшійся въ воду камень и принялась мыть свои босыя ноги, часто оглядываясь на дорогу.

Раздался стукъ телѣги: ѣхали Дороѳей вмѣстѣ съ сотскимъ; послѣдній уже личнымъ присутствіемъ принудилъ перваго запречь лошадь.

— Такъ ужь сдѣлай такую милость, Ѳедотъ Пафнутьичъ, я того... насчетъ сараю-то, новый-вѣдь, не течетъ: теперь лѣто, слава-те, Господи, не замерзнетъ, говорилъ Дороѳей, слѣзая съ телѣги.

— Глупая твоя образина, что ты торгуешься-то? Давича говорилъ про пустую избу, а теперь...

— Федотъ Пафнутьичъ, право-слово, я давича и позабылъ, что въ пустой избѣ своячина красна поставила, перебилъ Дорофей сотскаго.

— Ладно, бери-ка, бери, взваливай его въ телѣгу, а тамъ поводимъ, отвѣчалъ Федотъ.

— Федотъ Пафнутьичъ! позволь мнѣ, родной, бурлака-то къ себѣ взять, я съ великой любовью приму, сказала съ поклономъ подошедшая бобылка Малафѣевна.

— Съ великой радостью, съ великой радостью, Малафѣевна, проговорилъ нѣсколько обрадованный сотскій. За доброе дѣло взялась ты, старушка Божья; спасибо тебѣ.

— И! не за что, родимый Федотъ Пафнутьичъ; прикажи только Дорофею довезти его до моей избенки.

Дорофей положилъ на телѣгу Макара, который стоналъ и охалъ отъ боли во всемъ тѣлѣ.

— Постойте, надо осмотрѣть, что въ его котомкѣ-то есть? сказалъ сотскій, развязывая котомку, гдѣ между необходимой перемѣной бѣлья находился паспортъ и пятнадцать рублей (на ассигнаціи) денегъ.

— Вотъ, Малафѣевна, видишь, что тутъ есть; смотри береги, не затеряй: *пашпортъ* нуженъ, куда старика Богъ ни поворотитъ; и деньги прибереги на случай. Знаю, что ты старуха не таковская, добавилъ Пафнутьичъ.

— И-и! родимый ты мой! что ты, Господь съ тобою! молвила старушка, отправляясь за телѣгою. Не надоть мнѣ чужова добра; коль нужда придетъ, такъ къ добрымъ людямъ схожу. До сей поры, Федотъ Пафнутьичъ, голодная не сидѣла, слава Ему премилосердому!

Когда Макаръ былъ внесенъ въ избу бобылки, старушка принялась его лѣчить по крайнему своему разумѣнію: она вытерла его распухшую спину скипидаромъ, обвязала голову свѣжимъ творогомъ, сбѣгала къ попадьѣ попросить винца, и поднесла ему рюмку водки съ солью. Вѣрно, не-впервые попалъ въ руки Малафѣевны подобный бѣднякъ!

Между тѣмъ мокшанъ Отрубева шелъ все впередъ. Петръ Иванычъ объявилъ бурлакамъ, что судно въ Привольскѣ не

пристанетъ, и подрядилъ ихъ прямо до Рыбинска, и судно рано на зорѣ прошло мимо Привольска легкимъ попутнымъ вѣтромъ. Савелій посланъ былъ извѣстить о томъ хозяина. Петра Васильича разбудили; онъ далъ цѣлковый вѣстнику, и вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ, одѣвшись поспѣшно, пріѣхали на берегъ, сѣли на легкую лодку и догнали судно; встрѣченные Петромъ Иванычемъ, они вошли въ казенку и выпили съ нимъ по стакану чаю. Затѣмъ, осмотрѣвъ судно, хозяинъ далъ приказчику кой-какія наставленія, которыя онъ, стоя безъ шапки, подобострастно выслушалъ. Потомъ Петръ Васильичъ велѣлъ купить нѣсколько ведръ водки для бурлаковъ, безъ шляпъ стоявшихъ на палубѣ, и поговоривъ съ Самойлычемъ, хозяева оставили судно; вмѣстѣ съ ними съѣхалъ на берегъ и приказчикъ, побывалъ дома, поговорилъ наединѣ съ своимъ сыномъ Сидоромъ Петровичемъ, запасся съѣстнымъ и возвратился на судно.

Во все время пути отъ Привольска до Рыбинска, Петръ Иванычъ былъ необыкновенно задумчивъ. Въ одно хорошее утро судно шло малымъ топселемъ. Бурлаки толпились на посу, а съ ними и Петръ Иванычъ.

— Ну, слава Богу, вотъ и Рыбна! вскричало нѣсколько голосовъ, завидѣвъ лѣсъ мачтъ и сплошную массу судовъ, загромоздившихъ собой все видимое пространство Волги. Изъ города доносился благовѣстъ къ поздней обѣднѣ; всѣ сняли шляпы и принялись креститься на золоченые, сіяющіе на солнцѣ, кресты рыбинскаго собора.

— Спускай топсель! Живѣй, ребята! скомандовалъ въ послѣдній разъ Самойлычъ, и вскорѣ судно вошло въ пристань.

— Бросай якорь! еще разъ прокричалъ онъ. И когда судно встало, онъ снялъ шляпу, перекрестился, сошелъ съ кресел и, обращаясь къ приказчику, сказалъ съ поклономъ:

— Съ окончаніемъ путины, Петръ Иванычъ!

— Спасибо, Самойлычъ! отвѣчалъ Петръ Иванычъ, окруженный бурлаками, которые тоже поздравляли его съ приходомъ судна.

Приказчикъ, какъ слѣдуетъ, раздѣлалъ бурлаковъ, выста-

вилъ имъ нѣсколько ведръ вина, угостилъ на прощанье лоцмана, и дѣятельно принялся за перегрузку судна.

Бурлаки же, какъ всѣ были изъ низовыхъ губерній, болѣе или менѣе прилежащихъ къ Волгѣ, купили съ-общa лодку и отправились внизъ по матушкѣ (Волгѣ) каждый во-свояси, до того мѣста, до котораго можно было плыть.

Гребя поочередно и распѣвая пѣсни, шумная артель черезъ нѣсколько сутокъ увидѣла передъ собой бѣлую колокольню села Мартынова. Многіе изъ нихъ вспомнили о Макарѣ, но у Никитича заныло сердце при воспоминаніи о землякѣ.

Въ селѣ былъ *базарный* день; бурлаки сговорились пристать и запастись съѣстнымъ; лодка причалила. Никитичъ задумалъ провѣдать, что сталось съ старикомъ Макаромъ, сошелъ на берегъ, но не зналъ къ кому обратиться. Первый попавшійся мужикъ отвѣчалъ на его вопросъ, что онъ не знаетъ; «что хворыхъ бурлаковъ съ судовъ ссаживаютъ зачастую; что иныхъ отправляютъ въ городъ въ лазаретъ, а другіе умираютъ; а Богъ ихъ знаетъ, чьи они и откудова?» а лучше надобно о томъ спросить сотскаго. Бурлакъ спросилъ, гдѣ найти сотскаго?

— А вонъ, родимый, изба-то его, что конь — всѣхъ выше, отвѣчалъ мужичокъ, показавъ рукою вдоль улицы: да его теперь дома, я чаю, нѣтъ, а толкается гдѣ-нибудь на базарѣ.

При такихъ неудовлетворительныхъ отвѣтахъ, Никитичъ надумалъ идти къ священнику и справиться у него; но нечаянно натолкнулся на продавца съ лаптями. Взглянувъ на свои лапти, ожидающіе немедленной смѣны, онъ принялся торговать двѣ новыя пары; тутъ же торговала лапти старуха.

— Ужь уступи, уступи, родимый, возьми десять-то копѣечекъ (ассигнаціями), говорила она убѣдительно: вѣдь для покойника покупаю.

— Вотъ эти возьми, бабка. Баешь для покойнаго, такъ ничего, не износитъ, за эвти и десять возьму, сказалъ продавецъ, показывая другую пару.

— Што ты меня тѣмъ *поштуешь*, что непригодно; ты мнѣ вонъ тѣ уступи, возразила покупщица. А право и усту-

пить-то не грѣхъ: покойникъ-то хоть бы здѣшній былъ, а то чужестранный бурлакъ, — ни роду, ни племени.

— Рази у васъ на селѣ бурлакъ померъ? спросилъ, прислушиваясь, Никитичъ.

— Бурлакъ, родимой мой; съ Троицы маялся сердечной, а только утро-сь Господь прибралъ, — отвѣчала словоохотливая старуха.

— Съ Троицы, бабушка, ты говоришь? Откудова-же онъ?

— Господь его вѣдаетъ; больно издалека. Пашпортъ съ нимъ; въ пашпортѣ, чай, написано отколь. Ссадили сердечнаго ночью подъ селомъ. Сначала-было и полегчало, а тамъ и скрутило. Ужъ видно предѣлъ такой! заключила старушка.

— А какъ его звали? спросилъ тревожно бурлакъ.

— Макаромъ, родимой мой, Макаромъ. Не молодой ужъ былъ, царство ему небесное!

— Такъ и есть, онъ! Сердечный, дѣдушка Макаръ! воскликнулъ, со слезами на глазахъ, Никитичъ. Царство небесное!... Немного я не засталъ. Ты, бабушка, говоришь, утромъ?..

— Да, утромъ отошелъ. А ты, родимой, развѣ его знавалъ? — спросила старуха.

— Какъ-же не знать-то! Землячокъ мой былъ, и еще сродственникъ... Гдѣ онъ, сердечный, хоть бы проститься съ нимъ.

Никитичъ, не торгуясь, купилъ лапотки своему усопшему земляку, и послѣдовалъ за знакомою намъ Малафѣевной въ ея избушку.

На передней лавкѣ лежалъ покойникъ, въ чистой рубахѣ, прикрытый холстомъ. Въ головахъ у него тускло теплилась лампадка передъ мѣднымъ распятіемъ.

Никитичъ войдя перекрестился, поклонися въ землю и заплакалъ.

— Дѣдушка Макаръ, родимый! Еще Богъ привелъ хоть мертваго-то тебя повидать... проговорилъ онъ, утирая глаза рукавомъ: а старуха-то, сердечная, чай ждетъ тебя, и вотъ вѣсточка придетъ, что тебя и въ живыхъ нѣтъ!

Затѣмъ онъ далъ Малафѣевнѣ на свѣчки, отъ своихъ

трудовыхъ грошей, и поспѣшно оставилъ избушку бобылки; сидѣть и разговаривать долго было некогда, товарищи не ждали.

— Ну, что, отъискалъ дѣда? куда онъ дѣвался? спрашивали бурлаки, когда Никитичъ воротился къ лодкѣ.

— Приказалъ дѣдъ вамъ всѣмъ, ребята, долго жить, отвѣтилъ онъ.

— Царство небесное! воскликнула, крестясь, вся толпа, кромѣ чувашей.

— Ну что? какъ? гдѣ? послышались затѣмъ вопросы.

— Да здѣсь на селѣ, еще не похороненъ лежитъ. Сейчасъ попрощался съ нимъ, — пояснилъ Никитичъ, садясь въ лодку.

Лодка отвалила.

VII.

Петръ Васильичъ сдержалъ слово и исполнилъ свое желаніе, потому что, спустя немного дней послѣ суматохи, въ дѣтской, въ домѣ Отрубевыхъ появился высокій, сѣдой и молчаливый лакей, съ краснымъ обрюзглымъ лицомъ, въ коричневомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Это былъ Исай Агѣичъ, дядька Ѳеди, на котораго Наталья Ивановна очень неласково поглядывала, но, не смѣя прекословить мужу, немедленно для сына и новаго слуги приказала приготовить комнату на антресоляхъ, возлѣ комнаты Павла Петровича. Много было слезъ у Ѳеди при разставаньи съ своей старой няней, много было причетовъ у Михайловны, которая изъ дѣтской переселилась на кухню и проклинала няньку Ѳедору, будто-бы виновницу этой горькой для нея перемѣны, вѣроятно не смѣя никого болѣе обвинять вслухъ.

Агѣичъ называлъ Наталью Ивановну барынею (на что̀ она сердилась) и смотрѣлъ свысока на всю прочую прислугу.

— Ну, что онъ за фря такая? говорилъ за столомъ въ кухнѣ Тимофей: что галстухъ-то бѣлый! Такъ что-жъ, вотъ будетъ хозяинъ имянинникъ и я не хуже его подфоршусь... А ужъ что у него да на немъ! Такъ только фракъ-то,

братцы, и есть; и подъ бокомъ, и въ головахъ, и сверху — все тотъ же фракъ; дядька — одно званіе. Развѣ я не съумѣлъ бы, что-ль, эдакъ-то ходить за Ѳедоромъ Петровичемъ? Съумѣлъ бы, небось, кабы приказали...

— Ужъ и не говори, родной, Тимофеюшка! задребезжала нянька Михайловна: ничего, ничего нѣтъ въ немъ хорошаго, такъ вотъ Петру Васильичу меня-то горемычную хотѣлось обидѣть — больше ничего. Ужъ я-ли имъ, кажется, не служила, ну теперь вдругъ безъ вины виновата стала: отняли у меня моего соколика, Ѳедора Петровича, котораго я вынянчила, да выводила безъ всякаго изъяна. А все Ѳедора виновата! все она на меня хозяевамъ наговаривала! Ну, Богъ ей судья!.. Старуха плакала. — Вчерась идетъ, мой голубчикъ, Ѳединька по двору съ дядькою-то своимъ, увидѣлъ меня, какъ бросится, за шею мнѣ уцѣпился. Слезы меня прошибли; а онъ, злодѣй, за ручку его какъ отдернетъ отъ меня, — не приказано, говоритъ, вамъ съ нянькою находиться; а не то, говоритъ, папенькѣ скажу, — и увелъ моего сокола-то отъ меня. А я выла, выла, и выть не знала какъ.

— Свысока глядитъ на нашего брата, нечего говорить, сказалъ Тимофей.

— Ужъ нечего, рано, рано зазнался противъ своего брата. А самъ-то развѣ не такой-же холопъ? — кричала хоромъ честная компанія.

— Постойте, ужъ не сдобровать же ему здѣсь! не долго навертится!.. Знаю я одинъ секретъ; поймаю-же я его на удочку... молвилъ глубокомысленно Тимофей.

— И подѣломъ, и подѣломъ! задребезжала нянька. Въ шею-бы его, злодѣя, родной Тимофей Никифорычъ.

— А вотъ повидимъ; штучка есть... Пожалуй, открою всѣмъ!

— Что, что? вскричали всѣ.

— Да просто на-просто услышалъ я отъ него давича, сиволдаемъ больно разитъ... Ну, ребята, не зѣвай, подстерегай, кто какъ умѣетъ... заключилъ Тимофей, и вслѣдъ затѣмъ всѣ голоса рѣшили: изгнать, во что бы то ни стало, новаго пришельца, неумѣвшаго или нехотѣвшаго сблизиться съ ними.

Прошла недѣля, другая; Исай Агѣичъ сдѣлалъ привычку засыпать послѣ обѣда мертвымъ сномъ, чему Ѳедя былъ очень радъ и не сказывалъ о томъ матери, потому что въ это время приходила къ нему Михайловна, отъ которой мальчикъ не могъ отвыкнуть и сидѣла съ нимъ часа два. Если же Наталья Ивановна ложилась послѣ обѣда отдыхать, то нянька уводила его въ кухню, гдѣ онъ со Степкой пускался на всѣ возможныя шалости.

Между тѣмъ Тимофей, зорко смотрѣвшій за дядькою, которому завидовалъ, однажды, стоя у воротъ, замѣтилъ, что послѣдній вышелъ изъ сосѣдней штофной лавочки, не совсѣмъ твердою поступью. Проходя въ ворота, какъ-то особенно громко сопѣлъ. Тимофей послѣдовалъ за нимъ наверхъ и видѣлъ, какъ Агѣичъ что-то сунулъ въ коридорѣ за пустой сундукъ; когда дядька ушелъ въ комнату, старожилъ-слуга осмотрѣлъ: за сундукомъ былъ полуштофъ водки.

Наступалъ уже вечеръ; Павелъ Петровичъ возвратился изъ лавки; отца и матери не было. Онъ, по обыкновенію, зашелъ въ комнату Ѳеди и видѣлъ, что мальчикъ вырѣзалъ мужичка изъ бумаги, а дядька сидѣлъ, облокотившись на окно. При входѣ Павла Петровича, онъ едва привсталъ со стула и на вопросы отвѣчалъ какими-то неясными звуками. Молодой Отрубевъ замѣтилъ, что лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Здоровъ-ли ты, Агѣичъ? спросилъ молодой хозяинъ. Дядька отвѣчалъ, что у него голова очинно болитъ и увелъ Ѳедю къ себѣ, чтобъ поиграть съ нимъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Павелъ Петровичъ, услышавъ въ Ѳединой комнатѣ стукъ, и поспѣшно войдя туда, увидѣлъ опрокинутый стулъ, и Агѣича лежащаго на полу безъ чувствъ. Молодой Отрубевъ неистово зазвонилъ въ колокольчикъ, проведенный съ верха въ кухню. Явился Тимофей и вслѣдъ за нимъ горничная и нянька Михайловна, постоянно заботящаяся о томъ, чтобъ не случилось чего съ ея дорогимъ Ѳедоромъ Петровичемъ.

— Тимофей, бѣги сейчасъ за фельдшеромъ! видишь, съ Агѣичемъ ударъ. Любашка, ступай въ спальню къ маменькѣ; тамъ долженъ быть гдѣ-нибудь нашатырный спиртъ. Да

что стоите! подайте хоть уксусу!... говорилъ Павелъ Петровичъ, ощупывая голову и грудь дядьки. Тимофей, развяжи ему поскорѣй галстухъ.

— Галстухъ? ужъ извѣстно галстухъ-то надобно развязать, а до *фершала*-то и прочаго инаго, я чаю, не дойдетъ. Вотъ я выплью ему на башку ведро колодезной воды, такъ не бойтесь, очнется... сказалъ Тимофей, не-хотя принимаясь развязывать галстухъ Агѣича. А еще въ комнатахъ живетъ! еще хозяйское дитя поручено, этакому свиньѣ! Ужъ позвольте, Павелъ Петровичъ, его на кухню стащить, а-то право, не хорошо-съ... вѣдь онъ ужь какъ есть свинья безчувственная-съ...

— Ты съ ума сошелъ, Тимофей!.. За что ты ругаешь его? сказалъ Павелъ Петровичъ.

— Еще-бы не ругать, — досада беретъ, судырь. Ужъ позвольте намъ общими силами стащить его отсюда-съ? Стоялъ на своемъ Тимофей.

— Тамъ послѣ; а теперь... Да чтожъ Любашка! Я вѣрно не тебѣ говорю, чтобы ты шла за спиртомъ, — оборотился хозяинъ къ горничной, которая не трогалась съ мѣста.

— Помилуйте, Павелъ Петровичъ, — да кчему ему спиртъ-то? Никифорычъ правду сказалъ, что его, окаяннаго, водою отливать надобно, замѣтила злобно старая нянька.

— Отчего вы не слушаетесь, когда вамъ приказываютъ?.. Ступайте всѣ, куда велятъ!... почти вскричалъ Павелъ Петровичъ, выходя изъ себя: Вы просто всѣ съ ума сошли!...

— Никакъ-нѣтъ-съ, мы всѣ, судырь, въ умѣ, а вотъ Исай-то Агѣичъ, такъ всѣмъ дурману въ глаза напустилъ; подите-ка, какъ отговаривался, когда ваша меменька впервые рюмку ему поднести приказали: не пью-молъ, хмѣльнаго въ ротъ не беру, а теперь какъ налопался. Этакое животное! Ну, вставай что-ли, бревно! Въ хлѣвъ тебя стащить, больше не стоишь! — говорилъ Тимофей, поднимая за плечи еле-дышущаго дядьку, голова котораго качалась то въ ту, то въ другую сторону.

— Что это такое!.. Тимофей! неужели онъ пьянъ? спросилъ въ недоумѣніи Павелъ Петровичъ.

Еще-бы! Развѣ вы не изволите видѣть, вонъ давича по-

луштофъ принесъ, а теперь въ немъ ни капли; значитъ весь выцѣдилъ.... Ну, вставай!... Но вопреки понуканьямъ Тимофея, Агѣичъ нетолько встать, не могъ и пошевелиться.

— Умретъ безъ покаянія проклятый; долго-ли до бѣды. Любашка, принеси ведерцо, дребезжала Михайловна, суетясь и проклиная дядьку.

Горничная убѣжала и вмигъ явилась съ ведромъ колодезной воды. Павелъ Петровичъ не спорилъ болѣе съ прислугою, но только просилъ, чтобъ какими-нибудь средствами привели Агѣича въ чувство.

Между тѣмъ старшіе хозяева возвратились и прямо попали на сцену, какъ Тимофей съ женщинами тащили Агѣича внизъ, всего мокраго, и едва шевелившагося. Павелъ Петровичъ, стоя наверху, слѣдилъ за ними, чтобъ они его не ушибли; а Ѳедя, перевѣсивъ голову черезъ перила, дразнилъ языкомъ Степку, который внизу прыгалъ на одной ногѣ и билъ въ ладоши, смотря на растрепаннаго дядьку.

— Что это значитъ!.. вскричалъ удивленный Петръ Васильичъ.

— Что случилось? спросила въ испугѣ Наталья Ивановна.

— Ничего-съ; такъ маленечко охмѣлѣли-съ, отвѣчалъ ухмылявшійся Тимофей.

— Какъ? Агѣичъ пьянъ! Да правда-ли это? повторилъ хозяинъ.

— Ужъ и какъ-же не правда, Петръ Васильичъ! задребезжала старая нянька, поддерживая голову Агѣича. Да онъ, злодѣй, долженъ вѣкъ-по-вѣки Бога молить за Павла Петровича; кабы не онъ, мой соколикъ, да мы не подоспѣли на помочь, такъ сгинулъ-бы, пьяница проклятый, издохъ безъ покаянія, вотъ до чего нарѣзался... Цѣлое ведро воды на него вылили

— Вотъ и дядька! — проговорила Наталья Ивановна.

— Ужели въ самомъ дѣлѣ? спросилъ опять хозяинъ, окончательно выходя изъ себя. Правда, Паша?...

— Точно такъ-съ, папенька-съ, отвѣчалъ сверху сынъ.

— Ей-Богу-съ, примолвилъ Тимофей: да вотъ я его въ хлѣвъ, лучше отрезвится, *фонъ*-баронъ.

— Вотъ и дядька хваленый! сказала опять, покачавъ головою, Наталья Ивановна.

— Ужъ не говори, сударыня!.. пристала Михайловна. Этакой злодѣй при Ѳединькѣ-то находился! жалость, подумаешь.

Но раздосадованный Петръ Васильичъ, не сказавъ болѣе ни слова, пошелъ въ комнаты.

Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза въ прихожей, была странница Марья Степановна, или, какъ она себя называла, сестра Мамельфа.

— Ты зачѣмъ? спросилъ строго Петръ Васильичъ, не зная на комъ взорвать сердце.

— Я, батюшка, къ твоей благовѣрной супругѣ, отвѣчала съ поклономъ странница, не робѣя нисколько.

— Зачѣмъ тебѣ нужна моя супруга? и какъ это... Эй, Любашка! кто смѣетъ пускать сюда всякихъ побродягъ, когда хозяевъ дома нѣтъ! вскричалъ сердито хозяинъ.

— Зачѣмъ, батюшка, обижать смиренную рабу Божію, говорила нараспѣвъ странница,—врагу мѣсто давать въ своемъ сердцѣ; я, я не тебя, батюшка, пришла безпокоить, а говорю, что твою супругу пожелала посѣтить...

— Слышишь, сударыня!.. обратился Отрубевъ къ стоявшей позади себя женѣ, и чувствовавшей, что теперь разразится буря,—чтобъ это посѣщеніе было послѣднее! Да, я забылъ сказать тебѣ, что сталось съ странниками, которыхъ захватили у Саламатиныхъ: дѣвку выпороли розгами, и возвратили ее барину, Ильѣ Епифанычу, а юродивый оказался непомнящимъ родства бродягою, и его посадили въ острогъ. И такъ я тебѣ окончательно запрещаю принимать къ себѣ этихъ скотовъ, какова-бы роду и званія они ни были, и теперь прошу выпроводить эту незваную гостью. Петръ Васильичъ пошелъ въ спальню.

Наталья Ивановна, очень встревоженная, и, не желая еще болѣе раздражать мужа, дѣлала знаки Марьѣ Степановнѣ, чтобъ она вышла вонъ.

— Добрая моя, возлюбленная моя, говорила, нисколько неструсившая отъ словъ хозяина, сестра Мамельфа, я иду,

на-дняхъ, во святой Кіевъ, да благословитъ Богъ путь мой!.. Пришла я за обѣщаннымъ тобою...

— Ради Бога пойдемъ отсюда, Марья Степановна!—говорила дрожащимъ голосомъ Наталья Ивановна, отворивъ дверь въ коридоръ, и почти силою выталкивая туда странницу.

— Какая Марья Степановна,—сестра Мамельфа, твердила, послѣдняя.

— Ну, хоть сестра Мамельфа... Подожди ты меня внизу у лѣстницы; я сейчасъ сойду... — сказала Наталья Ивановна. Затѣмъ, обратясь въ спальню, отыскала обѣщанную черную матерію на ряску странницѣ, набрала рублей тридцать (ассигнаціями) и снесла ей. Прощаясь и извиняясь, сказала ей: что она болѣе видѣть ее у себя не можетъ, потому что не хочетъ сдѣлать противное воли мужа, и поспѣшила на верхъ.

— Все врагъ, все врагъ лукавый, воздвигаетъ гоненія на людей благочестивыхъ и дѣлаетъ препоны ихъ желаніямъ, разсуждала сестра Мамельфа, выходя за ворота.

— Опять-таки явилась! и гдѣ она пролѣзла? говорила горничная, завидя странницу, и потомъ вскричала ей вслѣдъ: Улепетывай поскорѣй до грѣха, смотри хозяинъ дома!...

Сестра Мамельфа смѣло показала горничной кулакъ, и, проворчавъ бранное слово, принялась на улицѣ считать данныя Отрубевой деньги.

— Тридцать, только тридцать, этакая безстыжая! а еще богачиха!... вѣдь я просила пятьдесятъ, вотъ.... А вѣдь называются добрыми людьми!...

И долго еще ворчала она благодарность Натальѣ Ивановнѣ, въ родѣ вышеприведенной, покуда скрылась за уголъ.

На другой денъ Петръ Васильичъ дѣлалъ допросы отрезвившемуся дядькѣ; причемъ Тимофей принесъ, какъ явную улику, пустой полуштофъ. И важный Исай Агѣичь, пристыженный, уничтоженный и даже не защищавшійся, былъ изгнанъ съ позоромъ , ко всеобщему удовольствію служителей и служанокъ Отрубева дома. На мѣсто Агѣича приставленъ былъ къ Ѳедѣ, въ качествѣ дядьки, Тимофей, къ немалому восхищенію послѣдняго. Предварительно ему было приказано

хорошенько выбриться и вымыться; затѣмъ ему былъ пожалованъ старый сюртукъ Петра Васильича; затѣмъ послѣдовалъ приказъ не отходить отъ мальчика. Дѣло пошло отлично. Когда новому дядькѣ прискучивало сидѣть съ Ѳедей, и онъ хотѣлъ помочь въ конюшнѣ кучеру, или посидѣть за воротами, онъ вопреки приказу хозяина, съ рукъ на руки сдавалъ его Михайловнѣ, за что послѣдняя была ему очень благодарна.

Однажды Отрубевы, мужъ и жена, сидѣли въ спальнѣ. Наталья Ивановна, нѣсколько надувшись, глядѣла въ окно; Петръ Васильичъ нахмуривъ брови, перебиралъ какую-то книгу.

— Хоть сердись, хоть нѣтъ, сказалъ онъ помолчавъ, а ты по родству очень смахиваешь на свою сестрицу Катерину Васильевну...

— Обижай, мой другъ, коли тебѣ угодно, а все-таки я ничего такого не сдѣлала, и даже не сказала, надъ чѣмъ бы слѣдовало смѣяться; я хотѣла сдѣлать доброе дѣло, да и все тутъ; пусть бѣдные люди за насъ Бога молятъ, — проговорила супруга дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Кто-же тебѣ не велитъ! Развѣ я запрещаю?...

— Развѣ я запрещаю, — говоришь, а самъ!... —

— Что самъ? Я только говорю, что не хочу изъ своего дома Маврину дочь выдавать; вотъ и все...

— Что-жь, — развѣ этотъ случай безчестье принесетъ нашему дому? сказала съ замѣтною досадою жена.

— Безчестья никакого, да и чести большой не сдѣлаетъ, отвѣчалъ Петръ Васильичъ. Онъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, закинувъ руки назадъ, и остановившись передъ супругою продолжалъ:

— Ты, я вижу, забрала себѣ въ голову одно, и тебѣ хочется на своемъ поставить, — ну, скажи-же, ради Бога, чего ты хочешь? ѣхать за невѣстой свахою? Угощать этихъ слесарей, столяровъ, маляровъ?

— Петръ Васильичъ, перебила Наталья Ивановна, развѣ всѣ они не такіе-же люди, какъ и мы? Чѣмъ мы гордимся? Наги родились, наги и умремъ.

— Вонъ какъ! воскликнулъ засмѣявшись невольно Отру-

бевъ. Что это, матушка! не брала ли ты уроковъ у Петра Иваныча? Тотъ сыплетъ текстами, и ты тоже начинаешь помаленьку. Однако, подумай-ка, вся эта честная компанія въ нашемъ домѣ будетъ связана, задушевнаго веселья на-распашку между ними быть не можетъ, наше присутствіе ихъ стѣснитъ до-нельзя; а въ домѣ Мавры все будетъ въ своей тарелкѣ... Ну что, развѣ я не правду говорю?

— Положимъ, что и такъ, проговорила Наталья Ивановна, но послѣ этого ты пожалуй не прикажешь и къ нимъ мнѣ ѣхать?

— Безъ всякаго сомнѣнія! сказалъ Петръ Васильичъ утвердительно. Да и что ты тамъ будешь дѣлать? До-пьяна ты съ этими гостями не напьешься, въ чемъ я совершенно увѣренъ, — пѣсни пѣть и плясать съ ними не будешь, и только всѣ будутъ совѣститься Натальи Ивановны Отрубевой, всѣ будутъ на-вытяжку, и больше ничего, что помѣшаешь...

— Однако, Петръ Васильичъ, все-же я обѣщала Маврѣ помочь...

— Помоги; я думаю, у тебя сундуки съ тряпьемъ ломятся?..

— Не то, мой другъ, — тутъ нужно и кромѣ тряпья; дѣло свадебное.

— Ну пошли имъ съѣстнаго, вина, всего, чего хочешь.

— Мнѣ-бы нужно денегъ, Петръ Васильичъ, произнесла не смѣло жена.

— Денегъ! а на что?

— Да мало-ль на что; я хотѣла новенькое платье невѣстѣ, салопъ...

— Отдай свой старый.

— Старый! Ну все-же бы лучше, хоть и не дорогой, да нов...

— Отдай свой хорошій, отдай что хочешь, только денегъ не проси, теперь нѣтъ... вскричалъ отрывисто Отрубевъ, и принялся опять ходить по комнатѣ.

Наталья Ивановна замолчала, но, видя, что мужъ не много успокоился и сѣлъ, опять начала:

— Я не много прошу... сказала она робко.

— Ахъ, какая безотвязная женщина! вскричалъ запаль-

чиво Петръ Васильичъ и вскочилъ съ мѣста. Ну, бери тамъ у Малова, что тебѣ нужно, на счетъ... Я тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ, деньги нужны...

— Господи, Боже мой! На свои прихоти такъ тысячъ не жалѣемъ, а тутъ... прошептала Наталья Ивановна, но взглянувъ на вспыхнувшее лице мужа, который услышалъ этотъ шопотъ, смолкла. У Петра Васильевича уже готово было вырваться рѣзкое слово, но онъ удержался, молча подошелъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по стеклу. Успокоясь немного, онъ спросилъ, не глядя впрочемъ на супругу:

— Сколько тебѣ надобно?

Она не отвѣчала.

— Я тебя, сударыня, спрашиваю, сколько тебѣ нужно?

— Да еслибы рубликовъ двѣсти (ассигнаціями), то и было бы, сказала не смѣло Наталья Ивановна.

Отрубевъ, не сказавъ ни слова, вышелъ и поднялся на антресоли въ комнату сына.

Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ Павла Петровича въ странномъ положеніи, сидящаго на-корточкахъ и всунувшаго голову въ печку.

— Ба! опять табакъ! Смотри, Павелъ, я не желаю тебя въ другой разъ застать въ этой шалости! я не хочу, чтобъ ты курилъ! Мать тебя проситъ, чтобъ ты бросилъ эту глупость, потому что ты еще молодъ, слабъ, можно получить грудную боль; а ты обоихъ насъ слушать не хочешь, и дѣлаешь себѣ большой вредъ... говорилъ Петръ Васильичъ сыну, который, увидѣвъ вошедшаго отца, вскочилъ на ноги, спряталъ подъ халатъ трубку, покраснѣвъ какъ ракъ и потупивъ глаза неподвижно и молчалъ.

— Ну, кассиръ! вынька денегъ.... примолвилъ отецъ, бросивъ ключъ на столъ, и садясь на кровати сына.

Павелъ Петровичъ сунулъ трубку въ печку, робко взялъ ключъ и пошелъ къ конторкѣ.

Надобно сказать, что, между разною мебелью, въ комнатѣ молодаго Отрубева находилась конторка, за которой отецъ и сынъ сводили свои торговые счеты; въ ея нижнихъ ящикахъ находились деньги.

— Сколько прикажете, папенька-съ? спросилъ сынъ, отпирая одинъ изъ ящиковъ.

— Вынь двѣсти рублей ассигнаціями, и снеси къ матери, сказалъ Петръ Васильичъ. Пристала ко мнѣ сегодня безотвязно, — ишь, милосердіе напало, Маврину дочь хлопочетъ замужъ выдать, а того не знаетъ, что.... что касса наша пустѣетъ съ каждымъ днемъ.... Охъ, тяжелое время!...

— Какъ-же ей не пустѣть-съ, на приходъ не сокращается-съ, отвѣчалъ сынъ, считая ассигнаціи.

— Да, братъ, Паша. А тутъ мать пристаетъ — того не знаетъ, что теперь каждая сотня, каждой десятокъ дорогъ... Цѣны на хлѣбъ и на кожу упали, говорилъ въ-раздумьи отецъ.

— Что-жъ, папенька-съ, вѣдь маменькѣ можно-бы было и отказать-съ.

— О! сохрани Богъ! ты у меня смотри, не смѣй ей ничего говорить! и не заикайся! я не хочу, чтобъ она прежде времени тосковала, да плакала, слышишь? Отнеси ей деньги, двѣсти рублей насъ не разорятъ; а тамъ что Богъ дастъ....

— Очень хорошо-съ. Павелъ Петровичъ пошелъ уже къ дверямъ, но воротился.

— Папенька-съ, простите-съ, я забылъ вамъ доложить-съ, давича Чернухинъ два раза безъ васъ въ лавку заходилъ-съ, хочетъ васъ повидѣть-съ, сказалъ онъ.

— Охъ, да! сроки приходятъ.... онъ разбойникъ первой закопошился. Однако надобно къ нему съѣздить, авось уломаю, вексель перепишетъ. Говорятъ, шельма, что деньги въ ломбардъ хочетъ класть. Сбудется это отъ него! Ужъ вѣроятно хочетъ съ кого-нибудь содрать проценты еще побольше, чѣмъ съ меня!... проговорилъ Петръ Васильичъ. Паша, прикажи-ка, чтобъ заложили вороную съ отмѣтиною въ дрожки; я хочу теперь-же къ Чернухину съѣздить.

— Мнѣ бы только уломать этого жида-Чернухина, а тамъ.... Надобно спросить Алексѣя Алексѣича, что ему пишутъ изъ Питера; какія цѣны на хлѣбъ. И коммисіонеръ мой молчитъ, насчетъ кожевеннаго товара; тифинка съ кожею должна быть теперь около Твери... И отъ Петра изъ

Рыбной ничего не слыхать; всѣ замолчали.... Разсуждалъ самъ съ собою Петръ Васильичъ по уходѣ сына. Эй, Ѳедя! поди сюда! вскричалъ онъ, постучавъ въ стѣну. Мальчикъ, въ сопровожденiи Тимофея, пришелъ на зовъ отца.

Никогда Петръ Васильичъ не былъ такъ ласковъ съ своимъ маленькимъ сыномъ; онъ ласково спрашивалъ его объ урокахъ, обѣщалъ ему купить игрушку, и поцѣловавъ его въ голову, приказалъ идти внизъ и просить у матери гостинца. Наконоцъ вошелъ Павелъ Петровичъ и доложилъ отцу, что лошадь готова.

Не прошло еще и часа по отъѣздѣ Отрубева, какъ въ спальню Натальи Ивановны вошелъ старшiй сынъ, блѣдный какъ полотно.

— Маменька, голубушка, ради Бога не пугайтесь.... успокойтесь, прошу васъ.... говорилъ онъ, схвативъ мать за руку.

— Что такое, Пашенька, другъ мой, что сдѣлалось? спрашивала она въ испугѣ! Ѳедя! Фисонька! да говори-же?

— Папенька-съ?...

— Что папенька?... говори, говори!

— Папенька упалъ съ дрожекъ, такъ немного-съ....

Не успѣла Наталья Ивановна встать съ мѣста, какъ Тимофей и какой-то незнакомый ввели Петра Васильича подъ руки, блѣднаго и стонущаго.

— Другъ мой! что ты? вскричала жена.

— Ничего, Наташа, не пугайся.... Охъ! бокъ больно!... Лошадь проклятая.... взбѣсилась.... охъ! Петръ Васильичъ со стономъ повалился на постель.

— Вотъ какихъ вороговъ купилъ! звѣри-то звѣри и есть, землю дерутъ, страхъ! вскричала съ жалобнымъ упрекомъ жена.

Изъ разсказа незнакомца Наталья Ивановна узнала, что застоявшаяся лошадь, съ перваго раза, понесла хозяина, какъ стрѣла. Кучеръ свалился, Петръ Васильичъ самъ успѣлъ подобрать возжи, и хотѣлъ ее уперeть въ заборъ, но она, закинувъ голову, круто повернула въ сторону, и опрокинула дрожки. Ѳтъ этого толчка хозяина сбросило бокомъ на фонарный столбъ. Съ раздутыми ноздрями, съ на-

литыми кровью глазами, съ бьющимися сзади сломаными дрожками, лошадь быстро умчалась; но на площади ее схватилъ проѣзжавшій случайно конный жандармъ.

Петръ Васильичъ не переставалъ стонать отъ боли въ боку. Послали за докторомъ.

Матвѣй Иванычъ (имя доктора) немедленно явился.

Это былъ высокій, черноватый добрякъ-малороссіянинъ, хирургъ и акушеръ, лечившій по большей части изъ любви къ ближнему, чѣмъ изъ корысти или наградъ земныхъ, любимый городомъ, и при огромной практикѣ не пріобрѣвшій себѣ ничего. Онъ поспѣшно ощупалъ больнаго, и послалъ за фельдшеромъ, чтобъ поставить піявки къ боку Петра Васильича.

— Знаетс, Наталья Ивановна, какую штуку сыграла со мною Пелагея Андреевна Добрецова, сказалъ докторъ хозяйкѣ, когда больной успокоился,—присылаетъ за мною: ей понадобился акушеръ. Я бѣгу, лечу.... что-жь она, вы думаете? нѣтъ, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, мнѣ акушеръ не нуженъ, зачѣмъ мнѣ, говоритъ, акушеръ? Каково! я, говоритъ, здорова. Представьте мое положеніе, а вѣдь прислала-же. Ну, да хорошо, что я ящикъ съ инструментами позабылъ взять, а то.... мое почтеніе, она-бы, голубушка, отъ меня не отдѣлалась.... да! А отчего? Все отъ невѣжества это происходитъ.

Наталья Ивановна съ недоумѣніемъ смотрѣла на доктора.

— Что-жь съ ней сдѣлалось? спросила она.

— Обыкновенно что дѣлается, когда женщина послѣднюю пору....

— Помилуйте, Матвѣй Иванычъ, что вы говорите? воскликнула Отрубева, невольно улыбаясь; Пелагеѣ Андреевнѣ безъ-мала семьдесятъ лѣтъ; она вдова....

— Ничего, сударыня, что вдова.... я васъ честью увѣряю.... продолжалъ докторъ. А отчего? Все отъ невѣжества.... жаль, что инструментовъ не было....

Наталья Ивановна снова посмотрѣла на доктора съ недоумѣніемъ. Найдя неумѣстнымъ у постели больнаго мужа спорить съ докторомъ, она заключила, что вѣрно не о той

онъ думаетъ, хотя Матвѣй Иванычъ и божится, что Добрецову онъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ.

На другой день Отрубевъ чувствовалъ едва замѣтную боль въ боку, и только большую слабость во всемъ тѣлѣ отъ испуга.

Къ Натальѣ Ивановнѣ пришла торговка Авдотья Петровна.

— Ну, сударыня вы моя, Наталья Ивановна, говорила послѣдняя: ужъ что вы хотите, а ни женихъ, ни мать его, не хотятъ другой свахи посылать, земно кланяются, меня просятъ, чтобъ я съ вашей милостью переговорила; знать, придется на-старости грѣха укусить. Чтожъ я, безъ всякаго, моя матушка, хвастовства скажу, невѣста жениху больно полюбилась....

— Все это хорошо, Авдотья Петровна; сходи завтра къ Маврѣ Григорьевнѣ. Роспись я напишу, и ей вечеромъ пошлю; а ей отъ меня скажи: чтобъ дочь отдавала за этого жениха, и тамъ улаживайте, какъ знаете. Насчетъ сговорокъ, пусть Мавра ко мнѣ побываетъ, и все забираетъ, что я Дашѣ приготовила, сказала хозяйка.

— Награди васъ Господи, воздай сторично, что вы сироту нашли своей милостью!... — молвила со слезами на глазахъ разстроганная торговка.» — Ну что, сударыня, говорятъ Петръ-то Васильичъ?...

— Да лошадь ушибла; сегодня лучше.

— Не даромъ говорятъ, что лошадь ворогъ, — замѣтила Авдотья Петровна. — «А вы давно не были, сударыня, у Саламатиныхъ?...»

— Давно не была; а что такое?

— Да объ нихъ слухи больно худые прошли, — сказала торговка, наклонясь къ уху хозяйки и прищуривъ лукаво свой карій блестящій глазъ. — Говорятъ, сударыня вы моя, — приходитъ къ Катеринѣ Васильевнѣ будто какой-то офицеръ, и прямо говоритъ: такъ и такъ дескать отдайте за меня вашу дочь Софью Алексѣевну.... Мать и туда и сюда заметалась; — какъ, говоритъ, вы смѣли? мои дочери, говоритъ, готовятся въ монастырь. А онъ свое, спросите дескать при мнѣ вашу дочку, что она скажетъ; вы, говоритъ,

ихъ силою хотите въ монастырь запрятать. Билась, билась Катерина Васильевна, дѣлать нечего — позвала дочку, а она ни съ того ни съ сего, видно ужь давно было слажено.... я, говоритъ, маменька иду за него. Старуха такъ и упала замертво. Ну, покуда ее оттерли, офицеръ все дожидается, и когда очнулась, онъ опять присталъ съ своей просьбой. Какъ закричитъ-дескать Катерина Васильевна, значитъ изъ себя вышла.... «вонъ!» говоритъ, «я своихъ дочерей монашеской жизни обрекла, и завтра-же-дескать ихъ не будетъ здѣсь».

— Алексѣй Алексѣичъ не знаетъ что дѣлать, чуть не плачетъ: и дочери-то жаль ему, и жену-то прогнѣвить не смѣетъ, такъ и вьется какъ змѣя, да офицера-то упрашиваетъ, чтобъ вонъ вышелъ. Офицеръ-то тоже, вѣрно, *ухо;* подумайте, говоритъ, сударыня; даю вамъ три дня сроку; а если не согласитесь, такъ тамъ дескать буду знать, что дѣлать; вы, говоритъ, монастыремъ не стращайте: мнѣ, говоритъ, ни что ни по чемъ, подъ землею Софью Алексѣевну не спрячете, а коли согласія добровольно не дадите, такъ на меня не пеняйте. Такъ съ тѣмъ и ушолъ.

— Отъ кого-же ты все это слышала? — спросила удивленная Наталья Ивановна, не вполнѣ повѣрившая разсказу торговки.

— Не пересказныя рѣчи, — отвѣчала Авдотья Петровна; — я, моя сударыня, слышала сегодня на рынкѣ отъ ихней ключницы.

Отрубева покачала головой и дала себѣ слово навѣстить Саламатиныхъ завтра-же.

Авдотья Петровна, довольная тѣмъ, что первая сообщила Натальѣ Ивановнѣ такую интересную новость, пошла разсказывать ее другимъ своимъ знакомымъ.

На слѣдующій день утромъ Петръ Васильичъ собрался въ лавку, несмотря, что чувствовалъ еще боль въ боку, хотя докторъ и совѣтовалъ ему оставаться какъ можно болѣе въ спокойномъ положеніи, — какъ вдругъ доложили о приходѣ Ивана Андреича.

Петръ Васильичъ вмѣсто того, чтобъ попросить гостя въ залу, приказалъ проводить его на антресоли въ комнату Павла Петровича.

Помянутый Иванъ Андреичъ былъ не кто иной, какъ привольскій ростовщикъ Чернухинъ. Снявъ съ себя истасканную шинелишку кофейнаго цвѣта, и сложивъ ее тщательно на стулъ возлѣ дверей, онъ, по приглашенію Павла Петровича, прошелъ на цыпочкахъ впередъ, и помѣстился на самомъ краю стула.

— Здравствуй, Иванъ Андреичъ! какъ поживаешь, какъ Богъ милуетъ? А я, братецъ ты мой, вчера къ тебѣ собрался, да лошадь проклятая подшутила; и теперь еще боку чувствительно, — говорилъ входя Петръ Васильичъ.

— Слышалъ я, слышалъ, отецъ родной! и горевалъ объ васъ! — воскликнулъ гость, поспѣшно вскакивая и чуть не бросаясь на шею хозяина.

— Этакой, подумаешь, случай несчастный! Правду говорятъ, что лошадь *ворогъ;* а ужь ваши-то лошади, Петръ Васильичъ, сущіе звѣри. Какъ это вы ѣздите на нихъ?

— Ничего, ѣздили, Богъ миловалъ, до вчерашняго дня. Садись-ка Иванъ Андреичъ! Паша! прикажи-ка подать чаю, обратился Отрубевъ къ сыну.

— Ни, ни! не безпокойтесь другъ-пріятель; былое дѣло! Ничего, ничего не хочу, — возразилъ гость.

— Ну, такъ водочки.

— Помилуй, отецъ родной! еще только девятый часъ; я имѣю привычку, Петръ Васильичъ, ни пить ни ѣсть до тѣхъ поръ, покуда не улажу начатаго дѣла. И такъ, почтеннѣйшій, вы человѣкъ торговый, а я человѣкъ дѣловой, безразсудно намъ обоимъ тратить драгоцѣнное время; а посему и приступимъ къ дѣлу, — проговорилъ старый приказный и понюхалъ табаку.

— Очень хорошо; изволь, сказалъ Отрубевъ, устремивъ глаза на ростовщика и, по обыкновенію, не встрѣтивъ никакого одушевленія въ его безцвѣтныхъ глазахъ. Чернухинъ между тѣмъ откашлялся, опять понюхалъ табаку, и заговорилъ самымъ мягкимъ, задушевнымъ голосомъ, который совершенно противорѣчилъ съ его черствой наружностью.

— Другъ-пріятель, Петръ Васильичъ, конечно-съ вы помните, что моему векселю скоро срокъ.

— Помилуй, Иванъ Андреичъ, какъ не помнить; вотъ я

вчера и хотѣлъ съ тобой поговорить, что нужно переписать.... говорилъ хозяинъ, садясь.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій, — перебилъ Чернухинъ, крутя головой.

— Переписывать я не намѣренъ; въ частныхъ рукахъ свой капиталъ оставлять не хочу, вознамѣрился съ божьею помощью положить въ ломбардъ; — хотя тамъ проценты не велики, за-то вѣрны, а то Богъ съ ними, съ большими-то процентами.... Потому и хотѣлъ васъ предупредить.

— Полно, Иванъ Андреичъ, будто я тебя не знаю, — станешь ты хлопотать изъ казенныхъ процентовъ! А вотъ, лучше скажи, что хочешь передать въ другія руки. — Можетъ обѣщаютъ большіе проценты, такъ это дѣло другое, проговорилъ горячо Отрубевъ.

— Ей-Богу, другъ любезный!...

— Нечего всуе имя Божіе призывать, сказалъ хозяинъ: говори лучше прямо, сколько тебѣ даютъ?

— Откровенно вамъ сказать, Петръ Васильичъ: — даютъ мнѣ и двадцать, даютъ и двадцать пять, но я вамъ докладывалъ, что кромѣ казны ни съ кѣмъ не хочу дѣла имѣть....

— Вретъ несытая утроба, прошепталъ Петръ Васильичъ, и потомъ сказалъ вслухъ: послушай, Иванъ Андреичъ! ты говоришь двадцать пять, — развѣ это христіанскіе проценты? Вѣдь, смотри, придется умирать...

— Всѣ мы, всѣ мы умремъ, почтеннѣйшій, — говорилъ Иванъ Андреичъ, и голосъ его нисколько не измѣнилъ ему. Однако, вотъ вы меня хотите уколоть, обидѣть, а вы-то, Петръ Васильичъ, можетъ на мои деньги добываете и рубль на рубль, да я ничего не говорю... Однако я вамъ о своемъ намѣреніи доложилъ, а потому и приготовьте, другъ любезный, къ сроку....

Отрубевъ кашлянулъ громко и вскочилъ; онъ чувствовалъ, что у него выступилъ потъ на лбу.

— Послушай! сказалъ онъ запальчиво: ты меня, ты меня.... ставишь въ такое положеніе.... въ самое критическое.... я располагалъ не такъ.... еслибъ судно пристало здѣсь, то въ іюлѣ я-бъ раздѣлался съ тобой сполна; а теперь.... обстоятельства заставили пшеницу послать въ Питеръ, и скоро

ли все это кончится?.. Я прошу переписать вексель на полгода; плачу тебѣ теперь двѣнадцать процентовъ и готовъ дать пятнадцать, — и если ты на это не согласенъ, то я не знаю!...

— Постойте, любезнѣйшій Петръ Васильичъ! перебилъ ростовщикъ: зачѣмъ горячиться; и съ-чего взяли торговаться со мною? Вѣдь я въ своемъ добрѣ воленъ; я не хочу свой капиталъ оставить въ вашихъ рукахъ и за двадцать пять процентовъ.

Петръ Васильичъ съ изумленіемъ взглянулъ на ростовщика.

— Почему же, Иванъ Андреичъ?

— Хмъ! почему! Знаешь, другъ любезный, жизнь-то наша земная такая коловратная...

— Говори пожалуста просто, молвилъ Отрубевъ съ замирающимъ сердцемъ.

— Когда позволяете, такъ извольте, любезный мой Петръ Васильичъ. Случилось мнѣ недавно заглянуть въ маклерскую книгу.... проговорилъ Чернухинъ съ разстановкой, втягивая въ себя табакъ.

— И видѣть векселя, по которымъ я долженъ?.. сказалъ Отрубевъ, съ презрѣніемъ взглянувъ на ростовщика.

— Точно такъ, почтенный другъ.

— Такъ что жь изъ этого? Теперь справься, не заложены ли у меня заводъ, лавки, домъ...

— Знаю, знаю, что все это не заложено. Однако, любезный Петръ Васильичъ, я вашихъ дѣлъ въ-точности не знаю. Вы закупаете хлѣбъ на низу... Случается такъ, что имѣнія-то незаложеннаго наберется на двадцать тысячъ, а векселей-то на двѣсти тысячъ. Такъ-то, отецъ родной!

— Ты ошибаешься, Чернухинъ: Отрубевъ подлецомъ не будетъ, сказалъ Петръ Васильичъ глухимъ голосомъ и тяжело опускаясь на стулъ. — Хорошо, Иванъ Андреичъ, деньги твои будутъ готовы; я достану ихъ за двадцать пять процентовъ, только не у тебя...

Онъ облокотился на столъ и подперъ руками голову.

— Очень хорошо, почтенный другъ, очень хорошо-съ...

Счастливо оставаться... Мы еще увидимся. — Чернухинъ дошелъ до дверей. — Прощайте!

— Прощайте, отвѣтилъ за отца Павелъ Петровичъ, во все время стоявшій у окна и смотрѣвшій, какъ на дворѣ Степка дразнилъ козла.

Петръ Васильичъ только тяжело вздохнулъ. Иванъ Андреичъ взялъ-было уже въ руки свою шинель, но опять ее бросивъ, подошелъ къ хозяину.

— Петръ Васильичъ, другъ любезный, только ради давнишняго моего съ вами знакомства, хочу по-возможности исполнить ваше желаніе. Ей-Богу, мнѣ больно васъ жалко: человѣкъ-семьянинъ проситъ...

— Безъ предисловій, Иванъ Андреичъ, молвилъ, вставъ быстро, Отрубевъ.

— Чтобъ намъ попустому долго не толковать, вотъ я что вамъ предложу: пожалуйте мнѣ вмѣсто векселя закладную на вашъ домикъ...

Петръ Васильичъ опять сѣлъ и мутными глазами взглянулъ на Чернухина.

— А! вотъ чего ты хочешь!

— Ничего, ничего, окромѣ обезпеченія, другъ почтенный! произнесъ Иванъ Андреичъ самымъ кроткимъ голосомъ.

— Стало-быть мнѣ ужь не вѣрятъ, какъ человѣку несостоятельному, безчестному?... Лицо Петра Васильича побагровѣло.

— Ничего, ничего такого, другъ любезный; но, знаете, нынче, говорятъ, будто умные люди безъ вѣрнаго залога капиталовъ не даютъ... значитъ многіе проучены... Вы не обижайтесь, Петръ Васильичъ, я это такъ попросту, по-дружески говорю; всякому простительно пещись о своемъ добрѣ, напримѣръ: вы заботитесь о своемъ суднѣ, а я о своемъ капиталѣ... Э! суета, суета человѣческая! всѣ одинаково безъ нея жить не могутъ...

— Послушай, Иванъ Андреичъ! сказалъ Отрубевъ, нѣсколько подумавъ и стараясь овладѣть собой. Божусь тебѣ какъ честный человѣкъ, что еслибъ у меня было на эту сумму какихъ нибудь вещей, я бы не говоря ни слова передалъ ихъ сію же минуту въ твои руки; но домъ... ты самъ поду-

май, — залогомъ дома я подорву свой кредитъ, у меня дѣти...

— Другъ любезный, Петръ Васильичъ, кто-жь виноватъ, что у васъ дѣти? началъ Чернухинъ наставническимъ тономъ. У меня у самого дѣти, и я забочусь о нихъ; Богъ видитъ, какъ забочусь, сколачивая копѣйку на копѣйку. Вонъ въ какомъ сюртукѣ-то хожу! — Онъ указалъ на свой потертый и засаленный сюртукъ: — да-съ! А вы лошадокъ тысячныхъ покупаете, въ колясочкѣ разъѣзжаете; супруга ваша, примѣрно, въ чернобуромъ салопцѣ ходитъ, да-съ! роскошничаете; а на чье роскошничаете? — на чужое.

Петръ Васильичъ не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ потупивъ глаза въ полъ и дрожа всѣмъ тѣломъ. Сначала ему хотѣлось зажать ротъ непрошеному наставнику, но, сознавая всю справедливость его жесткихъ словъ, онъ удерживался.

Павелъ Петровичъ все также попрежнему стоялъ у окна; но, по его блѣдному лицу, дрожащимъ губамъ и глазамъ, полнымъ слезъ, можно было догадаться, что онъ не видѣлъ ни Стенки, ни козла; что онъ сочувствовалъ страдающему отцу и самъ страдалъ не менѣе его. Несмотря на всю кротость характера, ему хотѣлось плюнуть въ лицо ростовщика, вытолкнуть его, прибить, столкнуть съ лѣстницы; но онъ только ограничился тѣмъ, что сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— А вы, Иванъ Андреичъ, насъ ссужали такъ-съ? безъ процентовъ? Такъ откуда же вы взяли право читать намъ нравоученія-съ? Деньги ваши будутъ при васъ... Но взглянувъ случайно на отца, онъ увидѣлъ, что Петръ Васильичъ сидѣлъ, опустивъ голову, и лицо попеременно покрывалось то бѣлыми, то багровыми пятнами.

— Иванъ Андреичъ, довольно-съ, можете идти-съ, поговоримъ въ другой разъ... сказалъ молодой человѣкъ, быстро подбѣжавъ къ отцу и показывая гостю на дверь: извольте идти-съ!...

— Вы меня гоните, молодой человѣкъ! Въ-самомъ-дѣлѣ пора на службу царскую, сказалъ Иванъ Андреичъ, подойдя къ дверямъ и поспѣшно накидывая на плечи шинель. Прощенія просимъ! Честь имѣю кланяться, Петръ Васильичъ! Не сердитесь, другъ почтенный, а подумайте, подумайте на-

счетъ домика. Будьте здоровы-съ! — Въ голосѣ Чернухина слышалась все та же дружелюбная мягкость, какъ-будто ничего особеннаго не произошло между нимъ и Отрубевымъ.

— Папенька, папенька-съ! сказалъ Павелъ Петровичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, когда дверь за Чернухинымъ затворилась. Что съ вами?...

— Жидъ! а я еще просилъ... проговорилъ отецъ и, подумавъ, прибавилъ: что мнѣ дѣлать?...

— Успокойтесь, папенька; ну, Богъ милостивъ, перевернемся...

— Трудно, Паша; ты знаешь всѣ дѣла.

— Что-жь такое! только бы намъ отъ Чернухина-то отдѣлаться, а тамъ помаленьку... Надобно подумать.

— Правда твоя, другъ, надобно подумать... Прежде-бы надобно было думать; теперь, не знаю, — не поздно-ли? Только ты у меня, смотри, ни слова матери! я не хочу, чтобъ она прежде времени... Что-то въ глазахъ темно, охъ! прикажи-ка мнѣ подать воды...

Сынъ вышелъ позвонить, но снурокъ у колокольчика оборвался, и онъ долженъ былъ самъ сойти внизъ.

— Да! сказалъ самъ-себѣ Петръ Васильичъ, когда остался одинъ.

— Правду ты сказалъ, Чернухинъ: я не копилъ копѣйку для дѣтей. И какъ поправиться—какъ? Голова идетъ кругомъ... Убытокъ отъ хлѣба... убытокъ отъ кожи!.. мокшанъ, заводъ, имѣніе — все уйдетъ на честную раздѣлку съ кредиторами. Ну пусть! по-крайней-мѣрѣ дѣтямъ оставлю честное имя! да! пусть съ честнымъ именемъ идутъ по-міру!.. По-крайней-мѣрѣ люди не упрекнутъ, что я захватилъ чужое... А дѣти-то!.. дѣти развѣ не станутъ роптать на меня? Развѣ меня безо всего оставилъ отецъ мой? а я!... И такой мерзавецъ, какъ Чернухинъ, вправѣ говорить мнѣ въ глаза горькую правду... Нѣтъ, не всѣ-вѣдь Чернухины! Есть люди на бѣломъ свѣтѣ—авось сжалятся, разсрочатъ... Надобно просить, кланяться... Отрубевъ будетъ кланяться!.. Такъ что-жь, не для себя, для дѣтей поклонюсь и заживу, поправлюсь, Богъ милостивъ, сграничу себя... Въ чемъ? какъ? я привыкъ, привыкъ казаться богат... Петръ Васильичъ хо-

тѣлъ встать, чтобъ пройтись; ему сильно тѣснило грудь, но у него потемнѣло въ глазахъ, онъ опять опустился на стулъ.

Минутъ черезъ пять воротился Павелъ Петровичъ съ водой и засталъ своего отца сидящаго съ закинутою на спинку стула головой, съ опущенными руками и багровымъ лицемъ.

Черезъ минуту по всему дому пронеслось, что съ Петромъ Васильичемъ сдѣлался ударъ. Наталья Ивановна съ сыномъ, въ слезахъ, суетилась около мужа; прислуга сбивала другъ-друга съ ногъ. Наконецъ пріѣхалъ Матвѣй Иванычъ, пустилъ больному кровь, и Петръ Васильичъ, вздохнувъ свободно, открылъ глаза.

VIII.

Петръ Иванычъ, окончательно перегрузивъ хлѣбъ на барки, намѣревался пуститься по одной изъ водяныхъ системъ къ Петербургу, какъ вдругъ получилъ письмо отъ сына, слѣдующаго содержанія:

«Дражайшій родитель,

Петръ Ивановичъ!

Желаю вамъ здравствовать многія лѣта и прошу вашего родительскаго благословенія на вѣки нерушимаго; а также и покорная невѣстка ваша, а моя супруга, Александра Павловна, посылаетъ вамъ глубочайшее почитаніе.

О дѣлахъ нашихъ привольскихъ васъ увѣдомляю, что мы по сіе число, вашими святыми молитвами, находимся въ добромъ здоровьи и впредь уповаемъ на милость божію. О хозяевахъ вамъ доложу, что Петръ Васильичъ очинно не здоровъ; сначала лошадка его пятисотенная разбила, а потомъ ударъ приключился. Хотя они ничего не говорятъ, а по городу слухи ходятъ, будто Черпухинъ къ горлу приставалъ — денегъ просилъ, тѣмъ Петръ Васильичъ и огорчился. Я ходилъ навѣдаться — онъ очинно слабъ. Лекарь лечитъ. Наталья Ивановна больно плачетъ; а Павелъ и въ лавку не заглядываетъ; только объ отцѣ ревётъ да у матери руки

лижетъ. Жену свою я посылалъ провѣдать, и ей хозяйка ничего не сказала, отъ какой причины съ хозяиномъ ударъ послѣдовалъ; мы и работницу посылали вывѣдать что-нибудь отъ ихней прислуги, и ей ихняя Агафья сказала, что въ тотъ день утромъ былъ у хозяина какой-то старикъ, и что Петръ Васильичъ долго съ нимъ толковалъ наверху въ Павловой комнатѣ, и только старикъ ушелъ, — такъ хозяина и *хлопъ*. По моему мнѣнію, это былъ не кто иной, какъ Чернухинъ. Да я о томъ спросилъ-бы и самого Чернухина, только нигдѣ его не встрѣчаю. Неизвѣстно что будетъ впредь; но если хозяинъ не встанетъ, то все прахомъ пойдетъ. Павелъ мальчишка *бросовой*, не съумѣетъ ни съ чѣмъ справиться, развѣ опекуновъ благонадежныхъ выберутъ. Однако все это еще дѣло закрытое, живаго мертвымъ назвать нельзя... Я за нужное почелъ о семъ васъ увѣдомить на всякій случай...

За симъ, пожелавъ въ дѣлахъ вашихъ благопріятнаго успѣха, остаюсь вашъ, милостиваго государя, батюшки, покорный сынъ и слуга

Сидоръ Петровъ Отрубевъ.»

— Гмъ!.. произнесъ многозначительно Петръ Иванычъ, прочитавъ это посланіе, и поспѣшно спрятавъ его въ карманъ, усѣлся на носу барки, и сталъ смотрѣть на толпы крючниковъ, которые, то проворно взбѣгали на мостки, то согнутые подъ тяжестью кулей, тяжело сходили съ нихъ, или наоборотъ. По безучастному его взгляду замѣтно было, что приказчикъ ничего не замѣчалъ вокругъ себя. Онъ безсознательно обкусывалъ бороду и думалъ глубокую думу.

На другой день Петръ Иванычъ, отслуживъ молебенъ, отвалилъ съ своими барками отъ рыбинской пристани.

Долго-ли коротко-ли продолжался его путь съ разными остановками и необходимыми перегрузками въ разныхъ мѣстахъ, намъ нѣтъ до этого надобности, тѣмъ болѣе, что съ нимъ не случилось ничего необыкновеннаго.

Несмотря на то, что еще не было и шести часовъ утра, на О-й пристани кипѣла уже береговая дѣятельность во всей силѣ; народъ толпился на берегу, шла спѣшная перегрузка барокъ. Приказчики шумѣли съ рабочими. Вспо-

могательные крики и брань по обыкновенію раздавались повсюду. И весь этотъ гулъ покрывалъ собою благовѣстъ раннихъ обѣденъ.

Очередные лоцманы-проводники, съ толпою рабочихъ обоего пола и возраста, входили на барки готовыя къ отплытію, чтобъ вести ихъ чрезъ тѣ страшные пороги, на которыхъ ежегодно, несмотря на всѣ распоряженія правительства, и ловкость испытанныхъ лоцмановъ, разбивалось, и до-сихъ-поръ разбивается, понѣскольку барокъ. У судохозяевъ и довѣренныхъ приказчиковъ, въ О-й пристани начинаетъ биться сердце ускореннымъ боемъ, за участь своихъ судовъ, и бьется до тѣхъ поръ, покуда минетъ опасность, — покуда пройдутъ благополучно пороги.

Несмотря также на раннее утро, ближайшая къ пристани харчевня была уже полна народа. Надъ дверями ея, размалеванная ясными красками, вывѣска огромнаго чайника, чашки и графина съ рюмками, привлекала взоры, и золотая надпись *въ ходъ взавѣденіе* блистала на солнцѣ.

Въ одной изъ комнатокъ, у окна, украшеннаго ситцевыми занавѣсками, и за однимъ изъ столиковъ, покрытыхъ скатертями, очень похожими на старую ландкарту, — сидѣлъ за чаемъ и связкою баранковъ, нашъ почтенный Петръ Иванычъ. Онъ то поглядывалъ въ окно на снующую взадъ и впередъ толпу, то на другіе два столика, за которыми сидѣли — за однимъ, туземный мѣщанинъ, въ длинной сибиркѣ, съ маленькою черною бородкою, за другимъ — только-что вошедшій парень съ барки, въ бѣломъ азямѣ, съ бумажнымъ платкомъ на шеѣ, и налитымъ кровью лицемъ.

Долговязый половой, съ бычачьими глазами, и грязной салфеткой на плечѣ, подавъ чай на оба столика, сталъ у притолоки.

— А что, *паштенный*, не знаешь-ли ты, гдѣ у васъ лекарь живетъ? — спросилъ, обратясь къ половому бѣлый азямъ.

— Какой лекарь? У насъ нѣтъ лекаря, не живетъ, а коли надобность лучится, такъ наѣздомъ бываетъ изъ Припорожья, — отвѣчалъ половой, гладя пальцомъ косякъ.

— Какъ-же это у васъ! Пристань, столько наѣзжаго

народу бываетъ, а лекаря нѣтъ? сказалъ, вмѣшавшись, Петръ Иванычъ.

— Это оттого-съ, что у насъ, изволите видѣть, посадъ, а на посадѣ лекаря не полагается,—отвѣчалъ мѣщанинъ, обращаясь къ Петру Иванычу, а подлекарь у насъ издавна находится-съ.

— А какая тебѣ, землякъ, до лекаря-то надобность,—кровь что-ли хочешь отворить?—спросилъ половой, подойдя къ бѣлому азяму, и смотря на его напрыжевшееся лицо.

— Може и кровь, что прикажетъ; головою мучусь,—въ глазахъ завсегда словно сѣтка.

— Такъ тебѣ далеко ходить ненадоть: у нашего водянаго есть кучеръ коновалъ, такой, братъ, хитрецъ, что и изъ лба кровь кидаетъ, ей-Богу! у насъ къ подлекаришкѣ-то почитай никто и не ходитъ, а завсегда къ нему.

— Ахъ ты ананья! Человѣка къ коновалу лечиться посылаетъ! Ха, ха, ха! Петръ Иванычъ засмѣялся.

— Да что ваша милость смѣется! Какъ вы полагаете о коновалѣ-то? Да онъ озолотился-бы отъ своего ремесла, кабы не баринъ-то его обиралъ. Вонъ спроси-ка у Михайла Родивоныча, и онъ небось тоже скажетъ,—проговорилъ съ досадою половой, показывая на мѣщанина.

— Что правда, то правда,—поддержалъ Родивонычъ, утирая лицо краснымъ платкомъ;—я самъ, судырь, у него пользовался;—дока, нечего сказать: и кровь заговариваетъ и вывихи отлично-съ правитъ. Теперича кажись онъ домъ-бы каменный имѣлъ, кабы не баринъ-то.

— Что-жъ баринъ его съ нимъ дѣлаетъ?—спросилъ заинтересованный Петръ Иванычъ.

— Что дѣлаетъ? обираетъ, ишь молъ ты много денегъ достаешь, такъ и со мною подѣлися, вотъ и *резонтъ* весь,—примолвилъ половой, ставъ на прежнее мѣсто.

— Стало-быть водяной вашъ денежки любитъ, ананья?

— И... и! да какъ любитъ-то! За денежки готовъ отца роднова продать. А ваша милость съ барокъ? — Спросилъ Родивонычъ.

— Да, съ барокъ.

Родивонычъ замолчалъ и принялся снова за чай. Опорожнивъ

нѣсколько чашекъ, онъ опять обратился къ Петру Иванычу.

— Стало-быть, судырь, вы ужъ знакомы съ Попечителевымъ-то нашимъ?

— Съ какимъ Попечителевымъ?

— Да съ водянымъ-то. Чай ужъ на поклонъ ходили-съ?

— Какъ-же, ходилъ, нельзя, начальство.... сказалъ нашъ приказчикъ.

— Хмъ! да, начальство. Ну, прежде того, ничего, сходило у васъ все благополучно-съ?

— Прежде? Я еще только въ первый разъ здѣсь.

— Такъ-съ! Значитъ порядковъ-то нашихъ всѣхъ до тонкости можетъ не знаете.

Петръ Иванычъ посмотрѣлъ въ глаза говоруну.

— Что же это за порядки? Ей-Богу ничего не знаю! сказалъ онъ.

— Хмъ!... вотъ видите батюшка, порожки-то наши вамъ горе, а намъ здѣшнимъ хлѣбъ даютъ; и водянаго-то нашего кормятъ, да еще какъ!

— *Ихняя горница тѣмъ и* кормится, сказалъ Петръ Иванычъ, кусая бороду; не нами свѣтъ начался, не нами и кончится, значитъ, мнѣ еще можетъ придется того-то... скоро думаю отвалить. Спасибо что надоумилъ почтенный: имя отчества не знаю....

Не на чемъ, судырь... Да вѣдь онъ баринъ-то у насъ не церемонный, прямо скажетъ, сколько онъ хочетъ; только не любитъ, кто торгуется, и, и! бѣда ужъ тогда!—наведетъ! частехонько, кто жалѣлъ десятковъ, о тысячахъ тужить приходилось, да-съ! Ужъ только брови насупитъ, да лоцману скажетъ: ты у меня смотри, бестія! ну, и пиши пропало; ужъ непремѣнно бѣда какая надъ баркою стрясется, ей-Богу-съ; а ужъ кто поладитъ съ нимъ, такъ ничего, — обойдется....

Петръ Иванычъ жадно слушалъ говоруна; его какъ будто что-то кольнуло въ сердце.

— Да ты, почтенный, хорошо, знать, его знаешь? Аль какое дѣло до него было? спросилъ онъ вдругъ, пристально

смотря на Родивонова; но на лицѣ послѣдняго ничего не выражалось, кромѣ охоты говорить.

— У него моя теща въ нянькахъ живетъ; крепостныхъ-то размытарилъ, такъ теперь нанятыхъ держитъ.

— Развѣ онъ женатый?

— О, и не говорите!—человѣкъ восемь дѣтей, а все прахомъ проходитъ; тутъ обираетъ, обираетъ лѣтомъ-то всѣхъ, а зимою въ Питеръ поѣдетъ, все въ карты спуститъ, опять ни съ чѣмъ,—опять обирать. Такъ все и живетъ... Однако, прощенія просимъ, затолковался я съ вами!—сказалъ, вставая Родивоновъ.

Разсказы о взяточничествѣ дистанціоннаго навели Петра Иваныча на глубокую думу.

Между тѣмъ половой давно исчезъ, а также и бѣлый азямъ отправился, можетъ быть, отыскивать знаменитаго коновала.

Когда опомнился и оглядѣлся Петръ Иванычъ, на мѣстѣ бѣлаго азяма сидѣлъ толстый, лысый старикъ. Борода его, перешедшая изъ бѣлокурой въ сѣдую, казалась огромной прядью льна и покрывала собою всю грудь. Онъ постоянно утиралъ потъ на лицѣ и страшно пыхтѣлъ за чаемъ.

— Ходь сюда что-ли, да пожалуйста поскорѣе!—послышался голосъ за дверью, и вошелъ въ комнату среднихъ лѣтъ мужчина съ бакенбардами, въ сюртукѣ и шляпѣ.

— Э! старина почтенная! Иванъ Терентьичъ, опять здѣсь? И молодая жена не можетъ тебя дома удержать, эй ты! смотри, послѣ не тужи! сказалъ онъ смѣло, обращаясь къ старику.

— Что дѣлать, батинька, Левъ Иванычъ! не могу дома чаю въ сласть напиться, привычка, батинька мой; сорокъ пять лѣтъ въ трактирѣ высидѣлъ, двадцать самъ хозяиномъ былъ, теперь не могу безъ компаніи дня провести; здѣсь и людей увидишь, и услышишь что-нибудь,—отвѣчалъ старикъ.

— Пусть такъ. Да жену-то на кого дома оставляешь, старый чудакъ? Молодыхъ постояльцевъ напустилъ, а самъ цѣлые дни въ трактирѣ!

— Постояльцы, Левъ Иванычъ, по себѣ, и жена моя по себѣ, — что-жь такое?

— Ничего, ничего. Да какая она у тебя еще молодая! Я безъ тебя какъ-то зашелъ, гляжу — женщина такая *сулидная*, думалъ твоя дочка, — нѣтъ, говоритъ, жена. Что это, вторая что ли у тебя, Иванъ Терентьичъ?

— Нѣтъ, батинька, третья.

— А! какой-же ты охотникъ жениться-то!

— Полно ты, Левъ Иванычъ, пустяшничать-то, скажи-ка лучше, скоро-ли отправишься?

— Завтра, Иванъ Терентьичъ, да только до Припорожья; слышно, въ Питерѣ цѣны на пшеницу поднялись, и отъ поставщиковъ ужъ люди наѣзжаютъ въ Припорожье. Смотри — то-то дёрка пойдетъ. Погляжу, выжду, что Богъ дастъ!.. авось и тамъ сбуду... Левъ Иванычъ принялся за чай.

— Давай Богъ! проговорилъ Иванъ Терентьичъ.

Петръ Иванычъ, прислушавшись, подсѣлъ къ Льву Иванычу, и узналъ отъ него, что многіе судохозяева, заслышавъ, что цѣны поднимаются, рѣшились, выждавъ, продать хлѣбъ въ припорожской пристани, избѣгая лишнихъ путевыхъ издержекъ до Петербурга.

— Хозяинъ! гривенку Шолыгану на похмѣлье, — сказалъ подошедшій къ Льву Иванычу высокій, черноватый, блѣдный мужикъ, въ китайчатомъ кафтанчикѣ, съ продранными локтями и въ какихъ-то опоркахъ вмѣсто сапоговъ. Черная, раздвоившаяся его борода и волосы были въ безпорядкѣ; глаза глядѣли дико, воротъ рубахи былъ разстегнутъ; голосъ и руки дрожали.

— Эхъ, братъ Шолыганъ! Опять запилъ!.. а давно-ли.. заговорилъ-было Иванъ Терентьичъ.

— Что-жъ, рази на твое пью, Иванъ Терентьичъ? — перебилъ Шолыганъ, — ну, запилъ... ну, пью...

— Нехорошо, Яковушка... А ребятишки, поди-чай, безъ хлѣба сидятъ...

— А чортъ ихъ тамъ дери, пускай безъ хлѣба сидятъ... Погляди-ка на меня, Иванъ Терентьичъ, что на мнѣ-то! И сапоговъ-то нѣтъ!

— Гдѣ-жъ твои сапоги? Заложилъ?

— Ну, да, заложилъ, такъ что-жъ? Слабость моя такая; будутъ деньги — и выкуплю!.. Такъ чтожъ, ваша милость, гривенку-то? — прибавилъ Яковъ, обращаясь опять къ Льву Иванычу.

— А если я тебѣ дамъ пятакъ? — отвѣчалъ тотъ.

— Маловато будетъ, сказалъ Яковъ, почесывая затылокъ.

— Ишь, шельма, торговаться сталъ! такъ поди и такъ... Левъ Иванычъ, вынувшій-было кошелекъ, опять спряталъ его въ карманъ.

— Ну! сказалъ Шолыганъ съ усмѣшкою: може и больше дашь...

— А почему-бы?

— Да такъ-ста; еще неизвѣстно, кто твои барки поведетъ, може и Шолыганъ... сказалъ лоцманъ, вторично почесавъ затылокъ.

— А, такъ ты грозишь мнѣ, шельма! Хорошо! я буду жаловаться; я сейчасъ-же къ дистанціонному... вскричалъ горячо Левъ Иванычъ.

— Жалуйся, кому хошь, сказалъ хладнокровно Шолыганъ и обратился спиною.

— Я тебѣ! я тебѣ!.. говорилъ между тѣмъ Левъ Иванычъ; но увидѣвъ въ сосѣдней комнатѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, схватилъ шляпу и поспѣшно вышелъ.

— Пусть жалуется!. Ужъ словно его высокоблагородіе сегодня знаетъ Шолыгана! — заговорилъ лоцманъ, обращаясь къ старику: давно онъ меня знаетъ, подчасъ хоть и поколотитъ, а пожалуй и отдеретъ иной разъ, и-то ничего, — а все опять за Шолыгана: Шолыганъ туда! Шолыганъ сюда! Вотъ, напримѣръ, и теперь прогналъ: ступай, говоритъ, съ глазъ долой, а поди-ко, завтра и искать пошлетъ Ты, Иванъ Терентьичъ, знаешь вѣдь энто? Такъ какъ-же, Иванъ Терентьичъ, гривенку-то, а?.. примолвилъ онъ.

— Ужъ, братъ Яковъ, не суди — самъ водки отъ роду не пилъ, и никому на водку не дамъ, право-слово, отцу родному откажу — отвѣчалъ старикъ. Вотъ чаю, коли хочешь, пей на здоровье!

— Благодарствую, Иванъ Терентьичъ, — сказалъ Шолыганъ, — по другое время, а теперичка ненадоть. Потомъ

прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру Иванычу: ужъ развѣ у твоей милости гривенки-то попросить, хозяинъ? Лоцманъ имѣлъ привычку называть хозяиномъ всякаго судовщика.

Во все продолженіе монолога хозяина, приказчикъ не спускалъ съ него глазъ; мысли быстро проходили въ его головѣ: то ему представлялся дистанціонный, котораго такъ рѣзко очертилъ Родивонычъ, то ему припоминался вычитанный анекдотъ о похмѣльномъ мастеровомъ, который далъ совѣтъ Петру I перелить колокола въ пушки. Идя поспѣшно къ своей цѣли, Петръ Иванычъ, съ нѣкоторыхъ поръ, началъ пристально оглядывать всѣхъ и каждаго, нельзя-ли изъ кого извлечь чего нибудь для своей пользы; такъ и теперь, смотря на лоцмана, ему казалось, что онъ видитъ въ немъ нужнаго для себя человѣка. Не говоря ни слова, Петръ Иванычъ подалъ Шолыгану двугривенный.

— Отецъ родной! воскликнулъ Шолыганъ, и не успѣлъ приказчикъ мигнуть, какъ лоцмана уже не было въ комнатѣ.

— Должно быть запойный? спросилъ Петръ Иванычъ, обращаясь къ Терентьичу.

— Да, запойный; у него круглый годъ запой, только иной разъ въ сапогахъ, и все какъ быть, а другой, чуть-ли не нагишемъ, все спуститъ! А вѣдь къ злодѣю деньги-то такъ и сыплются, — отвѣчалъ послѣдній.

— Какъ-же такъ?

— Да такъ, лоцманитъ лѣтъ тридцать, лоцманъ ловкій; кто его знаетъ, такъ и просятъ Шолыгана безъ очереди, и деньги, значитъ, даютъ; только ужъ и воръ... охъ, согрѣшили мы, окаянные! ужъ коли захочетъ кого нажать, такъ-нажметъ; повредить, батинька мой, барку для него ничего не значитъ, особливо послѣдніе годы, какъ пить больно почалъ; да еще и похвастаетъ опосмъ, — проговорилъ Иванъ Терентьичъ, поглаживая бороду.

— А! какой ананья! чего-же водяной-то смотритъ? спросилъ Петръ Иванычъ, подлаживаясь къ Терентьичу.

— Водяной, мой батинька, много ему спускаетъ, помня его прежнія послуги; когда пріѣхалъ къ намъ Попечителевъ, то сперва этакъ *величатился* самъ собою, ничего, все Шолыгановыми руками жаръ загребалъ. Ну, а теперь и самъ

обжился, видитъ церемониться нечего, теперь и безъ Шолыгана прямо торгуется, глазъ-на-глазъ.

— Такъ, такъ! проговорилъ Петръ Иванычъ въ раздумьи.

Выходя изъ харчевни, онъ удивился, какъ нечаянно и легко привелось ему узнать о многомъ, что при случаѣ, не прибѣгая къ нарочнымъ развѣдываньямъ, онъ могъ обратить въ свою пользу. Занятый разными соображеніями, приказчикъ и не замѣтилъ, какъ очутился на баркѣ. Войдя въ казенку, Петръ Иванычъ чувствовалъ, что его бросаетъ въ жаръ и въ ознобъ; онъ выпилъ поспѣшно нѣсколько рюмокъ, но закусить не могъ кусокъ становился поперегъ горла. Онъ отперъ дорожный сундучокъ, и вынувъ довѣренность отъ хозяина на продажу хлѣба, прочиталъ ее нѣсколько разъ, какъ будто не вѣря своимъ глазамъ, и даже готовъ-бы былъ показать ее кому нибудь другому, чтобъ убѣдиться въ томъ, что было въ ней написано, что онъ: «можетъ продать пшеницу во всякомъ случаѣ, по своему усмотрѣнію».

Прошло нѣсколько дней, Петръ Иванычъ сходился съ прочими судовщиками, разговаривалъ, волновался, думалъ и раздумывалъ, и наконецъ рѣшился, какъ и многіе изъ нихъ, продать пшеницу въ припорожской пристани.

Спустя недѣлю, въ этой-же знакомой намъ харчевнѣ, Петръ Иванычъ сидѣлъ за столомъ съ Шолыганомъ; передъ ними стоялъ графинъ водки и закуска.

— Ну-ка, ананья, хвати! говорилъ приказчикъ, наливая рюмку лоцману, «выпьемъ да и закаемся....»

— Добраго здоровья, Петръ Иванычъ! — сказалъ Шолыганъ опорожнивъ рюмку, плюнулъ въ сторону и прибавилъ: — тьфу ты чортъ, голая вода!...

— Ну, теперь, Шолыганъ, солянку что-ли?

— По мнѣ все равно, какъ твоей милости лучше, — отвѣчалъ лоцманъ и въ раздумьи началъ тихонько постукивать рюмкою по столу.

— Эй, половой! вскричалъ нашъ приказчикъ, видя, что графинъ почти пустъ: подай двѣ бутылки пива!...

— Ваша милость, ужъ ты того-то.... всякимъ-то меня угощеніемъ, много довольны... — сказалъ Шолыганъ съ

усмѣшкою, не переставая смотрѣть на пустую рюмку и постукивать ею.

— Отчего-же не такъ. — Я тебя, ананья, за будущую твою услугу угощаю; я тебя, братъ, выпрошу у его высокоблагородія; — ты видишь меня, какой я человѣкъ-то, ну, только ужь и ты не будь-же свиньей: смотри ананья!... проговорилъ Петръ Иванычъ.

— Помилуй, ваша милость! Ужь коль, Шолыганъ захочетъ кому сослужить, ужь ты не сумлѣвайся!—Лоцманъ фамиліярно потрепалъ по плечу приказчика; — ужь не сумлѣвайся, Петръ Иванычъ! Я тебѣ по совѣсти скажу: около тридцати лѣтъ я лоцманю, а такихъ купцовъ, какъ ваша милость, не видалъ!

— Что-жъ, развѣ я больно хорошъ? спросилъ, притворно смѣясь, приказчикъ.

— Очинно доброхотенъ, отецъ родной, вотъ что!

Пиво было принесено.

— Смотри ты, ананья, я и за деньгами не постою, только чтобы и съ твоей стороны было честно... А то, говорятъ, что ты иной разъ и напакостишь?

— Да какъ твоей милости сказать-то? — заговорилъ лоцманъ, почесавъ затылокъ и смотря подъ столъ, — я не люблю тѣхъ, кто больно ломается... ну, а для добрыхъ людей мы рады стараться.

— То-то!.. вы заодно съ нимъ. Петръ Иванычъ, смѣясь, погрозилъ пальцемъ.

— Ничего, ничего, хозяинъ; баринъ-то добрый, молвилъ Шолыганъ, улыбаясь.

— Больно меня, ананья, что-то имъ напугали?.. прибавилъ приказчикъ, наливая пиво.

— Ничего; съ тобою-то поладитъ, ей-Богу поладитъ.

— Хорошо-бы, братъ... Да что-же не пьешь?..

Шолыганъ протянулъ-было руку къ стакану, но опять ее отнялъ, отеръ рукавомъ потъ съ лица и, взглянувъ на приказчика, сказалъ:

— Петръ Иванычъ!

— Что тебѣ надо?

— Послушай-ка, что я тебѣ скажу... да ты, смотри, не обидься!...

— Говори!.. Приказчикъ пристально посмотрѣлъ на лоцмана.

— Эко глупое слово съ языка нейдетъ, — прошепталъ послѣдній, водя по столу пальцемъ, — хоть я пьянъ... однако... тьфу! Да и что я, въ-самомъ-дѣлѣ, ломаюсь, словно деревенская невѣста, — проговорилъ Шолыганъ, плюнувъ въ сторону, и смѣло обратясь къ приказчику: не сердись, хозяинъ, а мнѣ вотъ что въ голову приходитъ: ты меня не спроста поишь, ей-Богу, — онъ уставилъ зоркій взглядъ на Петра Иваныча.

— Что ты врешь, Шолыганъ! Съ ума ты сошелъ! сказалъ Петръ Иванычъ, притворно смѣясь, хотя сердце у него и дрогнуло.

— Не отрекайся, хозяинъ, я хоть и пьянъ теперича, да не такъ, чтобы ужъ больно, — продолжалъ лоцманъ, — помню, что мы уже съ тобою пятый день хороводимся. А за что тебѣ меня поить-то? Кабы ты былъ такой же пьяница, какъ я грѣшный, такъ ну, и быть дѣлу такъ, а то ты просто водохлебъ, ей-Богу водохлебъ; мнѣ полштофъ выпоишь, а самъ за рюмкою сидишь полдня.

Приказчикъ пристально и серьезно посмотрѣлъ въ глаза лоцману, и оглянувшись кругомъ, проговорилъ тихо, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Спроста, или не спроста, только лучше, если-бъ ты *ѣлъ пирогъ съ грибами, да держалъ языкъ за зубами,* и сталъ барабанить пальцами по столу.

— Значитъ, *рыбакъ рыбака видитъ издалека,* примолвилъ про себя Шолыганъ, осушивъ залпомъ стаканъ пива и взглянувъ искоса на Петра Иваныча. Нѣсколько минутъ оба молчали. Принесли солянку. Потребовалось еще водки, лоцманъ выпилъ и принялся ѣсть, но приказчикъ не дотронулся.

Они вмѣстѣ оставили харчевню.

— Эхъ-ма, и хмѣль-то не беретъ, молвилъ Шолыганъ, идя слѣдомъ за приказчикомъ.

— Что-жъ тебѣ, до свалки, что-ль? сказалъ Петръ Иванычъ мрачно.

— Начто до свалки? зачѣмъ до свалки? я и такъ твоей милостью удовольствованъ; я сказалъ только къ тому, что водка дурна, больно разбавляютъ, мошенники... Да пора и гулять перестать, *шабашъ!* пора протрезвиться, скоро и въ путь Богъ дастъ

— Однако, Шолыганъ, ты хоть и жалуешься, что водка плоха, только она тебя изрядно по ногамъ стукнула! замѣтилъ Петръ Иванычъ, увидя, что Шолыганъ пошатнулся.

— Ты думаешь, хозяинъ, что я хмѣленъ? Нѣтъ, эвто такъ, на старыя дрожжи въ ноги вступило, — отвѣчалъ послѣдній.

Петръ Иванычъ недалеко отъ своихъ барокъ, шагахъ въ пятидесяти отъ воды, сѣвъ на опрокинутую лодку, кусалъ бороду и смотрѣлъ молча въ сторону. Шолыганъ помѣстился возлѣ него.

— Хозяинъ! ты, я вижу, осерчалъ, молвилъ лоцманъ.

— На что? спросилъ, неглядя, приказчикъ.

— А на то, что я тебѣ давича сказалъ.

— Чудишь ты, право, мужикъ... я такъ просто задумался о томъ, что если барки-то наши разобьются въ порогахъ?..

— Богъ милостивъ, Петръ Иванычъ.

— Да мало-ли что можетъ случиться: коль бѣдѣ придти, такъ придетъ.

— Ужъ коль такъ, хозяинъ, разсуждать, такъ и вся *жисть-то* наша прахъ.. А я, съ своей стороны, радъ стараться для твоей милости.

— А кто тебя знаетъ?

— Я-жъ тебѣ говорю, что хоть Шолыганъ и пьяница, но провести барку...

— Ну, а если проломишь и вправду? перебилъ Петръ Иванычъ, что тогда? А?

— Что тогда? Придетъ горе моей синѣ, а ужъ все-жъ не твоей милости, молвилъ лоцманъ, почесавъ въ затылкѣ.

— Какъ такъ?

— Да, такъ, тебѣ убытку нѣтъ, пшеница-то не твоя, а хозяйская; хоть что нибудь да останется, ты продашь и де-

нежки въ свой карманъ положишь, а мнѣ и спасиба не скажешь.

— Какъ-же, развѣ я не отвѣчаю передъ своимъ хозяиномъ?

— Какой твой отвѣтъ, — скажешь, что, молъ, все подмокло, погибло, лоцманъ виноватъ... вотъ и отвѣтъ весь.

— А тебѣ, ананья, жалко спины-то? А?

— Еще-бы! впрочемъ водяной-то отецъ для меня родной.

— У тебя, я вижу, Шолыганъ, всѣ отцы родные; ты давича въ харчевнѣ и меня отцомъ называлъ.

— Называлъ; развѣ я отпираюсь?

— Ну, а теперь говоришь, ананья, что я деньги за пшеницу къ себѣ въ карманъ положилъ, и спасибо тебѣ не сказалъ.

— Эхъ, хозяинъ! на свѣтѣ народу всякаго есть, одни любятъ *чужими руками жаръ загребать*, а *другіе въ мутной водѣ рыбу удить*.

— Ахъ, ты ананья! Какія онъ пословицы говоритъ! Ну, а тебѣ этакъ самому приходилось-ли когда въ минутной-то водѣ рыбу удить? Приказчикъ проницательно взглянулъ на лоцмана.

— Какъ же, случалось, отвѣчалъ тотъ усмѣхнувшись.

— Люблю, ананья, такъ и рѣжетъ прямо правду, проговорилъ смѣясь приказчикъ.

— Что-жь такое! быль молодцу не укора; я мужикъ прямой, говорю спроста: а вотъ ты-то, Петръ Иванычъ, такъ все издалека, да и съ *подходцемъ*. А будто я и не смекнулъ тебя?... Давно я смекнулъ.... А по моему бы просто то и то молъ.... Я человѣкъ услужливый, и давно тебѣ докладывалъ, что для добраго человѣка готовъ стараться.

— Спасибо на добромъ словѣ.

— Не на чемъ....

Минутъ пять длилось молчаніе. Лоцманъ смотрѣлъ на стаи голубей, порхающихъ по пристани, а Петръ Иванычъ чертилъ палкою по мокрому песку; онъ видѣлъ, что попалъ на превосходнаго плута и что теперь пришла рѣшительная минута или отказаться отъ своихъ давно-лелѣемыхъ надеждъ, — нажить копѣйку, или заключить съ этимъ человѣ-

комъ союзъ и достигнуть задуманной цѣли. Онъ колебался; крупный потъ выступилъ по всему тѣлу, виски чутко стучали, но жажда пріобрѣтенія пересилила нерѣшительность, онъ заговорилъ.

— Хе, хе, ананья, да ты мужикъ-то, какъ я вижу, на всѣ руки Ѳома, коли этакъ какая кладь на баркѣ пересохнетъ, такъ ты и спрыснуть вѣроятно съумѣешь.

— На эвто насъ станетъ, отвѣчалъ лоцманъ не глядя, пожалуй и твои, коли тебѣ того желается.

— Ты пьянъ, ананья, не помнишь, что говоришь, шутку за дѣло принимаешь; какъ можно желать... Петръ Иванычъ закашлялся.

— Хто же тебя знаетъ, чужая душа темна; хоть иной разъ и думаешь, что *раскусилъ*....

Петръ Иванычъ какъ будто одумался, онъ не ожидалъ, чтобъ его задушевная мысль была такъ скоро понята лоцманомъ; нерѣшительность снова овладѣла имъ, онъ всталъ.

— Погоди, хозяинъ! Куда-жь ты? спросилъ Шолыганъ, схвативъ его нецеремонно за руку. — Эхъ, полно ломаться-то, да меня пьянымъ обзывать! Я хоть и пьянъ, да помню, что я говорю, и что мнѣ говорятъ....

— Когда такъ, ананья! проговорилъ тихо приказчикъ, садясь опять и ближе придвигаясь къ лоцману: послушай, хочешь деньги заработать?

— Отчего-жь не хотѣть, хозяинъ; Шолыганъ ни отъ денегъ, ни отъ работы не прочь, сказалъ, почесавъ затылокъ, лоцманъ.

— Мнѣ нужно.... мнѣ нужно.... Петръ Иванычъ закашлялся и кусалъ съ досады бороду, роковое слово не шло съ языка: мнѣ нужно одно дѣльце обдѣлать.... можно?...

— Отчего-жь не можно; все можно за деньги.... Шолыганъ поднялъ камешекъ и бросилъ его въ галку.

Далѣе Петръ Иванычъ не могъ говорить, словно горло у него захватило. Оба нѣсколько минутъ молчали, выжидая другъ-друга.

— Хмъ! ты меня понялъ? спросилъ наконецъ приказчикъ.

— Еще-бы! тебѣ хочется подошвы смочить? Изволь

смочимъ, только какая награда-то будетъ? есть-ли изъ чего хлопотать?

— Будешь, ананья, доволенъ; ты видишь какой я человѣкъ-то.

— Вижу я, что человѣкъ-то добрый, однако я слыхалъ, что *съ именемъ Иванъ, а безъ имени болванъ;* дѣло-то хозяинъ не плевое, отвѣчалъ лоцманъ, поднимая другой камешекъ. Коль из-полу, такъ пожалуй.

— Какъ из-полу? я тебя не понимаю.... почти вскричалъ Петръ Иванычъ.

— Ужъ будто и не понимаешь? Шутишь хозяинъ. Положимъ подмокнетъ первый рядъ, ну а прочее все пойдетъ за настоящую цѣну. А чья работа-то будетъ? Развѣ не шолыганова? Значитъ, Шолыганъ и въ барышѣ и въ убыткѣ половинщикъ. Лоцманъ усмѣхнулся.

— Много хочешь, ананья; если-бы десять процентовъ, то...

— Я не разумѣю, хозяинъ, что значатъ твои проценты, говори-ка попросту.

— Десять копѣекъ съ рубля, то пожалуй.

— Эхъ-ма! какъ онъ въ чужомъ-то добрѣ торгуется! сказалъ Шолыганъ.

— Послушай ты, говорю я тебѣ по душѣ: ну тридцать такъ и быть, а то десять — ишь выдумалъ! да изъ чего тутъ руки-то мнѣ марать, подумай-ка!... Лоцманъ, смотрѣлъ убѣдительно на приказчика и покачивалъ головою; за-то, Петръ Иванычъ, доволенъ будешь....

— А чортъ тебя вѣдаетъ, можетъ такъ дѣлаешь, что ни Ѳомѣ, ни Еремѣ.... проговорилъ Петръ Иванычъ.

— Ужъ въ этомъ не сумнѣвайся, не много на солодъ уйдетъ; я тебѣ говорю: тридцать что-ли?...

— Бестія ты, наконецъ вскричалъ приказчикъ, кусая съ досады бороду. Двадцать что-ли? Что и двадцать скажешь мало! А?

— Маловато, хозяинъ. За-то я еще тебѣ совѣтъ дамъ, да какой совѣтъ-то! такой совѣтъ, что ты за него тысячи не пожалѣешь, ей-Богу!

— Что за совѣтъ такой? спросилъ съ любопытствомъ приказчикъ.

— Совѣтъ мой впереди; тамъ и ряда особая будетъ, а теперичка-то кончай, о чёмъ рѣчь идетъ; такъ что-ли? соглашаешься на тридцать?

— Чортъ съ тобою; тридцать такъ тридцать! проворчалъ Петръ Иванычъ, махнувъ рукой.

— Значитъ по рукамъ? Ну, давай-же руку-то, хозяинъ. Лоцманъ подставилъ свою широкую ладонь, приказчикъ не смотря, хлопнулъ по ней своею рукою.

— Ну вотъ давно-бы такъ; только смотри у меня хозяинъ, Шолыганъ умѣетъ молчать, за-то у него и собачка есть, которая, пожалуй, на весь крещеный міръ залаетъ, коль слово не сдержишь. Лоцманъ потрепалъ по плечу Петра Иваныча.

-- Дуракъ ты, ананья, развѣ не видишь, какой я человѣкъ-то! Небойся, добровольно въ петлю не полезу, только чтобъ и ты свое дѣло сдѣлалъ честно.... Можетъ, ты боишься? я же теперь зараньше говорю, что если выйдетъ что нибудь съ твоей стороны не ладно, то я тебѣ ничего и не говорилъ, понимаешь?

— Хмъ! какъ не понимать, понялъ я давно, что ты золотой человѣкъ-то; такъ вотъ я тебѣ хочу хорошимъ совѣтомъ услужуть. Послушай-ка хозяинъ, чѣмъ изъ одной-то барки грѣхъ на душу брать, такъ не лучше ли ихъ всѣ четыре въ карманъ положить! А?

Петръ Иванычъ въ недоумѣніи уставилъ на лоцмана глаза, не вѣря ушамъ своимъ.

— Что глядишь! мудрено кажется, небось? молвилъ последній, усмѣхаясь. А выходитъ просто; напримѣръ: барка затонетъ, ну хоть потечетъ, мы ее на берегъ, и надобно свидѣтельство брать.... тутъ-то и можно, вмѣсто одной, получить свидѣтельство на четыре, — четыре молъ разбились. Да! Шолыганъ тѣшился удивленнымъ видомъ Петра Иваныча.

— Не вздоръ-ли ты мелешь, ананья? спросилъ наконецъ недовѣрчиво приказчикъ.

— Какой тутъ вздоръ, ей-Богу! уладить можно, только ужь водяной безъ благодарности свидѣтельства не дастъ.

— Конечно, безъ того нельзя... произнесъ Петръ Ива-

нычъ въ раздумьи, и опять принялся чертить палкой и кусать бороду.

И долго еще въ этомъ тонѣ совѣтовались достойные товарищи, долго торговались на чужое добро; наконецъ Петръ Иванычъ всталъ.

— Ну, Шолыганъ, я, ананья, не ожидалъ отъ тебя, признаться, такой прыти; да ты сущій дьяволъ!

— Можетъ и дьяволъ, да только водяной, отвѣчалъ лоцманъ самодовольно.

— Смотри-ка, со стороны-то вѣдь пожалуй подумаютъ, что мы съ тобой о дѣлѣ толковали, а мы такъ-себѣ шутками пробавлялись; пора, ананья, и по мѣстамъ, молвилъ Петръ Иванычъ засмѣявшись.

Лоцманъ только усмѣхнулся на наивную выходку приказчика.

Они разстались.

По уходѣ лоцмана, Петръ Иванычъ долго молился на золоченый крестъ О—й церкви, ярко горѣвшій въ лучахъ западающаго солнца, и пошелъ на барку.

— Знать, судьба! сказалъ онъ, входя въ казенку; но у него что-то непріятно шевелилось на сердцѣ. Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, чтобъ развеселиться, приказчикъ плюнулъ.

— Тьфу ты, мерзость! правду говоритъ Шолыганъ, что водка скверная, половина воды.

Но водка не дѣйствовала на приказчика совсѣмъ отъ другихъ причинъ, потому что онъ былъ въ какомъ-то лихорадочномъ, напряженномъ состояніи.

Спустя нѣсколько дней, передовая барка въ караванѣ Петра Иваныча, которую велъ Шолыганъ, ударилась слегка о камни въ Б—хъ порогахъ, показала течь и была выдвинута на берегъ, а три остальныя благополучно пришли въ Припорожскую пристань.

Приказчикъ нашъ, не теряя времени, какъ рѣшился прежде, запродалъ пшеницу, получилъ половину денегъ, приступилъ къ окончанію задуманнаго дѣла.

Между-тѣмъ, точно также и съ поврежденной барки пшеница была продана въ Б—хъ. Подмокшей оказалось немно-

го, по словамъ Шолыгана—*немного ушло на солодъ*, остальное было продано по настоящей цѣнѣ. Лоцманъ получилъ свою часть, какъ слѣдовало.

Въ одно утро около квартиры Попечителева, равно какъ на крыльцѣ и даже въ корридорѣ, толпилось нѣсколько человѣкъ бурлаковъ, рабочихъ и лоцмановъ.

Въ залѣ, въ глубокомъ молчанiи, дожидались нѣсколько человѣкъ судохозяевъ и приказчиковъ. Изъ внутреннихъ комнатъ доносились то дѣтскiй плачъ, то рѣзкiй женскiй голосъ; порою по залѣ изъ дверей въ двери мелькала растрепанная босоногая дѣвка, или проходилъ слуга съ сапогами, съ трубкою, чашкою и проч., и скрывался за дверью кабинета, изъ котораго баринъ еще не показывался ожидающимъ и чающимъ его появленiя.

Вошелъ въ залу и нашъ почтенный Петръ Иванычъ, держа въ лѣвой рукѣ-картузъ, а правою придерживая нѣсколько отдувшiйся боковой карманъ.

Увидѣвъ проходящаго слугу, приказчикъ отозвалъ его въ сторону и объявилъ шопотомъ, что онъ желаетъ съ его бариномъ видаться наединѣ. Слуга кивнулъ головой и ушелъ въ кабинетъ; потомъ, черезъ минуту выйдя оттуда, поманилъ Петра Иваныча; пропустивъ его въ двери, затворилъ ихъ за нимъ и всталъ возлѣ дверей, въ родѣ часоваго.

Войдя въ кабинетъ, приказчикъ отвѣсилъ нѣсколько нижайшихъ поклоновъ смотрителю надъ барками, который, сидя въ креслахъ, въ красномъ шерстяномъ халатѣ, фескѣ съ огромною кистью и бисернымъ чубукомъ въ рукахъ, едва кивнулъ головой. По обрюзглому лицу, красному носу и запухшимъ глазамъ Попечителева было замѣтно, что онъ ведетъ не совсѣмъ трезвую жизнь.

— Ну, что ты, любезный, зачѣмъ? спросилъ онъ хриплымъ голосомъ, взглянувъ вскользь на Петра Иваныча и опять отвернувшись къ окну.

— Я съ моей покорнѣйшей просьбой, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ приказчикъ: у меня въ Б—хъ разбило...

— А! знаю, ты за свидѣтельствомъ?

— Точно такъ-съ; ужь я къ вамъ со всякою благодарностiю...

Петръ Иванычъ переминался, придерживалъ карманъ и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, не зная съ чего начать. Хотя Шолыганъ и увѣрилъ его, что смотритель уже былъ предупрежденъ и согласился исполнить его просьбу за извѣстную сумму.

Попечителевъ выбилъ трубку и лѣниво пересѣлъ къ столу, не взглянувъ на приказчика.

— Ужъ я, судырь, съ величайшею благодарностію-съ... повторилъ Петръ Иванычъ, подвигаясь отъ дверей.

— Что мнѣ ваша благодарность! проворчалъ онъ сквозь зубы и взялъ перо и лоскутокъ бумаги. Въ Б — хъ порогахъ... Ты приказчикъ?

— Точно такъ-съ, по довѣренности-съ... Петръ Иванычъ поспѣшилъ вынуть изъ-за пазухи бумагу.

— Н...ненужно... А сколько барокъ? спросилъ смотритель, принимаясь что-то писать.

— Четыре, проговорилъ приказчикъ.

— Четыре?

— Точно такъ, судырь... При этомъ словѣ Петръ Иванычъ положилъ на столъ толстый, запечатанный въ сѣрой бумагѣ пакетъ и отвѣсилъ низкій поклонъ. Мы благодар...

— Какъ-же такъ? перебилъ Попечителевъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ пакета и уставивъ на приказчика свои опухлые глаза: какъ-же такъ? Мнѣ сказали, что у тебя повредилась одна барка, а ты говоришь четыре!

— Точно такъ-съ; для васъ все ра...вно... рѣшительно все равно-съ... чуть не шопотомъ и съ низкимъ поклономъ произнесъ Петръ Иванычъ.

— Какъ! выдать свидѣтельство настоящее или ложное, для меня все равно!.. все равно!.. говорилъ Попечителевъ, все болѣе и болѣе понижая голосъ, который наконецъ перешелъ въ какой-то хрипъ. Ахъ ты мошенникъ! ахъ ты разбойникъ!—Онъ съ громомъ отодвинулъ кресло, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Помилуйте...

— Ты знаешь ли, понимаешь ли, понимаешь ли, чего ты достоинъ за такой поступокъ?.. хрипѣлъ смотритель, остановясь передъ приказчикомъ.

— Помилуйте... отецъ родной!.. шепталъ послѣдній.

— Вѣдь ты идешь подъ кнутъ!

— Помилосердуйте!

— Вѣдь ты идешь въ Сибирь! продолжалъ онъ неумолимо.

Петръ Иванычъ блѣднѣлъ и трепеталъ.

— Ты воръ, воръ! гра...би...тель! Ты грабишь своего хозяина!.

Приказчикъ перетрусился не на шутку, готовъ былъ раскаяться въ своихъ преступныхъ замыслахъ и просить свидѣтельства на одну только повредившуюся барку; но взглянувъ на пакетъ, Петръ Иванычъ укрѣпился и рѣшился перетерпѣть бурю до конца, во что ни вынесетъ, вспомнивъ увѣренія лоцмана.

Минутъ десять смотритель ходилъ по комнатѣ, прибиралъ для приказчика всевозможныя унизительныя названія и грозя всевозможными наказаніями, но послѣдній только кланялся.

Между тѣмъ Попечителевъ успѣлъ мелькомъ прочитать на пакетѣ 10,000, остановился передъ трепещущимъ приказчикомъ и сказалъ:

— У тебя, бестія, вѣроятно есть дѣти?

Петръ Иванычъ ухватился за эту мысль.

— Есть... есть четверо крохотныхъ, отвѣчалъ онъ. Хоть ради ихъ помилосердуйте!..

— Ну, только ради ихъ, только ради ихъ избавляю тебя отъ тюрьмы, а-то слѣдовало-бы тебя, да... ради дѣтей! Ступай-же, чортъ съ тобою!.. Приказчикъ вздохнулъ свободнѣе, отвѣсилъ низкой поклонъ и стоялъ.

— Чтожь ты нейдешь!.. молвилъ Попечителевъ, садясь опять въ кресла.

— Какъ же, сударь, свидѣт... приказчикъ закашлялся.

— Приходи вечеромъ, получишь на всѣ... Чортъ съ вами! совсѣмъ покою отъ васъ нѣтъ!..

Петръ Иванычъ, выходя изъ кабинета, отеръ крупный потъ на лбу, къ которому прилипли волосы, вздохнулъ и пощупалъ облегченный отъ толстаго пакета боковой карманъ. Смотря на Петра Иваныча, когда онъ выходилъ изъ квартиры Попечителева, можно было подумать, что этотъ человѣкъ идетъ топиться, — такъ онъ былъ блѣденъ и разстроенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ возможности описать состоянія его души, онъ былъ въ положеніи преступника по сознанію, достойнаго наказанія, но которому обѣщали прощеніе: такое состояніе легче вообразить, чѣмъ описать. И совѣсть опасенія его грызли попеременно: — а что, если водяной-то Бога не побоится? А развѣ я-то побоялся Бога? думалъ онъ и вздрагивалъ.

Постигни Петра Иваныча какое нибудь горе, несчастіе или напраслина, тогда первымъ долгомъ, какъ простой русской человѣкъ, онъ обратился-бы за утѣшеніемъ къ Богу, но теперь онъ не смѣлъ надѣяться на небесную помощь.

Войдя въ знакомую харчевню, первый предметъ бросился ему въ глаза—непремѣнный Иванъ Терентьичъ, уже довольно познакомившійся съ нимъ, во время пребыванія Петра Иваныча въ О-й пристани.

— Что такъ измѣнился ты? здоровъ-ли, батинька? спросилъ старикъ.

— Лихорадка знобитъ, Иванъ Терентьичъ... отвѣчалъ Петръ Иванычъ, закусывая бороду. Онъ спросилъ водки, и всегда рѣдко пившій до-пьяна, пилъ теперь какъ воду; она потеряла для него вкусъ, и оживляющее свойство. Цѣлый день онъ просидѣлъ въ харчевнѣ, не видя, что вокругъ его дѣлается, и не слыша что говорится.

Между тѣмъ, въ кабинетѣ Попечителева, лишь только затворилась дверь за приказчикомъ, смотритель отбросилъ свою неповоротливую важность, всталъ проворно, распечаталъ пакетъ, и тщательно пересчиталъ благопріобрѣтенные 10,000, сторублевыми ассигнаціями. Потомъ пересмотрѣлъ ихъ на свѣтъ, завернулъ въ чистую бумагу и заперъ въ столовый ящикъ.

— Бестія... мошенникъ... воръ!.. да чортъ съ нимъ!.. проговорилъ онъ, сѣвъ на свое мѣсто, и, позвавъ слугу, приказалъ впустить сѣдаго купца изъ числа дожидавшихся въ залѣ.

Долго тянулся день для Петра Иваныча, и лишь только начало смеркаться, онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, отъ страха и надежды, отправился къ смотрителю, который, не стращая

уже болѣе приказчика, различными наказаніями, молча выдалъ ему свидѣтельство.

— Петръ Иванычъ вздохнулъ свободно, какъ будто у него гора свалилась съ плечъ, и положивъ бумагу въ боковой карманъ, сейчасъ-же отправился въ Припорожье.

— Ну, что, хозяинъ, гроза-то прошла? Поладилъ съ тобою смотритель? сказалъ Шолыганъ. Вѣдь я говорилъ тебѣ, что поладитъ, баринъ добрый...

— Ну, ананья, ужь и гроза!.. проговорилъ Петръ Иванычъ. Не думалъ, ужь совсѣмъ не зналъ что дѣлать. А все ты, ананья, меня дернулъ въ такое дѣло... Онъ по обыкновенію принялся обкусывать бороду. Лоцманъ только усмѣхнулся.

Впрочемъ, достойные пріятели разстались по-пріятельски, довольные другъ-другомъ. Дополучивъ остальныя деньги съ купцовъ купившихъ пшеницу, приказчикъ нашъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ. Накупивъ тамъ винъ и разнаго товара для лавки Сидора Петровича и пославъ въ Привольскъ, опять возвратился въ Припорожье; оттуда онъ послалъ горестное увѣдомленіе къ Петру Васильичу о погибели барокъ, потомъ вскорѣ въ тріумфѣ и самъ отправился въ Привольскъ, совершивъ такое блистательное дѣло. Шолыганъ, на полученныя отъ приказчика деньги, выстроилъ домъ, купилъ лодку и, отказавшись отъ лоцманства, началъ перевозить разныя разности отъ Припорожья до Питера. Но, не переставая пить мертвую чашу, въ скоромъ времени, какъ и надо было ожидать, все спустилъ... и остался тѣмъ-же Шолыганомъ—оборваннымъ, безъ сапогъ и съ новымъ, страшнымъ укоромъ на душѣ.

IX.

Спустя трое сутокъ послѣ несчастнаго случая съ Петромъ Васильичемъ, къ Отрубевымъ пріѣхалъ Алексѣй Алексѣичъ Саламатинъ.

— Ну, что Петръ Васильичъ, голубчикъ ты мой, какъ здоровье твое? спрашивалъ гость, лежавшаго въ постелѣ хозяина.

— Ничего, лежу, отвѣчалъ слабымъ голосомъ хозяинъ.

— Сегодняшнюю ночку, слава Богу, спокойно провелъ, подсказала Наталья Ивановна, день и ночь не отходившая отъ мужа. Садитесь Алексѣй Алексѣичъ!

— Ну, а я вотъ пріѣхалъ, васъ Наталья Ивановна, къ себѣ въ гости звать, началъ гость, усаживаясь противъ хозяйки; знаю, что Петръ Васильичъ слабъ, не будемъ имѣть удовольствія его у себя видѣть, ну, а вамъ-то можно, не откажитесь.

— Что это у васъ за пиръ, Алексѣй Алексѣичъ? спросила съ любопытствомъ хозяйка, припоминая при этомъ разказъ торговки.

— Эхъ, матушка, пиръ-то веселый, дочь выдаемъ замужъ произнесъ торжественно Саламатинъ, потирая руки.

— Вонъ какъ!

— На-силу-то! произнесли, въ одинъ голосъ, хозяева.

Да-съ, мои любезныя; ужь и было возни, нечего сказать! Присталъ женихъ, да и разъ...

— За кого-же, за кого? перебила Отрубева.

— За полковаго адъютанта Скворчикова, отвѣчалъ Саламатинъ.

— Какъ ужь это сестрицу-то Катерину Васильевну уломали!

И не говорите, Наталья Ивановна, не мало было хлопотъ; моя Катерина Васильевна и руками и ногами, слышать не хотѣла. Повѣрите-ли, я словно сумашедшій ходилъ, совсѣмъ голову потерялъ, да все дѣло уладилъ мой Николай Алексѣичъ. Какъ ужъ онъ умудрился свою матушку уговорить, разные резоны ей представить, сказать вамъ не умѣю, однако ее образумилъ, согласилась, говоритъ, дескать, знать, Сонюшкина судьба такая, да-съ! Теперь хлопочетъ съ портнихами, и бѣлошвейками... Алексѣй Алексѣичъ понюхалъ табаку.

Наталья Ивановна съ удивленіемъ покачала головою, едва вѣря своимъ ушамъ.

— На-силу образумилась, произнесъ Петръ Васильичъ съ участіемъ. А! братъ, Алексѣй Алексѣичъ, помнишь тогда, я хотѣлъ стянуть за Петрушу-та Шестунова? Жаль, братецъ, что не уладилось!

— Что дѣлать, Петръ Васильичъ, не я въ этомъ виноватъ, ты, я думаю, помнишь, какъ напустила тогда на тебя Катерина Васильевна, сказалъ гость.

— Ужъ вѣрно Софьѣ Алексѣевнѣ судьба за *офицеромъ* быть, замѣтила Наталья Ивановна.

— Однако, третьяго-дня, насъ навѣщала сестрица и ничего про то не сказала.

— Такое-ли, матушка, тогда время было! Вы сами себя отъ горя не помнили, до чужихъ-ли дѣлъ вамъ было, сказалъ Саламатинъ. И такъ, вчера мы жениха съ невѣстой помолвили, тихонько, безъ постороннихъ; въ воскресенье будетъ форменный сговоръ. Завтра пришлемъ вамъ, Наталья Ивановна, какъ водится, билетъ. Теперь я пріѣхалъ такъ, по-родственному, предупредить васъ. Пожалуйте-же на сговоръ, Наталья Ивановна.

— Благодарю васъ, Алексѣй Алексѣичъ, отвѣчала хозяйка; — если полегчаетъ болѣзнь Петра Васильича, то не премину....

Долго еще толковалъ Саламатинъ насчетъ замужества своей дочери, наконецъ уѣхалъ.

Несмотря на печальныя предсказанія Сидора Петровича, Петръ Васильичъ выздоровѣлъ скоро.

Дѣло съ Чернухинымъ кончилось благополучно; въ немъ принялъ родственное участіе Николай Алексѣичъ Саламатинъ, которому Петръ Васильичъ откровенно высказалъ запутанность своихъ дѣлъ. Молодой Саламатинъ ссудилъ самъ небольшую сумму, остальное помогъ занять у нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, такъ что Павелъ Петровичъ имѣлъ удовольствіе сдержать свое слово и возвратить собственноручно жадному кредитору его капиталъ, не допуская Чернухина даже до отца.

Казалось-бы, Петру Васильичу надо было успокоиться, тѣмъ болѣе, что прочіе кредиторы, не споря, переписали свои векселя на слѣдующій срокъ; но несмотря на то, что обстоятельства приняли успокоительный оборотъ, Отрубевымъ овладѣло какое-то уныніе, гнетучая грусть. Было-ли то слѣдствіе ненормальнаго состоянія потрясеннаго орга-

низма, тайное-ли предчувствіе грядущаго горя, или сознательное опасеніе за будущее, — рѣшить было трудно.

Какъ бы то ни было, только, какъ ни старался развлечь себя Петръ Васильичъ, никакое развлеченіе на него не дѣйствовало: все та-же грусть всегда и вездѣ его преслѣдовала, и въ-людяхъ и дома; случалось такъ, что по цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ дома, смотря въ книгу и не читая ее, по цѣлымъ часамъ бродилъ иногда по саду, не смотря на проливной дождь.

Всегда задумчивый, иногда онъ не замѣчалъ, что̀ вокругъ него дѣлалось, иногда раздражался всякой мелочью, и ко всему придирался, только для того, чтобъ придраться.

Замѣчая такую неровность въ характерѣ мужа и догадываясь о причинѣ ея (хотя Павелъ Петровичъ свято исполнялъ приказаніе отца—ничего не говорить матери о Чернухинѣ, какъ причинѣ отцовой болѣзни), Наталья Ивановна не менѣе того грустила, хотя и не говорила ни слова о томъ мужу. За-то часто спрашивала сына — что, какъ дѣла?

— Слава Богу-съ, ничего, маменька, отвѣчалъ молодой человѣкъ, обыкновенно избѣгая всячески взоровъ матери и бродя глазами по комнатѣ.

Такъ шло время. Давно уже Саламатины съиграли свадьбу своей дочери. Свадьба была веселая, съ полковой музыкой. Даже сама Катерина Васильевна, словно переродилась, снявъ съ себя личину ханжества и смиренія; она нарядилась въ новое дорогое платье и пышный чепецъ, и сидя на первомъ мѣстѣ, любовалась на хорошенькую, молодую дочку, — и, казалось, переживала вторично свою молодость. Лице ея, постоянно холодное и строгое, выражало доброту и ласку впродолженіи цѣлаго вечера; она не поспорила ни разу съ невѣсткою, хотя и сидѣла съ нею рядомъ. Послѣдняя тоже вела себя прилично и веселилась отъ души. Объ Алексѣѣ Алексѣичѣ и говорить нечего: онъ радостно потиралъ руки, притопывалъ въ тактъ музыки, и частенько бѣгалъ въ буфетъ, заказывать Якимовнѣ *праздничные* пуншики. Надя тоже, видя себя въ бальномъ платьѣ, не слышала земли подъ собою; а счастливый и ласковый молодой, вытанцивъ въ гостиную младшихъ братьевъ и сестеръ своей

жены, которые робко выглядывали изъ-за дверей буфета, лакомилъ ихъ конфектами.

Отрубевы были въ числѣ гостей. Наталья Ивановна вся въ алмазахъ и въ дорогой шали отъ души сочувствовала общему веселью. Петръ Васильичъ, по обыкновенію, былъ грустенъ и неразговорчивъ, извиняясь недавнею болѣзнію; онъ упорно отказывался отъ праздничныхъ пуншиковъ, несмотря на усердные просьбы хозяина.

Вскорѣ также благополучно совершилась свадьба хорошенькой сироты Даши, которая приходила съ молодымъ мужемъ и матерью, на поклонъ къ своей благодѣтельницѣ. Мавра Григорьевна съ слезами благодарности цѣловала руки Натальи Ивановны. Словомъ, время шло. Петръ Васильичъ получилъ нѣсколько писемъ отъ Петра Иваныча; послѣдній писалъ, что все славу Богу помаленьку тянутся къ Петербургу, покуда безъ всякихъ приключеній. Наконецъ настала осень,—Петръ Иванычъ вдругъ замолчалъ. По разсчету Петра Васильича, баркамъ давно уже надлежало быть на мѣстѣ, Отрубевъ писалъ о томъ въ Петербургъ, своему коммисіонеру по кожевенной торговлѣ. Послѣдній отвѣчалъ: что въ Петербургъ Петръ Иванычъ еще не бывалъ, и увѣдомлялъ хозяина, что кожевенный товаръ пришелъ благополучно, но цѣны на кожу упали; между тѣмъ какъ хлѣбъ дорожаетъ.

Первое извѣстіе огорчило Отрубева, второе, какъ слѣдуетъ, порадовало; но все онъ не зналъ, что думать о баркахъ съ хлѣбомъ и Петрѣ Иванычѣ, и очень о томъ тревожился. Спрашивалъ Сидора Петровича, не слыхалъ-ли тотъ чего объ отцѣ; но и Сидоръ Петровичъ равно увѣрялъ его, что о батюшкѣ ничего не слышно, и что онъ тоже очень заботится насчетъ здоровья старика. Петръ Васильичъ писалъ наудачу нѣсколько писемъ на имя приказчика, въ города лежащіе на его пути, и то нисколько не пособило; думалъ ѣхать самъ, но Наталья Ивановна слезно его упрашивала не пускаться въ путь, представляя недавнюю болѣзнь. Думалъ-было Петръ Васильичъ послать Павла Петровича, но небольшая простуда молодаго человѣка помѣшала этому. Наконецъ Отрубевъ рѣшился послать кого-нибудь чужаго, и пріискивалъ человѣка.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, возвратясь отъ поздней обѣдни, все семейство Отрубевыхъ сидѣло въ залѣ за извѣстнымъ круглымъ столомъ, на которомъ привѣтно шумѣлъ семейный самоваръ. Петръ Васильичъ, углубясь въ кресды, просматривалъ Санктпетербургскія вѣдомости. Павелъ Петровичъ въ полголоса разсказывалъ матери, что видѣлъ въ монастырѣ у обѣдни Катерину Васильевну Саламатину, съ молодыми, что зять самъ свелъ ее съ лѣстницы, и посадилъ въ коляску, и проч... Наталья Ивановна, слушая сына, въ то же время наливала чай, и унимала Ѳедю, который пилъ съ блюдечка въ накладку. Порою мать семейства тоже ласково взглядывала на свою маленькую дочку, которая въ алой шелковой шубкѣ, выпушенной бѣлкою, какъ шарикъ быстро бѣгала по залѣ, такъ что нянька Ѳедора едва поспѣвала за нею, опасаясь на каждомъ шагу, что дитя упадетъ. Но дѣвочка смѣялась, лепетала и какъ будто поддразнивала няню.

— Упадетъ, упадетъ! нянька, держи ее! вскрикивала иногда Наталья Ивановна, готовая сама бѣжать за дитею.

— Что мнѣ съ нею дѣлать-то, сударыня, отвѣчала нянька: — Фисонька, Анфиса Петровна, перестаньте душечка, подите-ка сюда, у меня есть *нецичко*...

Но Фисонька снова заливалась смѣхомъ и какъ вѣтерокъ неслась въ другой уголъ. Часы заиграли арію; дитя остановилось слушать.

И всю эту семейную картину освѣщало яркими лучами осеннее солнце.

Горничная подала Петру Васильичу письмо.

— Откуда? отъ кого? спросили въ одинъ голосъ мать и сынъ.

— Отъ Петра Иваныча, отвѣчалъ Петръ Васильичъ. — Что это! изъ-Приворожья? прибавилъ онъ, взглянувъ на штемпель. — Неужели онъ еще въ Приворожьѣ? Быть не можетъ! ужь не случилось ли чего? И Отрубевъ поспѣшно распечатавъ письмо, началъ читать про себя. Жена не сводила глазъ съ мужа, Павелъ Петровичъ всталъ быстро со стула, но не смѣя встать за креслами отца, остановился, изображая собою живѣйшее любопытство и ждалъ, что скажетъ отецъ.

Даже и Фисонька присмирѣла, какъ-будто въ ожиданіи чего-то. Одинъ Ѳедя, пользуясь отвлеченнымъ вниманіемъ матери, успѣлъ утащить нѣсколько кусковъ сахару.

Бѣгло взглянулъ Петръ Васильичъ на первыя строки письма; и чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ болѣе дрожала его рука, тѣмъ блѣднѣе становилось его лице. Наталья Ивановна уже готова была вскочить, броситься къ мужу, прервать чтеніе вопросами, но какъ-будто подъ обаяніемъ какой-то невѣдомой силы, только смотрѣла на него, не трогаясь съ мѣста и видѣла, какъ лице его покрыла смертная блѣдность и рука опустилась съ недочитаннымъ письмомъ; его било какъ въ лихорадкѣ. Онъ испустилъ какой-то глухой вопль, похожій на предсмертный стонъ, и уставивъ на жену потухшіе неподвижные глаза, какъ глаза мертвеца.

— Другъ мой! что?—Папенька, что случилось? вскричали бросаясь къ нему жена и сынъ, трепещущіе и блѣдные какъ и онъ самъ. Но Петръ Васильичъ не отвѣчалъ, онъ съ трудомъ переводилъ тяжелое и прерывистое дыханіе. Павелъ Петровичъ схватилъ руку отца, въ которой было письмо; рука была судорожно сжата, и холодна, какъ ледъ.

— Другъ мой, Петръ Васильичъ! сотвори молитву... говорила Наталья Ивановна прерывающимся отъ волненія голосомъ — не знаю что случилось, но прошу тебя, не убивайся, вспомни, что на все воля божья...

— Папенька, что же, что же, что сдѣлалось, позвольте спросить? говорилъ дрожащимъ голосомъ сынъ.

— Ну!.. произнесъ наконецъ удушливымъ голосомъ Отрубевъ, приходя въ сознаніе своего горькаго положенія и тяжело вздохнувъ: — друзья мои! у насъ болѣе ничего нѣтъ, барки въ Припорожьѣ разбило, хлѣбъ весь потонулъ; все погибло. Жена! дѣти! я банкротъ, вы всѣ нищіе!.. Петръ Васильичъ окинулъ всѣхъ невыразимо-грустнымъ взглядомъ, взялъ руку Натальи Ивановны, прижалъ ее къ груди и глухо зарыдалъ. Съ этимъ удушливымъ безслезнымъ рыданіемъ слилось рыданіе и стонъ жены; она другой рукой обхватила шею мужа и обливала горькими слезами его поникшую голову. Павелъ Петровичъ закрылъ лице руками, и трясся всѣмъ тѣломъ. Ѳедя и Фисонька робко прижались къ нянькѣ,

которая, пораженная хозяйскимъ горемъ, утирала глаза передникомъ и не знала что ей дѣлать, уйти или остаться тутъ. Нѣсколько минутъ длилась эта раздирающая сцена.

— Ну! сказалъ опять Петръ Васильичъ, проводя рукой по горячимъ сухимъ глазамъ, какъ-будто утирая слезы. «Что дѣлать! вѣрно такъ!.. вѣрно такъ сужд.... Онъ не договорилъ и бросилъ письмо сыну, примолвивъ шопотомъ: «читай!..»

Павелъ Петровичъ, посадивъ въ кресла рыдающую мать, которая едва держалась на ногахъ, и самъ, пораженный неожиданнымъ ударомъ, не менѣе родителей, опустился на стулъ и принялся читать письмо. Слезы заливали ему глаза, онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ разобрать даже первыхъ строкъ.

Отецъ, думая, что сынъ читаетъ про-себя, проговорилъ едва слышно:

— Вслухъ! Паша, читай вслухъ! Надобно же узнать въ подробности свое несчастье, я не могъ... не могъ дочитать...

Молодой человѣкъ наконецъ собрался съ духомъ, и, утирая слезы, началъ едва слышно:

«Милостивый Государь, судырь-братецъ
Петръ Васильевичъ!

При помощи Божіей, пожелавъ вамъ многолѣтняго здравія, и всему вашему благопріятному семейству, свидѣтельствую мое глубокое высокопочитаніе.

«Увѣдомляю васъ, судырь-братецъ, о весьма несчастномъ приключеніи, постигшемъ вашу милость; но что дѣлать, вѣрно такъ угодно Богу, *«возверзи на Господа печаль!»* глаголетъ царь и пророкъ Давидъ. А также и премудрый Соломонъ пишетъ: *«сыне не пренебрегай наказанія Господня, ниже ослабѣвай отъ него обличаемый, его же бо любитъ Господь наказуетъ, біетъ же всякаго сыне его же пріемлетъ.»* И васъ, судырь-братецъ, любя, Господь посѣтилъ такимъ посѣщеніемъ. Не убивайте сами себя отъ печали! Хотя мнѣ прискорбно вѣстникомъ печали для васъ служити, но, знать, потому суждено быти. Послѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, пущеннаго августа 29 числа, мы благополучно дотянулись до О—й

пристани; перегрузясь какъ слѣдуетъ и помолясь Богу, въ назначенное время пошли черезъ пороги. Барки наши пущены были впередъ гуськомъ другъ за другомъ. На передней былъ лоцманъ знающій, хорошо апробованный, потому что я ни просьбъ, ни денегъ не жалѣлъ для водянаго пристава, усердствуя къ вашей пользѣ. Но по неловкости что ли лоцмана, али какъ я думаю попущеніемъ Божіимъ, вдругъ сильнымъ прибоемъ бросило барку на камни, пересадило пополамъ, и не успѣли мы мигнуть, — даже и теперь мурашки по кожѣ ползаютъ, — какъ она встала воперегъ. Прочія барки шли на близкомъ другъ отъ друга разстояніи; поднять сигнала не успѣли, и онѣ съ налету другъ на друга набѣжали... И пошла свалка. Господи ты, Боже мой! Я находился на второй баркѣ и думалъ, что смерть моя приходитъ... Не помню я, судырь-братецъ, какъ ихъ всѣ поломало, и хлѣбъ весь погрузъ; четвертую только кой-какъ лоцманъ успѣлъ на берегъ насунуть, да и въ ней оказалась большая течь, а о трехъ-то и говорить нечего. Народу многое множество набѣжало, да ничего не могъ никто сдѣлать. А я ужь совсѣмъ-было разума лишился, отъ такого великаго горя. И тутъ мы долго *проваландались*, покуда навели слѣдствіе, да мокрые кулье кой-какъ пособрали; прочее все разнесло, или растаскали. Остальное годно было только развѣ на солодъ, и я, имѣя отъ васъ довѣренность на продажу, попродалъ за что попало, дабы и остатки не бросить. Потомъ, получивъ отъ начальства свидѣтельство о семъ несчастномъ случаѣ, намѣревался уже ѣхать въ Привольскъ, но крайне захворалъ отъ печали и оттого, что долго приходилось быть въ водѣ, а время стояло *сиверкое*. Что хотите со мною, судырь-братецъ, то и дѣлайте, но вины своей я тутъ никакой не вижу, кромѣ того, что не увѣдомилъ васъ немедленно; но я былъ такъ убитъ симъ происшествіемъ, что не имѣлъ даже никакого соображенія и дней не помнилъ. Теперь пріискиваю попутчика, дабы возвратиться въ Привольскъ, и думаю, что на-дняхъ выѣду.

Не печальтесь, судырь-братецъ, поберегите свое здравіе, для вашего благопріятнаго семейства.

Имѣю честь пребыть и проч....»

Павелъ Петровичъ отложилъ въ сторону письмо, и облокотясь на столъ, подперъ руками голову; слезы душили его. Отецъ грустно смотрѣлъ на сына, мать плакала; нѣсколько минутъ всѣ молчали.

— Другъ мой, Петръ Васильичъ! — сказала она обращаясь къ мужу, — конечно великое насъ постигло несчастіе, но что-жь дѣлать, на все воля Божія! — Прошу тебя, не убивайся, побереги свое здоровье для семейства, какъ молвитъ Петръ Иванычъ: *возверзи на Господа печаль.* Богу угодно испытать насъ.... смирить....

— О Боже мой! Боже мой! Какое страшное горе! прервалъ Петръ Васильичъ отчаяннымъ голосомъ: Дѣти! дѣти!... и вы.... безъ-всего.... Подите сюда!... Охъ, не знаю, перенесу-ли я этотъ ударъ!...

Ѳедя подошелъ къ отцу, Ѳедора подвела Фисоньку. Петръ Васильичъ, не находя словъ, молча прижалъ малютокъ къ груди, какъ будто, желая вознаградить дѣтей своею горячею ласкою за то, что было невозвратно потеряно.

Нянька, смотря на эту сцену, закрыла лице передникомъ; хозяинъ грустно взглянулъ на нее.

— Другъ мой, какъ мы несчастны, сказалъ онъ женѣ: что даже она.... наемная служанка, плачетъ о насъ.... И онъ еще крѣпче прижалъ дѣтей и заплакалъ; для него открылся благодатный источникъ облегчающихъ слезъ.

— Папенька, папенька-съ успокойтесь!... говорилъ старшій сынъ, подходя къ отцу, и цѣлуя его руки. Богъ милостивъ, авось поправимся; мы не виноваты въ своемъ несчастьи, оно могло со всякимъ случиться....

— Паша! ты-ли меня утѣшаешь! Развѣ ты не знаешь, не понимаешь всей горечи нашего положенія?...

— Все понимаю, папенька, понимаю, какъ вамъ тяжело-съ, но можетъ быть найдутся люди, сжалятся.... Слезы помѣшали договорить молодому человѣку.

Охъ! не говори!... вспомнить не могу о тѣхъ, кто такъ недавно и довѣрчиво переписали векселя.... Петръ Васильичъ закрылъ лице руками.

— Ужь вѣрно судьба, сказалъ сынъ, чтобы только что нибудь сказать.

— Пусть такъ, но развѣ имъ легче отъ того утѣшенія, развѣ они не теряютъ?...

— Папенька-съ, вы заботитесь о людяхъ едва-ли не болѣе, чѣмъ о себѣ! замѣтилъ сынъ.

— Такъ развѣ для того мы занимали, чтобъ не платить?... прервалъ отецъ горячо, поспѣшно отирая глаза. Нѣтъ, я занималъ не для того....

— Позвольте.... позвольте, папенька-съ, перебилъ болѣе смѣлымъ голосомъ молодой человѣкъ, я хотѣлъ вамъ доложить о томъ, что вы всегда говорили-съ, что честь дороже всего-съ....

— Правда, правда Паша, но..... что если поневолѣ придется быть безчестнымъ.... Да! лучше умереть, чѣмъ терпѣть эту муку!... Отрубевъ ударилъ кулакомъ себя въ грудь.

— А развѣ у насъ не будетъ настолько, чтобъ расплатиться? сказалъ сынъ.

— А у васъ, у васъ, что останется?...

— Что-жь дѣлать-съ, надобно себя ограничить-съ покуда, а тамъ-съ....

— Другъ мой! ты забылъ, что у тебя мать.... маленькій братъ и сестра.... А я? Меня разразило это бѣдствіе, совсѣмъ разразило. Можетъ придется тебѣ одному о всѣхъ заботиться....

— Я готовъ папенька-съ, готовъ на все, буду стараться, буду просить, чтобъ добрые люди одолжили; не одолжатъ, пойду въ приказчики.... пойду въ работники, пойду-съ дрова пилять, и прокормлю, и васъ и маменьку и брата и сестру. Вѣрно такъ суждено.... говорилъ, съ увлеченіемъ молодой человѣкъ.

Наталья Ивановна глубоко вздохнула, утерла слезы и съ упованіемъ взглянула на образъ, прося у Бога душевной твердости; она чувствовала, что до нея дошла череда, утѣшить мужа насколько станетъ ея силъ и разсудка.

— Другъ мой, Петръ Васильичъ! — сказала она, — сохранилъ-бы Господь твое здоровье.... О дѣтяхъ толковать

нечего, они еще малы, скоро забудутъ, что родились въ богатствѣ и привыкнутъ къ бѣдности.... Вотъ, Паша, другое дѣло, ему конечно тяжело, молодой человѣкъ только на свѣтъ пошелъ; но и тутъ что дѣлать! Надобно разсудить и вспомнить, что цари царства теряли.... Надобно покориться волѣ божіей... Няня, уведи дѣтей; — примолвила она, обратясь къ Өедорѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не тронь ихъ. Дѣти мои, семья моя милая, не оставляйте меня! жена! сынъ! дайте мнѣ свои руки... вотъ такъ!... говорилъ Петръ Васильичъ, взявъ за руки Наталью Ивановну и Павла Петровича, между-тѣмъ какъ младшіе дѣти прижались къ колѣнямъ отца. — Вы.... вы лучше меня; ты, Паша, даешь мнѣ урокъ.. ты, мой другъ, Наталья Ивановна, спасаешь отъ отчаянія... Онъ затрясся отъ слезъ. Жена и сынъ тоже плакали.

— Вы лучше меня.... я васъ не стою и никогда не стоилъ; — человѣкъ познается въ бѣдствіи. И какъ я ничтоженъ!... Петръ Васильичъ опустилъ голову, и долго оставался въ такомъ положеніи: — Ну, Господь съ вами!.. примолвилъ онъ, какъ будто очнувшись, и, перекрестивъ младшихъ дѣтей, сказалъ: — Өедорушка, уведи ихъ....

По уходѣ дѣтей и няньки, вошла горничная доложить, что столъ накрытъ, и простояла нѣсколько минутъ, пораженная заплаканными лицами хозяевъ.

— Скажи, чтобъ Иванъ сію-же минуту съѣздилъ за Алексѣемъ Алексѣичемъ Саламатинымъ, и попросилъ его немедленно, если только можно, пріѣхать къ намъ, приказала горничной Наталья Ивановна.

Остывшій самоваръ былъ убранъ со стола, но супруга и сынъ все еще сидѣли на своихъ мѣстахъ; изъ устъ ихъ вырывались то слова сожалѣнія, то слова утѣшенія, но тяжелые вздохи чутко слышались, и платки часто подносились къ глазамъ. Въ этомъ положеніи засталъ ихъ Саламатинъ. Живой старичокъ, удивленный такимъ страннымъ приглашеніемъ, и недобившійся отъ кучера ничего, кромѣ того что, дескать, — Наталья Ивановна проситъ васъ сію минуту, не заставилъ себя долго дожидаться.

— Что такое Петръ Васильичъ! все-ли у васъ здорово?... спрашивалъ гость, поспѣшно входя въ залу: Матушка, Наталья Ивановна.... Но онъ, какъ и горничная, вдругъ остановился среди комнаты, видя, что хозяинъ привсталъ было съ креселъ, но закрывъ лице руками, опять опустился. Хозяйка заплакала. Подошелъ къ нему Павелъ Петровичъ, тоже блѣдный и разстроенный, подалъ ему руку, но и тотъ выговорить ничего не могъ.

— Батюшка мой! Да что-жь у васъ надѣлалось? умеръ что-ли кто? вскричалъ Саламатинъ въ недоумѣніи.

— Другъ! Алексѣй Алексѣичъ! Лучше-бы можетъ было, еслибъ я умеръ, но смерти нѣтъ.... проговорилъ Отрубевъ, протягивая руку гостю. Извини, не могу встать, горе совсѣмъ меня убило....

— Что за горе такое? Разскажи ради Бога, спрашивалъ Саламатинъ, садясь возлѣ хозяина.

Сбивчиво и непослѣдовательно, принялись ему разсказывать Отрубевы о своемъ несчастіи. Наконецъ Павелъ Петровичъ прочиталъ ему письмо приказчика. Алексѣй Алексѣичъ, душевно сочувствуя ихъ горю, охалъ, охалъ, вздыхалъ и вскакивалъ съ мѣста, и не зналъ, не умѣлъ, какъ утѣшать несчастныхъ.

— И вотъ, другъ, все наше богатство!.. сказалъ Петръ Васильичъ, грустно покачивая головой.

— Помоги тебѣ Господи перенести это несчастье, Петръ Васильичъ; укрѣпи васъ Господи, Наталья Ивановна.... говорилъ Саламатинъ вздыхая; но что дѣлать, божіе посѣщеніе, мой другъ, божіе посѣщеніе; вы ужъ, сударыня, Наталья Ивановна, не вдавайтесь въ тоску-то, старайтесь супруга-то разговаривать.... И долго еще говорилъ Алексѣй Алексѣичъ въ такомъ тонѣ, и между прочимъ сказалъ Отрубевымъ, что вчера онъ проводилъ своего сына, Николая Алексѣича, который уѣхалъ въ Петербургъ, по фабричнымъ дѣламъ.

— Дѣло наживное.... Эхъ! никто какъ Богъ, заключилъ онъ.

Пробило три часа и гость первый вспомнилъ, что онъ еще не обѣдалъ, что только хотѣлъ садиться за столъ, какъ

за нимъ прислали. Наталья Ивановна упросила гостя откушать у нихъ, и для компаніи Алексѣю Алексѣичу отрядила сына въ столовую; но ни сама, ни Петръ Васильичъ, не сѣли въ этотъ день за столъ; имъ обоимъ не шелъ кусокъ въ горло. Мы не ошиблись сказать, что и Павелъ Петровичъ сѣлъ за столъ, только изъ приличія, потому что ничего не могъ ѣсть; онъ молча слушалъ утѣшенія и разныя предположенія Саламатина, кушавшаго и пившаго за двоихъ.

— Послушай-ка, дорогой мой Пашинька, сказалъ гость, уѣзжая и прощаясь съ молодымъ хозяиномъ: я васъ вотъ въ чемъ предостерегу, не оставляйте вы одного-то папеньку, съ отчаянья мало-ли что можетъ въ голову придти....

— Я не понимаю, дяденька, что вы изволите говорить-съ.

— Я говорю, чтобы онъ того.... ты знаешь, человѣкъ онъ горячій. Убирайте вы отъ него подальше ножи, и....

Павелъ Петровичъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и судорожно сжалъ руку Саламатина.

Сынъ передалъ матери объ этой предосторожности. Наталья Ивановна не отходила отъ мужа.

Вечеромъ пришелъ къ Отрубевымъ Сидоръ Петровичъ. Помолясь какъ слѣдуетъ, и поклонясь, сынъ приказчика остановился у дверей.

— Ну, Сидоръ Петровичъ, знать и ты получилъ отъ отца вѣсть?... спросилъ Петръ Васильичъ, сидя въ тѣхъ-же самыхъ креслахъ, и взглянувъ въ лице пришедшаго, на которомъ впрочемъ ничего не выражалось, кромѣ природной грубости.

— Точно такъ-съ дядюшка-съ, — отвѣтилъ Сидоръ Петровичъ, — вѣсть нерадостная-съ; вы тоже получили-съ?

— Какъ-же! Сразило, братъ, меня.... да! Ну отецъ къ тебѣ пишетъ, вѣроятно, обо всемъ... Хозяинъ не могъ больше ничего сказать.

— Точно такъ-съ. Этакое несчастье-съ!... ужъ мы очень сумлѣваемся и о батюшкѣ-то, — пишетъ, что не очинно здоровъ. Да и какъ ему было перенести! вы сами, дядюшка, изволите знать, его къ вамъ усердіе-съ....

— Знаю, знаю. Да, братъ Сидоръ Петровичъ, вотъ оно

горе-то, пришло нежданное.... Конечно, Петръ Иванычъ не виноватъ....

— Разумѣется, дядюшка-съ; кромѣ лоцмана въ этомъ несчастіи никто не виноватъ-съ.... Ужъ вы дядюшка не убивайте себя-съ, знать воля божія на то-съ. Прощенья просимъ, дядюшка-съ....

— Присядь братецъ, посиди, — пригласилъ хозяинъ.

— Покорнѣйше благодарствую. Сидоръ Петровичъ присѣлъ на указанный стулъ.

Оба замолчали.

— Конечно дѣло понятное, что отецъ твой перепугался, сказалъ Петръ Васильичъ.

— Точно такъ-съ; мы объ немъ дядюшка сокрушаемся-съ. Прощенья просимъ, дядюшка, счастливо оставаться! Сидоръ Петровичъ всталъ.

— Сиди, куда торопишься?

— Чтобъ васъ не обезпокоить-съ.

— Въ лавку торопишься?

— Точно такъ-съ; дѣло одинокое-съ! Сидоръ Петровичъ перевертывалъ картузъ въ рукахъ.

— Ну прощай, не удерживаю, сказалъ хозяинъ.

Сынъ приказчика помолился, раскланялся, и встряхнувъ волосами, пошелъ къ дверямъ. Навстрѣчу ему шла Наталья Ивановна.

— Мое почтеніе, тетушка-съ; какъ ваше здоровье-съ?

— Не спрашивай, Сидоръ Петровичъ о моемъ здоровьѣ теперь; тебѣ я думаю извѣстно.... Но что ты не посидѣлъ съ дядею? спросила Отрубева.

— Извините, тетушка-съ, вамъ нужно можетъ успокоиться-съ, мое почтеніе, счастливо оставаться-съ. И Сидоръ Петровичъ изчезъ.

— Ну ихъ тамъ! не умѣю я роли утѣшителя разъигрывать.... Вотъ батюшка такъ пожалуй угораздился-бы на эти штуки, пожалуй и текстъ-бы успокоительный подобралъ.... разсуждалъ самъ съ собою Сидоръ Петровичъ, уходя изъ дома Отрубевыхъ, — горе, несчастье постигло!.. Еще останется кока-съ-сокомъ; проживутъ небось....

По отъѣздѣ Саламатина пріѣхалъ Чемодановъ.

— Говорятъ, — что всѣ други, всѣ пріятели до чернаго лишь дня! вскричалъ входя въ залу Илья Епифанычъ: — А вотъ и не правда, я вотъ въ самый черный день навѣстилъ тебя, Петръ Васильичъ! Представьте, какое дьявольское несчастіе случилось съ вами.

— Что дѣлать! что дѣлать, Илья Епифанычъ! вѣрно судьба моя такая... отвѣтилъ Отрубевъ, который былъ вовсе не-радъ посѣщенію крикливаго гостя.

— Да, вотъ поди ты — и думай, раздумывай!.. Пусть-бы ужъ худому человѣку воздавалось по дѣломъ его, а то тебѣ-то, братецъ, хо, хо! Чемодановъ покачалъ головой и ударилъ себя по бедрамъ. А ужъ вы-то, Наталья Ивановна, вы-то добрѣйшая и почтеннѣйшая женщина, ей-Богу, недостойны терпѣть такое несчастіе! прибавилъ исправникъ, обращаясь съ любезностью къ хозяйкѣ.

— Вѣрно такъ Богу угодно, отвѣчала Отрубева.

— И вы, Илья Епифанычъ, узнали о нашемъ несчастіи... молвилъ хозяинъ, пригласивъ гостя сѣсть.

— Какъ-же, Петръ Васильичъ не узнать, да теперь въ городѣ, только и трезвонятъ объ этомъ. Ты, братецъ мой знаешь, что Привольцы всегда чужими дѣлами болѣе занимаются, чѣмъ собственными; ужъ у нихъ черта такая, ей-Богу, особенно эти почтенные дамы, такъ вотъ и готовы за глотку тебя схватить, только-бы узнать что-нибудь новенькое, ей-Богу-съ! говорилъ исправникъ. Ну, и такъ барки-то твои, Петръ Васильичъ, — такъ-таки, — дружище, всѣ и потонули?

— Приказчикъ пишетъ, что всѣ.... отвѣтилъ грустно Отрубевъ.

— Гмъ! произнесъ глубокомысленно Илья Епифанычъ. А ты, этакъ дружище, не думаешь, самъ туда съѣздить? Гдѣ это далеко-ли несчастье-то случилось?

— Въ Принорожьѣ, Илья Епифанычъ, но ѣхать туда не могу, убитъ я больно, да и что? развѣ поможешь дѣлу своимъ безполезнымъ пріѣздомъ? Только лишнія траты, и еще разстроишься болѣе... сказалъ Петръ Васильичъ.

— Ну, дружище, все-таки я думаю.... Да, конечно это

убило тебя, вѣрно что убило, ну если не самъ, такъ сына-бы послалъ, стоялъ на своемъ Чемодановъ.

— Помилуйте, Илья Епифанычъ! ну что можетъ сдѣлать молодой человѣкъ? Онъ нигдѣ не бывалъ; да и что пользы отъ того?...—вмѣшалась Наталья Ивановна. Нѣтъ ужъ знать за грѣхи наши угодно было Богу наказать насъ...

— Вы все не то толкуете, сударыня. Какъ это можно, свой глазъ, свое ухо... Развѣ напримѣръ, приказчикъ вашъ, не могъ тамъ поживиться? Вотъ онъ написалъ вамъ, то и то, турусы на колесахъ, а хлѣбъ-то, кто его знаетъ,—можетъ и не весь до-того попортился, что никуда негоденъ, и онъ нѣсколько тысячъ четвертей очень могъ продать въ свою пользу, ей-Богу такъ!—сказалъ съ увѣренностью Илья Епифанычъ.

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ, Илья Епифанычъ, этого у насъ быть не могло, на приказчика грѣшно думать, говорила нѣсколько горячо хозяйка. Приказчикъ у насъ не чужой, свой, родственникъ.

— Эхъ, сударыня! свой человѣкъ! говори съ вами, а вы свое, то есть, дамы по-дамски и разсуждаете.... А вы на свой-то аршинъ, матушка, ни кого не мѣряйте!—возразилъ Чемодановъ. Что родственникъ, такъ ужъ будто и за грѣхъ почтетъ въ мутной водицѣ рыбки поудить? Ни за кого, матушка, не закладывайтесь. Не правду-ли я говорю? прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

Петръ Васильичъ подтвердилъ мнѣніе своей супруги, и увѣрялъ исправника, что подозрѣвать своего двоюроднаго брата въ какой-либо фальшѣ онъ считаетъ грѣхомъ.

Но Илья Епифанычъ упорно держался въ своихъ сомнѣніяхъ. Другъ добродѣтельный,—говорилъ онъ:—я не хочу заставить васъ насильно, дурно думать о вашемъ приказчикѣ, потому что вы его лучше знаете... но... находясь на службѣ, мнѣ иногда приходилось открывать мошенничества, содѣянныя такими, повидимому честными и почтенными людьми, что право наканунѣ самъ-бы готовъ былъ присягнуть за ихъ добросовѣстность, ей-Богу такъ! И вотъ вслѣдствіе такихъ-то убѣжденій Петръ Васильичъ, я-бы бывши на ва-

шемъ мѣстѣ, поѣхалъ самъ въ Припорожье, все-бы развѣдалъ, разузналъ...

— Вотъ и видѣнъ исправникъ, замѣтилъ Отрубевъ, невольно улыбаясь.— Вы это, Илья Епифанычъ, говорите изъ одной привычки къ слѣдствіямъ, но повѣрите-ли, что моя поѣздка въ Припорожье не принесетъ ужъ мнѣ никакой пользы; да правду сказать, я и сдѣлать ничего не могу: — болѣнъ душею и тѣломъ.... прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

По отъѣздѣ Чемоданова, приказано было запереть ворота, и никого не принимать, кромѣ доктора и Саламатиныхъ.

Прошло три недѣли. Петръ Васильичъ ни разу ни куда не показывался; его отчаянная тоска уже принимала характеръ тихой грусти. Иногда онъ сидѣлъ задумавшись по цѣлымъ днямъ, не говоря ни слова, иногда смотря на младшихъ дѣтей, плакалъ по цѣлыхъ часамъ. Наталья Ивановна, какъ женщина просто и религіозно воспитанная, нашла исходъ своему горю въ молитвѣ; каждую заутреню и раннюю обѣдню, она отстаивала въ ближайшей церкви, причемъ приняла на себя нѣсколько разныхъ обѣтовъ. Раздумывая въ безсонныя ночи о своемъ положеніи, она въ глубинѣ души сознавала, что Богъ наказалъ ея мужа за гордость, за пренебреженіе къ бѣднымъ, и со слезами вспоминала свое невольное пророческое слово, когда она сказала мужу, что можетъ быть она будетъ также бѣдна, какъ Мавра. Теперь она молила Бога только о томъ, чтобъ онъ послалъ твердость Петру Васильичу перенести этотъ ударъ, и не пасть подъ нимъ.

Павелъ Петровичъ рѣдко показывался въ лавку, болѣе проводилъ время дома, или на кожевенномъ заводѣ, гдѣ работа, безъ присмотра самого Петра Васильича шла какъ-то въ разладъ, и товаръ отъ небрежности рабочихъ зачастую портился.

Грустно собиралось убитое семейство въ кружокъ, сидѣло за самоваромъ повѣся головы, всякій предавался своимъ невеселымъ думамъ; иногда только слышался лепетъ Фисоньки, или смѣхъ Ѳеди, на которыхъ уныло поглядывали

родители. Впродолженіи этого времени ихъ посѣщали только Саламатины.

И вотъ въ одно туманное и дождливое утро, часовъ въ шесть, Сидоръ Петровичъ, собираясь въ лавку, случайно взглянулъ въ окно, и увидѣлъ, что къ дому подъѣзжаетъ ямщицкая тройка, и изъ кибитки выглядываетъ его дражайшій родитель. Съ неописанной радостью, достойный сынъ, со всѣхъ ногъ бросился встрѣчать достойнаго отца, помогъ ему выйдти изъ повозки, и облобызалъ родительскую руку; потомъ помогъ внести въ комнату чемоданъ и сундучокъ. Въ прихожей встрѣтила свекра невѣстка, измѣнивъ кислую мину на самое почтительное выраженіе, она цѣловала старика, и поздравила его съ пріѣздомъ.

— Ну ты здорова-ли, добрая моя, голубица моя? спрашивалъ ее Петръ Иванычъ, и потомъ прибавилъ вторично, обнимая сына: Ну, братъ Сидоръ, еще Богъ привелъ васъ видѣть; въ такомъ я, братецъ ты мой, былъ положеніи, такую видѣлъ передрягу, что *сердце мое смятеся во мнѣ!...*

— Мы и такъ, батюшка, сокрушались о вашемъ здоровьѣ, когда вы написали, что сдѣлались больны, сказалъ сынъ, стараясь что-нибудь особенное уловить на лицѣ отца. Но старикъ покуда такъ хорошо замаскировалъ себя, что кромѣ радости свиданія въ немъ ничего не было замѣтно.

— Ты, я вижу, въ лавку собрался, Сидоръ? замѣтилъ отецъ: погоди, братъ, побесѣдуемъ. Ну-ка, Александра Павловна, похлопочи объ самоварцѣ, обратился онъ къ снохѣ, которая сейчасъ-же и вышла.

— Вотъ, братъ Сидоръ, дѣла-то какія случились! заговорилъ Петръ Иванычъ, садясь, въ ожиданіи чая, на старую кожаную софу. Жаль братца Петра Васильича, много потерпѣлъ убытку! почти все потерялъ... Что-то онъ бѣдный; — какъ такую вѣсть получилъ — я думаю — его убило? Человѣкъ гордый... привыкъ жить хорошо... Да хотя бы все свое-то было, а то прихвачено много чужова.... Да, трудно перенести такой ударъ?.. я вѣрю этому... Петръ Иванычъ задумался и кусалъ бороду.

Сынъ, сидя напротивъ, наблюдалъ за нимъ изподлобья.

— Ты былъ у нихъ Сидоръ? спросилъ приказчикъ. Ну, что они? говорилъ хозяинъ что-нибудь про меня?

— Какъ-же-съ, былъ, про васъ батюшка Петръ Васильичъ только и сказалъ: что въ этомъ — говоритъ — Петръ Иванычъ не виноватъ... отвѣчалъ сынъ.

— Конечно; кто-жъ въ томъ виноватъ, кромѣ лоцмана, да и тотъ можетъ быть по неосторожности... *на грѣхъ мастера нѣтъ,* тутъ Богъ судитъ... Петръ Иванычъ закашлялся. Ну... а съ моей стороны, все было сдѣлано... А горюютъ шибко они?

— Разумѣется горюютъ, да что имъ, еще осталось.. Петръ Васильичъ однимъ форсомъ съумѣетъ поддержать кредитъ, повѣрятъ... еще дураки не перевелись, говорилъ Сидоръ Петровичъ, смотря то на носокъ своего сапога, то на вывороченную пятку, какъ будто рѣчь шла о сапогѣ.

Нѣтъ, братъ Сидоръ, плохо имъ придетъ: кожевенный товаръ въ Питерѣ ни почемъ, заводъ тоже ихъ кажется на мель посадитъ. Какъ подумаешь, такъ по родству и по человѣчеству, и жалко Петра Васильича, тоже братъ, семья, хотя онъ и гордился противъ насъ бѣдняковъ... Петръ Иванычъ устремилъ глаза въ уголъ, и попрежнему кусалъ бороду.

Сидоръ Петровичъ не зналъ, принять-ли сожалѣніе отца за чистое золото, или удивляться его искусству маскироваться.

— Вы писали батюшка, что попродали подмокшую пшеницу; ужели она вся негодилась? спрашивалъ сынъ, желая, чтобы отецъ хоть сколько-нибудь высказался въ томъ, что ему хотѣлось знать.

— Почти что вся, да; продавалъ... готовъ былъ за что-нибудь отдать, а то и остатки бы всю бросили, сгорѣлась больно. Тутъ-то я долго и прокопался, не приведи Богъ, какіе были хлопоты... вотъ весь капиталъ, хо, хо, хо! Три тысячи, только три... отдать хозяину... Петръ Иванычъ вынулъ изъ боковаго кармана большой кожаный бумажникъ, и сталъ считать ассигнаціи, ихъ ни болѣе, ни менѣе оказалось, какъ на три тысячи.

— Вотъ, другой на моемъ мѣстѣ, и то бы въ своемъ карманѣ оставилъ; не правда-ли Сидоръ? обратился отецъ

къ сыну; между тѣмъ какъ по лицу его мгновенно пробѣжало какое-то дьявольски-плутовское выраженіе, которое не укрылось отъ сына.

— Конечно, батюшка... Вѣдь только вы одни на свѣтѣ-то такіе безмездники, отвѣчалъ послѣдній, и притомъ подумалъ:

— Э!.. что нибудь да есть, старый плутъ!

— Я тебя задержалъ, братъ Сидоръ, въ самомъ дѣлѣ тебѣ пора, ужо потолкуемъ: а я вотъ напьюсь чайку, да и къ хозяину нужно... хоть бьетъ, хоть вѣшаетъ! отдамъ ему деньги, говорилъ приказчикъ, принявъ опять свой обыкновенный, немного грустный и усталый отъ дороги видъ.

— Что это долго самоваръ грѣютъ? До свиданія батюшка, сказалъ Сидоръ Петровичъ, помоляся Богу и поклонился отцу и, поцѣловавъ встрѣтившуюся въ сѣняхъ жену, отправился въ лавку обвѣшивать, обмѣривать и проч...

Напившись чаю, Петръ Иванычъ, захвативъ съ собой деньги и свидѣтельство о потопленіи барокъ, пошелъ къ хозяину. Дорогою онъ сочинилъ себѣ самую разстроенную и печальную физіономію, и придумывалъ, какъ и что отвѣчать хозяину.

Петръ Васильичъ съ женою находились въ спальнѣ, когда имъ доложили о приходѣ приказчика; хозяинъ приказалъ его позвать.

Завидѣвъ приказчика еще въ дверяхъ, Отрубѣвъ не утерпѣлъ, закрылъ лице руками и затрясся. Изъ глазъ Натальи Ивановны тоже брызнули слезы. Петръ Иванычъ помолился на образа, поклонился хозяевамъ, и, остановясь въ дверяхъ, поднесъ къ глазамъ клѣтчатый платокъ, который держалъ наготовѣ.

— Ну, братъ, Петръ Иванычъ, при худыхъ обстоятельствахъ мы видимся!.. произнесъ прерывистымъ голосомъ хозяинъ.

— Что дѣлать судырь-братецъ, Господь васъ наказалъ, какъ нѣкогда праведнаго Іова... сказалъ съ низкимъ поклономъ Петръ Иванычъ. Но я, судырь-братецъ, въ этомъ несчастьи ни крошки не причиненъ; вамъ не безъизвѣстно, что всегда и вездѣ я не переставалъ стараться, по мѣрѣ моихъ силъ, о вашей, братецъ, пользѣ... Петръ Иванычъ такъ хорошо и на-

турально вошелъ въ свою роль, что въ самомъ дѣлѣ у него показались слезы на глазахъ.

— Я въ этомъ никогда не сомнѣвался, сказалъ со вздохомъ Петръ Васильичъ. Но, что дѣлать, вѣрно Богу угодно насъ наказать за грѣх...

— Любя, любя, Господь васъ посѣтилъ, судырь-братецъ, истинно такъ! продолжалъ приказчикъ. А я, я всегда усердствовалъ; люди знаютъ это судырь-братецъ. При такомъ несчастномъ случаѣ, повѣрите-ли я чуть живота не лишился...

— Ты писалъ, Петръ Иванычъ, что захворалъ, проговорила съ участіемъ Наталья Ивановна: вѣрно отъ испугу и безпокойства?

«Истинно отъ испугу, сударыня, думалъ что жизни лишусь; другой свое теряетъ, такъ этакъ не тоскуетъ, какъ я тосковалъ. Да ужъ и хлопотъ было, Господи ты Боже мой! Кулье съ берегу тащатъ! сторожей нанялъ, они-то, воры, сами пуще и воровали. Такъ сударыня приходилось, что цѣлыя ночи на-пролётъ самъ просиживалъ.»

«Садись, Петръ Иванычъ, разсказывай все какъ было; отъ этого ужь хуже не будетъ,» сказалъ Петръ Васильичъ, указавъ на стулъ.

Наталья Ивановна подперла голову руками и приготовилась выслушать еще разъ печальную повѣсть.

Приказчикъ съ поклономъ присѣлъ на стугъ и началъ все то же, съ небольшими прибавленіями, что писалъ въ письмѣ, разсыпая между разсказомъ самыя почтительныя утѣшенія хозяевамъ, и подкрѣпляя ихъ по обыкновенію текстами изъ священнаго писанія.

Петръ Васильичъ по-временамъ глубоко вздыхалъ; Наталья Ивановна утирала глаза.

«Вотъ, судырь братецъ, и капиталъ весь, тутъ, что я могъ выручить за пшеницу. Тамъ есть кой-какія росписки, но тоже на небольшую сумму,» заключилъ приказчикъ, вручая хозяину три тысячи.

«Сколько тутъ?» спросилъ послѣдній.

«Три тысячи, судырь-братецъ; извольте пересчитать!...»

«Только!...» произнесъ грустно Петръ Васильичъ и принялся-было считать деньги, но рука его судорожно дрожала, глаза

застилалъ туманъ, онъ скомкалъ ассигнаціи, которыя держалъ, и всѣ пачки бросилъ въ ящикъ стола, за которымъ сидѣлъ, примолвивъ: «Послѣ, послѣ, теперь не... могу....»

— А вотъ, судырь-братецъ, и свидѣтельство, выданное въ томъ, что барки дѣйствительно потонули... сказалъ нѣсколько заикаясь приказчикъ, подавая хозяину бумагу. Подавая бумагу, рука Петра Иваныча замѣтно тряслась, хотя этого никто не замѣтилъ.

Отрубевъ прочиталъ свидѣтельство, покачалъ грустно головой, и его также положилъ въ ящикъ стола.

Приказчикъ былъ приглашенъ хозяевами отобѣдать съ ними. За столомъ тянулся все тотъ-же печальный разговоръ. Петръ Иванычъ усердно вторилъ вздохамъ хозяевъ.

Послѣ обѣда, въ столовой дольше всѣхъ оставалась Наталья Ивановна. За отсутствіемъ горничной, со стола убирала нянька Михайловна.

«Ну ужъ не погнѣвайся на меня, сударыня, за мою глупую рѣчь...» сказала она хозяйкѣ: «А ужъ я лучше выговорю, чѣмъ въ умѣ держать. Блаженная ты, Наталья Ивановна, прости ты меня Господи! совсѣмъ блаженная...»

— Это что еще такое? — спросила хозяйка.

— Да такъ я говорю, глядя какъ ты Петра-то Иваныча угощаешь, аспида-то этого, согрѣшила я грѣшная!..»

— Ты опять за старое... — перебила Наталья Ивановна. — Послушай, ты, я думаю, помнишь, что я тебѣ худова говорить о Петрѣ Иванычѣ не приказала, а ты... Мнѣ право и безъ того грустно и тошно, съ горя на-силу ноги ходятъ, а тутъ еще вы, съ своими глупостями.

«Не погнѣвайся ты на меня Наталья Ивановна, — развѣ я не жалѣючи, не любя что-ли васъ говорю-то?...» Старуха заплакала.

— Помилуй, нянька, ты совсѣмъ съ ума спятила! Что такое тебѣ Петръ Иванычъ сдѣлалъ, что ты его ненавидишь? — сказала хозяйка съ досадою.

«Ненавидишь? гмъ! Да я его не то что ненавижу, я бы его на самую горькую осину повѣсила...» молвила злобно Михайловна. «Онъ воръ, такихъ бѣдъ надѣлалъ, — суденышки потопилъ съ умысломъ...»

— Я все разскажу Петру Васильичу, и онъ тебя отправитъ въ домъ сумасшедшихъ, вотъ что! болѣе съ тобою нечего дѣлать... — говорила Отрубева, съ негодованіемъ идя къ двери.

«Да ты постой-ка сударыня, послушай-ка, не сердись на глупую старуху....» дребезжала ей вслѣдъ нянька: «вѣдь это говорю не я одна, всѣ говорятъ!...»

— Кто это всѣ?

— Да весь городъ.

— Весь городъ! — почти вскричала Наталья Ивановна, остановясь.

— Истинно говорю. Давича была торговка Авдотья Петровна, говоритъ, — что во всемъ городѣ о томъ говорятъ, — сказала Михайловна увѣрительно.

— Отчего-же мнѣ не сказали, когда торговка приходила?

— Оттого и не доложили, что было приказано чужимъ всѣмъ отказывать.

— Странное дѣло!.. Отчего такіе слухи, если только ты не мелешь вздоръ, — промолвила помолчавъ хозяйка, и обратясь къ нянькѣ:

— Но послушай, если хоть капля есть въ тебѣ какого нибудь понятія, ну для чего Петру Иванычу потопить суда? Какая ему отъ-того польза?

— А кто его знаетъ, сударыня! чужая душа темна, въ нее не заглянешь... заключила Михайловна.

Когда Петръ Иванычъ возвратился домой отъ хозяина, то спросилъ о сынѣ.

— Вы, батюшка, вѣрно запамятовали, что сегодня торговый день, и Сидоръ Петровичъ не ходитъ домой обѣдать!— сказала невѣстка.

— Забылъ, Павловна, совсѣмъ забылъ! охъ, голова кругомъ идетъ отъ этихъ *пороговъ*... говорилъ свекоръ, отправляясь въ свою комнатку. Тамъ онъ легъ-было на свою постель, чтобъ отдохнуть послѣ обѣда, но какія-то мысли не давали ему заснуть; онъ то быстро вскакивалъ, садился подъ окно, и глядѣлъ на сѣрый сосѣдній заборъ, еще болѣе посѣрѣвшій отъ дождя, то опять ложился, и чутко прислуши-

вался къ шагамъ невѣстки, въ сосѣдней комнатѣ, къ чиканью маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ, къ жужжанью единственной оставшейся въ-живыхъ мухѣ, и между всѣмъ этимъ онъ кусалъ бороду и тревожно посматривалъ на кованый желѣзомъ небольшой дорожный свой сундучокъ, стоявшій на лежанкѣ. И лишь только закрывалъ глаза, въ надеждѣ вздремнуть, цѣлая толпа призраковъ обступала его постель,—то были лица, которыя тревожили его воображеніе, а можетъ быть и совѣсть. На первомъ планѣ стоялъ пьяный Яковъ-*Шольганъ*, съ продранными локтями, далѣе обрюзглый Попечителевъ, грустный Васильичъ, плачущая Наталья Ивановна и смотрящій изподлобья Сидоръ Петровичъ. Потомъ, толпы народа на берегахъ Припорожья, валы и камни, караваны барокъ, кули хлѣба... и Петръ Иванычъ опять открывалъ глаза, и опять вскакивалъ и тревожно поглядывалъ на сундучокъ. Наконецъ, пробившись такимъ образомъ до сумерекъ, Петръ Иванычъ поспѣшно и рѣшительно началъ одѣваться. Отыскавъ кулечикъ, заперъ дверь своей комнатки на крючекъ, опустилъ занавѣску у окна, и доставши изъ кованаго сундучка небольшую желтую шкатулочку, оглядѣвшись и прислушавшись, осторожно отперъ ее ключикомъ, которой носилъ на крестѣ, и принялся пересматривать крупныя ассигнаціи... Полюбовавшись ими и самодовольно улыбнувшись, онъ снова заперъ шкатулку, положилъ ее въ кулечикъ, взялъ подъ мышку и, отыскавъ свой неизмѣнный картузъ и палку, отправился въ лавку къ Сидору Петровичу.

Въ лавкахъ уже давно были засвѣчены огни, когда дошелъ до нихъ по грязной площади Петръ Иванычъ, ощупывая палкою на каждомъ шагу лужи, и оглядывая встрѣчныхъ, какъ будто боясь чьего нибудь пытливаго вниманія, онъ все крѣпче и крѣпче придерживалъ подъ мышкою завѣтный кулечикъ.

Въ это время Сидоръ Петровичъ, стоя за прилавкомъ, вѣсилъ четверку чая какому-то деньщику; на скамеечкѣ у прилавка дожидался деревенскій мужикъ.

— Ну, что, Сидоръ, какъ твои дѣлишки? спрашивалъ заботливый родитель, усѣвшись въ старыя складныя кресла·

— Помаленьку-съ, батюшка, — отвѣчалъ, по обыкновенію скромно, сынъ.

— «Такъ-себѣ! Слава Богу! кто доволенъ малымъ, тому дается и большее. Я тебѣ вотъ что скажу: можетъ завтра, или послѣ завтра, придетъ товаръ, то... то ты того-то... прими...» сказалъ Петръ Иванычъ, смотря въ полъ, какъ будто ища чего-то глазами.

— Какой товаръ?..

— «Хмъ, какой товаръ!—нашъ товаръ, твой товаръ, которой нуженъ въ твою лавку...» Петръ Иванычъ закашлялся.

Сидоръ Петровичъ не вѣрилъ ушамъ, и смотрѣлъ во всѣ глаза на отца.

— «Сидоръ, къ новому году надобно тебѣ погребокъ открыть, я купилъ въ Питерѣ винъ...»

Сынъ задрожалъ отъ радости, — ему стало все ясно какъ день; онъ простоялъ минуты двѣ въ нѣмомъ восторгѣ, потомъ взялъ отца за руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Вы все-то заботитесь объ насъ, родитель нашъ; какъ ужъ намъ благодарить-то васъ!.. — проговорилъ онъ.

— «Полно, полно дуракъ, ананья, перестань...» сказалъ отецъ, отнимая руку.» Кому-же, кому-же дуракъ и заботиться-то объ васъ, какъ не родителю вашему... Ну, смотри Сидоръ, товаръ принять надобно умненько, понимаешь! сосѣди станутъ спрашивать, ты приготовься, придумай самъ какъ отвѣчать; я братъ свое дѣло сдѣлалъ...» Петръ Иванычъ принялся кусать бороду и чертить по полу концомъ своей палки.

— Ужъ не безпокойтесь, батюшка; вы знаете, я не очень люблю лишнее съ сосѣдями болтать.

— Ну, а это, вѣдь, мои трудовыя... убери Сидоръ на черный день, дома братъ держать опасно... — молвилъ старикъ, вынимая изъ кулька шкатулку.

— Очень хорошо... — отвѣчалъ, принимая, сынъ. Ему страхъ какъ хотѣлось узнать, сколько было въ шкатулкѣ, но онъ не смѣлъ, или просто не хотѣлъ спросить отца.

— Подальше-же убери Сидоръ, впредь до потребы... да

смотри, не форси у меня прежде времени! чтобы, братъ' люди чего не сказали!.. Нынче, братъ, люди-то и, и! хуже лѣтошнихъ. Ну, прощай! Ты еще посидишь, а я въ мясной рядъ схожу; вотъ и кулечикъ взялъ... — говорилъ старый приказчикъ, поднимаясь.

— Ну что, хозяинъ? — спросилъ невольно Сидоръ Петровичъ, взглянувъ на шкатулку, которую поспѣшилъ спрятать подъ полу.

— Хозяинъ-то? Извѣстно, пришла печаль не малая, да что дѣлать будешь! прошлаго не воротишь, Богъ милостивъ, поправится. Ты правду сказалъ, форсомъ возьметъ, несмотря на то, что того-то.... Все такой-же важный, она все такая-же нарядная, въ домѣ все такъ-же, какъ будто ничего не произошло особеннаго; да я, братъ, на ихъ мѣстѣ въ петлю-бы кажется полѣзъ, а онъ сперва этакъ заплакалъ, а потомъ и ничего, вѣрно на что нибудь надѣется. Даже деньги-то, которыя отъ меня получилъ, не пересчиталъ, въ столъ бросилъ...

— Ужь вѣрно на что нибудь надѣется! промолвилъ сынъ.

— Бросилъ!.. Да вѣдь онъ ихъ отъ другаго приказчика и не получилъ-бы...

— Я, братъ, Сидоръ, послѣ согрѣшилъ, пожалѣлъ что отдалъ... Да нельзя было не отдать-то, хоть сколько нибудь, да надобно успокоить въ такомъ несчастіи, надобно имѣть христіанское чувство... Учитесь у меня дѣтки.... Убери-же, ананья, шкатулку-та! Старикъ опять помолился на образъ, и скрылся во мракѣ за дверями лавки, какъ злой духъ, который, по народнымъ повѣрьямъ, приноситъ деньги закабалившимъ ему свою душу.

Сидоръ Петровичъ по уходѣ отца, простоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, повертѣлъ въ рукахъ шкатулочку, встряхнулъ ее, взвѣсилъ на рукѣ, и потомъ прошепталъ:— бумажки! — Затѣмъ засвѣтилъ маленькой ручной фонарикъ, и полѣзъ на подволочку, прятать сокровище.

X.

А народная молва свое дѣлала.

Слухи о томъ, что барки съ хлѣбомъ Петра Васильича затонули не совсѣмъ, что при продажѣ хлѣба много попользовался приказчикъ, стали ходить по Привольску; и какимъ вѣтромъ нанесло ихъ? —Никто не могъ сказать. Другіе говорили, что Петръ Иванычъ, условясь съ какимъ-то поставщикомъ или лоцманомъ, продали пшеницу и сказали нарочно, что барки затонули, но вѣрно никто не зналъ. Павлу Петровичу не разъ случалось объ этомъ слышать, но, увѣренный въ честности своего приказчика-родственника, молодой человѣкъ, какъ и его родитель, горячо заступался за добросовѣстность Петра Иваныча, и ничего не говорилъ о томъ отцу, не желая его еще болѣе разстроить.

Семейство Отрубевыхъ мало-по-малу начало привыкать къ тяжелой мысли о своей потерѣ и готовиться ко всему. Наталья Ивановна, на общемъ совѣтѣ, предложила какъ нибудь сократить домашніе расходы, продать лошадей и убавить прислуги.

Петръ Васильичъ, равнодушный ко всему, не противорѣчилъ. Лихая тройка была продана Ильѣ Епифанычу. Дѣло дошло до прислуги—рѣшили Тимофея, Ѳедина дядьку, обратить въ кучера; а кучеру Ивану, Михайловнѣ и горничной отказать.

Наталья Ивановна позвала къ себѣ горничную и няньку и объявила имъ свое рѣшеніе, что ихъ отсылаетъ. Первая заплакала, вторая заголосила.

— Сударыня, вѣдь я еще и половины того не зажила у васъ, сколько вы барину заплатили за мой выкупъ, какъ-же вы меня ссылаетс? — говорила Любовь.

— Что дѣлать, ты сама теперь видишь, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вы для насъ лишнія; — отвѣчала хозяйка, у которой тоже навертывались слезы.

Сударыня, Наталья Ивановна, оставьте меня при Фисонькѣ съ; Ѳедорѣ вы деньги платите, а я буду зажнвать свой долгъ.

— Богъ съ тобою, Любовь, и съ долгомъ твоимъ.

— Да какъ-же сударыня! Куда я отъ васъ пойду-та, мать вы наша родная? — Горничная плакала навзрыд

Наталья Ивановна сама утирала слезы

— Не плачь; я пристрою тебя къ Софьѣ Алексѣевнѣ.

— Я-то, я-то, старая дура, куда пойду? — дребезжала нянька: — матушка Наталья Ивановна, куда ты меня отсылаешь, — вѣдь я умру, умру съ голоду.

— Перестань вздоръ молоть, — у Саламатиныхъ нянька еле-дышетъ; Катерина Васильевна говорила мнѣ про тебя, — отвѣчала хозяйка.

— Не хочу я, не пойду къ Катеринѣ Васильевнѣ, приставьте меня къ Фисонькѣ; небось не хуже Ѳедоры ее вынянчу.

— Какъ хочешь, а я Ѳедору не могу отослать; Фисонька привыкла къ ней.

— Вѣдь ты, сударыня, ей деньги платишь, а я такъ готова жить, только не гоните меня; неужто, служивши вамъ двадцать лѣтъ, я не выслужила того, чтобъ позволили мнѣ умереть-то въ вашемъ домѣ? Побойся Бога, Наталья Ивановна! А коль вы гоните, такъ отъ дому не отойду, у подворотни вашей какъ собака умру. Нянька рыдала. Наталья Ивановна тоже плакала.

— Судырь мой, Павелъ Петровичъ, соколъ мой ясный! вспомни, что я тебя вынянчила; заступись хоть передъ маменькой-то за свою старую няньку; ненужно мнѣ вашихъ денегъ, позвольте мнѣ умереть-то у васъ, — обратилась старуха къ молодому хозяину случившемуся въ комнатѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, маменька, куда-же она пойдетъ-съ? Ну, Богъ съ ней, пусть живетъ, — сказалъ матери Павелъ Петровичъ.

— Да какъ-же Паша! Ты самъ знаешь мой другъ... Я ужъ право не знаю что дѣлать? Развѣ Ѳедорѣ отказать? — Проговорила хозяйка и велѣла позвать няньку Ѳедору. Послѣдняя немедленно явилась съ Фисонькой.

Ей объявили, зачѣмъ ее позвали. Женщина ударилась плакать и цѣловать дитя,

— Что-жъ дѣлать, няня! Ты сама должна понять поло-

женіе-то наше; безъ того я бы не разсталась съ тобой. Но ты молода, всегда и вездѣ найдешь себѣ мѣсто. Михайловну тоже не хочу отпустить, — куда старуха пойдетъ! — сказала хозяйка.

— Ахъ, сударыня, Наталья Ивановна! развѣ я за жалованьемъ погналась-бы что-ли, кабы *вольной-то казакъ* была? Вѣрите-ли вы, что я Анфису Петровну пуще дити роднова люблю. Да что мнѣ дѣлать-то горемычной, — оброкъ барыня спрашиваетъ, охъ неволя моя горькая доля! Приходится, знать, мнѣ разстаться съ тобою, дитя мое милое! — проговорила Ѳедора съ плачемъ, обнявъ малютку, которая крѣпко обхватила рученками шею няни, какъ будто не желая разставаться.

И такъ чрезъ нѣсколько дней означенныя лица со слезами оставили домъ Отрубевыхъ. Фисонька отдана была на руки Михайловнѣ; Ѳедя перешелъ подъ надзоръ матери.

— Ужъ доложу я вамъ, сударыня Наталья Ивановна, — говорила разъ торговка Авдотья Петровна, сидя у Отрубевой, которая въ отсутствіи мужа поила ее чаемъ. Надивиться я не могу, откуда это къ Сидору Петровичу богатство привалило! Недѣли двѣ тому къ нему товаръ пришелъ.

— Чтожъ такое! Коли торгуетъ, такъ и товаръ нуженъ, — сказяла хозяйка.

— Конечно, моя матушка, да вѣдь слышно, изъ Питера.

—Можетъ и изъ Питера,—что диковинки, Сидоръ не первый годъ торгуетъ; дай Богъ, пусть разживается, — отвѣчала Наталья Ивановна, не обращая особеннаго вниманія на слова торговки.

— Все не то, моя голубушка, все не то; конечно, вы никуда не ходите, такъ не слышите... — Авдотья Петровна устремила на хозяйку свой карій, проницательный глазокъ; вообще на лицѣ торговки было замѣтно, что ей хотѣлось сообщить какую-то новость.

— А что такое? — спросила хозяйка.

— Да не больно хорошо про нихъ говорятъ, Наталья Ивановна, куда ни приду, вездѣ одно толкуютъ, что вотъ дескать Петръ Иванычъ обманулъ Петра Васильича, что дескать хлѣбъ вовсе не затонулъ, а онъ его подалъ.

— Перестань пожалуйста, Авдотья Петровна! Все это

вздоръ; и кто выдумываетъ? Право! — молвила съ досадою Отрубева.

— Я не знаю, моя голубушка: — говорю, что люди говорятъ; а ужъ, право, куда ни приди, вездѣ о томъ жужжатъ.

Наталья Ивановна передала эти слухи Петру Васильичу, хотя сама имъ не вѣрила. Бывшіе въ то время у нихъ старики Саламатины тоже подтвердили, что такіе слухи дѣйствительно ходятъ по городу, на что Петръ Васильичъ, увѣренный въ честности приказчика, отвѣчалъ, что это только бабьи сплетни, или можетъ завистники Сидора Петровича по торговлѣ, распускаютъ такіе обидные слухи.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ кредиторовъ Петра Васильича посѣтили его и съ участіемъ сочувствовали постигшему его несчастію; иногородные-же изъ нихъ прислали утѣшительныя письма. Все это нѣсколько ободрило Отрубевыхъ и подало имъ надежду на снисхожденіе заимодавцевъ и на поправку дѣлъ.

Такъ дожили они до новаго года.

— Ну, любезный другъ, Петръ Васильичъ, сказалъ Алексѣй Алексѣичъ Саламатинъ, пріѣхавшій однажды къ Отрубевымъ,—хоть мы съ тобою слухамъ-то и не вѣрили, а пожалуй и похоже на то, что они справедливы, — посмотри-ка, какъ Сидоръ-то пышетъ, только на чьи денежки? неизвѣстно...

— Что такое? спросилъ хозяинъ.

— Ты развѣ не слыхалъ?—да правда и-то все дома сидишь,—вѣдь Сидоръ капиталъ объявилъ, погребокъ открылъ.

— Что-жь, пусть торгуетъ; парень трезвый, порядочный, отвѣчалъ Петръ Васильичъ.

— Ужь конечно такъ; да откуда-же у него капиталъ-то?

— Полно ты, Алексѣй Алексѣичъ; словно мы съ тобою люди не коммерческіе, не понимаемъ что-ли, что купи товару на тысячу, отпустятъ на три.

— Совершенная правда.

— Значитъ и толковать нечего.

— Однако, любезный другъ, я думаю въ Петербургѣ у него нѣтъ такихъ благопріятелей, — а вина-то присланы изъ Питера.

— Чтожь необыкновеннаго? можетъ и черезъ кого ни-

будь. Почему мы знаемъ; у Лаптева въ погребкѣ онъ не мало времени приказчикомъ былъ.

— Да и обулъ Лаптева-то изъ сапоговъ въ лапти; а батюшка-то, можетъ, и тебѣ *пасахарилъ*. Все можетъ быть; другъ любезный, закладываться ни за кого нельзя; не даромъ-же въ городѣ трезвонятъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Алексѣй Алексѣичъ, всякой сплетнѣ вѣрить? Ну, распустили какіе-то мерзавцы, а ты думаешь... Вотъ свидѣтельство-то у меня! чего еще! подозрѣній никакихъ быть не можетъ, говорилъ горячо Отрубевъ. Конечно, Сидору многіе завидуютъ, старика-отца не любятъ; я самъ его не люблю, что ты будешь дѣлать! у Бога не утаишь, — не люблю его за какое-то лицемѣрное низкопоклонничество; но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ человѣкъ дурной; у всякаго свой недостатокъ; мы съ тобою развѣ совершенны больно? Положимъ, у меня прямая натура, а другой любитъ вилять, такъ-себѣ, безъ всякой цѣли, по-привычкѣ.

Такъ Отрубевъ защищалъ своего приказчика отъ всѣхъ подозрѣній.

Спустя нѣсколько недѣль, Петръ Васильичъ разъ былъ у Саламатиныхъ и, возвратясь домой въ безпокойствѣ, сказалъ женѣ:

— Николай Алексѣичъ возвратился изъ Петербурга, кланяется тебѣ; и въ раздумьи сталъ ходить по комнатамъ.

— Странное дѣло, Наташа! — началъ онъ опять: — тѣ непріятные слухи все болѣе и болѣе подтверждаются.

— Какіе слухи, мой другъ? — спросила Наталья Ивановна.

— Слухи, что.... барки наши никогда не тонули, что онѣ невредимы стояли въ Припорожьѣ и пшеница продана по настоящей цѣнѣ. — Петръ Васильичъ перевелъ духъ, и разстегнулъ сюртукъ и жилетъ, какъ будто все это тѣснило ему грудь.

— Можетъ-ли это быть! Вѣдь мы этому не вѣрили! — воскликнула жена.

— Да, не вѣрили, а теперь.... Николаша говоритъ, что онъ, бывши въ Петербургѣ, у двоюроднаго дяди своей жены, Автонома Игнатьича, сошелся тамъ съ однимъ ржскимъ

купцомъ: разговорившись и узнавши, что Николай Алексѣичъ изъ Привольска, гость сказалъ, что ныньче онъ въ Припорожской пристани (на имя одного негоціянта) купилъ пять тысячъ кулей пшеницы съ барокъ привольскаго купца Отрубева. Николаша, уже получившій извѣстіе отъ своихъ о несчастіи насъ постигшемъ, увѣрялъ Рижанина, что барки наши разбились; но тотъ тоже увѣрялъ его, что три барки стояли въ пристани невредимы; что онъ былъ на нихъ и помнитъ въ лицо приказчика, у котораго покупалъ. Что ты на это скажешь?

— Удивительно! — проговорила Наталья Ивановна, — неужели, Петръ Иванычъ?

— Мнѣ тяжело самому думать это, другъ мой, — отвѣчалъ мужъ.

— Однако, Петръ Васильичъ, я думаю, не мѣшало-бы обстоятельно развѣдать.

— Конечно, я такъ это дѣло не брошу. Недѣли черезъ двѣ сюда ждутъ Автонома Игнатьича: онъ ѣдетъ черезъ Привольскъ въ Золотухинъ, такъ я дождусь его; онъ можетъ быть дастъ мнѣ болѣе ясныя свѣдѣнія, или по-краней-мѣрѣ совѣтъ, какъ обратиться къ его рижскому знакомцу, но.... до поры надобно молчать. Впрочемъ, хотѣлось-бы мнѣ что нибудь вывѣдать отъ самого Петра, какъ нибудь спутать; но думаю характеръ мой мнѣ измѣнитъ: я могу его обидѣть, оскорбить и можетъ быть напрасно... Боже мой! неужели? неужели?... Вотъ оно, свидѣтельство-то... Петръ Васильичъ сѣлъ къ столу, вынулъ бумагу и прочиталъ. — Подписалъ какой-то Попечителевъ, — заключилъ онъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Привольскъ и ожидаемый изъ Петербурга Автономъ Игнатьичъ и остановился у Саламатиныхъ. Узнавъ это, Петръ Васильичъ, вмѣстѣ съ сыномъ, поѣхали туда; Наталью Ивановну задержала дома болѣзнь Фисоньки.

Прошло нѣсколько часовъ, и Отрубева въ тревожномъ безпокойствѣ ожидала возвращенія мужа и сына; сердце ея томительно ныло; она то садилась за рукодѣлье, но работа валилась изъ рукъ, то, желая развлечься, разговаривала съ Ѳедей, и мальчикъ только наводилъ ее на досаду; даже при-

нималась молиться, и молитва также не шла на умъ: грустное предчувствіе томило ее, въ-добавокъ еще завыла проклятая собака. И всѣ эти худые знаки Наталья Ивановна относила къ смерти Фисоньки. Напрасно старая Михайловна уговаривала ее, что ребенокъ не опасенъ, что дѣвочку *разгасило*, къ росту; но Натальѣ Ивановнѣ почему-то припомнился первый день въ нашемъ разсказѣ, когда ей также было грустно, также выла собака и она готова была плакать.

Въ девять часовъ возвратились и хозяева. Наталья Ивановна съ замирающимъ сердцемъ встрѣтила ихъ, взяла картузъ изъ-рукъ мужа, и взглянувъ на его лице, покрытое смертной блѣдностію, отступила назадъ съ ужасомъ.

— Что ты, другъ мой, здоровъ-ли ты? — спросила она трепещущимъ отъ испуга голосомъ.

— Ничего, ничего... отвѣчалъ онъ отрывисто, вошелъ въ спальню, взялъ изъ стола свидѣтельство дистанціоннаго и пошелъ вслѣдъ за сыномъ въ его комнату. Тамъ, сѣвъ за конторку, Петръ Васильичъ вынулъ счетныя книги, и считалъ съ часъ, не говоря ни слова съ сыномъ, который сидѣлъ тутъ-же. Въ движеніяхъ Отрубева замѣтна была какая-то поспѣшная рѣшительность; глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

Кончивъ счеты, онъ сошелъ внизъ, и приказалъ накрывать ужинать.

— Что мой другъ, видѣлъ пріѣзжаго-то у Саламатиныхъ? робко спросила Наталья Ивановна, потому что видѣла на лицѣ мужа страшное разстройство.

— Видѣлъ, отвѣчалъ онъ попрежнему отрывисто.

— Что говоритъ?

— Ничего... ничего... Петръ Васильичъ облокотился на столъ, подперъ рукой голову, и сталъ стучать вилкою о тарелку, не дотрогиваясь до кушанья. Наталья Ивановна замолчала, видя что мужъ не расположенъ отвѣчать.

Павелъ Петровичъ также сидѣлъ задумчивый и грустный.

— У насъ Фисонька что-то очень больна, — начала опять мать.

Петръ Васильичъ грустно глянулъ на окружающихъ.

У Натальи Ивановны навернулись слезы.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Ну, Наталья Ивановна! сказалъ вдругъ Отрубевъ, устремивъ ярко блестѣвшіе глаза на жену, собери меня въ дорогу, — я завтра ѣду...

— Куда батюшка, Петръ Васильичъ? — воскликнула удивленная супруга.

— Куда! Куда придется: поѣду въ Приворожье, въ Петербургъ, въ Ригу...

— Зачѣмъ-же въ Ригу, папенька-съ? Вѣдь ужъ рижской-то померъ-съ — замѣтилъ сынъ.

— Ахъ! да! вскричалъ Петръ Васильичъ, ударивъ себя по лбу, и закрывъ глаза руками, ну такъ что-жь!.. прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Поѣду въ Приворожье... авось, узнаю что нибудь... Ахъ, Илья Епифанычъ! не послушался я твоего совѣта.... Петръ Васильичъ всталъ изъ-за стола, посмотрѣлъ на часы, которые показывали безъ-малаго одиннадцать, и ушелъ въ спальню, говоря, что пора спать, что завтра нужно въ дорогу.

Въ столовой остались мать и сынъ одни.

— Разскажи ты мнѣ, ради Бога, Паша, что говорили у Саламатиныхъ? — пристала съ тревожнымъ любопытствомъ Наталья Ивановна, — что сказалъ пріѣзжій гость?

— Все то же, маменька, что говорилъ по пріѣздѣ и Николай Алексѣичъ, говорилъ, что точно рижской купилъ нашу пшеницу-съ.

— Что-же, Пашинька, покуда бы по горячимъ-то слѣдамъ и должно искать!.. Но, Боже мой! что я говорю!.. Неужели Петръ Иванычъ!?..

— Вѣрно-съ, маменька; только самому себѣ нынче вѣрь, чужая душа темна-съ. Можетъ деньги и Петра Иваныча прельстили-съ, — отвѣчалъ грустно сынъ.

— Конечно, конечно, врагъ горами качаетъ; такъ папенька и хочетъ ѣхать? Я ужъ не смѣла его и спрашивать-то.

— Эхъ, маменька-съ! теперь ужъ поздно-съ; Автономъ Игнатьичъ говоритъ, что рижскій покупщикъ померъ съ мѣсяцъ тому назадъ, и я думаю, что все напрасно-съ... отвѣчалъ сынъ со вздохомъ.

— А можетъ, что нибудь и будетъ... А все я, все я, мой

другъ, виновата, что тогда не послушалась совѣта исправника, и не отпустила тебя въ Припорожье.

— Папенька говорили, что завтра увидятся-съ съ Ильей Епифанычемъ и посовѣтуются, а также хотѣли спросить и Петра Иваныча, кто именно покупалъ у него, какъ онъ говоритъ, *подмокшую* пшеницу-съ.

Долго еще толковали мать съ сыномъ: первый высказывалъ свою безнадежность, а другая робкую надежду; наконецъ простились и разошлись.

Затворившись въ спальнѣ, Наталья Ивановна увидѣла, что Петръ Васильичъ уже спалъ; по конвульсивнымъ движеніямъ его губъ и бровей замѣтно было, что его мучатъ безпокойныя грезы.

— Въ три часа утра Отрубевъ проснулся и разбудилъ жену.

— Наташа! Наташа! говорилъ онъ, показывая на окно, по которому морозъ вывелъ чудные узоры, блестѣвшіе какъ серебро, при свѣтѣ лампадки, — узнаешь-ли ты издалека, который нашъ-то мокшанъ?

— Господь съ тобою, Петръ Васильичъ, какой мокшанъ! Привидѣлось что-ли тебѣ? — сказала жена, протирая глаза.

— Ты, вѣроятно, ослѣпла; видишь, видишь, вонъ флагъ-то мой имянной! *покой и онъ* вышитъ, видишь?

Наталья Ивановна перекрестилась, перекрестила и мужа, уговаривая его опять лечь.

Но Петръ Васильичъ, вмѣсто того, всталъ и принялся пристально смотрѣть въ окно, хотя сквозь замерзшія стекла ничего нельзя было видѣть. Жена тоже встала и засвѣтила свѣчу, не зная, что́ о немъ думать.

— Сотвори, мой другъ, молитву. На что ты тутъ смотришь! какія мокшаны, опомнись! Развѣ мы на Волгѣ живемъ! да и Волга-то теперь замерзла; образумься! — говорила Наталья Ивановна, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Какая Волга? что ты вздоръ мелешь! Вонъ пороги, вонъ, вонъ барки-то наши плывутъ! видишь! Смотри-ко, смотри! А! вотъ и Автономъ Игнатьичъ! Здравствуйте, Автономъ Игнатьичъ... Петръ Васильичъ кланялся передъ окномъ. — Ай, ай! валы-то какіе! Господи! такъ и хлещутъ. Вонъ

одна барка ударилась!... — закричалъ онъ вдругъ неистово: ай! ай! тонутъ! погибаютъ! ай, батюшки, батюшки! помогите! ай!.. Онъ стучалъ въ окно кулаками; стекла съ громомъ летѣли. Кровь показалась на рукахъ Отрубева.

Наталья Ивановна съ ужасомъ убѣжала въ дѣтскую, разбудила старую няньку, и вскорѣ весь домъ поднялся на-ноги.

Петръ Васильичъ сошелъ съ ума. Онъ рвалъ на себѣ волосы, царапалъ грудь, плакалъ и рыдалъ о погибели разбившихся барокъ.

Павелъ Петровичъ, съ помощію Тимоѳея и всѣхъ женщинъ, едва могли связать его въ простыню и уложить въ постель.

Нужно-ли говорить, до какой степени поразило это неожиданное несчастіе домашнихъ!

Лишь только разсвѣло, послали немедленно за докторомъ. Матвѣй Иванычъ, всегда легкій на подъёмъ, не заставилъ долго ждать себя.

Но утромъ больной притихъ, припадокъ сумасшествія прошелъ замѣтно; онъ только плакалъ неутѣшно о своемъ несчастіи, узналъ доктора и сталъ разсказывать ему о погибели барокъ.

Наталья Ивановна также со слезами разсказала доктору всѣ подробности перваго припадка болѣзни. — Вѣрно съ нимъ бѣлая горячка, Матвѣй Иванычъ? — спросила она.

— Ничего, ничего... повторялъ Матвѣй Иванычъ глубокомысленно, ощупывая животъ больнаго. Я понимаю, что это такое, это spiritus infernalis!

Еслибы Отрубева сію-же минуту обложили шпанскими мушками или горчичниками, то, кто знаетъ, можетъ быть онъ и былъ бы спасенъ, но докторъ вмѣсто того потребовалъ тазъ теплой воды и мыла. Когда все это было принесено, выслалъ всѣхъ изъ комнаты, заперся съ больнымъ и снялъ съ себя фракъ.

Больной впалъ въ слабость и не противился эскулапу, который началъ натирать грудь и животъ мыломъ, и все крѣпче и крѣпче давилъ его. Петръ Васильичъ застоналъ, потомъ началъ кричать:

— Батюшки, давятъ! Караулъ! помогите! караулъ!

— Ничего, ничего, потерпите, это не вы, это spiritus infernalis въ васъ кричитъ; погодите, сейчасъ выйдетъ... уговаривалъ докторъ, все болѣе и болѣе сдавливая больному животъ.

— Караулъ! смерть!... кричалъ неистово, между тѣмъ, Петръ Васильичъ: — смерть, помогите!...

— А такъ ты сталъ кричать! Вотъ я тебя! я тебя! вскричалъ въ свою очередь докторъ, вскочивъ на грудь паціенту и зажимая ему ротъ.

— Господи! что онъ тамъ дѣлаетъ съ Петромъ-то Васильичемъ?—говорила въ испугѣ Наталья Ивановна, смотря изъ дѣтской въ замочную скважину, и не видя ничего, кромѣ сильно колыхавшагося занавѣса надъ постелью, изъ за котораго порою выказывались то рука, то нога, потому что въ постели происходила страшная борьба. Силы сумасшедшаго возвратились, — онъ старался сбросить съ себя доктора; доктору напротивъ очень хотѣлось схватить больнаго за горло. Оба задыхались отъ усилій и хрипѣли. Наконецъ Петру Васильичу удалось освободиться, — онъ вскочилъ съ постели, съ растрепанными волосами, въ разорванной рубахѣ, принялся стучать кулаками въ стѣну и кричать: караулъ.

Докторъ не преминулъ снова напасть на него. Борьба опять началась.

— Боже мой! они убьютъ, убьютъ другъ-друга! — говорила Наталья Ивановна, стуча въ дверь, — отоприте! отоприте, Матвѣй Иванычъ, отоприте!

Но крику ея никто не внималъ.

Въ спальнѣ послышался стукъ, отъ паденія чего-то тяжелаго.

Перепуганные дѣти подняли плачъ.

Павелъ Петровичъ, также находившійся возлѣ матери, посмотрѣлъ въ скважину.

— Маменька, чего тутъ ждать! ломать двери!... Боже мой! что такое! Докторъ повалилъ папеньку, и душитъ его....

— Смерть! смерть!... хрипѣлъ удушливо, между тѣмъ, Петръ Васильичъ.

Позвали Тимофея и общими силами сломали дверь; Петръ Васильичъ, блѣдный и измученный, съ закатившимися глазами, лежалъ среди полу и тяжело дышалъ; докторъ сидѣлъ у него на груди и держалъ за горло.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ, подбѣгая, сынъ: что вы такое дѣлаете, Матвѣй Иванычъ?..

— А! унялся! не кричишь! говорилъ Матвѣй Иванычъ, не обращая вниманія на вошедшихъ и не сводя глазъ съ своей жертвы.

— Помилуйте, судырь, Павелъ Петровичъ! развѣ не видите, что лекарь-то самъ съ ума спятилъ!... Посмотрите-ка, рожа-то у него какая! сказалъ Тимофей, поспѣшно бросаясь на доктора, чтобъ освободить отъ него еле дышущаго хозяина. Въ-самомъ-дѣлѣ, физіономія Матвѣя Иваныча была ничѣмъ не лучше его паціента. Та же страшная блѣдность покрывала его лице, также дико блуждали горящіе неестественнымъ огнемъ глаза, и уговорить, чтобъ оставить свой способъ леченія, стоило большаго труда. Онъ стоялъ на-своемъ, что онъ «взялся вылечить Петра Васильича, и совѣсть ему запрещаетъ оставить дѣло неконченнымъ, потому что spiritus infernalis слѣдуетъ выгнать непремѣнно, а-то онъ разростется....»

Успѣвъ кой-какъ выпроводить сумасшедшаго доктора, жена и сынъ немедленно уложили больнаго въ постель и послали за другимъ врачемъ, который принялъ всѣ нужныя мѣры.

Послѣ обѣда навѣстили несчастное семейство Саламатины.

Слушая разсказъ хозяйки объ удивительной методѣ леченія, изобрѣтенной Матвѣемъ Иванычемъ, Катерина Васильевна сказала, что недѣли двѣ тому назадъ у ея кухарки заболѣла рука, она отправилась за помощью къ Матвѣю Иванычу, и онъ, осмотрѣвъ рану, велѣлъ присыпать ее мелкою солью, для отвращенія гніенія. Бѣдная баба исполнила совѣтъ доктора, и впродолженіе цѣлыхъ сутокъ едва не сошла съ ума отъ боли.

— Чего тутъ, матушка, Наталья Ивановна, вмѣшался Алексѣй Алексѣичъ: съ мѣсяцъ тому назадъ, у младшей дочери Шестуновыхъ сдѣлалась рвота; послали за Матвѣемъ

Иванычемъ, и онъ велѣлъ повѣсить больную за ноги къ потолку, чтобъ поскорѣй ее очистило...

— Говорятъ, Наташенька, онъ уже давно сталъ смахиваться, да какъ-то на это вниманія не обращали, продолжала Саламатина. Еще лѣтомъ мнѣ Пелагѣя Андреевна Добрецова сказывала, что Матвѣй Иванычъ, пріѣхавъ къ ней, увѣрялъ, что она беременна, и хотѣлъ послать за акушерскими инструментами...

— Онъ мнѣ про Добрецову говорилъ въ то время, какъ Петра Васильича лошадь разбила, сказала Наталья Ивановна. Но я тогда не поняла, и только теперь стало понятно, что онъ уже тогда, вѣроятно, сталъ мѣшаться въ разсудкѣ.

— А жаль, жаль мнѣ Матвѣя Иваныча! Человѣкъ-то былъ добрый, безкорыстный, сказалъ Саламатинъ.

— Я думаю, дяденька-съ, послѣ такого пассажа, какой онъ съ папенькой сдѣлалъ, его рецепты не будутъ принимать, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Конечно, мой другъ; да его и самого-то будутъ пользовать... А отчего, Боже мой! такое несчастіе съ человѣкомъ дѣлается!..

— Вотъ уже причина, отъ которой помѣшался Петръ Васильичъ, такъ всякому ясна какъ день, замѣтила грустно Наталья Ивановна.

— Не убивайтесь, матушка, Наталья Ивановна; Богъ милостивъ, Петръ Васильичъ поправится; тогда всѣ общими силами начнемъ дѣлать розыски. Хоть и не много найдемъ, потому что если ужь Петръ виновенъ и успѣлъ достать свидѣтельство, такъ это даромъ ему не обошлось, по-крайней-мѣрѣ пусть свершится надъ виновными законное наказаніе. Перво-на-перво нужно разузнать, чьи были барки... И долго еще толковалъ Алексѣй Алексѣичъ, уговаривая разстроенную, грустную хозяйку не падать духомъ и надѣяться.

Между-тѣмъ докторъ ѣздилъ къ Петру Васильичу по три раза въ день, прописывалъ микстуру за микстурою, но больному легче не было; правда, сумасшествіе не возобновлялось. Онъ лежалъ тихо, но никого не узнавалъ. Порою, повернувшись къ стѣнѣ, шарилъ по ней рукою, преслѣдуя какого-то

невидимаго большаго паука. Сынъ проводилъ дни у его постели; жена просиживала ночи.

Иногда приходилъ навѣстить хозяина Петръ Иванычъ или Сидоръ Петровичъ. Больной и ихъ не узнавалъ и не отвѣчалъ на ихъ вопросы. Павелъ Петровичъ въ это время уходилъ; въ его умѣ вертѣлись упреки, но, по пословицѣ: *не пойманъ воръ, не воръ.* Скромный молодой человѣкъ боялся обидѣть приказчика, можетъ быть, напрасно; у Натальи Ивановны, напротивъ, вырывались слова въ родѣ слѣдующихъ:

— Богу судить, откуда несчастье-то къ намъ пришло. Можетъ и не судьба, а люди виноваты.

— Ужь можетъ и виноватъ, сударыня, Наталья Ивановна, въ этомъ дѣлѣ лоцманъ, говорилъ обыкновенно Петръ Иванычъ, принимая ея слова за сожалѣніе о баркахъ: такъ неумышленно. Ужь я думаю, онъ и поплатился, несчастный. Вѣдь ихъ тоже за промахи начальство наказываетъ. А лучше должно думать, что васъ, любя, Господь посѣтилъ, — это вѣрнѣе...

— Однако, наказанъ или нѣтъ лоцманъ, намъ легче отъ этого не будетъ; посмотри-ка на Петра-то Васильича, — видно, не легко ему... Да что и говорить! — и я-то едва ноги таскаю....

Но Петръ Иванычъ старался всегда припомнить приличный утѣшительный текстъ.

Прошло двѣ недѣли, и Петръ Васильичъ замѣтно сталъ ослабѣвать; онъ иногда цѣлые дни не открывалъ глазъ, и лекарство нужно было противъ воли вливать въ ротъ.

И вотъ, въ одинъ глубокій вечеръ, когда все въ домѣ уже спало, одна Наталья Ивановна сидѣла у постели больнаго мужа, при трепетномъ блескѣ лампадки, Петръ Васильичъ вдругъ приподнялъ голову.

— Ты, Наташа? сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Я, батюшка. Что тебѣ угодно? спросила жена, обрадованная тѣмъ, что онъ наконецъ узналъ ее.

— Мнѣ что-то дурно.... дурно.... я что-то плохо вижу... За...свѣти... свѣчу...

Наталья Ивановна поспѣшила исполнить его желаніе.

— Ну, вотъ такъ, посвѣтлѣй!.. Гдѣ ты тутъ?.. дай ру-

ку.... Петръ Васильичъ взялъ за руку жену. Дурно мнѣ.... дурно...

— Не послать ли, мой другъ, за священникомъ? спросила она, едва сдерживая приливъ слезъ и рыданій.

— Да, послать; пошли...

Наталья Ивановна разбудила сына и прислугу. Вскорѣ священникъ пріѣхалъ.

По совершеніи обряда, Петръ Васильичъ опять впалъ въ забытье.

Часовъ въ девять утра пріѣхалъ докторъ, посмотрѣлъ у него пульсъ, подумалъ что-то, насупивъ брови, сказалъ, что ничего, что это, переломъ болѣзни, и велѣлъ не безпокоить больнаго ни малѣйшимъ звукомъ, совѣтуя удалить изъ сосѣдней комнаты дѣтей—и уѣхалъ.

Всѣ его приказанія были исполнены въ точности: дѣтей увели на антресоли. Наталья Ивановна осталась при постели едва переводя духъ, боясь прошумѣть платьемъ, и внутренно молилась.

Часа въ три больной пошевелился, открылъ глаза, но опять закрылъ ихъ. Въ это время дверь тихонько отворилась, вошелъ Павелъ Петровичъ. Мать махнула рукою, предостерегая, чтобы онъ былъ осторожнѣе. Молодой человѣкъ на-цыпочкахъ подошелъ къ кровати. Отецъ взглянулъ на него, судорожная дрожь пробѣжала по всему тѣлу больнаго, онъ вытянулся, вздохнулъ и—Петра Васильича не стало.

Нѣсколько минутъ мать и сынъ стояли безмолвно, у постели дорогаго человѣка, съ замирающимъ сердцемъ, ожидая еще вздоха, еще признака жизни; но, видя, что она уже отлетѣла, они съ воплемъ отчаянія упали въ объятія другъ-друга.

Вскорѣ въ домѣ Отрубевыхъ раздался неутѣшный плачъ.

— Милыя дѣточки, не стало у васъ роднаго папеньки!.. причитала нянька Михайловна, обнимая дѣтей: остались вы сиротами. Не даромъ нонѣшній годъ проклятая сѣрка выла!.. Оставилъ насъ судырь-Петръ Васильичъ!...

Глядя на ея слезы, маленькая Фисанька расплакалась;

Ѳедя, рыдая, забился въ свою постельку, и его не могли утѣшить.

Вечеромъ на панихиду собралась вся родня, въ томъ числѣ и Петръ Иванычъ. Онъ сочинилъ себѣ физіономію приличную печальному случаю, и стоя въ уголку, съ Маврой Григорьевной, вздыхалъ вслухъ, и сѣтовалъ о суетѣ мірской, о скоротечности земной жизни, и припоминалъ добродѣтели покойника!!

Нужно-ли говорить о горести любящихъ, и любимыхъ покойникомъ жены и сына? Наталья Ивановна ничего не видѣла кромѣ бездушнаго тѣла мужа, но увидѣла Петра Иваныча, когда онъ, по окончаніи панихиды и выходѣ всѣхъ изЗъ залы, подошелъ прощаться съ тѣломъ хозяина.

— Вотъ кто виною всего горя-то нашего! — вскричала она, всхлипывая, и показывая одной рукой на приказчика, а другой судоржно сжимая руку сына, ее поддерживающаго.— Полно лицемѣрить-то! вспомни Бога-то! — прибавила она отчаяннымъ голосомъ, и зашаталась. Подоспѣвшая во-время Даша, поддержала горестную вдову, и съ помощію Павла Петровича увела ее въ спальню.

При послѣднихъ словахъ хозяйки Петръ Иванычъ поблѣднѣлъ на-минуту, но быстро оправившись пошелъ вслѣдъ за Натальей Ивановной предложить ей услуги, какъ вдругъ старая нянька, ненавидѣвшая Петра Иваныча, захлопнула дверь спальни передъ самымъ его носомъ.

— «Господи ты, Боже мой! какъ сѣтуетъ неутѣшная вдовица! даже памяти лишилась, — заговариваться стала...» сказалъ Петръ Иванычъ, опять подходя къ плачущей въ углу Маврѣ Григорьевнѣ.

— Бѣдная вдова! отвѣтила та съ тяжкимъ вздохомъ.

— «Да какъ и не плакать Натальѣ Ивановнѣ», продолжалъ приказчикъ: «какого она сокровища лишилась! О! смерть, неумолимая смерть! *аще и весь міръ пріобрящемъ и тогда во гробѣ вселимся.»* Постоявъ нѣсколько минутъ, и поднеся нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ, Петръ Иванычъ низко поклонился тѣлу хозяина, читающему псалтирь дьячку, Маврѣ Григорьевнѣ, и вышелъ изъ залы.

Идя домой, Петръ Иванычъ чувствовалъ на душѣ ужасно

скверно; въ воображенiи его неотступно и ясно рисовался блѣдный призракъ, съ плотно закрытыми глазами, очень похожiй на лежащаго на столѣ Петра Васильича. Изъ-за его выглядывали обрюзглое лицо водянаго, и раздвоенная борода лоцмана-Шолыгана.

Приказчикъ кусалъ съ досады бороду, и старался сотворить молитву, но языкъ какъ будто не слушался; а докучливые призраки становились все яснѣе и яснѣе.

Вмѣсто того, чтобъ идти домой, Петръ Иванычъ прошелъ къ сыну въ погребокъ, и, можетъ быть, желая усыпить пошелохнувшуюся на днѣ души спящую совѣсть, безъ всякихъ разговоровъ спросилъ кизлярки.

Говорятъ, что съ этого вечера, старый приказчикъ, сталъ прибѣгать къ этому усыпительному средству въ крайнихъ случаяхъ, когда глупая баба (совѣсть) начинала слишкомъ бурлить; причемъ онъ ее унималъ еще и другимъ вспомогательнымъ средствомъ, увѣряя ее постоянно и настоятельно, что свидѣтельство Попечителева было по всей формѣ законное... Но обратимся къ разсказу.

На третiй день похоронили Петра Васильича. Много было народу на похоронахъ, много гостей на поминкахъ, но никто не могъ утѣшить безутѣшныхъ вдову и сына въ ихъ невозвратной потерѣ.

По смерти мужа Наталья Ивановна приняла на себя опеку надъ дѣтьми. Павелъ Петровичъ увидѣлъ себя подпорой семьи, и, помня обѣщанiе въ горькую минуту данное отцу, обѣщанiе посвятить жизнь свою благу семейства, дѣятельно принялся за устройство дѣлъ. Вялость его характера замѣнилась энергiей; все что можно было продать, онъ продалъ, и раздѣлился съ кредиторами, которые, сочувствуя потерямъ несчастнаго семейства, съ своей стороны сдѣлали значительныя уступки. Выдѣлка кожевеннаго товара хотя шла и въ уменьшенной пропорцiи, но заводъ держался.

Молодой Отрубевъ, отказавшись отъ серьёзноймысли розысковъ въ Припорожьѣ, изъ одного любопытства просилъ письмомъ своего коммисiонера въ Петербургѣ при случаѣ провѣдать о томъ, въ О—й пристани. И вскорѣ получилъ отвѣтъ, что въ прошломъ году въ О—й пристани, точно

былъ смотрителемъ нѣкто Попечителевъ, но зимою умеръ въ *одно-часье*, оставивъ многочисленное семейство. Павелъ Петровичъ махнулъ рукою... А настоящій виновникъ, которому болѣе всѣхъ извѣстно было это дѣло, ненаказанно жилъ такъ близко.

Впрочемъ, Петръ Иванычъ, схоронивъ хозяина, не ходилъ болѣе въ домъ Отрубевыхъ, принимая явное презрѣніе хозяевъ за спѣсь и подъ-часъ подсмѣиваясь надъ ними.

Прошло десять лѣтъ; строгой экономіей и умной распорядительностію молодаго хозяина дѣла сиротъ Отрубевыхъ совершенно поправились; но Павелъ Петровичъ, имѣя отъ природы слишкомъ нѣжную организацію и любящее сердце, принявъ горячо и смерть отца и заботы не-по-силамъ, получилъ медленную чахотку.

Въ продолженіи этого времени, младшія дѣти подросли; только, къ несчастію, Ѳедя вышелъ непохожимъ на старшаго брата; взросшій при любящей матери, и нѣжномъ до слабости братѣ, онъ сдѣлался порядочнымъ шалуномъ, и въ тѣ лѣта, въ которыя Павелъ Петровичъ, принявъ на себя устройство дѣлъ, не зналъ покоя, Ѳедоръ Петровичъ проводилъ все время въ трактирахъ за биліардомъ, нисколько не заботясь сдѣлаться помощникомъ брату.

Наконецъ томительная болѣзнь уложила дѣятельнаго Павла Петровича въ могилу, къ величайшей горести своего семейства.

Ѳедя женился на богатой дѣвушкѣ, и, какъ дурной хозяинъ, скоро разстроилъ дѣла, такъ прекрасно поведенныя братомъ.

Но, знать, Натальѣ Ивановнѣ суждено было до дна выпить чашу житейскаго горя: она похоронила свою ненаглядную Фисоньку, скромный характеръ которой и доброе сердце служили утѣшеніемъ матери, и сама не долго пережила дочь. Старая нянька Михайловна ихъ всѣхъ оплакала. Долго еще потомъ жила она у Ѳедора Петровича, няньча его дѣтей и умерла ста лѣтъ отъ роду.

Впослѣдствіи Ѳедоръ Петровичъ за долги лишился всего, и жилъ уже на счетъ тещи.

Между тѣмъ торговля Сидора Петровича шла превос-

ходно,—семейство его росло и множилось, Александра Павловна толстѣла, и все выше и выше задирала носъ.

Въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужны были деньги для распространенія торговли, Сидоръ Петровичъ обыкновенно прибѣгалъ къ родителю, а родитель—къ извѣстной желтой шкатулкѣ; но сколько въ ней было всего-на-все, онъ не открывалъ сыну.

Жизнь Петра Ивановича текла широко и весело, Сидоръ Петровичъ чтилъ его, какъ самый почтительный сынъ; невѣстка оказывала всеможное уваженіе, хотя, можетъ быть, и наружно; молоденькія внуки (которыхъ у Петра Иваныча было довольно) почтительно исполняли всѣ его желанія. Выпивъ иногда довольно въ своей комнатѣ, вдругъ Петру Иванычу приходила фантазія идти въ-гости къ сыну, особенно вечеромъ, когда Сидоръ Петровичъ возвращался изъ лавки. Старикъ надѣвалъ сибирку и картузъ, бралъ палку и отправлялся.

— Ну, дѣти, я къ вамъ въ-гости пришелъ, говорилъ онъ обыкновенно, помолясь на образъ.

— Милости присимъ, батюшка! добро пожаловать!—отвѣчалъ сынъ, отбирая отъ него картузъ и палку.

— Прошу покорно, батюшка, садиться!—подговаривала Александра Павловна, усаживая гостя на первое мѣсто за столомъ.

— Ну, угощайте меня,-говорилъ Петръ Иванычъ; гостей угощаютъ.

Являлся самоваръ, бутылка рому и закуска.

— Вы, дѣти, должны меня уважать, почитать... говорилъ Петръ Иванычъ, послѣ перваго стакана пуншу.

— Кого-жъ намъ и почитать, какъ не васъ, батюшка!—произносила невѣстка.

— Вы нашъ родитель,—подхватывалъ сынъ, и затѣмъ наливалъ другой и третій стаканъ.

Петръ Иванычъ задумывался, и начиналъ кусать бороду.

Сидоръ Петровичъ молча кланялся. Александра Павловна обращалась къ дочерямъ:

— Дѣти! цѣлуйте у дѣдушки ручку, онъ любитъ васъ, заботится о васъ.

Дѣвушки по приказанію бросались облобызать дѣдушкину десницу.

«Ну, что дѣвки! хотите орѣховъ? Вотъ вамъ на орѣхи..» И старикъ выкидывалъ изъ кармана полтинникъ, а иногда и цѣлковый.

Третій стаканъ выпивалъ Петръ Иванычъ молча, обкусывая бороду; послѣ того сынъ и невѣстка отводили отца подъ-руки въ его комнату, уже безъ картуза и палки.

По смерти Павла Петровича, Петръ Иванычъ сдѣлался еще наивнѣе; напримѣръ: часто вдохновясь виноградныМъ сокомъ изъ сыновняго погребка, онъ патріархально садился у его лавки на галлереѣ въ складныя кресла, и разсуждалъ съ сосѣдями-купцами о разныхъ предметахъ, пересыпая по обыкновенію текстами и покусывая бороду.

Когда собесѣдники наводили разговоръ на то, что вотъ молъ у Сидора Петровича торговля идетъ теперь слава Богу, бывшій приказчикъ обыкновенно дѣлалъ плутовской видъ, подмигивалъ однимъ глазомъ и говорилъ:

— Да; ужь коли Сидоръ теперь не приложитъ *таланта къ таланту,* такъ самъ виноватъ! Я съ своей стороны все для нихъ сдѣлалъ, хоть грѣшка укусилъ, за-то богатство предоставилъ.

Назвать подлецомъ и воромъ никто изъ почтенныхъ сосѣдей назвать его въ глаза не хотѣлъ, «не наше-молъ дѣло, наше дѣло сторона...» Но между собою говорили во всеуслышаніе, что: «Петръ Иванычъ обокралъ своего двоюроднаго братца, и по его милости, Петръ Васильичъ и въ сыру землю пошелъ...»

Въ одно лѣтнее утро, а именно 26 августа, старая наша знакомая торговка Авдотья Петровна, порядочно уже постарѣвшая, но въ томъ-же неизмѣнномъ камлотовомъ капотѣ, съ большимъ узломъ въ рукахъ, вошла въ домъ знакомой намъ слесарши, красивой Даши, которая, окруженная тройкою маленькихъ миловидныхъ дѣтокъ, проворно хлопотала около печки.

«А, гостья дорогая, Авдотья Петровна! добро пожаловать! Что тебя давно невидать?» воскликнула хозяйка, цѣлуясь съ торговкой.

— Нездорова, Дашенька, была, старость пришла, сиротство одинокое, охъ! — говорила Авдотья Петровна, усаживаясь и переводя духъ: — у тебя вонъ видишь какіе бойкіе галчата-то, а около меня все *чужь чуженинъ*, подать напиться не кому... не вышла дура замужъ въ свое время. . а гдѣ у тебя мать-то?

— Ушла въ церковь...

— Доброе дѣло; а я вотъ толкаюсь съ своими продажами, съ рукъ нейдутъ... А скоро, я думаю, Мавра Григорьевна воротится?..

— Не знаю; она еще будетъ панихиду служить.

— По комъ это, Дашенька?

— Какъ по комъ? Знаешь-ли, какой сегодня день-то, какого святаго-то?

— Сегодня Натальи.

— Такъ по тетушкѣ Натальѣ Ивановнѣ память.

— Ахъ, мои батюшки! изъ ума вонъ, мой свѣтикъ! — воскликнула торговка, ударивъ себя по лбу. — Царство небесное, моей сударынѣ Натальѣ Ивановнѣ, пресвѣтлый рай! —прибавила она крестясь.

— Доброе вы дѣлаете дѣло, мои голубушки, что помните.

«Еще-бы! развѣ не она меня пристроила, не она помогла нашей сиротской бѣдности? Да еслибъ не она мать наша, такъ и выдала бы меня маменька за кого попало...» говорила съ чувствомъ признательная женщина. «И еще мнѣ забыть ее! Я и сама-бы въ церковь ушла, еслибы вотъ не эти пострѣлята.» Даша показала на шумящихъ въ углу дѣтей.

— Ахъ, Дашенька! и всѣхъ-то ихъ не стало, моихъ голубчиковъ, дѣтки-то молоденьки померли, одинъ Ѳедоръ Петровичъ остался!... Ей-Богу, какъ пройду мимо ихняго-то дому, сердце ноетъ: такое запустѣніе, да и у Ѳедора-то Петровича тонко-тонко, того и смотри порвется!—говорила Авдотья Петровна,—а вотъ ворогамъ-то ихнимъ такъ Богъ терпитъ,—живутъ да красуются...

— Ну, коль на этомъ свѣтѣ Богъ терпитъ, на томъ отомститъ! — заключила Даша съ глубокимъ вздохомъ.

— Можетъ, еще и на этомъ свѣтѣ отомстится, кто зна-

етъ! говорятъ, до четвертаго колѣна... Однако, мой свѣтикъ, пожалуй, что и теперь надъ Петромъ-то Иванычемъ кара небесная началась... Ослѣпъ, сердечный, и память потерялъ, несытость напала, наѣсться не можетъ...

— Господи помилуй насъ!—воскликнула Даша въ ужасѣ.

— Ей-Богу, мой свѣтикъ, я теперь отъ нихъ иду; услышала, что Александра Павловна спрашивала полотна, а у меня два куска было, я и показала ей. Гдѣ ты! знаешь ее, какова спѣсь гордѣевна!—фыркнула, едва взглянула,—толсты, говоритъ, и ушла. А какія толсты, — распретоненькія. Ну, а я этакъ въ кухнѣ присѣла, слово-за-слово съ кухаркою, вдругъ слышу, Петръ Иванычъ кричитъ изъ своей горницы, ругаетъ кухарку, за то, что обѣдать ему не даетъ.

— Вотъ,—говоритъ кухарка, — старый чортъ, безпрестанно этакъ кричитъ; не успѣешь его накормить, онъ опять обѣдать проситъ. Вотъ, матушка, еще обѣдни только, и ужъ онъ въ третій разъ обѣдаетъ. Надоѣлъ; придетъ хозяйка, ей на меня жалуется, что съ голоду уморила; придетъ хозяинъ,— ему на невѣстку жалуется, да на внучекъ, что есть ему не даютъ. Мука съ нимъ, не стану жить, уйду. Еще иной разъ и съ палкою придетъ драться, даромъ что ощупью. — И не могла я, Дашенька, надивиться этакому чуду. Вотъ, думаю, поѣлъ хлѣбъ у Петра Васильича, лишилъ ихъ почти всего, вотъ и терпи несытость-то!...

Слушая это, молодая женщина невольно творила молитву и съ удивленіемъ покачивала головою.

— Однако, прости, Дашенька, я отдохнула; узелъ-то больно тяжелъ... Пора, мой дружекъ, домой—сказала торговка, поднимаясь.

— Посиди, Авдотья Петровна, рѣдко ходишь, скоро маменька придетъ. Чайку съ нами напьешься—унимала хозяйка.

И въ-самомъ-дѣлѣ Авдотья Петровна говорила истинную правду: Петръ Иванычъ года за два до смерти ослѣпъ, и потерялъ память; онъ болѣе десяти разъ въ день просилъ обѣдать: обѣдалъ, и только выходилъ изъ-за стола, опять просилъ; жаловался сыну на невѣстку, на внучекъ и кухарку, что не даютъ ему ѣсть, плакалъ и кричалъ какъ ребенокъ. Иногда, отыскавъ свою палку, ощупью шаря по стѣнѣ, шелъ

въ кухню (которая недалеко была отъ его комнаты) бить кухарку за то, что его моритъ голодомъ. Внучки, которыхъ отряжала мать дежурить въ его комнатѣ и смотрѣть, чтобъ его кормили, отъ души молили смерти дѣдушкѣ; иногда сама Александра Павловна, заткнувъ уши отъ жалобъ свекра, уходила куда нибудь подальше. Наконецъ и самъ Сидоръ Петровичъ, завладѣвшій безотвѣтственно желтой шкатулкой, въ душѣ избывалъ дражайшаго родителя. Кухарка не хотѣла жить изъ-за безпокойнаго старика, своей алчностью онъ надоѣлъ всѣмъ и каждому.

Мы забыли сказать, что младшій сынъ Петра Иваныча, женившись на Тароторкиной и поселясь въ домѣ тестя, являлся къ отцу какъ-то оффиціально, по праздникамъ и торжественнымъ днямъ, а потому не получилъ себѣ части изъ желтой шкатулки.

Но пришло время—и почтеннаго Петра Иваныча позвали туда, гдѣ не принимаютъ и не даютъ ложныхъ свидѣтельствъ!

И многочисленнее семейство Сидора Петровича, въ глубокомъ трауре, провожило гробъ его. Александра Павловна старалась натереть глаза до-красна, какъ слѣдуетъ почтительной невѣсткѣ. Но Петръ Иванычъ не унесъ собой въ могилу ничего, что было такъ безсовѣстно имъ награблено.

Послѣ смерти братья поссорились. Степанъ Петровичъ требовалъ законной части послѣ отца, Сидоръ Петровичъ отказывалъ, говоря,—что имѣнье нажилъ онъ. Но такъ какъ Степану Петровичу былъ болѣе или менѣе извѣстенъ источникъ капитала, то онъ, напомнивъ брату о припорожскомъ крушеніи барокъ Петра Васильича, упрекалъ его въ томъ, что онъ всѣ отцовскія деньги затаилъ,—и завелъ съ нимъ судъ да дѣло. Сидоръ Петровичъ, не желая, чтобы его тревожили, рѣшился отступиться, и много-ли, мало-ли выбросилъ неугомонному брату. Несмотря на наружное примиреніе, Степанъ Петровичъ жаловался всѣмъ и каждому, что братъ его обидѣлъ.

Выбившись въ первые ряды купеческаго сословія, Сидоръ Петровичъ сдѣлался необыкновенно спѣсивъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ былъ выбранъ въ городскіе головы, хотя на по-

прищѣ общественной службы и ничѣмъ не заявилъ себя, кромѣ *сидѣнія* въ Думѣ.

Онъ и до-сихъ-поръ здравствуетъ въ Привольскѣ, толстѣетъ и богатѣетъ: — *грѣхомъ нажитое богатство идетъ впрокъ.*

Грустно, какъ подумаешь, что у насъ много такихъ Сидоровъ Петровичей, и еще грустнѣе дѣлается, когда видишь, что общество, забывая ихъ старые грѣхи и только за туго-набитые карманы, набитые посредствомъ всякихъ подлостей и неправдъ, уважаетъ и облекаетъ ихъ довѣренностію.

АЛЕКСАНДРА КОБЯКОВА.

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

(Матеріалы для исторіи народа.)

I.

Хотя грустно, что до-сихъ-поръ для исторіи нашего народа мы можемъ представить только не совсѣмъ благовидные факты изъ его исторической жизни, факты, повидимому, набрасывающіе тѣнь на чистоту его побужденій, однако утѣшимъ себя мыслью, что невольныя заблужденія его вызваны обстоятельствами, отстранить которыя было не въ его волѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго пониманія историческаго склада государства необходимо знать и оцѣнить, между прочимъ, и такія явленія, которыя повидимому препятствовали успѣшному ходу государственной жизни, останавливали ея развитіе, — однимъ словомъ — явленія регрессивныя. Такими явленіями, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются тѣ препятствія, которыя встрѣчала администрація въ поволжьѣ и по всѣмъ украйнымъ провинціямъ въ прошломъ столѣтіи. Препятствія эти правительство встрѣчало въ самомъ населеніи украйныхъ провинцій и особенно въ народѣ, бродячемъ, непривыкшемъ къ мѣсту, и въ бѣглыхъ всякого рода, а на Волгѣ — въ такъ называемыхъ «сходцахъ» и «понизовой вольницѣ».

Замѣчено, что русскій народъ, не смотря на осѣдлый характеръ, свойственный земледѣльческой странѣ, склоненъ къ бродячей жизни; что безъ видимыхъ причинъ онъ покидаетъ родину и идетъ искать чего-то на чужой сторонѣ. Но эта неуживчи-

вость лежитъ, кажется, не въ характерѣ народа, какъ объясняютъ многіе, а есть слѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Если замѣчаютъ, что онъ легко покидаетъ родное село и кладбище отцовъ, то слѣдовало бы замѣтить, что, покидая одно, онъ ищетъ другаго, лучшаго: пойманный и уличенный «Иванъ непомнящій родства,» на вопросъ судьи о причинѣ побѣга, всегда отвѣчаетъ, что не «отъ добра бѣгаетъ,» что «отъ добра добра не ищутъ». Такъ, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, въ XVIII столѣтіи народъ бѣжалъ въ Польшу и за турецкую границу; въ болѣе позднее время, въ нынѣшнемъ столѣтіи, онъ бѣгалъ на Яикъ, «на сытовыя воды и кисельные берега,» на «Дарью-рѣку» и на «Новую линію;» нѣсколько лѣтъ назадъ цѣлыя села бѣжали въ Анапу, — потому что невѣдомыя страны эти представлялись обѣтованною землею, гдѣ трудъ не тяжелъ и не неблагодаренъ, гдѣ человѣку живется легко и свободно. Передъ самымъ царствованіемъ императрицы Екатерины II, во время крестьянскихъ смутъ, народъ бѣжалъ цѣлыми вотчинами къ Царицыну и Камышину; цѣлыя села покидали свои родныя усадьбы, забирая лошадей, скотъ и домашнюю рухлядь. По всѣмъ мѣстамъ разглашалась вѣсть, что бѣглые, переправясь за Волгу, порыли тамъ себѣ землянки и живутъ счастливо. Говорили, что переселенцевъ принимаетъ за Волгой какой-то майоръ Парубучъ *). Съ трудомъ могли остановить это движеніе. Съ давнихъ поръ по всему низовью и за Волгой разсѣяны были вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи «сходцы,» которые никуда не приписывались, не обзаводились хозяйствомъ и жили Богъ вѣсть чѣмъ. При заселеніи Петербурга и его окрестностей, сходцевъ требовали на житье въ новую столицу: но эти «подлые люди,» какъ назывались они въ указахъ, бѣгали за Кубань, на Куму, за Волгу и Яикъ въ бухарскую сторону, въ Персію, гдѣ «босурманились,» жили «звѣрски, въ отчаяніи» **). Въ Россію они не хотѣли идти; и если и возвращались, то только за тѣмъ, чтобъ дополнить собой шайки бродягъ. По обнародованіи извѣстнаго манифеста, которымъ приглашались на житье въ Россію иностранцы и вызывались раскольники, послѣдніе толпами стали переходить польскую границу и являться на русскихъ форпостахъ и въ крѣпостяхъ, для внесенія себя въ списки выходцевъ; съ ними шли и бѣглые помѣщичьи крестьяне. Раскольники, возвра-

---

*) Полное собраніе законовъ, т. XV. 10.791.

**) XVI. 12,003.

щаясь на родину, селились на новоотведенныхъ мѣстахъ, но не могли уже мириться съ новымъ положеніемъ и снова начинали бродячую жизнь. Помѣщичьи крестьяне также неласково принимались своими господами: какъ скоро являлись они въ покинутыя вотчины, гдѣ по ревижскимъ сказскамъ значились въ числѣ бѣглыхъ или вовсе были пропущены, помѣщики прямо вели ихъ въ присутствіе и брили *). Встрѣтивъ такой пріемъ, бѣглые опять покидали вотчины и разсыпались по Россіи. Они снова уходили за польскую границу; уводили съ собой родныхъ, знакомыхъ; бунтовали цѣлыя имѣнія, — и, погулявъ за-границей, огромными шайками врывались въ предѣлы Россіи, расходились по всѣмъ дорогамъ, грабили и разоряли все; они нападали на крѣпости и форпосты; наводили страхъ на жителей: многихъ брали съ собой и удалялись въ Польшу. За ними посылались отряды; они тайно переходили границу, ловили бѣглыхъ, приводили въ Россію и силою водворяли на прежнихъ мѣстахъ **). Но непрочны были такимъ путемъ добытые подданные.

Во время послѣднихъ смутъ крестьяне толпами убѣгали въ Сибирь и самовольно селились тамъ, не имѣя никакого письменнаго вида. Число бѣглецовъ такъ увеличилось, что ихъ велѣно было переписать и положить въ подушный окладъ ***). Къ своимъ помѣщикамъ они не хотѣли возвращаться и скорѣе соглашались жить въ Сибири или всю жизнь шататься по міру, чѣмъ быть въ прежней зависимости. Иные убѣгали въ раскольничьи скиты, разсѣянные по лѣсамъ; основывали новыя пустыни; другіе шли въ православные монастыри, посвящались въ монахи ****), и лучше хотѣли отказаться навсегда отъ міра, чѣмъ воротиться домой. Многіе, особенно послѣ заразы 1770 года, лишившись родныхъ и поддержки, бродили по міру, заходили въ Москву, шатались по выморочнымъ домамъ и грабили *****). Переходя изъ села въ село, бѣглые, на вопросъ воеводъ и комендантовъ — что за люди? — отвѣчали, что выходцы изъ Польши въ силу манифеста 62 года, — и пропускались безпрепятственно. Между этими шайками ходили бѣглые солдаты, вездѣ находившіе радушный пріемъ и покойный ночлегъ; самыя войска были не въ блес-

---

*) Полн. собр. зак. XVI. 12,266, XIX. 13,517.
**) Полн. собр. зак. XVI. 11,894.
***) XVI. 11,860.
****) XIX. 13. 413.
*****) Полн. собр. зак. XIX. 13,767.

1*

тящемъ положеніи. Отставные солдаты высылались въ казанскую губернію на поселеніе; они ходили безъ конвоя и, разсѣявшись по Россіи, праздно проводили время «къ безславію государства,» пускались на воровства и грабежи. Ихъ велѣно было водить съ конвоемъ *). Регулярныя войска, размѣщенныя по квартирамъ, продолжали чинить жителямъ «дурно,» какъ чинили его при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Иванѣ Грозномъ: ихъ постой былъ ничѣмъ не лучше грабежа и они доводили хозяевъ до того, что тѣ бросали свои дома и убѣгали отъ своихъ постояльцевъ. Былъ даже указъ, которымъ вмѣнялось командирамъ войскъ, — не допускать хозяевъ къ побѣгу.

Но больше всего бѣгали арестанты и пересыльные въ Сибирь. Колодники, навязанные на длинные канаты, — проходили неизмѣримыя пространства: ихъ водили изъ Рогервика и болѣе отдаленныхъ мѣстъ до самого Нерчинска; въ Твери и другихъ поволжскихъ пристаняхъ устроены были особыя суда, на которыхъ везли ссыльныхъ до Казани и Самары **). Дорогой они бѣгали, потому что отправка была плохая и притомъ тяжелая. Всѣхъ сибирскихъ арестантовъ водили для пытки въ Иркутскъ: Нерчинскъ посылалъ пытать своихъ колодниковъ за 946 верстъ, Селенгинскъ за 402 версты, черезъ море, Якутскъ за 2266 верстъ, Охотскъ за 3037; разстояніе между камчатскимъ большерѣцкимъ острогомъ и Иркутскомъ даже было вовсе неизвѣстно: втеченіе года арестанты не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода; другіе бѣгали съ дороги ***). Да и нельзя было не бѣгать даже тѣмъ, которые содержались по тюрьмамъ внутри Россіи: арестанты помѣщались дурно, въ какихъ-то хлѣвахъ сырыхъ и темныхъ, въ подвалахъ и погребахъ; ихъ набивали въ тѣсные казематы до послѣдней возможности, хотя и не велѣно было помѣщать болѣе трехъ человѣкъ на одной квадратной сажени, гдѣ три человѣка могли свободно лечь и умереть; арестантскія дѣла тянулись безконечно-долго; а по прочтеніи приговоровъ и по наказаніи, преступниковъ долго не высылали въ Сибирь, а оставляли въ тюрьмахъ, заставляя ихъ ходить по міру для сбора милостыни; милостыня отбиралась тюремнымъ начальствомъ, а колодникамъ изъ этого подаянія выдавалось по копѣйкѣ кормовыхъ на сутки. За то бѣглые арестанты дѣлались самыми закоренѣлыми разбойни-

---

*) XVI. 11,617.

**) Полн. собр. зак. XVI.

***) XVII. 12,345.

ками. Къ довершенію сумятицы, между толпами бѣглыхъ крестьянъ, раскольниковъ и арестантовъ, бродилъ по всей Россіи вольный малороссійскій посполитый народъ, цѣлыми массами подвигаясь на востокъ и наводняя собою поволжскія губерніи. Смѣлость бродячаго населенія доходила до того, что они нападали на партіи рекрутъ — новобранцевъ, разбивали конвойные отряды и уводили съ собой будущихъ солдатъ, не допуская до присутствія.

Изъ бѣглыхъ формировались шайки воровъ и разбойниковъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра I, да и вообще съ самаго начала утвержденія общаго гражданскаго порядка въ Россіи съ призваніемъ на престолъ дома Романовыхъ, ни одна правительственная мѣра не преслѣдовалась съ такимъ постоянствомъ, какъ искорененіе воровъ и разбойниковъ. Это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ стараго русскаго общества, которая постоянно напоминала правительству, что административныя формы не уложились еще въ стройныя формы. По всѣмъ концамъ государства ходили правильно-организованныя шайки разбойниковъ, предводительствуемыя избранными изъ себя атаманами и эсаулами; атаманы назывались почетнымъ именемъ *батюшки* и держали своихъ подчиненныхъ въ безпрекословномъ повиновеніи; провинившихся разбойниковъ казнили по приговору собственнаго суда, — вѣшали, — топили, убивали изъ ружья, кололи, или выгоняли изъ артели. Разбойники нападали на обозы, грабили и жгли селенія; вѣшали попадавшихся имъ въ руки; разбивали караваны по рѣкамъ. Противъ нихъ постоянно издавались указы; учреждены были въ каждомъ уѣздѣ особые сыщики съ военными отрядами, которые завѣдывали судомъ и казнью виновныхъ. Въ 1762 году искорененіе разбойниковъ поручено было губернаторамъ, воеводамъ, комендатамъ крѣпостей, командирамъ войскъ, расположенныхъ по квартирамъ, и самимъ помѣщикамъ. Имъ дана была изъ сената подробная инструкція. Даже при подачѣ ревижскихъ сказокъ велѣно было отмѣчать, что въ вотчинѣ или въ волости нѣтъ ни становъ, ни разбойниковъ, ни пристаподержателей. Вездѣ учреждены были заставы, караулы и разъѣзды. Способъ, принятой нынѣ на Кавказѣ для стѣсненія Черкесовъ, употреблялся тогда въ отношеніи къ разбойникамъ: въ степныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ проводились новыя дороги; по обѣимъ сторонамъ дорогъ широко вырубался лѣсъ для прохода отрядовъ; дѣлались лѣсныя просѣки и учреждались съѣзжіе и сторожевые пункты. При появленіи шаекъ, изъ городовъ

и крѣпостей командировались гарнизонные отряды; противъ большихъ разбойничьихъ партій высылались отряды изъ полковъ дѣйствующей арміи; за неимѣніемъ войскъ собирались и вооружались чѣмъ могли отставные унтеръ-офицеры и солдаты, сгонялись вооруженные обыватели и всѣ, кто только могъ владѣть топоромъ или рогатиной *).

Это смутное время, обнимающее цѣлыя два столѣтія, оставило намъ много пѣсенъ, которыя и теперь не забываются народомъ, и въ которыхъ говорится о крѣпкихъ караулахъ и заставахъ, разставленныхъ по дорогамъ.

Впрочемъ не помогали ни заставы, ни крѣпкіе караулы. Разбойниковъ ловили и сажали въ тюрьмы; но непойманные дѣлались еще жесточе. По судамъ разбойничьи дѣла тянулись безконечно долго, потому что дѣло не завершалось до-тѣхъ-поръ, пока не находили всѣхъ оговоренныхъ. Оттого тюрьмы и остроги, съ выходами и подземельями, были наполнены до невозможности. Разбойники, воры, грабители, взяточники, похитители государственной казны и убійцы, говоритъ сенатъ, сидя по тюрьмамъ, наносили народу страшный вредъ, причиняли ему всевозможныя бѣдствія, истязанія и «невинное кровопролитіе». По прошествіи довольно значительнаго времени послѣ первыхъ допросовъ, арестанты, мстя кому по злобѣ или по наущенію товарищей, оговаривали невинныхъ и доводили до пытокъ; потомъ какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, они «сговаривали» съ нихъ и показывали на другихъ, ни въ чемъ невиноватыхъ. Сидя цѣлые годы подъ карауломъ, они находили средства къ побѣгу, разбивали тюрьмы и погреба, въ которыхъ содержались; другіе, отправляемые въ Сибирь и Рогервикъ «на связкахъ,» перепутанные длиннымъ канатомъ вмѣсто цѣпи, уходили съ дороги отъ приставниковъ, подвергая ихъ тѣмъ же пыткамъ, которыя сами выдержали, и возвращались «на прежнія свои злодѣйства съ вящимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ,» какъ съ прискорбіемъ выразился сенатъ; особенно доставалось тѣмъ, кто ихъ приводилъ, или показывалъ на нихъ, или открывалъ ихъ станъ: такихъ они «тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и разоряли до основанія,» наводя ужасъ на цѣлые уѣзды. Они наводили такой страхъ на жителей, что никто не рѣшался ихъ ловить; притомъ всегда брали самого доказчика, оговаривали и пытали вмѣстѣ съ ворами. Разбойныя дѣла велѣ-

*) Указ. Екат. 1779; 65—67.

но было производить спѣшно, въ одинъ мѣсяцъ, а иногда, — не выходя и въ праздникъ изъ присутствія, тутъ же дѣлались очныя ставки и пытки.

Чтобы поощрить сыщиковъ, имъ выдавали изъ казны деньги за каждаго пойманнаго разбойника: за атамана платили тридцать рублей, за простаго разбойника десять, за пристанодержателя — пятьдесятъ, еслибъ даже его представилъ въ судъ самъ разбойникъ *).

Въ случаѣ отысканія гдѣ либо воровъ или становъ, на все село, къ которому принадлежали разбойники, налагалась *выть* — плата за все пограбленное имущество **) Тогда производились стачки истцовъ съ судьями: обоюдное «похлѣбство», скрѣпляемое взяткой, заставляло судью обвинять разбойниковъ въ большихъ грабежахъ, чѣмъ они произвели на самомъ дѣлѣ; въ случаѣ упорства, виновныхъ пытали и принуждали говорить то, чего добивались истцы и судьи. Потому на цѣлыя волости налагались огромныя выти, и часть собранныхъ денегъ шла въ карманы судей, а другою вознаграждались просители.

Разбои были такимъ естественнымъ дѣломъ, что въ самыхъ столицахъ нельзя было разсчитывать на совершенную безопасность. Даже Петербургъ былъ окруженъ шайками воровъ и разбойниковъ, которые грабили пѣшаго и коннаго; въ шести верстахъ отъ Петербурга разбойники убили французскаго курьера; въ самомъ городѣ попадались на улицахъ мертвыя тѣла, а въ домахъ производились открытые разбои. Столица представляла видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи: въ трехъ главныхъ частяхъ Петербурга расположены были отряды, начальство надъ которыми поручено было генералъ-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину и вице-адмиралу Мордвинову; на всѣхъ перекресткахъ разставлены были рогаточные караулы, по ночамъ ходили частые дозоры и пропускали только того, кто имѣлъ фонарь, всѣмъ караульнымъ положено было имѣть трещотки, и по первой тревогѣ жители выходили изъ домовъ какъ на пожаръ ***).

---

*) Полн. собр. зак. XVI. 11,750.
**) Полн. собр. зак. XVII. 12,455.
***) Ук. 1762.

Но нигдѣ разбои не принимали такихъ страшныхъ размѣровъ какъ въ поволожьѣ. Впродолженіе всего прошлаго столѣтія исторія поволожья да и всей юговосточной Россіи представляетъ странную картину борьбы стараго порядка съ новымъ, необузданной воли съ администраціей. Колонизація края идетъ довольно успѣшно; правительство обращаетъ вниманіе на водвореніе порядка и тишины въ новонаселенныхъ провинціяхъ; ограждаетъ ихъ укрѣпленными линіями и форпостами отъ вторженія дикихъ азіятскихъ ордъ; вызываетъ изъ-за границы нѣмецкихъ поселенцевъ; поволжскіе города начинаютъ строиться и богатѣть, поля — засѣваться хлѣбомъ. — Но старый порядокъ менѣе всего уничтожался въ поволжьѣ; дряхлый XVII вѣкъ не робко прятался передъ нововведеніями, а долго напоминалъ о себѣ жестокими сценами, возмущая спокойствіе страны. По Волгѣ и по степямъ, тамъ гдѣ плавали торговые караваны и начинали ходить обозы отъ города до города, — разъѣзжали тѣже толпы разбойниковъ съ своими избранными атаманами и эсаулами, грабили суда и обозы, жгли села, убивали народъ или завлекали въ свои шайки. Этихъ шаекъ было безчисленное множество; онѣ собирались мгновенно, по зову атамана, имѣли вездѣ пристанодержателей, отдѣльные разбойничьи станы, прятались въ заводахъ, воложкахъ, по оврагамъ и степнымъ балкамъ; въ случаѣ опасности расходились, потомъ собирались снова и грабили. За ними, какъ и въ остальной Россіи, посылались отряды солдатъ, которыхъ они иногда разбивали, а иногда и сами были разбиваемы, попадались въ руки и жестоко наказывались: ихъ вѣшали, били кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ; они возвращались снова на Волгу къ своимъ станамъ; набирали новыя шайки или приставали къ старымъ, мстили за свои спины и вырванныя ноздри; отчаянно нападали на военные отряды; застигали въ расплохъ и грабили цѣлыя селенія, жгли хутора и уметы, вѣшали всѣхъ сопротивлявшихся имъ, преимущественно помѣщиковъ и чиновниковъ. Разъѣзжая по Волгѣ «въ легкихъ лодочкахъ», они имѣли свои пушки, которыми отстрѣливались отъ военныхъ разъѣздовъ; свободно приставали къ рыболовнымъ ватагамъ, гдѣ часто встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ и съ солью и только изрѣдка защищались имѣвшимися на ватагахъ караульными пушками, которыя доставались побѣдителямъ. Разбойники не страшились ни воинскихъ высылокъ, противъ нихъ, ни обывателей: о приближеніи командъ ихъ извѣщали пристанодержатели, находившіеся почти въ каждомъ селѣ, особенно по хуто-

рамъ; обыватели не вредили имъ, потому что боялись ихъ мщенія и оговора, а иногда и считали выгоднымъ быть въ дружбѣ

Съ понизовыми бурлаками,
Съ ярыгами кабацкими.

«Понизовые бурлаки» извѣстны были во всей Россіи; ихъ знало правительство какъ самыхъ опасныхъ разбойниковъ; ихъ опасались коменданты крѣпостей, расположенныхъ по юговосточнымъ и восточнымъ линіямъ; ихъ трепетали волжскіе судопромышленники, которыхъ бурлаки каждую весну абордировали на своихъ косныхъ лодкахъ: отбирали ихъ казну, брали товары, ружья, пушки, порохъ и паспорты. Не одна мать оплакивала любимаго сына, ходившаго «во царевъ кабакъ» и завлеченнаго въ разбой понизовыми бурлаками, какъ поется до сихъ поръ въ пѣснѣ:

Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову.

Полная лѣтопись похожденій всѣхъ главныхъ шаекъ понизовой вольницы и удовлетворительное объясненіе этого явленія въ русской исторіи, возможны только при хорошей разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, и потому мы передаемъ здѣсь одни извѣстные намъ факты изъ этой внутренней, такъ сказать, домашней и никѣмъ нетронутой исторіи нашего народа, къ которому принадлежала вольница.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, шайки понизовой вольницы начали замѣтно увеличиваться, и поволжье втеченіе двѣнадцати лѣтъ, говоря языкомъ того времени, «было непокойно». Дѣйствія разбойничьихъ шаекъ нижняго края Волги, въ періодъ времени между 1770 — 1782 годомъ, и составляютъ предметъ нашей статьи. Свѣдѣнія, находящіяся въ ней, извлечены изъ одного царицынскаго архива, и есть основаніе думать, что о другихъ партіяхъ вольницы и атаманахъ можно было бы узнать изъ разбора прочихъ архивовъ поволжскихъ городовъ.

Въ 1770 году, въ апрѣлѣ, плылъ по Волгѣ командированный въ томскій пѣхотный полкъ офицеръ Кретовъ *): верстахъ

---

*) Царицын. арх. № 135. *Дѣло о командированіи по рѣкѣ Волгѣ Командъ для истребленія появившихся разбойниковъ.* 1770 г.

въ шестидесяти ниже Царицына, на поповицкомъ приверхѣ, онъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ («снизу бѣгущихъ»), въ числѣ двадцати или болѣе человѣкъ. Неизвѣстная партія плыла вверхъ по Волгѣ, въ лодкѣ; разбойники вооружены были баграми и ружьями и, поровнявшись съ судномъ, на которомъ плылъ Кретовъ, напали на него и взяли ловкимъ абордированіемъ, къ которому такъ привыкли. Они избили Кретова; многіе порывались заколоть его, но ограничились только грабежомъ. Въ апрѣлѣ же слѣдовалъ Волгою сержантъ Деревягинъ, отправленный съ нѣсколькими солдатами саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ, въ Астрахань, для принятія пороху, свинцу и медикаментовъ: ниже села Золотова, въ урочищѣ Щербаковѣ, въ ночи на 19-е число напала на его судно лодка съ разбойниками, человѣкъ двадцать. Съ лодки началась пальба. Деревягинъ тоже приказалъ стрѣлять по разбойникамъ и отразилъ нападеніе *).

Спокойно не проходило Волгою ни одно судно.

Губернаторы и воеводы поволжскихъ городовъ получали жалобу за жалобой. Губернаторы упрекали въ безпечности воеводъ и комендантовъ; воеводы и коменданты наказывали разъѣздныхъ офицеровъ — и все напрасно. Въ маѣ того же года астраханскій губернаторъ Никита Афанасьевичь Бекетовъ писалъ всѣмъ городовымъ комендантамъ, астраханскому воеводѣ и астраханской почтовой конторѣ, а также «состоящимъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до города Саратова по станицамъ и простымъ дистанціямъ казачьимъ старшинамъ и другимъ командирамъ», т. е. начальникамъ форпостовъ, расположенныхъ вдоль Волги, что «вольница» на Волгѣ не уменьшается, а постоянно прибываетъ; что шайки разбойниковъ нарушаютъ спокойствіе страны. Напоминая начальникамъ отрядовъ прежніе свои ордеры «о искорененіи воровскихъ партій и о учиненіи разъѣздовъ», Бекетовъ снова приказывалъ истреблять «злодѣевъ» всѣми возможными способами; онъ предписывалъ развѣдывать о нихъ по всѣмъ проѣзжимъ мѣстамъ и, вслучаѣ появленія разбойниковъ, отправлять тотчасъ по дистанціямъ» пристойную команду лучшихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ при хорошемъ

---

*) «Напавъ на судно невѣдомо какіе воровскіе люди въ лодкѣ, въ числѣ человѣкъ до двадцати, чинили изъ ружей пальбу, токмо поврежденія не сдѣлали; потому и онъ принужденъ былъ чинить отпоръ ружейнымъ же выстрѣломъ, до трехъ патроновъ, съ пули.»

и надежномъ командирѣ, давъ свое пристойное наставленіе», сверхъ того посылать частые разъѣзды отъ города до города, отъ форпоста къ форпосту и отъ дистанціи къ дистанціи; вслучаѣ недостатка въ казенныхъ лодкахъ, онъ приказалъ брать обывательскія, «ибо, добавлялъ онъ, оное слѣдуетъ для всего общества ко искорененію такого злодѣйства». — Между прочимъ Бекетовъ писалъ объ этомъ къ царицынскому коменданту, полковнику Дебонбергу, потому что Царицынъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южнаго поволжья и потому что Волга въ этомъ мѣстѣ и всѣ окрестности Царицына и Дубовки наполнены были разбойничьими шайками и представляли обширное поле для неутомимой ихъ дѣятельности. Онъ давалъ знать Дебонбергу, что «если и за симъ таковые разбойники искоренены не будутъ, то безъ отвѣта, а въ противномъ случаѣ и безъ штрафа остаться не можете», и велѣлъ о результатѣ поисковъ доносить ему ежемѣсячно; кромѣ того, «для незабвеннаго исполненія» этого приказа, онъ велѣлъ списать во всѣхъ мѣстахъ копіи съ него и, гдѣ онѣ будутъ списаны, расписаться на подлинномъ приказѣ, а подлинный выслать къ нему обратно; саратовскому воеводѣ Строеву приказалъ сноситься объ этомъ предметѣ, то-есть о нарядѣ командъ для уничтоженія разбойничьихъ шаекъ, съ тамошнимъ комендантомъ полковникомъ Юнгеромъ. Наконецъ, въ заключеніе этого строгаго приказа, Бекетовъ добавлялъ: «а что касается до казачьихъ постовъ, то если отъ сего въ которой дистанціи сдѣлается подобное грабительство, то оныхъ мѣстъ командиры за слабое ихъ вблизости себя смотрѣніе *не только разжалованы, но и нещадно еще на тѣлѣ штрафованы будутъ*».

Вслѣдъ за тѣмъ стали употреблять слѣдующее средство къ поимкѣ и искорененію разбойниковъ: какъ скоро посылаемые отъ города до города на лодкахъ разъѣзды примѣчали плывущее по Волгѣ судно, то подъѣзжали къ нему, привязывали къ борту свой катеръ и всѣ всходили на судно; на суднѣ они прятались вмѣстѣ съ оружіемъ, которое при нихъ было, а пустая лодка плыла за судномъ ввидѣ завозни, которыя употребляются при всякомъ промышленномъ суднѣ. Когда разбойники абордировали судно своими баграми, хозяева и лоцмана не препятствовали имъ всходить на палубу. Тогда выходили скрытыя на суднѣ команды и ловили грабителей *).

*) Этотъ способъ поимки разбойниковъ рекомендованъ былъ Бекетовымъ. «Какъ нынѣ, говоритъ онъ, мнѣ извѣстно, что тѣ воровскія партіи

Но это не помогало. Хотя царицинскій комендантъ втеченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ со дня этого распоряженія и доносилъ постоянно Бекетову, что «въ прошедшемъ (такомъ-то) мѣсяцѣ опредѣленной по рѣкѣ Волгѣ разъѣздъ чиненъ былъ да и нынѣ чинится, точію воровскихъ партей въ здѣшней округѣ нигдѣ не предусматривается», — но воровскіе люди за всѣми строгими мѣрами не переставали возмущать поволжье.

II.

Въ то время, когда Бекетовъ придумывалъ вѣрнѣйшій способъ для искорененія разбойниковъ, а мѣстныя власти поволжья «недреманнымъ окомъ» наблюдали за тишиной во ввѣренныхъ имъ мѣстностяхъ, разбойничьи атаманы, которыхъ каждый городъ и пригородъ, каждый уметъ и хуторъ выводили ежегодно на сцену, продолжали формировать шайки воровскихъ людей и грабили пѣшаго и коннаго. Въ 1771 году становится извѣстнымъ атаманъ Ивановъ *) съ своею многочисленною шайкою, которая, въ

по Волгѣ рѣкѣ производятъ немалые грабежи и о поимкѣ ихъ ни откуда рапортовъ я не имѣю, то почему предвидится — во искорененіи ихъ поступается нерачительно, а по разсужденію моему къ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ предосматривается и таковой легчайшій способъ, чтобъ посылаемые отъ города до города для поимки ихъ команды, какъ скоро какое плывущее по Волгѣ внизъ или вверхъ обывательское судно наѣхать могутъ, то бъ всѣ съ лодки своей вошедъ на оное, со всѣми будущими при нихъ ружьи, находились скрытно, ни мало себя не оказывая, а лодку свою при томъ суднѣ вели бъ, привязавъ порожнюю, какъ обыкновенно при всѣхъ промышленныхъ судахъ каковыя бываютъ. Когда же тѣ злодѣи по своему намѣренію сдѣлаютъ на то судно нападеніе и на оное, не видавъ той команды, войдутъ, то сами себя къ поимкѣ подвергнутъ въ руки; для чего имѣя такую скрытную команду, хозяевамъ тѣхъ судовъ противу таковыхъ злодѣевъ никакого сопротивленія до тѣхъ поръ, дондеже оные на судно войдутъ, не чинить, а по выходѣ, обще съ командою къ неупустительному всѣхъ переловленію всевозможное стараніе прилагать и, ловя оныхъ, въ отсылкѣ тѣмъ командамъ въ городовыя канцеляріи по данному наставленію безъ отрицанія поступать. Каковое средство въ тѣ отправленныя команды производить разъѣзжая городъ отъ города на идущихъ внизъ и вверхъ Волги рѣки судахъ, со всякимъ во искорененіи тѣхъ злодѣевъ стараніемъ.» На ордерѣ этомъ въ заголовкѣ написано: *по секрету.*

*) Цар. Арх. № 188. *Дѣло о содержащихся при царицынской гражданской канцеляріи ворахъ, разбойникахъ и другихъ бѣглецахъ и оклеветанныхъ ими Качалинской станицы атаманѣ и казакахъ. 1772 года.*

случаѣ надобности, для совершенія какой либо важной экспедиціи могла дать своему предводителю до ста человѣкъ, что впрочемъ было не въ правилахъ разбойниковъ прошлаго вѣка: атаманъ, предпринимая воровской походъ, бралъ съ собой не болѣе 10 — 20 разбойниковъ, а иногда съ пятью шестью человѣками производилъ самые смѣлые набѣги. Въ 1771 году мы находимъ станъ Иванова не въ степи, не въ лѣсу или гдѣ либо въ дикомъ и глубокомъ оврагѣ, а въ одной изъ многолюдныхъ донскихъ станицъ, именно въ Качалинѣ. Качалинская пристань на Дону, составляя ближайшій пунктъ, гдѣ Донъ подходитъ къ Волгѣ на разстояніи только шестидесяти верстъ, и въ прошломъ столѣтіи служила крайней точкой сухопутнаго волока между Дономъ и Волгою, гдѣ теперь проводится волжско-донская желѣзная дорога. Въ Качалинѣ грузились на суда волжскіе товары, перегружались подвезеные съ верьховьевъ Дона, Хопра и Медвѣдицы, и разгружались клади, пришедшія съ низовьевъ Дона, съ азовскаго и чернаго морей. Качалинъ былъ постоянно наполненъ бурлаками изъ верховыхъ городовъ и эти бурлаки весьма легко обращались въ разбойниковъ, когда находили смѣлаго атамана. Такимъ былъ Ивановъ. Хотя онъ и имѣлъ свой станъ въ Качалинѣ, но жилъ тамъ не какъ атаманъ разбойниковъ и не укрывался, а нанималъ квартиру у станичнаго казака, по фамиліи Лузанова, и считался его нахлѣбникомъ. Съ Ивановымъ жили у Лузанова еще два или три постояльца, тоже разбойники, и платили своему хозяину за квартиру и столъ *по пяти копѣекъ въ сутки*. У Иванова былъ по фамиліи есаулъ Юдинъ, который жилъ отдѣльно отъ своего атамана. Прочіе члены шайки, разбойники Лукинъ, Стряхнинъ, Лобановъ и другіе, до ста человѣкъ, жили гдѣ кому Богъ привелъ: кто на постоянной квартирѣ, а кто гдѣ-день-гдѣ ночь, какъ они сами выражались. Въ числѣ разбойниковъ Ивановской шайки былъ одинъ который слылъ между ними за бѣглаго дьякона города Тобольска. Разбойникъ самъ говорилъ, что онъ изъ Сибири и до побѣга былъ дьякономъ въ тобольскомъ успенскомъ соборѣ; называлъ онъ себя Яковомъ Никитинымъ. Вообще шайка состояла изъ сброда самой разнохарактерной вольницы: тутъ были каторжники, военные дезертеры, дворовые и посадскіе люди, рекруты, помѣщичьи и экономическіе крестьяне, купеческіе приказчики; — но самый большой процентъ въ этомъ капиталѣ составляли понизовые бурлаки, люди, давно забывшіе и свою родину, и свои семьи и едва ли помнившіе имена, данныя имъ при крещеніи, потому

что имъ такъ часто приходилось мѣнять ихъ, смотря по обстоятельствамъ и по паспорту, попадавшему имъ въ руки. Это была въ полномъ смыслѣ.

....Смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній....

Разбивъ какое-нибудь плывущее по Волгѣ судно, и идущій по степи обозъ, разбойники одѣвались въ платье ограбленныхъ ими жертвъ, брали ихъ паспорты и прикидывали какой кому къ лицу, къ росту, глазамъ и волосамъ: Ивану приходилось по примѣтамъ назваться Петромъ, бѣглому каторжнику — купеческимъ сыномъ и т. д. Зимой и лѣтомъ, когда не предвидѣлось воровскихъ экспедицій, шайка Иванова жила въ Качалинѣ мирно, — кто съ паспортомъ, а кто и безъ всякаго письменнаго вида: иной жилъ въ работникахъ у какого-нибудь казака, другой находилъ пріютъ у вдовы-казачки, съ которой сживался любовно; иной работалъ на Дону, — на баркахъ, на паромѣ, въ полѣ и на пожняхъ; были и такіе, которые имѣли свой курень и жили отдѣльно. У этой шайки былъ свой секретарь, какой-то бурлакъ Агапъ, который жилъ у казака Загубникова и приготовлялъ для шайки «воровскіе паспорты».

Лѣтомъ 1771 года, атаманъ Ивановъ водилъ свою шайку на Волгу, на разбой, и ограбилъ восемь судовъ съ товарами. Какъ велика была добыча — видно изъ того, что въ «дуванѣ» (въ дѣлежѣ) каждому разбойнику досталась на долю довольно порядочная сумма денегъ и много разнаго товара. Изъ этого награбленнаго добра они дарили въ Качалинѣ своимъ знакомымъ кумачи, платки, деньги и проч.

Послѣ всякаго дувана, если не предвидѣлось новыхъ воровскихъ походовъ, разбойники расходились по разнымъ мѣстамъ, и къ осени, когда на Волгѣ становился ледъ и навигація прекращалась, они возвращались въ Качалинъ на зимнія квартиры и жили тамъ до новыхъ походовъ. Такъ они возвратились и послѣ лѣтнихъ экспедицій 1771 года. Но въ это время мѣстныя военныя власти, вѣроятно, провѣдали о мѣстопребываніи шайки Иванова, потому-что вскорѣ, именно весной 1772 года, командированъ былъ въ Качалинъ сотникъ Горскій съ отрядомъ казаковъ и захватилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ; вслѣдъ за тѣмъ отряжена была небольшая партія нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ капитана Куткина, который также переловилъ нѣсколько человѣкъ. Взятъ былъ и атаманъ Ивановъ съ эсауломъ Юдинымъ. Пойманныхъ воровъ привезли въ Царицынъ и при-

ставили къ нимъ караулъ. Впрочемъ бо́льшая часть шайки Иванова спаслась отъ рукъ Горскаго и Куткина, и продолжала жить въ Качалинѣ, а надъ пойманными наряжена была судная коммиссія, презусомъ которой назначенъ былъ секундъ-маіоръ Казадаевъ: коммиссія открыла свои засѣданія допросами арестантовъ.

На допросахъ разбойники показали, что начальникъ Качалинской станицы, атаманъ Сухановъ, станичный писарь Поповъ и многіе изъ казаковъ и казачекъ знали о ихъ промыслѣ, но потворствовали имъ потому, что получали отъ нихъ подарки и пивали съ ними въ кабакѣ. Разбойникъ Стряхнинъ, напримѣръ, сознавался, что «пристань имѣлъ въ Качалинской станицѣ, у вдовы казачьей женки Катерины Фроловой, съ воровскимъ паспортомъ, который объявленъ былъ станичному атаману Тихону Потапову (Суханову), которому изъ грабленныхъ далъ кумачъ, а сверхъ того ево-жъ паивалъ въ кабакѣ виномъ». Эсаулъ Юдинъ говорилъ, что «по приходѣ, въ качалинской станицѣ жилъ у казака Марка Кустова, безъ пашпорта, завѣдомо вора, о чемъ былъ извѣстенъ и станичный атаманъ» и т. д. Такихъ «оговорныхъ» нашлось до двадцати человѣкъ, между которыми попадается имя казака трехъ-островской станицы, Ивана Семенникова, принимавшаго въ этомъ же году дѣятельное участіе въ заговорѣ извѣстнаго лже-Петра III, — самозванца Богомолова *). Всѣхъ оговоренныхъ тотчасъ же забрали подъ караулъ и привезли въ Царицынъ.

Но въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля атаманъ Ивановъ бѣжалъ изъ-подъ ареста. Съ нимъ бѣжали нѣкоторые изъ его товарищей, какъ-то: Лукинъ и Стряхнинъ. Между тѣмъ, оговоренные не признавались ни въ чемъ, особенно станичный атаманъ и писарь. Первый, на обвиненія Стряхнина (послѣ бѣжавшаго), отвѣчалъ: «Иванъ Стряхнинъ вѣдомства моего въ станицѣ у казачьей женки Катерины Фроловой съ печатнымъ пашпортомъ жительство имѣлъ; а что тотъ пашпортъ былъ воровской или нѣтъ, того я не зналъ, и въ томъ что онъ былъ несумнительный, много былъ смотрѣнъ; грабленаго-жъ кумача отъ него никакого не биралъ, и что онъ разбойникъ, о томъ я подлинно не зналъ и вина съ нимъ въ кабакѣ никогда не пивалъ». На другія обвиненія онъ отвѣчалъ почти такими же фразами;

*) См. нашу статью — «Самозванецъ Богомоловъ» — въ Парусѣ № 1-й 1859 года.

подобными же фразами защищали себя и прочіе оговоренные. «Показаннаго дьякона Никитина, говорилъ станичный писарь, чтобъ онъ былъ бѣглой дьяконъ, я не зналъ, а въ работѣ на перевозномъ паромѣ ево видалъ и считалъ ево за работнаго человѣка, а не за дьякона; съ пашпортомъ ли же онъ или безъ пашпорта, я о томъ неизвѣстенъ, а о томъ долженъ знать войсковой сборщикъ» и т. д. Слѣдовательно, трудно было ожидать истины отъ ихъ показаній.

Военносудная коммиссія не рѣшила однако участи разбойниковъ изъ шайки Иванова: ея назначеніе было изслѣдовать только степень виновности качалинскаго станичнаго атамана Суханова, станичнаго писаря и прочихъ двадцати оговоренныхъ арестантами, а судъ надъ разбойниками производился особо. Сухановъ съ писаремъ и нѣкоторые казаки были хотя оправданы, но оставлены однако въ подозрѣніи; нѣсколько же человѣкъ изъ жителей Качалина были присуждены къ наказанію, потому-что улики ихъ виновности были ясны и неопровержимы, и въ сношеніяхъ съ разбойниками они винились сами.

Это происходило *за три дня* до бунта, вспыхнувшаго 25-го іюня въ Царицынѣ во имя Лжепетра III Богомолова, котораго народъ желалъ силой освободить изъ-подъ караула; когда происходила въ городѣ такая жаркая схватка между народомъ и войскомъ и самъ комендантъ Цыплетевъ едва не былъ убитъ; вслѣдствіе чего, находя присутствіе лжеимператора въ безпокойномъ Царицынѣ не безопаснымъ, его, вмѣстѣ съ его государственнымъ секретаремъ, на другой же день, т. е. 26 іюня, еще до свѣту вывезли тайно изъ Царицына въ Черный Яръ.

Надъ разбойниками и надъ дѣйствіями всей шайки Иванова производилось еще особое слѣдствіе, но исхода его мы не знаемъ. Неизвѣстно также, что сталось съ ея атаманомъ, кто онъ былъ, откуда родомъ, собиралъ ли своихъ молодцовъ послѣ бѣгства изъ Царицына, водилъ ли ихъ на новые разбои и чѣмъ кончилъ свою удалую жизнь: съ ружьемъ ли и ножемъ въ рукѣ, на Волгѣ или въ полѣ, умеръ ли подъ ударами кнута, пріютила ли его Сибирь въ своихъ золотыхъ рудникахъ.

Знакомство съ архивами прошлаго вѣка все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ мысли, что правительство, повидимому столь сильное извнѣ, было безсильно у себя дома и не въ состояніи было спасти страну отъ крайней неурядицы. Болѣзнь крылась глубоко и палліативы были недостаточны для успокоенія массъ. Нисколько неудивительно, что въ описываемое нами время

сами блюстители порядка, долженствовавшіе «недреманнымъ окомъ» смотрѣть за спокойствіемъ страны, поступали иногда не хуже понизовыхъ бурлаковъ: солдаты, оберегавшіе волжскіе караваны отъ разбойниковъ, иногда сами ихъ пощипывали, въ случаѣ оплошности судохозяевъ. Такъ военносудная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора Казадаева, назначенная для изслѣдованія виновности лицъ, оговоренныхъ шайкою атамана Иванова, въ одно и то же время должна была разбирать *дѣло о грабежѣ у слѣдующаго отъ Свурона до города Астрахани на суднѣ съ разнымъ хлѣбомъ, въ дачахъ города Царицына, пахотнаго солдата Козмы Полякова, напавшими разбойническими людьми его Полякова и работниковъ его пашпортовъ и денегъ.* (Цар. арх. N° 198. 1772 г.) А изъ дѣла этого видно, что «разбойническіе люди», ограбившіе судно, были солдаты царицынскаго 2-го батальона, намѣревавшіеся воспользоваться украденными паспортами для побѣга!

III.

Обходя молчаніемъ внезапное появленіе и такое же внезапное исчезновеніе предшественника Пугачева — царицинскаго Лже-петра III — самозванца Богомолова, какъ происшествіе уже извѣстное, и не касаясь событій народной драмы 1771—75 годовъ и всѣхъ ея эпизодовъ, группирующихся около Пугачева (что должно составить содержаніе особаго, обширнаго труда, предпринятаго нами), мы перейдемъ къ историческимъ проявленіямъ народной жизни въ эпоху, слѣдующую за смертью Пугачева. Но приступая къ передачѣ событій послѣ 1775 года, напомнимъ только, что связью между временемъ Пугачева и послѣдующимъ служитъ явленіе атамана Заметаева, въ которомъ народъ видѣлъ преемника Пугачева и котораго графъ Панинъ, въ печатныхъ объявленіяхъ, разсылаемыхъ по Россіи, называлъ «чудовищемъ», а Суворовъ считалъ опасною личностью *).

Почти въ одно время съ Заметаевымъ начинаетъ дѣйствовать разбойничій атаманъ Кулага, котораго въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени величали иногда *славнымъ разбойникомъ* **).

---

*) См. нашу статью — «Заметаевъ» — въ Рус. Дневн. 1859 г. NN. 7 и 8.

**) Цар. арх. N. 337. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ, именуемомъ Кулагою, съ шайкою его. 1775*

Около 1755—56 года изъ нижегородскаго имѣнія княгини И. Я. Голицыной, изъ деревни Отеревой, неизвѣстно куда скрылся молодой крестьянинъ, Константинъ Васильевъ Дудкинъ. Нѣсколько лѣтъ этотъ добрый молодецъ шатался, какъ самъ говорилъ, по разнымъ мѣстамъ, преимущественно по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ; спознавался добрый молодецъ «съ понизовыми бурлаками, со ярыгами кабацкими», и наконецъ очутился въ Астрахани, въ главномъ разбойничемъ притонѣ, откуда бродягамъ лежалъ широкій путь на всѣ четыре стороны — къ Киргизамъ, къ донскимъ казакамъ, на Уралъ и въ Персію; лучшіе притоны были на взморьѣ, на ловецкихъ ватагахъ, гдѣ атаманы набирали свои шайки и водили ихъ оттуда на расшивахъ, на косныхъ и ловецкихъ лодкахъ, вооруженныхъ иногда пушками, вверхъ по Волгѣ, къ персидскимъ границамъ и къ Киргизамъ за устье Эмбы и за Мертвый Култукъ, гдѣ подвизался Заметаевъ. Въ Астрахани бродяга Дудкинъ попался въ руки къ мѣстному начальству, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ и свое имя, и свою кочевую жизнь простаго бурлака. Пойманный безъ всякаго письменнаго вида, Дудкинъ назвался бѣглымъ рекрутомъ Степаномъ Кулагинымъ, и съ тѣхъ поръ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Кулаги*.

Мнимаго рекрута засадили подъ караулъ, судили въ Астраханской военной коммиссіи и опредѣлили въ солдаты въ Самарскій полкъ съ фамиліею Кулагина, гдѣ онъ прослужилъ тринадцать лѣтъ. Но въ это время княгиня Голицына узнала, что Дудкинъ, столько лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти и уже считавшійся погибшимъ, служилъ въ Самарскомъ полку подъ ложнымъ именемъ; она послала въ полкъ довѣренное лицо, убѣдилась въ истинѣ слуховъ, и приказала «поверстать» его въ зачетъ рекрута, съ отдачею въ астраханскій баталіонъ. Кулага снова поступилъ на службу, но уже пробылъ въ ней недолго: солдатская подначальная жизнь не могла удовлетворить его натуру, давно свыкшуюся съ буйной волей, такую жизнь не хотѣлъ сносить будущій атаманъ разбойниковъ, извѣдавшій и прелесть и горечь бродячей жизни. Кулага бѣжалъ.

Это было въ 1770 году. Въ первое же время своей независимости Кулага началъ подбирать себѣ шайку и готовить популярность своему имени. Еще не будучи извѣстенъ за опытнаго разбойничьяго атамана, Кулага успѣлъ навербовать товарищей, на первый разъ двѣнадцать человѣкъ, и они съ помощью людей одного астраханскаго чиновника, секретаря Торпакова, огра-

били его домъ и избили до полусмерти его жену. Но едва разбойники успѣли раздѣлить добычу, какъ были схвачены и засажены въ казематъ, находившійся при Троицкомъ монастырѣ. Военносудная коммиссія, назначенная надъ преступниками, опредѣлила прогнать ихъ сквозь строй («прогнать сквозь шпицъ-рутенъ»). Но монастырская тюрьма не могла удержать Кулагу: въ августѣ 1774 года, въ то смутное время, когда Пугачевъ прошелъ уже Саратовъ и подвигался все къ югу, и когда всѣ уцѣлѣвшіе остроги были набиты арестантами, ждавшими освободителя, мнимаго Петра III, Кулага бѣжалъ изъ монастыря, и съ нимъ ушло другихъ колодниковъ до 25 человѣкъ.

Съ этой поры популярность Кулаги утвердила за нимъ титулъ атамана и почетное между разбойниками названіе *батюшки*. Впрочемъ бо́льшая часть бѣжавшихъ изъ Троицкаго монастыря были переловлены. Самъ Кулага едва спасся бѣгствомъ на взморье и принужденъ былъ всю зиму укрываться въ урочищѣ Бертюлѣ. Но весной онъ рѣшился организовать свою шайку и занялся вербованіемъ молодцовъ, въ которыхъ не было недостатка. Однимъ изъ первыхъ его товарищей былъ семинаристъ Силантьевъ. Силантьевъ былъ родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа, воспитывался въ казанской семинаріи и неизвѣстно по какимъ причинамъ бѣжалъ оттуда, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ явился въ Астрахань и поступилъ въ прикащики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занималъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшился идти въ разбойники, соединился съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ, и, успѣвъ пригласить только двухъ человѣкъ въ свою партію, прежде всего разграбилъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ его былъ несчастливъ: грабители были схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ одну тюрьму съ Кулагою, который, какъ мы сказали, содержался въ Троицкомъ монастырѣ. Вѣроятно, здѣсь они познакомились, потому что семинаристъ, спасшись отъ наказанія, прежде всѣхъ присталъ къ шайкѣ Кулаги. Силантьевъ спасся изъ монастыря въ числѣ 25 человѣкъ и притомъ въ одно время съ Кулагою. Кулага скрывался всю зиму въ Бертюлѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ высокихъ камышахъ. Весною 1774 года они соединились для предстоящихъ подвиговъ. Другимъ отважнымъ сподвижникомъ Кулаги и товарищемъ его злополучій былъ нѣкто Тарабаринъ, бѣглый солдатъ, служившій прежде въ астраханскомъ четвертомъ батальонѣ. Онъ оставилъ свой батальонъ

только въ іюлѣ 1775 года, нѣсколько времени жилъ въ камышахъ, скрываясь отъ сыщиковъ, и уже въ августѣ поступилъ въ шайку Кулаги. Еще раньше Тарабарина присталъ къ Кулагѣ разбойникъ Шумниковъ, родомъ изъ Владимірской губерніи, изъ экономическихъ крестьянъ села Ославскаго. Шумниковъ, какъ самъ говорилъ, отданъ въ рекруты «во второй наборъ подъ Турка» и, по приведеніи къ присягѣ, отправленъ былъ въ полкъ; пройдя съ партіею Владиміръ, онъ бѣжалъ съ дороги и пробрался на Волгу, въ городъ Дмитріевскъ (Камышинъ), на соляную пристань; здѣсь онъ нанимался въ работники къ разнымъ хозяевамъ и работалъ на солевозныхъ судахъ всю зиму 1771 года; оттуда сошелъ, по обыкновенію всѣхъ бродягъ, въ Астрахань, гдѣ шатался между черноръченскими ловцами въ продолженіи трехъ лѣтъ, не находя для себя занятія по сердцу. Но весной 1775 года онъ познакомился съ Кулагой и въ его шайкѣ нашелъ искомую волю и дѣятельность. Когда Шумниковъ спознался съ кулагинскою шайкою, онъ былъ еще очень молодъ: ему было только двадцать лѣтъ, потому что шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ рекруты. Еще мальчишкой, послѣ бѣгства изъ полка онъ бродилъ по Россіи. Наконецъ, въ шайкѣ Кулаги былъ еще одинъ такой же юный разбойникъ, Θедоръ Васильевъ, уроженецъ богатаго села Лыскова, «*помѣщика Грузинскаго царевича Егора Вахтундеича крестьянинъ* *).» Васильевъ также отданъ былъ въ солдаты въ Нижнемъ и «по учиненіи присяги,» когда рекрутскую ихъ партію гнали въ Москву, бѣжалъ изъ города Павлова. Потомъ въ селѣ Подловьевѣ онъ соединился съ неизвѣстными бурлаками, такими же какъ самъ онъ бродягами и всѣ вмѣстѣ «въ лодкѣ сбѣжали до города Астрахани.» Въ Астрахани Васильевъ не имѣлъ постояннаго жительства и оставался тамъ недолго, а пробрался въ море, гдѣ и жилъ между ловцами. Наскучила ли ему эта жизнь на морѣ, хотѣлось ли ему повидать свою родину, только молодой бродяга «намѣреніе возъимѣлъ, чтобъ пройтить пока вверхъ,» и случайно ли столкнувшись въ Астрахани съ Кулагою, или привлеченный въ его шайку молвой его имени, уже извѣстнаго, и по взморью на всемъ понизовьѣ, онъ поступилъ подъ начальство этого разбойника.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь лицъ, семинариста Силантьева, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ Тарабарина, Шумникова и Васильева, въ шайкѣ Кулаги находилась не одна отважная голова;

*) Въ другомъ мѣстѣ — *Вахтунгвича.*

только эти четыре разбойника были, какъ кажется, всѣхъ ближе къ нему: притомъ Силантьевъ, какъ сынъ протопопа и воспитанникъ семинаріи, могъ служить ему въ качествѣ секретаря, потому что самъ Кулага былъ безграмотенъ. Впрочемъ, шайка Кулаги, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась прибытіемъ новыхъ лицъ, то уменьшалась: иные разбойники, сдѣлавъ два-три набѣга, оставляли шайку; иногда, конечно, они тайно скрывались отъ атамана, а иногда онъ самъ, по личнымъ разсчетамъ, уменьшалъ составъ своего маленькаго ополченія. Ополченіе это было дѣйствительно невелико, хотя умѣло тревожить край, наводило иногда большой страхъ на жителей понизовья, причиняло тревогу властямъ, и вообще надѣлало много шуму.

Кулага, какъ всѣ вообще поволжскіе разбойники прошлаго вѣка и атаманы, державшіе разбой на Каспійскомъ морѣ, былъ по преимуществу пиратъ. Какъ и Заметаевъ, онъ предпочиталъ дѣйствительно ходить на легкой коснѣ или рыбачьей лодкѣ, а не на большомъ суднѣ. Эта «легкая лодочка» поволжскаго разбойника довольно извѣстна изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя теперь уже рѣдко поются. Но въ первое время Кулага не имѣлъ у себя ни судна, ни лодокъ, а дѣлалъ свои переходы сухимъ путемъ; онъ производилъ грабежи, сообразуясь съ силой своей шайки и не рѣшаясь предпринимать такихъ нападеній, какія могли удаваться только при помощи огнестрѣльнаго оружія и на водѣ, гдѣ онъ могъ расчитыватъ на свою ловкость и увертливость, на умѣнье гребцовъ обращаться съ веслами и парусами. Къ этимъ сухопутнымъ походамъ Кулаги, вѣроятно, принадлежитъ нападеніе на Башмаковку, гдѣ разбойники ограбили питейный домъ, запаслись водкой и отправились на новые промыслы. Послѣ погрома башмаковскаго кабака, одинъ изъ товарищей Кулаги, разбойникъ Шумниковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ покинулъ свою шайку и снова, въ качествѣ простаго бурлака, отправился на ловецкіе станы, гдѣ и работалъ за деньги.

Скромные сухопутные грабежи скоро перешли въ отважные разбои, когда шайка Кулаги завладѣла гдѣ-то, или просто украла большую завозню, родъ небольшаго судна, которое называлось «досчаникомъ.» Кулага посадилъ на него свой отрядъ и отправился въ первую морскую экспедицію, которая какъ нельзя болѣе удалась ему. Не имѣя въ своей маленькой командѣ ни пушки, ни ружей, ни сабель, Кулага съ жалкимъ бурлацкимъ вооруженіемъ, какое нашлось у его шайки, отправился вверхъ отъ взморья и сдѣлалъ нападеніе на старую ватагу купца Сквор-

цова. Въ то время ватаги, мѣста рыболовныхъ становъ, были не то, что въ настоящее время: частыя нападенія разбойниковъ, Киргизъ-кайсаковъ и Калмыковъ заставляли хозяевъ имѣть на своихъ ватагахъ вооруженную стражу, которая могла бы дать отпоръ всякому насилію и оружіе отразить оружіемъ; на болѣе богатыхъ ватагахъ всегда имѣли запасъ пороха, ружей, пикъ и проч.; на иныхъ находилась артиллерія, конечно плохенькая, какія нибудь двѣ-три чугунныя пушки, но все-таки достаточная для отраженія неприятеля; рабочіе на ватагахъ и самые ловцы могли въ одно время быть и промышленниками и солдатами. Плохо ли былъ защищенъ станъ Скворцова, или Кулагѣ помогла его отвага, только станъ былъ взятъ и ловцы ограблены, Кулага забралъ у нихъ деньги, взялъ также шесть ружей «съ приборами,» двѣ шашки, ловецкую одежду, хлѣбъ, рыболовныя сѣти и паспорты. Паспорты тотчасъ были разобраны шайкою «по сходству примѣтами», чтобы на всякій случай имѣть подъ руками законный видъ, которымъ можно было бы прикрываться въ опасности. Разбойникъ-семинаристъ, конечно, прочиталъ своимъ товарищамъ эти добытые паспорты, и въ какомъ изъ нихъ примѣты болѣе подходили къ наружности котораго либо изъ разбойниковъ, тотъ и доставался на его долю.

Ограбивъ ватагу Скворцова, Кулага взялъ для себя двѣ лодки, на которыхъ удобнѣе было производить разбои, а свой досчаникъ бросилъ на ватагѣ. Шайка пересѣла теперь на легкія лодочки и отправилась на новые подвиги...

Что сверху-то было Волги-матушки,
Что плыветъ гребетъ *легка-лодочка*;
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней носъ, корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки;
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры-молодцы,
Посреди лодки красна-дѣвица,
Эсаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница и т. д.

Правда, лодка, на которой ѣхалъ Кулага, не была изукрашена и раззолочена; самъ атаманъ, конечно, смотрѣлъ простымъ бурлакомъ и добрые молодцы, быть можетъ, одѣты были въ

лохмотьяхъ; не было у нихъ и красной дѣвицы; но легкая лодочка, предводительствуемая Кулагой, нападала также храбро, какъ и раззолоченныя. Кулага зналъ, что съ лодками легче было управляться; лодку можно было спрятать въ любомъ камышѣ; ее можно было перетащить черезъ широкую песчаную косу и отмель; лодка могла плыть невидимою и незамѣченною подъ самымъ бортомъ судна, которое разбойники собирались абордировать; лодка на двѣнадцать веселъ могла убѣгать отъ преслѣдователей, какъ птица на крыльяхъ.

Въ это время Кулага раза два посѣтилъ своего прежняго товарища Шумникова, бывшаго сподвижникомъ его при разграбленіи питейнаго дома на Башмаковкѣ. Шумниковъ, какъ мы сказали, находился на ловецкихъ ватагахъ и почему-то бросилъ ремесло разбойника, хотя, можетъ быть, на время. Кулага пріѣзжалъ къ нему, и Шумниковъ снабжалъ своего атамана — батюшку съѣстными припасами.

29 іюня во второмъ часу полуночи, Кулага съ одной только лодкою на десять веселъ и съ десятью только разбойниками явился на щучинской ватагѣ купца Шарыпина. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ выбралъ 29 іюня, потому что, по случаю праздника Петрова дня, Кулага ожидалъ, что всѣ люди на ватагѣ должны быть или пьяны или въ отлучкѣ. Дѣйствительно, онъ не засталъ тамъ почти никого и потому не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Ватага была обобрана, какъ и прочія мѣста, куда являлась кулагина шайка. Не оставаясь здѣсь долго, разбойники съ щучинской ватаги отправились далѣе и прибыли къ табуну Шарыпина, который находился за рѣкою Болдою. Вѣроятно, разбойники искали хозяина и его денегъ, или имъ нужно было получить какія-либо свѣдѣнія отъ табунщика, Калмыка Лозана Танкіева, только они, неизвѣстно по какой причинѣ, жестоко «смертельно» избили нагайками этого бѣднаго пастуха и Калмычку, жену его, избили такъ, что нельзя было даже надѣяться, останутся ли въ живыхъ эти несчастные. Послѣ этого Кулага снова поплылъ внизъ по рѣкѣ Болдѣ къ каспійскому взморью *). Въ этихъ похожденіяхъ прошла ночь Петрова дня

---

*) Въ поданномъ въ Астраханскую оберъ-комендантскую канцелярію отъ астраханскаго купца Степана Шарыпина объявленіи написано: «минувшаго-де іюня 29 числа, во второмъ часу пополуночи, въ небытность на щучинской ево ватагѣ работныхъ людей, пріѣхавъ на оную ватагу *въ одной лоткѣ на десять веселъ воровской атаманъ, называемой Кулага, съ това*

На другой день, рано утромъ, когда еще только начало разсвѣтать, небольшой отрядъ «разъѣздной команды» поручика Иванова, находившійся на рѣкѣ Болдѣ для охраненія окрестностей отъ нападенія разбойниковъ и состоявшій изъ капрала и нѣсколькихъ солдать, случайно усмотрѣлъ лодку, которая плыла на веслахъ внизъ по Балдѣ. Извѣстно, что разъѣздныя команды или *высылки*, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, съ самаго начала XVII столѣтія постоянно разъѣзжали по Волгѣ на лодкахъ, оберегая безопасность судоходства и преслѣдуя воровскія партіи отъ дистанціи до дистанціи. Такая высылка находилась въ то время на Болдѣ *). Когда плывшая по этой рѣкѣ лодка поравнялась съ рыбнымъ плотомъ, находящимся на Трехъизбинской ватагѣ упомянутаго купца Шарыпина, разъѣздная команда стала окликать ее, спрашивая по обыкновенію: что за́ люди? — «Добрые люди» — данъ былъ отвѣтъ съ лодки этими «невѣдомыми людьми», и, нетронутые высылкою, неизвѣстные пловцы приблизились къ ватагѣ. Они подъѣхали къ кухнѣ этого заведенія, пристали къ берегу — и вдругъ изъ лодки выскочилъ «воровской атаманъ разбойникъ Кулага и съ нимъ воровская его партія». — Ограбивъ щучинскую ватагу, Кулага про-

---

рыщи своими десятью человѣками, съ ружьями, палашами, большими ножами, которые по пріѣздѣ взяли на той ево ватагѣ изъ его припасовъ и у протчихъ нѣсколько экипажа, и побывъ на той ево ватагѣ самое малое время, и съ оной ватаги поѣхали въ собственный ево конной табунъ, имѣющейся при той ватагѣ за Болдою рѣкою, и въ ономъ табунѣ находящагося пастуха, калмыка Лозона Танкіева, били ево и жену ево нагайками смертельно, и, будутъ ли отъ тѣхъ ихъ побой впредъ живы или нѣтъ, неизвѣстно, и съ того табуна оные разбойники поѣхали внизъ по рѣкѣ Болдѣ.»

*) Вотъ одна старая разбойничья пѣсня, въ которой проклинаются эти *высылки* и воевода, отправляющій ихъ для поимки добрыхъ молодцовъ:

Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное,
Еще лихъ ли на нашъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ отъ Казани *часты высылки,*
Высылаетъ все *высылки стрѣлецкія*,
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцовъ,
Называютъ насъ ворами, разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжскіе,
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ, —
Воровства, грабительства довольно есть.

бирался къ каспійскому взморью и по дорогѣ рѣшился снова попытать счастья на другомъ заведеніи Шарыпина. Къ счастью его, и на Трехъ-избинской ватагѣ почти никого не было, потому что и работные люди почти всѣ на срокъ отпущены были для расчету въ Астрахань, а потому, обманувъ разъѣздную команду ложнымъ отвѣтомъ на ея окликъ, Кулага могъ свободно управиться съ оставшеюся на ватагѣ прислугою и разсчитывать на успѣхъ. Но разъѣздная команда, замѣтивъ, что въ движеніяхъ невѣдомыхъ людей было что-то недоброе, тотчасъ вооружилась противъ «оныхъ злодѣевъ» и открыла ружейный огонь. «И какъ усмотря оныхъ злодѣевъ, капралъ и солдаты тотчасъ противу ихъ вооружились и стрѣляли по ворамъ изъ ружей; но напротиву того воровской атаманъ Кулага съ товарищи своими по солдатамъ изъ ружей и пистолетовъ палилъже, и была сильная пальба со обоихъ сторонъ, *и по той пальбѣ было сраженіе, отъ которой стрѣльбы нѣкоторые воры были и ранены, также и солдаты.* Напослѣдокъ тѣ воры, усилившись съ сандовми (?) и дротиками, изъ рукъ у солдатъ ружья выбили, которыхъ солдатъ, по преодолѣніи, тѣ воры били нещадно, имѣющіяся жъ при промыслѣ его (Шарыпина) на водѣ ловецкія ево и протчія лодки изрубили и затопили».

Послѣ этой жаркой схватки, когда команда была обезоружена и солдаты избиты «нещадно», однакоже не умерщвлены, и когда Кулага увидѣлъ себя полнымъ господиномъ ватаги, онъ ограбилъ ее и ни минуты долѣе не оставался на берегу. Шайка его, съ нѣкоторыми ранеными, опять вошла въ лодку и продолжала свой путь къ морю. Одно, вѣроятно, негодное, ружье было брошено на ватагѣ.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда Кулага производилъ этотъ смѣлый разбой на Трехъ-избинской ватагѣ, знаменитый Заметаевъ, пойманный за пять дней передъ этимъ, сидѣлъ въ Кумшацкой станицѣ, закованный въ желѣза. Вообще разбои этихъ двухъ самыхъ популярныхъ атамановъ, производились въ одни и тѣ же мѣсяцы, только Заметаевъ совершалъ свои воровскія экспедиціи большею частію на Каспійскомъ морѣ, имѣлъ схватки съ Киргизами и доходилъ до азіятскаго берега Каспійскаго моря, а Кулага рыскалъ преимущественно въ устьѣ Волги и по взморью. Наконецъ, вслѣдъ за послѣднимъ сраженіемъ, онъ также выплылъ въ открытое море и направился къ такъ-называемому морскому бибиковскому стану, принадлежавшему

тоже купцу Шарыпину. Что дѣлалъ Кулага на этомъ станѣ и куда потомъ отправился, мы не знаемъ.

Но скоро вѣсть о Кулагѣ и его подвигахъ достигла Астрахани. Астраханское начальство, встревоженное незадолго до этого страшными успѣхами Заметаева и незнавшее о поимкѣ его, еще болѣе встревожилось, узнавъ, что кромѣ Заметаева существуетъ еще какой то Кулага-атаманъ. Оберъ-комендантъ города Астрахани, генералъ Левинъ, тотчасъ разослалъ ко всѣмъ поволжскимъ комендантамъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, строжайшіе ордеры о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ противъ новаго опаснаго разбойника. Онъ приказалъ, во что̀ бы то ни стало выслѣдить и искоренить его безъ *всякаго упущенія, не принося никакихъ въ томъ невозможностей;* «предписывалъ и» разъѣзднымъ командамъ накрѣпко подтвердить, подъ опасеніемъ, есть ли въ томъ хотя малая оплошность и упущеніе послѣдуетъ, поступленія по всей строгости законовъ «и вслѣдъ» по часту репортовать» о томъ, что̀ будетъ происходить. Подобное предписаніе получено было также въ Царицынѣ и Цыплетевъ отвѣчалъ на него Левину, что «находящимся въ разъѣздахъ по рѣкѣ Волгѣ и сухопутно господамъ командирамъ, чтобъ они по точности вышеписаннаго въ ордерѣ вашего превосходительства предписанія, въ сыску и поискѣ воровъ, *а наипаче важныхъ разбойниковъ, имѣли всеусердное и неусыпное стараніе, безъ упущенія, наикрѣпчайше отъ меня подтверждено.*»

Между тѣмъ слухи о Кулагѣ и о томъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ, совершенно замолкли. Онъ точно безъ вѣсти пропалъ. Такъ прошло три мѣсяца. Наконецъ, 1-го октября царицынскій комендантъ узналъ отъ кого-то частнымъ образомъ, что Кулага, неизвѣстно какими судьбами, съ Каспійскаго моря очутился уже въ Дубовкѣ и тамъ пойманъ съ своими товарищами, а между тѣмъ въ тотъ же день прошелъ по Царицыну слухъ, что четыре разбойника изъ его шайки были недавно въ этомъ городѣ, и, нѣсколько часовъ назадъ, отправились вверхъ по Волгѣ на плывущей съ солью расшивѣ. Не медля ни минуты, комендантъ послалъ въ Дубовку нарочнаго, царицынскаго казака Корецкова, выѣхавшаго вслѣдъ за расшивой, въ пятомъ часу пополудни, съ указомъ, въ которомъ сообщалъ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ, чтобы она приняла слѣдующія мѣры: если дѣйствительно Кулага пойманъ и еще не отправленъ въ Царицынъ, — то останавливать всѣ плывущія снизу по Волгѣ суда, брать съ нихъ рабочихъ людей и, спросивъ паспорты, приводить каждаго изъ нихъ къ Ку-

лагѣ; если Кулага на вопросъ, принадлежности взятыхъ съ судна рабочихъ — къ его шайкѣ, скажетъ, что дѣйствительно принадлежали, то не смотря ни на чтó, если бы даже эти уличенные имѣли паспорты, брать подъ караулъ, оковывать въ крѣпкія железа и присылать въ Царицынъ» за крѣпкимъ присмотромъ, дабы оные въ дорогѣ утечки учинить не могли.» На другой день Волжская войсковая канцелярія увѣдомила Цыплетева, что Кулага дѣйствительно пойманъ, вмѣстѣ съ четырьмя соучастниками, въ волжскомъ войскѣ, и уже совсѣмъ приготовленъ былъ къ отправкѣ въ Царицынъ, какъ пріѣхалъ въ Дубовку посланный Цыплетевымъ казакъ Корецковъ и остановилъ проводы разбойниковъ. Между тѣмъ за проходившими мимо Дубовки судами стали слѣдить внимательно. Едва успѣлъ воротиться Корецковъ, Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Дубовку другаго курьера и требовалъ, чтобы также взяты были съ судовъ и другіе подозрительные люди и привезены въ Царицынъ; — но чтобы хозяевамъ судовъ не дѣлали ни остановокъ, ни притѣсненій, а велѣли слѣдовать «своимъ трактомъ».

Поимка Кулаги была дѣломъ совершенно случайнымъ: въ ночь на 25-е сентября, часу въ третьемъ пополуночи, войсковой старшина волжскаго войска Андрей Персидскій и квартирмейстеръ Филиппъ Кріулинъ замѣтили, что по Волгѣ, въ такую позднюю пору, видимо, пользуясь темнотою ночи, подозрительнымъ образомъ пробиралась вверхъ съ невѣдомыми людьми лодка; лодка была перехвачена и находившіеся въ ней четыре человѣка взяты и приведены въ войсковую канцелярію. Сначала неизвѣстно было что̀ это за люди; но случай опять выдалъ Кулагу: въ Дубовкѣ находился въ это время астраханской губернской канцеляріи сказочный Аѳанасій Ивановъ; однажды онъ зашелъ въ кабакъ и увидѣлъ тамъ человѣка, лицо котораго было ему знакомо; этого человѣка онъ видѣлъ прошлой зимой въ Астрахани, когда тотъ сидѣлъ въ острогѣ, и теперь узналъ въ немъ извѣстнаго атамана. Примѣченный въ кабакѣ незнакомецъ дѣйствительно былъ Кулага, которому, при его популярности, трудно было укрыться. Лицо разбойника было знакомо многимъ, особенно въ Астрахани, гдѣ онъ надѣлалъ столько шуму и тревогъ, а потому Ивановъ, узнавъ его, отправился въ войсковую канцелярію и донесъ, что Кулага въ Дубовкѣ. Это было 25 сентября, именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ канцелярію привели неизвѣстныхъ четырехъ бродягъ, пойманныхъ ночью на Волгѣ — Персидскимъ и Кріулинымъ. Вѣсть, пе-

реданная Ивановымъ дубовскимъ властямъ, заставила подозрѣвать, нѣтъ ли Кулаги между этими четырьмя взятыми бродягами, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ былъ въ числѣ ихъ. Съ нимъ находился также и товарищъ его Тарабаринъ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Кулагу, при взятіи Трехъизбинской ватаги на Болдѣ и при пораженіи разъѣздной команды. Послѣ того онъ выѣхалъ въ море. Изъ архивныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, не видно, долго ли онъ пробылъ на морѣ и какіе еще производилъ грабежи; но по всей вѣроятности, опасаясь все болѣе и болѣе распространявшихся о немъ слуховъ, будучи увѣренъ, что разъѣздныя команды ищутъ его по всѣмъ направленіямъ и имя Кулаги не разъ произносилось въ комендантскихъ да гражданскихъ канцеляріяхъ, писалось и переписывалось въ ордерахъ и промеморіяхъ, повторялось шопотомъ и на базарахъ, — однимъ словомъ, — испугавшись своей популярности, Кулага рѣшился оставить мѣста, гдѣ его знали. Онъ покинулъ море и снова вошелъ въ Волгу. Неизвѣстно какъ онъ пробрался мимо Астрахани, только, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы встрѣчаемъ его уже за Дубовкой. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ попытать счастья гдѣ нибудь въ верховыхъ городахъ, и, собравъ самыхъ вѣрныхъ товарищей, Тарабарина, бурсака Силантьева, Шумникова, Васильева и двухъ Ивановыхъ, отправился въ Русь на зимовку. Такимъ образомъ изъ всей шайки его осталось только шесть человѣкъ, съ которыми онъ и доплылъ до Царицына въ двухъ лодкахъ, не слишкомъ опасаясь преслѣдованій и не боясь иногда завернуть въ царевъ кабакъ, который и былъ причиной его гибели. Нѣсколько ниже Царицына, разбойники раздѣлились на двое: Кулага и Тарабаринъ сѣли на одну лодку, взявъ съ собой еще какихъ-то двухъ незнакомыхъ прохожихъ, а прочіе товарищи, съ другою лодкою, остались въ Царицынѣ, гдѣ намѣревались пріобрѣсти лошадей и ѣхать на Донъ — «для якобы работъ». Кулага, Тарабаринъ и два незнакомые прохожіе *), какъ мы видѣли, взяты уже за Дубовкой;

---

*) Послѣ оказалось, что прохожіе не были разбойники и даже не бродяги. Одинъ изъ нихъ, — муромскій крестьянинъ Григорьевъ, — находясь въ Астрахани, потерялъ свой паспортъ, и, вслѣдствіе манифеста, публикованнаго послѣ смерти Пугачева, получилъ въ Астрахани новый видъ, «съ тѣмъ, чтобъ онъ шелъ въ домъ прямейшимъ трактомъ;» случай столкнулъ его съ Кулагой: увидѣвъ на Волгѣ лодку этого разбойника, Григорьевъ, «совокупясь еще съ товарищемъ, подошедъ просили, чтобъ доѣхать въ Дубовку, почему они и пріѣхали сюда (въ Дубовку), а что они бѣглые солдаты

оставшіеся при другой лодкѣ также раздѣлились по-двое: бурсакъ Силантьевъ и Васильевъ, бросивъ лодку, покинули своихъ товарищей, нѣсколько дней прожили въ Царицынѣ на квартирѣ и потомъ отправились въ путь пѣшкомъ; недалеко отъ Волги, на бечевникѣ, они были пойманы казаками и приведены въ Дубовку. Два остальные разбойника изъ партіи Кулаги, оставшіеся при лодкѣ, Ивановы, продали ее въ Царицынѣ и нанялись на какое-то судно, въ качествѣ бурлаковъ. Несмотря на то, что всѣ суда, плывшія вверхъ, осматривали въ Дубовкѣ и рабочихъ приводили къ Кулагѣ, — Ивановыхъ не нашли, или, какъ сказано въ дѣлѣ, Ивановы, «по осмотру имъ, Кулагинымъ, на идущихъ снизу судахъ, не угаданы.» Но вмѣсто нихъ случайно былъ пойманъ Шумниковъ, оставившій, какъ мы видѣли, шайку Кулаги, вскорѣ послѣ разгрома питейнаго дома на Башмаковкѣ. Сговорился ли онъ съ Кулагою пробраться «въ Русь» или самъ рѣшился оставить морскія ватаги, только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Кулага уже давно проплылъ Астрахань, онъ подговорилъ съ собой бѣглаго астраханскаго солдата Петрова, пріобрѣлъ особую для себя лодку и явился въ Царицынъ; здѣсь они продали лодку и отправились искать по хуторамъ работы; на дорогѣ присталъ къ нимъ еще одинъ бѣглый солдатъ, и уже на рѣчкѣ Пичугѣ они были пойманы. Такъ переловлены были всѣ главные товарищи Кулаги.

9-го октября всѣ они были привезены въ Царицынъ, а 13-го отправлены по форпостамъ въ Астрахань на судѣ.

Въ сопровожденіе арестантовъ, «по ихъ важности, как оные въ чиненіи сильныхъ разбоевъ не малое время упражнялись безъ недостатка,» командированъ былъ сильный конвой подъ начальствомъ офицера Ахапкина, которому дана была особая инструкція относительно надсмотра за преступниками *).

и разбойники, того не знали, съ которыми и взяты за караулъ» (изъ допроса Григорьева). Другой прохожій — уржумскій крестьянинъ Ямщиковъ, тоже жилъ въ Астрахани, гдѣ просрочилъ свой паспортъ и, также какъ Григорьевъ, получилъ новый, добрался до Царицына, выпросилъ себѣ мѣсто на лодкѣ у Кулаги, и, подобно Григорьеву, взятъ былъ съ Кулагою въ Дубовкѣ. Мы думаемъ, что прохожіе эти были нѣкогда въ войскѣ Пугачева, а не потеряли паспорты.

*) Инструкція эта сама по себѣ составляетъ очень любопытный историческій матеріалъ и кромѣ того показываетъ, какое значеніе могъ имѣть Кулага въ глазахъ правительства. Ахапкину повелѣвалось:

1) «Съ гобвахты отъ караулнаго господина офицера принять показаннаго атамана, скованнаго въ наручни и на обѣихъ ногахъ въ колодкѣ, а

IV.

Въ слѣдующемъ году начальники волжскаго войска, собственно той части, которая осталась непереселенною на Терекъ, будучи заподозрѣны въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ разбойни-

---

прочихъ, какъ въ паручняхъ, такъ и въ такихъ же колодкахъ осмотря, гораздо укрѣпить.»

2) «А потомъ принявъ изъ комендантской канцеляріи запечатанные конверты, рапортъ къ астраханскому оберъ-коменданту, господину генералъмаіору Василію Василіевичу Левину, и сообщеніе господину подполковнику и Черноярскому коменданту Айдарову и подорожную для вашего благородія на двѣ лошади, да прогонныхъ денегъ какъ до Астрахани, такъ и на обратный путь, всего 14 руб. 88 коп., да кормовыхъ денегъ 70 коп., отъ воеводской канцеляріи, слѣдовать въ путь, при наряженномъ съ вами конвоѣ съ линіи для разстановленія по состоящимъ отъ Царицына форпостамъ и въ Черной Яръ командѣ казаками, и, будучи въ трактѣ, оставляя назначенное, гдѣ сколько слѣдуетъ, по форпостамъ число казаковъ, а съ послѣдняго, съ Мазайскаго, тожъ и съ подлежащими въ Черной Яръ 15-ю человѣками слѣдовать до Астрахани, принявъ тѣхъ разбойниковъ 7 человѣкъ отъ стоящаго при гобвахтѣ караулнаго офицера, заклепавъ всѣхъ въ крѣпкія ручныя и ножныя колодки, посадя на подводы, распредѣлитъ къ нимъ изъ конвою къ каждому по разсмотрѣнію вашему.»

3) «Будучи въ пути имѣть крѣпкую предосторожность, дабы утечки учинить не могли, подъ опасеніемъ за оное лишенія чести и по законамъ наказанія, осматривать всегда колодки и паручни въ пути, окружась конвоемъ, а на ночлегахъ и ночевьяхъ въ форпостныя землянки сажать и при нихъ часовымъ смотрѣть для недопущенія ихъ до разговоровъ и чтобъ не могли другъ другу помогать въ сбиваніи колодокъ, къ лучшему смотрѣнію стараться на ночь доставать на свѣтъ жиру или лучины, и сверхъ того, то мѣсто окружать особыми часовыми, ибо отъ такихъ злодѣевъ ничего не можно ожидать, какъ при всякомъ послабленіи сдѣлать уходъ, и обратиться на прежнія злодѣйствы не оставятъ, то вамъ въ томъ нужда состоитъ, чтобъ они ежечасно были подъ вашимъ самоличнымъ смотрѣніемъ, а и ночью имѣете караулныхъ осматривать и накрѣпко имъ подтверждать о семъ, дабы находились осторожны.

4) «На пропитаніе ихъ купить здѣсь сутки на трое хлѣба, употребя по 2 коп. на человѣка въ сутки, и онымъ удовольствовать.»

5) «По прибытіи въ Черный Яръ къ тамошнему господину коменданту явясь по здѣшному сообщенію при подачѣ онаго донесть, чтобъ на далной путь конвоемъ и пропитаніемъ не оставилъ онъ снабдить по своему распоряженію, и въ Енотаевской крѣпости равно отъ тамошнего господина коменданта всѣмъ снабдиться, а по прибытіи въ Астрахань, того жъ часа представить къ его превосходительству и, по отдачѣ оныхъ, просить отпуску и слѣдовать обратно и явиться въ командѣ какъ наискоряе.»

ками, выставляли передъ правительствомъ какъ важную услугу, оказанную Россіи, то обстоятельство, что стараніемъ ихъ пойманъ *«оный славный разбойникъ Кулага»*.

Люди, принимавшіе на себя имя императора Петра III, были всѣ изъ солдатъ, казаковъ и рекрутъ: самозванецъ Кремневъ былъ солдатъ, Богомоловъ — казакъ легіонной команды, Пугачевъ — донской казачій офицеръ, Ханинъ — отставной казакъ; точно также всѣ разбойничьи атаманы, предводители шаекъ, большая часть изъ эсауловъ и разбойниковъ были солдаты, военные дезертеры и молодые рекруты: знаменитый Заметаевъ былъ дезертеръ, Жеребцовъ (эсаулъ Заметаева), атаманъ Кулага, его товарищи Тарабаринъ, Шумниковъ и Васильевъ, Брагинъ и Зубакинъ — также бѣжавшіе изъ войска; Сучковъ, Хохловъ, Данилинъ, Збойковъ, Иванъ Рыжій и много другихъ, о которыхъ мы будемъ говорить, также всѣ военные бѣглецы. Атаманъ Наумъ Филиповъ *), о которомъ идетъ теперь рѣчь, родился въ крестьянскомъ семействѣ, самарскаго уѣзда, въ селѣ Маркващъ, въ имѣніи графа Девіера. Въ 1756 году онъ былъ отданъ въ рекруты, въ тенгинскій пѣхотный полкъ, а изъ него перечисленъ въ томскій, который въ 1770 году былъ назначенъ въ Грузію. Когда томскій полкъ выступилъ изъ Царицына по кизлярской дорогѣ, Филиповъ бѣжалъ. Такъ и Калуга оставался въ полку лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, но потомъ, какъ и Филиповъ, рѣшился искать счастія въ бродячей жизни поволжскаго разбойника. Филиповъ прежде всего пробрался на Донъ, въ самый центръ бурлацкихъ притоновъ, гдѣ атаманы, при нуждѣ, могли собирать до ста добрыхъ молодцевъ, именно въ Качалинскую станицу, гдѣ уже въ то время имѣлъ свой станъ атаманъ Ивановъ съ шайкою. Но Филиповъ не вступилъ въ шайку Иванова, а нанялся къ одному казаку — промышленнику въ рабочіе и съ качалинской пристани уплылъ на плотѣ своего хозяина внизъ по Дону, потому что плотъ слѣдовалъ въ Черкаскъ. Плаванье по Дону и бурлацкія обязанности вѣроятно не понравились Филипову, и онъ, не доѣзжая до Кочетовской станицы, притворился тяжко больнымъ. Ему выдали заработанныя деньги и ссадили на берегъ. Съ рублемъ мѣди въ карманѣ мнимый больной пришелъ въ Кочетовскую станицу, поселился въ кабакѣ и дня два пилъ «на оныя деньги» зелено ви-

---

*) *Дѣло о разбойникѣ Степанѣ Сучковѣ съ товарищи.* 1775. Цар. Арх. N. 323.

но; кабацкая жизнь свела его съ кочетовскимъ казакомъ Топорковымъ, которому Филиповъ признался, что бѣжалъ изъ вотчины, и былъ нанятъ Топорковымъ въ работники, съ платою по семи рублей въ годъ и съ хозяйской одеждой. Топорковъ взялъ Филипова на свой хуторъ, стоящій на Донцѣ верстахъ въ шести отъ кочетовской станицы, и держалъ его два года; но потомъ, по признанію самого Филипова, Топорковъ выслалъ его изъ своего хутора, сказавъ: «мнѣ тебя уже болѣе держать не можно». Филиповъ рѣшился выйдти на Волгу, поискать счастья въ вольномъ поволжьѣ и пошелъ вверхъ рѣкой Дономъ и Медвѣдицей. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ селѣ Руднѣ, шацкаго уѣзда, на рѣкѣ Терсѣ, впадающей въ Медвѣдицу; тамъ встрѣтился съ знакомымъ солдатомъ Иваномъ Кирпишниковымъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ рекруты; узналъ, что Кирпишниковъ, подобно ему, бѣжалъ изъ арміи и живетъ у руднинскаго малороссіянина Лифарева, Филиповъ просилъ познакомить его съ Лифаревымъ, который и послалъ ихъ обоихъ на свой хуторъ, на рѣчку Щелканъ, гдѣ бѣглецы и прожили два года, въ качествѣ работниковъ. Но потомъ и Лифаревъ, сказавъ имъ — «вы уже мнѣ болѣе не надобны,» — отослалъ отъ себя, вѣроятно, боясь попасться съ ними въ подьяческія руки, потому что это былъ уже 1774 годъ, когда противъ партіи Пугачева и противъ всякихъ «невѣдомыхъ» людей принимались предосторожности. Филиповъ и Кирпишниковъ прошли за Волгу и противъ самого Камышина нанялись на казенный перевозъ въ работники, гдѣ и оставались до самаго прихода въ Камышинъ Пугачева.

У Пугачева, во время слѣдованія его изъ Казани къ низовымъ городамъ, отправлены были Волгою цѣлые караваны судовъ съ съѣстными припасами, казной, награбленными товарами и тяжелой артиллеріей; на этотъ флотъ самозванца поступили и Филиповъ съ Кирпишниковымъ. Во время слѣдованія флотиліи мимо Дубовки, Кирпишниковъ высадился на берегъ и вмѣстѣ съ другими принадлежавшими къ войску Пугачева поступилъ въ конницу этого самозванца, а Филиповъ остался на одномъ изъ судовъ и продолжалъ плыть къ Царицыну. Верстъ за пять до этого города, судно, на которомъ находился Филиповъ, пристало къ Денежному острову, но было атаковано, съ сухаго пути, высланнымъ изъ Царицына военнымъ отрядомъ. Такъ какъ Денежный островъ былъ недалеко отъ берега, то судно не могло спастись отъ атакующаго отряда и принуждено было сдаться;

однако Филиповъ счастливо избѣжалъ плѣна. Когда съ берега сдѣлано было на нихъ нападеніе, Филиповъ и съ нимъ человѣкъ пятнадцать изъ находившихся на суднѣ соумышленниковъ Пугачева сѣли въ лодку, находившуюся при суднѣ, и бѣжали отъ отряда вверхъ по Волгѣ *). Они доплыли такимъ образомъ до караваинской станицы, оставили свою лодку въ безопасномъ мѣстѣ и пошли въ станицу.

Всѣмъ извѣстно, что вскорѣ послѣ того Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ и волжская флотилія самозванца уничтожена. Спасшіяся отъ войскъ Михельсона и Суворова толпы пугачевскаго ополченія разбрелись по всей Россіи. Съ ними изчезаетъ изъ виду и товарищъ Филипова Кирпичниковъ. Между тѣмъ Филиповъ, съ пятнадцатью бѣглецами, изъ караваинской станицы прошелъ на хуторъ казака Морозова, гдѣ надѣялся встрѣтить радушный пріемъ, потому что одинъ изъ его партіи, малороссіянинъ Власъ Якимовъ, жилъ прежде у Морозова и женатъ былъ на его крѣпостной дѣвкѣ. Морозовъ дѣйствительно позволилъ имъ переночевать у себя, хотя зналъ, что они бѣжали изъ пугачевскаго ополченія, и взялъ за это отъ бѣглецовъ нѣсколько дорогихъ подарковъ **). Утромъ вся партія разошлась въ разныя стороны, а на хуторѣ остались только Филиповъ, Хохловъ, Сучковъ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, и Власъ Якимовъ. Скоро Филиповъ свелъ короткое сердечное знакомство, или, какъ самъ выражался, — «спознался» съ сестрою волжскаго старшины Опцепкина, Ириною, которая жила на морозовомъ хуторѣ, и передалъ ей на сохраненіе часть своего добра ***). Дня черезъ четыре бѣглецы встрѣтили на хуторѣ караваинскаго казака, по фамиліи Вдовина, котораго зналъ Хохловъ, и этотъ послѣдній спросилъ у него:

— Не можно-ли намъ въ станицѣ у тебя въ домѣ сколько-нибудь пожить?

---

*) «Не доплывя оного (Царицына) верстъ съ пять (говорилъ послѣ Филиповъ на допросѣ), пристали къ Денежному острову, гдѣ высланною изъ Царицына воинскою командою оное судно съ сухова пути было атаковано; тогда мы испужавшись онаго, сѣвъ въ имѣющуюся при томъ суднѣ лодку, человѣкъ до 15-ти, избѣгая себѣ поимки и наказанія, поѣхали вверхъ по рѣкѣ Волгѣ.»

**) «Отъ насъ съ Васильемъ Хохловымъ (слова Филипова) отобралъ платковъ *таліянскихъ* разныхъ цвѣтовъ пять, цѣной каждой по 3 рубли, да отъ пришедшаго съ нами одново бурлака взялъ тогда жъ сукна алова тонкова шесть аршинъ.»

***) „.. рубашки двѣ — александрійской пестреди, и изъ нихъ одна съ золотымъ позументомъ, третья отласная травчетая, съ золотомъ же, всего по цѣнѣ болѣе 20-ти рублевъ.»

Бѣглецы имѣли свои виды переселиться ближе къ Волгѣ, ибо жизнь на хуторѣ у Морозова не представляла имъ никакихъ особенныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ Волга являлась широкимъ полемъ для ихъ дѣятельности.

— Тебя вся станица знаетъ, сказалъ Вдовинъ Хохлову, — то и Филипову по тебѣ въ ней жить можно.

Бродяги отправились въ станицу и жили у казака Вдовина съ недѣлю. Послѣ этого хозяинъ велѣлъ имъ идти къ станичному атаману и къ старшинамъ и у нихъ просить позволенія на житье въ станицѣ. Филиповъ и Хохловъ явились къ атаману, которымъ въ то время былъ нѣкто Кузнецовъ, и на этотъ разъ застали у него старшинъ Бирюлькина и Ощепкина, брата Ирины, съ которой Филиповъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По обычаю того времени, когда власти и мѣстные чины не имѣли кабинетовъ, въ которыхъ бы они могли принимать просителей для «секретныхъ» объясненій, Филиповъ вызвалъ атамана попросту въ сѣни и «поклонясь» начальнику станицы пятью рублями, просилъ его дозволить имъ съ Хохловымъ прожить зиму въ ихъ станицѣ. Атаманъ, получивъ взятку и вспомнивъ о своихъ гостяхъ, которые также участвовали въ управленіи станицею, сказалъ Филипову:

— Надо поклониться и старшинамъ.

Филиповъ вошелъ, въ покой атаманской и предписаннымъ старшинамъ на первый случай далъ по полтиннику.

— Живите до лѣта въ станицѣ, сказали старшины, — и есть-ли вы будете до насъ добры, то и мы васъ не оставимъ *).

Послѣ того Филиповъ уже ходилъ на домъ къ старшинамъ «для благодаренія» и далъ каждому изъ нихъ «по четыре рубли съ полтиною». Болѣе недѣли они снова прожили у Вдовина, какъ попечительный атаманъ опять призвалъ ихъ къ себѣ и говорилъ:

— Что вы живете у бѣднаго человѣка? Вамъ лучше хотя и заплатить за постой, жить у исправнаго казака; а у него вамъ ни пить ни ѣсть нечего.

Съ такимъ отеческимъ попеченіемъ заботились тогдашнія власти о бѣдныхъ бродягахъ. Дѣйствительно Филиповъ и Хохловъ перешли на квартиру къ казаку Рябцову, у котораго и жили до самой весны.

Но впродолженіе зимы Филиповъ не сидѣлъ сложа руки. Онъ замышлялъ сдѣлаться атаманомъ и сталъ искать охотниковъ,

---

*) Подлинныя слова, взятыя изъ допросовъ.

«чтобы лѣтомъ,» — какъ самъ выражался, — «прибравъ партію, начать разбои». Начались между бродягами сходки и совѣщанья,— избраніе атамана, эсаула, хлопоты о пріобрѣтеніи лодокъ, оружія, пороху — точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ, которая и теперь иногда раздается по Волгѣ:

Не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкую думушку заедино.
Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Понавѣсимъ мы веселочки ветловыя, —
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ по Волгѣ.

Филиповъ, какъ мы выше замѣтили, имѣлъ при себѣ неотлучно другаго бродягу, Хохлова. Василій Хохловъ былъ землякъ и односелецъ Филипова. Онъ также былъ крестьянинъ графа Девьера, въ 1770 году взятъ въ рекруты, а черезъ четыре недѣли бѣжалъ. Изъ Симбирска онъ прошелъ черезъ Саратовъ, и направился во вновь поселяемыя нѣмецкія колоніи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, нуждались въ рабочихъ для стройки домовъ и охотно принимали всѣхъ пришельцевъ, не спрашивая кто они и откуда; Хохловъ перебрался за Волгу, въ луговую сторону, и явившись въ колонокъ Кустаревъ, что выше села Золотаго, нанялся къ одному подрядчику въ работники. Тамъ онъ работалъ до самой осени, а послѣ Покрова дня съѣхалъ въ Камышинъ, нанялся на соляную пристань и скоро свелъ знакомство съ однимъ изъ волжскихъ казаковъ, которые своимъ свободолюбивымъ духомъ, наклонностью къ смутамъ и исканью казацкой воли, ничѣмъ не отличались отъ яицкихъ и донскихъ казаковъ, какъ будто для нихъ не существовало ста лѣтъ, лежавшихъ между временемъ царя Алексѣя Михайловича и тѣмъ, въ которое они жили. «У насъ живутъ вашей братьи много: поѣдемъ со мною и у меня жить будешь,» сказалъ Хохлову казакъ Мухинъ въ отвѣтъ на сѣтованья его, что-вотъ приходитъ зима, а ему, бѣглецу, жить негдѣ и негдѣ достать работы для пропитанія. Хохловъ принялъ предложеніе Мухина и они отправились въ караваинскую станицу, гдѣ Хохловъ и оставался до лѣта, 1772 года, когда часть волжскихъ казаковъ должна была выступить въ Моздокъ. Съ ними вмѣстѣ вышелъ изъ станицы и Мухинъ, оставивъ Хохлова на произволъ судьбы. И съ-тѣхъ-поръ началъ Хохловъ переходить со двора на дворъ, сказываясь то «осиротѣвшимъ крестьяниномъ,» то бродягой, непомнящимъ роду-племени; онъ

жилъ и у Морозова, и у Донешанкина или Лихоманкина, и у вдовы Маланьи Васильевой, по прозванію дворянши, и у казака Защепина, у котораго дѣлалъ телѣги для отправленія въ Моздокъ, и наконецъ у казака Гурова. Такъ онъ промаялся до 1774 года, а въ этомъ году опять побрелъ въ Камышинъ работать на соляной пристани, гдѣ и оставался «до приходу злодѣйской Пугачева толпы». Съ пристани онъ взятъ былъ въ пугачевскую флотилію вмѣстѣ съ землякомъ Филиповымъ и съ-тѣхъ-поръ не разлучался съ нимъ. Когда Филиповъ сталъ формировать свою шайку, Хохловъ первый пошелъ къ нему въ товарищи. Вмѣстѣ съ Хохловымъ онъ пригласилъ бѣглаго драгуна Кондакова, шатавшагося въ окрестностяхъ Караваинской станицы. Кромѣ того въ шайку Филипова поступилъ и Степанъ Сучковъ, такой же дезертеръ какъ и всѣ прочіе товарищи атамана. Сучковъ прежде служилъ въ 22 й легкой полевой командѣ, которая, во время осады Пугачевымъ Оренбурга, находилась въ яицкой крѣпости. Генералъ-маіоръ Мансуровъ, находившійся тогда съ войскомъ въ Яикѣ, не имѣя возможности сноситься съ осажденнымъ Оренбургомъ потому что всѣ дороги были заняты толпами пугачевскаго ополченія, отправилъ съ депешей къ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу этого Сучкова вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, чтобъ они тайно пробрались сквозь армію Пугачева и доставили Рейнсдорпу необходимыя свѣдѣнія. Но недалеко отъ рѣки Илека они были пойманы пугачевскими сыщиками (а можетъ быть и сами бѣжали — неизвѣстно) и приведены въ лагерь Пугачева; депеша у нихъ была взята, а сами они поверстаны въ войско самозванца. Черезъ мѣсяцъ Сучковъ бѣжалъ отъ Пугачева, пришелъ опять въ яицкую крѣпость; но, боясь наказанія за утрату депеши, снова бѣжалъ и пробрался черезъ Иргизъ и Малыковку (нынѣ городъ Волгскъ) въ Саратовъ. Здѣсь онъ жилъ работой до самого прихода Пугачева въ Саратовъ, то-есть до 6-го августа 1774 года, нанимаясь къ разнымъ лицамъ поденно, а ночи проводя на берегу Волги, въ порожнихъ судахъ. По взятіи Пугачевымъ Саратова, Сучковъ поступилъ на флотилію самозванца и слѣдовалъ на судахъ внизъ по Волгѣ до денежнаго острова, откуда и бѣжалъ съ Филиповымъ, когда ихъ судно было атаковано отрядомъ войскъ правительства. Зиму онъ проживалъ то у казака Морозова на хуторѣ, то на мельницѣ, жилъ и въ станицѣ у старшины Ощепкина, потому что пока у него были деньги, его вездѣ охотно держали; потомъ вмѣстѣ съ малороссіяниномъ Якимовымъ онъ поселился въ землянкѣ, у какого-то

безрукаго старика, и жилъ уже у него тайно, не показываясь въ станицѣ, а иногда только совѣтуясь съ Филиповымъ относительно предстоящихъ разбоевъ.

И такъ, мы видимъ, первыми товарищами Филипова были все люди военные. О другихъ мы не говоримъ. Въ приготовленіяхъ и сходкахъ прошла зима, а съ наступленіемъ весны, на праздникъ пасхи, Филиповъ, Хохловъ и Кондаковъ отправились къ Морозову на хуторъ, въ гости къ пріятельницѣ Филипова Иринѣ Ощепкиной. Время было такое, что пора-бы и на Волгу: ледъ на рѣкѣ прошелъ, товарищи готовы, суда начали показываться на Волгѣ и спокойно проходили мимо станицы. По дорогѣ къ хутору Филипову съ товарищами повстрѣчалась партія прохожихъ, въ числѣ семи человѣкъ, такіе же какъ и они бродяги, которые, проживъ зиму по разнымъ казацкимъ хуторамъ на Дону, шли теперь промышлять на Волгу. Филиповъ пригласилъ и ихъ въ свою шайку, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ пасхи съѣхаться гдѣ нибудь на берегу Волги и немедля начать разбои. Ниже Караваинской станицы находился пустой форпостъ оставленный вѣроятно во время нашествія Пугачева. Не смотря на то, что форпостъ не имѣлъ ни пушекъ, ни прочнаго укрѣпленія, разбойникамъ онъ представлялъ удобное мѣсто для стана, потому что въ форпостѣ они могли найдти ночлегъ въ оставленныхъ казаками землянкахъ, и, въ случаѣ нападенія, могли защищаться. Положено было всѣмъ съѣхаться на этомъ форпостѣ и потомъ уже, по общему согласію, приступитъ къ обдуманнымъ дѣйствіямъ. Послѣдняя партія, въ числѣ семи человѣкъ, отправилась по направленію къ сестрянскимъ хуторамъ, откуда она должна была выйдти на Волгу, а Филиповъ съ товарищами, переночевавъ у Морозова на мельницѣ, на другой день опять прибыли въ станицу.

Въ пятницу пасхальной недѣли Филиповъ вывелъ наконецъ на Волгу свою маленькую партію. Недалеко отъ станицы они нашли свою лодку, спрятанную въ ерикѣ еще въ прошломъ году, въ то время когда они спасались отъ царицынскаго отряда преслѣдовавшаго ихъ судно; въ буеракѣ они отыскали свое ружье, спрятанное вмѣстѣ съ лодкой, пистолетъ, пику, свинецъ и порохъ. Около форпоста они взяли въ свою шайку еще двухъ человѣкъ, бѣглыхъ же, бродившихъ всю зиму по окрестностямъ, а теперь занимавшихся рыбною ловлею. Три дня провела шайка на форпостѣ, въ пустой землянкѣ, выжидая другую партію, которая должна была пріѣхать сверху. Между тѣмъ, эта другая

партія, не дожидаясь распоряженій атамана, начала свои воровскіе подвиги, потому что ей представился удобный случай.

Зимой 1775 года командированъ былъ изъ Царицына въ Москву, «для препровожденія въ придворную ея императорскаго величества контору рыбы и икры,» солдатъ Степановъ. Исполнивъ порученіе, Степановъ возвращался въ Царицынъ и сначала, до Нижняго, слѣдовалъ сухимъ путемъ, а изъ Нижняго пересѣлъ въ ловецкую лодку и плылъ Волгою; поѣздъ, сопровождавшій его, состоялъ изъ шести такихъ лодокъ и на каждой изъ нихъ были рабочіе люди. Въ апрѣлѣ онъ въѣзжалъ уже въ земли волжскаго войска и проѣхавъ антиповскую станицу, приближался къ караваинской. Не доѣзжая семи верстъ до Караваинокъ, поѣздъ замѣтилъ разбойничью лодку, которая, показавшись съ луговой стороны, быстро неслась по направленію къ этому маленькому каравану, сопровождавшему Степанова. Разбойники грозили и кричали, чтобъ поѣздъ присталъ къ берегу. Ловцы, ѣхавшіе съ Степановымъ, оробѣли. Степановъ ободрялъ ихъ, говорилъ, что они должны защищаться, требовалъ сдѣлать отпоръ разбойникамъ, но напрасно: «видя обыкновенною ихъ трусостію наполненныхъ, принужденъ былъ тогда повиноваться строгому разбойническому приказанію». Поѣздъ присталъ къ берегу. Разбойники бросились на свои жертвы и всѣхъ ловцовъ обобрали тиранскимъ образомъ, такъ что не оставили не точію чего на пропитаніе, но и послѣднія рубашки съ нихъ сняли.» Степановъ вздумалъ было защищаться; но разбойники, «бивъ его смоленымъ толстымъ пенковымъ линкомъ немилосердно, сняли съ него казенный кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули,» и оставили несчастнаго въ одномъ только казенномъ камзолѣ *). Разбойники отобрали у Степанова деньги, товаръ, закупленный имъ въ Нижнемъ, тонкія кружева, множество холстовъ и нитокъ. Обобранныя лодки остались съ раздѣтыми до-нага ловцами.

Разбойники, ограбившіе поѣздъ Степанова, принадлежали къ шайкѣ атамана Филипова: это была та партія, которая направи-

*) Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разбойники «всѣхъ ихъ обрали, не оставя и для прикрытія наготы платья; а какъ онъ, Степановъ, имъ было попротивился, за что претерпѣлъ нѣсколько ударовъ толстымъ канатнымъ отрывкомъ, и снявъ съ него казенные кафтанъ и штаны съ пугвицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули.»

лась къ сестрянскимъ хуторамъ и которую Филиповъ ждалъ къ себѣ на форпостъ въ воскресенье Ѳоминой недѣли.

Несчастный поѣздъ ловцовъ, съ голыми рабочими и съ начальникомъ, прикрытымъ однимъ только камзоломъ, въ такомъ жалкомъ видѣ долженъ былъ ѣхать до самой караванской станицы, вышелъ на берегъ и въ такомъ же странномъ костюмѣ явился въ станицу. Степановъ тотчасъ отправился къ станичному атаману и, объявивъ ему и старикамъ о постигшемъ его несчастіи, просилъ помощи и команды для розыска разбойниковъ. Атаманъ, какъ послѣ объявлялъ Степановъ, «съ холодностію» *) отвѣчалъ ему:

— Поѣзжай! А команда для сыску разбойниковъ послана будетъ.

Холодность и грубость станичнаго атамана, показались Степанову подозрительными; онъ заключилъ изъ нихъ, что отношенія самого атамана къ разбойникамъ были нечисты; что онъ зналъ, какая партія теперь буйствуетъ на Волгѣ и что дѣло это можетъ разыграться столько же дурно для атамана разбойниковъ, сколько и для него, атамана станичнаго. Получивъ отказъ, Степановъ долженъ былъ опять ѣхать одинъ съ своими ограбленными и робкими ловцами, не имѣя съ собой не только оружія, но даже пищи и одежды. Но едва они отъѣхали отъ станицы верстъ шесть и пристали къ ловецкому стану отогрѣть свое почти ничѣмъ не прикрытое тѣло, какъ ловцы, бывшіе на этомъ стану, сказали имъ, что разбойники, ограбившіе Степанова, заѣзжали къ нимъ на станъ, и взявъ у нихъ рыбу и хлѣбъ, хвастались своимъ разбоемъ и грозили непремѣнно убить Степанова.

— Напрасно мы солдата отпустили, не бросили въ воду, говорили они: — ежели еще попадется къ намъ въ руки, то смерти неминуетъ... Всячески старатца будемъ, въ проѣздъ его изъ караванской станицы, поимавъ умертвить».

Эта фраза не могла не испугать Степанова, у котораго еще были въ свѣжей памяти «немилосердные» удары линьковъ, и потому онъ упросилъ своихъ ловцовъ тотчасъ же возвратиться въ караванскую станицу. Но едва они успѣли отъѣхать съ версту отъ рыболовнаго стана, какъ съ обѣихъ сторонъ Волги показались бѣгущія на нихъ разбойническія лодки, съ явнымъ намѣреніемъ исполнить угрозу. Къ счастью Степанова попутный ни-

*) Въ другомъ объявленіи — «съ грубостію.»

зовый вѣтеръ ударилъ въ поднятые паруса; лодки понеслись быстро, такъ что разбойники, не имѣя парусовъ, отстали и принуждены были прекратить погоню. Степановъ спасся въ станицѣ. Тамъ онъ опять обратился за помощью къ станичному атаману, снова просилъ дать отрядъ казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ; но снова получилъ отказъ. На всѣ просьбы Степанова атаманъ отвѣчалъ «съ большою азартностію:»

— Я не имѣю отъ войска грамоты для сыску воровъ... одна команда уже послана, а другой не дамъ.

Изъ словъ атамана видно, что даже для пресѣченія преступленій нужна была особая войсковая грамота, а потому понятно, въ какомъ положеніи находилась страна.

Отвѣтъ атамана возмутилъ находившагося тамъ отставнаго капрала легіонной казачьей команды Серебрякова, и онъ сталъ упрекать атамана, говоря:

— Ты не стараешься сыскивать воровъ и дѣлаешь тѣмъ потачку.

На это атаманъ отвѣчалъ:

— Если ты такъ старателенъ, то поѣзжай самъ, — а я команды не даю: — команда отъ меня послана для сыску воровъ по рѣкѣ Волгѣ.

Тогда Серебряковъ, пригласивъ своего брата и нѣсколько другихъ казаковъ изъ станицы, а вмѣстѣ съ нимъ Степановъ и ловцы, сѣвъ на лодки, отправились на поиски. Скоро они встрѣтили станичные разъѣзды, посланные атаманомъ вверхъ по Волгѣ, подъ начальствомъ эсаула. Серебряковъ упрекалъ эсаула въ послабленіи разбойникамъ:

— Ты не стараешься поймать воровъ...

Упрекъ былъ справедливъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

— Видѣлъ ли ты разбойниковъ? спрашивалъ Серебряковъ.

— Нѣтъ, не видалъ; а нашелъ только за Волгой огни, у которыхъ, видно, они стояли.

Серебряковъ, Степановъ и ловцы соединились съ отрядомъ эсаула и всей массой отправились внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до пустаго форпоста, гдѣ былъ разбойничій станъ, высылка замѣтила лежащаго на берегу человѣка, а потому нѣкоторые изъ отряда, выскочивъ изъ лодокъ, схватили его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ убѣжать. На допросы Степанова пойманный сначала говорилъ, что онъ бродяга, шатавшійся всю зиму около караванской станицы, а теперь вышелъ на Волгу кормиться; но когда капралъ Серебряковъ уличилъ бродягу, сказавъ, что видѣлъ

его прежде въ Караваинской станицѣ, — что зналъ его, какъ бѣглеца, служившаго подъ знаменами Пугачева и, по взятіи ихъ судна у Денежнаго Острова, скрывшагося въ станицѣ, — пойманный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно бѣжалъ изъ арміи Пугачева, когда она была разбита, потомъ жилъ въ Караваинкахъ, и согласившись съ товарищами производить на Волгѣ разбои, поступилъ въ шайку Филипова. Съ помощью угрозъ Степановъ узналъ отъ него, что онъ оставленъ былъ на берегу въ качествѣ караульнаго для наблюденія за проѣздомъ по Волгѣ судовъ и, въ особенности, для извѣщенія своей шайки о проѣздѣ Степанова, въ случаѣ если онъ покажется на Волгѣ; пойманный говорилъ, что разбойники дѣйствительно согласились убить Степанова; а теперь одна партія находится на пустомъ форпостѣ, въ землянкѣ. Степановъ, Серебряковъ и станичный эсаулъ рѣшили взять разбойниковъ обманомъ, потому что, не смотря на множество лодокъ и людей, которыми они располагали, они не надѣялись поймать хитрыхъ воровъ: для этого они послали впереди себя одну лодку, «для выману тѣхъ разбойниковъ», а сами слѣдовали за нею въ отдаленіи, позади лѣсу, такъ что разбойники могли видѣть одну только беззащитную лодку. И точно, разбойники, увидѣвъ ее, бросились изъ форпоста къ своей лодкѣ, которая стояла у берега, но замѣтивъ около лѣса множество другихъ лодокъ, бѣжали съ берега въ горы. Степановъ, Серебряковъ и ловцы бросились за ними и поймали четырехъ человѣкъ; но одинъ изъ разбойниковъ, за которымъ погнались казаки разъѣздной команды, «по понаровкѣ» ихъ, успѣлъ убѣжать. Степановъ обвинялъ казаковъ въ стачкахъ съ разбойниками, говоря, что «казаки ловить ихъ ничего не старались, да и съ глазъ своихъ одного отпустили, и видно, что они дѣлали и всѣмъ имъ понаровку.»

Какъ-бы то ни было, но атаманъ, эсаулъ и нѣсколько другихъ разбойниковъ были пойманы и Филиповъ обманулся въ своихъ надеждахъ: разбои его были для него не совсѣмъ счастливы: въ самомъ первомъ дѣлѣ онъ былъ пойманъ и уже не могъ разсчитывать на свободу. Разбойники признались Степанову, что атаманъ ихъ шайки — Филиповъ, а эсауломъ при немъ состоялъ пріятель его Хохловъ. Степанова удивило, что «бывшіе съ нимъ той (караваинской) станицы казаки тѣхъ разбойниковъ, тожъ и разбойники казаковъ называли, по знаемости, именами.» Мы знаемъ напротивъ, что разбойники даже со станичными властями, — съ атаманомъ и старшинами были въ самыхъ короткихъ

отношеніяхъ. Пойманные разбойники говорили, что Степановъ ограбленъ не ими, а другою партіею изъ шайки Филипова, плывшею сверху Волги на сборное мѣсто, назначенное въ пустомъ форпостѣ; что послѣ та партія пріѣзжала къ атаману на станъ, перемѣнила свою лодку, чтобы не быть узнанною, и, взявъ хлѣба, рыбы и котелъ для приготовленія пищи, отъѣхала внизъ, за балыклейскую станицу, для того, чтобы караулить тамъ Степанова и убить его; атаманъ говорилъ, что та партія имѣетъ очень мало оружія — два ружья и одинъ дротикъ, «и ихъ-де, прибавлялъ Филиповъ, вамъ переловить легко можно.» Степановъ перевязалъ разбойниковъ веревками и разложилъ по ловецкимъ лодкамъ, чтобы отвезти ихъ прямо въ Царицынъ и сдать на руки военному начальству. Ему хотѣлось также воспользоваться указаніемъ атамана и неожиданно напасть на шайку, отъѣхавшую за балыклейскую станицу, чтобы тѣмъ и самому избавиться опасности быть утопленнымъ, или зарѣзаннымъ, или застрѣленнымъ или наконецъ повѣшеннымъ, какъ обѣщали разбойники. Степановъ просилъ станичнаго эсаула, дать ему нѣсколько казаковъ изъ его отряда, потому что съ одними своими далеко нехрабрыми ловцами, которые притомъ должны были караулить связанныхъ и разложенныхъ по лодкамъ разбойниковъ, онъ не отважился бы напасть на партію, которая уже однажды такъ варварски его ограбила и насмѣялась надъ нимъ. Но эсаулъ ему «съ серцовъ» въ томъ отказалъ, примолвя:

— Я своихъ казаковъ тебѣ не дамъ, — тѣ разбойники не въ нашихъ дачахъ.

При такомъ пониманіи мѣстными властями своихъ прямыхъ обязанностей, Степанову ничего не оставалось какъ взять съ собой уже пойманныхъ разбойниковъ и продолжать свое опасное плаваніе; но эсаулъ приказалъ своимъ казакамъ отнять у него атамана Филипова съ товарищами, и когда Степановъ не соглашался уступить ему свою добычу, эсаулъ сказалъ:

— Мы и сами съумѣемъ переслать ихъ къ своей командѣ.

Потомъ приказалъ развязать разбойникамъ руки и ноги, крѣпко стянутыя веревками, и своими кушаками велѣлъ перевязать имъ только руки «чрезмѣрно слабо.» Степановъ принужденъ былъ ѣхать далѣе съ одними ловцами и расчитывать на неизбѣжную смерть; но такъ какъ, по показанію атамана, разбойники стерегли Степанова верстахъ въ пяти или шести ниже балыклейской станицы, то поѣздъ благополучно проплылъ все пространство Волги между Караванками и Балыклейками и вскорѣ Сте-

пановъ явился къ атаману этой послѣдней станицы; потерявъ все свое платье во время перваго разгрома поѣзда разбойниками, Степановъ принужденъ былъ снять кафтанъ съ одного изъ товарищей атамана Филипова, чтобы только самому одѣться. Въ Балыклейкахъ онъ не засталъ станичнаго атамана, но объявивъ о происшествіи эсаулу, просилъ его о снаряженіи разъѣздной команды. Однако и здѣсь пришлось ему услышать такой-же отвѣтъ, какой не разъ приходилось выслушивать отъ властей караваинской станицы.

— У насъ воровъ нѣтъ!.. да и для сыску ихъ, чтобъ посылать команды, не имѣется отъ войска грамоты, сказалъ станичный эсаулъ.

Вслѣдъ за Степановымъ пріѣхалъ изъ караваинской станицы тотъ эсаулъ, съ которымъ они ловили разбойниковъ. Эсаулъ требовалъ, чтобы Степановъ возвратилъ ему снятый съ разбойника кафтанъ, что онъ не разбойничій, а казачій. Отдавъ требуемое, Степановъ, съ своей стороны, просилъ балыклейскаго эсаула посадить подъ караулъ эсаула караваинской станицы, жалуясь, что онъ отнялъ у него разбойниковъ, дѣлалъ имъ «облегченіе и понаровку,» развязалъ ихъ и даже отказалъ дать ему изъ своего отряда казаковъ для преслѣдованія покушавшихся на его жизнь разбойниковъ. Эсаулъ былъ посаженъ подъ арестъ. Степановъ просилъ держать его до присылки изъ станицы пойманныхъ имъ воровъ, но эсаулъ, неизвѣстно по какому поводу, былъ въ ту же ночь освобожденъ. Степановъ опять долженъ былъ ѣхать одинъ; но на этотъ разъ разбойники, вѣроятно предупрежденные своими товарищами или мѣстными властями, очень къ нимъ ласковыми, не покушались уже на новое нападеніе. Проплывъ до Дубовки, Степановъ донесъ обо всемъ войсковому атаману, которымъ въ то время былъ полковникъ Василій Персидскій, уже нѣсколько извѣстный читателямъ по нашимъ прежнимъ очеркамъ. Наконецъ Степановъ, въ концѣ апрѣля достигъ и Царицына, и 1-го мая подалъ во 2-й Царицынскій батальонъ къ батальоннымъ дѣламъ объявленіе обо всемъ, происходившемъ въ дорогѣ. Объявленіе это сочинилъ ему сержантъ Ромашевъ, тотъ самый, который, три года тому назадъ, способствовалъ къ прекращенію въ донскихъ станицахъ возстанія, вспыхнувшаго въ народѣ для спасенія мнимаго императора Петра III (Самозванецъ Богомоловъ). Степановъ, говоря о нападеніи на него «воровскихъ невѣдомыхъ людей,» о преслѣдованіи ихъ съ помощью разъѣздной команды, объ открытіи «воровскихъ» становъ въ луговой и нагорной сто-

ропахъ Волги, въ пустомъ форпостѣ, наконецъ о поимкѣ «воровскаго» атамана, эсаула и другихъ разбойниковъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ начальниковъ волжскихъ станицъ, и жалуясь на нихъ, прибавлялъ: «что я, видя такіе поводы, убоясь, чтобъ еще со мною не приключилось какой напасти, сѣвъ на ловецкія лодки, уѣхалъ въ путь.»

Объявленіе Степанова требовало немедленнаго принятія мѣръ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались письменныя извѣстія и ходили слухи, что все поволжье неспокойно, что нѣтъ ни проходу, ни проѣзду отъ воровскихъ шаекъ. Но какъ ни казались важными эти событія, какъ ни безнадежно было положеніе страны, лучшаго не откуда было ждать, и отъ кого зависѣло счастье обнищалыхъ и опустошенныхъ провинцій, тѣ равнодушно смотрѣли на то, что дѣлалось въ захолустьяхъ, а ближайшіе къ этимъ захолустьямъ представители власти, видя пронесшуюся мимо нихъ страшную бурю, крестились и снова засыпали.

Полгода провалялось между кучъ рапортовъ, ордеровъ и промеморій, писавшихъ все о такихъ же «разбойныхъ случаяхъ и чинимыхъ повсюду злодѣйствахъ,» объявленіе Степанова, и только въ ноябрѣ назначена была военносудная коммиссія по этому дѣлу. Всѣ эти слѣдственныя дѣла до того интересны, на нихъ такъ живо сохранился отпечатокъ времени и притомъ они такъ хорошо характеризуютъ эпоху и самую жизнь нашихъ провинцій прошлаго вѣка, что мы считаемъ ихъ важнѣйшими матеріалами для народной исторіи и извлекаемъ изъ нихъ все, что должно быть принято во вниманіе будущими историками нашего народа.

Волжское войско, запутанное съ головы до ногъ въ эти темныя воровскія дѣла, чувствуя много грѣховъ на своей совѣсти, всегда старалось прикрывать дѣянія добрыхъ молодцовъ, а вмѣстѣ съ ними и себя лично. Оно-бы желало замять и это дѣло, но не было возможности придать ему благовидное извиненіе, и оно выигрывало по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что тянуло время или прямо отказывалось повиноваться ближайшимъ властямъ. Засадивъ въ казематы атамана Филипова съ товарищами, оно замолчало и не заботилось ни о какихъ послѣдствіяхъ. Тогда царицынскій комендантъ спрашивалъ волжское войско, что пойманные въ пустомъ форпостѣ разбойники отъ караваинской станицы «истребованы-ль, и нынѣ подъ карауломъ отданы ль; а ежели не требованы, то чего ради упущено.» Потомъ онъ приказалъ —

«разбойниковъ, равно атамана и эсаула, взявъ изъ станицы, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать, къ поступленію съ ними по указомъ, въ комендантскую канцелярію.» Волжское войско отвѣчало что еще прежде оно приказывало явиться въ Дубовку караванискому станичному атаману, старшинамъ, эсаулу и казакамъ для объясненія по дѣлу о Филиповѣ; но теперь препровождая въ Царицынъ разбойниковъ, войсковой атаманъ оправдалъ ихъ, говоря, что они только «имѣли намѣреніе производить проѣзжающимъ по Волгѣ рѣкѣ людемъ разбои, только еще не чинили»; онъ увѣрялъ Цыплетева, что разбойники пойманы станичными старшинами Ѳедоромъ Букановскимъ и Алексѣемъ Сказоватовымъ, эсауломъ Селивантьевымъ и казаками разъѣздной команды, а не такъ, какъ объявлялъ ограбленный Степановъ; что разбойники тотчасъ-же отправлены были въ балыклейскую станицу подъ присмотромъ старшины Букановскаго, котораго Степановъ и посадилъ тамъ подъ караулъ — на сутки, а совсѣмъ не эсаула. Наконецъ войсковой атаманъ добавлялъ, что онъ не посылаетъ въ Царицынъ ни станичнаго атамана караваинской станицы, ни эсаула, какъ напрасно обвиненныхъ Степановымъ, и выставлялъ волжское войско съ хорошей стороны, говоря, что казаки безпрестанно ловятъ разбойниковъ и отсылаютъ въ Царицынъ.

Между тѣмъ, когда пойманные Степановымъ воровскіе люди еще сидѣли въ Дубовкѣ, въ городѣ произошелъ пожаръ, и во время этой суматохи изъ каземата бѣжали два арестанта, принадлежавшіе къ шайкѣ Филипова, въ числѣ которыхъ былъ драгунъ Кондаковъ, отъ котораго можно было много узнать объ отношеніяхъ чиновъ волжскаго войска къ разбойникамъ. Какъ бы то ни было, но главные предводители шайки — атаманъ Филиповъ, эсаулъ Хохловъ и Сучковъ оставались еще въ рукахъ царицынскаго коменданта и надъ ними наряженъ былъ судъ. Такъ какъ разбойники говорили, что они не производили ни грабежей, ни воровства, а волжское войско подтверждало ихъ слова, то Цыплетевъ требовалъ самого тщательнаго изслѣдованія этого дѣла, прибавляя: «какъ отъ разрушенія злодѣйской (Пугачева) толпы минуло не малое время, сумнительно повѣрить, чтобъ они не были на разбояхъ» (выше мы говорили, что Филиповъ, Хохловъ и Сучковъ — всѣ были въ арміи Пугачева и сами признались въ этомъ). Притомъ, по словамъ Цыплетева, въ комендантской канцеляріи нашлось «приличество» по этому дѣлу, именно — объявленіе Степанова о нападеніи на него разбойни-

ковъ; а потому велѣно было истребовать въ комиссію самого Степанова, чтобъ онъ уличилъ подсудимыхъ, если они въ самомъ дѣлѣ были виновны. Презусомъ военносудной комиссіи назначенъ былъ секундъ-маіоръ Константинъ Петровъ, ассессорами — офицеры Махвиловъ, Зыбаровъ, за аудитора — Хромовъ. Комиссія открыла свои засѣданія съ обыкновенными формальностями, въ 8-мъ часу утра 26 ноября. По обыкновенію, присутствовавшіе «отъ презуса уговариваны были, дабы при начинающемся, даже и до окончанія сего дѣла поступали по самой чистой совѣсти», и хранили его въ глубокой тайнѣ; по обыкновенію подсудимые были приведены и спрошены, будутъ-ли они довольны судомъ, присутствующимъ прочитана была, «для напоминовенія» присяга и т. д.

Прежде всего начался допросъ Сучкова. На предложенные ему семь обыкновенныхъ формальныхъ вопросовъ онъ отвѣчалъ *):

---

*) Вопросы, предлагавшіеся военнымъ подсудимымъ, выражались слѣдующимъ образомъ: 1) Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, сколько тебѣ отроду лѣтъ? Въ службу ея императорскаго величества съ котораго году, мѣсяца и числа и съ какихъ чиновъ опредѣленъ? Грамотѣ читать и писать умѣешь ли? Въ церковь Божію ходишь ли? На исповѣди у священниковъ и у святаго причастія бывалъ ли? —

2) О вѣрной ея императорскаго величества службѣ ты присягалъ ли? Военной артикулъ и приличные къ тому указы тебѣ читаны были ль и что кому за какіе преступлении штрафы чинить велѣно, ты знаешь ли?

3) На предъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ ли?

4) Будучи ты въ рекрутахъ денежное жалованье и провіантъ все сполна получалъ ли? Отъ командировъ обидъ,налогъ и притѣсненія тебѣ не было ль?

5) Нынѣшній побѣгъ учинилъ ты когда, откуда и отчего, и съ кѣмъ именно, и при томъ побѣгѣ не снесъ ли ты чего казеннаго или у товарищей своихъ партикулярнаго, и будучи въ ономъ, жительство и пропитаніе имѣлъ гдѣ и у кого именно, завѣдомо бѣглаго или незавѣдомо и не имѣлъ ли при себѣ воровскаго пашпорта, и по немъ имя свое и прозваніе не перемѣнялъ ли?

Потомъ предлагаются другіе вопросы, сообразные съ обстоятельствами дѣла, и если подсудимый подозрѣвается въ преступленіяхъ, его спрашиваютъ, — не былъ ли на воровствахъ и разбояхъ, и смертнаго убивства, домамъ поджоговъ или какого другого злодѣйства не чинилъ ли, не зналъ ли бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и наконецъ — «*намѣренія чтобъ притить за границу не имѣлъ ли?*» Послѣдній вопросъ состоялъ въ томъ, самую ли «истинную правду» показалъ подсудимый и не утаилъ ли чего?

«Степаномъ меня зовутъ, Өедоровъ сынъ, Сучковъ, отъ роду мнѣ 25 лѣтъ. Въ службу ея императорскаго величества взятъ я въ 1773-мъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзду, села Черновскаго, вотчины помѣщика Өедора Иванова сына Ермолаева изъ крестьянъ, и опредѣленъ въ 22-ю легкую полевую команду. Грамотѣ читать и писать не умѣю. Въ церковь Божію хаживалъ, на исповѣди и святаго причастія бывалъ».

«О вѣрной ея императорскаго величества службѣ я присягалъ. Военный артикулъ и приличные къ тому указы мнѣ читаны были, и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, я знаю.

«Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ».

«Будучи я въ 22-й легкой полевой командѣ, денежное жалованье, провіантъ, мундирныя и аммуничныя вещи получалъ сполна. Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія мнѣ не было».

Слѣдующими за тѣмъ отвѣтами Сучковъ объяснялъ обстоятельства своего побѣга, свою бродячую жизнь, знакомство съ Филиповымъ, Хохловымъ и другими разбойниками и наконецъ поимку. Послѣ Сучкова приведенъ былъ къ допросу самъ атаманъ, который видимо старался избѣгнуть положительнаго признанія, и потому утаилъ нѣкоторыя обстоятельства, уже извѣстныя слѣдователямъ. Онъ говорилъ, что вскорѣ послѣ побѣга изъ томскаго полка, онъ работалъ на соляной пристани, что противъ Камышина, и оттуда вмѣстѣ съ какимъ-то малороссіяниномъ они отправились будто-бы на озеро Узени «для ловли рыбы и звѣря», гдѣ, устроивъ землянку, жили ровно четыре года, питаясь выручаемымъ отъ разныхъ проѣзжихъ людей на ту рыбу и на звѣря хлѣбомъ; что въ 1774 году онъ возвратился снова на пристань, гдѣ и пробылъ «до приходу толпы государственнаго злодѣя Пугачова» и т. д. Относительно поимки ихъ на пустомъ форпостѣ онъ говорилъ, что дѣйствительно имѣли въ виду производить на Волгѣ разбои, «однако еще того своего злаго намѣренія исполнить не могли»; но что погубила ихъ лодка, оставленная имъ какими-то «незнаемыми» людьми, такъ какъ эта лодка оказалась принадлежавшею разбойникамъ, ограбившимъ Степанова съ ловцами. Хохловъ также путался въ своихъ показаніяхъ; но всѣ согласно показывали, что начальники караванской станицы и казаки были къ нимъ очень мило-

ствы. Комиссіи не оставалось ничего болѣе, какъ вытребовать въ судъ всѣхъ оговоренныхъ, которые, какъ она выражалась,— «изъ одного своего *лакомства*» потворствовали разбойникамъ, именно: старшинъ Ощепкина и Бирюлькина, бывшаго станичнаго атамана Кузнецова и вновь избраннаго Кумскова, казака Морозова и пріятельницу воровскаго атамана Ирину Бирюлькину. На первое требованіе, отъ 4 декабря, волжское войско не отвѣтило; тогда 16 января 1776 года послана была «дубликатная промеморія», а Цыплетева комиссія просила «наикрѣпчайшимъ образомъ» подтвердить, чтобы оговоренные чины караваинской станицы были непремѣнно присланы въ коммиссію, такъ какъ именнымъ императорскимъ указомъ 1763 года велено «становщиковъ и пристанодержателей съ крайнею прилежностію съискивать и дѣла оканчивать въ мѣсяцъ». Вытребованъ былъ въ коммисію для обличенія разбойниковъ ограбленный ими Степановъ; назначены были новые слѣдователи по этому дѣлу, «презусъ» Авиловъ и нѣкоторые другіе ассесоры, которые передъ началомъ допросовъ дали слѣдующую присягу въ присутствіи священника: «Мы къ настоящему воинскому суду назначенные судіи кленемся всемогущимъ Богомъ, что мы въ семъ судѣ, въ приличающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей; ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хощемъ, право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ христовѣ, въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный судія».

Между тѣмъ 27 января получена была наконецъ отвѣтная промеморія изъ волжскаго войска, и начальники его видимо отказывались повиноваться распоряженіямъ, которыя именемъ правительства дѣлались въ Царицынѣ. Войсковой атаманъ Персидскій между прочимъ писалъ въ коммиссію, что «хотя оные бѣглые по разбитіи отъ злодѣйской (Пугачева) толпы по пріѣздѣ въ дачехъ Караваинской станицы и шетались, но до разбитія злодѣя (Пугачева) они жительства не только не имѣли, но въ станицѣ не бывали, и по разбитіи злодѣя оные пойманы караваинскою станицею посланные изъ оной отъ атамана старшинами и казаками въ разбоѣ, то ихъ показаніямъ на поимщиковъ, злобствуя за то, что они ими переловлены, едваль можно въ силу законовъ вѣрить, *а особливо есть-ли за поимку будутъ бы-*

лые разбойники показывать и за то поимщиковъ забирать къ слѣдствію и чинить въ проѣздахъ убытки, то каждому впредь къ поимки таковыхъ ревность можетъ быть отнята». Вслѣдствіе этого коммиссія, принимая въ соображеніе, что волжская войсковая канцелярія и «по прежде производившимся въ коммиссіи военнаго суда въ таковыхъ-же держаніяхъ фергерамъ и криксрехтамъ вѣдомства своего старшинамъ и казакамъ, защищая ихъ въ толь-противныхъ законамъ проступкахъ, отзываясь разными необстоятельными причинами, упорствуя, суду присылки не чинила», — опредѣлила допросить однихъ разбойниковъ, сначала съ увѣщаніемъ отъ лица присутствующихъ, потомъ черезъ священника, а наконецъ съ «пристрастіемъ, подъ битіемъ батоги». Затѣмъ разбойники уличены были Степановымъ и признались во всемъ, кромѣ одного Сучкова, который не дождался конца слѣдствія и лежалъ въ тяжкой болѣзни. Такимъ образомъ, чтобы не тянулось дѣло, комендантъ приказалъ его кончить «по упорству» волжскаго войска, безъ допросовъ начальниковъ караванской станицы.

Такъ какъ послѣдніе листы въ дѣлѣ объ атаманѣ Филиповѣ утрачены, то мы не знаемъ, какое наказаніе постигло разбойниковъ; знаемъ только, что тягость преступленія ихъ увеличивалась, помимо уликъ въ составленіи шайки, еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, именно — «похищеніемъ казеннаго интереса», потому-что разбойники обвинялись въ снятіи съ Степанова «казеннаго кафтана и штановъ съ пуговицами *)». О второй половинѣ шайки атамана Филипова, спасшейся отъ преслѣдованія разъѣздной команды, въ дѣлѣ также нѣтъ свѣдѣній: можетъ-быть, на мѣсто Филипова она избрала себѣ новаго атамана и продолжала тревожить проходившіе по Волгѣ караваны.

Какъ-бы то ни было, но къ октябрю 1775 года въ рукахъ правительства находилось уже нѣсколько предводителей разбойничьихъ шаекъ. Царицынъ и Дубовка представляли въ это время любопытное зрѣлище: не было дня, чтобъ по улицамъ этихъ городовъ не проходили конвои съ связанными въ колодки раз-

*) Интересно, что военносудная коммиссія дѣлала запросъ баталіонному начальству, «во сколько цѣною положены по штату» солдатскій кафтанъ и штаны шитыя, и получила отвѣтъ, «что солдатской кафтанъ съ пуговицами шитой по штату положенъ *два рубли шездесятъ две копеики пять шестыхъ на десятъ* (2 р. $62^5/_{16}$ к.) штаны съ пуговицами *шездесятъ девить копѣкъ съполовиною двѣ трети одна осмая*» (!! $69^1/_2 + ^2/_3 + ^1/_8$ коп.).

бойниками; то везли въ телѣгѣ, окруженной казаками, какого-нибудь атамана, то приводили съ Волги и съ окрестныхъ степей его разсѣявшуюся шайку; сегодня народъ бѣжалъ на площадь смотрѣть на раздачу шпицъ-рутеновъ къ предстоящей экзекуціи, завтра — на мрачные проводы наказанныхъ. Въ тотъ день когда провожали изъ Дубовки въ Царицынъ атамана Филипова, казаки вводили въ Дубовку атамана Кулагу съ Тарабаринымъ; когда Кулага сидѣлъ въ казематѣ — въ это же время арестовали разбойника Зубакина, коновода другой шайки, ходившаго съ своимъ воровскимъ отрядомъ во внутреннія губерніи Россіи *). Филиповъ засталъ въ Царицынѣ атамана Заметаева, послѣ ужаснаго наказанія отправлявшагося въ Саратовъ для другой, публичной казни, а въ Дубовкѣ Заметаевъ нашелъ Кулагу, еще не отправленнаго въ Царицынъ. Наконецъ, около этого же времени черезъ Царицынъ и Дубовку провезли, по распоряженію генералъ-аншефа гр. Ал. Потемкина, еще трехъ преступниковъ: малороссіянина Свирида Тарелкина (онъ же и Шевыревъ), разбойника изъ казачьихъ дѣтей Григорія Данилина и Будуджанова владѣнія калмыка Зотбу Гецуля Ножикова **). Эти — «по самоважнымъ дѣламъ колодники» пробыли въ Царицынѣ четыре дня и увезены въ Сибирь.

Между-тѣмъ суровые зимніе мѣсяцы представляли тяжелое испытаніе для разбойниковъ. Съ наступленіемъ холодовъ шайки ихъ мало-по-малу начинали рѣдѣть, потому-что при сильныхъ осеннихъ дождяхъ, яркіе костры, разводимые въ безопасныхъ мѣстахъ, въ чащѣ лѣса и въ оврагахъ, подъ прикрытіемъ почи, мало грѣли тѣхъ, у кого была плохая обувь и кой-какая лѣтняя одежа. Это была пора добыванія паспортовъ, чтобы, подъ защитою законнаго свидѣтельства, можно было найдти гдѣ-нибудь въ захолустьѣ пристанище на долгую и холодную зиму; а между тѣмъ съ какими опасностями соединенъ былъ промыслъ добычи паспортовъ, сколько нужно сдѣлать разбоевъ и воровства, чтобы добыть годное свидѣтельство, подобрать примѣты, ростъ и волосы; сколько нужно было пересвидѣтельствовать носовъ и подбородковъ, глазъ сѣрыхъ и черныхъ, сколько разъ напрасно

---

*) Объ атаманѣ Брагинѣ и разбойникѣ Зубакинѣ имѣетъ быть въ скоромъ времени напечатана особая статья въ Русскомъ Вѣстникѣ.

**) *Дѣло о разбойникѣ Свирадѣ Тарелкинѣ съ товарищи.* 1775 г. Цар. арх. N. 343.

ограбить или изувѣчить прохожаго и потомъ бросить его паспортъ, не подходящій къ примѣтамъ разбойника или просроченный. Но вотъ и Волга стала замерзать, по ней уже не тянутся караваны судовъ, рѣдко-рѣдко прокрадется по зарѣ маленькая лодченка, въ которой все лѣто мыкали горе понизовые бурлаки, теперь ищутъ на зиму пріюта. Некого грабить на Волгѣ... Пора добрымъ молодцамъ кланяться батюшкѣ-атаману и вѣрнымъ товарищамъ. И вотъ разбойники заводятъ свои лодки въ далекіе затоны, въ непроходимые камыши, прячутъ по лѣсамъ свои ружья и сабли, пики и пистолеты, сожгутъ не мало стоговъ сѣна и старыхъ дуплистыхъ пней, согрѣвая свои окоченѣлые члены, и потомъ разойдутся на всѣ четыре стороны, до весны, до краснаго солнышка. Погуляютъ потомъ тихонько въ кабакахъ, послушаютъ говору людскаго, нападутъ на хорошихъ людей и живутъ у нихъ до лѣта; а другіе между тѣмъ поплетутся въ степь, въ глухіе казачьи хутора, за Волгу, или на Иловлю и Медвѣдицу, найдутъ пристанище, кто за деньги, кто за имя Христово; иные выкопаютъ себѣ землянку и живутъ въ ней какъ пустынники.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

V.

Впродолженіи зимнихъ мѣсяцевъ лучшіе притоны для понизовыхъ бурлаковъ представляли уединенные казачьи зимовники по Иловлѣ, Медвѣдицѣ и Хопру. Изъ дѣлъ царицынскаго архива мы видимъ, что зиму 1775 года на Медвѣдицѣ, въ числѣ множества другихъ разбойниковъ, скрывался атаманъ Гаврила Буковъ. Въ этомъ же году онъ былъ пойманъ и содержался въ новохоперской крѣпости, но, послѣ сдѣланныхъ ему допросовъ, въ январѣ 1776 года бѣжалъ изъ крѣпости. За нимъ разосланы были во всѣ мѣста поиски, и между прочимъ комендантъ новохоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, 19 января сообщалъ объ этомъ въ Царицынъ, коменданту Цыплетеву, и писалъ, что «по производимымъ въ канцеляріи новохоперской крѣпости разбойнымъ дѣламъ, открылось, что по большой части разбойники и всякаго рода бѣглые проживаютъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ землянкахъ, а разбойническій атаманъ Гаврила Буковъ между прочими допросами показалъ, что онъ прошлаго 1775 года зиму проживалъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ урочищѣ, въ Черни *), у живущаго въ лѣсу березовской станицы у казака, а какъ звать не знаетъ, на пчельникѣ непостриженнаго монаха Льва, и съ нимъ обще зимовалъ же березовской станицы отставной казакъ Лукъянъ Исаевъ, сынъ Малышевъ, который разбойникъ Буковъ по допросѣ бѣжалъ». Вслѣдствіе этого бригадиръ Аршеневскій просилъ Цыплетева отправить въ это урочище «пристойную воинскую команду» въ надеждѣ, «не зимуетъ ли оный Буковъ и

*) Это, по всей вѣроятности, урочище-Каменновы хутора, на рѣчкѣ Черной, принадлежащее донскимъ помѣщикамъ Каменновымъ. Урочище это и теперь Малороссіяне называютъ — Чорна. Послѣ мы увидимъ, что въ этихъ мѣстахъ имѣли притонъ и другіе разбойники.

нынѣ въ означенномъ урочищѣ у предписаннаго монаха Льва или казака Малышева».

Цыплетевъ, по полученіи этого сообщенія, предписалъ «находившемуся по Бузулуку у сыску воровъ и разбойниковъ, войска Донскаго господину старшинѣ», чтобы онъ отрядилъ съ надежнымъ командиромъ достаточное число донскихъ казаковъ для розыска Букова и другихъ воровъ и велѣлъ-бы — «какъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ, такъ неоткроется-ль объ нихъ слухъ и въ другихъ мѣстахъ, чинить поиски и буде тотъ разбойнической атаманъ Буковъ съ товарищами ево иль одинъ пойманъ, или-жъ гдѣ въ пристанодержательствѣ у кого изловленъ будетъ, то и съ тѣми людьми, не обращая въ Царицынъ, отправить за безопаснымъ конвоемъ къ реченному господину бригадиру Аршеневскому». О дальнѣйшей судьбѣ Букова *), монаха Льва и казака Малышева мы ничего не знаемъ **).

Черезъ два мѣсяца послѣ отправленія съ Бузулука отряда для поисковъ за Буковымъ, началась новая гонка разъѣздныхъ командъ по Волгѣ и по всѣмъ окрестнымъ степямъ. Съ наступленіемъ весны, когда ледъ на Волгѣ тронулся, показались суда съ московскими и персидскими товарами, понизовые бурлаки снова повыползли изъ своихъ трущобъ, покинули хутора и ихъ скучную однообразную жизнь, бросили свои медвѣдицкія землянки, поправили лодки, отыскали свое старое оружіе, пристали къ своимъ атаманамъ и вышли на Волгу. Затѣмъ изъ Астрахани, изъ баталіоновъ, снова начались дезертировки солдатъ, которые шли или на взморье, или плыли вверхъ по Волгѣ, составляя шайки и останавливая каждое плохо-защищенное судно. Астраханскій оберъ-комендантъ генералъ Левинъ снова писалъ всѣмъ комендантамъ городовъ нижняго поволжья, чтобы они принимали мѣры противъ появившихся разбойниковъ. «Понеже, писалъ онъ Цыплетеву, нынѣ Волга рѣка льдомъ вскрылась и мнѣ есть не безъизвѣстно, что по оной появляются воровскія разбойничьи шайки, того ради, ваше высокоблагородіе, извольте всѣмъ вѣдомства вашего людямъ наистрожайше подтвердить, дабы они отъ тѣхъ воровъ приняли крайнюю предосторожность и имѣли какъ водою, такъ и сухопутно, днемъ и ночью всегдашніе разъѣзды, дабы оныя воровскія шайки конечно прекращены были,

*) Не Буковъ ли воспѣтъ народомъ подъ названіемъ вора — Гаврюшеньки и Гаврюшки, упоминаемаго въ мѣстныхъ пѣсняхъ?

**) *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Гавриле Буковѣ и держателяхъ его казакѣ Малышевѣ и монахѣ Львѣ.* Цар. арх. № 399. 1776.

да и особливо стараться праздно-шатающихся и безпашпортныхъ ловить, ибо изъ Астрахани, изъ военнослужащихъ дезертировано немалое число, то и ежели кто изъ воровскихъ шаекъ или и дезертировъ и праздно-шатающихся безпашпортныхъ пойманы будутъ, присылать ко мнѣ при рапортахъ, да и какое о поимкѣ тѣхъ злодѣевъ и протчихъ людей исполненіе чинено будетъ, ко мнѣ почасту рапортовать». Впрочемъ еще раньше этого предписанія разъѣздныя команды изъ Царицына и Дубовки разосланы были по всѣмъ дистанціямъ и сторожевыя лодки безпрестанно навѣдывались о томъ, что дѣлается на Волгѣ, — а на Волгѣ между тѣмъ было далеко неспокойно. Только потворствомъ разъѣздныхъ командъ разбойникамъ, или многочисленностію и дерзостію послѣднихъ можно объяснить то, что происходило въ это время въ понизовьѣ. Кромѣ постоянныхъ разъѣздовъ и экстренныхъ высылокъ, за тишиной на Волгѣ наблюдали команды съ форпостовъ, расположенныхъ по Волгѣ въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; не было, кажется, ни одного уголка и затона, куда не заглядывали-бы разсыльные казаки и солдаты, а между тѣмъ разбои происходили почти каждую ночь, да и самый ясный день не спасалъ путешественниковъ отъ внезапныхъ нападеній. «Сего апрѣля въ разныхъ числахъ, съ слѣдующихъ изъ Астрахани судовъ о нападеніи на нихъ разбойниковъ поданы объявленія», — писалъ Цыплетевъ маіору Персидскому и просилъ его помощи въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ, потому-что, за разными сухопутными командировками, за высылкою многихъ солдатъ и казаковъ на царицынскую линію, въ расположенныя по ней крѣпостцы и на форпосты, наконецъ за разными экстренными командировками, въ Царицынѣ почти никого не было и на Волгу можно было послать только нѣсколько человѣкъ, — а между тѣмъ въ военныхъ людяхъ, по такому смутному времени, была крайняя нужда. Персидскій въ это время находился съ своимъ отрядомъ тоже на Волгѣ, и Цыплетевъ писалъ ему: «какъ ваше высокоблагородіе съ командою своею расположились уже въ волгскомъ войскѣ и уповательно противъ полевыхъ полковъ о искорененіи и поимкѣ оныхъ (разбойниковъ) имѣете наставленіе, того ради ваше высокоблагородіе, государя моего прошу приложить въ томъ ваше всеудобовозможное стараніе и тѣхъ злодѣевъ ловя, присылать въ царицынскую комендантскую канцелярію, за что отъ главныхъ правительствъ получите достойную похвалу и благодарность; а какъ въ царицынскихъ баталіонахъ въ людяхъ такой недостатокъ, что и караулы содер-

жутца безсмѣнно, но однакожъ въ двухъ лоткахъ при оберъ-офицерѣ солдатъ и царицынскихъ казаковъ тридцать человѣкъ внизъ по рѣкѣ Волгѣ къ Черному Яру посланы, а потому ваши разъѣзды нужны какъ къ Димитріевску, такъ и внизъ хотя до нижней рѣки Пичуги или Ахтубы, и какой въ томъ успѣхъ происходить будетъ, для донесенія его превосходительству господину генералъ-маіору и астраханскому оберъ-коменданту Василью Васильевичу Левину прошу меня увѣдомлять *).

Какъ повидимому ни тщательны были эти предосторожности, какъ ни строги мѣры, принятыя противъ разбойниковъ, но ни предписанія Левина, ни распоряженія Цыплетева и волжскаго войска не имѣли успѣха. Втеченіе всѣхъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1776 года было открыто множество несчастныхъ случаевъ, но не поймано ни одного предводителя разбойниковъ; прошла и зима, наступило судоходное время 1777 года, разбойники продолжали свои «продерзости», нападали «сильною и вооруженною рукою» на расшивы и кладнуши, — а ихъ никто не ловилъ, — ихъ не пугали извѣстіемъ о взятіи такого-то и такого атамана, о разбитіи того или другаго воровскаго стана. Правда, многіе изъ нихъ нападали не такъ смѣло, брали пошлину съ промышленниковъ не попрежнему, не кричали, въ виду разъѣздныхъ командъ и около самыхъ городовъ проходящимъ судамъ свое страшное *«сарынь на кичку»*!**). Многія изъ шаекъ видимо откочевывали подальше отъ Волги, гдѣ въ послѣднее время, особенно въ 1775 году, онѣ лишились столькихъ сильныхъ атамановъ, въ родѣ Заметаева и Кулаги. Какъ-бы-то ни было, но разъѣзднымъ командамъ не удавалось въ это время поймать сколько-нибудь популярную личность. Замѣтно, что лѣтомъ 1778 года нѣкоторыя шайки появляются на степномъ берегу Волги, у рѣки Илавли и начинаютъ сухопутные разбои.

Илавля, впадающая въ Донъ, въ верховьяхъ своихъ очень близко подходитъ къ небольшой рѣчкѣ Камышинкѣ, принимаемой Волгой у самаго города, съ тѣмъ-же именемъ. Близость разстоянія двухъ небольшихъ рѣчекъ, одной волжскаго бассейна, а другой донскаго, дала нѣкогда Петру I мысль соединить ихъ каналомъ, хотя мысль эта оказалась неудобоисполнимою. Воровскіе

*) Цар. арх. No. 432. *Дѣло о принятіи предосторожности отъ появившейся по рѣкѣ Волгѣ разбойнической секты* (шайки). 1776.

**) Сигнальный крикъ разбойниковъ при нападеніи на суда. Крикъ этотъ еще такъ не давно раздавался на Волгѣ, и онъ очень памятенъ нынѣшнимъ мирнымъ бурлакамъ.

казаки, желая пробраться изъ Дона въ Волгу, проводили свои лодки вверхъ по Илавлѣ до того мѣста, гдѣ эта рѣчка ближе подходила къ Камышинкѣ; здѣсь лодки перетаскивались сухопутнымъ волокомъ въ Камышинку и разбойники входили по ней въ Волгу, какъ до-сихъ-поръ поется въ старой казачьей пѣснѣ:

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать-Камышинка-рѣка,
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку-рѣку;
Что по той-ли быстринѣ, по Камышинкѣ-рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два снарядные стружка*);
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знаменами, будто лѣсомъ поросли;
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донскіе казаки,
Да еще-ли гребенскіе, запорожскіе;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны, кумачемъ подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ**),
Что зеленъ-сафьянъ сапожки, кривые каблуки,
И съ зачесами чулки, да все гаруспые;
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго царя,
А бранятъ они, клянутъ воеводу,
Что съ женою и съ дѣтьми и со внучатами: —
Заедаетъ воръ-сабака наше жалованье;
Кормовое, годовое, наше денежное;
Да еще-же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
Внизъ по-матушкѣ по Волгѣ съ дунинаю воспѣвать.

Вообще въ самое отдаленное время Камышинка и Илавля были такими-же аренами разбойничьихъ подвиговъ, какъ и Волга, хотя на маленькихъ рѣчкахъ простору было меньше и около этихъ рѣчекъ можно было скрываться только на-время и гра-

---

*) Въ другой поется:
Выгребали выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ
Воровскихъ казаковъ.

**) Подобныя рубашки атаманъ Филиповъ далъ на сбереженіе своей любовницѣ, Иринѣ Ощепкиной. (См. выше.)

бить сухопутные караваны, да изрѣдка нападать на хутора и селенія, перекочевывать потомъ въ глухія степи или снова выходить на Волгу. Такъ мы видимъ, что въ 1778 году разбойничьи шайки видимо стали отходить отъ Волги и устраивать станы по Илавлѣ, Медвѣдицѣ и Хопру, не оставляя впрочемъ въ покоѣ и волжскихъ береговъ. Начались опять разбои по хуторамъ и селамъ, расположеннымъ по правую сторону царицынской линіи; хотя имена атамановъ были извѣстны, и ни одно изъ нихъ не раздавалось по окрестностямъ громче другихъ, однако положеніе обывателей было далеко незавидное. Въ это время, какъ извѣстно, волжское войско за присягу на вѣрность Пугачову переведено было на Терекъ; Дубовка, поволжскія станицы, начиная отъ антиповской до балыклейской и ниже Дубовки, наконецъ всѣ богатыя земли, принадлежавшія нѣкогда волжскому войску, стали заселяться, по распоряженію правительства, выходцами изъ верховыхъ губерній. Переселенцы, перевозившіе на новыя отведенныя имъ мѣста свое скудное имущество, были тревожимы на всѣхъ дорогахъ; ихъ грабили въ полѣ и въ домахъ, разбивали и жгли ихъ кое-какъ сколоченныя хижины. Между тѣмъ слухи ходили, что илавлинскія шайки понизовыхъ бурлаковъ день ото дня усиливались, бѣжавшими съ Терека и съ дороги, волжскими казаками, нехотѣвшими переселяться въ такую даль отъ своихъ родныхъ пепелищъ; эти новые помощники понизовой вольницы знали всѣ входы и выходы въ каждомъ селѣ, знали всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, сидѣвшихъ издавна по Илавлѣ и Медвѣдицѣ, и водили своихъ товарищей на грабежъ, не опасаясь попасть въ засаду, а иногда расчитывая на доброжелательство тѣхъ немногихъ волжскихъ казаковъ, которые остались въ Дубовкѣ и по станицамъ и обязаны были наблюдать за спокойствіемъ страны. Изъ Царицына былъ посланъ отрядъ для наблюденія за разбойниками, но отрядъ этотъ нисколько не помогалъ дѣлу. Кромѣ того, что разбойники имѣли по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ пріятелей, которые увѣдомляли ихъ о движеніяхъ казацкаго отряда, шайки умѣли такъ искусно наблюдать за сторожевыми разъѣздами, что никогда не попадались имъ на глаза и потому не имѣли надобности защищаться силой; они, обыкновенно, на другой день грабили то село, откуда, какъ они знали, только—что наканунѣ вышла разъѣздная партія; они нападали и на тотъ хуторъ, куда на другой день ожидали помощь разъѣздчиковъ, то-есть они и слѣдовали за отрядомъ и предупреждали его.

Въ такомъ жалкомъ положеніи была защита страны отъ разбойниковъ. Ничтожная горсть казаковъ находилась съ походнымъ атаманомъ Забурунновымъ на поискахъ, и та была взята для другой надобности. Притомъ и самое требованіе войсковаго старшины Савельева — предоставить защиту страны однимъ волжскимъ казакамъ — кажется намъ нѣсколько подозрительнымъ, при той роли, которую играли въ то время волжскіе казаки. Ослабить разъѣздныя команды на Волгѣ отдѣленіемъ отъ нихъ небольшихъ отрядовъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ казалось крайне опаснымъ, потому что все теченіе Волги отъ Дубовки до Чернаго Яру, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, осталось-бы совершенно незащищеннымъ. Это значило-бы бросить караваны судовъ на произволъ судьбы, или вѣрнѣе — въ руки разбойникамъ. Правда, камышинскій комендантъ, полковникъ Ременниковъ, занявшій въ этомъ городѣ комендантскую должность на-мѣсто умерщвленнаго Пугачевымъ Меллина, по распоряженію правительства отправилъ по Волгѣ воинскія команды; но и эта помощь была ничтожной защитой отъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе что отряды, посланные Ременниковымъ, должны были оберегать огромное пространство и растянуться верстъ на 300 или 400: одинъ отрядъ, подъ начальствомъ прапорщика фонъ-Пистоленъ-Корса, долженъ былъ наблюдать за разбойниками въ той части Волги, которая простиралась отъ Камышина вверхъ до села Золотого, одного изъ главныхъ разбойничьихъ притоновъ; другой отрядъ, подъ командою прапорщика Поспѣлова, защищалъ Волгу отъ Камышина внизъ до Дубовки. Они должны были «безпрестанное потрулеваніе свое производить съ перемѣною дистанціи,» — вѣроятно, взаимно обмѣниваясь постами во время съѣзда въ Камышинѣ. Ременниковъ просилъ Цыплетева, чтобъ отряды, посланные изъ Царицына, непремѣнно съѣзжались въ Дубовкѣ съ отрядомъ, крейсировавшимъ между Камышиномъ и Дубовкою, «размѣнивались билетами» (какими билетами, мы не знаемъ) и въ случаѣ опасности его давали одинъ другому помощь. Слѣдовательно волжскія разъѣздныя команды, растянутыя верстъ на 700 или 800, ни въ какомъ случаѣ нельзя было ослабить для вспомоществованія ими отрядовъ, посланныхъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ, и по необходимости надо было ограничиваться ничтожными отрядами, находившимися подъ начальствомъ поручика Хомутскаго, походнаго атамана Забурункова и капитана Зайцова, который былъ посланъ сюда отъ государственной экономіи для на-

блюденія за переселенцами и назывался «объѣзжимъ экономомъ.»

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Цыплетевъ, получивъ отъ волжскаго войска представленіе о необходимости усилить иловлинскіе отряды, приказалъ всѣмъ волжскимъ казакамъ, еще не переселившимся на «ново-возводимую линію» (на Терекъ), поступить подъ команду объѣзжаго эконома Зайцова; Зайцовъ же долженъ былъ принять главное начальство надъ отрядомъ поручика Хомутскаго, и вмѣстѣ съ донскими и волжскими казаками и ихъ начальниками двинуться противъ разбойниковъ, «учинить надъ тѣми злодѣями всевозможные поиски и всемѣрно постараться переловить ихъ всѣхъ безъ упущенія.» Въ скоромъ времени Зайцовъ извѣщалъ Цыплетева, что разбойничьи партіи умножаются, что вся земля волжскаго войска наполнена воровскими шайками, бродящими около станицъ и въ особенности около хуторовъ; — что разбойники эти «чинятъ живущимъ въ тѣхъ хуторахъ и проѣзжающимъ людямъ грабежи, и выжигаютъ селенія, а сколько извѣстно мнѣ стало нынѣ, и у крестьянъ лошадей множественное число уже покрадено, да и до днесь среди дня отнимаютъ». Зайцовъ добавлялъ, что крестьяне объявляютъ, будто главные зачинщики смутъ сами волжскіе казаки, выводимые на Терекъ. Не имѣя ни откуда защиты, Зайцовъ послалъ приказы въ волжскія станицы, антиповскую, караванскую и балыклейскую, и велѣлъ старостамъ нарядить небольшую партію мужиковъ и чѣмъ нибудь на первый случай вооружить ихъ, «хотя не всѣхъ ружьями, но по меньшой мѣрѣ рогатинами»; онъ велѣлъ, чтобы это крестьянское ополченіе соединилось съ отрядомъ волжскихъ казаковъ, высылаемыхъ изъ Дубовки, куда онъ отправлялся лично, чтобы и въ Дубовкѣ набрать и вооружить крестьянъ для передачи ихъ подъ команду казачьяго начальника; «а инаково, прибавлялъ онъ въ рапортѣ къ Цыплетеву, буде къ поиску тѣхъ воровъ въ степяхъ однихъ крестьянъ отправить, то какъ они о здѣшнихъ мѣстахъ мало еще свѣдомы и не настояще вооружены, а притомъ и безъ предводительства, почитаю, весьма будетъ неудобно, къ тому же безъ точнаго на то повелѣнія и смѣлости не имѣю.» Войсковой старшина Савельевъ писалъ между тѣмъ въ Качалинъ, войска донскаго войсковому старшинѣ Грекову, и просилъ у него помощи; Цыплетевъ съ своей стороны просилъ Грекова о командированіи отряда донскихъ казаковъ на Иловлю. Грековъ отправилъ требуемый отрядъ и сверхъ того сообщилъ «къ медвѣдицкимъ сыскнымъ

дѣламъ» о присылкѣ вспомоществованія плавлинскимъ разъѣздамъ, потому что на Медвѣдицѣ можно еще было располагать нѣкоторою частью казаковъ, не бывшихъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ къ плавлинскимъ разбойникамъ приближалась гроза съ четырехъ сторонъ: изъ Царицына давно выступалъ съ донскими казаками поручикъ Хомутскій, изъ Дубовки выходили волжскіе казаки вмѣстѣ съ крестьянами, взятыми изъ антиповской, караваинской и балыклейской станицъ; изъ Качалина двинулся другой отрядъ донскихъ казаковъ, съ Медвѣдицы должна была придти такая же помощь. Только камышинскій комендантъ Гременниковъ отозвался на требованіе Цыплетева, что у него нѣтъ въ распоряженіи коннаго отряда и что онъ не можетъ послать никакого секурса противъ плавлинскихъ шаекъ.

Вѣсть объ плавлинскихъ и поволжскихъ неурядицахъ дошла наконецъ и до астраханскаго губернатора Якобія, который въ то время стоялъ лагеремъ при *Брагунскихъ* водахъ. Ему доносили, что страна для защищенія себя отъ разбойниковъ не имѣетъ достаточно силы и что камышинскій комендантъ совершенно не можетъ подать сухопутной помощи, за неимѣніемъ конницы. Тогда Якобій, не принимая въ расчетъ никакихъ отзывовъ, велѣлъ непремѣнно истребить разбойниковъ.» Какъ генерально указами ея императорскаго величества накрѣпко повелѣваетца всѣ силы вездѣ командующимъ употреблять — злодѣйскія, воровскія партіи искоренять (писалъ онъ между прочимъ Цыплетеву), — вслѣдствіе чего и должно каждому о томъ имѣть ежеминутное стараніе, потому и предписалъ я димитріевскому (камышинскому) коменданту, чтобъ по ближайшей дистанціи отъ Дмитріевска волжской антиповской станицы, а отъ нея простираясь даже и до половины казачьяго селенія, для поимки и искорененія тѣхъ злодѣевъ учредилъ онъ отъ себя изъ казаковъ всегдашній разъѣздъ, собравъ ихъ въ такое время изъ ненужныхъ командировокъ, *которой и продолжать до самаго прекращенія злодѣянія*; а другую половину тѣхъ селеній такими-же разъѣздами защищать изволите ваше высокоблагородіе и поиски чинить снизу отъ Царицына и всячески прилежать самихъ злодѣевъ въ конецъ истребить и во всѣ окрестныя мѣста о преслѣдованіи ихъ давать знать.»

Наконецъ въ сентябрѣ этого года Цыплетевъ отправилъ на Плавлю еще одинъ отрядъ донскихъ и царицынскихъ казаковъ и поручилъ начальство надъ ними провіантъ-коммисару Ястребенкову, давъ ему словесное наставленіе, какъ дѣйствовать. Тамъ

находились уже другіе отряды донскихъ казаковъ, и однимъ изъ нихъ командовалъ походный атаманъ Мельниковъ. 17 сентября соединился Ястребенковъ съ этими отрядами и они положили идти противъ разбойниковъ общими силами; поэтому командиры отрядовъ раздѣлили свои силы на четыре части, изъ которыхъ каждая должна была идти по извѣстному направленію, производя поиски, и послѣ этихъ розысковъ положено было всѣмъ соединиться въ извѣстномъ сборномъ пунктѣ, чтобы узнать о результатѣ каждой отдѣльной экспедиціи. Такъ и сдѣлали. Нѣсколько дней отряды бродили по всѣмъ направленіямъ, и когда соединились у сборнаго пункта, никто ничего не могъ сказать о разбойникахъ. Поиски были напрасны, потому что разбойники знали о движеніи разъѣздовъ и умѣли вездѣ скрыть свои слѣды. Можетъ быть, этой неудачѣ помогла ссора между начальниками отрядовъ, тѣмъ не менѣе разбойники не давались имъ въ руки. Вскорѣ Ястребенковъ прислалъ къ Цыплетеву нарочнаго казака съ извѣстіемъ о безуспѣшности поисковъ и жаловался на походнаго атамана Мельникова, будто онъ «съ своею командою дѣлаетъ непорядки и скрываетъ, по доказательству сосѣдей, пристанодержателей.» Ястребенковъ находился въ это время съ отрядомъ своимъ, какъ самъ писалъ, *для залогу въ скрытномъ мѣстѣ.*

Между тѣмъ приближалась осень; до конца сентября разъѣздные отряды не сдѣлали ровно ничего для безопасности страны; разбойники, видя приближеніе холодовъ и не желая имѣть дѣло съ казаками, разбрелись въ безопасныя мѣста. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Есть основаніе думать, что илавлинскіе разбойники, кромѣ тѣсной связи съ волжскими казаками, были въ тѣсныхъ отношеніяхъ и съ донскими, иначе илавлинская экспедиція не кончилась-бы такъ пусто. Ястребенковъ недаромъ говорилъ, что атаманъ Мельниковъ съ своей командой *дѣлаетъ непорядки*, а между тѣмъ отъ этихъ непорядковъ зависѣла жизнь и спокойствіе цѣлаго края. Вообще понизовые бурлаки были счастливѣе на Илавле чѣмъ на Волгѣ*).

Съ наступленіемъ зимы 1778 года, когда разъѣздные отряды возвратились съ Илавли на зимнія квартиры, разбойники снова начали собираться партіями и нападать на обозы, проходившіе по степямъ и по Волгѣ, и на отдѣльно-стоящія поселенія, хотя

---

*) Цар арх. No 716. *Дѣло о поимкѣ воровъ и разбойниковъ появившихся на рѣчкѣ Илавлѣ и Волгѣ.* 1778.

нѣсколько измѣнили свою тактику. Имъ уже нельзя было собираться огромными шайками и цѣлые мѣсяцы проводить въ лѣсу, въ уединенныхъ притонахъ, откуда по временамъ отправлялись экспедиціи въ ближайшія деревни; суровое время заставило ихъ искать убѣжища въ жилыхъ мѣстахъ, у пристанодержателей. Само-собою разумѣется, что, живя такимъ образомъ, трудно было держать частыя совѣщанія, и потому разбойники ограничивались маленькими сходками, человѣка по два по три, и, сговорившись о мѣстѣ соединенія, они выходили на разбой на самое короткое время и скоро возвращались каждый къ своему пристанодержателю. Но прежде чѣмъ скажемъ о зимнихъ экспедиціяхъ, которыя возобновлялись почти каждый годъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, приведемъ нѣсколько свѣдѣній о разбояхъ на самой Волгѣ.

Весна 1779 года опять вызвала понизовыхъ бурлаковъ къ ихъ привычной дѣятельности. Съ появленіемъ на Волгѣ судовъ явились и разбойничьи лодки, а вслѣдъ за ними выплыли для дозора разъѣздныя команды изъ Камышина, Дубовки, Царицына и Чернаго Яра. Хотя опасное ремесло разбойника едва-ли кому могло казаться привлекательнымъ, однако жизнь бѣднаго населенія была такъ некрасна, существованіе на бѣломъ свѣтѣ для многихъ казалось такой тяжелой обязанностью, кусокъ хлѣба такъ трудно вырабатывался, что даже простой мужичокъ рѣшался иногда, конечно не изъ баловства и не для шутки, не отъ избытка счастья, а съ горя выйдти на Волгу и попытаться добыть денегъ, которыя честнымъ трудомъ такъ не легко добывались. Мы вообще думаемъ, что только очень достаточныя побужденія выгоняютъ робкаго мужика па большую дорогу; не легка была жизнь и поволжскаго бурлака. Весной 1779 года начались переговоры между нѣкоторыми крестьянами поволжскихъ деревень *): между прочимъ составилась небольшая шайка въ среднемъ ахтубинсномъ городкѣ, приписанномъ къ ахтубинскимъ шелковичнымъ плантаціямъ; нѣсколько человѣкъ крестьянъ, согласившись «разбивать плывущія по рѣкѣ Волгѣ суда,» подговорили въ свою шайку нѣкоторыхъ изъ жителей верхняго погромнаго городка, и начали готовиться къ выступленію на Волгу. Конечно, когда составилась шайка, приступили къ избранію атамана и есаула, и первымъ избранъ былъ Василій Тимофѣевъ, двадцативосьмилѣтній крестьянинъ, казавшійся имъ достойнымъ этого почетнаго

---

*) Цар. арх. No 776. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Васильѣ Тимофѣевѣ, есаулѣ Андреѣ Татариновѣ, съ шайкою.* 1799 г.

званія, есауломъ къ нему выбрали крестьянина погромнаго городка Андрея Татаринова. Разбойники приготовили нѣсколько ружей, атаманъ купилъ себѣ кромѣ того пистолетъ (за который заплатилъ полтинникъ!), шашку, достали пороху, желѣзный кистень, и 25-го мая, взявъ небольшую лодку, выѣхали на Волгу въ числѣ только шести человѣкъ и направились прямо къ Денежному острову, лежащему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царицына. Это было самое удобное мѣсто для наблюденія за проходящими по Волгѣ судами, и разбойники избрали его для своей стоянки, остановившись на самомъ «приверхѣ» острова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлитъ Волгу на два рукава. Разбойники провели ночь въ своемъ станѣ, провели и весь слѣдующій день, наблюдая за всѣмъ, что происходило на Волгѣ: наконецъ, на закатѣ солнца они выбрали одно сплавное судно, шедшее сверху, и сообразивъ, что оно не устоитъ противъ нихъ, потому что не было защищено ни однимъ орудіемъ, атаковали его и ограбили. Судно это принадлежало балахнинскому дворцовому крестьянину Овчинникову, провіантскому поставщику, и находилось подъ присмотромъ работника его, экономическаго крестьянина Бѣлухина. Такъ какъ судно нагружено было хлѣбомъ, а не красными или другими цѣнными товарами, то разбойники и не могли собрать на немъ богатой добычи: они взяли желѣзный сундучекъ съ деньгами, какія находились на суднѣ, разное платье, топоры и прочіе инструменты, нужные для домашняго обихода, захватили четверикъ пшена себѣ на кашу, и отпустили судно, не сдѣлавъ никому вреда. Едва они возвратились къ своему стану, на приверхъ острова, и раздѣлили добычу, какъ увидѣли снова два судна, плывшія сверху, и, пропустивъ первое изъ нихъ, сдѣлали нападеніе на второе. Судно было защищено и, замѣтивъ приближеніе разбойниковъ, встрѣтило ихъ выстрѣлами изъ пушки; не имѣя равнаго оружія, разбойники должны были отступить, и такимъ образомъ судно прошло благополучно. Опасаясь, вѣроятно, чтобы станъ ихъ, на Денежномъ островѣ, не былъ открытъ и они не переловлены царицынскими разъѣздами, въ случаѣ подачи объявленія однимъ ограбленнымъ и другимъ спасшимся судномъ, разбойники не ночевали въ станѣ, а поплыли на другую сторону Волги, на нагорную, и пристали къ берегу выше устья рѣчки Второй Мечетной; тамъ они расположились ночлегомъ, а утромъ опять направились къ Ахтубѣ. Но когда ночью они пристали къ берегу въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, на нихъ напала разъѣздная команда, высланная изъ Царицына, подъ начальствомъ

пятидесятника Протопопова, «ради поиску и искорененія воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей;» къ разъѣздному отраду присоединились крестьяне ахтубинскаго городка — и разбойники должны были сдаться. Но одинъ изъ нихъ, желая спастись, бросился въ воду, чтобы вплавь перебраться на другую сторону Ахтубы; въ то время, когда онъ уже плылъ, раздался выстрѣлъ и разбойникъ былъ убитъ кѣмъ-то изъ разъѣздной команды.

На другой день разбойники привезены были въ Царицынъ, сданы, вмѣстѣ съ оружіемъ и пограбленными вещами, въ комендантскую канцелярію, и въ тотъ же день допрошены. Атаманъ признался во всемъ, есаулъ также, а за ними и ихъ подначальные товарищи. Все, что было взято ими съ судна, возвращено по принадлежности, кромѣ денегъ, которыя были разобраны ахтубинскими крестьянами при поимкѣ разбойниковъ; сами они отправлены были въ воеводскую канцелярію, «для надлежащаго по законамъ изслѣдованія и за продерзости ихъ наказанія.»

Именнымъ указомъ, отъ 1763 года 10-го февраля, повелѣвалось выдавать изъ казны денежныя награды всякому, кто поймаетъ вора или разбойника и приведетъ въ судъ; за разбойничьяго атамана велѣно было платить по 30 рублей, за простаго разбойника 10, а за пристанодержателя 50 рублей. На основаніи этого указа пятидесятникъ Протопоповъ, поймавшій, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, атамана Тимоѳѣева, его есаула и двухъ разбойниковъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Долго не получая его, онъ подалъ коменданту «доношеніе», которое мы выписываемъ ниже *).

---

*) Пойманные мною съ командою воровской атаманъ, есаулъ и разбойники отъ комендантской отосланы въ воеводскую канцелярію при промеморіи, а таково жъ требовано о выдачѣ мнѣ съ командою за поимку тѣхъ разбойниковъ принадлежащихъ денегъ, но точію я и понынѣ неудовольствованъ; а высочайшимъ имяннымъ ея императорскаго величества, состоявшимся 763 г. февраля 10, публикованнымъ въ народъ указомъ, по 4 пункту между протчаго ясно изображено: «естли кто разбойническаго атамана или «разбойника поимавъ приведетъ, таковымъ давать изъ казны нашей за атамана по тридцати, а за разбойника по десяти рублевъ, а возвращать оныя потомъ въ казну,» и откуда, то въ томъ указѣ изъяснено-жъ. Того ради царицынскую комендантскую канцелярію покорнѣйше прошу, всходность всевысочайшаго матерняго ея императорскаго величества (указа), обнародованнаго вѣрноподданнымъ къ поощренію ловить и приводить воровъ, о выдачѣ за то награжденія мнѣ съ командою повелѣннаго за приводъ ата-

Само-собою разумѣется, что уничтоженіе такой незначительной шайки, какъ Тимоѳѣева, не имѣло никакихъ послѣдствій для прочихъ поволжскихъ разбойниковъ. Такое болѣзненное явленіе въ русской исторіи, какъ поволжскіе разбои, не могло быть закрыто въ народной жизни одними палліативными средствами, потому что корни его лежали глубоко.

VI.

Истребленіе поволжскихъ разбойничьихъ шаекъ, при всей ихъ многочисленности, не было сопряжено съ такими трудностями, какъ преслѣдованіе воровскихъ партій, бродившихъ по степямъ и лѣсамъ и производившихъ свои набѣги или пѣшими отрядами въ десять, двадцать и тридцать человѣкъ, или на лошадяхъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту дѣйствія. Поволжскія шайки, разъѣзжавшія вдоль береговъ Волги, всегда могли опасаться встрѣтить разъѣздныя команды, наконецъ могли быть атакованы съ берега, въ самыхъ притонахъ, между тѣмъ какъ лѣса и степи съ своими балками и оврагами, представляли для разбойниковъ опасныя убѣжища. Притомъ сухопутныя шайки могли скорѣе, въ случаѣ опасности, расходиться по домамъ, у кого было свое пристанище, или къ становщикамъ, которыхъ можно было найдти въ каждой деревнѣ. Въ эти шайки шли не одни понизовые бурлаки и бродячая вольница, но и люди осѣдлые, крестьяне, спокойно возвращавшіеся къ сохѣ и боронѣ, послѣ удачной экспедиціи. Оттого иной разбойникъ, въ разное время, могъ участвовать въ нѣсколькихъ шайкахъ и, бросивъ одного атамана, когда его товарищамъ угрожала опасность, выжидалъ удобнаго случая, чтобъ или самому «подобрать» вѣрныхъ людей или примкнуть къ другому удальцу. Такъ разбойники трехъ шаекъ, грабившихъ въ поволжьѣ въ продолженіе десяти лѣтъ (1771—1781 г.), атамановъ Ивана Рыжаго, Шагалы и Дегтяренка, — одни и тѣже лица, — то иногда являются въ шайкѣ одного, то другого *).

мана и трехъ человѣкъ разбойниковъ, въ числѣ коихъ и есаулъ, дабы какъ я, такъ и команда моя, за неудовольствіемъ остатца обиженными быть не могли, о томъ въ царыцынскую воеводскую канцелярію покорнѣйше прошу сообщить еще промеморію, учинить милостивую резолюцію».

*) Цар. арх. No 701. *Дѣло о разбойникахъ вѣдомства царицынской канцеляріи, приписныхъ въ подушный окладъ Малороссіянахъ Иванѣ Збойковѣ и бѣглом̃ъ царицынскаго 1-го баталіона солдатѣ Васильѣ Овчинниковѣ.* 1778 года.

Этимъ характеромъ отличаются похожденія Шагалы, бывшаго и простымъ разбойникомъ у Ивана Рыжаго и атаманомъ другой шайки. Шагала представляетъ собой олицетвореніе типа тогдашняго понизоваго бурлака, о родѣ и племени котораго никто, кромѣ его самого, не зналъ; имени опредѣленнаго онъ также не носилъ, хотя и былъ приписанъ къ обществу камышинскихъ Малороссіянъ «нагорной стороны», подъ именемъ Василья Полякова. Послѣ оказалось, что имя его было совсѣмъ не то, какое стояло въ именныхъ спискахъ камышинскихъ Малороссіянъ и даже не Шагала, какъ онъ слылъ въ народѣ. Относительно этого прозвища онъ говорилъ, когда его впослѣдствіи поймали, «Я же называюсь и Шагала, оттого что назадъ тому года съ четыре послѣ пугачевщины, здѣшній Малороссіянинъ Софронъ Вискалинъ, кой и нынѣ живъ, ходя со мною въ осеннее время для работъ, черезъ случившіеся на то время ручейки, усмотрѣлъ меня перепрыгивающимъ, сказалъ: *Будь отнынѣ Шагала.*» О происхожденіи своемъ Шагала разсказывалъ, будто отецъ его былъ родомъ Малороссіянинъ изъ города Рыльска, откуда еще въ молодости переселился на Донъ, и, занимаясь плотничнымъ ремесломъ, жилъ въ разныхъ мѣстахъ. «Между тѣмъ въ Пятиизбянской станицѣ сжился б....... дѣломъ съ россійскою женщиною, Марьею Лаврентьевою дочерью, кою и имѣлъ безъ вѣнца за свою жену, и, живучи въ той станицѣ, отъ ней рожденъ я; а больше у нихъ дѣтей не было. Я при матери, до смерти ея, былъ лѣтъ восьми, а послѣ той ея смерти, отецъ мой сошелъ со мною въ Волгское войско, въ городокъ Дубовку, и работалъ тамъ, вскармливая меня, по разнымъ людямъ; а оттуда, оставя меня у волгскаго казака, Кирея Степанова, сына Мигузова, пошолъ онъ работать на Донъ, гдѣ и померъ». Будущій разбойникъ остался послѣ отца лѣтъ пятнадцати и жилъ у казака Мигузова года четыре. Девятнадцати лѣтъ онъ началъ свою бродячую жизнь, оставивъ Мигузова и переселившись въ Дубовку, гдѣ жилъ у казака Семисотнова не больше года; затѣмъ перебрался въ балыклейскую станицу и нанялся къ казаку Бочарову» къ рыбной ловлѣ на лотку, въ веселную работу». Здѣсь онъ прожилъ лѣтъ восемь, и Бочаровъ, за усердіе Шагалы, записалъ его въ Камышинъ, въ число Малороссіянъ, назвавъ сиротою. Когда Волжское войско переведено было на такъ-называемую «новую линію», въ Моздокъ, и Бочаровъ уѣхалъ вмѣстѣ съ другими казаками, Шагала остался въ балыклейской станицѣ и переходилъ отъ одного хозяина къ другому.

Во время этихъ странствій по дворамъ, перекочевывая съ хутора на хуторъ, въ 1776 году Шагала поселился у камышинскаго бобыля Алексѣя Рускова, на рѣчкѣ Елховкѣ, и женился, говоритъ онъ, на дочери его, «дѣвкѣ Аннѣ, съ которою и вѣнченъ въ здѣшней (камышинской) городовой успенской церкви; но кто былъ священникъ, не припомню. Женясь, жилъ у тово тестя около году, а потомъ, не захотя съ нимъ вмѣстѣ жить, передъ Покровомъ днемъ отошелъ и съ своею женою къ живущему на той же рѣчкѣ Елховкѣ своимъ хуторомъ, не больше какъ въ полуверстѣ, здѣшнему мѣщанину Василью Алексѣеву, сыну Свѣтышеву, онъ же прозывается и Разстрыгинъ, и жилъ у нево въ особливой землянкѣ». Бродячая жизнь сводила его не разъ съ людьми такого закала, для которыхъ не было другого дѣла, какъ «подбирать воровскія партіи», жить лѣто на волѣ, на конѣ и съ пикой, а зиму—въ острогѣ. Сидя въ кабакѣ, бродяги и прочая, «голытьба», обыкновенно заводили рѣчь о трудности своего житья-бытья, о тяжкой нищетѣ, о провинностяхъ, къ которымъ приводила эта-же нищета, о томъ, что, рано-ли, поздно-ли, безпаспортная жизнь доведетъ до острога, до тяжелыхъ наказаній, — что не легко выправлять эти паспорты бѣдному батраку, еслибъ онъ и хотѣлъ избавиться отъ бродяжничества; говорили и о томъ, что есть-де и богатые люди, которые не боятся остроговъ, во-время ѣдятъ и пьютъ, во-время спятъ и веселятся, тепло одѣты, никѣмъ не обижены. Отсюда рѣчь заходила въ сторону; говорилось, напримѣръ, о томъ, что есть-де и такой народъ, что пьютъ-ѣдятъ некупленое, носятъ платье съ чужаго плеча, никого не боятся; что живутъ они середи степи, знаютъ одного атамана-батюшку, да и тотъ такой же какъ они простой бурлакъ, который слушается артели.... Вотъ такой кабацкій знакомый пріѣхалъ однажды и къ Шагалѣ. Пріѣзжаго звали Иваномъ Чернымъ («онъ же прозывается и Щербакъ, потому что у него нѣтъ во ртѣ одного передняго зуба»), и жилъ онъ, въ качествѣ батрака, у одного Малороссіянина, по имени Островскаго, на княжихъ или костаревыхъ хуторахъ. Черный звалъ Шагалу на эти хутора въ гости къ Малороссіянину Сумцову, гулять, какъ онъ выражался, имѣя на самомъ дѣлѣ намѣреніе привлечь его въ шайку, которая собиралась у послѣдняго. Шагала поѣхалъ съ нимъ и нашелъ у Сумцова гостя, пріѣхавшаго изъ волжскаго войска, стараго отставнаго казака, Василья Колесникова съ сыномъ Иваномъ; хозяинъ и гости пьянствовали, а вмѣстѣ съ ними стали пить Шагала и Щербакъ и все семейство старика

Сумцова; у Сумцова же, кромѣ того, былъ въ работникахъ бродяга «русскій человѣкъ», Иванъ Рыжій, который также присталъ къ попойкѣ на правахъ разбойника. Между тѣмъ старики Сумцовъ и Колесниковъ заговорили о «разбойномъ дѣлѣ»; думали ѣхать въ волжское войско — разбивать богатыхъ людей. Составилась маленькая шайка: старый Сумцовъ съ друмя сыновьями, ихъ батракъ Рыжій, старый Колесниковъ съ сыномъ и Шагала съ Щербаковъ, — всего семь человѣкъ. У каждаго была верховая лошадь, кромѣ молодаго Колесникова и Шагалы, у котораго конь не годился для разбоевъ и быстрыхъ переѣздовъ. Нужно было достать лошадей, и Шагала съ Колесниковымъ въ ту же ночь успѣли съѣздить въ сосѣдніе барановскіе хутора, украли тамъ изъ табуна пару коней и воротились къ шайкѣ. Здѣсь произошло избраніе атамана и есаула, и атаманская власть досталась на долю Ивана Рыжаго, волѣ котораго, вѣроятно, всѣмъ было безопасно покориться, да и удаль его, безъ сомнѣнія, была уже испытана, когда такіе старые люди, какъ Сумцовъ и Колесниковъ признали надъ собой его голосъ. Есауломъ шайки назначенъ былъ молодой Колесниковъ.

Прежде всего разбойники отправились въ предѣлы волжскаго войска, именно на Саламатины хутора, къ знакомому казаку Гусеву, который снабдилъ ихъ на дорогу хлѣбомъ и выпроводилъ въ путь. Въ осеннюю ночь (это было въ концѣ октября 1777 года), они выѣхали отъ Гусева, и атаманъ повелъ ихъ степью, прямо черезъ сыртъ, въ предѣлы Войска Донскаго. Всѣ разбойники были на коняхъ и вооружены, какъ походные ратники. Скоро они пріѣхали на рѣчку Тишанку, въ округъ качалинской станицы, и напали на хуторъ донскаго полковника Дулимова: окруживъ его домъ, они схватили Дулимова, его маленькаго пасынка и бывшаго съ нимъ крестьянина, перевязали ихъ и начали грабить все, что было цѣннаго въ домѣ; брали деньги, лошадей, кафтаны и другое платье, казачьи арчаки (сѣдла); взяли ружья на погонѣ, *турку* (такъ назывался особый родъ ружей), и сверхъ того захватили «масла коровьева пуда съ два». Ограбивъ Дулимова, они въ ту-же ночь поворотили къ сѣверу, проскакали верстъ двадцать пять безъ роздыха, и явились на Илавлѣ, въ балыклейскихъ хуторахъ, гдѣ жилъ богатый казакъ Трофимъ Монацковъ, можетъ быть, потомокъ того «Сеньки Монацкова злодѣя», который

Крѣпкой думушки съ стариками не думывалъ, —
Думывалъ онъ крѣпкую думушку со ярыжками...

Перекинулся собака ко азовскому пашѣ *).

Въѣхавъ въ хуторъ, разбойники бросились къ усадьбѣ Монацкова, окружили его домъ, желая схватить самого хозяина. Но Монацковъ успѣлъ выскочить изъ дому, бросился бѣжать отъ разбойниковъ, которые замѣтили его и пустились въ погоню. Нѣсколько разъ молодой Колесниковъ, есаулъ шайки, догонялъ Монацкова; нѣсколько разъ, настигнувъ бѣглеца, кололъ его («толкалъ») дротикомъ, но или тупа была пика, или невѣренъ былъ ударъ, только Монацковъ не падалъ; есаулъ пустилъ ему наконецъ въ догонку пулю изъ своей винтовки, — но и пуля не убила его. Монацковъ скрылся, добѣжавъ до рѣки. Между тѣмъ другіе разбойники грабили его домъ: забирали деньги и платье, захватили до шестидесяти аршинъ холста, одинадцать паръ сапоговъ, тринадцать паръ рукавицъ бараньихъ, пятьдесятъ паръ подошвъ, «бешметъ китаиной синей одинъ, сарафанъ женской кумачный одинъ, двѣ женскія сороки *съ подзатыльниками золотова позументу*, шапокъ красныхъ двѣ, зеленую съ ушками одну, кушакъ полушелковой одинъ, рубахъ мужскихъ бѣлыхъ три, портъ тяжныхъ двои, два ружья, арчакъ съ приборомъ и сѣделкой одинъ, масла коровьева четыре пуда, меду полпуда» и т. д. Самъ атаманъ бросился съ огнемъ въ клѣть; анбаръ тотчасъ вспыхнулъ; за нимъ загорѣлся чуланъ, бывшій въ одной связи съ анбаромъ; въ то же мгновеніе пламя охватило избу, крытую соломой,—и огонь быстро распространился**). Въ домѣ, въ чуланѣ, спали маленькіе дѣти, мальчикъ и дѣвочка. Когда пламя разлилось по всему строенію, разбойникъ Шагала бросился въ чуланъ спасать дѣтей и вынесъ ихъ на своихъ рукахъ совсѣмъ съ постелью ***). Оставивъ дѣтей и видя, что хуторъ весь горитъ, разбойники бросились въ сторону, опасаясь погони. «Испугавшись, чтобъ на пожаръ не сбѣжались люди, поѣхали всѣ наскорѣ по рѣкѣ Илавлѣ, и не доѣзжая Соломати-

---

*) Этотъ Сенька Монацковъ измѣнилъ казакамъ и бѣжалъ въ Азовъ. Когда паша спрашивалъ его, «что думаютъ въ черкаскомъ городу», онъ отвѣчалъ, что старики пьютъ-гуляютъ, «по бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ». Тогда паша, чтобъ казаки не прошли въ море, протянулъ черезъ Каланчу-руку цѣпи, привязалъ къ нимъ струны и «подвелъ ихъ къ звонкимъ колоколамъ». Ни одна лодка не могла пройти, не задѣвъ за цѣпь: «тогда звонили колокола и Турки вооружались», но казаки обманули Турокъ.

**) Послѣ разбойники говорили, что атаманъ нечаянно зажегъ хуторъ: доставая со стѣны ружья, онъ поджегъ висѣвшія тамъ конопли.

***) «И я едва успѣлъ изъ чулана вынесть спящихъ на постелѣ малолѣтнихъ мальчика и дѣвочку, коихъ и съ тою постелею отъ погорѣнія спасъ и оставили ихъ живыхъ», говорилъ впослѣдствіи Шагала на допросѣ.

ныхъ хуторовъ, въ сырту, пограбленное у Дулимова и Монацкова по себѣ раздуванили», говорилъ Шагала. На долю каждаго разбойника досталась довольно-цѣнная добыча; награблено было столько, что каждый могъ брать изъ вещей что угодно—«брать отъ товарищей было невозбранно».

Послѣ этого набѣга шайка на-время разошлась, и каждый изъ разбойниковъ поѣхалъ въ свой домъ. Шагала съ Щербакомъ отправились на Саламатины хутора, къ пристанодержателю Гусеву, о которомъ мы упоминали выше, и отдали ему всю добычу на сохраненіе. Шагала кромѣ того предложилъ хозяйкѣ дома, женѣ Гусева, подарокъ отъ себя, именно кумачный сарафанъ, взятый у Монацкова. На другой день разбойники еще разъ собрались у стараго Сумцова и отпраздновали удачную экспедицію, — «цѣлой день пили магарычи». Шагала отправился потомъ домой, въ свою бѣдную землянку, пѣшкомъ, потому что не посмѣлъ ѣхать на краденой лошади и бросилъ ее въ саламатинскихъ займищахъ. Мѣщанинъ Светышевъ, у котораго Шагала занималъ землянку, понялъ, что постоялецъ его не даромъ пропадалъ около десяти дней и воротился безъ лошади; что сосѣдство такого гостя, какъ Шагала, весьма опасно. Когда Светышевъ спросилъ его о причинѣ отлучки и потерѣ лошади, Шагала отвѣчалъ, что «пьянствовалъ на Илавлѣ у разныхъ знакомыхъ людей, а лошадь продалъ». — «Знать, ты не за добромъ отгуливаешь», говорилъ ему Светышевъ и велѣлъ оставить его землянку: «выбирайся вонъ изъ моего дому, чтобъ мнѣ за тебя не нажить хлопотъ». Прогнанный Светышевымъ, Шагала опять началъ бродить съ мѣста на мѣсто, перетаскивая съ собой и жену, которая ни въ чемъ не была виновата: сначала онъ жилъ у тестя, но покойная жизнь не удовлетворяла его, а бѣдность вынуждала искать средствъ для существованія. И вотъ онъ пригласилъ къ себѣ четырехъ товарищей, чтобы на слѣдующее лѣто отправиться на Елтонское озеро ломать соль; наняли себѣ за Волгой, въ Николаевской слободѣ, землянку и поселились въ ней. Но судьба какъ бы нарочно толкала бродягу на новыя приключенія, на новые переходы съ мѣста на мѣсто, на безконечное по бѣлу свѣту мыканье, въ которомъ вполнѣ выражается невеселая жизнь русскаго батрака. Во время этихъ переходовъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ начались его первые разбои; исходилъ все волжское войско, батрачилъ по самымъ глухимъ захолустьямъ, и наконецъ лѣтомъ 1778 года, услышалъ, что нѣкоторые изъ товарищей его по разбою взяты подъ караулъ и преданы суду. Опасно было

возвращаться домой, и Шагала, забывъ жену и свое жалкое хозяйство, снова забирался въ глушь, пока не набрелъ на людей, которые узнали въ немъ разбойника, бывшаго въ шайкѣ Рыжаго. Его поймалъ казакъ Забурунновъ, которому впослѣдствіи Шагала заплатилъ разбоемъ за эту поимку. Войсковой старшина Савельевъ плетьми заставилъ Шагалу признаться въ своихъ преступленіяхъ, хотя не вынудилъ у него признанія въ томъ, кто онъ и откуда. Сначала Шагала говорилъ, что онъ бѣглый рекрутъ; но старые казаки уличали разбойника тѣмъ, что знали его еще маленькимъ, когда онъ жилъ въ волжскомъ войскѣ; доказывали, что онъ взросъ между ними. Савельевъ набилъ ему на ноги большія колодки и отправилъ въ Дубовку, гдѣ Шагалу и засадили въ тюрьму. Наконецъ разбойникъ повинился во всемъ, и такъ какъ дѣло о шайкѣ Рыжаго производилось въ Камышинѣ, то и Шагалу отправили туда съ двумя конвойными казаками. Ночью они выѣхали изъ Дубовки, заѣхавъ предварительно въ кабакъ, гдѣ Шагала напоилъ конвойныхъ допьяна и самъ напился; кромѣ того онъ взялъ на дорогу, какъ самъ говорилъ, «хорошую бутылку вина», которая и спасла его въ дорогѣ. До перваго форпоста, что стоитъ въ Широкомъ буеракѣ, они доѣхали благополучно; а когда на другой день утромъ конвойные смѣнились и Шагала приближался къ балыклейскому форпосту, онъ сталъ снова поить своихъ караульныхъ. Наконецъ, выбравъ удобную минуту, онъ снялъ съ ноги колодку и, «ударя кулакомъ того казака, что на телегѣ сидѣлъ, по затылку такъ больно, что онъ съ телеги свалился запулумертва, ушелъ въ лѣсъ, и хотя меня другой караулщикъ (верховой казакъ) и ловилъ, но не поймалъ».

Глухими дорогами Шагала пробрался на Липовы хутора, къ пристанодержателю Никольскому, бывшему яицкому казаку, перешедшему послѣ въ Волжское войско. Подобно всѣмъ яицкимъ казакамъ, Никольскій мало подчинялся стѣснительному порядку и, если самъ не всегда ходилъ на разбой, то охотно принималъ понизовую вольницу, снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ и снаряжалъ въ воровскіе походы. У Никольскаго Шагала опять встрѣтилъ извѣстнаго атамана Ивана Рыжаго, вся жизнь котораго отдана была сформированію шаекъ и безконечнымъ разбоямъ. Отданный вь рекруты еще въ 1771 году, по мірскому приговору государственныхъ крестьянъ села Кріушей, симбирскаго уѣзда, онъ вскорѣ послѣ приведенія къ присягѣ, бѣжалъ изъ рекрутской партіи, и восемь лѣтъ бродилъ по всему поволжью, оставляя по се-

бѣ память вездѣ, куда ни заносила его кочевая жизнь понизоваго бурлака: жилъ онъ и у нѣмецкихъ колонистовъ за Волгой, и ломалъ соль на Елтонскомъ озерѣ вмѣстѣ съ прочей вольницей и ходилъ по Волгѣ на судахъ, былъ и въ волжскомъ войскѣ, пробрался наконецъ на Терекъ. Но на одной покражѣ онъ былъ пойманъ отцомъ того казака Забуруннаго, который изловилъ Шагалу, былъ въ Царицынѣ подъ судомъ, получилъ 6,000 ударовъ шпицъ-рутенъ, и отданъ въ царицынскій баталіонъ въ солдаты, откуда, по выздоровленіи, едва зажили на спинѣ кровавые слѣды наказанія, бѣжалъ, на третій день по опредѣленіи въ службу и увелъ съ собой еще трехъ солдатъ, сдѣлавшихся подобными ему разбойниками. У Никольскаго же Шагала встрѣтилъ еще одного разбойника, который слылъ подъ именемъ *стародубскаго купца Якова* и былъ однимъ изъ лучшихъ пріятелей атамана Рыжаго. Естественно, что Рыжій не замедлилъ пригласить Шагалу въ свою шайку, говоря: *Есть у насъ добрые товарищи, — не хочешь ли съ нами разбойничать?* Шагалѣ ничего больше не оставалось, какъ принять предложеніе атамана, который вскорѣ и объявилъ воровской походъ въ окрестныя степи, на большія проѣзжія дороги. Шайка сошлась у Никольскаго, и Рыжій, котораго разбойники называли *предводителемъ*, повелъ товарищей прежде всего добывать лошадей: каждый взялъ узду, и шайка пѣшкомъ отправилась верстъ за тридцать, въ урочище Озерки, гдѣ ходилъ въ полѣ богатый табунъ войсковаго атамана Волжскаго войска Василія Персидскаго; разбойники выбрали для себя самыхъ лучшихъ коней, взяли нѣсколько казачьихъ арчаковъ съ приборомъ, ружье, дротикъ, и къ ночи воротились къ Никольскому. Однако вся шайка не въѣзжала въ хуторъ, чтобъ не обратить на себя вниманіе, а остановилась въ сосѣднемъ буеракѣ; разбойники отдали лошадей подъ присмотръ нѣкоторымъ изъ товарищей, отправились въ хуторъ и вскорѣ воротились съ полнымъ запасомъ оружія, съ винтовками, пистолетами, пиками, шашками, арчаками и прочей военной сбруей; захватили въ путь съѣстныхъ припасовъ, дорожнаго платья, осѣдлали лошадей, «нарядились точно какъ казаки», и въ ту-же ночь шайка двинулась по направленію къ Волгѣ.

Рѣдко разбойники того времени избирали опредѣленное направленіе для своихъ походовъ, рѣдко имѣли въ виду лицо или мѣсто, а шли куда глаза глядятъ, били того, кто попадался, и сторожили на большихъ дорогахъ пѣшаго и коннаго; иногда впрочемъ дѣлали набѣги на какого-нибудь извѣстнаго богатаго

человѣка, а на пути брали все, что ни встрѣчалось. Рыжій повелъ свою шайку къ караванской станицѣ, гдѣ у него были знакомые, съ которыми ему нужно было переговорить. Разбойники остановились въ степи, недалеко отъ станицы, а атаманъ съ однимъ изъ разбойниковъ, котораго называлъ Димитріемъ *Легіоннымъ*, потому что онъ служилъ когда-то въ московскомъ легіонѣ, заходилъ въ станицу на нѣсколько часовъ, откуда принесъ для шайки хлѣба и еще одинъ пистолетъ. Затѣмъ шайка направила путь къ антиповской станицѣ, все въ ту же ночь, и еще до разсвѣта, за полверсты отъ станицы, атаманъ приказалъ остановиться въ полѣ кормить лошадей, а самъ взялъ съ собою есаула и Легіоннаго, и отправился съ ними въ станицу, гдѣ у него, какъ и въ Караванкахъ, были пріятели и становщики. На разсвѣтѣ Рыжій воротился и опять принесъ съ собой хлѣба и пару пистолетовъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, что въ тотъ день одинъ изъ его недруговъ и врагъ Шагалы, подпоручикъ Забурунновъ, поѣдетъ въ Камышинъ. Положено было ограбить Забуруннова. Не медля ни минуты, шайка поскакала по направленію къ Камышину и остановилась въ широкинскихъ вершинахъ, гдѣ намѣревалась встрѣтить Забуруннова. Разбойники вывели лошадей на опушку лѣса и, спутавъ ихъ, пустили на поляну пастись, а сами залегли по кустамъ. Легіонный назначенъ былъ часовымъ и, для наблюденія за проѣзжими, влезъ на высокое дерево, откуда видна была вся окрестность. Разбойники недолго ждали: «Ѣдетъ!» закричалъ караульный, и въ одно мгновеніе шайка была готова; всѣ сѣли на лошадей, поскакали навстрѣчу Забуруннову, сдѣлали кругъ около его кибитки и повели съ дороги въ лѣсъ, на ту поляну, гдѣ паслись ихъ лошади. Забурунковъ былъ не одинъ: съ нимъ была его жена; на нее сильно подѣйствовало появленіе разбойниковъ, которые впрочемъ, какъ сами потомъ увѣряли, обошлись съ своими плѣнными очень великодушно и не произнесли даже ни одного «браннаго слова». «И хотя Легіонный Дмитрій (одинъ изъ самыхъ буйныхъ и дѣятельныхъ разбойниковъ) и стращалъ ево, Забуруннова, повѣсить или застрѣлить, прикладываясь нарочно изъ ружья, но какъ на то у насъ условія не было и отъ атамана приказу не отдано, а онъ, Забурунновъ, ни въ чемъ не противился, жена ево и малолѣтной слуга плакали, то, взявъ у нево грабежомъ изъ кибитки денегъ дватцать одинъ рубль, саблю офицерскую съ мѣдною оправою одну, ружье одно, патронницу съ патронами, платокъ бумажной пестрой одинъ, да сняли

съ одной лошади узду и со слуги ево шапку, не чиня никакова насилія, не только побой, ниже браннова слова, выпроводя на дорогу, отпустили» *). Ограбивъ Забуруннова, они тотчасъ же остановили еще двухъ проѣзжихъ, слѣдовавшихъ въ Камышинъ, и отняли у нихъ нѣсколько денегъ. Потомъ поскакали въ горы, въ такъ-называемыя Сестренины вершины, гдѣ остановились для дувана пограбленнаго и, раздѣливъ деньги и вещи, поскакали далѣе, по направленію къ Илавлѣ. Но едва разбойники переѣхали эту рѣчку, какъ увидѣли обозъ, подвигавшійся къ Саламатинымъ хуторамъ. Не медля ни сколько, они поскакали на проѣзжихъ и по обыкновенію окликнули ихъ: «что за люди?» «Камышинскіе!» отвѣчали проѣзжіе торговцы и безъ сопротивленія отдались въ руки шайки. Разбойники и этихъ ограбили. Взяли нѣсколько мѣшковъ мѣдныхъ денегъ, множество платья, товару, три ружья, пороху, два казачьихъ дротика и проч. Димитрій Легіонный, какъ послѣ оказалось, и здѣсь сдѣлалъ по-своему, и ловко успѣлъ припрятать отъ товарищей одинъ мѣшокъ съ деньгами. Впрочемъ и съ этими ограбленными жертвами, какъ съ Забурунновымъ, разбойники обошлись ласково, «не дѣлая имъ никакова зла (!) и побой, потому что они не противились».

Послѣ этого нападенія шайка болѣе двухъ дней оставалась въ лѣсу, около рѣчки Песковатки, гдѣ произошелъ новый дуванъ денегъ и пограбленной «пажити», и какъ добыча была очень богата, то въ дележъ шли только деньги, а все прочее дозволено было брать сколько душѣ угодно. Два старыхъ ружья бросили въ Песковатку, потому что въ хорошемъ оружіи уже никто не чувствовалъ недостатка, а съ лишнимъ неудобно было возиться въ быстрыхъ походахъ и въ постоянныхъ ожиданіяхъ погони. Разбойники потому оставались такъ долго на одномъ мѣстѣ, что двое сутокъ шелъ проливной дождь, да кромѣ того нужно было припрятать часть добычи, а иначе трудно было таскать съ собой и мѣшки съ деньгами, и лишнія вещи. Шайка разбрелась по лѣсу и каждый пряталъ свои деньги и свою пажить отдѣльно, таясь отъ товарищей, потому что какъ ни дружна была шайка во всякомъ нападеніи, какъ ни строго таилась тайна ихъ общаго дѣла, однако никто не рѣшался повѣрить своей доли другому: они прятали ее кто куда разсудилъ, таясь одинъ отъ другова, зарывая въ землю, а иные по малому

*) Взятъ былъ также у Забуруннова слитокъ серебра, но кто-то изъ разбойниковъ утаилъ его.

дѣлу оставляли и при себѣ». Только Шагала не зарылъ своихъ денегъ, тайно придумывая, какъ-бы покинуть шайку и пробраться въ свою землянку, къ женѣ, которую онъ такъ давно бросилъ на произволъ судьбы. Для этого онъ передалъ артели, что ему необходимо побывать въ Камышинѣ, запастись хорошей «сбруей» и порохомъ, и просилъ товарищей отпустить его на время. Шагала былъ отпущенъ. Тогда Рыжій повелъ свою шайку за Илавлю, въ глухія медвѣдицкія и саратовскія степи, гдѣ лежала торговая дорога изъ верховыхъ городовъ къ поволжью; между тѣмъ и самая необходимость требовала немедленно удалиться отъ предѣловъ волжскаго войска, потому что слухи о шайкѣ Рыжаго начали переходить изъ устъ въ уста, и какъ мы прежде видѣли, со всѣхъ сторонъ на Илавлю наряжены были разъѣздныя каманды, по селамъ и хуторамъ разосланы были нарочные съ повѣстками, вездѣ читались приказы объ истребленіи разбойниковъ и каждая община обязана была ловить ихъ, указывать ихъ становщиковъ и выдавать тѣхъ и другихъ правительству. Но въ красноярскомъ юрту, недалеко отъ Медвѣдицы, Рыжій снова напалъ на проѣзжихъ Малороссіянъ и захватилъ богатую добычу деньгами. Недѣли двѣ онъ держалъ въ осадномъ положеніи всѣ красноярскіе хутора, бралъ съ нихъ поборъ баранами и хлѣбомъ; потомъ онъ заворотилъ свою шайку на югъ и привелъ ее къ своему становщику Никольскому, на Липовы хутора; снова произвелъ дѣлежъ награбленныхъ денегъ, арчаки велѣлъ побросать въ буеракъ, сбрую и оружіе раздать, лошадей снова пустить въ табунъ, а товарищей по домамъ, то-есть, велѣлъ имъ идти куда кто вздумаетъ, пока снова они ему не понадобятся.

Скоро мы увидимъ, что Рыжій опять встрѣтится съ своими товарищами.

VII.

Мы оставили Шагалу на илавлинской степи, у рѣчки Песковатки, гдѣ разбойники шайки Рыжаго зарыли въ землю свои деньги. Получивъ согласіе артели на проходъ до Камышина, Шагала поѣхалъ вдоль Илавли, по направленію къ городу, однако, сознавая опасность своего положенія, не думалъ скоро возвращаться къ женѣ, а желалъ какимъ бы то ни было образомъ скрыть слѣды своихъ преступленій и рѣшился укрыться въ такихъ мѣстахъ и между такими людьми, которые его не знали. Не оставалось ничего болѣе, какъ бросить хотя на время, ре-

месло разбойника и выждать, чѣмъ кончится дѣло всей шайки. У Петрушиныхъ хуторовъ, за 25 верстъ отъ Камышина, Шагала сошелъ съ своего коня, снялъ съ него сѣдло и пустилъ въ поле на свободу; свои разбойничьи доспѣхи, — ружье и пику, вмѣстѣ съ арчакомъ, спряталъ въ терновые кусты, чтобы оружіе не могло никому попасться на глаза и навести на слѣды преступленій. Мѣшокъ съ деньгами, доставшимися ему по дувану, онъ перекинулъ черезъ плечо, въ видѣ котомки, и опять, какъ бродяга перехожій, потащился пѣшкомъ по глухимъ проселкамъ, обошелъ стороной тѣ мѣста, гдѣ могли узнать въ немъ разбойника, оставилъ вправѣ Камышинъ и выбрался на саратовскую дорогу. Когда Камышинъ остался въ сторонѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣста похожденій шайки Рыжаго, тогда, наконецъ, товарищи не могли уже нагнать его, еслибъ и вздумали, Шагала рѣшился отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ: забравшись въ канаву, оставшуюся еще отъ шлюзныхъ работъ при Петрѣ I, когда думали соединить Волгу съ Дономъ, Шагала пролежалъ подъ землянымъ валомъ цѣлыя сутки. Около нѣмецкой колоніи Каменки онъ зарылъ въ землю свои деньги и снова сталъ такимъ же батракомъ, какъ былъ прежде, нанявшись къ колонистамъ косить сѣно. Затѣмъ онъ подрядилъ какого-то гусара, продававшаго по колоніямъ деготь, отвезти его въ Саратовъ; изъ Саратова онъ переправился за Волгу, жилъ въ Покровской слободѣ, косилъ траву и жалъ хлѣбъ у тамошнихъ Малороссіянъ; затѣмъ сѣлъ на судно и поплылъ къ Царицыну, гдѣ жизнь все-таки была вольнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ понизовые бурлаки могли скрыть и пріютить своего товарища бездомнаго, гдѣ можно было день проводить за работой, а ночью грѣться на разбойничьемъ притонѣ, у горящаго костра. Потомъ судьба занесла его къ одному польскому переселенцу, Петру Полякову, жившему на рѣчкѣ Пичугѣ своимъ хуторомъ, недалеко отъ Царицына. Поляковъ хотѣлъ уже Шагалу записать въ «Малороссійскій окладъ», въ число приписныхъ обывателей Царицына, и Шагала соглашался навсегда остаться въ этихъ мѣстахъ, и конечно вызвалъ-бы къ себѣ жену, — какъ появились изъ Царицына полицейскіе сыщики, разосланные по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ, потому что разбойничьи шайки и безпаспортные наводнили всѣ окрестности города, все среднее и нижнее поволжье и наконецъ всѣ степныя равнины между Дономъ, Медвѣдицей, Хопромъ, Бузулукомъ и Илавлей. Шагала долженъ былъ снова покинуть это покойное мѣсто и снова бродить по бѣлу свѣту. «И сошелъ

я въ Качалинскую станицу (говорилъ Шагала присутствующимъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ), и тамъ работалъ поденно на пристани до самой глубокой осени, и какъ уже работы не стало, то сошелъ я оттуда Донскаго жъ войска въ Лавлинскую станицу и, побывъ тамъ съ недѣлю, видя, что наступать стала зима, а безъ пашпорта нигдѣ держать не станутъ, взялъ намѣреніе возвратиться въ домъ къ тестю своему бобылю Рускову, и въ своихъ разбойныхъ дѣлахъ принесть повинную въ димитріевской гражданской канцеляріи, почему и шелъ, пробираясь Плавлею рѣкою, и сколь скоро пришелъ въ Княжіе хутора, то тѣхъ, малороссійской десятникъ Прокофей Поташевъ, имѣя отъ канцеляріи и отъ полиціи о поимкѣ меня давно публикаціи съ протчими мірскими людьми взялъ подъ караулъ и привезъ сюда въ городъ, въ малороссійское громацкое правленіе, а изъ онаго при рапортѣ атамана Ильи Косенка представленъ въ димитріевскую гражданскую канцелярію. Окромѣ вышезначущихъ разбоевъ, въ другихъ злодѣйствахъ ни гдѣ и ни съ кѣмъ я не бывалъ, смертныхъ убивствъ и пожеговъ не чинилъ, воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей, также бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ не знаю, да и что я на значущихъ разбояхъ былъ, про то жена моя Анна, Алексѣева дочь, ея отецъ а мой тесть бобыль Алексѣй Русковъ подлинно никакъ не вѣдаютъ, потому что я къ нимъ ничево изъ воровства не приносилъ, и бываючи въ отлучкахъ, сказывалъ имъ, что находился въ работахъ, и въ семъ допросѣ объявляю самую истинную правду?»

Такъ заключилъ онъ свои показанія, не зная, что сказать объ атаманѣ Рыжемъ и о судьбѣ его шайки, хотя поимка Шагалы и Сумцова наводила начальство на слѣдъ прочихъ разбойниковъ. Впрочемъ Рыжій и не думалъ измѣнять образъ жизни, а составлялъ уже новые планы, ничего не зная объ участи Шагалы. Распустивъ свою шайку и простившись съ нею у пристанодержателя Никольскаго, Рыжій оставилъ при себѣ только Димитрія Легіоннаго и стародубскаго купца Якова, которые всегда были самыми вѣрными его товарищами. Личность Легіоннаго сама по себѣ представляетъ очень интересное являніе, какъ типъ разбойника прошлаго вѣка, и какъ онъ еще не разъ встрѣтится намъ впослѣдствіи, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.— Настоящее имя этого человѣка Димитрій Посконновъ. Родился онъ между яицкими козаками, въ яицкой крѣпости и первыя впечатлѣнія, окружившія его дѣтство, были вѣчныя неурядицы и

войсковыя смуты, бунты и рѣзни на улицахъ, вольныя пѣсни и недовольство всѣмъ, что нѣсколько и мѣшало разгулу и привычной свободѣ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ его оставилъ войско и перекочевалъ въ медвѣдицко-хоперскія степи, взявъ съ собой ребенка. Онъ поселился въ Баландинскомъ городкѣ, за Медвѣдицей, гдѣ черезъ девять лѣтъ умеръ, оставивъ сына круглымъ сиротой. Сынъ бродяги, дѣвятнадцатилетній Димитрій не хотѣлъ оставаться на мѣстѣ, а пошелъ искать счастья на-сторонѣ, потому что ему было все равно гдѣ ни жить, только бы никто не стѣснялъ его привычной воли. Молодой бродяга пошелъ въ поволжье, гдѣ такую завидную славу нажила себѣ понизовая вольница, и сталъ шататься между волжскими казаками, нанимаясь въ работу не надолго и не давая своей воли въ тяжкую кабалу. Нанялся потомъ въ казаки, въ военную службу, но не больше какъ на годъ, и отправился въ Саратовъ. Въ то время через Саратовъ проходилъ Пугачовъ съ своими оборванными полками, оборванными полковниками и бородатыми генералами, и Посконновъ взятъ былъ въ его армію вмѣстѣ съ другими. Недалеко отъ Царицына онъ оставилъ Пугачова за болѣзнію и воротился къ своимъ прежнимъ знакомымъ, къ волжскимъ казакамъ, гдѣ оставался недолго, переходя то къ Волгѣ, то на Илавлю, то на Медвѣдицу; былъ снова въ Баландинскомъ городкѣ, гдѣ жилъ прежде съ отцомъ, потомъ опять явился въ поволжьѣ, доходя собственнымъ опытомъ, что не такъ легка и весела жизнь понизовой вольницы, какъ ему казалось прежде. Одинъ казакъ предложилъ ему назваться своимъ сыномъ, съ тѣмъ чтобы вмѣсто этого сына подъ его именемъ записаться въ казаки въ Московскій легіонъ; объ этомъ просилъ его и станичный атаманъ Ощепкинъ (тотъ самый, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ разбойничьимъ атаманомъ Наумомъ Филиповымъ),—и Посконновъ продалъ себя, лишь бы только имѣть какое-нибудь имя и не быть бродягой, котораго всякій можетъ и задерживать, и допрашивать, и пытать. Но и въ легіонѣ онъ оставался недолго и, подговоривъ шестнадцать подобныхъ себѣ товарищей, захвативъ казацкихъ лошадей, бѣжалъ съ ними изъ легіона, когда отрядъ ихъ находился на рѣчкѣ Сарпѣ. Бѣжавъ изъ войска, они по какой-то странной прихоти, тогда же въѣхали въ Дубовку и добровольно явились къ начальнику волжскаго войска, старшинѣ Савельеву, который, разумѣется, немедленно отправилъ ихъ въ Царицынъ. Дезертёры отданы были подъ караулъ, но Посконновъ, взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ

арестантовъ и тѣхъ же лошадей, на которыхъ они ушли изъ легіона, снова вырвался на свободу и сталъ разбойникомъ. Красноярская степь, между Волгой и Медвѣдицей, глухая и ровная, перерѣзанная дорогами и усѣянная сторожевыми курганами, представляла удобное поприще для разбоевъ, и товарищи Посконнова отправились на эту степь, хотя самъ онъ почему-то не могъ ѣхать съ ними. Пошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ по Илавлѣ и по берегу Волги, Посконновъ снова по какой-то непонятной прихоти, точно въ насмѣшку, добровольно явился къ старшинѣ Савельеву, въ Дубовку, и, само собою разумѣется, отправленъ былъ подъ карауломъ въ Царицынъ вмѣстѣ съ другими колодниками. Изъ Царицына онъ опять бѣжалъ изъ подъ-караула и уже не явился ни къ кому съ повинной. Въ это время онъ столкнулся съ атаманомъ Рыжимъ, разбойникомъ Шагалой, стародубскимъ купцомъ Яковомъ и прочею вольницей шайки Рыжаго. Стародубскій купецъ — это личность нѣсколько загадочная, хотя нѣтъ сомнѣнія, что имя это было вымышленное. Онъ такъ хорошо зналъ поволжье, всѣ входы и выходы, что служилъ проводникомъ своей шайки, и Рыжій съ Легіоннымъ, послѣ разлуки съ товарищами, воспользовались его знаніемъ мѣстности.

Стародубскій купецъ провелъ атамана и Легіоннаго къ Волгѣ, гдѣ они выше балыклейской станицы, переправились на луговую сторону, чтобы укрыться отъ преслѣдованій. Двѣ недѣли они жили въ лѣсу, ничего не предпринимая, и потомъ отправились въ Верхній Погроменскій городокъ, что на Ахтубѣ, и нашли пріютъ у одного цѣловальника. Скучая праздною жизнію, единственной цѣлію которой были разбои, они снова начали думать о томъ, какъ бы наполнить эту жизнь подвигами, сообразными съ ихъ наклонностями; снова начали сходиться и толковать о разбойныхъ дѣлахъ, о вербованіи новыхъ товарищей въ свою семью; снова являлись на нагорной сторонѣ Волги заходили къ знакомымъ и становщикамъ, узнавали о томъ, гдѣ и какъ устроились ихъ прежніе сподвижники. Особенно любили они собираться въ саду одного царицынскаго офицера, Носкова, на рѣчкѣ Пичугѣ, гдѣ ихъ радушно принималъ дворовой человѣкъ этого офицера, Сергѣй Гавриловъ, старый знакомый стародубскаго купца. Между тѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ записаться въ число крестьянъ ахтубинскаго шелковичнаго завода, «за взятокъ» начальствомъ его денегъ; другой разбойникъ изъ шайки Рыжаго, тоже перебравшійся за Волгу, въ ахтубинскій городокъ, сблизился съ тамошнимъ священникомъ, нашелъ себѣ

невѣсту, и женился на ней. О разбояхъ стали было забывать; но въ концѣ 1778 года, на святкахъ, Рыжій пришелъ къ мнимому стародубскому купцу и говорилъ: «Пичужинскіе робята зовутъ меня на разбои, разбивать обозы»... «А еще есть здѣсь бывшій съ нами Димитрій Легіонный» сказалъ купецъ,—и пріятели порѣшили дѣло скоро. Легіонный успѣлъ отыскать еще двухъ товарищей, бывшихъ прежде въ шайкѣ Рыжаго, а самъ атаманъ, при помощи извѣстнаго уже намъ двороваго человѣка офицера Носкова, жившаго въ саду, успѣлъ подговорить новыхъ разбойниковъ съ пичужинскихъ хуторовъ, именно Малороссіянъ Збойкова и Мирошникова. Это тѣ именно «пичужинскіе ребята», о которыхъ онъ говорилъ стародубскому купцу. 28 декабря разбойники собрались въ саду Носкова, запаслись оружіемъ, провизіей, и въ тотъ же вечеръ выѣхали на разбой.» Поберегите себя и меня, — сказалъ имъ Сергѣй Гавриловъ, провожая изъ саду. Разбойники заѣхали въ мечетинскіе хутора, гдѣ захватили съ собой другихъ товарищей, трехъ человѣкъ, которые имѣли при себѣ по пистолету и одинъ дротикъ. Утромъ 29 числа они направились къ Царицыну, встрѣтились на дорогѣ съ знакомымъ Полякомъ Мукосѣевымъ (или Бугай), который снабжалъ ихъ порохомъ и сказалъ, подобно Сергѣю Гаврилову: «берегитесь сами и меня берегите!» Проѣзжая чрезъ Царицынъ, они взяли вина и отправились внизъ по Волгѣ.

Въ первый же день, къ ночи, разбойники нагнали на берегу рѣки обозъ, слѣдовавшій изъ Москвы въ Сарепту съ товарами, отправленными въ эту колонію членами сарептскаго евангелическаго братскаго общества. При обозѣ, кромѣ поставщиковъ, коломенскихъ крестьянъ княгини Черкасской и графини Скавронской, находилось десять человѣкъ рабочихъ. «Съ чѣмъ и куда ѣдете?» спросили по обыкновенію разбойники, поровнявшись съ обозомъ.—«Съ котлами и краскою въ колонію,» отвѣчали изъ обоза. Когда наступила ночь, разбойники напали на обозъ — «выпаля по нихъ начали бить, разбивать и выпрягать изъ возовъ лошадей». Ограбили у нихъ деньги, и продолжали наистовствовать, какъ вдругъ услышали вдали звяканье почтоваго колокольчика. Вскорѣ замѣтили, что скачетъ курьеръ, а за нимъ цѣлый рядъ экипажей. То ѣхалъ изъ Астрахани въ Петербургъ тогдашній астраханскій губернаторъ Иванъ Варѳоломѣевичъ Якобій. Надо замѣтить, что путешествіе знатныхъ особъ прошлаго вѣка совершалось огромными кортежами, въ со-

провожденіи вооруженныхъ отрядовъ, курьеровъ, цѣлаго штата чиновниковъ и всякаго рода прислуги. Поѣздъ Якобія смутилъ разбойниковъ, такъ что они окончательно растерялись, особенно когда узнали, что ѣдетъ такая важная особа, какъ губернаторъ: «тѣ разбойники обробѣвъ и оставя выпряженныхъ у нихъ (у обозчиковъ) лошадей и еще одну свою съ двумя санями и въ оныхъ пироги, калачи, шапки, рукавицы и дротикъ, выстрѣля по обозѣ его превосходительства одинъ разъ, всѣ разбѣжались.» Дѣйствительно, не смутился одинъ только Димитрій Легіонный, повидимому никогда неунывавшій; онъ выстрѣлилъ въ поѣздъ Якобія, — и затѣмъ всѣ разбойники, безъ шапокъ, несмотря на морозную ночь, бросились въ горы. Вслѣдъ за ними поскакала погоня, но ни одного разбойника не поймали.

Это былъ первый неудачный разбой шайки, предводительствуемой атаманомъ Рыжимъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе неудаченъ, что самъ атамамъ, вслѣдствіе этого несчастнаго происшествія, лишился свободы.

На другой день утромъ ограбленные извощики подали царицынскому коменданту объявленіе о ночномъ происшествіи; представлены были, по приказанію Якобія, покинутыя разбойниками сани, шапки и прочія вещи; схвачены были какіе-то подозрительные люди и приведенъ какой-то мальчикъ, показаніями котораго надѣялись открыть слѣды преступниковъ. Самъ Якобій допрашивалъ ихъ, но ничего не могли узнать *). Тогда Якобій лично приказалъ коменданту Цыплетеву изслѣдовать это дѣло особой коммисіей и отыскать неизвѣстныхъ разбойниковъ. Началось самое дѣятельное слѣдствіе, какое когда-либо производилось надъ разбойниками.

Въ рукахъ слѣдователей находилась нить, по которой они могли дойти до раскрытія истины. Явилось подозрѣніе, что между неизвѣстными разбойниками и обывателями пичужинскихъ хуторовъ, людьми довольно сомнительнаго поведенія, существовала связь и это обстоятельство указало на слѣдъ преступниковъ. Въ день пріѣзда Якобія въ Царицынъ, 30 декабря, отправленъ былъ на пичужинскіе хутора капитанъ Дударь, которому поручалось вывѣдать что-либо о разбойникахъ. Прискакавъ на хуторъ, Дударь въѣхалъ на квартиру къ одному тамошнему Ма

*) «По нѣкоторымъ уликамъ привезенныя вѣдомства царицынской воеводской канцеляріи бобыля Клима Васильева дѣти бывшимъ съ ними мальчикомъ были присутствіи его превосходительства доказываны, и въ томъ разбоѣ не признались». Сколько и намъ извѣстно, никакихъ Васильевыхъ въ шайкѣ Рыжаго не было.

лороссіянину и показалъ ему оставленныя разбойниками шапки, говоря, что нашелъ ихъ на дорогѣ. Въ одной изъ нихъ хозяинъ и его жена узнали шапку Малороссіянина Збойкова. За нимъ послали. Оказалось, что Збойкова не было въ хуторѣ, а когда привели его жену, то она сказала, что 29 декабря мужъ ея съ самаго утра уѣхалъ въ Царицынъ и не возвращался оттуда; когда же показали ей шапку, то сначала она отказывалась отъ нея, а потомъ призналась, что шапка эта дѣйствительно принадлежала ея мужу. Дѣлая обыскъ по домамъ, Дударь нашелъ на дворѣ у одного Поляка, именно у Мукосѣева, какое-то сѣдло съ уздою, и Мукосѣевъ говорилъ, что онъ не знаетъ, кому принадлежатъ эти вещи. Вслѣдствіе разныхъ подозрѣній, Дударь захватилъ болѣе десяти человѣкъ, которые казались ему сомнительными, и привезъ въ Царицынъ. Начались допросы, вывѣдыванья, очныя ставки. Всѣ единодушно показали, что шапка принадлежитъ Збойкову. Тогда явилась одна царицынская солдатка, Аксинья Драконова, и объявила, что 30 декабря, рано утромъ, еще на зарѣ, пріѣхалъ къ ней Збойковъ, верхомъ и безъ шапки; лошадь была въ хомутѣ и вся въ поту; на вопросы Драконовой онъ отвѣчалъ, что нанимался будто бы у верховыхъ ямщиковъ, за усталью ихъ лошадей, подвозить ихъ кладь къ Царицыну; что шапку потерялъ на Волгѣ, уснувъ въ саняхъ во время ѣзды. Потомъ ушелъ на базаръ покупать себѣ навую шапку и заходилъ къ подпоручику Носкову, откуда пришелъ уже въ шапкѣ и тотчасъ уѣхалъ со двора. Начались новыя посылки за подозрительными людьми, снова брали царицынскихъ жителей, обвиняемыхъ въ пристанодержательствѣ. Изъ-за какого-то несоблюденія пустой формальности едва не поссорились главныя начальственныя лица Царицына и едва не потеряны были слѣды разбойниковъ; изъ-за того, что комендантъ отнесся къ воеводѣ не «промеморіею», а ордеромъ, воевода не хотѣлъ оказывать содѣйствія коменданту въ розыскѣ разбойныхъ людей и писалъ этому послѣднему, что-де по указамъ ея императорскаго величества, въ случаѣ какого воеводскихъ канцелярій съ комендантами сношенія, переписку по законамъ имѣть велѣно благопристойно, сообщеніями, а не ордерами; и такъ-де царицынскою канцеляріею опредѣлено—присланный отъ него, коменданта, къ царицынскому воеводѣ ордеръ, съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства, отослать обратно,.... чтобъ онъ никогда впредь воеводу не ордировалъ, а присылалъ бы не на ево одно лицо, но въ воеводскую канцелярію сооб-

щенія, ибо-де онъ никакого особаго присутствія, кроѣ воеводской канцеляріи не имѣетъ».

Но въ то время, когда возникъ этотъ забавный споръ между царицынскими властями, начальникъ волжскаго войска, войсковой старшина Совельевъ прислалъ въ Царицынъ трехъ разбойниковъ, пойманныхъ выше Дубовки, именно: самого атама Рыжаго Збойкова и Мирошникова. За Димитріемъ Легіоннымъ, стародубскимъ купцомъ и еще однимъ разбойникомъ, какимъ-то Николаемъ, посланъ былъ изъ Дубовки розыскъ за Волгу въ погроменскій городокъ; партія посланныхъ имѣла при себѣ одного изъ пойманныхъ разбойниковъ, который долженъ былъ уличить своихъ товарищей.—Однако погроменскіе крестьяне не допустили эту партію до розысковъ и она воротилась въ Дубовку, не сдѣлавъ ровно ничего; точно также ровно ничего не сдѣлалъ офицеръ, отправленный главнымъ смотрителемъ ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, надворнымъ совѣтникомъ Рычковымъ, хотя поиски были произведены по всѣмъ ахтубинскимъ селеніямъ. Тогда взяли къ допросу женъ, замѣшанныхъ въ дѣло обывателей, Збойкова и Мукосѣева, и онѣ уличили разбойниковъ въ томъ, въ чемъ тѣ не сомнѣвались, и навели на слѣдъ другихъ преступленій. Онѣ подробно разсказали, какъ разбойники собирались въ путь, какъ совѣтовались между собою и какое участіе принимали жены въ дѣлѣ своихъ мужей. Жена Збойкова говорила, что работникъ Мукосѣева, Иванъ Мирошниковъ, передъ походомъ на разбой, ночевалъ у нихъ въ домѣ съ 27 на 28 декабря, потомъ пробылъ съ ея мужемъ весь день и уже вечеромъ, послѣ ужина, ходилъ къ своему хозяину, откуда возвратился въ полночь; тутъ они говорили о предстоящихъ разбояхъ, снова ночевали вмѣстѣ, а рано утромъ, 28 декабря, Збойковъ взялъ у Мукосѣева сани, приготовилъ все къ поѣздкѣ, взялъ также два пистолета, которые принесла въ ихъ домъ жена Мукосѣева и вручила разбойникамъ. Черезъ два дня послѣ ихъ отъѣзда, пришелъ къ Збойковой садовникъ офицера Носкова, Сергѣй Гавриловъ, и сказалъ, что мужъ ея и разбойникъ Мирошниковъ, послѣ неудачнаго погрома на Волгѣ, едва бѣжали отъ погони, и тѣперь лежатъ у него въ саду; Гавриловъ принесъ ей муки и денегъ и обѣщалъ, что самъ Збойковъ будетъ къ ней черезъ два дня. Жена Збойкова вмѣстѣ съ тѣмъ призналась, что въ 1777 году, 26 октября (именно въ то время, когда атаманъ Рыжій вывелъ въ поле свою шайку), мужъ ея и еще два другіе Малороссіянина ограбили въ Сарептѣ лавку съ красными товарами и привезли съ собой

множество суконъ, бархату, полуплису, китайки, канифасу и проч.

Съ каждымъ днемъ число оговоренныхъ возрастало и съ каждымъ днемъ открывались новыя обстоятельства, показывавшія, какіе страшные безпорядки и какія темныя дѣла творились въ той части поволжья, съ исторіей котораго связано имя понизовой вольницы. Не было почти ни одного дома, въ которомъ не нашелся бы слѣдъ какого-нибудь запутаннаго происшествія, тайныхъ преступленій, участниками которыхъ были не одни понизовые бурлаки, но и другія лица, повидимому, неимѣющія съ ними ничего общаго.

Самыя мѣстныя власти являются далеко нечистыми отъ подозрѣній. Не станемъ раскрывать всѣхъ скучныхъ подробностей дѣла, связаннаго съ именами Рыжаго, Збойкова, Мирошникова, Шагалы и прочихъ, разбирать запутанныя отношенія властей къ подсудимымъ, какъ напр. офицера Носкова̀ къ вору Збойкову, царицынскаго воеводы Фатьянова къ другимъ ворамъ, подобнымъ этому послѣднему. Довольно того, если мы скажемъ, что Носковъ, въ качествѣ слѣдователя, воруетъ у воровъ краденые товары, шьетъ себѣ изъ нихъ казакины и плисовыя штаны, учитъ воровъ ложной присягѣ, потомъ безстыдно обманываетъ и ихъ и своихъ главныхъ начальниковъ. Для насъ, конечно, важно и то, какъ подсудимые являются въ праздникъ къ воеводѣ *съ поздравленіями,* — но все это не относится прямо къ исторіи понизовой вольницы, а характеризуетъ другія стороны русской жизни, которыхъ мы, до времени, не намѣрены касаться. Было бы весьма утомительно передавать здѣсь всѣ мелкія подробности безчисленнаго множества злодѣяній, открытыхъ по слѣдствію; каждый изъ взятыхъ въ судную коммиссію былъ виновенъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; у каждаго былъ за душой хотя одинъ мелкій нечистый поступокъ и болѣе или менѣе тяжелый грѣхъ. Но лицъ этихъ такъ много, проступки каждаго такъ разнообразны, что нѣтъ никакой возможности все исчислить и привести въ порядокъ. Намъ остается только указать на нѣкоторые отдѣльные факты изъ жизни этихъ разбойниковъ и только на личности болѣе крупныя. Мы обходимъ молчаніемъ частныя дѣйствія такимъ лицъ, какъ Збойковъ, Гавриловъ, Мукосѣевъ или Бугай, офицеръ Носковъ со всей своей командой, старостами и разсыльными, потому что иначе пришлось-бы заносить на страницы исторіи сотни и тысячи такихъ разбойниковъ, безъ которыхъ болѣе видныя личности сами-по себѣ какъ-то блѣднѣютъ, сту-

шевываются, теряютъ ту драматическую обстановку, которая сопровождаетъ каждый моментъ ихъ жизни. За атаманомъ Рыжимъ, Димитріемъ Легіоннымъ и другими, просятся на сцену историческихъ воспоминаній сотни второстепенныхъ атамановъ, у которыхъ были свои шайки, свое поприще и свои жертвы. Вся сущность картины состоитъ въ подробностяхъ, въ мельчайшихъ эпизодахъ, такъ что нѣтъ никакой возможности обнять ее разомъ; чтобъ разомъ видѣть всю ея драматичность и жизненность, надо вглядываться близко въ отдѣльныя личности, которыхъ такъ много, что память не можетъ удержать ихъ, — и только такимъ образомъ историкъ и читатель могутъ составить понятіе о цѣлой эпохѣ, ея характерѣ и преобладающихъ стремленіяхъ общества. — Подобно огромной картинѣ, изображающей битву двухъ многочисленныхъ армій, когда войска смѣшались въ общемъ рукопашномъ бою и когда издали ничего не видно, кромѣ дыму, пыли, кое-гдѣ сверкающихъ оружій и крови, и когда даже опытный глазъ полководца не можетъ угадать, на чьей сторонѣ побѣда, — значеніе изображеннаго понимается не въ общемъ видѣ, а въ отдѣльно-поставленныхъ группахъ...

Но возвратимся къ фактамъ. Показанія разбойничьихъ женъ навели коммиссію на слѣдъ другихъ преступленій, уже забытыхъ или искусно замаскированныхъ; они разоблачили поступки Збойкова, Мирошникова, Мукосѣева и нѣсколькихъ десятковъ другихъ воровскихъ людей, изъ коихъ мы остановимся лишь на личности Мирошникова, потому что впослѣдствіи въ 1781 году, мы узнаемъ его, вмѣстѣ съ Димитріемъ Легіоннымъ, въ шайкѣ атамана Дегтяренка, подъ другимъ уже именемъ. Мирошниковъ родился въ Землѣ Войска Донскаго, въ Михайловской станицѣ» и тамо (говорилъ онъ самъ о себѣ), по воспитаніи матерью Анисьею Васильевою, которая волею Божіею умре, остался послѣ ея осми лѣтъ, и будучи тамъ, жительство имѣлъ у разныхъ людей». Это былъ такой же бездомный бродяга, сирота, безъ родныхъ и доброжелателей, какъ и Димитрій Легіонный. Подобно Легіонному, онъ блуждалъ съ мѣста на мѣсто, и нигдѣ не находилъ покоя: вѣчный батракъ, питавшійся поденной работой и голодавшій иногда по цѣлымъ днямъ, онъ не могъ даже выработать столько, чтобы купить себѣ землянку въ десятокъ рублей. Тяжелая жизнь выгоняла его на разбой, потому что терять ему было нечего, кромѣ жизни, которая была такъ некрасна, что онъ цѣнилъ ее очень дешево. Сначала бродяга началъ воровать; былъ пойманъ на воровствѣ, отпущенъ изъ

подъ караула по доброжелательству часто - упоминаемаго офицера Носкова, — и наконецъ поступилъ въ шайку Рыжаго, съ которымъ и пойманъ послѣ неудачнаго разбоя на Волгѣ. Вмѣстѣ съ ними и по ихъ уликамъ перебывали въ судной коммиссіи десятки лицъ, которыхъ или судили въ коммиссіи, или отсылали въ воеводскую канцелярію, смотря по сословіямъ, къ которымъ принадлежали подсудимые. Главныхъ разбойниковъ и находившихся съ ними въ сношеніяхъ обывателей разсадили по разнымъ казаматамъ: атаманъ Рыжій сидѣлъ у предтеченскихъ воротъ вмѣстѣ съ прочими колодниками; Сергѣй Гавриловъ, Мирошниковъ и другіе — на гоуптвахтѣ, а Мукосѣевъ, Збойковъ и ихъ жены содержались у царицынскихъ воротъ. Шагала между тѣмъ сидѣлъ въ камышинской тюрьмѣ и скрывалъ свои отношенія къ атаману Рыжему. Случайно обличилась его связь съ этой шайкой. Офицеръ Забурунновъ, ограбленный Рыжимъ во время поѣздки въ Камышинъ, въ половинѣ января 1779 года, пріѣхалъ за чѣмъ-то въ этотъ городъ и зашелъ на тамошнюю гауптвахту по знакомству съ караульнымъ офицеромъ. Находясь тамъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ тюрьмы вели — «видно-де по тогдашнимъ морозамъ для обогрѣнія въ колодничью караулку — колодника», который находился въ шайкѣ Рыжаго и, вмѣстѣ съ прочими, грабилъ Забуруннова въ широкинскихъ вершинахъ. Забурунновъ заявилъ объ этомъ кому слѣдуетъ, и Шагала разоблачилъ всѣ похожденія своихъ товарищей и въ томъ числѣ свои собственныя, такъ что для слѣдователей открылись новыя обстоятельства, о которыхъ они не знали.

Но въ самый разгаръ царицынскаго слѣдствія Рыжій бѣжалъ изъ казамата. Популярность этого человѣка, его слава какъ разбойника и прежніе искусные побѣги изъ рекрутской партіи и изъ батальона, недаромъ заставляли царыцынское начальство опасаться, чтобы Рыжій не ушолъ снова. Едва только атаманъ привезенъ былъ изъ Дубовки и посаженъ въ казаматъ у предтеченскихъ воротъ, какъ изъ комендантской канцеляріи уже данъ былъ приказъ стоящему въ караулѣ старшему оберъ-офицеру, чтобы непремѣнно были осмотрѣны на разбойникахъ ножныя деревянныя колодки и желѣза и «буде окажутся не суть въ твердости (говорилось въ приказѣ), оныя подкрѣпить, а притомъ, дабы чрезъ злодѣйской ихъ вымыселъ не могли учинить побѣга, *черезъ часъ надсматривать* и никого изъ постороннихъ людей къ нимъ не допускать и всегда содержать въ совершенной строгости, по законамъ; для чего и набить *на однихъ только мужиковъ* наручни и каждое утро въ запискахъ особо объ нихъ по-

казывать». На другой день отданъ былъ новый строжайшій приказъ всѣмъ караульнымъ офицерамъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что «по важности ихъ (разбойниковъ) преступленей, непремѣнно надлежитъ къ строгому за ними присмотру прикомандировать въ городовой караулъ одного офицера», кромѣ стоявшихъ уже тамъ; что офицеры эти должны содержать «важныхъ разбойниковъ подъ наистрожайшимъ карауломъ и притомъ никого къ нимъ для разговоровъ постороннихъ людей не допускать, дабы сіи злодѣи не могли какимъ случаемъ изъ-подъ караула учинить побѣга», и т. д. Потомъ сочли нужнымъ дать и третій приказъ, чтобы разбойники разсажены были вновь, по-списку, «въ кордегаріи» и, кромѣ часовыхъ, стояли бы при нихъ постоянно «два притина» и проч. Однако, несмотря на всѣ эти предосторожности, Рыжій бѣжалъ, хотя этотъ послѣдній побѣгъ, какъ и послѣдній разбой, былъ для него вполнѣ несчастливъ: — не далѣе какъ черезъ два дня Рыжій былъ пойманъ за Волгой и снова присланъ въ Царицынъ. Онъ бѣжалъ 21 февраля, ровно въ полночь. Надо имѣть необыкновенное здоровье, чтобы вынести то, что вынесла натура этого человѣка, изнуреннаго двухмѣсячнымъ сидѣньемъ въ сыромъ казаматѣ, на самой скудной пищѣ и при всѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія испытывалъ преступникъ. Онъ вырвался изъ подъ караула въ холодную зимнюю ночь, совершенно-раздѣтый, въ одной только рубашкѣ, и голыми ногами долженъ былъ бѣжать по снѣгу черезъ Царицынъ, потомъ перебѣжать всю Волгу по льду, пока наконецъ, уже на другомъ берегу этой рѣки, на луговой сторонѣ, онъ могъ надѣть сапоги, которые все время несъ въ рукахъ. Въ одной рубашкѣ онъ провелъ за Волгой всю ночь, продолжая идти по берегу, пока наконецъ къ утру не нашелъ стогъ сѣна, въ которомъ скрылся отъ преслѣдованій и пролежалъ цѣлыя сутки. Но мы перенесемъ въ примѣчаніе собственныя слова атамана объ этомъ побѣгѣ *).

---

*) Сего февраля 21-го числа (говорилъ онъ на допросѣ), будучи въ ручной и ножной колодкахъ, попросился яко-бы для испражненія на дворъ, съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобъ бѣжать, ежели удастся, у чесоваго, внутри караулни стоящаго, Ивана, а прозванья не знаю, въ которое время въ караулной сержантъ сидѣлъ впереди караулни, и тотъ чесовой, выпустя меня, сказалъ и другому чесовому жъ, стоящему у сѣней, Алексѣю, — прозванія также не знаю, который меня отпустилъ за караулню, а самъ ходилъ по крилцу и за мною не пошелъ, — коего видя слабость за мною несмотрѣнія, снявъ съ себя ручную такъ сильно, что у лѣвой руки съ кисти кожу задернулъ до

Надъ караульными офицерами и часовыми солдатами, по случаю побѣга Рыжаго, наряженъ былъ судъ («Фергеръ и Криксрехтъ»), подробности котораго представляютъ много интереснаго для характеристики того времени; но какъ они не касаются прямо предмета нашей статьи, то мы и оставляемъ ихъ. Замѣтимъ только, что на основанiи «Воинскаго артикула» главы 4, арт. 40, главы 24, арт. 207, и «Уложенія» гл. 21, ст. 17 *), опредѣлено: «подпоручика Хомуцкова, за нечиненіе, будучи на караулѣ у воротъ, повелѣннаго осмотра чрезъ часъ того времени, когда *важный*

крови, а потомъ и ножную (колодки), и зайдя за состоящую по близости караулни избу и прямо къ мясному ряду чрезъ палисадникъ перелѣзъ и побѣжалъ за Волгу, въ одной рубашкѣ и босикомъ, имѣвъ сапоги въ рукахъ, кои при снятіи колодки съ ногъ скинулъ для лехчего чрезъ палисадъ перелазу, а перешедъ за Волгу, обулъ, и пошелъ по берегу до самаго свѣту, и какъ нашелъ стогъ сѣна, лежалъ цѣлыя сутки, а на другой день изъ стога вышедши, увидѣлъ мужика, дрова приготовляющаго, а какъ зовутъ и откуда, не знаю, попросилъ одежды, которой, видя меня въ одной рубашкѣ, и далъ съ себя старой суконной зипунъ и кусокъ хлѣба... Мужикъ остался на томъ мѣстѣ, а я пошелъ, вѣдомства ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, въ Нижнее Погромное селеніе, и по прежней знаемости пришелъ къ тамошнему крестьянину Петру Кремлеву на дворъ и, опасаясь, нѣтъ ли у него стороннихъ людей, залѣзъ къ нему въ сѣнницу и зарылся въ сѣно, пробывъ одну ночь, поутру присланными изъ ахтубинскаго городка казаками и того жительства крестьянами въ томъ сѣнѣ найденъ.» Атаманъ говорилъ притомъ на допросѣ, что къ побѣгу его никто не подговаривалъ и самъ онъ не подкупалъ часовыхъ» «Здѣсь въ городѣ я ни къ кому не заходилъ, пищею и одеждою снабденъ никѣмъ не былъ, окромѣ одного мужика, какъ выше сказано, изъ другихъ никто меня не видалъ, и какъ я, скинувъ колодки, бѣжалъ до самой Волги, погони не видалъ же и крику не слыхалъ; изъ помянутаго жъ селенія намѣреніе имѣлъ идти въ Соленой городокъ, что близь Камышинки, и тамъ укрыватца въ имѣющихся близь солёной пристани землянкахъ у бурлакъ, гдѣ прежде сего я, будучи въ бѣгахъ, укрывался».

*) 1) «Каждый офицеръ, который въ крѣпости, лагерѣ, на валу, у вбротъ или въ полѣ караулъ имѣетъ, долженъ въ томъ отвѣтъ дать. Ежели онъ то презритъ, что исправить долженъ, или на караулѣ своемъ неосмотрителенъ, и неостороженъ и лѣнивъ будетъ, *оный имѣетъ живота лишонъ быть, аркибузированъ* (въ скобкахъ прибавлено: «разстрѣлянъ»). — 2) «Когда злодѣй караулу или генералъ-гевалдигеру или профосамъ уже отданъ, и онымъ оного стеречь приказано будетъ, а злодѣй чрезъ небреженіе ихъ уйдетъ или отъ нихъ безъ указу отпуститца, тогда оные, которые въ семъ виновны, вмѣсто преступителя имѣютъ надлежащее наказаніе претерпѣть» — 3) «А буде разбойника поимаютъ на разбоѣ вдругіе, и его потому же пытать и въ иныхъ разбояхъ, да будетъ онъ повинится только въ двухъ разбояхъ, а убивства хотя и не учинилъ и его за другой разбой казнить смертью, а животы его отдать въ выть истцамъ!

разбойникъ Овчинниковъ (такъ назывался Иванъ Рыжій въ баталъонѣ) бѣжалъ, сержанта Шумилина, за неосторожность, будучи на караулѣ при такихъ важныхъ колодникахъ, употребляемой сонъ, такъ что во время выпуску того колодника черезъ не малое время спустя происхожденія отъ разговоровъ часовыхъ пробудиться не могъ... написать въ рядовые перваго на мѣсяцъ, а послѣдняго до выслуги», а двухъ часовыхъ солдатъ приговорено *казнить смертію*».

Когда все это происходило въ Царицынѣ, Шагала, сидя въ камышинскомъ острогѣ, искусно запутывалъ слѣдователей своими показаніями: то онъ говорилъ, что бѣжалъ когда-то изъ рекрутства и никогда не принадлежалъ къ тому званію, къ которому причислялъ себя въ прежнихъ допросахъ, то снова сводилъ на свои старыя признанія; путалъ въ свое дѣло всѣхъ, кого только зналъ и видѣлъ въ жизни. Выискался наконецъ въ Камышинѣ Троицкаго собора церковникъ, который говорилъ о Шагалѣ, что зналъ его когда-то, двадцать два года назадъ, когда Шалага жилъ въ балыклейской станицѣ. «Мы съ нимъ вмѣстѣ съ робячества игрывали», говорилъ церковникъ, — «и ему въ то время было около пятнадцати лѣтъ, а кто его былъ отецъ и мать и какова онъ званія и отколь родиною, того я не знаю, да и съ того времени его не видывалъ, и гдѣ онъ имѣлъ жительство, о томъ я неизвѣстенъ». А Шагала все наговаривалъ да сговаривалъ съ знакомыхъ и незнакомыхъ, съ друзей и недруговъ. Его требовали въ Царицынъ; камышинскія власти не хотѣли отпустить отъ себя разбойника, и только въ октябрѣ 1779 года Шагала былъ перевезенъ въ Царицынъ, гдѣ находился подъ арестомъ его атаманъ. Время шло, а разбойники все сидѣли, а слѣдствіе все тянулось. Уже успѣли сформироваться новыя шайки, новые атаманы вышли на сцену, по городамъ мѣнялись воеводы и каменданты, разбойничьи притоны переносились отъ Волги въ глубь степей, въ лѣсныя балки, грабежи начались на большихъ дорогахъ, — вездѣ былъ еще просторъ для понизовой вольницы, — а Рыжій и его товарищи все сидѣли по царицынскимъ казаматамъ и ждали рѣшенія своей участи. Черезъ полтора года послѣ поимки атамана пойманъ былъ наконецъ и его ближайшій товарищъ, Димитрій Легіонный, который еще прежде того былъ разлученъ съ стародубскимъ купцомъ, схваченнымъ за Волгою разъѣздными командами. Потерявъ послѣдняго стараго товарища и побродивъ за Волгой, Легіонный перебрался на нагорную сторону, прошелъ въ свои любимыя мѣста, на Илавлю,

и самъ составилъ маленькую шайку. Шатаясь по дорогамъ, онъ напалъ на партію Малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ, и ограбилъ ихъ, захвативъ, по обыкновенію, деньги и другія вещи, казавшіяся ему цѣнными; ограбилъ потомъ казака Караваинской станицы, и уже собирался пройдти черезъ Царицынъ въ Моздокъ, гдѣ въ то время, на моздокскихъ степяхъ, заводились новыя разбойничьи партіи, начинали раздаваться тѣ удалыя и грустныя пѣсни, которыя два столѣтія пѣлись на Волгѣ и по степямъ саратовскимъ, царицынскимъ и хоперскимъ. Понизовая вольница, въ восьмидесятыхъ годахъ, стала перебираться къ Кавказу, въ южныя равнины донскихъ земель — въ степь моздокскую. Туда-то велъ Легіонный своихъ товарищей, но по пріѣздѣ на рѣчку Мечетную, въ сельцо Никольское, набуянилъ и попался въ руки. Оставивъ товарищей за селомъ, онъ поѣхалъ въ кабакъ, чтобъ запастись виномъ, напился пьянъ и сталъ показывать свою удаль собравшемуся народу: выстрѣливъ изъ пистолета въ кузницу, онъ возбудилъ ропотъ и навлекъ на себя подозрѣніе; одинъ гусаръ схватилъ подъ устцы его лошадь, сталъ ругать разбойника, который, «будучи пьяной, осерчась, изъ другаго пистолета, заряженнаго мокрымъ пыжомъ, выстрѣлилъ», и попалъ гусару въ голову.... Разбойника тотчасъ же схватили, забили въ колодки, и привезли въ Царицынъ. Другіе его товарищи пропали безъ-вѣсти.

VIII.

Въ теченіе 1780—1782 годовъ положеніе дѣлъ въ поволжьѣ мало измѣнилось, хотя повидимому много произошло перемѣнъ въ колонизовавшихся тогда приволжскихъ провинціяхъ. Въ сущности перемѣны эти касались только наружной стороны жизни, тогда какъ самая жизнь шла своимъ чередомъ, по старой дорогѣ, представляя мало утѣшительнаго. Старое раздѣленіе Россіи на губерніи замѣнилось новымъ; новыя лица вступили въ управленіе провинціями. Верхняя часть средняго поволжья, вмѣстѣ съ Саратовомъ, Камышиномъ и Царицыномъ, вошла въ составъ вновь-открытаго саратовскаго намѣстничества, правителемъ котораго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Поливановъ; вмѣсто канцелярій явилась «верхняя» и «нижняя расправы»; по наружности измѣнилось многое, — хотя въ расправахъ засѣдали тѣже лица, которыя были въ канцеляріяхъ и руководствовались тѣми-же правилами, оставались при тѣхъ-же понятіяхъ, съ какими родились и воспитались. Жизнь не стала лучше, потому

что причины, дѣлавшія ее тяжкою, не были уничтожены съ перемѣною названій и формъ, а такія неблагопріятныя обстоятельства вызывали, конечно, и соотвѣтствующія имъ явленія. Правда, не такъ громко раздавались по Волгѣ разгульные и въ то же время тоскливыя пѣсни понизовой вольницы, какъ прежде; опытъ научилъ осторожности и терпѣнію; рѣже плавали отъ притона до притона косныя лодки разбойниковъ; рѣже слышалось страшное *сарынь на кичку*; — однако зло не было уничтожено въ самомъ корнѣ. Только партіи вольницы сдѣлались не такъ многочисленны, атаманы менѣе популярны и могущественны; крупныя личности исчезаютъ со сцены и на мѣсто ихъ являются простые, робкіе, такъ сказать—мелочные разбойники, жалкіе воры и конокрады. Шайки разбойниковъ разбиваются на мелкіе кружки, удаляются отъ Волги и дѣйствуютъ въ-разсыпную. Названіе атамановъ, съ эпитетами «важныхъ», «славныхъ», «продерзкихъ», переходитъ въ менѣе громкое названіе «душегубцовъ», «смертоубійцъ» и проч.

Въ этотъ послѣдній періодъ времени уничтожена была даже попытка на похищеніе царскаго имени; въ восьмидесятыхъ годахъ схваченъ послѣдній самозванецъ, воспользовавшійся для своихъ цѣлей именемъ покойнаго императора Петра III, слесарь и ружейникъ Максимъ Ханинъ *), заговоръ котораго задавленъ былъ при самомъ началѣ. Ханинъ и его соумышленники дѣйствовали въ одно время съ атаманомъ Рыжимъ и въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ дѣйствовала шайка извѣстнаго разбойника. Они даже судились въ Царицынѣ въ одно и то же время, съ тою только разницей, что атаманъ еще сидѣлъ въ казаматѣ, когда самозванецъ былъ уже вывезенъ въ Саратовъ, гдѣ и рѣшилась его участь.

Преемникомъ Рыжаго былъ атаманъ Максимъ Дехтяренко, едва-ли не послѣдній извѣстный намъ народный агитаторъ прошлаго вѣка. Въ его шайкѣ были лица, знавшія Рыжаго и дѣйствовавшія съ нимъ вмѣстѣ. Они почти одновременно и погибли. Дегтяренко, подобно прочимъ предводителямъ понизовой вольницы, былъ изъ военныхъ людей, и только горькая жизнь, испытанная имъ во время дезертированія, заставила его сдѣлаться разбойникомъ. Вольницу преимущественно составляли казаки и всякій сбродъ людей, вышедшихъ изъ верховыхъ городовъ, гдѣ жизнь была еще тяжеле, положеніе еще безвыходнѣе, чѣмъ въ

*) См. Рус. Вѣстн. 1860 г. № 6.

поволжьѣ; ядро вольницы составляли собственно бурлаки и переселенцы — Малороссіяне. Изъ Малороссіянъ былъ и послѣдній поволжскій атаманъ, имя котораго сохранилось въ забытыхъ провинціальныхъ архивахъ, Максимъ Дегтяренко, который родился въ «гетманщинѣ», въ острогожскомъ полку, въ слободѣ Отготяновой. Въ 1778 году онъ былъ отданъ въ «москали», то-есть взятъ въ рекруты, и поступилъ въ гусары, въ острогожскій гусарскій полкъ. Само-собою разумѣется, что военная жизнь для посполитаго Малоросса показалась тяжкою и невыносимою; воинскіе порядки, которымъ съ трудомъ подчинялся даже и «россійскій», привыкшій ко всему, людъ, были нестерпимы для Малоросса, знавшаго, хотя по наслышкѣ, о «звычаяхъ казаковъ запорожскихъ». Дегтяренко не могъ примириться съ военною жизнью и бѣжалъ. Онъ прошелъ въ землю донскихъ казаковъ и началъ шататься съ мѣста на мѣсто да пріискивать себѣ работы и пропитанія; жилъ недолго у одного донскаго полковника, на рѣчкѣ Чирахъ, а оттуда вздумалъ пройдти въ славное поволжье, гдѣ, какъ онъ слышалъ, легко жилось на волѣ всякой голытьбѣ и гдѣ голытьба наживала немалыя деньги разбойными промыслами. Скоро Дегтяренко увидѣлъ и поволжье, и широкую Волгу, и понизовую вольницу, и нашелъ, что вольница — та же оборванная и бездомная голытьба и что деньги и здѣсь наживаются не легко, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ на Волгу, когда уже миновала пора поволжскихъ разбоевъ и о знаменитыхъ атаманахъ оставалась только память въ народѣ да слова въ пѣсняхъ, годъ отъ году искажавшихся. Дегтяренко, не останавливаясь долго ни въ одномъ селеніи и не приставая ни къ одной шайкѣ, которыя еще изрѣдка появлялись выше Камышина, прошелъ въ качествѣ бродяги до колоніи Верхней Добренки и поселился тамъ на время. Здѣсь онъ нашелъ одного Малороссіянина, неимѣвшаго, подобно всей вольницѣ, ни кола, ни двора; Малороссіянинъ этотъ рылъ для себя землянку и принялъ Дегтяренка къ себѣ въ товарищи. Эти землянки составляли обыкновенное жилище осѣдлой вольницы; перекочевывая съ мѣста на мѣсто, бурлаки на зиму вырывали себѣ въ землѣ ямы и, покрывъ ихъ хворостомъ и дерномъ, жили до свѣтлыхъ весеннихъ дней. Въ этихъ землянкахъ была страшная бѣдность; сюда принимались всѣ безпаспортные и подозрительные люди, воры и атаматы, неуспѣвшіе на зиму запастись хорошимъ притономъ и теплой избой. Такія землянки вырыты были по всему поволжью, около городовъ и селеній, вблизи торговыхъ пристаней и въ самой дикой глуши. Въ такой

же ямѣ поселился и Дегтяренко, въ ожиданіи лучшей доли, которой онъ пришелъ искать въ поволжьѣ, назвавшись выходцемъ изъ Николаевской малороссійской слободы, что противъ Камышина.

Обманувшись насчетъ привольной жизни въ поволжьѣ, Дегтяренко не сталъ жить праздно, и сдѣлался швецомъ и кожевникомъ, выдѣлывалъ овчины, шилъ шубы и кафтаны. Мѣстныя власти не обращали на него вниманія, потому что бродяги иногда были люди не безполезные, а вслучаѣ преслѣдованія ихъ становились страшными мстителями. Какой-то коммисаръ, находившійся въ Добренкѣ, маіоръ Александръ Алферовичъ Пиль, взялъ даже Дегтяренка къ себѣ въ услуженіе и будущій атаманъ находился у него полтора года въ качествѣ казака, пока зависимая жизнь деньщика не надоѣла бродягѣ, какъ и военная служба. Въ полтора года Дегтяренко могъ узнать обычаи поволжкой вольницы, познакомиться съ краемъ и его обитателями, насколько это нужно было знать будущему вождю шайки. Вь 1780 году Дегтяренко сталъ думать о наборѣ партіи, открылъ свои планы неизвѣстному бродягѣ, бывшему въ Добренкѣ табунщикомъ, Ивану Губченко, малороссіянину же, и съ начала весны этого года они бѣжали изъ Добренки въ медвѣдицко-бузулуцкія степи. Не имѣя ни опредѣленнаго плана, ни товарищей, они должны были на время оставаться все еще батраками, выжидать охотниковъ, запасаться на подъемъ деньгами, лошадьми и оружіемъ. Вслѣдствіе этого они прошли на хутора Березовской станицы, къ казаку Каменному*), который, несмотря на то, что зналъ о ихъ намѣреніяхъ, охотно принялъ бродягъ къ себѣ въ работники. Цѣлое лѣто бѣглецы косили у него сѣно, отбывали всѣ другія работы, зимой плотничали, а на весну 1781 года уже готовы были, чтобъ идти въ разбой. У Каменнаго они сошлись съ старымъ разбойникомъ Алёшкой Поповичемъ или Бурыкинымъ, который говорилъ о себѣ, что онъ *«съ Дону, чинитъ разбои, гдѣ тамо случиться»,* и притомъ оказался человѣкомъ грамотнымъ, могшимъ справлять должность секретаря и, вслучаѣ надобности, писать своей шайкѣ какіе угодно виды и паспорты. Дегтяренко подобралъ еще одного товарища, который шатался въ окрестностяхъ и готовъ былъ на всякое сомнительное дѣло. Разбойники добыли себѣ лошадей, которыхъ захватили въ первомъ попав-

*) Это тѣ самые хутора, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывался разбойничій атаманъ Буковъ (въ «урочищѣ Черни», у монаха Льва.).

шемся табунѣ, приготовили оружіе, съ которымъ и прежде того охотились въ свободное время. Каменный снабдилъ ихъ порядочнымъ количествомъ пороху, а Алешка Поповичъ написалъ паспорты, сообразно съ наружностью каждаго *). Прежде шайки вмѣщали въ себѣ иногда десятки и сотни разбойниковъ; но съ-тѣхъ-поръ, какъ понизовая вольница обратила на себя всеобщее вниманіе, большія партіи были слишкомъ подозрительны, скоро волновали населеніе, привлекали вооруженную силу изъ мѣстныхъ полковъ и баталіоновъ, и потому атаманы уже не рѣшались выходить въ поле съ толпою бродягъ конныхъ и пѣшихъ, а начинали разбой ничтожными партіями, отъ пяти до десяти человѣкъ, и легко избѣгали преслѣдованій, потому что легко укрывались во всякомъ оврагѣ и во всякомъ болѣе или менѣе густомъ кустарникѣ. Въ этихъ видахъ и Дегтяренко взялъ съ собой столько товарищей, сколько казалось нужнымъ. Они прежде всего отправились на краснонрскія степи, о которыхъ мы говорили выше, въ разсказѣ о разбояхъ шайки Рыжаго. Въ тридцати верстахъ отъ Краснаго Яру, за Медвѣдицей, находилось удобное мѣсто для притона, глубокія ложбины «разсыпнаго буерака», мимо котораго шли проѣзжіе тракты. Для своихъ временныхъ становъ, разбойники обыкновенно избирали, когда производили степные разбои, ровныя и возвышенныя мѣста, съ ложбинами или балками, заросшими мелкимъ лѣсомъ; предпочитались большею частію степи проѣзжія, покрытыя высокими курганами, которые могли-бы служить сторожевыми пикетами, и гдѣ-бы проходили торговыя дороги. **)

---

*) Пули разбойниками не всегда употреблялись литыя, круглыя, но часто стрѣляли *жеребьями*, — продолговатыми и гранеными пулями, грубо нарѣзанными изъ свинца, которыя впрочемъ, на близкомъ разстояніи, били едва ли не удачнѣе овальныхъ пуль. За неимѣніемъ пуль они употребляли въ дѣло и крупную дробь съ чѣмъ-нибудь смѣшанную. Одинъ изъ шайки Дегтяренка, разбойникъ Мирошниковъ (бывшій прежде подъ начальствомъ атамана Рыжаго) стрѣлялъ дробью, смѣшанною съ *пуговицами*, вѣроятно, металлическими.

**) До настоящаго времени указываютъ въ поволжьѣ на такія мѣстности усѣянныя курганами, изъ которыхъ многіе и теперь носятъ названіе «разбойныхъ могилъ» или кургановъ: Со многими изъ кургановъ соединяются имена славныхъ разбойниковъ, или убитыхъ тамъ, или жившихъ тамъ постоянно, или наконецъ прославившихся какимъ нибудь героическимъ или злодѣйскимъ поступкомъ. На курганахъ, говорятъ, разбойники ставили шесты съ соломою, зажигая которую, часовые извѣщали своихъ товарищей или о приближеніи разъѣздныхъ командъ или о проѣздѣ обозовъ съ товарами.

Отъ времени до времени Дегтяренко выѣзжалъ изъ разсыпнаго буерака на степь и разбивалъ проѣзжихъ, а потомъ снова уходилъ въ свой безопасный станъ. Ограбивъ чумаковъ-малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ съ солью, и взявъ у нихъ деньги, разбойники снова поворотили къ югу искать болѣе удобныхъ для разбоя мѣстъ, и пріѣхали въ землю донскихъ казаковъ, въ мѣста знакомыя Алешкѣ Поповичу. Впрочемъ, они почти вездѣ находили радушный пріемъ, особенно у малороссіянъ и казаковъ, потому что за пріютъ платили щедро, а въ случаѣ отказа и сопротивленія мстили всѣми возможными средствами. Такой пріютъ они нашли и въ донскихъ земляхъ, близь Медвѣдицы, на даниловскихъ хуторахъ, гдѣ и прожили у одного Малороссіянина недѣли три, отдыхая послѣ продолжительныхъ переѣздовъ. Собравшись съ силами, они опять поѣхали къ сѣверу и, колеся по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ, успѣли въ короткое время совершить нѣсколько разбоевъ на рѣчкѣ Латрыкѣ, ниже колоніи Поповки, потомъ за Медвѣдицей у Краснаго куста и недалеко отъ Рудни, куда въ то время народъ собирался на ярмарку. Но притонъ въ разсыпномъ буеракѣ предпочитался всѣмъ мѣстностямъ и Дегтяренко отъ Рудни опять повелъ своихъ товарищей къ старому стану. На дорогѣ охотою присталъ къ нимъ еще одинъ разбойникъ, выѣзжалъ потомъ вмѣстѣ съ ними на разбой, когда грабили какихъ-то проѣзжихъ, жилъ нѣсколько дней въ станѣ разсыпнаго буерака, и въ одну ночь, неизвѣстно по какой причинѣ, тайно скрылся отъ товарищей. Скучая однообразною жизнью въ станѣ, разбойники вновь покинули его, посѣтили своего прежняго хозяина, казака Каменнаго, отдохнули у него нѣсколько дней, вновь собрались и отправились на промыселъ. Въ эту поѣздку они успѣли перебывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только разсчитывали на удачный грабежъ, и куда только могли донести ихъ кони, измученные безпрестанными странствованіями по степямъ, съ одного тракта на другой. Теперь разбойники поѣхали по направленію къ Илавлѣ, гдѣ прежде была такая привольная жизнь для воровскихъ людей, и переѣхали Разщепной буеракъ, не менѣе Разсыпнаго, удобный для разбойничьихъ притоновъ, ночлеговъ и днёвокъ. Въ колоніи Грязнухѣ они посѣтили знакомаго Нѣмца (которые, замѣтимъ кстати, въ прошломъ вѣкѣ не отличались особыми гражданскими доблестями и водили иногда дружбу съ разбойниками, хотя сами не годились для разбоя, и, сколько намъ извѣстно, ни разу имя колониста не встрѣчается въ цѣлой сотнѣ именъ, принадлежавшихъ къ пони-

зовой вольницѣ); пьянствовали у него въ гостяхъ, дарили его награбленными вещами и деньгами и совѣтовались съ нимъ о предстоящихъ разбояхъ, о мѣстахъ удобныхъ для притоновъ и проч. Колонистъ указалъ имъ станъ въ буеракѣ, пріѣзжалъ потомъ самъ къ нимъ, снабжалъ ихъ хлѣбомъ, пьянствовалъ съ ними, и вообще дѣлалъ все, что могъ-бы только сдѣлать самый ловкій становщикъ. Неудивительно, что въ колоніи Верхней Добренкѣ, гдѣ два года прожилъ Дегтяренко батракомъ и куда теперь привелъ своихъ товарищей, какъ атаманъ шайки, онъ нашелъ пріютъ даже между Нѣмцами, изъ которыхъ одинъ принялъ разбойниковъ въ своемъ домѣ, зарѣзалъ для нихъ барана, какъ для дорогихъ и опасныхъ гостей, и дозволилъ имъ переночевать у себя.

Но разбойникамъ не сидѣлось на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что самыя выгоды ихъ требовали постоянной перемѣны мѣста, постояннаго мыканья по свѣту. Волга не могла привлечь къ себѣ «полевыхъ» разбойниковъ; условія поволжскихъ разбоевъ были не тѣ, что полевыхъ; въ полѣ теперь было больше простора,— и они оставили Добренку для своихъ степей, отъ Волги повернули къ Медвѣдицѣ, переѣхали эту рѣку у Рудни, порыскали по бузулуцкимъ степямъ, гдѣ присталъ къ нимъ, «изъ своей воли», невѣдомый человѣкъ, такой же, какъ и они, разбойникъ, называвшійся бѣглымъ солдатомъ, и въ третій разъ пріѣхали на отдыхъ къ казаку Каменному. Требовали отдыха, и лошади были изнурены не меньше своихъ наѣздниковъ, такъ, что нужно было или оставаться на хуторѣ у Каменнаго до ихъ поправленія, или взять свѣжихъ коней для новыхъ экспедицій. Каменный позволилъ имъ взять лошадей изъ своего табуна, потому что за все это разбойники платили щедро, и Дегтяренко, не покидая хутора, успѣлъ сдѣлать удачный набѣгъ на проходившій тамъ изъ Малороссіи обозъ, и ограбить его. Вѣроятно, подъ руководствомъ Алешки Поповича, они предприняли оттуда походъ вглубь донскихъ земель и, доѣхавъ до Филиповской станицы, прожили съ мѣсяцъ у становщика Чоблова, но дѣлали ли тамъ какіе-нибудь набѣги — неизвѣстно. Знаемъ только, что, наградивъ становщика порядочной суммой денегъ, они оставили донскую землю и направились къ Саратову, не опасаясь войскъ и разъѣздовъ, которыхъ тамъ было достаточно. Впрочемъ, они скрывались у села Ахмата, въ безопасныхъ буеракахъ, гдѣ и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX вѣка, часто скрывались шайки бродягъ и военныхъ дезертёровъ, и по вре-

менамъ выѣзжали на дорогу для наблюденія за проѣзжими. Тамъ напали они на какого-то офицера, ѣхавшаго изъ Астрахани, и взяли у него, «безъ всякихъ побоевъ», порядочную сумму денегъ, платье и нѣсколько серебряныхъ вещей, раздѣлили все это между собой и лишнее спрятали недалеко отъ своего притона, въ стогѣ сѣна.

Выше мы говорили, что въ числѣ разбойниковъ шайки Рыжаго сидѣли въ царицынскихъ казаматахъ колодники Димитрій Легіонный и Иванъ Мирошниковъ. Во время послѣднихъ грабежей Дегтяренка разбойники эти успѣли обмануть стражу и бѣжать изъ Царицына. Впрочемъ, побѣгъ имъ удался только при помощи конвойнаго солдата, съ которымъ они заблаговременно условились объ этомъ. Въ одно время арестантовъ выслали на казенную работу — носить землю на крѣпостной валъ, — и колодники вмѣстѣ съ конвойнымъ пошли «выпить по чаркѣ вина.» Тайно отъ капрала (признавался послѣ Мирошниковъ), они пробрались въ спасскій питейный домъ, «выпили всѣ трое алтына на два вина; потомъ, взявъ на базарѣ хлѣбъ и калачей, всѣ, какъ согласились бѣжать, оставя — солдатъ.... пошли вверхъ по Царицѣ-рѣчкѣ». Бѣглецы явились на знакомые имъ пичужинскіе хутора и прямо пришли въ домъ къ поляку Мукосѣеву, который, какъ мы видѣли, судился вмѣстѣ съ прочими разбойниками шайки Рыжаго и неизвѣстно по какой причинѣ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Едва Мукосѣевъ увидѣлъ бѣглецовъ, какъ объявилъ, что ихъ уже ищутъ, и велѣлъ на время укрыться въ лѣсу. Скоро прискакалъ изъ Царицына офицеръ, посланный за Мирошниковымъ и Легіоннымъ, все высмотрѣлъ въ домѣ Мукосѣева, но бѣглыхъ не нашелъ и долженъ былъ воротиться въ городъ. Тогда они, сбивъ съ ногъ послѣдніе остатки желѣзъ, оставили хуторъ и вышли въ степь, гдѣ ихъ уже трудно было поймать самому многочисленному разъѣзду. У Сажина (конвойнаго) были свои планы и намѣренія, и потому онъ разстался съ разбойниками, думая пройти въ Москву, а Легіонный и Мирошниковъ пошли искать счастья въ старомъ, привычномъ ремеслѣ, тѣмъ болѣе, что о медвѣдицкихъ разбойникахъ ходили уже слухи въ поволжьѣ, а слѣдовательно и можно было присоединиться къ одной изъ медвѣдицкихъ партій. Дѣйствительно, имъ недолго пришлось искать атамана, потому что Дегтяренко, послѣ разбоевъ у Ахмата, когда приставшій къ нему въ бузулуцкихъ степяхъ неизвѣстный разбойникъ оставилъ его шайку, опять направился къ Илавлѣ и самъ встрѣтился съ бѣглеца-

ми у Разщепнаго буерака. Легіонный и Мирошниковъ охотно пошли въ его шайку и Дегтяренко повелъ ихъ въ свой станъ, гдѣ и оставилъ на время «за неисправностію,» а самъ съ прочими товарищами, отдохнувъ въ станѣ только четыре часа, снова выѣхалъ въ поле, и снова проѣзжалъ въ сутки сотни верстъ, навѣдывался во всѣ захолустья, рыскалъ по всѣмъ проѣзжимъ тропамъ и дорожкамъ, точно для его маленькой шайки и не существовала усталость. Насъ удивляетъ эта неутомимая подвижность шайки Дегтяренка и ея необыкновенная отвага, когда, въ числѣ четырехъ человѣкъ, разбойники никому не давали покоя, не пропускали ни одного проѣзжаго и прохожаго, ни одного чумацкаго и купеческаго обоза. Сегодня ихъ видѣли въ одномъ мѣстѣ, а на другое утро Дегтяренко появлялся уже за сто верстъ отъ него; впродолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ разбойники успѣли сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ, только не болѣе трехъ разъ перемѣняя усталыхъ коней свѣжими. Несмотря на однообразіе разсказа объ этихъ походахъ, записаннаго со словъ самого атамана и нѣкоторыхъ его товарищей, разсказъ этотъ, при всей простотѣ и краткости, живо характеризуетъ описываемую нами годину и, при всей видимой сухости, много говоритъ воображенію, переносящемуся въ эту любопытную эпоху, со времени которой прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, мы уже видимъ Дегтяренка на Волгѣ, въ золотовской волости, издавна извѣстной разбойничьими притонами. Въ золотовской волости всего болѣе свирѣпствовали толпы пугачовской вольницы, къ которымъ присоединились крестьяне и разбойники этой волости, гористая и лѣсистая мѣстность которой всегда давала убѣжище многочисленнымъ партіямъ бродягъ. Около села Золотова Волга представляла самое опасное мѣсто для каравановъ; въ этой волости поволжскіе разбойники соединялись съ полевою вольницею и были непобѣдимы. Сюда же пріѣзжалъ на время и Дегтяренко, гдѣ оставался не болѣе двухъ сутокъ у становщика Дутика, въ Щербаковскомъ хуторѣ. Здѣсь же, недалеко отъ колоніи Моръ, партія Дегтяренка встрѣтилась на степи съ проѣзжавшими крестьянами какого-то помѣщика Салтыкова, которые впрочемъ смѣло отразили первое нападеніе разбойниковъ ружейными выстрѣлами. Но когда завязалась перестрѣлка, разбойники побѣдили проѣзжихъ и ограбили. Во время схватки раненъ былъ товарищъ Дегтяренка, Иванъ Губченко, въ горло и въ руку; со стороны проѣзжихъ раненъ одинъ

мужикъ, которому разбойники прострѣлили ногу. «И послѣ — говорилъ Дегтяренко — отъ нихъ взявъ, *безъ всякихъ уже побоевъ*, денегъ ассигнаціями пятьдесятъ, мелкими двадцать пять рублевъ, одно ружье, два пистолета, тулупъ нагольной одинъ, рубашекъ мужскихъ три, поѣхали къ рѣчкѣ Горючкѣ.» На рѣчкѣ Горючкѣ находился становщикъ ихъ, табунщикъ Буровъ, у котораго разбойники имѣли притонъ, укрываясь въ буеракѣ. Здѣсь они рѣшились отдохнуть и съ помощью Бурова узнать, что говоритъ о нихъ народная молва. Пустивъ лошадей въ табунъ Бурова, разбойники залегли въ станѣ, а Буровъ отправился въ Саратовъ для развѣдыванія относительно слуховъ и для закупки пороху и вареныхъ кремней къ оружію; раненый Губченко лечилъ между тѣмъ свои увѣчья. Скоро воротился и Буровъ съ покупками и сказалъ разбойникамъ: «Слышно про васъ въ Саратовѣ.» Тогда разбойники, побывъ въ станѣ нѣсколько дней, и «чрезъ то поправя себя,» пустились въ путь, и тутъ же на рѣчкѣ Горючкѣ напали на партію Татаръ, ѣхавшихъ изъ Саратова, отняли у нихъ деньги, восемь лошадей, и потомъ поворотили къ Медвѣдицѣ. Въ селѣ Рыбушкѣ, на мельницѣ, они пьянствовали у знакомаго мельника, одаривъ его деньгами и вещами, поѣхали искать оставленныхъ ими Легіоннаго и Мирошникова, которые между тѣмъ пріобрѣли себѣ лошадей, успѣли вооружиться, запаслись порохомъ и другими необходимыми принадлежностями.

Но едва партія Дегтяренко съѣхалась съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, у Разщепнаго буерака, какъ была атакована вооруженными мужиками, высланными противъ разбойниковъ изъ ближайшихъ селеній, потому что молва о разбояхъ распространялась съ каждымъ днемъ, всѣ ожидали нападеній Дегтяренко и никто не былъ безопасенъ ни дома, ни въ полѣ. Между разбойниками и мужиками произошла жаркая схватка, во время которой, *между штурмою,* какъ говорилъ самъ Дегтяренко, разбойники убили четырехъ мужиковъ и окончательно отразили нападеніе, не давшись въ руки крестьянамъ. Можно вообразить, какъ отчаянно защищались разбойники, когда на мѣстѣ схватки осталось четыре мертвыхъ тѣла и, безъ сомнѣнія, нѣсколько раненыхъ, а между тѣмъ, какъ можно догадываться изъ словъ Дегтяренка, съ нимъ было только три товарища — Алешка Поповичъ, Легіонный и Мирошниковъ: Губченко, раненый еще прежде, до этой схватки, и послѣдній разбойникъ этой шайки ѣздили къ Ахмату, чтобъ захватить серебро и другія вещи, награбленныя тамъ и спрятанныя въ стогѣ сѣна. Впрочемъ, если

въ дѣлѣ были и всѣ шесть человѣкъ, то и въ такомъ случаѣ безъ особенной храбрости они не могли отбиться отъ вооруженной высылки, не поплатившись кѣмъ-либо изъ товарищей; а между тѣмъ «штурма» кончилась безъ всякой потери со стороны разбойниковъ, по крайней мѣрѣ изъ документовъ не видно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ убитъ или раненъ. Однако, какъ ни счастливы были разбойники, слухи о нихъ дѣлались все громче и громче, Дегтяренко не могъ не понимать опасности своего положенія: но при всемъ томъ, онъ какъ будто презиралъ опасностью и не покидалъ степей, можетъ быть, расчитывая на малочисленность своей шайки, съ которой онъ могъ вездѣ быть незамѣтенъ, или на многочисленность становщиковъ, которые могли укрыть его въ самую критическую минуту. Какъ бы то ни было, но и послѣднее происшествіе не оставило его, а какъ будто прибавило въ немъ дерзости и безумной отваги. Онъ видитъ, что лошади его товарищей истомлены отъ частыхъ переѣздовъ, и немедленно нападаетъ на табунъ, разгоняетъ табунщиковъ и беретъ свѣжихъ коней; ему не удавалось до сихъ поръ произвести разбои въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ходили шайки его предшественниковъ, и онъ проводитъ свою шайку по всему протяженію Илавли и выводитъ ее къ низовьямъ Медвѣдицы, на рѣчку Арчаду; смѣло онъ является въ хуторъ походнаго есаула Маневскаго и даритъ ему, неизвѣстно за что, «отъ своей артели денегъ пятнадцать рублевъ да двѣ лошади», живетъ у него свободно нѣсколько дней и тутъ же вознаграждаетъ себя тѣмъ, что около самаго хутора беретъ изъ табуна четыре лошади. Онъ начинаетъ сорить деньгами и всѣмъ награбленнымъ имуществомъ; до сихъ поръ онъ щедро награждалъ становщиковъ и всѣхъ, у кого гостилъ, — такъ онъ платилъ довольно большія по тому времени деньги на даниловскихъ хуторахъ, колонистамъ въ Грязнухѣ и Верхней Добренкѣ, своему прежнему хозяину Каменному, становщику филановской станицы Коблову, становщику на щербаковскомъ хуторѣ, табунщику Бурову, его товарищу, потомъ мельнику въ селѣ Рыбушкѣ, наконецъ походному есаулу Маневскому; теперь онъ сталъ платить еще щедрѣе: направившись съ Арчады вверхъ по Медвѣдицѣ и пріѣхавъ къ Каменному, онъ даетъ ему лошадей, деньги, и тутъ же отъѣхавъ нѣсколько верстъ вверхъ по Медвѣдицѣ и своротивъ въ сторону, грабитъ мужиковъ, которые ѣхали на Донъ, и самъ скачетъ къ Дону, является къ прежнему становщику Коблову и отдаетъ эту захваченныя у проѣзжихъ деньги; снова

ѣдетъ въ предѣлы саратовскаго намѣстничества, грабитъ, или «усильнымъ образомъ» беретъ что ему нужно на мельницѣ, на рѣчкѣ Латрыкѣ: а черезъ нѣсколько времени мы видимъ его уже у становщика Бурова, переносившаго разбойникамъ вѣсти о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ и какіе слухи ходили о Дегтяренкѣ. — «За вами послана высылка», сказалъ имъ на этотъ разъ Буровъ, и разбойники должны были наконецъ подумать о своемъ спасеніи.

Но и послѣ этого Дегтяренко дѣйствуетъ также странно, какъ и прежде. Вмѣсто того, чтобъ спасаться, онъ ѣдетъ почти прямо къ Саратову, выводитъ свою партію на Волгу, поворачиваетъ на югъ, заходитъ на Буркину ватагу, чтобы запастись хлѣбомъ, скачетъ къ Камышину и на дорогѣ посѣщаетъ колонію Добренку, гоститъ у знакомаго колониста, даритъ его деньгами, снова возвращается вверхъ по Волгѣ, платитъ деньги на Щербаковскомъ хуторѣ и наконецъ опять является къ Бурову, въ свой давнишній притонъ. Видно, что онъ уже дѣйствуетъ безъ цѣли, бросается въ разныя мѣста и ищетъ исхода; его преслѣдуютъ слухи, говоръ; ему грозятъ высылки; степи становятся не безопасны — укрыться негдѣ, надо разстаться съ шайкой или попасться въ руки разъѣзднымъ командамъ. Оставалось три дороги: броситься вглубь Россіи, — но тамъ еще опаснѣе чѣмъ въ поволжьѣ; пройти въ «гетманщину», какъ онъ и думалъ, — но это было не такъ легко: бѣжать за Волгу — это всего возможнѣе. Приходилось принять хотя на время послѣднее рѣшеніе. Дегтяренко, покинувъ въ своемъ станѣ товарищей, лошадей и оружіе и простившись съ становщикомъ Буровымъ, взялъ съ собой одного Губченко и вдвоемъ пошли по направленію къ Волгѣ. Выше села Синенькаго они переѣхали на луговую сторону въ ловецкой лодкѣ и пришли въ колонокъ Козицкій, гдѣ и думали пережидать самое опасное время поисковъ разъѣздныхъ командъ. Губченко имѣлъ съ собой два паспорта, и разбойники явились съ ними къ старостѣ, который и позволилъ имъ остаться въ колоніи. Но Дегтяренко не могъ ужиться покойно ни на одномъ мѣстѣ, потому-что съ вольной жизнью привились къ нему такія привычки, которыя, рано или поздно, должны были погубить его. Нажитыя грабежемъ деньги доставляли ему свободный доступъ во всѣ кабаки, а въ кабакахъ заводились знакомства и въ пьяномъ видѣ говорилось многое, что не легко сказалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Кабакъ свелъ Дегтяренко съ такими людьми, которые выдали тайну его занятій и едва не погубили

его. — Онъ поилъ всѣхъ безъ разбора и также безъ разбора сорилъ деньгами, привлекая тѣмъ вниманіе мѣстныхъ властей. Такъ между прочимъ, «будучи въ питейномъ домѣ — говоритъ Дегтяренко — по знакомству свидѣлись мы, Покровской малороссійской свободы, атамана Степана Мартыненко съ племянникомъ, которой отъ насъ выпилъ чарку вина, на вопросъ сказалъ, что-де скоро пріѣдетъ въ свои хутора дядя ево, атаманъ, а мы притомъ его просили, естли пріѣдетъ, тобъ онъ къ намъ побывалъ въ колонокъ. Которой на четвертой день пріѣхавъ, пилъ вмѣстѣ, а между тѣмъ я и Губченко дали ему, атаману Мартыненку, въ подарокъ четыре рубли денегъ». Вѣроятно разбойники желали задобрить подаркомъ атамана, однако напрасно. Черезъ нѣсколько дней Мартыненко явился въ колонію съ вооруженными людьми и захватилъ разбойниковъ. Произошла страшная суматоха, крикъ пошелъ по всей колоніи, «сдѣлался великій шумъ и сбѣжалось много колонистовъ». По праву гостепріимства, колонисты отняли разбойниковъ у Мартыненко и повезли ихъ въ другую колонію, къ военному начальнику, для освидѣтельствованія паспортовъ. Но Дегтяренко спасся и въ этомъ случаѣ, потому что паспорты оказались неподозрительными, личности разбойниковъ не внушали никакого сомнѣнія, насчетъ ихъ благонамѣренности, и разбойники были отпущены. Но послѣ того и за Волгой оставаться было не безопасно, и разбойникамъ приходилось думать о гетманщинѣ, куда они прежде желали пробраться. Снова переѣхали они на горную сторону Волги и снова побрели къ стану, къ табунщику Бурову, гдѣ и нашли оставленныхъ товарищей. Не было другого исхода, какъ покинуть саратовское намѣстничество, разстаться съ поволжьемъ, гдѣ окончательно погибала понизовая вольница, и искать новыхъ мѣстъ для удалыхъ похожденій. Притомъ время приближалось къ концу лѣта, всѣ поля были заняты народомъ, убиравшимъ хлѣбъ, жизнь у становщиковъ оказалась невозможною, и Дегтяренко рѣшился разстаться съ товарищами навсегда.

Въ сентябрѣ 1781 года Дегтяренко, въ послѣдній разъ вывелъ въ поле свою шайку и, доведя ее до истоковъ рѣчки Бузулука, распустилъ товарищей въ разныя стороны. Съ нимъ остался только Мирошниковъ, да и тотъ, потерявъ всякую возможность остаться въ поволжьѣ, гдѣ его знали еще со времени разбоевъ атамана Рыжаго, думалъ пройти на Терекъ, въ моздокскія степи, куда стала мало-по-малу перебираться понизовая вольница и гдѣ еще можно было погулять и поголодать на сво-

бодѣ. Но Дегтяренко помнилъ свою далекую родину, «Гетманщину,» какъ онъ ее называлъ, и, разставаясь съ поволжьемъ, гдѣ шатался безпріютнымъ бродягой, и голодалъ, и ходилъ въ лохмотьяхъ, и терпѣлъ униженіе, гдѣ наконецъ властвовалъ въ небольшомъ кругу, надѣлалъ шуму и тревоги, — хотѣлъ увести съ собой Мирошникова *). Однако намѣренія ихъ не исполнились: Алешка Поповичъ, котораго они нашли потомъ на одномъ изъ бузулуцкихъ хуторовъ и просили написать имъ паспорты для проѣзда въ Малороссію, былъ схваченъ казаками и предалъ товарищей. Хотя они и были пойманы безъ оружія, однако скоро отыскалось и оружіе, которое они успѣли-было скрыть **). Разбойниковъ сначала повезли на судъ въ Черкасскъ, по съ дороги воротили въ Саратовъ, гдѣ Дегтяренко, послѣ «пристрастнаго» допроса, сознался въ своихъ преступленіяхъ. Но Алешка Поповичъ и Мирошниковъ, несмотря на допросъ подъ «пристрастіемъ батоговъ» и на увѣщанія судей и священника, не хотѣли открыть всего, въ чемъ были виновны.

Такъ какъ Мирошниковъ принадлежалъ нѣкогда къ шайкѣ атамана Рыжаго, а онъ до сихъ поръ сидѣлъ въ царицынской тюрьмѣ и судился вмѣстѣ съ прочими соучастниками своихъ похожденій, то и Мирошникова привезли въ Царицынъ, а Дегтяренка и Алешку Поповича отослали въ мѣста ихъ родины. Уже въ концѣ 1782 года кончился судъ надъ царицынскими арестантами, преступленія которыхъ подведены были подъ слѣдующія статьи законовъ.

По Соборному Уложенію, главы 2 ст. 4. «А. будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зажетъ или дворы, и въ то

---

*) «Намѣренъ былъ (Мирошниковъ), отыскавъ билетъ проѣхать для празднаго жительства на Терекѣ, который (Дегтяренко) ему выговорилъ: «Поѣдемъ-де на Бузулукъ, и тамъ сыщемъ себѣ подорожную». Обѣщался ево съ собой провесть въ Гетманщину».

**) «По доказательству казака Луки Минаева въ стогу вынуто ево, Кузнецова (такъ назывался Мирошниковъ послѣ побѣга изъ царыцынской тюрьмы), снаряду два ружья, пистолетъ, казачья лядунка, да труска черепашья, егарская, охотничья красной кожи потронница и съ двадцатью тремя порохомъ наполненными патронами и вложенною въ нихъ смѣшанною съ пуговками дробью, одна казачья шашка, два дротика, полтора фунта въ мѣшкѣ пороху; снятъ съ него кафтанъ синей китайки, избита лѣвая пола пулею, а сзади дробью, да синей толстаго сукна азямъ, шапка жаркова сукна, что все значитца къ подозрѣнію реченнаго Кузнецова, кромѣ Дехлярева, коего разбойнической снарядъ взятъ особо въ куренѣ казака Кобтова», знакомаго намъ становщика.

время или послѣ того зажигалщикъ изыманъ будетъ и сыщетца про то ево воровство до пряма, и его самого зжечь безъ всякаго милосердія. »Гл. 10, ст. 228.» А будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ и послѣ того онъ будетъ изыманъ и зыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ, и такова зажигальщика казнити сжечь.

Гл. 21, ст. 16. «А будетъ приведутъ разбойника и его пытать, да будетъ онъ съ пытки повинитца, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ, и у того разбойника за первый разбой послѣ пытки отрѣзать правое ухо да въ тюрмѣ сидѣть три года, а животы его отдати въ выти исцамъ, а изъ тюрмы вымая его, посылати въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ Государь укажетъ, а какъ онъ въ тюрмѣ три года отсидитъ, послати въ украиные городы, гдѣ государь укажетъ, и велѣти ему въ украиныхъ городахъ быти въ какой чинъ пригодитца и дать ему по тому же письмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство въ тюрмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрмы выпущенъ.»

Ст. 12. «А которые разбойники говорятъ на себя въ распросѣ и съ пыткою, что они были на одномъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили убивство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ разбойниковъ и за первый разбой казнити смертію.»

Къ этимъ статьямъ подведены были соотвѣтствующія мѣста Воинскаго артикула, и положено было слѣдующее рѣшеніе: «*По сентенціи присутствующихъ приговорено, въ силу воинскихъ правъ, подпоручика Носкова, капрала Архипова и солдата Горева повѣсить, Овчинникова, Гончарова и Журенкова колесовать и на колесо тѣла ихъ потомъ положить, а Старкова сжечь* *).

*) Подпоручикъ Носковъ обвинялся въ пріемѣ воровскихъ вещей и въ потворствѣ разбойникамъ; а прежде этого, 1777 года, «за непорядочное солдата Драконова наказаніе палками и за неучтивые и грубые передъ командиромъ ево, Носкова, отвѣты, написанные въ рапортѣ ево угрозы, арестованъ былъ на одну недѣлю на хлѣбъ и воду»; 1788 года», за приходъ въ канцелярію въ ночное время пьянымъ образомъ, за битіе солдата Боброва обнаженнымъ тесакомъ и за порубленіе ему руки и за битье жъ стоящаго на часахъ солдата Карпова пинками и за посаженіе въ тюрму въ цѣпь, арестованъ былъ на три недѣли». Капралъ Архиповъ и солдатъ Горевъ его соучастники въ перекражѣ у воровъ воровскихъ вещей. *Овчинниковъ* это настоящая фамилія атамана *Рыжаго*; *Гончаровъ* — товарищъ Рыжаго, называвшійся *Стародувскимъ купцомъ*: *Журенковъ* тоже соучастникъ Рыжаго, *Старковъ* былъ не кто другой, какъ разбойникъ *Шагала*, что открыто было уже въ 1762 году, по безъименному письму, поданному неиз-

Прочіе разбойники становщики, знакомые Рыжаго, нѣсколько бабъ, какъ разбойничьихъ женъ, такъ и любовницъ, судились въ воеводской канцеляріи въ Царицынѣ, а соучастники Дегтяренка развезены были по другимъ городамъ, и такимъ образомъ были уничтожены двѣ послѣднія поволжскія шайки.

Восемьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени поимки послѣднихъ разбойничьихъ атамановъ, много измѣнили характеръ понизовой вольницы. Но съ восьмидесятыми годами прошедшаго столѣтія поволжская вольница не умерла окончательно, только разбойничьи шайки мельчали и рѣдѣли и атаманы становились все жалче и безсильнѣе. Долго водились на Волгѣ небольшія партіи этихъ людей, разбойники «шалили» еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія у Самары, въ жегулевскихъ горахъ, но теперь уже ничего не слышно. Года три тому назадъ уничтожены наконецъ гардкаютныя команды, нѣчто въ родѣ древнихъ «высылокъ» и «разъѣздовъ,» наблюдавшія за спокойствіемъ на Волгѣ, — потому что понизовая вольница обратилась окончательно въ бурлаковъ.

Но народная память, равнодушная къ громкимъ историческимъ именамъ, къ славѣ преобразователей и великихъ администраторовъ, вѣрно сохраняетъ другія имена, незанесенныя на страницы исторіи. Народъ почти ничего не помнитъ изъ прошедшаго нашей родины, но хорошо знаетъ все, что имѣло отношеніе непосредственно къ нему и къ его спокойствію: у него своя исторія и свои громкія имена. Много полусказочнаго, полуправдиваго разскажетъ онъ и теперь про разбойника Быкова, дѣйствовавшаго около Казани въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, *) про разбойника Гусева, нѣсколько разъ бѣгавшаго изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограбившаго соборъ въ Саратовѣ. Народъ не знаетъ гармоническихъ стиховъ Пушкина и не сочувствуемъ имъ, а между тѣмъ охотно разучилъ и поетъ, передавая по всему поволжью, нескладную и нелѣпую пѣсню, сочиненную этимъ разбойникомъ, Гусевымъ, въ саратовскомъ острогѣ. Замѣчательно, что самъ народъ говоритъ, что эту пѣсню сложилъ Гусевъ. Мы приведемъ ее здѣсь, какъ образ-

---

вѣстнымъ человѣкомъ саратовскому намѣстнику Поливанову въ пріѣздъ его въ Царыцынъ. Старковъ воспользовался именемъ умершаго малороссіянина и скрывался съ его паспортомъ.

*) Въ анатомическомъ кабинетѣ казанскаго университета находится бюстъ. или слѣпокъ съ головы этого разбойника и скелетъ изъ его костей, потому что онъ, кажется, умеръ въ Казани, во время наказанія. Тамъ же мы видѣли скелетъ и бюстъ разбойника Чайкина.

чикъ новѣйшей народной поэзіи. Странный размѣръ и присутствіе риѳмы обнаруживаютъ знакомство разбойника съ новѣйшими риѳмованными пѣснями. Вотъ она:

Мы заочно, братцы, распростимся
Съ бѣлой, каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
Мы не будемъ унывать, —
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ее не видать:
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать;
Деревушка стоитъ къ пути близко
На краю — Самаръ - кабакъ,
Цѣловальникъ намъ знакомый,
Онъ изъ насъ же изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ поснимаетъ,
Можно будетъ намъ бѣжать.

Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Прежде пилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ,
Съ товарищами поводился,
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не сыстало
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно,
Но кто знаетъ про нее?
Посадили насъ на недѣлю
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя мы за стѣнами
Не видали свѣтлый день;
Но небось, Господь творецъ съ нами.
Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли,
Мы и тутъ зарю видали
Мы и тутъ не пропадемъ!
Часты звѣзды потухали,
Заря бѣла занялась,
Какъ зоринька занялася,
Барабанъ зарю пробилъ
Барабанушка пробивалъ,

Клюшникъ двери отпиралъ;
Клюшникъ двери отпираетъ,
Офицеръ съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ:
Одѣвайтесь, ребятенки,
Въ свои сѣры чапаны,
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите сверху внизъ,
Говорите всѣ одну рѣчь.
Что за шутова коляска
Проявилась въ городу?
Коней пару запрегаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ;
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу,
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Меня задомъ напередъ,
Подвозили бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ,
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго столба,
Велятъ мнѣ бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ проститься
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Рубашонку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ.
Беретъ Ѳедька кнутья въ руки,
Закричалъ: братъ, берегись!
Онъ ударилъ въ первый разъ
Полились слезы изъ глазъ;
Онъ ударилъ другой разъ
Закричалъ я: помилуйте насъ!... *)

*) Пѣсня эта, вѣроятно, сложена въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Гусевъ, послѣ убійства соборнаго сторожа, былъ вторично (или въ третій разъ) пойманъ и сидѣлъ въ острогѣ. Въ пѣснѣ прощанье съ товарищами и описаніе позорнаго наказанія кнутовъ; «шутова коляска» — позорная колесница; палачъ Ѳедька, очень популярное лицо. — Самаръ-кабакъ и цѣловальникъ напамина отъ «Бродягу» И. С. Аксакова.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

АНГЛІЙСКИХЪ КОЛОНІЙ КЪ МЕТРОПОЛІИ.

Противоположность, существующая въ политическомъ и юридическомъ отношеніяхъ, обнаруживается рѣзче между метрополіей и ея колоніями, чѣмъ между жителями страны, заключенной въ предѣлахъ одной и той-же территоріи. Относительныя права переселенцевъ другъ къ другу и къ государству, положившему основаніе ихъ поселеніямъ, представляютъ спорные вопросы, постоянно возникающіе въ той или другой формѣ.

Всѣ явленія въ исторіи колонизацій, начиная съ поселеній Финикіянъ на берегахъ Средиземнаго моря и съ учрежденія колоній государствами древней Греціи до завоеваній Испанцевъ и Португальцевъ въ открытыхъ ими странахъ свѣта и до огромнаго переселенія, совершающагося въ настоящее время съ соціально экономическою цѣлью, представляютъ отличительныя характеристическія черты народности. Можно думать, что національный духъ, отдѣляющійся отъ своей исторической почвы и переселяющійся на дальній берегъ, по истеченіи болѣе или менѣе значительнаго періода времени, обнаруживаетъ свои особенности болѣе блистательнымъ образомъ, чѣмъ въ странѣ, служившей ему первобытной родиной.

Долго-ли эти особенности въ состояніи сохраниться при совершенно измѣнившихся условіяхъ образованія, какой дальнѣйшій процессъ развитія приметъ національный духъ въ колоніяхъ, происходитъ-ли успѣхъ или упадокъ нравовъ и въ какіе періоды со-

вершается физіологическій переворотъ въ обществѣ переселенцевъ, — всѣ эти вопросы не ведутъ ни къ какому общему результату, потому что исторія колонизацій не представляетъ масштаба, по которому разнообразныя до безконечности историческія формы народной жизни, могли-бы быть подведены подъ опредѣленныя правила. Только то не подлежитъ сомнѣнію, что принципъ измѣняемости врожденныхъ народныхъ качествъ неразлучно связанъ съ успѣхами колонизацій и съ рѣшеніемъ вопроса, относительно учрежденія новыхъ обществъ. Отрицательнымъ доказательствомъ тому могутъ служить Евреи, распространившіеся по всей поверхности земли, но нигдѣ не образовавшіе колоній. Присоединившись къ чужимъ народностямъ, подобно тому, какъ чужеядныя растенія присоединяются къ хлѣбнымъ, они вполнѣ сохранили свою національную самобытность, не преобразовывая ни самихъ себя, ни другихъ, не обнаруживая призванія къ государственному устройству, но при всемъ томъ, отличаясь способностью къ соціальному и экономическому господству, почти можно сказать къ финансовому деспотизму, которыхъ результаты изумительны.

Именно эта основная черта національной способности къ развитію, замѣтная въ переселенцахъ, и которую мы должны считать таинственнымъ зерномъ возрожденія великихъ колонизацій, представляетъ первое затрудненіе для опредѣленія соціально-юридической зависимости колоній отъ метрополіи. Перемѣны національнаго духа, переселеннаго на новую почву, его болѣе быстрыя движенія сравнительно съ развитіемъ на родинѣ, различіе образованія новыхъ идей, которыя при извѣстныхъ условіяхъ слѣдуютъ другимъ законамъ, все это основныя условія необходимости постояннаго измѣненія законовъ, касающихся отношенія переселенцевъ къ обществу, положившему основаніе ихъ поселеніямъ.

Истина этихъ воззрѣній подтверждается исторіею англійскихъ колоній и въ-особенности двумя явленіями, изъ которыхъ одно имѣетъ характеръ историческій, а другое соціальный.

Америка и Австралія служатъ поприщами, на которыхъ англійскій духъ колонизацій дѣйствуетъ въ продолженіе двухъ вѣковъ. Въ прежнихъ американскихъ колоніяхъ, находящихся въ умѣренныхъ полосахъ сѣвернаго полушарія, онъ имѣлъ слѣдствіемъ эманципацію и политическую самостоятельность жителей и начинаетъ преобразовываться въ американизмъ, въ которомъ едва его можно узнать; между тѣмъ, какъ на южномъ полушаріи,

въ одной изъ отдаленнѣйшихъ земель, онъ, несмотря на многочисленныя перемѣны, на взаимную ненависть переселенцевъ и бывшихъ ихъ соотечественниковъ и на самыя рѣзкія противоположности между тѣми и другими, нетолько сохранилъ, но даже укрѣпилъ свои родственныя отношенія къ метрополіи.

Ни одна изъ прочихъ менѣе значительныхъ колоній Англіи не находится въ совершенно одинаковой зависимости отъ метрополіи. Самаго поверхностнаго сравненія ихъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ этой истинѣ. Нетолько торгово-политическія и экономическія отношенія, но и государственныя права колоній представляютъ различныя степени зависимости отъ метрополіи.

Мы не намѣрены описать здѣсь по порядку отдѣльныя колоніальныя учрежденія съ ихъ особенностями, недавно собранныя въ превосходномъ сочиненіи Милля, и представить такимъ образомъ доказательства богатства архитектуры въ зданіи англійскаго колоніальнаго права. Такое наружное сближеніе, при отсутствіи строгихъ историческихъ началъ, имѣло-бы видъ произвола, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, современное состояніе этихъ учрежденій есть слѣдствіе соціальной необходимости. Даже въ Англіи, до сихъ поръ избѣгали отыскивать общія основанія всѣхъ отношеній метрополіи къ различнымъ поселеніямъ; довольствовались тѣмъ, что каждую отдѣльную форму колоніальныхъ учрежденій признавали самостоятельною, и удаляли всякую мысль о существованіи государственно-юридическаго соотношенія между колоніями. За-то въ самыхъ колоніяхъ не рѣдко обнаруживалось стремленіе опредѣлить общую, для всѣхъ обязательную норму колоніальныхъ правъ, на сколько это можно сдѣлать на основаніи сходства мѣстныхъ условій. Мы еще недавно видѣли, какъ австралійскія колоніи упирались на дѣйствія капской, которая съ успѣхомъ воспротивилась приказанію англійскаго правительства, не допустивъ высадки транспорта преступниковъ, привезенныхъ съ Бермудскихъ острововъ. Также весьма охотно ссылаются на примѣръ сѣвероамериканскихъ колоній и на причины, которымъ онѣ обязаны своею независимостью.

Вѣрный политическій инстинктъ, очевидно, удерживалъ государственныхъ людей Англіи отыскивать общія начала колоніальнаго права, когда нужно было нарушить основное положеніе относительно зависимости какой нибудь отдѣльной колоніи. Нѣтъ ни одного значительнаго сочиненія по этому предмету, ни одного цѣльнаго законодательнаго акта. Существующая колоніальная литература занимается почти исключительно колоні-

ально-политическими и колоніально-историческими вопросами, какъ будто, само-собою разумѣется, что социальныя учрежденія, развившіяся въ метрополіи, въ теченіи вѣковъ, могутъ быть перенесены въ отдаленныя страны въ карманахъ переселенцевъ.

Нѣкоторые значительные люди даже до-того были проникнуты блескомъ историческихъ преданій, значеніемъ сословныхъ правъ древней Англіи и всеобщею необходимостью и примѣнимостью законовъ управленія, принятыхъ въ англійскихъ графствахъ, что считали возможнымъ переселеніе нетолько людей, но и государственно-юридическихъ учрежденій метрополіи и тщательно созидали системы *колонизаціи права.*

Всѣ попытки, планы, надежды и желанія, стремившіяся къ достиженію этой цѣли, нетолько не имѣли никакого успѣха, но даже, какъ будто нарочно, вслѣдствіе какой-то злой насмѣшки судьбы, достигали противоположныхъ результатовъ.

Въ хартіи, данной Яковомъ I обществу, устроившемуся для колонизаціи Виргиніи, каждому переселенцу вмѣнялось въ обязанность: «*содѣйствовать постройкѣ зданій для прославленія небеснаго величія Творца*». Это, другими словами, значило: «*учреждать доходныя мѣста и епископства въ пользу господствующей англиканской церкви.*» *) Еслибъ какимъ нибудь чудомъ Яковъ I могъ воскреснуть и очутиться въ Нью-йоркѣ, то онъ собственными глазами убѣдился-бы, въ какой степени осуществился его планъ: вмѣсто господства англиканской церкви, онъ увидѣлъ-бы всеобщее распространеніе духа диссентеріи, со всевозможными оттѣнками, начиная съ піэтистической и пуританской мечтательности квакеровъ и методистовъ до сумасбродства мормоновъ.

Но еще нелѣпѣе этого заблужденія Якова I и его друга *Бэкона*, раздѣлявшаго его мнѣніе, и еще непростительнѣе, послѣ двухсотлѣтняго опыта, представленнаго исторіею Америки, были понятія многочисленныхъ приверженцевъ вейкфильдской системы и мечтанія тѣхъ, которые считали возможною колонизацію *аристократическую.* Ихъ идеаломъ были огромныя помѣстья, окруженныя парками, отсутствіе непоэтическихъ фабричныхъ трубъ и существованіе сельскаго пролетаріата, лишеннаго всякой надежды достигнуть самостоятельнаго обладанія земельнымъ участ-

---

*) Подобная же цѣль высказалась недавно въ извиненіе англійскаго господства въ Индіи, когда обращеніе въ христіанство приняли за предлогъ для оправданія уничтоженія людей посредствомъ пушекъ. Уже Геренъ клеймилъ позоромъ подобный образъ мыслей.

комъ, но за-то воодушевленнаго любовью къ земледѣльческимъ работамъ въ пользу большихъ землевладѣльцевъ и за ничтожную плату, и проникнутаго наслѣдственнымъ благоговѣніемъ къ гербу, прибитому къ воротамъ замка, и глубокою благодарностью за дозволеніе участвовать въ качествѣ пажей на охотѣ своихъ господъ въ лѣсахъ Кенгуру. Поэтому, еще въ 1843 году Буллеръ и Гайндъ (Hind) предложили въ нижнемъ парламентѣ учредить колоніальную аристократію и побудить къ переселенію «джентльменовъ», посредствомъ обѣщанія бароніи въ Австраліи или Канадѣ. Въ то же время защитники вейкфильдской системы поддерживали теорію большаго поземельнаго налога и устраненія въ колоніяхъ образованія мелкихъ владѣній, — теорію, выразившуюся въ распоряженіяхъ министерства тори. Нѣсколькихъ лѣтъ было достаточно, чтобы яснымъ образомъ доказать нелѣпость и ошибочность подобныхъ мнѣній. Вмѣсто теоріи аристократическхъ переселеній, въ Австраліи, несмотря на многочисленныя препятствія, распространилось владѣніе мелкими участками, въ такой степени, что оно можетъ служить основаніемъ соціальной организаціи на будущее время. Даже верхній парламентъ, это импонирующее собраніе, состоящее изъ истинно-аристократическихъ началъ, и которому весьма неудачно старались подражать въ другихъ мѣстахъ, не могъ не признать дѣйствительности этого факта. Въ отчетѣ комитета за 1856 годъ, онъ, въ своей резолюціи, настоятельно требовалъ уничтоженія большихъ поземельныхъ налоговъ въ западной Австраліи, чтобы облегчить заселеніе этого края мелкими землевладѣльцами *).

Мы привели оба примѣра въ доказательство, что готовая система англійской организаціи не можетъ отвѣчать цѣли и назначенію колоній и что ни церковный, ни соціальный организмъ общества не можетъ быть *созданъ* по произволу человѣческому долженъ естественнымъ образомъ *развиваться* на основаніи мѣстныхъ общественныхъ условій.

Великій принципъ, высказанный Ѳукидидомъ въ отношеніи къ колоніямъ самаго свободнаго изъ государствъ древней Греціи, что поселенія должны быть основываемы съ цѣлью впослѣд-

---

*) Въ другомъ смыслѣ, Макъ-Куллохъ (Mc. Culloch) признаетъ колоніи полезными для аристократическихъ цѣлей метрополіи. Онъ хвалитъ колоніи за то, что онѣ доставляютъ англійскимъ авантюристамъ возможность въ скоромъ времени составить себѣ имущество и возвратиться на родину богачами. Подобный же взглядъ имѣли молодые венеціанскіе нобили, какъ это показалъ Сисмонди.

ствіи сдѣлаться независимыми, а не оставаться подчиненными метрополіи, кажется, все болѣе и болѣе проникаетъ въ умы англійскаго народа и его передовыхъ государственныхъ людей. Но отъ этой послѣдней историко-философской цѣли должно отличать существующую на дѣлѣ первоначальную зависимость каждаго вновь возникающаго поселенія отъ государства, положившаго его основаніе. Далеко-ли должна простираться эта естественная зависимость, въ какіе періоды созрѣваетъ колоніальный духъ, и по какимъ признакамъ можно узнать полную его зрѣлость, дающую право на совершенную самостоятельность, — все это вопросы, которыхъ рѣшеніе далеко не разъяснено наукой. Правда, были люди, которые ученіе о государственной измѣнѣ считали удобопримѣнимымъ для всѣхъ странъ земли и измѣряли притязанія колоній на самостоятельность тѣмъ-же масштабомъ, какъ и возмущеніе противъ жизни правителя. Были и такіе, которые принимали семейный бытъ и освобожденіе сына изъ-подъ власти родительской за образецъ для опредѣленія зависимости или независимости поселеній отъ метрополіи. Какъ молодой человѣкъ, достигшій полнаго нравственнаго развитія въ своей экономической дѣятельности не долженъ зависѣть отъ произвола родителя, такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, каждая колонія имѣетъ право требовать освобожденія отъ метрополіи, какъ скоро она достигла полной *соціальной самостоятельности* и можетъ существовать безъ матеріальной внѣшней поддержки.

Ни ограниченный эгоистическій взглядъ, желающій сохранить жизнь вновь возникшаго общества въ исторически укоренившихся формахъ метрополіи и насильственными мѣрами воспротивиться всякому проявленію въ немъ самостоятельности; ни сравненія, приведенныя выше, основанныя на гражданскомъ правѣ, большею частію составленномъ изъ произвольныхъ формулъ — не могутъ служить исходною точкой для опредѣленія зависимости колоній. Только то, по-видимому, не подлежитъ сомнѣнію, что эта зависимость, въ началѣ существованія поселеній, служитъ основаніемъ ихъ всеобщаго развитія, какъ скоро государство, которому они обязаны своимъ учрежденіемъ, овладѣло территоріей, гдѣ совершается отложеніе новыхъ соціальныхъ элементовъ, и что съ теченіемъ времени этотъ территоріальный взглядъ на колоніальное владѣніе очень часто уступаетъ мѣсто торгово-политическимъ интересамъ, всегда игравшимъ главную роль въ отношеніяхъ между метрополіей и колоніями.

Самымъ яснымъ доказательствомъ тому служитъ чрезвычайно быстрое развитіе австралійскихъ колоній. Едва прошло семьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ англійское правительство завладѣло новымъ южнымъ Валисомъ, и не болѣе какъ за двадцать пять лѣтъ право его на владѣніе этою страною признано всѣми судами, по случаю покупки *Батманомъ* земель близъ Порта Филиппа въ 1835 году *). Пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ частными людьми допускалось не иначе, какъ по передачѣ со стороны правительства. Покупка земель отъ туземныхъ дикихъ племенъ, которыя въ силу самаго акта завладѣнія уже лишились въ нѣкоторомъ родѣ права собственности, не одобрялась юрисконсультами, ни въ Англіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ. Американцы въ этомъ отношеніи почти никогда не колебались въ своемъ мнѣніи, какъ-то можно усмотрѣть изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ Ворчестеромъ изъ исторіи колонизаціи Георгіи. Несмотря на все это, въ столь короткое время и подъ вліяніемъ могучаго экономическаго движенія, всякое приказаніе правительства на владѣніе землею давно оставлено *фактически.* Съ 1840 года оно сильно оспаривалось колонистами, которые потребовали, чтобы суммы, вырученныя отъ продажи казенныхъ земель, употреблены были на покрытіе издержекъ по управленію колоній. Еще прежде правительство не смѣло пользоваться своимъ неоспоримымъ правомъ ссужать большія пространства земли, въ видѣ подарка. Раздача обширныхъ участковъ австралійскому обществу земледѣлія и обществу колонизаціи на Лебяжей рѣкѣ суть послѣдніе примѣры подобнаго рода распоряженій.

Принципъ непосредственнаго территоріальнаго владѣнія зем-

---

*) *Батманъ*, намѣревавшійся заселить портъ-филипскую область колонистами изъ Вань-Дименовой земли, пріобрѣлъ въ этой области *одинъ милліонъ моргеновъ* отъ начальниковъ туземныхъ неосѣдлыхъ дикихъ племенъ, въ силу заключеннаго съ ними письменнаго контракта, подъ которымъ они, весьма естественно, не подписали своихъ именъ, а только поставили значки. Условія мѣны или, какъ выражались въ Англіи, покупки состояли въ выдачѣ дикарямъ единовременно извѣстнаго количества колпаковъ, одѣялъ, ножницъ, зеркалъ и т. д., и въ обязательствѣ со стороны Батмана платить ежегодную дань подобными же предметами. Одинъ лондонскій юрисконсультъ высказалъ по этому поводу мнѣніе, что австралійскіе князья, безъ сомнѣнія, *люди весьма свѣдущіе* и что условія мѣны очень справедливы, но что подобнаго рода сдѣлки не могутъ быть допускаемы безъ согласія правительства, которому принадлежитъ предпочтительное право покупки земель (объ этомъ замѣчательномъ судебномъ дѣлѣ разсказываетъ подробно *Вестгартъ* (Westgarth) въ сочиненіи своемъ Australia Felix. Эдинбургъ 1848 г.).

лею дикою, необработанною, населенною только кочующими племенами, не имѣетъ никакого прочнаго основанія и при успѣхѣ колонизаціи превращается въ чистую фикцію. При своемъ дальнѣйшемъ развитіи, онъ представляетъ рядъ экономическихъ и юридическихъ явленій, весьма разнообразныхъ, смотря по тому, вносится ли чужой элементъ въ первоначальныя, простыя отношенія между метрополіей и колонистами, и способны ли туземцы, подобно жителямъ нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, къ занятію земледѣліемъ и къ участію во владѣніи землею, или они, по самой своей организаціи, осуждены погибнуть отъ прикосновенія съ цивилизованнымъ племенемъ.

Наконецъ, право правительства на посредственное владѣніе колоніальною землею не можетъ быть допускаемо въ тѣхъ случаяхъ, когда эта земля поступаетъ въ собственность колонистовъ, путемъ, принятымъ за нормальную форму у всѣхъ развитыхъ народовъ.

Ясно, что въ этомъ случаѣ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, не можетъ быть и рѣчи о колонизаціи въ собственномъ смыслѣ этого слова и что названіе *колонія* здѣсь даже относительно невѣрно.

Поэтому Англичане употребляютъ для обозначенія подобнаго рода пріобрѣтеній особое выраженіе, опредѣляющее преимущественно юридическое отношеніе Англіи къ завоеваннымъ странамъ.

Выраженіе это болѣе опредѣлительно, чѣмъ названіе *колонія*, съ которымъ всегда болѣе или менѣе соединяется понятіе объ историческомъ происхожденіи страны. Всѣ вообще англійскія владѣнія, за исключеніемъ территоріи соединеннаго королевства, и тѣхъ земель, которыя своимъ заселеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ не обязаны непосредственному вліянію англійскихъ подданныхъ, обозначаются словомъ *dependencies*, то есть владѣнія, находящіяся въ зависимости отъ государства, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Нетолько Остиндія или пустынныя земли гудзонбейской компаніи, но также острова Британскаго канала и островъ *Менъ* принадлежатъ къ числу англійскихъ dependencies.

Ясно, что такое различіе въ способѣ пріобрѣтенія колоній обусловливаетъ и различныя степени зависимости ихъ отъ метрополіи.

До-сихъ-поръ, мы имѣли только въ виду, что зависимость переселенцевъ, требуемая со стороны метрополіи, можетъ-быть представлена какъ слѣдствіе государственно-юридическаго прин-

ципа и поддерживаема какъ право при столкновеніи съ колоніями. Но можно спросить, имѣютъ ли колоніи, съ своей стороны, въ государственно-юридическомъ смыслѣ, право требовать защиты, соотвѣтствующей ихъ зависимости, и неодинаково ли обязательны отношенія между метрополіей и переселенцами для той и другой стороны? Могутъ ли колоніи требовать отъ метрополіи взаимныхъ услугъ?

Послѣдній вопросъ, хотя и менѣе важенъ чѣмъ вопросъ о правахъ метрополіи, можетъ, однако, при измѣненіи англійскихъ морскихъ и при появленіи совмѣстничества со стороны другихъ морскихъ силъ державъ, пріобрѣсти огромное значеніе, въ особенности потому, что въ англійскихъ колоніяхъ, вслѣдствіе твердой увѣренности въ несокрушимость господства Англіи на моряхъ, мало принято мѣръ къ развитію оборонительныхъ средствъ и къ образованію особеннаго колоніальнаго войска съ отдѣльною военною организаціею. Австралійскіе колонисты часто недовѣрчиво смотрѣли на малочисленные гарнизоны, находящіеся въ незначительныхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ. Англичанинъ, въ настоящее время, вспоминая объ Абукирѣ и Трафальгарѣ, считаетъ свои колоніи совершенно безопасными относительно притязаній какой-нибудь посторонней морской державы. Но при отсутствіи военной самостоятельности въ большихъ австралійскихъ колоніяхъ, судьба ихъ тѣсно связана съ могуществомъ англійскаго флага. Поэтому можно полагать, что когда измѣнятся отношенія, существующія между морскими силами европейскихъ державъ, то колоніи перестанутъ смотрѣть на Англію какъ на непріятельницу, постоянно угрожающую ихъ политической свободѣ; напротивъ, онѣ будутъ ожидать отъ своей метрополіи помощи въ случаѣ нападенія внѣшнихъ враговъ.

Умалчиваемъ о международныхъ комбинаціяхъ, на которыя указываетъ настоящее положеніе дѣлъ и которыя могутъ имѣть чрезвычайно важное вліяніе на дальнѣйшую судьбу англійскихъ колоній. То, однакожъ, не подлежитъ сомнѣнію, что опредѣленіе колоніальныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія, именно, въ настоящее время, имѣетъ для колоній весьма важное значеніе. Всѣ писатели о колоніальномъ правѣ Англіи или вовсе оставили безъ вниманія этотъ важный предметъ, или упоминали о немъ очень неясно и поверхностно.

Большинство политиковъ признаетъ даже, что колоніальное владычество Англіи, разбросанное по всѣмъ частямъ свѣта и обезпечиваемое нестолько ея положительнымъ могуществомъ,

сколько отрицательною слабостью прочихъ морскихъ державъ, стѣсняетъ развитіе внутренней политической силы этой страны и что оно нетолько не содѣйствуетъ увеличенію ея финансовыхъ и военныхъ средствъ, но можетъ даже, въ случаѣ войны, повлечь за собою раздробленіе военныхъ силъ, съ цѣлью защиты отдѣльныхъ колоній.

Вопросъ о томъ, не будетъ ли для Англіи выгодно, изъ *политическихъ видовъ*, предоставить полную независимость своимъ заморскимъ колоніямъ, для устраненія обязанности защищать ихъ въ случаѣ войны, обратилъ на себя въ новѣйшее время серьезное вниманіе именно тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на этотъ предметъ исключительно съ финансовой точки зрѣнія *).

По мѣрѣ того, какъ увеличивалась потребность въ защитѣ колоній, въ самой Англіи уменьшалось стремленіе къ расширенію колоніальныхъ владѣній. Мнѣніе, что господство надъ обширными заморскими странами есть наилучшій признакъ могущества государства и что съ этою цѣлію должно стремиться къ распространенію протектората, надъ полудикими племенами, и къ завоеванію и присоединенію новыхъ земель, признано было ложнымъ, даже прежде горькихъ опытовъ, испытанныхъ Англіею въ Удѣ, и прежде чѣмъ она запуталась въ сложные политическіе вопросы, по поводу государствъ центральной Америки. Ошибки прошедшаго не могли ускользнуть отъ вниманія людей дальновидныхъ.

Прошедшій періодъ англійской колоніальной исторіи характеризовался притязаніями метрополіи; будущій, безъ сомнѣнія, охарактеризуется требованіями со стороны колоній.

Но соціальныя основанія этихъ требованій должны по необходимости измѣниться. Нетолько мѣра зависимости, но и притязанія переселенцевъ на помощь, со стороны метрополіи, опредѣляются способомъ пріобрѣтенія колоній и степенью ихъ просвѣщенія и внутренняго развитія.

Для рѣшенія вопроса, касательно этихъ требованій и притязаній — слѣдуетъ обратить вниманіе на то, можно ли изъ принятой классификаціи англійскихъ колоній вывести прочное начало, для опредѣленія *взаимной зависимости*, между метрополіею и колоніями.

---

*) Сумма, которую Англія ежегодно изъ собственныхъ средствъ издерживала на управленіе колоній, составляла три милліона фунтовъ стерлинговъ.

Дѣленіе колоній, основанное на существующей въ нихъ формѣ правленія, опредѣляется такъ:

1) Владѣнія, получившія представительныя учрежденія, чрезъ дарованіе отъ правительства (by commission, by order in council, by charter). Къ этой категоріи принадлежатъ: *Ямайка*, *старинныя вестиндскія колоніи*, всѣ вообще *сѣвероамериканскія владѣнія* (за исключеніемъ Канады и Ньюфаундленда), *Мысъ Доброй Надежды* и *Мальта*.

2) Владѣнія, которыхъ форма правленія опредѣлена парламентскими актами. Мѣра свободы въ этихъ владѣніяхъ различна, смотря по причинѣ и времени ея происхожденія, а потому и вліяніе жителей на законодательство не одинаково. Къ этой категоріи принадлежатъ: *Канада*, *Ньюфаундлендъ*, *Австралійскія колоніи*, *Новая Зеландія*, *владѣнія на западномъ берегу Африки*, *островъ св. Елены*, *Гонгъ-Конгъ*, *Фалклендскіе острова*, *Остиндія и британская Колумбія*.

3) Владѣнія, относительно которыхъ законодательная власть находится въ рукахъ англійскаго правительства и которыя, по этой причинѣ, называются обыкновенно казенными колоніями. Сюда относятся: *Гибралтаръ*, *Гельголандъ*, *Лабуанъ*, *Цейлонъ*, *островъ Маврикія*, *Наталъ*, *земля Каффровъ*, *Тринидадъ*, *Сентъ-Люція* и *британская Гвіяна*.

Изъ этой классификаціи видно, что болѣе или менѣе значительное территоріальное протяженіе или болѣе или менѣе значительная степень развитія колоній, хотя большею частію, но не всегда служатъ необходимымъ условіемъ существованія въ нихъ свободнаго представительнаго правленія. Нѣкоторыя владѣнія въ настоящее время закрыты для англійской колонизаціи, гдѣ поэтому англійскія учрежденія лишены постояннаго посредничества, со стороны демократическаго элемента переселенцевъ, и гдѣ военно-политическое воззрѣніе рѣшительно преобладаетъ надъ воззрѣніемъ коммерческимъ и соціальнымъ, какъ напримѣръ Бермудскіе острова, колонія по западному берегу Африки, Фалклендскіе острова и Гонгъ-Конгъ, имѣютъ представительныя учрежденія, между тѣмъ какъ другія, гораздо болѣе важныя, и болѣе развитыя колоніи, какъ напримѣръ Цейлонъ и островъ Маврикія, находятся подъ непосредственною и неограниченною властью англійскаго правительства.

Причина такого неравенства заключается въ чисто случайныхъ явленіяхъ англійской колоніальной политики, которая иногда руководствовалась болѣе либеральными, а иногда болѣе эгои-

стическими взглядами. Сначала английское правительство имѣло въ виду, предоставить колоніямъ значительную независимость, какъ это особенно видно изъ одного патента, выданнаго королевою Елизаветою, и изъ формы правленія на Бермудскихъ островахъ. Этимъ патентомъ, даннымъ отъ 11-го іюня 1578 года, сэръ Гомфри Джильбертъ (Humphrey Gilbert) уполномочивался открывать всякія отдаленныя и дикія земли, не занятыя еще христіанскими народами или князьями; владѣть этими землями, какъ полною собственностью, съ правомъ передачи ихъ, на тѣхъ же основаніяхъ, наслѣдникамъ или другимъ лицамъ и съ обязательствомъ отдавать англійскому правительству пятую часть находимаго тамъ золота или серебра; пользоваться полною судебною властью во всѣхъ пограничныхъ приморскихъ областяхъ; наказывать и миловать преступниковъ; производить по своему усмотрѣнію и разуму судъ и расправу какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя поселятся въ означенныхъ странахъ, и при этомъ руководствоваться законами, статутами и указами, издаваемыми имъ самимъ или его наслѣдниками, для усовершенствованія правленія, но *съ соблюденіемъ того условія, чтобы всѣ поселенцы пользовались преимуществами свободныхъ англійскихъ подданныхъ, и чтобы противурѣчащіе тому законы или обычаи считались неимѣющими силы.* На Бермудскихъ островахъ, одномъ изъ важнѣйшихъ военныхъ постовъ, съ незначительнымъ населеніемъ, какихъ-нибудь 12,000 душъ, введено еще въ 1619 году представительное правленіе, которое существуетъ и до настоящаго времени. По выраженію одного англійскаго офицера, правительство на этихъ островахъ, за недостаткомъ болѣе важныхъ законодательныхъ вопросовъ, ежегодно занимается составленіемъ актовъ, подтверждающихъ законную силу другихъ актовъ, изданныхъ съ цѣлью отысканія удобнѣйшаго способа *убивать время.*

Мы не будемъ говорить о каждой отдѣльной формѣ колоніальнаго правленія, а также о вліяніи англійскаго правительства на изданіе законодательныхъ актовъ въ колоніяхъ. Замѣтимъ только, что два великія, неизмѣнныя начала, сохранившіяся при всѣхъ другихъ перемѣнахъ и которыми англійская колоніальная политика рѣзко отличается отъ колоніальной политики Франціи, Испаніи и Португаліи, состоитъ въ представительныхъ учрежденіяхъ, существующихъ въ главныхъ колоніяхъ, и въ возможно большей экцентрализаціи правленія, происходящей отъ представительства власти въ отдаленныхъ владѣніяхъ чрезъ чиновни-

ковъ (губернаторовъ), посылаемыхъ туда съ обширнымъ полномочіемъ; между тѣмъ какъ романскія государства, согласно съ своей внутренней политикой, управляютъ колоніями чрезъ посредство центральныхъ присутственныхъ мѣстъ, находящихся въ самой метрополіи. На сторону какого принципа перевѣшиваютъ существенныя выгоды управленія — въ этомъ можно убѣдиться изъ сравнительной таблицы колоній французскихъ съ англійскими. Въ первыхъ преобладаетъ рѣшительное насиліе и нищета, заявляемыя постоянными протестами угнетенныхъ туземцевъ; во вторыхъ быстро развивается матеріальное богатство и стремленіе къ независимому существованію.

Старинные англійскіе писатели о колоніальныхъ правахъ указывали иногда какъ на явленіе несправедливое, что правительство метрополіи въ лицѣ своихъ чиновниковъ имѣетъ непосредственныхъ представителей въ колоніяхъ, между тѣмъ какъ колонисту воспрещается непосредственное представительство въ англійскомъ парламентѣ *). Несообразность и опасность учрежденій, вручающихъ англійскому парламенту законодательную и административную власть надъ отдаленными странами, усмотрѣны были всѣми друзьями колоніальнаго самоуправленія, и ревностный защитникъ колоній, великій Франклинъ, протестовалъ рѣшительно противъ такихъ притязаній метрополіи.

Представительство Англіи въ колоніяхъ, хотя въ своемъ основаніи никогда не прекращалось, принимало однако въ различныя времена различный видъ, смотря по тому, болѣе или менѣе правительство обнаруживало притязанія на вмѣшательство въ колоніальное правленіе. Первый губернаторъ Новаго-Южнаго-Валиса, капитанъ Филиппъ, получилъ почти такое-же полномочіе, какое дано было Елизаветой сэру Гомфри Джильберту. Хотя онъ не владѣлъ колоніальной землей, какъ собственностью, но могъ произвольно раздавать земельные участки, въ видѣ подарковъ, наряжать судъ и расправу въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, и даже миловать преступниковъ, по собственному усмотрѣнію. Въ другое время, напротивъ, правительство Англіи увлекалось желаніемъ вмѣшиваться въ администрацію колоній и да-

*) При семъ они ссылаются, какъ на авторитетъ, преимущественно на Адама Смита. См. Wealth of nations. IV. 7.

вать своимъ мѣстнымъ представителямъ, кромѣ номинальныхъ полномочій, разные рескрипты, — явленіе, котораго опасность нерѣдко выставлялась на видъ англійскими государственными людьми. Со свойственнымъ ему могучимъ краснорѣчіемъ Эдмондъ Бьюрке, во время спора съ сѣверо-американскими колоніями, говорилъ парламенту: «Обширный океанъ отдѣляетъ васъ на три тысячи миль отъ переселенцевъ. Никакими усиліями вы не устраните того ослабленія въ дѣйствіи вашихъ административныхъ мѣръ, которое есть слѣдствіе такого значительнаго разстоянія. Волны текутъ и мѣсяцы проходятъ между изданіемъ приказа и его исполненіемъ; невозможность скораго разъясненія одного какого нибудь недоразумѣнія уже достаточна для приведенія въ упадокъ цѣлой системы. Вы испытываете такую же непріятность, какой при всякомъ правленіи неизбѣжно подвергается всякая нація, занимающая огромное пространство. Въ обширныхъ государствахъ отдаленныя части находятся въ меньшей зависимости отъ верховной власти, чѣмъ близкія. Этого требуетъ сама природа. Турки не могутъ управлять Египтомъ, Аравіей и Курдистаномъ такимъ же образомъ, какъ Ѳракіей. Они не имѣютъ въ Крыму или въ Алжирѣ такой-же власти, какъ въ Бруссѣ или въ Смирнѣ. Таково неизбѣжное положеніе, и таковъ вѣчный законъ отдаленныхъ и уединенныхъ частей государства».

Поэтому *самоуправленіе* составляетъ естественный государственно-юридическій принципъ колоній и гораздо болѣе необходимъ для нихъ, чѣмъ для самой метрополіи. Въ одной депешѣ прежняго статсъ-секретаря, лорда Гленельгъ (Glenelg), этотъ принципъ высказался даже такъ рѣзко, что одинъ законодательный актъ парламента, относительно внутренняго управленія британскими колоніями, признанъ былъ всѣми *незаконнымъ* или противнымъ началамъ англійской конституціи (unconstitutional) *). Въ частности возникали споры о формахъ самоуправленія и фор-

*) Mills, въ своемъ сочиненіи Colonial constitutions, London 1756, говоритъ по этому поводу: «Упрочить господство надъ колоніями на возможно болѣе продолжительное время, съ возможно меньшими расходами и съ возможно большими выгодами для насъ самихъ: такова задача, занимавшая прежде умы британскихъ государственныхъ людей. Содѣйствовать къ возможно скорому развитію этихъ обществъ въ соціальномъ, политическомъ и торговомъ отношеніи и сдѣлать ихъ способными къ самоуправленію, не желая никакихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи метрополіи: такова въ настоящее время всѣми признанная задача нашей колоніальной политики.»

махъ представительства въ колоніальныхъ собраніяхъ, въ особенности же о выгодахъ и невыгодахъ двухъ камеръ въ колоніяхъ; но уже то великій шагъ впередъ, что сама Англія убѣдилась въ той цѣли, къ которой должно быть направлено внутреннее колоніальное развитіе. Рядъ практическихъ уступокъ былъ слѣдствіемъ этого убѣжденія. Признавъ внутреннюю колоніальную независимость Австраліи, Англія отказалась отъ своего права, насильственнымъ образомъ принуждать колонистовъ къ пріему преступниковъ; она прекратила свои транспортаціи ссыльныхъ, *хотя эти колоніи за нѣсколько десятковъ лѣтъ основаны были исключительно англійскими преступниками и исключительно съ цѣлью удаленія ихъ изъ отечества.* Въ то самое время, когда верхній парламентъ признавалъ выгоды ссылки, для исправительныхъ цѣлей, онъ великодушно отказывался отъ этого преимущества, которое могъ бы сохранить, несмотря на сопротивленіе колонистовъ, и которое до той поры несомнѣнно основывалось на положительномъ государственномъ правѣ Англіи. Какъ различенъ такой благородный, возвышенный взглядъ отъ жалкихъ воззрѣній нѣкоторыхъ сословныхъ корпорацій, незнающихъ болѣе важной государственной задачи, кромѣ ропота негодованія за лишеніе какого-нибудь положительнаго формальнаго права, пагубнаго для большинства населенія, и о отъ котораго слѣдовало-бы отказаться добровольно для уничтоженія вопіющей несправедливости.

Возвращаясь къ раздѣленію англійскихъ колоній на три категоріи, мы увидимъ, что такая классификація не имѣетъ никакого соціальнаго основанія. Она зависѣла или отъ королевскихъ статутовъ, или отъ распоряженій парламента и даже частныхъ компаній, получавшихъ право на владѣніе большими поземельными участками. Но нельзя не признать рѣзкой фактической противоположности между *колоніями, управляемыми чиновниками,* и *тѣми, которыя имѣютъ представительное правленіе.*

Въ отношеніи къ этой противоположности, способъ пріобрѣтенія колоній, съ точки зрѣнія народнаго права, имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ съ самыхъ древнихъ временъ съ каждымъ изъ двухъ способовъ, посредствомъ занятія и посредствомъ завоеванія, соединяются различные соціальные выводы. Въ отношеніи къ первому способу пріобрѣтенія, посредствомъ занятія ненаселенныхъ или дикихъ земель, надо замѣтить:

Что общественное право Англіи въ этихъ земляхъ не имѣетъ ровно никакого значенія, а право статутовъ — настолько, насколько оно повидимому примѣнимо къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и что каждый британскій подданный въ такихъ колоніяхъ въ самомъ себѣ носитъ *врожденныя ему политическія права.*

Изъ чего для позднѣйшаго развитія подобныхъ поселеній само-собою, въ видѣ необходимаго слѣдствія, является притязаніе англійскихъ колонистовъ на колоніальное представительство: выводъ, признанный справедливымъ въ объясненіи тайнаго совѣта правительства, въ 1772 году.

Въ томъ же самомъ объясненіи, въ отношеніи другаго способа пріобрѣтенія колоній посредствомъ завоеванія, замѣчено, въ видѣ государственно-юридическаго вывода, согласнаго съ мнѣніемъ сэра Эдуарда Локе:

Что правительство Англіи, щадя жизнь покоренныхъ народовъ, пріобрѣтаетъ въ отношеніи къ нимъ право собственности (!), вслѣдствіе чего оно можетъ назначать для нихъ законы по собственному усмотрѣнію.

Къ счастію, такое юридическое воззрѣніе, напоминающее своею рѣзкостью деспотизмъ древняго міра, совершенно противное началамъ новаго народнаго права, и на основаніи котораго можно оправдать даже самое рабство, никогда не находило примѣненія. Напротивъ, мы видимъ, что во всѣхъ этихъ завоеванныхъ колоніяхъ, англійскимъ правительствомъ долгое время допускались даже самыя рѣшительныя злоупотребленія въ дѣлахъ, касающихся частнаго права и по тяжебнымъ искамъ. Сожигательство женщинъ въ Индіи считалось согласнымъ съ началами семейнаго права, и при одномъ знаменитомъ слѣдствіи на островѣ Тринидадѣ разсматривался даже вопросъ, должно, или нѣтъ, признать справедливымъ способъ, заимствованный изъ древняго испанскаго права, и на основаніи котораго признаніе, сказанное подъ пыткой, служило достаточнымъ доказательствомъ для обвиненія подсудимаго.

Изъ рѣзкаго юридическаго воззрѣнія на абсолютную зависимость казенныхъ колоній, необходимо вытекаетъ слѣдствіе, что

англійское правительство во всякое время можетъ отказаться отъ своихъ *совершенно одностороннихъ* правъ, въ отношеніи къ этимъ владѣніямъ, и мы приходимъ къ заключенію, признанному всѣми, и которое въ частностяхъ, конечно, подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, отъ дарованія переселенцамъ разныхъ правительственныхъ льготъ:

Что совершенной государственно-юридической зависимости колоній соотвѣтствуетъ независимость метрополіи, т. е. такая зависимость можетъ быть признана, какъ фактъ, какъ сила завоеванія, но никогда какъ правильное соціальное отношеніе.

Въ колоніяхъ, имѣющихъ представительное правленіе, зависимость отъ метрополіи выражается двоякимъ образомъ:

1) въ прямомъ представительствѣ англійскаго правительства въ лицѣ губернатора и въ полномочіяхъ, данныхъ ему въ руководство для колоніальнаго правленія;

2) въ преимуществѣ, какимъ пользуется правительство метрополіи, подъ руководствомъ отвѣтственныхъ министровъ, въ отношеніи колоніальнаго законодательства.

Отношеніе этихъ двухъ началъ колоніальной зависимости таково, что въ важныхъ случаяхъ одно можетъ содѣйствовать другому, что нѣкоторое соглашеніе съ требованіями колоній со стороны губернаторовъ не можетъ повредить видамъ короны, и что рѣшенію представительныхъ собраній можетъ быть противопоставлено двоякое veto. Какое употребленіе, впрочемъ, сдѣлало изъ этого права англійское правительство, можно видѣть изъ засвидѣтельствованнаго Миллемъ факта, что съ 1823 по 1853 годъ изъ числа 8808 американскихъ колоніальныхъ статутовъ только 185 были отвергнуты метрополіею. Но и это малое число, при настоящей либеральной колоніальной политикѣ Англіи, казалось бы слишкомъ значительнымъ. Пока вообще будетъ существовать какая бы то ни было связь между этою страною и тѣми ея колоніями, которыя имѣютъ представительное правленіе, право короны подтверждать рѣшенія колоніальныхъ представительныхъ собраній останется неприкосновеннымъ и будетъ служить предѣломъ для колоніальной независимости. Но всѣ прочія статьи колоніальнаго государственнаго права подлежатъ развитію. Застоя

въ отношеніи къ нимъ даже нельзя себѣ представить; движеніе должно обнаруживаться или по направленію къ высшему колоніальному самоуправленію, какъ въ Канадѣ или Австраліи, или по направленію къ рѣшительному упадку колоній, какъ въ западной Индіи.

Почти во всѣхъ колоніальныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ по образцу метрополіи, представителями законодательной власти служатъ: *губернаторъ* (какъ непосредственный уполномоченный короны, которой онъ исключительно обязанъ давать отчетъ), *сословные законодательные совѣтники*, съ членами, частію опредѣляемыми, частію избираемыми на мѣсто (какъ въ верхнемъ парламентѣ Англіи), и *законодательныя избирательныя собранія* (соотвѣтствующія нижней палатѣ депутатовъ). Изъ этихъ трехъ законодательныхъ дѣятелей только избирательныя собранія составляютъ твердый оплотъ противъ неприкосновенныхъ правъ метрополіи. Положеніе законодательныхъ совѣтниковъ таково, что они должны обратиться или въ колоніальныхъ совѣтниковъ короны, или въ независимыя законодательныя корпораціи, на которыя англійское правительство мало можетъ имѣть вліянія.

Наконецъ, губернаторъ служитъ какъ-бы точкою равновѣсія въ дѣлѣ зависимости колоній отъ метрополіи. Чрезъ него эта зависимость превращается въ обоюдную. Въ его правительственныхъ актахъ заключается звено, соединяющее двѣ отдаленныя части обширнаго государства, которыхъ интересы, какъ то доказала исторія, чаще находятся во взаимномъ противорѣчіи, чѣмъ во взаимномъ согласіи. Губернаторъ есть посредникъ въ правительственныхъ отношеніяхъ между метрополіей и колоніей и обязанъ согласовать политическіе и соціальные интересы одной стороны съ потребностями другой. Для занятія такого поста, которому, по значительности, нѣтъ подобнаго въ остальномъ административномъ мірѣ ни на континентѣ, ни даже въ англійскомъ министерствѣ, и въ сравненіи съ которымъ даже неограниченность древнихъ персидскихъ сатраповъ представляется явленіемъ жалкимъ и ничтожнымъ, — безъ сомнѣнія, требуется величайшее государственное призваніе, соединеніе двухъ противоположныхъ способностей: съ одной стороны, съ хладнокровнымъ и расчетливымъ умомъ старца наблюдать за интересами почтенной метрополіи, а съ другой, съ юношескимъ воодушевле-

ніемъ принимать участіе въ стремленіи колоній къ развитію.

Изъ всего сказаннаго видно, что метрополія не можетъ быть независимою отъ колоній, имѣющихъ представительное правленіе; что она всегда будетъ обязана защищать тѣхъ самыхъ англійскихъ подданныхъ, живущихъ въ отдаленной полосѣ, *которые въ самихъ себѣ носятъ врожденныя имъ политическія права,* и что безъ желанія этихъ переселенцевъ никогда не можетъ быть расторгнута соціальная связь, существующая между ними и первобытной ихъ родиной. Мы даже приходимъ къ такому заключенію, котораго истина, по нашему мнѣнію, подтвердится современемъ:

Что чѣмъ болѣе развивается независимость колоній, основанныхъ на принципѣ самоуправленія, тѣмъ значительнѣе становится зависимость отъ нихъ метрополіи.

Чѣмъ богаче и разнообразнѣе организуется самоуправленіе колоній, чѣмъ значительнѣе является экономическое развитіе на ихъ дѣвственной почвѣ, ведущее жителей отъ благосостоянія къ богатству, и чѣмъ роскошнѣе накопляются сокровища ихъ цвѣтущей промышленной жизни, — тѣмъ болѣе возвышается цѣнность этихъ владѣній въ глазахъ постороннихъ завоевателей и алчныхъ деспотовъ, тѣмъ очевиднѣе становится внѣшняя опасность, угрожающая переселенцамъ, и тѣмъ настоятельнѣе дѣлается ихъ потребность въ защитѣ со стороны метрополіи, къ которой они современемъ должны будутъ прибѣгнуть, подобно тому, какъ дѣти Ніобы, угрожаемыя стрѣлами боговъ, прибѣгли къ лону своей матери. Мы надѣемся, что эта опасность еще далека; но она до-сихъ-поръ никогда не была принята въ соображеніе гордыми Англичанами, сознающими свое могущество. Какими средствами обороны обладаютъ эти драгоцѣнныя владѣнія англійскаго величія? — Ровно никакими; по-крайней-мѣрѣ нѣтъ у нихъ организованныхъ военныхъ силъ, которыя можно было бы противопоставить военнымъ силамъ большихъ европейскихъ государствъ. Великія властолюбивыя и хищныя морскія державы, которыя могутъ развиться современемъ, въ состояніи будутъ, подобно Норманнамъ среднихъ вѣковъ, высадиться у беззащитныхъ воротъ богатой промышленностью страны, если не съ цѣлью завоеванія земель, то съ цѣлью завладѣнія сокровищами

цѣлыхъ народовъ, и разгрома ихъ внутренней спокойной дѣятельности. Еще гораздо серьезнѣе опасность для Англіи со стороны самаго развитія колоній. Онѣ современемъ, рано или поздно, подобно Соединеннымъ Штатамъ Америки, возрастутъ до независимаго состоянія и тѣмъ же оружіемъ, которое имъ дала Англія, поразятъ ее же. Это общій законъ молодыхъ здоровыхъ обществъ, вытѣсняющихъ старыя на пути міроваго движенія человѣчества.

ГОЛЬЦЕНДОРФЪ.

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АВСТРІИ.

М. Г.

Исполняя обѣщаніе свое увѣдомлять васъ, насколько возможно коротко, о моемъ странствованіи между Славянами, я опять сажусь за письмо къ вамъ.

Едва ли когда нибудь въ остальной жизни моей придется, въ столь непродолжительный срокъ, такъ много увидѣть новаго, пріобрѣсти такое множество знакомыхъ, переѣхать такое громадное пространство и собрать ту массу свѣдѣній, отъ которыхъ до сей минуты не можетъ еще вполнѣ успокоиться голова моя. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ половиною, я проѣхалъ вдоль цѣлой Сербіи, захвативъ часть и юговосточной полосы княжества; пожилъ въ Сремѣ; коснулся Бачки и Баната; въ двухъ пунктахъ оставался дней по десяти въ Кроаціи; посидѣлъ нѣсколько въ каждомъ городѣ Далмаціи; изъ Каттаро пробрался, черезъ Нѣгоши, на Цетинь, отсюда, тѣмъ же путемъ, по Адріатическому морю, высадился на Арбу и потомъ, черезъ Тріестъ и Лайбахъ, очутился въ Вѣнѣ. Поправивъ здѣсь свое здоровье, къ 29-му октября я переѣхалъ въ Прагу, въ которой и остаюсь уже двѣ недѣли.

Къ-чему такая поспѣшность, перелетность съ одного мѣста на другое? Не лучше ли остаться подолѣе на одномъ мѣстѣ и сдѣлать что нибудь полезнаго на немъ, чѣмъ рыскать и схватывать лишь то, что можетъ попасться подъ руку на-бѣгу? Другой бы, конечно, такъ и поступилъ на моемъ мѣстѣ, избралъ бы одну страну, одинъ какой-либо народъ и сдѣлалъ бы, можетъ быть, болѣе, не растрачивая вниманія своего на множество наро-

довъ и земель, которые можно узнать лишь вскользь, при данномъ полугодовомъ срокѣ моего путешествія для всѣхъ Славянъ. Но мнѣ тяжело было сдавить свое желаніе—увидѣть своими глазами все то, о чемъ впервые услышалъ я отъ васъ и что потомъ дополнялъ собственнымъ чтеніемъ. Вы, вѣроятно, забыли первое объясненіе мое, послѣ одной изъ первыхъ вашихъ лекцій, когда я на пытливый вопросъ вашъ, «да вы развѣ хотите серьезно заняться этимъ предметомъ?» — отвѣчалъ, сколько помнится, слѣдующими словами: «да, я хотѣлъ-бы избрать славянскую филологію главнѣйшимъ предметомъ моихъ занятій, потому что вижу тутъ все свое родное.» Я, разумѣется, не предполагалъ тогда, какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ буду благодаренъ своему выбору. Теперь можно говорить объ этомъ уже положительно и сознательно: прочность личнаго убѣжденія въ хорошемъ выборѣ, при моихъ лѣтахъ, можетъ служить достаточнымъ залогомъ и прочности избраннаго направленія въ занятіяхъ. При такомъ настроеніи съ самыхъ первыхъ дней занятія славянствомъ, могъ ли я оставить хотя одинъ народъ славянскій невидѣннымъ лично, если только не представлялось препятствій къ этому мною непреодолимыхъ, какъ, напримѣръ, опасности въ земляхъ Славянъ турецкихъ? И, признаюсь откровенно, до сей минуты я не раскаяваюсь въ предпочтеніи быстраго, утомительнаго и для тѣла и для духа, переѣзда той тѣсно опредѣленной *локализаціи* путешествія, которая могла-бы повлечь за собою болѣе глубокую специальность въ изслѣдованіи одной мѣстности. И не потому только не раскаяваюсь, что при подобномъ предпочтеніи могъ я удовлетворить чувству любознательности, а и потому, что, быть можетъ, цѣнность на-скоро собранныхъ въ столь многихъ концахъ свѣдѣній немногимъ уступитъ, а легко можетъ случиться, что и вовсе не уступитъ цѣнности специализма.

Само-собою понятно, что при такомъ характерѣ путешествія, мнѣ рѣдко приходилось быть самостоятельнымъ дѣятелемъ: чаще всего я-только спрашивалъ у другихъ, и собиралъ то, что передавалось ими. Повѣрка могла быть всегда, потому что мнѣ посчастливилось всюду найдти искренній отголосокъ на мои запросы. Вы поймете, зная хорошо положеніе Славянъ за двадцать лѣтъ, неизмѣнившееся въ сущности и въ настоящее время, что какъ-бы ни были лингвистичны, историчны, археологичны или литературны вопросы, а въ свѣдѣніяхъ, добытыхъ изъ отвѣтовъ, непремѣнно найдется доля такого, что принадлежитъ къ *чему-то еще*, и это *что-то еще* передается

обыкновенно съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, до-того возбуждаетъ симпатію, что укладывается столь же прочно въ массу свѣдѣній и занимаетъ между ними мѣсто иногда виднѣе, чѣмъ данныя по лингвистикѣ, исторіи, археологіи или литературѣ. Конечно, такія неопредѣленныя свѣдѣнія пройдутъ въ моемъ письмѣ лишь мелькомъ, гдѣ трудно будетъ удержаться отъ нихъ; мелькомъ потому, что васъ все-таки, думаю, интересуетъ больше учено-литературное состояніе у Славянъ, съ движеніемъ у нихъ народности.

Начинаю съ Сербіи. Въ настоящее время здѣсь почти незамѣтны ни наука, ни литература. Первая сосредоточилась едва ли не главнѣйшимъ образомъ въ трехъ лицахъ: Караджичѣ, Янѣ Шафарикѣ и Даничичѣ; послѣдняя также не выходитъ изъ предѣловъ сербскихъ Новинъ и небольшихъ по объему, неотличающихся и особеннымъ достоинствомъ содержанія, изрѣдка являющихся на свѣтъ книжичекъ, подобныхъ «часамъ отдохновенія» Миличевича. Что же дѣлаютъ упомянутые представители науки въ княжествѣ сербскомъ? Караджичь, кажется, поусталъ, да и семейное горе, по случаю сначала опасной болѣзни, а потомъ и смерти его молодаго зятя, бывшаго профессора въ лицеѣ, Вукомановича, не могло не отвратить мыслей и заботъ въ другую сторону, и я не въ состояніи указать ни на что, что̀ бы готовилось скоро выдти изъ-подъ опытнаго и полезнаго пера его. Шафарикъ свѣжъ, дѣятеленъ, трудолюбивъ, разносторенне образованъ, довольно сдѣлалъ, дѣлаетъ и по сію пору, да, думается, не броситъ занятій и въ будущемъ. Вы, можетъ быть, уже получили изданные имъ памятники по исторіи сербской, извлеченные изъ архивовъ Венеціи, куда онъ былъ посланъ, съ ученою цѣлью, въ запрошломъ году. Книга вышла по отъѣздѣ моемъ, и я еще ожидаю ее, а потому и не могу сказать о ней что-либо опредѣленное. Шафарикъ собралъ довольно много археологическихъ матеріаловъ и для княжества Сербіи, во время неоднократныхъ своихъ путешествій и, вѣроятно, не замедлитъ обнародовать ихъ. Тутъ не мало встрѣтитъ наука достойнаго вниманія и по части древняго зодчества, и по части старинной исторіи. Я, съ своей стороны, позволю себѣ жалѣть только о томъ, что съ сентября мѣсяца, Шафарикъ съ каѳедры исторіи переведенъ на физику, по смерти бывшаго профессора Маринковича. Правда, Шафарикъ читалъ физику и прежде, до переѣзда послѣдняго въ Бѣлградъ; тѣмъ не менѣе, исторія съ нумизматикой нѣ-

сколько уже лѣтъ спеціально занимали Шафарика и лучше бы было не отвлекать его силъ и вниманія въ другую сторону. Впрочемъ, и то надобно сказать, въ Сербіи просвѣщеніе только начинается и нельзя не сообразоваться съ обстоятельствами: по исторіи оказывается легче пріискать достойнаго преподавателя, чѣмъ по физикѣ, и почему же не стѣснить немножко спеціализма, когда этимъ представляется возможность избѣжать пріема какого-нибудь иностранца. Преподаваніе исторіи въ лицеѣ возложено на только-что возвратившагося изъ Россіи кандидата кіевскаго университета, г. Сретковича, знакомаго читателямъ Русскаго Вѣстника по занимательному описанію горы Космая. Даничичъ, послѣ брилліантоваго трофея, полученнаго за «синтаксисъ сербскаго языка» отъ нашего Государя, приготовляетъ указатель собственныхъ именъ и замѣчательныхъ по древности выраженій къ monumento Serbico Миклошича. Трудно себѣ представить болѣе трудолюбиваго человѣка, какъ этотъ Даничичъ: онъ неутомимо работаетъ, какъ секретарь Общества Сербской Словесности, наполняя своими статьями и отрывочными замѣчаніями Гласникъ; неутомимо работаетъ и по собранію матеріаловъ для отдѣльныхъ своихъ статей и сочиненій, предметомъ которыхъ исключительно языкъ сербскій. Ни одного раза изъ частыхъ моихъ посѣщеній не заставалъ я его не за письменнымъ столомъ, безъ пера въ рукѣ и безъ книгъ, кругомъ него разложенныхъ. Знакомые съ его трудами печатными, вы, не отдавая даже строгаго отчета въ характерѣ этихъ трудовъ, разумѣется, спросите: почему же Даничичъ, неизмѣримо уже болѣе другихъ Сербовъ трудящійся по языку, не имѣетъ мѣста преподавателя въ гимназіи или въ лицеѣ, оставаясь такъ долго только секретаремъ Общества и библіотекаремъ въ обѣихъ библіотекахъ — Общества и Народнаго Просвѣщенія? Дѣйствительно, такой вопросъ не разъ задавалъ себѣ и я, не скрывая своего мнѣнія и отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, всмотрѣвшись ближе въ Даничича и въ направленіе его занятій, при всемъ душевномъ желаніи бо̀льшаго ему круга дѣятельности, остановился бы въ назначеніи его профессоромъ, если бы оно зависѣло отъ меня. Причина заключается не прямо въ Даничичѣ, а въ отношеніи его направленія къ состоянію той среды, въ которой бы пришлось дѣйствовать ему. Онъ спеціаленъ до крайности, фактиченъ и матеріаленъ, если можно такъ выразиться, до сухости, даже и для того, кто не прочь отъ выбора языка спеціальнымъ предметомъ своихъ занятій. Все это не мѣ-

шаетъ ему быть полезнымъ ученымъ, но для слушателей, учениковъ, польза весьма сомнительна; если же принять въ соображеніе слушателей сербскихъ, то едва ли ошибется наблюдатель, когда не признаетъ вовсе пользы, а, пожалуй, укажетъ еще и на вредъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, неприготовленность учениковъ въ Сербіи къ филологическимъ занятіямъ полная; любовь ихъ къ праздной болтовнѣ, къ легкости впечатлѣній воспитывается въ младенчествѣ, въ домѣ родителей, — и исключительная сухость пріемовъ, какою отличается г. Даничичъ, скорѣе, думается, убьетъ въ нихъ охоту къ занятію языкомъ. Въ Сербіи больше, чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо преподавателю имѣть ловкость и быстроту въ оборотахъ рѣчи, искусно, незамѣтно, безъ массы фактовъ, проводить свѣдѣнія, не ограничиваться исключительнымъ дѣйствіемъ на умъ, а имѣть въ виду и воображеніе, которому данъ столь большой просторъ у Сербовъ: ихъ надобно сначала заставить полюбить предметъ, приготовивъ къ занятію имъ; а я не совсѣмъ довѣряю, чтобы уважаемый мною Даничичъ владѣлъ необходимыми для этого условіями. Не знаю, кто занялъ мѣсто профессора сербскаго языка и словесности, по смерти Вукомановича; быть можетъ и Даничичъ. Желаю ему отъ души успѣха, хотя и не въ силахъ отогнать отъ себя сомнѣнія.

Но неужели на этомъ и останавливается представительство науки въ княжествѣ Сербскомъ? Почти такъ, если не упоминать о профессорской дѣятельности въ стѣнахъ лицея и гимназіи, гдѣ, конечно, не въ одномъ имени наука найдетъ достойнаго представителя по отношенію къ искусству и опытности передавать богатства ея молодому поколѣнію. Мало, скажете вы, и тѣмъ справедливѣе скажете, что нѣтъ надежды и въ будущемъ увеличить число ученыхъ дѣятелей. Быть можетъ, хотя отчасти, не ошибаюсь я и въ причинѣ такой холодности къ наукѣ.

Въ Бѣлградѣ все разумно-живущее, отъ мужчины до женщины, отъ большаго до малаго, предано политикѣ. Объ ней только говорятъ, объ ней пишутъ, объ ней читаютъ и въ частныхъ домахъ, и въ общественныхъ учрежденіяхъ, и на улицахъ и въ загородныхъ прогулкахъ: какъ-будто весь интересъ жизни у этихъ людей заключился въ одну самую мучительную жажду *знать* и *оцѣнивать* всѣ распоряженія правительства, а вслѣдъ за этимъ и неразлучно съ этимъ *знать* и *соображать* по летучимъ газетнымъ извѣстіямъ, всѣ колебанія въ европейской политикѣ вообще, иногда съ самыми преувеличенными и неожиданными вовсе выводами для дорогой своей Сербіи. Для

удовлетворенія этой жажды, Сербы не дорожатъ ни временемъ, ни спокойствіемъ. Односторонность въ направленіи ума поразительная. Можно бы ожидать при столь распространенной страсти къ политикѣ хотя литературы политической; но Сербъ (разумѣю здѣсь княжество и особенно Бѣлградъ) черезъ мѣру преданъ обыденнымъ событіямъ,—его останавливаетъ всякая газетная новость, не рѣдко нестоющая никакого вниманія, онъ слишкомъ воспріимчивъ, пламененъ, чтобы остановиться на чемъ-либо серьезно, вдуматься и привести въ стройную систему мысли свои, часто очень вѣрныя, мѣткія и не безполезныя. Сюда нельзя не присоединить и довольно широко распустившейся лѣности: да простятъ меня, любезные мои Сербы, за обнаруженіе недостатка, въ которомъ, убѣжденъ, они охотно сознаются сами. Вотъ гдѣ главная, думаю, причина ученаго застоя въ Сербіи и сосредоточенія почти всей литературы въ исчисленіи административныхъ политическихъ извѣстій въ Новинахъ.

Произнося это сужденіе, я, впрочемъ, весьма далекъ отъ того, чтобъ обвинять Сербовъ въ ихъ равнодушіи къ наукѣ и литературѣ. Стоитъ только вникнуть въ ихъ политическое положеніе, среди вмѣшательства въ дѣла шести консуловъ съ седьмымъ пашею, въ прежнее разстройство внутренняго управленія и принять во вниманіе пламенное желаніе молодыхъ и образованныхъ умовъ успокоить государство, и, насколько возможно, содѣйствовать благосостоянію народному, такъ сильно потрясенному, чтобы въ очень многомъ оправдать односторонность этого племени. Но я забрелъ-было и самъ въ политику; скорѣе дальше, во внутренность Сербіи, гдѣ нѣтъ ни пашей, ни консуловъ.

Пятнадцать дней ѣздилъ я по внутренней Сербіи. Слышалъ и видѣлъ народъ, узналъ частицу страны, не разъ полюбовался на славянское коло, на разныя, часто спартанскія игры дѣтей, не забылъ посидѣть и при пѣніи пѣсенъ подъ гусли, получилъ впервые ясное понятіе о гайдѣ, разсмотрѣлъ и костюмъ народный— простой и праздничный, мужской и женскій, — да и мало-ли еще чего не насмотрѣлся, не наслушался и не натерпѣлся, но останавливаться на всемъ этомъ теперь, въ краткомъ отчетѣ, значило бы вести его ad infinitum. Особенно много пришлось мнѣ увидѣть въ Крагуевцѣ, во время пріѣзда туда князя Милоша. Находясь внутри Сербіи, посѣтилъ я и три монастыря, важные по древности постройки, не менѣе замѣчательные и по жалкой судьбѣ, въ періодъ турецкаго господства. Это были очаровательные по мѣстоположенію Манассія и Раваница, и одинъ

изъ первыхъ возникшихъ среди Сербовъ монастырей, — Жича. О рукописяхъ, которыхъ искать и о которыхъ распрашивать не оставлялъ я, не могло быть, конечно, тутъ и рѣчи. Не болѣе 15 — 20 лѣтъ прошло съ той поры, какъ эти монастыри представляли груду развалинъ, отъ которыхъ не вполнѣ освободились и теперь. Внутренняя стѣнная живопись, изображавшая сцены изъ древней царской жизни, со всѣмъ разнообразіемъ костюмовъ, раскрываетъ во всей ясности современному наблюдателю тѣ неистовства, какія производились, еще на памяти старожиловъ сербскихъ, Турками. Здѣсь встрѣтите вы и царапанья ножами, и пробитыя ямки выстрѣлами ружейными и пистолетными, и неизгладившіеся еще слѣды другихъ варварскихъ дѣйствій. Въ такихъ мѣстахъ нечего искать старыхъ рукописей или остатковъ глубокой древности, разумѣется, кромѣ стѣнъ и характера постройки. Въ одной Раваницѣ нашелъ я у архимандрита книжку, имѣющую кое-какую претензію на рукопись: это служебникъ святымъ Лазарю и Ромилу, съ краткими ихъ жизнеописаніями. Писанъ въ XVIII-мъ столѣтіи. Понятно, что значенія особеннаго рукопись такая имѣть не можетъ послѣ того, какъ службы и житія давно уже могутъ читаться въ печати. Но я упоминаю объ этой книжкѣ потому, что въ самомъ ея концѣ, между бѣлыми листами бумаги, прочиталъ не замѣченную прежде приписку современнаго лица о судьбѣ монастыря Раваницы сербской и объ отношеніи ея къ Раваницѣ сремской. Сербы не могли не радоваться этому извѣстію, потому что подробности связи между обоими монастырями, равно и всѣ обстоятельства перенесенія мощей св. Лазаря въ Сремъ, давно уже вышли изъ памяти народной. Выписку изъ этой приписки сообщилъ я Обществу, и она будетъ напечатана въ слѣдующей, двѣнадцатой книжкѣ Гласника. Въ Жичѣ не могъ, естественно, не осмотрѣть и не списать для себя дарственной записи XII-го вѣка, начертанной подъ Кулой на стѣнахъ, которую вы могли прочитать въ началѣ Monumenta Serbica. Я не имѣю подъ рукою этого изданія, чтобы свѣрить съ своимъ снимкомъ; да время еще терпитъ.

По возвращеніи въ Бѣлградъ, я занялся пересмотромъ, чтеніемъ и извлеченіемъ изъ рукописей, собранныхъ въ двухъ мѣстахъ, въ библіотекахъ Попечительства Просвѣщенія и Общества Словесности. Не понимаю, чѣмъ оправдывается подобное раздробленіе хранилища рукописей въ одномъ небольшомъ городѣ и, притомъ, при ограниченномъ количествѣ рукописей: въ библіо-

текѣ Просвѣщенія ихъ тридцать, въ Обществѣ не многимъ больше. Изъ первой я нашелъ полезнымъ сдѣлать нѣкоторыя извлеченія по двумъ только рукописямъ, содержащимъ въ себѣ старинные лечебники, какъ по всему видно, переводные съ греческаго. Они казались для меня замѣчательными по славянскимъ названіямъ растеній и болѣзней, и по тѣмъ средствамъ, противъ послѣднихъ, которыя, надѣюсь, найдутъ значительное сходство съ лечебниками нашими. Тутъ говорится и о временахъ года и объ отношеніи ихъ къ здоровью человѣка, причемъ названіе *лѣта* постоянно замѣняется словомъ *жетва;* говорится и о гадательныхъ средствахъ — узнавать исходъ болѣзни — жизнь или смерть — по особому счисленію лунныхъ и солнечныхъ дней, съ примѣненіемъ къ особой табличкѣ, изображающей крестъ, обставленный вокругъ числами; есть здѣсь и непонятные заговоры, въ родѣ слѣдующаго: сарандара, сарандара, марандаря, марандарь, рохсетеузь, захаулти, сетирь ульти, и проч. и проч. Наконецъ, не забыты и діететическіе рецепты. Гораздо болѣе встрѣтилъ я замѣчательнаго, по-крайней-мѣрѣ, съ своей точки зрѣнія, между рукописями, хранящимися въ Обществѣ, наибольшую часть которыхъ я перечиталъ съ довольно подробными извлеченіями. Много нашелъ я достойнаго вниманія и по части языка, и по части народныхъ вѣрованій и обычаевъ; нашлась доля и извѣстій историческихъ. Здѣсь укажу вамъ на номоканоны, въ которыхъ упоминаются рѣдкіе термины для *языческихъ* грѣховъ; на житіе св. Лазаря, писанное почти народнымъ языкомъ, съ характеромъ и съ пріемами, живо напоминающими народныя русскія сказки; на переводъ одного поученія съ греческаго на болгарскій въ XVIII столѣтіи, замѣчательный по силѣ народнаго языка, несмотря на стараніе переводчика держаться господствующаго языка литературы его времени, церковнаго; укажу и на одинъ сборникъ, заключающій любопытныя повѣсти изъ царства животныхъ, съ нравоучительными примѣненіями къ человѣку. Редакція сборника чисто сербская.

Изъ Бѣлграда съѣздилъ я и въ Сремъ, побывъ въ Новомъ Садѣ и Панчовѣ; потомъ былъ въ Крушедолѣ, Реметѣ, Равалицѣ и Оповѣ, осматривалъ и находящіяся при нихъ библіотеки, хотя не нашелъ, на чемъ-бы особенно было полезно и важно остановиться. Тѣмъ не менѣе, не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ частой небрежности, съ какою содержатся книги въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, и изумительнаго невѣжества нѣкоторыхъ монаховъ, толкующихъ о постороннихъ дѣлахъ и вещахъ,

и держащихъ себя во внѣшнемъ отношеніи съ не совсѣмъ приличнымъ ихъ сану и костюму лоскомъ цивилизаціи гостинно-европейской. Бѣдность результатовъ съ этой стороны вознаградилась богатствомъ наблюденій въ другомъ отношеніи. Сремъ былъ для меня первою страною, въ которой сошелся я близко съ Славянами Австрійской имперіи. Я прочиталъ еще прежде громоносную статью Погодина въ четвертой книгѣ Русской Бесѣды, за 1859 годъ; впечатлѣніе на меня было самое тяжелое. Но что оно въ сравненіи съ тѣмъ, какое долженъ былъ я вынести изъ Срема, а потомъ Бачки и Баната? Сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ могли совершаться подобныя явленія и увѣренъ, что ближайшее потомство съ трудомъ будетъ вѣрить столь артистическимъ злоухищреніямъ, какія въ обычаѣ тамъ.

Передъ окончательнымъ отъѣздомъ изъ Бѣлграда я имѣлъ удовольствіе присутствовать въ засѣданіи общества сербской словесности. Къ сожалѣнію, оно было весьма малочисленное, по случаю неокончившихся еще вакацій и, вслѣдствіе того, невозвращенія многихъ изъ профессоровъ, членовъ общества. Подъ предсѣдательствомъ товарища попечителя финансовъ, г. Гавриловича, составившаго прекрасный рѣчникъ Сербіи, куда, въ алфавитномъ порядкѣ, вошли въ замѣчательной полнотѣ мѣстныя названія: областей, городовъ, селеній, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д., собралось четыре только члена. Засѣданіе ограничилось чтеніемъ прежняго протокола, увѣдомленіемъ о полученіи книгъ изъ Россіи и слушаніемъ выписокъ Даничича изъ старыхъ рукописей. Мнѣ-бы хотѣлось выслушать тутъ-же и какую-нибудь статью одного изъ членовъ; желаніе мое было тѣмъ, полагаю, основательнѣе, что засѣданіе бываетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Я поставилъ-бы даже въ непремѣнную обязанность каждаго засѣданія хотя одну статью, ученую или литературную. Подобное обязательство было-бы весьма полезно для Сербовъ и для ихъ письменности: мало ограничиваться печатаніемъ однихъ памятниковъ старины, еще менѣе недостаточно пробавляться чтеніемъ отмѣтокъ на древнихъ рукописяхъ, изъ которыхъ далеко не все имѣетъ какую-либо цѣнность. Во всякомъ случаѣ, мое замѣчаніе не должно унижать, сравнительно съ положеніемъ страны и народа, высокаго достоинства общества: оно и при настоящей организаціи служитъ прочнымъ залогомъ будущихъ успѣховъ въ наукѣ и литературѣ, и я навсегда сохраню память о томъ удовольствіи, съ какимъ просидѣлъ въ немъ часъ времени, меж-

ду учеными Сербами. Тутъ-же познакомился я и съ г. Верковичемъ, о которомъ вы уже знаете по свѣдѣніямъ отъ г. Гильфердинга. Не знаю, почему, но съ первыхъ словъ Верковичъ представился мнѣ тѣмъ строгимъ подвижникомъ, который однажды навсегда опредѣлилъ цѣль свою и идетъ къ ней, не взирая ни на трудности, ни на препятствія, ни на опасности со всѣхъ сторонъ. Знаніе его мѣстностей въ областяхъ турецкихъ Славянъ поразительное: видно, что онъ исходилъ все, гдѣ только чаялъ что-либо найдти. Отъ него услышалъ я и о приготовленномъ имъ богатомъ собраніи болгарскихъ пѣсенъ, которыя, вѣроятно, не минуютъ вашихъ рукъ и прежде печати. Верковичъ не зналъ объ изданіи болгарскихъ пѣсенъ Безсонова, и я самъ же вынулъ ему изъ библіотеки Общества тѣ два NN Временника, гдѣ были напечатаны онѣ Безсоновымъ; для соображеній онѣ необходимы и, безъ сомнѣнія, г. Верковичъ воспользуется ими также добросовѣстно, какъ добросовѣстно собиралъ и записывалъ онъ пѣсни для своего сборника. Но пора и проститься съ Бѣлградомъ и перебраться въ Загребъ, гдѣ съ удовольствіемъ прожилъ я почти двѣ недѣли, въ кругу истинныхъ Хорватовъ, заставившихъ меня позабыть навремя и Россію, насколько позволялъ это полицейскій коммисаръ, внимательно сопутствовавшій мнѣ повсюду.

Въ Загребѣ мнѣ пришлось близко сойдтись съ тѣми, которые живо еще помнятъ васъ, которыхъ, увѣренъ, не забыли и вы. Правда, втеченіе довольно долгаго промежутка между пребываніемъ вашимъ въ Загребѣ и пріѣздомъ моимъ туда, не могло не произойти значительной перемѣны. Въ ваше время люди эти были гораздо моложе, обстоятельства благопріятнѣе и, естественно, дѣятельность ихъ была живѣе, мысль текла свободнѣе, обращеніе непринужденнѣе: радость молодости, при первомъ свѣтломъ пробужденіи, надежда на прекрасное будущее, столь свойственная юному возрасту, должны были оказывать сильное дѣйствіе на ихъ подвижность. Теперь, хотя душа ихъ попрежнему полна любви къ родному, хотя, быть можетъ, еще напряженнѣе желаніе трудиться въ его пользу, но исходъ любви и желанія подавленъ, энергія подбита, и они привыкли къ тому положенію, при которомъ открывается сердце не вдругъ, первая встрѣча происходитъ, даже и съ близкимъ человѣкомъ, если не съ недовѣріемъ, то съ какою-то пытливою осторожностью. Если въ такомъ положеніи находятся люди, лишившіе себя *чести* принадлежать къ сословію чиновничества,

которые, благодаря находящимся въ рукахъ ихъ средствамъ, могутъ пропитываться независимо отъ *жалованья*, то что же сказать о тѣхъ, на кого судьба наложила обязанность искать поддержки существованія своего въ какой-нибудь канцеляріи? И внимательно надобно всматриваться, ближе слѣдуетъ сойтись, чтобы подъ апатичной внѣшностію открыть душевную силу, въ кабинетныхъ занятіяхъ подмѣтить неугасшій огонь, зажженный впервые незадолго до вашего пріѣзда, и успокоиться отъ перваго впечатлѣнія, обдающаго новоприбывшаго Славянина холодомъ и безнадежностью.

Здѣсь, въ Загребѣ, не познакомился я, кажется, только съ тѣми, съ кѣмъ не предстояло нужды знакомиться или не было возможности, по случаю отъѣзда нѣкоторыхъ изъ города на время вакацій. Кукулевичъ-Сакцинскій, давно уже извѣстный читателямъ академическихъ извѣстій, приготовляетъ къ изданію обширное и полное собраніе свѣдѣній о Кроаціи, на латинскомъ и италіянскомъ языкахъ. Начало свѣдѣній идетъ отъ 743 года. Все, что было собрано Кукулевичемъ на славянскомъ языкѣ, передано Миклошичу и вошло въ его Monumenta Serbica. Я не думаю, чтобы трудолюбивый ученый дѣятель хорватскій заставилъ долго ожидать изданія своего собранія, почти уже готоваго, какъ казалось мнѣ. По тщательности и добросовѣстности извлеченій, по полнотѣ матеріаловъ, конечно, сборникъ Кукулевича займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди подобныхъ изданій; принимая же въ соображеніе массу памятниковъ, открытыхъ самимъ Кукулевичемъ, во время его поѣздки въ Далмацію и Италію, нельзя сомнѣваться, что онъ прольетъ много яркаго свѣта на туманную старину Кроаціи и Хорватовъ. Я не безъ удивленія смотрѣлъ на богатую библіотеку Кукулевича, преимущественно по отношенію къ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ глагольскимъ. Какое собраніе у него и актовъ по исторіи хорватской, писанныхъ латиницей, изъ XVI, XVII и XVIII столѣтій! Молодость, соединенная съ безкорыстнымъ трудолюбіемъ, безъ сомнѣнія, не лишитъ возможности самого хозяина, уже доказавшаго свою опытность и ученость многими изслѣдованіями, обогатить науку новыми открытіями. Я бы только посовѣтывалъ почтенному Кукулевичу поменьше развлекать серьозное вниманіе свое бѣготней за поисками Хорватовъ тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ и усиливаться опровергать отчасти и преувеличенный отзывъ Караджича. Замѣчу мимоходомъ, что г. Кукулевичъ совѣтовалъ мнѣ не забывать, во время путешествія по Далмаціи,

спрашивать народъ: кто онъ?, увѣряя, что онъ чаще станетъ отвѣчать Хорватъ и не скажетъ Сербъ. Я исполнилъ въ точности порученіе, но въ результатѣ не оказалось ни Сербовъ, ни Хорватовъ, а лишь спеціальныя названія по мѣсту жительства или по религіи (православный ришчанинъ, католикъ-крштанинъ), со включеніемъ иногда болѣе общаго, но все-таки не общаго, Далматинецъ. А изъ такого результата трудно выводить хорватизмъ Далматинцевъ. Въ Дубровникѣ же и католики образованные позволили себѣ улыбнуться, когда я назвалъ ихъ Хорватами, а о православныхъ Которцахъ нечего уже и говорить: тѣ прямо считаютъ себя Сербами.

Успѣли-ли вы познакомиться съ этимологическою частью грамматики Антуна Мажуранича. Въ настоящее время онъ занимается второю частью, синтаксисомъ. Важнѣйшій отдѣлъ первой, безспорно, и по новости предмета и по отчетливости разработки, принадлежитъ статьѣ объ удареніяхъ и долготѣ. Необыкновенно удачно воспользовался Мажураничъ чанявскимъ поднарѣчіемъ, въ совершенствѣ ему знакомымъ, для вывода законовъ долготы и удареній. Статья эта имѣетъ значеніе для системы удареній и въ русскомъ языкѣ и для отношенія ихъ къ долготѣ, утраченной нами и сохраняемой съ полною силою Чанявцами. Меня поразило сходство удареній русскихъ съ чанявскими и легкость опредѣлять причину неустойчивости, переходности первыхъ, при вниманіи къ глубинѣ, растяженности, или остротѣ и долготѣ у Чанявцевъ. Мажураничъ былъ нагляднымъ доказательствомъ. Вамъ извѣстно очень хорошо, какъ Сербу и Хорвату трудно даются ударенія русскія, а между тѣмъ Мажураничи, обои братья, родомъ Чанявцы, не сдѣлали ни одной ошибки въ произношеніи множества русскихъ словъ, задаваемыхъ мною на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, при минутномъ соображеніи съ произношеніемъ ихъ Чанявцами. Тогда какъ безъ этого соображенія, при обыкновенномъ быстромъ чтеніи русской книги, они не отступаютъ въ ошибкахъ отъ остальныхъ Хорватовъ. Мнѣ очень жалко, что я не имѣю подъ рукой этой грамматики, оставленной вмѣстѣ съ другими книгами въ Загребѣ, еще не полученными мною въ Прагѣ. Не обратитъ ли вниманія на указанную мною статью г. Гротъ, такъ дѣятельно занимающійся русскими удареніями? О вновь изданной грамматикѣ г. Бабукича особеннаго сказать, кажется, нечего.

Въ числѣ ученыхъ, посвятившихъ себя занятіямъ близкимъ къ намъ, лично вамъ не знакомыхъ, должно назвать Тка-

лаца, завершившаго свое юридическое образованіе въ гейдельбергскомъ университетѣ, автора «державнаго права Сербіи», изданнаго въ 1858 году. Одаренный яркими умственными способностями, достаточно уже обогатившій себя начитанностію, отчетливо знакомый съ юридическою литературою запада, онъ, конечно, носитъ въ себѣ полную приготовленность быть однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей на полѣ учено-юридической литературы, вообще славянской и въ частности сербо-хорватской. Питая уваженіе къ учености и образованности Ткалаца, и надѣясь на блистательное окончаніе важнаго для насъ труда, я нахожу, однакоже, справедливымъ указать и на ту жалкую особенность молодаго хорватскаго юриста, которая особенно рѣзко выдается при личныхъ бесѣдахъ. Тамъ, гдѣ наука получила полный просторъ, гдѣ глазъ пріучился видѣть лишь достоинство труда исключительно по отношенію къ раскрываемой истинѣ, какъ, напримѣръ, въ Германіи и въ другихъ центрахъ западнаго образованія, гдѣ корень слишкомъ глубокъ, чтобы единичными личными свойствами вредить общему ходу, тамъ, можно, естественно, и не обращать вниманія на спеціальныя качества *человѣка*, которыя легко можно отнести только къ личнымъ странностямъ, но до которыхъ публика можетъ, безъ всякаго ущерба, и не касаться. Но едва-ли то же слѣдуетъ сказать о Загребѣ съ Хорватской страной. Здѣсь слишкомъ много и постороннихъ разъединяющихся элементовъ, и слишкомъ нова нива, слишкомъ мало дѣятелей, чтобы не подвергнуться справедливому нареканію тому, кто призванъ самымъ рожденіемъ на эту ниву и кто получилъ всѣ условія быть полезнымъ въ ея воздѣлываніи. Недовольство всѣмъ окружающимъ, порицаніе всего, что совершается ближайшими лицами на пользу слабой еще литературы народной, рѣзкое отчужденіе отъ всѣхъ дѣятелей есть только отрицательное и болѣе мертвящее начало, которое, если и не принесетъ положительнаго вреда въ силу сознательной, тѣсной, чисто братской связи малочисленныхъ учено-литературныхъ членовъ хорватскихъ, то, ни въ какомъ уже случаѣ, не будетъ полезно. Умъ не высказывается въ безусловной вѣрѣ къ себѣ, во взглядѣ на все остальное, какъ на неизмѣримо низшее и не стоящее вниманія; гораздо скорѣе заставитъ онъ уважать себя снисхожденіемъ, еслибы и была нужда въ снисхожденіи, но нѣкоторые изъ тѣхъ Хорватовъ, которые держатъ въ рукахъ своихъ едва возникшую литературу, извѣстны ученому міру ни какъ не менѣе, если не болѣе г. Ткалаца.

Людовигъ Вукатиновичъ продолжаетъ заниматься изслѣдованіями по естественной исторіи своего отечества; съ прежнею же точностію завѣдуетъ музеумомъ и удѣляетъ время для статей литературныхъ. Говорить о послѣднихъ я не имѣю пока возможности, потому-что не получилъ еще изъ Загреба книгъ. Въ непродолжительномъ времени, я постараюсь отправить вамъ разборъ всѣхъ новѣйшихъ сочиненій, вышедшихъ у Хорватовъ, само-собою разумѣется, только тѣхъ, которыя и писаны по-хорватски. Здѣсь замѣчу только о Лептирѣ, выходящемъ подъ главнымъ надзоромъ Вукатиновича. Съ первою книгою вы, вѣроятно, уже познакомились; вторая вышла въ свѣтъ уже послѣ меня, но я знакомъ нѣсколько съ ея составомъ, чтобы указать на одну изъ важныхъ сторонъ ея. Особенность во второй книжкѣ Лептира заключается въ томъ, что одна изъ статей напечатана въ немъ кирилловскими буквами, правильнѣе, русскимъ гражданскимъ письмомъ. Обстоятельство это не есть случайное, обязанное прихоти одного или немногихъ лицъ. Вопросъ о распространеніи между Славянами кириллицы сдѣлался въ настоящее время однимъ изъ жизненныхъ вопросовъ. Я съ восторгомъ, хотя и молчаливо, наблюдалъ за движеніемъ его у Хорватовъ; даже, признаюсь, не совсѣмъ какъ-то вѣрилъ дѣйствительности и прочной жизненности этого движенія; но теперь, когда я проѣхалъ Далмацію, когда столкнулся уже, хотя и бѣгло, съ Чехами, могу утверждать положительно о рѣшительномъ стремленіи упрочить нашу азбуку многихъ изъ тѣхъ, кто успѣлъ пріобрѣсти значеніе въ наукѣ и литературѣ, и кто заслугами своими получилъ вліяніе на окружающую среду. Между Хорватами, сколько могъ я убѣдиться, ничѣмъ не менѣе желаніе перемѣнить письмо, какъ и въ Прагѣ, и, быть можетъ, еще сильнѣе, по-крайней-мѣрѣ тѣснѣе соединяется съ нимъ и другой вопросъ, вопросъ о литературномъ языкѣ. Русскій человѣкъ можетъ съ восхищеніемъ радоваться вдвойнѣ совершающемуся перелому, въ результатѣ котораго не трудно подмѣтить впередъ спасеніе славянства отъ раздробленности, приносившей пользу однимъ его врагамъ. Какъ Славянинъ, онъ не въ состояніи смотрѣть холодно на готовую чрезъ то возникнуть литературную взаимность цѣлаго племени, въ которомъ такъ много силы, свѣжести и живости; какъ Русскій, — онъ не можетъ не чувствовать въ этомъ и удовлетворенія своему самолюбію, при видѣ, какъ соплеменники отдаютъ предпочтеніе могучему его языку, и избираютъ его органомъ для собственной литературной дѣятельности. При всѣхъ пре-

пятствіяхъ, представляемыхъ давнею враждебною славянству рукою, при всѣхъ трудностяхъ, съ какими приходится здѣшнему Славянину доставать средства для успѣшнѣйшаго ознакомленія съ нашимъ языкомъ, изученіе его, тѣмъ не менѣе, скоро должно войти въ существенную потребность молодаго поколѣнія. Конечно, дѣло и тутъ не обходится безъ противниковъ между самими Славянами, но мнѣ не случилось встрѣтить сильныхъ противниковъ между Хорватами. Я позволяю себѣ надѣяться, что и между Чехами число противниковъ будетъ съ каждымъ годомъ умаляться, по мѣрѣ того, какъ письмо кирилловское станетъ сильнѣе и сильнѣе проникать въ массу. При словѣ *масса*, быть можетъ, вы улыбнетесь, быть можетъ, даже скажете, что до этого слишкомъ далеко, и расчитывать на это слѣдуетъ не отдѣльными годами.. Конечно, будущее опредѣлить трудно, но мы имѣемъ право судить о немъ по настоящему: а сколько примѣровъ удалось мнѣ видѣть въ настоящее время того, какъ кирилловское письмо смѣнило латинницу и подъ рукою ремесленниковъ! Честь и слава второй книжкѣ Лептира, впервые у Хорватовъ включившаго кирилловское письмо на своихъ страницахъ, при чисто-литературномъ своемъ характерѣ.

Въ Лептирѣ встрѣтите вы и вашего знакомца, пламеннаго Боговича, поэта по наружности, по душѣ и по движеніямъ, на котораго, кажется, не оказываютъ подавляющаго дѣйствія ни лѣта, ни преслѣдованія, ни несчастія. Какъ памятны для меня часы, проведенные въ бесѣдѣ съ этимъ умнымъ и огненнымъ патріотомъ хорватскимъ. Не мѣсто распространяться здѣсь о томъ, что вынесъ этотъ человѣкъ, спустя шесть лѣтъ послѣ вашего пребыванія въ Загребѣ; теперь можно только поблагодарить судьбу, что она не принудила его искать куска хлѣба въ сословіи австрійскаго чиновничества и тѣмъ сберегла его полезную дѣятельность на полѣ народной литературы. Только-что вышедшая изъ типографіи, но мною еше невидѣнная въ печати, драма его, заимствованная изъ народной исторіи хорватской, XVI столѣтія, подъ заглавіемъ Матія Губецъ, прочитается, увѣренъ, съ большимъ удовольствіемъ и горячимъ сочувствіемъ всѣми Славянами. Почти приготовлены имъ къ изданію и отдѣльныя стихотворенія, подъ именемъ: slike i prilike. Значительнѣйшую часть ихъ я выслушалъ изъ устъ самого автора. Содержаніе заимствовано изъ быта и понятій народныхъ. Поэтъ перебралъ почти всю природу хорватскую и во всякомъ частномъ случаѣ высказалъ сравненіе съ человѣкомъ или примѣненіе къ нему. Превосход-

ный гармоническій языкъ, сила мысли и ловкости переходовъ отъ простой мысли народной къ высоко-нравственному положенію, искусство подъ покровомъ внѣшнихъ, постороннихъ обстоятельствъ выразить политическое состояніе Кроаціи, наконецъ, звучный, воодушевленный голосъ самого автора, произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Съ нетерпѣніемъ жду выхода въ свѣтъ этихъ стихотвореній, чтобы имѣть случай прочитать ихъ еще разъ. Вмѣстѣ со мною наслаждались слушаніемъ «сликъ и приликъ» Праусъ и Деметеръ. Не знаю, какъ первый, а послѣдній вамъ извѣстенъ. Праусъ Чехъ, но вполнѣ уже сжившійся съ Хорватами и давно знакомъ въ хорватской литературѣ. Тяжело вспоминать объ этой личности, созданной вовсе не для дѣятельности при той обстановкѣ и тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся современные Хорваты. Праусъ одаренъ черезъ мѣру чувствительною и мягкою душею, чтобы не упасть въ борьбѣ и сохранить необходимую энергію и силу воли. Я всегда съ самымъ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и смотрѣлъ на него. Послѣдній процессъ, заведенный по случаю изданія Праусомъ Süd-Slavisiche Zeitung, гдѣ онъ думалъ доказывать несправедливость обвиненій Славянъ Нѣмцами и проводить послѣднимъ истинныя свѣдѣнія о Славянахъ, на томъ основаніи, что Нѣмцы ничего по-славянски не читаютъ, — кажется, окончательно подбилъ всѣ душевныя силы Прауса. Да едва-ли кто и другой, имѣющій человѣческія чувства, безъ глубокаго нравственнаго потрясенія, выдержитъ тѣ испытанія, которымъ подвергся несчастный Праусъ: быть въ заключеніи въ тюрьмѣ, и въ это время лишиться жены и, сколько помнится, двоихъ дѣтей; быть угрожаемому попасть въ солдаты, и растратить все состояніе, свое и женнино, и въ результатѣ быть оправданнымъ, конечно, съ отеческими наставленіями на будущее время. Отсюда, понятно, прекращеніе изданія Праусомъ Невена въ Загребѣ и перенесеніе его въ Рѣку. Но не привилась къ новой почвѣ фіалка, и заглохла къ другому году. Воскреснетъ ли она? А желательно, чтобы воскресла, и мнѣ сдается, что Хорваты не дадутъ ей умереть навсегда. Мудрено ли послѣ этого, что жизнь Прауса въ Загребѣ стала безцѣльною и не естественно ли желаніе его обновить свои силы другимъ мѣстомъ и другою атмосферою? Отъ души желаю ему полнѣйшаго счастія въ успѣхѣ осуществленія того плана, который сообщилъ онъ мнѣ.

Но что дѣлаетъ добрый Деметеръ, родоначальникъ новѣй-

шей драматургіи хорватской? Какое убійственное вліяніе имѣетъ нужда на умственную жизнь человѣка! Деметеръ чиновникъ, отвѣтственный редакторъ *народныхъ* загребскихъ Новинъ. Повидимому, тутъ нѣтъ ничего стѣсняющаго, удручающаго, лишающаго случая упражнять перо свое въ прежнемъ направленіи. Но эти *народныя* хорватскія Новины, украсившись огромнымъ австрійскимъ орломъ по срединѣ листа и ставъ, такимъ образомъ, чисто оффиціальною газетою, не имѣютъ ровно никакого отношенія къ народности, по мысли и характеру: это скорѣе правительственная газета вѣнская. А этого довольно, при обозначеніи внизу листа: *отвѣтственный редакторъ*, чтобы кусокъ хлѣба, приносимый подобнымъ званіемъ, отнялъ совершенно аппетитъ отъ всякой другой пищи, какъ бы она ни была здоровой и вкусной.

Говоря о хорватскихъ ученыхъ и литераторахъ въ Загребѣ, какъ же пройти молчаніемъ того, кто представлялся нѣкогда установителемъ и первымъ двигателемъ народнаго возрожденія между Хорватами. Въ троекратное свиданіе съ Гаемъ, я слушалъ его только въ первый разъ довольно, даже очень продолжительное время. Я сказалъ *слушалъ*, потому что, дѣйствительно, мнѣ приходилось только слушать Гая и движеніемъ головы лишь показывать согласіе или сомнѣніе. Рѣчь Гая текла такъ быстро, такъ плавно, тонъ былъ такой убѣдительный, что, казалось, захвативъ свѣжаго человѣка, онъ хотѣлъ посвятить его въ первое же свиданіе, быть можетъ, опасаясь за состоятельность втораго, во всѣ тайны протекшей своей знаменательной и во многомъ поучительной жизни.

Неужели же это и всѣ дѣятели, спросите вы, по литературѣ въ *хорватской части* Загреба? Да они давно были извѣстны мнѣ почти всѣ, отвѣтите. Гдѣ же молодое поколѣніе, залогъ будущихъ успѣховъ? Тутъ-то и встрѣчается тотъ вопросный пунктъ, за отвѣтомъ на который наблюдатель необходимо долженъ повернуть съ литературы на политику. Вторженіе правительственной системы, основанной на уничтоженіи національныхъ ростковъ въ дѣлѣ воспитанія и религіи, губитъ всѣ проявленія народнаго духа. При такомъ состояніи дѣлъ, нисколько не удивительно было и мнѣ слушать разговоръ загребскихъ дѣтей почти исключительно по-нѣмецки.

Къ счастью, хорватизмъ по селамъ и маленькимъ городкамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, готовъ будетъ перемѣнить роли и въ Загребѣ; онъ сохранилъ всю живость свою, а развив-

шееся сознаніе въ массѣ сдѣлало его настолько внимательнымъ, что едва ли не съ увѣренностію должно сказать о миновaніи той поры, когда можно было думать о его подавленіи; съ другой стороны и тѣхъ силъ, которыя доселѣ служатъ будильниками народности въ Загребѣ, думается, достаточно для поддержанія огня до болѣе благопріятнаго времени, и тѣмъ болѣе, что не одинъ же Загребъ сосредоточиваетъ въ себѣ учено-литературные органы у Хорватовъ. Есть и Осѣпъ, гдѣ хотя и изрѣдка промелькнетъ изданіе, книга или брошюра, свидѣтельствующія о сочувствіи къ народу и направленныя на народъ, съ цѣлію укрѣпить въ немъ самобытную жизнь; есть и Рѣка, съ славянскимъ читалищемъ, не лишенная людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ во благо интересовъ народныхъ. Лучшимъ образцемъ подобнаго самопожертвованія, соединеннаго съ изумительнымъ трудолюбіемъ, можетъ и долженъ служить вашъ знакомецъ. Въ пребываніе мое въ Рѣкѣ отрыгнулся и увядшій Новенъ любопытнымъ первымъ выпускомъ: Jadranske Vile-Sbirka i izbor zabaunih, pouinih i znaustoenih clanaka. Издатель Вилъ, гимназическій профессоръ Винко Пацель, къ сожалѣнію, настолько слабый здоровьемъ, что, кажется, потеряна надежда на его выздоровленіе; онъ же завѣдывалъ изданіемъ и Новена въ послѣдній годъ его выхода въ Рѣкѣ. Грустно за Хорватовъ, если они потеряютъ такого человѣка, и умнаго, и дѣятельнаго, владѣющаго и надлежащею опытностію для столь полезныхъ періодическихъ изданій, каковы ядранскія Вилы. Первый выпускъ (въ 8° въ 130 страницъ) содержитъ три отдѣла: piesniótvo umietno narodno i pripoviedke—въ стихахъ и прозѣ, наконецъ, knjizevnost, съ спеціальнымъ отдѣленіемъ knjigopis. Здѣсь встрѣтите вы и нѣсколько писателей, впервые являющихся въ свѣтъ; найдете не мало и дарованій, соединенныхъ съ знаніемъ народной литературы и народнаго языка. Въ отдѣлѣ повѣстей, меня особенно остановила историческая поэма: Vladislav, написанная Степаномъ Ивичевичемъ и заимствованная изъ смутной эпохи Болгаріи и Далмаціи, начала XI столѣтія. Главная цѣль этого произведенія заключается въ проведеніи мысли: какъ бѣдственно для Славянъ раздѣленіе, какими несчастіями постоянно сопровождалось ихъ взаимное несогласіе, а подъчасъ и вражда, какъ отсутствіемъ единства они содѣйствовали лишь своекорыстнымъ цѣлямъ враговъ своихъ. Основа мысли этой удачно, между прочимъ, вложена въ уста далматинскаго князя Владиміра, не соглашавшагося ѣхать въ Болгарію на при-

зывъ болгарскаго князя Владислава, измѣннически убившаго, по проискамъ греческаго императора Василія, короля болгарскаго Радоміра, шурина Владиміровa.

Въ числѣ повѣстей помѣщены два перевода съ русскаго: *Zal za sramotu* и *Faust Ioana Turgenjeva.* Ядранскія Вилы не могутъ не порадовать читателя и отстраненіемъ изъ своего языка мѣстныхъ особенностей и сближеніемъ съ языкомъ литературы загребской. Даже *иканье* попадается чрезвычайно рѣдко, и то скорѣе, кажется, отъ недосмотра корректора. Я только посовѣтывалъ бы Рѣчанамъ поменьше употреблять бумаги и побольше сдерживать свой жаръ въ спорахъ о томъ: должно ли родительный множественнаго въ именахъ существительныхъ оканчивать на аһ и т. п.; вопросъ самъ по себѣ не пустой, но онъ требуетъ чисто ученаго, объективнаго изслѣдованія, и мы увѣрены, что съ обнародованіемъ новыхъ замѣтокъ и наблюденій объ этомъ предметѣ г. Курелаца, само-собою, безъ всякихъ голословныхъ препираній, обнаружится истина или, по крайней мѣрѣ, сравнительное большинство права той или другой стороны. Не забудьте, однакожъ, что и къ подобнымъ спорамъ, какъ на первый взглядъ ни кажутся они исключительно научно-спеціальными, у Хорватовъ прицѣпляется если и не политическая идея о Славянствѣ, то идея сближенія и общности языка для всѣхъ Славянъ. Отбросивъ окончаніе аһ, получите: 1) форму старинную хорватскую, 2) обще-древнюю славянскую, а 3) наконецъ, господствующую форму въ русскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Хотѣлъ-было коснуться и рукописей, которыя удалось мнѣ прочитать въ Загребѣ, но какъ записи всѣ мои не прибыли еще вмѣстѣ съ книгами въ Прагу, то я и оставляю дѣло это до другаго раза, а теперь перехожу къ Далмаціи.

Италіянскій языкъ до-того укоренился въ городахъ далматскихъ, такъ охватилъ всѣ сословія, что при бѣгломъ путешествіи, при остановкахъ на короткое время, наблюдателю и въ голову не придетъ, считать эти города славянскими и думать, что въ нихъ можно отыскать слѣды дѣятельности литературной славянской. Подобное мнѣніе будетъ казаться ему тѣмъ основательнѣе, даже несомнѣннѣе, что значительная часть жителей совершенно забыла родной свой языкъ, довольствуясь италіянкимъ, а отчасти нѣмецкимъ. Если же и встрѣтился человѣкъ, отзывающійся на вашу славянскую рѣчь по-словянски, то языкъ его до-того поразитъ васъ неправильностью, а произношеніе

уродливостью, что вы ни минуты не задумаетесь, признать его вовсе чужимъ для этого человѣка. А какъ въ настоящее время распространенъ славянскій языкъ въ Задрѣ, можете судить изъ того, что я больше часу долженъ былъ ходить по городу съ распросами, и въ отвѣтъ слышать по-итальянски — я не понимаю. Распространеніе итальянскаго языка по Далмаціи поддерживается правительствомъ точно также, какъ въ другихъ мѣстахъ распространеніе нѣмецкаго. Для него всякій языкъ сноснѣе, чѣмъ славянскій: оно, какъ будто, боится послѣдняго и избѣгаетъ повсюду, гдѣ представляется случай. Такъ, напримѣръ, на пароходахъ Лоидо вы прочитаете объявленіе на вывѣшиваемой въ каютахъ таблицѣ и по-нѣмецки, и по-италіянски, и по-французски, и по-англійски, даже не забыть и ново-греческій языкъ; а по-сербски или по-хорватски напечатать нельзя; между-тѣмъ, какъ наибольшая часть пассажировъ состоитъ изъ Славянъ, и въ каютѣ втораго класса часто такихъ, которые не знаютъ никакого другаго языка европейскаго. Отчего же бы, думается, не сдѣлать угожденія *большинству пассажировъ постоянныхъ*, на пароходахъ, имѣющихъ исключительную цѣль, *приставать къ славянскимъ берегамъ*, когда принятъ въ соображеніе одинъ какой-либо Англичанинъ въ теченіе цѣлаго года? Да зачѣмъ же не воспользоваться правительству давнимъ знакомствомъ Далматинцевъ съ италіянскимъ языкомъ и не налечь на это всею силою, для рѣшительнаго и повсюднаго въ Далмаціи преобладанія его насчетъ славянскаго, когда этимъ представляется само-собою, какъ съ неба свалившееся, средство осуществлять завѣтный принципъ свой — *раздѣляй*, чтобы послѣ въ-одиночку легче было *управлять*, какъ вздумается? Вѣдь нѣмецкій-то языкъ надобно еще вводить, и борьба предстоитъ не только съ славянскимъ, а и съ италіянскимъ: успѣхъ далеко не видѣнъ. А тутъ оружіе готово, довольно хорошо и наточено,—только слѣдуетъ ухватиться: все равно, свое оно или чужое, лишь бы вело къ цѣли, лишь бы отрѣзало здоровый кусокъ отъ общаго тѣла, а, пожалуй, удастся еще этимъ произвести и *раздоръ*, — вотъ вамъ и мутная вода, въ которой легко будетъ ловить рыбу австрійскимъ полицейско-политическимъ рыболовамъ. Но едва ли не обманулась жалкая политика; послѣднія событія итальянскія, какъ-то сильно расшевелили умы италіянскихъ Далматинцевъ, — и нисколько не мудрено, что гораздо было-бы спокойнѣе не брать чужаго оружія: не зная хорошо всѣхъ свойствъ его, легко можно отрѣзать вмѣсто чужаго свой собственный ку-

сокъ. — Да къ тому же сомнительно еще, забытъ-ли славянскій языкъ въ городахъ Далмаціи такъ, чтобы уже не могъ онъ оживиться, встать и снова овладѣть городскимъ народонаселеніемъ. Вѣдь въ Которѣ итальянскій языкъ не привился; онъ слышится только кое-гдѣ, да и то большею частью изъ устъ военнаго и чиновнаго сословія; а три четверти его народонаселенія служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что и впередъ ожидать успѣха тутъ чужому языку не слѣдуетъ. Да и классическій Дубровникъ не слишкомъ поддался: въ немъ все еще крѣпко хранится память о цвѣтущемъ нѣкогда состояніи языка, а съ нимъ и литературы, и стоитъ только немного отдалиться отъ магазинно-торговыхъ пунктовъ, чтобы услышать звучную рѣчь славянскую. А что сказать о жителяхъ селъ и деревень, часто около самыхъ городовъ? Взгляните на нихъ, когда они спустятся, въ воскресные и праздничные дни, на городскіе базары, въ своихъ разноцвѣтныхъ національныхъ одеждахъ, и мужчины и женщины съ длинными косами, когда они наполнятъ собою и весь базаръ и прилежащія къ нему улицы: тутъ не услышите уже и звука итальянскаго, — поневолѣ должна забыть на время итальянскій языкъ и гордая горожанка, если не хочетъ просидѣть нѣсколько дней безъ жизненныхъ припасовъ. Объитальянить же такую массу народа не легко посредствомъ горничныхъ, прачекъ и кухарокъ, которыя, слѣдуя обычной модѣ, поступая въ услуженіе въ городъ, начинаютъ немедленно же ломать свой языкъ на итальянскій ладъ и, забывая въ короткое время свой родной, пріучаются къ чужому въ самомъ отвратительнѣйшемъ его видѣ. Письменная дѣятельность, какъ ни слаба она и ни отрывочна, также поддерживаетъ, правда, съ трудомъ и въ небольшомъ кружкѣ, жизнь языка славянскаго въ городахъ Далмаціи. Она сосредоточена въ настоящее время, исключительно въ Задрѣ и Дубровникѣ.

Представителями славянской письменности и славянскаго языка въ первомъ, со стороны католиковъ: Брчичь и Казали; со стороны православныхъ: Божидаръ Петрановичъ и Сундечичь. За исключеніемъ Петрановича (юриста, совѣтника при аппелляціонномъ судѣ), всѣ остальные профессоры: двое первыхъ въ католической семинаріи, послѣдній въ православной. Глагольская хрестоматія Брчиче, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстна по тому экземпляру, который отправилъ вамъ авторъ изъ Праги. Теперь приготовляетъ онъ грамматику церковно-славянскаго языка и исторію епархіи задрской. Послѣдняя особенно должна быть

любопытна, по отношенію къ рѣшенію вопроса, о господствовавшемъ нѣкогда, господствующемъ отчасти и донынѣ языкѣ славянскомъ, при католическомъ богослуженіи. Въ новѣйшее время, славянскій языкъ въ католической церкви стѣсненъ удивительно: онъ ограничился почти одною Ѳельской эпархіей, да двумя-тремя священниками глаголитами на островахъ, — которые, однакоже, далеко не всю службу должны читать по-славянски. Самое число глагольскихъ священниковъ сократилось до-того, что можно было ожидать и совершеннаго ихъ паденія, потому что остановилось обученіе глагольско-славянскому языку. Я видѣлъ одного самоучку Глаголита на островѣ Арбѣ, человѣка умнаго и глубоко преданнаго славянскому богослуженію. Онъ съ грустію говорилъ о прежнемъ времени и упадкѣ обученія, съ крайней ироніей отзывался своему товарищу, также священнику изъ Рѣки, моему спутнику изъ Задра, что у нихъ, на материкѣ, оставленъ богатый старый языкъ славянскій и читаются молитвы на нынѣшнемъ языкѣ, равно радовался настоящему времени и выражалъ полную надежду на Брчича, нынѣшняго глагольскаго профессора. Скажу вамъ откровенно, немного приходилось мнѣ въ жизни встрѣчать такихъ людей, какъ Иво Брчичь. Умное и выразительное лице его носитъ на себѣ отпечатокъ такой доброты и вмѣстѣ энергіи, готовности трудиться на избранномъ поприщѣ, насколько хватитъ силъ и средствъ, полно такой горячей и сознательной привязанности къ славянству, безъ различія вѣры и народности, что не полюбить его, не привязаться къ нему, какъ бы ни была, кажется, черства душа столкнувшагося съ нимъ, нѣтъ возможности *). Казали, авторъ эпиколирической поэмы

---

*) Мнѣ весьма было грустно слышать о его стѣсненіяхъ въ ученыхъ средствахъ, какія принужденъ испытывать онъ въ занятіяхъ своихъ, особенно по части русскихъ книгъ и болѣе всего академическихъ извѣстій и записокъ. Недостатка въ деньгахъ у него нѣтъ, но страшно труденъ путь для правильнаго полученія необходимыхъ для него сочиненій. У него есть знакомые въ Прагѣ и, быть можетъ, вскорѣ будетъ онъ просить редакцію 2-го отдѣленія академіи о высылкѣ извѣстій и записокъ, за всѣ предшествовавшіе годы: примите участіе въ немедленнѣйшемъ отправленіи. Равно, если будетъ свободная минута, черкните тутъ же гдѣ-нибудь увѣдомленіе: получили-ли вы экземпляръ хрестоматіи. Вмѣстѣ съ экземпляромъ къ вамъ, Брчичъ отправилъ и Востокову, Бодянскому, Григоровичу. Не получая никакого свѣдѣнія, онъ справедливо боится, что и его книги могла постигнуть та же невѣдомая участь, какая выпадаетъ не рѣдко на долю множества другихъ книгъ, отправляемыхъ въ Россію изъ Австріи и изъ Россіи въ Австрію.

Zlatka, воспѣвающей любовь одной Рагузанки и отличающейся основательнымъ знаніемъ языка и благородствомъ чувства (Zlatka. Piesama P. A. Kazali, u Zadru 1856 (8° 88), авторъ драматическаго дѣйствія — Trista vicah udovicah (U Zadru 1857), не менѣе замѣчательнаго по чистотѣ языка и по легкости стиха, продолжаетъ быть редакторомъ далматинскаго Гласника на италіянскомъ и сербо-хорватскомъ языкахъ (osservatore Dalmato). Божидаръ Петрановичъ трудится надъ исторіею всеобщей литературы, на сербскомъ языкѣ. Первая часть, изображающая письменность древнихъ народовъ: Евреевъ, Китайцевъ, Индѣйцевъ, Халдеевъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, съ приложеніемъ обзора церковныхъ сочиненій первыхъ вѣковъ христіанства, уже вышла (исторія Кѣнжевности. Часть I. У Новомъ Саду. 1858. 8° VI+340). Вторая книга, которая выйдетъ мѣсяца черезъ два, будетъ заключать литературу европейскихъ народовъ, среднихъ и новыхъ временъ; третья также почти готовая, опредѣлена на обзоръ славянскихъ литературъ, въ четырехъ группахъ. Г. Петрановичъ давно извѣстенъ своими учеными и полезными трудами по части исторіи, законовѣдѣнія и литературы Славянъ; ему обязанъ возникновеніемъ, такъ неожиданно прекратившійся, сербо-далматскій магазинъ; онъ же издавалъ столь богатую матеріалами Правдоношу. Принимая теперь въ соображеніе новый его трудъ, обнаруживающій въ авторѣ — глубокую, предварительную подготовленность, обширную начитанность, нечуждую отчетливаго знакомства съ современною литературою; умѣнье выбрать изъ громадной массы западно-европейскихъ сочиненій существенное и важное; всматриваясь въ чистоту, правильность и силу непривычнаго еще къ подобнымъ трудамъ языка сербскаго, можно съ увѣренностью утверждать,— что третья часть г. Петрановича будетъ дорогимъ вкладомъ въ обще-славянской литературѣ. Въ концѣ каждой части будутъ присоединены отрывки лучшихъ произведеній лучшихъ писателей, въ переводѣ на сербскій языкъ. Въ первой части это уже есть. Мысль издать исторію общей словесности впервые была высказана г. Петрановичемъ еще въ 1847 году, въ объявленіи, призывавшемъ подписчиковъ на новый его трудъ; но политическія событія, потрясшія Австрійскую имперію, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, замедлили выходъ сочиненія на цѣлыя одинадцать лѣтъ. Основная цѣль, побудившая автора предпринять подобный трудъ, весьма проста, хотя отъ того нисколько не менѣе истинна и важна: только при отчетливомъ знаком-

ствѣ съ умственными плодами чужихъ просвѣщенныхъ народовъ стараго и новаго времени, выразился г. Петрановичъ въ 1847 г. и повторилъ въ предисловіи въ изданной въ 1858 г. первой части, могутъ Сербы надѣяться на правильность и прочность своего образованія и на успѣхи собственной письменности. Безъ этого знакомства, какъ образованіе, такъ и письменность останутся безъ основы. Сундечичъ хорошо уже знакомый публикѣ сербохорватской политическими сочиненіями: «Ананія и Сапфира (у Задру 1848) или ложь казнена.» Срце или различне пѣсме (у Задру, 1850)» Низъ драгоцѣное бшера (свезак I, у Задру, 1856)», въ послѣднее время издалъ: «Цвѣтче или покушеня у народнолиричной пѣваніи (у Задру 1858)«. Чистота и правильность сербскаго языка, соединенная съ простотою мысли, служили отличительною чертою поэзіи Сундечича во всѣхъ исчисленныхъ нами произведеніяхъ. Въ послѣднемъ изданіи своихъ отрывочныхъ стихотвореній, онъ избралъ предметомъ значеніе цвѣтовъ въ понятіяхъ простаго сербскаго народа и отношенія ихъ къ красотѣ женской. Авторъ до-того проникся языкомъ народа, до-того усвоилъ всѣ его обороты, всѣ переходы мысли, такъ отзывается взглядами народными, что, читая его стихотворенія, невольно переносишься въ безъискуственную живую, полную красотъ пѣсенную поэзію Сербовъ. Да, отъ Сундечича можно ожидать успѣшнаго сближенія письменной изящной поэзіи съ поэзіею народною. — Въ Задрѣ живетъ и Николаевичъ, бывшій издатель сер-бо-далматскаго магазина. Не знаю, знакомы ли вамъ всѣ обстоятельства прекращенія этого во многихъ отношеніяхъ полезнаго журнала, сопровождавшіяся перемѣщеніемъ издателя изъ Дубровника въ Задру, преподавателемъ въ семинарію, съ 500 гульденовъ жалованья. Власть свѣтская ловко воспользовалась споромъ съ Николаевичемъ католическаго духовенства, собственнымъ и *дѣйствительнымъ* обманомъ и подлогомъ, вздумавшаго обвинять Николаевича въ *мнимомъ* подлогѣ, — при раскрытіи злоупотребленій и порочности боснійскаго и герцеговинскаго католическаго духовенства въ предпослѣдней книжкѣ магазина. Процессъ веденъ былъ такъ по-китайски, что я, въ настоящія минуты, не хочу растравлять ни своихъ, ни вашихъ нервовъ. Дѣло въ томъ, что держать Николаевича въ Дубровникѣ, не по сердцу было католическому духовенству и власти свѣтской: первому не нравилась его любознательность, а онъ могъ, по близости, знать всѣ подробности о дѣйствіяхъ разнообразныхъ орденовъ католическихъ въ Босніи и Герцеговинѣ; а у второй

постоянно была неспокойна душа отъ посѣщенія Николаевичемъ православнаго русскаго консула. Но, скажу вамъ откровенно, я недоволенъ и дѣйствіями самого Николаевича. При его финансовыхъ средствахъ, нельзя довольно надивиться гоньбѣ его за 500-ми гульденовъ, что повлекло, конечно, и къ прекращенію изданія магазина. Сколько мнѣ извѣстно, онъ владѣетъ и положительными документами, которыми можетъ ясно доказать обманъ автора или авторовъ громкой «obrani pravoslavne remokatolike crive»; зачѣмъ же не обнародывать ихъ на страницахъ магазина? Впрочемъ, я могу сообщить вамъ надежду, что магазинъ возобновится....

Въ Дубровникѣ главнѣйшими, если не исключительными, дѣятелями въ славянской литературѣ — графъ Пучичь и докторъ Казначичь. Первый, послѣ изданія памятниковъ, объясняющихъ исторію Дубровника, продолжаетъ отъискивать и собирать новые матеріалы, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ монетахъ. Но, сколько мнѣ извѣстно, опредѣленнаго какого-либо труда, онъ еще не предпринялъ. Впрочемъ, независимость положенія, богатство собственной библіотеки и малотронутыя еще сокровища библіотеки монастыря доминиканскаго, при любви къ занятіямъ г. Пучича, едва-ли замедлятъ появленіемъ отъ него какого-либо новаго сочиненія или изданія. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, я имѣлъ случай прочитать у него только-что полученный Бератъ константинопольскій, XVI вѣка, писанный по-сербски, на шелковой матеріи, и опредѣляющій право торговли дубровничской; видѣлъ и золотую монету царя Стефана, безъ сомнѣнія Душана, которую также только-что получилъ Пучичъ. Казначичь, насколько позволяетъ ему докторское званіе, слѣдитъ за движеніемъ литературы далматской. Вмѣстѣ съ этимъ, г. Казначичь не оставляетъ приводить въ порядокъ и знакомиться съ плодами старой литературы Дубровника, значительная часть которой донынѣ остается еще неизвѣстною читающему міру, и въ составѣ которой можетъ найдтись не мало произведеній, способныхъ стать рядомъ съ богатою поэзіею Джоржичей, Моруличей, Гундуличей и т. п. Однакожъ, безъ *но,* не обойдешь и Казначича. Какъ ни превосходно владѣетъ онъ языкомъ италіянскимъ, какъ ни занимательны его Studii critici (16° 136, Zara 1856), частію вмѣстившіе статьи его изъ osservatore Dalmato, частію включавшіе наблюденія еще нигдѣ не напечатанныя, какъ: Marco Antonio Vidovich, гдѣ авторъ разбираетъ двѣнадцать сонетовъ послѣдняго на войну крымскую, все-же было бы, ду-

мается, полезнѣе читать подобныя вещи на славянскомъ языкѣ. Да и какая цѣль для чисто славянскаго содержанія избирать Славянину, на славянской землѣ, не славянскій языкъ? Неужели авторъ имѣлъ въ виду ознакомить съ дѣятельностью славяно-далматскихъ литераторовъ публику италіянскую? Ему очень хорошо извѣстно, что въ Италіи едва хватаетъ терпѣнія и времени читать и писать и о своей-то литературѣ, и на Итальянцевъ, навѣрное, не разсчитывалъ г. Казначичь. Значитъ, онъ разсчитывалъ на тѣхъ Далматинцевъ, которые забыли свой родной языкъ и въ угожденіе имъ самъ рѣшился забыть писать по-славянски. Но 1) кто забылъ родной языкъ, трудно допустить, чтобы очень интересовался и тѣмъ, что пишется на этомъ языкѣ; 2) если г. Казначичь разсчитывалъ на большинство читателей, и слѣдовательно и на лучшій успѣхъ вознагражденія, то я попросилъ-бы его взвѣсить хорошенько массу читающихъ по-итальянски въ Далмаціи съ массою Славянъ во всѣхъ земляхъ славянскихъ, охотно и съ удовольствіемъ прочитавшихъ-бы его критическія наблюденія на прекрасномъ языкѣ Дубровника. Присоединяю къ этому и еще одно замѣчаніе. Если такіе писатели, какъ г. Казначичь, перейдутъ на италіянскую почву, уже привыкшіе владѣть роднымъ языкомъ и знакомые съ его требованіями, то кто-же въ состояніи будетъ дѣйствовать на ослабленіе чужеземнаго вліянія, а необходимость подобнаго дѣйствія не отвергаетъ и самъ г. Казначичь. Вотъ почему такъ непріятно, а нѣкоторые изъ юго-западныхъ Славянъ даже непріязненно встрѣтили его имя и въ недавно-вышедшей первой книжкѣ «Annuario Dalmatico (anno 1, Spalato. 1859, 16-с 234)». Красива по наружности эта книжка, не безъ интереса можно прочитать и нѣкоторыя статейки въ ней, но невольно какъ-то косо посмотришь на нее, когда увидишь внизу заглавнаго листа славянскій городъ изданія, а въ оглавленіи — славянскія фамиліи авторовъ, частію въ чистой славянской формѣ, какъ и фамилія Kaznacic: частію съ итальянскимъ окончаніемъ, какъ Lucio (Лучичъ). Издатель новородившагося журнала, Vito Morpurgo, уже въ 1856 году задумалъ, какъ говоритъ въ предувѣдомленіи, образовать литературный органъ, который-бы занялся нравственными и матеріальными интересами родной его области; но, съ одной стороны, потому, что нѣкоторые вовсе не отвѣчали на его приглашеніе участвовать въ изданіи, другіе-же, съ другой, — запоздали присылкою своихъ статей, первая книжка не могла появиться раньше начала лѣта 1859 года. Надѣясь, что въ непродолжи-

тельномъ времени превратится Annuario Dalmatico изъ италіян скаго журнала въ славянскій, я укажу на болѣе заслуживающія вниманія статьи въ первой книжкѣ его. Во 1) съ пользою, по собранію историческихъ матеріаловъ, можно прочесть статью о Морлокахъ Лучича, во 2) очеркъ города Сплѣта, гдѣ исторически разобрано основаніе этого города, важность его по отношенію къ древностямъ, значеніе его положенія, его торговля, исчислены и охарактеризованы замѣчательные въ немъ люди, сообщены и нѣкоторыя другія данныя, интересныя для человѣка, любопытствующаго ближе ознакомиться съ городомъ Сплѣтомъ; въ 3) небольшое замѣчаніе о золотыхъ воротахъ Сплѣта, наконецъ, въ 4) библіографическое извѣстіе о книгахъ, вышедшихъ въ Далмаціи и въ другихъ мѣстахъ, о Далмаціи, между 1856—1859 годами, съ краткимъ указаніемъ достоинства означенія каждоіі книги. Пожалуй, можно присоединить сюда и пять страничекъ Казначича объ Омблѣ или Рѣкѣ, морскомъ заливѣ при Гравозѣ, только никакъ нельзя согласиться съ авторомъ, будто названіе Захолмія (Захлмiа, Захумiа) имѣетъ въ корнѣ своемъ латинское выраженіе Umbla, какъ называли Римляне гравозскую Омблу или Рѣку. Въ заключеніе обзора дѣятельности учено-литературной въ Далмаціи и приморской Кроаціи, упомяну и о замѣчательномъ словарѣ иллирско-италіянскомъ Парчича, вышедшемъ въ 1858 году, въ Рѣкѣ. (Ricinik Ilirsko-Talianski, polag najnovijih izvorah sastavio ga O. Dragutin A. Părcic).

Побывавъ изъ Коттора на Цетини, посмотрѣвъ тамъ на вновь устроенный княземъ арсеналъ, въ которомъ, въ числѣ множества трофеевъ послѣ граховской побѣды, увидѣлъ и три русскія пушки, вывезенныя Турками *) невдалекѣ отъ Слатини, и отбитыя подъ Граховомъ Черногорцами, перебравъ и лежащія въ монастырской сырости нѣкоторыя старыя рукописи, списавъ, наконецъ, пѣсню о граховской битвѣ, я отправился обратно на сѣверъ, и прямо въ Тріестъ. Понятно, что цѣлью моею было остановиться подольше у Славянцевъ и собственными глазами и ушами провѣрить то, о чемъ много слышалъ между Хорватами и Далматинцами, и чему не хотѣлось-бы вѣрить, какъ ни необходимо вѣрить людямъ, знающимъ во всѣхъ подробностяхъ краіі и изъ которыхъ не одинъ былъ уроженецъ славянскій. Къ сожалѣнію, застигшая меня болѣзнь еще на морѣ, гдѣ я простудился, при высадкѣ, подъ дождемъ, на островъ Арбу, и

---

*) Взятыя въ стычкѣ кавалерійской недалеко отъ Калафата.

усилившаяся еще болѣе въ Тріестѣ и Лайбахѣ, заставила поспѣшить въ Вѣну. Я знаю вашу любовь къ этому краю, знакомъ съ вашими трудами по его изслѣдованію, могу предполагать и о надеждѣ вашей на успѣшное продолженіе въ немъ того направленія, началу котораго вы могли быть свидѣтелемъ, и мнѣ не совсѣмъ-то пріятно разувѣрять васъ и убѣждать въ противномъ. А между-тѣмъ, дѣйствительно, если уже коснуться собранныхъ мною свѣдѣній, то невольно придется говорить совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ можно было говорить за 18 или 19 лѣтъ назадъ. Въ послѣднія десять лѣтъ германизація пустила такіе глубокіе корни, что не въ городахъ уже только, а и въ селахъ и деревняхъ не трудно бываетъ встрѣтить Славянцевъ или забывшихъ языкъ свой, или на половину, если не болѣе, примѣшивающихъ къ нему словъ нѣмецкихъ. Въ молодомъ поколѣніи нѣмецкій языкъ сталъ тою модою, при которой хотя и лучшее свое становится низкимъ, грязнымъ, а уродливое чужое признакомъ цивилизаціи, равенства городскому мѣщанству. Сколько пришлось мнѣ переспросить людей, и встрѣчавшихся въ городахъ, и сталкивавшихся со мною на пути, отъ всѣхъ слышалъ я, что, хотя мы и Славянцы, но уже забыли по-славянски и постоянно говоримъ по-нѣмецки. Около Граца удалось мнѣ видѣть и огромную массу простолюдиновъ, прибывшихъ въ городъ на роботу; я долго вслушивался въ ихъ рѣчь, и, право, сомнѣваюсь, найдется ли въ ней трети двѣ словъ славянскихъ. Народомертвящая политика можетъ, по отношенію къ Славянцамъ, хвалиться полнымъ успѣхомъ: теперь нѣтъ больше и неудовольствія на отсутствіе языка роднаго во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, а этимъ еще больше дана возможность спѣшить поскорѣе устранять и то, что еще осталось изъ туземнаго, напоминающаго о народности. Расширеніе военной границы много помогло гибели народнаго среди простолюдиновъ, а нѣмецкія школы и гимназіи, съ нѣмецкимъ чиновничествомъ, добиваютъ остатки его и у послѣднихъ и въ остальныхъ сословіяхъ. Ни въ Грацѣ, ни въ Челли, ни въ Любляни, ни въ Тріестѣ нѣтъ славянскихъ учителей: даже преподаваніе туземнаго языка возложено на Нѣмцевъ. Дѣло понятное, нельзя не опасаться наставника славянскаго, который, если не онѣмеченъ въ корнѣ, не низведетъ-же преподаваніе живаго, все-таки роднаго языка, на степень мертваго, и не мудрено, что можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ слушателей своихъ и охоту заняться имъ, полюбить его и развить любовь въ другомъ. Съ какимъ отчаяніемъ гово

рилъ мнѣ о быстротѣ паденія народности между Славянцами и о скорой возможности, безъ рѣзкой перемѣны обстоятельствъ окончательнаго онѣмеченія страны одинъ профессоръ гимназіи изъ Краинцевъ, загнанный далеко отъ своей родины и, несмотря на многократныя просьбы дать ему мѣсто при гимназіи въ одномъ изъ упомянутыхъ городовъ, принужденный, вѣроятно, остаться навсегда на чужбинѣ, хотя жена его, рожденная подъ другимъ совершенно небомъ, и видимо изнываетъ отъ болѣе суроваго климата, а престарѣлые родители лишены счастія видѣть когда-либо вблизи себя единственнаго своего сына и подпору. Неправда-ли, надобно имѣть очень много твердости, чтобы не перестать *мыслить по-славянски*, чтобы не перенять всего нѣмецкаго и, для вящшаго благоденствія въ жизни, не стать лютымъ врагомъ всего своего. Удивительно-ли послѣ этого, что и имя *Краинецъ* у всѣхъ южныхъ и даже западныхъ Славянъ сдѣлалось синонимомъ самому ярому Нѣмцу-Австрійцу, какъ терминъ *Потурченка*, въ другой странѣ славянской, обозначаетъ также отъявленнаго врага славянству. Да, во многомъ Австрія похожа на Турцію. Правда, и между Краинцами мелькаютъ иногда славянскія книжки, календарчики и альманахи, но на нихъ смотришь какъ на послѣднія вспышки затухающаго огня. Къ числу одной изъ сильныхъ и отрадныхъ вспышекъ слѣдуетъ отнести и празднество, бывшее въ прошломъ году, въ день рожденія Водника, по случаю исполненія ему ста лѣтъ. Уже сорокъ лѣтъ прошло, какъ умеръ почтенный труженикъ славянскій, горячо любившій народъ свой и одинъ изъ самыхъ первыхъ начавшій писать въ новѣйшее время по-славянски, равно заботиться о собраніи и объ изслѣдованіи всего, что касалось его родины и соотчичей. Не вспомнить такого человѣка и не почтить столѣтнюю его годовщину было-бы непростительно со стороны Славянцевъ и независимо отъ спеціальной точки зрѣнія на Водника, какъ народнаго писателя; Водникъ не менѣе важенъ и потому нравственно образовательному вліянію, какое оказывалъ онъ на своихъ учениковъ, безъ различія языка и происхожденія. И дѣйствительно, 3-го февраля 1858 года, въ томъ же домѣ и въ тотъ же день, гдѣ за сто лѣтъ родился Водникъ (неподалеку отъ Лайбаха), въ присутствіи начальства, происходило торжественное открытіе ему памятника. По случаю празднества, положено было издать альбомъ, въ которомъ-бы приняли участіе всѣ ученые и литераторы славянскіе. Этотъ альбомъ недавно вышелъ и лежитъ у меня подъ-рукою (Vodnikov Spomenik. Dr. E. H.

Costa. V Ljubljani. 1859, 4-о XI 268). Въ немъ принимали участіе и Славяне и Нѣмцы, а потому и состоитъ онъ изъ статей на славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ началѣ приложенъ портретъ Водника, а въ концѣ снимки съ автографовъ его и барона Зигмунда Цойся, съ которымъ столь тѣсно связана жизнь и учено-литературная дѣятельность Водника. Первая половина книги посвящена извѣстіямъ и характеристикѣ жизни Водника: здѣсь, между прочимъ, помѣщена и переписка его съ Цойсомъ. Во второй части отдѣльныя, коротенькія произведенія, стихотворныя и прозаическія, литераторовъ славянскихъ. Въ филологическомъ отношеніи важно, и то какъ матеріалъ, собраніе Янезомъ Зялекаромъ родственныхъ названій у Славянцевъ, у которыхъ, какъ извѣстно, уцѣлѣли они въ наибольшей полнотѣ. Издатель Коста, въ предисловіи, высказалъ, что издаваемый имъ альбомъ долженъ послужить доказательствомъ неугаснувшей любви къ народному языку и къ успѣхамъ народнаго образованія; въ немъ читатель можетъ встрѣтить болѣе восьмидесяти именъ литераторовъ и болѣе 220 отдѣльныхъ статеекъ, что не можетъ не возбудить надежды на будущее. Она можетъ возникнуть и укрѣпиться лишь тогда, когда народный языкъ войдетъ въ жизнь, въ школу и особенно начнетъ раздаваться изъ устъ матерей, часто не понимающихъ, какъ я былъ свидѣтелемъ, ни одного слова по-славянски. Вы, быть можетъ, спросите: какимъ же образомъ въ гимназіяхъ, въ настоящее время, не введенъ еще народный языкъ, послѣ столь торжественно напечатаннаго, въ началѣ лѣта нынѣшняго года, рѣшенія правительства преподавать науки на языкѣ народа? Да, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда прочиталъ объ этомъ постановленіи въ одной изъ австрійскихъ газетъ, и я радовался *милости* правительства, началъ-было даже уже мечтать о наступленіи того времени, когда и наука и литература Славянъ австрійскихъ пойдетъ, наконецъ, впередъ на всѣхъ парусахъ, но радость и мечты были плодомъ той еще молодости и неопытности, которыя вѣрятъ во всякое обѣщаніе, во всякое слово, когда особенно высказывается оно, какъ въ настоящемъ случаѣ, передъ цѣлымъ міромъ съ положительными увѣреніями въ рѣшеніи уже вопроса. Да и какъ, кажется, не вѣрить, когда такія рѣшенія выдаются не отдѣльнымъ человѣкомъ, а правительствомъ? Тѣмъ не менѣе, радость и мечты мои продолжались не долго: въ Загребѣ онѣ разлетѣлись, какъ мыльные пузыри. Дѣло въ томъ, что состоявшееся, утвержденное и напечатанное рѣшеніе не даетъ еще никакого ручательства за введеніе этого рѣшенія въ практику

Объявляется оно въ такомъ видѣ лишь для того, чтобы весь читающій міръ могъ читать и дѣлать свои заключенія объ отеческой заботливости правительства о всѣхъ народностяхъ и о радикальной перемѣнѣ его взгляда на этотъ предметъ. Для практики же разсылаются министерствомъ народнаго просвѣщенія конфиденціальныя распоряженія по областямъ, съ строгимъ наставленіемъ, что изданный указъ за такимъ-то N°, гласящій о томъ-то, по отношенію къ такой-то странѣ, не долженъ имѣть никакой силы, что онъ, дескать, касается только гимназій, на счетъ правительства не содержимыхъ, о чемъ, говоря мимоходомъ, въ указѣ ни слова. Это конфиденціальное объявленіе министерства и служитъ нормою для практики. А такъ-какъ правительство давно уже озаботилось, чтобы хотя самымъ ограниченнымъ вспоможеніемъ захватить въ свои руки гимназіи, то и понятно, что печатное рѣшеніе не имѣетъ ровно никакого значенія, потому-что въ гимназіяхъ, отъ правительства не вспомоществуемыхъ, и прежде преподаваніе шло на родномъ языкѣ; да и отъ вспомоществованія-то отказывались онѣ, руками и ногами, именно для того, чтобы сберечь свой языкъ, какъ ни навязывалось къ нимъ правительство. Въ примѣръ укажу на Карловицкую гимназію, едва держащуюся отъ бѣдности, но съ твердостію отстраняющую готовность помощи правительственной: потому что съ такою помощью соединено право нетолько ввести чужой языкъ, но и распоряжаться преподавателями и начальствомъ гимназіи. Вотъ почему не прошло и недѣли радости между Хорватами, послѣ прочтенія указа, какъ ее смѣнила еще бо́льшая грусть, чѣмъ прежде. И какъ все *умно* придумано: и другія правительства и народы будутъ увѣрены, что въ Австріи пользуется свободою народность, да и жалующихся, еслибъ таковые нашлись, можно припугнуть, что они сами произвольно предпочитаютъ нѣмецкій языкъ вопреки обнародованному постановленію объ употребленіи въ гимназіяхъ господствующаго языка края. Пожалуй, для прикрытія, можно директора перевести и на лучшее мѣсто, а туда послать еще строжайшаго исполнителя конфиденціальной бумаги министерства, невписываемой и въ протоколъ *). Но, подальше отсюда, скорѣе въ Вѣну, гдѣ, за излеченіемъ болѣзни, а потомъ за бесѣдами съ Шемберой и

*) Прошу васъ принять къ свѣдѣнію это *событіе* не какъ слышанное только мною отъ другихъ достовѣрнѣйшихъ лицъ, но и какъ отъ читавшаго собственными глазами и устами копію съ бумаги министерской.

Миклошичемъ, некогда будетъ слѣдить за подобными распоряженіями.

Шембера окончилъ уже свой трудъ о границахъ древнихъ поселеній Славянъ въ западной Европѣ. Къ несчастію, трудъ этотъ лежитъ у него въ столѣ, и неизвѣстно, когда будетъ суждено ему поступить на станокъ типографскій. Подобнымъ же образомъ, обречена на лежаніе у него и автобіографія Колляра. И всего-то на ея отпечатаніе надобно 200 или 250 гульденовъ, слѣдовательно, не болѣе полутораста рублей серебромъ. Да и ихъ Шембера обѣщаетъ уплатить, какъ только выручится достаточная сумма изъ распродажи книгъ. Остальныя, вырученныя деньги, должны поступить въ пользу семейства покойнаго. Былъ я и на лекціи Шемберы. Число слушателей у него весьма ограниченное, не болѣе двадцати человѣкъ; за-то эти двадцать человѣкъ не проронятъ ни одного слова своего профессора. Я полюбовался на практичность метода Шемберы въ преподаваніи чешскаго языка, на искусство его раскрывать вкравшіеся германизмы въ языкъ современный и на умѣнье замѣнить ихъ чистыми чешскими словами и оборотами изъ классическихъ писателей стараго времени. И Миклошичъ окончилъ уже почти свое сочиненіе о собственныхъ именахъ у Славянъ. Оно раздѣлено на двѣ половины: въ первой говорится объ образованіи собственныхъ словъ, гдѣ перебраны корни и приставки, во второй — о значеніи. Во время путешествія моего на югъ, онъ успѣлъ дополнить и русскія имена извлеченіемъ изъ Собранія Румянцева и изъ актовъ юридическихъ. На ближайшихъ недѣляхъ должно выйдти и изданіе Греческихъ Памятниковъ (diplomata), грамотъ и т. п., хранящихся въ Публичной Военной Библіотекѣ и относящихся къ исторіи Славянъ. При мнѣ былъ принесенъ для корректуры 22-й листъ, въ которомъ находятся и три грамоты патріарховъ Россіи. Изданіе отчетливое и изящное. Всего будетъ около 32 листовъ. Вмѣстѣ съ этимъ приготовляетъ онъ къ изданію нашего Нестора съ филологическими комментаріями и съ словаремъ. Миклошичъ высказалъ только сожалѣніе, что давно уже ничего не получалъ онъ изъ русской Академіи, а думаетъ, что въ ея изданіяхъ не мало можетъ найдтись такого, чѣмъ-бы съ успѣхомъ могъ онъ воспользоваться. Почти приготовилъ уже онъ къ изданію новому и свой словарь славянскаго языка, въ который, какъ передавалъ мнѣ Миклошичъ, теперь уже войдетъ до пятидесяти тысячъ словъ, ненаходящихся въ изданной части А. Х. Востокова. Я пожелалъ ему полнаго успѣха. Въ житейскомъ отношеніи, Ми-

клошичъ жаловался на то, что ему, при всемъ множествѣ и при всемъ разнообразіи Славянъ въ Вѣнѣ, часто рѣшительно не съ кѣмъ раздѣлить время для разговора филологическаго; причина заключается въ дѣйствительной односторонности Славянъ вѣнскихъ, въ исключительной преданности ихъ одной своей народности. Я не могъ не сочувствовать Миклошичу, хотя, съ другой стороны, и долженъ замѣтить, что и въ Вѣнѣ, между молодежью, исключительность эта начинаетъ исчезать; болѣе и болѣе возбуждается интересъ и къ другимъ славянскимъ народностямъ. Судя по настоящему направленію, можно надѣяться, что черезъ пять или десять лѣтъ, и Миклошичъ перестанетъ жаловаться. Но когда же перестанетъ жаловаться весь славянскій міръ на свою судьбу?

П. Л.

Прага, 23 Ноября, 1859 года.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

I.

Между тѣмъ, какъ въ старомъ европейскомъ мірѣ отдѣльныя народности, разъединенныя случайными обстоятельствами, ищутъ національнаго единства, по ту сторону атлантическаго океана, въ Америкѣ, идетъ совершенно противоположное движеніе. Тамъ распадается одна изъ сильнѣйшихъ конфедерацій, одно изъ такихъ демократическихъ обществъ, какого, ни по могуществу, ни по соціальному устройству, никогда не было въ старой Европѣ. Явленіе въ высшей степени замѣчательное не столько въ политическомъ, сколько въ нравственномъ отношеніи. Духъ раздора, разрывающаго американскіе штаты, скрывается въ рабствѣ Негровъ, возведенномъ въ систематическое учрежденіе свободнаго народа. Дальновидные умы давно предсказывали эту катастрофу, и основатели американской республики, закладывая будущее общество на самыхъ широкихъ основахъ, отступили отъ вопроса о невольничествѣ; они понимали всю важность его, но не имѣли возможности разрѣшить и даже коснуться до него, потому-что всеобщее и глубокое потрясеніе страны, только-что начинавшееся сплоченіе ея, отвели ихъ вниманіе въ другую сторону: они основывали союзъ тринадцати независимыхъ колоній и потому всякое разъединяющее обстоятельство старались отклонить, ослабить или забыть. Такимъ образомъ самое антисоціальное

учрежденіе осталось въ основаніи демократической федераціи. Послѣдующія поколѣнія постоянно чувствовали это противорѣчіе, и старались закрыть кой-какими наружными накладками внутреннюю рану, но она не переставала сочиться и заражать здоровыя части тѣла. Время растравило ее такъ глубоко, что она разлила свой ядъ на всѣ отношенія южныхъ штатовъ, на воспитаніе на образъ мнѣній, на законодательство и администрацію. Племя *черныхъ*, угнетаемое населеніемъ *бѣлыхъ*, сдѣлалось главнымъ источникомъ жизни, богатства и безчисленныхъ общественныхъ спекуляцій; нѣтъ ни одного англо-американскаго семейства, которое бы не учавствовало въ этой позорной тиранніи, нѣтъ ни одного поземельнаго собственника, который бы не держалъ на цѣпи нѣсколькихъ рабовъ-негровъ,—ни одного жизненнаго интереса, который такъ или иначе не подходилъ бы къ этому всепроникающему началу. И вотъ четыре милліона людей, которыхъ судьбу такъ классически обрисовала Бичеръ-Стоу въ своей потрясающей книгѣ, обратились въ рыночный товаръ, до того выгодный каждому капиталисту, что на немъ построилась огромная промышленная система; съ него начинается всякая эксплуатація и имъ оканчивается. Едва ли кто по совѣсти и въ душѣ сочувствуетъ такому ненормальному состоянію, но каждый старается извинить его обстоятельствами, и личному своекорыстію придать какую-то законную форму. Этого мало: рабство, развитое въ неграхъ, перешло отъ нихъ на самое общество. Въ немъ явились защитники и пропагандисты отвратительнѣйшаго ученія, какое только когда-либо оскверняло человѣческую мысль и слово; они возвели его въ религіозный догматъ, въ философскую теорію, въ педагогическую программу и не стыдились доказывать въ половинѣ XIX вѣка, что невольничество есть самое естественное и лучшее состояніе общества. Съ тѣмъ вмѣстѣ его упорно отстаиваютъ въ законодательныхъ палатахъ, оправдываютъ разными пошленькими, но сладенькими эпитетами въ домашней жизни, ради его ограничиваютъ свободную прессу тамъ, гдѣ она не знала никакихъ стѣсненій и подъ вліяніемъ его давятъ всякую опозицію общественному злу. Само-собою разумѣется, что такой порядокъ вещей не могъ не отразиться на характерѣ южнаго Американца: онъ рѣзко отличается отъ сѣвернаго. Дѣтство перваго развивается подъ наитіемъ самыхъ неблагопріятныхъ впечатлѣній; у колыбели его стоитъ несчастный невольникъ, съ грустнымъ выраженіемъ на лицѣ или съ печальной пѣсней на устахъ; онъ передаетъ ребенку исторію своихъ стра-

данiи, показываетъ на рубцы своего изодраннаго тѣла и заранѣе знакомитъ его съ проклятiями невольнической жизни; далѣе, свободный американскiй юноша видитъ на площади торгъ людьми, наравнѣ съ вьючными животными, слышитъ свистъ и удары бича на плантацiи, постоянно читаетъ въ газетахъ, какъ мистеръ Дёдлей или Бирчъ охотился съ стаей гончихъ собакъ на бѣднаго Негра, бѣжавшаго съ фабрики или конюшни; въ школѣ его учатъ презирать *чернаго* человѣка и смотрѣть на него, какъ на существо, рожденное для безусловнаго повиновенiя волѣ и капризу *бѣлаго.* За тѣмъ деморализацiя проходитъ во всѣ изгибы общества, не оставляя ни одного чувства, ни одного помысла, свободнаго отъ ея заразы. Вслѣдствiе этого южный Американецъ склоненъ къ деспотизму и въ то же время къ униженiю; онъ любитъ роскошь и лѣность; его ложное отношенiе къ невольнику прiучаетъ его лгать и въ словахъ и поступкахъ; онъ грубъ и дерзокъ, потому что не знакомъ съ уваженiемъ къ человѣческой личности и ея правамъ; онъ *спекуляторъ* по преимуществу, потому что мѣрой его матерiальнаго счастiя служитъ самый грязный промыслъ Неграми Въ другомъ свѣтѣ представляется намъ гражданинъ сѣверныхъ штатовъ, куда не проникла система рабства; въ характерѣ его гораздо больше независимости, сознанiя своего собственнаго достоинства и уваженiя его въ другихъ; сѣверный Американецъ отличается болѣе гуманными понятiями и въ обществѣ и въ семействѣ; онъ трудолюбивъ и дорого цѣнитъ плоды своего труда; онъ предпрiимчивъ и считаетъ знанiе силой общественнаго благосостоянiя; онъ купецъ, но промышленность служитъ ему не цѣлью его жизни, а средствомъ ея; ему доступны самыя высокiя нравственныя удовольствiя, и онъ ненавидитъ невольничество, какъ оскорбленiе своего нацiональнаго чувства. Въ такомъ видѣ проводятъ паралелъ между жителями Южной и Сѣверной Америки путешественники и публицисты. Ясно, что главная черта социальнаго раздѣла между ними лежитъ въ самомъ характерѣ народа.

Но что значитъ характеръ народа въ такой странѣ, какъ Америка? Онъ значитъ все, потому что при индивидуальной свободѣ и новыхъ, еще шаткихъ государственныхъ учрежденiяхъ, общественные взгляды, понятiя и вѣрованiя выработываются въ частной жизни и, провѣренные опытомъ, обращаются въ народное мнѣнiе. Это мнѣнiе создаетъ законы, управляетъ конгрессами и покоряетъ себѣ все, что живетъ и дѣйствуетъ въ чертѣ его власти. И американскiя общины сильны силой и еди-

своемъ этого мнѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ зарождается расколъ и обнаруживаются противоположныя стремленія, соціальная связь уничтожается и конфедерація можетъ сдерживаться отъ распаденія только внѣшними и случайными обстоятельствами. Такъ, Швейцарія, не располагая ни вѣрными средствами защиты, ни отступленія, развѣ только въ ущелія своихъ неприступныхъ горъ, по необходимости бережетъ свой союзъ, какъ бы ни были различны его интересы. Съ той минуты, когда политическая связь ея кантоновъ порывается, независимость этой страны дѣлается болѣе чѣмъ сомнительной. Въ иномъ положеніи находится Америка. Отрѣзанная океаномъ отъ другихъ частей свѣта, безопасная въ отношеніи внѣшнихъ враговъ, съ небольшимъ народонаселеніемъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ земель, она чувствуетъ себя совершенно свободной отъ всякаго посторонняго вліянія; надъ ней ни тяготѣетъ ни мечъ завоевателя, ни дипломатическій произволъ самодержавныхъ кабинетовъ: въ этомъ отношеніи она независима, какъ море у береговъ ея. Но чѣмъ меньше стѣсняетъ ее внѣшнее вліяніе, тѣмъ тверже должна быть внутренняя связь ея конфедераціи. Къ сожалѣнію, ее-то и не достаетъ американскому союзу. При всемъ томъ, что національные элементы его составлены довольно стройно, промышленные интересы общіе, представительная система не имѣетъ ничего противнаго мѣстнымъ выгодамъ или лучше она слишкомъ слаба, чтобъ нарушать ихъ гармонію, и за всѣмъ тѣмъ принципъ невольничества раздвоилъ самую крѣпкую народность: цѣпь Негра такъ тяжела, что въ состояніи была разорвать политическое звено, соединявшее южные штаты съ сѣверными. И это неудивительно; рано или поздно событіе должно было совершиться. «Я вѣрю, писалъ Джефферсонъ, въ великое будущее нашего союза: я предсказываю ему завидное положеніе между народами, но не могу скрыть отъ себя, что ему угрожаетъ серьезная опасность со стороны невольничества.»

И эта опасность не замедлила осуществиться. 19 прошлаго декабря состоялся актъ отложенія южной Каролины отъ американскаго союза; она единодушно рѣшила, что на будущее время независимость ея признается, на правахъ отдѣльнаго государства, т. е. объявленіе войны, заключеніе мира, устройство промышленной дѣятельности и всѣ международныя отношенія составляютъ ея собственную прерогативу, независимо отъ центральнаго правительства. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней она поста-

новила пригласить и другіе штаты, имѣющіе невольниковъ — Негровъ, къ участію въ этомъ отложеніи и къ составленію отдѣльнаго южно-американскаго союза. Движеніе продолжается, и неизвѣстно на чемъ остановится. Поводомъ его было избраніе новаго президента Линкольна, человѣка партіи, неблагопріятной вопросу о невольничествѣ Негровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что южная Каролина, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ невольничества, боялась подъ управленіемъ Линкольна, потерять свой голосъ въ палатахъ Вашингтона и тѣмъ усилить опозицію. Но это только видимая причина, за которой скрывается болѣе существенная сторона вопроса: дѣло въ томъ, что симптомы этого раздора обнаружились уже давно. Въ прошломъ году, по случаю казни Броуна, сѣверные штаты обмѣнялись съ южными самыми энергическими спорами и взаимнымъ презрѣніемъ. Кровь благородной жертвы была общимъ сигналомъ возстанія аболиціонистовъ противъ своихъ заклятыхъ враговъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторилась та же сцена, когда возникъ вопросъ относительно перехода Негровъ въ свободные штаты. Поэтому настоящія событія въ южной Каролинѣ были подготовлены гораздо раньше; иначе было бы трудно понять это внезапное возстаніе цѣлыхъ провинцій и такую твердую рѣшимость ихъ. «Какимъ образомъ, замѣчаетъ Times, въ нѣсколько дней десять милліоновъ жителей могли обратиться изъ смирныхъ граждань въ бунтовщиковъ; какимъ образомъ люди, воспитанные въ томъ убѣжденіи, что Америка величайшая страна между полюсами, вдругъ стали, утверждать, что Союзъ ея — нелѣпость и вашингтонское правительство — тираннія, подобная старой странѣ». Ясно, что свободный и образованный сѣверъ Америки давно былъ раздѣленъ съ невольническимъ и невѣжественнымъ югомъ.

Судя по направленію и размѣрамъ движенія, отложеніе неограничится одной южной Королиной. Вѣроятно, начатое ею, оно захватитъ и другія провинціи, населенныя Неграми. Въ перспективѣ предвидится междоусобная война и земля, столь чистая отъ человѣческой крови, обольется ея потоками.

Разсматривая этотъ фактъ съ точки международной справедливости, хоть въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ея современная политика, мы не можемъ оправдать поступокъ южной Каролины ни въ какомъ случаѣ. Здѣсь мы напомнимъ читателю главныя условія, при которыхъ возникла сѣверо-американская конституція. Когда началась борьба съ англійской метрополіей тринадцать колоніи выступили противъ врага и низложили господство

его; ихъ связывалъ одинъ общій интересъ побѣды и одна общая надежда независимости. Побѣда была выиграна и національная свобода обезпечена. Тогда предстояла трудная задача — внутренней организаціи страны, стоявшей между угрозами стараго завоевателя и полной анархіей. Съ этой цѣлью, въ 1787 г., было созвано національное собраніе, замѣчательное по чистотѣ и благородству характеровъ, по уму и государственной опытности. Президентомъ этого собранія былъ Георгъ Вашингтонъ. Капитальный вопросъ совѣщанія состоялъ въ томъ, чтобъ устроить взаимныя отношенія освободившихся колоній и соединить ихъ въ одно политическое существо. Передъ законодателемъ лежалъ единственный путь—собрать отдѣльныя части въ стройный федеративный союзъ, но такъ искусно, чтобъ не лишить каждую изъ нихъ индивидуальной независимости, основанной на мѣстной автономіи и въ то же время подчинить ихъ центральному правительству. Вслѣдствіе этого образовался союзъ, съ правомъ верховной инисіативы надъ соединенными штатами: эта инисіатива была опредѣлена очень ясно и метко. Всѣ общіе интересы — война, миръ, торговые договоры, составъ войска и вооруженіе флота, однимъ словомъ, всѣ международныя отношенія были ввѣрены федеративному управленію. За-тѣмъ всѣ внутренніе интересы, обнимающіе собой цѣлый союзъ, какъ напримѣръ, пути сообщенія между отдѣльными штатами, также были перенесены на вашингтонскій сенатъ и палату. Что же касается до мѣстныхъ правъ управленія, то каждому штату оставлена полная независимость дѣйствія. Такимъ образомъ тринадцать отдѣльныхъ республикъ составили конфедеративный союзъ, въ видахъ внѣшней безопасности и внутренняго благосостоянія. Въ этомъ заключалась главная цѣль Союза, признаннаго добровольно всей націей и выраженнаго въ конституціонной хартіи.

Теперь спрашивается, въ силу какого федеративнаго права южная Каролина, свободно вступившая въ союзъ, отдѣляется отъ него, претендуя на самостоятельное государство? Южная Каролина состоитъ изъ того же племени, съ тѣмъ же языкомъ и религіей, какъ и прочіе штаты; она соединилась съ ними на основаніи свободнаго договора и болѣе семидесяти лѣтъ пользовалась его защитой. Что же заставляетъ ее отложиться отъ конфераціи? Парламентъ Чарльстона, желая придать законную форму отдѣленію, говоритъ между прочимъ о стѣсненіи своихъ правъ и дѣятельности центральнымъ управленіемъ. Но если бъ въ этомъ показаніи и было сколько нибудь

искренняго мнѣнія, то и тогда произвольное отложеніе не оправдывается ни здравымъ смысломъ, ни политическими соображеніями. Положимъ, что вашингтонскій парламентъ виноватъ передъ провинціей въ нарушеніи своихъ обязанностей; но Южная Каролина не должна забывать, что кромѣ отношеній ея къ центральной власти, у нея есть обязанности и къ другимъ, равнымъ ей, провинціямъ: доселѣ у нихъ были общія жертвы и выгоды, въ которыхъ они участвовали вмѣстѣ. Притомъ, если бъ вашингтонскій парламентъ и совершилъ какое нибудь преступленіе относительно того или другаго штата, то онъ отвѣчаетъ передъ всей націей и судится ея общимъ судомъ, а не собраніемъ отдѣльнаго округа. Это первый актъ самоуправства со стороны южной Каролины.

Но второй актъ ея отложенія принимаетъ характеръ политической измѣны. Возставшая область не довольствовалась своимъ собственнымъ отложеніемъ, но обратилась и къ другимъ провинціямъ съ просьбой присоединиться къ ея возстанію. Это дерзкій вызовъ на разрушеніе основныхъ началъ Союза, не имѣющій и тѣни справедливости. Если народъ общими силами и волей заложилъ національное единство, то и расторженіе его должно быть утверждено общимъ мнѣніемъ. Между тѣмъ южная Каролина предлагаетъ свой планъ только тѣмъ кантонамъ, которые вмѣстѣ съ нею замѣшаны въ эксплуатаціи Негровъ. Такое неловкое предложеніе открываетъ въ одно и то же время лицемѣріе, и своекорыстіе цѣли. Послѣ этого поступка становится ясно, что южная Каролина не надѣется на справедливость своего отложенія и на одобреніе его общимъ голосомъ страны. Она понимаетъ и то, что говорить громко свѣту о своихъ намѣреніяхъ не совсѣмъ прилично. Но обмануть общественное мнѣніе также не легко. Теперь всякій видитъ, чего она боится со стороны американскаго союза и чего ищетъ въ своемъ отреченіи отъ него: ей, дѣйствительно, дорога не свобода отдѣльной народности (въ этомъ было бы смѣшно упрекнуть Америку), а дорого невольничество и соединенныя съ нимъ безумныя злоупотребленія; она боится и, конечно, не безъ основанія, что сѣверные штаты современемъ потребуютъ освобожденія Негровъ или посадятъ ихъ на карабли и вывезутъ изъ предѣловъ Америки. Вотъ то опасеніе, которое волнуетъ южную Каролину, и приводитъ ее къ политической измѣнѣ.

Когда мы пишемъ эти строки, еще неизвѣстно, какую роль приметъ федеративное правительство въ этомъ вопросѣ, и какъ

на него взглянутъ другіе штаты. Нѣтъ сомнѣнія, что Америка не дозволитъ совершить преступленіе безъ протеста и наказанія, не допуститъ несчастное племя Негровъ до совершеннаго порабощенія его, безъ надежды на свободу и безъ опозиціи великаго народа.

Нѣсколько утѣшительнѣе идутъ дѣла въ Китайской имперіи. Благодаря угрожавшему бунту въ Пекинѣ, если-бъ хоть одна непріятельская бомба упала въ городъ, и благодаря посредничеству генерала Игнатьева, упорство мандариновъ наконецъ уступило необходимости, и они рѣшились заключить миръ. Нельзя не удивляться великодушію или, какъ выражается Фигаро, простодушію побѣдителей. Они воспользовались почти такими же выгодами отъ своей побѣды, какихъ могли достигнуть и не предпринимая отдаленнаго и убыточнаго похода. Правда они взяли контрибуцію — въ 120 милліонахъ франковъ — но такая ничтожная сумма едва ли покрываетъ расходы войска, проплывшаго около тысячи миль по океану; правда, они поживились на счетъ китайскаго богдыхана, въ его великолѣпномъ дворцѣ, но намъ неизвѣстно, въ какой степени эта добыча была велика. Въ «Монитèрѣ» было сообщено офиціальное свѣдѣніе объ этой чрезвычайной контрибуціи, но подробности ея не были ясно высказаны или представлены легче, чѣмъ можно предполагать ихъ на самомъ дѣлѣ. Тамъ, между прочимъ, было такъ сказано: «Когда явились англійскіе офицеры (дворецъ былъ занятъ, послѣ легкаго сопротивленія со стороны Татаръ, первыми Французами, пригласившими для дѣлежа добычи и Англичанъ), мы обсудили, какъ-бы лучше поступить со всѣми этими богатствами, и потому были назначены по три довѣренныхъ лица со стороны каждой націи: имъ дано было порученіе отложить въ сторону предметы особенной цѣнности или любопытства, такъ чтобъ раздѣлъ можно было произвести поровну. Нечего было и думать о томъ, чтобъ все забрать съ собой, при нашихъ ограниченныхъ средствахъ перевоза. Вскорѣ за тѣмъ, послѣ дальнѣйшаго поиска, была открыта сумма въ 800,000 франковъ, въ маленькихъ золотыхъ и серебряныхъ слиткахъ. Коммисія раздѣлила её между обѣими арміями такъ что на каждаго солдата пришлось по 80 франковъ». Далѣе былъ собранъ военный совѣтъ для выбора особенныхъ подарковъ, предназначенныхъ для поднесенія англійской королевѣ и французскому императору. Лордъ Элджинъ назначилъ послать той и другой власти по драгоцѣнному скипетру китайскаго владыки. Затѣмъ генералъ продолжаетъ въ своемъ донесеніи: «Нѣтъ возможности, господинъ

маршалъ, описать вамъ великолѣпіе многочисленныхъ зданій, расположенныхъ сплошной массой на пространствѣ четырехъ миль; всѣ эти зданія составляютъ такъ называемый лѣтній дворецъ императора и продолженіе пагодъ, загроможденныхъ золотыми, серебряными и бронзовыми болванами колосальнаго размѣра. Одно бронзовое изображеніе Будды около 70 футовъ высоты. Сады, озера и всевозможные рѣдкости, цѣлыми вѣками накопленныя въ строеніяхъ бѣлаго мрамора, покрытыхъ разноцвѣтной глянцовитой черепицей, — прибавляютъ къ этому видъ на очаровательныя окрестности... Но что непріятно видѣть среди этихъ остатковъ старой роскоши — это безпечность и запущенность настоящаго правительства и двухъ или трехъ, предшествовавшихъ ему. Ни малѣйшаго слѣда заботы, и самыя дорогія вещи, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя украшаютъ жилые покои богдыхана, заброшены до отвратительнаго пренебреженія» и т. д.

Изъ этого донесенія видно, что Англичане и Французы не забыли заглянуть и въ ларчикъ бѣжавшаго богдыхана, но нельзя опредѣлить съ точностью, на столько именно великодушная рука ихъ обчистила неопрятныя его палаты. Во всякомъ случаѣ, побѣдитель обошелся съ побѣжденнымъ почеловѣчески. И мы находимъ такое поведеніе въ высшей степени достойнымъ образованныхъ націй, потому что тяжелыя контрибуціи, собираемыя съ восточныхъ правителей, обременяютъ не ихъ самихъ, а бѣдныхъ рабовъ, подвластныхъ имъ.

Къ числу вещественныхъ пріобрѣтеній относится также клочекъ земли, совершенно безполезный для Китая, но выговоренный Англичанами за тѣмъ, чтобъ образовать изъ него главное депо товаровъ, отправляемыхъ въ сѣверныя провинціи имперіи. И это ничтожное пріобрѣтеніе маленькаго острова едва-ли не во сто разъ выгоднѣе для Англіи, чѣмъ денежная ея контрибуція. Мы увѣрены, что современемъ она обратитъ этотъ пунктъ въ богатую и многолюдную колонію, изъ которой будетъ удобно разбросить сѣть своего промышленнаго завоеванія по берегамъ Китая и, поставивъ въ его портахъ сильный флотъ, — отстранить всякое постороннее вліяніе на судьбу небеснаго народа. Замѣтимъ, что съ такихъ, едва замѣтныхъ, пріобрѣтеній началась постепенная агломерація Индіи, Австраліи и американскаго побережья. Подъ британскомъ флагомъ совершалась всемірная побѣда, не столько посредствомъ пушки, сколько при помощи комерческаго инстинкта и необыкновенной предпріимчивости впередъ идущей націи. Она спѣшитъ поставить

на чужой землѣ не арсеналъ и крѣпость, а торговую контору, и черезъ нѣсколько лѣтъ мѣшокъ хлопчатой бумаги обращаетъ въ тронъ своего господства. Въ этомъ все различіе ея громадной колонизаціи съ колонизаціями другихъ народовъ.

Съ тѣмъ же вѣрнымъ инстиктомъ она угадываетъ въ своемъ договорѣ съ Китаемъ два обстоятельства, повидимому, пустыя, но впослѣдствіи чрезвычайно важныя. Она настояла на открытіи всѣхъ китайскихъ портовъ европейскимъ купеческимъ кораблямъ, напередъ увѣренная, что лучшими результатами этого пункта воспользуется она сама; потому что превосходство промышленныхъ силъ принадлежитъ Англіи и, пока Америка будетъ разработывать и заселять свои пустыни, у нея нѣтъ соперника на этомъ полѣ. Кромѣ сбыта своихъ фабричныхъ произведеній и обмѣна ихъ на туземные продукты, она утвердитъ въ этихъ портахъ политическое преобладаніе въ Китаѣ, которое и теперь уже обозначается очень ясно. Затѣмъ она обезпечила тіендзинскимъ трактатомъ свободный проѣздъ своимъ подданнымъ во внутреннія части имперіи. Нечего и говорить, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ всѣ промышленные интересы Китая перейдутъ въ ея руки. Объ этомъ мы уже сказали въ прошломъ политическомъ обзорѣ. За всѣмъ тѣмъ Англія недовольна ратификаціей тянь-дзинскаго мироваго договора. Она ожидала и въ правѣ была ожидать гораздо большихъ выгодъ за пожертвованія, понесенныя ею во время войны. Но, кажется, она слишкомъ увлекается настоящими разсчетами, не принимая въ соображеніе будущихъ послѣдствій. Съ однимъ можно согласиться, что она попрежнему не опредѣлила своихъ отношеній къ южнымъ китайскимъ провинціямъ, которыми управляетъ не Гіенфунгъ, а другой повелитель, Чунгъ-Янгъ, съ отдѣльнымъ дворомъ и самостоятельной властью. Въ рукахъ этого новаго Аттилы, покрывшаго половину имперіи человѣческими костями и развалинами, находятся лучшія области, откуда доставляется шелкъ и чай. Какимъ образомъ Англичане устроятъ свои торговыя связи съ этимъ краемъ, не обезпечивъ ихъ ни особенными условіями, ни военнымъ вліяніемъ, — это трудно рѣшить. Имъ остается два средства — поддержать эти связи вооруженной силой или расположить къ себѣ нанкинскаго императора, но въ послѣднемъ случаѣ имъ не слѣдовало называть его самозванцемъ въ офиціальномъ трактатѣ съ Гіенфунгомъ. Точно также недостаточно опредѣлены и сношенія ея подданныхъ съ внутренними провинціями. Выдача паспортовъ зави-

сить отъ англійскихъ консуловъ, но подчиняется и наблюденію мѣстнаго китайскаго управленія. Это вмѣшательство китайской администраціи угрожаетъ множествомъ такихъ невыносимыхъ формальностей, что способно отравить положеніе самого терпѣливаго путешественника. Если британское правительство нашло для своихъ купцовъ стѣснительной французскую паспортную систему, то что-же надо думать о китайской, гдѣ произволъ, ложь и кукольная игра въ административныя церемоніи доходитъ до классической пошлости. Англичане это знаютъ: они видѣли лицемѣріе мандариновъ, они не разъ были обмануты правительствомъ, для котораго нѣтъ ни чести слова, ни уваженія къ справедливости и завсѣмъ тѣмъ впали въ ту же самую ошибку. Ужь не соперничество ли съ Французами заставило ихъ быть менѣе требовательными и болѣе великодушными, чѣмъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ? Рѣдко побѣдителю случается предписывать свои условія въ столицѣ непріятеля, но если случается, то они предписываются строго и рѣшительно.

Китайская война бросила новый лучь свѣта на судьбу одряхлѣвшаго Востока. Она показала всю слабость его и всю неисправимость политической системы, которая поражаетъ третію часть міра безвыходнымъ застоемъ. Что будетъ съ Востокомъ съ этимъ историческимъ призракомъ, надъ которымъ пронеслись вѣка, пережились сотни поколѣній, поднялись и упали громадныя государства, шумно прошли страшные завоеватели, подобные Тамерлану и Магомету II, а онъ, этотъ таинственный Востокъ, неподвижно каменѣетъ въ своихъ чудовищныхъ формахъ, какъ гранитный обелискъ, занесенный песчаной пустошью. Что́ могло такъ тяжело налечь на его жизнь и ослабить его политическую логику? Неужели преданіе или религіозный квіетизмъ? — Да, здѣсь есть надъ чѣмъ подумать! Нѣтъ сомнѣнія, что возрастающія силы Европы поглотятъ его полудикія племена и выведутъ его путемъ ужасной неволи и страданій, какъ мы это видимъ на современной Индіи, къ другой жизни, можетъ быть не лучшей, но во всякомъ случаѣ и не худшей.

Г. Б.

Письмо изъ Парижа.

Послѣ знаменитой тревоги, произведенной декретомъ 24 ноября, умы имѣли довольно времени нѣсколько спокойнѣе обдумать значеніе этой новой эры, которой правительство думало освѣтить всю націю. Теперь понятна причина, вдохновившая подобную великодушную мѣру. Рѣчь шла о томъ, чтобы провести параллель между конституціей Парижа и конституціей Вѣны. Преимущество осталось за первой, которая даруетъ новыя вольности націи, вовсе не требовавшей ихъ. Правда, что если народы, подчиненные скипетру Франца-Іосифа, не выражаютъ особенной признательности либеральнымъ правамъ, которыя вызваны обстоятельствами со стороны австрійскаго правительства, за то Французы далеки оттого, чтобъ горячо сочувствовать новымъ милостямъ, о которыхъ они и не думали наканунѣ.

Но чтобы объяснить эту политическую мѣру, надобно спуститься глубже въ причины, которыя ее породили. Императоръ Наполеонъ чувствуетъ, что онъ становится одинокимъ въ своей обширной имперіи. Его книгопечатные станки, его законодательная камера, сенатъ, министерства, префектуры начинаютъ исчезать среди всеобщаго равнодушія. Старая партія бонапартистовъ рѣдѣетъ, и необходимость искать опоры въ самой преданности страны, въ ея общественныхъ симпатіяхъ правительству, становится не для одной Австріи настоятельной необходимостью. До-сихъ-поръ мыслящее сословіе Франціи, и въ особенности ея моралисты не вполнѣ раздѣляли цѣли и стремленія власти, созданной ударомъ 2 декабря. Газеты, обозрѣнія, администраціи, управляемыя самыми посредственными личностями, или же такими отступниками, которые, начавъ свою карьеру въ станѣ либераловъ, оканчиваютъ ее въ министерствѣ Валевскаго или въ префектурѣ столичной полиціи. Не думаемъ, чтобъ императоръ искренно вѣрилъ этимъ людямъ, перемѣнившимъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ фракомъ образъ мыслей и чувствъ, да и они сами едва-ли вѣрятъ чему нибудь и кому нибудь въ мірѣ,— не менѣе того кругъ ихъ великъ и силенъ. Наполеонъ очень хорошо понимаетъ

и помнитъ исторію своего дяди, что положиться на этихъ людей въ трудныя минуты болѣе чѣмъ опасно. Онъ ищетъ истинныхъ друзей между тѣми рядами подданныхъ, которые вѣрнѣй служатъ счастію страны и крѣпче любятъ ея интересы. Но едва ли маршалы не ошибаются, что эта *толпа* гораздо дальновиднѣе ихъ и вовсе неспособна увлекаться великолѣпными обѣщаніями, похожими на сновидѣніе голоднаго бѣдняка, пирующаго во снѣ, но просыпающагося съ удвоеннымъ апетитомъ. Мы откровенно начинаемъ сознаваться, что гражданское воспитаніе Франціи равняется нулю, но мы въ тоже время научены опытомъ не совсѣмъ довѣрчиво смотрѣть на сочиненіе конституцій въ одну ночь и республикъ въ три дня.

Кажется и правительство сознаетъ эту истину. Столько счастія вовсе не ослѣпило человѣка, который взросъ въ суровой школѣ несчастія. Онъ помнитъ, что власть падаетъ въ слѣдствіе не нормальной натяжки своихъ принциповъ; онъ знаетъ исторію Поликрата Самосскаго, котораго боги, не смотря на то, что ненавидѣли, все таки осыпали самымъ неслыханнымъ счастіемъ. Чтобы избѣжать непремѣнный законъ противодѣйствія и реакціи, напрасно силился онъ обезоружить судьбу, неотступно привязавшуюся къ нему и посылавшую удачи за удачами во всѣхъ его предпріятіяхъ; напрасно бросилъ онъ въ глубь моря перстень, лучшую изъ своихъ драгоцѣнностей; онъ снова нашелъ его въ той самой рыбѣ, которую подали къ его столу. Но чрезъ нѣсколько времени, разбитый и попавшій въ плѣнъ, Поликратъ умираетъ.

Первымъ послѣдствіемъ реформы, какъ думали, будетъ распространеніе свободы прессы. И дѣйствительно Фіалэнъ де-Персиньи отмѣнилъ взысканіе съ журналовъ, которымъ подверглись нѣкоторые изъ нихъ. Извѣстно, что наблюденіе за литературнымъ благочиніемъ и право предостереженій находится въ рукахъ префектовъ, людей не всегда способныхъ быть судьями науки и журналистики. Были времена, когда они, сообразуясь съ направленіемъ министерства, дозволяли себѣ произволъ, тѣмъ болѣе тяжелый, что при отсутствіи положительныхъ правилъ отвѣтственность авторовъ и редакціи не имѣли никакихъ гарантій, даже передъ судебнымъ трибуналомъ. Такимъ образомъ иной префектъ считаетъ вреднымъ писать о вывозѣ тросниковаго сахара; другой запрещалъ критическія замѣчанія о достоинствѣ картинъ историческихъ и пейзажныхъ: о литературномъ достоинствѣ господина Жасмена, — поэта на-

рикмахера города Ажена. Нѣкоторые журналы подверглись цензурѣ правительства за то, что печатали вѣроятныя извѣстія, не бывшія предварительно помѣщенными въ столбцахъ Монитера; — за напечатаніе извлеченій изъ католическихъ журналовъ. Другіе были раззорены за то, что писали о конскихъ заводахъ и ремонтѣ; за то, что осмѣлились имѣть свое мнѣніе о портѣ Ла-Жольетъ въ Марсели; помѣщали офиціальныя донесенія, или просто говорили о холерѣ, о посѣвахъ и наземѣ. Жиронда была окончательно приговорена къ смерти. Такія ограниченія литературнаго мнѣнія, естественно, не могли ужиться вмѣстѣ съ новыми фирмами законодательной трибуны. Едва Персиньи успѣлъ объявить свой декретъ, какъ министерство было осаждено просьбами о дозволеніи издавать новыя періодическія изданія. Изъ нихъ получили разрѣшеніе 22 журнала, а изъ числа ихъ 18 просили позволеніе назваться словомъ *Свобода*. Девятнадцатый журналъ просилъ о дозволеніи озаглавить себя: La République des lettres; на это министръ съострилъ, отвѣтивъ: non pas, car vous voulez dire les lettres de la République. Прудонъ, воротившійся въ Парижъ, явился также съ просьбою о возобновленіи своего журрала, le Peuple. Нефтцеръ, бывшій редакторъ Presse, основываетъ протестанскій журналъ Le Temps. Эмилю Оливье, депутату въ законодательномъ собраніи, отказано въ его просьбѣ объ изданіи журнала, потому что онъ принадлежитъ къ оппозиціи.

Но вѣроятно всѣ эти извѣстія, которыя такъ сильно занимаютъ теперь парижскіе литературные кружки, представляютъ для васъ мало интереса. Что за дѣло вамъ на такомъ далекомъ разстояніи до нашей литературы, которая сама себѣ произнесла слѣдующій приговоръ устами Вильмессана въ Фигаро, почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Солари, Миресы, Перейры—вотъ меценаты нашего времени. Если-бъ биржевая игра была выдумана во время Августа, меценаты этой эпохи награждали бы Горація акціями и купонами съ непремѣннымъ выигрышемъ ихъ. Это нашъ вѣрнѣйшій доходъ. Поспѣшимъ же, артисты и литераторы, подхватить подачку отъ милости капиталистовъ; дуракъ тотъ, кто отвернется отъ нея».—Со стороны Вильмессана довольно было неловко объявлять себя на жалованьи Мирcа въ ту самую минуту, когда касса мецената лопнула. Послѣдняя финансовая операція Миреса, скупившаго на 200,000 векселей де-Морни, могла окончиться счастливо, только при содѣйствіи Мокара (секретаря императора Наполеона).

Вторымъ *великимъ* дѣломъ Персиньи было дозволить Англичанамъ свободный доступъ во Францію по одному британскому виду, безъ всякихъ формальностей со стороны нашихъ жандармовъ и портовыхъ комиссаровъ. Такъ Англичанинъ признанъ честнымъ человѣкомъ a priori, между тѣмъ Французъ по прежнему долженъ предъявлять свои помѣтки на паспортахъ и черезъ каждыя двѣ мили обращаться за новымъ удостовѣреніемъ. Мы не понимаемъ этого различія между двумя націями, заключившими свободный договоръ обмѣна на равныхъ обоюдныхъ условіяхъ.

II.

Со времени послѣднихъ шести недѣль положеніе Италіи, къ несчастію, содѣлалось хуже. Въ виду войны противъ Австріи, которая съ каждымъ днемъ готовится грознѣе и грознѣе, въ виду папской власти, обременяющей сердце апенинскаго полуострова, въ виду междоусобія въ Гаетѣ и неурядицъ Неаполя и Сициліи, мы тревожно задаемъ себѣ вопросъ: «будетъ ли Италія въ силахъ предпринять весной осаду страшнаго четвероугольника?» Если-бы противъ этого непріятеля была одна Италія, трудно было-бы разсчитывать на успѣхъ; но принимая во вниманіе положеніе самой Австріи, поборники итальянской независимости нѣсколько спокойнѣе ожидаютъ будущихъ событій. Если-бы изъ числа двигателей оставался на сценѣ одинъ только ловкій графъ Кавуръ, можно было-бы вовсе отложить попеченіе о грядущемъ возрожденіи Италіи; но вопросъ Венгріи обезпечиваетъ благопріятный исходъ начатаго дѣла, и теперь даже дѣти знаютъ, что съ будущей весной, Гарибальди, вмѣстѣ съ тысячью своихъ храбрецовъ, да съ легіономъ Мадяръ, направится въ родину Яна Гуніади, чтобы со стороны Дуная произвести диверсію Италіи, въ то время какъ Венеція назначена быть диверсіей для Венгріи.

Возрожденіе Италіи было задержано неоднократно возобновляемыми кризисами. Внутренніе смуты достигли послѣднихъ предѣловъ на югѣ, особенно въ Неаполѣ, столь прославленномъ красотой его моря, неба и окружныхъ горъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожностью его жителей. Только одинъ городъ можетъ еще превзойти Неаполь въ испорченности—это Римъ. Вотъ почему общественное мнѣніе въ Италіи не могло развиться. Безъ сомнѣнія правительство Виктора Эмануила должно быть довольнымъ тѣмъ,

что де-Гойонъ воспрепятствовалъ ему войти въ Римъ, гдѣ побѣдитель не легко вышелъ-бы изъ грязи. Въ Неаполѣ-же, этомъ городѣ съ 400,000 жителей, волонтеры Гарибальди нашли населеніе барышниковъ, въ числѣ которыхъ отыскалось не болѣе 80 человѣкъ, послѣдовавшихъ за нимъ на берега Вольтурно. Раненные въ сраженіяхъ были принимаемы въ домъ для излеченія только по приказанію высшаго начальства. Общественныя подписки (за исключеніемъ иностранныхъ складчинъ), составили не болѣе какихъ-нибудь сотенъ франковъ. Волонтеры Гарибальди не рѣдко падали подъ ножемъ тайныхъ убійцъ, въ темныхъ закоулкахъ Неаполя, какихъ-нибудь руффьяно, и на другой день находили ихъ трупы съ красною рубахой, иногда и безъ нея. Дошло до того, что иначе нельзя было ходить по Неаполю, какъ съ револьверомъ за поясомъ, или съ кистенемъ въ рукахъ. Фанти, Фарини, всѣ эти личные враги Гарибальди, наставившіе столько препятствій и затрудненій правительству диктатора, успѣвъ выступить минутно на сцену дѣйствій, вскорѣ показали все свое ничтожество, и теперь, отставленные и потерявшіе довѣріе, сошли одинъ вслѣдъ за другимъ со сцены политической дѣятельности. Кавуръ не зналъ кѣмъ замѣстить ихъ, и назначилъ принца Кариньяно.

Надобно признаться, что Италія, послѣ всѣхъ порывовъ и побѣдъ, находится въ трудномъ положеніи. Народное движеніе, которое во время предводительства Гарибальди, брало приступомъ города и овладѣвало цѣлыми провинціями безъ особенныхъ кровопролитій, теперь становится междоусобіемъ, усложняющимъ въ высшей степени исходъ дѣла; побѣда стала колебаться между дипломатами и генералами, между реакціей и революціей. Къ довершенію затрудненій и чтобы показать свое преимущество предъ Викторомъ Эмануиломъ, Францискъ II дѣлаетъ самыя блестящія обѣщанія о совершенной свободѣ книгопечатанія и даже обѣщаетъ конституціонную хартію.

Отчего-же небо Италіи подернулось тучами и въ воздухѣ такъ и вѣетъ вѣтеръ, разслабляющій ея дѣятелей?

Нѣтъ болѣе сомнѣнія, что причина реакціи лежитъ въ Кавурѣ, этомъ неистощимомъ дипломатѣ безъ политической вѣры, который думалъ, что хитростію и извѣстнаго рода снаровкой можно пойти далѣе, чѣмъ съ помощію политики Гарибальди. Итальянцы не привыкли вѣрить закулиснымъ комбинаціямъ министерства; они понимаютъ и слушаются слова вождя, раздѣлявшаго съ ними и горе и радость. Апатія также лежитъ въ слабости римской под-

купности неаполитанской; но и это оказалось недостаточнымъ. Положеніе, въ какомъ находится Италія было подготовлено французскимъ правительствомъ. Нельзя было ничего понять въ его движеніяхъ и передвиженіяхъ въ областяхъ св. Петра, въ его противорѣчащихъ дѣйствіяхъ въ Витерби, Фросиноне, Орвіетто, Террачинѣ. Люди самые дальновидные теряли голову, и не могли распутать таинственнаго присутствія нашего флота передъ Гаетой. Впрочѐмъ кто привыкъ наблюдать за дѣйствіями парижскаго кабинета, тотъ знаетъ что онъ показываетъ видъ, будто не имѣетъ ни какой политики, т.-е. чтобъ въ одно и тоже время слѣдовать полдюжинѣ политическихъ направленій, другъ другу противоположныхъ, чтобы изъ нихъ принять такое, которое навѣрно поведетъ къ успѣху; и чтобы въ тоже время рисоваться предъ глазами ослѣпленной Европы, подобно великому двигателю современныхъ событій.

Мнѣніе относительно нашей политики идутъ далѣе: она не только послала флотъ для продленія сопротивленія въ Гаетѣ, но даже думаютъ, что снабдила Франциска II деньгами, порохомъ, снарядами и содѣйствовала ему вѣстями, передаваемыми агентствами Гаваса, Рейтера и Бюлье. При ея содѣйствіи, не разъ распадавшаяся армія Франциска, была реформирована въ Римѣ и Террачинѣ, снабженная начальниками, деньгами, инструкціями и отправленная для занятія нѣкоторыхъ горныхъ ущелій, гдѣ 200 человѣкъ достаточны были-бы задержать армію въ 20,000 воиновъ. Эти-то самыя войска развили междоусобную войну и вмѣстѣ съ нею разбои на большихъ дорогахъ.

Этого мало; французскій адмиралъ обсуждалъ и давалъ совѣты по всѣмъ операціямъ. Одинъ изъ уполномоченныхъ Кавура раскызывалъ недавно въ парижскихъ салонахъ, что старикъ-адмиралъ, молодой какъ юноша, воодушевленъ молодою королевой, которая такъ молодецки носитъ круглую шляпу съ перомъ, широкіе шаровары, сапожки и военный плащъ.

Послѣ этого неудивительно, что Піэмонтцы, которые могли только шагъ за шагомъ приблизиться къ осажденному мѣсту, и то преодолѣвая разныя затрудненія, какъ-то грязь, снѣгъ, утесы и гололедицу, стрѣляютъ въ городъ слишкомъ изъ далека, такъ что ихъ бомбы, могутъ безвредно падать на казематы. Съ французской арміей, расположенной станомъ въ Террачинѣ, имѣющей назначеніе защищать Франциска съ суши, съ французскимъ флотомъ, поставленнымъ съ моря, и продолжавшимъ постоянныя сношенія съ Франціей и

Испаніей, съ Баваріей и Австріей, которыя не замедлили послать ему подарки къ рождественскимъ праздникамъ, подъ высокимъ покровительствомъ папы, съ арміей грабителей, и съ толпами крестьянъ — реакціонистовъ въ тылу піэмонтской арміи, — при всей этой обстановкѣ, даже безъ особеннаго ума и храбрости, легко держаться за стѣнами одинокой крѣпости.

Но къ чему поведетъ все это—спрашиваетъ общественное мнѣніе Европы. Почему Наполеонъ послѣ своей знаменитой миланской прокламаціи перемѣнилъ политику въ отношеіи къ народу, для котораго онъ самъ заставилъ говорить нарѣзныя орудія на поляхъ Мадженты и Солферино? Почему вдругъ такая перемѣна? Потому именно, что онъ еще не отказался отъ мысли федеративной Италіи.

Англія встревожена такимъ вмѣшательствомъ со стороны державы, которая считаетъ себя другомъ и союзникомъ сенъ-джемскаго кабинета. Она подозрительно смотритъ на неопредѣленно-продолженное занятіе Сиріи и возвышаетъ голосъ. Склонившись на просьбы Виктора-Эммануила она послала Наполеону довольно категорическія ноты, вслѣдъ за которыми ей обѣщали, что къ 19 январю флотъ оставитъ Гаету. Но чтобы скрыть это обстоятельство передъ публикой, этому отступленію придали смыслъ перемирія, будто-бы *возложеннаго* на Виктора-Эммануила. Французскій флотъ удаляется, сопровождаемый не совсѣмъ пріятными криками всѣхъ истинныхъ патріотовъ Италіи, такъ что сильное слово Англіи былъ тотъ вѣтеръ, который надулъ паруса нашихъ отступающихъ кораблей. Офиціальныя газеты осуждая Англію, заговорил и оразрывѣ нашего союза съ ней.

Само-собою разумѣется, что все зависитъ отъ личныхъ распоряженій Лудовика Наполеона, но, можетъ быть, никто неспособенъ такъ покорно склоняться передъ обстоятельствами, какъ властитель Франціи. Онъ дорожитъ союзомъ съ Англіей, и теперь извѣстны, какъ положительные факты, два обстоятельства: 1, всѣ дѣйствія Наполеона тѣсно связаны съ договоромъ, который существуетъ между Франціей и Англіей; 2) Англія довольно сильна, чтобы вести на континентѣ свою собственную политику а не ту, которой слѣдуетъ парижское правительство.

Этотъ новый союзъ, о которомъ мечтаютъ въ высшихъ слояхъ

и думаютъ, что онъ ужъ заключенъ, пришелъ бы кстати по случаю Шлезвигъ-Голштейнскаго вопроса. Вопросъ этотъ самый запутанный,—не въ отношеніи наслѣдственнаго начала, трактатовъ или дипломатическихъ переговоровъ, занимающихъ насъ весьма не много, — но въ отношеніи правъ и народныхъ сочувствій. Съ одной стороны находится Данія, которая не хочетъ отказаться отъ своей провинціи. Ее поддерживаетъ императоръ Французовъ, который для развлеченія Германіи, измѣняетъ въ этомъ случаѣ своей политикѣ о національностяхъ. Пруссія становится въ головѣ движенія, чтобы ознаменовать новое свое царствованіе какимъ нибудь доблестнымъ подвигомъ, а за нею слѣдомъ идутъ ея кровные недруги, Саксонія, Баварія, и даже Австрія, измѣняющая своему старинному союзнику, датскому королю. На какую же сторону склоняются сами Голштинцы? Какъ Нѣмцы, они естественно примыкаютъ къ Германіи, тѣмъ болѣе, что высшее общество, т. е. дворяне, которые, находя, что феодализмъ болѣе сохранился въ Германіи, нежели въ Даніи, питаютъ къ ней, поэтому, болѣе сочувствія. Народъ не столько пристрастенъ къ этой идеѣ, но правительство не хотѣло расположить его къ себѣ болѣе либеральной политикой.

Между тѣмъ въ Венгріи продолжаются частныя совѣщанія и протесты за ея старую конституцію и національную независимость. Она все виднѣе выходитъ изъ разряда покоренныхъ странъ, и заявляетъ свою политическую автономію. Комитатъ, собранный въ Арадѣ, для избранія общественныхъ должностныхъ лицъ, принялъ слѣдующую программу: полное возстановленіе законовъ 1848 года; установленіе военныхъ повинностей и наборовъ не иначе, какъ съ согласія венгерскаго сейма и наконецъ признаніе венгерской независимости, подъ вліяніемъ неприкосновенныхъ правъ комитата. Точно такое же движеніе обнаруживается и въ другихъ частяхъ славянскаго міра: Кроація, Воеводина, Молдо-Валахія, Трансильванія, всѣ эти области тяготѣютъ къ своему національному центру. Чехія и. Галиція ждутъ своей очереди.

Греція также чувствуетъ больное тѣло, разлагающееся у нея подъ бокомъ, въ турецкой имперіи. Но разложеніе Константинополя заражаетъ весь балканскій полуостровъ. Отвсюду слышутся жалобы, стоны, вездѣ падаетъ натянутая администрація, и нѣтъ никакихъ средствъ поддержать порту. Настоящая роль Греціи могла бы быть блистательной, но правительство ея не въ

состояніи воспользоваться благопріятнымъ ходомъ событій; народное чувство несовсѣмъ равнодушно смотритъ на толпу мюнхенскихъ фермеровъ, расположившихся на классической землѣ Периклов и Сократовъ.

Вообще, надо замѣтить, что принципъ національности, поднятый Наполеономъ въ свою пользу, волнуетъ Европу по всѣмъ ея направленіямъ.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій, соч. *Ор. Новицкаго;* ч. I. Религія и философія древняго востока; ч. II. Религія классическаго міра и первая половина греческой философіи.

«Предпринимая обзоръ исторіи философскихъ попытокъ человѣческаго духа, мы идемъ въ полномъ смыслѣ этаго слова по вершинамъ исторіи человѣка». Такъ говоритъ Гаймъ, приступая къ анализу философскихъ системъ. Дѣйствительно, когда знаніе и жизненныя стремленія народовъ созрѣвали достаточно въ какую нибудь эпоху исторіи и въ какой нибудь мѣстности, они порождали философскую систему. Она была признакомъ возмужалости общества въ какомъ-нибудь отношеніи и, въ то же время, дѣлалась могучимъ двигателемъ для массы. Около новаго знамени, поставленнаго въ области мышленія, группировались ученыя, нравственныя, политическія партіи. Около него собирались люди, которые хотѣли связать свои частные, житейскіе идеалы съ общечеловѣческими требованіями, собирались люди, нуждающіеся въ формулахъ для оправданія своей дѣятельности предъ собою и предъ другими, но отталкивавшіе старыя формулы изъ-за того уже, что онѣ въ себѣ несли исторію пережитаго времени. Философскія системы были эпохами въ исторіи человѣчества, важнѣе паденій царствъ и династій, покореній территорій и перемѣны титуловъ властителей. Философскія системы при своемъ появленіи были высказаннымъ словомъ дан-

наго періода: въ своей теоретической части онѣ опредѣляли для него главные вопросы науки; въ практической онѣ служили воплощеніемъ идеаловъ человѣческаго достоинства вообще, и общественныхъ идеаловъ въ частности; въ своемъ построеніи онѣ обозначали фазисы развитія человѣческаго духа въ исторіи; наконецъ ихъ особенность была особенностью той личности, которая ихъ создала. Каждый періодъ жизни человѣческаго общества заключаетъ въ себѣ развитіе, составленіе и разложеніе философской системы или философскихъ системъ. Среди господствующаго міросозерцанія являются факты науки имъ не предвидѣнные, нравственные вопросы имъ не охваченные. Эти отдѣльныя явленія возбуждаютъ недовѣріе, насмѣшки, гоненіе. Это утопіи! это вздоръ! это преступленіе! это ересь! это помѣшательство!—Но отрицаніе остается безсильно. Фактъ живетъ на зло ему. Нравственный вопросъ повторяется, расширяется. Является отрицающее меньшинство, которое вооружается противъ прежняго міросозерцанія безъ принципа, безъ знамени, въ частныхъ вопросахъ. Является примиряющее меньшинство, которое присоединяетъ во что бы ни стало, уступками, натяжками, извращеніями словъ и понятій, новые вопросы къ старымъ началамъ. Борьба идетъ. Защитники новаго, отрицающіе и примиряющіе, разрознены, слабы, несогласны одинъ съ другимъ, иногда несогласны сами съ собою. Стройная, обдѣланная система старыхъ началъ ихъ легко уличаетъ въ противурѣчіяхъ, въ неполнотѣ, въ увлеченіяхъ. Ихъ не признаютъ оффиціальныя міросозерцанія, потому что у нихъ нѣтъ ни преданія, ни знамени, ни формулъ. Борьба концентрируется на отдѣльныхъ вопросахъ. Въ этихъ вопросахъ защитники стараго неохотно сознаютъ, что противники могутъ имъ противустоять, и отдѣлываются лишь тѣмъ, что выдаютъ эти вопросы за маловажные. Но эти вопросы дѣлаются жизненными вопросами для общества; масса бросаетъ всю тяжесть своего историческаго сознанія на сторону непризнанныхъ вопросовъ. Прежнее міросозерцаніе существуетъ, но перестаетъ жить. Каѳедры его защитниковъ возвышаются среди пустыхъ аудиторій, пустыхъ храмовъ. Его защитники ищутъ всѣ возможныя средства, чтобы измѣнить духу системы, оставивъ ея формы неприкосновенными. Тогда среди поборниковъ пустыхъ формъ съ чуждымъ содержаніемъ и поборниковъ новыхъ началъ безо всякихъ формъ раздается проповѣдь скептицизма. Это послѣдній кризисъ. Онъ готовитъ людей спокойно, безразлично смотрящихъ на новое и на старое; сознающихъ недостатокъ того и другаго. Онъ вно-

ситъ критику въ бьющееся сердце новыхъ началъ съ такою же рѣшимостью, какъ въ трупъ стараго преданія. Онъ можетъ это сдѣлать, потому что не вѣритъ ни тому ни другому. Если общество не зрѣло, то борьба долго длится и долго идетъ судорожный споръ тупыхъ и боязливыхъ поклонниковъ стараго съ непослѣдовательными, односторонними проповѣдниками новизны, при холодной, безучастной насмѣшкѣ скептиковъ. Но въ средѣ общества являются скороспѣлки, ранніе личности. Являются мыслители, развившіеся подъ вліяніемъ исключительно удачныхъ обстоятельствъ; они выходятъ изъ скептицизма на дорогу новой философской системы. Они ставятъ новое знамя. Сначала они одиноки: ихъ не хотятъ знать, потому что одни не хотятъ признавать ничего новаго, другіе пренебрегаютъ всѣмъ, кромѣ частныхъ вопросовъ, третьи ничему не вѣрятъ. Но слово сказано; знамя поставлено; мало по малу являются единомышленники, продолжатели, разработыватели новой идеи. Наконецъ является кто нибудь способный яснѣе другихъ понять и высказать единство новаго міросозерданія съ наукою и жизненными стремленіями современности, способный, по своей личности, быть однимъ изъ *героевъ* человѣческаго мышленія—и формула готова; система торжествуетъ; эпоха зрѣлости общества настала.

За тѣмъ слѣдуетъ та-же самая исторія съ новыми именами, съ новыми девизами на щитахъ бойцовъ за старое и за новое. Иногда періодъ возрастанія и паденія системы считается вѣками, иногда годами. Порою нѣсколько системъ становятся рядомъ, высказывая дуализмъ стремленій существующій въ обществѣ, пока не явится новое ученіе, сливающее ихъ въ одно стройное цѣлое или замѣняющее ихъ новымъ цѣлымъ. Порою послѣднее явленіе вовсе не встрѣчается и системы, рядомъ существующія, живутъ и умираютъ вмѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ философскія системы являются существеннѣйшими элементами въ развитіи общества; безъ нихъ исторія общества одностороння и иногда безсмысленна. Съ другой стороны исторія общества является ихъ причиною и поясненіемъ; безъ нея они были-бы уродливостью, частнымъ помѣшательствомъ, пустою игрою фантастическихъ призраковъ. Жизнь общества безъ его философіи, какъ философская система безъ жизни общества ее породившей, не полны.

Такимъ образомъ въ исторіи философскихъ ученій, каждая система должна имѣть свое объясненіе въ трехъ началахъ: въ общихъ законахъ феноменологіи человѣческаго духа, въ жизни общества ея породившей, наконецъ въ особенности личностей

давшихъ ей ту или другую форму. Точно также развитіе и паденіе системы заключаетъ въ себѣ дѣйствіе тѣхъ-же началъ. Система видоизмѣняется по законамъ человѣческаго духа, подъ вліяніемъ историческихъ событій и новыхъ личностей въ ней участвующихъ. Она, входя въ убѣжденія, порождаетъ сама новые оттѣнки въ духовныхъ явленіяхъ, новыя событія исторіи, возбуждаетъ новыя личности. Ея гибель заключается опять въ борьбѣ съ новыми психическими данными, съ новыми фазисами исторіи, съ новыми личностями, и то, что ее губитъ, иногда ею же порождено. И такъ для полнаго пониманія всякой философской системы требуется тройное ея уясненіе: какъ факта феноменологіи духа въ развитіи явленій послѣдняго, какъ факта исторіи въ процессѣ ея событій, какъ факта личнаго психическаго процесса мыслителя.

Конечно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изслѣдователь имѣетъ всѣ данныя для надлежащаго объясненія подобнымъ образомъ философскихъ системъ. Всего легче открыть слѣды перваго, феноменологическаго процесса, и на это преимущественно было обращено вниманіе историковъ философіи. Гораздо труднѣе уже внести надлежащимъ образомъ систему въ процессъ историческаго развитія общества, прослѣдить, какъ современные жизненные вопросы и событія порождали ее и порождались ею, видоизмѣняли и наконецъ погубили ее. Здѣсь многія сближенія могутъ быть только гипотезами, болѣе или менѣе вѣроятными, болѣе или менѣе ловкими, но весьма въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ убѣдительными. Наконецъ еще труднѣе открыть въ системѣ вліяніе личности ея составителя и доказать это вліяніе неоспоримо, потому что обыкновенно мы имѣемъ для этого самое малое количество данныхъ, и то болѣе случайныхъ. Всего менѣе въ этомъ случаѣ можно вѣрить автобіографіямъ, уже потому, что человѣкъ весьма рѣдко слѣдитъ довольно внимательно за собою, чтобы замѣтить, какимъ психическимъ процессомъ онъ пришелъ къ тому или другому взгляду на вещи, а тѣ, которые пишутъ свою автобіографію въ послѣдствіи, часто смотрятъ на свое прошедшее глазами своего позднѣйшаго развитія и невольно вносятъ въ исторію своего развитія фантастическія частности. Лишь безсознательно высказываясь въ перепискѣ, въ частностяхъ, разсказанныхъ безъ намѣренія придать имъ особое значеніе, автобіографъ дозволяетъ позднѣйшему изслѣдователю открыть слѣды его развитія. Потому и здѣсь невольно предоставляется широкое поле догадкѣ и гипотетическому сближенію.

Неоспоримая трудность задачи надлежащаго объясненія философскихъ системъ не должна насъ побуждать къ искаженію вопроса, для облегченія его рѣшенія. Многія историческія задачи не могутъ привести къ результату вполнѣ удовлетворительному по недостатку данныхъ. Мы должны въ нихъ по необходимости остановиться на приблизительномъ, частномъ, иногда гадательномъ рѣшеніи. Но тѣмъ не менѣе мы должны ясно сознать, чего именно намъ недостаетъ для полнаго изслѣдованія, и что должно брать въ соображеніе, въ случаѣ достаточнаго количества данныхъ. Понятно что, для большей части системъ древности и для средневѣковыхъ мыслителей, мы должны окончательно отказаться отъ надежды прослѣдить психическій процессъ творческой личности, воплощающей состояніе духа въ свое міросозерцаніе. Самая общественная исторія того времени дошла до насъ въ слишкомъ отрывистомъ состояніи, чтобы всегда можно было опредѣлить историческій элементъ системы. Тогда остается обратить вниманіе лишь на отвлеченный элементъ феноменологіи духа. Но это не отнимаетъ отъ насъ обязанности сдѣлать что можно тамъ, гдѣ это можно. Для философовъ новаго времени матеріалы уже доступны въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было не только знать до мелочей движенія общественной жизни, подъ вліяніемъ которой развивалась система, но и прослѣдить во многихъ случаяхъ особенности личности, выразившей себя въ этой системѣ. Только тогда, когда историки философскихъ системъ внесутъ весь доступный матеріалъ историческаго и личнаго элемента въ развитіе системъ, только тогда этотъ отдѣлъ исторіи (какъ мы видѣли выше, вполнѣ необходимый для пониманія цѣлаго) получитъ надлежащее научное значеніе.

Но съ философскими системами тѣсно связанъ рядъ аналогическихъ явленій въ сферѣ народной жизни. Какъ великіе поэты всѣхъ временъ находятся подъ постояннымъ вліяніемъ народной безличной поэзіи ихъ націи, какъ произведенія этихъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ народной пѣсни, склада народнаго ума, такъ и метафизическія системы являются результатомъ, выработаннымъ въ мышленіи нѣсколькихъ личностей изъ нестройной массы миѳологическихъ сказаній, религіозныхъ повѣрій общества ихъ окружающаго. Миѳологіи, общественныя и народныя вѣрованія представляются намъ предшественниками философскихъ системъ послѣдующаго времени, философіями массы, еще не различающей научной, религіозной, художественной и философской дѣятельности. Народныя вѣрованія должны сдѣлаться необходи-

мымъ введеніемъ въ исторію всѣхъ философскихъ системъ и необходимымъ элементомъ исторіи послѣднихъ. Исторіи религій не могутъ быть понятны безъ исторіи метафизическихъ воззрѣній, такъ какъ послѣднія заключаютъ въ себѣ невыдѣлимый элементъ народнаго вѣрованія, все равно, положительно или отрицательно философъ относится къ религіи. Внѣ греческой миѳологіи немыслимъ Платонъ, точно также, какъ безъ послѣдняго періода развитія христіанскаго богословія невозможенъ Фейербахъ. Но за то, наоборотъ, чтобы миѳологія героическихъ временъ Греціи сдѣлалась такова какою ее видимъ въ сочиненіи Цицерона и Овидія, надо было древнему обществу пережить рядъ философскихъ школъ; чтобы богословіе Лютера, Вентуры, меннонитовъ могло имѣть мѣсто въ Европѣ, надо было чтобы реалисты и номиналисты, картезіанцы и сенсуалисты, кантіанцы и эклектики, Бональды и Фурье бросили свое ученіе въ процессъ жизни человѣчества. Исторія философій нераздѣльна отъ исторіи религій для пониманія развитія человѣческаго мышленія, какъ явленія свѣтотѣни нераздѣльны отъ явленія цвѣтовъ призмы въ оптикѣ.

Но конечно, для того, чтобы тѣ и другіе факты расположились въ наукѣ въ надлежащей перспективѣ, необходимо изслѣдователю стать на безразличную, чисто научную точку зрѣнія. Онъ не долженъ перенести изъ прошедшаго въ свое ученіе ни одного идола. Все что онъ хочетъ разбирать должно быть *подчинено* его мышленію, какъ фактъ допускающій критику, а не должно *господствовать* надъ его мышленіемъ, какъ *заранѣе принятая непреложная* истина, допускающая лишь истолкованіе, а не критику. Если онъ станетъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, то область фактовъ должна исказиться отъ искаженія ихъ перспективы, и онъ дастъ не научное а фантастическое произведеніе.

Но мнѣ могутъ возразить, что судъ надъ чѣмъ бы то ни было невозможенъ безъ собственнаго воззрѣнія. Какъ бы безпристрастно не приступилъ мыслитель къ оцѣнкѣ чужихъ философій, онъ, изучая факты, группируетъ ихъ, составляетъ изъ нихъ одно цѣлое, расположенное въ нѣкоторомъ порядкѣ. Только расположивъ ихъ такимъ образомъ, онъ можетъ обозрѣть ихъ въ ихъ цѣлости. Но это обозрѣніе есть уже систематическое воззрѣніе, философія, и во имя этой философіи произносится судъ надъ всѣми остальными философами. Слѣдовательно критика системъ предполагаетъ систему; разборъ чужихъ философій предполагаетъ *свою* философію; и если, по вышесказанному, ста-

новясь на исключительную точку зрѣнія, мы искажаемъ предметъ нашего изслѣдованія, то съ другой стороны мы не можемъ смотрѣть на него иначе, какъ съ опредѣленной, выработанной нами точки зрѣнія, а потому всякій судъ надъ философами, всякій судъ надъ чужою мыслію невѣренъ и несправедливъ.

Отвѣчу, что большая разница принять за точку исхода начало: такая-то система вѣрованій, такое-то міросозерцаніе есть безусловная истина; или доработаться до нѣкотораго воззрѣнія, какъ до результата безпристрастной критики всего, что мы изслѣдовали. Въ первомъ случаѣ точка исхода не научна и все построеніе фантастично; во второмъ оно до-тѣхъ-поръ оправдано, пока не заключаетъ въ себѣ ни внутренняго противорѣчія, ни противорѣчія съ научными фактами. Мыслитель не виноватъ предъ наукою если его личное настроеніе побудило его принять отсталую систему, чуждую современной жизни, придающую важное значеніе маловажнымъ фактамъ и напротивъ отрицающую значеніе жизненныхъ вопросовъ его времени. Онъ этимъ осуждаетъ себя, какъ правильно развитую личность, но еще не какъ строгаго мыслителя. Только противорѣчіе съ самимъ-собою и съ наукою есть окончательное осужденіе его ученія. Ни одно міросозерцаніе не должно имѣть претензіи на безусловную точность своего построенія. Его высшій идеалъ это — *систематическое построеніе, охватывающее всю науку и всѣ жизненные вопросы данной эпохи, съ точки зрѣнія развитой и въ самомъ дѣлѣ человѣчной личности.*

Читая объявленіе о появленіи на русскомъ языкѣ исторіи развитія философскихъ ученій древности, и видя что г. Новицкій сблизилъ ихъ съ религіозными вѣрованіями, мы не могли не порадоваться. Потребность подобнаго сочиненія слишкомъ ощутительна въ нашей литературѣ и матеріалъ доставленный иностранными писателями довольно великъ, чтобъ это сочиненіе, если только оно научно, было-бы весьма полезно для молодыхъ людей, не довольно знакомыхъ съ иностранными языками или затрудняющихся германской терминологіей.

Сочиненіе г. Новицкаго вовсе не удовлетворило нашихъ ожиданій. Признаемся прямо, что мы вовсе расходимся съ нимъ въ его философскихъ воззрѣніяхъ, но дѣло не въ томъ. Убѣжденія одного необязательны для другаго, и еслибы книга г. Новицкаго было единственное высказанное убѣжденіе извѣстной партіи, она имѣла такое же право быть признанною въ философской литературѣ, какъ и всякая другая, имѣющая за себя обширную

традицію. Но г. Новицкій еще далеко не одинъ въ своемъ лагерѣ. Намъ дѣла нѣтъ до его предшественниковъ и товарищей по міросозерцанію. Предъ нами книга отвѣчающая сама-за-себя. Если она научно вѣрна, если не заключаетъ въ себя внутренняго противорѣчія, то г. Новицкій правъ со своей точки зрѣнія.

Конечно, нельзя оспорить, что разбираемое сочиненіе имѣетъ въ себѣ много хорошихъ частностей, и ручательствомъ тому могутъ служить сочиненія, выписанныя г. Новицкимъ, какъ матеріалы его труда, изъ которыхъ многія достойны полнаго уваженія. Самъ г. Новицкій говоритъ (I, пред. стр. XII), что для греческой философіи онъ въ особенности пользовался сочиненіемъ Целлера, и въ этомъ случаѣ можно только согласиться съ авторомъ, потому что дѣйствительно сочиненіе Целлера есть лучшее по названному предмету. Впрочемъ насъ поражаетъ одно обстоятельство. На стр. 56 втораго тома авторъ принимаетъ египетское происхожденіе греческой философіи; то же онъ, съ большимъ еще развитіемъ, повторяетъ въ частности для ученія Ферекида и Пиѳагора. Между тѣмъ основной пунктъ полемики Целлера противъ Рэта (Röth), Циммермана и др. заключается именно въ томъ, что первый держится чисто эллинскаго происхожденія греческаго мышленія, между тѣмъ египетская гипотеза принадлежитъ его противникамъ. Едва ли г. Новицкій имѣлъ право говорить, что слѣдуетъ преимущественно Целлеру, когда расходится съ нимъ въ существенномъ воззрѣніи. Во всякомъ случаѣ, поступая такъ, онъ обязанъ былъ опровергнуть воззрѣніе Целлера, чего не сдѣлалъ.

Чтобы судить о научномъ достоинствѣ сочиненія, выберемъ пункты, въ которыхъ, по собственнымъ словамъ автора, онъ дѣйствовалъ самостоятельно. Обратимся сначала къ ученію Пиѳагора, которому авторъ посвятилъ значительный отдѣлъ во 2-мъ томѣ.

Ученіе Пиѳагора составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ въ исторіи древней философіи. Относительно большей части событій его жизни, относительно года рожденія, года смерти, относительно многихъ главныхъ положеній его ученія господствуетъ совершенное разногласіе. Целлеръ, котораго самъ г. Новицкій признаетъ лучшимъ изъ историковъ греческой философіи, высказываетъ, что о Пиѳагорѣ свѣденія росли съ удаленіемъ отъ времени его жизни. Разобравъ матеріалы, которые существуютъ для дѣятельности Пиѳагора, тотъ же историкъ говоритъ: «въ сущности, о развитіи Пиѳагора и о средствахъ

ему представлявшихся, мы не знаемъ ничего, что бы могло назваться историческимъ преданіемъ *)». Никто не обязываетъ русскаго писателя стать на скептическую точку зрѣнія Целлера. Но для перваго *обязательно* предъ наукою сказать читателямъ, почему онъ считаетъ достовѣрными свѣдѣнія, признаваемыя многими учеными въ высшей степени сомнительными. Для него *обязательно* сказать читателямъ, что въ этомъ вопросѣ есть другія мнѣнія, кромѣ его собственнаго, и мнѣнія, поддерживаемыя важными авторитетами. Что же дѣлаетъ г. Новицкій? Онъ упомянулъ лишь о словахъ Целлера, что на пиѳагорово ученіе **) можно смотрѣть различно, и совершенно спокойно излагаетъ путешествіе Пиѳагора, его жизнь, съ положительными хронологическими данными. Читатель, незнакомый съ иностранной литературою предмета, (а многіе ли съ нею у насъ знакомы?) конечно вынесетъ убѣжденіе изъ чтенія этого отдѣла, что факты приводимые безспорно *научны*, но *философскія* воззрѣнія на нихъ разнообразны. Между тѣмъ дѣло совершенно не въ томъ. Именно *факты* подвергаются многочисленнымъ сомнѣніямъ. Не говоря объ этомъ, г. Новицкій доставляетъ своимъ читателямъ *совершенно ложный* взглядъ на предметъ и дѣлаетъ *научное* достоинство этого отдѣла своего сочиненія весьма сомнительнымъ.

Точно также какъ-то странно, что авторъ относитъ, на стр. 76 первой части, ученіе о двухъ началахъ Янь и Инь въ Китаѣ къ періоду, предшествовавшему Кхунь-цзы и Лао-цзы. Онъ имѣлъ бы на это право, еслибы это ученіе проявлялось въ сочиненіяхъ обоихъ мыслителей, но оно именно не встрѣчается въ ученіи Лао-цзы. Что же касается до Гуа, которыя въ И-цзинѣ объяснены помощью двухъ началъ, то еще подлежитъ сильному сомнѣнію, далъ ли этой таблицѣ Кхунь-цзы ея старинное объясненіе или внесъ въ нее *свою* мысль, какъ дѣлали весьма часто послѣ него. Послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе, потому что отвлеченные принципы суть *результаты* общественнаго развитія, выработываемые нѣсколькими исключительными личностями, а народу мало доступны. Весьма возможно, что гуа былъ родъ

---

*) Das Wahre ist, dass uns über den Bildungsgang des Pythagoras, und über die Hülfsmitteln, die ihm hiefür zu Gebote standen, nicht das Geringste bekannt ist, was mit einiger Sicherheit für historische Ueberlieferung gelten könnte. 2 Aufl. I. B. S. 221.

**) Замѣтимъ, что Целлеръ говоритъ лишь объ ученіи *пиѳагорейцевъ*, не находя возможнымъ опредѣлить съ достовѣрностью ученье самого Пиѳагора.

амулета или способа гаданія, употреблявшагося въ древности. Кхунь-цзы, старавшійся именно придать своему ученію авторитетъ стариннаго преданія, нашелъ удобнымъ истолковать эти знаки сообразно своему ученію, но заключеніе отъ его объясненія къ истинному значенію гуа при ихъ происхожденіи — *ненаучно.* Мы не встрѣтили у г. Новицкаго и намека на сближеніе ученій *о пути* (Дао) съ первоначальнымъ существованіемъ странствующихъ, бродячихъ людей, которыми могли быть первые Дао-ши до Лао, причемъ нѣкоторые видятъ въ нихъ шамановъ. Эта догадка, высказанная, сколько намъ извѣстно, впервые Нейманомъ *), психологически весьма вѣроятна. Опять мы имѣемъ слово, употребляемое сначала въ прямомъ, простомъ значеніи; потомъ является мыслитель, который не довольствуется этимъ значеніемъ, но придаетъ ему другое, метафорическое, и изъ *бродячихъ учителей* дѣлаются *учители* таинственнаго *пути* — разума. *Научное* изложеніе предмета требовало бы вниманія къ *различнымъ* объясненіямъ того же явленія въ исторіи мысли.

Не можемъ также придать никакого *научнаго* значенія примѣчанію г. Новицкаго на стран. 3 — 4 второй части о религіи Евреевъ, несмотря на авторитеты, имъ приводимые. Исключеніе одной формы человѣческой мысли изъ ряда ея формъ можетъ быть сдѣлано во имя непреложнаго догмата, которому *вѣруетъ* писатель, во имя системы философской, которую онъ себѣ *создалъ*, но не во имя науки. Для нея нѣтъ избранныхъ фактовъ, какъ для человѣческой справедливости нѣтъ избранныхъ отдѣльныхъ или коллективныхъ личностей. Наука противуполагаетъ всѣмъ *естественнымъ* формамъ только *неестественныя*, *противуестественныя*, т. е. невозможныя, извращенныя, нелѣпыя; и ея задача именно указать *естественное* происхожденіе и значеніе всего сущаго.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли, что сочиненіе г. Новицкаго не относится къ наукѣ. Недостатокъ критическаго разбора, того сомнѣнія, на которомъ приходится такъ часто остановиться истинному ученому, недостатокъ сравненія различныхъ мнѣній по самымъ спорнымъ вопросамъ, рѣшительный догматическій тонъ дѣлаютъ невозможнымъ изъ разбираемаго сочиненія узнать каково современное состояніе знаній по различнымъ пунктамъ, подвергаемымъ анализу одинъ послѣ другаго

---

*) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

го. Читатель выслушиваетъ г. Новицкаго, дающаго свои аргументы, и не представляющаго аргументовъ другихъ мнѣній.

Мы не хотимъ этимъ выразить, что г. Новицкій не взвѣсилъ самъ аргументовъ противниковъ. Мы не имѣемъ на это право, потому что онъ самъ говоритъ (ч. I, стр. 6): «Построеніе... есть только результатъ продолжительнаго и внимательнаго изученія фактовъ». Мы должны вѣрить, что таково было и его построеніе. Но намъ важно лишь, что онъ даетъ читателямъ свою книгу какъ *построеніе*, а не какъ научную *критику* фактовъ. Научную сторону онъ оставилъ при себѣ, умолчавъ даже о возраженіяхъ противниковъ; онъ требуетъ *вѣры*, что факты его построенія именно таковы, какими онъ ихъ даетъ. Не признавая это *научнымъ* и, на основаніи предыдущаго, приходя къ заключенію, что, какъ научное сочиненіе, трудъ г. Новицкаго долженъ быть употребленъ съ большою осторожностью, посмотримъ теперь его философское значеніе.

Отсутствіе внутреннихъ противорѣчій и стройность систематики будутъ намъ въ этомъ отношеніи служить пробнымъ камнемъ, причемъ, конечно, первое условіе есть самое необходимое; второе же, составляющее эстетическое достоинство философіи, вовсе не можетъ замѣнить отсутствія перваго, еслибы противорѣчія встрѣтились. Стройность системы только округляетъ ея внутреннюю послѣдовательность. Ученія Бэкона и Гербарта занимаютъ мѣсто въ первыхъ рядахъ философскихъ ученій, хотя систематика совершенно отсутствовала изъ ихъ философіи.

Мы должны отдать полную справедливость стройности систематики г. Новицкаго. Она подкупаетъ своею симметричностью. Въ начало онъ кладетъ отношеніе философіи къ религіи съ одной стороны, отношеніе мысли къ бытію съ другой. Религія представляется ему какъ естественная — языческая и сверхъестественная — христіанская. Подъ вліяніемъ первой развивается философія, но не можетъ ею руководствоваться; вторая развиваетъ и руководитъ философію, открывая ей новыя истины. Время владычества естественной религіи есть также время *непосредственнаго* отношенія мысли къ бытію, довѣрія въ единство *я* и *не-я*. Владычество сверхъестественной религіи есть также время сознательнаго *вникающаго* отношенія мысли къ бытію, *я* къ *не-я*. Эти два цикла подраздѣляютса каждый на три періода, и въ основаніи этого раздѣленія лежитъ отношеніе философіи къ религіи. Въ первый періодъ философія заключается въ предѣлахъ религіи и руководствуется чувствомъ, во второй независима отъ нея во имя раз

судка, въ третій — снова къ ней обращается подъ вліяніемъ разума. Тремъ такимъ періодамъ во время владычества естественной религіи сотвѣтствуютъ три аналогическіе періода при владычествѣ религіи сверхъестественной. Такимъ образомъ получаемъ 6 періодовъ въ исторіи философіи.—Въ древнемъ востокѣ философія заключается въ области религіи, остается въ мирѣ съ нею; инстинктивно предполагаются согласія мысли и бытія, сознаніе довѣряетъ внутреннему чувству и фантазіи; пріемъ философствующей мысли — синтетическій. Въ Греціи философія дѣлается независимою отъ религіи, развивается самостоятельно и часто противуполагается общественнымъ вѣрованіямъ; сознаніе довѣряетъ разсудку; «передъ взоромъ разсудка мыслимое бытіе проходитъ отдѣльными группами и представляется съ разныхъ точекъ зрѣнія, преемственно»; пріемъ мысли — аналитическій. Въ александрійской философіи имѣемъ возвращеніе философіи къ религіи, примиреніе съ нею; единство мысли и бытія «полагается непосредственно», но «неожиданно раскрывается между ними противорѣчіе»; сознаніе довѣряетъ разуму, совершающему соединеніе противорѣчій, и пріемъ мысли есть *синтезъ*, опирающійся на греческій анализъ. Эти явленія имѣютъ себѣ аналогію въ христіанскихъ системахъ. Восточному періоду соотвѣтствуетъ періодъ философіи отцевъ церкви, Аравитянъ и схоластиковъ. Мысль находится въ предѣлахъ религіи. Пріобрѣтенное противорѣчіе мысли и бытія приводитъ къ распаденію ихъ въ противуположностяхъ бытія и знанія, разума и вѣры. Эти противоположности сначала разсматриваются «вмѣстѣ съ ихъ единствомъ, еще несознаннымъ, потомъ въ ихъ непримиримомъ распаденіи»; господствующій пріемъ мысли — синтетическій. Новая философія, аналогическая греческому мышленію, «отрѣшается отъ религіи, вступаетъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія вещей и въ своей ревности къ своеобразному развитію иногда явно противупоставляетъ себя понятіямъ откровенной религіи. Мысль и бытіе остаются въ разрозненіи, но для того чтобы сознательно сблизиться.» Господство принадлежитъ разсудку. Въ пріемахъ мысли преобладаетъ анализъ, но возведенный на степень сознательнаго, впередъ обдуманнаго метода. Третій «періодъ философіи есть *ожидаемый*, который долженъ соотвѣтствовать періоду философіи александрійской и вмѣстѣ далеко возвышается надъ нею по своему достоинству. Философія должна снова обратиться въ религію, отъ которой выступила, и, по собственнымъ началамъ и основаніямъ, сойтись съ христіанскими истинами. Отношеніе мысли и бытія

должно быть понято съ высшей точки зрѣнія, по высшимъ началамъ разума и вѣры. Господствующею способностью долженъ быть разумъ. Всѣ вообще противуположности, а особенно противуположность вѣры и разума должны слиться въ гармоническое единство въ духѣ христіанской религіи. Господствующій пріемъ мысли — синтетическій, долженъ возвыситься до сознательнаго, глубоко обдуманнаго синтетическаго метода».

Г. Новицкій не остается только въ области мыслей: онъ показываетъ воплощеніе своей системы и въ жизни народовъ, въ особенности же въ гражданскихъ формахъ, ими созданныхъ. Онъ говоритъ:

«Развитіе жизни человѣчества, въ главныхъ ея періодахъ, соотвѣтственно ходу философскихъ ученій, кратко можно выразить слѣдующимъ образомъ, на Востокѣ частное погружено въ общемъ и потому здѣсь только *одинъ* самостоятеленъ и свободенъ, какъ представитель общаго; всѣ другіе въ сравненіи съ нимъ не имѣютъ личности и самостоятельности. Отсюда первая форма правленія, какую видимъ во всемірной исторіи, есть восточный деспотизмъ. Въ Греціи частное уравновѣшивается съ общимъ, но это равновѣсіе не обнимаетъ еще всѣхъ, и потому въ греческомъ мірѣ, при формѣ правленія демократической, только *нѣкоторые* пользуются правами личной самостоятельности, а прочіе, какъ рабы и варвары, не имѣютъ этихъ правъ. Въ римскомъ мірѣ частное противоборствуетъ общему, угнетаемый народъ аристократіи, а потому и здѣсь пріобрѣтаютъ личную самостоятельность только *нѣкоторые*, при формѣ правленія аристократической. Въ мірѣ христіанскомъ частное преобладаетъ надъ общимъ и потомъ ищетъ своего примиренія съ нимъ; здѣсь *всѣ* получаютъ самостоятельность и свободу, понимаемую сначала, какъ естественную потребность, затѣмъ какъ разумное требованіе и которую наконецъ должно понять и усвоить, какъ истинно-нравственную самостоятельность и истинно христіанскую свободу, и слѣдовательно, какъ даръ высшей благодатной помощи; форма правленія монархическая. Первую ступень жизни человѣчества выразили народы восточные, вторую — народъ греческій, третью — римскій міръ, четвертую и пятую — народы германскіе, а шестой по справедливости можно ожидать отъ народовъ славянскихъ. Въ исторіи философскихъ ученій главные фазисы ея, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ жизни человѣчества, выражаютъ на Востокѣ Віаса, своимъ всепоглощающимъ пантеизмомъ; въ Греціи Сократъ, поставившій человѣка

исходной точкой философіи и Платонъ, указавшій на отношенія общаго и частнаго, объективной божественной идеи и субъективной человѣческой воли; въ Римскомъ мірѣ Плотинъ, открывшій распаденіе идеальнаго и реальнаго міра, въ первомъ періодѣ христіанскаго міра, — Климентъ александрійскій, высказавшій различіе христіанской религіи и философіи; въ Средніе вѣка — Ансельмъ, первый вызвавшій противоположности схоластической философіи; наконецъ во времена новыя Кантъ, искавшій примиренія мысли и бытія въ законахъ собственнаго Я». (т. I. стр. 55—57.)

Въ присутствіи этой системы, захватывающей прошедшее и будущее человѣческой мысли, представляются слѣдующіе вопросы. Какое мѣсто занимаетъ философія самого автора въ этомъ развитіи системъ? Что такое для него философія? Въ чемъ именно заключаются ея отношенія къ религіи? До какой степени соотвѣтствуютъ его догматическимъ положеніямъ его историческія аналогіи періодовъ? Наконецъ въ какой мѣрѣ лица, выбранныя имъ представителями его системы исторіи философіи, суть дѣйствительно наиболѣе вліятельныя лица этой исторіи? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается опредѣленіе достоинства системы г. Новицкаго относительно ея связности и цѣлости.

Первый вопросъ уже ставитъ насъ въ затрудненіе. Историкъ философіи конечно не можетъ себя выдѣлить изъ развитія своего предмета, если онъ не становится на чисто научную точку зрѣнія. Да и въ этомъ случаѣ выдѣленіе будетъ только кажущееся, потому что въ расположеніи фактовъ уже присутствуетъ философія писателя, и опредѣляетъ собою ихъ перспективу. Но мы видѣли, что научнаго значенія искать въ разсматриваемой книгѣ нельзя. Итакъ по большей причинѣ для насъ важно знать на какую точку историческаго развитія мышленія становится самъ г. Новицкій, для обсужденія своихъ предшественниковъ. Нечего и говорить, что ему мѣсто въ философіи христіанскаго вліянія: изъ трехъ ея періодовъ конечно г. Новицкій не думаетъ себя отнести къ періоду отцевъ церкви и схоластики, періоду гдѣ допускалась безсознательно или сознательно возможность двухъ истинъ: религіозной и философской, или мышленіе *подчинялось* заранѣе принятому догмату. Мы не потому это говоримъ, что періодъ схоластики кончился: совсѣмъ нѣтъ. Въ наше время весьма много еще есть лицъ, допускающихъ дуалистическую истину или дѣлающихъ изъ мышленія слугу догмата политическаго, нравственнаго или религіознаго; самъ г. Новицкій признаетъ

озможность одновременнаго существованія двухъ періодовъ философіи, а нашлись жестокіе критики *), которые такъ-таки и назвали его схоластикомъ. Мы не произносимъ здѣсь суда надъ тѣмъ, къ какой философіи *относится* г. Новицкій и спрашиваемъ только, куда онъ *самъ себя ставитъ?* и въ этомъ случаѣ не видимъ, чтобы онъ самъ относилъ себя къ схоластикѣ. Второй періодъ или *новая* философія, по собственному сознанію г. Новицкаго, отрѣшается отъ религіи, подчиняется разсудку и вообще принимаетъ направленіе, къ которому г. Новицкій относится отрицательно. Это отрицательное направленіе видно уже изъ того, что авторъ не удовлетворяется этимъ періодомъ мысли, но опредѣлительно ставитъ задачу третьяго періода христіанской философіи, и самъ философствуетъ въ духѣ этого періода, т. е. такъ, какъ онъ рисуетъ читателямъ духъ третьяго періода. Но въ тоже время авторъ говоритъ, что это періодъ *ожидаемый*. Какъ же это самъ г. Новицкій принадлежитъ къ этому *ожидаемому* еще періоду? или онъ *пророчествуетъ* а не *мыслитъ?* или онъ уже началъ этотъ періодъ, который съ появленіемъ его книги сдѣлался уже не *ожидаемымъ*, а *новонаступившимъ?* или своею книгою г. Новицкій внесъ противорѣчіе въ свое мышленіе, потому что книга его, какъ фактъ въ исторіи философіи, хочетъ уже быть воплощеніемъ въ настоящемъ, именно того, что сама относитъ къ будущему?—Не знаемъ, какъ разрѣшаетъ г. Новицкій это противорѣчіе; полагаемъ только, что онъ лишь изъ скромности не хотѣлъ признать за собою и своими единомышленниками начало новаго періода, а въ мысли считаетъ его уже наступающимъ. Это предположеніе еще подтверждается нѣсколько тѣмъ, что, по мнѣнію г. Новицкаго, славянскимъ народамъ принадлежитъ періодъ *ожидаемой* философіи, въ которой разумъ, «подкрѣпляемый свѣтомъ божественной вѣры», соединитъ «всѣ противуположности мыслимаго бытія.... въ высшее, сознательное единство.... въ духѣ христіанскаго ученія отцевъ церкви». Если такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, и разрѣшается противорѣчіе, представляемое трудомъ г. Новицкаго, то тѣмъ не менѣе въ книгѣ его оно, пока, существуетъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ его точку зрѣнія, посмотримъ, какъ онъ опредѣляетъ философію. Какъ извѣстно въ этомъ опредѣленіи обыкновенно заключается вся философія даннаго мыслителя. Авторъ опредѣляетъ нѣсколько разъ задачу философіи.

*) Современникъ 1860 г. No. VI.

«Дѣло философіи, по началамъ лишь разума, изслѣдовать сущность вещей и всеобщіе законы явленій» (с. 5). «Она по преимуществу есть знаніе, почерпаемое нами самими изъ насъ же самихъ, есть развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго человѣческаго духа, что завито въ его идеяхъ, составляющихъ сущность нашего разума, самую, такъ сказать, его разумность» (с. 8). «Философія... есть наука чистаго мышленія» (с. 8). «Бытіе и свойства безусловнаго существа, отношеніе къ нему міра и человѣка, безсмертіе души и нравственныя требованія человѣческой природы — составляютъ существеннѣйшую задачу философіи» (с. 10). «Философія и искусство.... суть цвѣтъ народнаго сознанія» (с. 14). — Въ этихъ выпискихъ мы находимъ нѣкоторыя неясности. Философія, по словамъ автора, есть наука, ея предметъ — сущность вещей и законъ явленій, она развиваетъ все изъ самаго человѣка, она имѣетъ задачею отношеніи высшаго существа къ міру и къ человѣку... Жаль, что г. Новицкій не опредѣлилъ, что такое по его мнѣнію наука и какая разница между ею и философіею. По первому положенію это — *одна изъ наукъ;* по тому, что она, вмѣстѣ съ искусствомъ, противупоставляется авторомъ религіи, какъ цвѣтъ корню, эта *наука вообще.* Далѣе: она опредѣляетъ *законы явленій* и въ тоже время черпаетъ все изъ *идей.* Желательно знать, какъ человѣкъ почерпнетъ изъ самого себя, ну хоть законы паденія тѣлъ? Впрочемъ, можетъ быть и здѣсь мы возражаемъ только неясности выраженій. Какъ понимать «развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго духа»? Если такъ: человѣкъ имѣетъ въ себѣ рядъ представленій, которыя относитъ къ внѣшнему міру, и изъ сравненій которыхъ получаетъ законы явленій внѣшняго міра, представленія о причинахъ этихъ явленій, предположенія о сущности вещей, о высшемъ существѣ, о безсмертіи духа и т. п.; тогда тутъ все ясно, но можно сказать только, что это есть процессъ, о которомъ нечего говорить особенно для философіи: онъ повторяется для всѣхъ эмпирическихъ, логическихъ, метафизическихъ и практическихъ представленій. По всей вѣроятности авторъ понималъ это иначе: эмпирическому знанію изъ представленій, внѣшнихъ предметовъ, онъ повидимому противуполагаетъ философское знаніе, развиваемое изъ идей. Въ такомъ случаѣ мы въ-правѣ спросить, какъ законы эмпирическихъ явленій могутъ получаться изъ мышленія безъ содержанія? Если же намъ возразятъ, что *эти* явленія лежатъ внѣ философіи, то мы скажемъ, что въ такомъ случаѣ философія *не есть* наука о за-

конахъ явленій *вообще*, а о законахъ *нѣкоторыхъ* явленій. Затѣмъ придется разграничить эти явленія отъ другихъ. Ужь не ограничены ли они тѣми *существеннѣйшими* задачами, которыя въ другомъ мѣстѣ ставитъ авторъ? какъ наука *сущности* вещей, конечно въ нее войдутъ преимущественно эти задачи; но возможна ли *наука* сущности вещей? Мы не хотимъ здѣсь поднимать этого вопроса, потому что онъ насъ выведетъ изъ философіи автора. Г. Новицкій предполагаетъ дѣйствительность этой науки. Онъ *вѣритъ* въ нее, и не зная, что̀ онъ называетъ наукою, нельзя съ нимъ спорить. Мы только остановимъ его вниманіе на противурѣчіи между пониманіемъ философіи, какъ науки *законовъ явленій*, и какъ знанія, черпаемаго изъ идей, *вложенныхъ* въ человѣка.

Постановленіе существеннѣйшихъ задачъ философіи, о которыхъ мы сказали выше, приводитъ насъ къ отношенію философіи къ религіи, краеугольному камню въ мышленіи автора. По мнѣнію автора, содержаніе религіи есть въ тоже время содержаніе философіи (I, 10). «Между истинною религіозною и философическою не должно быть различія» (тамъ же); «философія и религія различаются между собою *способомъ усвоенія* того же содержанія» (11). «Въ религіи безусловное открывается, какъ непосредственное присутствіе его въ человѣческомъ сознаніи, а въ философіи, какъ мысль о безусловномъ» (12). «Религія преимущественно живетъ въ убѣжденіи сердца, а философія въ понятіяхъ разума» (12). «Философія и религія различаются между собою не только своей формой, но и своимъ *значеніемъ* и *достоинствомъ*. Каково бы ни было значеніе философическаго знанія и достоинство самой философіи, вѣра всегда выше этого знанія, религія всегда выше философіи» (тамъ же). «Философія доступна немногимъ; религія всѣмъ» (13). «Область вѣры несравненно шире области философіи» (тамъ же). «Если философія хвалится отчетливостью своихъ понятій въ свойственной ей области, за то эти понятія не имѣютъ той глубины и жизненности, которыя принадлежатъ лишь религіи» (тамъ же). «Все, что имѣетъ значеніе и достоинство для человѣка, находитъ свое послѣднее средоточіе въ религіи» (14). «Всѣ отношенія человѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами въ религіи, какъ въ своемъ фокусѣ, всѣ утверждаются и животворятся ею» (тамъ же). «Философія можетъ оказывать религіи своего рода услугу — можетъ очищать религіозное чувство, хотя не въ немъ самомъ, а отъ чуждой ему примѣси ложнаго пониманія... но и это дѣлаетъ философія лишь

тогда, когда внимаетъ голосу того же самаго чувства; она только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ это чувствованіе. Наконецъ, философія развивается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій; а потому, если она болѣе или менѣе удовлетворяетъ любознательности разума, то не можетъ даровать мира и успокоенія, — не можетъ удовлетворять сердца; она мыслитъ о безусловномъ, но только мыслитъ, а не ведетъ къ единенію съ этимъ безусловнымъ, — чего непрестанно алчетъ духъ человѣка; между тѣмъ религія есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаются всѣ загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, гдѣ успокоиваются всѣ печали и тревоги сердца, — есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира; только религія, а не мышленіе о ней, даруетъ человѣку блаженство» (тамъ же). Прочтя предъидущее, невольно спрашиваешь себя: если человѣкъ имѣетъ область духа, гдѣ концентрируются, утверждаются и оживляются всѣ отрасли его дѣятельности; если она, доступная всѣмъ, шире по объему трудной области мысли, доступной весьма немногимъ; если въ ней *вся истина*, примиреніе, успокоеніе, зачѣмъ другія области? какимъ психологическимъ процессомъ немногіе—одаренные лучше другихъ, потому что имъ доступна область философіи, недоступная массѣ — какимъ психологическимъ процессомъ эти немногіе предпочитаютъ области вѣчнаго покоя и примиренія область борьбы, ограниченныхъ понятій? зачѣмъ эти безумцы-мыслители уединяются отъ всѣхъ прочихъ братій, наслаждающихся блаженствомъ? зачѣмъ сами идутъ на гоненія, на преслѣдованія, на изгнаніе, на казнь? какое наслажденіе можетъ ихъ вывести изъ области покоя въ то одинокое положеніе —

Когда толпа съ тобою розно
Себѣ воздвигла божество;
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенье сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидя далеко...
О, жить отверженнымъ скитальцемъ
— Друзья, повѣрьте — не легко!

Всѣ наслажденія: миръ съ собою и другими, полная истина, широкая область знанія, все на одной сторонѣ, а между тѣмъ во всѣ вѣка являются упрямые бунтовщики мысли, которые рвут-

ся изъ этого блаженства, зовутъ за собою другихъ людей, и толпы восторженныхъ учениковъ бѣгутъ за ними туда, гдѣ блещетъ *одна* мысль, ограниченная и по объему, неудовлетворительная для сердца и доставляющая своимъ послѣдователямъ лишь право на насмѣшку непонимающей массы?—За философіей признаетъ г. Новицкій лишь одно достоинство: большую отчетливость понятій, но на слѣдующей же страницѣ говоритъ, что философія только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ религіозное чувство. Въ такомъ случаѣ и отчетливость понятій философіи внѣ религіи не имѣетъ мѣста, потому что отчетливо понимать можно лишь дѣйствительное знаніе: во всякомъ призрачномъ знаніи должна быть гдѣ-нибудь непослѣдовательность, темнота, недостатокъ отчетливости. И такъ философія лишена всякаго, рѣшительно всякаго преимущества, и между тѣмъ!... Нѣтъ, какъ угодно, для насъ неразрѣшимо противорѣчіе существованія философскихъ системъ рядомъ съ доступною всѣмъ истиною, въ мышленіи г. Новицкаго. Онѣ не могли явиться, особенно во второмъ циклѣ человѣческой мысли, когда новая истина «очистила и возвысила понятія народовъ, укротила страсти, укрѣпила волю въ добрѣ, открыла человѣку такія тайны..., до которыхъ не только не доходилъ человѣческій разумъ..., но до которыхъ и не можетъ дойти собственными силами.» Но и въ первомъ циклѣ философія дѣлается не разрѣшимою задачею. «Всякій человѣкъ» говоритъ намъ авторъ «по непосредственному внутреннему чувствованію признаетъ бытіе верховнаго существа, твердо вѣритъ въ свою обязанность дѣлать добро,... не сомнѣвается въ безсмертіи своей души, въ будущемъ воздаяніи и т. п.» Зачѣмъ-же онъ сталъ философствовать? вѣдь далѣе этого онъ не могъ ничего узнать, и философствованіе, внѣ религіознаго чувства, не могло ему дать никакого дѣйствительнаго знанія. Тутъ, въ основномъ положеніи автора, мы встрѣчаемъ неразрѣшенное имъ противорѣчіе. Не говоримъ: *неразрѣшимое*, потому что рѣшенія возможны съ двухъ сторонъ. Или наслажденіе мышленія *по своему*, наслажденіе *независимостью* мысли такъ велико, такъ существенно для человѣка, что предъ нимъ блѣднѣютъ всѣ успокоенія, примиренія и житейскія выгоды общенія съ массою по мысли; но это не есть мнѣніе автора, который прямо становится *выше* на противную сторону. Или вся философія есть навожденіе, постоянно обольщающее человѣка адскими призраками для увлеченія его на путь грѣха, заблужденія и гибели, и предъ этимъ искушеніемъ безсильно даже непосредственное от-

крытіе тайнъ, недоступныхъ разуму. Но и это дуализмъ, манихеизмъ, который, повидимому, не составляетъ убѣжденія г. Новицкаго. Это важное противорѣчіе намъ кажется столь существеннымъ, что лишаетъ связности и послѣдовательности всю систему автора *).

Но допустимъ на-время отношенія философіи къ религіи, поставляемыя авторомъ. Посмотримъ, какъ они оправдываются его системою аналогическихъ періодовъ перваго и втораго цикла мысли. Остановимся въ-особенности на идеалѣ философіи, который воплотился у автора въ *ожидаемый періодъ.* Этотъ періодъ, хотя во всѣхъ отношеніяхъ выше аналогическаго ему періода перваго цикла, но долженъ ему соотвѣтствовать. Итакъ о значеніи религіи въ этотъ періодъ надо судить по аналогіи значенія языческой религіи въ періодъ неоплатонизма. Кто же не знаетъ, что сдѣлало изъ язычества это ученіе? Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи греческой религіи говоритъ: «Неоплатонизмъ попробовалъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ преобразовать политеизмъ, думая ему придать силу и жизнь. Но это преобразованіе . . . . . совпало съ ученіемъ, подкопавшимъ мало по малу греческую религію и приготовившимъ ея паденіе, въ то время какъ оно предполагало ее усилить» **). И это высказано въ безчисленномъ множествѣ сочиненій. Мысль о паралелли между эпохою неоплатонизма и нашимъ временемъ въ отношеніи значенія вѣрованій, есть мысль не новая, но она всегда была выставлена партіею, относящеюся къ этимъ вѣрованіямъ отрицательно; и дѣйствительно періодъ полнаго безсилія язычества, подогрѣваемаго всѣми мѣрами среди равнодушія массы, требующей уже другаго, — этотъ періодъ могъ быть признанъ аналогическимъ съ будущностью или настоящимъ положеніемъ мышленія только врагами общественной системы убѣжденій. И г. Новицкій, со своей точки зрѣнія, рѣшается видѣть въ *ожидаемомъ періодѣ* аналогію послѣднему періоду язычества? Онъ предрекаетъ *эту* будущность своимъ вѣрованіямъ? Онъ самъ подноситъ факелъ къ своимъ идоламъ и подаетъ оружіе врагамъ своихъ убѣжденій? онъ въ своихъ историческихъ аналогіяхъ думаетъ однимъ словомъ—*выше*—

---

*) Не говоримъ о практическомъ противорѣчіи, которое уже довольно ярко выставлено въ приведенной критикѣ Современника: зачѣмъ авторъ, признавая, что религія во всѣхъ отношеніяхъ выше философіи, не обратился къ первой, но написалъ книгу о второй?

**) Histoire des religions de la Grèce Antique par A. Moury, III, 1859.

оградиться отъ противорѣчія съ своею догматическою точкою зрѣнія? — Нѣтъ, г. Новицкій, отрекитесь скорѣе отъ вашихъ сторическихъ аналогій, перестройте вашу систему: вы перешли, сами того не замѣчая, въ чужой лагерь, и доказали болѣе чѣмъ думали, доказали историческою аналогіею несостоятельность своихъ собственныхъ положеній. Это неизгладимое внутреннее противорѣчіе.

Но есть еще одно противорѣчіе, осуждающее раздѣленіе на періоды нашего автора, осуждающее самый принципъ—его послѣдствіями. Система г. Новицкаго привела его къ признанію нѣсколькихъ главныхъ личностей въ исторіи философіи. Главные фазисы философскихъ ученій, главныя степени жизни человѣчества выражаются семью личностями, семью *вершинами* мысли. Повѣримъ это нравственное гипсометрическое измѣреніе. Есть въ древности философъ, который далъ человѣчеству энциклопедію мысли; послѣ него не было мыслителя, который-бы не оглядывался на этого гиганта мысли, не прочитывалъ и не перечитывалъ его сочиненій; отъ береговъ Сены до береговъ Евфрата онъ въ продолженіи болѣе тысячи лѣтъ былъ единственнымъ учителемъ; лучшіе мыслители новѣйшаго времени гордились продолженіемъ и исправленіемъ его трудовъ; почти ни одна наука не можетъ въ своей исторіи не отвести значительнаго отдѣла этому геніальному писателю; безпрестанно оказывается, что онъ былъ правъ и въ такихъ вопросахъ, которые послѣ него считались невѣрно рѣшенными имъ. Его нечего называть, потому что всякій незанимающійся вовсе философіею, изъ всѣхъ мыслителей можетъ быть и знаетъ только имя учителя Александра Великаго. И чтожь между *семью* вершинами исторіи мысли, назвавъ Плотина, Климента Александрійскаго, Ансельма, г. Новицкій не помѣстилъ—АРИСТОТЕЛЯ!

Онъ произнесъ этимъ послѣдній приговоръ своему построенію исторіи философіи. Построеніе, сдвигающее съ перваго мѣста Аристотеля, не имѣетъ права даже называться философскимъ построеніемъ.

Мы видѣли научное значеніе книги г. Новицкаго. Теперь мы можемъ судить о ея философскомъ значеніи. Что-же ей остается?

Отчего бы, вмѣсто гордыхъ пророчествъ объ ожидаемой славянской философіи, имѣющей все примирить и объяснить, вмѣсто *новаго слова*, которое оказывается не научнымъ, не философскимъ, да пожалуй и не новымъ, —отчего бы не ограничиться переводомъ порядочнаго нѣмецкаго учебника, который, при всѣхъ

своихъ недостаткахъ, былъ-бы несравненно выше, и со стороны философіи, того, что̀ предлагаетъ г. Новицкій.

Неохотно мы взялись за перо, чтобъ разбирать книгу, о которой была рѣчь. Но, при недостаточности нашей философской литературы, при возбуждающемся интересѣ къ предмету, мы считали своею обязанностью предупредить читателей, что̀ это за произведеніе. Они могли видѣть изъ выписокъ, насколько направленіе г. Новицкаго соотвѣтствуетъ живымъ вопросамъ современности. Они могли видѣть изъ его обращенія съ Пиѳагоромъ, насколько онъ уважаетъ науку. Они могли видѣть изъ ряда замѣченныхъ нами противорѣчій (а вѣроятно весьма многихъ мы не замѣтили, другія-же оставили въ сторонѣ, чтобы не увеличивать объемъ статьи), насколько его построеніе послѣдовательно и философски стройно. Тѣ, которые владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, пусть лучше обратятся къ Швеглеру, Целлеру, Брандису, Риттеру. Тѣ-же, которымъ приходится читать только по-русски, пусть читаютъ г. Новицкаго осторожно, стараясь повѣрять его, гдѣ могутъ, другими источниками и воззрѣніями: пусть стараются сами мыслить надъ вопросами, которымъ онъ даетъ канву, покрытую плохимъ узоромъ. Философія тѣмъ сильна, что возбуждаетъ къ самостоятельному мышленію и даетъ сама средства противъ увлеченій своихъ адептовъ. Она говоритъ всѣмъ: учитесь, учитесь фактамъ, дѣлу — и мыслите сами!

П. ЛАВРОВЪ.

Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Н. Тиблена. Петерб. 1860.

Когда появились первые томы «Исторіи Англіи» Маколэ, одинъ честный Англичанинъ откровенно замѣтилъ: «теперь я понимаю, что у насъ есть исторія, и притомъ въ высшей степени итересная исторія». Въ самомъ дѣлѣ, Маколэ какъ будто открылъ новую жизнь въ мертвыхъ лѣтописяхъ своей страны, жизнь со всѣми подробностями домашней и общественной обстановки; до тѣхъ поръ, пока не коснулась его геніальная рука одной изъ самыхъ смутныхъ и вялыхъ по интересу эпохъ, мно-

гія событія, достойныя вниманія, едва были извѣстны, многіе дѣятели были представлены въ ложномъ и искаженномъ свѣтѣ и благороднѣйшіе изъ борцовъ стояли въ полутѣни передъ взоромъ потомства или оклеветаны пристрастнымъ судомъ партіи. Маколэ возстановилъ память несправедливо забытыхъ именъ и разрушилъ не одинъ изъ тѣхъ мраморныхъ пьедесталовъ, на которые тупая сила времени и еще болѣе тупой предразсудокъ поставилъ ничтожныя личности, не отмѣтившія своего существованія ни умнымъ словомъ, ни добрымъ дѣломъ. Но не въ этомъ главная заслуга знаменитаго историка. Рано или поздно ученая критика возвратила бы историческую совѣсть умершимъ героямъ и воспроизвела бы факты въ ихъ настоящемъ видѣ: для такого труда могло бы пригодиться и меньшее дарованіе и не такой зоркій взглядъ, какимъ обладалъ Маколэ. Лучшая сторона этого писателя заключается въ идеѣ, которую онъ такъ ясно выразилъ въ своихъ произведеніяхъ и такъ неизмѣнно отстаивалъ въ парламентѣ и въ литературѣ. Какъ защитникъ политической свободы своей страны, онъ имѣетъ особенное право на наше вниманіе. Въ этомъ отношеніи никто изъ современныхъ писателей Англіи не дѣйствовалъ такъ сильно на общественное мнѣніе Европы и не обставилъ свою мысль такими блистательными уроками, какъ Маколэ. Кромѣ умственнаго наслажденія, какого только можно желать отъ ученаго труда новѣйшихъ литературъ, онъ обобщилъ множество истинъ, также интересныхъ для Англіи, какъ для Италіи и Венгріи. Только прочитавъ его сочиненіе, мы стали понимать настоящее значеніе и смыслъ британской конституціи, ея успѣхи и недостатки; только онъ распуталъ и разъяснилъ борьбу отдѣльныхъ сословій и означилъ степень участія каждаго изъ нихъ въ общественномъ прогрессѣ; только онъ познакомилъ насъ съ такими драматическими характерами, какъ Мильтонъ, Оливеръ Кромвель и Вильгельмъ Оранскій. Конечно, у него, какъ и у всякаго историка, можно найдти важные промахи; такъ, напримѣръ, онъ не съумѣлъ оцѣнить ни строгой роли пуританъ, ни наивнаго характера кавалеровъ, воплотившихъ въ себѣ духъ и форму временъ Карла I; но Маколэ никогда и не думалъ хвалиться историческимъ безпристрастіемъ, которое скорѣе составляетъ черту бездушнаго доктринера, чѣмъ живаго и воспріимчиваго дарованія. Симпатіи критика Бэкона и Гастингса очень ясны: все, что содѣйствовало успѣхамъ народной жизни, принимаетъ подъ его перомъ особенно свѣтлые очерки, и все, что мѣшало и душило ея развитіе,

выставляется имъ на позоръ, во всей наготѣ отвратительнаго порока и лицемѣрія.

Но въ чемъ же политическая вѣра Маколэ? Къ какому разряду мыслящихъ людей мы должны отнести его и какъ назвать его убѣжденія? Намъ говорятъ, что онъ былъ вигъ и тѣмъ хотятъ опредѣлить характеръ его литературной дѣятельности; но такое опредѣленіе не имѣетъ ровно никакого смысла на современномъ языкѣ Англіи. Съ того времени, какъ вѣковая борьба за конституціонныя права ея перешла отъ парламента на общественное мнѣніе, какъ между королевской властью съ одной стороны и палатами съ другой, прекратились взаимные споры и чашки вѣсовъ совершенно уравновѣсились, духъ партіи потерялъ прежнюю силу: имена тори и виги еще звучатъ кой-какимъ значеніемъ въ правительственной системѣ, но ничего реальнаго не выражаютъ въ общественномъ отношеніи. Прежде это были дѣятели двухъ различныхъ и ясно-означенныхъ направленій, каждое съ своимъ знаменемъ и наслѣдственными принципами. Теперь они не имѣютъ ни твердой почвы подъ ногами, ни предметовъ для своего антагонизма. Ихъ власть и вліяніе поглощены другой, болѣе дѣйствительной силой, которая во сто разъ вѣситъ тяжелѣе и въ тысячу разъ дальновиднѣе, — силой общественнаго участія въ управленіи. Правда, это участіе не облечено ни въ какую офиціальную форму, не вооружено ни статутами, ни торжественными собраніями въ монументальныхъ залахъ, ни сѣдыми париками спикэровъ, ни длиннополыми мантіями перовъ; не менѣе того оно постоянно даетъ себя чувствовать, когда правительственная корпорація судитъ и рядитъ интересами націи; оно невидимо присутствуетъ во всѣхъ углахъ королевства, и отъ улицы до семейнаго очага слѣдитъ за каждымъ поворотомъ государственнаго руля. Поэтому, еслибъ тори и виги въ настоящую минуту подняли какой нибудь капитальный вопросъ и стали рѣшать его, какъ было прежде, на основаніи своихъ личныхъ убѣжденій и подъ вліяніемъ своей старой вражды, рѣшеніе ихъ осталось бы мертвой буквой на бумагѣ, еслибъ только общественный голосъ не согласился съ нимъ. Тори хотѣли дать италіянскому вопросу австрійское направленіе, но нація думала иначе, и министерство упало; виги хотѣли повѣсить доктора Сметгурста за мнимую отраву жены, но жители Лондона взглянули на поведеніе обвиненнаго съ другой точки зрѣнія, и Сметгурстъ былъ освобожденъ отъ смертной казни. Такимъ образомъ, общественный уровень сгладилъ тѣ различія правительственныхъ органовъ,

какія раздѣляли ихъ прежде. Поэтому переходъ отъ одной политической партіи къ другой теперь вовсе не такъ труденъ, какъ въ былыя времена. Робертъ Пиль большую половину жизни стоялъ за консервативныя начала, и вдругъ оставивъ ихъ, принялъ сторону противнаго стана, и такой поступокъ вовсе не показался презрѣнной измѣной или коварнымъ отступничествомъ, какъ приняли бы его въ XVII или XVIII вѣкѣ, а благоразумной уступкой силѣ обстоятельствъ и высшимъ требованіямъ, чѣмъ воображаемой чести его партіи. Точно такое же смѣшеніе мнѣній, понятій и стремленій замѣчается въ членахъ современнаго парламента. На одномъ пунктѣ Брайтъ является радикаломъ, на другомъ онъ уступаетъ въ своемъ либерализмѣ Джону Росселю, который, при всей дѣвственной скромности, иногда идетъ гораздо дальше, чѣмъ можно ожидать отъ его умственной малости. Изъ всего этого мы должны заключить, что когда рѣчь идетъ объ убѣжденіяхъ такого писателя, какъ Маколэ, помѣчать ихъ именемъ вига или тори — значитъ то же, что по цвѣту металла опредѣлять его достоинство или по величинѣ сапога судить о способности головы.

Притомъ не надо забывать, что въ Англіи, болѣе чѣмъ гдѣнибудь, писатель и правительственный дѣятель часто расходятся другъ съ другомъ. Мнѣніе одного можетъ быть оригинальнымъ и превосходнымъ на страницѣ журнала и въ то же время никуда негоднымъ въ административной сферѣ. Если бъ Гиббонъ или Байронъ стали поддерживать свои убѣжденія въ парламентѣ такъ, какъ они передали ихъ публикѣ въ своихъ произведеніяхъ, то, вѣроятно, ихъ сочли бы за умалишенныхъ, случайно попавшихъ изъ Бедлама въ Уэстъ-минстеръ. Точно также сдѣлайте Кобдена первымъ министромъ Англіи, и онъ, нѣтъ сомнѣнія, откажется отъ половины тѣхъ идей, за которыя такъ горячо воевалъ въ головѣ соціальной лиги. Это — недостатокъ и, конечно, величайшій недостатокъ общественной логики, разбиваемой въ прахъ отъ малѣйшаго прикосновенія къ оффиціальной сторонѣ жизни. Идея, какъ бы она ни была справедлива и очевидно-полезна, можетъ идти своимъ путемъ развитія и никогда не сходиться на одной линіи съ такъ называемой практикой. Маколэ, какъ администраторъ, отнюдь не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Само-собою разумѣется, что онъ не кривилъ душой, подобно восточному рабу-бюрократу, не замѣшивалъ ни чести, ни совѣсти въ правительственные интересы; онъ не способенъ былъ прикинуться на словахъ демократомъ, а

на дѣлѣ стащить у своего пріятеля нѣсколько тысячъ рублей и потомъ послать свою креатуру ходатайствовать за снисхожденіе къ своей подлости. Такой радикальной безнравственности не могъ допустить въ себѣ ни дѣломъ, ни помысломъ благородный историкъ; но онъ часто подчинялся тѣмъ внѣшнимъ условіямъ жизни, которыя нагибали его не съ той стороны, съ какой онъ склонился-бы добровольно. Мы могли-бы указать много противорѣчій въ сужденіяхъ Маколэ, какъ сотрудника Эдинбурскаго Обозрѣнія и какъ члена парламента. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ выразился въ своей статьѣ о Мильтонѣ: «многіе политики нашего времени имѣютъ обыкновеніе выдавать за аксіому, что ни одинъ народъ не долженъ быть свободнымъ, пока не достигнетъ умѣнья пользоваться своей свободой. Правило это достойно того глупца въ старинной сказкѣ, который рѣшилъ не ходить въ воду, пока не выучится плавать» (т. I стр. 27.) Но не такъ говорилъ онъ съ парламентской трибуны, гдѣ, какъ извѣстно, его пугала свобода бѣднаго ремесленника, призваннаго къ подачѣ голоса за свои собственные интересы. Какъ согласить это высокое уваженіе къ личности человѣка, которымъ отличаются лучшія страницы его исторіи, съ холоднымъ равнодушіемъ къ судьбѣ Ирландіи, съ его приговоромъ надъ ея невинными клубами и справедливѣйшими народными демонстраціями. Онъ рѣшительно утверждалъ, что «есть только два способа управленія націей — посредствомъ меча и общественнаго мнѣнія» (т. I. стр. 31) и въ то же время признавалъ законной силу меча, завоевавшую Индію и Австралію. Очевидно, въ первомъ случаѣ говорилъ кабинетный мыслитель, свободный отъ вліянія окружающей его жизни; а во второмъ — чиновникъ Англіи, подчиненный другой болѣе настоятельной власти, чѣмъ власть его ума и сердца. Мы не станемъ подвергать оцѣнкѣ административную дѣятельность Маколэ; послѣ защиты Reforme Bill, когда онъ вышелъ на арену парламента, въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, она не представляетъ ничего замѣчательнаго; и если въ ней были свои достоинства и недостатки, то онѣ стояли ни выше, ни ниже общей правительственной системы.

Гораздо интереснѣе посмотрѣть на Маколэ, съ другой стороны, въ его ученомъ кабинетѣ, въ кругу тѣхъ мертвыхъ друзей (Платона, Данта, Мильтона и пр.), которымъ онъ вѣрилъ и сочувствовалъ больше, чѣмъ живымъ, гораздо интереснѣе взглянуть на него, какъ на писателя, независимаго отъ тѣхъ commoda vitae, въ которыхъ заключается вся практическая философія его. Маколэ обвиняли въ безстрастномъ темпераментѣ, въ от-

сталости отъ современныхъ интересовъ жизни и въ отсутствіи теоретическихъ воззрѣній, т. е. его обвиняли въ недостаткѣ общественныхъ симпатій и метафизическаго образованія. Такія обвиненія походятъ на слѣдующіе наивные вопросы, если-бъ кто-нибудь серьезно предложилъ ихъ вамъ: почему Ньютонъ, вмѣсто «Математическихъ началъ натуральной философіи», не писалъ фельетона для «Лондонской газеты», или почему Вашингтонъ не былъ журналистомъ, поставляющимъ по заказу извѣстное число листовъ для каждой мѣсячной книжки? Мы не признаемъ тѣхъ или другихъ врожденныхъ способностей, которыми природа будто надѣляетъ насъ съ той геометрической точностью, какъ журавлей длинными ногами или поросятъ—щетиной, но мы не думаемъ также, чтобъ человѣкъ, всю жизнь занимавшійся однимъ переплетомъ книгъ, подъ старость могъ сдѣлаться замѣчательнымъ литераторомъ. Дѣло въ томъ, что Маколэ, — вслѣдствіе воспитанія или случайной обстановки его жизни, — былъ историкъ по призванію; его рефлективный умъ, превосходно изощренная память, его любознательность и терпѣніе въ разчисткѣ историческаго мусора, набросаннаго вѣками и отжившими поколѣніями, — все это обусловливало и впослѣдствіи опредѣлило то мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять въ ряду дѣятелей XIX столѣтія. Увлеченный своей колоссальной работой, онъ жилъ въ другой эпохѣ и въ другомъ обществѣ, отчасти не похожемъ на его современниковъ; анализируя прошлыя дѣла людей и поднимая изъ праха одно звено за другимъ въ этой длинной цѣпи намѣреній, желаній и поступковъ зарытаго въ землю міра, онъ естественно сжился съ нимъ, чувствовалъ его чувствомъ и говорилъ его языкомъ. Здѣсь были его симпатіи и антипатіи, его враги и пріятели, и если историкъ съ меньшею любовью и увлеченіемъ относился къ живому обществу, то въ этомъ мы не видимъ ничего удивительнаго. Мы готовы утверждать, что Маколэ зналъ лучше какого нибудь придворнаго скомороха Якова II, чѣмъ ближайшаго своего сосѣда, жившаго съ нимъ на одной улицѣ и въ одномъ скверѣ. Притомъ на всякой добросовѣстный трудъ нужно время. Просиживая дни и ночи надъ старыми фоліантами, группируя и удерживая въ своей головѣ имена, цифры, года, цитаты и бездну мелкихъ, но необходимыхъ подробностей, онъ не имѣлъ времени, подобно Роберту Пилю, изучать съ кропотливой усидчивостью современные интересы; вѣроятно, у него не достало бы, послѣ его работъ, ни досуга, ни охоты перечитывать каждый день по нѣскольку де

пешъ посланниковъ, агентовъ, консуловъ и потомъ изъ всего этого составлять министерскіе отчеты. Такъ, намъ кажется, что нельзя требовать отъ Маколэ той же воспріимчивости и вниманія къ обыденнымъ событіямъ жизни, того же отчетливаго знанія ихъ, съ какими онъ занимался историческими фактами. Къ однимъ онъ долженъ былъ питать, по самому свойству его труда и способностей, больше расположенія и сочувствія, чѣмъ къ другимъ. Это очень понятно.

Но если онъ былъ равнодушенъ къ современнымъ интересамъ, то не имѣемъ ли мы право отказать ему въ общественныхъ симпатіяхъ? Чтобъ подтвердить совершенно противное, намъ стоитъ наудачу выписать нѣсколько строкъ изъ сочиненій Маколэ; возьмемъ, напримѣръ, хоть слѣдующее мѣсто, въ которомъ обрисована не отдѣльная личность, не единичное событіе, а цѣлая эпоха, вставленная великимъ художникомъ въ одну узкую раму: «Ни одинъ Англичанинъ, говоритъ Маколэ, внимательно изучившій царствованіе Карла II, не почтетъ себя въ правѣ предаваться чувству національной гордости передъ «Dictionnaire des Girouettes». Шефтесбёри былъ, конечно, гораздо менѣе достоинъ уваженія, чѣмъ Талейранъ, и было бы даже несправедливо относительно Фуше сравнивать его съ Лодерделемъ. Ничто не доказываетъ такъ ясно, до какой степени упало тогда въ нашей странѣ мѣрило политической совѣсти, какъ судьба названныхъ нами государственныхъ людей Англіи. Правительству нуженъ былъ злодѣй, чтобы дать ходъ самой грустной системѣ управленія, какая когда-либо падала проклятіемъ на народъ; и чтобъ искоренить пресвитеріанство огнемъ и мечомъ, потопленіемъ женщинъ и страшной пыткой сапога, оно нашло такого человѣка между предводителями возстанія и лицами, подписавшими ковенантъ. Оппозиція искала начальника, который руководилъ бы самыми неистовыми нападеніями, какія были только возможны подъ прикрытіемъ формъ конституціи, и для этого избрала министра, принимавшаго болѣе дѣятельное участіе въ самыхъ вредныхъ расположеніяхъ двора, человѣка, бывшаго душою кабалы, совѣтника, который заперъ казначейство и настаивалъ на войнѣ съ Голландіей. Вся политическая драма имѣла такой же характеръ. Въ этой дикой и чудовищной арлекинадѣ нельзя было найдти ни единства плана, ни пристойной естественности характеровъ и костюмовъ. Вся она состояла изъ странныхъ превращеній и дикихъ противоположностей: атеисты превращаются въ пуритан, пуритане — въ атеистовъ; республиканцы защищаютъ божественное право королей и развратные

царедворцы громко требуютъ свободы народа; судьи воспламеняютъ ярость черни; патріоты набиваютъ карманы взятками, получаемыми отъ иностранныхъ государствъ; въ одной части острова папистскій государь пыткой принуждаетъ пресвитеріанъ присоединиться къ епископальной церкви, а въ другой пресвитеріане рѣжутъ головы папистскимъ дворянамъ и джентльменамъ. Общественное мнѣніе имѣетъ свои приливы и отливы. Послѣ сильнаго взрыва обыкновенно слѣдуетъ реакція. Но такія необыкновенныя превращенія, какъ тѣ, которыя ознаменовали царствованіе Карла II, можно объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ твердыхъ правилъ въ политическомъ мірѣ... Уже къ концу протекторства, по многимъ признакамъ можно было предвидѣть близкій упадокъ нравственности. Реставрація же Карла II ускорила и увеличила силу перемѣны. Распутство стало доказательствомъ правовѣрности и преданности престолу, условіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило совѣсть самыхъ вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на всѣ отрасли литературы. Поэзія разжигала страсти; философія подрывала правила; самая теологія внушала низкое благоговѣніе къ двору, усиливала вліяніе его дурнаго примѣра. Мы напрасно ищемъ тѣхъ качествъ, которыя придаютъ прелесть заблужденіямъ возвышенныхъ и пылкихъ натуръ; того великодушія, той нѣжности, рыцарской утонченности чувства, которыя, облагороживая похоти, возвышаютъ ихъ до страсти и сообщаютъ самому пороку извѣстную долю красоты, свойственной добродѣтели. Кутежи этого вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходки какой нибудь шайки разбойниковъ, пирующихъ въ кабакѣ съ развратницами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, низость и пошлость, какія можно встрѣтить развѣ въ герояхъ и героиняхъ грязной литературы, поощрявшей подобныя свойства. Одинъ дворянинъ, одаренный большими способностями, шатается вездѣ, какъ фокусникъ; другой держитъ рѣчь передъ толпой, высунувшись изъ окна совершенно голый; третій устроиваетъ засаду, чтобъ поколотить человѣка, обидѣвшаго его. Кружокъ знатной молодежи, людей съ вліяніемъ, сговаривается проложить себѣ путь при дворѣ посредствомъ разсказовъ, имѣющихъ цѣлью погубить невинную дѣвушку, разсказовъ, основанныхъ на одной клеветѣ, на какую не повернулся бы языкъ честнаго человѣка. Во дворцѣ находятъ мертваго ребенка, плодъ любви какой нибудь фрейлины и кого нибудь изъ

придворныхъ, а быть можетъ и самаго короля. Вся стая сводниковъ и шутовъ бросается на трупъ младенца и несетъ его съ тріумфомъ въ королевскую лабораторію, гдѣ его величество, послѣ грубой шутки, приказываетъ разрѣзать тѣло ребенка, къ удовольствію собранія и, по всей вѣроятности, въ числѣ другихъ и отца этого дитяти. Герцогиня-фаворитка ходитъ по вайтгольскому дворцу, топая ногами и произнося проклятія и брани. Министры, засѣдая въ совѣтѣ, проводятъ время въ гримасахъ и передразниваніи другъ друга на потѣху королю. Перы, при одной конференціи, начинаютъ драться и срывать другъ у друга воротники и парики. Одинъ спикеръ въ нижней палатѣ возбуждаетъ неудовольствіе двора; толпа буяновъ подстерегаетъ его и отрѣзываетъ ему носъ до самой кости. Эти постыдныя выходки или, называя ихъ единственнымъ, собственнымъ ихъ именемъ, это холопство чувствъ и манеръ не могло не перейдти изъ частной жизни въ общественную. Циническія шутки, эпикурейскіе софизмы, изгнавъ честь и достоинство изъ одной стороны характера, распространили ихъ и на всѣ другія. Второе поколѣніе государственныхъ людей этого царствованія представляетъ достойныхъ учениковъ школъ, воспитавшихъ ихъ — игорнаго стола Граммона и уборной Нелли. Ни въ какомъ другомъ вѣкѣ такой пустой человѣкъ, какъ Бокингамъ, не могъ бы имѣть политическаго вліянія; ни въ какомъ другомъ вѣкѣ не могъ бы открыть себѣ путь къ могуществу и славѣ передъ всѣми мерзостями такой человѣкъ, какъ Чорчиль» (Т. I изд. Тибл. стр. 189 — 193). Теперь мы спросимъ, неужели въ самомъ дѣлѣ, сухой доктринеръ, не имѣющій ни капли теплой крови для сочувствія обществу и ни одного порыва для негодованія или укора, могъ написать такую страницу, если бъ эта страница была единственной, какую оставилъ намъ Маколэ? Но изъ такихъ страницъ состоятъ едва-ли не двѣ трети его сочиненій. Скажемъ больше, мы не знаемъ историка, который бы такъ горячо преслѣдовалъ свою идею, въ отношеніи къ общественнымъ интересамъ, какъ Маколэ. Увлекаясь этой идеей, онъ иногда преувеличиваетъ фактъ или, по крайней мѣрѣ, кладетъ на него такія густыя краски, что достовѣрность дѣлается сомнительной. Его критика является неумолимой сатирой надъ тѣми политическими тартюфами, которые на самомъ дѣлѣ были просто бездѣльниками, но не злодѣями.

Вслѣдствіе той же общественной симпатіи, въ которой можно отказать Маколэ только за недостаткомъ собственнаго мозга,

онъ не былъ метафизикомъ. Отвлеченное мышленіе, говоря вообще, не въ характерѣ историческаго дѣятеля. Теорія, доведенная до глубокаго и самостоятельнаго развитія, въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ее философскій синтезъ, всегда обращается въ своего рода idée fixe; къ ней бываютъ направлены всѣ наши изслѣдованія, и изъ нея вытекаютъ всѣ наши возрѣнія. Въ ней есть тотъ умственный деспотизмъ, который готовъ ломать и уничтожать все, что становится поперегъ ея прямолинейнаго стремленія. Въ организаціяхъ здоровыхъ, съ мощными силами, она уравновѣшивается участіемъ сердца въ холодномъ анализѣ разсудка и достигаетъ самыхъ смѣлыхъ результатовъ въ области науки или искусства; но въ людяхъ рядовыхъ она часто принимаетъ видъ столбняка, на которомъ они замерзаютъ, какъ грибы на голыхъ пняхъ, захваченные быстрымъ морозомъ. Ничего не можетъ быть опаснѣе или скучнѣе, какъ стать въ это положеніе историку. Главная задача его въ томъ, чтобъ воспроизвести факты такъ, какъ они дѣйствительно случились, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, мнѣній и общаго хода народной жизни; ему необходимо измѣнять свои взгляды и убѣжденія вслѣдъ за перемѣной ихъ въ разныя эпохи и въ разныхъ поколѣніяхъ; онъ долженъ пережить мыслію и чувствомъ нѣсколько отдѣльныхъ направленій, системъ, вѣрованій и общественныхъ переворотовъ; во всемъ этомъ онъ долженъ найдти не оправданіе своего задушевнаго идеала, а ту вѣрную точку зрѣнія, которая преобладала въ соціальномъ движеніи эпохи. Что же до выводовъ изъ этихъ фактовъ, они могутъ быть предоставлены самому читателю, и, вѣроятно, каждый изъ нихъ составитъ свое собственное умозаключеніе, потому что для каждой головы есть своя мѣра мышленія и свое воззрѣніе. Напротивъ, если историкъ приступаетъ къ своему труду съ напередъ придуманной теоріей, съ тѣмъ или другимъ идеаломъ своего пониманія, тогда онъ обезобразитъ историческую истину, сдѣлаетъ изъ нея что-нибудь въ родѣ Всеобщей Исторіи или, пожалуй, конскаго лечебника нашего простака Кайданова. Въ эту ошибку попалъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ — Шотландецъ Юмъ. Онъ распорядился съ исторической Англіей точно такъ, какъ распорядился одинъ директоръ въ ботаническомъ кабинетѣ, приказавъ разставить растенія, не по свойству ихъ родовой классификаціи, а по ранжиру, какъ подбираютъ молодыхъ рекрутъ по условной мѣркѣ. Положительно можно сказать, что Маколэ, избравъ метафизическій методъ въ исторіи, переломалъ бы ея живые чле-

ны и лишилъ бы книгу той огромной популярности, какой она пользуется въ ея настоящемъ видѣ; тогда художественная сторона ея погибла бы подъ грудой безплодныхъ разсужденій, натянутыхъ доказательствъ и все это ради двухъ или трехъ нравоученій, въ сущности никому не нужныхъ; ея мѣткія и классически обработанныя характеристики обратились бы въ ученые допросы о томъ, почему Генрихъ VIII сошелъ съ ума прежде, чѣмъ сдѣлался королемъ. Книгу прочитали бы нѣсколько специалистовъ да школьныхъ учителей, изъ секты квакеровъ и пуританъ, которымъ положительно не нравится кристальная ясность изложенія въ исторіи Маколэ, какъ ночнымъ мухамъ не нравится утренній свѣтъ.

Независимо отъ историческихъ способностей, Маколэ не могъ остаться въ сферѣ отвлеченнаго мышленія по самому свойству національнаго харектера. Мы часто спрашиваемъ: почему Англія никогда не отличалась теоретическимъ образованіемъ или наклонностью къ чисто умозрительнымъ направленіямъ? И почему Германія сильна именно тѣмъ, чѣмъ слаба Великобританія? Обыкновенно объясняютъ это воспитаніемъ и системой университетскаго ученія. Но воспитаніе, какъ бы оно ни сложилось у народа, опредѣляется именно тѣми потребностями, которыя чувствуются въ нѣдрахъ самого общества. Если нація не имѣетъ надобности, положимъ, въ распространеніи теоріи невольничества, она не введетъ ее, подобно южно-американскимъ проповѣдникамъ, въ систему школьнаго преподованія. Притомъ общенародные инстинкты проявляются гораздо раньше, чѣмъ воспитаніе вступаетъ въ права общественнаго авторитета. Мы не знаемъ, напримѣръ, гдѣ больше занимались теологическими предметами, какъ въ испанскихъ университетахъ, но, если забыть правительство и касту католическихъ поповъ, то въ самомъ народѣ встрѣчается полное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ. Тотъ же контрастъ поражаетъ насъ въ Италіи: здѣсь средневѣковыя коллегіи особенно щеголяли юридическими факультетами, и, можетъ быть, нигдѣ не было такихъ плохихъ юристовъ и, главное, такого рѣшительнаго отвращенія къ юридическимъ формамъ и неразлучной съ ними тунеядной бюрократіи, какъ въ италіянской націи. Все это доказываетъ, что университетское образованіе нельзя принять за точное выраженіе народной мысли и ея потребностей. Не менѣе того, фактъ остается въ полной силѣ: къ Англіи не привилась абстрактная идея, встрѣтивъ перваго противника себѣ въ ея великомъ мыслителѣ — Бэконѣ. Остается

искать объясненіе такому явленію, повторившемуся въ той же народности и по ту сторону океана, — въ Америкѣ, — въ физіологическихъ законахъ націи и соціальномъ ея устройствѣ. Относительно перваго условія, вопросъ остается загадкой для нашего времени. Есть мнѣніе, что самыя формы правленія и вся историческая судьба народовъ слагаются подъ вліяніемъ физіологическихъ данныхъ, что складъ черепа и расположеніе нервной системы, можетъ быть, играютъ главную роль въ національныхъ конституціяхъ, что пассивная жизнь Негра и относительно лучшее положеніе Европейца, торгующаго мясомъ африканскаго племени, заключается въ самой ихъ природѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ мнѣніи есть своя доля справедливости, но оно не имѣетъ ни строго-фактическаго основанія, ни логической силы. Гораздо основательнѣе, по крайней мѣрѣ, ближе къ нашему пониманію другая причина—вліяніе историческихъ обстоятельствъ на образованіе племенныхъ и общественныхъ типовъ. Что одинъ типъ рѣзко отличается отъ другаго — это мы ясно видимъ; но насколько исторія одного общества, выдѣливъ его изъ общечеловѣческой семьи, по праву меча или договора, и отбросивъ отъ другихъ обществъ, — участвуетъ въ этомъ раздѣлѣ — опять рѣшить трудно. Въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ случайностей, движенія впередъ и отступленія назадъ, благороднѣйшихъ порывовъ и пошлыхъ результатовъ, въ этомъ постоянномъ круговоротѣ паденія и возвышенія, въ этой незамѣтной зависимости нашей жизни отъ тысячи чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, — отъ голода, мора, наводненія,—въ этомъ необъятномъ хаосѣ теряется всякая цѣльная мысль, всякое конкретное воззрѣніе. Но какъ бы то ни было, а нѣтъ явленія безъ причины, и если Англія не представляетъ намъ, въ своей умственной жизни, метафизическаго образованія, то мы должны согласиться съ тѣмъ, что отсутствіе его не зависитъ отъ кембриджскаго или оксфордскаго университета, а отъ недостатка элементовъ его въ самой народной жизни: для него нѣтъ почвы, на которой бы оно могло взойдти и дать плодъ. Но почему же нѣтъ почвы? — возразятъ намъ; это требуетъ нѣкотораго объясненія. Англія — страна индивидуальныхъ стремленій и положительной дѣятельности, нелишенной довольно полнаго содержанія. Здѣсь у каждаго отдѣльнаго лица есть своя спеціальная цѣль, которую оно преслѣдуетъ въ жизни; за исключеніемъ ста тысячъ поземельныхъ собственниковъ, обезпеченныхъ правомъ твердаго владѣнія, всѣ прочіе члены общества должны искать своего счастія и возможности существова-

нія въ своихъ личныхъ способностяхъ и, разумѣется, каждый избираетъ свою карьеру по собственному желанію и усмотрѣнію: для одного кажется лучшимъ поприщемъ трудъ моряка, и онъ охотно принимаетъ его; другому думается, что торговать выгоднѣй, и онъ дѣлается купцомъ. Но какъ бы онъ ни распорядился своимъ выборомъ, Англичанинъ напередъ убѣжденъ, что вся отвѣтственность за его будущее добро или зло лежитъ на немъ одномъ, что ему ни чинъ, ни протекція, ни сословная рѣшетка не помѣшаютъ идти впередъ, если только на то станетъ его доброй воли и ума. При такомъ направленіи, практическій результатъ составляетъ первое усиліе всякой дѣятельности, безъ чего она не имѣла бы смысла. Работаю ли я въ парламентѣ, или на биржѣ, пишу ли я книгу или копаю землю,— первая мысль моя — для чего я дѣлаю это и въ какой степени оно мнѣ полезно. Поэтому для Англичанина — the times is money (время — деньги) имѣетъ дѣйствительное значеніе, потому что каждая минута труда есть личное его благосостояніе. И онъ увѣренъ въ своемъ трудѣ; пріобрѣтеніе его прочно; его не отниметъ ни взяточникъ, ни произволъ судьи, ни интрига сановника; въ его домъ войдетъ буря, но не заглянетъ безъ спросу королева; съ другой стороны, онъ видитъ кругомъ себя безчисленное множество другихъ дѣятелей, столь же свободныхъ и усердныхъ, какъ и онъ: ему предстоитъ постоянная борьба, во-первыхъ, съ подобными ему людьми и, во-вторыхъ, съ природой; его вниманіе должно слѣдить за множествомъ самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, онъ долженъ соображать вѣроятность будущаго и ежеминутно быть готовымъ отразить неблагопріятную встрѣчу. Это - дѣятельность огромная, требующая ума живаго, подвижнаго и разносторонно-развитаго. Но она совершенно противоположна глубокому теоретическому образованію. Кто-то замѣтилъ, что для философіи необходимъ досугъ, и кромѣ того сосредоточенность; это вѣрно, потому что теоретическое мышленіе требуетъ особеннаго напряженія мозга и уединенія; ему, собственно, нѣтъ дѣло до того, что совершается вокругъ насъ, но чрезвычайно важно знать, что произошло въ самомъ умѣ и насколько расширился тотъ внутренній міръ, въ которомъ работаетъ идея, по собственному произволу. Для Англичанина такая работа нѣсколько походила бы на размышленіе метафизика въ баснѣ Крылова: ему некогда доискиваться начала всѣхъ началъ, когда дѣйствительная жизнь, съ ея осязаемыми интересами и нуждами, со всѣхъ сторонъ волнуется передъ нимъ, и уноситъ его на

волнахъ своихъ противъ его воли и желанія. Да и было бы странно ему мечтать надъ праздными формулами или спорить о томъ, что сильнѣе — воображеніе или фантазія, когда передъ нимъ лежитъ такая бездна практическихъ вопросовъ, прямо приложимыхъ къ общественному благу. Наконецъ замѣтимъ, что теорія для теоріи, или искусство для искусства есть праздная роскошь, терпимая только тѣми народами, которымъ истинное образованіе недоступно. Чистая теорія, какъ старая придворная поэзія, нарочно покровительствуется тамъ, гдѣ отъ науки требуется не дѣйствительная сила знанія, а одинъ наружный блескъ; здѣсь она разводится въ академическихъ парникахъ, подобно тропическому растенію въ холодномъ климатѣ, не затѣмъ, чтобъ питать своимъ плодомъ, а давать только цвѣтъ и запахъ. И все это ради *чести*, какъ замѣтилъ Монтескью, т. е. ради того, чтобъ образованіе било въ глаза лоскомъ, но не заходило слишкомъ глубоко въ народную душу: потому что когда оно не только свѣтитъ, но и грѣетъ, тогда патріархальнаго покровительства для націи становится мало.

Такъ и по историческому характеру, преобладавшему въ умственной организаціи Маколэ, и по національнымъ свойствамъ его страны, онъ не могъ остановиться на одномъ теоретическомъ образованіи. Оно было бы для него и тѣсно и безплодно. И еслибъ мы пріобрѣли въ немъ какого-нибудь философа съ эклектическимъ направленіемъ, самымъ жалкимъ изъ всѣхъ направленій, то навѣрное потеряли бы превосходнаго историка-художника.

Всего, что сказано выше, мы коснулись единственно потому, чтобъ оправдать Маколэ отъ тѣхъ обвиненій, которыми плевала невѣжественная критика на свѣжій мраморъ его могилы. У него были и будутъ свои комары, которые тѣмъ охотнѣе язвили его, чѣмъ меньше онъ обращалъ на нихъ вниманіе. Одни, разсматривая его произведенія, отступали передъ ихъ блескомъ, не видя за нимъ той колоссальной работы, которая совершенно отвѣчала полнотой содержанія артистической формѣ. Они, какъ дѣти, не съумѣли оцѣнить величайшаго умственнаго труда, остановившись на одномъ наружномъ его выраженіи, и не простили ему за то, что составляетъ прелесть и непремѣнное условіе истиннаго дарованія. Другіе старались подмѣтить въ немъ мелкіе недостатки, столь неразлучные съ карьерой писателя, почти сорокъ лѣтъ не выпускавшаго пера изъ своихъ рукъ, и при всѣхъ усиліяхъ злой критики, они могли отыскать такъ мало

фактическихъ ошибокъ, что внушили самымъ врагамъ его уваженіе къ нему.

Но возвратимся къ нашему прежнему вопросу: въ чемъ заключается политическая вѣра Маколэ, или та основная идея, которая проходитъ по всѣмъ его сочиненіямъ и составляетъ коренное убѣжденіе его жизни? Какъ публицистъ и какъ историкъ, онъ вѣренъ своему принципу; онъ не былъ ни политическимъ фанатикомъ, ни утопистомъ. Относительно Англіи политическій идеалъ его заключался въ ея конституціи; онъ лучше, чѣмъ кто нибудь, понималъ недостатки ея, онъ лично вооружался противъ нихъ во время парламентской реформы тридцатыхъ годовъ, но онъ былъ убѣжденъ и въ ея достоинствахъ: онъ замѣтилъ гдѣ-то, что всякая конституція можетъ быть и хорошей и дурной смотря потому, насколько она поддерживается сознаніемъ и нравственнымъ характеромъ той націи, которая принимаетъ ее. Въ этомъ вся тайна твердыхъ и разумныхъ правительственныхъ системъ. Онѣ только тогда находятъ опору въ національномъ духѣ, когда имъ живутъ и дѣйствуютъ. Поэтому Маколэ смотрѣлъ на длинный рядъ англійскихъ реформъ, какъ на развитіе одной и той же конституціонной мысли, возраставшей по мѣрѣ вліянія общественнаго мнѣнія и народной самодѣятельности. Обращая взоръ къ будущему, онъ предвидѣлъ, что эта идея испытаетъ еще множество перемѣнъ, представитъ много новыхъ сторонъ, но успѣхъ ея развитія долженъ идти вмѣстѣ съ народнымъ образованіемъ и помимо насильственныхъ разгромовъ. Въ этомъ консервативномъ убѣжденіи Маколэ не было ничего антипатичнаго политической свободѣ; напротивъ, всякій восходъ ея, какъ на континентѣ, такъ и въ Англіи, онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ; но только, благодаря своей опытности и историческому такту, онъ смотрѣлъ на нее болѣе положительнымъ взглядомъ, чѣмъ другіе. Онъ зналъ, какъ трудно выработывается общечеловѣческій прогрессъ, какихъ страшныхъ усилій и жертвъ, какого пота и крови стоитъ народамъ каждый шагъ ихъ движенія впередъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, его гуманному чувству были противны эти безсмысленныя политическія драмы, которыя оканчивались передъ его глазами безумными реакціями и упадкомъ нравственныхъ силъ народа.

Мы долго не кончили-бы, если-бъ стали говорить о Маколэ, какъ объ историкѣ, администраторѣ, о членѣ парламента и о писателѣ вообще; но нашъ журналъ уже нѣсколько разъ отзывался объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ XIX вѣка. Въ прекрас-

ной статьѣ г. Каченовскаго (іюльск. кн. Р. Слова, 1860), лично знавшаго Маколэ, можно найдти нѣсколько интересныхъ подробностей, которыя знакомятъ съ англійскимъ историкомъ въ послѣдніе годы его жизни. Настоящая статья имѣла цѣлію дополнить то мнѣніе, которое мы выразили прежде.

Намъ остается сказать объ изданіи г. Тиблена. Предпріятіе его — перевести всего Маколэ на русскій языкъ достойно столько-же похвалы, сколько уваженія. Для насъ такая книга должна принести существенную пользу. Кромѣ разностороннихъ и точныхъ свѣдѣній объ Англіи, столь ограниченныхъ и искаженныхъ нашими континентальными предразсудками, она способна воспитать въ читателѣ чувство уваженія къ истинной гражданской свободѣ. Переводъ перваго тома, конечно, далеко не воспроизводитъ ни энергіи, ни классической красоты слова Маколэ, но онъ лучше и добросовѣстнѣе, чѣмъ другіе переводы, разсѣянные по журналамъ, передаетъ внутреннюю и внѣшнюю физіономію оригинала.

Нельзя не пожелать, чтобъ публика поддержала и удачный выборъ и изящное выполненіе настоящаго изданія г. Тиблена. Въ такихъ предпріятіяхъ вниманіе ея вездѣ необходимо, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ критика не стѣсняется ни требованіями совѣсти, ни поползновеніемъ къ кумовству. У нашихъ литературныхъ судей есть также *свои;* у насъ ничего не стоитъ плюнуть на могилу Пушкина г. Дудышкину и, если угодно, г. Дудышкина произвести въ Пушкины. При такомъ произволѣ и невѣжествѣ, публика должна своимъ собственнымъ инстинктомъ угадывать то, что составляетъ ея умственную силу и честь ея мысли.

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Основа. Южно-Русскій учено-литературный вѣстникъ № 1-й.

Такое періодическое изданіе, какъ «Основа», одинъ изъ органовъ малорусской литературы, имѣетъ право на наше вниманіе. Половина этого журнала написана на малорусскомъ языкѣ, недоступномъ большей части читателей. Не входя въ изслѣдованіе зачѣмъ и почему Украинцы пишутъ на своемъ языкѣ, или лучше сказать, предоставляя разсуждать объ этомъ кому и какъ

угодно, я намѣренъ поговорить о малорусскихъ статьяхъ, касаясь и прочихъ, если встрѣтится надобность. По моему мнѣнію, здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о состояніи современнаго малорусскаго языка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ говоритъ на немъ нѣсколько милліоновъ народу. Впрочемъ да не подумаетъ читатель — я не поведу его на обширное поле филологіи и не стану съ видомъ знатока читать лекцію о различныхъ идіомахъ или оттѣнкахъ, неуловимыхъ для большинства, но сдѣлаю самый легкій очеркъ, который служилъ бы основаніемъ для моихъ замѣтокъ, могущихъ безъ этого очерка показаться довольно странными. Самый чистый и безъукоризненный языкъ — это языкъ, употребляемый простолюдинами и сохраняющійся въ пѣсняхъ, какъ старинныхъ такъ и современныхъ которыя продолжаютъ слагаться, потому что поэзія не можетъ выродиться въ племени, не утратившемъ своей народности и выросшемъ на преданіяхъ. Малоруссъ даже и въ качествѣ колониста не забываетъ народныхъ преданій, ни пѣсень, ни обычаевъ; онъ несетъ съ собой въ самый отдаленный край — прирожденную своему племени поэзію. По берегу Терека, въ дикихъ ущельяхъ Кавказа раздается пѣсня, слышанная вами на прибрежьяхъ Сулы или тихаго Слѣпорода, и удалой линейскій козакъ, гдѣ нибудь на пикетѣ, распѣваетъ «Зіроньку» или «Могилу» съ тѣми же грустно-задушевными переливами въ голосѣ, съ какими пѣлъ отецъ его подъ небомъ родной Украйны. Пѣвучесть у малорусса — въ крови, и нужно только особенное чувство, которое взволновало бы его поэтическую натуру, и пѣсня готова самого правильнаго народнаго размѣра, — на самомъ чистомъ языкѣ. Но есть много печатныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, гдѣ тотъ же народный языкъ по преимуществу, но уже съ значительною долею словъ, заимствовaванныхъ изъ другихъ языковъ или сочиненныхъ удачно и неудачно, смотря по обстоятельствамъ. Смѣшно было бы возставать на авторовъ за нововведенія: простонародный нашъ языкъ, при всемъ богатствѣ своемъ — а богатство его не подлежитъ сомнѣнію — не имѣетъ названій самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, встрѣчаемыхъ въ образованной бесѣдѣ, а слова эти подвертываются безпрерывно, если хочешь выразить какую нибудь мысль, не входящую въ сферу жизни неразвитаго простолюдина. Но есть и въ высшей степени жалкіе бездарные писаки, одни по простотѣ, другіе изъ спекулятивныхъ цѣлей, напечатавшіе нѣсколько книженокъ на такомъ варварскомъ нарѣчіи, которое рѣжетъ слухъ и самаго

снисходительнаго читателя. Эти производители литературной макулатуры наперерывъ изобрѣтаютъ новыя выраженія, одно другаго чудовищнѣе и если языкъ Котляревскаго грѣшитъ оттого, что, не ложась въ четырехстопный несвойственный ему ямбъ, допускаетъ усѣченія и нѣкоторые чуждые ему союзы, то ни въ какомъ случаѣ не походитъ на тотъ нелѣпый языкъ, какимъ напечатаны творенія гг. Карпенковъ съ товарищи, или «Ужинокъ Рідного Поля.»

Въ малорусскомъ языкѣ существуютъ разныя нарѣчія, образовавшіяся, вслѣдствіе географическихъ и историчеекихъ условій, незная которыхъ, можно впасть въ заблужденіе относительно того или другаго выраженія. Слово, имѣющее одно и тоже значеніе, можно произнести на нѣсколько ладовъ и всѣ эти оттѣнки будутъ правильны въ отношеніи къ данной мѣстности.

По моему мнѣнію чистый языкъ заключается въ Полтавской губерніи, южныхъ уѣздахъ Черниговской, приднѣпровскихъ Кіевской, въ Херсонской, Екатеринославской, сѣверныхъ уѣздахъ Таврической и въ Черноморіи. Языкъ, приближающійся постепенно къ бѣлорусскому — въ сѣверной части Черниговской губерніи, съ примѣсью великорусскаго въ Харьковской губерніи, которая кромѣ того сохранила и языкъ заднѣпровскій вслѣдствіе исторической причины; языкъ съ примѣсью польскаго въ западныхъ губерніяхъ. Малоруссы Курской, Воронежской и Саратовской губерній говорятъ подобно харьковцамъ съ небольшими оттѣнками вытекающими изъ заимствованій у ближайшихъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи и чистый языкъ, напр. въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ усвоилъ нѣкоторыя татарскія слова, непонятныя напримѣръ жители сосѣднихъ уѣздовъ. Въ сѣверной части земли Войска Донскаго, по Кинбурнской Косѣ Таврической губерніи и въ Ставропольской губерніи, между Дономъ и Ставрополемъ сталкиваются нарѣчія разныхъ мѣстностей, смотря откуда вышли переселенцы.

Трудно представить данныя въ подкрѣпленіе моихъ словъ, но для изученія этихъ этнографическихъ особенностей я употребилъ лучшіе годы своей жизни, и хотя не могъ, конечно, дойдти до совершенства, которое дало бы мнѣ право на авторитетъ, однако я убѣжденъ, что не могу сдѣлать большаго промаха. Въ послѣднее время я имѣлъ случай изучить еще руснацкое нарѣчіе въ сѣверномъ уголкѣ Бессарабіи, о которомъ и говорю при описаніи поѣздки по Днѣстру.

«Основа» какъ журналъ, открытый для дѣятельности всего

южно-русскаго племени, при неимѣніи одного общаго литературнаго языка, печатаетъ статьи на своихъ нарѣчіяхъ, не подводя ихъ подъ одинъ уровень, и потому въ ней могутъ встрѣчаться слова и обороты, свойственныя одной какой нибудь незначительной мѣстности, неупотребляемые въ другихъ частяхъ Малороссіи, но тѣмъ не менѣе правильныя. Пока не разовьется общій литературный языкъ, — нельзя авторамъ ставить въ вину этихъ такъ сказать провинціализмовъ. Но вслѣдствіе естественной причины и новыя слова и выраженія, изобрѣтаемыя для передачи незнакомыхъ предметовъ, могутъ возникать изъ этихъ же разнообразныхъ мѣстныхъ условій — и вотъ почему здѣсь необходимъ тактъ, чтобы, неподчиняясь вліянію идіома, создавать слова, по возможности подходящія къ болѣе чистому языку, сохранившемуся въ устахъ народа; — по крайней мѣрѣ, это мое личное мнѣніе.

Высказавъ свое profession de foi, я съ удовольствіемъ приступаю къ разбору малорусскихъ статей «Основы», журнала, предназначеннаго разроботывать многія сокровища южнаго края, скрытыя отъ отечественной публики, и вызвать къ дѣятельности новые таланты, которые, можетъ быть, не скоро высказались бы безъ ея появленья. Что среди нашего люда есть дарованія — доказываетъ намъ Т. Г. Шевченко, стихотвореніями котораго и начинается 1-й №° «Основы».

Большинство публики знакомо съ украинскимъ поэтомъ по имени, потому что переводы, печатанные въ журналахъ и изданные отдѣльною книжкою, едва ли могутъ дать о немъ полное понятіе. Самородокъ этотъ разбилъ свою грубую оболочку и заблисталъ яркими цвѣтами безъ всякой посторонней помощи. Его незамѣтили, или лучше сказать не поняли даже критики сороковыхъ годовъ и бросили о немъ въ печать неблагопріятные отзывы, но это не могло и не должно было огорчить талантъ, потому что Шевченко пишетъ по малорусски, и Украйна сразу оцѣнила его. Онъ занялъ первое мѣсто среди украинскихъ писателей, и мощный звучный стихъ его до того приблизился къ наро[illegible] пѣсни, что нѣтъ возможности самому лучшему знатоку с[illegible]ить его произведенія отъ пѣсни, сложенной гдѣ нибудь на далекомъ хуторѣ.

Подъ заглавіемъ: «Кобзарь» г. Шевченко снова началъ печатать небольшія стихотворенія, которыя однакоже и прежде были знакомы почитателямъ его таланта. Я попрошу читателя обратить вниманіе на «посланіе къ Шафарику» и «Пустку» какъ пьесы, отъ которыхъ не отказалась бы никакая литература. И

это я говорю не изъ національной гордости, не изъ личной пріязни къ г. Шевченко, но какъ рецензентъ, уважающій и публику и литературу.

«Посланіе славному Шафарикові при поэмі Іоанъ Гусъ або Еретикъ» написано еще въ 1835 году и требуетъ маленькаго поясненія. Г. Шевченко около этого же времени окончилъ свою прекрасную поэму Іоанъ Гусъ, которая потеряна, и поэтъ не можетъ припомнить ее во всей красотѣ къ величайшему сожалѣнію.

Необыкновенно художественна по своей законченности и поэтической грусти пьеска подъ названіемъ: «Пустка.»

«Заворожи мнѣ, волхвъ, сѣдоусый другъ мой! Ты запечаталъ *) ужс свое сердце, но я еще боюсь... Боюсь еще разорять погорѣлую хату, боюсь, мой голубь, похоронить свое сердце... Можетъ быть возвратится надежда съ цѣлительной и живой водой — со слезами; можетъ быть возвратится она зимовать въ непокрытую пустку, и покроетъ, и нагрѣетъ погорѣлую хату, и вымететъ, и вымоетъ, и разведетъ огонь... Можетъ быть еще разъ проснутся мои думы — дѣти, и я погорюю, поплачу съ дѣтками, и еще разъ хоть сквозь сонъ увижу солнце правды.»

Этотъ вопль сердца отлился въ такіе мелодическіе стихи, какіе невсегда удаются и самому г. Шевченку. Не могу не выписать «Пустки» полагая что послѣ моего перевода она будетъ понятна великорусскимъ читателямъ.

Пустка.

Заворожы мыні, волхве
Друже, сывоусый!
Ты вже серце запечатавъ,
Ая — ще боюся...
Боюся ще погорілу,
Хату руйнуваты,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховаты...
Може вернетця надія
Зъ тіею водою

---

*) Здѣсь не слѣдуетъ принимать глаголъ этотъ въ обыкновенномъ значеніи, потому что поэтъ говоритъ о запечатанномъ сердцѣ, какъ о запечатанной священникомъ могилѣ.

Цілющою, живущою —
Дрібною слёзою;
Може вернетця въ некрыту
Пустку зимуваты,
И укрые и нагріе
Погорілу хату,
И вымете, и вымые,
И світло засвітыть;
Може ще разъ прокынутьця
Моі думы — діты;
Може ще разъ пожурюся,
Зъ діткамы заплачу,
Може ще разъ сонце правды
Хочъ крізь сонъ побачу» (6).

Теперь слѣдуетъ чрезвычайно пріятный переходъ отъ одного таланта къ другому, что не часто выпадаетъ на долю рецензента: послѣ стихотвореній г. Шевченка я представлю на судъ читателей «Три Долі», повѣсть г. Марка Вовчка, сразу пріобрѣвшаго имя какъ въ украинской, такъ и въ русской литературѣ.

Большинство читателей требуетъ у насъ еще отъ повѣсти или романа замысловатой интриги, эффектной развязки, или по крайней мѣрѣ великосвѣтскихъ барынь и джентльменовъ; есть у насъ особаго рода диллетанты, которые, на основаніи давно несостоятельныхъ теорій, видятъ художественность лишь въ томъ произведеніи, гдѣ люди взяты не изъ природы, но сочинены по правиламъ, съ характерами, округленными по извѣстной мѣркѣ и съ плавными рѣчами, выражающими quasi — благородныя чувства и стремленія. Ни тѣхъ ни другихъ читателей неудовлетворитъ г. Марко Вовчокъ, какъ потому что въ повѣстяхъ его нѣтъ замысловатой интриги, ни великосвѣтскихъ барынь и джентльменовъ, такъ и потому, что люди взяты у него прямо изъ дѣйствительной жизни, гдѣ и смѣхъ и вопль вырываются прямо изъ сердца, не справляясь ни съ какимъ кодексомъ приличій, ни съ какой теоріей. Г. Марко Вовчокъ посвятилъ свой талантъ простонародному быту, и посмотрите, что уже онъ сдѣлалъ въ самое короткое время. Давно ли показались первыя его повѣсти, а сколько задушевныхъ трогательныхъ сценъ нарисовалъ намъ этотъ молодой писатель, обладающій какою то особенною, свойственною ему граціозностью. Въ произведеніяхъ его нѣтъ ничего грандіознаго; они не поражаютъ васъ

величіемъ, но нельзя не привязаться къ его героямъ и героинямъ въ сермягахъ и *запаскахъ*, нельзя, начавъ одну страницу, не прочитать повѣсть до конца, нельзя иногда удержать слезъ, которыя брызнутъ изъ глазъ невольно и готовы скомпрометировать человѣка, особенно въ томъ обществѣ, гдѣ заплакать считается болѣе неприличнымъ, чѣмъ высморкаться. А между тѣмъ ничего нѣтъ труднѣе какъ разсказать содержаніе повѣсти г. Марка Вовчка, котораго впрочемъ упрекали за однообразно-грустное направленіе. Среда, въ которой вращаются его дѣйствующія лица, конечно не состоитъ изъ безпрерывной цѣпи страданій; но нельзя же ставить въ вину автору, что онъ беретъ изъ этой среды какое нибудь грустное положеніе. Характеръ малорусса, незнакомый большинству, иной разъ покажется страннымъ и неестественнымъ, тѣмъ болѣе, что читатель привыкъ представлять *хохла* какимъ то исключительнымъ существомъ не то шутливо-глупымъ, не то неуклюже-хитрымъ, каждое движеніе котораго непремѣнно должно смѣшить почтеннѣйшую публику. Но у г. Марко Вовчка характеры вѣрны съ дѣйствительностью и колоритъ этого талантливаго писателя свѣжъ, ярокъ, и натураленъ въ высшей степени. Вотъ уже смѣло можно сказать, что г. Марко Вовчокъ не позволилъ себѣ ни разу съ какой нибудь запасной мыслью преувеличить простолюдина. Недостатокъ его, можетъ быть, только въ томъ, что онъ беретъ судьбу индивидуума, сложившуюся нерадостно, и что онъ не рисуетъ какой нибудь веселой беззаботной личности, которая какъ сама, такъ и вся судьба ея исполнены комизма и приводятъ читателя въ веселое расположеніе духа. Но развѣ авторъ можетъ и долженъ насиловать себя, какъ въ выборѣ предмета, такъ и въ его изображеніи?

Послѣдняя повѣсть г. Марка Вовчка «Три Долі» взята изъ простонароднаго, но не крѣпостнаго быта. Содержаніе ея очень просто, дѣйствующія лица живыя, характеры этихъ лицъ встрѣчаются сплошь и рядомъ въ каждомъ селѣ, да и сгруппированы весьма естественно, безъ всякаго замысла на эффекты, и высказываются преимущественно дѣйствіями и разговорами. Въ повѣсти представлены три различныя доли, трехъ молодыхъ дѣвушекъ сверстницъ - сосѣдокъ, семейныя условія которыхъ — поставили ихъ въ самыя близкія отношенія, и одна изъ нихъ въ безъискуственномъ разсказѣ передаетъ малѣйшія подробности этой занимательной хроники. Разсказчица родилась въ деревнѣ Пятигорѣ, лежащей на чудномъ мѣстоположеніи въ мѣловыхъ

горахъ, гдѣ по преданію какая-то набожная женщина выкопала большія пещеры.

«Какъ выдти изъ этихъ пещеръ, да поворотиться спиною къ солнцу, передъ тобою бѣлѣютъ только высокія, мѣловыя горы, а межъ этими горами журчитъ узенькая, глубокая и прозрачная рѣчка. Быстро бѣжитъ она съ версту до самого поемнаго луга и разлившись широко по долинѣ, струится уже подъ рощами и гдѣ-то пропадаетъ между высокими тростниками. Слобода наша раскинулась надъ широкимъ разливомъ на пяти мѣловыхъ горахъ, основанная очень давно на этой мѣстности, когда люди боялись татарскихъ набѣговъ, и высматривая врага съ горъ, прятались заблаговременно. Горы эти зеленѣютъ уже травою, поросли густыми садами. Между бѣлыхъ хатъ цвѣтетъ кудрявая вишня и шелеститъ пахучимъ листомъ тонковерхій тополь; надъ иными воротами, словно шатеръ, раскинулась мелколистая груша или зыблется вѣтвистый осокоръ; берегъ поросъ вербами и калиной. Съ горъ стелются къ водѣ роскошные огороды. Тамъ то травъ, плодовъ и цвѣтовъ, тамъ то тропинокъ къ рѣкѣ и къ сосѣдямъ, и все это вытоптано легкими дѣвичьими ножками.

«Наша хата стояла на горѣ на самой вершинѣ. Далеко вокругъ видна было оттуда окрестность».

«Какъ-то часто приходятъ мнѣ на мысль молодые годы — гдѣ и что было.... Вотъ ужъ я сѣда старуха, а молодость не позабылась.

«Да, наша хата стояла на верхушкѣ. Выйду, бывало, сяду на завалинкѣ, прислушиваюсь и присматриваюсь. Тихъ вечеръ: солнышко западаетъ за гору, вода блеститъ краснымъ цвѣтомъ и тихо струится, не журчитъ; тамъ гонятъ съ поля стадо, тамъ поютъ пѣсни, а за рѣкой раздается стукъ молота о наковальню. И вотъ темнѣетъ небо, мало помалу темнѣетъ и утихаетъ земля, и становится тишь. Ночь опустилась. Небо усѣялось золотыми звѣздами, взошелъ ясный мѣсяцъ и все это заблистало въ прозрачной водѣ; защелкалъ соловей, откликнулся другой гдѣ-то.

«Отца и матери я не помню; еще въ колыбели осталась я сиротою, и меня взялъ мой родственникъ Павло Булахъ. Жена его вскормила меня вмѣстѣ съ своею дочерью, я выросла въ ихъ хатѣ и осталась служить у нихъ» (9—10).

Разсказчица Хима (Ефимія) очеркиваетъ характеръ Павла немногими, но яркими чертами. Это былъ человѣкъ честный, трудолюбивый, но своенравный и требовавшій отъ семьи безуслов-

наго повиновенія. Жена его — въ высшей степени добродушная, любящая женщина, не сказавшая въ жизнь свою никому горькаго слова, и на лицѣ ея постоянно виднѣлась такая кротость, «словно она только что возвратилась изъ Божьяго храма».

Была у нихъ дочь Катря (ум. Катерина).

«Эта, говоритъ разсказчица, пошла не по матери, пылкая и живая дѣвочка, которой не легко было покоряться отцу. Случалось какъ нахмуритъ старикъ брови, стиснетъ тонкіе губы и блеснетъ черными своими глазами — мы съ матушкой едва дышемъ, а Катря ничего не боится: распрашиваетъ и споритъ, пока старикъ не вскрикнетъ: «годи»!... (довольно) такимъ голосомъ, передъ которымъ и самому смѣльчаку нельзя не утихнуть. Послѣ этого долго еще бывало горитъ личико у Катри, изъ глазъ выкатываются слезинки (11).

Дѣвушка эта одѣвалась богато и со вкусомъ, не знала ни въ чемъ отказу, какъ единственная дочь.

«Пойдетъ бывало она гдѣ много народу, всѣ замолкнутъ и смотрятъ на нее, засматриваются, она же и улыбнется и застыдится.

«Что за веселая, что за живая дѣвушка. Родныхъ у насъ много: тотъ женится, та выходитъ замужъ, навеселишься бывало между своими. И какъ поспѣшала она на свадьбу или на вечерницы, и трудно было перепѣть, или перетанцовать ее.

«А весна? Едва было тронется ледъ, растаютъ снѣга, закаплетъ съ крышъ, потекутъ съ горъ ручейки, солнышко глянетъ изъ за весеннихъ облаковъ, повѣетъ какой-то теплый да дремливый вѣтерокъ, а уже Катря запѣла веснянки.... Идетъ и поетъ по слободѣ, выкликая дѣвушекъ на улицу.

«Она предводительствовала всѣми дѣвушками, и онѣ ее слушали, и любили, хоть она съ ними по нѣсколько разъ въ день и посмѣется и поссорится и обнимется!

«Молодость! уплыла ты уже за водою!

«Весна идетъ да идетъ. Вотъ уже и небо чистое, голубое и вода голубая и прозрачная. Солнышко горитъ и блеститъ; рощи распускаются, расцвѣтаютъ сады; вечеромъ гдѣ-то запѣлъ соловушко на широколистомъ кленѣ; кукушка закуковала на высокой березѣ; жужжатъ пчелы; надъ молоденькой травкой мелькаютъ бѣлые мотыльки; летая гудятъ хрущи. Какой-то говоръ, какіе-то звуки словно изъ подъ земли, или изъ воды, или съ неба....

«Ожидаемъ вечера, и вечеромъ на курганъ. Едва виднѣются,

рога молодаго мѣсяца, все тихо, только мы поемъ, да гдѣ-то стучитъ мельница, да вода плещется въ берегъ. Въ праздникъ мы бывало рано идемъ въ церковь, а отъ обѣдни за дѣвушками по слободѣ. Катря выкликаетъ и собираетъ подругъ:

— Пойдемъ, дѣвочки, на курганъ!

— Нѣтъ, пойдемъ въ рощу за земляникой.

— Лучше въ степь на пологи.

— Нѣтъ въ садъ.

— Тамъ лучше!

— Тамъ веселѣе!

«И тамъ и сямъ вездѣ весело, вездѣ хорошо. И спѣшитъ весело толпа молодыхъ дѣвушекъ и несутся звонкій смѣхъ и пѣсни.

«Золотое время молодость: что вздумаешь, все можно, все веселитъ и радуетъ, — а въ старости словно все смѣяться запрещено человѣку (11—12).

У Булаха была сосѣдка вдова Филипиха — личность очень хорошо обрисованная — женщина ловкая, любящая быть авторитетомъ. Ровестница Булаховой она и подъ старость сохранила прежнія отношенія, и за частую выговаривала ей за мягкость и податливость мужу, съ которымъ тоже любила поспорить. У нее была дочь — третья героиня повѣсти. Вотъ какъ о ней говоритъ Хима:

«Была у вдовы дочь Маруся наша подружка ровесница да такая добрая и милая, что и расказать трудно. Круглолицая, ясноглазая, губки румяныя словно вишня, высокаго роста, стройная, брови какъ на снурочкѣ... бывало только заговоритъ, то уже и кажется, что обласкала тебя. И такая тихая, тихая — словно грустила о чемъ-то. Никогда она вдругъ не зарумянится, какъ вотъ наша Катря, не вскрикнетъ, не заплачетъ, не затанцуется до упаду, не разсердится до ссоры. Неизнуренная веселостями и непеөремученная горемъ, она походила на тихое лѣто.

Мы съ Катрей очень любили эту Марусю.» (14—45).

Такъ жили вмѣстѣ три молоденькія дѣвочки, изъ которыхъ Катря и Маруся, какъ видите, были два контраста, а третья-разсказница Хима представляетъ отдѣльную непохожую на другихъ личность. Эта сиротка, выросшая хоть и у добрыхъ родныхъ, но на чужомъ хлѣбѣ, съ ранняго возраста сосредоточилась въ себѣ, и хоть она отдавая всю свою привязанность обѣимъ подругамъ, пользовалась ихъ взаимностью, однако выпадали моменты, когда она разсуждала о своемъ сиротствѣ и одиночествѣ.

Обыкновенныя дѣвичьи забавы, игры, наряды, танцы удовлетворяли молоденькихъ дѣвочекъ, которыя, веселясь на деревнѣ въ обществѣ сверстницъ, вели за частую дома свои интимные разговоры. Милыя и добрыя созданія эти еще не жили сердцемъ. Но вотъ пришла пора. Явился въ сосѣднемъ селѣ молодой козакъ красавецъ Чайченко, о которомъ молва достигла и къ нашимъ тремъ подругамъ. На свадьбѣ у одной родственницы Булоховыхъ, которая выходила именно въ то село, гдѣ жилъ Чайченко, послѣдній былъ въ числѣ гостей приглашенныхъ женихомъ. Маруся и прежде видала его когда-то, но Катря и Хима встрѣтили впервые. Катря и Маруся почувствовали любовь, но первая съ свойственною живостью плѣнилась чернобровымъ молодцомъ, щеголемъ, и лихимъ танцоромъ. Завязалось знакомство. Мать козака Чайчиха купила хату и на освященіе ея пригласила Булаха. Молодые люди освоились, а Чайчиха крѣпко полюбила Катрю и желала имѣть ее своей невѣсткою. Въ такомъ положеніи находились дѣйствующія лица. Катря таяла, Маруся увядала. Обѣ онѣ любили Чайченка. Наконецъ натура Катри невыдержала, и пылкая дѣвушка призналась подругамъ и разсказала какъ встрѣтилась однажды и разговаривала съ козакомъ въ рощѣ. Разговоръ этотъ чрезвычайно натураленъ и граціозенъ. (24—26).

Однажды Катря, подъ предлогомъ добыть заполочи (красной бумаги для вышиванія), отправилась въ сосѣднее село Любчики къ роднымъ, а старая Чайчиха зазвала ее въ свою хату. Тамъ она видѣлась съ Яковомъ (имя парня). На обратномъ пути козакъ провожалъ ее, и тутъ рѣшилась участь дѣвушки: молодые люди признались другъ другу. Начались у нихъ ночныя свиданія. Но я полагаю лишнимъ будетъ говорить, что въ этихъ свиданіяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго: объ этомъ столько разъ было писано. Хима однакоже замѣтила, что Чайченко грустенъ и обратила на это вниманіе подруги. Катря однажды спросила его объ этомъ, но онъ отвѣчалъ, что въ свѣтѣ больше горя нежели радости.

Дошло до того, что Катря призналась матери; и любящая мать порадовалась ея счастію. Отецъ словно не замѣчалъ перемѣны въ Катрѣ, но иной разъ всматривался въ нее пытливыми взорами. Хотя вся семья боялась стараго Булаха, однако никому и въ мысль не приходило, чтобъ онъ могъ противиться замужеству дочери и не желалъ имѣть зятемъ богатаго, красиваго молодаго человѣка.

Катря сказала Химѣ и матери, что осенью Яковъ непремѣнно ее посватаетъ; старуха ходила посовѣтоваться съ Филиппихой, та одобрила выборъ дѣвушки, совѣтуя не терять времени и поговорить съ Булахомъ. Улучивъ минуту, заботливая мать начала хвалить мужу Чайченка, но старикъ сказалъ, что уже нашелъ зятя. Просьбы не помогали. Чрезъ нѣсколько времени старуха еще разъ пыталась уговорить мужа и объявила, что Чайченко хочетъ сватать Катрю. Булахъ отказалъ положительно.

Послѣ этой сцены дѣвушки побѣжали въ рощу, гдѣ долженъ былъ рубить лѣсъ Яковъ Чайченко. Подходятъ онѣ къ рощѣ, завидѣли парня. Грустный тонъ его пѣсни встревожилъ Катрю; которая остановилась прислушаться. Козакъ пѣлъ о томъ, что любилъ вѣрно, а ему неожиданно измѣнили, что уже такъ и вѣкъ проживетъ онъ въ горѣ, любятъ его другія, да къ этимъ другимъ не прильнетъ уже его сердце:

Хоть яка ласкава, яка чернобрыва,
Та не буде такъ якъ перша мыла.

Катря выпытывала козака зачѣмъ пѣлъ такую грустную пѣсню, потомъ обѣ подруги разсказали ему неудачу. Чайченко принялъ это съ грустью, но повидимому не сильно былъ тронутъ роковою вѣстью. Отправивъ подругу впередъ, Катря оставалась съ нимъ на единѣ и возвратилась нѣсколько спокойнѣе.

Проходили дни. Въ селѣ затѣвались частыя свадьбы. Молодежъ веселилась. Чайченко замѣтно сталъ ухаживать за Катрей больше чѣмъ прежде и нарочно въ присутствіи отца, словно пренебрегалъ волею стараго Булаха. Но послѣдній выразилъ свое неудовольствіе только тѣмъ, что однажды увелъ семью домой раньше обыкновеннаго.

«Пошли мы домой; пошла Катря рыдаючи.

— Не плачь, Катря, не поможется, говорю.

— Ничего, хоть и плачу, а все я счастлива, счастлива, счастлива. Пусть знаетъ отецъ, что Яковъ любитъ меня и я буду любить его до гроба. Хоть я и горюю, а счастлива, — пусть знаетъ отецъ и объ этомъ.

— Лучше не сердить отца, Катря, лучше и Якову обходиться бы съ нимъ мягче... Какое же будетъ ваше счастье, если отецъ не раздумается. Посмотри какъ печальна мать и въ какой она тревогѣ... Не льни къ нему такъ по крайней мѣрѣ, — вѣдь и дѣвушки станутъ смѣяться.

— Пускай смѣются, я его люблю, я счастлива.

— А если разсердится отецъ и не пуститъ больше гулять на свадьбахъ: — гдѣ тогда увидишь Якова? По утрамъ запрещаетъ выходить, ночью самъ запираетъ двери.

Облилась она еще сильнѣе слезами.

— А все таки я счастлива, ей же Богу, счаслива.» (37) Черезъ нѣсколько времени опять Катря съ Химой приглашены на свадьбу. Всѣ веселы какъ и прежде, собрались обычные посѣтители, а Чайченка не видно. Катря не теряетъ надежды, но козакъ не явился, пришла одна старушка мать его, которая на всѣ разспросы отвѣчала, какъ-то нерѣшительно. Катря крѣпко заплакала, возвратясь домой невидавъ своего чернобároваго.

Отгуляли еще нѣсколько свадьбъ, а Чайченко и слѣдъ простылъ. Чайчиха отвѣчала, то сына дома нитъ, то онъ болѣнъ, а сама печальная и все уговариваетъ Катрю переждать чорную годину.

Бѣдная дѣвушка просилась въ сосѣднее село хоть издали посмотрѣть на милаго, но ее не пускали ни мать, ни старая Чайчиха.

Однажды утромъ Булахъ объявилъ женѣ, что будетъ сватать Катрю богатый парень Шеляхъ. Катря помертвѣла, но промолчала. По уходѣ старика Хима и мать уговаривали Катрю покориться отцу, но она объявила на отрѣзъ, что или за Якова или ни за кого.

Дѣвушки пошли къ тихой Марусѣ, которая молча любила Чайченка и увядала отъ этой безнадежной любви.

— Маруся, Маруся! сказала Катря: пришла я къ тебѣ раздѣлить свое горе, да знаю, что и ты меня осудишь какъ выслушаешь.

— Садись, Катря, да разскажи, говоритъ ся. Мару

— Отецъ не отдаетъ меня за *него*, а хочетъ за *нелюба*. А я, Марусенька, отца и мать покинула бы для него, не пожалѣла... Что мнѣ!.. Пусть скажетъ слово, я пойду за нимъ на край свѣта, пойду и ни разу не оглянусь. Мнѣ ничего не надо: пусть другимъ и роскошь и богатство, мнѣ только бы жизнь съ нимъ вмѣстѣ...

— Помогай тебѣ Богъ! промолвила, не подымая глазъ, Маруся.

Я изумилась.

— Ты ли это, Маруся? говорю: такая покорная...

— Сестрица-голубка, сказали Катря, обнимая ее со слезами: ты не судишь меня?

— За что? тихо спросила Маруся. Вѣдь ты любишь его.

— Такъ люблю, что и высказать труд ... А на меня всѣ нападаютъ, хотятъ чтобъ я бросила его. А если бы ты любила, Маруся?

— Я не покинула бы.

Я все слушаю мнѣ невѣрится.

— Ты ли это говоришь, Маруся? спросила я. А если-бы твоя мать услыхала?

— Такъ что-жъ? Еслибы я любила, то и боялась бы только того, кого любила.

— Ты развеселила мое сердце, Марусенька. Мнѣ было очень тяжко... хоть никто меня не разувѣритъ, но огорчали меня ихъ слова... Спасибо тебѣ, галочка-Маруся.

Маруся ей улыбнулась.

— Не за что благодарить, отвѣчала она: я тебѣ говорю свою правду (39—40).

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора, къ Булаху пришли сваты отъ Шеляха. Послѣ обычнаго пріема отецъ и говоритъ:

— Я себѣ и не желаю лучшаго зятя, почтенные сваты, но надо спросить дочку.

— Раздумайся же хорошенько, говорю ей.

Она словно ничего не слышитъ. Вошла въ хату блѣдная, но смѣлая и рѣшительная, готовая хоть умереть тутъ же.

Отецъ спросилъ пойдетъ ли она за Шеляха, но спросилъ какъ-то ласково и сурово вмѣстѣ.

— Я парня не охуждаю, но и не пойду за него, отвѣчала Катря, такъ отчетливо будто пропѣла.

Сваты поклонились и гордо вышли. Мы не шелохнемся; Катря стоитъ... Отецъ тоже не сказавъ ни слова, вышелъ изъ хаты. У матери не высыхали глаза отъ слезъ. Отецъ и не напоминаетъ о сватаньи — словно его не было, — а насъ будто и не видитъ войдешь — не оглянется, заговоришь — не слушаетъ (41).

Отношенія, конечно, рѣдкія, но возможныя въ малорусской семьѣ, гдѣ не смотря на деспотизмъ отца, сохраняется много человѣчныхъ отношеній.

Но Чайченко словно исчезъ, и даже мать его не появляется въ Пятигорѣ. Катря порывается идти въ Любчики, мать не пускаетъ, да и подруги не совѣтуютъ въ интимныхъ разговорахъ. Наконецъ Катря проситъ Марусю пойдти въ Любчики и развѣдать. Тихая дѣвушка соглашается. Она побывала у Чайчихи и видѣла Якова, но принесла грустныя вѣсти. Яковъ печаленъ и

просилъ передать Катрѣ, чтобъ она не приходила. Хима о чемъ то догадывалась и выспросила Марусю. Послѣдняя призналась, что не все передала, и замѣтила, что Яковъ не искренно любитъ Катрю. Послѣ долгой нерѣшимости Хима высказала свои сомнѣнія. Катря засмѣялась и не повѣрила. Но дѣла не подвигались. Въ хатѣ Булаха тоска и натянутое положеніе. Отецъ нахмуренъ, мать плачетъ и горюетъ. Катрю больше никто не сваталъ.

«Поздно осенью того года собрался отецъ въ дорогу. Выѣзжая изъ дому, всѣмъ намъ вмѣстѣ проговорилъ: «Бувайте здоровы» (прощайте) и отправился за вороты. Мы идемъ за нимъ проводить его за слободу. Начала мать горько плакать, онъ пріостановился и говоритъ: «Вы дѣлайте себѣ что хотите, а я держусь своего слова: пока живъ не отдамъ дочь за Чайченка. Прощайте». Снялъ онъ намъ шапку и пошелъ по дорогѣ, а мы смотримъ ему вслѣдъ и стоимъ словно прибитыя морозомъ.

— Катря, дитя мое, говорила мать: въ какой недобрый часъ полюбила ты парня? Господи Боже мой! ушелъ, едва попрощавшись — когда же это бывало?

Смотрѣла она сквозь слезы по дорогѣ, а отецъ все шелъ дальше и дальше, наконецъ скрылся за гору, но еще долго слышали какъ онъ покрикивалъ на воловъ: «гей! гей!»

Когда уже все утихло, мы поворотили домой.

— Катря! о чемъ задумалась? спросила мать.

— Хочу видѣть Якова.

— О, дитя мое, развѣ ты не слыхала, что сказалъ отецъ?

— Я хочу видѣть Якова.

Она не плакала, но на всѣ ласки, совѣты, просьбы матери, отвѣчала одно: «я хочу видѣть Якова» (45).

Любящая мать не могла смотрѣть равнодушно на страданія дочери и согласилась сопутствовать ей съ Химой въ Любчики. Зашли они къ родственнику и узнали, что Чайчиха уѣхала въ Хмелинцы къ сыну, который давно уже гдѣ-то шатался, — но послѣднее время люди видѣли его въ Хмелинцахъ. Яковъ съ матерью и прежде жили въ этомъ селеніи.

«Пошли мы домой, а Катря сворачиваетъ къ Чайченковой хатѣ; склонилась на тынъ и посмотрѣла на тихій, пустой дворъ, а сама блѣдная, какъ полотно» (47).

На возвратномъ пути встрѣтили они сосѣда Иваненка, любившаго разъѣзжать по ярмаркамъ. Сосѣдъ этотъ — типъ своего рода, но по объему статьи я долженъ пропускать многія интересныя подробности.

Мать съ Химой были впереди и узнали отъ Иваненка, что Яковъ въ Хмелинцахъ принадлежитъ къ толпѣ поклонниковъ красавицы вдовы Терничихи, и посовѣтовавшись, сообщили это Катрѣ. Послѣдняя не вѣритъ, но сомнѣніе закрадывается въ любящую душу, хотя она и не говоритъ объ этомъ. Нѣсколько разъ ходила она въ Любчики для того только, чтобы взглянуть на молчаливый дворъ милаго и на запертую хату.

Однажды утромъ Катря собралась уже въ свою обыкновенную прогулку, какъ вошла къ нимъ Чайчиха. Старуха наконецъ разсказала всю правду. Разсказъ этотъ необыкновенно художественъ, но я привожу его въ самомъ коротенькомъ видѣ. Давно еще когда жили они въ Хмелинцахъ, Яковъ влюбился въ красавицу Терничиху. Вдовушка эта была страшная кокетка и сводила съ ума молодаго человѣка. Мать просила его покинуть вѣтреницу, но видя упорную любовь сына, должна была согласиться на бракъ. Вдовушка однакоже посмѣялась и отказала. Явился какой-то богачъ изъ чужаго села и засватался съ нею. Вдовушка однакоже не унималась и кокетничала съ Яковомъ. Наконецъ мать уговорила Чайченка жениться на дѣвушкѣ, которой онъ когда-то нравился. Но дѣвушка эта, зная любовь его къ вдовѣ, отказала и вышла за другаго парня. Послѣ этого отказа, Терничиха, подойдя къ окну Якова, проговорила ему: «оставайся вѣкъ холостымъ и люби только одни мои ясныя очи!» и пошла заливаясь хохотомъ, а онъ вслѣдъ за нею, рыдая какъ ребенокъ. Мать приписывал все колдовству. Вышла вдовушка за своего богача и уѣхала, но потомъ поссорилась съ его родными и уговорила мужа купить хату въ Хмелинцахъ. Яковъ снова прильнулъ къ кокеткѣ. Мать изъ сожалѣнія къ сыну, продавъ все имущество, переселилась въ Любчики. Яковъ оправился. Встрѣча съ Катрей благотворно подѣйствовала на него. Чайчиха ожидала, что старый Булахъ согласится на замужество дочери. Но вдругъ Яковъ снова измѣнился. Къ Чайчихѣ дошла вѣсть, что кокетка овдовѣла въ другой разъ и дала знать Якову. Все погибло... Чайчиха собралась уже идти въ Пятигоръ разсказать обо всемъ, какъ вдругъ Яковъ блѣдный возвратился домой и почти безъ чувствъ повалился на лавку: кокетка засваталась за какого-то шинкаря.

— Начала я тогда, продолжала Чайчиха: говорить, доказывать, и онъ меня послушался. Думалось какъ упросимъ вашего старика, то и свадьбу отгуляемъ... Но видно, не такъ судилось. Не будетъ кажется ему счастья, маяться ему цѣлый вѣкъ одинокому.

И начала Чайчиха сильно плакать и мать плачетъ. Катря поскорѣе изъ хаты, я за Катрею.

— Катря, Катря! говорю.

Она не отзывается и быстро идетъ по улицѣ. Я беру ее за руку, останавливаю.

— Куда же ты идешь, Катря?

— Не знаю... хочется куда нибудь дальше отъ хаты. Такъ вотъ отчего онъ пѣлъ тогда такую грустную пѣсню? вотъ отчего онъ горевалъ? онъ не меня любилъ, а *ее*...

— То было, а теперь прошло, и ты не горюй. Хорошо, что онъ одумался — прости ему: нѣтъ того дерева, на которомъ не садилась бы птица.

— Боже мой, Боже мой! онъ не любилъ меня и не любитъ.

— Эхъ, Катря, развѣ у насъ мало еще горя съ тобою! ты лучше поговори съ Яковомъ, пусть самъ разскажетъ обо всемъ, любитъ ли тебя...

Катря оглянулась и какъ схватитъ меня за руку.

— Не напоминай мнѣ его имени! я не увижу его больше. Не хочу!

И горькія слезы прервали слова ея... Господи, какъ она плакала, какъ рыдала! Какими горьими упреками укоряла его, не слушая меня...

Потомъ, отеревъ слезы, быстро пошла домой. Въ хатѣ мать горевала вдвоемъ съ Чайчихой.

— Я не пойду за вашего сына! сказала Катря громко.

— Что? какъ? спрашиваетъ Чайчиха, испугавшись и ея голоса и позы.

— Не пойду за вашего сына, повторила еще громче Катря. Не хочу. Хоть и отецъ прикажетъ, не пойду.

Мать подняла руки къ небу, а Чайчиха залилась слезами.

— Чары, говоритъ, чары! Я знаю. Не даромъ сказала она ему: «оставайся вѣкъ холостымъ»!

Всѣ плачутъ. Катря неподвижно стоитъ у стола, только тяжело дышетъ.» (52).

Шло время. Катря страдала. Возвратился старый Булахъ. Его тронулъ разсказъ жены о несчастной любви дочери и о томъ что она сама уже не хочетъ за Чайченка, — но старикъ проговорилъ: «не меня она послушала» задумался и пошелъ къ рощѣ, хотя тамъ не было ему никакой надобности.

И потянулись грустные дни въ этомъ семействѣ, потянулись

томительные вечера, въ продолженіе которыхъ каждый, молча, занимался своимъ дѣломъ.

Мать страдала. Отецъ хоть и не говорилъ ни слова, однако сдѣлался нѣжнѣе съ своею дочерью. Но для Катри все покончилось.

Въ это время Хима только и слышала, что Маруся съ лица спала, Маруся нездорова; Филиппиха бывало тоже говоритъ, что вянетъ дочка, да и сама Хима начала замѣчать болѣзненное состояніе тихой подруги. Однажды разсказчица разговорилась объ этомъ съ Катрей, и послѣ разныхъ предположеній, — послѣдняя вдругъ нашла причину: она сказала, что Маруся любитъ Чайченка. Хима немного съ ней поспорила, но потомъ, улучивъ свободную минуту, побѣжала къ Марусѣ и вызвала ее изъ хаты.

«Она выходитъ, а я къ ней съ этими словами:

— Маруся, ты любишь Чайченка?

Маруся вздрогнула и пристально посмотрѣла на меня, — глазки ея сверкнули тихимъ блескомъ, личико покрылось румянцемъ.

— Такъ что-же? сказала она.

— И это правда, Маруся? А я не вѣрила Катрѣ, не думала. И крѣпко ты любишь его? и давно ли?

— Я готова умереть за него, отвѣчала она своимъ добрымъ но твердымъ голосомъ: я люблю давно, давно, люблю съ тѣхъ поръ какъ запомню.

— Онъ же никогда не ухаживалъ за тобою, а за Катрею, за другою...

— Пускай будетъ счастливъ и съ другою...

— А ты же какъ, Маруся, тебѣ только мука, да горе.

— Я отъ него и горе приму за радость.

— А мать?

— Что-жъ мать? Я ей этимъ не надоѣдаю.

— Вѣдь она замѣчаетъ какъ ты вянешь и горюетъ.

— Если-бъ же все дѣлалось по моей волѣ, я была-бы свѣжа и румяна.

— Какъ же ты пойдешь замужъ?

— Я не пойду.

— А мать принуждать станетъ.

— Что-же? будетъ мнѣ тяжело.

— Конечно тяжело идти за нелюба.

— Нѣтъ, я говорю — будетъ тяжело, когда мать станетъ уговаривать... Но я не пойду.

— Чего-же будешь ожидать? На что надѣяться?

— Я ничего не ожидаю и ни на что не надѣюсь.

— Да вѣдь онъ и не догадывается, что ты любишь его.

— Пусть и не догадывается; лишь бы я любила.

— Горе тебѣ съ этой любовью, а радостей я не предвижу.

— Если не суждено мнѣ счастья, пускай будетъ милое горе.

— Прощай Маруся!

— Прощай!

Она провела меня не много, еще попрощалась и пошла обратно совершенно спокойная.

Я домой. Иду и думаю. Чего-то не бываетъ на свѣтѣ! Не въ барвинкѣ ли купали его, что очаровываетъ такъ дѣвушекъ? Если сказать правду, то и мнѣ онъ снился не одну ночку... Бредила и я имъ, бредила, пока наконецъ не опомнилась... Подумала, вздохнула, да и сказала себѣ: довольно! И довольно. (59—60).

Хима передала Катрѣ разговоръ съ Марусей. Но Катря никогда не заводила объ этомъ рѣчи съ послѣдней, а такъ разсуждаетъ бывало съ ней издалека о любви.

Катря однако же изнемогла совершенно и слонялась какъ тѣнь. Мать даже не заставляла ее работать, а просила только Химу — не оставлять бѣдняжку. Даже отецъ не говорилъ ей ничего.

Катря любила гулять по степи и по рощѣ. Хима слѣдовала за нею, но обѣ онѣ молчали.

Однажды очутились дѣвушки возлѣ древней пещеры. Хима не совѣтовала идти далѣе, но Катря настояла. Вошли въ темное подземелье. На стѣнѣ вырѣзаны кресты, а подъ ними на землѣ ямки, словно кто долго молился тутъ на колѣняхъ.

«Тревожно остановилась тутъ Катря и задумалась. А послѣ какъ рванетъ коралы и бросила ихъ далеко отъ себя такъ что они съ грохотомъ раскатились по полу. Я бросилась подбирать.

— Что съ тобою? говорю.

А она упала возлѣ каменной стѣны и разливается слезами.

— Катря, что ты дѣлаешь?

Она рыдаетъ и не слышитъ.

Едва вывела я ее на свѣтъ Божій. Но какъ остановилась, какъ взглянула она на меня — рѣшительно была не узнаваема. Ну вотъ словно долго бѣдствовала у чужихъ да неожиданно нашла всю свою семью и успокоилась и обрадовалась и вмѣстѣ удивляется.

— Хима! проговорила она: я пойду въ монахини.

Я окаменѣла.

— Мнѣ будетъ покойнѣе, продолжала она со слезами.

— Въ монахини! говорю: а мать, а отецъ!

— Пойдемъ домой, — пускай собираютъ меня въ дорогу. (61 — 62).

Но отецъ не позволилъ и запретилъ даже повторять просьбу. Черезъ недѣлю Катря скрылась. Старикъ проѣздилъ недѣлю, однакожъ не отыскалъ дочери. Грустно протянулись осень и зима въ хатѣ Булаха.

Однажды весною приходитъ дьячекъ и зоветъ стариковъ къ священнику. Послѣдній объявилъ, что Катря уже въ монастырѣ гдѣ-то подъ Кіевомъ и пламенно желаетъ поступить въ монахини. Онъ получилъ письмо, въ которомъ просятъ его сказать Булаховымъ — по словамъ Катри достаточнымъ людямъ, — чтобъ они прислали вспомоществованіе дочкѣ, находящейся въ крайности, — и не отказывали въ благословеніи — принять монашество.

— Пишите дочери благословеніе, сказалъ священникъ, не упорствуйте и не отговаривайтесь; все равно ее не возвратите, а только надѣлаете горя, и будетъ вамъ грѣхъ.

— Такъ она не возвратится? спрашиваетъ мать со слезами: и никогда?

— Конечно. Пишите благословеніе.

— Да благословитъ же Богъ мое дитя, сказала мать. Пусть онъ благословитъ ее.

А отецъ стоитъ и ни слова.

— Вотъ и хорошо, сказалъ священникъ, посматривая на отца: я такъ и напишу, что отецъ и мать блавословляютъ.

— Нѣтъ, отозвался тогда отецъ: за меня — за отца — не пишите, батюшка, я не благословляю.

— Какъ же? да вѣдь это большой грѣхъ!

Отецъ не отвѣчалъ ни слова.

— Перестань! довольно! уговаривалъ священникъ.

Отецъ молчалъ по прежнему,

— Напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ никогда не благословитъ, такъ и напишите, и это будетъ правда. Прощайте.

Поклонился и пошелъ домой.

Мать не проситъ, не отзывается, а только рыдаетъ.

— Чтожъ это такое? говоритъ ей священникъ: развѣ вы такъ и покинете свою дочь, словно сироту, на убожество?

Мать тотчасъ бросилась къ отцу за деньгами — а отецъ хоть и не приказывалъ давать денегъ, но и не запрещалъ, —

собрала сколько можно и отнесла къ священнику, чтобъ переслалъ дочкѣ.

— Хорошо, говоритъ священникъ: когда-нибудь, можетъ быть благословитъ и отецъ, а теперь напишу, что мать благословляетъ. (64 — 65).

Со всѣхъ сторонъ осыпаютъ старика вопросами. Мать отвѣчаетъ со слезами и скорбью, отецъ ничего не отвѣчаетъ. Если скажутъ ему: «ваша дочь,» онъ говоритъ всѣмъ: «у меня нѣтъ дочери.»

Жизнь одинокихъ стариковъ очеркнута слегка, но оставляетъ много на сердцѣ читателя. Въ хатѣ скучно, безжизненно.

Старикъ отецъ сѣдѣетъ; во всю длину высокаго лба его легла глубокая, мрачная морщина.

Такъ оканчивается первый актъ этой тихой, но трогательной драмы. Я представилъ только остовъ, изъ приведенныхъ же мѣстъ — читатель можетъ судить о прелести разсказа,

Отсутствіе Катри накинуло мрачную тѣнь на бытъ родителей и Химы. Послѣдней осталась еще Маруся, попрежнему любившая молча, — и увядавшая постепенно. Въ это время герой драмы снова потерялъ свою возлюбленную вдову, которая потѣшившись парнемъ,—повѣнчалась съ какимъ-то шинкаремъ. Чайчиха начала навѣщать пятигорскихъ знакомыхъ, да и Яковъ Чайченко появился въ собраніяхъ молодежи такой же красивый и можетъ быть еще интереснѣе послѣ своего горя... Маруся встрѣчалась съ нимъ, и хоть не искала разговоровъ, но видимо оживала. Чайчиха очень полюбила дѣвушку, и начала заговаривать съ Филипихой, что не худо бы имъ породниться. Филипиха не прочь, но сомнѣвается въ успѣхѣ, потому что дочь не хочетъ идти за-мужъ. Оказалось однакоже когда посватался Яковъ, — Маруся охотно изъявила согласіе. Наконецъ Маруся вышла з любимаго человѣка. Хима осиротѣла окончательно.

Каждая строчка разсказа очеркиваетъ характеръ Химы. Что это за благородная личность! Съ первыхъ же словъ сердце привязывается къ этому бѣдному божьему созданію, которое, осиротѣвъ съ колыбели, понимало свою судьбу, полюбило и должно было душить чувство, видѣть предметъ страсти и не смѣть намѣкнуть ни однимъ словомъ... жить хоть у родныхъ, но въ качествѣ наймички! Эта женственная вполнѣ художественная натура встрѣчается въ быту малорусскаго простолюдина, и хоть многіе скептики готовы отвергать въ средѣ крестьянокъ подобную личность,—однако скептицизмъ этотъ доказываетъ только, что мно-

гіе смотрѣли на крестьянскій бытъ или слишкомъ съвысока, или никакъ не смотрѣли.

«Повѣнчали ихъ осенью, говоритъ Хима. Мнѣ было тогда тяжело. Все бывало говорю себѣ: — глупая неразумная голова все бывало обдумываю, а не помогаетъ.... Вотъ и начала я чаще ходить къ Марусѣ — легче мнѣ стало. (68).

Хима отъ скуки, изъ участья и изъ любопытства начала присматриваться къ быту замужней подруги. Молодые жили тихо, согласно, даже дружно, но любви т. е., со стороны Якова она незамѣчала. Свекровь обходилась съ Марусей какъ съ родной дочерью, а родная мать горевала, отдавъ единственную дочь въ другое село за-мужъ.

Филипиха словно ревновала дочь къ зятю. Вѣдь есть такіе характеры. Это естественно тѣмъ болѣе, что страстно влюбленная Маруся, такъ долго несмѣвшая надѣяться на счастье, неожиданно ставъ женою милаго, конечно въ первое время, можетъ быть, и позобыла о матери. Но старуха сердилась, переставала иногда ходить къ дочери и вообще капризничала.

По смерти матери Чайченка, между Любчиками и Пятигоромъ въ корчмѣ поселился новый шинкарь съ женой красавицей. Замѣтивъ, что зять началъ учащать въ шинокъ, мать сказала объ этомъ дочери. Та поблѣднѣла и промолчала. Филипиха пошла дальше: подглядѣвъ свиданіе Якова съ кокеткой шинкаркой, изъ котораго однакоже видно, что вѣтренница по-прежнему любила водить за носъ бѣднаго Чайченка, старуха пересказала все дочери. Маруся заплакала и отвѣчала что напрасно мать подсматривала....

Съ-тѣхъ-поръ Филипиха не была у дочери. Вскорѣ она заболѣла, и хоть Маруся переѣхала къ ней и ухаживала, — однако старуха и умерла словно въ неудовольствіи.

Жизнь въ селѣ шла по-прежнему, по-прежнему господствовала грусть въ хатѣ Булаха. Старикъ ходилъ по дорогамъ (извозчикомъ) и дряхлѣлъ. Мать хворала и старѣла. Изрѣдка переписывались съ Катрей, которая бывало иногда пришлетъ нѣсколько строкъ: здорова, молъ, и молюсь Богу за свои и ваши грѣхи.

Чайченко третій разъ возвратился къ своей первой любви и дневалъ и ночевалъ подъ шинкомъ, а чтобы не возбудить въ шинкарѣ подозрѣній, сталъ придерживаться чарочки. Добрые люди поразсказали кое-что шинкарю, но до открытой ссоры съ Яковомъ не доходило, и даже однажды шинкарь былъ съ женою въ гостяхъ у Чайченка. Маруся принимала ихъ привѣтливо. Потомъ Яковъ подрался съ шинкаремъ и заболѣлъ. Впродолженіе

его болѣзни, однажды утромъ народъ нашелъ въ корчмѣ задушеннаго шинкаря и тутъ же рядомъ шинкарку съ ножемъ въ боку. Произвели слѣдствіе. Чайченко какъ короткій знакомый и подозрѣваемый былъ посаженъ въ тюрьму. Маруся живо распродала по мелочи все состояніе на выкупъ мужа, но неуспѣла въ этомъ и добровольно сама пошла къ нему въ острогъ. Много прошло времени пока ихъ оправдали и выпустили. Маруся была еще молода и хороша, но посѣдѣла.

Химу тоже сватали, но она непошла за-мужъ, хоть она и говоритъ почему нехотѣла ни за одного жениха,—но кромѣ этихъ причинъ нельзя не подозрѣвать болѣе дѣйствительной причины.

Старый Булахъ подался и заболѣлъ. Жена побѣжала къ священнику, чтобъ написалъ Катрѣ и послалъ ей денегъ на дорогу пріѣхать прощаться. Когда ему было худо, старуха сказала, что пріѣдетъ Катря. Булахъ приподнялся и пристально посмотрѣлъ на нее, — она повторила. Но Катри не было. Вскорѣ послѣ его смерти получено было коротенькое письмо: «Буду молиться за душу отца, а присланныя деньги отдала на церковь: будутъ поминать, снимать грѣхи.

А жизнь шла своимъ чередомъ, люди умирали, женились, родились.

«Иногда звали насъ на свадьбу, мы ходили и на свадьбу. Чаще ходила я къ Марусѣ. Ей не такъ жилось какъ намъ.... Пила она хоть горькую, но живую воду.... Ей и солнышко не такъ свѣтило какъ намъ, ей и птички пѣли иначе. (84).

Наконецъ заболѣла мать, и почувствовавъ, что ей не выздоравливать поспѣшила послать къ священнику съ просьбой написать дочери, чтобъ пріѣхала похоронить старуху. Написали и послали денегъ. Мать сильно безпокоилась, все ожидала Катрю; но пришелъ только отвѣтъ, подобный прежнему.

«Помолюсь о душѣ матери, а деньги отдала на поминовеніе: будутъ отмаливать грѣхи.

— О, милое дитя мое, не видать уже мнѣ тебя болѣе! проговорила мать.

— Похорони меня, Хима, говорила: похорони хорошенько. Пусть тебѣ останется наша хата. Помяни меня моя голубка. Сядь, милая, ко мнѣ ближе, ближе сядь! все просила меня.

А передъ смертью говорила:

— Можетъ быть когда нибудь увидишь мою Катрю, въ случаѣ она заболѣетъ, — послужи ей, непокинь ее. (84).

Послѣ похоронъ матери снова дали знать Катрѣ и увѣдомили,

что осталось наслѣдство—земля и деньги. Тогда Катря отписала, что пріѣдетъ сама распорядиться. Наконецъ она пріѣхала не одна, а въ сопровожденіи дородной, румяной монахини, которая съ перваго же момента приняла на себя роль хозяйки и плотно позавтракавъ, легла уснуть съ дороги. Катря блѣдная, съ безстрастнымъ взоромъ, въ черной одеждѣ—ни слова еще не сказала Химѣ, а только перекрестила при свиданіи.

Но вотъ уснула монахиня.

«Катря сидѣла, склонивъ голову. Она, кажется, молилась, потому что шептала что-то, и лицо покрылось живымъ румянцемъ. Я подошла къ ней ближе и говорю:

— Катря! не ужели ты совсѣмъ позабыла меня, или не узнаешь?

— Я тебя помню, отвѣчала она.

— Отчего-же ты не ласковая такая? Зачѣмъ не заговоришь со мною.

— Всѣ слова суета. Надобно молиться.

— Знаешь ли ты, Катря, что Маруся замужъ вышла?

— Боже благослови.

— Вышла за Чайченка.

— Боже благослови.

— Она очень несчастна.

— Божья воля.

Отвѣчаетъ она мнѣ, словно читаетъ по псалтырю.

— Вспоминала ли ты когда о насъ? вспоминала о знакомыхъ?

— Я молюсь о васъ и обо всѣхъ.

— Спасибо. А теперь меня уже нисколько не любишь.

— Господь велѣлъ всѣхъ любить, даже и враговъ.

— Такъ ты меня жалѣешь какъ врага, что ли? Развѣ уже у тебя нѣтъ въ мірѣ никого близкаго?

— Мнѣ всѣ равны, я молюсь за всѣхъ.

— И всѣ тебѣ враги?

— Каждый человѣкъ великій, злой врагъ другому, сказала она съ жаромъ.

Глаза ея заискрились, губы задрожали; представилась мнѣ прежняя Катря. Какъ въ старые годы, пахнуло отъ нее огнемъ и пламенемъ.

— А семья? а родные? говорю.

— Всѣ, всѣ. Привлекаютъ душу къ себѣ, и недопускаютъ до Бога.

— Такъ всѣхъ надо и покидать?

— Покидать! Покидать! Въ Богѣ спасеніе.... О, Боже мой, Боже мой! проговорила она грустно.

— Аминь! отозвалась съ лавки сестра Меланія (87).

Авторъ не опредѣляетъ сколько времени Катря пробыла въ монастырѣ, но судя но ходу событій, прожила она тамъ около пяти лѣтъ, хотя очень жаль, что мы не знаемъ ни одного дня изъ ея затворнической жизни. Достигла ли она полнаго забвенія подъ монашеской рясой заключить трудно, тѣмъ болѣе, что последній вопль ея звучитъ еще земнымъ тономъ; но когда изъ живой, страстной дѣвушки, — ее съумѣли обратить въ такое существо, какимъ появилась она домой, то безъ сомнѣнія мало-по малу примирилась она съ прошедшимъ. По моему мнѣнію иной доли и не могло быть для Катри. Если бы она вышла замужъ за перваго встрѣчнаго, это было бы, пожалуй естественно, и можетъ быть многіе найдутъ, что судьба ея идеализирована ав торомъ; но читатель видѣлъ съ самаго начала — какое направленіе принялъ этотъ характеръ. Когда въ первыя минуты обманутой любви, оскорбленнаго самолюбія — она не вышла замужъ съ досады, что сдѣлать было легко — стоило только пококетничать съ любымъ парнемъ, то впослѣдствіи она уже не могла сдѣлать этого, и ей оставалась — или сѣдая коса, или монастырская келія. Тѣмъ, кто смотритъ иначе, на бытъ малорусскаго простолюдина, я совѣтовалъ бы вглядѣться пристальнѣе въ народныя пѣсни.

Немного погодя всѣ отправились къ священнику, котораго сестра Меланія просила показать и записать вмѣстѣ все наслѣдство Катри, отданное послѣднею на монастырь. Когда созвавъ сосѣдей, осмотрѣли все имѣніе, записали вещи, и народъ разошелся, сестра Меланія обратилась къ священнику:

— Вы хорошо знаете, что хата подарена покойниками этой дѣвушкѣ? два раза спросила она.

— Знаю хорошо, отвѣчалъ священникъ.

— Да вѣдь она же дальная родственница, а есть родная дочь!

— Такая была ихъ воля. Они любили дѣвушку.

— И еще кто нибудь знаетъ объ этомъ?

— Какъ же, есть свидѣтели.

— А! проговорила она и больше не спрашивала (88—89).

Но вотъ послѣдняя сцена. Къ Катрѣ пришла Маруся. Но Катря была съ нею такая же безстрастная, какъ и съ Химой. Въ хатѣ сидятъ только три бывшія подруги.

— Катря! отчего ты не промолвишь слова? или хочешь, чтобъ я первая заговорила? Катря!

— Что? о чемъ говорить?

— Видишъ, Маруся совсѣмъ посѣдѣла, говорю, снявъ платокъ съ нее.

Катря посмотрѣла.

— Да, сѣдая, сказала она.

Посидѣла молча Маруся и начала прощаться. Катря перекрестила ее.

— Катря! проговорила Маруся: у меня дѣти....

— Боже ихъ благослови! отвѣчала Катря по своему обычаю.

Какъ самоё уже не трогало ничто человѣческое, то и не замѣчала, что у другихъ бьется сердце.

На третій день Катря уѣхала съ сестрой Меланіей. Маруся приходила еще прощаться. Катря прощалась точно также какъ и привѣтствовала.... Хотя бы грусть мелькнула на лицѣ.... хотя бы разочекъ оглянулась....

— Какъ перемѣнилась! проговорила Маруся, смотря вслѣдъ закрытой повозкѣ, удалявшейся по дорогѣ.

— А помнишь какая она была? говорю.

— Какже — хорошо помню.

Мы еще постояли, посмотрѣли. Маруся пошла домой. Я проводила ее и немного у нее посидѣла.

Яковъ хворалъ постоянно. Давно уже онъ не въ состояніи былъ работать. Обо всемъ хлопотала Маруся. Много было ей заботъ около дому, много въ сердцѣ печали.

Весело какъ есть съ кѣмъ радоваться, но хорошо если есть о комъ и поплакать. Ей Богу хорошо! Горькая, но живая вода, говорю вамъ.

Выхожу я отъ Маруси. Она меня доводитъ до воротъ, а за нею дѣтки мелко и какъ-то тяжеленько топотятъ своими ножками.

— Посмотри, говоритъ она, посмотри, Хима, — всѣ трое удались въ него, мои чернявенькіе.

И притянула ихъ всѣхъ къ себѣ. А они, кто съ палочкой, кто съ хлѣбомъ, кто съ песочкомъ въ рукѣ — смотрятъ такъ весело.... Тихая и убогая хата съ вишневымъ садикомъ.

Я сижу себѣ покойно въ своей усадьбѣ. Сосѣди ходятъ ко мнѣ, я къ нимъ — посѣщаемъ другъ друга. Совѣтуемся, когда засѣваемъ огороды и вмѣстѣ отдыхаемъ по праздникамъ (89—90).

Такъ оканчивается повѣсть г. Марка Вовчка, которую непремѣнно нужно читать въ оригиналѣ, иначе ускользнутъ многія красоты и исчезнетъ граціозность. Но нѣтъ сомнѣнія, что даровитый авторъ пойдетъ еще дальше и подаритъ новыми произведеніями, многочисленныхъ своихъ поклонниковъ, — а у него поклонники всѣ, у кого только не зачерствѣла душа, не окаменѣло сердце.

Мнѣ слѣдовало бы и остановиться на этомъ, но нельзя не пожалѣть, что г. Марко Вовчокъ пишетъ на заднѣпровскомъ нарѣчіи, изобилующемъ полонизмами и нестолько чистомъ, какъ центральное украинское. Конечно, поэтическое произведеніе не теряетъ достоинствъ, на какомъ языкѣ не было бы оно написано, однакожe отчего не усвоить нарѣчія, болѣе чистаго и еще такому таланту и при такомъ глубокомъ знаніи малорусскихъ нравовъ и обычаевъ. Я замѣтилъ нѣкоторыя выраженья, непривычныя уху малоруса, привыкшаго къ говору центральной Украйны, — и показалъ какъ они замѣняются.

«*Гучливый*» (12). Говорится: *Гудучый*, *Гудючый*. «Мабітъ» (13) *мабутъ, мабуты*. «Горуешъ» (16) *Горюешъ*. «Світъ вже білый разсвітавсь» (20). Для этого есть у украинца прекрасное выраженіе: *Уже на світъ благословылось*. «Велико» (25) *Дуже*. «Развáжуть» (26). Мнѣ кажется такъ нельзя сказать. *Развáжуватъ* въ третьемъ лицѣ множест. въ будущ. вр. должно быть *разважять*, а по другому говору *разважатъ*. «До ні кого». (33 чистѣйшій полонизмъ: малорусъ говоритъ: *Ні до кого*. «Оддалікъ» (33) *Оддалеки*, «Обрадівъ» (43) *Зрадівъ*, «Мимо (45) «*Биля*, *Коло*, *Поузъ*. «Прыймáть (46). Глаголъ этотъ употребленъ неправильно, потому что здѣсь слѣдуетъ сказать: *шанувать*, *вытать*. «Здоровый» (49). Въ этой формѣ непремѣнно значитъ *большой*, а надо сказать *здорóвъ*. «Ревную» (50) употребительнѣе *рéмствую*. «Измóвклы» (57) *Замóвклы*. «Непомылешно» (59) непомыльно. «Чого мы тутъ прыйшлы» (61) полонизмъ. Малорусъ говоритъ: *Чого мы сюда прыйшлы*. «Наввышкы» (63). *Заввышкы*. «Забывся (79) полонизмъ. *Убывся*, *Вбывся*. Малорусъ говоритъ забывся только тогда, когда хочетъ сказать ушибся. Здѣсь опущены легкіе полонизмы.

Конечно я не могу служить авторитетомъ и весьма можетъ быть, что ошибаюсь, но сколько прислушивался къ народному говору и сколько ни бесѣдовалъ съ людомъ на разныхъ мѣстностяхъ, всѣ хвалятъ языкъ центральной Украины. Впрочемъ повторю, что дѣлаю это замѣчаніе, собственно изъ любви къ родной литературѣ и увѣренъ, что такой прекрасный талантъ, какъ г. Марко Вовчокъ, не сочтетъ это за придирки рецензента, потому что я стою въ числѣ самыхъ пламенныхъ его почитателей.

Въ «Основѣ» между прочимъ принято вообще неправильно писать слова: весілле, щасте и т. п. Конечно такъ говорятъ въ Черниговской губ., — но въ другихъ говорахъ неупотребительно.

Въ статьѣ: «Мѣста жительства и мѣстныя названія — Русиновъ въ настоящее время» вкрались нѣкоторые промахи. Такъ онъ говоритъ, что азовскіе козаки живутъ въ Азовскомъ Градоначальствѣ (?). Во-первыхъ, нѣтъ такого градоначальства, во-вторыхъ, они живутъ возлѣ Бердянска. Далѣе авторъ пропустилъ малорусское поселеніе, въ землѣ войска Донскаго. Гетманцами по его мнѣнію называются въ новороссіи жители Черниговской Губерніи и преимущественно южной ея части; между тѣмъ какъ по новороссіи называютъ гетманцами вообще всѣхъ пришельцевъ изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Капитальныя статьи какъ гг. Костомарова и Кулиша, вѣроятно, вызовутъ разборы спеціалистовъ; о прочихъ малорусскихъ статьяхъ, я не могу сказать болѣе ничего, по неимѣнію времени и еще потому, что рецензія моя приняла довольно обширные размѣры. Нельзя, впрочемъ, пропустить статьи подписанной Хуторяниномъ. Хотя и видно, что оно принадлежитъ умному и бывалому человѣку, — однако направленіе ея намъ кажется очень страннымъ.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

1861 г. Января 16-го.
Петербургъ.

Великорусскія сказки И. А. Худякова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Цѣна 75 коп. сер. Москва. 1860.

Въ послѣдніе годы всѣми дѣятелями русской мысли окончательно сознана важность и необходимость изученія нашей народности, или лучше сказать, вообще русскаго народа, котораго надо сознаться, мы почти совершенно не знали, да и теперь только-что начинаемъ вглядываться въ эту темную массу. Изученіе ея дѣло нелегкое. Доселѣ только такія силы, какъ Пушкинъ, Кольцовъ и другіе, проникали въ этотъ тайникъ съ нѣкоторыхъ сторонъ его, да и то проникали они его скорѣе чутьемъ, инстинктомъ своего таланта, чѣмъ строгимъ и послѣдовательнымъ анализомъ. И неудивительно; чтобъ изучить народъ во всей полнотѣ его свѣжихъ и нетронутыхъ силъ, надо сперва прикрѣпиться къ его почвѣ, вырости, воспитаться на ней, сжиться съ его понятіями и вѣрованіями, — и тогда только можно узнать его: а это нелегко. Въ послѣднее время мы почувствовали необходимость сблизиться съ этимъ міромъ и разъяснить нѣкоторыя изъ сторонъ его, чтобы современемъ опредѣлить настоящую физіономію нашего Іеруслана Лазаревича, выступающаго на чреду исторической дѣятельности. Съ этой точчи зрѣнія мы привѣтствуемъ труды гг. Худякова и Варенцова, принимая ихъ посильные вклады въ нашу народную литературу, какъ явленіе, во всякомъ случаѣ, отрадное.

Г. Худяковъ въ настоящемъ выпускѣ помѣстилъ тридцать семь народныхъ сказокъ. Всѣ онѣ записаны лично имъ въ Тобольскѣ, Казани, Москвѣ и въ рязанской губерніи. Впослѣдствіи г. Худяковъ обѣщаетъ подробные комментаріи къ напечатаннымъ имъ сказкамъ. Нельзя не пожалѣть, что многія интересныя сказки изъ этого собранія, какъ объявляетъ самъ г. Худяковъ, не могутъ быть напечатаны, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

Г. Худяковъ въ записываніи своихъ собраній не придерживался системы г-на Аѳанасьева, который испещряетъ текстъ мѣстными идіотизмами языка и характеристическими отличіями,

что съ извѣстной стороны конечно не безполезно, хотя и весьма затрудняетъ чтеніе; г. Худяковъ записывалъ сказки общепринятымъ великорусскимъ нарѣчіемъ, позволяя себѣ иногда только вставлять провинціальныя выраженія, гдѣ это оказывалось почему-либо умѣстнымъ или нужнымъ. Только зачѣмъ при этомъ, хотимъ мы сдѣлать ему вопросъ, въ сказкѣ «Мужикъ и царева дочь» (N 7) испещряетъ онъ текстъ безпрестанными *но*? Конечно, это дѣлалось съ цѣлію передать разсказъ въ его простѣйшей, безъискуственной формѣ, но тутъ, сколько намъ кажется, это *но* часто служитъ вмѣсто *ну*, частицы, столь часто употребляемой въ сказочной рѣчи. Мы нарочно выписываемъ одинъ маленькій отрывокъ изъ этой сказки, — пусть судятъ читатели:

«На четвертый день гости всѣ уѣхали; царева дочь стала у своего мужа спрашивать: какъ это ты все могъ сдѣлать, что мой отецъ тебѣ приказывалъ? *Но* онъ ей разсказалъ все подробно, любя ее. *Но* когда ночью легли они спать, то она у него сняла съ руки перстень и сказала: «выйдите отсюда 25 человѣкъ мастеровъ и выройте вы яму и моего мужа киньте въ яму и надъ ней поставьте столбъ каменный!» *но* его бросили въ яму и у него остались здѣсь любимая его кошка и собака.»

Мы не позволили-бы себѣ сдѣлать этого замѣчанія, если-бы г. Худяковъ во всѣхъ своихъ сказкахъ придерживался Аѳанасьевской методы записыванія; тамъ-бы это *но* было совершенно у мѣста, въ настоящемъ-же случаѣ эта дисгармонія съ общимъ тономъ остальныхъ сказокъ только бьетъ по уху читателя, и самая сказка, сколько намъ кажется, нисколько не выигриваетъ отъ того, что безпрестанное *но* замѣняетъ въ ней безпрестанное *ну*, которое должно-бы употребляться въ этой рѣчи по требованію логическаго смысла.

Кстати еще объ этой послѣдней сказкѣ. Намъ извѣстенъ одинъ варіантъ ея, сколько помнится, нигдѣ еще не напечатанный, а между тѣмъ варіантъ, какъ кажется, полнѣйшій по богатству подробностей и содержанія. Мы попросимъ у читателей позволенія привести его здѣсь, и обратить на него вниманіе собирателей сказокъ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ и не безполезенъ для нихъ, какъ вообще всякій новый матеріалъ, которымъ при случаѣ они могутъ воспользоваться.

Сказка про перстень о двѣнадцати винтахъ.

«Жилъ-былъ себѣ въ одномъ селѣ сынъ съ матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иванъ-дуракъ. Жили они въ убогой избенкѣ объ одномъ оконцѣ и въ великой бѣдности. Такая бѣдность была, что окромѣ хлѣба черстваго, почитай, и не ѣдали ничего, а иной разъ и того еще не было. Мать сидитъ, пряжу прядетъ, а Иванъ-дуракъ на печи сидитъ, въ золѣ копается да знай сопитъ себѣ. Вотъ только мать и говоритъ ему: «что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себѣ на печи-то въ золѣ? Шолъ-бы ты куда, къ корчмѣ что-ли, авось либо добрый человѣкъ какой попался, взялъ бы тебя къ себѣ въ батраки, — все хоть какой нибудь кусокъ хлѣба былъ, а дома-то кормиться намъ нечѣмъ.» — Ну, ладно, я пойду, говоритъ дуракъ, взялъ и пошолъ себѣ къ корчмѣ. Навстрѣчу ему человѣкъ попадается. — Куда идешь Иванъ-дуракъ? Въ службу иду наниматься. — Ступай ко мнѣ служить, вотъ тебѣ столько-то я жалованья положу и все прочее. Согласился Иванъ, пошелъ къ нему въ службу. А у того человѣка сука была и ощенилася эта сука; Иванушкѣ очень ужь понравился одинъ щенокъ и выходилъ онъ этого щенка. Проходитъ годъ, пора и къ разсчету за службу. Даетъ хозяинъ Ивану деньги, благодаритъ его, а Иванъ и говоритъ ему: не надо, говоритъ, мнѣ вашихъ денегъ, а дайте вы мнѣ лучше того щеночка, что я у васъ выходилъ. Тотъ и радъ что денегъ-то платить не надобно, отдалъ ему щенка. Пришелъ Иванъ домой, мать какъ узнала, давай на него плакаться: всѣ люди какъ люди, одинъ ты у меня дуракъ! и то ѣсть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чѣмъ кормить собаку-то будемъ? Иванъ-дуракъ ничего себѣ не отвѣчаетъ, сидитъ-себѣ на печи, самъ сопитъ да знай только въ золѣ копается и собачка его съ нимъ. Проходитъ мало-ли, много-ли времени, опять мать говоритъ ему: «что сидишь-то безъ толку? Шолъ бы къ корчмѣ, авось либо добрый человѣкъ какой попался, взялъ бы тебя въ батраки!» — Ну, ладно, я пойду, говоритъ дуракъ, взялъ собачку свою и пошолъ. Навстрѣчу другой хозяинъ ему. — Куда идешь, Иванъ-дуракъ? — Въ службу, говоритъ, наниматься. — Ступай ко мнѣ служить! — Ладно! Договорились они и пошолъ дуракъ опять въ батраки. А у хозяина у этого кошка была; вотъ она и окотилася. Полюбился дураку одинъ котеночекъ, онъ и выходилъ его. Приходитъ

время къ разсчету, Иванъ-дуракъ и говоритъ хозяину: не надо, говоритъ, мнѣ вашихъ денегъ, а отдайте мнѣ того котеночка.— Изволь, говоритъ. Вотъ пришолъ дуракъ домой, мать еще пуще того стала плакаться: всѣ-то люди какъ люди, одинъ ты у меня дуракъ уродился! и то ѣсть было нечего, а теперь еще двѣ лишнихъ души кормить надобно? Горько стало Ивану слушать это, взялъ онъ свою собачку да кошечку и пошелъ-себѣ въ поле. Видитъ посередь поля костеръ горитъ и большущій костеръ такой пребольшущій. Какъ подходитъ онъ ближе къ этому самому костру, видитъ, въ немъ змѣя корчится и горитъ на каленыхъ угольяхъ. Сама горитъ, а сама кричитъ ему человѣческимъ голосомъ: эй, Иванъ-дуракъ, спаси ты меня, я тебѣ большой выкупъ дамъ за свою душу! Взялъ Иванъ палицу и палицей той выкинулъ змѣю изъ костра. Какъ выкинулъ онъ ее, глядитъ — а передъ нимъ не змѣя, а красная дѣвица стоитъ, и сама говоритъ ему: ну, спасибо тебѣ, Иванушка, сослужилъ ты мнѣ великую службу, сослужу я тебѣ еще и больше того! Пойдемъ, говоритъ, къ моей матери, будетъ она тебѣ давать мѣдныя деньги; ты, говоритъ, не бери, потому это уголье, а не деньги; будетъ давать серебряныя, такъ не бери; то будутъ щепки, а не серебро; будетъ выносить тебѣ золото, и того не бери, потому что вмѣсто золота тамъ будетъ черепье да кирпичь, а проси ты у нея въ награду перстень о двѣнадцати винтахъ: тяжело ей будетъ отдать, одначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдастъ его. Вотъ все такъ и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень. Вотъ идетъ Иванъ полемъ и думаетъ себѣ: что-же я теперь съ этимъ перстнемъ буду дѣлать? Только глядитъ, догоняетъ его эта самая дочька и говоритъ: ты, говоритъ, Иванъ, чего ни пожелаешь только, все это тебѣ будетъ; стань ты только вечеромъ на порогѣ, отвинти всѣ двѣнадцать винтовъ и явится передъ тобою двѣнадцать тысячъ человѣкъ; что захочешь, то имъ и приказывай — все тебѣ будетъ исполнено. Пришелъ Иванъ домой, ничего не сказалъ матери, а самъ сѣлъ себѣ на печь, сопитъ да въ золѣ копается. Вотъ пришелъ вечеръ, легли они спать; Иванъ выждалъ время, выходитъ на порогъ, отвинтилъ въ перстнѣ всѣ двѣнадцать винтовъ — и явились передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ: «ты нашъ господинъ, мы твои люди, приказывай намъ чего душа пожелаетъ!» И говоритъ имъ Иванъ: сдѣлайте вы мнѣ, говоритъ, чтобы на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ дворецъ, какого и въ свѣтѣ нѣтъ, и что-

бы я спалъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ, и мать моя тоже само, и чтобы кучера и форейторы и лакеи и всякіе сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мнѣ. «Ложись себѣ съ Богомъ, говорятъ ему люди, все будетъ по слову твоему исполнено.»

Просыпается Иванъ-дуракъ на утро и даже самъ испугался. Смотритъ: спитъ онъ на золотой кровати, на лебяжей перинѣ и стоятъ тутъ высокія хоромы и такія богатыя, что даже и у царя-то ихняго нѣтъ такихъ, а по двору ходятъ кучера и форейторы и лакеи, и всякіе сильные и важные люди и служатъ ему. Подивился дуракъ, думаетъ: ладно! Глянулъ въ зеркало — и самого-то себя не узнать: сталъ такимъ красавцемъ, что ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать, — какъ слѣдъ, по хоромамъ и господинъ. Вотъ только просыпается тѣмъ часомъ и царь, (а въ томъ мѣстѣ царь ихній жилъ,) смотритъ онъ, — стоятъ супротивъ его дворца высокія хоромы, и стоятъ они сами словно жаръ горятъ золотомъ. Посылаетъ царь провѣдать, чьи такія? и пускай, молъ, ко мнѣ пріѣдетъ показать себя, каковъ онъ такой есть. Докладываютъ Ивану. «А сказать ему, говоритъ, что Ивана-царевича хоромы, а коли хочетъ видѣть меня, такъ не великъ господинъ, пускай самъ пріѣдетъ.» Нечего дѣлать, поѣхалъ царь къ Ивану-дураку, познакомились они и опосля этого поѣхалъ и Иванъ-дуракъ къ царю-то. А у царя распрекрасная дочька королевишна была. И она, эта дочька угощенія Ивану подносила и тутъ больно ужь полюбилась ему. Сталъ просить царя, чтобы замужъ за него отдать. Вотъ теперь и царю въ свой чередъ тоже поломаться захотѣлось. «Отдать-то, говоритъ, отчего и не отдать, только ты, Иванъ-царевичъ, сослужи мнѣ прежде того службу: дочь моя роду не простого и потому вѣнчаться ей надо какъ ни-на-есть лучше во всемъ народѣ. Сдѣлай ты мнѣ, чтобъ отъ твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла, а черезъ рѣку чтобы былъ у меня мостъ, да непростой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона серебрянная полоса и на рѣкѣ чтобы плавали всякія птицы рѣдкія, гуси и лебеди, а по ту сторону рѣки пускай церковь стоитъ, да не простая, а вся восковая и вокругъ нея пускай зацвѣтаютъ восковыя яблони и спѣлыя яблоки родятъ. Коли ты мнѣ, говоритъ, сдѣлаешь все это, быть дочери за тобою, а не сдѣлаешь — на себя пеняй! «Думаетъ царь, что ну вотъ теперь уже вволю насмѣялся надъ Иваномъ, а Иванъ

и въ усъ себѣ не дуетъ, — «Ладно, говоритъ, извольте; готовьте къ завтрему свадьбу!» съ тѣмъ и уѣхалъ.

Вечеромъ, какъ всѣ спать улеглись, сталъ онъ на порогѣ, отвинтилъ въ перстнѣ всѣ двѣнадцать винтовъ — встали передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ. — «Ты нашъ господинъ, мы твои люди, приказывай намъ, чего душа пожелаетъ. Такъ и такъ, говоритъ, нужно мнѣ то̀-то и то-то. «Ладно, говорятъ, ложись себѣ съ Богомъ.»

Просыпается царь на утро, подходитъ къ окну — а глаза ему такъ и ослѣпило, ажно отскочилъ на три сажени: это значитъ, мостъ-то, одна полоса серебряная, другая золотая такъ горитъ и свѣтится; на рѣкѣ гуси и лебеди и всякая птица рѣдкая, а на томъ берегу церковь бѣлая, восковая и вокругъ церкви яблони стоятъ, только безъ листьевъ, голые прутья торчатъ. «Ну, думаетъ царь, дѣло то не ладное, надо снаряжать дочку къ вѣнцу.» Снарядили и поѣхали. Выѣхали изъ дому, а на яблонькахъ почки проступили; ѣдутъ по мосту, а яблоньки листвою одѣваются; подъѣзжаютъ къ церкви, а на яблонькахъ бѣлые цвѣточки распускаются; какъ только что время выходить имъ отъ вѣнца, а тутъ встрѣчаютъ ихъ слуги и всякіе люди и на золотомъ блюдѣ подаютъ спѣлыя яблоки.

Такъ они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и былъ тамъ пиръ у нихъ три дня и три ночи.

Послѣ того мало ли, много ли времени прошло, стала королевишна приставать къ Ивану: скажи ты мнѣ, супругъ мой любезный, какъ ты все это дѣлаешь, что и мостъ въ одну ночь строишь и церковь восковую ставишь? Иванъ-дуракъ долго не хотѣлъ говорить ей, одначе такъ какъ ужь очень ее любилъ и очень она у него просила, такъ онъ и сказалъ ей, что у меня-де перстень о двѣнадцати винтахъ и такъ-то вотъ надо обходиться съ нимъ. Ну, вотъ такъ и живутъ они; только на бѣду полюбился королевишнѣ одинъ лакей ихній, изъ себя видный, здоровый и красивый такой; она съ нимъ и сговорилася, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самимъ уйти бы жить за море. Вотъ только какъ пришелъ вечеръ, вынула она потихоньку перстень, стала на порогѣ, отвинтила всѣ двѣнадцать винтовъ — и явились передъ нею двѣнадцать тысячъ человѣкъ:—«Ты наша госпожа, мы твои люди, приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!» Она говоритъ имъ: «возьмите вы этотъ дворецъ и какъ есть совсѣмъ перенесите его за море, а на семъ мѣстѣ пускай станетъ прежняя избушка съ моимъ муженькомъ

Иваномъ-дуракомъ». — Ложись себѣ съ Богомъ, говорятъ ей люди, все будетъ по слову твоему исполнено.

На утро Иванъ просыпается — смотритъ: лежитъ онъ на рогожкѣ, дырявымъ зипуномъ покрытъ, а хоромъ и слѣда нѣтъ. Горько восплакался онъ и пошелъ къ царю своему тестюшкѣ; приходитъ во дворъ, проситъ доложить, что пришолъ-де зять. Тотъ какъ увидалъ его — «ахъ ты такой сякой, безпорточный, какой ты мнѣ зять! у меня зятья въ золотыхъ хоромахъ живутъ; въ серебряныхъ каретахъ катаются! Взять его и замуровать въ каменный столбъ!»

Сказано — сдѣлано: взяли и замуровали Ивана въ каменный столбъ, а собачка съ кошечкой отъ него не отстаютъ, тутъ же сидятъ вмѣстѣ съ нимъ, и прорыли они себѣ лазейку, и черезъ нее поѣсть ему пищу приносятъ. Только вотъ разъ и вздумали онѣ себѣ: что жь это мы съ тобою, собачка, сидимъ здѣсь, сложа руки! сбѣгаемъ-ка мы за море да достанемъ перстень! Какъ надумали онѣ себѣ это, такъ и сдѣлали. Переплыли черезъ море, видятъ: стоитъ ихній теремъ и королевишна съ тѣмь лакеемъ по саду гуляетъ, мужа своего судачитъ. «Ну, собачка, пообожди ты пока здѣсь, а я проберуся въ теремъ, да кольцо достану,» говоритъ кошечка и пошла-себѣ. — Мяу-мяу! подъ дверью. Услыхала королевишна: «А, это кошка того мерзавца, говоритъ, впустите да накормите ее!» Вотъ ее впустили и накормили, а она все ходитъ по комнатамъ да высматриваетъ перстня; только и видитъ стоитъ печька, а на печькѣ стеклянная банка, а въ банкѣ той перстень. Обрадовалась кошечка, «ну, думаетъ, слава Богу, теперь только бы дождаться ночи, а тамъ достану перстень и домой.» Только какъ всѣ улеглись, она вскочила на печьку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка похватила перстень въ ротъ и притаилася подъ дверью. Въ домѣ всѣ проснулись, сама королевишна встала; увидала что банка-то разбита. — «Ахъ, говоритъ это вѣрно кошка того мерзавца разбила, выгнать ее вонъ!» Выгнали кошечку вонъ, а она и рада, бѣжитъ къ собачкѣ: — ну, братъ собачка, достала перстень! теперь только поскорѣй бы домой!» и поплыли онѣ черезъ море. Плывутъ, плывутъ себѣ, долго плывутъ... Коли устанетъ собачка, сядетъ она на кошечку, а коли кошечка устанетъ — сядетъ на собачку — такъ онѣ и обходятся. Ужь не далеко и до берега имъ осталось, только собачка стала изнемогать, кошечка видитъ это и говоритъ ей: «садись на меня, ты ужь устала; какъ сказала она это, а перстень-то изо-рта у ней бултыхъ въ

воду! Что тутъ дѣлать! Доплыли до берегу, ходятъ-себѣ да слезно плачутъ, а сами ужъ тѣмъ часомъ и проголодалися. Собачка бѣгаетъ по полю, ловитъ себѣ птичекъ воробышковъ, и кошечка ходитъ по берегу, ловитъ мелкую рыбицу, которую волной выбиваетъ — тѣмъ они и кормятся. Только вдругъ кошечка и кричитъ: «ой, ты собачка! ступай скорѣе ко мнѣ! Я-то вѣдь перстень нашла! поймала рыбку, стала ее ѣсть, а въ рыбкѣ-то и былъ этотъ перстень! Ну, вотъ обрадовались они сильно, побѣжали къ Ивану и принесли ему перстень. Иванъ дождался вечера, отвинтилъ всѣ двѣнадцать винтовъ и явились передъ нимъ двенадцать тысячъ человѣкъ. — «Ты нашъ господинъ, мы твои люди, — приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!»

Разнесите, говоритъ, сейчасъ же этотъ каменный столбъ, чтобы и праху отъ него не осталось, а изъ за моря перенесите мои хоромы, со всѣми кто тамъ есть и какъ кто тамъ спитъ и поставьте ихъ на прежнее мѣсто! «Тотчасъ же все такъ и случилось.»

На утро ѣдетъ Иванъ къ своему тестю-царю. Тотъ его встрѣчаетъ, на первое мѣсто сажаетъ. «Гдѣ любезный зятюшка, побывать изволилъ? — Я, говоритъ Иванъ, былъ за моремъ. — То-то, говоритъ за моремъ! видно по спѣшному дѣлу, что къ тестю и проститься даже не заѣхалъ... А тутъ говоритъ, безъ тебя приходитъ ко мнѣ какой-то голоштанникъ, и называется моимъ зятемъ; я его приказалъ въ каменный столбъ замуровать, тамъ онъ, говоритъ, и сгинулъ, вѣрно! Ну, а ты, любезный зятюшка, говоритъ, гдѣ побывать изволилъ, какіе виды видывалъ?»

— А видывалъ я, говоритъ, разные виды: за моремъ одно такое дѣло было, что никто не знаетъ какъ и разсудить.

— Какое жь такое это дѣло?

— А вотъ какое! и коли ты теперича умный человѣкъ, такъ вотъ и разсуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, отъ живаго мужа завела себѣ душеньку, обокрала съ этимъ душенькой мужа-то и ушла-было съ нимъ за море, а теперь спитъ съ нимъ на одной кровати. Что по твоему надо сдѣлать съ такою женой?

— По своей царской мудрости я, говоритъ, скажу такое слово: взять ихъ обоихъ, привязать къ конскимъ хвостамъ и пустить въ чистое поле — тутъ имъ и казнь!

— Ну, коли такъ, такъ ладно же! говоритъ Иванъ, поѣдемъ теперь ко мнѣ въ гости, я тебѣ покажу другіе виды и другое диво!

Поѣхали они, входятъ въ спальню, — а тамъ королевнина обнявшися съ тѣмъ лакеемъ спитъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ и знать ничего не знаетъ. Ну, ужь тутъ нечего дѣлать! По царскому слову, взяли привязали ихъ къ конскимъ хвостамъ и пустили жеребцовъ въ чистое поле—тутъ имъ и казнь была! А Иванъ опослѣ этого женился на той красной дѣвицѣ раскрасавицѣ, которую онъ изъ огня спасъ и стали они жить да поживать, да добра наживать.»

Иногда приходится выслушивать въ литературѣ такія мнѣнія, будто истинное искусство не должно допускать поэта черпать свои образы и даже содержаніе изъ народныхъ источниковъ; на какомъ же основаніи? не разъ спрашивали мы. На томъ основаніи, отвѣчали намъ, что эти образы и это содержаніе принадлежатъ *грубой*, *не очищенной эстетическими требованіями* фантазіи народа,—на томъ основаніи, что это *старое*, *отжившее* періодъ своей свѣжести и сохраняющееся въ народѣ только какъ преданіе. А Калашниковъ лермонтовскій? возражали мы. Калашниковъ вещь прекрасная по мысли, *но не законная по формѣ.* А пушкинская медвѣдиха, сказка о рыбакѣ и рыбкѣ? Все это вещи прекрасныя, отвѣчали намъ тѣ же критики, и прекрасныя именно потому, что принадлежатъ чисто творческой фантазіи поэтовъ, но ужь никакъ не народному вымыслу. Въ то время мы еще не могли представить достаточно сильныхъ опроверженій олимпійски непогрѣшительнымъ критикамъ, теперь же, благодаря г. Худякову, мы покорнѣйше просимъ ихъ обратить вниманіе на сказки: Волшебница (стр. 45) и Заколдованное дерево липка, (стр. 132). Первая является рѣшительно прототипомъ гоголевскаго Вія, конечно въ самой бѣдной и простѣйшей формѣ; вторая же есть ничто иное, какъ та же самая «сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», съ тою только разницею, что въ этой ролѣ золотой рыбки играетъ заколдованная липка, которую старикъ ѣдетъ рубить въ лѣсъ. То же самое обаятельное вѣяніе чисто народной простоты и поэзіи, которое охватываетъ васъ при чтеніи пушкинскаго произведенія, ощущается вами и при чтеніи этой безискуственной сказки. Вотъ въ какомъ еще отношеніи важны эти сборники народныхъ пѣсенъ и сказокъ: они уясняютъ намъ, насколько наши лучшіе поэты были присущи русской почвѣ, насколько понимали и проникали они ее своимъ поэтическимъ чутьемъ въ лучшихъ своихъ созданіяхъ. Что ни доказывай себѣ, гг. —бовъ и Дудышкинъ, купно съ юродствующимъ Викторомъ Аскоченскимъ, о ненародности и ничтожности Пушкина, сколько ни кричите себѣ при-

сяжные цѣнители о ложности и незаконности русскаго рода и въ-особенности русской формы (какъ уже отжившей и негодной) въ нашей литературѣ, мы никогда не согласимся съ ними, не согласимся потому, что еще недалѣе какъ прошлаго года мы сами видѣли лубочное изданіе (на большомъ листѣ) лермонтовкаго Калашникова съ картинками — и народъ съ жадностью читалъ его и платилъ свои пятаки, раскупая это изданіе. Значитъ, народъ понимаетъ его, значитъ ему по плечу пришлась эта форма; что же касается до сказки о рыбакѣ и рыбкѣ, то открытая теперь сказка о липкѣ сама-собою разбиваетъ всѣ доводы нашихъ противниковъ.

Мы не станемъ здѣсь распростараняться о фантазіи или поэтичности нашихъ русскихъ сказокъ, мы не станемъ вдаваться въ изысканія ихъ происхожденія или сравнивать ихъ съ изобрѣтеніями фантазіи другихъ народовъ; мы взглянемъ теперь только на отношеніе народа къ нѣкоторымъ явленіямъ гражданской жизни, на пониманіе его этихъ явленій и нѣкоторыхъ его обычныхъ дѣйствующихъ типовъ, взглянемъ на основаніи самихъ же народныхъ сказакъ.

Главное дѣйствующее лицо почти всѣхъ нашихъ сказокъ, это непремѣнно третій сынъ у отца — Иванушка, по большей части, *дуракъ*. Личность, олицетворяющая собою доброту и прямодушіе, — качества, за которыя преимущественно покровительствуетъ ему судьба и ея тайныя силы, личность честная, любящая, иногда и хитрая, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему надо извернуться въ борьбѣ съ змѣями и богатырями, которые любятъ загребать жаръ руками Иванушки. Народъ называетъ его *дуракомъ*, но это названіе не приписываетъ онъ въ положительномъ смыслѣ Иванушкѣ; въ этомъ названіи звучитъ своя глубоко ироническая и тонкая струна: Иванъ кажется дуракомъ въ глазахъ богатырей, въ глазахъ сказочныхъ разумниковъ, тогда какъ подъ конецъ дѣйствія почти каждой сказки значеніе и ироническій смыслъ ролей ихъ измѣняется: вы уже видите дурака никакъ не въ Иванушкѣ — примѣромъ можетъ служить даже хоть и приведенная нами сказка про перстень. Это личность, въ которую народъ положилъ всю свою любовь съ ея смѣхомъ и горемъ, все свое сочувствіе, всю свою глубокую симпатію.

Другое дѣйствующее лицо нашихъ сказокъ — это король, лицо, въ которомъ отразились черты двухъ типовъ, глубоко выхваченныхъ изъ русской жизни и русской почвы. Король въ этомъ случаѣ, такъ-же какъ и Иванушка, есть неболѣе, какъ

извѣстная, разъ навсегда установленная эпическая форма. За примѣрами ходить недалеко: вотъ хоть на первый случай изъ сказки «три брата».

Шелъ Иванъ-царевичъ нѣсколько времени и пришелъ въ свое царство ночью. Ни въ одномъ мѣстѣ нигдѣ не было огня; былъ огонекъ въ одномъ маленькомъ домикѣ. Онъ постучалъ и отперли ему и видитъ: сидитъ здѣсь башмачникъ и шьетъ башмаки. Онъ у него спрашиваетъ: «Кому же ты это шьешь башмаки?»— «Я, говоритъ, шью: нашъ царь хочетъ жениться на Марьѣ царевнѣ и велѣлъ сшить ей башмаки, золотомъ шитые, алмазомъ усыпанные, *только безъ мѣрки*, и если не потрафлю, то голову снесутъ.

«Видитъ Иванъ царевичъ въ другомъ мѣстѣ огонекъ; больше нигдѣ не было огня; постучался — отперли ему. И видитъ сидитъ портниха и шьетъ платье. Онъ у ней сталъ спрашивать: «кому-же это ты шьешь платье?» — Марьѣ царевнѣ; она хочетъ идти замужъ за нашего царя; *да вотъ боюсь, что безъ мѣрки не угадаю*, а какъ не угадаю въ пору, то казнятъ.

Вотъ другой примѣръ: въ сказкѣ «богатыри» (стр. 188) царь объявляетъ всенародно, что его царская дочь побѣжитъ къ колодцу за водой и *если кто ее перегонитъ, то за того ее замужъ отдадутъ*, а не перегонитъ, тому голову долой».

Вотъ, наконецъ, и еще одинъ, третій примѣръ: «у царя померла дочь волшебница. (См. ск. Волшебница, стр. 45). Никто нейдетъ ее хоронить. Только всѣ мужики пошли къ царю съ большими подарками, одинъ мальчикъ съ одной булочкой пришолъ. *Онъ на него осердился, что онъ ему мало принесъ и заставляетъ его дочь свою караулить.* Мальчикъ откараулилъ, а на утро государь посылаетъ: подите, посмотрите: она его съѣла! «Они пришли, а онъ Богу молится». Точно такъ и на другую ночь послалъ онъ его караулить, а на утро посылалъ посмотрѣть, какъ съѣла его дочка царская; когда же послѣ третьей ночи она воскресла и отъ бѣсовъ избавилась, царь призываетъ къ себѣ мальчика и очень просто говоритъ ему, бери-де за себя ее замужъ.»

Это типъ сказочный, но есть и еще три типа, имѣющіе историческій смыслъ и значеніе. Владиміръ святой, Иванъ Грозный и Петръ Первый—вотъ эти историческія личности, сохранившіяся въ народной памяти. Конечно, каждая изъ нихъ рефлектировалась извѣстнымъ образомъ въ сознаніи и представленіи народа, но тѣмъ не менѣе характерная идея каждой видна совершенно ясно.

Въ Додонѣ и разныхъ королевичахъ мы видимъ такъ сказать исторически-безсознательное, дѣтское отношеніе къ идеѣ гражданственности; то же самое сходство замѣчается и у западныхъ народовъ, и у Германцемъ въ ихъ сагахъ о Карлѣ Великомъ и проч. Теперь взглянемъ на это отношеніе народа въ его историческомъ проявленіи. Съ этой стороны у насъ есть три, уже поименованныя личности.

Вотъ какъ рисуется въ народномъ сознаніи Иванъ. Мы приведемъ слова былины; умирающая царица Софья Романовна на смертномъ одрѣ говоритъ ему:

Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебѣ царица повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ младыхъ двухъ царевичей;
Когда будутъ они во полномъ умѣ
И во твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай, царь, ты повыслушай-ко,
Что я тебѣ царица повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до князей, до думныхъ бояръ:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай, царь, ты повыслушай-ко,
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго.

Другая былина поетъ про царя московскаго: грозенъ былъ царь нашъ батюшка, первый царь Иванъ Васильевичъ. Этотъ-то «первый царь», какъ продолжаетъ та же самая былина, сказалъ однаждырѣчью громкою:

«У меня-де есть всяки мастеры,
Есть такіе разны дохтуры.
Но всѣ прячутся старый за малаго
И хоронятся — малый за стараго;
А одинъ изъ нихъ лишь не прячется,
То малютка-палачь, то Гурбатовъ сынъ.
«Ну пойди-ко сюда, гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную службу неизмѣнную.

Во палаты ступай, въ царски каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
Распоясни съ него шелковый поясъ,
Золотой перстенекъ со правой руки,
Отведи самого на Москву-рѣку,
Впрямъ на мѣсто на то — мѣсто лобное,
И на плаху на ту, что на липову,
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую,
Саблю вострую въ горючей его рудѣ».

Отвѣтчиками за царскій гнѣвъ, конечно, были бояре:

Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ поголовно народъ.
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать,
А [redacted] приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать,
Что царевича не защитили.

Что касается до народнаго сознанія о Петрѣ, то лучше всего можетъ характеризовать его пѣсня секты Морельщиковъ. Въ этой пѣснѣ хотя *самая личность* и не рисуется, но страхъ ея чуется сильно; вообще о Петрѣ болѣе характерныя преданія сохранились въ раскольничьихъ скитахъ. Вотъ эта пѣсня:

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія пришли лѣты.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,
На [redacted] ихъ и на руки,
Что на руки и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальнія пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!

Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную!

Другая пѣсня той же секты Морельщиковъ еще яснѣе высказываетъ эту идею:

Пришло времячко гонимо:
Народился злой антихристъ;
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.
Стали волю его творити,
Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Трепроклятую траву пити.

В. К—ІЙ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, В Варенцова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860.

Нельзя не сказать добраго слова объ этомъ новомъ и чрезвычайно полезномъ изданіи, во-первыхъ потому, что оно обогащаетъ число нашихъ сборниковъ по части народной литературы, а во вторыхъ потому, что оно проливаетъ свѣтъ на одну довольно еще темную сторону народнаго быта и умственной жизни. Сколько разъ каждому изъ насъ чуть ли еще не со школьной скамьи приходилось слушать въ назиданіе и поученіе громкія фразы такого рода, что народъ русскій крѣпокъ и силенъ своею глубокою религіозностью и т. п. Многіе изъ насъ и увѣровали, что онъ крѣпокъ на религію. Сборникъ г. Варенцова поясняетъ этотъ вопросъ немножко иначе, чѣмъ мы думаемъ. Вглядитесь ближе въ народные духовные стихи: васъ съ перваго же взгляда поразитъ скудость и даже безобразіе формы многихъ, если не большей части изъ нихъ: то тяжелые славянскіе обороты, то рубленный русскій стихъ, то вдругъ такая конструкція рѣчи, о которой рѣшительно не знаешь, что сказать, славянская ли она или русская? Ясно только одно, что она антилогична. Замѣчательно еще то, что какофонія въ строкахъ, чего вы почти никогда не встрѣчаете въ былинѣ или въ пѣснѣ, въ этихъ сти-

хахъ безпрестанно рѣжетъ слухъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Бѣдность воображенія, скудость изобрѣтенія и фантазіи поразительны въ этихъ произведеніяхъ. Повсюду видите вы рѣшительное отсутствіе яснаго и свободнаго взгляда; напротивъ, постоянно чувствуете удушливый гнетъ мертвящей схоластики и морали, которую новѣйшая литература знаетъ подъ названіемъ «византійской». Этотъ контрастъ представляется вамъ тѣмъ разительнѣе, что въ народныхъ сказкахъ, былинахъ и пѣсняхъ народная фантазія пріобрѣтаетъ широкій полетъ; тамъ повсюду чуете вы, что эти стихи слагала народная любовь, что она согрѣвала ихъ теплотой своего генія и положила въ нихъ долю своего сердца и души. Ничего этого нѣтъ въ духовныхъ стихахъ. Вотъ, на выдержку, два довольно краснорѣчивые примѣра; первый представляетъ стихъ о *Гадамѣ*, т. е. объ Адамѣ:

Праведное сонцо
Въ раю освѣтило
Всеѐ райскою пишшу.
И расплачется Адамій,
Передъ раемъ стоя:
«Раю мой, раю,
Прекрасенъ рай бысте!
Меня ради, Адама,
Сотворенъ рай бысти;
Евги ради, раю,
Заключенъ рай бысти;
Евга согрѣшила,
Законъ преступила,
Адама прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала
Отъ святова отъ рая
Отъ всеѐ райскою пишши.

А вотъ и другой образчикъ:

Солнце, мѣсяцъ-луна померкла,
Небо-земля потряслася,
Весь міръ на землѣ прослезился,
Завѣса церковная на двое *раздрахомъ*,
Каменіе *распадехомъ*
На Христѣ ризу *разорвахомъ*,
По жребію *разметахомъ*,
Между собой *жидове раздѣляхомъ*.

Эти *хотъ* даже грамматическаго смысла не имѣютъ, того смысла, котораго естественно требуетъ природное чувство языка.

Отчего это? является прямой и естественный вопросъ. Оттого, отвѣчаемъ мы, что народъ русскій сохраняетъ въ себѣ свой міръ вѣрованій, оттого, что въ немъ сохранилось еще доселѣ много непочатой, неиспорченной и чистой нравственной силы и здороваго сознанія, оттого наконецъ и это важнѣе всего — что онъ постоянно былъ чуждъ сухой и мертвой схоластики и нисколько не сочувствовалъ ея проявленіямъ. Стихи же эти составляютъ достояніе меньшинства—нищей братіи, но никакъ не всего народа. Замѣчательно, что и раскольничьи пѣсни почти совершенно не носятъ на себѣ отпечатковъ этого сухаго схоластическаго элемента; характеръ ихъ чисто пропагандическій и гражданскій. Въ подтвержденіе нашей мысли, мы позволимъ себѣ привести еще одно слѣдующее замѣчаніе: тѣ изъ духовныхъ стиховъ, въ которые народъ положилъ свою скорбь, свою глубокую печаль и горе, тѣ пѣсни полны глубокаго и поэтическаго достоинства; онѣ отличаются правильной и изящной формой. Таковы стихи о Лазарѣ убогомъ, о двухъ Лазаряхъ, про Егорья свѣта храбра, про Анику воина, стихъ о вознесеніи христовѣ и стихъ про удачу добраго молодца. «Невеселы были эти образы, говоритъ собиратель, однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ самого себя, оскорбленнаго, забытаго богатымъ, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ — мошной. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ; ему все грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; все грезились мытарства и грозные ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы души и развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находитъ въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній, когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія,—духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ, томительнымъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клонитъ голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть — равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, муки да казни; смерть—холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей...

Таковъ большею частію характеръ этихъ стиховъ. Въ заключеніе мы передадимъ сдѣсь содержаніе одного стиха—о вознесеніи: наканунѣ вознесенія Христа нищая братія стала тужить и говорить ему:

На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи укрывати?

Христосъ утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что оставитъ имъ послѣ себя крутую и большую золотую гору, но Іоаннъ Златоустъ отъ лица нищей братіи говоритъ на это Христу, чтобы онъ не давалъ имъ эту золотую гору, потому что

Зазнаютъ гору князи и бояра,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,
Зазнаютъ гору торговые люди:
Отоймутъ отъ нихъ гору золотую
По себѣ они гору раздѣлятъ.
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братью не допустятъ.
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кровопролитства,
Промежду собой уговлоствія;
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
Отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ-убогимъ
Имя твое святое:
Будутъ нищіи по-міру ходити,
Тебя—Христа, величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

В. К—ІЙ.

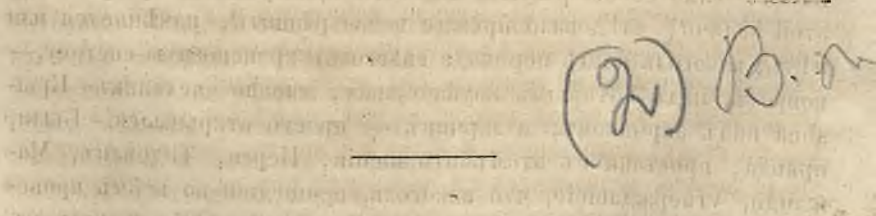
Судьба Евреевъ въ средніе вѣка и обычаи ихъ въ настоящее время. Москва 1860 г.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Іудея пала подъ ударами римскихъ легіоновъ, имя народа израильскаго, какъ политической единицы, исчезаетъ со страницъ исторіи. Баръ-Кохба былъ послѣдній «сынъ звѣзды», подъ знаменами котораго воскресли на мгновеніе несбыточныя надежды и стремленія сыновъ іудиныхъ; въ послѣдній разъ, съ нѣмымъ ожесточеніемъ, съ предсмертнымъ усиліемъ сразились они за свою политическую самостоятельность: это была страшная борьба на жизнь и смерть, при воспоминаніи о которой кровь холодѣетъ въ жилахъ. Ихъ послѣднія усилія были подавлены, ихъ послѣднія надежды были разсѣяны, позорное имя, которымъ обманутый народъ заклеймилъ Баръ-Кохбу, было послѣдней, неблагодарной насмѣшкой бѣдной націи надъ своимъ богатымъ прошлымъ. Это прошлое миновало; благородныя силы, въ немъ растраченныя, оказались непроизводительными для самихъ трудившихся, и плоды ихъ пожаты другими. Медленно, втеченіе многихъ столѣтій подвигался народъ израильскій на пути своего историческаго развитія; но ему не удалось бросить якорь въ обѣтованной пристани: его раздавила та самая могучая сила, которую онъ выработалъ изъ собственной плоти и крови. Съ-тѣхъ-поръ проклятіе исторіи, проклятіе прогресса отяготѣло надъ нимъ; изъ народа избраннаго онъ сдѣлался хранителемъ отжившихъ стихій всемірно-исторической жизни. Съ каждымъ годомъ все уже и уже стягивался кругозоръ его религіозныхъ воззрѣній, пока наконецъ обрядъ и буква не оковали его вѣчной неподвижностью.

Средневѣковая эпоха — самая печальная и вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли не самая важная въ исторіи еврейскаго народа: это цѣльный и законченный періодъ его нравственнаго перерожденія. Оторванная отъ своей родной почвы, подсѣченная подъ самый корень своего политическаго быта и единства, эта нація явилась среди новаго, незнакомаго ей міра, гдѣ она не могла примкнуть ни къ какому историческому явленію, ни къ какой соціальной корпораціи: варварство, феодализмъ, рыцарство, европейская монархія — все это было для Евреевъ не свое, не родное, все это

возникало и падало помимо ихъ личнаго участія и содѣйствія. У нихъ не было подъ ногами той почвы, на которой они чувствовали-бы слѣды своего прошлаго существованія, своей прошлой дѣятельности, и на которой могли-бы утвердить фундаментъ своего будущаго національнаго развитія. Они были въ средневѣковой Европѣ не жизненымъ звѣномъ нововозникшаго римско-германскаго общества, а тощими паразитами, занесенными съ другаго берега. Они не видѣли передъ собою ничего впереди и не могли имѣть своей исторіи: въ средневѣковомъ періодѣ они являлись не національной единицей, а только дополненіемъ къ общей исторической картинѣ. Они не имѣли ничего роднаго съ жизнью феодальной Европы, и однакожъ судьба ихъ связана почти съ каждымъ значительнымъ явленіемъ средневѣковой эпохи: крестовые походы, рыцарство, борьба съ Маврами въ Испаніи, первыя реформаціонныя движенія въ Германіи, — все это запечатлѣно кровью безчисленныхъ жертвъ этой кочующей націи. Вездѣ являлись Евреи какъ что-то пассивное, будто насильно вставленное въ общую картину средневѣковаго варварства и изувѣрства, чтобъ освѣтить ее нѣсколькими яркими искрами. И эта пассивная роль, которою судьба надѣлила Евреевъ въ среднюю эпоху, это тяжелое ярмо нищеты и рабства, гнетъ вѣчнаго, безвыходнаго томленія въ состояніи безправія и дѣтской слабости, совершили нравственное перерожденіе націи: народъ библейскій выродился въ племя Шейлоковъ.

Средневѣковая эпоха миновала, миновало изувѣрство и варварство; народы вздохнули свободнѣе, и Евреи, вмѣстѣ съ другими, увидѣли нѣкоторое облегченіе своей участи. Въ ихъ мірѣ началось новое движеніе, обнаружились новыя стихіи.... Нѣтъ сомнѣнія, все это приведетъ къ благимъ результатамъ и новое жизненное звѣно явится въ современномъ мірѣ; но, въ ожиданіи этого, мы думаемъ, что едва-ли найдетъ юдаизмъ въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ новую Виѳезду.



Матеріалы для будущей физіологіи алкогольнаго отравленія. Диссертація на полученіе степени доктора медицины. Лекарь Сѣченовъ. Санктпетербургъ, 1860, въ 8-ю дол. л. стр. 64.

Интересующіеся предметомъ прочтутъ эту статью съ величайшимъ удовольствіемъ. Темою ея — разрѣшеніе спорнаго вопроса, которому, повидимому, слѣдовало давно уже быть рѣшеннымъ и который, если вѣрить поборникамъ различныхъ теорій, давно уже рѣшенъ. Алкоголь, спиртные напитки — предметы народной діэтетики; послѣдствія употребленія его болѣе или менѣе извѣстны даже простолюдину; оставалось адептамъ науки сказать свое слово. Наука изслѣдовала дѣйствіе алкоголя, насколько можно было преслѣдовать, простымъ глазомъ и вооруженнымъ, вліяніе спирта на наружную поверхность тѣла и составляющую продолженіе кожи слизистую ткань, выстилающую всѣ полости, сообщающіяся съ наружною поверхностью тѣла. При тѣхъ способахъ анализа, которыми владѣетъ наука въ настоящее время, изслѣдованіе это было дѣломъ нетруднымъ. Затрудненія были, впереди. За этими двумя тканями, кожею и слизистою оболочкою, словно за кулисами, лежитъ сложнѣйшій въ цѣломъ мірѣ механизмъ, только частями открывающійся взору наблюдателя и приводимый въ движеніе неизслѣдованною окончательно силою, что дѣлается съ алкоголемъ за этими кулисами, и какими путями приводитъ онъ этотъ сложный механизмъ къ тому состоянію, въ которомъ представляется намъ человѣкъ въ различныхъ фазахъ своего опьяненія? Вотъ вопросы, предстоявшіе рѣшенію науки; само собою разумѣется, что приступая къ разрѣшенію этой задачи, слѣдовало прежде всего рѣшить, измѣняется или нѣтъ, алкоголь послѣ перехода своего въ кровеносную систему,— вопросъ, надъ которымъ наука билась, словно «механикъ» Крылова надъ ларчикомъ, а ларчикъ — просто открывался. Были, правда, простаки въ этомъ отношеніи, Перси, Тидеманъ, Мажанди, утверждавшіе, что алкоголь, прошедши по всѣмъ кровеносным сосудамъ, разнесенный съ кровью по всѣмъ органамъ и тканямъ тѣла, присутствуетъ, словно новый Архей, при всѣхъ отправленіяхъ, при всѣхъ актахъ, жизненныхъ и умственныхъ

совершающихся въ организмѣ, и даже руководитъ ими, болѣе или менѣе обусловливая теченіе ихъ, и потомъ, прошедши къ отдѣлительнымъ органамъ, отдѣляется ими въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ въ кровь, выдыхается *неизмѣненнымъ* легкими, отдѣляется *неизмѣненнымъ* вмѣстѣ съ мочею, вмѣстѣ съ испариною. Но такое мнѣніе было слишкомъ просто и ясно, чтобы не показаться ревнителямъ науки подозрительнымъ. Судьба алкоголя осязательно показала, до какой степени легко впадали въ заблужденія, примѣняя теорію къ фактамъ, не повѣряя, обратно, самое приложеніе этихъ фактовъ.

По Либиху всѣ діэтетическія вещества раздѣляются на азотныя и безазотныя. Послѣднія, какъ состоящія преимущественно изъ углерода и водорода, служатъ по мнѣнію знаменитаго химика къ тому, чтобы поступивъ въ организмъ, соединяться при проходѣ ихъ по кровеноснымъ сосудамъ, съ кислородомъ, извлеченнымъ изъ воздуха, и, такимъ образомъ, содѣйствуя медленнымъ, скрытнымъ, химическимъ сгораніемъ своимъ къ поддержанію необходимой въ тѣлѣ теплоты, они, въ тоже время, истощаютъ на себѣ то разрушительное вліяніе кислорода, которое онъ непремѣнно оказалъ бы на организмъ по свойству своему окислять органическія вещества. Вотъ, причина, по которой житель полярныхъ странъ находитъ инстинктивное наслажденіе, поглощая огромныя количества тюленьяго или рыбнаго жира. Низкая температура воздуха требуетъ усиленнаго развитія ея въ тѣлѣ; густой воздухъ, вводя въ тѣло бо́льшую массу кислорода, ускорилъ бы разрушеніе организма, если бы Эскимосъ или Лапландецъ не противодѣйствовалъ инстинктивно тому и другому злу снабженіемъ организма цѣлой массой горючаго жирнаго матеріала, который, окисляясь или сгарая, удовлетворяетъ за одинъ разъ двумъ потребностямъ организма. Подобнымъ же инстинктивнымъ побужденіемъ, и въ тѣхъ же самыхъ видахъ, объясняетъ себѣ Либихъ всеобщее распространеніе спиртныхъ напитковъ. И послѣ этого принять, чтобы алкоголь не измѣнялся въ тѣлѣ человѣка? Теорія была слишкомъ увлекательна, чтобы допустить такое рѣзкое противорѣчіе. И Либихъ, а за нимъ и цѣлая фаланга учениковъ его, руководствуясь теоретическими воззрѣніями и опытами сомнительной достовѣрности, считали алкоголь пропавшимъ, какъ только онъ переступалъ за Рубиконъ— застѣнки желудка. Къ несчастію, однакожъ, щеголеватой теоріи, явились скептики — Бухгеймъ, Перренъ и другіе, которые рѣшились присмотрѣться къ дѣлу собственными глазами, не доволь-

ствуясь авторитетомъ, царившимъ въ Гиссенѣ. Присмотрѣлись, и оказалось, что алкоголь выходитъ изъ тѣла *измѣненнымъ.* Опыты, произведенные г. Сѣченовымъ, привели къ тѣмъ же результатамъ. Между многими другими интересными заключеніями, выведенными ученымъ нашимъ докторомъ, весьма замѣчательно подтвержденіе другаго важнаго факта: что съ принятіемъ внутрь алкоголя *уменьшается количество углекислоты, выдыхаемой легкими.* Чтобы понять важность этого факта, необходимо вспомнить, что углекислота, образующаяся въ тѣлѣ, есть только продуктъ взаимнаго обмѣна между разносимыми въ крови по всему тѣлу питательными началами съ одной стороны, и отжившими свой періодъ существованія элементарными частицами организма съ другой стороны; такъ что количество образуемой въ организмѣ углекислоты прямо пропорціально дѣятельности этого обмѣна, а, слѣдовательно, и степени жизнедѣятельности, потому что послѣдняя обусловливается и выражается именно дѣятельностію этого біохимическаго обмѣна. И такъ, если отъ употребленія алкоголя уменьшается отдѣленіе углекислоты изъ тѣла, то это доказываетъ, что алкоголь дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на всѣ біохимическіе (жизненные химическіе) акты, которые совершаются въ организмѣ, и объясняетъ вредное вліяніе большихъ пріемовъ или продолжительнаго употребленія спирта. И много другихъ, не менѣе занимательныхъ и поразительныхъ выводовъ найдетъ читатель въ брошюрѣ г. Сѣченова, который, не вдаваясь ни въ какія теоріи, принимаетъ доказаннымъ только то, въ чемъ удостовѣряется собственными опытами надъ человѣческимъ организмомъ и животнымъ. Простота и ясность изложенія не оставляютъ и тѣни педантства на сочиненіи, которое, по оффиціальности своего назначенія, принадлежитъ къ категоріи сочиненій, по преимуществу педантическихъ. Явленіе исключительное въ этомъ отношеніи — книжка г. Сѣченова достигаетъ апогея своеобразности на послѣднихъ двухъ страницахъ, на которыхъ авторъ рѣшается на рѣдкое нововведеніе — произнести судъ надъ собственнымъ трудомъ своимъ, оправдывая этотъ подвигъ тѣмъ, что тутъ лежитъ основою истина, а не лицемѣрная скромность или слѣпая любовь къ собственнымъ подвигамъ. Мы увѣрены, что прочитавшіе брошюру охотно согласятся поквитаться съ авторомъ, за доставленное имъ удовольствіе, принятіемъ оправданія его; но при всемъ томъ мы жалѣемъ, что авторъ рѣшился на такое самоуправство въ собственномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что не было ни малѣйшей не-

обходимости въ такомъ извращеніи права. Вычисляя достоинства собственнаго своего сочиненія, авторъ не приноситъ пользы ни себѣ, ни читателю. Не постыдятся, не усовѣстятся похвалами этими недоброжелатели г. Сѣченова; не убѣдятся ими невкусившіе еще яблока познанія, и не увлекутся ими знатоки дѣла, но, напротивъ того, расположеніе ихъ къ автору, вызванное неотъемлемыми достоинствами диссертаціи его, безъ сомнѣнія охладится самовосхваленіемъ автора. И за кого считаетъ ихъ г. Сѣченовъ, если онъ нашелъ необходимымъ указать имъ достоинства своей брошюры? Врожденное человѣку отвращеніе къ азбучнымъ и какого-бы тамъ ни было инаго рода указкамъ, можетъ легко отразиться и на сочувствіи къ нему собратій по наукѣ, а между тѣмъ невѣроятно, чтобы авторъ не дорожилъ этимъ сочувствіемъ. Есть правда изреченіе, и чуть-ли не арабское, что тотъ, «кто чувствуетъ цѣну себѣ — стоитъ цѣны», — однакожъ шаткость этаго хвастливаго девиза наѣздника пустыни слишкомъ очевидна, чтобы доказывать ее. Нельзя, конечно, не радоваться, что этотъ восточный афоризмъ сполна оправдался на г. Сѣченовѣ, но нельзя, въ тоже время и не пожалѣть, что авторъ не предоставилъ самому читателю согласиться съ убѣжденіями его и признать, что, дѣйствительно, сочиненіе г. Сѣченова пополняетъ одинъ изъ пробѣловъ въ медицинской литературѣ, разсматривая явленія опьяненія въ ихъ естественной связи и послѣдовательности, и придавая имъ тамъ, гдѣ можно, физіологическій смыслъ, указывая пробѣлы въ изслѣдованіяхъ и открывая пути новымъ; что, сверхъ того, въ немъ, т. е. въ сочиненіи г. Сѣченова, на основаніи собственныхъ изслѣдованій автора, установлено нѣсколько спорныхъ капитальныхъ вопросовъ, устранены два, три физіологическихъ грѣшка новыхъ авторовъ и, наконецъ, открыто нѣсколько новыхъ фактовъ, не лишенныхъ, вѣроятно, въ будущности, значенія въ разъясненіи сущности опьяненія». — Можетъ быть и правда, но правда и то, что если существуетъ неприменимый къ труду г. Сѣченова эпиграфъ, такъ это — *смиреніе паче гордости*.

Опытное ученіе о золотушныхъ и бугорчатыхъ болѣзняхъ, Лебера, члена разныхъ ученыхъ обществъ. Соч., удостоенное преміи парижской медицинской академіи. По порученію Военно-Медицинскаго Департамента, перевелъ съ французскаго Докторъ Г. Малчъ. Санктпетербургъ 1860. Въ 8-ую дол. л. стр. XX и 963.

Есть вопросы, въ разъясненіи которыхъ наука, достигая нѣкоторыхъ успѣховъ, попадаетъ потомъ на преграды, повидимому, непреодолимыя и, чтобы не изнемочь въ борьбѣ съ послѣдними, оставляетъ на время щекотливую тему и переходитъ на другія тропинки, ведущія ее, словно радіусы, къ уразумѣнію главной центральной истины, предпоставленной всей ея сферѣ. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ и вопросъ о сущности бугорка и леченіи организма, подпавшаго его вліянію. Вотъ почему, — не смотря на десятокъ слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, когда Леберъ написалъ свое сочиненіе и удостоился преміи Портала за самое удовлетворительное рѣшеніе вопроса «о сходствѣ и различіи между золотухою и бугоркомъ»,— переводъ этой книги не принадлежитъ къ числу анахронизмовъ, а, напротивъ того, вызываетъ чувство благодарности.... Да не подумаетъ читатель нашей рецензіи, что тутъ дѣло идетъ *единственно* о рѣшеніи вопросовъ, — что такое бугорокъ и, есть ли или нѣтъ сходство или различіе, и въ чемъ именно, между золотушнымъ продуктомъ и бугоркомъ? Если бы авторъ ограничился только категорическимъ отвѣтомъ на эти вопросы, то громадность его книги скорѣе обратилась бы въ осужденіе ему, чѣмъ въ похвалу; «нѣсть бо спасенія во многоглаголаніи» тѣмъ болѣе, что и самое рѣшеніе перваго вопроса только проблематическое, допуская предположеніе, что элементарный *бугорокъ есть только недоразвитая органическая ячейка, развитіе которой было задержано ненормальною плотностью, сгущеніемъ окружающей ее маточной среды (blastema);* а рѣшеніе втораго вопроса, отрицательное относительно существованія особеннаго золотушнаго вещества, и положительное относительно различія между послѣднимъ и туберкуломъ, патологическою элементарною тканью, умѣщается у автора всего на сотнѣ страницъ. Изслѣдованіе того и другаго вопроса занимаетъ 132 страницы, составляющихъ первую часть сочиненія. Во второй читатель получаетъ, подъ рубрикою семи главъ, семь пространныхъ монографій, разсматривающихъ бугорчатыя и золотушныя болѣзни, съ патологической и терапевтической точки зрѣнія, по мѣсту ихъ развитія: 1) въ наружныхъ железахъ, 2) въ кожѣ, 3) въ подкожной клѣтчаткѣ, 4) въ органахъ чувствъ, 5) въ сочлененіяхъ, 6) въ костяхъ и 7) во внутреннихъ органахъ. Каждая монографія, поясняя патологію и терапію довольно удовлетворительными исторіями болѣзней, обнимаетъ предметъ съ изумительною полнотою и оканчивается сводомъ представленныхъ ею достовѣрныхъ данныхъ.

Хотя, при всемъ желаніи и обѣщаніи автора избѣгать всякихъ умозрѣній и теорій, въ сочиненіи его проглядываютъ или слишкомъ скороспѣлыя или через-чуръ одностороннія сужденія, которыя едва ли встрѣтятъ сочувствіе въ массѣ практикующихъ врачей, однакожъ, тѣмъ не менѣе переводъ этой книги на русскій языкъ—явленіе весьма утѣшительное. Нельзя не замѣтить, что авторъ впадаетъ, мѣстами и даже довольно часто, въ повторенія, неизбѣжныя впрочемъ при избранномъ имъ порядкѣ изложенія предмета. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что, по-мимо исключенія всѣхъ этихъ повтореній, можно было бы еще болѣе сократить громадную книгу, выпустивъ изъ нея множество излишнихъ подробностей, сообщаемыхъ авторомъ, через-чуръ сообщительнымъ. Но такъ какъ всѣ эти, впрочемъ извинительные, недостатки не могутъ быть поставлены въ укоръ г. переводчику, то намъ остается сказать, что трудъ г. Малича выполненъ добросовѣстно; рѣчь его русская, довольно свободная. Проскакиваютъ, правда, у него мѣстами идіотизмы; но какъ уберечься отъ нихъ на 963 страницахъ убористой печати? Короче сказать, книга хороша сама по себѣ, а не потому что она увѣнчана преміей Портала и не пототу что она переведена при посредствѣ нашей медицинской администраціи, распорядившейся переводомъ ея именно потому, что книга хороша.

Книга природы или энциклопедія естественныхъ наукъ содержащая популярное изложеніе физики, астрономіи, химіи, минералогіи, геологіи, физіологіи, ботаники и зоологіи. Посвящается всѣмъ любителямъ естественныхъ наукъ, преимущественно гимназіямъ, реальнымъ и высшимъ училищамъ Док. *Фридрихомъ Шодлеромъ*, учителемъ естественныхъ наукъ въ Вормской гимназіи, бывшимъ ассистентомъ при химической лабораторіи въ Гиссенѣ. Съ 400 политипажей, литографированной картой звѣзднаго неба и раскрашенной геологической таблицей. Переводъ съ десятаго нѣмецкаго изданія *И. Д. Панова*, съ многими измѣненіями и дополненіями, преимущественно относящимися къ *Россіи*. Москва. Въ 8-ую д. л. Часть 1-я, 1855 г. Стр. XI, 685 и XXV. Часть II-я, 1860 г., стр. 407. Цѣна второй части 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Первая часть этой литературной толщи вышла въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ, въ 1855 г., съ обѣщаніемъ г. переводчика представить вторую въ *непродолжительное время*. По какимъ именно причинамъ вторая часть появилась только теперь, въ 1860 г.,

г. переводчикъ не объясняетъ, и если мы обращаемъ вниманіе на эту задержку, то потому только, что она возбуждаетъ другой, болѣе важный вопросъ: нужно ли было вообще приступать къ переводу второй части сочиненія Шодлера, котораго первая часть содержитъ въ себѣ физику (209 стр.), астрономію (114 стр.) и химію (363 стр.), а второй, лежащій теперь передъ нами, томъ: минералогію съ геогнозеію (129 стр.), ботанику (100 стр.) и зоологію (146 стран.). Втеченіе пятилѣтія, раздѣляющаго изданіе первой части отъ выхода въ свѣтъ второй, многое измѣнилось въ литературѣ и нашей отечественной, и заграничной. Измѣнились воззрѣнія педагоговъ, измѣнились требованія публики относительно методы преподаванія; явилось множество популярно изложенныхъ руководствъ по предметамъ естественныхъ наукъ, занявшихъ видное мѣсто въ программѣ народнаго образованія. Само собою разумѣется, что въ виду этого литературнаго *embarras de richesse* публика можетъ быть взыскательнѣе, требовательнѣе ко второй части энциклопедіи Шодлера, чѣмъ къ первой; тѣмъ болѣе, что пятилѣтіе, чтобы тамъ ни говорилъ себѣ г. переводчикъ, срокъ достаточный, чтобы поставить вторую часть дѣйствительно въ уровень съ настоящимъ состояніемъ популярной литературы. Рецензія первой части принадлежитъ прошедшему; мы займемся второю, предполагая, что конецъ вѣнчаетъ дѣло. *Ende gut — alles gut.*

Начнемъ съ того, что въ этой книгѣ, какъ учебникѣ минералогіи, ботаники и зоологіи, эти три предмета разработаны весьма неравномѣрно, и неравномѣрность эта въ высшей степени нелогична. Посвятивъ не болѣе 22 страницъ общему обозрѣнію минераловъ, авторъ переходитъ къ частному описанію ихъ на *ста* страницахъ, между тѣмъ какъ у него общій отдѣлъ ботаники занимаетъ 97 стр., а частный только 32 стр. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ совершенно правъ, вошедши въ болѣе подробное изложеніе физiологическаго отдѣла ботаники и морфологіи растеній, въ томъ вѣроятно предположеніи, что тутъ впервые раскрываются учащемуся явленія жизни въ болѣе доступной разумѣнію формѣ и предметъ ближе касается обыденной жизни, чѣмъ минералогія. Подробное изложеніе физіологіи растеній было тѣмъ болѣе необходимо, что имъ подготовлялся переходъ къ высшему порядку сложныхъ явленій животной жизни. Все это такъ, но эти же данныя, оправдывающія болѣе подробное изложеніе общаго отдѣла ботаники, осуждаютъ автора за непонятное, не-

померное сокращеніе отдѣла частнаго описанія растеній, сжатаго до такой степени, что описаніе это приводится рѣшительно къ нулю, и посвященныя ему 32 страницы совершенно безполезны учащемуся и могли бы быть выкинуты изъ учебника; на этихъ жалкихъ двухъ печатныхъ листахъ авторъ перечисляетъ многочисленныя семейства растеній, не характеризуя ихъ присущими имъ общими признаками и, очевидно, нисколько не думая о томъ, къ чему бы могъ послужить читателю этотъ безжизненный перечень, въ которомъ, подъ рубрикою каждаго семейства, точно также безцѣльно перечисляются главнѣйшіе роды растеній поименно, но безъ малѣйшаго обозначенія ботанической ихъ характеристики, за исключеніемъ только двухъ растеній — омега и собачьей петрушки; да и тутъ упоминается, въ трехъ или четырехъ строчкахъ только о раздѣльности листа и покровахъ зонтика. Не странно ли видѣть, что предметы, практическое изученіе которыхъ гораздо доступнѣе минералогіи, остаются почти незнакомыми учащемуся, съ научной точки зрѣнія, между тѣмъ какъ минералы, рѣдко подпадающіе вниманію его, и еще рѣже представляющіеся ему въ естественномъ ихъ видѣ, описаны съ необыкновенною, относительною подробностію? Гдѣ увидитъ учащійся тяжеловѣсный шпатъ или баритъ, апатитъ, магнезитъ, хіастолитъ и сотню другихъ неорганическихъ формъ? Къ чему ему, въ такомъ случаѣ, знать степень ихъ плотности, удѣльный вѣсъ, изломъ, кристаллическую форму и прочіе признаки, тогда какъ онъ не въ состояніи будетъ, усвоивши себѣ всю энциклопедію Шодлера, опредѣлить ни одной изъ безчисленныхъ формъ растительной жизни, на каждомъ шагу представляющихся глазамъ его или попираемыхъ его ногами? Переводчикъ предупреждаетъ читателя, въ предисловіи своемъ къ первой части, что «описаніе родовыхъ признаковъ растеній у животныхъ не могло *взойдти* (?) въ составъ этой книги», но почему-же, если въ книгу могло *взойдти* описаніе минераловъ? Переводчикъ, какъ видно, не предложилъ себѣ этого вопроса, иначе онъ втеченіи пяти лѣтъ, вѣроятно, разрѣшилъ-бы его въ пользу ботаники. Онъ не остался бы при своемъ приглашеніи читателя — обратиться къ другимъ спеціальнымъ изданіямъ, забывая, что въ такомъ случаѣ энциклопедія его уже не энциклопедія, и что *«книга природы»*, — къ которой необходимо пріобщить: руководство по физикѣ, въ родѣ Писаревскаго; дѣльную руководящую химію, въ родѣ учебника Штеккерта; по части ботаники — «картины растительности» Мазіуса; по част

зоологіи—сочиненіе Мазіуса *)—становится уже излишнимъ балластомъ. Таже несоразмѣрность поражаетъ читателя и въ отдѣлѣ зоологіи, общему изложенію которой, анатоміи и физіологіи, посвящено 70 страницъ, что весьма справедливо, относительно общаго отдѣла минералогіи, но мало, если вспомнимъ, что этотъ отдѣлъ занимаетъ въ ботаникѣ 97 страницъ. Въ частномъ описаніи животныхъ та же несообразность, что и въ частной ботаникѣ. Нигдѣ не обращено вниманія на характеристическія отличія даже самыхъ интересныхъ животныхъ, а тамъ, гдѣ авторъ рѣшается подарить читателя такою роскошью, онъ объясняется устами г. переводчика. Беремъ на выдержку слѣдующій примѣръ: а) *Различаютъ двѣ породы слоновъ: Азіатскій слонъ, который гораздо больше* (чего или кого?), *умнѣе* (кого?) *и имѣетъ короткія уши, и Африканскій, отличающійся кромѣ того* (т. е., кромѣ того, что онъ больше, умнѣе и имѣетъ короткія уши) *выпуклымъ лбомъ и живущіе (!) стадами слоны въ влажныхъ лѣсахъ Азіи и Африки».* И такъ азіатскій слонъ умнѣе и больше африканскаго, и, наоборотъ, второй умнѣе и больше перваго; у обоихъ короткія уши; за кѣмъ-же, г. переводчикъ, остались длинныя уши?—Читаемъ далѣе, на той-же 342-й стр: «Бегемотъ (Hyppopotamus), *живущій только въ водѣ и грязныхъ мѣстахъ* (?) *жаркой Африки и только по своимъ короткимъ ногамъ можетъ быть сравниваемъ съ лошадью».* И такъ, изъ этой великолѣпной характеристики слѣдуетъ, что нѣкоторыя мѣста у Африки грязны, и что лошадь отличается короткими ногами! Въ энциклопедіи Шодлера природа представляется учащемуся только умозрительно; ознакомившись кое-какъ съ явленіями органической жизни, ученикъ нисколько не сближается съ нею, потому-что представители ея, и именно тѣ формы, которыя преимущественно предъ прочими напрашиваются на особенное вниманіе человѣка, міръ растительный, остаются ему чужими, мертвыми буквами, не имѣя для него ни имени, ни значенія. Занимательнѣйшій отдѣлъ зоологіи, нравы животныхъ, даже вовсе не затронутъ ни авторомъ, ни переводчикомъ, дополнившимъ автора. Изложеніе, сплошь сухое и безжизненное, отличается сверхъ того неточностію, неопредѣлительностію въ объясненіи терминовъ; недостатокъ, весьма непростительный во всякомъ учебникѣ, и замѣчательный въ переводѣ такой книги, за достоинство которой ру-

*) См. Русское Слово, сентябрь, библіогр. стр. 55—59.

чается гиссенская знаменитость. Въ доказательство приводимъ примѣры, опять на выдержку, но, на этотъ разъ, изъ минералогіи. Стр. 10-я: *«если въ минералѣ или камнѣ нельзя разсмотрѣть кристаллообразнаго расположенія частицъ, то его называютъ плотнымъ»* (?). Такъ ли, г. переводчикъ? *«Кристальными друзами (щетками) называются промежутки нѣкоторыхъ каменныхъ массъ, наполненныхъ группою мелкихъ кристалловъ»*. Итакъ, по мнѣнію г. переводчика щетка (въ смыслѣ минералогическомъ)— промежутокъ! Читаемъ дальше. Стр. 19-ая: «*прибавленіе* (!) *соды или буры къ паяльной пробѣ называется флюсомъ*» (!), то-есть, *актъ прибавленія сплава* къ пробѣ переводчикъ называетъ *флюсомъ;* любопытно-бы знать, какъ называется по его мнѣнію *самый сплавъ?* Развертываемъ еще разъ книгу, на удачу, попадаемъ на стр. 22-ю и читаемъ *опредѣленіе минерала*: «Собственно минераломъ называется тотъ, который по химическимъ составнымъ частямъ и свойствамъ представляется *какъ нѣчто особенное*» (!). Мы считаемъ эти выписки достаточнымъ доказательствомъ справедливости нашего приговора надъ книгою, которая заглавіемъ своимъ обѣщаетъ такъ много. Если хотите, въ ней дѣйствительно много матеріала, и изложеніе доступнѣе, нежели въ какой-нибудь ботаникѣ Диппеля, исковерканной г. Цабелемъ; но вся эта масса матеріала такъ безжизненна, что не только не возбудитъ въ учащихся любви къ предмету, но съ перваго же приступа въ состояніи убить въ немъ всякую охоту къ занятію естественными науками. Книга переведена съ десятаго изданія, что говоритъ, повидимому, за достоинство ея. Но, во-первыхъ, мы, Русскіе, вовсе не такіе рьяные любители энциклопедій, какими съ давнихъ временъ извѣстны сосѣди наши — Нѣмцы; во-вторыхъ, мы, Русскіе, не имѣемъ счастія читать энциклопедію Шодлера въ оригиналѣ, но читаемъ ее, къ несчастію, въ переводѣ г. Панова; въ-третьихъ, если гдѣ педантизмъ нашелъ себѣ теплый уголокъ, такъ это опять же у нашихъ сосѣдей — Нѣмцевъ. Прибавьте ко всему этому авторитетъ Либиха, у котораго г. Шодлеръ былъ ассистентомъ въ гиссенской лабораторіи, и вы объясните себѣ, читатель, успѣхъ энциклопедіи, помимо дѣйствительныхъ ея достоинствъ. Оставалось бы узнать, что побудило знаменитаго ученаго, спеціалиста по химіи, снабдить сочиненіе г. Шодлера блестящимъ аттестатомъ, въ которомъ книга г. ассистента названа *лучшимъ учебникомъ естественныхъ наукъ?* Мы готовились было пуститься въ подробное изложеніе неосновательности мнѣнія знаменитаго ученаго, какъ вдругъ въ углу

нашего кабинета, въ ворохѣ бумагъ, что-то зашевелилось и тоненькій голосокъ пропищалъ намъ:

.....Молчи; все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.

Что-жъ? можетъ быть и такъ, читатели?

Естественная исторія для юношества. Изданіе Кораблева и Сирякова. Царство пернатыхъ. Съ 183-мя рисунками. Санктпетербургъ. 1860. Въ 8-ю д. л. стр. II и 593.

До-сихъ-поръ, многія книги, выходившія изъ рукъ нѣкоторыхъ гг. издателей, до такой степени отличались крайнею добросовѣстностью и совершеннымъ пониманіемъ потребностей образованнаго общества, что мы почти привыкли, не безъ основанія, считать за ранѣе книгу хорошею, какъ скоро на оберткѣ ея значилось, что она принадлежитъ къ числу изданій извѣстнаго намъ книгопродавца. Какъ ни неосновательна въ наше время слѣпая довѣренность къ чему-бы-то ни было, хотя бы даже основанная на опытѣ прошедшаго, однакожъ несмотря на привитую и привившуюся намъ привычку полагаться только на личное удостовѣреніе въ дѣлахъ литературныхъ, — привычку, которою мы особенно обязаны соединеннымъ усиліямъ нѣкоторыхъ изъ гг. сотрудниковъ бывшаго торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова, — мы должны признаться въ нашей слабости. Мы признаемся въ томъ предубѣжденіи въ пользу изданій нѣкоторыхъ изъ гг. книгопродавцевъ, которое мы напрасно думаемъ искоренить въ себѣ и которое съ появленіемъ каждой новой книги этихъ гг. издателей еще сильнѣе укореняется въ насъ. Къ этому всегласному признанію нашей слабости привело насъ лежащее передъ нами въ эту минуту изданіе «*Царство пернатыхъ*», которое составляетъ продолженіе изданной въ 1849 г. «*Естественной исторіи для юношества*», заключающей въ себѣ отдѣлъ млекопитающихъ животныхъ. Скромное предисловіе гг. издателей говоритъ, что книга издана не съ ученою и не съ учебною цѣлью, но съ тою только, чтобы ознакомить юношество съ разнообразіемъ и богатствомъ всѣхъ родовъ животныхъ, населяющихъ міръ. Издатели сами отрицаютъ у книги строго-научный характеръ, и предостерегаютъ читателя, что онъ не найдетъ въ ней подробнаго аналитическаго описанія строенія

птицъ и физіологіи ихъ. Они обѣщаютъ только общепонятное, доступное юношескому возрасту изложеніе, въ послѣдовательномъ порядкѣ, по системѣ Кювье, существенной характеристики пернатыхъ, съ описаніемъ ихъ нравовъ, образа жизни и привычекъ.

Коротко и ясно. Затѣмъ рецензенту остается сказать, въ какой степени книга оправдываетъ обѣщанія гг. издателей. Скажемъ прямо; мы желали-бы болѣе пространнаго изложенія общаго отдѣла, болѣе жизни въ этомъ общемъ очеркѣ созданій, преимущественно предъ прочими, трепещущихъ жизнью. Но гг. издатели могутъ отвѣчать намъ, что на всякое чиханье не наздравствуешься, и были-бы совершенно правы. Мы могли-бы посѣтовать, что въ этой книгѣ шестиклассная система Кювье предпочтена новѣйшей, восьмиклассной классификаціи Грея, которая кажется раціональнѣе. Не странно-ли, напримѣръ, видѣть, что въ классѣ или порядкѣ голенастыхъ птицъ, въ которомъ «соединены птицы, живущія болѣе или менѣе на водѣ или вблизи воды (стр. 430), помѣщено семейство *короткокрылыхъ*, строусовъ и казуаровъ, которые «*водятся въ мѣстахъ сухихъ и пустынныхъ*» (стр. 433), отличаясь отъ всѣхъ прочихъ родовъ и порядковъ многими другими рѣзкими характеристическими чертами. Грей возвелъ это семейство на степень порядка, составляющаго переходную форму между голенастыми и порядкомъ лапчатоногихъ птицъ. Но гг. издатели могли-бы назвать наше сѣтованіе придиркою, тѣмъ болѣе, что помимо упомянутой нами разницы система Грея отличается отъ классификаціи Кювье еще только тѣмъ, что въ ней семейство голубиныхъ родовъ отдѣлено отъ куриныхъ и возведено также на степень порядка или класса. Затѣмъ, намъ не остается ни малѣйшаго повода къ какому бы то нибыло порицающему замѣчанію. Въ систематическомъ порядкѣ, длинною вереницею проходятъ передъ глазами читателя замѣчательнѣйшіе представители пернатаго царства. Краткая, но вѣрная характеристика указываетъ каждому изъ нихъ его мѣсто. Отдавъ эту необходимую дань чисто-научной сторонѣ предмета, книга рисуетъ читателю коротко, но картинно и вѣрно, обыденную жизнь птицы въ естественной ея обстановкѣ. При этомъ описаніи обращено особое вниманіе на породы, принадлежащія русской формѣ и, что чрезвычайно важно, соблюдена строгая соразмѣрность въ подробностяхъ. Прекрасные, многочисленные рисунки, приложенные къ книгѣ, хотя и не иллюминованы, какъ нельзя лучше дополняютъ текстъ, поясняя характеристическія

научныя отличія изображаемыхъ ими породъ и видовъ. Мы желали-бы побольше увлеченія, болѣе живописности въ описаніяхъ, той увлекающей теплоты разсказа которая мѣстами поражаетъ читателя въ «зоологіи Мазіуса» *), но за то читатель, сдерживаемый нѣсколько строгимъ тономъ разсказа въ разбираемой нами книгѣ, обратитъ вѣроятно нѣсколько болѣе вниманія на научный отдѣлъ, едва-ли не совершенно ускользающій изъ виду при чтеніи Мазіуса, тѣмъ болѣе, что и рисунки въ книгѣ послѣдняго далеко отстаютъ въ научномъ отношеніи отъ рисунковъ разбираемой нами книги, нисходя мѣстами на степень виньетокъ. Какъ-бы то ни было, эти двѣ книги могутъ служить, по нашему мнѣнію, прекраснымъ дополненіемъ одна другой. Намъ остается сказать, что гг. издатели слишкомъ скромны, назначая книгу исключительно юношеству. Есть у насъ въ провинціяхъ господа, далеко не юноши, которымъ она доставила-бы пріятное и полезное развлеченіе, если-бы они въ состояніи были пожелать, чтобы ихъ рыцарскія наслажденія природою получили болѣе человѣчное назначеніе и значеніе.

Курсъ элементарной общей химіи, составленный *А. Кагуромъ*, экзаменаторомъ по химіи при выходѣ воспитанниковъ изъ императорской политехнической школы, пробиреромъ на монетномъ дворѣ въ Парижѣ, кавалеромъ ордена почетнаго Легіона, членомъ филоматическаго Общества Руанской Академіи Наукъ и проч. Переведенъ и изданъ подъ редакціею *П. Ильина*. Со многими политипажами въ текстѣ. Санктпетербургъ. 1860. Въ 8-ую долю. Часть первая. Отдѣленіе 1-е стр. VI и 367; отдѣленіе II-е, стр. 447. Цѣна 2 р. с., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Мы имѣемъ передъ собою первую часть сочиненія Кагура, заключающую въ себѣ неорганическую химію и подраздѣленную на два отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ описываются металлоиды и соединеніе ихъ, а во второмъ металлы, сплавы и соли ихъ. Распространяться о переводѣ мы считаемъ излишнимъ, потому что книга переведена подъ редакцію г. Ильина, къ которому, по переводу втораго отдѣленія, присоединился г. Д. Аверкіевъ. Переводъ отличается обыкновенными достоинствами такой редакціи: плавностію и чистотою слога; точностію и ясностію

*) См. Русское Слово, сентябрь, библіогр. стр. 55—59.

переложенія. Самое сочиненіе Кагура, задуманное и исполненное по плану Дюма, само по себѣ прекрасный учебникъ химіи, въ которомъ, не смотря на всякое отсутствіе притязаній на популярность, предметъ изложенъ съ надлежащею ясностію и полнотою. Разумѣется, что эта полнота только относительная; она соотвѣтствуетъ цѣли автора представить всѣ законы химическаго соединенія тѣлъ, останавливаясь только на тѣхъ изъ нихъ съ большею подробностію, которыя имѣютъ нетолько научное значеніе, какъ вещественныя формулы извѣстнаго соотношенія тѣлъ, но получили особенное приложеніе въ общественномъ бытѣ. Мы считаемъ однакоже необходимымъ предупредить читателя, что курсъ Кагура, при всей ясности изложенія, хорошъ только какъ учебникъ, такъ что читатель, который захотѣлъ-бы пріобрѣсть эту книгу съ цѣлью заняться изученіемъ химіи безъ посредства руководителя, встрѣтилъ-бы съ первыхъ-же страницъ чрезвычайныя затрудненія. Этимъ обстоятельствомъ курсъ Кагура рѣзко отличается отъ незамѣнимаго до сихъ поръ и, вѣроятно, надолго, руководства Штиккерта, что, разумѣется, не можетъ быть поставлено въ укоръ Кагуру, потому что, какъ мы уже сказали, назначеніе его сочиненія совершенно другое. Изданіе щеголевато. Рецензіей этой части, которой первое отдѣленіе появилось въ 1859 г., а второе въ 1860 г., и составляющей что-то въ родѣ лебединой пѣсни гг. компаніоновъ бывшаго торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова, мы кончаемъ нашу бесѣду съ этими достойными ревнителями отечественнаго просвѣщенія. Мы постоянно принимали трудъ обращать ихъ вниманіе на хорошія и темныя стороны ихъ предпріятій; указывали имъ на ошибки, неизбѣжныя при тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, которыхъ достигла ихъ дѣятельность, вызванная настоятельною потребностію русскаго общества. Мы громили словомъ правды спекулятивное соучастіе въ этомъ дѣлѣ людей, по недосмотру безъ сомнѣнія попавшихъ въ кругъ достойныхъ исполнителей прекрасно задуманнаго плана. Мы судили по крайнему нашему разумѣнію, судили безпристрастно; мы приводимъ въ подтвержденіе нашихъ приговоровъ доказательства, которыя мы заимствовали каждый разъ изъ самой книги, осуждаемой нами, не признавая за собою права абсолютнаго непогрѣшимаго суда. Намъ не отвѣчали на рецензіи наши; но, хотя молчаніе имѣетъ двусмысленное значеніе и точно также можетъ быть выраженіемъ согласія, какъ и доказательствомъ пренебреженія; однакоже, мы считаемъ себя въ правѣ придать этому молчанію именно первое значеніе, къ чести гг. компаніоновъ. Мы

основываемъ это лестное для рецензента заключеніе именно на томъ неоспоримомъ фактѣ, что гг. редакторы-сотрудники торговаго дома, признанные нами, на основаніи ихъ собственныхъ трудовъ, несостоятельными—съ минуты произнесенія надъ ними гласнаго приговора, не появлялись болѣе на чуждомъ имъ поприщѣ и, вѣроятно, совершенно сошли со сцены. Мы убѣждены, что отступленіе такихъ господъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ ручательствъ за успѣхъ будущихъ предпріятій гг. компаніоновъ, основавшихъ товарищество «общественная польза», о дѣйствіяхъ котораго мы безъ сомнѣнія будемъ имѣть скоро случай и удовольствіе побесѣдовать съ читателями Русскаго Слова.

Картина растительности. Для чтенія взрослыхъ дѣтей. Изъ сочиненія *Германа Мазіуса «Naturstudien»*. Переводъ *Ф. Резенера*. Санктпетербургъ. 1861. Въ 8-ую долю. Стр. 121.

Чудесная книга передъ нами, читатель, отъ которой не отказался-бы и величайшій, краснорѣчивѣйшій пѣвецъ красотъ и законовъ природы — Гумбольдтъ. Цѣль автора возбудить въ дѣтяхъ впечатлительность къ красотѣ природы. И цѣль эта будетъ достигнута чтеніемъ книги, если только извращенное воспитаніе, педагогическая провинціальная розга не порвали, въ душѣ юнаго читателя, лучшей душевной струны его, отзывающейся всему прекрасному и изящному. Заговоритъ это чувство, заглохшее, можетъ быть, въ треволненіяхъ городской жизни, и въ васъ, читатель, если только вы возметесь за книгу, не смущаясь неумѣстною по нашему мнѣнію оговоркою гг. издателей что книга эта назначается для взрослыхъ дѣтей. Берітесь за книгу, и вы не оторветесь отъ волшебныхъ страницъ, рисующихъ картины родной вамъ сѣверной природы. Ведетъ-ли васъ авторъ на лугъ, на этотъ коверъ, въ который природа вплетаетъ самые богатые цвѣточные арабески, вамъ такъ и видится великолѣпная картина заката солнца подъ равниною. Потокъ сумрачнаго свѣта течетъ по дремлющимъ стебелькамъ; красныя метелки щавеля дрожатъ, облитыя багрянцемъ; воздушные колоски лоснятся золотою пылью; солнце закатилось большимъ пылающимъ кругомъ, и съ земли поднимается таинственный бѣлый паръ, а изъ сумрачной синевы долетаетъ послѣдняя пѣснь жаворонка. Вы покидаете плодоносную равнину; луга тощаютъ; почва песчанѣетъ и становится волнистой: древесная растительность ограничивается березой и осиной и тѣмъ предвѣщаетъ *верещагъ*, уже

высылающій къ намъ отдѣльныя полосы. Наконецъ исчезаютъ жилища, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряется тропинка, и послѣ часовой ходьбы по поросшимъ осокой и цминомъ (иммортелями) холмамъ, вы среди верещага. Вездѣ тѣ же пустынные холмы, тотъ-же бурый цвѣтъ, тоже печальное молчаніе. Все какъ-бы вымерло, напоминаетъ мумію. Самая растительность, которая съ непреодолимымъ упорствомъ подчинила себѣ страну, состоитъ изъ какихъ-то призраковъ, которыхъ не оживляетъ своимъ прикосновеніемъ ни одно время года. Непрерывная, покрытая сѣрокоричневыми вѣтвями вереска, равнина кажется морскимъ дномъ, внезапно поднятымъ съ коренившеюся въ немъ водорослью, изсохшею подъ непривычными ей лучами солнца; она представляетъ картину охладѣвшей души, подавившей въ себѣ всякую жизнь. Но верещагъ дѣйствуетъ на насъ нетолько своею пустынностію и обмираніемъ; къ возбуждаемой имъ непріятной робости, примѣшивается какая-то тайная прелесть—прелесть дикой природы. Да, и эта спаленная солнцемъ, истощавшая равнина привлекаетъ потому что и она свободная природа. Вы вступили въ лѣсъ — смотрите или припоминайте, и повѣряйте. Бархатная мурава перемежается поросшими мхомъ валунами. Дорога то ползетъ вверхъ, то спускается, ведя сквозь темныя ниши, мимо облитыхъ солнечнымъ свѣтомъ полянъ. То перебѣжитъ по ней, извиваясь, красивая ящерица, то мелькаетъ орѣшковая мышь и, испугавшись, исчезнетъ между корней. А направо и налѣво, между стволами и вѣтвями, волнуется бездонное море зелени. Тамъ стоятъ, какъ будто схватившись для борьбы, богатыри дубы; береза покачиваетъ облитой солнечными лучами вершиной; кленъ и букъ развернули свои вѣеры; благоухая возвышается жимолость каприфолія. Высоко, на вѣткѣ, качается бѣлка. Вотъ она, вперивъ умные глазки, прислушивается; вы видите скачекъ, слышите свистъ—и нѣтъ ея, только качаются вѣтви. Въ сторонѣ воды игриво сверкаютъ и кипятъ въ сотнѣ желобовъ. Издали названиваютъ стада. Окружающее спутывается плотнѣе и прелестнѣе. Сквозь зеленую рѣшетку прорываются серебристые лучи, вездѣ стоитъ нѣжное благоуханіе. Все отливается разными цвѣтами, дышетъ, волнуется и снова замираетъ, какъ подъ вліяніемъ чары. Даже бабочка сидитъ неподвижно на вѣерѣ папоротника, и коршунъ какъ-бы заснулъ въ синевѣ неба...

Спѣшите насладиться природою. Наступаетъ осень. Уже небо заволакивается, и по цѣлымъ днямъ не срываетъ съ себя покрова. Оно похоже на глазъ съ набѣжавшей слезой, которая

при каждомъ взглядѣ можетъ скатиться. Чуть повѣетъ вѣтерокъ, и съ дерева, колеблясь, падаетъ листъ за листомъ; если и прорвется солнечный лучь, то обнаруживаетъ только новые признаки увяданія. Надъ лѣсомъ и равниной стоитъ рѣдкій туманъ, и вмѣстѣ съ нимъ отдѣляется, сопровождающій разложеніе растительности—сырой, осенній занахъ. Все обмираетъ, готовится къ зимнему сну или скрывается. Отлетѣли ласточка и жаворонокъ, исчезаютъ съ паствы стада; поспѣшнѣе свозятся съ поля оставшіяся на немъ копны. Подбирающая колосья бѣдная старуха, нищій мальчикъ съ вязкой хвороста — послѣдніе гости природы. Отъ былой роскоши остаются только покачиваемые вѣтромъ шесты и обнаженный отъ листвы и навѣвающій боязнь лѣсъ.

Rien n'est beau que la vrai.

Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ. А. Разина. Съ 107-ю политипажами въ текстѣ. Санктпетербургъ 1861. Въ 8-ю д. л. Стр. 379.

Сборникъ популярныхъ статей по различнымъ предметамъ, который можетъ доставить пріятное и полезное препровожденіе времени не только юношеству, но даже кое-кому изъ взрослыхъ представителей нашего образованнаго общества. Тутъ рѣчь идетъ объ астрономіи, кометахъ, планетахъ, громоотводахъ, термометрѣ, о слухѣ, алхиміи, живописи и свѣтописи, и проч., и проч. Большая часть статей весьма занимательна, рѣчь большею частію чистая русская. Судя по переплету, въ которомъ мы получили экземпляръ, разбираемой нами книги, она должна служить подаркомъ къ предстоящимъ праздникамъ; подарокъ пріятный и полезный. Но при всемъ желаніи нашемъ воздерживаться, гдѣ только можно, отъ порицанія, мы считаемъ неумѣстнымъ и вреднымъ молчать тамъ, гдѣ упущеніе со стороны автора или издателя могло бы отозваться вредомъ для читателя, вводя его въ заблужденіе, а для автора или издателя, потворствуя въ немъ той безпечности, которая бываетъ естественнымъ послѣдствіемъ ложнаго убѣжденія въ непогрѣшимости труда его или поддерживается въ авторѣ познаніемъ слабыхъ сторонъ собственнаго произведенія его. И чѣмъ обширнѣе сфера дѣятельности автора, тѣмъ требовательнѣе можетъ и долженъ быть рецензентъ во имя публики, интересы которой онъ сохраняетъ безпристрастнымъ отзывомъ, о достоинствахъ сочиненія. Онъ долженъ быть взыскательнѣе, какъ скоро дѣло идетъ о популярномъ изданіи,

которое, не вдаваясь въ доказательства приводимыхъ фактовъ, требуетъ и находитъ въ читателяхъ безусловную вѣру въ достовѣрность сообщаемыхъ данныхъ. Наконецъ, еще взыскательнѣе долженъ быть рецензентъ, когда такая книга выходитъ за подписью *педагога*. Кому, какъ не ему, педагогу, понимать необходимость крайней осмотрительности въ выборѣ и изложеніи фактовъ? А между тѣмъ, мы беремся и считаемъ нашимъ долгомъ, обвинить г. Разина именно въ этой неосмотрительности и, по обыкновенію нашему, не обвинять голословно, приведемъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, доказательство нашему мнѣнію или обвиненію.

Возмемъ, напримѣръ, статью «солнце и планеты», статью въ высшей степени занимательную. Мы находимъ въ ней, на стр. 27-ой, слѣдующую фразу: *всѣ тридцать пять планетъ, принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ, различны.* И такъ, по автору, у насъ, къ настоящей минутѣ или по-крайней-мѣрѣ втеченіе нынѣшняго года, считается всего 35 планетъ. Что это не описка и не опечатка доказывается и тѣмъ, что въ слѣдующей статьѣ «астероиды» (стр. 43-я) авторъ, предложивши вопросъ: «*сколько же ихъ наконецъ, этихъ астероидовъ»?* самъ отвѣчаетъ, что «въ одномъ 1852 году ихъ открыто восемь, а *теперь* уже ихъ всѣхъ 27». Слѣдовательно, всѣхъ планетъ по счету автора опять оказывается 35. — Потрудитесь заглянуть въ календарь на 1860 годъ, тамъ на стр. 73—74, помѣщены элементы пятидесяти шести астероидовъ, такъ, что слѣдуя календарю, приходится считать къ нынѣшнему году всего 64 планеты, т. е., 29-ью болѣе, нежели ихъ насчитываетъ г. Разинъ. Кому вѣрить, г. педагогу или академіи наукъ? Дѣло въ томъ, что г. Разинъ изволитъ разумѣть подъ словомъ *теперь* не 1861 годъ, выставленный на заглавномъ листѣ, его книги и даже не 1860-й, а 1853 (см. выноску на стр. 26-ой) годъ. Приготовляя книгу въ подарокъ къ 1861 году, г. педагогъ не принялъ труда повѣрить цифры и факты, изложенные въ статьѣ 1853 года; прочитай г. Разинъ статью свою хоть разъ, но со вниманіемъ, онъ безъ сомнѣнія исправилъ бы *ошибку* (!), тѣмъ болѣе замѣтную, что она выражена не цифрою, а цѣлою фразою, и притомъ не разъ, а дважды. Итакъ, это небрежность?

Заглянемъ въ другую статью «свѣтопись и живопись». Цѣль статьи — доказать, что живопись стоитъ неизмѣримо выше фотографіи и что послѣдней никогда не сравниться съ первою. На чемъ основываетъ г. педагогъ свое заключеніе? Потомъ, между

прочимъ, что свѣтописью достигается математически вѣрнѣе изображенiе предмета, достигается не только сходство, но тождество, и что именно потому, что сходство въ изображенiи имѣетъ высшее значенiе, нежели тождество (!), живопись, имѣющая цѣлью достигнуть не тождества съ предметомъ, но сходства, стоитъ (!) выше фотографiи. Г. Разинъ утверждаетъ, что *сходство и символъ — одно и то же* (стр. 354), забывая, что символъ на столько обращается въ сходство, на сколько воображенiе зрителя способно возсоздать это сходство, нашедши въ символѣ только исходную точку своей дѣятельности, и что, слѣдовательно, сходство, достигаемое изображенiемь символа, есть только результатъ, болѣе или менѣе искусившагося въ этомъ дѣлѣ мышленiя, но не заключается въ самомъ символѣ. Путемъ своеобразной логики своей, авторъ доходитъ до заключенiя, (стр. 355), что «*изображенiе въ наилучшемъ зеркалѣ гораздо менѣе похоже, чѣмъ хорошiй портретъ*» (стр. 355). Какъ доказать это? Очень просто. Если бы я начертилъ, говоритъ авторъ, при васъ, даже не очень хорошо, животное съ довольно тонкими ногами, съ толстымъ животомъ, съ тонкимъ хвостикомъ и парою длинныхъ, отвислыхъ ушей, вы сказали бы: это оселъ. Однакожъ, этотъ очеркъ никоимъ образомъ не подобенъ настоящему ослу, за то онъ такъ подобенъ тому понятiю, какое у насъ составилось объ ослѣ, что вы *тотчасъ вдругъ и вполнѣ* (*вспоминаете, воображаете*, *г. авторъ, но не видите*) настоящаго осла. Велите принести зеркало и сдѣлайте такъ, чтобы въ немъ отразился настоящiй оселъ, и въ зеркалѣ вы не скорѣе (!) и не полнѣе (!) узнаете его, нежели въ рисункѣ. Въ зеркалѣ онъ похожъ (*только похожъ, г. авторъ?*) такъ; но развѣ потому, что онъ подобенъ? Нисколько (*такъ почему же, г. Разинъ?*), потому что вотъ рисунокъ, который похожъ точно также (!?), а не подобенъ ему. — Авторъ забываетъ, повторяемъ, что оселъ въ виньеткѣ его настолько похожъ на настоящаго, насколько воображенiе способно дополнить потребности, недостающiя виньеткѣ, для уподобленiя ея настоящему ослу. Перенеситесь, г. Разинъ, воображенiемъ въ какое-нибудь училище; учителя нѣтъ въ классѣ; сидитъ себѣ одинъ изъ учениковъ передъ книгою и задумался. Подходитъ къ нему сзади одинъ изъ его товарищей, и приставляетъ къ обѣимъ сторонамъ его головы, торчма кверху, сложенныя въ складку полы своего сюртука; товарищи видятъ эту продѣлку и громкiй крикъ — оселъ, оселъ; выводитъ жертву изъ задумчивости ея. Слѣдуя логикѣ автора, ребенокъ съ приставленными къ вискамъ его, полами сюртука мучителя его,

такъ подобенъ въ этомъ случаѣ тому понятію, какое ученики имѣютъ о настоящемъ ослѣ, что они *тотчасъ же, вдругъ и вполнѣ* признали въ товарищѣ осла. Нарисуйте, г. Разинъ, любое животное съ длинными ушами, затушуйте все тѣло его такъ, чтобы нельзя было разобрать съ точностію очертаній его, и спросите учениковъ, что это за животное? Иной задумается, иной вамъ отвѣтитъ, что это оселъ; но не ясно ли, что тутъ не можетъ быть и рѣчи ни о тождествѣ, ни о сходствѣ, ни о подобіи? Все дѣло въ силѣ воображенія. И послѣ всего этого г. Разинъ, обращается къ здравому смыслу съ слѣдующею рѣчью: — Итакъ, о здравый смыслъ, не судите же съ такою самоувѣренностію, будто или отраженіе въ зеркалѣ болѣе подобно предмету, такъ ужъ оно и болѣе похоже; скорѣе согласитесь, что искусство того, кто сдѣлалъ очеркъ (*а искуство того, кто приставилъ товарищу ослиныя уши?*), гораздо могущественнѣе сходства, нежели всѣ удивительные и точнѣйшіе законы оптики. Пощадите оптику, г. Разинъ; вспомните, какому понятію уподобляетъ зритель сдѣланный вами очеркъ осла? какому понятію, г. Разинъ, если не именно тому, которое разъ навсегда составилось въ немъ сознаніемъ изображенія настоящаго осла, отразившагося на нервной сѣткѣ глаза, именно на основаніи точнѣйшихъ законовъ унижаемой вами оптики? Кажется, это ясно, но едва ли это будетъ ясно г. автору, который, надсмѣхаясь надъ здравымъ смысломъ, слѣдуетъ *своей логикѣ и своей физикѣ*, а на это мы опять приведемъ доказательства.

Воротимся къ первой статьѣ сборника «Небеса повѣдаютъ славу Божію». Тамъ на стр. 12-ой, авторъ, говоря объ лунѣ, задаетъ себѣ вопросъ, есть-ли жители на лунѣ или нѣтъ, и рѣшаетъ задачу тѣмъ, что такъ какъ на лунѣ нѣтъ ни воды, ни воздуха, необходимыхъ для всѣхъ земныхъ существъ, то на ней не можетъ быть ни жителей, ни животныхъ, напоминающихъ сколько нибудь своимъ видомъ тѣхъ, которыя водятся на землѣ. «Но кто знаетъ,» продолжаетъ онъ, «можетъ быть луна *населена существами въ формѣ звѣрковъ*, иногда гармонирующихъ между собою въ чудномъ хвалебномъ гимнѣ Творцу.» Вглядитесь въ эту фразу и сообразите, сколько тутъ безпощадныхъ ударовъ здравому смыслу и наукѣ. До сихъ поръ наука понимала звукъ какъ сознаніе впечатлѣнія, производимаго въ организмѣ на слуховые нервы сотрясеніемъ воздуха, такъ, что звукъ, не существуя въ природѣ, существуетъ только въ мозгѣ животнаго. Населяя луну звуками, авторъ признаетъ за ними самостоятельное

существованіе. — Если же понимать слова автора такъ, что луна населена не звуками, а существами, имѣющими форму звуовъ, т. е., сотрясеній воздуха, то какъ же было автору забыть, что безъ воздуха, котораго нѣтъ на лунѣ, не можетъ быть и звука; и что если на ней не можетъ быть ничего похожаго на земное существо, всегда обусловленное присутствіемъ воды и воздуха, то, слѣдуя той же логикѣ, на лунѣ не можетъ быть ничего похожаго на форму (и какъ и гдѣ подмѣтилъ эту форму г. авторъ?) звука, всегда обусловливаемаго присутствіемъ воздуха? Мы утверждали, что у автора своя физика и, какъ читатель теперь убѣдился, доказали это.

Заключенія автора несогласны съ здравымъ смысломъ, но это нисколько не затрудняетъ г. Разина. Объявивши рѣшительную отчаянную войну здравому смыслу, онъ утверждаетъ (стр. 355). что «*не всегда правъ и здравый смыслъ.*» Но если такъ, то чѣмъ же повѣряетъ г. авторъ правильность своихъ заключеній, какъ скоро онъ ищетъ этой повѣрки внѣ сферы дѣйствія здраваго смысла. И если, въ какомъ бы то ни было случаѣ, здравый смыслъ не правъ, то это уже не здравый смыслъ. Въ парадоксѣ, софизмѣ нѣтъ здраваго смысла. — Теперь только, когда мы кончаемъ нашу рецензію, мы замѣчаемъ, что сдѣлали непростительный промахъ, возражая автору, потому что какъ бы крѣпко мы не держались здраваго смысла, г. Разинъ можетъ возразить намъ, что здравый смыслъ можетъ быть не правъ. Предъ такимъ убѣжденіемъ всякое возраженіе безсильно.

Эпилогъ. Прощай бѣдная наука логика! Къ своимъ ты приходила и свои тебя не узнали. Но не сердись. Какъ же было узнать тебя? Вѣдь ты была одѣта не по-свойски.

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Histoire de la maison de Savoie par M-me la princesse Christine Trivulce de Belgiojoso. Paris. 1860. Un vol. (Исторія савойскаго дома, княгини Бельджойзо.)

Современныя событія въ Италіи выдвинули Піемонтъ на первое мѣсто; они составили ему такую роль, какой не играло ни одно конституціонное государство настоящей эпохи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ оно превратилось изъ маленькаго владѣнія въ огромное королевство, которое поражаетъ въ трехъ блистательныхъ побѣдахъ одну изъ самыхъ сильныхъ имперій, заявляетъ свой голосъ передъ всей Европой и, переходя на сторону мирнаго управленія страной, принимаетъ титулъ италіянскаго королевства.

Такая роль образовала вокругъ Виктора-Эммануила и Кавура особенную партію, которая разсматриваетъ италіянскій вопросъ съ точки зрѣнія піемонтской политики. Книга Бельджойзо принадлежитъ къ этому разряду, и замѣчательна какъ по живости изложенія, такъ и по личности княгини, участвовавшей въ политическихъ переворотахъ своего отечества въ 1848 и 49 годахъ.

«Эта книга, говоритъ авторъ, должна поддержать мою партію; легко понять, что мнѣ не доставало времени, чтобъ искать новыхъ фактовъ, новыхъ доказательствъ и обстоятельствъ еще неизвѣстныхъ. Я довольствовалась изложеніемъ событій относящихся къ моему предмету такъ, какъ они изображены у писателей, пользующихся по справедливости нѣкоторымъ авторите-

томъ. Всякое критическое разсужденіе, по моему мнѣнію, должно было запутать или, по крайней мѣрѣ, *замедлить ходъ происшествій»* (avant-propos).

Изъ этихъ строкъ видно, какъ Бельджойзо смотритъ на предметъ: исторія становится для княгини политическимъ памфлетомъ, и государямъ савойскаго дома произносится пышный панегирикъ, потому-что ей не достало времени провѣрить свои сужденія критикой. Это отсутствіе критическаго элемента помѣшало ей также представить исторію народа и показать значеніе Савои въ итальянскомъ развитіи.

На самомъ дѣлѣ до революціи архіепископской *), Піемонтъ и Савоя представляли выраженіе военной аристократіи и постоянно являлись враждебными всякому коммунальному движенію. Со временъ Берольда, баснословнаго родоначальника Савойскаго дома, начинается торжество архіепископовъ, но не надолго; графская реакція торжествуетъ, архіепископъ выгнанъ изъ Турина, надъ которымъ почти одновременно разражаются война и язва. Двадцать четыре года оставался городъ въ запустѣніи и архіепископъ въ изгнаніи; по по прошествіи этого времени Гумбертъ II примирился съ нимъ, потому-что почти во всемъ Піемонтѣ обнаружилось движеніе въ пользу архіепископовъ и консуловъ — и савойскіе графы могли лишиться власти въ Италіи.

Но успокоивъ народъ временными уступками, преемники Берольда не теряли изъ виду увеличенія своихъ владѣній завоеваніями. Съ одной стороны ихъ побуждало властолюбіе, съ другой политическая необходимость. Географическое положеніе Савои обълусловливало ея политику.

Францiя, Австрія, Миланъ — постоянно грозили ей погибелью; въ первое время грозными соперниками были даже маркизы монфератскій и салуцкій. Принужденные дѣйствовать уклончиво, савойскіе графы въ стремленіи своемъ сдѣлаться самостоятельными государями, должны были освободиться отъ совѣтовъ Франціи, похожихъ на приказанія; отъ вмѣшательства папы и императора и отъ вліянія реформаціи. Послѣдняя имъ была опасна, потому-что вмѣстѣ съ религіозными идеями, вносила новыя политическія понятія. Невѣжество бѣдныхъ горцевъ и іезуитизмъ казались королямъ сардинскимъ лучшими средствами противъ внутреннихъ переворотовъ. Въ дѣлахъ внѣшней политики они играли постоянно двуличную роль, переходили отъ одной сторо-

---

*) См. Ист. итал. революціи Феррари. Р. Слово, іюль, 1859.

ны къ другой; иногда выигрывали, иногда проигрывали, смотря по обстоятельствамъ, и всегда видѣли страну свою опустошенною войною. Безстрашные на полѣ сраженія, большею частью искусные полководцы, государи савойскаго дома слишкомъ односторонне понимали обязанности свои къ народу, и мы не знаемъ, на какомъ разумномъ основаніи ими восхищается княгиня Бельджойзо.

Первые савойскіе графы вели полную приключеній жизнь авантюристовъ: набѣгъ за набѣгомъ, пиръ за пиромъ наполняли ихъ существованіе; основавшись въ какомъ-нибудь укрѣпленномъ мѣстѣ, они подобно дикому звѣрю бросались оттуда на оплошнаго противника. Петръ, прозванный *маленькимъ карломъ*, укрѣпившись въ Шильонѣ, скоро сдѣлался ужасомъ окрестной страны.

Филиппъ I, Амедей V слѣдовали по стопамъ его, съ тою только разницею, что болѣе занимались дѣлами внутренними. Преемникъ Амедея, Эдуардъ, былъ государь съ болѣе свѣтлыми понятіями: онъ не чуждался буржуазіи и былъ внесенъ въ списокъ фрибургскихъ гражданъ; сверхъ того онъ позволилъ Евреямъ селиться въ Савоѣ.

Амедей VI, Зеленый графъ, названный такъ по цвѣту своихъ доспѣховъ и одежды, провелъ большую часть жизни на конѣ. Съ тринадцати лѣтъ онъ началъ участвовать въ турнирахъ: слава его росла съ каждымъ днемъ: въ 1366 г. онъ былъ выбранъ въ посредники императоромъ Иваномъ Палеологомъ въ спорѣ его съ булгарскимъ королемъ; черезъ три года потомъ игралъ ту-же роль между Бернабо Висконти и владѣтелемъ Вероны и, вообще, втеченіи своего царствованія пользовался не одинъ разъ подобными знаками довѣренности и уваженія отъ Венеціанъ, Генуезцевъ, короля кипрскаго, византійскаго императора и другихъ. Это былъ король-рыцарь, смотрѣвшій на все, кромѣ военной аристократіи, свысока, презиравшій буржуазію: при осадѣ Сіона, онъ не поколебался предать смерти 400 гражданъ, осмѣлившихся защищать свою родину противъ сиињора графа.

Усиливавшееся могущество Амедея VI заставляло Францію вмѣшаться въ споръ его съ маркизомъ Салюцо; дѣло было отдано на судъ парламента, но Амедей, зная, что судьи предубѣждены противъ него, не поѣхалъ въ Парижъ.

Смерть постигла Зеленаго графа, когда онъ вернулся изъ

Неаполя, куда сдѣлалъ походъ съ цѣлью помочь Лудовику анжуйскому.

Большая часть историковъ Савои, въ томъ числѣ и Чибраріо, называютъ этого графа одной изъ самыхъ чистыхъ личностей савойскаго дома. Намъ кажется они слишкомъ ослѣплены его военною славой; слишкомъ снисходительно смотрятъ на него глазами того времени. Стоитъ вспомнить только, во что обошлась народу безумная пышность этого государя, и его постоянныя войны, чтобъ опредѣлить настоящее мѣсто ему *).

По смерти Амедея VI регентство досталось Боннѣ де-Бурбонъ, потому что сынъ ея, по словамъ княгини Бельджойзо, не достигъ еще совершеннолѣтія. Мы въ этомъ случаѣ не можемъ согласиться съ ней и готовы принять показанія другихъ историковъ, относящихъ время рожденія Амедея VII къ 1360 году.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ привести знаменитый турниръ графа при осадѣ Булони. Графъ Гедингтонъ (вѣроятно Гунтингдонъ), одинъ изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ рыцарей, явившись въ лагерь Французовъ, вызывалъ желающихъ сразиться съ нимъ. Пемброкъ и Арундель были его секундан-

---

*) Приведемъ нѣсколько болѣе поразительныхъ цифръ его издержекъ. Во время войны содержаніе графа и тысячи копій стоило *ежемѣсячно* 276,000 франковъ; лошадь, купленная для подарка Галеаццо Висконти, 20,000 франк.; сверхъ того онъ дарилъ многимъ баронамъ лошадей отъ 2000 до 4000 франк. Ежемѣсячное содержаніе отеля Бонны бурбонской обходилось до 38,000 фр. На каждую собаку тратили отъ 30 до 60 сантимовъ въ день, тогда какъ на содержаніе плѣнника опредѣлялось только 25 сантимовъ. Чтобъ дать понятіе о тогдашней стоимости денегъ, представимъ нѣсколько данныхъ, заимствованныхъ у Чибраріо:

Наемъ большаго дома въ годъ стоилъ около . .	75 фр.
Сетье (setier = 45,22 литр.) вина въ Шамбери .	36 —
Возъ дровъ	1 — 53 сант.
Фунтъ говядины	» — 24 —
Фунтъ телятины	» — 30 —

Слѣдствіемъ безпрестанныхъ войнъ и тяжелыхъ податей было уменьшеніе народонаселенія во многихъ общинахъ, въ другихъ же весьма незначительная прибыль. Такъ населеніе:

Этона (Aytons)	въ 1377	было	395	душъ,	въ 1399	только	380,
Брикеразіо	— 1363	—	1050	—	— 1377	—	400,
Маретта	— 1363	—	730	—	— 1377	—	645,
Риволи	— 1377	—	2465	—	— 1415	—	2300.

Правда, въ другихъ городахъ населеніе возрасло значительно, но это относится только къ городамъ укрѣпленнымъ и торговымъ. Это показываетъ, до какой степени терпѣли сельскіе жители отъ безпрестанныхъ войнъ.

тами и также искали себѣ противниковъ. Послѣ настоятельныхъ просьбъ графъ совойскій получилъ наконецъ согласіе короля, и выѣхалъ на поприще, въ сопровожденіи герцоговъ Берри, Бурбона, Анжу и другихъ. Черное бархатное платье его было покрыто золотымъ шитьемъ и усѣяно драгоцѣнными камнями. Шлемъ его былъ окруженъ золотой короной, осыпанной рубинами, алмазами и жемчугомъ; на гребнѣ шлема красовалась голова крылатаго льва.

Сраженіе началось; сначала графъ савойскій былъ раненъ, но потомъ, оправившись, нанесъ своему противнику такой ударъ, что тотъ вмѣстѣ съ лошадью покатился на землю и долго лежалъ безъ чувствъ; Амедей немедленно приказалъ обмыть его розовою водою смѣшанною съ уксусомъ. Когда графъ Гедингтонъ очнулся, битва возобновилась; соперники переломили сорокъ семь копій и наконецъ Англичанинъ получилъ ударъ, пронзившій ему плечо: тогда только онъ призналъ себя побѣжденнымъ. Послѣ того Амедей сразился на мечахъ съ графомъ Арунделемъ, которому раздвоилъ черепъ и на сѣкирахъ съ Пемброкомъ, котораго повергъ на землю. Великодушный послѣ побѣды, онъ подарилъ ему великолѣпный бриліантъ и золотую цѣпь. Осада Булони была въ 1383 году; нельзя-же предполагать, чтобъ юноша моложе двадцати лѣтъ могъ совершить такіе подвиги. Но вся эта слава не послужила ни къ чему. Жители Марено, Санто-Паоло, Серены и Фоссано отложились отъ него; онъ проливалъ савойскую кровь и расточалъ савойское золото для выгодъ Франціи, которая, въ благодарность за это, приняла въ спорѣ его съ маркизомъ Салюцо сторону послѣдняго.

Правленіе Амедея VIII, перваго герцога савойскаго, ознаменовалось сближеніемъ съ императоромъ и распространеніемъ предѣловъ Савои; въ этомъ стремленіи къ увеличенію своихъ владѣній, къ преобладанію въ сѣверной Италіи сошелся онъ съ Висконти; искусный политикъ, онъ умѣлъ не только избѣгнуть сѣтей лукаваго Филиппо, но еще присоединить къ Піемонту Верчелли съ его округомъ и подчинить себѣ совершенно маркиза монферратскаго.

Отреченіе Амедея отъ престола и избраніе его въ папы послужило къ новой славѣ савойскаго дома, который пріобрѣлъ при немъ Фрибургъ и окончательно подчинилъ Женеву *).

---

*) Оставивъ герцогскій санъ сыну, Амедей VIII удалился въ уединеніе близъ монастыря Рипайля (Ripailles), подчинивъ себя монастырскому уставу,

Съ Лудовика начинается тѣснѣйшее сближенiе съ Францiей и страданiе Савойи.

Княгиня Бельджойзо, порицая перемѣну политики Лудовика, находитъ, что союзъ съ императорами былъ нормальнѣе, что савойскiе герцоги не должны были принимать ни чьей стороны и держать постоянный нейтралитетъ.

Савойскiе графы преслѣдовали двѣ цѣли: увеличенiе своей территорiи и увеличенiе власти. Союзъ съ императорами какъ нельзя лучше удовлетворялъ ихъ намѣренiямъ: императорскiе викарiи, они смотрѣли на Италiю какъ на предметъ завоеванiй, они готовы были оторвать отъ ней нѣсколько клочковъ подъ защитою цесарей, но теперь императорская власть надъ Италiею стала только номинальна; гораздо сильнѣе ихъ были миланскiе владѣтели и отношенiя къ нимъ савойскихъ герцоговъ походили на отношенiя другихъ сосѣднихъ государствъ, желающихъ при всякомъ удобномъ случаѣ отхватить кусокъ земли другъ у друга. Висконти очевидно становились ближе къ цесарямъ, усилiя ихъ были обращены преимущественно на Италiю; тогда какъ савойскихъ герцоговъ занимала преимущественно романская Швейцарiя, Провансъ и Монферратъ. Союзъ съ Францiей, стремившейся постоянно къ централизацiи, долженъ былъ радовать Лудовика и его преемниковъ, которые также хотѣли ограничить феодальную власть бароновъ, не ставившихъ часто ни во что королевскiя повелѣнiя; такъ Лудовикъ Рополо, глубоко ненавидя Бернардо Матсе, рѣшился удовлетворить своей ненависти, узнавъ что онъ попался въ плѣнъ къ Франческо Сфорца. Для этого, во время мирныхъ переговоровъ, онъ увѣрилъ послѣдняго, что государю его весьма прiятно будетъ, если онъ возвратитъ Бернардо свободу. Сфорца согласился и передалъ своего плѣнника синьору Рополо, но тотъ бросилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и погибъ. Всѣ старанiя семейства несчастнаго рыцаря были на-

---

но не произносилъ окончательнаго обѣта до-тѣхъ-поръ, пока не узналъ, что его избрали въ папы.

Уступивъ папскую тiару въ пользу Николая V, бывшiй герцогъ предложилъ слѣдующiя условiя, которыя были приняты лозаннскимъ соборомъ и утверждены новымъ папою: онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ, архiепископомъ сабинскимъ, постояннымъ намѣстникомъ св. престола во всѣхъ владѣнiяхъ савойскаго дома, Лiоннэ, Швейцарiи, констанцскомъ округѣ. Основавшись въ Женевѣ, новый архiепископъ ограничилъ коммунальныя права города подъ видомъ утвержденiя ихъ.

прасны: оно не нашло правосудія ни у маркиза монферратскаго, ни у герцога савойскаго, ни у Сфорца.

Другой случай еще поразительнѣе. Президентъ Фейсиньи, посланный для производства слѣдствія надъ барономъ Монтемайоромъ, былъ имъ арестованъ и заключенъ въ темницу. Оскорбленный герцогъ угрожалъ мятежному барону всѣмъ гнѣвомъ своимъ, хотѣлъ конфисковать его замки, но тотъ, не обращая на это вниманія, нетолько не выдалъ плѣнника, но прогналъ судей, присланныхъ герцогомъ для изслѣдованія и назначилъ своихъ коммисаровъ, которые и приговорили несчастнаго Фесиньи къ смертной казни.

Приговоръ былъ исполненъ, а виновный баронъ остался безъ наказанія.

Подобные случаи дѣйствительно могли вывести изъ терпѣнія самаго снисходительнаго государя и возбудить въ немъ желаніе укротить мятежныхъ бароновъ, но савойскіе герцоги горько ошиблись, думая найти во Франціи помощь и сочувствіе. Ихъ естественными союзниками были буржуазія и народъ, но они не поняли этого и съ помощію войска хотѣли произвести реформу; отъ этого произошла только страшная неурядица и непрочность большей части новыхъ учрежденій.

Принятіе Франціей стороны маркиза Салюцо обошлось Савоѣ дорого: войска Карла VII втеченіе 12 лѣтъ опустошали страну и только вмѣшательство дофина, которому Лудовикъ подарилъ 20 т. золотыхъ экю, прекратило войну.

Припадки эпилепсіи герцога передали регентство въ руки Іоланды. Бургундія и Франція угрожали Савоѣ, требуя ея союза. Пораженіе Карла Смѣлаго Швейцарцами доставило перевѣсъ французской партіи. О бракѣ Филиберта съ Маргаритой Бургонской нечего было и думать. Лудовикъ XI назначилъ ему супругою Бланку Сфорца и, не довольствуясь такимъ насиліемъ, не только освободилъ изъ подъ власти савойскихъ герцоговъ Нижній Валэ, и часть кантона де Во, (Vaud), но даже заставилъ ихъ отказаться отъ протектората надъ Берномъ и Фрибургомъ. Вліяніе Лудовика не ограничилось этимъ: онъ умѣлъ раздѣлить туринскій дворъ на враждебныя партіи и поочередно покровительствуя каждой изъ нихъ, ежедневно усиливался и распоряжался въ Савоѣ, какъ у себя.

Карлъ VIII продолжалъ политику своего предшественника и заставилъ савойскаго герцога возвратить маркизу Салюцо всѣ его

владѣнія кромѣ двухъ городовъ. Походъ французскаго короля въ Италію подвергнулъ Піемонтъ всѣмъ ужасамъ войны.

Восшествіе на престолъ Филиберта II облегчило участь страны, потому что онъ умѣлъ поддержать объявленный имъ нейтралитетъ, хотя и дозволилъ солдатамъ своимъ вступать во французскую армію.

Преемникъ его Карлъ III поставилъ государство свое на край гибели. Безхарактерный, тупоумный, жестокій, онъ на всякомъ шагу дѣлалъ промахи. Сдѣлавшись противъ воли участникомъ камбрейской лиги, онъ участвовалъ въ пораженіи Венеціи союзниками, но не получилъ никакой выгоды отъ этой войны, потому что, при заключеніи договора съ Лудовикомъ XII, не объявилъ своихъ условій. Въ войнѣ Италіи противъ Франціи онъ остался вѣренъ послѣдней и потерялъ за то Вальтелину. Леонъ X, не обращая вниманія на нейтралитетъ Карла, послалъ свою кавалерію въ Піемонтъ для содѣйствія Швейцарцамъ въ защитѣ горныхъ проходовъ. Правда, савойскій герцогъ предупредилъ Франциска объ этомъ, доставилъ ему средства пройти черезъ Альпы неизвѣстными тропинками, участвовалъ въ переговорахъ съ швейцарскими кантонами и, въ благодарность за то, получилъ депешу отъ Франциска, тотчасъ послѣ заключенія мира, въ которой тотъ требовалъ для герцогини Ангулемской ея часть отцовскаго наслѣдства, для Франціи Ниццу и Верчелли и для Рене савойскаго конфискованныя у него владѣнія. Вмѣшательство Швейцарцевъ остановило войну.

Союзъ съ императоромъ былъ пагубенъ для Піемонта не меньше союза съ Франціей: Карлъ V, избранный посредникомъ въ спорѣ савойскаго герцога съ Венеціей за Кипръ и съ Гонзаго за Монферратъ, рѣшилъ дѣло въ пользу послѣднихъ; но, чтобы нѣсколько вознаградить его за эти потери, подарилъ ему графство Асти и предложилъ послать сыновей въ Испанію для окончанія курса вмѣстѣ съ Филиппомъ. Оба эти одолженія оказались впослѣдствіи новыми западнями хитраго императора: владѣніе графствомъ Асти вовлекало въ войну съ Франціей; воспитаніе при испанскомъ дворѣ грозило сдѣлать изъ будущаго герцога покорнаго раба Карлу V.

Во внутреннихъ своихъ распоряженіяхъ герцогъ савойскій оказался также несостоятельнымъ: онъ не понялъ значенія реформаціи, не понялъ, что она могла доставить ему людей, а не машинъ, союзъ съ Швейцаріей и даже, можетъ быть, поддержку Франціи. Такіе люди, какъ Бертелье, Левріе и Бонниваръ, могли

принести большую пользу Карлу III; но онъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться ими, преслѣдовалъ ихъ; ворвавшись въ Женеву *), онъ приказалъ арестовать Бертелье; смѣлый гражданинъ не хотѣлъ бѣжать, хотя и былъ предувѣдомленъ о намѣреніи деспота. Ему угрожали смертью, требуя, чтобы онъ просилъ прощенія у герцога; Бертелье отказался, написалъ на стѣнѣ своей темницы «*non moriar, sed narrabo opera Domini* (не умру, но возвѣщу дѣла Вышняго), и пошелъ безтрепетно на казнь. Совѣтникъ Левріе, осужденный на смерть за то, что сказалъ, что Карлъ не государь Женевы, идя на эшафотъ, пѣлъ латинскіе стихи, которыхъ смыслъ можно передать слѣдующими словами: «какое зло мнѣ можетъ сдѣ«лать смерть? добродѣтель растетъ послѣ смерти: ее не могутъ «истребить ни гоненія, ни мечъ тирановъ.» Бонниваръ, пріоръ св. Виктора, важнѣйшая опора народной партіи, богатый, независимый, другъ свободы, который, имѣя подданныхъ, думалъ только о томъ, какъ бы заслужить титулъ гражданина, былъ схваченъ креатурами герцога савойскаго и заключенъ въ замокъ Гролле **) (La Suisse Hist. par Gallieur).

Къ чему же привело это Карла III? Французская армія разграбила его владѣнія и овладѣла почти всѣмъ государствомъ; императоръ помогалъ неохотно и при заключеніи десятилѣтняго перемирія пожертвовалъ своимъ союзникомъ, позволивъ Франціи занимать втеченіе этого времени Савойю, а себѣ оставивъ Піемонтъ; такимъ образомъ у герцога осталась одна Ницца. Эммануилъ Филиберъ, пройдя всѣ степени военной іерархіи и отличившись храбростью и преданностью императору, успѣлъ получить отъ него нѣсколько городовъ. Заслуги Филибера во время войны доставили ему при заключеніи мира въ Като Камбрезисѣ еще нѣсколько городовъ. Смятенія, послѣдовавшія во Франціи за смертью Генриха II, заставили Екатерину Медичи возвратить ему Туринъ и другіе города, кромѣ Пиньероля, Перузы и Савиліано. Тогда молодой государь обратилъ вниманіе свое на Швейцарію и, по совѣту папы и Филиппа II, началъ съ ней войну, чтобъ завоевать земли, потерянныя Карломъ III. Война эта была для него несчастлива; онъ увидѣлъ двуличность своихъ совѣтниковъ,

*) Архіепископъ женевскій, Иванъ VII, передалъ право свѣтской власти савойскому дому. Женевская коммуна протестовала. Карлъ III занялъ Женеву и началъ свои преслѣдованія.

**) Заключеніе Боннивара въ Шилонъ относится къ позднѣйшему времени.

и посмѣшилъ заключить съ кантонами миръ. Однимъ изъ условій этого мира была свобода вѣроисповѣданія, дарованная странѣ, находившейся подъ управленіемъ Берна. Княгиня Бельджойозо называетъ это дѣйствіе примѣромъ необычайнымъ со стороны государя искренно католическаго, «но Филиберъ, говоритъ «она, стоялъ выше предразсудковъ своего вѣка, и его совѣсть «никогда не упрекала за то, что имѣло цѣлью и слѣдствіемъ мирное «развитіе народнаго благосостоянія.» Мы осмѣливаемся не согласиться съ этимъ, потому что этотъ пунктъ былъ подписанъ савойскимъ герцогомъ только послѣ настойчивыхъ требованій Швейцарцевъ и внесенъ въ число секретныхъ статей. Другими доказательствами приверженности герцога къ католицизму служитъ помощь посланная имъ Генриху III и декретъ о непосѣщеніи подозрительныхъ мѣстъ. *) Пребываніе Французовъ и Испанцевъ въ Савоѣ и Піемонтѣ оставило глубокіе слѣды: первые вездѣ вводили свои обычаи и законы, назначали своихъ чиновниковъ; вторые покупали дворянство;—цѣль обоихъ была та, чтобы истребить въ сердцахъ народа всякое воспоминаніе о прежнихъ владѣтеляхъ; можетъ быть это и удалось-бы имъ, еслибъ правленіе ихъ было получше. Для уничтоженія слѣдовъ иноземнаго владычества Филиберъ принужденъ былъ преобразовать конституцію, ограничивъ права дворянства и духовенства, потому что порча более проникла въ эти классы.

Карлъ-Эммануилъ I явился достойнымъ ученикомъ іезуитовъ. Прежде всего онъ пытается овладѣть Женевою съ помощью заговора, но намѣреніе его обнаруживается и онъ не успѣваетъ.

Смерть Генриха III открыла новое поле честолюбію герцога. Онъ является въ числѣ претендентовъ на французскую корону и, вспомоществуемый Филиппомъ II, ведетъ войну съ Генрихомъ IV. Война эта раззорила Савою и оторвала отъ ней нѣсколько округовъ. Заключивъ миръ, Карлъ Эммануилъ принялся за гоненіе протестантовъ и съ этою цѣлью поручилъ воспитаніе юношества іезуитамъ. Не довольствуясь этимъ, онъ захотѣлъ уничтожить

*) Edit à nos sujets de ne fréquenter les lieux-suspects à notre religion, гдѣ, между прочимъ, предписывается юношамъ, обучающимся въ протестантскихъ школахъ, вернуться на родину; предписывается трактирщикамъ не готовить скоромной пищи въ постные дни и наблюдать, чтобы посѣтители не роворили о католической религіи сомнительнымъ тономъ и не спорили о ней; запрещается держать запрещенныя книги, какъ-то: сочиненія Кальвина, Маго, Бѣза, Варе, Фареля, Лютера и т. п.; запрещается пѣть на улицахъ неприличныя пѣсни и псалмы въ переводѣ Маро.

гнѣздо ереси Женеву и вздумалъ овладѣть ею нечаянно. Солдаты его были уже на стѣнахъ, но разъяренный народъ опрокинулъ ихъ, а взятыхъ въ плѣнъ казнилъ. Вмѣшательство Франціи остановило войну и заставило герцога признать новую республику.

Между тѣмъ планъ политическаго равновѣсія созрѣлъ въ головѣ Генриха IV, и онъ предложилъ Карлу-Эммануилу гарантировать брюссельскій трактатъ, обѣщая за то возстановить для него королевство Лонгобардовъ. Герцогъ съ радостью схватился за это предложеніе, но кинжалъ Равальяка разрушилъ мечты его. Нельзя не отдать въ этомъ случаѣ справедливости политическому смыслу Карла Эммануила: онъ первый понялъ, что для самостоятельности Піемонта необходимы Миланъ и Монферратъ; до него савойскіе герцоги довольствовались клочками этихъ провинцій, и колебались только, кому должно принадлежать миланское герцогство — французской или испанской партіи. Честолюбіе герцога вовлекло его въ новыя войны съ Испаніей и Австріей за Монферратъ и по поводу вопроса о Вальтелинѣ; но при заключеніи мира никто не подумалъ объ его интересахъ. Въ слѣдующую кампанію онъ принялъ сторону Испаніи, но, опасаясь новаго вѣроломства, заключилъ вскорѣ отдѣльный миръ съ Франціей. Такое поведеніе изумило и огорчило императора, и онъ поспѣшилъ усилить свою армію въ Италіи 30 т. человѣкъ. Съ другой стороны Ришлье не позволялъ герцогу вооруженнаго нейтралитета и требовалъ съ его стороны дѣятельнаго содѣйствія своимъ видамъ. На отказъ его онъ отвѣчалъ занятіемъ большей части его владѣній; другая часть была занята союзниками его Австро-Испанцами, стоявшими непріятелей. Посреди безпрестанныхъ переворотовъ военнаго счастія Карлъ-Эммануилъ умеръ.

Разсматривая далѣе исторію савойскаго дома, мы видимъ, что Викторъ-Амедей былъ нѣсколько разъ игрушкою и жертвою Франціи; регентша Христина перенесла отъ ней всевозможныя огорченія и едва не лишилась государства; Карлъ-Эммануилъ II былъ обманутъ въ вопросѣ о Монферратѣ.

Во внутреннемъ управленіи эти союзы отозвались на преслѣдованіи протестантовъ и на чрезмѣрномъ развитіи арміи, что поглощало большую часть производительныхъ силъ страны.

Эта зависимость отъ Франціи такъ наскучила Виктору-Амедею II, что онъ рѣшился сблизиться съ аугсбургской лигой. Изгнавъ прежде протестантовъ по приказанію Лудовика XIV, онъ позволилъ имъ теперь возвратиться. Хотя позволеніе это было

секретное и переговоры велись въ величайшей тайнѣ, Лудовикъ узналъ объ нихъ и рѣшился покорить Піемонтъ; но для того, чтобы овладѣть имъ съ возможно меньшею потерею, онъ потребовалъ отъ герцога два полка пѣхоты для войны во Фландріи и 500 человѣкъ противъ гугенотовъ въ Севеннахъ. Получивъ ихъ, онъ приказалъ маршалу Катина направиться къ Піемонту, предписавъ ему потребовать присоединенія піемонтской арміи къ французской и сдачи крѣпостей Веррю и Турина. Никакія уступки не были приняты и война запылала. Чудеса храбрости оказали Піемонтцы и наконецъ послѣ шестилѣтней борьбы получили выгодный миръ. Въ числѣ условій стоялъ нейтралитетъ Савои и Италіи. Черезъ три года трактатъ павійской обязалъ Францію, Испанію и имперію не вмѣшиваться въ дѣла Италіи.

Война за испанское наслѣдство снова вызвала герцога на военное поприще; онъ присоединилъ войска свои къ французскимъ, но дѣйствовалъ нерѣшительно потому что не видѣлъ для себя никакой пользы въ успѣхахъ Французовъ; съ другой стороны Викторъ-Амедей терпѣлъ отъ дерзости маршала Вильруа. Желая выйти изъ этого двусмысленнаго положенія и заставить Лудовика XIV предложить выгоднѣйшія условія, герцогъ вступилъ въ переговоры съ графомъ Арембергомъ. Король французскій, узнавъ объ этомъ, приказалъ маршалу Вандому обезоружить савойскія войска и арестовать самого герцога, но его успѣли предупредить о послѣднемъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе: французскія войска занимали большую часть его территоріи и отдѣляли его отъ австрійскихъ силъ; шесть тысячъ лучшихъ его солдатъ были обезоружены. Но Викторъ-Амедей угадалъ, въ чемъ настоящая сила савойскаго дома: онъ сдѣлалъ воззваніе къ народу и народъ отвѣтилъ ему единодушнымъ возстаніемъ. Въ нѣсколько дней онъ сформировалъ 12 пѣхотныхъ полковъ, усилилъ гарнизоны Турина, Веррю и Верчелли и отрѣзалъ сообщеніе между французской арміей и ея подкрѣпленіями; не отчаяваясь въ успѣхѣ, онъ не торопился заключить съ императоромъ союзъ, который могъ быть ему невыгоденъ своей твердостью и заставилъ Леопольда подчинить ему 20 т. корпусъ и по заключеніи мира уступить округи александрійскій, ломеллинскій и нѣкоторыя другія области, въ то же время онъ старался о допущеніи Савойи въ швейцарскую конфедерацію и достигъ этимъ нейтралитета Шаблэ и Фосиньи...

Утрехтскій трактатъ, кромѣ Монферрата и обѣщанныхъ окру-

говъ, доставилъ Виктору-Амедею отъ Франціи нѣсколько долинъ и крѣпости Ерсиль и Фенестреллу, а отъ Испаніи Сицилію съ титуломъ королевства. Но не долго принадлежала ему Сицилія. Испанскій флотъ, по приказанію Альберони, когда тотъ задумалъ возвратить Испаніи утраченное величіе, овладѣлъ островомъ почти безъ сопротивленія. Иначе не могло и быть: Сицилійцы слишкомъ долго были развращаемы Испаніей, чтобъ сочувствовать Піемонту: разница въ нравахъ, обычаяхъ, законодательствѣ была неизмѣримая; но взамѣнъ Сициліи Викторъ-Амедей получилъ Сардинію, что было для него гораздо выгоднѣе.

Во внутреннемъ устройствѣ страны стремленіе сардинскаго короля къ абсолютизму заставило его лишить іезуитовъ прежняго значенія. Съ одной стороны они служили постоянно интересамъ Лудовика XIV, съ другой — способствовали притязаніямъ папы. Эта же жажда власти внушила новому королю самыя несправедливыя мѣры для увеличенія доходовъ казны: онъ потребовалъ, чтобы всѣ собственники представили документы на право владѣнія, и если въ этихъ документахъ встрѣчалось хоть малѣйшее отступленіе отъ буквы закона, они были объявляемы ничтожными, а земли конфисковались въ пользу государства. Французская централизація начинала прививаться къ Піемонту и грозила представить въ будущемъ новый примѣръ наружнаго блеска и величія при внутренней слабости и нищетѣ: частная дѣятельность была поглощена, безчисленные декреты стѣсняли ее и указывали направленіе, которое она должна была принять; увеличенная чрезмѣрно армія истребляла большую часть государственныхъ доходовъ. Викторъ-Амедей забылъ, что онъ былъ обязанъ всѣмъ націи и теперь давилъ ее формами насильственнаго прогресса.

Политика Карла-Эммануила II состояла въ томъ, чтобъ поддерживать ровновѣсіе Франціи и Австріи, онъ зналъ, какъ вредно преобладаніе одной изъ этихъ державъ и потому никогда не пользовался случаемъ къ совершенному ослабленію другой.

Это ему удалось, но цѣною чрезвычайныхъ пожертвованій, такъ что выгоды, полученныя имъ отъ войны за австрійское наслѣдство, были ничтожны въ сравненіи съ тѣми потерями, которыя понесла страна во время военныхъ дѣйствій. Надо отдать справедливость Карлу-Эммануилу: онъ старался облегчить участь своихъ подданныхъ строгой экономіей, но покровительство духовенству и большая армія ежегодно стоили ему огромныхъ суммъ. При немъ централизація продолжаетъ свое дѣло. Онъ даетъ свободу рабамъ, чтобъ увеличить число подданныхъ, уничто-

жаетъ независимость долины Аосто и сенатъ въ Казалѣ и бросаетъ несчастнаго Джіаноне въ туринскіе казаматы за то только, что онъ написалъ янсенистскую книгу.

Преемникъ Карла-Эммануила, не имѣя его талантовъ, наслѣдовалъ всѣ его недостатки: онъ не понялъ духа времени, не понялъ, что пришла пора государственныхъ реформъ, не чуялъ, что въ воздухѣ дохнула живительная свѣжесть и что народъ очнулся отъ долговременнаго сна. Дѣятельность новаго короля обратилась на постройку различныхъ зданій и освѣщеніе улицъ; реформы, произведенныя имъ въ арміи, ограничились новыми формами и комбинаціями трехъ и четырехъ въ составѣ полковъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ онъ принялъ сторону Франціи, и думалъ остановить потокъ революціи своей 60 тысячной арміей; — но ожиданія его были разрушены и генералъ Бонапарте заставилъ его заключить парижскій трактатъ, по которому Франція пріобрѣтала Савою, Ниццу, Тенду и Брениль; сверхъ того онъ обязался срыть стѣны нѣкоторыхъ крѣпостей и, въ случаѣ требованія, доставить Французамъ пушки и провіантъ безденежно.

Карлъ-Эммануилъ II (король) пошелъ въ реакціи еще дальше. Неуступчивость и непониманіе его принудили многихъ Піемонтцевъ требовать реформъ съ оружіемъ въ рукахъ. Мщеніе короля было ужасно; изъ 400 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, сто было разстрѣляно; до 750 погибло въ бою и преслѣдованіи.... Принужденный послѣ своего отреченія удалиться на островъ Сардинію, Карлъ-Эммануилъ тщетно протестовалъ противъ такого насилія, напрасно мечталъ о возвращеніи на прежнее мѣсто: побѣды Суворова открыли ему дорогу въ отечество, но Австрія воспротивилась этому и замедляла подъ разными предлогами возвращеніе короля, надѣясь присоединить Піемонтъ къ Ломбардіи. Такимъ образомъ одинъ изъ союзниковъ савойскаго дома еще разъ показался безъ маски; съ другой стороны и Французы поступали не лучше: тяжелыя подати, бюрократія, — вотъ что подарили они цизальпинской республикѣ и впослѣдствіи италіянскому королевству. Безспорно, оно сдѣлало успѣхи въ торговлѣ и промышленности, украсилось великолѣпными зданіями, провело новыя дороги; но развитіе личности, развитіе народнаго духа было стѣснено централизующими формами новаго государственнаго устройства.

Но такое положеніе можно назвать райскимъ, сравнительно съ тѣмъ, что ожидало Сардинію въ 1814 году, послѣ возвра-

щенія Виктора-Эммануила I въ отечество. На другой день вступленія своего въ Туринъ, онъ однимъ указомъ уничтожилъ все, что было установлено французскимъ правительствомъ; отставка разомъ массы чиновниковъ и офицеровъ произвела замѣшательство въ администраціи; занятіе Піемонта австрійской арміей истощило и раззорило его: оставляя страну, Австрійцы не постыдились разрушить въ Александріи великолѣпныя постройки Наполеона; возстановленіе старинныхъ законовъ и обычаевъ подчинило страну игу духовенства и дворянства. Слѣдствіемъ было чрезвычайное развитіе тайныхъ обществъ. Одно изъ нихъ, «*федералисты*» *), считало главою своей принца кариньянскаго Карла-Альберта. Воспитаніе его въ либеральномъ духѣ давало имъ надежду на полученіе отъ него желаемыхъ реформъ; но они не приняли во вниманіе трудности его положенія. Въ Карлѣ-Альбертѣ не было рѣшимости: онъ былъ человѣкъ полумѣръ и въ то же время скрытенъ до чрезвычайности. Мартовскія возстанія въ Піемонтѣ въ 1821 г. заставили Виктора-Эммануила I отречься отъ престола въ пользу Карла-Феликса, который въ это время находился въ Моденѣ. Регентство принялъ принцъ кариньянскій. Обязанный властью либеральной партіи, онъ принужденъ былъ дать конституцію, но черезъ три дня Карлъ Феликсъ объявилъ незаконнымъ и ничтожнымъ все, что было сдѣлано послѣ отреченія брата его и въ то же время предписалъ Карлу-Альберту собрать войска, оставшіяся вѣрными ему, и присоединить ихъ къ арміи Латура, собранной у Новары для поддержки его. Карлъ-Альбертъ не показалъ никому этого приказанія и исполнилъ его въ точности; тѣмъ не менѣе онъ подвергся оскорбленіямъ: генералъ Бубна насмѣхался надъ нимъ, Карлъ-Феликсъ не принялъ его; — онъ принужденъ былъ удалиться ко двору герцога тосканскаго. Здѣсь онъ оставался до 1823 г., до экспедиціи Французовъ въ Испанію, къ которой присоединился, чтобъ оправдать себя въ глазахъ королей, въ особенности въ глазахъ австрійскаго императора, который старался отстранить его отъ наслѣдства престола.

Вступленіе Карла-Феликса на престолъ открыло эпоху ужасовъ военная коммиссія приговорила къ смерти 73 человѣка изъ 178; исключила изъ службы 220 офицеровъ изъ 694; королевскими указами были закрыты университеты туринскій и генуэзскій и провинці-

---

*) Партія, думавшая образовать изъ Италіи три королевства.

альная коллегія; амнистія, дарованная 30-го сентября, заключала такія многочисленныя исключенія, что почти никто ею не воспользовался....

Іюльская революція отразилась и въ Италіи; въ Піемонтѣ былъ открытъ заговоръ: Брофферіо, Дурандо и многіе другіе были арестованы; процессъ противъ нихъ начался, но смерть Карла-Феликса остановила его. Карлъ-Альбертъ *), вступивъ на престолъ, простилъ ихъ — этимъ и ограничилось его милосердіе. Ни широкихъ реформъ, ни дозволенія изгнаннымъ возвратиться! Но въ душѣ новаго государя сохранилась жажда мести противъ Австріи — и онъ дѣятельно принялся за организацію арміи; сардинскій король думалъ воскресить преданіе савойскихъ герцоговъ; думалъ, опираясь на іезуитовъ и войско, образовать итальянское королевство. Безпрестанно опасаясь кинжала карбонаровъ и шоколата іезуитовъ, онъ колебался во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, обнадеживалъ всѣ партіи и ничѣмъ не хотѣлъ рисковать; его посланники были преданы Австріи и онъ не отзывалъ ихъ; онъ позволилъ поднести Гарибальди почетную шпагу и, въ то же время, запретилъ офицерамъ участвовать въ подпискѣ на нее; сперва запретилъ, потомъ позволилъ обращеніе въ своихъ владѣніяхъ книги Джоберти «*Новый Іезуитъ*» и, между тѣмъ, приказалъ уничтожить его портреты и не упоминать о немъ въ печати.

Но въ то время, когда мрачный и молчаливый король предавался колебаніямъ и аскетизму въ обществѣ іезуитовъ, «Юная Италія» начала свои дѣйствія, хотя неуспѣшно: вторженіе патріотовъ въ Піемонтъ въ 1833 и 1834 годахъ окончилось пораженіемъ ихъ; затѣмъ слѣдовали казни и изгнанія, но это не остановило распространенія новаго общества, и оно съ каждымъ днемъ пріобрѣтало новыхъ послѣдователей. Духъ возрожденія вѣялъ надъ Италіею; потребность реформъ чувствовалась живѣе съ каждымъ днемъ. Самъ Карлъ-Альбертъ понималъ это и нечувствительно склонялся на сторону прогресса. Когда Пій IX началъ эру реформъ, сардинскій король послѣдовалъ его примѣру; 30-го сентября 1847 года онъ издалъ манифестъ, которымъ дозволялъ публичность преній, открытое судопроизводство, кассаціонный судъ, избирательные муниципальные совѣты; сверхъ того онъ уничтожилъ исключительные суды и далъ нѣкоторыя другія права. Не смотря на всю незначительность подобныхъ ре-

*) О Карлѣ-Альбертѣ см. Монтанелли, Р. Слово 1860, іюль, и Надежды Италіи, 1859, май.

формъ, онѣ были приняты съ восторгомъ. Во время путешествія своего по Піемонту, король былъ принимаемъ вездѣ съ энтузіазмомъ; радостные клики повсюду раздавались вокругъ него, но онъ, казалось, остался холоденъ къ этимъ выраженіямъ народнаго сочувствія; тѣмъ не менѣе онъ не могъ остановиться на пути прогресса; толчокъ былъ данъ, должно было уступить народному движенію или рисковать быть увлеченнымъ имъ. Карлъ-Альбертъ рѣшился на первое, хотя неохотно: онъ допустилъ Сантарозу требовать конституцію открыто, но не рѣшался еще удовлетворить этому требованію, не смотря на то, что оно было поддержано всѣми журналами. — Убѣжденія англійскаго посланника, что это единственный исходный пунктъ для избѣжанія революціи, рѣшили его, и 7-го февраля 1848 г. была обнародована конституція. Съ этихъ поръ судьба короля была рѣшена: ему оставалось броситься въ объятія либеральной партіи: онъ такъ и сдѣлалъ; но ошибка его состояла въ томъ, что онъ промедлилъ, теряя драгоцѣнное время на соблюденіе пустыхъ формальностей; онъ и въ этомъ случаѣ оказался сардинскимъ королемъ, савойскимъ аристократомъ, но не освободителемъ Италіи; его плѣняла желѣзная ломбардская корона и месть Австріи; онъ оставался холоденъ къ идеѣ, которой служилъ представителемъ; онъ слишкомъ разсчитывалъ на свои силы и отвергнулъ помощь Франціи; онъ имѣлъ право не полагаться на послѣднюю, но въ такомъ случаѣ ему предстояла необходимость сдѣлаться главою демократической партіи; если-же хотѣлъ вести войну какъ король, то не долженъ былъ отвергать союза Франціи. Княгиня Бельджойзо напрасно обвиняетъ матсинистовъ въ неудачѣ кампаніи и въ препятствіяхъ, которыя ставили они ему. Дѣло въ томъ, что матсинисты видѣли промахи Карла Альберта и порицали ихъ. Сардинскій король понялъ это; но было уже поздно и онъ отреченіемъ спѣшилъ искупить свои ошибки и въ уединеніи искалъ забвенія.

Послѣднія событія слишкомъ памятны для всѣхъ, чтобъ вновь говорить о нихъ....

Такимъ образомъ, разсматривая исторію савойскаго дома, мы видимъ, что ни графы, ни герцоги, ни короли не поняли настоящаго своего положенія, не поняли въ чемъ состояла ихъ сила. Поставленные между двумя сильными государствами, они могли остаться независимыми, соединившись съ Швейцаріей; но они предпочли лучше подвергаться безпрестаннымъ опасностямъ, чѣмъ лишиться своего значенія, какъ королей- аристократіи. Вмѣша-

тельство Франціи и Имперіи постоянно оказывалось гибельно для страны, но оно не излечило савойскихъ государей отъ однажды принятой привычки, обращаться за помощью къ иноземнымъ государямъ. Протестантство представляло имъ новый источникъ силы, но они отвергли его. Примыкая къ Италіи, они никогда не имѣли въ виду общеитальянскаго движенія, и самые честолюбивые изъ нихъ ограничивали свои желанія присоединеніемъ Ломбардіи. Опираясь на армію, на право завоеванія, они не поняли исторіи итальянскаго развитія... Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по пути прогресса, савойскіе герцоги при всякомъ усиленіи своей власти стремились къ реакціи и развращенію народа, иначе мы не можемъ назвать отданіе воспитанія въ руки іезуитовъ. Только несчастія, которыми такъ богата исторія савойскаго дома, только неизбѣжныя опасности заставляли савойскихъ государей давать народу новыя права. Проходила опасность и наступали прежнія времена. Если преслѣдованія ихъ не принимали обширныхъ размѣровъ, это надо приписать небольшому пространству страны, позволявшей въ скорое время удаляться виновнымъ; вмѣшательству иностранныхъ державъ *) и безпрестаннымъ войнамъ, недававшимъ государямъ заниматься спеціально искорененіемъ вредныхъ ученій. Мы видѣли, что какъ скоро представлялась имъ возможность, они содѣйствовали реакціи всѣми силами, особенно когда опирались на Австрію. Истинная сила савойскаго дома заключалась въ народѣ довѣрчивомъ, благородномъ и храбромъ. Какъ скоро государи его обращались къ нему, онъ всегда откликался на зовъ ихъ; онъ вставалъ поголовно и жертвовалъ послѣдней копѣйкой для освобожденія родины.

Викторъ-Амедей обязанъ ему сохраненіемъ короны; побѣдоносные полки Людовика XIV растаяли какъ снѣгъ передъ народнымъ возстаніемъ. Карлъ-Альбертъ усомнился въ народѣ и заплатилъ за то униженіемъ и престоломъ. Регулярная армія ничего не значитъ тамъ, гдѣ вспыхиваетъ народная война: примѣръ Испаніи и Россіи доказываетъ это. Италія теперь именно въ такомъ положеніи, что можетъ опасаться только нашествія арміи, но не націй. Матсини превосходно понималъ это, когда совѣтовалъ Виктору-Эммануилу обратиться къ народу.

---

*) Такъ Кромвель принудилъ Карла-Эммануила прекратить гоненія на протестантовъ.

«Государь, писалъ онъ, вы сильны непобѣдимымъ могуществомъ двадцати шести милліоновъ народа, соединеннаго для одной цѣли.... Вы говорите о независимости — Италія возстала и дала вамъ 50,000 волонтеровъ; но это одна половина проблемы: скажите ей о свободѣ и единствѣ и она дастъ вамъ полмилльона.... Забудьте на минуту, что вы король, и явитесь первымъ вооруженнымъ апостоломъ націи.... объявите, что вы готовы, и мы всѣ будемъ съ вами. Пойдемъ въ священный крестовый походъ во имя Италіи, не обращая вниманія ни на что, во имя вѣчной справедливости, вѣчнаго права — и мы побѣдимъ, съ помощью націи».

Въ этихъ словахъ заключается тайна италіянскаго вопроса и политики савойскаго дома; только съ Карла-Альберта понялъ онъ свое обще-итальянское значеніе, но не рѣшилъ еще, какіе способы должно употребить, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Первая половина кампаніи сдѣлана съ помощью Франціи и волонтеровъ. Викторъ-Эммануилъ избѣгнулъ этимъ ошибокъ своего отца, но въ то же сталъ, въ отношеніи къ Франціи, въ положеніе своихъ предшественниковъ. Дальнѣйшіе планы его уже встрѣчаютъ препятствія; народъ, выраженіемъ котораго служитъ Гарибальди, уже отдѣляется отъ него и только личныя достоинства короля и высокое нравственное развитіе начальниковъ народной партіи мѣшаютъ положенію дѣлъ сдѣлаться еще хуже. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь произвести реакціонное движеніе труднѣе чѣмъ за сорокъ лѣтъ назадъ; нѣтъ сомнѣнія, что народъ по первому слову короля сомкнется около него; но признаемся, мы желали-бы, чтобы окончательные результаты итальянскаго вопроса получились съ возможно-меньшимъ пролитіемъ крови; мы желаемъ, чтобы двуличная политика и централизація, (которую мы отличаемъ отъ единства) не имѣли дальнѣйшаго участія въ судьбахъ полуострова и, чтобы народъ, который такъ благородно и храбро велъ себя во все время послѣднихъ событій, получилъ наконецъ награду за свои страданія и долготерпѣніе.

В. ПОПОВЪ.

Литературная корреспонденція.

Не назовемъ брошюры г-на Габсnека «Іезуиты въ 1860 г». явленіемъ замѣчательнымъ, но она для насъ можетъ быть интересна, потому что говоритъ о предметѣ, духомъ котораго болѣе или менѣе проникнуты многія событія нашей эпохи.

Памфлетъ Габенека—не что иное, какъ большая журнальная статья, между тѣмъ какъ изъ каждаго ея параграфа можно разработать цѣлое сочиненіе, гдѣ авторъ могъ бы поглубже раскрыть эту язву современнаго общества, которой онъ касается только слегка. Какъ бы то ни было, брошюра читается не безъ удовольствія и не безъ пользы. Мы узнаемъ, что общество іезуитовъ, ненавидимое инстинктивно всѣми народами, почувствовало необходимость перемѣнить свое названіе и отдаться подъ покровительство Винцента де-Поля, котораго они обезславятъ, также какъ обезславили имя прежняго своего патрона.

Винцентъ, при жизни, былъ человѣкъ честнѣйшій: скромный, кроткій, онъ простиралъ свою преданность до самоотверженія. Онъ былъ зараженъ соціализмомъ;—и не вѣрилъ въ одинъ изъ основныхъ догматовъ католической религіи. Не рѣшаясь открыто подвергнуться гнѣву папскаго трибунала, бѣднякъ похоронилъ свои убѣжденія въ завѣщаніи, которое было вскрыто только черезъ два столѣтія послѣ его смерти. Въ этой исповѣди, Винцентъ выражалъ надежду, что, съ успѣхами просвѣщенія, католическая церковь обратится къ его вѣрованію. Онъ сильно ошибся! Вмѣсто всякихъ обращеній, мы дожили до провозглашенія папою догмата иммакулатнаго зачатія, и на злополучнаго Винцента наложено запрещеніе; его называютъ Saint de Paule, и что всего ужаснѣе, онъ сталъ патрономъ Іезуитовъ, которыхъ онъ искренно ненавидѣлъ.

Кто бы могъ подумать, что Франція, провозглашенная средоточіемъ либеральныхъ идей, выставляющая себя вождемъ въ дѣлѣ прогресса, до-сихъ-поръ наводнена іезуитами, этими черными людьми, съ сѣвера до юга, и дѣятельнѣйшій муравейникъ которыхъ находится въ Ліонѣ, истинной столицѣ вооруженнаго

католицизма... Римъ остается только офиціальнымъ мѣстомъ церковныхъ торжествъ и церемоніальныхъ процессій.

Нынѣшній *генералъ* Іезуитовъ, отецъ Бекъ, извѣстный наставникъ молодаго австрійскаго императора Франциска-Іосифа, былъ до-сихъ-поръ постоянно доволенъ своимъ ученикомъ и внушилъ ему идею слишкомъ знаменитаго конкордата.

Во Франціи насчитываютъ до 8000 религіозныхъ общинъ, имѣющихъ явную или тайную связь съ Іезуитами и управляемыхъ офиціально или украдкой посредствомъ ихъ принципаловъ или агентовъ.

Однѣхъ общинъ, подъ именемъ Винцента де-Поля существуетъ до 2500, хотя обыкновенно число ихъ выставляется не болѣе 1700 во всѣхъ частяхъ свѣта; но не надо забывать, что изъ этого числа цѣлая половина приходится на одну Францію. Такимъ образомъ около 700000 завербованы въ эту духовную армію, не считая легіоны глупцовъ и идіотовъ, которыхъ заставляютъ дѣйствовать помимо ихъ воли, не считая всѣхъ бѣдняковъ и нищихъ, вынужденныхъ продавать свою совѣсть за нѣсколько копѣекъ въ недѣлю.

Названія, подъ которыми это общество скрывается, чрезвычайно разнообразны: ассоціаціи, конгрегаціи, конференціи, братства, архибратства, и проч. и проч. Кругъ дѣятельности ихъ также весьма обширенъ. Въ Италіи, Іезуиты—санфедисты и солдаты папы, во Франціи они преимущественно занимаются воспитаніемъ и шпіонствомъ. Les frères ignorantins, напримѣръ, обладаютъ цѣлой ученой системой для привитія юношеству кривыхъ понятій и малодушія, нравственной порчи, которыя въ тысячу разъ хуже всякаго невѣжества, и въ ихъ-то руки попадаютъ дѣти и отроки бѣдныхъ классовъ; курсы образованія богатыхъ молодыхъ людей въ іезуитскихъ коллегіяхъ и семинаріяхъ, — конечно, обширнѣе, но зато и несравненно опаснѣе, чѣмъ въ казарменныхъ лицеяхъ буржуазіи.

Взрослыхъ Іезуиты стараются воспитывать посредствомъ библіотекъ, составленныхъ изъ такъ-называемыхъ книгъ нравственнаго содержанія, посредствомъ безконечнаго множества изданій, баснословно дешевыхъ. Такъ напримѣръ можно абонироваться на иллюстрированное изданіе въ *годъ*—за *двадцать-пять сантимовъ*. Правду сказать, что, и при этой дешевизнѣ, іезуитскія брошюры еще очень дороги, потому что трудно вообразить себѣ что-нибудь нелѣпѣе этого вздора.

Іезуиты завели множество кружковъ, родъ духовныхъ клу-

бовъ, гдѣ занимаются душеспасительными уроками и слушаютъ мистическія проповѣди, послѣ которыхъ можно и позабавиться, поиграть на билліардѣ, все, конечно, подъ руководствомъ смиренныхъ отцовъ.

Кружокъ или общество, извѣстное подъ названіемъ—l'Oeuvre *de St. Francois Règis* узаконяетъ непозволительныя связи и ставитъ попа между мужчиной и женщиной.

L'oeuvre des avocats de familles—занимается преимущественно дѣлами и процессами людей благомыслящихъ, около которыхъ всегда можно понагрѣть руки.

L'oeuvre des militaires—заботится о томъ, чтобы военные ходили въ церковь.

L'oeuvre de la Sainte Enfance — братство, члены котораго вносятъ по одному су въ недѣлю, собираемые оффиціально — на церковь, а на самомъ дѣлѣ — на жалованье генералу Ламорисьеру.

L'oeuvre des domestique — образуетъ изъ слугъ семейныхъ шпіоновъ.

L'oeuvre des voyageurs—выдаетъ паспорты и открытые листы, доставляющіе средства сообщникамъ путешествовать съ небольшими деньгами, или даже вовсе безъ денегъ, переходя отъ одного покровителя къ другому, отъ одной станціи ханжества до другой.

Существуютъ также конторы приходскаго кредита, избравшія подвигомъ — подрывать дѣла либеральныхъ и здоровыхъ умовъ негоціантовъ; составлять списки благочестивыхъ торговцевъ, которымъ слѣдуетъ помочь сбывать съ рукъ негодные товары.

Особенно надо указать на братство покровительства, которое вербуетъ сотни рабочихъ отъ двѣнадцати до восьмнадцатилѣтняго возраста, составляющихъ подвижную армію... благочестивые патроны льстятъ себя надежой, при первомъ удобномъ случаѣ, спустить эту молодежь на уличный бой противъ отцовъ и братьевъ, работниковъ свободнаго образа мыслей.

Въ заключеніе, укажемъ на общество опеки, которая замысловато раскидываетъ свои сѣти, забирая въ руки прелестнѣйшихъ сиротокъ и глупенькихъ, но богатыхъ питомицъ аристократіи.

Всѣ эти благочестивыя учрежденія вполнѣ достигли своей цѣли. Набожные члены ихъ, сначала не имѣвшіе угла, куда бы преклонить голову, владѣютъ нынѣ въ одной Франціи недвижимымъ имуществомъ, которое цѣнится во сто милліоновъ франковъ, а всю сумму ихъ капиталовъ, заключающихся въ акціяхъ,

облигаціяхъ и банковыхъ билетахъ, нѣтъ и возможности исчислить.

Прибавлять ко всему сказанному, кажется, нечего; хотя по случаю приведенныхъ фактовъ достало бы размышленій на цѣлый томъ. Легче будетъ вамъ прочитать стихотвореніе Виктора Гюго въ книжкѣ его *Les Châtiments*: послѣдователи Лойолы обрисованы тамъ превосходными красками.

Напрасно думаютъ, что вліяніе іезуитской партіи ослабло въ современную эпоху. Напротивъ, оно сдѣлалось тѣмъ опаснѣе и гибельнѣе, чѣмъ эта партія тише и таинственнѣе начала дѣйствовать. По-крайней-мѣрѣ, мы чувствуемъ ея липкій и всеразлагающій ядъ повсюду — въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ юношескомъ воспитаніи, въ войскѣ, въ извѣстныхъ кружкахъ общества, въ семейной и политической жизни.

Въ послѣднее время она разсыпалась по всѣмъ лучшимъ провинціямъ южной Франціи и перенесла свои рыбачьи мрежи даже въ алжирскія колоніи. Нельзя не изумляться живучести этого чудовищнаго сословія, задушившаго лучшіе зародыши въ соціальномъ развитіи полуденной Европы.

Іезуиты — эта европейская секта *Туговъ*. Индійскіе *Туги* давятъ людей, Іезуиты убиваютъ духъ. *Туги* не крадутъ; Іезуиты же подмѣниваютъ завѣщанія, и не затрудняются въ средствахъ при вымогательствѣ дарственныхъ записей отъ богатыхъ наслѣдницъ. Индійскій *Тугъ* жестокъ; Іезуитъ подлъ и низокъ.

Но обратимся къ болѣе отраднымъ явленіямъ.

Между историческими изданіями въ настоящую минуту, безспорно — самое интересное — собраніе «Документовъ и подлинныхъ бумагъ Венеціанской Республики, оставшихся по смерти бывшаго президента ея Даніила Манини». Вотъ исторія истинная и неоспоримая, потому что ничѣмъ не одолжена историку: она развивается съ непреодолимою самостоятельностью, изъ массы памятниковъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію: факты сами за себя говорятъ.

Этотъ сборникъ офиціальныхъ бумагъ читается съ такимъ же интересомъ, какъ самый страстный романъ, такъ-какъ дѣло идетъ о минутномъ возстановленіи и паденіи венеціанской свободы. На первомъ планѣ стоитъ отважная личность Даніила Манини, человѣка скромнаго и бѣднаго, который силой своихъ убѣжденій и преданностью общему дѣлу нашелъ средство возстановить Венецію, свое отечество, и даже цѣлую націю: такъ-какъ отъ него исходитъ формула, возрождающая въ настоящую мину-

ту Италію и давшая маленькому піемонтскому королю — имя короля Великой Италіи. Въ этихъ преданіяхъ недалекаго прошедшаго находите и зародыши настоящихъ событій и задатки на будущее.

Изданіе, о которомъ мы говоримъ, конечно, увеличитъ общую симпатію къ итальянскому дѣлу. Читая подлинные документы, мы не можемъ не сочувствовать геройскому подвигу горсти людей, отстоявшихъ свою независимость впродолженіе тринадцати мѣсяцевъ. Обманутые англійскимъ министерствомъ, оставленные Карломъ-Альбертомъ и всей Италіей, Венеціанцы не хотѣли положить оружіе до-тѣхъ-поръ, пока, буквально, не истощились у нихъ послѣдняя пуля въ боевомъ ящикѣ и послѣдній сухарь въ солдатскомъ ранцѣ.

Этотъ сборникъ, по свидѣтельству издателей, плодъ трехлѣтнихъ трудовъ. Бумаги, оставленныя покойнымъ Даніиломъ Манини, послужили главнымъ источникомъ этихъ офиціальныхъ документовъ, унесенныхъ въ изгнаніе и сохраненныхъ такимъ образомъ для отечества знаменитымъ Венеціанцемъ. Здѣсь уже представлены его собственные проэкты и письма. Во всѣхъ этихъ трудахъ мы сами принимали участіе, по довѣрію сына и друзей покойнаго.

«Цѣлью нашею было нетолько облегчить историковъ въ изысканіяхъ, часто затруднительныхъ, представляя имъ готовые и существеннѣйшіе матеріалы главной исторіи, которая разсказывается здѣсь, такъ-сказать, сама-собою, мы имѣли особенно въ виду — представить образованному міру всѣ документы, касающіеся великаго дѣла, занимающаго нынѣ вниманіе Европы.

Зная, какихъ трудовъ стоитъ подобное изданіе, мы считаемъ долгомъ упомянуть объ усердіи благородныхъ друзей Манини, и особенно г-на и г-жи Плана де-ла-Фай, вполнѣ заслуживающихъ признательность публики, которая должна знать сущность всякаго дѣла и ни на минуту не оставаться въ-потьмахъ. Кто любитъ истину и знаетъ, съ какими усиліями она добывается, тотъ пойметъ всю важность сборника, о которомъ мы говоримъ, и согласится съ нами, что издатели его оказали несомнѣнную услугу Италіи и особенно Венеціанской Республикѣ.

Ж. ЛЕФРЕНЪ.

Руководство къ живописи. Нѣмецкая, фламандская и голландская школа. На основаніи книги Куглера составилъ *Уэгенъ* (*Handbook of painting; The german, flemish and dutch schools, band on the book of Kugler, enlang. and for the most port re-written by Dr. Waagen.*) London, 1860.

Raphael d'Urbin *et son père Giov. Santi, par Passavant, édit. revue et annotée par P. Lacroix.* Paris, 1860.

Историческое пониманіе искусства сдѣлалось уже давно въ Европѣ потребностью всякого, занимающагося этимъ предметомъ. У насъ еще такъ мало писано въ этой отрасли литературы, что мы съ радостью встрѣчаемъ книги, заглавія которыхъ выставлены выше, и которыя обѣ представляютъ весьма совѣстливое изученіе предмета, хотя, конечно, личный взглядъ авторовъ не могъ не внести недостатковъ въ дѣло, до-сихъ-поръ неопирающееся ни на какой положительный научный законъ, но видоизмѣняющееся съ личнымъ настроеніемъ писателя. Обѣ книги можно разсматривать и какъ новыя и какъ старыя, потому-что въ обѣихъ сохранилось старое зерно, но передѣланное и дополненное новыми розысканіями и данными.

Книга Пассавана считается однимъ лучшимъ сочиненіемъ о жизни и твореніяхъ Рафаэля. Авторъ воспользовался во 2-мъ своемъ изданіи всѣми свѣдѣніями, появившимися до нашего времени о великомъ живописцѣ, и дополнилъ ихъ во многихъ случаяхъ собственными изысканіями. Онъ ѣздилъ съ этою цѣлью въ Урбино, родину художника, осмотрѣлъ всѣ его картины, прочелъ все написанное о немъ и, такимъ образомъ, составилъ самую полную біографію, въ которой можно найдти множество, неизвѣстныхъ до-сихъ-поръ подробностей, бросающихъ яркій свѣтъ на жизнь Рафаэля.

Картины послѣдняго тщательно изучены и разобраны съ знаніемъ дѣла. Авторъ слѣдитъ подробно за мѣстомъ пребыванія и за дѣятельностью художника, приводитъ и комментируетъ сочиненія о немъ, находящіяся въ библіотекахъ Италіи, Германіи, Англіи и Франціи, и, на основаніи подлинныхъ документовъ, воспроизводитъ вѣрную картину общества, въ средѣ котораго жилъ

и развивался геній. Собраны также свѣдѣнія о различныхъ членахъ семейства Рафаэля. Отецъ его, Джіованни Санти, былъ также живописцемъ, достойнымъ уваженія; Пассаванъ посвящаетъ ему цѣлую главу и дѣлаетъ обзоръ его картинъ, встрѣчающихся до-сихъ-поръ въ нѣкоторыхъ церквахъ.

Рафаэль былъ ученикомъ въ мастерской Перуджино; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ сдѣлался мастеромъ.

Папа Юлій II, пригласивъ его въ Римъ, заказалъ ему важныя работы, и исполненіе ихъ упрочило славу молодаго художника, которая еще болѣе возрасла при Львѣ X.

Пассаванъ, конечно, не находитъ достаточно восторговъ для послѣдней и знаменитѣйшей картины Рафаэля, *Преображеніе Господне*, которую многіе писатели называютъ «образцомъ изъ образцовъ».

Что касается до картинъ неоконченныхъ художникомъ, то необходимо, при обсужденіи ихъ, говорить отдѣльно объ участіи учениковъ Рафаэля, которые дописывали эти картины, и Пассаванъ, какъ знатокъ, разбираетъ достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ.

Прибавленіе къ первому тому заключаетъ въ себѣ интересныя подробности о семействѣ Санти, о самомъ Рафаэлѣ и разныхъ лицахъ той эпохи. Во второмъ томѣ помѣщены: описаніе и разборъ картинъ, рисунковъ Рафаэля, дѣланныхъ съ нихъ гравюръ, также картинъ его отца.

Лакруа присовокупилъ нѣкоторыя любопытныя примѣчанія и полезное для читателей оглавленіе. Вообще, можно сказать, что это сочиненіе заслуживаетъ полнаго вниманія въ особенности по тѣмъ исправленіямъ и дополненіямъ, съ которыми оно явилось теперь въ свѣтъ, точно также какъ по важности и занимательности содержанія. Изданіе весьма тщательно и къ нему приложенъ хорошій портретъ Рафаэля.

Обращаемся къ изданію Уэгена, переносящему насъ въ другую область искусства и основанному на извѣстной книгѣ Куглера.

Каждый новый издатель Куглера дополнилъ его книгу новыми свѣдѣніями, и первоначальное небольшое руководство дошло до размѣровъ двухъ томовъ. Много недостатковъ было у прежняго Куглера, но до сихъ поръ, во многихъ случаяхъ это изданіе служитъ основаніемъ для историковъ искусства. Въ свое время, смотря по средствамъ, которыми онъ располагалъ, Куглеръ далъ превосходное руководство; но время идетъ, и то, что

было превосходно для 1837 г., конечно, весьма недостаточно въ 1860, и немудрено что Уэгенъ нашелъ возможность, съ своей стороны сдѣлать весьма многія хорошія дополненія. Книга Уэгена не есть простое руководство, какъ предшествовавшія изданія, а довольно подробная исторія, одной изъ отраслей искусства. Конечно можно пожаловаться во многихъ мѣстахъ, что сдѣланныя прибавленія ограничиваются фразами, нисколько не дополняющими прежнихъ краткихъ данныхъ, но зато есть много и новыхъ свѣдѣній, въ особенности нѣсколько полезныхъ хронологическихъ поправокъ. Куглеръ слишкомъ исключительно занялся художниками первыхъ періодовъ; что же касается до отдѣла нѣмецкой школы въ его сочиненіи, то Уэгенъ говоритъ справедливо, что: «Въ сравненіи съ трудомъ, посвященнымъ покойнымъ д-ромъ Куглеромъ, художникамъ XV и XVI столѣтій, слишкомъ коротко упомянуто, о значительномъ числѣ замѣчательныхъ живописцевъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, нѣсколько страницъ посвящены Альбрехту Альтдорферу, а о такомъ живописцѣ, какъ Кейпъ (Сиур), сказано лишь нѣсколько словъ, и не указано ни одно изъ его произведеній; а другой великій пейзажистъ, Филиппъ де-Конинкъ, совершенно пропущенъ».

Впрочемъ, едва ли Уэгенъ имѣлъ право очень упрекать Куглера за пропускъ Конинка (Koninck или Koningh), самъ онъ посвящаетъ этому живописцу едва пол-страницы, хотя дѣйствительно это замѣчательный пейзажистъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, можетъ соперничать съ Рембрандтомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ стоитъ выше послѣдняго; одинъ Рубенсъ, превосходилъ его колоритомъ. Перспектива его картинъ удивительна. Уэгенъ говоритъ, что его виды привлекаютъ изумительной вѣрностью, съ природой, чувствомъ разстояній (sense of distanc), превосходной кистью, теплымъ и большей частію свѣтлымъ колоритомъ, смѣлой и въ тоже время *оконченной,* отдѣлкой impasto.

Мы не согласимся съ авторомъ въ словѣ *оконченности;* въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно принимается, т. е. мелочной выработки, въ де-Конинкѣ; — трудно найдти эту оконченность даже въ его первыхъ планахъ, часто слабыхъ и нѣсколько грубыхъ; но настоящая оконченность состоитъ въ полномъ соотвѣтствіи мысли, съ знаніемъ эффектовъ и расположенія свѣто тѣни, что всегда встрѣчается въ среднихъ и дальнихъ планахъ, всѣхъ произведеній этого необыкновеннаго художника. Надобно сказать, однакожъ, что деревья его первыхъ плановъ

часто бываютъ неправдоподобны. Произведенія его рѣдки, лучшія находятся въ Англіи родился онъ въ 1619 г., а умеръ въ 1689 г.

Уэгенъ приводитъ въ примѣръ картины, доступныя англійскимъ читателямъ для сравненія, доставляетъ порою тщательныя свѣдѣнія о живописцахъ, которые и гравировали или рѣзали на деревѣ по собственнымъ рисункамъ. Много свѣдѣній находимъ о Мартинѣ Шонгауэрѣ (ученикѣ Рожье фан-дер-Вейдена старшаго), одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ этогоразряда, для примѣра приложено нѣсколько гравюръ, исполненныхъ очень удовлетворительно. Повидимому, Уэгенъ не вполнѣ оцѣнилъ значеніе Шонгауэра, въ произведеніяхъ фантастическаго міра, смѣшивающихъ ужасное съ гротескомъ. Этотъ родъ господствовалъ въ Германіи въ періодѣ времени, современный Шонгауэру, и едва ли послѣдній не имѣлъ въ этомъ отношеніи вліянія на самого Альберта Дюрера. Высокое мнѣніе Италіанцевъ о Шонгауэрѣ, можно видѣть изъ разсказа Вазари, о томъ что Микелло снялъ очеркъ, перомъ, съ шонгауэрова Искушенія св. Антонія.

Замѣчательныя свѣдѣнія находимъ мы въ изданіи Уэгена объ иллюминованныхъ рукописяхъ отъ VI до XVI столѣтія. «Вся заслуга указанія пути по этому предмету принадлежитъ *Д'Аженкуру*, въ его извѣстномъ твореніи», такъ говоритъ самъ Уэгенъ; «слѣдуя за нимъ, осмѣлюсь сказать, по тому-же пути, но распространяя розысканія, я представилъ полное описаніе многихъ рукописей, украшенныхъ миніатюрными изображеніями, какъ въ моей книгѣ *Freasures of Art in Paris and in England*, такъ и въ одной статьѣ нѣмецкаго журнала *Kunstblatt* за 1850 годъ. *Куглеръ*, можно сказать, слѣдовалъ въ этомъ отношеніи за мною.»

Какъ, повидимому, ни скромно мнѣніе о себѣ, выраженное Уэгеномъ, но оно слишкомъ высоко. Достоинство его труда заключается болѣе въ научной оцѣнкѣ фактовъ, повѣркѣ хронологическихъ данныхъ и т. п.; но, какъ эстетическому критику, ему нельзя придать такого значенія. Напримѣръ, онъ говоритъ о рукописи стихотвореній Христины Пизанской:

«Другой манускриптъ, Британскаго Музея, а именно: стихотворенія Христины Пизанской (Harleian, N° 4431), содержитъ въ себѣ разные хорошіе рисунки нидерландскихъ художниковъ, очень замѣчательные, какъ образцы воспроизведенія свѣтскихъ предметовъ, равно какъ и заимствованныхъ изъ миѳологіи. Между ними находятся изображенія: красивой молодой женщины, колѣнопреклоненной передъ мужчиной, и свадьбы Пелея,

и здѣсь яства помѣщены на трехъ столахъ современнаго устройства.»

Но тотъ, кто видѣлъ въ Лондонѣ названную рукопись, конечно, замѣтилъ въ концѣ (кажется, предпослѣдній) рисунокъ, красота котораго должна-бы заставить Уэгена гораздо выше цѣнить произведенія того періода времени. Рисунокъ этотъ изображаетъ двухъ любовниковъ, въ саду, прислонившихся къ рѣшеткѣ, обвитой розами; вдали видны остриженные кусты во вкусѣ той эпохи. Это изображеніе превосходитъ въ отношеніи искусства всѣ прочія въ этой-же книгѣ, и гораздо выше рисунковъ Молитвенника, о которомъ Уэгенъ говоритъ предъ тѣмъ и въ которомъ находитъ больше достоинства.

Приводимъ отрывокъ изъ того времени, которое Уэгенъ называетъ второю эпохою германскаго стиля (1420—1530).

«*Братья фон-Эйкъ*. Нидерландская школа, съ давняго времени ознаменовавшая себя искусствомъ живописи, была и первая воспроизведшая свой особенный тевтонскій элементъ. Этотъ послѣдній выказывается въ стараніи выразить духовный смыслъ, который художники такъ глубоко чувствовали, въ образахъ дѣйствительной жизни; онъ выказываетъ въ передачѣ этихъ образовъ съ крайней отчетливостію и истиной въ рисункѣ, въ колоритѣ, въ перспективѣ и свѣтотѣни; онъ выказываетъ и въ наполненіи картинами и сценами, заимствованными изъ природы, или произведеніями человѣческихъ рукъ и тщательною передачею малѣйшихъ подробностей. Здѣсь должно пояснить важность подобнаго развитія реалистическаго чувства въ живописи, чувства никогда еще достаточно непризнаннаго. Къ нему мы относимъ полнѣйшія свидѣтельства энтузіазма къ религіи и къ искусству, проникнувшаго германское племя.

Что касается Итальянцевъ — великихъ рудоводителей въ дѣлѣ искусства между романскими народами — то отношеніе ихъ къ искусству точно также какъ къ христіанству имѣетъ совершенно другой характеръ. Именно національная особенность ихъ картинъ духовнаго содержанія по своей сущности весьма отлична отъ особенности истинно тевтонскихъ, германскихъ художниковъ въ томъ же случаѣ. Древнее романское племя составляетъ основаніе италіянскаго народонаселенія. Германскія полчища, вторгнувшіяся въ полуостровъ, только частію вошли въ его населеніе и были постепенно поглощены въ новомъ единствѣ. Поэтому, германское эстетическое чувство и пониманіе христіанства, значительно измѣнились вліяніемъ господствующаго класси-

ческаго элемента. Къ тому же, многочисленные памятники древняго искусства, находящіеся въ странѣ, отъ времени до времени производили сильное вліяніе на все художественное развитіе. Хотя соединеніе этихъ условій счастливо выказалось въ прекраснѣйшихъ произведеніяхъ христіанскаго искусства, но, сравнивая его съ древнимъ, особенно съ греческимъ искусствомъ, — мы не замѣчаемъ въ италіянскихъ произведеніяхъ самобытной живописи раннихъ нидерландскихъ школъ; первыя скорѣе должно считать успѣшнымъ переходомъ отъ древняго эстетическаго чувства къ германскому. При этомъ нидерландское искусство перваго времени, въ его независимости отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, показываетъ намъ противоположность между естественнымъ взглядомъ на искусство Грековъ и Германцевъ (такъ какъ эти два племени суть главные представители образованности въ древнемъ и въ новомъ мірѣ). Ни въ какой другой формѣ эта противоположность не выражается такъ ясно и опредѣлительно. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается важное значеніе нидерландской школы въ исторіи искусства.

Для греческаго искусства характеристична идеализація нетолько типовъ идеальнаго міра, но даже обыкновенныхъ портретовъ: упрощеніе формъ и рельефное выставленіе важнѣйшихъ частей художественнаго произведенія. Старая нидерландская школа, напротивъ, придаетъ видъ обыкновенныхъ портретовъ даже идеальнымъ типамъ Богородицы, апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, а въ настоящихъ портретахъ старается передать случайности предметовъ природы. Между тѣмъ какъ Греки облекали различныя вещества видимаго міра, какъ-то: рѣки, ручьи, горы, деревья и проч., въ отвлеченныя человѣческія формы, — нидерландскіе живописцы старались передавать ихъ такъ, какъ ихъ видитъ глазъ, съ вѣрностью, простирающеюся до мельчайшихъ подробностей. Въ средѣ нидерландскаго племени развилась школа чистаго реализма и пейзажная, въ противоположность идеализма Грековъ и влеченія ихъ къ олицетворенію. Въ этомъ отношеніи остальныя германскія племена довольно близко подходятъ къ жителямъ Нидерландъ, именно сначала Нѣмцы, а потомъ Англичане.

Для иностранца нѣсколько странно это самовосхваленіе германскаго племени, когда еще нельзя опредѣлительно сказать до какой степени эта единица: германскія или тевтоническія племена представляютъ нѣчто реальное. Существуютъ германскія языки, это безспорно, и столько же безспорно, что языкъ представ-

ляетъ весьма важный элементъ національности. Но это одинъ элементъ. Географическія условія, экономическія условія, политическія условія составляютъ элементъ столь же сильный, и совокупность ихъ выработываетъ національную особенность, видоизмѣняющую самое нарѣчіе, но въ особенности складъ ума и то, что въ естествознаніи получаетъ общій терминъ: habitus. Что общаго между національностью Нѣмца, Швейцарца и Вѣнца? а языкъ ихъ одинаковъ. Между Янки и Джономъ Булемъ существуетъ исторически-прослѣдимое родство; періодъ появленій новой *породы* весьма коротокъ, а какъ различенъ habitus Англо-Саксонца на двухъ берегахъ океана. Впрочемъ оставимъ этимъ миѳологическимъ Тевтонамъ ихъ мистическое родство; по-крайней-мѣрѣ на основаніи его они повторяютъ извѣстный анекдотъ о господинѣ, который былъ спрошенъ: играетъ ли онъ на скрипкѣ? и отвѣчалъ: нѣтъ, но мой двоюродный братъ играетъ на флейтѣ. Нѣмцы политически ничтожны: имъ стыдно за Гессенъ съ его Гассенфлугомъ, за Саксонію выдающую Текели, за Баварію осуждающую Арндта; правда, но — его двоюродные братцы Англичане и Американцы имѣютъ такія прекрасныя конституціи.

Англичанинъ, выходя изъ себя, чтобы прославить своихъ *великихъ* артистовъ, въ душѣ сознаетъ ихъ слабость, но — его двоюродные братцы въ Нидерландахъ имѣли Рембрандта, Рубенса, Ванъ-Дэйка; его двоюродные братцы Нѣмцы имѣли Дюрера и Гольбейна; а потому да здравствуетъ единое германское племя, распространенію котораго посвящаетъ одну карту (всемірную!) каждый порядочный географъ, *считающій себѣ за честь* къ нему принадлежать, точно также какъ во всѣхъ синхронистическихъ таблицахъ *добропорядочнаго направленія*, историкъ считаетъ за обязанность поставить годъ сотворенія міра, смерти Адама, годъ всемірнаго потопа и т. под.

Что касается до противоположенія направленій въ пластическомъ искусствѣ сѣверной Европы и древней Греціи, то оно безспорно, и мысль Уэгена, хотя не новая, стоитъ, чтобы читатель обратилъ на нее вниманіе. Въ этой противоположности, отражающейся и въ литературѣ, какъ бы воплощаются сперва безсознательно, потомъ сознательно, два воззрѣнія на міръ. Грекъ считаетъ человѣка способнымъ все почерпнуть изъ самаго себя, видитъ лишь въ немъ идеалъ мудрости и красоты; для Грека самые боги не унижены человѣческими страстями, и онъ противопоставляетъ человѣческому міру олимпійскаго ареопага и греческихъ республикъ, безличную мрачную судьбу. Чело-

вѣкъ новаго міра видитъ себя слабымъ, среди невидимыхъ силъ его давящихъ со всѣхъ сторонъ; его идеалы безличны, безстрастны, безтѣлесны; всѣ мелочи жизни, весь формализмъ обстановки, всѣ частности окружающаго міра имѣютъ на него вліяніе, имѣютъ для него таинственное значеніе; онъ долженъ обращать вниманіе на все, что его окружаетъ. Поэтому древній Грекъ пренебрегаетъ многимъ, чтобы остановиться на существенномъ; онъ пренебрегаетъ обстановкою въ искусствѣ, стремясь къ главному — къ человѣческой красотѣ, цѣли всякаго искусства. Новый художникъ не пренебрегаетъ ничѣмъ; онъ собираетъ общее обаяніе, красоты изъ всѣхъ частныхъ впечатлѣній, которыми дышетъ на человѣка все его окружающее; предметъ природы, вещь, особенность костюма, эффектное освѣщеніе — все это собирается для составленія гармоническаго впечатлѣнія, потому что человѣкъ есть — *одно* изъ твореній, *одинъ* изъ предметовъ; человѣкъ не можетъ себя мыслить безъ обстановки; его значеніе *какъ человѣка* для него непонятно; его достоинство зависитъ отъ внѣшности. Но его форма, перенесенная на миѳологическій идеалъ, дѣлаетъ послѣдній божественнымъ; но безформенная, недоступная искусству сила составляетъ достоинство его личности. Эта сила можетъ присутствовать въ другой формѣ, можетъ присутствовать и въ безобразіи, и вотъ въ этомъ мистическомъ элементѣ новоевропейскаго настроенія скрывается тайна такъ называемаго реализма новаго искусства, скрывается его неувѣренность въ вопросѣ: безобразное не есть ли одна изъ формъ красоты? Но возвращаемся къ книгѣ Уэгена.

Очертивъ исторію нѣмецкой школы до начала XVI-го столѣтія, авторъ разсматриваетъ причины ея особенностей, и сознаетъ превосходство надъ нею лучшихъ италіянскихъ живописцевъ — въ отношеніи идеальности мысли, простоты и красоты формы, граціи движеній и т. под. Авторъ приписываетъ эти очевидныя преимущества различію во врожденномъ эстетическомъ чувствѣ и выгоднѣйшимъ условіямъ, въ которыя поставленъ южный житель, относительно красоты человѣка, природы и климата, его окружающаго. Кромѣ того авторъ говоритъ слѣдующее:

«Хотя средневѣковая любовь къ фантастическому дала нѣсколько прелестныхъ и одушевленныхъ произведеній, но неблагопріятствовала стремленію къ чистой красотѣ. Эта любовь, давно уже исчезнувшая въ Италіи, была еще въ этомъ періодѣ сильна въ Германіи; сцены изъ Апокалипсиса, Пляски Смерти и проч., встрѣчаются между любимѣйшими сюжетами для искусства.

Съ другой стороны Нѣмцы такъ плохо понимали способъ живописнаго изображенія предметовъ древней литературы, этого міра, изобилующаго прекрасными образами, что они вносили въ изображеніе этого міра тѣ же фантастическія формы, приходя часто къ ребяческимъ произведеніямъ, лишеннымъ всякаго вкуса. Мы должны замѣтить еще, что среднее воспитаніе различныхъ классовъ общества, государей, дворянъ, гражданъ, необходимое для поощренія изящныхъ искусствъ, находилось на гораздо низшей степени въ Германіи, чѣмъ въ той благословенной странѣ, которая, съ начала XV-го столѣтія стояла въ главѣ прочихъ. Вслѣдствіе этого, въ Италіи любовь къ искусствамъ была гораздо болѣе распространена и достоинство художественныхъ произведеній, оцѣнялось гораздо выше. Это подало поводъ къ болѣе высокому личному положенію художниковъ въ обществѣ; это положеніе, въ Италіи, было не только что одно изъ самыхъ уважаемыхъ, но, благодаря денежному вознагражденію, одно изъ самыхъ независимыхъ. Германія же, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, была такъ неразвита, что даже геній Альберта Дюрера Гольбейна, былъ жалкимъ образомъ, стѣсненъ и задержанъ въ своемъ развитіи, бѣдностью и мелочностью окружающей ихъ среды. Извѣстно, что никто изъ германскихъ государей, кромѣ курфирста Фридриха мудраго, не заказывалъ Дюреру картинъ, и письмо адресованное этимъ великимъ живописцемъ въ нюренбергскій магистратъ, показываетъ намъ, что родной его городъ никогда не давалъ ему работы, хоть бы цѣною на 500 флориновъ. Въ тоже время его картины шли за такую ничтожную плату, что для пріобрѣтенія средствъ къ существованію, какъ онъ самъ говоритъ, онъ долженъ былъ посвятить себя гравированію. Вышеупомянутое письмо показываетъ, что человѣкъ подобный Дюреру, могъ быть оцѣненъ, несравненно лучше въ Италіи и въ Нидерландахъ; онъ говоритъ, что ему предлагали 200 дукатовъ въ Венеціи, и 300 филипсгульденовъ въ Антверпенѣ если онъ захочетъ жить въ одномъ изъ этихъ городовъ. А Гольбейну было чуть ли не хуже: нѣтъ и признака, чтобъ, когда-либо, какой нѣмецкій государь подумалъ о великомъ живописцѣ, и въ Базелѣ его труды были такъ мало оцѣнены, что онъ принужденъ былъ отправиться въ Англію, гдѣ геній его способный на величайшія произведенія исторической живописи, ограничился сферою портретовъ. Наконецъ последними препятствіями къ преуспѣянію, нѣмецкаго искусства, такимъ образомъ отвращеннаго отъ настоящаго пути своего,

была реформація, которая съузила сферу произведеній церковнаго искусства и послѣдовавшее за нею гибельное подражаніе великимъ итальянскимъ художникамъ.»

Уэгенъ отдалъ только справедливость Дюреру. Едва ли онъ достаточно оцѣнилъ, по мысли поклонниковъ этого художника, особенность его таланта и его живописныя поэмы: *рыцарь, смерть и дьяволъ*, *меланхолія* и др. Нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ авторомъ, о гибели произведеній аль-фреско Голбейна въ Люцернѣ, или его же *тріумфовъ богатства и бѣдности*, картина которую Цуккеро ставилъ по достоинству наровнѣ съ произведеніями Рафаэля.

Мало кто согласится съ мнѣніемъ автора, будто-бы Фандейкъ превосходилъ Рубенса, въ выраженіи глубокихъ чувствъ, и многіе критики искусства удивятся, что можно найти «истину» въ произведеніяхъ Фан-дер-Мёйлена.

Личному характеру Рембрандта отдана авторомъ справедливость, и опровергнуты клеветы распространенныя относительно этого великаго художника. Рембрандтъ не былъ ни скряга, ни расточитель, а щедрый знатокъ покупающій порою и слабыя произведенія, и геніальныя творенія. Замѣчательнѣйшія изъ открытій его, это Лаокоонъ, античный купидонъ, и бюсты Гомера и Сократа. Очень жаль что менѣе страницы посвящено гравюрамъ Рембрандта.

Вообще трудъ Уэгена есть трудъ весьма серьезный, полезный, хотя далеко нельзя раздѣлять всѣ его мнѣнія о живописцахъ. Жаль что онъ не внесъ въ свое сочиненіе указателя по той системѣ, которую принялъ Истлэко въ итальянскомъ изданіи Куглера. Указатель весьма важенъ въ подобныхъ книгахъ. Рисунки, приложенные къ сочиненію, весьма удовлетворительны и увеличиваютъ его достоинство послѣдняго.

О. О.

СМѢСЬ.

Нѣсколько замѣтокъ о земскихъ банкахъ.

Реформа въ области кредита, производимая трудами комиссіи, составившей проэктъ земскихъ банковъ, такъ велика и радикальна, что сама комиссія признаетъ необходимость переходныхъ мѣръ отъ старой системы кредита къ новой. Такими переходными мѣрами она признаетъ: 1) дозволеніе учреждать земскія отдѣленія въ приказахъ общественнаго призрѣнія; 2) допущеніе открытія отдѣленій съ меньшимъ числомъ членовъ заемщиковъ противъ земскихъ банковъ и съ залогомъ меньшаго количества имуществъ по цѣнности: 3) уменьшеніе размѣра ссудъ, выдаваемыхъ изъ отдѣленій, сравнительно съ земскими банками и главное 4) обезпеченіе исправности платежей земскихъ отдѣленій посредствомъ ближайшаго наблюденія, со стороны правительства, за дѣйствіями отдѣленій.

Послѣдняя мѣра составляетъ огромное нововведеніе. Доселѣ думали, что обезпеченіемъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ можетъ служить только то, что имѣетъ какую нибудь цѣнность, то, на что можетъ быть обращено взысканіе, въ случаѣ неисправности платежей несостоятельныхъ лицъ или обществъ. Комиссія думаетъ иначе и признаетъ обезпеченіемъ ближайшее наблюденіе правительства, которое не имѣетъ ровно никакой матеріальной цѣнности само по себѣ и не влечетъ за собой никакой имущественной отвѣтственности ни со стороны правительства, ни со стороны его представителей, т. е. непремѣнныхъ членовъ приказовъ, чрезъ которыхъ будетъ производиться ближайшее наблю-

деніе. Въ этомъ видѣ ближайшее наблюденіе является чисто отвлеченнымъ понятіемъ и потому никакъ не можетъ служить обезпеченіемъ въ дѣлѣ кредита, по-крайней-мѣрѣ, въ прямомъ и точномъ значеніи этого слова. Кромѣ того, допуская такъ называемое обезпеченіе посредствомъ ближайшаго наблюденія, которое есть ни что иное, какъ вмѣшательство администраціи въ дѣла частнаго кредитнаго общества, комиссія впадаетъ въ непослѣдовательность и нарушаетъ ею же самой установленныя начала; она признала необходимыми, для земскихъ банковъ, полную независимость и совершенную свободу дѣйствій, она признала безусловно-вреднымъ всякое вмѣшательство администраціи въ дѣла этихъ банковъ; а для земскихъ отдѣленій, которыя суть тѣ-же, только маленькіе земскіе банки, комиссія признаетъ стѣсненіе свободы дѣйствій и административное вмѣшательство нетолько полезнымъ, но даже считаетъ это все обезпеченіемъ!

Ближайшее наблюденіе ставитъ земскіе банки въ положеніе весьма похожее на положеніе частнаго лица, не могущаго занять денегъ безъ поручительства, если-бы поручитель, принявъ это званіе, отказался отвѣчать за заемщика своимъ имуществомъ, но обѣщалъ-бы наблюдать за исправнымъ исполненіемъ его обязательствъ. Такое ручательство или обезпеченіе можетъ только окончательно подорвать кредитъ заемщика, оно сдѣлаетъ для всѣхъ очевиднымъ то обстоятельство, что самъ поручитель не вѣритъ въ состоятельность покровительствуемаго имъ лица. Наблюденіе правительства имѣетъ, разумѣется, больше значенія, чѣмъ наблюденіе частнаго лица, но все же обезпеченіе частныхъ кредитныхъ учрежденій, только посредствомъ ближайшаго наблюденія, составляетъ ни болѣе, ни мѣнѣе, какъ изъявленіе недовѣрія правительства къ этимъ учрежденіямъ. Если земскіе банки и земскія отдѣленія такъ тверды, что не нуждаются въ дѣйствительныхъ обезпеченіяхъ со стороны правительства, то о нихъ не должно быть и рѣчи — если же обезпеченія необходимы, то они должны быть дѣйствительныя и существенныя, а невоображаемыя. Правительство можетъ и должно наблюдать за исполненіемъ правилъ правленіями земскихъ банковъ и отдѣленій; такое наблюденіе не нарушаетъ свободы дѣйствій частныхъ кредитныхъ учрежденій и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ обезпеченія въ томъ смыслѣ, въ которомъ обыкновенно принимается гарантія правительства въ дѣлѣ кредита и промышленности; оно просто войдетъ въ кругъ обыкновенныхъ его правъ и административныхъ обязанностей. Ближайшее наблюденіе совсѣмъ другое

дѣло; оно есть прямое, безотчетное и безотвѣтственное участі правительства и администраціи въ управленіи дѣлами частнаго предпріятія, что безусловно-вредно и признается вреднымъ самой комиссіей. Дѣйствительно, трудно предполагать, чтобы членъ приказа, не заинтересованный въ операціяхъ земскаго отдѣленія и неотвѣчающій имуществомъ за свои дѣйствія и распоряженія по управленію дѣлами отдѣленія, могъ предотвратить и остановить ошибки или злоупотребленія со стороны другихъ членовъ того же управленія, членовъ избранныхъ въ должность цѣлымъ обществомъ заемщиковъ, членовъ, которые прямо и непосредственно заинтересованы въ успѣхѣ дѣла, которымъ призваны управлять и за которое они отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ.

Мы держимся самой реальной стороны въ дѣлѣ кредита, полагая необходимымъ, чтобы прямыя обезпеченія представляли, въ этомъ случаѣ, непремѣнно имущественную цѣнность, хотя и признаемъ существованіе и пользу нѣкоторыхъ другихъ, косвенно дѣйствующихъ гарантій. Но ближайшее наблюденіе не можетъ быть даже косвенной гарантіей, потому что оно есть вредное вмѣшательство администраціи въ частное дѣло; оно способно только ослабить частную дѣятельность и наблюдательность, а комиссія вездѣ старается неослаблять, а возбуждать эту дѣятельность, которая дѣйствительно необходима для успѣха частныхъ кредитныхъ учрежденій. Мало этого; въ случаѣ дѣйствительныхъ ошибокъ, упущеній или даже злоупотребленій со стороны правленій земскихъ кредитныхъ отдѣленій, административное лицо, которому непосредственно поручено ближайшее наблюденіе, будетъ участникомъ сдѣланныхъ ошибокъ, упущеній или злоупотребленій и потому будетъ навѣрно противодѣйствовать раскрытію неправильныхъ дѣйствій; такъ что членамъ земскихъ отдѣленій придется бороться не съ однимъ уже выборнымъ правленіемъ, но и съ совершенно независимымъ отъ нихъ, съ преобладающимъ даже административнымъ элементомъ, а это должно непремѣнно затруднить частный контроль. Какъ косвенная гарантія, несравненно выше стоятъ тѣ мѣры, на которыя указываетъ, между прочими, г. Головачевъ въ статьѣ о земскихъ банкахъ. Мѣры эти — пересмотръ существующихъ законовъ по кредитной части и введеніе гласнаго судопроизводства, точно также необходима и полная независимость суда отъ всякаго административнаго вліянія; только при этихъ условіяхъ можно надѣяться на быстрое прочное развитіе кредита и довѣрія вообще. Гласности судо-

производства и независимости суда нельзя замѣнить ни административнымъ покровительствомъ, ни ближайшимъ наблюденіемъ и потому чрезвычайно жаль, что комиссія не признала полезнымъ указать на необходимость этихъ косвенныхъ, но, въ тоже время, въ высшей степени важныхъ и дѣйствительныхъ гарантій.

Что касается второй и третьей переходной мѣры, то онѣ тѣсно между собою связаны. Уменьшеніе размѣра ссудъ изъ земскихъ отдѣленій есть прямое и естественное послѣдствіе дозволенія открывать отдѣленія съ меньшимъ числомъ членовъ — заемщиковъ и съ меньшимъ количествомъ залоговъ, по цѣнности, противъ того числа и количества, которые признаны необходимыми для полной и совершенной твердости земскихъ банковъ. Это уменьшеніе есть прямое послѣдствіе уменьшенія стоимости и дѣйствительности круговой поруки членовъ заемщиковъ, вслѣдствіе уменьшенія числа ихъ. Круговая порука и отвѣтственность имѣютъ тѣмъ большую прочность, дѣйствительность и стоимость, чѣмъ на большее число лицъ и имуществъ она распространяется. Уменьшеніе размѣра ссудъ изъ земскихъ отдѣленій противодѣйствуетъ уменьшенію представляемаго ими обезпеченія закладныхъ листовъ, вслѣдствіе уменьшенія числа лицъ и количества имуществъ, отвѣчающихъ за нихъ. Въ земскихъ банкахъ большее число закладныхъ листовъ представляетъ каждое изъ заложенныхъ въ банкѣ имуществъ, но за то отвѣтственность круговой поруки распространяется на большее число имуществъ; въ земскихъ отдѣленіяхъ на оборотъ, —круговая порука распространяется на меньшее число имуществъ и потому дѣлается менѣе дѣйствительной, но за то меньшее число листовъ представляетъ, въ обращеніи, каждое изъ-заложенныхъ въ отдѣленіи имуществъ, что вполнѣ возстановляетъ дѣйствительность обезпеченія и придаетъ земскимъ отдѣленіямъ ту же самую степень твердости, которая можетъ только существовать для земскихъ банковъ; вслѣдствіе этого едва-ли есть надобность изобрѣтать для земскихъ отдѣленій такія тонкія и отвлеченныя гарантіи, какъ ближайшее наблюденіе; если же необходимость правительственной гарантіи существуетъ для земскихъ отдѣленій, то она должна существовать и для земскихъ банковъ. Необходимость уменьшенія размѣра ссудъ изъ отдѣленій, признанная комиссіею, служитъ лучшимъ доказательствомъ ничтожности обезпеченія посредствомъ ближайшаго наблюденія; если-бы наблюденіе это составляло дѣйствительную гарантію со стороны правительства, то будучи предоставлено однимъ земскимъ отдѣленіямъ, она соста-

вило-бы значительное преимущество ихъ предъ земскими банками и могло-бы вполнѣ вознаградить уменьшеніе въ нихъ дѣйствительности круговой поруки и тѣмъ устранить необходимость уменьшенія размѣра ссудъ; но такъ какъ коммиссія признаетъ уменьшеніе размѣра ссудъ необходимымъ, то она сама доказываетъ, что признаетъ обезпеченіе, посредствомъ ближайшаго наблюденія, ничтожной, ни къ чему не ведущей мѣрой на практикѣ.

Послѣдняя переходная мѣра — открытіе земскихъ отдѣленій въ приказахъ, есть прямое послѣдствіе вновь изобрѣтенной гарантіи посредствомъ ближайшаго наблюденія. Между приказами и земскими отдѣленіями нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Коммиссія говоритъ въ проэктѣ, что приказамъ можетъ быть временно разрѣшено производить ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ: но это только говорится такъ, а въ сущности ссуды будутъ выдаваемы не изъ приказовъ, а изъ земскихъ отдѣленій при приказахъ. Ссуды будутъ производиться не деньгами, какъ прежде, а закладными листами, совершенно сходными съ листами, выпускаемыми земскими банками, листами, за которые приказъ не будетъ ручаться и отвѣчать, все обезпеченіе листовъ будетъ основываться на заложенныхъ въ отдѣленіи имѣньяхъ. Связь земскихъ отдѣленій съ приказами будетъ чисто внѣшняя и совершенно формальная, она выразится исключительно въ участіи непремѣннаго члена приказа въ управленіи дѣлами отдѣленія; но такая чисто внѣшняя смазка двухъ учрежденій совершенно противоположныхъ другъ-другу, по внутреннему устройству и духу, врядъ ли можетъ быть полезна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить переходомъ отъ одного учрежденія къ другому.

Связь земскихъ отдѣленій съ приказами можетъ даже помѣшать открытію и образованію отдѣленій, потому что врядъ ли найдется частное общество заемщиковъ, которое согласится допустить вмѣшательство въ свои дѣла безотвѣтственнаго предъ нимъ административнаго элемента; а между тѣмъ возможность образованія отдѣленій можетъ быть весьма полезна; она дастъ возможность меньшему числу желающихъ составлять частныя кредитныя общества. Можетъ случиться, что гдѣ нибудь и не наберется назначеннаго числа лицъ или количества имуществъ, по цѣнности, для образованія прямо земскаго кредитнаго общества, образовать же отдѣленіе будетъ невозможно, потому что при этомъ пришлось-бы допустить вмѣшательство администраціи

въ частное дѣло, что неудобно; въ этомъ случаѣ мѣры, назначенныя для поощренія, облегченія образованія частныхъ кредитныхъ обществъ, будутъ прямо противодѣйствовать этому образованію.

И такъ изъ четырехъ переходныхъ мѣръ, предлагаемыхъ комиссіею, только двѣ могутъ назваться мѣрами практическими и дѣйствительно-переходными; эти мѣры слѣдующія: дозволеніе открывать земскія отдѣленія и уменьшеніе размѣра ссудъ изъ отдѣленій противъ земскихъ банковъ. Что же касается до связи отдѣленій съ приказами и до обезпеченія посредствомъ ближайшаго наблюденія со стороны правительства, то эти двѣ мѣры могутъ имѣть только вредное вліяніе.

Комиссія желала, кажется, придать болѣе твердости отдѣленіямъ, предлагая большее участіе правительства въ ихъ судьбахъ. Къ сожалѣнію, она приходитъ къ совершенно противуположнымъ результатамъ; а между тѣмъ участіе и пособіе правительства, направленные только иначе, могутъ принести огромную пользу успѣху частныхъ кредитныхъ учрежденій. Пособіе правительства должно быть обращено на образованіе запасныхъ капиталовъ для земскихъ банковъ и для земскихъ отдѣленій. Комиссія находитъ ненужнымъ, для земскихъ банковъ, образованіе денежнаго фонда. Это совершенно справедливо; денежный фондъ необходимъ только для тѣхъ банковъ, которые выпускаютъ бумаги безсрочныя, мѣняемыя на деньги по первому требованію предъявителей; этого послѣдняго условія не существуетъ для закладныхъ листовъ, они выпускаются на сроки и выкупаются правильнымъ тиражемъ: закладные листы и безъ денежнаго фонда, вполнѣ обезпечиваются землей, заложенной въ земскихъ банкахъ и погашаются процентами, платимыми членами заемщиками. Совсѣмъ другое дѣло запасной капиталъ его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ служить средствомъ для покрытія временнаго, случайнаго дефицита въ доходахъ банка, обезпечивать постоянную исправность его платежей. Такой капиталъ рѣшительно необходимъ для земскихъ банковъ и для земскихъ отдѣленій. Можетъ случиться иногда, что нѣкоторые изъ членовъ заемщиковъ окажутся временно или окончательно несостоятельными; непоступленіе въ срокъ слѣдующихъ съ нихъ платежей поставитъ банкъ въ самое критическое положеніе, если онъ не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи запаснаго капитала. Банкъ не имѣетъ права даже временно пріостанавливать своихъ платежей,—это было-бы дѣйствительно опасно; онъ ни

можетъ расчитывать и на заемъ, потому что не располагаетъ свободными залогами, а безъ залоговъ врядъ-ли кто дастъ ему денегъ, особенно при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Что же ему дѣлать? Комиссія думаетъ устранить всѣ затрудненія посредствомъ круговой отвѣтственности членовъ заемщиковъ банка и потому постановляетъ, что всякая недоимка раскладывается на состоятельныхъ членовъ заемщиковъ и немедленно съ нихъ взыскивается, съ вознагражденіемъ ихъ чрезъ продажу залога, представленнаго несостоятельнымъ членомъ. Это дѣйствительно можетъ обезпечить поступленіе недоимки рано или поздно, но не обезпечиваетъ поступленія этой недоимки въ назначенный срокъ, а потому не обезпечиваетъ и постоянной исправности платежей банка. Можетъ случится, что несостоятельность иного заемщика произойдетъ вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ: такихъ обстоятельствъ, которыя потребуютъ даже пособія въ пользу несостоятельнаго; сама комиссія предвидитъ возможность подобныхъ случаевъ и дозволяетъ разсрочки платежей и пособія, но забываетъ, къ сожалѣнію, рѣшить вопросъ о томъ, откуда банкъ возметъ средства для оказанія пособій и чѣмъ онъ замѣнитъ при платежахъ суммы, не поступившія въ его распоряженіе вслѣдствіе разсрочки недоимокъ. При тѣсномъ кругѣ дѣйствій земскихъ банковъ, можетъ явиться и другое затрудненіе,—мѣстныя случайныя бѣдствія, наприм, неурожаи, падежи скота и т. п. могутъ сдѣлать несостоятельными очень значительное число членовъ заемщиковъ, разскладка всей недоимки членовъ состоятельныхъ можетъ сдѣлаться чрезвычайно обременительной. Она можетъ даже многихъ состоятельныхъ членовъ обратить въ несостоятельныхъ, а это не только не выгодно, но даже и не безопасно для банка. Наконецъ не говоря уже о чрезвычайныхъ случаяхъ и оставаясь въ предѣлахъ самыхъ обыкновенныхъ, нельзя не замѣтить, что даже самая незначительная недоимка будетъ составлять огромное затрудненіе для земскихъ банковъ, если они не будутъ имѣть запасныхъ капиталовъ; не получивъ извѣстную сумму, банкъ долженъ немедленно сдѣлать раскладку недоимки и увѣдомить состоятельныхъ членовъ о падающихъ на нихъ дополнительныхъ платежахъ; все это потребуетъ времени, многіе изъ состоятельныхъ членовъ могутъ не располагать постоянно достаточными денежными средствами, чтобъ немедленно удовлетворить банкъ: ихъ придется или тоже обратить въ несостоятельныхъ и дѣлать новую раскладку недоимки, или дать имъ время на пріисканіе денегъ. Если-бы даже этого и не слу-

чилось, то и тогда поступленіе дополнительныхъ платежей не можетъ совершиться скоро, особенно при недостаткѣ у насъ путей сообщеній и правильныхъ почтовыхъ сношеній между губернскими городами и деревнями, часто разбросанными на значительныхъ пространствахъ. Какъ банкъ ни старайся, а одного круговаго ручательства мало; оно можетъ и должно обезпечивать поступленіе недоимки рано или поздно, но не можетъ обезпечивать этого поступленія именно въ данный срокъ, отчего и постоянная исправность банковыхъ платежей остается необезпеченной; эта исправность можетъ быть достигнута только при обезпеченіи ея запаснымъ капиталомъ; только этотъ послѣдній можетъ постоянно представлять въ распоряженіе банка необходимыя для него денежныя средства. Полная-же твердость земскихъ банковъ можетъ быть достигнута только при совмѣстномъ обезпеченіи ихъ операцій круговымъ ручательствомъ всѣхъ заложенныхъ въ банкѣ имуществъ и запаснымъ капиталомъ. Необходимость запаснаго капитала сознается и коммиссіей: она указываетъ на постепенное образованіе его посредствомъ взноса заемщиками извѣстнаго ежегоднаго процента, посредствомъ взиманія нѣкоторой пошлины за квитанціи въ платежахъ и т. п. Это все возможно, только недостаточно; это даетъ средства образовать запасной капиталъ въ далекомъ будущемъ, а онъ, между тѣмъ, рѣшительно необходимъ въ настоящемъ и въ настоящемъ, можетъ быть, даже болѣе необходимъ, чѣмъ въ будущемъ, потому что въ первое время банкамъ гораздо труднѣе пріобрѣсть довѣріе, чѣмъ послѣ; самое новое положеніе не будетъ представлять надлежащей твердости, какъ состояніе переходное, состояніе всегда тяжелое, невыгодное и опасное. Средства, предлагаемыя, въ этомъ случаѣ, коммиссіей, совершенно недостаточны, и потому чрезвычайно жаль, что она не признала полезнымъ заняться рѣшеніемъ вопроса о составленіи запасныхъ капиталовъ при самомъ открытіи земскихъ банковъ. Объ образованіи этихъ капиталовъ членами заемщиками посредствомъ складчины, не можетъ быть и рѣчи,—у заемщиковъ не можетъ быть свободныхъ капиталовъ; если-бы капиталы эти существовали, то обладатели ихъ не стали бы прибѣгать къ займу. Заемъ для образованія запасныхъ капиталовъ, для землевладѣльцевъ и земскихъ банковъ, невозможенъ; у нихъ не будетъ свободныхъ залоговъ, такъ какъ всѣ имѣнія будутъ служить обезпеченіемъ закладныхъ листовъ, а безъ залоговъ врядъ ли кто дастъ имъ денегъ. Въ этомъ затрудненіи остается одно средство—помощь со стороны правительства, но такъ какъ пра-

вительство тоже не располагаетъ свободными капиталами, то помощь его можетъ выразиться только въ видѣ прямой и дѣйствительной гарантіи займа земскихъ банковъ для образованія ими запасныхъ капиталовъ; гарантія правительства даетъ возможность не ограничиваться, для займа, внутреннимъ денежнымъ рынкомъ, а сдѣлать его и на рынкахъ заграничныхъ, что безъ сомнѣнія облегчитъ операцію. Гарантія займа, для образованія запасныхъ капиталовъ, не можетъ быть обременительна для правительства уже потому, что запасной капиталъ долженъ составлять только нѣкоторую часть капитала, представляемаго закладными листами, выпущенными въ оборотъ. Кромѣ того предлагаемая гарантія не поведетъ правительство къ потерямъ и убыткамъ; земскимъ банкамъ нѣтъ никакой надобности держать запасной капиталъ въ деньгахъ, онъ можетъ быть обращенъ въ закладные листы, т. е. при выпускѣ закладныхъ листовъ, заемщикамъ можетъ быть выдаваема соотвѣтственная часть ссуды монетой, изъ запаснаго капитала; затѣмъ число листовъ, пропорціональное величинѣ запаснаго капитала, розданнаго въ ссуду, не пускается въ оборотъ и хранится въ земскомъ банкѣ. Въ случаѣ надобности, банкъ всегда можетъ добыть денегъ подъ залоги хранящихся у него закладныхъ листовъ. Листы, какъ представители недвижимой собственности, составятъ вѣрное и вполнѣ благонадежное помѣщеніе для запаснаго капитала и вполнѣ обезпечатъ правительству безопасность его ручательства. Такое помѣщеніе запаснаго капитала представитъ и ту выгоду, что уменьшитъ число закладныхъ листовъ, поступающихъ въ продажу, а это непремѣнно выгодно подѣйствуетъ на поддержаніе ихъ курса. Платежъ процентовъ на капиталъ, занятый для образованія запасныхъ капиталовъ и погашеніе его могутъ быть основаны на процентахъ, приносимыхъ закладными листами, выключая процентъ погашенія этихъ послѣднихъ; на ежегодныхъ платежахъ членовъ заемщиковъ, назначенныхъ на образованіе запаснаго капитала, въ будущемъ, по проэкту комиссіи; на пошлинѣ за квитанціи и т. п. Постоянное и постепенное погашеніе займа, сдѣланнаго банками, при посредствѣ правительства и за его ручательствомъ, придастъ содѣйствію послѣдняго временной и переходный характеръ; обратитъ постепенно запасный капиталъ въ собственность общества заемщиковъ и придастъ земскимъ банкамъ окончательно частный характеръ, котораго такъ желаетъ комиссія. Содѣйствіе образованію запасныхъ капиталовъ въ земскихъ банкахъ, посредствомъ гарантіи будетъ, состороны пра-

вительства, дѣйствительнымъ и существеннымъ пособіемъ дѣлу развитія частнаго кредита и устройства частныхъ кредитныхъ учрежденій. Оно придастъ земскимъ банкамъ такую твердость, въ которую нельзя будетъ не вѣрить. Подобныхъ результатовъ нельзя достигнуть никакимъ, даже ближайшимъ наблюденіемъ, ниже самымъ ревностнымъ административнымъ покровительствомъ. Комиссія, обѣщая земскимъ банкамъ покровительство со стороны правительства, ничего не говоритъ о томъ, въ чемъ именно будетъ состоять это покровительство; если оно будетъ также мало существенно, какъ и ближайшее наблюденіе, то его разумѣется нельзя принимать въ расчетъ. Отвлеченное административное покровительство безполезно, а сдѣлавшись дѣятельнымъ, оно можетъ обратиться, подобно ближайшему наблюденію, во вредное вмѣшательство администраціи въ частное предпріятіе, что будетъ прямо противорѣчить принятымъ комиссіею началамъ свободы дѣйствій и независимости земскихъ банковъ. Кромѣ того, основанія банковъ должны быть такъ тверды, чтобы сдѣлать всякое покровительство безполезнымъ; иначе банки не будутъ пользоваться довѣріемъ и немогутъ существовать. Покровительство правительства, можетъ, какъ уже было замѣчено, обратиться въ пустую формальность, а при неопредѣленности его формы и усердія со стороны администраціи оно можетъ сдѣлаться вреднымъ; направленное же извѣстнымъ образомъ и поставленное въ точныя и опредѣленныя границы, оно можетъ принести дѣйствительную и большую пользу и потому нельзя не пожалѣть о томъ, что комиссія такъ туманно выразилась по этому вопросу и не признала нужнымъ достаточно разработать его.

Самая трудная и самая важная операція для земскихъ банковъ — это помѣщеніе закладныхъ листовъ; отъ успѣха или неуспѣха этой операціи зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ частныхъ кредитныхъ учрежденій. Разсматривая этотъ вопросъ, нельзя скрыть, что закладные листы находятся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ относительно сбыта. Всѣ листы, безъ исключенія, должны поступить въ продажу; они назначаются для замѣны денежныхъ ссудъ и потому должны быть непремѣнно обращены въ деньги, безъ этого закладные листы не только не принесутъ пользы землевладѣльцамъ, но причинятъ имъ убытки, потому что выпускъ ихъ непремѣнно повлечетъ за собой расходы. Поступленіе огромнаго числа закладныхъ листовъ въ продажу, должно непремѣнно уронить цѣну ихъ; это одинъ изъ первыхъ законовъ политической экономіи. Комиссія не только не принимаетъ ника

кихъ мѣръ противъ паденія закладныхъ листовъ, но даже даетъ имъ такую форму, вслѣдствіе которой листы, по сознанію самой комиссіи, не могутъ быть ни орудіемъ мѣны, ни предметомъ спекуляціи, а должны служить только для долгосрочныхъ затратъ капиталовъ, ищущихъ постояннаго помѣщенія за умѣренные, но вѣрные проценты. Число подобныхъ капиталовъ не можетъ не быть чрезвычайно ограничено; даже и въ этомъ помѣщеніи закладнымъ листамъ придется бороться съ страшнымъ соперничествомъ долгосрочныхъ государственныхъ бумагъ, наприм, пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ. Во всякомъ случаѣ закладные листы, при безграничномъ предложеніи, могутъ расчитывать на самый тѣсный и ограниченный кругъ покупателей, что составляетъ прямое нарушеніе экономическаго закона о необходимости гармоніи между запросомъ и предложеніемъ; нарушеніе этого закона не можетъ пройти безнаказанно.

Огромный недостатокъ закладныхъ листовъ составляетъ характеръ неподвижности, придаваемый имъ комиссіею; недостатокъ этотъ тѣмъ чувствительнѣе, что закладные листы назначаются для замѣны денежныхъ ссудъ, а деньги — орудіе мѣны въ высшей степени подвижное. Характеръ неподвижности придается закладнымъ листамъ различными обстоятельствами; такъ, напримѣръ: онъ сообщается имъ тѣснымъ кругомъ дѣйствій земскихъ банковъ, отсутствіемъ связи между банками, слишкомъ высокой цифрой наименьшой стоимости, допущенной для закладныхъ листовъ. — Желая придать какъ можно больше свободы дѣлу развитія частнаго кредита, открыть широкое поле конкуренціи и, тѣмъ дать возможность землевладѣльцамъ, дѣлать займы на болѣе выгодныхъ условіяхъ, комиссія допустила неограниченное число земскихъ банковъ и полную независимость ихъ другъ отъ друга. Это все очень хорошо и совершенно необходимо, но влечетъ за собою нѣкоторыя неудобства; и если не принять мѣръ къ устраненію этихъ неудобствъ, то они могутъ разрушить всѣ благодѣтельныя послѣдствія свободы конкуренціи. Такъ совершенная разобщенность земскихъ банковъ стѣсняетъ до крайности обращеніе закладныхъ листовъ. Не имѣя взаимной связи, земскіе банки могутъ допустить выдачу процентовъ по своимъ закладнымъ листамъ и уплату стоимости закладныхъ листовъ, вышедшихъ по тиражу, только въ мѣстѣ своего нахожденія; а это будетъ въ высшей степени стѣснительно и неудобно. Комиссія думаетъ пособить горю, дозволивъ банкамъ открывать агентства и конторы вездѣ, гдѣ они того пожелаютъ, и входить между со-

бою въ сдѣлки на счетъ взаимной уплаты по закладнымъ листамъ. Это все можетъ быть и будетъ возможно въ будущемъ, но не устранитъ затрудненій земскихъ банковъ въ настоящемъ. Открытіе и содержаніе агентствъ и конторъ, будетъ стоить дорого и потому сдѣлается возможнымъ только, при значительномъ развитіи операцій земскихъ банковъ; а между тѣмъ необходимость повсемѣстнаго удовлетворенія владѣльцевъ, закладныхъ листовъ и ихъ процентныхъ купоновъ, явится немедленно по выпускѣ тѣхъ и другихъ, т. е. при самомъ началѣ операцій земскихъ банковъ, когда средства послѣднихъ будутъ совершенно ничтожны. Возлагать содержаніе агентствъ и конторъ на заемщиковъ невозможно; имъ и безъ того придется нести много тяжелыхъ платежей; кромѣ того, ни заемщики, ни земскіе банки не могутъ постоянно располагать достаточными свободными капиталами для тото, чтобы имѣть возможность, производить платежи по всѣмъ закладнымъ листамъ, вышедшимъ по тиражу и по процентнымъ купонамъ, немедленно по ихъ предъявленіи въ какой бы то ни было изъ конторъ банка; для этого нужны огромныя денежныя средства, а ихъ-то комиссія и не даетъ земскимъ банкамъ; она признала даже ненужнымъ для нихъ денежный фондъ; какими же средствами банки будутъ производить повсемѣстные платежи по своимъ бумагамъ? Подобная операція скорѣе возможна для банковъ акціонерныхъ, но отнюдь не для банковъ землевладѣльческихъ. Чтобы убѣдиться въ невозможности, повсемѣстнаго открытія конторъ и агентствъ, для земскихъ банковъ, стоитъ обратить вниманіе на то ничтожное число конторъ, которое признавалъ полезнымъ содержать бывшій коммерческій банкъ; если правительственное кредитное учрежденіе должно было ограничиваться, въ этомъ случаѣ, только главнѣйшими городами, то какъ же можно расчитывать на большее или даже на повсемѣстное открытіе конторъ земскими банками — учрежденіями частными, новыми и нерасполагающими никакими денежными средствами? Не располагая свободными капиталами, земскіе банки не могутъ входить и въ соглашеніе насчетъ платежей по чужимъ листамъ.

Что касается до цифры наименьшей стоимости, принятой для закладныхъ листовъ, то она принята равной цифрѣ наименьшей стоимости пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ; но такое уравненіе частныхъ бумагъ съ государственными, врядъ ли справедливо и основательно. Государственныя бумаги имѣютъ слишкомъ много преимуществъ, особенно у насъ, гдѣ частный кредитъ

совершенно не развитъ. Высокая стоимость закладныхъ листовъ представляетъ то огромное неудобство, что стѣсняетъ обращеніе ихъ, дѣлаетъ ихъ доступными меньшему числу покупателей; а закладные листы находятся уже въ самомъ невыгодномъ положеніи, относительно сбыта и всякая новая стѣснительная мѣра будетъ для нихъ особенно неблагопріятна. Трудно предполагать, чтобы комиссія боялась сблизить закладные листы съ кредитными билетами, принявъ для первыхъ небольшую капитальную стоимость, закладные листы, какъ-бы они ни были малы, всегда останутся процентными бумагами, тогда какъ кредитные билеты всегда останутся бумагами безпроцентными — между тѣми и другими никогда не можетъ быть ничего общаго. Если комиссія боится придать, небольшой стоимостью, слишкомъ много подвижности закладнымъ листамъ, сообщить имъ характеръ орудій мѣны, и тѣмъ сдѣлать ихъ опасными для кредитныхъ билетовъ, то опасенія эти врядъ ли справедливы, кредитные билеты — бумаги государственныя, пріемъ ихъ, по нарицательной цѣнѣ, для всѣхъ обязателенъ; закладные листы напротивъ — бумаги частныя и обращеніе ихъ основывается на взаимномъ соглашеніи, отдающаго и получающаго. Между кредитными билетами и закладными листами, нѣтъ никакой связи и паденіе кредитныхъ билетовъ вовсе не зависитъ отъ выпуска закладныхъ листовъ; оно можетъ произойти только отъ избытка, въ обращеніи самыхъ кредитныхъ билетовъ; въ слѣдствіе этого искуственное понижение цѣны закладныхъ листовъ, не можетъ ни спасти кредитные билеты отъ паденія, ни поднять ихъ курсъ; оно можетъ принести только огромный вредъ частному благосостоянію землевладѣльцевъ, съ которымъ всегда тѣсно связаны интересы общественнаго хозяйства. Поднять кредитные билеты, въ случаѣ ихъ паденія, можно или извлеченіемъ части билетовъ изъ обращенія или развитіемъ потребности въ денежныхъ рынкахъ, какъ орудіяхъ мѣны, чего достигнуть можно только развитіемъ производительныхъ силъ въ государствѣ и всѣхъ промышленныхъ оборотовъ; принесеніе же закладныхъ листовъ, въ жертву кредитнымъ билетамъ, несправедливо и совершенно безполезно. Въ Пруссіи существуютъ закладные листы въ 10 талеровъ (около 10 р.) и это нисколько не мѣшаетъ отличному курсу прусскихъ кредитныхъ билетовъ. Комиссія думаетъ устранить дурное вліяніе слишкомъ большой стоимости закладныхъ листовъ, дозволивъ выдавать при нихъ отдѣльные процентные купоны, за нѣсколько лѣтъ впередъ и допуская отдѣльное обращеніе ку-

поновъ отъ листовъ. Процентные купоны, представляя маленькія суммы, будутъ, разумѣется, обращаться въ публикѣ легче, но это обстоятельство нисколько не облегчитъ обращенія самыхъ закладныхъ листовъ; напротивъ отдѣльное обращеніе процентныхъ купоновъ, поведетъ листы къ окончательному паденію, потому что обратитъ ихъ въ бумаги безпроцентныя на все время, на которое будутъ отдѣлены отъ нихъ купоны, такъ какъ право полученія процентовъ на закладные листы будетъ принадлежать не владѣльцамъ листовъ, а владѣльцамъ купоновъ. Купоны, въ свою очередь, будутъ тоже бумагами безпроцентными. Положимъ, что закладные листы и процентные купоны, обратившись въ безпроцентныя бумаги, не будутъ опасны для кредитныхъ билетовъ; но за то выпускъ огромнаго числа безпроцентныхъ бумагъ не можетъ не причинить огромныхъ потрясеній на нашемъ денежномъ рынкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и безъ того уже переполненъ безпроцентными бумагами. Обращеніе закладныхъ листовъ и ихъ процентныхъ купоновъ въ безпроцентныя бумаги должно непремѣнно принести огромный вредъ владѣльцамъ этихъ бумагъ. Если землевладѣльцы вздумаютъ воспользоваться дозволеніемъ комиссіи и пустятъ въ оборотъ одни процентные купоны, безъ закладныхъ листовъ, то врядъ ли найдутъ покупщиковъ на самые листы, такъ какъ они будутъ мертвымъ капиталомъ. Если бы, вопреки этому, и нашлись покупщики на листы, то покупщики эти, разумѣется, будутъ предлагать за нихъ цѣну, гораздо ниже ихъ дѣйствительной стоимости и мѣра, стремящаяся облегчить обращеніе новыхъ кредитныхъ бумагъ, прямо приведетъ ихъ къ совершенному паденію. Мѣра, предлагаемая коммиссіей, можетъ сдѣлаться до того вредной, что предъ этимъ вредомъ совершенно исчезнутъ неудобства, могущія произойти отъ ничтожной даже нарицательной стоимости закладныхъ листовъ; неудобства эти вполнѣ вознаграждаются тѣмъ, что небольшая нарицательная стоимость закладныхъ листовъ облегчаетъ продажу и обращеніе ихъ, особенно если будетъ допущенъ повсемѣстный учетъ процентовъ по листамъ, равно какъ и учетъ самой стоимости листовъ, вышедшихъ по тиражу, какъ въ государственномъ банкѣ и его конторахъ, такъ и въ уѣздныхъ казначействахъ. Легкость обращенія закладныхъ листовъ будетъ много содѣйствовать успѣшному образованію частныхъ кредитныхъ учрежденій, потому что только при этомъ учредители, могутъ надѣяться на выгодный сбытъ закладныхъ листовъ. Кромѣ всего сказаннаго, огромный недостатокъ проекта комиссіи, составляетъ односторонность и

исключительность его направленія: онъ стремится удовлетворить только одной изъ двухъ потребностей землевладѣльцевъ, именно временной потребности ихъ въ деньгахъ, и совершенно оставляетъ безъ вниманія ихъ постоянныя потребности, потребности тѣмъ болѣе важныя, что оказываютъ ежеминутное вліяніе на ходъ общественной экономіи. Доселѣ сельская промышленность могла обходиться безъ оборотнаго капитала, онъ замѣнялся обязательными отношеніями; но отношенія эти будутъ совершенно невозможны при новомъ порядкѣ вещей; несостоятельность обязательныхъ отношеній вообще и обязательнаго труда въ особенности уже давно и окончательно признана. Если бы обязательный трудъ и былъ удержанъ на время, если бы и нашлись охотники примѣнять его, то кажется можно смѣло предсказать имъ скорое и полное разочарованіе; обязательныя отношенія были возможны, при существованіи крѣпостнаго состоянія, но становятся совершенно неудобомыслимы при его уничтоженіи. Замѣна обязательнаго труда вольнонаемнымъ неизбѣжна при новомъ порядкѣ вещей, а замѣна эта возможна только въ томъ случаѣ, если землевладѣльцы будутъ располагать постоянными денежными средствами, т. е. оборотнымъ капиталомъ. Поэтому земскіе банки должны быть такъ устроены, чтобы представлять землевладѣльцамъ возможность составлять, при ихъ пособіи, оборотные капиталы, иначе самая главная, самая существенная изъ потребностей землевладѣльцевъ останется неудовлетворенной. Закладные листы никакъ не могутъ служить постояннымъ оборотнымъ капиталомъ, потому что если бы землевладѣлецъ вздумалъ удержать листы у себя, то ему пришлось бы платить самому себѣ проценты, что было бы нелѣпо; закладные листы должны быть проданы непремѣнно, они могутъ служить подобно всякому займу, для удовлетворенія только временныхъ, случайныхъ потребностей. Обращеніе въ постоянный оборотный капиталъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи закладныхъ листовъ, представляетъ то неудобство, что лишаетъ землевладѣльцевъ возможности, прибѣгать къ займу, въ случаѣ временныхъ бѣдствій или затрудненій; лишаетъ ихъ возможности удовлетворять временнымъ, чрезвычайнымъ потребностямъ въ деньгахъ. Кромѣ того, необходимость продажи всѣхъ закладныхъ листовъ и другія неблагопріятныя обстоятельства влекутъ за собою пониженіе курса листовъ, а слѣдовательно и потерю части капитала ими представляемаго; наконецъ вырученный остатокъ капитала, долженъ быть вновь обращенъ въ процентныя кредитныя бума-

ги, что опять сопряжено съ хлопотами и расходами. Кажется не можетъ подлежать сомнѣнію то, что образованіе постояннаго оборотнаго капитала можетъ быть произведено, для большинства землевладѣльцевъ, только чрезъ продажу ими капитализированной повинности крестьянъ за землю, находящуюся у нихъ въ пользованіи. Поэтому земскіе банки должны быть непремѣнно такъ устроены, чтобы имѣть возможность содѣйствовать землевладѣльцамъ, образовать постоянные оборотные капиталы, черезъ выкупъ крестьянами, ихъ капитализированной повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Въ этомъ случаѣ интересы землевладѣльцевъ совершенно сходятся съ интересами общественными; насколько землевладѣльцамъ полезно и даже необходимо образованіе запасныхъ капиталовъ, на столько же обществу полезно и необходимо совершенное прекращеніе, обязательныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, потому что отношенія эти все таки остатокъ крѣпостнаго права; это обстоятельство придаетъ временно кредиту и земскимъ банкамъ не исключительно частный, но и общественный характеръ, что вполнѣ согласно и съ самымъ названіемъ земскихъ банковъ. Слово земскій имѣетъ и всегда имѣло значеніе общественнаго, а не частнаго учрежденія, и врядъ ли комиссія приняла такое названіе, для новыхъ кредитныхъ учрежденій безсознательно; это названіе прямо указываетъ на общественное, а не на частное значеніе новыхъ кредитныхъ учрежденій; въ послѣднемъ случаѣ учрежденія называются, обыкновенно, частными кредитными обществами или кредитными компаніями землевладѣльцевъ.

Одностороннее направленіе кредита представляетъ множество неудобствъ, такъ, наприм, оно открываетъ только одинъ способъ удовлетворять потребностямъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, хотя потребности эти могутъ имѣть совершено различный, даже противуположный характеръ; этимъ землевладѣльцы, нуждающіеся въ деньгахъ, какъ бы вынуждаются непремѣнно закладывать или перезакладывать ихъ имѣнья, хотя это можетъ быть вовсе и не согласно съ ихъ расчетами и желаніями; многіе могутъ пожелать сохранить за собою возможность залога и перезалога имѣній на случай чрезвычайныхъ и непредвидѣнныхъ затрудненій и удовлетворять своимъ постояннымъ нуждамъ въ деньгахъ другими способами, представляемыми кредитомъ; закрывать имъ, или даже только неоткрывать эти способы совершенно несправедливо и не раціонально. Новыя кредитныя учрежденія, въ томъ видѣ какъ они проектированы комиссіей, вовсе

не могутъ содѣйствовать землевладѣльцамъ въ образованіи оборотныхъ капиталовъ и потому они не удовлетворяютъ одной изъ самыхъ существенныхъ и насущныхъ ихъ потребностей. Одностороннее направленіе кредита представляетъ и то неудобство, что влечетъ за собой огромный и исключительный выпускъ закладныхъ листовъ, бумагъ, въ высшей степени, неудобныхъ къ сбыту и обращенію, по крайнѣй мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ ихъ предлагаетъ коммиссія; одна уже огромность выпуска есть вѣрное ручательство паденія цѣны на закладные листы. Выкупныя бумаги имѣютъ совершенно другой характеръ и представляютъ гораздо больше твердости, чѣмъ закладные листы. Выкупныя бумаги представляютъ капитализированную повинность крестьянъ въ пользу помѣщика; проценты съ нихъ будутъ представлять ренту за землю, отданную крестьянамъ; рента будетъ платиться крестьянами и составитъ постоянный доходъ землевладѣльцевъ, которымъ не будетъ необходимости непремѣнно продавать выкупныя бумаги, тогда какъ необходимость эта существуетъ для закладныхъ листовъ. Выкупныя бумаги могутъ представлять постоянный оборотный капиталъ землевладѣльцевъ, проценты съ этого капитала могутъ быть употребляемы на введеніе вольнонаемнаго труда и вообще на удовлетвореніе постоянныхъ нуждъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, нуждъ, имѣющихъ возникнуть вслѣдствіе устройства ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Если бы землевладѣльцу понадобились деньги вдругъ и при томъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ годичные проценты, приносимые выкупными бумагами, то онъ всегда можетъ получить денегъ подъ залогъ бумагъ, не прибѣгая къ продажѣ ихъ или къ залогу всего имѣнья; залогъ этотъ остается возможнымъ на случай новыхъ чрезвычайныхъ потребностей. Такъ какъ главная цѣль полученія выкупныхъ бумагъ землевладѣльцами будетъ состоять въ образованіи постоянныхъ оборотныхъ капиталовъ при ихъ имѣньяхъ, то можно смѣло расчитывать на поступленіе въ продажу только самаго незначительнаго числа этихъ бумагъ, что будетъ лучшимъ ручательствомъ твердости ихъ курса. Наконецъ малое поступленіе выкупныхъ бумагъ въ продажу, дастъ возможность назначить имъ значительную номинальную стоимость и тѣмъ избѣжать неудобствъ выпуска въ обращеніе слишкомъ мелкихъ кредитныхъ бумагъ, о чемъ такъ хлопочетъ коммиссія. Выкупныя бумаги не назначаются для замѣны денегъ, получаемыхъ черезъ ссуду и потому не нуждаются въ такой подвижности какъ закладные листы. Дозволеніе земскимъ банкамъ содѣйство-

вать образованію постоянныхъ оборотныхъ капиталовъ для землевладѣльцевъ, чрезъ выкупъ крестьянами, наложенной на нихъ повинности, представляетъ то огромное удобство, что открываетъ землевладѣльцамъ возможность удовлетворить всѣмъ ихъ потребностямъ въ кредитѣ; наконецъ выпускъ выкупныхъ бумагъ содѣйствуетъ уменьшенію выпуска закладныхъ листовъ, ограничиваетъ число поступленія ихъ въ продажу и тѣмъ оказываетъ благодѣтельное вліяніе на поддержаніе ихъ курса.

На основаніи двойственности потребностей землевладѣльцевъ въ денежныхъ средствахъ, долженствующихъ получить удовлетвореніе при посредствѣ кредита, было бы полезно дозволять и даже поощрять образованіе земскихъ банковъ изъ двухъ отдѣленій — изъ отдѣленія закладнаго и отдѣленія выкупнаго. Цѣль перваго отдѣленія — удовлетворять временнымъ чрезвычайнымъ потребностямъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, посредствомъ ссудъ; оно должно замѣнить, по возможности, бывшія казенныя кредитныя учрежденія. Цѣль втораго отдѣленія—удовлетворять постояннымъ потребностямъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, содѣйствовать образованію постоянныхъ оборотныхъ капиталовъ при ихъ имѣньяхъ. Это отдѣленіе должно, въ тоже время, содѣйствовать окончательному прекращенію обязательныхъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами. Первое отдѣленіе можетъ удовлетворить исключительно частнымъ цѣлямъ и потребностямъ; второе можетъ и должно удовлетворять и частнымъ и общественнымъ нуждамъ, что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать названію «земскіе банки», принятому комиссіей для новыхъ кредитныхъ учрежденій. Для исполненія своего назначенія, закладное отдѣленіе можетъ выпускать закладные листы, обезпеченные круговымъ ручательствомъ всѣхъ заложенныхъ въ отдѣленіи имѣній; выкупное отдѣленіе должно выпускать выкупные листы, обезпеченные круговымъ ручательствомъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ, выкупающихъ землю у помѣщиковъ. обезпеченіе посредствомъ круговаго ручательства крестьянскихъ обществъ, будетъ чрезвычайно твердымъ обезпеченіемъ, оно очень близко подойдетъ къ обезпеченію закладныхъ листовъ посредствомъ круговаго ручательства землевладѣльцевъ. Разъ землевладѣльцы согласились съ крестьянами о выкупѣ повинности крестьянъ и получили выкупные листы, земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, перестаетъ быть собственностію помѣщиковъ и становится собственностію крестьянскихъ обществъ, а потому можетъ служить обезпеченіемъ долговыхъ обязательствъ

этихъ обществъ. Разница въ обезпеченіи закладныхъ и выкупныхъ листовъ будетъ состоять въ томъ, что закладные листы будутъ выпускаться только на часть стоимости земель, заложенныхъ въ банкѣ, а выкупные листы должны быть выпускаемы на всю стоимость капитализированной повинности крестьянъ. Вслѣдствіе этого, обезпеченіе посредствомъ круговой поруки крестьянскихъ обществъ будетъ нѣсколько менѣе твердо, чѣмъ обезпеченіе посредствомъ круговой поруки землевладѣльцевъ; недостатокъ этотъ можетъ быть восполненъ гарантіей со стороны правительства, которое легко можетъ обезпечить банку исправность платежей крестьянскихъ обществъ. Это представитъ и ту выгоду, что устранитъ необходимость продажи земель несостоятельныхъ обществъ, дастъ имъ возможность, въ случаѣ временныхъ затрудненій, справиться и выплатить все съ нихъ слѣдующее сполна. Участіе правительства въ дѣлѣ выкупа вполнѣ естественно и справедливо, потому что выкупомъ удовлетворяются не однѣ частныя, но и общественныя потребности; достигнуть выкупа исключительно частными средствами невозможно. Выкупные листы должны приносить нѣсколько меньшій процентъ сравнительно съ процентомъ, изъ котораго капитализирована крестьянская повинность; это уменьшеніе будетъ вполнѣ справедливо потому, что полученіе ренты съ выкупныхъ листовъ не будетъ сопряжено для землевладѣльцевъ, ни съ расходами, ни съ потерями и рисками, подобно тому, какъ это будетъ неизбѣжно при полученіи ренты непосредственно съ крестьянъ. Что касается до содѣйствія выкупа со стороны земскихъ банковъ, при томъ устройствѣ, которое имъ дано коммиссіей, на что нѣкоторые расчитываютъ, то содѣйствіе это совершенно невозможно, во-первыхъ, потому, что цѣль учрежденія банковъ совершенно другая, а слѣдовательно и устройство ихъ несоотвѣтствуетъ возлагаемымъ на нихъ надеждамъ; земскіе банки, въ томъ видѣ, какъ они проектированы коммиссіей, могутъ только производить ссуды подъ залогъ недвижимой собственности; всѣ другія операціи для нихъ закрыты. Во-вторыхъ, при содѣйствіи выкупа, земскимъ банкамъ, а слѣдовательно и землевладѣльцамъ ихъ членамъ, пришлось бы болѣе или менѣе, прямо или косвенно, отвѣчать за выкупъ или за нѣкоторыя его операціи; что совершенно невозможно, такъ какъ землевладѣльцы являются кредиторами крестьянъ, а кредиторы не могутъ быть, ни прямо, ни косвенно, отвѣтчиками или поручителями по собственному своему долгу; участіе земскихъ банковъ въ дѣлѣ выкупа и содѣйствіе ихъ тому выкупу можетъ быть очень выгодно для правительства, но оно

возможно только при образованіи банковъ изъ двухъ отдѣленій: изъ выкупнаго и закладнаго. Гарантія выкупныхъ листовъ не можетъ быть опасна для правительства, потому что она составляетъ только дополненіе круговой отвѣтственности всѣхъ крестьянскихъ обществъ, выкупающихъ землю при посредствѣ банка; порука эта вполнѣ обезпечиваетъ поступленіе крестьянскихъ платежей рано или поздно, такъ что пожертвованія правительства, еслибы они и потребовались, будутъ имѣть видъ временной ссуды. Кромѣ того выкупное отдѣленіе должно имѣть, подобно закладному, свой запасной капиталъ; капиталъ этотъ можетъ быть образованъ изъ суммъ, собираемыхъ правительствомъ для содѣйствія выкупу крестьянскихъ повинностей; въ случаѣ недостаточности этихъ суммъ, онѣ могутъ быть пополнены посредствомъ займа. Запасной капиталъ выкупныхъ отдѣленій не долженъ храниться въ деньгахъ, а можетъ быть помѣщенъ въ выкупныхъ и закладныхъ листахъ, съ предоставленіемъ правленію банка права залога этихъ бумагъ, въ случаѣ внезапной потребности въ деньгахъ. Погашеніе запаснаго капитала и постепенное обращеніе его въ собственность членовъ выкупнаго отдѣленія можетъ быть основано на процентахъ, приносимыхъ бумагами, въ которыхъ капиталъ будетъ помѣщенъ; для этой же цѣли могутъ быть взимаемы съ крестьянъ маленькіе проценты, плата за квитанціи во взносахъ платежей и т. п. этотъ способъ содѣйствія выкупу, со стороны правительства, будетъ чрезвычайно дѣйствителенъ, устранитъ всякій произволъ въ распредѣленіи пособій и устранитъ возможность какихъ бы то ни было злоупотребленій; кромѣ того, содѣйствіе выкупу приметъ характеръ постоянный твердый и совершенно равномѣрный. Онъ представляетъ и ту выгоду, что не требуетъ отъ правительства безвозвратныхъ пожертвованій и можетъ сохранить въ его распоряженіи даже тѣ суммы, которыя оно назначаетъ на содѣйствіе выкупу крестьянскихъ повинностей; онѣ постепенно возвратятся ему при обращеніи запаснаго капитала въ собственность выкупнаго отдѣленія,—долгъ если онъ будетъ сдѣланъ для образованія запасныхъ капиталовъ выкупныхъ отдѣленій, тоже постепенно погасится, что все очень облегчитъ тяжесть и риски гарантіи для правительства. Въ пользу крестьянъ могутъ быть организованы и частныя пожертвованія, какъ это подробно указано въ самарскомъ выкупномъ проектѣ; пожертвованія не должны быть только вводимы въ банковый расчетъ, какъ нѣчто неопредѣленное и не совсѣмъ вѣрное. Трудно допустить, чтобы дѣло полнаго и окончательнаго

освобожденія крестьянъ не встрѣтило сочувствія со стороны большинства, надо только разбудить и направить это сочувствіе. Изъ частныхъ пожертвованій можетъ быть образованъ, при выкупномъ отдѣленіи, особый крестьянскій капиталъ, служащій дополненіемъ къ капиталу запасному, хотя оба должны быть строго раздѣляемы; пожертвованія должны быть внѣ банковыхъ расчетовъ, они могутъ служить только чрезвычайнымъ пособіемъ. Образованіе крестьянскаго капитала въ высшей степени важно и полезно для правительства, потому что капиталъ этотъ придаетъ лишнюю твердость выкупному отдѣленію, увеличиваетъ средства крестьянъ и тѣмъ уменьшаетъ риски правительства по гарантіи выкупныхъ листовъ. Крестьянскій капиталъ, послѣ окончанія выкупа и по взысканіи или разверсткѣ недоимокъ между неисправными обществами, долженъ быть обращенъ въ собственность крестьянскихъ обществъ и можетъ служить для образованія мирскихъ капиталовъ, устройства и содержанія школъ, богоугодныхъ учрежденій и т. п.

При разсмотрѣніи вопроса о томъ, подъ какіе залоги могутъ быть выдаваемы ссуды изъ земскихъ банковъ, встрѣчаются двѣ системы; по одной можно дозволять выдачу ссудъ только подъ залогъ той земли, которая остается въ непосредственномъ распоряженіи землевладѣльцевъ; по другой ссуды могутъ быть разрѣшаемы подъ залогъ всѣхъ помѣщичьихъ земель, даже тѣхъ, которыя будутъ отданы въ пользованіе крестьянъ съ тѣмъ, чтобы ссуды подъ послѣднія выдавались по расчету капитализированной денежной повинности крестьянъ. Коммиссія останавливается на чемъ-то среднемъ между этими двумя системами, она дозволяетъ земскимъ банкамъ производить ссуды подъ залогъ повинности платимой крестьянами за пользованіе полевой землей и запрещаетъ ссуды подъ залогъ ренты за землю усадебную, хотя обѣ повинности имѣютъ совершенно одинаковый характеръ. Коммиссія основываетъ различіе на томъ, что продажа усадебной земли для помѣщиковъ обязательна, а продажа полевыхъ земель необязательна и можетъ происходить только по взаимному соглашенію землевладѣльцевъ и крестьянъ. Такое положеніе для различія врядъ ли основательно. При выдачѣ ссуды подъ залогъ какой бы то ни было собственности, для банка важенъ не принципъ обязательной или не обязательной продажи заложенной собственности, а фактъ перехода собственности, служащей залогомъ изъ однихъ рукъ въ другія; возможность перехода отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ существуетъ какъ для

усадебныхъ, такъ и для полевыхъ земель и потому нѣтъ достаточнаго основанія отличать ренту, платимую за полевую землю, отъ ренты, платимой за землю усадебную; относительно залога обѣ представляютъ совершенно одинаковое обезпеченіе. При этомъ слѣдуетъ только наблюдать, чтобы при выкупѣ заложенной ренты то количество выкупныхъ листовъ, которое будетъ соотвѣтствовать величинѣ ссуды, произведенной подъ залогъ ренты, удерживалось въ банкѣ и не выдавалось землевладѣльцу собственнику, впредь до погашенія лежащаго на немъ долга; это необходимо для того, чтобы въ обращеніе не попало двойнаго числа бумагъ, обезпеченныхъ однимъ и тѣмъ же имуществомъ и достигнуть этого будетъ очень легко при совмѣстномъ дѣйствіи выкупнаго и закладнаго отдѣленій. Недопущеніе же ренты, платимой крестьянами за усадебную землю, къ залогу, есть напрасное стѣсненіе для землевладѣльцевъ.

Разсматривая вопросъ объ образованіи земскихъ банковъ нельзя не обратить вниманія на положеніе нашего денежнаго рынка. Положеніе это отнюдь не благопріятно для выпуска какихъ-бы то ни было новыхъ бумагъ особенно частныхъ; на рынкѣ и безъ того уже обращается множество бумагъ какъ частныхъ такъ и государственныхъ, послѣднія особенно опасны для закладныхъ листовъ, такъ какъ онѣ пользуются положительнымъ предпочтеніемъ у насъ. Большинство бумагъ и въ настоящее время продается ниже ихъ нарицательной стоимости, слѣдовательно закладныхъ листовъ можно расчитывать на продажу по нарицательной цѣнѣ развѣ только при очень значительномъ процентѣ, но этотъ послѣдній составляетъ уже не малое затрудненіе и даже препятствіе къ образованію земскихъ банковъ. Ликвидація бывшихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій вызвала выпускъ значительнаго числа новыхъ процентныхъ и безпроцентныхъ бумагъ; (см. послѣдній отчетъ г. министра финансовъ), и выпускъ этотъ, увеличивъ уже существовавшія затрудненія нашего денежнаго рынка, тѣмъ самымъ затруднилъ и образованіе земскихъ банковъ. Подобное неблагопріятное вліяніе предвидится на долго и въ будущемъ, потому что государственнымъ банкомъ будутъ постепенно выпускаемы въ обращеніе особые банковые билеты на сумму 100,000,000 р. сер.; билеты эти будутъ особенно препятствовать помѣщенію закладныхъ листовъ, а слѣдовательно и образованію земскихъ банковъ потому, что, кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ преимуществъ государственныхъ бумагъ, они будутъ пользоваться привилегіей исключительныхъ

платежей по нимъ звонкой монетой. Эта привиллегія должна привлечь къ государственнымъ банковымъ билетамъ капиталы и тѣмъ воспрепятствовать помѣщенію всякихъ другихъ бумагъ, особенно частныхъ, неимѣющихъ возможности производить своихъ платежей звонкой монетой.

В. БАБКИНЪ.

Провинціальныя тѣни.

Изъ записной книжки Ѳомы Брута.

«Et tu, Brute?»
„И я, тятенька!"

I.

Какъ ни велика, повидимому, сила времени, сглаживающаго иногда самыя сильныя впечатлѣнія до уровня самыхъ спокойныхъ воспоминаній, но эта сила не настолько всемогуща, чтобъ безразлично затушевывать, въ нашей памяти, однообразными, безцвѣтно — сѣрыми тѣнями и хорошее и дурное. Обращаясь къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ, я къ удивленію замѣчаю, что впечатлѣнія шестилѣтняго пребыванія моего въ провинціи, ни отъ времени, ни отъ обстоятельствъ, не теряютъ для меня ни своей оригинальности, ни прелести новизны; хорошее не рисуется въ моемъ воображеніи лучшимъ, умилительное — все также умиляетъ, какъ и прежде умиляло, и кажется, что даже наивная пошлость, если бы только порѣже встрѣчалась въ провинціи, не потеряла бы въ моихъ глазахъ всей своей привлекательности, хотя бы я вспоминалъ о ней изъ самаго прекраснаго далека, положимъ изъ Москвы или Петербурга. Въ памяти моей по-

стоянно проходятъ одно за другимъ воспоминанія пережитаго, видѣннаго и слышаннаго, — бойкая губернская жизнь, почти ничѣмъ неуступающая столичной, и болѣе скромное уѣздное житье, волнуемое такими же, то недурными, то довольно пошленькими людскими страстями, какъ и житье губернское, съ его мiровыми и мѣстными интересами, съ проблесками лучшихъ человѣческихъ стремленій и самыхъ жалкихъ дрязгъ, — и не дороги и не противны мнѣ эти воспоминанія пережитаго и прочувствованнаго въ жизни, проведенной въ почтительномъ отдаленіи отъ всего, что̀ надуто, но вблизи того, что не кусается и не дуется. Въ памяти моей, какъ въ калейдоскопѣ, одинъ за другимъ проходятъ и вполнѣ хорошіе и не совсѣмъ хорошіе люди; воспоминанія не совсѣмъ отрадныхъ происшествій смѣняются воспоминаніями положительно грустныхъ и невозмутительныхъ; то рисуются блѣдныя физіономіи незлобивыхъ и недалекихъ мелкихъ чиновниковъ, то румяныя лица такихъ же незлобивыхъ, но и такихъ же недалекихъ начальниковъ; безполезныя существа выступаютъ рядомъ съ существами, которыхъ и полезность и безполезность является въ самомъ сомнительномъ свѣтѣ. Я постараюсь быть справедливымъ и къ фактамъ и къ лицамъ. Въ этомъ случаѣ, кажется, я чуть ли не перещеголялъ безпристастіе Тацита. Притомъ, ничто видѣнное мною не было для меня новымъ и поразительнымъ, потому что изъ четвертой помнится аудиторіи петербургскаго университета, гдѣ я въ послѣдній разъ отвѣчалъ на попавшійся мнѣ билетъ изъ экспериментальной философіи, я отправился въ провинцію, не какъ новичекъ, брошенный въ глушь противъ воли, но какъ человѣкъ уже довольно знакомый съ провинціей и ея нравами, и, притомъ, не увлекающійся. Жизнь въ провинціи не обманула и не разочаровала меня, не разбила моихъ завѣтныхъ мечтаній, которыя у иныхъ юношей получаютъ довольно странное направленіе и разлетаются въ прахъ отъ прикосновенія къ такъ — называемой суровой дѣйствительности. Нѣтъ, у меня провинція ничего не разбила, не помяла, говоря высокимъ слогомъ, ничего свѣжаго, не застудила моего внутренняго жара, можетъ быть, потому, что ни разбивать, ни мять, ни студить было нечего, къ моему крайнему сожалѣнію. Напротивъ, она показала мнѣ много такого, о чемъ я и не думалъ прежде, о чемъ намъ съ Гораціо и не снилось; она окончательно утвердила меня въ иныхъ убѣжденіяхъ, и окончательно пошатнула то, что было и прежде достаточно шатко.

Но отчего, когда я обращаюсь къ прошедшему, когда спо-

к йно перебираю въ памяти все прожитое въ провинціи время, прожитое, повидимому, недаромъ, въ постоянномъ наблюденіи за всѣми жизненными явленіями въ разныхъ слояхъ общества, и спрашиваю себя, что же отраднаго могъ принести моему сознанію этотъ довольно добросовѣстный анализъ разнородныхъ явленій въ окружающей меня, повидимому, такой бойкой жизни, отчего все отрадное и утѣшительное какъ-то робко прячется за менѣе отрадное и менѣе утѣшительное, все хорошее отходитъ на второй планъ? Можетъ быть, иные упрекнутъ меня въ излишнемъ пессимизмѣ, скажутъ, что самое дурное свойство памяти охотно останавливаться только надъ тѣмъ, что слѣдовало бы поскорѣй забыть и не вспоминать больше. Смѣю увѣрить читателя, что онъ ошибается; изъ моихъ очерковъ онъ можетъ заключить о совершенно — противуположныхъ качествахъ моей памяти; онъ, безъ сомнѣнія, упрекнетъ меня даже въ излишнемъ оптимизмѣ, однако и въ послѣднемъ случаѣ будетъ неправъ. Во мнѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Я только могу предупредить ихъ, сказавъ, что впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ этой жизни, не на столько радуютъ, сколько можно и должно было бы ожидать. Читатель безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что я останавливаюсь на этомъ введеніи нѣсколько долѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Можетъ быть, это правда. Но я считаю необходимымъ опредѣлить точку зрѣнія, съ которой намѣренъ судить объ окружающихъ меня явленіяхъ. Я чуждъ холоднаго скептицизма, но еще болѣе далекъ отъ того, чтобы восхищаться и умиляться всѣмъ безъ разбора.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на наше провинціальное общество (мы говоримъ только о немъ), нельзя не замѣтить той странной черты, что въ немъ какъ-то особенно поразительно бросается въ глаза вѣчная разладица, даже, можно сказать, непримиримая вражда между идеею и примѣненіемъ ея къ жизни. Это, кажется, замѣчено многими, хотя достаточно не объяснена причина такого явленія, менѣе забавнаго, чѣмъ грустнаго. Одной наружностью, внѣшними проявленіями жизни, словами и мало ли еще чѣмъ мы можемъ обмануть самого опытнаго наблюдателя. Все въ насъ говоритъ въ пользу нашей дѣятельности, всѣ губернскія вѣдомости, а за ними и столичные журналы и газеты, на основаніи довольно поверхностныхъ извѣстій, сообщаемыхъ безчисленными кореспондентами, хвалятъ проявлющіеся въ насъ начатки прогресса и умилительной гуманности; у насъ заводятся воскресныя школы, гдѣ образованные преподаватели очень вѣж-

ливо обращаются съ босоногими и неумытыми мальчуганами, говоря имъ «вы» и наставляя ихъ въ грамотѣ и письмѣ; у насъ есть училища для арестантовъ, иногда жадно, иногда лѣниво слушающихъ чтеніе нехитрыхъ статей изъ разныхъ народныхъ изданій, и благодарно принимающихъ искреннее слово утѣшенія; у насъ заводятся общественные столы для бѣдныхъ, библіотеки въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ; умныя книги выписываются для домовъ умалишенныхъ; мы открываемъ публичныя книгохранилища и жертвуемъ на нихъ порядочныя суммы, не спрашивая даже отчета въ этихъ суммахъ; мы, провинціалы, открываемъ училища въ селахъ для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, открываемъ женскія гимназіи и говоримъ объ эмансипаціи нашихъ женъ и дочерей, о свободѣ труда, наконецъ—о пользѣ гласности; мы составляемъ общества трезвости, проповѣдуемъ о вредѣ немощенныхъ улицъ, объ искорененіи гнусныхъ взятокъ, и проч., и проч. Однимъ словомъ, мы, повидимому, далеко, очень далеко ушли впередъ, такъ что духъ захватываетъ отъ восторга и самоуслажденія, когда оглянешься назадъ да посравнишь «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій.» Мы хвалимъ себя, и, съ нашего голоса, хвалятъ насъ столичные братья, не думавшіе прежде, что мы на все способны, и не думающіе теперь, что захвалить человѣка очень недолго. — Но не увлекаемся ли мы, а вмѣстѣ съ нами и наши столичные друзья? Это было бы очень прискорбно, хотя едва ли не справедливо. Чего бы, кажется, намъ еще желать, послѣ того, что мы сказали выше? Литературныхъ вечеровъ въ пользу воскресныхъ школъ? — они есть и въ провинціи. Чтеній въ пользу нуждающихся въ талантѣ провинціальныхъ писателей? — есть у насъ и это. Можетъ быть нѣтъ городскихъ и земскихъ общественныхъ банковъ? — такъ нѣтъ, и они есть. Да у насъ наконецъ все есть, что нужно, даже больше чѣмъ нужно. Однако, при всемъ томъ, глупое сомнѣніе въ дѣйствительной важности этихъ явленій невольно приходитъ въ голову, когда посмотришь на нихъ простыми глазами, безъ увеличительныхъ стеколъ натянутаго самовосхищенія. Все зависитъ отъ того, съ какой стороны будемъ разсматривать предметъ и какое настроеніе будетъ преобладать въ насъ: если мы поддадимся обоятельному настроенію нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостей и нѣкоторыхъ провинціальныхъ корреспондентовъ, то мы многое будемъ видѣть въ розовомъ цвѣтѣ; если же наша логика пересилитъ всѣ возможныя настроенія, то розовый цвѣтъ спадетъ. Явленія, совершающіяся теперь у насъ много могутъ при-

вести въ восторгъ, другаго порадуютъ очень мало, третьяго вовсе не порадуютъ, четвертаго глубоко опечалятъ; иного наконецъ, нервнаго и особенно слабодушнаго человѣка, неумѣющаго владѣть собой, эти явленія повергнутъ въ мрачное уныніе. Замѣтивъ, что жестоко преслѣдуя незлобивыхъ, копѣечныхъ лихоимцевъ, мы не умѣемъ отдернуть руку, когда другой некопѣечный протягиваетъ намъ свою, — здраво разсуждая объ общественныхъ пользахъ, мы кладемъ бѣлый шаръ тому глупому кандидату, который, на своихъ роскошныхъ обѣдахъ, кормитъ и поитъ насъ до отвалу хваля мужиковъ за трезвость и трудолюбіе, мы сами пьемъ очень много и трудимся очень мало; стараясь объ эмансипаціи женщинъ, мы не можемъ эмансипировать себя отъ разныхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и церемоній; замѣтивъ это несогласіе съ тѣмъ, что пишется и говорится въ нашу пользу, нервный и малодушный человѣкъ дѣйствительно опечалится. Но что касается до насъ, то мы откровенно скажемъ, что печалиться не за чѣмъ.

Заговоривъ о провинціальныхъ кореспондентахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, мы не долго будемъ продолжать рѣчь объ этомъ предметѣ и главнымъ образомъ коснемся положенія редакторовъ въ губернскихъ газетахъ, о которыхъ у насъ никто еще не сказалъ дѣльнаго слова. Кромѣ того намъ еще о многомъ придется говорить въ нашихъ воспоминаніяхъ.

Провинціальные кореспонденты — это такія грустныя явленія, съ которыми, къ счастью, не была знакома западная Европа, а иначе развитіе ея было бы пріостановлено надолго; зло это тѣмъ болѣе опасно, что общество до сихъ поръ не понимаетъ всей силы скрытаго въ немъ тайнаго яда. Эти злѣйшіе враги прогресса были главною причиною распространенія ложныхъ слуховъ о нашемъ преуспѣяніи и разныхъ идиллическихъ самоуслажденій. Если бы не существовало на землѣ кореспондента А, неутомимо прославляющаго городъ В, то мы не были бы обмануты мнимыми слухами о небываломъ благоденствіи жителей этого города; если бы, наконецъ, корреспондентъ Д, сломилъ себѣ шею и не успѣлъ написать своей статьи о томъ, что въ городѣ Е течетъ медъ и млеко, мы не поѣхали бы въ этотъ городъ и тѣмъ избавились бы отъ жесточайшаго разочарованія, постигшаго насъ, когда мы пожили въ прославленномъ городѣ и вмѣсто меда и млека нашли только желчь и уксусъ. Правда, провинціальные корреспонденты, большею частію, люди благонамѣренные, невинные по эта; самая ихъ невинность и

вредитъ дѣлу, которому они не умѣютъ служить только. Желаніе дѣйствовать для общественной пользы — если только еще есть это желаніе — иногда выпадаетъ на долю такого лица, котораго судьба щедро надѣлила всѣмъ, кромѣ ума. А это случается у насъ сплошь и рядомъ. Еще пожалуй, съ ними можно было бы пожить, если-бъ эти господа были только безполезны и панивы,— но они вредны. Хотя грустно согласиться, что это правда, однако на дѣлѣ-то оно выходитъ именно такъ, и добрые провинціалы писатели сами не подозрѣваютъ, какую роль приходится играть имъ, и какое знамя защищаютъ они. Часто случалось видѣть, что корреспонденты становились на одну доску съ губернскими вѣдомостями и не разъ спорили изъ-за привиллегіи чесать пятки какому-нибудь мѣстному Чичикову. — Разумѣется, выраженіе это слѣдуетъ понимать метафорически.

Впрочемъ, все до сихъ поръ сказанное мною можетъ показаться общими мѣстами, давно-извѣстными истинами. Тѣмъ лучше; значитъ читатель соглашается со мной, потому что я въ самомъ дѣлѣ говорилъ не новости, а старыя, непріятныя истины, и тѣмъ хуже, потому что, сказанное мною—общія мѣста, то каковы же должны быть необщія, каковы должны быть исключенія; предоставляю судить объ этомъ моему догадливому читателю.

Однако, переходя къ частностямъ, я откровенно признаюсь, что не имѣю посягательства на догадливость читателя, просто по чувству деликатности, и потому предварительно заявляю, что въ разсказахъ своихъ не буду называть ни губерній, ни городовъ, въ которыхъ происходило то или другое событіе; да я и не считаю нужнымъ приводить имена, указывать на лица, къ чему это? Дѣло въ событіи, а не въ томъ, гдѣ именно случилось происшествіе: все равно гдѣ бы ни было, лишь бы было. Притомъ я смѣю имѣть такое убѣжденіе, и читатель конечно согласится со мной, что это и его личное мнѣніе, и мнѣніе его жены, пріятельницы, друга, знакомыхъ, вообще всѣхъ умныхъ людей, — что если городъ А можетъ похвалиться честностью и любезностью Ивана Ивановича, то и городъ В не уступитъ ему въ этомъ и укажетъ на Петра Борисыча, который пожалуй и честнѣе и любезнѣе Ивана Ивановича; что если городъ X имѣетъ достойную и уважаемую правительницу общественнаго мнѣнія въ лицѣ полинявшей, но все еще прекрасной Проскудіи Ивановны, то и городъ У обладаетъ не менѣе достойною, хотя болѣе полинявшей и болѣе прекрасной Епихаріею Григорьевною, какъ и городъ Z преклоняется передъ умомъ и величіемъ жен-

щины, подобной двумъ первымъ. Даже въ описаніи всѣ эти лица выходятъ какъ двѣ капли воды похожими одно на другое, и если мы польстимъ городу А, то непремѣнно будетъ лестно и городу В, и если при чтеніи этого очерка Проскудія Ивановна сдѣлаетъ презрительную гримасу по поводу эпитета «полинявшая», то гримасу эту увидитъ и городъ У на лицѣ Епихаріи Григорьевны и т. д. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ городѣ нѣтъ обожаемаго начальника, всѣмъ необходимаго откупщика, своего безкорыстнаго Аристида, своего Сквозника-Дмухановскаго, своего мѣстнаго поэта? Такъ къ чему же называть все поименамъ! Другое дѣло, если-бъ очерки мои имѣли характеръ обличенія, претензію на такъ-называемую благодѣтельную гласность;— нѣтъ, ничего этого я не имѣю въ виду. Да и Богъ съ ней, съ этой гласностью... Что въ ней?.. Только одни хлопоты да непріятности. Нѣтъ, очерки мои будутъ имѣть отчасти характеръ физіологическаго анализа, какой производится въ звѣринцахъ и кунсткамерахъ, очерка ни для кого не обиднаго, а для всѣхъ лестнаго. Такъ-то лучше, мнѣ кажется.

И такъ мы въ городѣ Н. Чтобы читатель не могъ отгадать, какой это городъ, я даже ничего не скажу объ его наружности и топографическомъ положеніи; — просто городъ Н. Одно только замѣчу, что городъ Н. можетъ стать въ ряду первыхъ нашихъ губернскихъ городовъ. Одинъ только человѣкъ, мой хорошій пріятель, никогда не раздѣлялъ со мной этого мнѣнія, и я считаю своей обязанностью представить на судъ читателей его доводы, тѣмъ болѣе, что этимъ я нѣсколько обрисую положеніе въ провинціи редакторовъ губернскихъ вѣдомостей (пріятель мой занималъ эту должность).

И провинціальная жизнь, заслоненная хвалебными отзывами газетъ, остается для насъ загадкой, чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. Общественное мнѣніе единственная щель, черезъ которую могъ бы пробиваться свѣтъ божій въ этой темнотѣ; но, къ сожалѣнію, его нѣтъ. Оно замѣняется повседневными сплетнями, которыми, обыкновенно, заправляютъ двѣ или три старыя «трещотки», какъ ихъ называютъ на мѣстномъ нарѣчіи. За то какая неутомимая дѣятельность этихъ старыхъ сплетницъ: ни одно событіе самое мелкое, ни одно семейство, болѣе видное, ни одна свадьба, ни одни похороны, ни одинъ гвоздь въ тарантасѣ заѣзжаго не ускользаютъ отъ ихъ всевидящаго глаза и всеслышащаго уха. И по этимъ сплетнямъ составляется то, что называютъ мнѣніемъ. И не дай Богъ какому нибудь новичку попасть

подъ это маховое колесо розказней, допросовъ, пересудовъ, преувеличенiй ех авюге и самыхъ нелѣпыхъ выводовъ! Дикая фантазiя провинцiала такъ исказитъ его истинный портретъ, что ни одной черты не останется на немъ на своемъ мѣстѣ и въ своемъ видѣ.

— Но отчего же, спросилъ я однажды моего прiятеля, здѣсь такъ любятъ сплетни?

— Отчего? Оттого, что темь, страшная темь; нельзя видѣть предметы ясно, и мы узнаемъ ихъ только ощупью.

Нельзя сказать, чтобъ не было у насъ и партiй, т. е. раздѣленiя общества по образу мыслей и по свойству интересовъ на нѣсколько отдѣльныхъ лагерей; но эти партiи составляются подъ влiянiемъ тѣхъ же сплетницъ и сплетниковъ, — какихъ нибудь Пяткиныхъ и Затылковыхъ. Споры ихъ заходятъ не далѣе канцелярскихъ дрязгъ и, по большей мѣрѣ, губернскихъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующаго: надо ли считать господина N взяточникомъ или нѣтъ? И такiе споры волнуютъ общество, порождаютъ безконечные толки и часто переходятъ въ серьезную брань враждующихъ становъ.

И эта вражда такъ называемыхъ партiй въ сущности приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вреда. Но есть въ нашемъ обществѣ и положительно хорошая сторона, которая до-сихъ-поръ едва ли подмѣчена кѣмъ-нибудь и объяснена, какъ слѣдуетъ. При видимомъ раздѣленiи его, при всемъ ожесточенiи, съ какимъ ведется борьба Пяткиныхъ и Затылковыхъ, они дружно соединяются, когда чуютъ общаго врага, когда какой-нибудь недобросовѣстный человѣкъ пятнаетъ ихъ репутацiю, заговоритъ имъ о томъ, о чемъ бы имъ не хотѣлось слышать, укажетъ на то, что отъ всѣхъ тщательно прячется, однимъ словомъ, когда они встрѣтятъ человѣка, непринадлежащаго ни къ одной изъ воюющихъ сторонъ, и на-зло такого, который имѣетъ свое мнѣнiе и свой взглядъ на вещи. При появленiи такого вреднаго человѣка въ нашемъ обществѣ, ополчаются старъ и младъ, богатый и убогiй, Проскудiя Ивановна и Епихарiя Григорьевна, и сокрушаютъ непрiятеля общими силами.

— Хотя Пяткинъ и мерзавецъ, безсовѣстный взяточникъ и спорщикъ, однако его званiе не таково, чтобъ какой нибудь мальчишка (мальчишками называютъ вообще всѣхъ людей, ратующихъ противъ системы *безгрѣшныхъ доходовъ*, хотя бы этимъ мальчишкамъ было лѣтъ по шестидесяти; мальчишками назы-

ваютъ у насъ также всѣхъ пишущихъ и печатающихъ свои писанія противъ Пяткиныхъ или Затылковыхъ — все равно), — чтобъ какой-нибудь мальчишка осмѣлился говорить и писать о немъ: такъ, пожалуй, и меня заденутъ, говоритъ Затылковъ въ кругу приверженцевъ своей партіи.

— Хотя Затылковъ и негодяй, котораго давно пора отдать подъ судъ, однако нельзя же, чтобъ всякій мальчишка безславилъ его печатно: такъ, чего добраго, и меня оскорбятъ, хотя оскорбятъ и несправедливо, не то что Затылкова, который всего заслуживаетъ, говоритъ Пяткинъ своимъ пріятелямъ.

— Да, позвольте спросить, кто этотъ негодный мальчишка? Какое положеніе онъ занимаетъ въ свѣтѣ? спрашиваютъ Затылкова.

— Никакого.

— Можетъ быть, служитъ?

— Пренерадиво служитъ: всегда выражаетъ начальнику свои мнѣнія, и выражаетъ неприлично, — громко.

— Можетъ статься, дѣловой малый?

— Нисколько! кончилъ курсъ въ какомъ-то университетишкѣ.

— Ну, послѣ этого, разумѣется, нечего ждать добра.

— Конечно.

Само собою разумѣется, что между этими общими врагами нашими, — между такъ называемыми мальчишками, дѣйствительно встрѣчаются и молодые люди, получившіе образованіе въ университетахъ; за то Пяткины и Затылковы, наши тори и виги, могутъ съ гордостью указать въ своихъ обширныхъ и блестящихъ рядахъ не на одного изъ такихъ же господъ, имѣющихъ кандидатскіе дипломы, про которыхъ они говорятъ сами себѣ, въ минуты откровенности: «такіе же какъ и мы грѣшные, хоть и университетскіе; слава Богу пообжились, и почище насъ дѣла-то обдѣлываютъ; это наши». Къ несчастью, Пяткины и Затылковы говорятъ правду. Отсутствіе ли доброй воли, или самая эта воля, дурно направленная, безхарактерность ли, или просто недостатокъ ума и честныхъ инстинктовъ, упадокъ благородства, затирающагося въ сношеніяхъ съ людьми, несовсѣмъ честно направленными, или что другое виновато въ этомъ, только прикосновеніе къ дѣйствительной жизни часто убиваетъ даже въ молодыхъ людяхъ тѣ добрыя начала, которыя на университетской скамьѣ, казалось, такъ сильно говорили въ этихъ молодыхъ людяхъ. Конечно, Гоголь назвалъ бы «тряпками» такихъ людей, личность которыхъ стирается,

всякой средой, куда бы они ни попали; все это правда, — пожалуй и мы назовемъ ихъ «тряпками»: но все-таки Пяткины и Затылковы по праву называютъ ихъ «своими», — и отъ того не легче, что они тряпки. И то правда, что наша провинція, едва ли не преимущественно передъ всѣми другими частями свѣта, умѣетъ забивать и сглаживать до уровня пошлости такія жалкія личности; однако гордая радость Пяткиныхъ и Затылковыхъ много поуменьшится, если мы скажемъ, что даже между этими людьми, которыхъ они называютъ «своими», болѣе честныхъ, чѣмъ безчестныхъ, и положительно можемъ утверждать, что даже изъ безчестныхъ самая ничтожная цифра приходится на долю безчестныхъ по убѣжденію, по принципу, и самое значительное количество изъ нихъ — безчестные по слабости, по малодушію, по неразвитости мозга. Впрочемъ, какъ ни ободряетъ Пяткиныхъ и Затылковыхъ присутствіе въ нашемъ провинціальномъ обществѣ этихъ акклиматизировавшихся, оподъячившихся «университетскихъ», о которыхъ можно сказать, что они «свои люди», все-таки присутствіе другаго элемента, не однороднаго намъ, присутствіе «мальчишекъ», нѣсколько стѣсняетъ свободу нашихъ дѣйствій, хотя, — сказать правду, — стѣсняетъ въ самой ничтожной степени. Впрочемъ, и то сказать, мы вѣдь, право, не въ такой же мѣрѣ отсталый народъ, какъ иные думаютъ о насъ, мы нѣсколько таки поразвились, понимаемъ современность и ея хорошую сторону, мы не ретрограды: въ пятьдесять лѣтъ мы читаемъ больше, чѣмъ читали въ двадцать пять и тридцать; мы иногда сами обличаемъ дурныя свойства нашего личнаго врага, если это можно сдѣлать безопасно. Да вообще, что ни говори, а отъ современности мы не отстаемъ: такъ принято, она въ модѣ, — вотъ и все. Конечно, при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, современность можно по боку, а теперь пока нельзя, всѣ будутъ указывать пальцемъ, — и даже матеріально проиграешь, по службѣ упустишь свои выгоды. Да вѣдь и не трудно казаться современнымъ: современность запрещаетъ мошенничать, ну и не мошенничай; современность осмѣиваетъ грубое обхожденіе съ подчиненными, требуетъ вѣжливыхъ выраженій въ разговорѣ съ низшими, — говори имъ «вы»; современность запрещаетъ брать взятки — не бери, или бери благоразумно, безъ озорства; современность не велитъ волочить дѣла по судамъ — не волочи, не тяни; современность требуетъ, чтобы мы учились, — учись или лучше прикинься, что учишься; вообще современность велитъ быть честнымъ человѣкомъ; но честнымъ быть по прика-

ку не легко, ну старайся показаться таковымъ, и этого довольно!

— Только-то? говоритъ одинъ изъ отсталыхъ членовъ партіи Пяткина.

— А чего же вамъ еще? отвѣчаетъ ему одинъ изъ наиболѣе современныхъ «затылковцевъ».

— Такъ въ этомъ-то вся ваша современность?

— Да.

— Ну, батюшка, это и въ заповѣдяхъ требуется: не убей, не украдь, не пожелай того, что есть у ближняго, то есть не бери взятокъ и не вымогай.

— Такъ, современность больше и не требуетъ, какъ исполненія десяти заповѣдей.

— Что-жъ въ этомъ новаго-то, батюшка? это и наши отцы говорили.

— Правда, говорить-то говорили, да все не то...

— За что же, батюшка, многіе такъ боятся этой современности, бранятъ ее, когда она вся на заповѣдяхъ?

— Оттого и бранятъ, что заповѣди забыли.

— Те, те, те!.. Ну, понимаю теперь.

Вотъ такъ-то мы понимаемъ современность. Правда, не всѣ на нее смотрятъ глазами «затылковца»; иные говорятъ про нее и не вѣсть что... Ну, да такіе люди, слава Богу, выводятся. «Теперь можно положительно сказать, что Щедринъ, съ его отсталыми тенденціями и выродившимися типами, для *нынѣшней* провинціи несовременепъ», говорятъ въ одинъ голосъ наши виги и тори, «пяткинцы» и «затылковцы». Вотъ такъ-то мы ушли впередъ!

Оканчивая первый листокъ «провинціальныхъ тѣней», я считаю долгомъ объясниться насчетъ своего имени. Я ношу одну фамилію съ извѣстнымъ гоголевскимъ философомъ Ѳомою Брутомъ; но долженъ замѣтить, что у насъ одно фамильное сходство, чисто случайное, и ничего нѣтъ общаго ни въ жизни, ни въ убѣжденіяхъ. Я не похожъ на своего соименника уже потому, что считаю себя человѣкомъ болѣе или менѣе современнымъ. Мои недостатки выкупаются моими-же достоинствами. Хотя не-

сносный пессимизмъ, не знаю какъ развившійся въ моемъ характерѣ, и мѣшаетъ мнѣ увлекаться видимой прогрессивностью нашего провинціальнаго общества, однако онъ не препятствуетъ мнѣ понимать истинную цѣну этого движенія, смыслъ настоящихъ событій и характеръ застоя, въ которомъ мы находимся. Другой недостатокъ, приводящій меня въ отчаяніе, это крайняя впечатлительность и чувствительность, иногда неумѣстная. Глупой болью щемитъ сердце Ѳомы Брута, когда онъ, никѣмъ незамѣчаемый, ходитъ по пыльнымъ, немощенымъ, но оживленнымъ улицамъ своего безъименнаго города, съ единственною цѣлью наблюдать за проявленіями бойкой губернской жизни... Присматривается Ѳома Брутъ ко всему, что говорится и дѣлается у насъ въ провинціи, изъ всего выводитъ свои, по мнѣнію многихъ, странныя заключенія. Бесѣдуетъ и съ свѣтилами провинціальнаго общества, съ передовыми людьми и съ честными тружениками, хотя не передовыми на словахъ. Ѳомѣ Бруту до всего дѣло. Изрѣдка появляется Ѳома Брутъ и въ провинціальныхъ гостиныхъ, и слушаетъ, долго слушаетъ умныя рѣчи развитыхъ людей о прогрессѣ въ провинціи, о современныхъ вопросахъ, — и горько становится Ѳомѣ Бруту, что много тратится словъ на вѣтеръ (впрочемъ, куда жь ихъ и тратить?), много говорится блистательныхъ рѣчей безъ смысла, много дѣлается добра безполезно и мало бросается въ землю навоза для будущихъ посѣвовъ.

Но все это Ѳома Брутъ разскажетъ послѣ, по порядку, не такъ какъ говоритъ теперь, и разскажетъ еще не мало такого, о чемъ ему даже намекнуть не удалось или не пришло теперь и въ голову. И много еще провинціяльныхъ тѣней покажетъ онъ читателю...

ѲОМА БРУТЪ.

Русскій театръ.

Комедія «Кто лучше», г. Потѣхина.

Послѣ бенефиса, даннаго въ пользу семейства покойнаго Мартынова, петербургскіе театры, по случаю траура, были закрыты на шесть недѣль. Въ это время артисты александринской труппы приготовили къ представленію только одну новую піесу — комедію г. Потѣхина: «Дока на доку нашелъ,» (Кто лучше), которая и дана была въ бенефисъ г. Бурдина, въ началѣ прошлаго ноября.

При крайней бѣдности нашей драматической литературы, появленіе на сценѣ новаго оригинальнаго произведенія должно было обратить, и дѣйствительно обратило на себя, вниманіе. Всякой разъ, когда шла піеса г. Потѣхина, александринскіе любители искусства стекались въ театръ съ разныхъ концовъ Петербурга, и усердно хлопали игрѣ дѣйствующихъ лицъ, заимствованныхъ авторомъ, изъ той же среды общества, которое открылъ и разработалъ у насъ г. Островскій.

Піеса «Дока на доку нашелъ,» явилась почти одновременно и на сценѣ и въ литературѣ; какъ единственное, болѣе замѣтное явленіе, она не могла не вызвать сочувствіе публики и, благодаря не столько внутреннему своему достоинству, сколько рѣшительному отсутствію другихъ оригинально драматическихъ произведеній, была принята если не восторженно, то и не особенно холодно. Во всякомъ случаѣ судить о комедіи по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя она производитъ при извѣстной сценической обстановкѣ, значитъ болѣе или менѣе ошибаться насчетъ ея литературнаго качества; потому что спокойный анализъ драмы возможенъ только при внимательномъ чтеніи ея внѣ всякихъ постороннихъ развлеченій игрой актеровъ и декораціонной постановкой. Признаемся, что послѣ критической оцѣнки комедіи г.

Потѣхина, мы далеко не выносимъ того выгоднаго для нея мнѣнія, съ какимъ мы вышли изъ театра послѣ перваго представленія ея.

Дѣйствіе комедіи происходитъ въ Москвѣ. Хотя авторъ и не говоритъ этого положительно, но содержаніе самой піесы не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія.

Первый актъ служитъ введеніемъ въ комедію, представляя нѣчто въ родѣ пролога. Въ немъ главный герой еще скрывается за кулисами. При открытіи занавѣса, сцена представляетъ небогато убранную залу, въ домѣ купца первой гильдіи, Григорія Кузьмича Лазурина. Мать его, Анна Власьевна, дряхлая старушка, молоденькая дочь Катерина Григорьевна, и Паша Расторгуевъ, *сирота, по первой гильдіи*, ведутъ бесѣду на купеческой ладъ. Катерина Григорьевна стоитъ на диванѣ и осматриваетъ свое платье въ зеркало. «А вѣдь лифъ-то морщитъ, — говоритъ она Пашѣ Расторгуеву: вотъ вамъ и мадамъ Анетъ, а еще хвастались!» «Маненечко припустилась, — отвѣчаетъ Паша Расторгуевъ: не потрафилась, да оно съ запасцемъ-то лучше.» Паша влюбленъ въ Катерину Григорьевну, спитъ и видитъ жениться на ней. Семейство Лазуриныхъ, повидимому, не прочь отдать за него Катю. Онъ это знаетъ; и спрашиваетъ Анну Власьевну: «Только срокъ-то какъ-же-съ?» Но старушка требуетъ, чтобъ онъ бороду сбрилъ, въ службу поступилъ. «Что ты теперь? — говоритъ она: купецъ, какъ-есть рядскій, хожалый и тотъ тебя за воротъ возьмутъ; а чиновникъ-то, да при деньгахъ.... и пуговицы-то блестятъ и воротникъ-то шитый-да! Вступи, молодецъ, въ службу. Въ пансіонѣ-то ей не долго осталось быть, а потомъ бери ее всю! Паша не рѣшается брить бороду. Анна Власьевна сердится, стучитъ костылемъ и уходитъ, приказывая Катѣ слѣдовать за собой. Оставшись одинъ Паша *закрываетъ ладонью глаза,* и начинаетъ разсуждать въ слухъ: Ж-и-и-сь! и что это она нашла въ чиновникахъ—близиръ, ей-богу, одинъ блезиръ. Виду, что-ли, тамъ полноты, аль основательности въ фигурѣ? ничего нѣтъ! А расшаркнуться, такъ и мы расшаркнемся (расшаркивается). Вотъ какъ-съ, съ почтеніемъ-съ. Не ужто я *уродъ*—ась? Господи! (встаетъ на диванъ и смотрится въ зеркало). Ничего-съ, такъ-съ.... А что-жъ и борода? Въ большую моду нонѣча входитъ.... на иностранный манеръ.» Къ концу этого разсужденія приходитъ Григорій Кузьмичъ Лазуринъ. Онъ вдовецъ, лѣтъ пятидесяти; пробившись изъ мѣщанскаго сословія въ первую гильдію, онъ занимается скупкою и продажею

векселей на биржѣ, подрядами и поставками. Демонъ стяжанія совершенно овладѣлъ этимъ человѣкомъ. Всѣ его желанія и помыслы направлены къ одной цѣли — къ пріобрѣтенію капитала. Перекинувъ съ Расторгуевымъ нѣсколько словъ, онъ проситъ у него денегъ. «Вотъ ты жениться вздумалъ, — говоритъ онъ: а нѣтъ, чтобы будущаго-то тестя спросить: какъ, дескать, ваша комерція, или на счетъ торговли. Съ бабами точишь языки-то по пусту. Вонъ тестю-то до зарѣзу нужно двадцать пять тысячъ; безъ векселька, чай, ты не дашь?» Паша, страстно влюбленный въ Катю, спѣшитъ исполнить желаніе будущаго тестя, и восклицая.» Григорій Кузьмичъ! помилуйте-съ, что-съ такое.... я тотчасъ.... мы съ полнымъ довѣріемъ.... я принесу-съ» бѣжитъ за деньгами. Между тѣмъ къ Лазурину приходитъ квартальный Задыркинъ по дѣлу Корытина, который долженъ Григорію Кузьмичу большую сумму. Корытинъ — купецъ, получилъ отъ отца «непочатую кису,» но замотался, и кредитъ-то «языкомъ слизнулъ.» Григорій Кузьмичъ представилъ на него вексель, дѣло попало въ руки къ Задыркину, который вмѣсто взысканія денегъ, взялъ отъ жены должника объясненіе, что мужъ ея «къ Митрофанію уѣхалъ.» Григорій Кузьмичъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Ему нужно посадить Корытина въ долговое отдѣленіе. Онъ предлагаетъ Задыркину сотенную, прося обдѣлать дѣло, и вынимаетъ ассигнацію; Задыркинъ протягиваетъ руку. Григорій Кузьмичъ не вдругъ отдаетъ деньги. Осторожный и недовѣрчивый, онъ разрываетъ бумажку по поламъ, и одну половину кладетъ въ бумажникъ, а другую подаетъ Задыркину, говоря:» тебѣ половина, и мнѣ половина, нумера пополамъ: я въ надеждѣ — и ты покоенъ. Кончишь дѣло — твой, надуешь — божій. Задыркинъ соглашается на эту сдѣлку; прячетъ въ карманъ половинку ассигнаціи, и уходитъ, обнадеживая кредитора, что должникъ изъ рукъ не вывернется. На сцену являются старшій братъ Лазурина, Ѳома Кузьмичъ, маклеръ Живодеринъ и Паша Расторгуевъ.. Ѳома Кузьмичъ — купецъ старинняго покроя, большой резонеръ, смахивающій на Русакова, въ извѣстной комедіи г. Островскаго. Онъ крестный отецъ Паши Расторгуева, «орудуетъ его капиталомъ.» Узнавъ, что Паша хочетъ дать будущему своему тестю двадцать пять тысячъ въ займы, Ѳома Кузьмичъ не препятствуетъ, но заботясь объ интересахъ своего крестника, находитъ нужнымъ обезпечить эту сумму векселемъ, для чего и привелъ маклера. Григорій Кузьмичъ подписываетъ вексель, и получивъ подъ него деньги, высылаетъ Пашу и бра-

та въ другую комнату «къ бабамъ,» а самъ остается наединѣ съ Живодеринымъ, чтобы уладить слѣдующее дѣльце. Корытинъ долженъ Григорію Кузьмичу до двухъ сотъ тысячъ по векселямъ. Дѣла Корытина запутаны. Наличныхъ денегъ у него нѣтъ, но есть товару на шесть сотъ тысячъ рублей. Григорій Кузьмичъ находитъ выгоднымъ получить съ него товаромъ, разумѣется, взявъ товаръ по возможно болѣе дешевой цѣнѣ т. е. онъ желалъ бы, пользуясь затруднительными обстоятельствами Корытина, ограбить его начистую. «Ты, не ёжся, — говоритъ онъ маклеру: плечами-то не жми, а ступай къ нему; уладишь за рубль два, аль съ четвертакомъ — ладно; не пойдетъ заупрямится — къ частному Задыркину забѣги: онъ, знаешь, пугнетъ ямой. Проводивъ маклера, Григорій Кузьмичъ вызываетъ брата отъ «бабъ», и порѣшаетъ съ нимъ выдать Катю за Пашу Расторгуева; но не прежде какъ черезъ годъ, а между тѣмъ послать его къ Макарью, «пусь-ко самъ теперь торгуетъ, годикъ промаячитъ, къ дѣлу приглядится». Объ этомъ рѣшеніи они объявляютъ Расторгуеву. Паша приходитъ въ неистовый восторгъ: «бросается отъ человѣка къ человѣку,» цѣлуетъ руки у Катерины Григорьевны, кланяется въ ноги будущему тестю, обнимаетъ крестнаго отца и бѣжитъ «суприизикъ сготовить.» По уходѣ его является Задыркинъ. Онъ уладилъ свое дѣло: посадилъ въ яму Корытина. Вслѣдъ за нимъ маклеръ «съ сіяющимъ лицомъ показывается въ дверяхъ.» Онъ тоже обдѣлалъ свое дѣло: уговорилъ Корытина уплатить векселя товаромъ: «за рубль-съ... два съ полтиною.» Григорій Кузьмичъ приходитъ въ неописанный восторгъ; онъ видитъ, что желанія его осуществляются, онъ уже почувствовалъ свое положеніе, и когда вбѣгаетъ Паша съ шубою въ рукахъ — «сурпризомъ изъ чернобурыхъ,» Григорій Кузьмичъ восклицаетъ: «прочь! не въ свою компанію суешься. Поймите вы меня, поймите, вѣдь у меня почти милліонъ! — (занавѣсъ падаетъ)».

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ годъ. Втеченіи этого времени Григорій Кузьмичъ страшно разбогатѣлъ. Живетъ въ великолѣпномъ домѣ, роскошно убранномъ мебелью отъ Гамбса, позолотою на двѣсти тысячъ рублей. Онъ забылъ и думать о Пашѣ Расторгуевѣ; а помолвилъ Катю за князя Грузинова, и даетъ за ней въ приданое милліонъ серебромъ. Катѣ жаль Расторгуева, она знаетъ, что Паша любитъ ее гораздо больше, но онъ необразованъ и — купецъ. А Катя понимаетъ, что мужъ купецъ, и мужъ князь — великая разница.

Въ началѣ втораго акта Катя сидитъ, задумавшись за роялемъ, и разговариваетъ сама съ собой: «И за чѣмъ ты, Паша купецъ, а не князь? Да чтожъ такое князь?.. Да это на словахъ, а въ свѣтѣ какая между ними разница. Князь всюду принятъ, вездѣ его обожаютъ; а купецъ сидитъ себѣ въ лавкѣ. На дняхъ, напримѣръ, я была съ папашей на балѣ у генеральши Груздовой; насъ и пригласили потому, что папаша разсказывалъ: этотъ генералъ что-то много долженъ ему, а заплатить нечѣмъ. Я измучилась тамъ, не протанцовала ни однаго танца. Все это общество посматривало на меня съ насмѣшкой, гордостью. Ну, а чѣмъ же я хуже ихъ? Я знаю, что я хороша, знаю, что неглупа, воспитываюсь въ такомъ же пансіонѣ, какъ и онѣ, а они насмѣхались — какъ это обидно? А какіе хорошенькіе ихъ кавалеры!... какъ танцуютъ — чудо! какъ они развязны, довольны собой! Имъ должно быть всегда весело. Справедлива моя классная дама: она мнѣ всегда твердила объ этомъ высшемъ прекрасномъ свѣтѣ. Мнѣ тяжело здѣсь, душно, грязно! прощай Паша. Какъ ни люблю я тебя, но не могу рѣшиться на это.... (играетъ шумную піесу»). Подъ звуки рояля входитъ на сцену Григорій Кузьмичъ. Онъ значительно преобразился: носитъ короткій сюртукъ, бакенбарды, подстриженную бороду и три медальныя ленты на шеѣ. Важно, Катя, важно, — кричитъ онъ дочери: какъ эта штука-то зовется.... Валяй-себѣ, валяй, не жалѣй инструмента-то, новый купимъ, прямо съ корабля...» Выдавая дочь за князя, разбогатѣвшій купецъ и самаго себя рѣшился поставить на барскую ногу: завелъ офиціанта въ ливреѣ, шитой золотомъ, пріучаетъ себя ѣсть спаржу, «ртимоки», «пить щеколадъ», хотя онъ ихъ терпѣть не можетъ; хотя ему отъ нихъ «такъ вотъ и претитъ». Онъ показываетъ офиціанта старухѣ матери, повертываетъ его кругомъ.... вдругъ вбѣгаетъ въ попыхахъ грязный мальчишка и кричитъ: князь ѣдетъ!» Прибытіе такого гостя всполошило всю семью. Старуха Анна Власьевна идетъ принарядиться, надѣть чепецъ, Григорій Кузьмичъ кричитъ: «фецеянтъ! ступай, встрѣчай», а самъ тоже идетъ изъ залы и уводитъ съ собой дочь. Въ оставленную комнату входитъ князь Грузиновъ, женихъ Катерины Григорьевны. Этотъ князь — потомокъ знатной, промотавшейся фамиліи. Отецъ его имѣлъ тридцать тысячъ душъ, но послѣ смерти своей оставилъ женѣ и сыну — герою нашей комедіи — только три тысячи заложенныхъ и перезаложенныхъ. Само-собою разумѣется, что молодой князь, получилъ наружно-блестящее воспитаніе. Войдя въ

зало и съ презрительной улыбкой осматриваясь кругомъ, *онъ принялъ граціозную позу*, и началъ декламировать слѣдующій монологъ: «Роскошь и безвкусіе! желтый мраморъ и зеленыя портьеры, мильйоны въ карманѣ — и отсутствіе образованія, вкуса, отсутствіе всякаго общественнаго такта! Полъ-парке, подумаешь, мозаика — и по немъ грязный слѣдъ чьихъ-то уродливыхъ лапъ изъ лакейской въ гостиную. О, купцы, купцы! о, именитые граждане! хороша подпора государству! А надо сказать правду, при нашихъ княжескихъ гербахъ, при нашихъ титулахъ, чувствуется недостатокъ въ этихъ звучныхъ мильйонахъ. Обязанность наша вынуть эти залежавшіеся мильйоны изъ запертыхъ сундуковъ, сдружить ихъ съ образованіемъ и вызвать къ полезной дѣятельности. Для этого можно съ ними породниться. Да, стремленіе къ обогащенію съ этими цѣлями — законно!,.. Я первый покажу примѣръ, я первый двину торговлю, первый разбужу отъ сна эти капиталы». Окончивъ этотъ монологъ, пропитанный сильнымъ презрѣніемъ къ купцамъ и именитымъ гражданамъ, князь Грузиновъ встрѣчаетъ входящаго Григорья Кузьмича съ распростертыми объятіями, цѣлуется съ нимъ и восклицаетъ: «А, много-уважаемый Григорій Кузьмичъ! какъ радъ васъ видѣть! какъ ваше здоровье»? Тотъ отвѣчаетъ: «по маненечку, ваше сіятельство, по маненечку! и между будущими тестемъ и зятемъ начинается разговоръ, сначала о Пушкинѣ, о Гоголѣ, потомъ Григорій Кузьмичъ объясняетъ теорію своей торговли: какъ онъ сбылъ забракованное сукно съ гнилью и нажилъ сто на сто. При чемъ Григорій Кузьмичъ жалуется князю на его дядю: «дяденьки-то ваши крутеньки, бракуютъ много». Надобно сказать, что этотъ дядя занимаетъ *значительное мѣсто*, въ высшей администраціи и имѣетъ вліяніе на пріемъ въ казну сукна съ фабрики Григорья Кузьмича. Выдавая дочь за князя, Григоьій Кузьмичъ, кромѣ желанія породниться съ знатнымъ человѣкомъ, надѣется, по ходатайству племянника, пользоваться тнисхожденіемъ и протекціею дяди, и такимъ образомъ съ большою выгодою вести свои подрядныя дѣла. Князь обѣщаетъ все устроить. «Я вамъ далъ слово — говоритъ онъ Григорью Кузьмичу: какъ только женюсь — все устроится». Бесѣду ихъ прерываетъ Катерина Григорьевна. Отецъ заставляетъ ее сыграть нѣмецкую пѣсню Оберъ-Верле (Робертъ-Довере), а самъ идетъ куда-то, «по своей надобности», обѣщаясь воротиться «мигомъ». И дѣйствительно, минутъ черезъ пять онъ возвращается, ведя за собой старуху мать и официанта «съ подносомъ въ рукахъ,

на которомъ стоятъ бутылки и нѣсколько бокаловъ». Григорій Кузьмичъ истинно съ купеческимъ усердіемъ подчуетъ князя шампанскимъ и «щеколадомъ», и потомъ объявляетъ, что приданный капиталъ онъ уже перевелъ на Катю, по дарственной и въ билетахъ, чтобъ сумнѣнья никакого не было: «передъ самой сватьбой все до рублика получите». Князь этимъ очень доволенъ, но ему тяжело выносить безтолковость купеческаго угощенья; — Григорій Кузьмичъ опять пристаетъ къ нему «съ чашечкой щеколадцу» — онъ встаетъ, прощается очень любезно, но уходя, столкнулся въ дверяхъ съ входящимъ Ѳомою Кузьмичемъ, и обругалъ невѣжей своего будущаго дядю по женѣ. Ѳома Кузьмичъ ничего не знаетъ о сватовствѣ князя. Онъ пришелъ сказать, что Паша Расторгуевъ вернулся, и что теперь пора «честнымъ пиркомъ да за свадебку». Григорій Кузьмичъ отвѣчаетъ, что «Катя ужъ сготовлена... за его сіятельство, Льва Николаича Грузинова. «Тутъ входитъ Паша... увидя его, Катя закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ, а Григорій Кузьмичъ грозно гонитъ бывшаго жениха вонъ изъ своего дома. Ѳома Кузьмичъ вступается за своего крестника, увѣряетъ что онъ лучше князя, что князь мотъ, картежникъ и негодяй, но все это ни къ чему не повело: Григорій Кузьмичъ рѣшительно объявляетъ, что онъ не выдаетъ Катю за Расторгуева, потому-что Расторгуевъ—купецъ. Я, говоритъ онъ: «объ защитѣ плоти своей хлопочу». «Какъ объ защитѣ плоти»? спрашиваетъ Ѳома Кузьмичъ. «Такъ... просто,— отвѣчаетъ ему братъ: знаешь ты мѣсто скверно и незлачно, по-русски ямой прозывается — кого туда легче запрятать то? — купца. Знаешь ты смирительную и работную обитель?—тоже нашему брату входъ туда не воспрещается. Сгніешь тамъ, какъ червь подколодный, и добрымъ словомъ никто тебя не помянетъ, прахомъ съ вѣтріемъ разсѣешься.... Эхъ, братъ, ровно у тебя, какъ у бабы, волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Все тебѣ надо въ ротъ положить. Выдамъ я дочь-то за него, онъ въ капиталѣ — ну, и живетъ. А подорветъ его врагъ, вексельки въ счастливую минуту скупитъ, предъявитъ—кто тогда вступится, кто? Обанкрутится по божьему наказанію: вѣдь, злостнымъ, взвеличаютъ, *проведутъ* — понимаешь? *проведутъ*. Ну бы его-то и нѣ жаль: самъ дуракъ, промахъ далъ; а внучата, дѣти-то при чемъ, птенцы-то не повинные? Гдѣ у нихъ имя-то, кто имъ охрана-то? Опека наша купеческая, горька ея деньга! А выросли—куда сунуться? Въ сословіе мѣщанское приписались — ну и на череду. Кому какое дѣло, что отецъ честный торговецъ, не одинъ де-

сятокъ лѣтъ гильдію платилъ, обширную коммерцію производилъ? А мѣщанинъ — сирота, кто за него вступится? Ну и подъ красную шапку. Вотъ объ защитѣ-то какой плоти да крови говорю; вотъ для чего съ княземъ роднюсь. Ну, понялъ, теперь»? «Понялъ», — грустно отвѣчалъ Ѳома Кузьмичъ. Доводы, представленные братомъ, показались ему очень основательными. «Братъ хоть и лукавъ, примолвилъ онъ, разводя руками и идя къ дверямъ, а мудрыя слова, по нашему, купеческому положенію сказалъ: тугъ кошель у тебя, ну, ты и крѣпокъ, не звѣнитъ въ кошелѣ — никто невступится и руки умоютъ». Этимъ разсужденіемъ оканчивается второе дѣйствіе.

Третій актъ происходитъ въ обширномъ кабинетѣ вновь отдѣланнаго дома» князя Грузинова. Въ большомъ покойномъ креслѣ, два высокіе гайдука *ввозятъ*» мать его, безъ ногъ, чопорную старую даму, лѣтъ шестидесяти пяти. Князь скрывалъ отъ матери, что хочетъ жениться на купчихѣ. Но до нея дошли объ этомъ слухи, и гордая княгиня, захвативъ съ собою нѣсколько приживалокъ, и нагрузивъ любимыми собаками цѣлый «собачій возокъ», посиѣшила пріѣхать въ Москву, чтобы остановить сына отъ такой чудовищной, по ея мнѣнію, женидьбы. Въѣхавъ въ кабинетъ, въ сопровожденіи приживалокъ, она призываетъ слугъ и гнѣвно спрашиваетъ ихъ: «когда же свадьба, когда?» «Сегодня» отвѣчаетъ одинъ изъ слугъ. Старуху поражаетъ это извѣстіе. Она *опускаетъ вдругъ руки вдоль тѣла, склоняетъ голову на грудь*, и кричитъ: «Ай — ай! дурно, дурно», и падаетъ въ обморокъ. Тутъ входитъ князь. Голосъ сына оживляетъ княгиню; она высылаетъ вонъ приживалокъ и людей, и начинаетъ уговаривать сына, чтобъ онъ отказался отъ постыднаго брака. «Вспомни» — говоритъ она, сначала гнѣвно, а потомъ со слезами: «Вспомни твоего отца, онъ своихъ крѣпостныхъ отпускалъ на волю да на мелкихъ дворянахъ женилъ, а ты женишься на какой-то торговкѣ купчихѣ.... Укажи хоть одного твоего предка, который бы такъ женился. Простой дворянки во всемъ нашемъ роду нѣтъ.... А ты кого берешь? кого?.... Духъ захватываетъ, не могу выговорить ея званія». Князь упорствуетъ и не поддается этимъ убѣжденіямъ. Онъ говоритъ матери, что ему хотя и больно жениться на купчихѣ, но нѣтъ другаго исхода, что на нихъ пятдесятъ тысячъ долгу, имѣніе заложено и перезаложено, что съ пятью тысячами доходу нельзя прилично существовать съ ихъ именемъ и положеніемъ. Мать требуетъ, чтобы онъ служилъ, но онъ возражаетъ, что теперь

это не такъ легко какъ было прежде, что отцу его хорошо было служить, когда онъ еще въ колыбели лежалъ офицеромъ, а ему не начинать же службу какимъ-нибудь столоначальникомъ, что сынъ, получивши отъ отца въ наслѣдство изъ тридцати тысячъ всего три тысячи душъ — несчастный сынъ, и что онъ жертвуетъ собой, чтобъ поддержать свое родовое имя. Князь говоритъ твердо и рѣшительно, однакожъ всѣ доводы его въ пользу и оправданіе неровнаго брака, остались безплодны. Они не убѣдили, до глубины костей, проникнутой чувствомъ своего аристократическаго происхожденія женщины. *Княгиня рыдаетъ*, и наконецъ, схватываетъ руку сына, цѣлуетъ ее и восклицаетъ: я старуха, женщина, я, мать твоя, цѣлую у тебя руку: откажись отъ этого брака». Князь *съ минуту стоитъ закрывъ лице руками,* потомъ съ непоколебимой рѣшительностію отвѣчаетъ матери: «Не могу, нѣтъ! Я положительно говорю вамъ, мама, что женюсь на ней, женюсь, чего бы мнѣ это ни стоило». Видя, что не убѣдить ей сына, княгиня *истерически плачетъ,* и опять лишается чувствъ. Князь звонитъ, вбѣгаютъ приживалки, офиціанты, гайдуки, горничныя — и онъ приказываетъ увезти *безчувственную княгиню* на женскую половину. Князь остается одинъ и начинаетъ убѣждаться, что мильонъ достается не даромъ. Вдругъ является къ нему Паша Расторгуевъ и конфузясь, начинаетъ объяснять, что онъ, Паша, хотя и темный человѣкъ, на мѣдныя деньги ученъ, но сердце у него тоже есть, что онъ, тоже влюбленъ въ Катерину Григорьевну Лазурину, и еще въ глупыя лѣта, какъ къ сестричкѣ привыкъ, одними игрушками играли.... «Что же вамъ отъ меня угодно»? спрашиваетъ князь. «Какъ что-съ»? отвѣчаетъ Расторгуевъ: «вѣдь я пропаду безъ нихъ:... ей Богу, право-съ, пропаду. Заставьте за себя вѣчно Богу молить — откажитесь отъ нихъ». Далѣе, Паша, усиливаясь отвлечь князя отъ Катерины Григорьевны, говоритъ ему: «наши невѣсты вамъ не къ рукѣ; приданое конечно на словахъ-съ, большое... такъ тутъ чтобъ ошибкѣ не выйтить.... Вѣдь Григорій Кузьмичъ человѣкъ намъ коротко-извѣстный.... Они теперь, извѣстно, вашему сіятельству, казенный подрядъ сняли, на счетъ сукна, мильона на три серебромъ; фабрика ихъ выработать къ сроку не можетъ, да опять же и начальство къ нимъ въ нерасположеніи, какъ по непрочности товару, такъ по ихъ неблагодарности. А вашъ дядинька вѣдь тутъ набольшій-съ, — такъ думаютъ, что чрезъ васъ они съ дяденькой вашимъ покончатъ, что имъ и сроки разсрочатъ, да и товаръ-то съ рукъ

сойдетъ, ей Богу, правду я вамъ говорю, какъ передъ Богомъ. Они васъ безпремѣнно поприжмутъ. Ваше сіятельство, по душѣ я васъ прошу (кланяется) пожалуйте получить отступнаго. Не оставьте вашимъ великодушіемъ! Изъ дому сору не вынесу. (вынимаетъ изъ кармана банковый билетъ. «Что это такое»? отступая, спрашиваетъ князь. «Отсталыхъ пятьдесятъ тысячъ,— наивно отвѣчаетъ Расторгуевъ: «извольте получить». Оскорбленный этимъ предложеніемъ, князь выгоняетъ Пашу вонъ; но словъ его не оставляетъ безъ вниманія: онъ начинаетъ опасаться, чтобы Лазуринъ въ самомъ дѣлѣ его не прижалъ, и рѣшается самъ прижать Григорья Кузьмича. Съ этой цѣлью онъ раздѣвается. Между тѣмъ наступилъ часъ, назначенный для вѣнчанья. Къ князю пріѣзжаетъ шаферъ Комарскій, и объявляетъ, что невѣста совсѣмъ готова. Задумавъ прижать своего будущаго тестя, князь проситъ Комарскаго сказать Лазуринымъ, что женихъ уже въ церкви и ждетъ невѣсту, а когда невѣста пріѣдетъ въ церковь, то тотчасъ же отправиться къ Григорью Кузьмичу и сказать ему, что князь до тѣхъ поръ не поѣдетъ вѣнчаться, пока Григорій Кузьмичъ не привезетъ ему всего приданнаго.... мильона. Комарскій уѣзжаетъ исполнить это порученіе, а князь остается въ ожиданіи рѣшительной минуты, и преспокойно мечтаетъ, какъ онъ, получивъ мильонъ, поведетъ торговыя дѣла, откроетъ себѣ такой кредитъ, что его не обойдетъ даже и исторія. Эти мечты нарушаются запиской, присланной отъ матери: разгнѣванная княгиня прокляла сына и уѣхала назадъ въ деревню. Прочитавъ записку, князь *держитъ себя за голову, рветъ записку и кидаетъ...*- потомъ произноситъ слѣдующій отзывающійся риторикою, монологъ: «Нѣтъ я правъ, правъ. Они, эти напыщенные и обольщенные предки виноваты (останавливается передъ портретами). Что же? казните, проклинайте! Вы, увѣшенные орденами, звѣздами, лентами, казнитесь, сластолюбцы смотря изъ своихъ гербовыхъ рамъ на вашего внука, котораго вы мотовствомъ своимъ довели до такого положенія.... Да, вы покойны теперь, а каково мнѣ? Вамъ весело было кидать по тысячѣ душъ за поцѣлуй какой-нибудь развратницы, вамъ легко было раззорять даровое, дареное, вамъ легко было оставить вашего сына съ однимъ титуломъ, который, кромѣ долговъ да нищенства, ничего ему не далъ (*злобно хохочетъ*). Ха.... ха ха! Стоило ли вамъ думать, что у васъ будетъ какой-то неблагодарный потомокъ князь Левъ Николаичъ! (*ходитъ*). Но какъ все это тяжело!.,. Что это такое? бѣгутъ! шумъ! А! наконецъ, рѣшитель-

ная минута! (*беретъ со стола книгу, развертываетъ и спокойно полулажится на диванъ.*) Шумъ этотъ произвелъ Григорій Кузьмичъ. *Запыхавшійся, во фракѣ* вбѣжалъ онъ въ кабинетъ князя и закричалъ: «ваше сіятельство? чтожъ это такое? денной разбой, помилуйте! хоть не меня, ее-то, ее-то, пожалѣйте». Князь, *покойно,* проситъ его садиться, и *невозмутимо* говоритъ ему: «Григорій Кузьмичъ! вините себя. Вы сами обѣщали передъ свадьбой мильонъ передать мнѣ: вы не сдержали слова своего — я не ѣду вѣнчаться»! Григорій Кузьмичъ упрашиваетъ князя, обѣщаетъ отдать все до копѣечки, увѣряетъ, что церковь биткомъ набита, что полъ Москвы собралось, что невѣста плачетъ, убивается.... Наконецъ онъ становится на колѣни и восклицаетъ: «Батюшка, благодѣтель! ваше сіятельство! Повремените маленько, вѣдь все, все вамъ достанется: для нея вѣдь коплю и работаю.... одна она у меня... не сдѣлайте несчастнымъ. Подрядъ у меня такой.... дѣла у меня такія — извернуться надо: чрезъ полгода съ процентами получите». Но на князя ни мольба, ни увѣренія, ни мало не подѣйствовали, Онъ остается непоколебимъ. «За подрядъ — говоритъ, не бойтесь дядя, князь Иванъ для меня все, все устроитъ, а я не могу». Григорій Кузьмичъ видя, что никакія мольбы и убѣжденія не помогаютъ, вынимаетъ изъ кармана билеты, и отдавая ихъ князю, тотчасъ же перемѣняетъ тонъ, требуетъ, чтобы князь *одѣвался скорѣй*, безъ церемоніи, треплетъ его по плечу и очень фамиліарно упрекаетъ: «нагрѣлъ ты мнѣ, сынокъ, полушубокъ — то»! Этими словами кончается третье дѣйствіе.

Проходитъ два года. Князь Грузиновъ женатъ на Катеринѣ Григорьевнѣ. Теперь у нихъ есть ужъ и сынъ. Четвертый актъ ведется въ ихъ домѣ. На сценѣ обстановка та же, что и во второмъ дѣйствіи, съ той только разницей, что на всѣхъ столахъ стоятъ недопитые стаканы съ шампанскимъ. На двухъ ломберныхъ столахъ раскиданы карты. У князя карточный вечеръ. Около хозяина собралось нѣсколько гостей. На мягкомъ креслѣ спитъ Комарскій — отецъ, старикъ семидесяти лѣтъ, во фракѣ, со звѣздой. Въ отдаленіи отъ всѣхъ сидитъ князь Лука Лукичъ, товарищъ князя Грузинова по дѣламъ торговой компаніи, то же во фракѣ, со звѣздой. Нѣкоторые изъ гостей безъ сюртуковъ. Въ окна сквозь сторы бьетъ утренній свѣтъ. Бесѣда, видимо, зашла за ночь; но гости еще не утомились и весело толкуютъ о предстоящемъ пикникѣ. Входитъ человѣкъ и подаетъ полученныя съ почты письма. Князь распечатываетъ конвертъ, чи-

таетъ и объявляетъ петербургскія новости: на мѣсто князя Бингальма прочатъ Вагинова, Папильетти дали орденъ, и какая-то пьеса съ ума сводитъ весь Петербургъ. Потомъ князь взламываетъ печать на другомъ конвертѣ, присланномъ по городской почтѣ и — вскакиваетъ. «Виватъ, виватъ! кричитъ онъ въ восторгѣ: побѣда! Барбъ — Любецкая — моя, моя! Петръ, Петрушка! вина, вина! — Ему невѣрятъ, но онъ читаетъ письмо: «Я согласна, твоя на вѣкъ Барбъ-Любецкая» и всякое сомнѣніе изчезаетъ. Комарскій-сынъ, обнимаетъ князя, «Вотъ молодецъ — говоритъ-взялъ какъ крѣпость, взялъ приступомъ! Князь тихо сообщаетъ Комарскому, что Барбъ стоитъ ему тридцать тысячъ. Подаютъ стаканы. *Всѣ* кричатъ: «здоровье Барбъ! здоровье побѣдителя!» *пьютъ и чокаются стаканами.* Князь Лука Лукичъ предлагаетъ побѣдителю—на счастье новой дамы, сорвать банкъ. Грузиновъ соглашается, вынимаетъ пачку ассигнацій и начинаетъ играть. Проигравъ значительный кушъ, онъ посылаетъ камердинера — попросить у княгини десять тысячъ рублей. Камердинеръ идетъ — но возвратясь чрезъ нѣсколько минутъ *тихо* докладываетъ князю, что ея сіятельство приказали сказать, что не дастъ больше ни копѣйки. Князя изумилъ отказъ жены. Растерявшись, онъ обращается къ гостямъ съ словами: «Messieurs pardon!... жена ужасно заболѣла. Pardon.... Adieu! ради Бога извините.... Прощайте господа!» *подаетъ всѣмъ руки и уходитъ.* Гости тоже, уходятъ! Изъ нихъ остается одинъ только — князь Лука Лукичъ. Пока люди убирали стаканы, приводили все въ порядокъ, тушили свѣчи, Лука Лукичъ подкупилъ камердинера, и тотъ таинственно передалъ ему, что Катерина Григорьевна отказала мужу въ деньгахъ, прибавивъ: «будетъ, больше ни копѣйки не дамъ». Лукѣ Лукичу весьма нужно было имѣть это свѣдѣніе. Онъ—товарищъ князя Грузинова по фабрикѣ, и кромѣ того, замотавшійся Леонъ Николаичъ долженъ ему, тысячъ до тридцати. Когда этотъ послѣдній воротился отъ жены, Лука Лукичъ объявилъ ему, что за машины, поставленныя на фабрику, денегъ требуютъ, хотятъ подать жалобу въ судъ; съ тѣмъ вмѣстѣ попросилъ уплатить и себѣ традцать тысячъ рублей, предупреждая, въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ, что и онъ вынужденъ будетъ подать ко взысканію. Этимъ настоятельнымъ требованіемъ князь Грузиновъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Проводивъ Лука Лукича, онъ страшно досадуетъ на себя: «я дуракъ — говоритъ онъ — думалъ, что вотъ любитъ и никогда не откажетъ въ деньгахъ. Чего-бы стоило въ первые дни всѣ билеты перевести на себя!..

Глупо! Но это дерзость: мы тебя заставимъ дать деньги.... вздоръ.» — И чтобы урезонить жену — князь посылаетъ за тестемъ, а между тѣмъ приказываетъ камердинеру попросить къ нему *мамашу*. Старая княгиня помирилась съ сыномъ. Женившись, онъ выкупилъ изъ долговъ ихъ родовое имѣніе, и теперь мать его живетъ у него въ домѣ. Григорій Кузьмичъ, по зову князя сейчасъ же явился. Онъ весьма измѣнился, постарѣлъ и посѣдѣлъ. Дѣла его разстроились, богатства какъ—ни-бывало— однимъ словомъ, онъ разорился въ пухъ. Князь жалуется ему на Катерину Григорьевну, и требуетъ чтобъ онъ урезонилъ, усовѣстилъ дочь — дать мужу денегъ. Григорій Кузьмичъ рѣшительно отказалъ и замѣтилъ князю; «я вамъ батюшка, ваше сіятельство, докладываю, что не только что урезонивать, да не заикнусь объ этомъ, не пикну.... вы, милльономъ-то тогда при свадьбѣ поприжали: дяденька, говорили, все для тебя сдѣлаетъ, все устроитъ, я съ глупаго-то ума повѣрилъ. Чего еще, защитить свою плоть хотѣлъ! Что же и дяденька? Дяденька меня капиталу лишилъ!» Князь сердится и *горячась*, говоритъ тестю; «ну, ужъ если на то пошло, Григорій Кузьмичъ, такъ и я вамъ скажу. Я вынулъ ее изъ вашей заразительной грязи, вынесъ ее на моихъ плечахъ, запачкалъ свой родъ, поставилъ ее въ нашемъ свѣтѣ крѣпко, окружилъ ее людьми, а не бородатыми звѣрями.... Я.... я.... (задыхается).» Но Григорій Кузьмичъ хладнокровно возражаетъ: «За чѣмъ горячиться-то? я говорю по просту, безъ горячки. Никуда вы ее въ свѣтѣ не выносили, а точно, это правда, попортили вы ее, сильно попортили! Такъ съ женами не живутъ! Ну пускай у васъ говорятъ, обычай такой, на разныхъ половинахъ жить — можетъ это и хорошо. Я вашихъ порядковъ не знаю — а жену бросить, да съ мамзелями жить, да чужое проматывать, да въ карты проигрывать, да виномъ пріятелей запаивать — ужъ это кого ни спроси, никто не похвалитъ. И вы хотите, чтобъ я ее урезонилъ! Да давать-то станетъ, такъ я не велю, силой отыму! Высказавъ князю эти горькія истины, Григорій Кузьмичъ *смиренно кланяется и направляется къ дверямъ*. Князь *бросается—было за нимъ вслѣдъ* крича: «нѣтъ ты не уйдешь у меня такъ, я тебя заставлю.» Григорій Кузьмичъ *гордо стоитъ у дверей и спокойно смотритъ на князя*.» Уйду, сударь, уйду-съ — говоритъ: и не приду ужъ больше. Самъ ко мнѣ придешь, пороги обобьешь! *(покойно затворяетъ дверь и уходитъ)*. Послѣ этого на сцену въѣзжаетъ княгиня, *въ сопровожденіи той же свиты какъ и въ первомъ актѣ*,

и спрашиваетъ: что случилось?» Князь объясняетъ матери, что онъ просилъ у жены денегъ, и она отказала, что онъ послалъ за тестемъ — и тотъ въ глаза назвалъ его негодяемъ и подлецомъ. Княгиня находитъ это чрезвычайно дерзкимъ, приказываетъ послать за невѣсткой, потомъ упрекаетъ сына, замѣчая, до чего онъ упалъ съ этимъ родствомъ, напоминаетъ, что она говорила ему передъ бракомъ. Сынъ, въ свою очередь замѣчаетъ матери, что она только говорила, а сама брала деньги и отъ тестя, и отъ жены, и отъ него. »Мамаша, — говоритъ онъ: теперь сцены не у мѣста, нужно поддержать мое значеніе, имя... нашу фамилію. На меня подадутъ искъ — поймите. Я выкупилъ изъ залога ваше имѣніе; заложите его опять, продайте и дайте мнѣ возможность уплатить долги.... Поймите, на меня накинута мертвая петля, и вы можете снять ее съ моей шеи.... Пожалуйста! *(цѣлуетъ ея руки)* Дайте мнѣ денегъ, продайте имѣніе!» Княгиня не соглашается на просьбу сына. По обыкновенію ей дѣлается дурно.... *Сбѣгаются люди и княгиню везутъ;* посреди *комнаты она сталкивается съ Катериной Григорьевной,* и называетъ ее мизерной.... скверною торговкой. Но князь встрѣтилъ жену, сначала, съ ласками: «Catherine, Catherine! прости меня, прости, я виноватъ.» Катерину Григорьевну не обманула эта маска. Оставьте, отвѣчала она на лицемѣріе мужа: ваши ласки, ваши поцѣлуи жгутъ мене. Оставьте же, я вамъ говорю! Мнѣ не въ новость ваше притворство.» Князь видя, что ласки не помогаютъ, принялъ строгій тонъ, и сталъ высчитывать женѣ, что онъ для нея сдѣлалъ.» Послушайте, — началъ онъ: за что вы меня губите? ну скажите, что я вамъ сдѣлалъ! Женился я на васъ, чтобъ вынуть васъ изъ этой грязи, которой вы сами тяготились. Вы хотѣли стать въ нашемъ высшемъ свѣтѣ — я это устроилъ, у васъ небыло ни фамиліи ни будущаго — я вамъ далъ и то и другое, вы хотѣли блеску, роскоши, свѣту — мало развѣ вамъ? Князь говорилъ съ убѣжденіемъ и увѣренностію, но не убѣдилъ оскорбленной жены. «Я васъ не виню, — отвѣчала ему Катерина Григорьевна; виню себя, хоть вы очень, очень не правы!... Вы говорите, что вы мнѣ дали положеніе, князь, не деньги ли, которыми вы такъ щедро награждали вашихъ друзей, поддержали ваше положеніе и имя. Вы дали мнѣ будущее? Да, это такъ, у меня есть титулъ, который будетъ напоминать мнѣ, какъ я была глупа, какъ я не понимала людей. Я отдалась, вѣдь вамъ вся, вся.... и что-жъ я видѣла за это? Презрѣніе, насмѣшку, да развѣ ласку тогда, когда вы безъ де-

негъ. Я вамъ все прощала! знаете ли какъ я васъ любила? Когда погибалъ мой отецъ, я знала это, я хотѣла ему помочь отдать ему мои деньги.... Вы мнѣ сказали, что это вы все такъ устроите. Когда просилъ отецъ, вы не позволили дать, я васъ послушалась, промѣняла счастье отца на вашу ласку — вотъ я васъ какъ любила!.. Вы спасли отца, спасли? Теперь вы оскорбляете меня, какъ жену, какъ мать, какъ женщину». Въ заключеніи этого монолога, Катерина Григорьевна объявляетъ мужу, что она разстается съ нимъ, «вы — говоритъ — останьтесь въ своей блестящей семьѣ, а я уйду въ мою грязную». «Нѣтъ, вы не уйдете — закричалъ князь: у меня есть права мужа. Нѣтъ, мы такъ не разстанемся». «Вы не дали мнѣ договорить, — прерываетъ Катерина Григорьевна: я не хочу разстаться *такъ*: Я виновата передъ вами: я васъ связала, вышедши за васъ замужъ, и я же васъ разрѣшаю отъ моего слова, беру его назадъ. Вамъ были нужны деньги, а въ придачу къ нимъ вы взяли меня. Права ваши надо мной уже не существуютъ. Ваши письма и письма вашихъ (рыдаетъ) подругъ у отца: они развязываютъ меня. Вамъ нужны деньги? Половину дохода съ полмильона, который уцѣлѣлъ у меня, вы ежегодно будете получать. Домъ этотъ возмите себѣ... прощайте. Я жду отъ васъ отвѣта до четырехъ часовъ, а послѣ меня не будетъ здѣсь». Объявивъ свой ультиматумъ, Катерина Григорьевна удалилась, князь кричитъ ей вслѣдъ: «проклятіе тебѣ, отвратительное созданіе, проклятіе тебѣ». Но, когда вошедшій камердинеръ доложилъ ему, что отъ какого-то секретаря чиновникъ пришелъ, и подалъ письмо *на серебряномъ подносѣ*, когда князь увидѣлъ изъ письма, что Лука Лукичъ уже успѣлъ подать искъ ко взысканію «*и въ яму пожалуй*» — стѣсненный мужъ поспѣшилъ воспользоваться предложеніемъ оставляющей его супруги: кликнулъ камердинера и послалъ сказать женѣ, что онъ согласенъ. Такъ кончилась комедія.

Изложивъ содержаніе піесы г. Потѣхина, указавъ на главные моменты ея дѣйствій, прослѣдивъ, почти изъ сцены въ сцену, развитіе ея, для того, чтобы дать о ней возможно полное понятіе, — обратимся къ вопросу о томъ: имѣлъ ли авторъ достаточное основаніе назвать свою комедію «Кто лучше»?

Разсматривая названіе піесы по отношенію къ ея содержанію мы должны замѣтить, что вопросъ: кто лучше? можетъ относиться только къ тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, которые, болѣе или менѣе, хороши, по крайней мѣрѣ, не дурны. А здѣсь два главные героя комедіи — Григорій Кузьмичъ Лазуринъ и князь Ле-

онъ Николаевичъ Грузиновъ представляются оба въ отвратительномъ видѣ: о нихъ, скорѣе, можно спросить: кто хуже? Но и этотъ вопросъ оказывается совершенно излишнимъ: мошенникъ купецъ и развратный князь, поставленные въ разныхъ положеніяхъ общественной жизни не допускаютъ никакого сравненія. Передъ судомъ строго-нравственнаго общества они оба мерзавцы, и съ этой точки зрѣнія характеры ихъ совершенно равны. Впрочемъ не въ этомъ главный вопросъ: мы намѣрены взглянуть на самое пониманіе и развитіе этихъ характеровъ.

Григорій Кузмичъ — это типъ, воспитанный на нашей почвѣ, между грязными прилавками и темными чуланами гостинныхъ дворовъ, между пинками и униженіемъ съ одной стороны, а съ другой — подъ гнетомъ лишеній и раболѣпнаго исполненія воли другихъ. Это одинъ изъ близнецовъ тѣхъ жалкихъ самодуровъ, которыхъ вся жизнь исходитъ въ одномъ стремленіи — вылѣзть изъ грязи съ помощію денегъ, и достать эти деньги какими-бы то ни было средствами. Онъ всегда готовъ на всевозможныя мерзости, не по слабости человѣческой природы, не по увлеченію, а потому что въ немъ подавлено всякое сознаніе человѣческаго достоинства.

Пользуясь стѣснительнымъ положеніемъ Корытина, онъ грабитъ его послѣднее достояніе, принуждаетъ отдать за безцѣнокъ весь товаръ, и такимъ образомъ большую часть имущества даромъ отнимаетъ у несчастнаго купца; онъ обворовываетъ казну, сбывая ей гнилое, негодное сукно; ради прибыли онъ надуваетъ прежняго жениха, продаетъ свою дочь и, дѣйствительный позоръ, думаетъ искупить воображаемой честью княжескаго титула. Мы ничего не имѣемъ сказать противъ вѣрнаго снимка этого характера. Но мы должны замѣтить, что онъ представляетъ слишкомъ общій и давно изчерпанный типъ. Въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая-бы принадлежала творчеству г. Потѣхина, ни одного оригинальнаго свойства, которое-бы рекомендовало эту личность съ новой стороны зрителю или читателю. Литература наша давно знакома съ этими характерами, а жизнь обратила ихъ въ общія мѣста. Потомъ Григорій Кузьмичъ всего менѣе комическое лицо; авторъ, какъ будто наперекоръ задуманной имъ идеѣ, собралъ въ своемъ героѣ нѣсколько слабыхъ драматическихъ элементовъ, оставивъ ихъ безъ развитія и тѣмъ самымъ ослабилъ силу характера, который хотѣлъ изобразить. Въ дѣйствительной жизни онъ не смѣшенъ, но и не злодѣй, а такъ себѣ воръ и то потому, что можно воровать; въ искусствѣ это легкій

очеркъ проведенный робкой рукой ученика художника, не упускающаго ни на одну минуту затверженные образцы учителя. Впрочемъ замѣчательно, что истинно-комическіе характеры удаются гораздо труднѣе, чѣмъ драматическіе въ собственномъ значеніи этого слова. Въ нашей жизни и слѣдовательно литературѣ этотъ фактъ тѣмъ вѣрнѣе, что комизмъ предполагаетъ не одну отрицательную сторону жизни, но и свободное отклоненіе отъ ея свѣтлой половины. Этого никакъ нельзя сказать о нашихъ Лазуриныхъ. Они поставлены всегда и вездѣ въ такое положеніе, противъ котораго бороться очень трудно: у нихъ есть своего рода *судьба*, которая напередъ опредѣляетъ ихъ карьеру и дѣятельность. Намъ становится ихъ жалко, и это впечатлѣніе мы обыкновенно выносимъ послѣ нашихъ комическихъ представленій, въ родѣ піесы г. Потѣхина. Это впечатлѣніе служитъ лучшимъ доказательствомъ, что наша комедія отдѣляется еще менѣе чѣмъ на одинъ шагъ, отъ трагедіи. Нѣтъ ли причины такого явленія въ самой жизни? Объ этомъ мы намѣрены сказать послѣ. Другой главный характеръ въ піесѣ г. Потѣхина еще менѣе представляетъ строгаго художественнаго развитія. В подившійся потомокъ старой аристократической фамиліи очень слабо выражаетъ ту среду, въ которой выростаютъ князья Грузиновы. Мы не видимъ въ героѣ г. Потѣхина ни барина старой породы, ни промотавшагося дворянина средней руки, ни купеческаго зятя, продающаго свой гербъ за милліоны. Это мелкій спекуляторъ, развратный мужъ, кутила при деньгахъ и негодяй безъ денегъ,— какіе встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ и во всѣ періоды общественнаго развитія. Притомъ намъ кажется натянутымъ этотъ характеръ въ томъ отношеніи; что авторъ заставляетъ его декламировать передъ портретами своихъ титулованныхъ предковъ жалобу ихъ расточительности, когда самъ Грузиновъ точно такой-же скотъ, какъ и отцы его. Чтобъ протестовать противъ извѣстнаго порока, надо прежде сознавать его, а Грузиновы не способны сознавать ничего, кромѣ нынѣшней матеріальной нужды и завтрашней опасности —очутиться въ долговой тюрьмѣ. Такого рода люди не разсуждаютъ, а слѣпо идутъ туда, куда ведетъ ихъ простой случай.

Точно также не удался автору соперникъ князя Грузинова, влюбленный въ Катю, Паша Расторгуевъ. Въ этомъ Пашѣ, г. Потѣхинъ хотѣлъ представить юнаго московскаго купца первой гильдіи, воспитаннаго въ простотѣ души и сердца, не испорченнаго образованіемъ... но Паша вышелъ слишкомъ глупъ, слиш-

комъ не обтесанъ, и походитъ не на купца первой гильдіи, а на какого-то деревенскаго парня — сына дворника — содержателя постоялаго двора на большой дорогѣ. изъ подмосковнаго села.

Еще менѣе знанія и таланта обнаружилъ авторъ въ изображеніи аристократической среды. Неужели онъ полагаетъ, что показавъ на сценѣ, въ покойномъ креслѣ, княгиню Грузинову, окруженную приживалками, лакеями и собаками, онъ представилъ намъ типъ старой аристократки, съ присущими ей атрибутами?... Другія лица комедіи, взятыя, повидимому, изъ высшаго общества, рѣшительно ничѣмъ не напоминаютъ его. Князь Лука Лукичъ, подкупающій лакея, болѣе похожъ на проныру-агента какой-нибудь акціонерной компаніи; Комарскій сынъ сильно смахиваетъ на героя порядочныхъ трактировъ.

Расматривая далѣе комедію г. Потѣхина, мы находимъ, что она лишена всякой художественной концепсіи. Насильственная сгруппировка событій, совершающихся въ комедіи далеко не такъ, какъ совершаются онѣ въ дѣйствительной жизни, дѣлаетъ эту піесу въ нѣкоторой степени похожею на сказку — на одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя начинаются словами: «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ», и въ которыхъ все дѣлается «по щучьему велѣнью.» Такъ въ первомъ актѣ, квартальный Задыркинъ, получивъ отъ Григорья Кузьмича половину разодранной на двое ассигнаціи въ теченіи какихъ-нибудь пяти—шести минутъ отыскиваетъ, беретъ и сажаетъ въ яму купца Корытина и является объявить о своемъ подвигѣ; а маклеръ Живодеринъ въ то же самое время дѣлаетъ сдѣлку съ Корытинымъ въ пользу Григорья Кузьмича, въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Я не говорю уже о томъ, что у насъ, по существующимъ законамъ, нельзя квартальному взять и въ одно мгновеніе посадить за долгъ въ яму купца первой гильдіи, который еще не признанъ несостоятельнымъ и у котораго, между прочимъ, есть товару на шесть сотъ тысячъ. А между тѣмъ, на сдѣлкѣ съ Корытинымъ Григорья Кузьмича покоится развитіе всей пьесы: эта сдѣлка положила основаніе тому неимѣрному богатству, которымъ, къ началу втораго акта наградилъ его авторъ съ истинно-юношескою щедростію. Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что эта щедрость не совсѣмъ умѣстна: въ одинъ годъ едва ли было возможно Григорью Кузьмичу довести свой капиталъ до баснословнаго размѣра. Такъ быстро и широко обогащаются только въ водевиляхъ, а не въ дѣйствительной жизни. Вообще г. Потѣхинъ, сочиняя свою комедію, мало заботился о томъ, чтобы событіямъ ея придать не-

обходимое условіе достовѣрности. Между прочимъ, крайне нелогичнымъ кажется и слѣдующее обстоятельство: князь Грузиновъ въ день своей свадьбы безсовѣстно притѣснилъ тестя: заставилъ его ползать на колѣнахъ и отдать милльонъ, съ которымъ больно не хотѣлось разстаться деньголюбимому Григорью Кузьмичу. Потомъ когда Григорій Кузьмичъ раззорился, князь запретилъ женѣ помочь отцу деньгами. Какимъ-же образомъ послѣ всего этого, князь могъ призвать къ себѣ глубоко-оскорбленнаго имъ тестя и требовать, чтобы онъ приказалъ дочери дать денегъ моту-мужу, растрачивающему ея состояніе на игру и любовницъ? Князь не могъ не понимать, что въ этомъ случаѣ нельзя было выѣхать даже на вьючномъ ослѣ, еслибъ и былъ таковымъ Григорій Кузьмичъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что комедія «кто лучше» не носитъ на себѣ признаковъ авторскаго дарованія и обязана своимъ успѣхомъ на театрѣ единственно тому, что есть піесы еще хуже ея.

В. ИВАНОВЪ.

Лѣтопись Петербурга или плачевная исторія отмороженныхъ носовъ.

Никто такъ мѣтко не выразился о Петербургѣ, какъ геніальный Пушкинъ: въ немногихъ словахъ онъ передалъ полную характеристику города, надѣленнаго всѣми прелестями природы и этнографіи, начиная съ огурцовъ и оканчивая березками, и то, увы! покрытыми снѣгомъ впродолженіи болѣе чѣмъ шести мѣсяцевъ. Но этой характеристикѣ не достаетъ одной новой черты изъ современной исторіи—отмороженныхъ носовъ. Можетъ быть, чита-

тель подумаетъ, что мы шутимъ, что мы злоумышляемъ еще на одно достоинство нашей любезной столицы; но пусть онъ пройдетъ по любой улицѣ и осмотрится кругомъ: онъ почти вовсе не увидитъ людей; всѣ они превратились въ какія-то шубы, шапки и муфты, однимъ словомъ въ мѣховые мѣшки, изъ которыхъ чуть-чуть свѣтятся глаза, а всѣ прочія части тѣла герметически закрыты отъ мороза и рѣзкаго вѣтра. Видъ очень непріятный! Представьте, что по Невскому двигаются взадъ и впередъ нѣсколько сотъ такихъ мѣшковъ, разнаго объема, цвѣта и моды, и двигаются не просто, а съ извѣстными цѣлями, желаніями и апетитами. Если-бъ перенести въ эту минуту южнаго Итальянца на одну изъ нашихъ улицъ, онъ непремѣнно подумалъ бы, что у насъ происходитъ самый забавный карнавалъ, съ уличнымъ маскерадомъ; онъ непремѣнно заключилъ бы, что мы вмѣсто масокъ, прячемъ свои физіономіи въ разныя шкуры и, при встрѣчѣ, вмѣсто рукъ подаемъ другъ другу мохнатыя лапы. Извѣстно, что введенный въ заблужденіе, вѣроятно, однимъ изъ такихъ случаевъ, Times сообщилъ своимъ соотечественникамъ, что мы снимаемъ сапоги вмѣстѣ съ ногами и спимъ вмѣстѣ съ медвѣдями. И эта гнусная клевета, особенно обидная для московскаго патріотизма, нашла себѣ вѣру и возбудила интересъ. Господа руссофилы, что же вы молчите на такія кровныя обиды и не защищаете чести своихъ ногъ и мѣховыхъ сапоговъ? Поручите это дѣло хоть г. Погодину, который, говорятъ, послѣ диспута Жмуди съ Норманнами, не знаетъ чѣмъ бы еще заняться. Но какъ же намъ защищать себя, когда у насъ такъ недавно повисла на плечахъ еще одна исторія — отмороженныхъ носовъ, и исторія самая интересная и правдоподобная, всеобщая и соціальная, потому что дѣло касается не мертвецовъ, не героевъ никому ненужной древности, а живыхъ человѣческихъ носовъ, налитыхъ кровью и исцарапанныхъ какимъ-то орудіемъ пытки. Эта исторія случилась послѣ крещенскаго мороза, который произвелъ страшное опустошеніе на лицахъ извощиковъ и кучеровъ. Куда ни обернешься, вездѣ отмороженный носъ. Что же теперь дѣлать съ этими больными носами? Медицина наша, занятая единственно успѣшнымъ излѣченіемъ насморковъ и эпидемическаго чиханья, рѣшительно отказывается помочь бѣднымъ носамъ и считаетъ унизительнымъ для своего ученаго достоинства обращать серьезное вниманіе на такіе пустяки. Говорятъ, г. Буличъ готовитъ публичную лекцію для пассажа, чтобы разсмотрѣть вопросъ: 1) съ метафизической точки зрѣнія, т. е. доказать на основаніи незыблемыхъ

философскихъ началъ, что носа, какъ реальнаго предмета, совершенно не существуетъ въ природѣ, а есть какое-то объективное представленіе чего-то похожаго на человѣческій носъ, и 2) онъ рѣшается объяснить, съ помощію историко-сравнительной филологіи, что слово *носъ* смѣшали въ лексиконѣ съ нашимъ кореннымъ и очень вѣжливымъ выраженіемъ *ну-съ*, и тѣмъ запутали вопросъ окончательно. Но что же толку въ этихъ доказательствахъ, цитатахъ изъ Платона и Аристотеля, въ этихъ длинныхъ и предлинныхъ отступленіяхъ отъ главной задачи, когда дѣйствительнымъ больнымъ носамъ отъ этого вовсе не легче. Въ настоящемъ случаѣ гораздо лучше немножко гусинаго жиру, чѣмъ множество теоретическихъ воззрѣній.

Такимъ образомъ капитальный вопросъ нашего времени перешелъ изъ области абстрактныхъ сновидѣній въ область положительной литературной критики. «Русскій Вѣстникъ», подмѣтивъ въ немъ политическую сторону, послалъ нарочнаго кореспондента въ Лондонъ, прислушаться, что скажутъ объ этомъ событіи въ парламентѣ Пальмерстонъ и Джонъ Россель, а отсюда, по дорогѣ, заѣхать къ Молинари и узнать отъ него лично, не случилось-ли чего-нибудь подобнаго съ фламандскими носами. Въ то же время московско-британскій журналъ поручилъ одному доморощенному исторіографу порыться *носомъ* въ разныхъ библіотекахъ, чтобъ извлечь оттуда любопытный документъ о значеніи всероссійскихъ носовъ въ XIII и XIV вѣкѣ. Всѣ эти изслѣдованія скоро явятся въ печати. Но «Отечественныя Записки», кажется, предупредятъ «Русскій Вѣстникъ»; редакція ихъ, пользуясь такой превосходной темой, чуждой всякой личности и скандала, поспѣшила открыть при «С.-Пб. Вѣдомостяхъ» особенный отдѣлъ подъ названіемъ «Носъ», съ тѣмъ, чтобъ разсмотрѣть этотъ капитальный и очень деликатный предметъ не только въ историческомъ, но и гражданскомъ отношеніи. Точно такую же статью поручено написать и для «Отечественныхъ Записокъ». Редакторъ, заказывая ее извѣстнѣйшему рецензенту Петербурга, служившему прежде въ комиссаріатскомъ департаментѣ, замѣтилъ очень глубокомысленно: «напишите, пожалуйста, побольше — вопросъ очень важный.» — Но позвольте, возразилъ неопытный рецензентъ, въ какомъ же духѣ, направленіи и... — «Это все равно, прервалъ его редакторъ, рѣшительно все равно, только, пожалуйста, побольше: публика обижается маленькими рецензіями о великихъ вещахъ. Потомъ нельзя же расходиться съ энциклопедическимъ лексикономъ, а онъ только и отличается тѣмъ направленіемъ, что не

будетъ имѣть никакого направленія. Единство его, какъ матеріальное, такъ и нравственное, совершенно будетъ зависѣть отъ переплетчика, и то если не перемѣшаетъ листовъ.» Рецензентъ поклонился, заикнулся на какой-то щекотливой просьбѣ и, встрѣтивъ ледяной взглядъ, сдержалъ смѣлое слово и молніей выскочилъ изъ кабинета... «Боже мой! размышлялъ онъ на дорогѣ, какъ я хорошо думалъ о литературѣ, когда служилъ въ провинціи, а теперь...» и, махнувъ рукой съ отчаянія, онъ зашелъ къ Еремѣеву отвести душу дешевымъ завтракомъ. Совершенно съ другой точки зрѣнія взглянулъ на вопросъ «Современникъ». Редакція его, желая усилить подписку по случаю какихъ-то чрезвычайныхъ долговъ по иностранному векселю, рѣшилась поднять голосъ въ защиту отмороженныхъ носовъ, какъ можно выше. Съ этой цѣлью г. Некрасовъ ввѣрилъ дѣло одному изъ непремѣнныхъ сотрудниковъ журнала. Новый коментаторъ всѣхъ старыхъ теорій, не дочитавъ послѣднихъ пяти страницъ изъ Миля, отложилъ его въ сторону и принялся за работу съ жаромъ: за одинъ присѣстъ, не переводя духа, онъ сочинилъ страшно-длинную статью, разбросавъ въ ней, вмѣсто риторическихъ цвѣтовъ, причастія и дѣепричастія на *щій*, *шій*, *ши* и *вши*, такъ что статья вышла въ высшей степени музыкальной и, что бываетъ у него рѣдко, довольно опрятной. Но съ рецензентомъ случилась крошечная бѣда: забывъ, что надо составить новую теорію отмороженныхъ носовъ, онъ поставилъ въ заглавіи: «Политико-экономическіе принципы о красныхъ носахъ по отношенію ихъ къ винному откупу и въ связи съ благоденствіемъ откупщиковъ», и на эту тему исписалъ пропасть бумаги. Статья была кончена, отдана въ типографію, и только тогда рецензентъ догадался, что во всемъ его разсужденіи нѣтъ ни слова о томъ, что было главной темой его теоріи.

Между тѣмъ такое мнѣніе успѣло проникнуть и въ провинціи; но, какъ извѣстно, странности его ростутъ въ геометрической пропорціи по мѣрѣ разстояній отъ столицы, то гдѣ-то въ Уфѣ или Красноярскѣ распространился слухъ, что въ Петербургѣ открыто изобрѣтеніе новыхъ патентованныхъ носовъ, и привиллегія производства ихъ отдана одному Англичанину Джону Бирчу. «Какъ, закричали провинціальные патріоты, опять привиллегію иностранцу! Да развѣ у насъ не достало-бы собственныхъ денежныхъ средствъ, ума-разума и смѣтливости? Развѣ не мы изобрѣли квасъ, брагу, простоквашу и вѣники, совершенно неизвѣстные въ другихъ странахъ міра, и составля-

ющіе честь и гордость русскаго таланта?» При такихъ рѣзкихъ противорѣчіяхъ и междоусобицахъ, «Свѣточь» взялся помирить партіи: онъ цѣлые три мѣсяца обдумывалъ, какъ бы поумнѣй сострить въ своемъ карикатурномъ листкѣ насчетъ отмороженныхъ носовъ, не нашелъ ничего смѣшнаго, и съ досады закрылъ карикатурное либретто... Боже мой! Какая горестная утрата для публики въ прекращеніи этого изданія, такъ мило развлекавшаго трехъ сотрудниковъ и двухъ читателей.

На этомъ мы оканчиваемъ съ носами, но должны замѣтить, что исторія ихъ далеко не исчерпана; по случаю праздниковъ она только отведена въ сторону, потому что праздники всегда отвлекаютъ отъ серьезныхъ дѣлъ, возбуждая тревожныя желанія во всѣхъ сословіяхъ отъ мала до велика. Въ высшихъ слояхъ они порождаютъ апетиты къ блесткамъ роскоши; пониже— къ прибавкѣ жалованья, къ выдачѣ его впередъ и къ жареному гусю; еще пониже — къ лишнему рублю на водку, съ надеждой на большую упругость барскихъ кармановъ; а тамъ, гдѣ пріобрѣтеніе трехъ копѣекъ составляетъ большее счастіе, чѣмъ внѣшній турецкій заемъ, и тамъ праздникъ пріятно отзывается на сердцѣ, потому что увеличиваетъ число ротозѣевъ и сумму уличнаго подаянія.

Одной изъ такихъ праздничныхъ сценъ я былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ. Баюбакинъ, наканунѣ новаго года, явился къ своему хозяину попросить жалованья впередъ и, дожидаясь въ передней, долго шевелилъ губами, повторяя заранѣе сочиненную просьбу. Человѣкъ умѣренной полноты, наконецъ вышелъ изъ своего роскошнаго кабинета, поднялъ кверху голову, точно потолокъ разсматривалъ, подумалъ нѣсколько и произнесъ съ растановкой:

— Да-съ, вы денегъ просите?... всѣ денегъ просятъ; всѣмъ деньги нужны!... Конечно, въ случаѣ нужды почему-жъ и не помочь, обязанность наша, такъ сказать, входить въ положеніе подчиненнаго, а только не лучше-ли вамъ обойтись какъ нибудь, умѣрить себя... умѣрить себя не трудно, стоитъ захотѣть только!.. вотъ вы говорите, праздники; что праздники, праздникъ есть душевное спокойствіе, вотъ и праздникъ.... вѣдь и послѣ праздниковъ ѣсть захочется, да-съ!... а когда впередъ заберете, взять будетъ нечего, изъ ничего вѣдь разумѣется ничего, такъ?

Баюбакинъ разинулъ было ротъ, но хозяинъ прервалъ его.

— Это я вамъ скажу самая плохая система, продолжалъ онъ,

довольно убѣдительнымъ тономъ, нужно жить такъ, чтобъ, понимаете, соразмѣрять расходъ съ приходомъ, откладывать на непредвидѣнные случаи, беречь копѣйку на черный день, сами посудите, мало-ли что можетъ случиться, ну вдругъ вы заболѣете, а?... вѣдь заболѣть не трудно?

— Могу, отвѣчаетъ проситель.

— Ну-съ, понадобится доктора взять, лекарство тоже, да-съ?!..

— Точно такъ-съ, почтительно произнесъ чиновникъ, поклонился и снова вытянулъ руку.

Господинъ умѣренной полноты хотѣлъ продолжать, но вѣроятно почувствовавъ себя истощеннымъ, молча взялъ бумагу, развернулъ и взглянулъ на нее.

— Много-съ! довольно рѣзко замѣтилъ онъ, какъ можно, ну вдругъ умрете?

— На все воля божья, а только надѣюсь жить!

— Хорошо если надѣетесь, а все-таки много, я на всякій случай пять рублей убавлю, рѣшительно добавилъ хозяинъ, повернулся и вышелъ.

Чрезъ минуту лакей вынесъ Баюбакину записку. Послѣдній схватилъ ее и бросился опрометью на улицу.

— Съ чѣмъ тутъ останешься? думалъ онъ, пробираясь домой между толпой прохожихъ, сновавшихъ взадъ и впередъ отъ сѣнной площади. Все же праздникъ въ самомъ дѣлѣ, мало ли какіе расходы встрѣтятся, вонъ и сторожа поздравить придутъ, визиты придется сдѣлать, пѣшкомъ не обѣгаешь, а не сдѣлай — неблагонамѣреннымъ назовутъ, извозчики тоже дороги, кухаркѣ нужно жалованье заплатить, дворнику, тутъ еще сапоги заказаны!....

— Баринъ купи, купи баринъ, баринъ голубчикъ! жалобно повторяла дѣвочка, въ припрыжку слѣдуя за Баюбакинымъ и чуть не хватаясь за шинель его.

Онъ невольно остановился. Дѣвочка продавала какія-то стеклянныя игрушки.

— Купи баринъ, для праздника, что нибудь дай, купи только, хорошія все! говорила она, переворачивая иззябшими ручонками свой товаръ.

Баюбакинъ вынулъ изъ кармана пятакъ, подалъ его дѣвочкѣ и побѣжалъ дальше. Онъ остановился у небольшаго деревяннаго домика, отворилъ калитку, перебѣжалъ дворъ, поднялся на деревянную лѣсенку и тихо позвонилъ.

Дверь отворила пожилая, сморщенная женщина съ пестрымъ платкомъ на головѣ, съ засученными по локоть рукавами темнаго засаленаго платьишка.

— Что барыня? нетерпѣливо произнесъ Баюбакинъ.

— Я почемъ знаю, жалованье отдайте, тогда и спрашивайте! грубо отозвалась кухарка и хлопнула дверью.

Баюбакинъ сбросилъ съ себя шинель, вошелъ въ одну комнату, потомъ въ другую и остановился у порога. Въ углу, на клеенчатомъ диванѣ, какъ-то съежившись, въ темной, шерстяной кацавейкѣ, сидѣла женщина лѣтъ двадцати. Лицо ея было блѣдно, руки, сложенныя одна на другую, грѣлись подъ мышками.

Она подняла мутные глаза и вопросительно взглянула на вошедшаго.—Получилъ? тихо, съ сомнѣніемъ, спросила она.

— Получилъ! довольно радостно отвѣтилъ Баюбакинъ, подошелъ къ дивану, поцѣловалъ женщину въ голову и опустился на стулъ.

— Пять рублей убавилъ! глухо добавилъ онъ.

— Убавилъ! какъ-же такъ, ты бы попросилъ, Миша, со вздохомъ произнесла женщина.

— Просилъ, да что-жъ дѣлать!.., какъ нибудь справимся; Матренѣ хоть за мѣсяцъ отдать, подождетъ опять, вонъ тамъ твои серги заложены, хоть бы что нибудь уплатить, все лучше, мнѣ и тебя самою-то совѣстно!

Женщина горько улыбнулась.

А между тѣмъ скромный, но вдругъ возгордившійся сосѣдъ Баюбакина, обводившій передъ зеркаломъ, около галстуха, какое-то изображеніе, возвратясь изъ должности, сидѣлъ за столомъ и съ большимъ усердіемъ уничтожалъ вторую тарелку супу.

Возлѣ него помѣщалась тощая супруга, съ кисло-сладкой физіономіей, женщина очень деликатная, сильно заразившаяся въ послѣднее время мужниной гордостью. Напротивъ сидѣли дѣти, дѣвочка и два мальчика. Послѣдніе шалили, обливались, полос-

кали руки въ тарелкахъ, бросались хлѣбомъ, щипали другъ-друга.

Вообще все семейство, повидимому, было совершено счастливо; жена пріятно взглядывала на мужа, даже, казалось, въ душѣ гладила, хвалила его, говорила, какой ты душка, паинька, всегда такъ веди себя, я тебѣ гостинцу дамъ. Мужъ отгадывалъ эти ласки, сознавалъ себя умникомъ и самодовольно улыбался.

— Лизанька, ангельчикъ, позвольте супцу еще, очень супецъ хорошій! произнесъ послѣдній, подставляя супругѣ свою тарелку.

— Кушайте, душка, ужъ я сегодня сама хлопотала, только бы вамъ угодить! отозвалась Лизанька и налила тарелку.

Супруга немного приврала, она хлопотать и не думала. Даже въ другое время года просьба мужа относительно прибавки супа исполнилась бы неохотно, съ жестомъ негодованія, да и самъ хозяинъ, быть можетъ, не осмѣлился бы обезпокоить свою нѣжную половину, но теперь другое дѣло: онъ подарилъ этой половинѣ бархатную мантилью, исправно принесъ домой свое жалованье, и, такимъ образомъ, самъ сознавалъ свое достоинство, свои права на супъ и на безпокойство жены. Послѣдняя, съ своей стороны, не могла не умилиться мужнинымъ усердіемъ, она даже поцѣловала его въ лѣвую бакенбарду, уложила спать послѣ обѣда, запретила дѣтямъ шумѣть, сама ходила на цыпочкахъ, приготовила квасу къ пробужденію.

— Знаешь, Лизанька, говорилъ супругъ, сидя вечеромъ за самоваромъ и одолѣвая непомѣрное количество чая, купить бы къ празднику поросенка съ хрѣномъ и сметаной?

— Пожалуй, можно и поросенка; поросенокъ хорошо, отозвалась хозяйка.

— Опять же нужно бы намъ на газеты записаться; всѣ получаютъ, Лизанька, нехорошо безъ газеты.

— Охота деньги тратить, вы не забудьте, что мнѣ чепчикъ нуженъ, безъ чепчика я никакъ не могу; у Цыцаркиныхъ ве-

черъ будетъ, а туда ѣхать сами знаете, какъ одѣться нужно, вы теперь должны подумать, что ваша жена должна быть одѣта лучше всѣхъ, должна, такъ сказать, затмить, а то газеты.... вонъ изъ табачной лавки полицейскія всегда даютъ, когда не пошлите!

Супругъ погладилъ бакенбарды.—Все будетъ, Лизанька, все, и одѣнетесь и чепчикъ купится, самодовольно произнесъ онъ.

Хозайка улыбнулась и только взглянула на мужа.

— Сладокъ ли чай у васъ, душка? спросила она.

— Нѣтъ, Лизанька, нужно, право нужно, продолжалъ онъ, полицейскія что, въ полицейскихъ ничего нѣтъ, только развѣ о потерѣ какой напечатаютъ, да вѣдь ее не найдешь, а записаться на Сынъ Отечества и дешево и хорошо; всѣ наши получаютъ. Теперь кого произвели, повысили, кого къ наградѣ удостоили, все узнаешь, что въ Европѣ дѣлается, все это написано; положимъ австрійскій императоръ выѣхалъ куда нибудь, ну, тотчасъ и напечатаютъ, что вотъ выѣхалъ.

— Да, что вамъ за дѣло до австрійскаго императора, что вы родня ему что ли, выѣхалъ такъ и выѣхалъ, Богъ съ нимъ!

— Это я, Лизанька, для примѣра говорю, тамъ и про войну пишутъ, про всякое извѣстіе, теперь если какое сраженіе происходило, опишутъ такъ, какъ будто самъ въ немъ былъ, сколько раненыхъ, убитыхъ, все это перечислятъ.

— Вотъ тоже, охота читать страсти этакія!

— Нельзя, Лизанька, живешь такъ все знать хочется, нонче вѣкъ такой, прогресъ!... тоже въ обществѣ иногда бываешь, разговорятся о политикѣ, а ты ничего и не знаешь, хорошо ли; а тамъ все есть; такая ужъ эта газета для нашего брата хорошая, читаешь немного, а знаешь все!

— Какъ хотите, записывайтесь пожалуй, а только вотъ и на модный журналъ слѣдовало-бы записаться, ужъ лучше вашего Сына Отечества; вонъ Клюкина и та получаетъ, а то живешь въ свѣтѣ и ничего не знаешь, сказать срамъ!»

Хозяинъ по окончаніи чая задумывается. — Желаніе бле-

спуть въ обществѣ знаніемъ Сына Отечества, необходимость угодить женѣ моднымъ журналомъ и чепчикомъ, наконецъ полакомить себя поросенкомъ съ хрѣномъ и сметаной все это мѣшается, бродитъ въ умѣ его, не даетъ ему покоя. — Онъ долго думаетъ, соображаетъ свои средства, пересчитываетъ оставшіяся деньги, заглядываетъ въ будущее; видитъ вечеръ у Цыцаркиныхъ, предстоящую партію грошеваго преферанса, сознаетъ возможность проигрыша. — «Что лучше»... восклицаетъ онъ въ душевной тревогѣ, и праздникъ возгордившагося чиновника ознаменовывается поросенкомъ, да новымъ чепчикомъ на головѣ его супруги, а удовлетвореніе нравственнымъ потребностямъ отлагается до другаго, болѣе благопріятнаго времени. — «Выиграю у Цыцаркиныхъ, — запишусь на Сынъ Отечества!» окончательно рѣшаетъ хозяинъ, успокоивается и, сладко дремлетъ: между-тѣмъ, подъ окномъ на улицѣ, происходитъ слѣдующій разговоръ:

— Приходи завтра, сладкой водки купилъ!
— Врешь!
— Ей богу купилъ.
— Баринъ разбогатѣлъ, что-ли?
— Разбогатѣлъ!... фракъ продалъ!
— О!?
— Чево, о!... продалъ!
— А тебѣ что?

— Извѣстно что, дуракъ что-ли, продалъ за одно, сказалъ другое.

На улицѣ раздается смѣхъ.

Возгордившійся чиновникъ открываетъ глаза и вскакиваетъ.

— Батюшки! что это!? восклицаетъ онъ съ негодованіемъ; Гришкинъ голосъ!

Ты, богатый читатель, владѣющій домами, деревнями и заводами, скупающій всевозможныя акціи, съѣдающій непомѣрное количество устрицъ и запивающій ихъ дорогимъ рейнвейномъ; ты, выкуривающій однѣхъ сигаръ въ день на дневное пропитаніе бѣднаго, и ты, великолѣпная барыня, съ таковымъ же кучеромъ на козлахъ, и вы, господинъ умѣренной полноты, вы, вѣрно, не повѣрите мнѣ, что есть желанія, простирающіяся не дальше поросенка съ хрѣномъ и «Сына Отечества», а они дѣйствительно есть, съ той-же плотію и кровью, какъ и мы съ вами.

Вотъ въ углу сидитъ пышная прелестная дѣвица, та самая, которая машетъ вѣеромъ, около ее увивается кавалеръ, черные усы его завиты кольцами, на рукахъ бѣлыя какъ снѣгъ перчатки, сапоги блестятъ какъ зеркало, отъ тонкаго батистоваго платка вѣетъ удивительными духами. — Вглядитесь въ него попристальнѣе, это вашъ знакомый, это другъ вашего дома, прелестная дѣвица ваша воспитанница, о которой вы такъ заботитесь, которую вы намѣрены наградить какъ дочь родную.

Это Сергѣй Львовичь Пузыревъ. Вы удивляетесь его танцовальному искусству, его такту, умѣнью пріятно болтать совершенный вздоръ, картавить по французски, а не знаете, что его бѣлыя какъ снѣгъ перчатки собственноручно мылись имъ и артистически чинились за два дня до вашего праздника, что тонкій батистовый платокъ единственный въ своемъ числѣ и родѣ, что блестящіе сапоги выпрошены въ долгъ у сапожника, что послѣдній двугривенный отданъ былъ за духи, помаду и кольца на усахъ у француза парикмахера, что послѣ вашего тонкаго ужина онъ побѣжитъ домой пѣшкомъ, что не дальше какъ сегодня онъ получилъ часть своего жалованья 13 рублей $72^1/_2$ коп. серебромъ (остальное было взято заранѣе), и распредѣлилъ его слѣдующимъ образомъ.

Прачкѣ въ число долга 15-ти рублей, уплочено 1 рубль 20 коп. Въ табачную лавку также въ число долга 25-ти съ чѣмъ то рублей, уплочено 1 рубль, при чемъ взято заимообразно сигаръ на 3 рубля. Въ мелочную лавку въ число-же долга 17 р. уплочено два съ полтиной; кухмистеру за столъ дано 3 р., какой-то Амаліи Карловнѣ отослано 2 р., на чистыя деньги пріобрѣтены: кусокъ франц. мыла за 40 коп., лорнетка съ простымъ стекломъ 50 к., истрачено въ кондитерской съ какимъ-то знакомымъ, нечаянно попавшимся на улицѣ, 1 р. 30 коп., проѣзжено на лихачѣ извощикѣ по поводу одного визита 1 р. 50 к., заплочено за духи и кольца на усахъ 20 коп., проѣзжено на одинъ званый вечеръ 15 коп., итого истрачено 13 р. 70 к., — въ остаткахъ $2^1/_2$ копѣйки. Портной, сапожникъ, хозяинъ квартиры, купецъ изъ какого-то магазина, бухарецъ съ халатами, булочникъ не смотря на просьбы и угрозы, остались въ пріятной надеждѣ не быть забытыми при полученіи первыхъ денегъ.

И такихъ Пузыревыхъ у насъ насчитается не мало. Вы

увидите ихъ во всѣхъ великосвѣтскихъ салонахъ, за всѣми большими обѣдами и всегда въ спокойномъ и даже пріятномъ расположеніи духа. И если бъ я имѣлъ способность связывать историческіе факты, заглядывать во всѣ углы петербурскаго люда, я написалъ-бы исторію самыхъ интересныхъ превращеній; я разказалъ-бы какъ наживаются громадныя состоянія по мановенію волшебнаго жезла, какъ модистки Лизы и Адели превращаются въ великолѣпныхъ барынь, какъ добросовѣстные управляющіе перелѣзаютъ въ кареты и бель-этажи своихъ господъ, а господа чуть нейдутъ по-міру; я разказалъ-бы самыя странныя и несбыточныя вещи, но такія, какія мы видимъ и ощупываемъ каждый день.

Но позвольте, читатель, маленькое развлеченіе на этотъ разъ. Передъ нами самая веселая картина снаружи, но печальная внутри. Вонъ въ сторонѣ собралась кучка народа, — что тамъ такое случилось? Телѣжка съ шарманкой запряжена двумя тощими собаками, одна изъ нихъ повѣся хвостъ и вытянувъ шею, съ какимъ-то жалобнымъ вниманіемъ смотритъ на окружающую толпу, другая лежитъ и снѣгъ роетъ, въ телѣжкѣ двое дѣтей закутанныхъ въ тренье, они прислонились другъ къ другу головками и грѣются взаимнымъ дыханіемъ, инструментомъ вертитъ женщина лѣтъ тридцати, за спиной у ней въ корзинкѣ третій ребенокъ, онъ дремлетъ подъ заунывную музыку.

— Нѣмцы! — флегматически замѣчаетъ какой-то рыжебородый человѣкъ въ заячьей шубѣ.

— Чай много соберетъ? — вопросительно обращается къ нему другой человѣкъ, въ сѣромъ длиннополомъ кафтанѣ.

— Многаго не собрать! — рѣшительно произноситъ стоящій сзади, деньщикъ, съ сапожной колодкой подъ мышкой.

Шуба и кафтанъ оборачиваются и взглядываютъ на колодку.

— Тоже собакъ кормить нужно, этакая собака много съѣстъ, этакія собаки прожорливы, больше человѣка съѣстъ, — продолжаетъ послѣдній.

— Небось въ день верстъ пятнадцать исходятъ! — замѣчаетъ шуба.

— Исходятъ! — повторяетъ кафтанъ.

— Больше двадцати обѣгаютъ, — рѣшительно замѣчаетъ деньщикъ.

— Иванъ Семенычу! — говоритъ какой-то вновь подошедшій человѣкъ, въ шапкѣ на бекрень, въ истертой коротенькой шинелѣ съ краснымъ басономъ, съ эполетной кортонкой въ рукахъ. — Музыку слушаете?

Деньщикъ оборачивается, лице его какъ-то скрючивается, оно хочетъ улыбнуться, но не улыбается только потому, что не умѣетъ.

— Что вамъ? — нѣсколько сурово спрашиваетъ онъ.

— Да что, рубль серебра на праздникъ подарилъ, говоритъ, обожди, послѣ дамъ, — отвѣчаетъ шинель.

Деньщикъ прикладываетъ къ носу большой палецъ и сморкается. — Все скудость одна, — рѣшительно произноситъ онъ.

Кокая-то барыня въ салопѣ продирается сквозь толпу, бросаетъ женщинѣ мѣдную монету и проходитъ дальше.

— Грошъ дала, — замѣчаетъ шуба.

— Грошъ! — повторяетъ длиннополый кафтанъ.

— Эко махонькіе, чай и годковъ по пяти нѣту, небось иззябли, холодно поди ты, охъ холодно! — жалобно говоритъ старуха въ шугаѣ, съ платкомъ на головѣ.

— Чего ты толкаешься, чего, не видишь развѣ?... Какъ ты смѣешь толкаться, болванъ, какъ ты смѣешь! — въ негодованіи вскрикиваетъ какое-то щегольское пальто, затертое въ толпѣ, и обращаясь къ приземистому мужичку въ засаленномъ тулупѣ.

Послѣдній робко пятится, и наступаетъ на ногу другому пальто.

И что-то заунывное, раздирающее душу, слышится въ звукахъ этой шарманки, звуки эти похожи на вопль, выпрашивающій кусокъ хлѣба. — Много-ли соберетъ она, много-ли грошей сколотитъ на праздникъ это несчастное семейство?... съ четверть часа его окружала равнодушная толпа и только одна барыня въ салопѣ, шедшая за полученіемъ какихъ-то денегъ, по своему суевѣрію сочла обязанностію бросить мѣдный грошъ. А маховое колесо жизни вертится своимъ чередомъ.

Но мы боимся навести смертельную скуку на читателя, останавливая его праздничный взглядъ на такихъ печальныхъ картинахъ. И странно, что мы начали веселой повѣстью о петербургскихъ носахъ, а должны заключить грустно-завывающей шарманкой. Не такъ-ли и въ самой жизни, есть-ли вникнуть въ ея неумолимо-строгій смыслъ и шутовскія сцены, идущія рядомъ съ потрясающими событіями. А маховое колесо нашей жизни обращается по-прежнему!

И. СЕРМЯГИНЪ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 25.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ.)

Нѣсколько словъ объ игрѣ г-на Колиша. — Разсказъ его о поѣздкѣ въ Англію. — Игры Колиша съ Барнесомъ, Оуеномъ, Мауде, Уоррелемъ, Горвицемъ и Ла-Рошемъ. — Шахматы въ Петербургѣ и провинціи. — Партія В. Михайлова съ г-мъ Б... — Двѣ партіи гг. Шпейера и Кнорре. — Любопытное окончаніе игры. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Лѣтомъ 1859 года распространился слухъ о блестящихъ шахматныхъ подвигахъ молодаго, неизвѣстнаго до того времени любителя, Колиша. Разсказывали, что онъ на-голову поразилъ сильнѣйшихъ игроковъ Café de la Régence, одержалъ верхъ даже надъ Гаррвитцемъ и, можетъ быть, не уступаетъ въ искусствѣ самому Морфи, съ которымъ, впрочемъ, не имѣлъ еще случая сразиться. Скоро всѣ шахматные журналы заговорили о Колишѣ; сама Schachzeitung, такъ ревностно отстаивающая славу германскихъ игроковъ, подтвердила слухъ о его побѣдѣ надъ г-мъ Гаррвитцемъ. Но признавая единогласно г-на Колиша игрокомъ необыкновенной силы, шахматные журналы лишь весьма рѣдко сообщали его партіи *). Къ тому же, бо́льшая часть этихъ партій представляетъ намъ молодаго атлета въ борьбѣ съ соперниками, очевидно его недостойными: герцогомъ

*) Больше всего они печатались во французскомъ журналѣ «Le Monde Illustré», шахматнымъ отдѣломъ котораго завѣдывалъ самъ г-нъ Колишъ, но отдѣлъ этотъ существовалъ не долго.

Брауншвейгскимъ, графомъ Изуаромъ, г-мъ Мандольфо, и т. п. *). Правда, даже и въ этихъ состязаніяхъ, г. Колишъ съумѣлъ обнаружить вполнѣ основательное знаніе дебютовъ, живую, смѣлую фантазію и совершенно необычайное умѣнье пользоваться ошибками противника. Послѣднее, драгоцѣнное для шахматнаго игрока свойство, болѣе всего поражаетъ насъ въ игрѣ г. Колиша; онъ никогда не упускаетъ случая извлечь всю возможную пользу не только изъ ошибки, но изъ всякаго сколько нибудь слабаго хода противника. Если расположеніе шашекъ представляетъ хотя малѣйшую возможность къ нападенію, онъ, не тратя ни минуты, создаетъ самыя остроумныя комбинаціи для атаки, и развиваетъ ихъ съ изумительною смѣлостью и дальновидностью или до окончательнаго пораженія непріятеля, или до невозможности продолжать далѣе нападеніе. Партія Колиша противъ Мандольфо, напечатанная въ Шахматномъ Листкѣ за августъ 1859 года, можетъ служить образцикомъ его силы въ наступленіи; едвали въ лѣтописяхъ игры найдется примѣръ столь блестящей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь вѣрно разсчитанной атаки. Но какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что совершенно ясное понятіе о талантѣ и особенностяхъ игрока можно пріобрѣсти не иначе, какъ внимательнымъ разборомъ большаго числа партій, игранныхъ имъ противъ бойцевъ равной или, по крайней мѣрѣ, приблизительной съ нимъ силы. Если мы позволили себѣ ставить Морфи выше всѣхъ современныхъ игроковъ, то это именно потому, что могли судить о немъ не на основаніи нѣсколькихъ красиво разыгранныхъ партій, а на основаніи длиннаго ряда состязаній съ знаменитѣйшими современными шахматистами. Въ такихъ-то состязаніяхъ хотѣлось бы намъ видѣть и г-на Колиша, и мы не могли понять, что препятствуетъ ему вступить въ борьбу съ колоссами шахматнаго искусства, побѣда надъ которыми одна только и могла бы упрочить его извѣстность. Самъ г. Колишъ вывелъ насъ изъ недоумѣнія, сообщивъ предлагаемый здѣсь разсказъ о своей поѣздкѣ въ Англію; разсказъ, изъ котораго дѣлается очевиднымъ, что онъ употребилъ все возможное стараніе, чтобы помѣриться силами съ лучшими игроками нашего времени, и что только стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, — а можетъ быть, отчасти, и нежеланіе корифеевъ шахматнаго искусства еще разъ рискнуть своею сла-

---

*) Мы нигдѣ не могли найти его партій съ Гаррвитцемъ и полагаемъ даже, что онѣ не были напечатаны.

вою въ борьбѣ съ молодымъ соперникомъ, —заставило его такъ долго тратить свои силы на слишкомъ легкія для него пораженія игроковъ второстепенныхъ.

Въ маѣ 1859 года, говоритъ г. Колишъ, я пріѣхалъ въ Парижъ въ надеждѣ помѣриться силами съ колоссами шахматнаго искусства, подвиги которыхъ такъ сильно занимали въ то время весь шахматный міръ. Немедленно по пріѣздѣ, я, не теряя ни минуты, отправился въ Café de la Régence, сборное мѣсто парижскихъ любителей. Но увы! славный американецъ, несравненный Пауль Морфи, уже оставилъ Парижъ, и я былъ встрѣченъ словами: «слишкомъ поздно, слишкомъ поздно». Дѣлать нечего, за отсутствіемъ Морфи, пришлось вступить въ борьбу съ сильнѣйшимъ послѣ него игрокомъ, изъ всѣхъ бывшихъ въ то время во Франціи, знаменитымъ Гаррвитцемъ. Послѣ четырехъ упорныхъ партій, изъ которыхъ мой соперникъ выигралъ одну, я — двѣ и одна была ничья, г. Гаррвицъ уѣхалъ въ Англію для поправленія разстроеннаго здоровья. Стало быть, подумалъ я, климатъ туманнаго Альбіона особенно полезенъ шахматнымъ игрокамъ, и тогда же предположилъ себѣ непремѣнно посѣтить Англію при первой возможности. Удержанный въ Парижѣ дѣлами, я не могъ исполнить моего намѣренія раньше послѣдней весны; я переѣхалъ Ла-Маншъ 29 мая 1860 года и вечеромъ того же дня, тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, отправился въ «Cigar-Divan» узнать адрессы моего знаменитаго соотечественника Лёвенталя и представителя британскаго шахматнаго искусства Стаунтона. — На слѣдующій день я имѣлъ удовольствіе видѣться со Стаунтономъ. Онъ принялъ меня любезно и радушно, но тутъ же объявилъ, что считаетъ невозможнымъ приступить въ настоящее время къ серіозному состязанію, ибо въ послѣдніе три года литературныя занятія совершенно удалили его отъ шахматныхъ упражненій. Нѣсколько дней спустя, я посѣтилъ г-на Лёвенталя; онъ лежалъ въ постели, — страдая тяжкими послѣдствіями давно полученной имъ раны. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о шахматномъ состязаніи, но г. Лёвенталь самымъ любезнымъ образомъ обѣщалъ мнѣ употребить возможныя старанія, чтобъ уладить мнѣ матчъ съ Гаррвитцемъ. Однако и эта надежда скоро разрушилась: Гаррвитцъ положительно отказался возобновить бой. Послѣ этого мнѣ оставалось только терпѣливо ждать большаго митинга британской шахматной ассоціаціи, который долженъ былъ собраться въ Кембриджѣ въ послѣднихъ числахъ августа. Въ

ожиданіи общаго турнира, сопровождающаго обыкновенно этого рода собранія, я съигралъ четыре партіи съ г-мъ Барнесомъ, игрокомъ весьма сильнымъ, обратившимъ на себя вниманіе любителей упорною защитою противъ Морфи *). Результатъ былъ слѣдующій:

Колишъ выигралъ	. . . .	3.
Барнесъ	. . . .	0.
Ничьихъ	. . . .	1.

Привожу здѣсь любопытнѣйшую изъ этихъ партій, замѣчательную между прочимъ тѣмъ, что семнадцать первыхъ ходовъ совершенно тѣ же, какъ въ одной изъ партій Морфи.

ПАРТІЯ № 155.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

	Колишъ. (Бѣлые.)	Барнесъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	b8—c6
3)	f1—c4	f8—c5
4)	b2—b4	c5—b4°
5)	c2—c3	b4—a5
6)	d2—d4	e5—d4°
7)	d1—b3	d8—f6
8)	0—0	d7—d6
9)	e4—e5	d6—e5°
10)	f1—e1	g8—e7
11)	c1—g5	f6—g6
12)	g5—e7°	c6—e7°
13)	f3—e5°	g6—b6
14)	c4—b5+	c7—c6
15)	b3—f7°+	e8—d8
16)	e5—c6°+	e7—c6°
17)	b5—c6°+	b6—c5
18)	f7—g7°	h8—f8
19)	c3—d4°	c5—d6
20)	g7—g5+	d8—c7
21)	g5—a5°+	c7—c6°
22)	d4—d5+	c6—d7
23)	b1—c3	b7—b6
24)	a5—a4+	d7—d8
25)	c3—b5	d6—f6
26)	a4—c2	f8—f7
27)	a1—d1	c8—b7
28)	d5—d6	b7—g2°
29)	c2—c7+	f7—c7°
30)	d6—c7°+	d8—c8
31)	e1—e8+	c8—b7
32)	e8—a8°	g2—h3
33)	a8—a7°+	b7—c6
34)	d1—d6+	и бѣлые выигрываютъ.

Я имѣлъ также удовольствіе сразиться съ г-мъ Оденомъ, извѣстнымъ шахматному міру подъ псевдонимомъ «Альтеръ». Мы съиграли три партіи: я выигралъ двѣ, мой противникъ одну.

---

*) См» Шахм. Лист. No 1 стр. 11.

Вотъ, по моему мнѣнію, лучшая изъ нихъ; она представляетъ мало употребительный варіантъ центральнаго гамбита.

ПАРТІЯ № 156.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

	Оуенъ. (Бѣлые.)	Колишъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	d2—d4	e5—d4°
3)	f1—c4	g8—f6
4)	g1—f3	f8—c5
5)	f3—g5	0—0
6)	e4—e5	d7—d5
7)	e5—f6°	d5—c4°
8)	0—0	d8—f6°
9)	g5—h7°	g8—h7°
10)	d1—h5+	h7—g8
11)	h5—c5°	c8—e6
12)	c5—c7°	b8—c6
13)	c7—g3	a8—e8
14)	c2—c3	d5—d4
15)	c1—e3	e6—d5
16)	b1—d2	e8—e6
17)	a2—a4	f6—f5
18)	g3—f4	f5—h5
19)	g2—g3	c6—e5
20)	h2—h4	e6—f6
21)	f4—d4	e5—f3+
22)	d2—f3°	h5—f3°
	и бѣлые сдаются.	

Наконецъ три матча, игранные мною противъ Гг. Уорреля, Сабурова и Мауде, въ которыхъ я давалъ имъ впередъ коня, также кончились въ мою пользу.

Г-нъ Уоррель, знакомый читателямъ Лондонской Иллюстраціи подъ именемъ «Мексиканскаго Любителя», получалъ тоже коня отъ Морфи и достигъ результата семи выигранныхъ партій противъ восьми проигранныхъ. Нашъ матчъ былъ составленъ на шесть игоръ т. е. первый выигравшій это число партій признается побѣдителемъ. Г-нъ Уоррель выигралъ двѣ партіи, я шесть.

Состязаніе мое съ секретаремъ русскаго посольства Сабуровымъ, побѣдителемъ на послѣднемъ турнирѣ С. Джемскаго клуба, происходило на такихъ же точно условіяхъ, но результатъ былъ для меня благопріятнѣе. Я выигралъ шесть партій подъ рядъ. Справедливость требуетъ впрочемъ прибавить, что впослѣдствіи г. Сабуровъ изъ семи партій выигралъ у меня пять, а проигралъ только двѣ.

Г-нъ Мауде, игрокъ большой силы, тоже получалъ отъ меня коня, но подъ условіемъ выиграть шесть партій изъ девяти. Вотъ результатъ этого матча:

Мауде выигралъ	. . . .	3
Колишъ —	. . . .	3
Ничья —	. . . .	1.

И такъ, согласно изъясненному условію, побѣда осталась за мною.

Не лишнимъ считаю привести здѣсь нѣсколько довольно оживленныхъ партій этихъ матчей.

ПАРТІЯ № 157.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

	Колишъ. (Бѣлые.)	Уоррель. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	b8—c6
3)	g1—f3	d7—d6
4)	c2—c3	c8—g4
5)	f1—c4	g4—f3°
6)	d1—f3°	g8—f6
7)	f4—f5	f8—e7
8)	d2—d3	0—0
9)	g2—g4	f6—e8
10)	h2—h4	e7—h4°+
11)	e1—e2	h4—g5
12)	h1—h5	g5—c1°
13)	a1—c1°	c6—a5
14)	h5—h7°	a5—c4°
15)	f3—h3	f7—f6
16)	h3—h5 и бѣлые выигрываютъ.	

ПАРТІЯ № 158.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

	Колишъ. (Бѣлые.)	Мауде. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	b8—c6
3)	f1—c4	f8—c5
4)	b2—b4	c5—b4°
5)	c2—c3	b4—c5
6)	0—0	d7—d6
7)	d2—d4	e5—d4°
8)	c3—d4°	c5—b6
9)	c1—b2	g8—f6
10)	e4—e5	d6—e5°
11)	b2—a3	c8—e6
12)	c4—e6°	f7—e6°
13)	d1—a4	b6—d4°
14)	a1—b1	d4—b6
15)	f1—d1	f6—d7
16)	b1—c1	c6—d4
17)	f3—e5°	c7—c6
18)	d1—d4°	b6—d4°
19)	c1—c6°	d8—f6
20)	c6—c8+	f6—d8
21)	a4—d7°×	

ПАРТІЯ № 159.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

	Колишъ. (Бѣлые.)	Мауде. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	f8—c5
3)	g1—f3	d7—d6
4)	c2—c3	c8—g4
5)	f1—c4	g8—f6
6)	f4—e5°	d6—e5°
7)	c4—f7°+	e8—f8
8)	f7—c4	f6—e4°
9)	d2—d4	e5—d4°
10)	b2—b4	e4—c3°
11)	d1—d3	d8—e7+
12)	e1—f1	c5—b4°
13)	c1—d2	g4—f3°
14)	g2—f3°	b8—c6
15)	a1—e1	e7—c5
16)	h1—g1	c6—a5
17)	c4—e6	h7—h6
18)	d3—g6	c5—e7
19)	d2—h6°	h8—h6
20)	g6—h6	e7—f6
21)	h6—h8+	f8—e7
22)	g1—g7°+	e7—d6
23)	g7—d7+	и бѣлые выигрываютъ.

Этимъ оканчивается краткій очеркъ г-на Колиша. Будемъ надѣяться, что онъ сообщитъ намъ, въ непродолжительномъ времени, разсказъ о дальнѣйшихъ своихъ подвигахъ въ Англіи: о митингѣ въ Кембриджѣ, сопровождавшемъ его общемъ турнирѣ и, главное, о матчѣ своемъ съ Горвицемъ. Что между Колишемъ и Горвицемъ дѣйствительно происходило серіозное шахматное состязаніе, это мы узнаемъ изъ послѣдняго нумера Schachzeitung, гдѣ напечатаны три партіи «aus dem Wettkampf zwischen Horvitz und Kolisch.» Къ сожалѣнію, берлинскій журналъ не заключаетъ никакихъ свѣдѣній объ условіяхъ и результатѣ этого матча, а только обѣщаетъ сообщить ихъ впослѣдствіи. Но, не дожидаясь этихъ подробностей, мы теперь-же приводимъ помянутыя три партіи, которыя, еще лучше предъидущихъ, дадутъ понятіе о талантѣ г-на Колиша. Г-нъ Горвицъ, — котораго, замѣтимъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ *Гаррвитцемъ* *), — принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательнѣйшихъ современныхъ шахматистовъ. Сверхъ того, сообщаемъ здѣсь еще небольшую, бойкую игру г-на Колиша съ французскимъ любителемъ де-ла

*) По нашему мнѣнію, Гаррвитцъ играетъ сильнѣе Горвица, но его партій съ Колишемъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

Рошемъ; она можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о мастерскомъ умѣніи молодаго венгерца пользоваться ошибками противника.

ПАРТІЯ № 160.

ГАМБИТЪ ФАЛКБЕЕРА.

Первая игра матча.

	Горвицъ. (Бѣлые.)	Колишъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	d7—d5
3)	e4—d5°.	e5—e4
4)	f1—b5+	c7—c6
5)	d5—c6°	b7—c6°
6)	b5—c4	g8—f6
7)	d2—d4	f8—d6
8)	g1—e2	0—0
9)	0—0	c8—g4
10)	b1—c3	b8—d7
11)	h2—h3	g4—e2°
12)	c3—e2°(1)	d7—b6
13)	c4—b3	c6—c5
14)	d4—c5°	d6—c5°+
15)	g1—h2(2)	f6—g4+
16)	h2—g3(3)	c5—f2+
17)	f1—f2°(4)	d8—d1°
18)	h3—g4°	e4—e3

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи No 159.

(1) Брать слона ферземъ было бы, кажется, лучше.

(2) Грубая ошибка, отъ которой игра неизбѣжно и весьма скоро проигрывается.

(3) h2—h1 было бы еще гибельнѣе.

(4) На g3—g4°, черные даютъ шахъ ферземъ на h4, и выигрываютъ въ два-три хода.

ПАРТІЯ № 161.

ДЕВІОТЪ РЮИ-ЛОПЕЦА.

Вторая игра матча.

	Колишъ. (Бѣлые.)	Горвицъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	b8—c6
3)	f1—b5	g8—f6
4)	0—0	f8—e7(1)
5)	b1—c3	d7—d6
6)	d2—d4	e5—d4°
7)	f3—d4°	c8—d7
8)	f2—f4	c6—d4°

9)	b5—d7°+	d8—d7°	21) b2—c3°	e8—e5
10)	d1—d4°	0—0	22) e1—e3	f8—e8
11)	f4—f5	b7—b6	23) d1—e1	c6—a4
12)	d4—d3	f6—g4	24) g2—g4	a4—a2°
13)	c1—f4	f7—f6	25) g4—g5	a2—f7
14)	a1—d1	g4—e5	26) e3—h3	g7—g6
15)	f4—e5°	f6—e5°	27) h3—h6	e5—f5°
16)	d3—d5+	g8—h8	28) d3—g3	f5—e5
17)	d5—e5°(1)	e7—f6	29) h6—h4	e8—f8
18)	e5—g3	a8—e8	30) h2—h3	e5—g5°
19)	f1—e1	d7—c6	и черные выигрываютъ.	
20)	g3—d3	f6—c3°		

Примѣчанія къ партіи N. 161.

(1) Можно было прямо брать пѣшку e4, но и настоящій ходъ представляетъ вѣрную защиту.

(2) Этомъ маневромъ Колишъ выигрываетъ на время пѣшку, но тѣмъ самымъ упускаетъ изъ рукъ атаку. Горвицъ мастерски воспользовался ошибкою противника.

ПАРТІЯ № 162.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

Третья игра матча.

	Горвицъ. (Бѣлые.)	Колишъ. (Черные.)			
1)	e2—e4	e7—e5	14)	b2—b4	f6—g4
2)	g1—f3	g8—f6	15)	h2—h3	g4—e5
3)	f3—e5°	d7—d6	16)	d4—e6°	f7—e6°
4)	e5—f3	f6—e4°	17)	h4—g5	h7—h5
5)	c2—c3(1)	d6—d5	18)	f3—e5°	d6—e5°
6)	f1—e2	f8—d6	19)	e2—h5°	g7—g6
7)	d2—d3	e4—f6	20)	h5—g6°	e8—g8
8)	c1—g5	c8—e6	21)	g6—f7	g8—g5°
9)	b1—a3	c7—c6	22)	f7—e6°	e5—c3°
10)	a3—c2	b8—d7	23)	a1—c1	c3—d4
11)	0—0	d8—c7	24)	d1—f3	c7—d6
12)	g5—h4	0—0—0	25)	f3—f7	h8—f8
13)	c2—d4	d8—e8	26)	f7—d7°+	d6—d7°
			27)	e6—d7°+(2)	c8—d7°
			28)	c1—c2	f8—f3

29) g1—h2 d4—e5+
30) g2—g3 e5—g3°+
31) h2—g2 f3—f4
32) f2—g3° f4—f1°
и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи N 161.

(1) Слѣдовало играть d2—d4. Надо полагать что г. Горвицъ нарочно сдѣлалъ неправильный ходъ въ надеждѣ сбить съ толку своего противника. По этому случаю г. Ланге замѣчаетъ и совершенно справедливо, что подобныя уклоненія отъ теоріи дебютовъ, могутъ быть, пожалуй, допускаемы въ партіяхъ пріятельскихъ играемыхъ для препровожденія времени, тѣмъ болѣе, что эти уклоненія приводятъ иногда, случайно, къ новымъ открытіямъ, но въ серіозныхъ матчахъ, имѣющихъ цѣлію опредѣлить сколь возможно точнѣе относительную силу двухъ игроковъ, всякая неправильность, весьма предосудительна.

(2) На e6—d7°+, черные отвѣчали бы c8—d7.

ПАРТІЯ № 163.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Café de la Régence весною 1860 г.)

	Колишъ. (Бѣлые.)	Де-ла-Рошъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e6
2)	d2—d4	d7—d5
3)	f1—d3	c7—c5
4)	d4—c5°	f8—c5°
5)	e4—d5°	e6—d5°
6)	g1—f3	g8—f6
7)	0—0	0—0
8)	c1—g5	c8—g4
9)	b1—c3	c5—e7
10)	g5—f6°	e7—f6°
11)	c3—d5°	g4—f3°
12)	d1—f3°	f6—b2°
13)	a1—b1	b2—d4
14)	b1—b7°	b8—c6
15)	b7—c7	c6—e5
16)	d3—h7°+	g8—h7°
17)	f3—h5+	h7—g8
18)	d5—e7+	и бѣлые выигрываютъ.

Но довольно, на этотъ разъ, партій заграничныхъ. Встрѣчая новый годъ, третій своего существованія, Листокъ обязанъ сказать хоть нѣсколько словъ о шахматной жизни у себя дома, въ Петербургѣ. Въ прошломъ январѣ, какъ читатели вѣроятно помнятъ, мы передовали подробности о большемъ турнирѣ, происходившемъ у графа Г. А. Кушелева-Безбородко; пріятно было бы и этотъ годъ встрѣтить разсказомъ о какомъ нибудь болѣе или менѣе замѣчательномъ шахматномъ событіи, но вмѣсто того

мы должны напротивъ, къ сожалѣнію, признаться, что настоящій сезонъ, крайне неблагопріятенъ царственной игрѣ. Сколько мнѣ извѣстно, въ теченіи всей зимы нигдѣ не было многолюднаго шахматнаго собранія; два раза только удалось мнѣ участвовать на турнирахъ и то на турнирахъ самыхъ микроскопическихъ: одинъ состоялъ изъ четырехъ бойцевъ, другой изъ шести; на первомъ призъ достался И. С. Шумову; на второмъ мнѣ Не слышно также ни о какомъ матчѣ, ни о какой интересной партіи. Довольно сказать, что для настоящаго Листка, мы имѣемъ одну только игранную здѣсь партію, да и та далеко не безукоризненна и печатается (№ 164) единственно для мало-опытныхъ любителей, которымъ можетъ быть поучительна какъ примѣръ сильной, хотя и очень рискованной атаки со стороны игрока давшаго впередъ ладью.

Если петербургскіе любители охладѣваютъ къ шахматной игрѣ, то за то въ провинціи любовь къ ней начинаетъ мало-по-малу распространяться. Г. Стеллихъ, такъ мастерски рѣшающій проблемы, пишетъ намъ изъ Саратова, что тамъ образуется шахматное общество. Пока оно не имѣетъ еще особаго помѣщенія, а пріютилось въ коммерческомъ клубѣ, но есть надежда, что со временемъ получитъ независимое существованіе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ также существуетъ нѣчто въ родѣ шахматнаго клуба. Шестнадцать ревностныхъ любителей, собирается въ извѣстные дни между собою и, какъ слышно, собранія эти бываютъ иногда очень оживлены. Сильнѣйшимъ игрокомъ почитается докторъ Керберъ, который впрочемъ живетъ не въ самомъ городѣ, а въ губерніи. Все это однако, не болѣе какъ довольно неопредѣленные слухи и мы были бы весьма благодарны, еслибъ кто нибудь изъ нижегородскихъ любителей взялъ на себя трудъ сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о тамошнихъ шахматныхъ событіяхъ. Замѣтимъ еще, въ подтвержденіе мнѣнія о распространеніи вкуса къ шахматной игрѣ въ провинціи, что изъ получаемыхъ редакціею Листка писемъ по-крайней-мѣрѣ девять десятыхъ присылаются изъ разныхъ губерній и, что всего лучше, письма эти съ каждымъ мѣсяцемъ становятся дѣльнѣе и интереснѣе. Въ началѣ существованія Листка они ограничивались, почти исключительно, рѣшеніемъ задачъ, а теперь корреспонденты уже нерѣдко сообщаютъ проблемы собственнаго сочиненія, замѣчанія по части теоріи игры и, наконецъ, дѣйствительно игранныя партіи. Такъ, въ концѣ минувшаго мѣсяца мы получила изъ Николаева, отъ г-на Шпейера, игранныя имъ противъ та-

мошняго любителя, г-на Кнорре, партіи и нѣсколько составленныхъ ими задачъ; а отъ г-на Саговскаго, изъ Раненбурга, любопытное окончаніе партіи. Двѣ изъ этихъ партій, три проблемы и окончаніе игры, читатели найдутъ въ настоящемъ Листкѣ.

ПАРТІЯ № 164.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

	В. Михайловъ. (Бѣлые.)	Г-нъ Б... (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	d7—d5
3)	e4—d5°	d8—d5°
4)	b1—c3	d5—d8
5)	f4—e5°	c8—e6
6)	d2—d4	f8—b4
7)	g1—f3	b4—c3°+ (1)
8)	b2—c3°	e6—g4 (2)
9)	f1—c4 (3)	f7—f5
10)	0—0	h7—h6
11)	c1—a3	g8—e7
12)	d4—d5	b8—d7 (4)
13)	d5—d6 (5)	g4—f3°
14)	d6—e7°	f3—d1°
15)	f1—f5° (6)	d7—f6
16)	e5—f6°	g7—f6°
17)	e7—d8°ф+	a8—d8°
18)	f5—f6°	d1—c2°
19)	c4—e6	d8—d1+
20)	g1—f2	c7—c6
21)	f6—f7	h8—h7 (7)
22)	f7—f8×	

Примѣчанія къ партіи N 164.

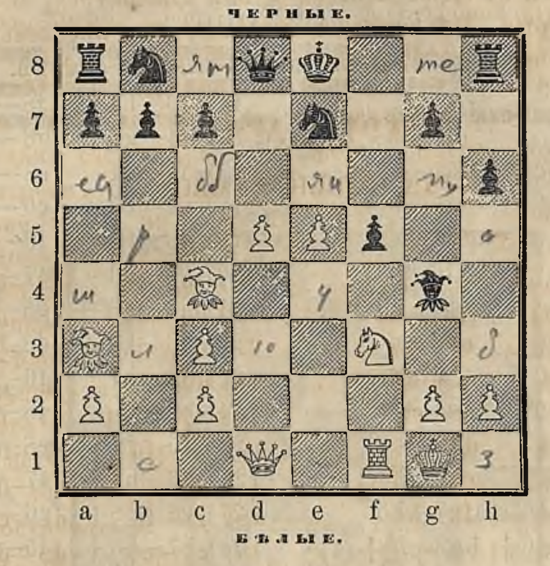
(1) Съ уменьшеніемъ числа шашекъ на доскѣ, значеніе каждой изъ нихъ возростаетъ; по этому игрокъ получающій впередъ офицера долженъ стремиться къ мѣнѣ шашекъ, а противникъ его долженъ избѣгать её. Послѣднее впрочемъ, не всегда возможно; въ такомъ случаѣ, надо предлагать такія мѣны, невыгоды которыхъ вознаграждались бы выигрышемъ времени, пріобрѣтеніемъ атаки и т. п. Такъ напримѣръ, подвинувъ ферзеву пѣшку, я далъ возможность чернымъ обмѣнять слона на коня, но черезъ эту мѣну мои центральныя пѣшки укрѣпились, а ферзеву слону открылась выгодныя для атаки діагональ.

(2) Опять съ тѣмъ, чтобы мѣняться офицерами.

(3) Если черные возьмутъ коня, то имъ будетъ очень плохо.

(4) По окончаніи партіи одинъ изъ присутствовавшихъ любителей замѣтилъ, что онъ съигралъ бы на 12-мъ ходѣ не b8—d7 а c7—c6. Маневръ этотъ показался мнѣ вовсе не страшенъ и я предложилъ любителю доиграть такимъ образомъ партію на пари. Мы разставили шашки въ то положеніе, какое онѣ имѣли послѣ 12-го хода бѣлыхъ:

Положенiе игры послѣ 12-го хода бѣлыхъ.



И игра продолжалась такъ:

12)	c7—c6	27) b4—a5	d8—e8
13) d5—d6	e7—d5	28) c5—c6	b7—b6
14) c4—d5°	c6—d5°	29) d6—d7	e8—d8
15) d1—d5°	b8—d7	30) d4—b5	d8—d7°
16) e5—e6	d8—b6+	31) c6—d7°	g4—d7°
17) f3—d4	0—0—0	32) a5—c3	g7—g5
18) e6—d7°+	d8—d7°	33) c3—e5+	b8—c8
19) c3—c4	h8—e8	34) b3—f3	d7—b5°
20) c4—c5	b6—a5	35) f3—a8+	c8—d7
21) d5—b3	e8—e1	36) a8—d5+	d7—c8
22) a3—b4	e1—f1°+	37) c4—b5°	a6—b7
23) g1—f1°	a5—a6+	38) d5—g8+	c8—d7
24) c2—c4	f5—f4	39) g8—f7+	d7—c8
25) d4—b5	c8—b8	40) f7—e8✕	
26) b5—d4	d7—d8		

(5) Съ этого хода бѣлые имѣютъ красивую атаку и игра становится интересна.

(6) Очень рискованный ходъ, разсчитанный единственно на ошибку противника.

(7) Грубая ошибка, но игра черныхъ и безъ того уже проиграна.

ПАРТІЯ № 165.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

(Играна въ Николаевѣ 13 сентября 1859 г.)

	Кнорре. (Бѣлые.)	Шпейеръ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	g8—f6
3)	f3—e5°	d7—d6
4)	e5—f3	f6—e4°
5)	d2—d4	d6—d5
6)	f1—d3	f8—d6
7)	0—0	0—0
8)	c2—c4	e4—f6
9)	d1—c2	d5—c4°
10)	d3—c4°	h7—h6(1)
11)	c1—h6°(2)	g7—h6°
12)	c2—g6+	g8—h8
13)	g6—h6°+	f6—h7
14)	c4—d3+	f7—f5
15)	f3—h4	f8—f6
16)	h4—g6+	h8—g8
17)	f1—e1	c8—e6
18)	e1—e3	e6—f7
19)	d3—f5°	f6—f5°(3)
20)	e3—h3	f7—g6°(4)
21)	h6—g6°+	g8—f8
22)	g6—f5°+	d8—f6
23)	f5—h7°	f6—d4
24)	h7—f5+	f8—e8
25)	f5—c8+	e8—f7
26)	h3—h7+	f7—g6
27)	c8—g8+	g6—f5
28)	h7—h5+	f5—e4
29)	g8—g6+	e4—f4
30)	g6—f5×	

Примѣчанія къ партіи N 164.

(1) Ошибка.

(2) Хорошо разсчитанное пожертвованіе.

(3) Теперь чернымъ нѣтъ спасенія.

(4) Единственное средство для избѣжанія немедленнаго мата.

ПАРТІЯ № 166.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

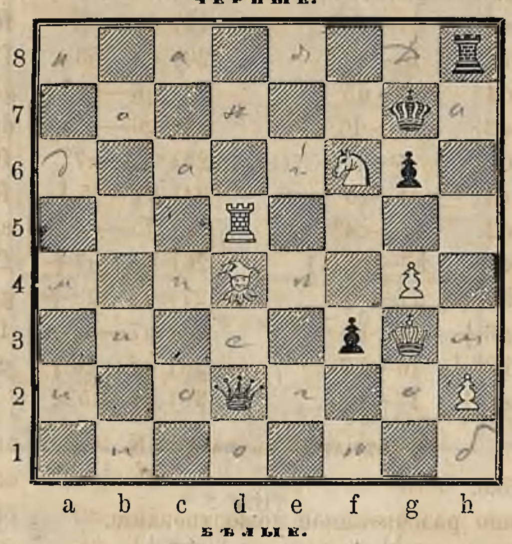
(Играна въ Николаевѣ 18 октября 1859 г.)

	Шпейеръ. (Бѣлые.)	Кнорре. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	b8—c6
3)	f1—c4	g8—f6
4)	d2—d3	f8—c5
5)	0—0	0—0
6)	c2—c3	d7—d5
7)	e4—d5°	f6—d5°
8)	b2—b4	c5—b6
9)	b4—b5	c6—a5
10)	f3—e5°	d5—c3°
11)	b1—c3°	b6—d4
12)	e5—f7°	d8—f6
13)	c3—e4	f6—e7(1)
14)	c1—g5	e7—b4(2)
15)	a2—a3	b4—b2
19)	a1—a2	a5—c4°(3)
17)	a2—b2°	c4—b2°
18)	d1—b3	f8—f7°
19)	g5—e3 и бѣлые выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 165.

(1) Лучше было бы играть ферзя на b6.
(2) e7—a3 было бы кажется основательнѣе.
(3) Лучшій ходъ, такъ каакъ спасти ферзя невозможно.

Конецъ партіи.



Начинающій дастъ матъ въ 4 хода.

Бѣлые начинаютъ:

1) d5—d7+ g7—h6(A)
2) d7—h7+ h8—h7°(B)
3) f6—g8+ h6—g5
4) d4—f6✕

(A.)

1) . . . . . g7—f8
2) d4—c5+ d2—d6
3) c5—d6°✕

(B.)

2) . . . . . h6—g5
3) f6—e4✕
или
h2—h4✕

2) Черные начинаютъ:

1) . . . . . h8—h3+
2) g3—h3° d2—g2+
3) h3—h4 g2—h2°+
4) h4—g5 h2—h6✕

замѣчательно, что кто бы ни начиналъ король получаетъ матъ на одной и той же клѣткѣ, а именно на g5.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 50.

1) h5—g5 d4—c4(A)(B)
2) d7—a4✕

(A.)

1) . . . . . d4—e4
2) d7—g4✕

(B.)

1) . . . . . c5—c4
или: e5—e4
2) d7—d5°+

№ 51.

1) a6—e2 a4—b4
2) e2—d1 b4—a4
3) c2—c3✕

№ 52.

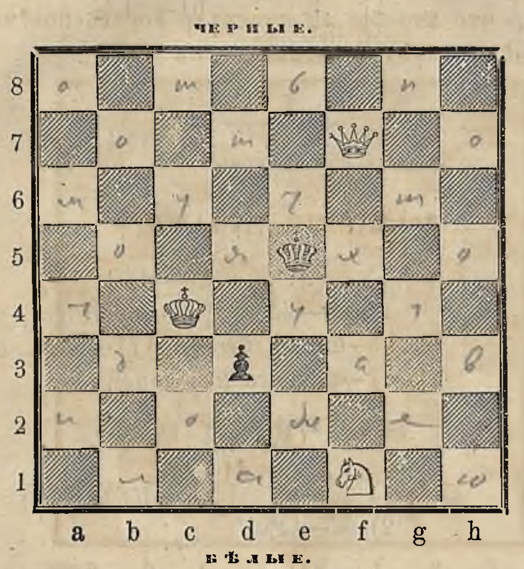
1) g4—e6 c5—c4
2) d8—b7 c6—c5(A)
3) b7—d8 c4—c3
4) d8—c6✕

(A.)

2) . . , . . c4—c3
3) d1—e3 c6—e5
4) e3—f5✕

№ 53.

Въ діаграммѣ изображающей эту задачу (Шахм. Лист. XX) есть опечатка: черная пѣшка должна стоять не на d2, а на d3, т. е. проблема имѣетъ слѣдующій видъ:



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

И разрѣшается такъ:

1) fi—e3 d3—d2(A)
2) e3—d5 d2—d1ф
3) f7—f6+ e5—e4
4) f6—f4×

(A.)

1) . . . . . e5—d6
2) e3—d5 d3—d2
3) f7—e7+ d6—c6
4) e7—c7×

Остальные варіянты читатели легко найдутъ сами.

№ 54.

1) g8—e6 g6—e6°(A)(B)(C)(D)
2) g7—e6°×

(A.)

1) . . . . . g6—f6+
2) e6—f6°×

(B.)

1) . . . . . b1—e4+
2) e6—e4°×

(C.)

1) . . . . . b1—f5+
2) g7—f5°×

(D.)

1) . . . . . b6—d5+
2) e6—d5°× и вообще все, чтобы черный ни дѣлалъ не избавитъ его отъ мата ферземъ или конемъ.

№ 55.

1) d3—e3 d6—d5(A)(B)(C)
2) g4—f4×

(A.)

1) . . . . . b7—f3+
2) e1—f3°×

(B.)

1) . . . . . b7—e4+
2) g4—e4°×

(C.)

1) . . . . . b7—f7
2) g4—e4×

№ 56.

1) e6—c4 c3—d5 всякій другой ходъ будетъ имѣть послѣдствіемъ: 2) d7—f6×)
2) c4—b5. Теперь черный конь долженъ уйти, и бѣлые играютъ:
3) d7—f6×

№ 57.

1) h2—f2 h1—f2° ибо если иначе, то
2) b4—d3✕
2) e4—g3 и какъ бы черный ни ходилъ.
3) b4—d3✕

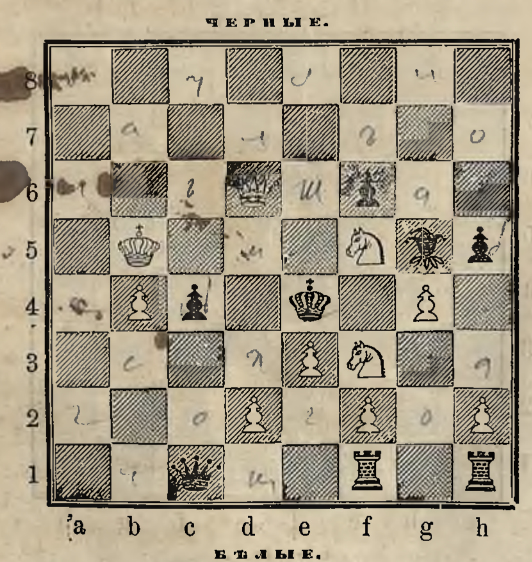
№ 58.

1) f1—b5°+ a6—b5°
2) d4—b3 b5—b4
3) c3—c4 b6—b5
4) b3—c5✕

Задачи.

№ 71.

Г. Шпейера (въ Николаевѣ).

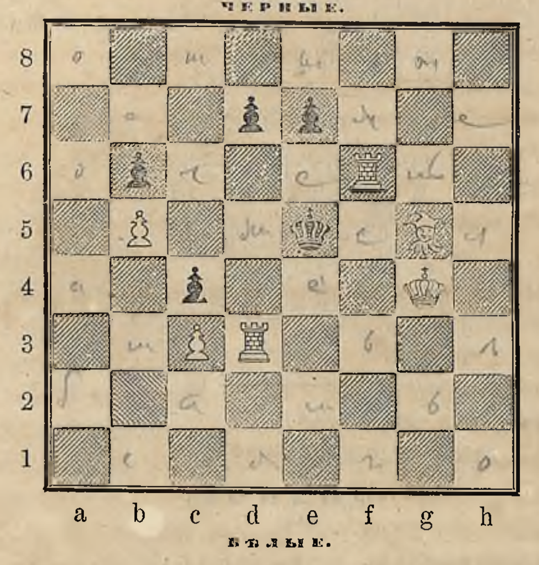


Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 72.

Его-же.

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 73.

Г. Кнорре (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ИЗЪ ИСТОРІИ ГРЕЦІИ, ГРОТА *).

Первоначальное общественное устройство Грековъ выраженное легендами.

Хотя самыя лица и событія, изображенныя въ легендарныхъ поемахъ Грековъ, и не могутъ быть относимы къ области исторіи въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе эти поемы чрезвычайно важны въ историческомъ отношеніи, по встрѣчающимся въ нихъ очеркамъ быта и нравовъ древнѣйшихъ временъ. Вслѣдствіе тѣхъ самыхъ обстоятельствъ, которые лишаютъ эти разсказы всякаго права на историческую достовѣрность, они становятся для насъ особенно дороги, такъ какъ въ нихъ, даже безъ вѣдома авторовъ, отразилось современное имъ общество. Повѣствуя о событіяхъ былого времени, ничѣмъ не подтверждае-

*) Редакція, начиная печатать переводъ «Исторіи Греціи», Грота, въ приложеніи къ Русскому Слову, считаетъ долгомъ предупредить своихъ читателей, что въ этомъ переводѣ будутъ переданы избранныя только извлеченія изъ этой классической книги. Въ этихъ извлеченіяхъ мы намѣрены представить одну, цѣльную идею Грота, — его взглядъ на постепенное развитіе гражданской и политической жизни древней Греціи, признанный европейской критикой лучшей частью этой исторіи. Полный же переводъ огромнаго, 12-ти томнаго сочиненія, былъ бы крайне неудобенъ при журналѣ; притомъ фактическая сторона Исторіи Грота можетъ интересовать нѣсколькихъ спеціалистовъ, изъ которыхъ, конечно, многіе въ состояніи прочитать его въ англійскомъ оригиналѣ; но не въ этомъ наша цѣль. Желая удовлетворить требованіямъ большинства, котораго интересъ въ результатѣ, а не въ подробностяхъ ученаго труда, мы рѣшились взять изъ него то, что составляетъ, такъ сказать, душу Исторіи древней Греціи. *Прим. Ред.*

мыхъ, поэты невольно берутъ всю обстановку своихъ картинъ изъ окружающаго ихъ настоящаго. Въ такомъ быту, какимъ жили древнѣйшіе Греки, безъ книгъ, безъ средствъ къ отдаленнымъ путешествіямъ и безъ всякаго знакомства съ языками и нравами другихъ народовъ, воображеніе даже самыхъ даровитыхъ людей естественнымъ образомъ подчинялось всему тому, что ихъ окружало, въ несравненно большей степени, чѣмъ въ позднѣйшія времена Солона и Геродота; потому создаваемые ими характеры и описываемыя происшествія должны были имѣть несравненно болѣе сходства съ дѣйствительностью, среди которой они жили.

Произведенія поэзіи въ тѣ времена не назначались для ученыхъ литературныхъ критиковъ, неусыпно преслѣдующихъ слишкомъ близкое подражаніе другимъ писателямъ,—уже удовлетворенныхъ всѣмъ простымъ и естественнымъ, и требующихъ чего либо новаго и оригинальнаго отъ каждой вновь являющейся поэмы Чтобы произвести сильное впечатлѣніе, тогда достаточно было изобразить, съ живостію, свойственною истинному дарованію, самыя естественныя проявленія судебъ и страданій человѣчества, и идеализировать тѣ виды взаимныхъ отношеній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, съ которыми слушатели были наиболѣе знакомы. То же самое находимъ мы и въ изображеніи боговъ, въ которомъ можно было-бы ожидать большей свободы фантазіи и большаго отклоненія отъ дѣйствительности. Гомеръ возводитъ на Олимпъ тѣ страсти и прихоти, ту жажду власти и преобладанія, ту способность переходить отъ величія къ слабости, — которыя проявлялись въ начальникахъ греческихъ племенъ *); эта наклонность воспроизводить въ образахъ фантазіи тѣ человѣческія отношенія, которыя поэтъ привыкъ видѣть въ дѣйствительности, должна была проявиться еще гораздо сильнѣе, когда нужно было обрисовать обыкновенныя человѣческія личности,— предводитедя и народъ его, воина и его товарищей, мужа, жену, отца, сына — или едва зародившіяся начала судебныхъ и административныхъ учрежденій. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что разсказъ Гомера, не смотря на вымышленность лицъ и происшествій, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ весь-

*) Καὶ τοὺς Θεοὺς δὲ διὰ τοῦτο πάντες φασὶ βασιλεύεσθαι, ὅτι καὶ αὐτοὶ, οἱ μὲν ετιἔι καὶ νῦν, οἱ δὲ τὸ ἀχαῖον, ἐβασιλεύοντο. Ὥσπερ δὲ καὶ τὰ εἴδη ἑαυτοῖς ἀφομοιοῦσιν οἱ ἄνθρωποι, οὕτω καὶ τοὺς βίους τῶν θεῶν, (Aristot. Politic. I. 1,7.

ма близко подходитъ къ дѣйствительности *). Предстоявшая поету необходимость почерпать матеріалы изъ источника, тогда еще къ счастію неистощеннаго и близкаго ему по собственному опыту и наблюденію, — составляютъ одну изъ причинъ той свѣжести и живости картинъ, по которымъ Гомеръ не имѣетъ соперниковъ и которыя составляетъ отличительную прелесть Иліады и Одиссеи въ числѣ всѣхъ другихъ произведеній отъ начала и до конца греческой литературы.

И такъ, въ то же время, какъ мы отказываемся принять какую нибудь хронологію для событій, изображенныхъ въ греческихъ легендахъ, и даже вовсе исключаемъ ихъ изъ области истинной исторіи, — мы можемъ извлечь изъ нихъ большую пользу, какъ изъ памятииковъ того состоянія общественныхъ отношеній, нравственнаго и умственнаго развитія Грековъ, которое будетъ для насъ исходною точкою исторіи ихъ. Конечно, и это состояніе какъ всѣ послѣдовавшія за нимъ, имѣло свои причины и развилось на основаніи извѣстныхъ условій, которыя его и опредѣлили, но объ этихъ причинахъ и условіяхъ мы ничего не знаемъ, и потому должны принять положеніе, явившееся результатомъ ихъ, за первоначальный фактъ и тщательно изучить его съ тѣмъ, чтобы прослѣдить происшедшія въ немъ впослѣдствіи перемѣны. Представить себѣ абсолютное начало, или происхожденіе чего бы то ни было, какъ справедливо замѣчаетъ Нибуръ, намъ совершенно невозможно; мы способны постигнуть и наблюдать только движеніе, развитіе или разрушеніе, — т.-е. переходъ предмета изъ одного состоянія, опредѣляемаго суммою извѣстныхъ обстоятельствъ, въ другое, — переходъ, произведенный извѣстнымъ сочетаніемъ физическихъ или нравственныхъ законовъ **). Относительно Грековъ, легендарный періодъ, какъ са-

---

*) Въ изображеніяхъ гомеровыхъ героевъ нѣтъ никакой существенной и характеристической разницы между отдѣльными греческими племенами, равнымъ образомъ и между Греками и Троянцами. См. Гельбига Die sittlichen Zustände des griechischen Heidenalters. ч. II. стр. 53.

**) Нибуръ, Römische Geschichte ч. I. стр. 55. изд. 2-ое. «Erkennt man «aber dass aller Ursprung jenseits unserer nur Entwickelung und Fortgang «fassenden Begriffe liegt, und beschränkt sich von Stufe auf Stufe im Umfang «der Geschichte zurückzugehen, so wird man Völker eines Stammes (das heisst «durch eigenthumliche Art und Sprache identisch) vielfach eben an sich ent- «gegen liegenden Küstenländern antreffen .... ohne dass irgend etwas die Vor- «aussetzung erheischte, eine von diesen getrennten Landschaften sei die ur- «sprügliche Heimath gewesen, von wo ein Theil nach der andern gewandert wäre.

мый ранній изъ сколько нибудь намъ извѣстныхъ періодовъ, долженъ быть принимаемъ за то первоначальное состояніе, отъ котораго начинается рядъ измѣненій. Потому на насъ лежитъ обязанность изобразить, по возможности, его главныя характеристическія черты и показать, какимъ-образомъ онъ отчастя воспиталъ Эллиновъ для послѣдующихъ эпохъ Солона, Перикла и Демосѳена, а отчасти стоялъ съ ними въ рѣзкомъ противорѣчіи.

I. Политическое состояніе, представляющееся намъ вездѣ въ легендахъ Грековъ, въ главныхъ чертахъ своихъ существенно отличается отъ того, которое повсемѣстно преобладало между ними во время пелопонезской войны. И олигархіи и демократіи временъ историческихъ одинаково требовали извѣстной, общепринятой системы управленія, заключающей въ себѣ три главныхъ элемента: опредѣлительность значеніе должностей, срочность исполненія ихъ и окончательную отвѣтственность должностныхъ лицъ (въ томъ или другомъ видѣ) передъ всею совокупностью полноправныхъ гражданъ,—передъ сенатомъ или передъ народнымъ собраніемъ, или передъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Было, конечно, много существенныхъ различій между однимъ видомъ правительства и другимъ, относительно условій гражданской полноправности, аттрибутовъ и степени власти народнаго собранія, правилъ допущенія къ должностямъ и т. д., и отдѣльныя лица часто могли быть недовольны тѣмъ, какъ всѣ эти вопросы разрѣшались въ родномъ городѣ ихъ. Но въ понятіяхъ каждаго отдѣльнаго Грека какая-нибудь система или извѣстныя опредѣленныя правила были необходимы для того, чтобы правительство могло считаться законнымъ и чтобы гражда-

---

Dies ist der Geographie der Thiergeschlechter und Vegetation analog, deren «grosse Bezirke durch Gebirge geschieden werden und beschränkte Meere «einschliessen».

«Между тѣмъ, признавъ однажды, что всякое абсолютное начало лежитъ внѣ предѣловъ нашихъ познавательныхъ способностей, могущихъ постигнуть только развитіе и продолженіе, и стараясь только восходить въ предѣлахъ исторіи отъ послѣдующей ступени къ предъидущей, мы во многихъ случаяхъ найдемъ на противоположныхъ берегахъ одного и того же моря народы единоплеменные (т. е. отличающіеся отъ прочихъ тождествомъ обычаевъ и языка), не имѣя однакоже никакой причины предполагать, чтобы тотъ или другой изъ береговъ былъ первоначальною отчизною, изъ которой бы часть жителей переселилась на другой берегъ. Это явленіе аналогично съ тѣмъ, что мы видимъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, въ которыхъ края имѣющіе одинъ общій характеръ, отдѣляются отъ другихъ горами, а внутреннія моря вообще заключаются въ предѣлахъ одного и того же края.

не считали себя нравственно обязанными повиноваться ему Сановники, въ рукахъ которыхъ находилась власть, могли быть. болѣе или менѣе способны, болѣе или менѣе популярны, но личныя чувства каждаго Грека относительно ихъ, обыкновенно терялись въ расположенiи или отвращенiи, которое онъ питалъ ко всей системѣ. Если ка кому-нибудь энергическому человѣку удавалось смѣлымъ переворотомъ или происками ниспровергнуть конституцiю и захватить безграничную власть, то какъ-бы онъ хорошо ни управлялъ, онъ никогда не могъ внушить гражданамъ убѣжденiе въ томъ, что они обязаны ему повиновенiемъ. Владычество его было незаконно по самому началу своему, и потому даже умерщвленiе его не только не воспрещалось тѣмъ нравственнымъ чувствомъ, которое осуждало убiйство во всѣхъ другихъ случаяхъ, но еще считалось славнымъ подвигомъ. Въ самомъ языкѣ Грековъ для такого человѣка существовало одно только названiе (τύραννος *) тиранъ, которое клеймило его, какъ предметъ всеобщаго страха и ненависти. Обращая взоры назадъ отъ исторической къ легендарной Грецiи, мы находимъ картину, прямо противоположную той, которую здѣсь очертили. Въ правительствахъ того времени или почти или даже совсѣмъ нѣтъ никакой системы—еще менѣе видна въ нихъ мысль объ отвѣтственности правителей передъ управляемымъ ими народомъ; главная пружина повиновенiя со стороны подданныхъ заключается въ чувствѣ личнаго уваженiя къ властителю. Первымъ и преобладающимъ лицемъ въ общинѣ является царь, за нимъ слѣдуетъ ограниченное число подчиненыхъ ему царей или начальниковъ; далѣе вся масса свободныхъ людей, носящихъ оружiе, сельскiе хозяева, ремесленники, воины живущiе добычею и т. д., ниже всѣхъ вольнонаемные рабочiе и купленные рабы. Царь не отдѣляется никакою рѣзкою, непереходимою чертою отъ другихъ начальниковъ, которые носятъ титулъ basileus, (βασιλεύς) также. какъ

---

*) Греческое названiе τύραννος собственно не можетъ быть передано словомъ тиранъ, такъ какъ многiе изъ τύραννοι совсѣмъ не заслуживали этого названiя, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ, и съ которымъ совершенно несогласно было бы, если бы кто сталъ называть тирана кроткимъ и благонамѣреннымъ. Слово деспотъ ближе всего подходитъ къ греческому смыслу этого имени, такъ какъ оно выражаетъ понятiе о человѣкѣ, имѣющемъ больше власти, чѣмъ бы ему слѣдовало, но притомъ не исключаетъ благодѣтельнаго употребленiя этой власти нѣкоторыми лицами; впрочемъ и это названiе далеко не выражаетъ всей силы чувствъ, возбуждаемыхъ въ Грекахъ порвоначальнымъ греческимъ словомъ.

и онъ; преобладаніе его надъ всѣми прочими перешло къ нему по наслѣдству отъ предковъ и далѣе переходитъ, по общему правилу, старшему сыну его; самому же роду царскому оно принадлежитъ какъ особая привиллегія, дарованная благосклонностью Зевеса *). На войнѣ онъ является полководцемъ, первымъ изъ воиновъ по личной храбрости, и распорядителемъ всѣхъ движеній войска; во время мира онъ общій покровитель всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ, онъ же совершаетъ общественныя молитвы и жертвоприношенія, которыя должны умилостивить боговъ въ пользу народа. Какъ принадлежность его высокаго сана, ему отведены обширныя владѣнія, и онъ употребляетъ большую часть доходовъ съ своихъ полей и скота на широкое, хотя и грубое гостепріимство. Сверхъ того ему дѣлаютъ частые подарки, чтобы отвратить его гнѣвъ, заслужить расположеніе **)

---

*) Примѣромъ этому можетъ служить феакійскій царь Алкиной (Одисс. XII 55—65). Кромѣ его упоминается двѣнадцать другихъ феакійскихъ *βασιλῆες*, а онъ тринадцатый (VIII, 391).

Главныя лица въ Иліадѣ и женихи Пенелопы въ Одиссеѣ называются безразлично и *βασιλῆες* и *ἄνακτες*; послѣднее названіе выражаетъ собою, что они люди богатые, имѣющіе своихъ рабовъ (соотвѣтственно позднѣйшему названію *δεσπότης*, которое въ Иліадѣ еще не встрѣчается, хотя въ Одиссеѣ употреблено слово *δεσπόινα*), между тѣмъ, какъ первое выражаетъ собою старшинство ихъ надъ соплеменниками. Предводитель народа могъ быть *βασιλεὺς* только относительно свободныхъ людей, *ἄναξ* же и надъ свободными и надъ рабами.

Агамемнонъ и Менелай принадлежатъ къ *самому царственному* изъ родовъ (*γένος βασιλεύτερον* ср. Тиртея Fragm. III 8 стр. 9 изд. Шнейдевина)—къ роду Пелопидовъ, которымъ скипетръ, первоначально сдѣланный для Зевеса, былъ отданъ Гермесомъ (Иліад. II. 101; IX. 160; X. 239.) ср. Одисс. XV. 539. Поколѣніе Дардана особенно любимо Зевесомъ и потому оно *βασιλευτατον* между Троянцами. Эти роды совершенно соотвѣтствуютъ царскимъ prosapiae, носящимъ названія Амаловъ, Асдинговъ, Гунгинговъ и Литинговъ, между Готами, Вандалами и Лонгобардами (Jornandes, de Rebus Geticis c. 14—21; Paulus Warnefrid. Gesta Longob. c. 14—21); то же представляетъ и *ἀρχικόνγένος* у хаонійскихъ Эпиротовъ (Θукид. II. 80).

**) Одисс. I. 392; XI. 184: XIII. 14; XIX. 109.

Οὐ μὲν γάρ τι κακὸν βασιλευέμεν αἶψά τε οἱ δῶ
Ἀφνειον πέλεται, καὶ τιμηέστερος αὐτό.ς

Иліад. IX, 154—297 (Агамемнонъ обѣщаетъ Ахиллесу, для утѣшенія его гнѣва, семь городовъ)

Εν δ'ἄνδρες ναίουσιν πολυρρῆνεο πoολυβουται,
Οἵ κέ σε δωτίνῃσι θεὸν ὣς τιμήσουσι,
Καί σοι ὑπὸ σκηπτρῳ λιπαρὰς τελέουσι θέμιστας.

или избѣгнуть насилія; если же захватывается добыча отъ непріятеля, то царь получаетъ прежде общей раздачи значительный участокъ. заключающ;й въ себѣ, вѣроятно, и самыхъ красивыхъ плѣнницъ *).

Таково положеніе царя въ героическія времена Греціи; за исключеніемъ герольдовъ и жрецовъ, имѣющихъ совершенно специальное и поичиненпое значеніе, онъ — единственное лицо, которое

См. Иліады XII, 312; и упреки Терсита (II. 226) ┼ βασιλῆας δωροφάγους (Гезіода Раб. и Дн. 38—264).

Римскимъ царямъ былъ назначенъ обширный τέμενος — agri, arva et arbusta et pascui laeti atque uberes (Cicero, de Republ. V. 2); германскіе цари также принимали подарки: Mos est civitatibus (замѣчаетъ Тацитъ, Mor. Ger.) ultro ac viritim conferre principibus, vel armentornm vel frugum, qnod, pro honore acceptum, etiam necessitatibus subvenit.

Доходъ персидскихъ царей до Дарія состоялъ только изъ такъ называемыхъ δῶρα или подарковъ (Герод. III. 89): Дарій первый ввелъ названіе подати и постоянное распредѣленіе ея. Царь Полидектъ, въ Серифѣ, приглашаетъ своихъ друзей на пиръ, по условію котораго каждый изъ гостей долженъ участвовать въ сборѣ въ его пользу (Ферекида Fragm. 26 изд. Дидо); и совершенно подобный случай представляетъ ѳракійскій пиръ, приготовленный Севтомъ (Ксеноф. Anab. VII. 3,16—32 ср. Ѳукид. II. 97 и Велькера Aeschyl. Trilogie стр. 381). Подобныя вспомоществованія и приношенія, если даже и были сначала добровольными, то скоро сдѣлались обязательными. Въ европейскихъ монархіяхъ среднихъ вѣковъ, такъ называемые добровольные дары явились ранѣе народныхъ податей. Феодальныя вспомоществованія (Aids), замѣчаетъ Галламъ, были первымъ видомъ податей, которыя они долго собою замѣняли. Также о французской монархіи мы читаемъ: La Cour des Aides avait été instituée, et sa jurisdiction s'était formée, lorsque le domaine des Rois suffisait à toutes les dépenses de l'Etat, les droits d'Aides etaient alors des suplements peu considérables et toujours temporaires. Depuis, le domaine des Rois avait été anéanti: les Aides au contraire etaient devenues permanentes et formaient presque la totalité des ressources du trésor. (Histoire de la Fronde, par M. de St. Aulaire гл. III. стр. 124).

*) Ἐπὶ ῥητοῖς γέρασι πατρικαὶ βασιλεῖαι, говоритъ Ѳукидидъ о правительствахъ героическихъ временъ.

Аристотель выражаетъ почти тоже понятіе (Polit. III, 10. 1): Ἡ βασιλεία— η περὶ τοὺς ηρωικοὺς χρόνους — αὐτη δ' ἦν ἑκόντων μὲν ἐπὶ τισι δ' υρωιτηένοις— στρατηγός δ' ἦν καὶ δκαστης. ὁ Βατιλεὺς, και τῶν πρὸς τοὺς Θεοὺς κυρ οο.

Едва ли можно однакоже сказать, чтобы власть царская была опредѣлена ничего не можетъ быть неопредѣленнѣе ея въ тѣ времена.

Агамемнонъ имѣлъ или покрайней мѣрѣ присвоивалъ себѣ право наказывать смертью неповинующихся воиновъ (Arist. Polit. III. 9, 2). Слова, которыя Аристотель читалъ въ рѣчи Агамемнона въ Иліадѣ — Πὰρ γὰρ ἐμοὶ θάνατος — не находятся въ дошедшихъ до насъ экземплярахъ: александрійскіе критики исключили изъ Гомера много мѣстъ, составляющихъ слѣды древнихъ нравовъ.

представляетъ намъ облеченнымъ тѣмъ или другимъ индивидуальнымъ авторитетомъ, и которое всѣ функціи исполнительной власти, требуемыя обществомъ,—въ то время весьма немногосложныя—или совершаетъ или по крайней мѣрѣ направляетъ. Его личное вліяніе, основанное на благосклонности боговъ, относящейся и къ нему и ко всему его роду, а вѣроятно и на убѣжденіи въ божественномъ происхожденіи — составляетъ главную черту въ картинѣ. Народъ внимаетъ его голосу, его предложеніямъ, и исполняетъ его волю: не только сопротивленіе ему, но и осужденіе его дѣйствій изображается какъ нѣчто ненавистное, и даже почти совсѣмъ не встрѣчается или приписывается исключительно одному или нѣсколькимъ изъ подчиненныхъ ему князей. Но чтобъ поддержать и оправдать подобное воззрѣніе въ народѣ, царь долженъ отличаться разными достоинствами физическими и нравственными и притомъ въ весьма высокой степени *). Онъ долженъ быть удалъ въ полѣ, уменъ въ совѣтѣ и краснорѣчивъ въ народномъ собраніи; онъ долженъ отличаться физическою силою и дѣятельностью болѣе всѣхъ своихъ подданныхъ; онъ долженъ нетолько искусно владѣть оружіемъ, но и быть первымъ во всѣхъ атлетическихъ упражненіяхъ, которыми народъ привыкъ восхищаться. Даже знаніе самыхъ простыхъ видовъ ручнаго труда составляютъ необходимую принадлежность его; онъ долженъ быть хорошій плотникъ и кораблестроитель; какъ пахарь, долженъ умѣть провести самую прямую борозду и какъ косецъ не утомляться и не тробовать отдыха впродолженіи самаго длиннаго лѣтняго дня **). Условіями добровольнаго повиновенія со стороны народа, въ героическія времена Греціи, были происхожденіе царя отъ извѣстныхъ родовъ, личное превосходство его какъ физическое, такъ и умственное и особая благосклонность къ нему боговъ: царь, дожившій до глубокой старости, какъ Пелей и

---

*) Нѣсколько сильныхъ рѣчей объ этомъ влагаются въ уста Сарнедона (Иліад. XII, 310—322).

Цари назначаются самимъ Зевесомъ Ἐκ δὲ Διὸ βασιλῆες (Гезіод. Θеог. 96; Каллимаха Гим. Зев. 79) κρατέρω θεράποντε Διὸ — перифразисъ, употребленный для выраженія царскаго достоинства Пелея и Нелея (Одисс. XI, 255 ср. Иліад. II, 204).

**) Одиссей самъ строитъ себѣ спальню и кровать и сколачиваетъ плотъ (Одисс. XXIII. 188; V, 246—255): онъ хвалится искусствомъ косца и пахаря (XVIII. 365—375); о подвигахъ его въ атлетическихъ состязаніяхъ см. VIII. 180—230. Парисъ самъ участвовалъ въ постройкѣ своего дома (Иліад. VI. 314).

Лаэртъ, не можетъ удержать своего положенія *). Но, съ другой стороны, отъ человѣка, соединяющаго въ себѣ всѣ эти элементы власти, народъ готовъ выносить значительную степень жестокости, произвола и хищности; нравственное чувство не слишкомъ строго прилагается къ сужденію о поступкахъ лицъ, отличающихся такими блистательными качествами. Также какъ и въ отношеніи къ богамъ, общіе эпитеты *великодушный*, *справедливый*, придаются царямъ въ видѣ ублаженій, внушенныхъ покорностью и страхомъ, между тѣмъ какъ дѣйствія ихъ часто не только не оправдываютъ этихъ прилагательныхъ, но даже рѣзко противорѣчатъ имъ. Такого рода похвала обозначаетъ **) вообще человѣка знатнаго, богатаго, вліятельнаго и смѣлаго, котораго рука сильна и на защиту и на разрушеніе, какія бы ни были его нравственныя качества; между тѣмъ какъ противоположный эпитетъ *злой* означаетъ человѣка бѣднаго, незнатнаго и безсильнаго, отъ нравственныхъ качествъ котораго, какъ бы они добродѣтельны ни были, обществу нѣчего надѣяться и нѣчего опасаться.

*) Одисс. XI. 496; XXVII 136 — 248.

**) См. пространное развитіе этого преобладающаго значеніе слова ἀγαθὸς ἐσθλὸς, χαλὸς и т. д. у Велькера въ его превосходныхъ Prolegomena къ Теогниту sect. 9 — 16. Камерарій въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому поэту (V 16.) уже ясно сознавалъ значеніе, въ которомъ эти слова употребляются. Иліада XV, 323. Οἷά τε τοῖς ἀγαθοῖσι παραδρώωσι χέρηες. Ср. Гезіода Раб и Дн. 216 и Атенея V стр. 178 Αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαῖτας ἴασιν.

Morelis illerum vocum vis et civilis — quarum haec a lexicographis et commentatoribns lurimis et fere neglecta est-probe discernendae erunt. Quod quo facilius fieret, nescio an ubi posierior intellectus valet, maiuscue à scribendum fuisset Αγαθοὶ et κακοι

Если бы такой совѣтъ Велькера былъ принятъ, то избѣжалось бы много недоразумѣній. Значеніе этихъ словъ, относящееся къ могуществу человѣка а не къ нравственному достоинству его, есть первоначальное значеніе ихъ въ греческомъ языкѣ, сохраняемое ими отъ Иліады до позднѣйшихъ временъ и послужившее къ опредѣленію обыкновеннаго названія партій въ періодѣ политическихъ бореній. О нравственномъ значеніи словъ ἀγαθὸς, ἐσθλὸς и т. д. не было и помину до философскихъ преній, начатыхъ Сократомъ и продолжавшихся его учениками, но и тогда они употреблялись и въ прежнемъ смыслѣ.

Мы будемъ имѣть случай говорить обо всемъ этомъ подробнѣе, когда дойдемъ до объясненіи существовавшихъ въ Греціи политическихъ партій. Въ настоящее время достаточно будетъ замѣтить, что употребленіе выраженій хорошіе люди, лучшіе люди, для обозначенія лицъ, принадлежащихъ къ аристократическимъ партіямъ, началось во времена величайшей неразвитости греческаго общества.

Аристотель, въ своей общей теоріи управленія *) выражаетъ мысль, что самыя раннія пружины повиновенія и власти между людьми были совершенно личныя, — такія, которыхъ совершеннѣйшее проявленіе есть власть родительская, и что потому правленіе монархическое, какъ наиболѣе подходящее къ такой общественной настроенности, было вѣроятно первымъ, утвердившимся повсемѣстно. Дѣйствительно въ его времена оно еще преобладало у всѣхъ иноплеменныхъ народовъ, окружавщихъ Грецію, хотя впрочемъ Финикійскіе города и Карѳагенъ, самыя просвѣщенныя изъ государствъ, внѣ эллинскаго міра, были республиками. Тѣмъ не менѣе понятія о царской власти, существовавшія между современными ему греками, были такъ различны противъ прежнихъ, что ему трудно представить себѣ повиновеніе, оказываемое его предками своимъ предводителямъ въ героическія времена. Онъ никакъ не можетъ удовлетворительно уяснить себѣ, какимъ образомъ одинъ человѣкъ могъ быть до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ выше окружающихъ его, чтобы удержать за собою такое огромное личное значеніе: онъ подозрѣваетъ, что въ такихъ малочисленныхъ общинахъ блестящія достоинства рѣдко встрѣчались, и потому у предводителей могло быть очень мало соперниковъ **). Подобныя замѣчанія всего лучше выражаютъ переворотъ, совершившійся въ умахъ Грековъ въ послѣдующіе вѣка, относительно внутреннихъ причинъ политическаго повиновенія. Впрочемъ и между образомъ правленія гомерическихъ временъ и республиканскимъ существуетъ соединяющее ихъ звено — оно заключается въ двухъ административныхъ учрежденіяхъ гомерической монархіи, въ со-

---

*) Аристот. Polit. I. 1, 7.

**) Καὶ διὰ τοῦτ' ἴσω ἐβασιλεύοντο πρότερον, ὅτι σπανιον ἦν εὑρεῖν ἄνδρας διαφέροντας κατ' αρετὴν, ἄλλως τε καὶ τότε μεκρὰ οἰκοῦντας πόλεις (Polit. III. 10, 7); и далѣе въ томъ же трактатѣ, V. 8, 5 и V. 8, 2. Οὐ γίνονται δ'ἔτι βασιλεῖαι νῦν

Аристотель говоритъ о монархіи несравненно менѣе подробно, чѣмъ объ олигархіи и демократіи: тѣмъ не менѣе весьма любопытно прочесть десятую и одинадцатую главу его книги, которыя посвящены этому предмету.

По мнѣнію Платона также, чтобы монархическое правленіе было полезно, нужно, чтобы скипетръ находился въ рукахъ поколѣнія, одареннаго сверхъестественными доблестями.

Аѳинскіе драматическіе поэты, и въ особенности Еврипидъ, нерѣдко влагаютъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ изъ героическихъ временъ рѣчи, приличныя демократической атмосферѣ Аѳинъ — и весьма различныя съ тѣмъ, что мы находимъ у Гомера.

вѣтѣ старѣйшинъ (*βουλη*) и общемъ собраніи всѣхъ свободныхъ людей (*αγορα*).

Эти два рода собраній, болѣе или менѣе часто созываемыя, и неразрывно переплетенныя со всѣми самыми ранними обыкновеніями первоначальныхъ греческихъ общинъ, изображаются въ литературныхъ памятникахъ легендарныхъ временъ, болѣе какъ средства для царя совѣтоваться съ опытными людьми или объявлять свои намѣренія народу, — чѣмъ въ видѣ ограниченій его власти. Неоспоримо, на практикѣ собранія должпы были имѣть и послѣднее значеніе, также какъ и первое, но гомерическія поэмы, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ свѣтѣ представляютъ ихъ. Предводители, цари, князья или геронты (старцы) — такъ какъ въ греческомъ языкѣ одно и то же слово служитъ для означенія человѣка преклонныхъ лѣтъ и человѣка, имѣющаго значительный вѣсъ и положеніе въ обществѣ — составляетъ совѣтъ *), въ которомъ, судя по Иліадѣ, съ одной стороны голось Агамемнона, а съ другой — Гектора, постоянно берутъ верхъ надъ всѣми прочими. Рѣзкость и даже пренебреженіе, съ которыми Гекторъ принимаетъ весьма почтительныя, хотя и противныя его мнѣнію представленія стараго сподвижника своего Полидаманта — покорный тонъ и сознаніе подчиненности со стороны послѣдняго, и единогласное одобреніе, выражаемое всѣми членами совѣта первому, не смотря на то, что онъ очевидно не правъ, все это весьма ясно изображается въ поэмѣ **); въ то же время въ греческомъ лагерѣ мы видимъ Нестора, предлагающаго свой совѣтъ Агамемнону въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ и съ величайшею осторожностью, — съ тѣмъ притомъ, чтобы совѣтъ былъ принятъ или отвергнутъ, какъ заблагоразсудитъ повелитель народовъ ***) Совѣтъ есть собраніе чисто — совѣщательное, установленное не съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности воспре-

---

*) *Βολὴν δὲ πρωτον μεγαθύμων ἷζε γερόντων* (Иліада II, 53): ср. X 195 — 415. *Ἰλου παλαίου δημογὲρονσοσ* (XI 371).

**) Иліада XVIII. 313:

Ἕκτορι μὲν γαρ ἐπήνησα κακὰ μητιόωντι
Πουλυδάμαντι δ'ἀρ οὔτις ὅς ἐσθλην φράζιτο βουλήν

Пѣсни XII. стр. 213, Полидамантъ говоритъ Гектору:

. . . . *ἐπεὶ οὐδὲ μὲν οὐδὲ ἔοικε*
Δῆμον ἐόντα παρὲξ αγορεὐεμεν οὔτ ἐνὶ βουλῆ
Οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ, σὸν δὲ κράτος αἰὲν αέξειν.

***) Иліада IX. 95—101.

пятствовать исполненію какихъ нибудь вредныхъ намѣреній царя, но единственно для того, чтобы служить ему своими свѣдѣніями и опытностью. Царь — предсѣдательствующій членъ собранія *) (βουλήφορος), а всѣ прочіе, какъ отдѣльно взятые, такъ и въ совокупности, ему подчинены.

Отъ совѣта мы переходимъ къ народному собранію: повидимому, существовало обыкновеніе, чтобъ царь, обсудивъ свои планы въ засѣданіи старѣйшинъ, затѣмъ объявлялъ ихъ всему народу. Герольды собираютъ его, заставляютъ усѣсться въ порядкѣ и молчаніи **). Каждый изъ предводителей или членовъ совѣта имѣетъ право — и кажется даже исключительное право ***) — обращаться съ рѣчью къ народу. Но царь первый объявляетъ свои предположенія и затѣмъ уже другимъ предоставляется разсуждать о нихъ. Впрочемъ въ народныхъ собраніяхъ, изображенныхъ у Гомера, не происходитъ ни разу раздѣленія голосовъ на утвердительные и отрицательные и не принимается никакого формальнаго рѣшенія. Отсутствіе положительнаго значенія еще разительнѣе въ народномъ собраніи, чѣмъ въ совѣтѣ. Собраніе назначено для разговоровъ, совѣщаній и — до извѣстной степени — для споровъ о дѣлѣ между предводителями, и въ присутствіи народа, безмолвно внимающаго и сочувствующаго имъ; при этомъ нерѣдко выказывается краснорѣчіе, иногда происходятъ ссоры — но тѣмъ и ограничивается значеніе собранія.

Народное вѣче или агора въ Итакѣ, описанное во второй кни-

---

*) Иліада VII, 126:

Πήλευ — Ἐσθλὸ Μυρμιδόνων βουλήφορος ἠδ᾽ ἀγορητή.

**) Повидимому считалось весьма важнымъ, чтобы народъ непремѣнно усѣлся (Иліада II. 96): стояніе всѣхъ въ народномъ собраніи служило признакомъ волненія или страха (Иліада XVIII. 246); вечернее собраніе, на которое люди приходили разгоряченные виномъ, также предвѣщало бѣдствія (Одисс. III. 138). Всѣ эти признаки формальностей, соблюдаемыхъ при собраніи, весьма интересны.

***) Иліада II. 100:

. . . . . εἴποτ᾽ ἀυτῆς

Σχοίατ᾽, ἀκο βασιλφέωδιοτρύσειανων.κερεν

Ницшъ (ad Odyss. II, 14) оспориваетъ мысль объ исключительномъ присвоеніи права говорить однимъ старѣйшинамъ: мнѣніе О. Миллера кажется намъ болѣе справедливымъ; то же мнѣніе раздѣлялъ и Аристотель — φησὶ τυῖο ρᾶξαι. (Схол. къ Ил. IX. 17.) Ср. показаніе о томъ же въ его Эѳикѣ, III. 5-

гѣ Одиссея, назначено юнымъ Телемахомъ, по внушенію Атэны (Минервы) не для того, чтобъ сдѣлать жителямъ острова какое-нибудь предложеніе, но чтобъ формально и всенародно заявить женихамъ Пенелопы, чтобы они прекратили свои безнравственныя преслѣдованія и перестали расхищать его имущество, — и сверхъ того освободиться отъ всякихъ обязательствъ относительно ихъ, если они откажутся удовлетворить его требованію. Умерщвленіе жениховъ, неожидающяхъ никакой опасности, среди торжественнаго пира (что составляетъ рязвязку Одиссеи) должно было въ значительной степени оскорблять нравственное чувство Грековъ *), и вслѣдствіе того ему должны были предшествовать всевозможныя формальности, которыя не оставили бы врагамъ ни тѣни оправданія и совершенно лишили остающихся сродниковъ ихъ права на обычное удовлетвореніе. Собственно съ этою цѣлью, Телемахъ приказываетъ герольдамъ созвать народное собраніе; но что всего страннѣе, такъ это то, что подобнаго собранія вовсе не было ни разу со времени отплытія самаго Одиссея, въ продолженіи двадцати лѣтъ. «У насъ не было никакихъ собраній, ни совѣщаній, говоритъ сѣдой Эгиптій, открывающій засѣданіе, — съ тѣхъ поръ, какъ отплылъ отъ насъ Одиссей: кто же теперь насъ созвалъ? кому,—юношѣ или старцу, пришла такая нужда? получилъ-ли онъ извѣстія о нашихъ отсутствующихъ воинахъ или хочетъ намъ сообщить другія для всѣхъ важныя свѣденія? Во всякомъ случаѣ я считаю его нашимъ другомъ, и о чемъ бы ни была его забота, молю Зевеса послать ему успѣхъ» *). Телемахъ, отвѣчая немедленно на этотъ вопросъ, объясняетъ жителямъ Итаки, что онъ не имѣетъ сообщить имъ никакого общественнаго извѣстія, а созвалъ ихъ по своему собственному дѣлу. За тѣмъ онъ яркими красками рисуетъ зло наносимое ему женихами матери, и лично обращается къ нимъ, требуя, чтобъ они оставили свои намѣренія, а народъ проситъ обуздать ихъ; въ заключеніе онъ торжественно предупреждаетъ своихъ враговъ, что, освободившись теперь отъ всякаго обязательства относительно ихъ, онъ призоветъ на помощь Зевеса-мстителя и что «послѣ этого, если они будутъ умерщвлены даже въ его домѣ, онъ считаетъ себя не подлежащимъ наказанію» **).

*) См. Ил. IX. 635; Одисс. XI 419.

**) Одисс. II. 25—40)

***) Одисс. II. 43, 77, 145:

Νήποινοί κεν ἔπειτα δόμων ἔντοσθεν ὄλοισθε.

Конечно мы не должны видѣть въ гомеровомъ описаніи ничего иного какъ идеалъ, болѣе или менѣе близкій къ дѣйствительности· Но даже сдѣлавъ и ту уступку, которой можетъ требовать подобное ограниченіе, мы все же видимъ, что народное собраніе изображается здѣсь болѣе какъ средство обнародованія чего либо или сообщенія царя съ массою подданныхъ *), чѣмъ какъ учрежденіе, имѣющее цѣлью какую либо отвѣтственность со стороны перваго, или огражденіе интересовъ для послѣднихъ хотя оно могло косвенно привести и къ этимъ послѣдствіямъ Первоначальный образъ правленія въ Греціи по существу своему монархическій, основанный на личныхъ чувствахъ и на божественномъ правѣ: на практикѣ, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, совершенно исполнялось достопамятное изрѣченіе Иліады: нехорошо управляться многими; — подчинимся одному правителю, одному царю, которому Зевесъ вручилъ скипетръ и передалъ охраняющія насъ священнодѣйствія **).

Вторая книга Иліады, при всей ея красотѣ и живости изо-

---

*) Такой же характеръ имѣли повидимому въ первое время народныя собранія Франковъ и Лонгобардовъ (Pfeffel, Histoire dn Droit Public en Allemagne т. I. стр, 18, Sismondi, Histoire des Républiques Italiennes т. I, гл. 2; стр. 71.)

Діонисій Галикарнасскій преувеличенно выхваляетъ умѣренность греческихъ царей героическихъ временъ.

Римскіе цари, подобно греческимъ, начали съ ἀρχὴ ἀνυπεύθυνος: слова Помпонія (De Origine Jnris I. 2) еще болѣе относятся къ послѣднимъ, нежели къ первымъ: Jnitio civitatis nostrae Populus sine certâ lege, sine jure certo, primum agere instituit: omniaque manu a Regibus gubernabantur. Тацитъ говоритъ (Ann. III· 26): Nobis Romulus ut libitum, imperitaverat: dein Numa religionibus et divino jure populum devinxit, repertaque quaedam a Tullo et Anco: sed praecipuus Servius Tullius sanctor legum fuit, quis etiam Reges obtemperarent. Назначеніе диктатора во времена республики было какъ бы возобновленіемъ прежней неограниченной власти на краткое и заранѣе опредѣленное время (Цицеронъ. De Republ. II. 32, Зонарасъ Ann. VII. 13 Діон Галик. V. 75)

См. Рубино, Untersuchungen über Römische Verfassung und Geschichte. Casel 1839, Buch I, Abschnitt 2, p. p. 112—132 и Ваксмута Hellenische Alterthumskundé I. sect. 18 pp. 81—91.

**) Иліады II. 204 Агамемнонъ обѣщается передать Ахиллу семь хорошо населенныхъ городовъ съ богатыми жителями (Ил. IX. 153), а Менелай, убѣждая Одиссея оставить Итаку и поселиться возлѣ него иъ Аргосѣ, вызывается выслать жителей изъ какого нибудь сосѣдняго города, чтобы очистить для него мѣсто (Одисс. IV. 176).

Манзо (Спарта I. 1, стр. 34) и Ницшъ. (ad Odyss. IV. 171) расположены отвергнуть эти мѣста, какъ подложныя — на что по моему мнѣнію нельзя рѣшиться, не имѣя лучшихъ основаній, чѣмъ представляемыя ими.

браженій, не только подтверждаетъ наше мнѣніе о страдательна-покорномъ и безусловно-подчиненномъ характерѣ народнаго собранія, но даже представляетъ картину униженія всей массы народа передъ предводителями, оскорбляющую наше нравственное чувство. Агамемнонъ созываетъ собраніе съ тѣмъ, чтобъ немедленно вооружить греческое войско, въ томъ убѣжденіи, что боги наконецъ рѣшились увѣнчать его усилія полнымъ успѣхомъ. Такое убѣжденіе поселено въ немъ особымъ посѣщеніемъ Онэйроса (бога сновъ), посланнаго къ нему Зевесомъ во время его сна — это былъ со стороны Зевеса преднамѣренный обманъ, чего впрочемъ Агамемнонъ не подозрѣваетъ. Въ то самое время, когда, по нашему понятію, онъ долженъ былъ-бы чувствовать болѣе чѣмъ когда либо нетерпѣніе вывести войско въ строй и овладѣть городомъ, на него находитъ необъяснимая фантазія: вмѣсто того, чтобы приказать войскамъ то, чего онъ дѣйствительно желаетъ, и возбудить въ нихъ мужество для этого послѣдняго усилія, онъ рѣшается испытать ихъ, притворившись, что считаетъ осаду безнадежною и что по его мнѣнію остается только сѣсть на корабли и возвратиться въ Грецію. Объявивъ Нестору и Одиссею, на предварительномъ совѣщаніи, свое намѣроніе держать такую странную рѣчь, онъ въ то же время выразилъ надежду, что они будутъ оспаривать ее и противодѣйствовать впечатлѣнію, которое она произведетъ на войско *). Агора тотчасъ же созывается и повелитель народовъ произноситъ слово, проникнутое самымъ безнадажнымъ отчаяніемъ въ успѣхѣ дѣла, а въ заключеніе совѣтуетъ всѣмъ присутствующимъ сѣсть на корабли и воротиться въ отечество. Немедленно всѣ, какъ предводители, такъ и простые воины, встаютъ и отправляются исполнить приказаніе царя: каждый спѣшитъ спустить на море свое судно. Остается одинъ Одиссей, съ грустнымъ удивленіемъ смотрящій на эти сборы; дѣйствительно, въ скоромъ времени войско было-бы уже на обратномъ пути, еслибъ Гэра (Юнона) или Атэна не побудили Одиссея тотчасъ же воспротивиться отплытію. Онъ спѣшитъ вмѣшаться въ толпу и отговорить ее отъ принятаго намѣренія: къ предводителямъ онъ обращается съ убѣдительной просьбой, стараясь пристыдить ихъ кроткими совѣтами, а на простыхъ воиновъ дѣйствуетъ рѣзкой бранью и ударами скипетра **), и такимъ образомъ заставляетъ всѣхъ вернуться на мѣсто собранія.

---

*) Ил. II. 74. Πρῶτα δ᾽ἐγὼν ἔπεσιν πειρήσομαι.

**) Пл. II. 188—196:

Среди недовольной и насильно остановленной толпы дольше и громче всѣхъ слышится голосъ Терсита, человѣка безобразнаго и невоинственнаго, но бойкаго въ рѣчахъ и особенно грубо и строго осуждающаго предводителей Агамемнона, Ахилла и Одиссея. При этомъ случаѣ, онъ обращается къ народу съ рѣчью, въ которой поноситъ Агамемнона вообще за эгоизмъ и корыстолюбіе и въ особенности за послѣднее оскорбленіе, нанесенное имъ Ахиллу, — и сверхъ того старается утвердить воиновъ въ намѣреніи возвратиться въ Грецію. На это Одиссей не только рѣзко укоряетъ Терсита въ дерзости, которую онъ себѣ позволилъ — осуждать главнаго начальника войска, — но и грозитъ, если это повторится, раздѣть его до-нага и выгнать изъ собранія постыдными ударами; а въ — задатокъ бьетъ его тутъ же изукрашеннымъ скипетромъ своимъ, отъ котораго остается кровавая полоса по всей спинѣ несчастнаго. Терситъ испуганный и усмиренный, садится и плачетъ, между тѣмъ какъ окружающая его толпа смѣется и выражаетъ сильнѣйшее одобреніе Одиссею за то, что онъ заставилъ хулителя умолкнуть *),

Затѣмъ Одиссей и Несторъ обращаются къ собранію, выражая состраданіе къ Агамемнону, котораго отступленіе Грековъ должно покрыть позоромъ, и убѣждая всѣхъ въ томъ, что они обязаны остаться до счастливаго окончанія осады. Ни тотъ ни другой не выражаетъ порицанія противъ Агамемнона, ни за его поступокъ съ Ахилломъ, ни за рябяческую фантазію испытать духъ арміи **)

Не можетъ быть болѣе яснаго свидѣтельства объ истинномъ характерѣ народнаго собранія гомерическихъ временъ, какъ это происшествіе, столь живо обрисованное въ Иліадѣ. Толпа, составляющая собраніе, молчитъ и соглашается на все; — рѣдко

Ὅντινα μὲν βασιλῆα καὶ ἔξοχον ἄνδρα κιχείη,
Τὸν δ᾽ ἀγανοῖ ἐπέεσσιν ἐρητύσασκε παραστάς . . . , .
Ὃν δ᾽ αὖ δήμου τ᾽ ἄνδρα ἴδοι βοόωντά τ᾽ ἐφεύροι,
Τὸν σκήπτρῳ ἐλάσασκεν, ὁμοκλήσασκέ τε μύθῳ и т. д.

*) Иліада II. 213—277.

**) Иліада II. 284—340. Терситъ, въ своей укорительной рѣчи проуивъ Агамемнона, совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ, хотя въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ рѣчь произносилась, такой упрекъ казался бы самымъ естественнымъ и былъ бы самымъ сильнымъ орудіемъ противъ Агамемнона.

колеблется и никогда не рѣшается на оппозицію *). Въ поступкѣ съ Терситомъ ясно выражено, какая судьба ожидала того, кто бы осмѣлился осуждать царей, хотя бы даже его упреки были въ существѣ своемъ справедливы. Нерасположеніе. возбуждаемое въ народѣ такою личностью, еще болѣе, чѣмъ поступкомъ Одиссея, доказывается заботою Гомера приписать Терситу самые отвратительные физическіе недостатки: онъ представленъ хромымъ, плѣшивымъ горбатымъ, съ уродливою головою и косыми глазами.

Но мы перестаемъ удивляться покорности народнаго собранія, когда читаемъ. о поступкахъ Одиссея съ самимъ народомъ — о льстивыхъ рѣчахъ, съ которыми онъ обращается къ начальникамъ, и о презрительномъ обращеніи и даже насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ простолюдиновъ, въ такое время, когда и тѣ и другіе дѣлами совершенно одно и тоже — буквально исполняли приказаніе Агамемнона. противъ котораго Одиссей не дѣлаетъ ни малѣйшаго замѣчанія. Эта сцена, которая очень не нравилась афинскимъ демократамъ историческихъ временъ **), доказываетъ, что чувство личнаго достоинства, которымъ греческіе мыслители Геродотъ, Ксенофонтъ, Гиппократъ и Аристотель хвалились, какъ отличіемъ свободнаго Эллина отъ угнетеннаго рабствомъ Азіятца, было еще не развито во времена Гомера ***). Древнѣйшія эпическія поемы вообще исключительно наполнены похожденіями царей, а народъ постоянно является орудіемъ ихъ, такъ что намъ весьма рѣдко удается видѣть такой ясной образецъ отношеній, существовавшихъ между тѣми и другимъ, какъ въ этомъ изображеніи народнаго собранія.

Еще остается намъ съ одной особой точки зрѣнія разсмотрѣть народное собраніе, древнѣйшихъ временъ Греціи — а именно, какъ поприще проявленіе судебной власти. Царь представляется назначеннымъ отъ Зевеса главнымъ судьею общества онъ получилъ изъ рукъ громовержца скипетръ и вмѣстѣ съ нимъ право повелѣвать людьми и судить ихъ: народъ повинуется повелѣніямъ и исполняетъ приговоры царя, обогащая его въ тоже

---

*) Все это весьма ясно высказывается въ рѣчи Тезея, Еврип. Suppl. 349—252:

Δόξαι δὲ χρήζω καὶ πόλει πάσῃ τάδε
Δόξει δ᾽ἐμοῦ θέλοντος ἀλλὰ τοῦ λόγου
Προσδοὺ ἔχοιμί ἂν δῆμον εὐμενέστερον.

**) Ксеноф. Memorab. II. 2, 9.

***) Аристот. Polit. VII. 6, 1. Гиппокр De Aëre, Loc. et Aq. V. 85 — 86. Геродота VII. 135.

чтобы каждый могъ говорить въ свою очередь. *) Это любопытная картина совершенно согласна съ нѣсколькими словами, сказанными Гезіодомъ о судебномъ дѣлѣ—безъ сомнѣнія дѣйствительно происходившемъ—между нимъ и братомъ его Персеемъ. Братья спорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ и дѣло ихъ пошло на разсмотрѣніе старшинъ въ народномъ собраніи, но Персей подкупилъ ихъ и вслѣдствіе того состоялся несправедливый приговоръ**). Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ Гезіодъ, глубоко огорченный своею неудачею; притомъ онъ отъ души увѣщеваетъ брата не тратить драгоцѣннаго времени, назначеннаго для необходимыхъ трудовъ, въ безплодномъ слушаніи тяжбъ и поддерживаніи спорящихъ на судебной площади.—чему, прибавляетъ онъ, никто ни имѣетъ права отдавать свое время, развѣ только въ такомъ случаѣ, если запасы нужные для годоваго содержанія его уже собраны и храняться у него въ закромахъ. ***) Онъ нѣсколько разъ повторяетъ свою жалобу на несправедливые и пристрастные приговоры, обыкновенно, постановляемые царями, называя судебныя злоупотребленія самымъ вопіющимъ зломъ своего времени и предсказывая, даже призывая мщеніе Зевеса для подавленія его. И Гомеръ приписываетъ страшную силу осеннихъ бурь гнѣву Зевеса на судей, унижающихъ судъ своими несправедливыми приговорами. *)

Хотя конечно справедливо, что при какой-бы то ни было организаціи общества, мнѣніе людей присутствующихъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, неизбѣжно должно имѣть нѣкоторый вѣсъ, однако мы видимъ, что въ судебномъ отношеніи, также какъ и въ политическомъ, значеніе народнаго собранія ограничивалось тѣмъ, что при посредствѣ его всѣ отправленія власти совершались публично. Главнымъ личнымъ двигателемъ общества въ героическія времена Греціи былъ царь. **) Онъ имѣетъ на землѣ тоже значеніе, какъ Зевесъ между прочими небожителями: верховное божество во многихъ случаяхъ обсуждаетъ дѣла міра передъ сонмомъ другихъ боговъ, выслушиваетъ нѣкоторыя разногласныя мнѣнія и уступаетъ льстивой

---

*) Гомеръ, Ил. XVIII, 497—510.

**) Гезіодъ, Раб и Дн. 27—33.

***) Гезіодъ. Раб. и Дн. 37.

*) Гезіодъ Раб. и Дн. 250 — 263; Гомеръ Иліада XVI. 387.

**) Титманъ (Darstellung der Griechischen Staatsverfassungen кн. II. стр. 63), по моему мнѣнію, даетъ слишкомъ высокое понятіе о значеніи и дѣйствіяхъ гомерической агора.

время дарами и разными сборами *), Иногда одинъ царь, иногда нѣсколько царей и предводителей или геронтовъ изображаются разрѣшающими споры и доставляющими удовлетвореніе обиженнымъ, но всегда это происходитъ въ присутствіи всего народа, посреди собранія **).

На одномъ изъ отдѣленій Ахиллова щита изображены подробности внѣшней обстановки суда. Агора наполнена любопытною и волнующеюся толпою, между противниками происходитъ споръ о вознагражденіи за смерть убитаго человѣка—одинъ доказываетъ, что судебная пеня уже заплачена, другой отрицаетъ это, и оба требуютъ суда. Геронты расположены на каменныхъ сѣдалищахъ,***). составляющихъ священный кругъ, передъ ними лежатъ два таланта золота, назначенные тому изъ двухъ противниковъ, которому удастся убѣдить ихъ въ правотѣ своего дѣла. Герольды со скипетрами, удерживая проявленіе горячаго сочувствія толпы къ тому или другому, наблюдаютъ,

---

*) Σκῆπτρον, θέμιστες или θέμις и ἀγορή составляютъ понятія нераздѣльныя и находятся подъ особымъ вѣденіемъ боговъ. Богиня Темида созываетъ и распускаетъ народное собраніе (см. Иліады XI. 806, Одисс. II, 67; и Иліады XX. 4).

Θέμιστες, воображаемые символы права повелѣвать и судить, собственно принадлежатъ Зевесу (Одисс. XVI, 403); онъ вручаетъ ихъ земнымъ царямъ вмѣстѣ со скипетромъ (Ил. I, 238; II. 206).

Комментаторы Гомера опредѣляли θέμις — кажется уже слишкомъ строго — αγορᾶς καὶ βουλῆς λέξιν (см. Enstatht ad Odyss. XVI. 403).

О дарахъ и λιπαραὶ θέμιστες см. Ил. IX. 156.

**) Гезіода Theogon. 85, еще повидимому говорится о судѣ одного лица въ Одисс. XII, 439.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Спартѣ сенатъ производилъ судъ надъ убійцами, (Арист. Polit. III. 1, 7.): въ историческія времена Аѳинъ тоже право первоначально принадлежало Ареопагу, который даже послѣ уменьшенія его власти, сохранилъ судъ надъ преднамѣренными убійствами и надъ случаями нанесенія ранъ. О судебной власти первыхъ Римскихъ царей, Діониссій Галикорнасскій (A. R. X. 1) говоритъ: Τὸ μὲν αρχαῖον οἱ βασιλεῖς ἐφ' αὐτων ταττουὲ τοῖς δεομένοις τὰς δικας, και τὸ δικαιωδὲν, ὑπ ἐκεινων τοῦτο νομος ὐο (стр. IV. 25; и Цицер. Repnbl. V. 2; Рубино, Untersuchungen I, 2, стр. 122).

***) Ил. XVIII. 504:

. . . . Οἱ δὲ γέροντες
Εἵατ' ἐπὶ ξεστοῖσι λίθοις ἱερῷ ἐνὶ κύκλῳ

Многія изъ сѣверныхъ сагъ изображаютъ старцевъ, собравшихся для суда, сидящими на большихъ камняхъ, расположенныхъ въ видѣ круга, который назывался Urtheilsring или Gerichtsring (Leitfaden der nordischen Alterthümer. Copenhag. 1837 г. стр. 31).

Афродитѣ и упрямо-докучливой Гэрѣ Но послѣднее рѣшеніе его нарушимо и можетъ быть отклонено только преобладающимъ вліяніемъ Мойръ или Судебъ. *) И общество боговъ и всѣ общества человѣческія, по понятіямъ. выражающимся въ греческихъ легендахъ, управляются личною властью законнаго владыки, получившаго ее совершенно независимо отъ воли подданныхъ, но пользующагося ею съ полнаго ихъ согласія. Великія отдѣльныя личности властителей почти исключительно занимаютъ собою легендарныя повѣствованія. Вся раса или нація какъ-бы поглощается царемъ: въ особенности эпонимы (лица, давшія свое имя поколѣнію) должны быть признаваемы пе только царями, но отцами и представителями племенъ — сокершенно равнокачественными тому большему или меньшему количеству людей, которому они передали свое имя.

Впрочемъ, хотя въ первобытномъ образѣ правленія Грековъ царь есть законный и неограниченный монархъ, тѣмъ не менѣе онъ всегда изображается дѣйствующимъ посредствомъ совѣта и народнаго собранія. Оба эти установленія для него обычные и существенно необходимые органы, чрезъ которые его власть проявляется надъ обществомъ: отсутствіе подобныхъ собраній составляетъ отличіе дикарей, чему примѣромъ могутъ служить Циклопы. **) Вслѣдствіе того царь долженъ имѣть качества, необходимыя для успѣшнаго дѣйствія въ обоихъ собраніяхъ: глубокую мудрость для совѣта, увлекательное краснорѣчіе для народа,***) Чтобы осуществить идеалъ образа правленія героическихъ временъ, чтобы царь не только былъ мужественнымъ и предусмотрительвымъ полководцемъ, но и превосходилъ-бы умственными качествами всѣхъ окружающимъ его на столько, чтобы быть въ состояніи пріобрѣсти разъ навсегда созна-

---

*) Иліада I. 526 — 527; IV. 14 — 56; въ особенности объ собраніи боговъ (XX. 16).

**) Одисс. IX. 114:

Τοῖσι δ'οὔτ αγοραὶ βουληφοροι οὔτε θέμιστε
'Αλλ' οἵγ ὑψηλῶν ὀρέων ναίουσι κάρηνα
Ἔν σπέσσι γλαφυροῖσι θεμιστεύει δὲ ἕκαστο
Παιδῶν ἠδ αλδχων οὐδ' αλλήλων αλέγουσι.

Эти строки вполнѣ разъясняютъ значеніе слова Σέμις.

***) Это требованіе подробно развито въ пространной рѣчи Аристида Περὶ Ρητορικῆς. (Or. XIV т. II. стр. 99.) Ἡσίοδος.... ταῦτα αντικρυς Ὁμήρῳ λέγων.... ὅτι τε ἡ ρητορικὴ σύνεδρος τῆς βασιλικῆς, и пр.

тельное содѣйствіе старшинъ и полное сочувствіе народа. *) Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ идеалъ не всегда осуществлялся, но часто восхваляемыя качества достойныхъ царей доказываютъ, что онъ былъ постоянно присущъ уму повѣствующаго.**) Ксенофонтъ. въ своей Киропедіи изображаетъ Кира имѣющимъ въ высшей степени всѣ качества гомерова Агамемнона «хорошій правитель и превосходный полководецъ» — выражая этимъ идеалъ образа правленія, основаннаго на личности.

Чрезвычайно важно прослѣдить эти первоначальныя понятія о правительствѣ, проглядывающія уже задолго до начала историческихъ временъ Греціи, и слившіяся съ общественною жизнью народа. Это изученіе докажетъ намъ, что Греки во всѣхъ послѣдующихъ перемѣнахъ образа правленія и во всѣхъ политическихъ опытахъ, представляемыхъ безчисленнымъ множествомъ образовавшихся у нихъ самостоятельныхъ общинъ,— работали надъ существовавшемъ уже матеріаломъ, развивая и усиливая элементы, бывшія прежде подчиненными, и уничтожая или преобразовывая на совершенно новыхъ началахъ то, что сперва являлось преобладающимъ. Обращаясь къ исторической Греціи, мы находимъ, что вездѣ, за исключеніемъ Спарты, монархическая власть, бывшая въ героическіе вѣка наслѣдственною и неограниченною и соединявшая въ одномъ лицѣ всѣ правительственныя функціи, изчезла, а понятіе о законности ея, побуждавшее народъ охотно повиноваться ей, замѣнилось нерасположеніемъ къ этой власти. Многоразличныя отправленія, прежде соединяющіяся въ лицѣ царя, распредѣлены между сановниками, назначаемыми на извѣстный

---

*) Пэлей, царь Мирмидонянъ, названъ (Ил. VII. 126) Ευϑλὸς Μυρμιδόνων βουληφορος μδ αγορητης — Діомедъ αοορλῇ δὲ τ' αμεὶνω (IV. 400); Несторъ Λιγὺς Πυλίων αγορης — Сарпедонъ Λυκίως βουλμφόρε (V. 633); и Идаменей Κρηφυυ βουλη φόρε (XIII. 219).

Гезіодъ (Theogon. 80—96) разъясняетъ еще болѣе идеалъ царя, управляющаго посредствомъ убѣжденія и вдохновляемаго музами.

**) См. разительную картину, начертанную Ѳукидидомъ (II. 65). Ксенофонтъ въ Киропедіи влагаетъ въ уста своего героя гомерическое сравненіе между добрымъ паремъ и добрымъ пастыремъ, требующее превосходныхъ качествъ физической организаціи, нравственности и ума (Cyropaed VIII p. 450 Hutchinson).

Volney замѣчаетъ объ эмирахъ Друзовъ въ Сиріи: все зависитъ отъ случайности: если правитель человѣкъ съ дарованіемъ, то власть его неограничена; если онъ слабъ, она совершенно ничтожна. Это происходитъ отъ недостатка опредѣленныхъ законовъ—недостатокъ общій всей Азіи. (Путешествіе по Египту и Сиріи ч. II стр. 66). Почти таково-же было положеніе царей въ первобытной Греціи.

сроκъ, Съ другой стороны совѣтъ, или сенатъ и агора, бывшіе прежде лишь органами, черезъ которые дѣйствовалъ царь, стали независимыми и самостоятельными властями, контролирующими и подвергающими отвѣтственности всѣхъ лицъ, исполняющихъ какую либо правительственную должность. Это общее начало проявлялось одинаково и въ олигархіяхъ и въ демократіяхъ, существовавшихъ въ исторической Греціи: какъ ни велика была разница между этими двумя родами правительствъ, какъ ни многочисленны оттѣнки, различавшіе одну демократію или олигархію отъ прочихъ, но всѣ онѣ были одинаково противоположны началамъ правленія героическихъ временъ. Даже въ Спартѣ, гдѣ наслѣдственное царское достоинство было удержано, оно сохранилось лишь съ несравненно уменьшеннымъ блескомъ и вліяніемъ, *) и повидимому такое своевременное уменьшеніе значенія его было однимъ изъ существенныхъ условій сохраненія самаго существованія царской власти. **) Хотя Спартанскимъ царямъ принадлежало наслѣдственное право начальствовать надъ войсками, однако они, даже и въ иноземныхъ войнахъ, дѣйствовали обыкновенно по полученнымъ изъ Спарты приказаніямъ, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія высшая власть эфоровъ существенно затмѣвала ихъ значеніе. Такимъ образомъ, за исключеніемъ личностей, отличавшихся необыкновенными дарованіями, они главнымъ образомъ проявляли свою власть лишь какъ предсѣдательствующіе члены сената.

Есть еще одна точка зрѣнія, съ которой мы должны взглянуть на совѣтъ и на народное собраніе, въ качествѣ существенныхъ принадлежностей образа правленія греческихъ общинъ въ легендарныя времена. Существованіе этихъ установленій въ первобытной Греціи даетъ намъ возможность прослѣдить упо-

---

*) Тѣмъ не менѣе вопросъ, сдѣланный Леотихидомъ низложенному спартанскому царю Демарату *δκοιου τε ειν τό αρχειν μετα τό βασιλεύειν* (Герод. VI. 65) и язвительное значеніе, придаваемое этимъ словамъ, составляютъ одинъ изъ многихъ примѣровъ того высокаго уваженія, которымъ пользовалось въ Спартѣ царское достоинство, и на которое Аристотель въ своей «Politica» повидимому не обратилъ достаточнаго вниманія.

**) О. Миллеръ (Истор. Дорянъ кн. III. 1. 3) утверждаетъ, что основныя черты царской власти сохранились во всѣхъ дорійскихъ племенахъ, и изчезли только въ іонійскихъ, расположенныхъ къ демократіи. Этому мнѣнію его послѣдовали многіе другіе писатели. (см. Гельбига Die Sittlichen Zustande des Heldenalters) но самое положеніе кажется мнѣ существенно неправильнымъ, даже въ отношеніи къ Спартѣ, и еще разительнѣе невѣрнымъ, относительно прочихъ дорійскихъ государствъ.

требленіе всенародной политической рѣчи, какъ главнаго орудія управленія и самой существенной пружины повиновенія народа, до самаго ранняго, младенческаго возраста эллинской гражданственности. Могущество рѣчи въ управленіи дѣлами общества, болѣе и болѣе проясняется, развивается и становится непреодолимымъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ высшей точкѣ развитія Греціи—къ столѣтію, предшествовавшему херонейской битвѣ. Что это могущество сильнѣе проявилось въ самыхъ просвѣщенныхъ племенахъ Греціи и несравненно слабѣе въ менѣе развитыхъ и дѣятельныхъ, изъ этого составляется несомнѣнный фактъ, столько-же справедливый, что преобладаніе силы слова было одною изъ главныхъ причинъ умственнаго превосходства греческой народности надъ всѣми современными. Въ такое время, когда всѣ окрестныя націи, въ сравненіи съ Эллинами, были погружены въ состояніе умственнаго бездѣйствія, никакое другое побужденіе не могло бы быть довольно сильно и дѣятельно, чтобы произвести такое изумительное множество творческихъ умовъ — кромѣ значительности преимуществъ, приносимыхъ при организаціи греческихъ общинъ, успѣхомъ въ политической рѣчи. Легкость, съ которою народъ подчинялся этому способу веденія его, укоренившаяся въ немъ привычка требовать происходящаго при слушаніи политической рѣчи возбужденія умственной дѣятельности и наслаждаться этою дѣятельностью, всенародность преній, соединявшихъ правильныя формы съ совершенною свободою оппозиціи—вотъ причины, которыя дѣйствуя совокупно, создали такихъ несравненныхъ мастеровъ въ искусствѣ убѣждать. И не только ораторовъ въ собственномъ смыслѣ создали эти причины: за политическими способностями, на второмъ планѣ, возникали и научныя, и между тѣмъ, какъ основныя истины естествознанія были еще почти совершенно недоступны человѣку, тѣмъ не менѣе мыслителю представлялось множество любопытныхъ явленій для наблюденія и соображенія. Если первымъ послѣдствіемъ такой организаціи общества было пробужденіе въ сильнѣйшей степени силы слова, вторымъ, но не менѣе вѣрнымъ, послѣдствіемъ было развитіе потребности къ научному мышленію. Не только подвиги краснорѣчія Демосѳена и Перикла, и почти сверхъестественное діалектическое могущество, проявленное Сократомъ; но и философскія умозрѣнія Платона и созданіе Аристотелемъ системы, обнявшей политику, риторику и логику—всѣ эти дивныя проявленія ума человѣческаго могутъ быть приписаны тому-же общему направленію умовъ: а

зародыши этихъ громадныхъ силъ уже таились въ совѣтѣ и народномъ собраніи легендарныхъ временъ. Поэты, сначала эпическіе, а потомъ лирическіе были предшественниками ораторовъ въ могуществѣ надъ чувствами народной толпы; поэмы Гомера — книга, по которой образовывались всѣ просвѣщенные Греки, — составляли общую для всѣхъ сокровищницу сильныхъ и яркихъ выраженій, полную живыми образами при весьма рѣдко встрѣчающихся отвлеченностяхъ, и потому въ особенности обильную для оратора. Критикамъ послѣдующихъ временъ не трудно было выбрать изъ Иліады и Одиссеи образцы, краснорѣчія всѣхъ самыхъ разнообразныхъ видахъ и фазисахъ его.

Изъ всего выше сказаннаго слѣдуетъ, что общество, изображенное въ поэмахъ древнихъ Грековъ, еще смутно и неустроено, и представляетъ для членовъ своихъ весьма мало законнаго стѣсненія, законнаго же покровительства еще менѣе, — но всю существующую политическую власть сосредоточиваетъ въ рукахъ царя, преобладаніе котораго надъ прочими старшинами болѣе или менѣе полно, смотря по его личнымъ дарованіямъ и свойствамъ. Но болѣе-ли, менѣе-ли это преобладаніе, масса народа въ обоихъ случаяхъ одинаково остается въ политически страдательномъ положеніи и лишена всякаго самостоятельнаго значенія. Хотя свободный гражданинъ въ Греціи героическихъ временъ не такъ низко поставленъ, какъ описанный Цезаремъ *) плебей въ Галліи, но онъ далекъ отъ той гордой независимости и того чувства собственнаго достоинства и собственной силы. которымъ отличились германскія племена до водворенія ихъ въ областяхъ Римской имперіи; еще менѣе соотвѣтствуетъ его положеніе и весь характеръ окружающаго его быта тѣмъ идиллическимъ мечтамъ объ искренней правотѣ и невинности которымъ предаются Тацитъ и Сенека, изображая человѣчество первобытныхъ временъ. **)

(Продолженіе будетъ.)

---

*) Цезарь Bell. Gallic. VI. 12.

**) Сенека Epist. XC; Тацитъ Annal. III. 26. Vetustissimi mortalium, говоритъ послѣдній nala adhuc molla libidine, sine probro, scelere, eoque sine poenâ et coërcitione, agebant; neque praemiis opus erat, cum honesta suopte ingenio peterentur; et ubi nihil contra morem cuperent, nihil per metum vetabantur. At postquam exui aequalitas et pro modestiâ et pudore ambitio et vis incedebat provenêre dominationes, multosque apud populos aeternum mansere, etc. Ср. Страбона VII стр. 301.

Это тѣже мечты, которыя такъ краснорѣчиво выражалъ Руссо въ прошедшемъ вѣкѣ. Несравненно болѣе вѣрный взглядъ на древнѣйшія времена видѣнъ въ предисловіи Ѳукидида.

ИЗЪ ИСТОРІИ ГРЕЦІИ, ГРОТА.

(Продолженіе.)

II.

ПЕРЕХОДЪ ПЕРВОБЫТНЫХЪ МОНАРХІЙ ГЕРОИЧЕСКАГО ПЕРІОДА ВЪ ОЛИГАРХІИ.

Въ предъидущимъ томѣ мы старались разъяснить понятіе объ образѣ правленія Грековъ въ героическія времена, на сколько оно выражается въ твореніяхъ эпическихъ поэтовъ. Этотъ образъ правленія былъ основанъ (выражаясь языкомъ новѣйшихъ временъ) на началѣ божественнагоправа, въ противоположность началу народнаго самоуправленія*). Вся политическая власть сосредоточивалось въ рукахъ царя, но проявленіе ея, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, совершалась всенародно; онъ совѣтовался и даже входилъ въ пренія съ сонмомъ предводителей или старшинъ, — а послѣ такого совѣщанія созывалъ народное собраніе, которое выслушивало его предположенія и одобряло ихъ или выслушивало и роптало, не считая однакоже себя въ правѣ рѣшить что либо или отвергнуть предлагаемое. Очерчивая характеръ Ликурговой системы, мы замѣтили, что первоначальныя Рэтры или договорныя грамоты указывали на существованіе почти тѣхъ же элементовъ. Въ нихъ являются: царь божественнаго происхожденія (въ этомъ особомъ случаѣ два царя, совокупно царствующіе), сенатъ изъ старцевъ, числомъ двадцати

---

*) См. разительное мѣсто у Плутарха Praecep. Reipubl. Ger. гл. 5 стр. 810.

восьми, кромѣ засѣдающаго въ немъ царя, и экклезія или общее собраніе граждань, собираемое съ тѣмъ, чтобы утверждать или отвергать предлагаемыя ему мѣры, при весьма ограниченной свободѣ преній или даже вовсе безъ этой свободы. Элементы правительства героическихъ времень, слѣдовательно тѣже самые какъ и существующіе въ первобытной конституціи Ликурга: въ обоихъ образахъ правленія преобладающая власть принадлежить царямъ, а кругъ дѣятельности сената и еще болѣе — народнаго собранія, являются сравнительно весьма тѣсными и ограниченными; царская власть поддерживается нѣкоторымъ религіознымъ чувствомъ, которое исключаетъ собою всякое соперничество другихъ лицъ съ представителями династій, и до извѣстной степени обезпечиваетъ повиновеніе народа, даже и въ случаѣ предосудительныхъ поступковъ или неспособности царствующаго лица. У главныхъ племенъ Эпира, такой образъ правленія существовалъ до третьяго вѣка пер. Р. Хр., *) хотя нѣкоторыя изъ нихъ пошли дальше и избирали ежегодно предводителя изъ числа членовъ царскаго рода.

За исключеніемъ этихъ чертъ, общихъ между образомъ правленія героическихъ временъ и первоначальною системою Ликурга, мы видимъ, что вообще, въ греческихъ городахъ, царская власть замѣнилась олигархіею, состоящею изъ опредѣленнаго числа фамилій; въ Спартѣ же власть царей, хотя и была значительно ограничена, но никогда не подвергалась совершенному уничтоженію. Такое различіе въ ходѣ политическихъ дѣлъ мы можемъ отчасти себѣ объяснить. Случилось такъ, что въ продолженіи пяти вѣковъ, ни то, ни другое изъ двухъ параллельныхъ поколѣній спартанскихъ царей, не оставалось безъ представителей мужескаго пола, такъ что понятіе о божественномъ правѣ, на которомъ основано было ихъ преобладаніе, сохранялось ненарушимымъ и продолжало дѣйствовать непрерывно. Это понятіе никогда не вымерло при консервативномъ складѣ ума Спартанцевъ, но ослабѣло на столько, что потребовались огражденія противъ злоупотребленій власти. Еслибы сенатъ былъ болѣе многочисленнымъ сословіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ привилегированныхъ родовъ, и заключающимъ въ себѣ людей свѣхъ возрастовъ, онъ можетъ быть расширилъ-бы свое значеніе на столько, чтобы оно поглотило власть царя; но со-

*) Плутархъ, Пирръ гл. 5; Аристот. Полит. V, 9, 1.

вѣтъ, состоящій изъ двадцати восьми человѣкъ, самыхъ преклонныхъ лѣтъ и избранныхъ безразлично изъ всѣхъ родовъ, по самому существу своему долженъ былъ оставаться учрежденіемъ подчиненнымъ и второстепеннымъ. Сенатъ былъ недостаточно силенъ даже для ограниченія царской власти, тѣмъ менѣе могъ бы онъ вступить съ нею въ соперничество; онъ даже косвенно служилъ ей поддержкою, такъ какъ существованіе его не позволяло образоваться другому привилегированному сословію, которое могло бы быть довольно сильно, чтобы взять верхъ надъ нею. Эта недостаточность сената была одною изъ причинъ, вызвавшихъ установленіе ежегодно возобновляемаго совѣта изъ пяти членовъ, названныхъ эфорами, который сначала имѣлъ значеніе охранительное, подобно римскимъ трибунамъ, и долженъ былъ служить народу защитою противъ злоупотребленій власти со стороны царей, но въ послѣдствіи развился въ преобладающую и безотвѣтственную исполнительную директорію. Пользуясь безпрерывными столкновеніями между двумя соправительствующими царями, эфоры расширяли свою власть на счётъ того и другаго, старались ограничивать дѣятельность царей нѣкоторыми опредѣленными функціями и даже достигли того, что цари стали отвѣтственными и могли быть подвергнуты наказанію; но уничтожить вовсе царское достоинство эфоры никогда не стремились. Что власть царей потеряла въ обширности, то, по весьма вѣрному изреченію царя Теопомпа *), она выиграла въ прочности: потомки близнецовъ Еврисѳена и Прокла удержали въ своихъ рукахъ двойной скипетръ отъ самаго начала историческихъ временъ до переворотовъ, произведенныхъ Агисомъ III и Клеоменомъ III; оставаясь начальниками военныхъ силъ, въ тоже время они болѣе и болѣе богатѣли и продолжали пользоваться въ государствѣ какъ всеобщимъ уваженіемъ такъ и дѣйствительнымъ могуществомъ, хотя совѣтъ эфоровъ и имѣли надъ ними перевѣсъ. Эфоры въ свое время сдѣлались такими же деспотами въ дѣлахъ внутренняго управленія, какими могли быть ранѣе ихъ цари: граждане, глубоко проникнутые понятіями о правѣ повелѣвать и обязанности повиноваться, по самому складу своего ума, оставались довольно холодными къ мысли о контролированіи дѣйствій правительства и о политической отвѣтственности, и даже были нера-

---

*) Арист. полит. V. 9. 1.

сположены къ общественному обсужденію качествъ и разспоряженій его представителей, необходимому для осуществленія этой мысли. Не должно забывать, что спартанская политическая конституція была упрощена въ своемъ характерѣ и усилена въ исполненіи всѣхъ своихъ функцій самою общностью введенной Ликургомъ дисциплины, которая, будучи одинаково чувствительна и богатымъ и бѣднымъ, устраняла тѣмъ многія изъ причинъ, производившихъ въ другихъ городахъ междоусобія. Она пріучала самыхъ гордыхъ и наиболѣе расположенныхъ къ непокорности между гражданами во всѣхъ обстоятельствахъ жизни подчиняться закону, удовлетворяла существовавшей въ Спартанцахъ потребности системы и порядка, и установила такое тождество личныхъ привычекъ и образа жизни, какого не было и въ демократическихъ Аѳинахъ; но въ тоже время она была одною изъ причинъ, развившихъ въ народѣ презрѣніе къ ораторству и нерасположеніе ко всякой правильной и сколько нибудь продолжительной рѣчи, которыя уже сами по себѣ были достаточны для исключенія всякого постояннаго участія всего гражданскаго общества какъ въ политическихъ, такъ и въ судебныхъ дѣлахъ.

Таковы были обстоятельства въ Спартѣ, но въ остальной Греціи первобытный образъ правленія героическихъ временъ измѣнился совершенно другимъ образомъ. Тамъ несравненно рѣзче выразился тотъ фактъ, что народъ переросъ чувство уваженія къ праву, на которомъ основывалась первоначально власть предводителей. Добровольное повиновеніе прекратилось со стороны народа. а еще болѣе со стороны подчиненныхъ царю вождей, и съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась монархія героическихъ временъ.

Главной причины этого прекращенія царской власти, сдѣлавшагося такимъ общимъ фактомъ въ политической жизни Грековъ, слѣдуетъ безъ сомнѣнія искать въ малочисленности членовъ и ограничености территоріи каждаго отдѣльнаго греческаго общества. Существованіе одного владыки, безсмѣннаго и безотвѣтственнаго, нигдѣ не было необходимо для сохраненія общественной связи. Въ Средніе вѣка большая часть политическихъ обществъ, образовавшихся при распаденіи Римской имперіи, обнимали каждое довольно значительную массу населенія и болѣе или менѣе обширное пространство земли; монархическая форма правленія представлялась единственнымъ извѣстнымъ способомъ сохранить связь между частями цѣлаго, единственнымъ видимымъ и вполнѣ достойнымъ выраженіемъ этой связи. И воинственный характеръ германскихъ пришельцевъ и преданія Рим-

ской имперіи, которую они разрушили — все вело къ установленію монархической власти, уничтоженіе которой казалось бы тождественнымъ и дѣйствительно было бы тождественно съ совершеннымъ распаденіемъ націи; такъ какъ сохраненіе національной связи посредствомъ общенародныхъ собраній было столь тягостно, что сами короли, даже употребляя власть, тщетно старались достигнуть его; — представительный же образъ правленія былъ еще совершенно неизвѣстенъ.

Исторія Среднихъ Вѣковъ, хотя представляетъ почти безпрерывно примѣры сопротивленія монархамъ со стороны могущественныхъ подданныхъ, сверженія королей а иногда и перемѣны династій, но не заключаетъ въ себѣ почти ни одного примѣра попытки сохранить значительное политическое цѣлое въ единствѣ, безъ посредства короля наслѣдственнаго или избирательнаго. Даже въ концѣ прошедшаго вѣка, въ то время, когда образовывалась федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ, многіе мыслители *) считали невозможнымъ примѣнить какую-либо другую систему, кромѣ монархической, къ государству, имѣющему значительное пространство и населеніе, съ тѣмъ, чтобы единство цѣлаго совмѣщалось съ равенствомъ преимуществъ и огражденіемъ интересовъ каждой изъ частей: и дѣйствительно такое примѣненіе могло бы быть невозможнымъ для народа грубаго и необразованнаго, при сильномъ развитіи мѣстныхъ особенностей, затруднительности средствъ сообщенія, и отсутствіи привычки къ представительному образу правленія. По этому во всѣхъ значительныхъ народахъ Европы, въ Средніе и новѣйшіе вѣка, преобладало, съ немногими исключеніями, расположеніе къ монархіи; но вездѣ, гдѣ какой нибудь отдѣльный городъ, или небольшая область или даже группа деревень пріобрѣтала независимость — было-ли то въ равнинахъ Ломбардіи или въ горахъ Швейцаріи — гдѣ только маленькая частица отдѣлялась отъ цѣлаго — тотчасъ проявлялось противное стремленіе, и народъ оказывалъ расположеніе къ какому-либо виду республи-

---

*) См. разсужденіе объ этомъ предметѣ въ весьма замѣчательномъ собраніи писемъ, подъ общимъ заглавіемъ «the Federalist», написанныхъ въ 1787 г. — въ то самое время, когда обсуждалась федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ — письма 9, 10 и 14 — г. Мадисона.

Il est de la nature d'une république, говоритъ Монтескье (Esprit des lois VIII, 16) de n'avoir qu'un petit territoire: sans cela elle ne peut guère subsister.

канскаго правленія *). Хотя дѣйствительно въ такихъ республикахъ, также какъ и въ Греціи, неоднократно являлись деспоты, но это всегда совершалось не иначе какъ посредствомъ соединенія хитрости съ насиліемъ. Въ феодальной системѣ, которая выработалась изъ хаотическаго состоянія Европы между одиннадцатымъ и тринадцатымъ вѣками, всегда предполагался одинъ постоянный сюзеренъ, обладающій обширными правами частью личнаго, частью имущественнаго характера, надъ своими вассалами, хотя и несущій также относительно ихъ извѣстныя обязанности: непосредственные вассалы короля имѣли другихъ, собственыхъ своихъ вассаловъ, къ которымъ они стояли въ такихъ же отношеніяхъ: но въ этой іерархіи могущества, правъ собственности и территоріальной власти, право главнаго владѣльца, былъ-ли онъ король, герцогъ или баронъ, всегда представлялось явленіемъ совершенно самостоятельнымъ, неоснованнымъ на согласіи и не подлежащимъ уничтоженію по волѣ тѣхъ, на которыхъ оно простиралось **). Въ такомъ воззрѣніи на существо политической власти сходились всѣ три главныя основныя начала, изъ которыхъ сложилось европейское общество новѣйшихъ временъ — германское, римское и христіанское, — хотя изъ

---

*) Давидъ Юмъ, въ очеркѣ XII (т. I стр. 159 изд. 1760 г.), замѣтивъ. что «всѣ виды правительствъ и либеральныхъ и деспотическихъ, въ новѣйщія времена, значительно измѣнились къ лучшему, какъ въ управленіи внутренними «дѣлами, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ государствъ между собою» — продолжаетъ: —

«Хотя всѣ образы правленія улучшились въ новѣйшія времена, но монархическое правленіе, кажется, наиболѣе приблизилось къ совершенству. Теперь можно сказать о просвѣщенныхъ монархіяхъ то, что прежде говорилось въ похвалу однѣмъ только республикамъ, — онѣ управляются не людьми, а законами. Въ нихъ проявляется порядокъ, систематичность дѣйствій и постоянство стремленій въ изумительной степени. Въ нихъ собственность обезпечена, промышленность поощряется, искуства процвѣтаютъ и государи живутъ безопасно среди своихъ подданныхъ, какъ отцы между дѣтьми.»

«Теперь существуетъ, и существовало постоянно, въ продолженіи двухъ вѣковъ, въ Европѣ до двухсотъ владѣтелей большихъ и малыхъ съ неограниченною властью; полагая двадцать лѣтъ на каждое царствованіе, можно считать, что всего было, до двухъ тысячь монарховъ однакоже изъ нихъ не было даже со включеніемъ Филиппа Испанскаго, ни одного такого какъ Тиверій, Калигула, Неронъ и Дамиціанъ — четверо изъ двѣнадцати римскихъ императоровъ. Наше воспитаніе и наши обычаи внушаютъ больше человѣколюбія, чѣмъ было у древнихъ.

**) См. Лекціи Гизо: Cours d'Histoire Moderne. Лек. 30 т. III стр. 187 изд. 1829 г.

каждаго начала это положеніе выводилось особымъ путемъ и съ извѣстными видоизмѣненіями; результатомъ же такого воззрѣнія было то, что подданные предпринимали множество попытокъ къ ограниченію власти своего владыки, но имъ никогда не приходило въ мысль замѣнить его избраннымъ представителемъ исполнительной власти. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ феодальныхъ монархій образовались по немногу города съ сосредоточеннымъ населеніемъ, представляющимъ собою замѣчательное соединеніе республиканскихъ идей, требующихъ общественнаго и отвѣтственнаго управленія мѣстными дѣлами, съ убѣжденіемъ въ необходимости связи съ великимъ монархическимъ цѣлымъ и подчиненія ему; отъ этого произошла еще новая сила, стремившаяся сохранить форму королевской власти и видоизмѣнять развитіе ея *) согласно съ своими требованіями. Дѣйствительно найдена была возможность достигнуть этой послѣдней цѣли: соединить существованіе монархической власти съ постоянствомъ началъ управленія, равенствомъ гражданъ передъ закономъ, безпристра-

---

*) Г. Огюстенъ Тьерри въ своихъ «письмахъ объ исторіи Франціи» замѣчаетъ (письмо XVI стр. 235):

Sans aucun souvenir de l'histoire Grecque ou Romaine, les bourgeois des onzième et douzième siècles, soit que leur ville fut sous la seigneurie d'un roi, d'un duc, d'un évèque ou d'une abbaye, allaient tout droit à la rèpublique: mais la réaction du pouvoir établi les rejetoit souvent en arrière. Du balancement de ces deux forces opposées résultait pour la ville une sorte de gouvernement mixte. et c'est ce qui arrivaen général dans le nord de la France, comme le prouvent les chartes de commune.

Даже въ итальянскихъ городахъ, которыя на дѣлѣ достигли самоуправленія, и произвели деспотовъ, столь-же многочисленныхъ и столь-же безнравственныхъ, какъ греческія республики, по замѣчанію Галлама, «верховная власть императоровъ, хотя не слишкомъ дѣйствительная на практикѣ, всегда признавалась въ теоріи: имя ихъ употреблялось во всѣхъ общественныхъ актахъ и изображалось на монетѣ. — View of the Middle Ages ч. 1, гл. 3 стр. 346 изд. шестое.

См. также Ренуара Histoire du Droit Municipal en France кн. III. гл. 12, т. II. стр. 156. «Cette séparation essentielle et fondamentale entre les actes et les agents du gouvernement et ceux de l'administration locale pour les affaires «locales, — cette démarcation politique, dant l'empire Romain avait donné l'e«xemple, et qui conciliait le gouvernement monarchique avec une administration «populaire — continua plus ou moins expressément sous les trois dynasties».

Ренуаръ впадаетъ въ крайность, предполагая постоянное сохраненіе въ городахъ Франціи муниципальныхъ учрежденій, завѣщанныхъ римскою имперіею до третьей династіи, но въ этотъ вопросъ мы теперь не имѣемъ нужды вдаваться.

стіемъ въ исполненіи его и безопасностью лицъ и имуществъ; такимъ образомъ осуществлено то, что мудрѣйшій изъ древнихъ Грековъ назвалъ бы невозможнымъ *).

Такое улучшеніе въ практическомъ примѣненіи монархическаго образа правленія сравнительно съ монархіями, существовавшими въ древности въ Сиріи, Египтѣ, Іудеѣ, въ греческихъ городахъ и въ Римѣ, — соединенное съ непрерывно увеличивающеюся силою всякой вкоренившейся рутины, и съ прочностью достающеюся всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ и понятіямъ, которымъ однажды удалось утвердиться на значительномъ пространствѣ земли и въ многочисленной массѣ народа — все это вмѣстѣ поддержало, хотя и не безъ сильныхъ колебаній, преобладаніе монархическихъ понятій въ умахъ Европейцевъ, среди совершившагося въ послѣдніе два вѣка развитія политическихъ знаній и пря расширившейся политической опытности народовъ.

Весьма важно для насъ показать, что монархическія понятія, преобладающія въ Европѣ въ Средніе вѣка и въ новѣйшее время, произошли и сохранились вслѣдствіе особыхъ, свойственныхъ этимъ временамъ причинъ, которыя въ греческомъ обществѣ не существовали, — для того, чтобы мы могли приступить къ разсмотрѣнію явленій греческой жизни съ настоящимъ взглядомъ на нее и съ безпристрастною оцѣнкою понятія, соединявшагося въ умахъ всѣхъ въ Грековъ съ мыслью о царской власти. Первоначальное чувство, съ которымъ они смотрѣли на царей въ героическія времена, вымерло, перейдя сначала въ равнодушіе, а потомъ, когда они испытали иго деспотовъ, въ рѣшительное отвращеніе.

Въ глазахъ такого историка, какъ г. Митфордъ, проникнутаго англійскими понятіями о правительствѣ, это анти — монархическое чувство представляется какимъ то поврежденіемъ ума, а греческія республики собраніемъ безумныхъ безъ надзирающаго за ними сторожа; царь съ наслѣдственною властью, пришедшій извнѣ покорить ихъ, кажется величайшимъ благодѣтелемъ

---

*) Относительно итальянскихъ республикъ среднихъ вѣковъ, Сисмонди замѣчаетъ, говоря о Филиппѣ делла Торре, избранномъ въ синьоры городами Комо, Верчелли и Бергамо: Dans ces villes, non plns que dans celles que son frere s'était auparavant assujéties, le peuple ne croyait point renoncer à sa liberté: il n'avait point voulu choisir un maitre, mais seulement un protecteur contre les nobles, un capitaine des gens de guerre et un chef de la justice. L'expérience lui apprit trop tard que ces prérogatives réunies constiuaient un souverain. — Républiques italiennes т. III. гл. 20 стр. 273.

Греціи, а первымъ послѣ него — домашній деспотъ, захватывающій акрополисъ и подчиняющій согражданъ своему гнѣту. Не можетъ быть болѣе вѣрнаго способа окончательно исказить всѣ явленія греческой жизни, какъ приступить къ истолкованію ихъ съ такими понятіями, при которыхъ всѣ правила мудрости и нравственности, существовавшія въ древнемъ мірѣ, являются въ обратномъ видѣ, Понятіе, которое Греки себѣ составляли о личности безотвѣтственной, стоящей выше всѣхъ законовъ, можетъ быть выражено въ энергическихъ словахъ Геродота *): «Деспотъ нарушаетъ обыкновенія страны, насилуетъ женщинъ и казнитъ гражданъ смертью безъ суда.» Никакого другаго понятія о вѣроятнѣйшихъ послѣдствіяхъ существованія деспотической власти они не могли себѣ составить, ни по знанію человѣческой природы вообще, ни по политическимъ опытамъ, совершавшимся съ самыхъ временъ Солона: никакого чувства, кромѣ ожесточенія, не должна была внушать понимаемая въ такомъ видѣ личность, и только человѣкъ съ самымъ безнравственнымъ честолюбіемъ могъ стремиться къ осуществленію ея собою.

Наша расширившаяся политическая опытность научила насъ иначе смотрѣть на этотъ предметъ, показавъ намъ, что при существованіи монархическаго начала въ лучшихъ правительствахъ новѣйшей Европы, изображаемые Геродотомъ ужасы не совершаются — и что есть возможность устранить многія изъ золъ, могущихъ произойти отъ признанія обязательнымъ повиновенія наслѣдственному и безотвѣтному королю, Но Аристотель самый мудрый и самый осторожный изъ древнихъ теоретиковъ, не имѣлъ случая наблюдать подобныя явленія, а если-бы онъ даже могъ наблюдать ихъ и тогда-бы онъ не могъ быть увѣренъ въ удобоприложимости ихъ къ управленію отдѣльныхъ городовъ Греціи. Теорія королевской власти, въ особенности въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Англіи, показалась-бы ему неудобоисполнимою: онъ бы не могъ себѣ представить короля, который царствуетъ, но не управляетъ государствомъ, — во имя котораго совершаются всѣ правительственныя отправленія, между тѣмъ какъ личная воля его, въ ходѣ дѣлъ правительства, почти или даже совсѣмъ ничего не значитъ, — который изъятъ отъ вся-

---

*) Герод. III. 80. Νομαῖά τε κινεῖ πάτρια και βιᾶται γυναῖκας, κτείνει τε ακοίτους.

кой отвѣтственности, но не пользуется этимъ изъятіемъ,—которому всѣ выражаютъ безпредѣльную покорность, но повинуются только въ предѣлахъ извѣстнаго закона,—который окруженъ всѣми инсигніями власти, а при томъ составляетъ совершенно страдательное орудіе въ рукахъ министровъ, назначаемыхъ къ выбору его такими указаніями, которыми онъ не имѣетъ возможности пренебречь. Англичанинъ, говоря о королѣ, именно представляетъ себѣ это соединеніе видимаго величія и могущества, превосходящаго силы человѣческія, но совершенно мнимаго, съ невидимою, но весьма дѣйствительною сумасшедшею рубашкою, которая не позволяетъ всемогущему сдѣлать ни одного свободнаго движенія: событія нашей исторіи привели къ осуществленію этихъ противоположностей въ Англіи, среди самой могущественной аристократіи, какая только гдѣ либо существовала — но мы еще не знаемъ могло ли бы оно удержаться въ какой либо другой странѣ, и не достаточно-ли было бы одному королю случиться человѣкомъ способнымъ, предпріимчивымъ и рѣшительнымъ, чтобы разрушить все это многосложное зданіе. Аристотелю конечно осуществленіе подобной теоріи показалось бы непонятнымъ и неудобоисполнимымъ, онъ бы счелъ его невѣроятнымъ даже въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ, съ однимъ какимъ нибудь королемъ—а тѣмъ болѣе невозможнымъ въ видѣ постоянно дѣйствующей системы, при различіи характеровъ, могущихъ встрѣтиться въ преемствующихъ членахъ королевской династіи. Когда Греки воображали себѣ человѣка, стоящаго выше всякой законной отвѣтственности, они его представляли въ дѣйствительности такимъ, не только по имени, но и на дѣлѣ, а общество совершенно беззащитнымъ противъ его притѣсненій; *) страхъ

---

*) Еврип. (Supplices) выражаетъ ясно понятіе о тиранѣ, какъ оно существовало въ Греціи, въ противоположность цонятію о законахъ.

> *Οὐδεν τυράννου δυσμενέστερον πόλει.*
> *Ὅπου τὸ μὲν πρώτιστον, οὐκ εἰσιν νόμοι*
> *Κοινοὶ, κρατεῖ δ' εἷς, τὸν νόμον κεκτημένος*
> *Αὐτὸς παρ αὐτῷ.* Ср. Софокла Антиг. 737.

См. также у Аристотеля (Polit. III. sect. 10, 11) преніе, въ которомъ царское управленіе сравнивается съ владычествомъ законовъ: ср. также IV. 8, 2 — 3. Царь, властвующій по законамъ, но его мнѣнію совсѣмъ не царь: *Ὁ μὲν γὰρ κατὰ νόμον λεγόμενος βασιλευς οὐκ ἐστιν εἶδος καθάπερ εἴπομεν βασιλείας* (III. 11, 1).

и ненависть, съ которыми они смотрѣли на него, соотвѣтствовали глубокому уваженію ихъ къ тѣмъ правительствамъ, которыя обезпечивали гражданамъ равенство передъ закономъ и свободу рѣчи, и съ преобладаніемъ которыхъ были связаны всѣ надежды народа на безопасность и спокойствіе—преимущественно же передъ другими обществами Греціи одушевлялась такимъ чувствомъ аѳинская демократія. Это чувство, было однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ Греціи—единодушіе весьма драгоцѣнное при стольких предметахъ разногласія между отдѣльными городами. Мы не можемъ ни постигнуть, ни оцѣнить его, основываясь на понятіяхъ современной намъ Европы, и тѣмъ менѣе на особыхъ понятіяхъ Англичанъ о королевской власти; приложеніе этого несвойственнаго греческой жизни мѣрила, иногда высказанное, иногда подразумѣваемое, и дѣлаетъ оцѣнку политическихъ событій Греціи у г. Митфорда такъ часто невѣрною и несправедливою.

Объясняя ходъ дѣлъ въ Греціи не по даннымъ, представляемымъ другими человѣческими обществами, а по понятіямъ самихъ Грековъ, мы увидимъ весьма достаточныя причины, какъ для прекращенія царской власти, такъ и для сохранившагося нерасположенія къ ней. Если-бы умъ Грековъ былъ такъ неподвиженъ и неспособенъ къ прогрессу, какъ умъ восточныхъ народовъ, недовольство нѣкоторыми царями привело бы только къ низложенію дурнаго царя въ пользу другаго, обѣщавшаго быть лучше, и понятія народа не пошли бы далѣе личнаго управленія. Но греческій умъ имѣлъ характеръ прогрессивный и былъ способенъ постигнуть, а впослѣдствіи и осуществить высшія общественныя комбинаціи. Притомъ, по самой природѣ вещей, всякое правительство — будетъ-ли оно монархія, олигархія или демократія, простирающееся только на одинъ городъ, несравненно менѣе прочно, чѣмъ то, которое обнимаетъ собою значительное пространство земли и многочисленное населеніе. Когда полу-религіозная, полу-механическая покорность, которая возмѣщала собою личные недостатки царей героическихъ временъ, такъ ослабѣла, что уже не могла быть дѣйствительною

Объ *ἰσονομίη, ἰσηγορίη, παρρησία* — равенствѣ передъ закономъ и свободѣ рѣчи — въ противоположность деспотизму, см. Герод. III. 142, V. 78—92; Демосѳ. ad Leptin c. 6. p. 461; Еврип. Ion. 671.

О Тимолеонѣ было сказано въ благодарственномъ постановленіи, состоявшемся послѣ его смерти въ сиракузскомъ народномъ собраніи: *ὅτι τοὺς τυράννους καταλύσας — ἀπέδωκε τοὺς νόμους τοῖς Σικελιώταις*. (Плутархъ Timoleon c. 39)

См. Карла Фридриха Германна Griech Staats-Alterthümer, отд. 61—65.

пружиною управленія, то мелкія царьки были въ слишкомъ близкомъ прикосновеніи съ народомъ, и слишкомъ бѣдно обставлены во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтобы подѣйствовать на него какимъ нибудь другимъ путемъ: они не имѣли возможности запугать воображеніе его этимъ соединеніемъ великолѣпія, недоступности и таинственности, которое Геродотъ и Ксенофонтъ весьма справедливо считаетъ одною изъ главныхъ опоръ царской политики. *) Какъ съ одной стороны не существовало никакого новаго понятія, на которомъ безсрочный правитель могъ бы оперетъ свою власть, точно также и положеніе общества не представляло необходимости въ сохраненіи этого достоинства для видимаго и болѣе дѣйствительнаго соединенія членовъ: **) въ одномъ городѣ, съ небольшимъ принадлежащимъ къ нему округомъ, не представлялось никакихъ затрудненій рѣшать всѣ дѣла посредствомъ общихъ совѣщаній и установить для всего общія правила, ввѣривъ исполнительную власть срочнымъ и отвѣственнымъ правителямъ.

Сохранить существованіе безотвѣственнаго короля и за тѣмъ обставить его такъ, чтобы правительство въ существѣ своемъ было отвѣтственное, дѣло весьма сложное, хотя, какъ уже было замѣчено, современная намъ Европа съ нимъ отчасти освоилась: болѣе простой и естественный переходъ заключается въ томъ, чтобы замѣнить самаго царя однимъ или нѣсколькими сановниками съ срочною властью и законною отвѣтственностью. Таковъ былъ ходъ дѣлъ и въ Греціи. Подчиненные царю предводители народа, первоначально составлявшіе его совѣтъ, нашли средство замѣнить его, очередуясь между собою въ исполненіи правительственныхъ обязанностей, и вѣроятно сохраняя также обыкновеніе созывать отъ времени до времени народное собраніе, въ такомъ-же видѣ, какъ и прежде и съ тѣмъ-же отсутствіемъ дѣйствительнаго значенія. Таковъ былъ въ существѣ своемъ характеръ переворота, совершившагося во всѣхъ греческихъ

---

*) См. разсказъ о Дейокѣ, первомъ царѣ Мидянъ у Геродота—очеркъ, очевидно созданный воображеніемъ Грека; также Киропедію Ксенофонта VIII. 1, 40; VIII, 3, 1—14; VII. 5, 37. . . . . οὐ τούτῳ μόνῳ ἐνόμιζε (Κῦρος) χρῆναι τοὺς ἄρχοντας τῶν ἀρχομένων διαφέρειν τῷ βελτίονας αὐτῶν εἶναι, ἀλλὰ καὶ καταγοητεύειν ᾤετο χρῆναι αὐτοὺς и т. д.

**) Дэвидъ Юмъ, Очеркъ XVII, о началѣ и развитіи наукъ и искуствъ стр. 198 изд. 1760 г. Вліяніе большаго или меньшаго пространства территоріи на характеръ правительства весьма хорошо разобрано также у Дестутта Траси въ Commentaires sur l'Esprit des lois de Montesquieu гл. VIII.

государствахъ, за исключеніемъ Спарты: царская власть была уничтожена и мѣсто ея заняла олигархія, осуществившаяся въ въ совѣтѣ, который засѣдалъ въ извѣстномъ составѣ, рѣшалъ общія дѣла большинствомъ голосовъ, и избиралъ нѣсколько лицъ изъ своей среды на исполненіе административныхъ должностей съ срочною властью и отвѣтственностью передъ тѣмъ-же совѣтомъ: вездѣ, по уничтоженіи монархій героическаго періода, образовывались олигархіи: время демократическихъ стремленій было еще далеко, и состояніе народа, т. е. всей массы свободныхъ людей — не измѣнилось отъ совершившагося переворота ни къ лучшему, ни къ худшему: небольшое число привилегированныхъ лицъ, между которыми распредѣлились и стали переходить отъ одного къ другому прежніе аттрибуты царской власти, состояло изъ людей, бывшихъ наиболѣе приближенными къ царю по своему положенію, можетъ быть даже изъ членовъ того-же рода, имѣющихъ притязаніе на тоже происхожденіе отъ боговъ или героевъ. На сколько намъ извѣстно, эта перемѣна совершилась естественнымъ ходомъ событій и безъ насилія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ династія царей прекратилась и не была замѣнена другою, въ другихъ — по смерти послѣдняго царя, его сынъ и преемникъ признанъ былъ только архонтомъ *) или совершенно устраненъ и замѣненъ пританисомъ, избраннымъ изъ ближайшихъ къ престолу знатныхъ людей.

Относительно Аѳинъ до насъ дошло, что Кодръ былъ послѣднимъ царемъ, и что его потомки были признаны лишь пожизненными архонтами; нѣсколько времени спустя архонты стали избираться на десять лѣтъ изъ сословія евпатридовъ (благородныхъ); еще позже срокъ служенія архонтовъ былъ сокращенъ до од-

---

*) Аристот. Polit. III. 9, 7, III. 10. 7—8.

Огюстенъ Тьерри замѣчаетъ точно также, что великій политическій переворотъ, совершившійся въ значительной части Европы въ XII и XIII вѣкахъ и положившій начало множеству городскихъ конституцій (communes) совершился самыми разнообразными путями — гдѣ силою, гдѣ добровольнымъ согласіемъ:

«C'est une controverse qui doit finir, que celle des franchises municipales obtenues par l'insurrection et des franchises municipales accordées. Quelque face du problême qu'on n'envisage, il reste bien entendu que les constitutions urbaines du XIII siocle, comme toute espéce d'institutions politiques dans tous les tems, ont pu s'établir á forco ouverte, s'octroyer de guerre lasse ou de plein gré, etre arrachées ou sollicitées, vendues ou données gratuitement: les grandes révolutions sociales s'accomplissent par tous ces moyens á la fois.— (Aug. Thierry, Récits des Temps Mérovingiens, Préface, p. 19. Edition 2 me).

ного года. Въ Коринѳѣ, по извѣстіямъ историковъ, владычество древнихъ царей перешло тѣмъ-же путемъ въ олигархію Вакхіадовъ, изъ числа которыхъ выбирался пританисъ, срокомъ на годъ. Мы должны ограничиться заявленіемъ самаго факта этихъ перемѣнъ, но не знаемъ какимъ образомъ онѣ совершились, такъ какъ наше первое дѣйствительно историческое знакомство съ греческими государствами начинается съ означенныхъ олигархій.

Подобныя олигархическія правительства, различающіяся между собою въ подробностяхъ, но сходныя по главнымъ чертамъ, въ продолженіи всего седьмаго вѣка, преобладали во всѣхъ городахъ собственной Греціи и колоній. Хотя, по направленію своему, они мало улучшили положеніе массы свободныхъ людей, однако, если мы сравнимъ ихъ съ предшествовавшимъ управленіемъ героическихъ временъ, то они выражаютъ собою значительный успѣхъ—принятіе опредѣленной и предварительно расчитанной системы въ управленіи общественными дѣлами. *) Въ устройствѣ этихъ олигархій показываются первые признаки зарожденія новыхъ и весьма важныхъ политическихъ понятій въ умѣ Грековъ — отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной, осуществленіе первой въ коллегіальномъ учрежденіи, которое не только совѣщается, но и окончательно рѣшаетъ дѣла, и врученіе второй отдѣльнымъ сановникамъ, назначаемымъ на срокъ и отвѣтствующимъ передъ этимъ учрежденіемъ, по окончаніи своего служенія. Мы тутъ въ первый разъ видимъ общество гражданъ — общество, по опредѣленію Аристотеля, людей имѣющихъ и сознающихъ за собою, каждый въ свою очередь, право повелѣвать и обязанность повиноваться: а верховная власть уже принадлежитъ этому обществу, олицетворяемому въ понятіи о *Городѣ*. Правда, что это первоначальное гражданское общество заключало въ себѣ только весьма небольшую часть всей совокупности лично свободныхъ людей, но понятія, на которыхъ оно было основано, начинали по немногу проясняться въ умахъ

---

*) Аристот. Полит. III. 10. 7. Ἐπεὶ δὲ (т. е. по окончаніи владычества первыхъ царей) *συνέβαινε γίγνεσθαι πολλοὺς πρὸς ἀρετήν, οὐκέτι υπέμενον (τὴν βασιλείαν) ἀλλ᾽ ἐζήτουν κοινόν τι, καὶ πολίτειαν καθίστασαν.*

Κοίνον τι, la commune, та самая великая цѣль, за коорую въ среднихъ вѣкахъ европейскіе города боролись съ такою энергіею и которой наконецъ достигли — корпоративный уставъ и обезпеченіе привиллегіи внутренняго самоуправленія.

всѣхъ граждань. Политическая власть потеряла характеръ божественнаго назначенія и сдѣлалась аттрибутомъ, законно-сообщаемымъ и существующимъ для извѣстныхъ, опредѣленныхъ цѣлей; такимъ образомъ положено основаніе для тѣхъ тысячи вопросовъ, которые такъ сильно волновали греческія города въ продолженіи слѣдующихъ трехъ вѣковъ и относились частью къ распредѣнію, частью же къ употребленію власти—вопросы иногда возбуждавшіеся членами преобладающей олигархіи, а иногда между цѣлымъ сословіемъ ихъ и непривилегированною массою народа. Сѣмена этихъ народныхъ бореній, которыя вызвали столько глубокихъ чувствъ, столько горькихъ антипатій, столько энергіи и дарованій во в емъ греческомъ мірѣ, съ различными видоизмѣненіями въ каждомъ городѣ, могутъ быть прослѣжены до перваго переворота, воздвигнувшаго олигархіи на развалинахъ царствъ героическаго періода.

Какъ именно эти первыя олигархіи управлялись, о томъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣденій, но судя по узкости и противонародности интересовъ, которыми обыкновенно руководствуются привилегированныя меньшинства, и по преобладавшей въ то время грубости нравовъ и страстей, мы не имѣемъ причины предполагать въ первоначальныхъ олигархіяхъ слишкомъ разумнаго и благодѣтельнаго направленія; равнымъ образомъ и дошедшіе до насъ факты, относящіеся къ положенію Аѳинъ передъ Солоновымъ законодательствомъ, даютъ намъ о нихъ неблагопріятное понятіе.

Первый ударъ, полученный древнѣйшими олигархіями Греціи и ниспровергнувшій многія изъ нихъ, нанесенъ былъ имъ похитителями власти — такъ называемыми деспотами, которые пользовались преобладавшими въ обществѣ граждань неудовольствіями противъ правительства, для удовлетворенія своего личнаго властолюбія. Успѣхъ, увѣнчавшій ихъ попытки въ большей части случаевъ, доказываетъ, что эти неудовольствія были почти повсемѣстно распространены и весьма серьезны. Деспоты вышли изъ среды самыхъ олигархическихъ сословій, но не всегда одинаковымъ образомъ. *) Иногда представитель исполнительной

*) Корнелій Непотъ, въ жизнеописаніи Мильтіада гл. 8 опредѣляетъ деспота с ѣдующимъ образомъ: Omnes habentur et dicuntur tyranni qui potestate sunt pe petua in ea civitate, quae libertate usa est: ср. Цицер. de Republica II 26, 27, III. 14.

Слово τύραννος, по словамъ софиста Гиппія вошло въ употребленіе около

власти — сановникъ, получившій отъ самихъ олигарховъ важную административную должность на опредѣленное время, измѣнялъ своимъ избирателямъ, и пріобрѣталъ достаточное могущество, чтобы удержать за собою власть безсрочно, или даже передать ее своему сыну. Въ другихъ мѣстахъ и повидимому гораздо чаще являлась извѣстная личность, называемая демагогомъ, которую и древніе и новѣйшіе историки изображаютъ въ такихъ черныхъ краскахъ: — человѣкъ съ энергіею и съ честолюбіемъ, бывшій иногда даже членомъ самой олигархіи, который брался быть защитникомъ непривелигированнаго народа отъ падающихъ на него оскорбленій и притѣсненій, пріобрѣталъ расположеніе его и наконецъ силою народа ниспровергалъ олигархію и становился деспотомъ. Третій видъ пріобрѣтенія деспотической власти состоялъ въ томъ, что какой нибудь самонадѣянный богачъ, какъ на примѣръ Килонъ въ Аѳинахъ, не имѣя даже притязаній на популярность, но видя успѣшность подобныхъ предпріятій въ другихъ городахъ, рѣшался набрать вооруженныхъ наемниковъ и съ ними овладѣвалъ акрополисомъ (городскою цитаделью). Были еще примѣры, хотя и весьма рѣдкіе, четвертаго вида, когда прямой потомокъ древнихъ царей вмѣсто того, чтобы позволить олигархамъ ограничить его власть и контролировать его дѣйствія, находилъ средства пересилить ихъ и силою исторгалъ то преобладаніе, которое предкамъ его предоставлялось всеобщимъ согласіемъ. Говоря объ разныхъ видахъ установленія деспотической власти, слѣдуетъ еще упомянуть о бывшихъ въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ эсимнэтахъ или диктаторахъ, которые формально и добровольно были облекаемы верховною безотвѣтственною властью, начальствовали надъ военными силами и имѣли право окружать себя постоянною стражею — но назначались только на опредѣленное время, для спасенія города отъ какой либо внѣшней опасности или гибельныхъ внутреннихъ волненій*). Лица, поставленные въ это высокое положеніе,

---

времени Архилоха (660 г. до Р. Хр.) Boeckh полагаетъ, что оно перешло къ Грекамъ отъ Лидянъ или Фригійцевъ (Comment. ad Corp. Jnscrip. № 3439).

Аристот. Polit. V. 8, 2, 3, 4. Τυραννος ἐκ προστατίκης ῥίζης καὶ οὐκ ἄλλοθεν εκβλαστάνει. (Платона Republ. VIII. гл. 17, стр. 565.) Οὐδενι γὰρ δὴ ἄδηλον, ὅτι πᾶς τύραννος εκ δημοκόλακος φύεται (Діонис. Галикарн. VI. 60): мысль очевидно слишкомъ обобщенная.

*) Аристот. III 9, 5; III. 10, 1—10; IV. 8—2. Αἰσυμνῆται — αὐτοκράτορες μόναρχοι ἐν τοῖς αρχαίοις Ἕλλησι — αἱρετὴ τυραννίς; сравни Теофраста, Отрыв. περὶ Βασιλείας и Діон. Галикар. A. R. 73—74; Страбона XII). стр. 618 и Аристот. Fragm. Rerum Publicarum изд. Неймана стр. 122. Κυμαίων Πολιτεία.

пользуясь всегда сильнымъ довѣріемъ народа и отличаясь большею частью замѣчательными дарованіями, иногда достигали такого блестящаго успѣха или умѣли сдѣлаться столь необходимыми обществу, что срокъ власти ихъ былъ продолжаемъ и они становились на самомъ дѣлѣ деспотами на всю жизнь; въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ, когда община и не желала оставить диктатору безсрочную власть, онъ былъ довольно силенъ, чтобы удержать ее противъ воли народа.

Таковы были различные способы, посредствомъ которыхъ многочисленные греческіе деспоты VII и VI вѣковъ пріобрѣтали свое могущество. Хотя все это намъ извѣстно въ общихъ чертахъ изъ краткихъ свѣденій, сообщаемыхъ Аристотелемъ, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного современнаго очерка какой либо изъ греческихъ общинъ, находившихся въ такомъ положеніи. Изъ числа лицъ, получившихъ царскую власть наслѣдственнымъ порядкомъ, но распространившихъ ее настолько, что она стала деспотическою, Аристотель приводитъ въ примѣръ Фейдона аргосскаго, царствованіе котораго расказано у него подробно: изъ сдѣлавшихся деспотами при помощи оффиціальной власти, полученной при существованіи олигархіи, онъ называетъ Фалариса Агригентскаго и нѣсколькихъ другихъ, управлявшихъ въ Милетѣ и прочихъ городахъ іонійскихъ Грековъ; изъ возвысившихся посредствомъ лицемѣрной роли демагоговъ, у него упомянуты Панэтій въ сицилійскомъ городѣ Леонтинахъ, Кипселъ въ Коринѳѣ, и Пизистратъ въ Аѳинахъ; *) изъ числа эсимнэтовъ или добровольно избранныхъ деспотовъ, самымъ разительнымъ примѣромъ представляется Питтакъ Митиленскій. Воинственный и предпріимчивый демагогъ, ниспровергающій олигархію, которая оскорбила и унизила его, владычествующій нѣсколько лѣтъ какъ кровожадный деспотъ, а наконецъ лишенный престола и умерщвленный, изображенъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ въ лицѣ Аристодема, тирана итальянскаго города Кумъ **).

---

*) Аристот. Polit. V, 8, 2, 3, 4; V. 4. 5. Аристотель ссылается на одну изъ пѣсенъ Алкея какъ на свидѣтельство, на которомъ онъ основывается, говоря о возвышеніи Питтака — основаніе конечно весьма достаточное, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающее, что и онъ, относительно древнѣйшихъ временъ, не имѣлъ въ виду другихъ источниковъ кромѣ поэтовъ.

**) Діон. Галикар. А. R. VII, 2, 12. Царствованіе Аристодема приходится около 510 г. до Р. Хр.

Изъ общихъ показаній Ѳукидида, равно какъ Аристотеля, мы видимъ, что вѣка шестой и седьмой до р. хр. были для всѣхъ греческихъ городовъ временемъ развитія богатства и могущества и умноженія населенія; многочисленныя колоніи, основанныя въ этомъ періодѣ и составляющія предметъ многихъ историческихъ сочиненій могутъ служить лучшимъ доказательствомъ такого прогрессивнаго направленія. Измѣненія въ организаціи греческихъ городовъ, теперь расказанныя нами, хотя и не вполнѣ намъ извѣстны, тѣмъ не менѣе служатъ рѣшительными признаками развивающейся гражданственности. Образъ правленія героическихъ временъ, съ котораго начали греческія племена— самый грубый и младенческій изъ всѣхъ видовъ правительства. Онъ даже не можетъ имѣть притязаній на систематичность и обезпеченность: результаты его никакъ не могутъ быть извѣстны впередъ и зависятъ отъ всѣхъ случайныхъ свойствъ, составляющихъ характеръ царствующаго лица, которое въ большей части случаевъ, вмѣсто того, чтобы служить защитою бѣднымъ противъ богатыхъ и сильныхъ, по всей вѣроятности должно было предаваться своимъ страстямъ съ такого-же необузданностью какъ послѣдніе, но съ большею еще безнаказанностью.

Деспоты, которые въ столькихъ городахъ замѣнили собою олигархическое правительство, хотя они въ управленіи руководствовались большею частью эгоистически-узкими понятіями, и многіе изъ нихъ были возмутительно жестоки — по энергическому выраженію Ѳукидида, только и думали что о себѣ и о своихъ семействахъ — однакоже, такъ какъ они не были довольно сильны, чтобы подавить умственную дѣятельность греческаго народа, то послужили къ тому, чтобы запечатлѣть во всѣхъ умахъ тяжкій, но весьма полезный политическій урокъ и много содѣйствовали къ расширенію политической опытности народа и къ опредѣленію его образа мыслей на дальнѣйшія времена. *) Они отчасти разрушили преграду, отдѣлявшую народъ въ собственномъ смыслѣ — массу свободныхъ людей — отъ олигархическихъ родовъ. Деспоты-демагоги заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ появленіе ихъ служитъ признакомъ возрастающаго значенія народа въ политическихъ дѣлахъ. Демагогъ являлся представителемъ желаній и интересовъ народа въ противоположность влады-

*) Ѳукид. I. 17. Τύραννοι δὲ ὅσοι ἦσαν ἐν ταῖς Ἑλληνικαῖς πόλεσι, τὸ ἐφ' ἑαυτῶν προορώμενοι ἔς τε τὸ σῶμα καὶ ἐς τὸ τὸν ἴδιον οἶκον αὔξειν δι' ἀσφαλείας ὅσον ἐδύναντο μάλιστα, τὰς πόλεις ᾤκουν.

ствующему меньшинству, и вѣроятно пользовался для своего усиленія всякимъ отдѣльнымъ случаемъ злоупотребленія правительственой власти, а самъ старался казаться въ сношеніяхъ съ народомъ сколь возможно болѣе ласковымъ и великодушнымъ; затѣмъ, когда граждане вооруженнымъ содѣйствіемъ своимъ давали ему возможность ниспровергнуть прежнее правительство, они имѣли удовольствіе видѣть своего предводителя, облеченнаго верховною властью, но сами не пріобрѣтали никакихъ политическихъ правъ и никакихъ прочныхъ обезпеченій. Какія именно дѣйствительныя преимущества доставались имъ при подобныхъ переворотахъ, за исключеніемъ того, что они видѣли своихъ враговъ униженными, недостаточность нашихъ свѣдѣній не позволяетъ намъ опредѣлить;*) но даже худшій изъ деспотовъ былъ опаснѣе богатымъ, нежели бѣднымъ, такъ что послѣдніе, при перемѣнѣ, выигрывали можетъ быть въ сравнительномъ значеніи, не смотря на приходившуюся имъ долю въ жестокостяхъ и вымогательствахъ правительства, не имѣвшаго никакой другой опоры, кромѣ внушаемаго подданнымъ страха.

Есть между прочими одно замѣчаніе Аристотеля, на которое мы здѣсь должны обратить особенное вниманіе, такъ какъ оно превосходно изображаетъ постепенность политическаго развитія и воспитанія греческаго общества. Онъ проводитъ различіе, замѣченное имъ между древнѣйшимъ демагогомъ шестаго и седьмаго вѣковъ и демагогомъ позднѣйшихъ временъ — такимъ, какихъ и онъ самъ и непосредственно предшествовавшія ему поколѣнія неоднократно видѣли. Первый былъ военный предводитель, смѣлый и ни передъ чѣмъ не останавливающійся: онъ брался за оружіе во главѣ возмущеннаго имъ народа, насиліемъ ниспровергалъ правительство и провозглашалъ себя владыкою какъ тѣхъ, которыхъ онъ низложилъ, такъ и тѣхъ, которые помогли ему низложить ихъ; послѣдній, напротивъ, былъ ораторъ, одаренный всѣми качествами, нужными для увлеченія слушателей, но вовсе нерасположенный и даже неспособный къ нападенію вооруженною силою — всѣхъ цѣлей своихъ онъ достигалъ

*) Ваксмутъ (Hellenische Alterthumskunde) отд. 49 — 51 и Титтманъ (Griechische Staatsverfassungen стр. 527 — 533) преувеличиваютъ понятіе о дружескихъ отношеніяхъ и взаимномъ доброжелательствѣ, существовавшихъ между деспотомъ и бѣднѣйшими изъ гражданъ. Общая ненависть къ олигархіи была связью по преимуществу кратковременною, которая должна была уничтожиться при самомъ паденіи врага.

мирными и конституціонными путями. Эта важная перемѣна— замѣнившая призывъ къ оружію преніями и пріобрѣтеніемъ голосовъ въ народномъ собраніи, и придавшее разъ выраженному собраніемъ рѣшенію такой вѣсъ въ глазахъ гражданъ, что оно признавалось ненарушимымъ даже тѣми, которымъ по смыслу своему было непріятно — произошла отъ развитія въ греческихъ городахъ демократическихъ учрежденій. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ этого труда, мы будемъ имѣть случай оцѣнить то чрезмѣрное порицаніе, которое было высказываемо объ аѳинскихъ демагогахъ Пелопонезской войны, Клеонѣ и Гиперболѣ; но предполагая даже, что оно было основательно, тѣмъ не менѣе появленіе во главѣ народа такихъ личностей, какъ они, составляетъ существенное улучшеніе въ сравненіи съ первыми демагогами, подобными Кипселу и Пизистрату, которые вооружали народъ съ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть существующее правительство и присвоить себѣ деспотическую власть. Демагогъ по самому существу своему былъ предводитель оппозиціи и пріобрѣталъ вліяніе на народъ обличеніемъ людей, пользующихся дѣйствительною властью и занимающихъ административныя должности. При первыхъ олигархіяхъ, оппозиція могла проявиться только въ вооруженномъ возстаніи и вела демагога или къ деспотической власти или къ погибели: но развитіе демократическихъ учрежденій доставило и приверженцамъ и политическимъ противникамъ интересовъ большинства полную свободу рѣчи, а надъ тѣми и другими поставила власть народнаго собранія, рѣшающую всѣ споры между ними; въ тоже время это развитіе ограничило поприще, открывающееся властолюбію демагога, и устранило всякій поводъ обращаться къ оружію. Аѳинскій демагогъ временъ Пелопонезской войны, кричащій противъ всѣхъ и всего, если даже мы примемъ буквально показанія его злѣйшихъ враговъ, былъ несравненно менѣе вредною и опасною личностью, нежели буйный и воинственный предводитель народа въ древнѣйшія времена,— причиною же этого различія было, по выраженію Аристотеля, *) «развитіе привычки къ ораторству»: оппозиція рѣчи была благодѣтельною замѣною оппозиціи меча.

---

*) Аристот. Polit. V. 4, 4; 7, 3. 'Επὶ δὲ των αρχαίων, ὅτε γένοιτο ὁ αὐτὸς δημαγωγὸς καὶ στρατηγὸς, εἰς τυραννίδα μεέβαλλον. σχεδὸν γὰρ οἱ πλεῖστοι των αρχαίων τυραννων ἐκ δημαγωγων γεγόνασι. Αἴιοτν δὲ τοῦ τότε μὲν γενέσθαι, νῦν δὲ μὴ, οτι τότε μὲν, οἱ δημαγωγοὶ ἦσαν ἐκ των στρατηγούντων οὐ γὰρ πω δεινοὶ ἦσαν λέγειν. νῦν δὲ, τῆς ῥητορικῆς ηὐξημένης, οἱ δυνάμενοι λέγειν δημαγωγοῦσι μεν ,δι ἀπειρίαν δὲ των πολεμικων οὐκ ἐπιτίθενται. πλὴν εἴ που βραχύ τι γέγονε τοιοῦτον.

Гражданская организація Аѳинъ до Солона.

Вслѣдствіе глубокаго благоговѣнія, возбужденнаго въ Аѳинянахъ героизмомъ Кодра, который пожертвовалъ жизнью для спасенія отечества, они не хотѣли допустить, чтобы кто-нибудь послѣ него носилъ титулъ царя *). Сынъ Кодра Медонъ и двѣнадцать его преемниковъ: Акастъ, Архиппъ, Терсиппъ, Форбасъ, Мегаклъ, Діогнетъ, Фереклъ, Арифронъ, Тестэй, Агаместоръ, Эсхилъ и Алкмеонъ — всѣ были пожизненными архонтами. На второй годъ управленія Алкмеона (752 г. до Р. Хр.) власть архонтовъ была ограничена десятилѣтнимъ срокомъ: десятилѣтнихъ архонтовъ насчитываютъ семь — Харопсъ, Эсимидъ, Клейдикъ, Гиппоменъ, Леократъ, Апсандръ и Эрихій. При Креонѣ, который наслѣдовалъ Эрихію, не только сокращенъ срокъ архонтства до одного года, но и самая власть раздѣлена по предметамъ и распредѣлилась между девятью архонтами. Рядъ этихъ архонтовъ, назначаемыхъ по девяти и ежегодно смѣняемыхъ, продолжается чрезъ весь историческій періодъ, прерываясь только во времена политическихъ волненій и угнетенія республики чужеземцами. До Клейдика и Гиппомена (714 г. до Р. Хр.) право на архонтское достоинство принадлежало исключительно Медонтидамъ или потомкамъ Кадра и Медона **), а въ это время доступъ къ нему былъ открытъ всѣмъ евпатридамъ — членамъ высшаго сословія въ государствѣ.

Приведенный нами рядъ именъ доводитъ насъ отъ легендарнаго періода до временъ историческихъ. Всѣ достовѣрныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ Аѳинахъ, начинаются со временъ годовыхъ архонтовъ. Весь рядъ именъ этихъ архонтовъ, который употребляется между прочимъ и въ видѣ хронологіи, для обозначенія времени разныхъ событій, совершенно достовѣренъ, начиная отъ Креона ***). Далѣе же 683 г. до Р. Хр. изслѣдователи аѳинской древности представляютъ намъ множество именъ,

---

*) Юстинъ II. 7.

**) Павзан. I. 3. 2; Свидасъ Ἱππομένης; Diogen. Centur. Poverb. III. 1 Ἀσεβέστερον Ἱππομένους.

***) См. Boeckh, о паросской надписи на мраморѣ, Corp. Inscrip. Graec часть 12 отд. 6 стр. 307. 310. 332.

Отъ начала правленія Медона, Кодрова сына, до перваго годоваго архонт Креона, по паросской надписи считается 407, а по Евсевію 387 лѣтъ.

которыя мы вынуждены принять на вѣру, не имѣя возможности ни ручаться за все, ни отличить истинное отъ ложнаго. Нѣтъ причины сомнѣваться только въ томъ общемъ фактѣ, что Аѳины, подобно другимъ гражданскимъ обществамъ Греціи, въ первобытныя времена управлялись царями, имѣвшими наслѣдственную власть, и затѣмъ перешли отъ этой формы правленія къ республикѣ, сначала олигархической, потомъ демократической.

Мы не въ состояніи достовѣрно опредѣлить классификацію сословій и политическое устройство, существовавшія въ Аттикѣ даже во время архонтства Креона (683 г. до Р. Хр.), съ котораго начинается положительная хронологія исторіи Аѳинъ, — тѣмъ менѣе могли бы мы имѣть какія либо притязанія на опредѣлительныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ столѣтіяхъ. Великія политическія перемѣны были совершены сперва Солономъ (около 594 г. до Р. Хр.), потомъ Клисѳеномъ (въ 509 г. до Р. Хр.), наконецъ Арситидомъ, Перикломъ и Эфіальтомъ, между временемъ персидскихъ и пелопоннезскихъ войнъ: такимъ образомъ общественное устройство временъ, предшествовавшихъ Солону — и даже Солонова времени — болѣе и болѣе отодвигалось въ прошедшее и забывалось. Всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этомъ древнѣйшемъ устройствѣ, почерпнуты отъ писателей, жившихъ послѣ всѣхъ или по-крайней-мѣрѣ послѣ нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ перемѣнъ. Они сами, не имѣя въ виду никакихъ положительныхъ свѣденій и находя однѣ только народныя легенды, объясняли прошедшее, какъ умѣли, болѣе или менѣе удачными догадками, которыя вообще были связываемы съ преобладающими въ легендахъ именами. Иногда имъ представлялась возможность основывать свои заключенія на религіозныхъ обычаяхъ, періодическихъ церемоніяхъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ, сохранившихся до ихъ временъ. Это были конечно лучшіе источники свѣденій о древнѣйшей исторіи Аѳинъ, такъ какъ подобныя обыкновенія нерѣдко сохранялись безъ перемѣны посреди всѣхъ политическихъ измѣненій. Этимъ только путемъ мы можемъ дойдти до того, чтобы хоть что нибудь узнать о состояніи Аттики до Солона, хотя въ цѣломъ оно все-таки составляетъ нѣчто темное и непонятное, даже послѣ всѣхъ разъясненій, сдѣланныхъ новѣйшими комментаторами.

Филохоръ, писавшій въ третьемъ вѣкѣ передъ христіанскою эрою, утверждалъ, что Кекропсъ первоначально раздѣлилъ Аттику на двѣнадцать округовъ, которыхъ имена были: Кекропія, Тетраполисъ, Эпакрія, Декеесія, Элевзисъ, Афидны, Торикъ, Бро-

уронъ, Китэръ, Сфеттъ, Кефизія и Фалеръ, и что эти двѣнадцать частей были соединены въ одно политическое цѣлое Тезеемъ *). Это раздѣленіе не заключаетъ въ себѣ Мегариды, которая въ другихъ показаніяхъ представляется связанною съ Аттикою и вошедшею въ раздѣлъ земель, сдѣланный царемъ Пандіономъ между четырьмя сыновьями его — Низомъ, Эгеемъ, Паллантомъ и Ликомъ; это преданіе если не древнѣе Софокла, то, по-крайней-мѣрѣ, современно ему **). По другимъ показаніямъ опять, это раздѣленіе на четыре относится къ колѣнамъ или филамъ (φυλή, tribus) жителей Аттики, которыхъ будто-бы было со временъ Кекропса четыре, и которыя назывались: Кекропида, Аутохтонъ, Актея и Паралія. При царѣ Кранаосѣ, эти же филы, повидимому, были названы Кранаида, Аттида, Мезогэя и Діакрія ***); при Эрихтаніѣ онѣ назывались Діада, Атэнаида, Посейдоніада и Гефэстіада; наконецъ. вскорѣ послѣ Эрехтэя, онѣ названы по четыремъ сыновьямъ Іона (сына Креузы, дочери Эрехтэя, и Аполлона) Гелеонты, Гоплеты, Эгикореи и Аргадеи. Раздѣленіе на четыре аттическія или іонійскія филы съ послѣдне-приведенными названіями осталось главнымъ основаніемъ классификаціи гражданъ до переворота, произведеннаго Клисѳеномъ въ 509 г. до Р. Хр., послѣ котораго установлено раздѣленіе на десять филъ, сохранившееся до временъ преобладанія Македонянъ. Нѣкоторые утверждали, не безъ этимологическаго вѣроятія, что названія этихъ четырехъ колѣнъ или филъ относились къ занятіямъ каждаго изъ нихъ: что Гоплеты составляли сословіе воиновъ, Эгикореи содержали стада козъ, Аргадеи были ремесленниками, а Гелеонты (Телеонты или Гедеонты) земледѣльцами. На этомъ основаніи многіе писатели приписывали древнимъ обитателямъ Аттики раздѣленіе на наслѣдственныя профессіи или касты, подобное тому, которое существовало въ Египтѣ и въ Индіи. Если допустить, что когда нибудь и было въ Аттикѣ подобное раздѣленіе на касты, то оно должно было придти въ упадокъ задол-

---

*) Филохоръ у Страбона IX стр. 396. См. Шемана Antiq. Graec. часть V. отд. 2—5.

**) Страб. IX стр. 392. По Филохору и по Андрону царство Низа простиралось отъ Коринѳскаго перешейка до Пиѳіона (близъ Эноэ) и до Элевзиса (Страб. тамъже); объ этомъ раздѣленіи существуетъ много разныхъ показаній.

***) Поллуксъ VIII гл. 9. 109—111.

****) Іонъ, отецъ четырехъ героевъ, давшихъ свои имена этимъ племенамъ, по одному преданію былъ первымъ законодателемъ и просвѣтителемъ Аттики, подобно Ликургу, Нумѣ и Девкаліону (Плутархъ adv. Koloten гл. 31 стр. 1125).

го до временъ Солона, но повидимому нѣтъ достаточнаго основанія предположить и это. Имена филъ могли первоначально происходить отъ извѣстныхъ профессій, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала этимологіи, или, чтобъ всякое лицо, принадлежащее къ какой нибудь филѣ, непремѣнно занималось тою профессіей, отъ которой первоначально произошло названіе ея. По этимологіи именъ, какъ бы она ясна ни была, мы не можемъ съ достовѣрностью заключить, что дѣйствительно существовала классификація лицъ по занятіямъ ихъ. И это возраженіе, которое имѣло бы нѣкоторый вѣсъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ этимологія была несомнѣнна, становится еще сильнѣе, когда мы присовокупимъ, что она далеко не достовѣрна *), что самыя имена встрѣчаются съ такими различіями въ правописаніи, которыя не могутъ быть съ нею примирены, и что въ Страбоновомъ исчисленіи четырехъ классовъ пастухи опущены, а включены жрецы, между тѣмъ какъ у Плутарха первые упоминаются, а послѣдніе исключены **).

Достовѣрнымъ можно считать только то, что это было древнее раздѣленіе, свойственное іонійскому племени — въ аналогіи съ Гиллеями, Памфилами и Диманами у Дорянъ—и что оно существовало не только въ Аѳинахъ, но во многихъ іонійскихъ городахъ, родственныхъ Аѳинамъ. Гелеонты упоминаются въ надписяхъ, относящихся къ городу Тэосу въ Іоніи, которыя сохранились до нашихъ временъ, а въ надписяхъ г. Кизика въ Пропонтидѣ, который былъ колоніей іонійскаго Милета***), встрѣчаются всѣ четыре класса. И такъ существованіе четырехъ классовъ и четырехъ именъ ихъ (съ нѣкоторыми измѣненіями въ правописаніи) доказано какъ историческій фактъ; но ни о времени образованія этого раздѣленія, ни о первобытномъ значеніи его нельзя сказать ничего положительнаго, и равнымъ образомъ

---

*) Еврип. Іон. 1591; Плутар. Солонъ 25; Ross: die Attischen Demen p. p. VII—IX.

**) Плутархъ (Солонъ гл. 25). Страбона VIII стр. 383. Ср. Платона: Критіасъ стр. 110.

***) Boeckh. Corp. Inscr. Nos. 3078, 3079, 3662. Тщательно составленные комментаріи на послѣднюю надпись, въ которыхъ Бекъ доказываетъ дѣйствительное существованіе раздѣленія жителей по занятіямъ, по нашему мнѣнію недостаточны для убѣжденія.

K. F. Hermann (Lehrbuch der Griechischen Staats-Alterthümer отд. 91—96). Ilgen'de Tribubus Atticis стр. 9 и слѣд. Titmann Griechische Staatsverfassungen стр. 570—582; Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde отд. 43—44.

нельзя вѣрить различнымъ объясненіямъ легендъ объ Іонѣ, Эрехтэѣ и Кекропсѣ, предлагаемымъ новѣйшими комментаторами.

Четыре филы могутъ быть принимаемы или за религіозныя и общественныя единицы, и въ этомъ смыслѣ каждая изъ нихъ заключала въ себѣ три фратріи и девяносто родовъ (gentes), — или за политическія единицы—въ этомъ отношеніи каждая раздѣлялась на три триттіи и на двѣнадцать наукрарій. Каждая фратрія заключала въ себѣ тридцать родовъ, каждая триттія четыре наукраріи: всего было слѣдовательно триста шестьдесятъ родовъ и сорокъ восемь наукрарій. Притомъ въ каждомъ родѣ считалось, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, по тридцати семействъ, слѣдовательно всего было десять тысячъ восемь сотъ семействъ.

Сравнивая между собою эти двѣ системы раздѣленія, мы найдемъ, что онѣ по самому существу своему весьма различны и имѣютъ противоположныя направленія. Триттія и наукрарія ничто иное, какъ подраздѣленія филы и опираются на нее, какъ на свою высшую единицу; наукрарія ограничивается извѣстною мѣстностью, и состоитъ изъ наукраровъ или главныхъ домохозяевъ каждой мѣстности (какъ повидимому доказываетъ этимологія этого слова), которые раскладываютъ во всякомъ околодкѣ количество общественныхъ податей, на него приходящееся, наблюдаютъ за взносомъ ихъ, выставляютъ военныя силы — съ каждой наукраріи по два всадника и по одному кораблю — и замѣщаютъ собою главную административную должность въ околодкѣ— пританиса наукраровъ. *) Извѣстное число пѣшихъ воиновъ, измѣнявшееся смотря по требованію, должно вѣроятно быть подразумѣваемо при всадникахъ, но это число не опредѣлено, такъ какъ, при преобладаніи олигархическаго начала и при относительной подчиненности всей массы народонаселенія, могло казаться нужнымъ опредѣлить съ точностью только повинности богатѣйшихъ людей, отбывавшихъ военную службу на конѣ. Такимъ образомъ сорокъ восемь наукрарій были только систематическимъ подраздѣленіемъ четырехъ филъ, обнимавшимъ всю территорію, все населеніе, всѣ повинности и военныя силы Атти-

---

*) Аристот. Fragmen. Rerum Public. стр. 89 изданія. Неймана. Гарпократ. Δήμαρχος, Ναυκραρικα; Фотія Ναυκραρία. Поллукса VIII. 108; Схол. къ Аристоф. Nubes. 37 Геродота V. 71 Wacksmuth Hellén. Alterth. отд. 44 стр. 240. Baumstark De Curatoribus Emporii Нибура Röm Cdesch V I стр. 323 изд. 2 Гезикій Ναυστηρες οἱ οἰκὲται. См. Поллукса Ναῦλος и Лобека Ρηματικος отд. 3 стр. 7 Плутарха, Quaest. graec. гл. 32 стр. 298.

ки—и притомъ подраздѣленіемъ, установленнымъ только для общихъ государственныхъ цѣлей.

Но фратріи и роды составляли раздѣленіе другаго характера. Они казались совокупленіемъ мелкихъ первобытныхъ единицъ въ большія; они независимы отъ филы и не предполагаютъ даже существованіе ея; они образуются отдѣльно и самопроизвольно и безъ всякаго отношенія къ общей политической цѣли; законодатель находитъ ихъ уже существующими и приспособляетъ или видоизмѣняетъ ихъ, согласно съ общею политическою системою. Мы должны отличать самый фактъ классификаціи гражданъ и послѣдовательное подчиненіе семейства роду, рода фратріи и фратріи филѣ — отъ этой точной числовой симметріи, въ которую намъ представляютъ его облеченнымъ. Если бы такое точное числовое равенство могло когда нибудь быть установлено посредствомъ принудительнаго дѣйствія законодательства *) на существовавшіе уже элементы, то пропорція никакъ не могла-бъ быть сохранена навсегда въ такомъ видѣ. Но мы имѣемъ достаточныя причины сомнѣваться даже и въ томъ, чтобы она когда нибудь была такова: все это болѣе похоже на фантазію писателя, которому вздумалось предположить первоначальную совершенно систематическую организацію народа, и который взялъ для этого цифры, происшедшія отъ перемноженія числа дней въ мѣсяцѣ и числа мѣсяцевъ въ году. Чтобы каждая изъ фратрій заключала въ себѣ равное число родовъ и каждый родъ равное число семействъ — это предположеніе, для допущенія котораго нужны несравненно сильнѣйшія основанія, чѣмъ тѣ, которыя намъ представляются, независимо отъ этой весьма сомнительной точности цифръ, фратріи и роды сами по себѣ были дѣйствительными, древними и весьма прочными ассоціаціями аѳинскаго народа, которыя весьма важно надлежащимъ образомъ понять. **) Основаніемъ всей группировки служилъ домъ, очагъ или семейство, — большее или меньшее чи-

---

*) Мейеръ De Gentilitate Attica стр. 22 — 24.

**) Подобно этимъ греческимъ раздѣленіямъ, нѣтъ никакой причины полагать какъ объ англо-саксонскихъ десяткахъ и сотняхъ, такъ и объ общемъ раздѣленіи на сотни, распространенномъ въ древности по всему германскому и скандинавскому міру, несравненно болѣе чѣмъ десятки, — чтобы вообще на практикѣ число лицъ изъ которыхъ они состояли, соотвѣтствовало названію ихъ: эта номенклатура выражала только понятіе о постепенности дѣленій и примѣрное число лицъ, около котораго колебалось дѣйствтиельное количество ихъ. См. Thorpe. Ancent Laws. and Institutes of England.

сло которыхъ составляло родъ — genos (γένος). Родъ былъ слѣдовательно нѣчто похожее на кланъ или септъ — распространенное и частью искуственное братство, въ которомъ члены связывались между собою: 1, Общими религіозными обрядами, совершаемыми въ честь одного и того-же бога, который считался общимъ предкомъ рода и потому носилъ особое прошенованіе, — и исключительнымъ правомъ быть жрецами его. 2, Общимъ мѣстомъ погребенія. 3, Взаимными правами на наслѣдство. 4, Взаимною обязанностью помощи, защиты и содѣйствія къ удовлетворенію за обиды. 5, Взаимнымъ правомъ и такою же обязанностью заключать брачные союзы внутри своего рода въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ, въ особенности когда наслѣдницей семейства оставалась осиротѣвшая дочь. 6, Владѣніемъ, въ нѣкоторыхъ по-крайней-мѣрѣ случаяхъ, общею собственностью и существованіемъ въ каждомъ родѣ особаго архонта и казначея. Таковы были права и обязанности, характеризовавшія родовой союзъ: *) соединеніе въ фратріи, связывавшее нѣсколько родовъ, было менѣе тѣсно, но тѣмъ не менѣе заключало въ себѣ нѣкоторыя взаимныя права и обязанности, аналогичныя съ вышеисчисленными по характеру, преимущественно же общность нѣкоторыхъ особыхъ религіозныхъ обрядовъ и права всѣхъ членовъ фратріи преслѣдовать виновнаго въ убійствѣ одного изъ нихъ. Каждая фратрія считалась принадлежащею къ одной изъ четырехъ филъ, и всѣ фратріи одной и той же филы въ извѣстный срокъ совершали нѣкоторые общіе обряды, подъ предсѣдательствомъ сановника, носившаго титулъ царя филы phylo-basileus — и избраннаго изъ числа евпатридовъ. Патрономъ филы Гелеонтовъ считался Зевесъ Гелеонъ. Наконецъ всѣ филы соединялись въ общемъ поклоненіи Аполлону Patrôus (Πατρῷος), какъ общему божественному отцу и хранителю ихъ, потому что Аполлонъ былъ отецъ Іона, а филы считали своими родоначальниками, давши имъ именами сыновей Іона.

Таковъ былъ первобытный религіозный и общественный союзъ населенія Аттики, съ своею постепенною системою дѣленій— въ противоположность политическому союзу, вѣроятно позже учрежденному и проявлявшемуся сперва въ триттіяхъ и наукраріяхъ, а потомъ въ десяти трибахъ, установленныхъ Клисѳеномъ и

---

*) См. надпись, относящуюся къ роду Ἀμμυνανδριδῶν, въ сочиненіи Роса: Ueber die Demen von Attica. Ср. Bossler'a, De Gent. Attic. стр. 53. Героасот V91.

подраздѣленныхъ на триттіи и демосы. Религіозная и родственная связь вѣроятно образовалась раньше, но политическая, хотя и произошла въ позднѣйшее время, но постоянно пріобрѣтала болѣе и болѣе значенія, какъ будетъ доказано въ продолженіи этого труда. Въ первомъ раздѣленіи личный элементъ составляетъ главную и преобладающую характеристику *) — мѣстный-же элементъ является подчиненнымъ ему: въ послѣднемъ напротивъ, владѣніе собственностью и мѣсто жительства становятся главнымъ предметомъ, а личность получаетъ свое значеніе только въ зависимости отъ этихъ существенныхъ элементовъ. Всѣ эти фратрическія и родовыя ассоціаціи, какъ большія, такъ и меньшія, были основаны на однихъ и тѣхъ-же началахъ и стремленіяхъ, всегда присущихъ греческому уму **) — на сліяніи понятія о богослуженіи съ понятіемъ о происхожденіи, или объ общности нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ съ общностью крови, дѣйствительною или предполагаемою. Богъ или герой, которому члены рода всѣ вмѣстѣ приносили жертвы, былъ въ ихъ глазахъ первобытнымъ родоначальникомъ, отъ котораго они вели свое происхожденіе иногда черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ именъ — какъ было напримѣръ съ Милезійцемъ Гекатэемъ ***). У каждаго семейства были свои священные обряды и тризны по предкамъ, которыя совершались главою семейства, и къ которымъ никто, кромѣ членовъ его, не могъ быть допущенъ: пресѣченіе семейства, которое влекло за собою прекращеніе принадлежавшихъ ему религіозныхъ обрядовъ, считалось у Грековъ несчастіемъ, не только потому, что общество лишалось тѣхъ гражданъ, которые составляли это семейство, но и потому, что домашніе боги его и тѣни умершихъ гражданъ лишались слѣдовавшихъ имъ почестей,***) и могли вымѣстить свое

---

*) Φυλαὶ γενικαί, въ противоположность къ φυλαὶ τοπικαί — Діонис. Галик Ant. Rom. IV. 14.

*) Платона Euthydem стр. 302. Аристот. у Схол. къ Плат. Axioch. стр. 456 изд. Бек. Поллукса VIII 3 ср. также III 52 Moeris. Atticist. стр. 108.

Гарпократ. V; Etymol. Magn. V; Суидасъ; Поллуксъ VIII. 85; Демосѳ. cont. Eubulid стр. 1319 и cont. Neaeram стр. 1365; Изэя Orat. II стр. 19, 20—28 изд. Бек. Шемана Antiq. J. P. Graec. § XXVI. Гомера Иліад. II 362. Бутмана Mytholog. гл. 24. стр. 305. Мейеръ De Gent Attica Boeck. Corp Jnscrip. стр 310.

**) Геродот. 143. Изэй Orat. VI стр. 89 изд. Бек.

*) Изея Or. VI стр. 61; II стр. 38, Демосѳ. adv. Makartatum стр. 1053—75; adv. Leochar. стр. 1093. См. также The Chinese. (Китайцы) Др. Фр. Дэвиса гл. IX стр. 131 — 134; изд. Нэйта 1840. Милля исторія Брит. Индіи кн. II, гл. VII, стр. 381.

неудовольствіе на всей странѣ. Большія ассоціаціи, называемыя родами, фратріями, филами, образовались отъ распространенія того же начала — то есть семейства, принимаемаго въ смыслѣ религіознаго братства, покланяющагося одному общему богу или герою, который получалъ соотвѣтствующее тому проименованіе и считался общимъ родоначальникомъ ихъ. Празднества Тэойніи и Апатуріи *) — первыя у жителей Аттики, вторыя во всемъ іонійскомъ племени — ежегодно собирали всѣхъ членовъ каждой фратріи и каждаго рода для поклоненія богамъ, и сверхъ того для разныхъ увеселеній, поддерживавшихъ между ними особое сочувствіе, и такимъ образомъ скрѣплялись обширнѣйшія связи, безъ ослабленія тѣснѣйшихъ.........

Въ время переворота, произведеннаго Клисѳеномъ въ 509 г. до Р. Хр., уничтожены прежнія филы въ гражданскомъ отношеніи, и образовано десять новыхъ; фратріи же и роды оставлены безъ измѣненія, но за основаніе новыхъ политическихъ филъ принято мѣстное распредѣленіе гражданъ по демосамъ или округамъ. Извѣстное число демосовъ принадлежало къ каждой изъ новыхъ филъ (демосы той же филы не всегда были сопредѣльны, такъ что фила не соотвѣтствовала ни какому дѣленію мѣстности) и въ какомъ демосѣ каждый гражданинъ былъ тогда зачисленъ, въ томъ же продолжали считаться и потомки его. Но роды не имѣли никакого отношенія къ этимъ филамъ, такъ что члены того-же рода могли принадлежать къ разнымъ демосамъ **). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что до извѣстной степени въ древнемъ разграниченіи Аттики, раздѣленіе на роды совпадало съ раздѣленіемъ на демосы; именно случалось довольно часто, что геннеты или члены одного рода жили въ томъ же околоткѣ, такъ, что имя рода и имя демоса было одно и то же; сверхъ того Клисѳенъ повидимому учредилъ нѣсколько новыхъ демосовъ, которымъ онъ далъ имена, происходящія отъ какого-нибудь значительнаго рода, обитающаго

---

*) Ксеноф. Hellen I. 5. 8. Суидасъ; Платона Euthydem гл. 28 стр. 320. Демосѳ. adv. Makart. стр. 11 — 14.

**) Демосѳ. cont. Neaeram стр. 1365. Титтманъ (Griechische Staatsverfassung стр. 277) полагаетъ, что каждый гражданинъ, послѣ Клисѳенова переворота, былъ непремѣнно членомъ какой-нибудь фратріи, а также и какого-нибудь демоса, но приводимыя имъ доказательства по нашему мнѣнію недостаточны. Понятія о фратріи и о филѣ часто смѣшиваются между собою; такимъ-образомъ эгеиды въ Спартѣ, которыхъ Геродотъ называетъ трибою, у Аристотеля названы одною изъ Ѳиванскихъ фратрій (Схил. къ Пинд. Isthm. VII. 18). Ср. Wachsmuth Hellenische Alterth. отд. 83. стр. 17.

въ той же мѣстности. Такимъ-образомъ объясняется то, что многіе изъ Клисѳеновыхъ демосовъ носятъ имена, имѣющія характеръ родовыхъ.

Есть между греческими и римскими родами одна замѣчательная разница — она заключается въ различномъ способѣ именованія лицъ въ общежитіи. Римскій патриціи обыкновенно носилъ три имени — родовое имя, другое, означающее фамилію, къ которой онъ принадлежитъ, и третье, отличающее его отъ другихъ членовъ той же фамиліи. Но въ Аѳинахъ, по-крайней-мѣрѣ послѣ Клисѳенова переворота, родовое имя вовсе не употреблялось: человѣкъ обозначался своимъ собственнымъ именемъ, за которымъ слѣдовало имя его отца, а потомъ имя демоса, къ которому онъ принадлежалъ, такъ напримѣръ: Эсхинъ сынъ Атромета изъ Котокидовъ. Вслѣдствіе этого различія въ обыкновенномъ способѣ именованія лицъ, родовая связь была болѣе присуща уму каждаго въ Римѣ, чѣмъ въ греческихъ городахъ.

До классификаціи жителей Аттики по состоянію, введенной Солономъ, фратріи и роды, триттіи и наукраріи были единственными общепризнанными союзами между ними и единственными источниками законныхъ правъ и обязанностей, внѣ семейства въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ. Родъ составлялъ тѣсное соединеніе какъ относительно собственности, такъ и въ отношеніи къ личности. До временъ Солона никто не имѣлъ права располагать имуществомъ по завѣщанію: если кто-нибудь умиралъ бездѣтенъ, то члены его рода наслѣдовали ему *); тоже продолжалось и послѣ Солона, но только въ случаѣ смерти владѣльца безъ завѣщанія. Дѣвицу, оставшуюся сиротой, могъ требовать по праву за себя въ замужство каждый изъ членовъ рода, причемъ ближайшіе родственники имѣли преимущество **); если она была бѣдна и родственникъ не желалъ самъ на ней жениться, то законъ Солона обязывалъ его снабдить ее приданымъ, соотвѣтствующимъ признанной по разряду суммѣ его собственности и выдать ее замужъ за другаго; размѣръ назначеннаго приданаго — довольно значительный по постановленію Солона, а впослѣдствіи еще удвоенный — доказываетъ, повидимому, что законодатель именна желалъ понудить въ этомъ случаѣ къ супружеству ***). Если кто-нибудь былъ убитъ, то

---

*) Плутархъ, Солонъ 21. Демосѳ. cont. Eubulid. стр. 1307; Цицеронъ Legg. II. 26

**) Демосѳ. cont. Makartat. стр. 1068. Плутархъ, Солонъ гл. 20.

***) См. Meursius, Themis Attica I. 13.

сперва его близкіе родственники, потомъ геннеты и фраторы имѣли право и даже были обязаны преслѣдовать убійцу передъ судомъ *); сочлены же убитагo по демосу не имѣли подобнаго права преслѣдованія. Все, что намъ извѣстно о древнѣйшихъ аѳинскихъ законахъ, основано на раздѣленіи гражданъ по родамъ и фратріямъ, которыя вездѣ принимаются за виды распространенія семейнаго союза. Должно замѣтить, что это раздѣленіе было совершенно независимо отъ состоянія гражданъ: и богатые и бѣдные люди нерѣдко принадлежали къ одному и тому же роду. Сверхъ того различные роды были весьма неравны между собою по значенію, что зависѣло главнымъ образомъ отъ характера религіозныхъ обрядовъ, которыми каждый родъ исключительно и наслѣдственно завѣдывалъ; нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ, считавшіеся особенно важными для всего города, причислены къ общенароднымъ торжествамъ. Такимъ-образомъ Евмольпиды и Керики, которые завѣдывали таинствами Деметэры (Цереры) Элевзинской и изъ которыхъ назначался ея гіерофантъ (главный жрецъ) и Бутады, къ которымъ должны были принадлежать жрицы и жрецы Атэны Polias (Городской — покровительницы Аѳинъ) и Посейдона (Нептуна) Эрехтэя, имѣвшихъ храмы въ акрополисѣ, пользовались повидимому большимъ уваженіемъ противъ другихъ родовъ***). Когда имя Бутадовъ, при Клисѳеновомъ распредѣленіи, присвоено было одному изъ демосовъ, то священный родъ, носившій это названіе прежде, принялъ имя Этеобутадовъ, то есть истинныхъ Бутадовъ *).

Очень многіе изъ числа родовъ древней Аттики намъ извѣстны по именамъ, но изъ фратрій есть одна только (Ахніады), которой имя дошло до насъ **). Эти фратріи и роды вѣроятно никогда не заключали въ себѣ всего населенія края, и количество лицъ, непринадлежащихъ къ нимъ, должно было болѣе и

---

*) Мейеръ, De Bonis Damnat. стр. 23; Демосѳ. cont. Euerg. et Mnesib. стр. 1161 и cont Makartat. стр. 1069.

**) Демосѳ. cont. Makartat.

***) См. Эсхина de Falsa Legat. стр. 292. гл. 46. Лизія cont. Andokid. стр. 108. Андокида de Mysteriis стр. 63 Reiske; Дейнархъ и Гелланикъ у Гарпокр. V. Ἱεροφάντης.

*) Объ ораторѣ Ликургѣ сказано, что онъ былъ: τον δημον Βουταδης, γένους τοῦ των ετιοβουΐαδων (Плутар. Vit. X. Orator. стр. 841.

**) Каждая фратрія Аттики имѣла повидимому свои особые законы и обычаи, отличные отъ прочихъ: τοῖς φρατορσι κατά τους ἐκείνων 'νόμους (Изея Or VIII.)

болѣе возрастать, какъ во времена, предшествовавшія Клисѳену, такъ и послѣ него. При установленной имъ конституціи и въ теченіи всей послѣдующей исторіи, они сохранились въ видѣ религіозныхъ братствъ или корпорацій, дарующихъ права и возлагающихъ обязанности, которыя имѣли силу и передъ общими судами, но не были непосредственно связаны ни съ правами гражданства ни съ гражданскими должностями. Человѣкъ могъ быть гражданиномъ, не принадлежа ни къ какому роду. При конституціи Клисѳена прежнія сорокъ восемь наукраріи потеряли всякое практическое значеніе: демосъ сдѣлался вмѣсто наукраріи основнымъ политическимъ дѣленіемъ, а главнымъ лицомъ по мѣстному управленію сталъ демархъ, вмѣсто старшаго наукрара. Демосъ впрочимъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ наукраріи, также какъ и демархъ начальнику ея, хотя оба дѣленія были аналогичны и учреждены для той же цѣли. Между тѣмъ какъ наукраріи числомъ было только сорокъ восемь, — демосъ составлялъ болѣе мелкое дѣленіе и, по-крайней-мѣрѣ въ позднѣйшія времена, число этихъ дѣленій доходило до ста семидесяти четырехъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ГРЕЦІИ, ГРОТА.

Общественная и политическая организація Аѳинъ до Солона.

(Продолженіе.)

Хотя первобытное раздѣленіе всѣхъ жителей Аѳинъ и Аттики на четыре филы само по себѣ довольно понятно, но весьма трудно согласить его съ тѣми свѣденіями, которыя до насъ дошли, о политическомъ разъединеніи, существовавшемъ въ этой области.

Отъ временъ Кекропса и до Тезея, говоритъ Ѳукидидъ, въ Аттикѣ было нѣсколько отдѣльныхъ городовъ, пользовавшихся полною самостоятельностью и управлявшихся своими особыми пританеями и архонтами. Только въ случаѣ какой нибудь всеобщей опасности, эти отдѣльныя общины составляли совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ аѳинскихъ царей, владѣнія которыхъ въ то время заключали въ себѣ лишь возвышающуюся средь равнины святую гору Атэны*)—впослѣдствіи акрополисъ разросшагося города—съ узкой полосою земли, прилежавшей къ горѣ съ южной стороны.

Тезеемъ, по увѣренію Ѳукидида, совершенъ былъ великій переворотъ, которымъ вся Аттика соединена въ одно цѣлое, а значеніе, принадлежавшее прежде всѣмъ мѣстнымъ судилищамъ и совѣтамъ, сосредоточилось въ пританеѣ и сенатѣ, засѣдавшихъ въ Аѳинахъ: дѣйствуя какъ умственными, такъ и матеріальными

---

*) Страбона IX, стр. 396; Еврипида, Јоп. 1578.

силами, онъ принудилъ всѣхъ жителей Аттики признать Аѳины единственнымъ самостоятельнымъ городомъ во всей области, а свои земли — составными частями аѳинской территоріи. Память этого важнаго событія, имѣвшаго естественно большое вліяніе на развитіе центральнаго города, праздновалась въ Аѳинахъ, впродолженіе всего историческаго времени, періодическимъ торжествомъ Синойкіи (Synoekia) въ честь богини Атэны *).

Таковы показанія Ѳукидида о первобытной раздѣльности и послѣдующемъ соединеніи всѣхъ частей Аттики. Въ самомъ фактѣ нѣтъ причины сомнѣваться, хотя дѣйствующія силы, указанныя историкомъ — могущество и мудрость Тезея — принадлежатъ къ міру легендъ, а не исторіи. Мы не можемъ ничего сказать положительнаго ни о средствахъ, которыми произведенъ переворотъ, ни о времени его, ни о числѣ частей, образовавшихъ аѳинское государство въ полномъ составѣ, которое уже весьма рано, хотя мы и не знаемъ когда именно, увеличилось добровольнымъ присоединеніемъ віотійскаго или полу-віотійскаго города Элевтеръ, лежащаго въ долинѣ Китэрона между Элевзисомъ и Платеею. До самой пелопонезской войны **), коренные обитатели Аттики имѣли обыкновеніе жить постоянно въ своихъ родныхъ волостяхъ, гдѣ и сохранялись, какъ остатки прежней ихъ самостоятельности, древніе храмы и празднества: они посѣщали столицу въ извѣстныя времена для политическихъ или религіозныхъ цѣлей, считая однакожъ свое сельское мѣстопребываніе настоящею родиною; какъ глубоко вкоренено было между ними это чувство мѣстнаго патріотизма можно судить потому, что оно пережило временное изгнаніе, къ которому вынудило ихъ персидское нашествіе, и возобновилось, когда удаленіе непріятеля позволило имъ возобновить разрушенныя жилища свои въ Аттикѣ **)...

Въ дошедшемъ до насъ расказѣ о дѣйствіяхъ Тезея вовсе не упомянуто о четырехъ іонійскихъ филахъ, но, вмѣсто этого раздѣленія, представляется совсѣмъ другое на евпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, которое будто бы было введено Тезеемъ. Діонисій Галикарнасскій называетъ только два класса: евпатридовъ и подчиненныхъ имъ земледѣльцевъ, — соотвѣтственно его

---

*) Ѳукид. II. 15; Теофраст. Charact. 29, 4; Плутарха Тезей, 24.

**) Павзан. I. 2. 4; 38. 2; Діод. Сицил. IV. 2; Схол. къ Аристоф. Acharn. 242.

***) Ѳукид. II. 15. 16.

понятію о патриціяхъ и кліентахъ въ древнемъ Римѣ *). Насколько мы можемъ понять это раздѣленіе на три класса, оно совершенно отлично отъ упомянутаго нами раздѣленія на четыре филы. Классъ евпатридовъ состоитъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ людей, принадлежащихъ къ самымъ знатнымъ фамиліямъ всѣхъ родовъ и преимущественно живущихъ въ Аѳинахъ, со времени соединенія Аттики въ одно государство: отъ нихъ отдѣляется среднее и низшее сословіе, вообще подраздѣленное на земледѣльцевъ и на ремесленниковъ. Евпатридамъ приписываются сверхъ политическихъ и общественныхъ преимуществъ, также и религіозныя; въ сословіи ихъ сосредоточена вся власть какъ свѣтская, такъ и духовная **); къ нимъ безъ сомнѣнія принадлежали всѣ роды, которыхъ наслѣдственныя священнодѣйствія были особенно уважаемы народомъ, какъ напримѣръ Бутады; Евмоина, Келея, Діокла и другихъ, изображенныхъ въ гомерическомъ гимнѣ Деметрѣ, мы должны представить себѣ евпатридами Элевзиса. Незнатные роды и низшіе члены каждаго рода сливались повидимому въ этой классификаціи съ тою частью населенія, которая совсѣмъ не принадлежала ни къ какимъ родамъ.

Исключительно изъ евпатридовъ и, безъ сомнѣнія, также по ихъ выбору назначались девять годовыхъ архонтовъ, а вѣроятно и пританисы наукраровъ. Мы имѣемъ полное право предположить, что и совѣтъ Ареопага составлялся изъ членовъ того же сословія: всѣ девять архонтовъ поступали въ этотъ совѣтъ по окончаніи года своего служенія, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что они должны были прежде отдать отчетъ въ исправленіи должности, а за тѣмъ они оставались членами совѣта пожизненно. Таковы единственныя извѣстныя намъ политическія власти въ самомъ раннемъ и темномъ періодѣ исторіи Аѳинъ, послѣ прекращенія царской власти и установленія ежегодной смѣны архонтовъ. Совѣтъ Ареопага повидимому соотвѣтствовалъ гомерическому совѣту старцевъ***), а въ особыхъ случаяхъ происходили безъ сомнѣнія и общія собранія народа, съ тѣмъ же формальнымъ и страдательнымъ характеромъ, какимъ отличалась

---

*) Плутарха Тезей гл. 25; Діонис. Гал. II. 8.

**) Etymolog. Magn.; Плутарх. Тезей гл 24; Гезихія Αγροιῶται; Изократ Orat. XVI. De Bigis стр. 351, 506.

***) Мейеръ и Шеманъ, Der Attische Process. Einleitung; стр. 10.

и гомерическая агора; покрайней мѣрѣ мы замѣчаемъ слѣды такихъ собраній задолго до Солонова законодательства. Нѣкоторые изъ писателей древности приписывали первоначальное учрежденіе Ареопага Солону, точно также, какъ другіе признавали Ликурга учредителемъ спартанской герузіи. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это мнѣніе совершенно ошибочно и что совѣтъ Ареопага есть первобытное учрежденіе, относящееся къ незапамятной древности, хотя устройство и обязанности его подверглись впослѣдствіи многимъ измѣненіямъ. Сначала онъ стоялъ одинъ, какъ постоянная и коллегіально устроенная власть рядомъ съ властью царей, а потомъ архонтовъ, и тогда конечно былъ извѣстенъ подъ именемъ Boulè — Сената или Совѣта; отличительный титулъ его,—«совѣтъ Ареопага»—присвоенный ему отъ имени мѣста, гдѣ происходили засѣданія, вѣроятно вошелъ въ употребленіе только тогда, когда Солонъ образовалъ второй сенатъ или совѣтъ, отъ котораго и нужно было его отличить.

Этимъ повидимому объясняется то обстоятельство, что Ареопагъ ни разу не былъ упомянутъ въ постановленіяхъ Дракона, молчаніе котораго было приводимо въ числѣ доказательствъ несуществованія его въ тѣ времена и учрежденія его Солономъ *). Совѣтъ Ареопага большею частью упоминается, какъ судебное мѣсто, потому что въ этомъ качествѣ онъ постоянно дѣйствовалъ въ продолженіи всей исторіи Аѳинъ, и потому, что ораторы чаще всего имѣли случаи упоминать о рѣшеніяхъ его въ судебныхъ дѣлахъ. Но первоначально обязанности его имѣли характеръ государственный въ самомъ обширномъ смыслѣ, и были административныя столько же, какъ и судебныя. Но хотя постепенное развитіе демократіи въ Аѳинахъ, какъ будетъ объяснено далѣе, уменьшило власть Ареопага и еще болѣе понизило сравнительное значеніе его, расширивъ предѣлы непосредственнаго участія народа въ политической и судебной дѣятельности и возвысивъ совѣтъ Пятисотъ, который былъ постоянною принадлежностью и опорою народнаго собранія; однакожъ Ареопагъ былъ, повидимому, до самыхъ временъ Перикла, важнѣйшимъ правительственнымъ сословіемъ въ государствѣ. Даже и послѣ того, какъ онъ былъ отодвинутъ на второй планъ политическими реформами этого великаго мужа, мы видимъ Ареопагъ въ извѣстныхъ случаяхъ выступающимъ впередъ, чтобы предъявить свои

*) Плутар. Солонъ гл. 19; Аристот. Полит. II. 9. 2; Цицер. De Offic. I. 22; Поллуксъ VIII. 125.

старинныя права и принять на время ту неопредѣленную никакими положительными законами власть, которою онъ нѣкогда пользовался безпрекословно. Привязанность Аѳинянъ къ старинным установленіямъ давала совѣту Ареопага неотъемлемую власть надъ умами ихъ, и это чувство скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло, когда онъ пересталъ быть предметомъ опасен iiнарода и не могъ быть болѣе употребленъ, какъ орудіе олигархическихъ притязаній.

Изъ девяти архонтовъ, число которыхъ осталось неизмѣннымъ отъ 638 г. до Р. Хр. до конца свободной демократіи, трое носили особые титулы, а именно: архонта *ероnутиs*, по имени котораго назывался самый годъ его управленія и котораго обыкновенно разумѣли, преимущественно передъ прочими, когда говорилось объ архонтѣ въ тѣсномъ смыслѣ; архонтъ basileus (царь), чаще называемый просто basileus; и наконецъ полемархъ (военачальникъ). Остальные шесть носили общій титулъ Thesmothetae. Изъ первыхъ трехъ каждый имѣлъ исключительный кругъ дѣйствія, по нѣкоторымъ специальнымъ предметамъ: тесмотэты же стояли всѣ наравнѣ и дѣйствовали иногда коллегіально, а иногда отдѣльно. Архонтъ эпонимъ рѣшалъ всѣ споры, проистекавшіе изъ семейныхъ, родовыхъ и фратрическихъ отношеній: онъ былъ законнымъ покровителемъ вдовъ и сиротъ *). Архонтъ — basileus или архонтъ-царь имѣлъ назначеніемъ судъ по дѣламъ объ оскорбленіи религіи и объ убійствахъ. Полемархъ, конечно во времена, предшествовавшія Клисѳену, былъ предводителемъ военныхъ силъ и судьею въ спорахъ между гражданами и не гражданами. Сверхъ того каждому изъ трехъ архонтовъ были предоставлены нѣкоторыя особыя религіозныя торжества, которыми онъ долженъ былъ завѣдывать. Шесть тесмотэтовъ повидимому были судьями въ спорахъ и жалобахъ, возникавшихъ вообще между гражданами, за исключеніемъ случаевъ, специально предоставленныхъ разсмотрѣнію двухъ первыхъ архонтовъ. По точному значенію слова thesmothetae, всѣ девять архонтовъ могли бы носить это названіе **), хотя первымъ тремъ и принадлежали другіе особые титулы: слово thesmoi, въ аналогіи съ гомерическимъ выраженіемъ themistes, вмѣщаетъ въ своемъ значеніи понятія и объ общемъ законѣ и о частномъ опредѣленіи,—

---

*) Поллуксъ VIII, 89—91.

**) Демосѳ. cont. Eubulid. гл. 17, стр. 1319—1320; Поллуксъ VIII. 85.

такъ какъ эти два понятія не были еще разграничены, и никто не представлялъ себѣ общаго закона иначе, какъ въ примѣненіи его къ частному случаю *). Драконъ былъ первый тесмотэтъ которому было поручено изложить свои thesmoi письменно, что, собственно и должно было придать имъ характеръ болѣе или менѣе общій.

Въ позднѣйшія и болѣе извѣстныя намъ времена аѳинскаго правительства, мы видимъ архонтовъ въ значительной мѣрѣ утратившими свое прежнее право суда и рѣшенія дѣлъ; участіе ихъ въ дѣлахъ уже ограничивается обязанностью выслушать спорящихъ и отобрать всѣ нужныя показанія, и за тѣмъ внести самое дѣло на разсмотрѣніе подлежащей дикастеріи, въ которой они сами предсѣдательствовали. Первоначально не было разграниченія властей: архонты судили гражданъ и управляли государствомъ, раздѣляя между собою тѣ права, которыя прежде принадлежали царю, и вѣроятно отдавая отчетъ, по окончаніи своего годоваго служенія, совѣту Ареопага. Вѣроятно также, что обязанности и этого совѣта и пританисовъ наукраріи были такого же двойственнаго и неопредѣленнаго характера. Всѣ эти сановники принадлежали къ сословію евпатридовъ, и всѣ они безъ сомнѣнія дѣйствовали болѣе или менѣе въ узкихъ интересахъ своего сословія: сверхъ того широкое поприще открывалось пристрастію, какъ въ случаѣ особаго расположенія ихъ къ частнымъ лицамъ, такъ и въ случаѣ вражды. Что злоупотребленія встрѣчались весьма часто и неудовольствіе, ими возбужденное, начинало становиться весьма серьезнымъ, это мы можемъ заключить изъ того, что тесмотэту Дракону было поручено (въ 624 г. до Р. Хр.) изложить письменно всѣ существовавшія thesmoi или постановленія, такъ, чтобы они могли быть «показаны» «всему народу» и извѣстны каждому «впередъ **)» Къ политическому устройству страны Драконъ и не прикасался и Аристотель не находитъ въ его постановленіяхъ ничего замѣчательнаго, кромѣ крайней строгости ***) налагаемыхъ ими наказаній:

---

*) Аристот. Polit. II. 9. 9; Демосѳ. cont. Energ. и Mnesib (гл. 18). Андокид. De Mysteriis. Поллуксъ VIII. 106; Стобеусъ De Republ. XCIII; Демосѳ. cont. Makartat гл. 13.

**) Плутарха Солонъ гл. 19. Поэмы Солона.

***) Аристот. Полит. II. 9. 9; Ритор. II. 25. 1; Авла Гелл. N. A. 11. 18; Павзан. IX. 36. 4; Плутар. Солонъ гл. 19; Поллуксъ VIII. 42; Тэйлоръ Lect. Lysiacae гл. 10; Kuhn ad Aelian. V. H. VIII. 10; Порфирій De Abstinentia IV. 22.

такъ напримѣръ мелкія кражи и даже праздная жизнь наказывались смертью или лишеніемъ правъ гражданства.

Мы не должны однако же принимать это замѣчаніе за доказательство особенной жестокости въ характерѣ Дракона, который вовсе не былъ облеченъ такою властью, какая въ послѣдствіи ввѣрена Солону; очевидно нельзя допустить, чтобы онъ вздумалъ подчинить своихъ согражданъ такимъ строгимъ законамъ своего собственнаго вымысла. Конечно, будучи евпатридомъ, онъ изложилъ на письмѣ тѣ постановленія, которыя до тѣхъ поръ приводились въ дѣйствіе архонтами изъ евпатридовъ, во всѣхъ представлявшихся имъ частныхъ случаяхъ, безъ письменнаго изложенія. Но общій духъ уголовнаго законодательства на столько смягчился въ продолженіи двухъ послѣдующихъ вѣковъ, что эти старыя постановленія представлялись Аристотелю невыносимо тяжкими. Вѣроятно ни Драконъ, ни Локріянинъ Залевкъ, нѣсколько предшествовавшій ему во времени, не были строже, чѣмъ того требовало общественное мнѣніе: дѣйствительно, немногіе отрывки Драконовыхъ таблицъ, которые дошли до насъ, не только не доказываютъ безразличной жестокости, но даже въ первый разъ вводятъ въ аѳинское законодательство нѣкоторыя смягчающія различія относительно убійства *), основанныя на разнообразіи сопровождавшихъ его обстоятельствъ. Утверждаютъ, что Драконъ установилъ судъ Эфетовъ, которые, въ числѣ пятидесяти одного, избирались изъ старцевъ, принадлежащихъ къ какому нибудь уважаемому роду или вообще пользующихся высокимъ положеніемъ въ обществѣ; смотря по роду представлявшихся имъ случаевъ, засѣданія эфетовъ для суда надъ убійцами происходили въ различныхъ мѣстахъ. Если обвиненный, не отрицая самаго факта, доказывалъ, что онъ не имѣлъ преступнаго намѣренія, и что убійство совершено случайно, то судъ производился на мѣстѣ, называемомъ Палладіонъ; въ случаѣ подтвержденія такого показанія, виновный приговаривался къ временному изгнанію, если ему не удавалось умилостивить сродниковъ убитаго, но собственность его оставалась неприкосновенною. Если напротивъ, признаваясь въ самомъ фактѣ, обвиненный оправдывался какою нибудь важною причиною невмѣненія, какъ-то необходимостью самозащищенія или откры-

*) Павзан. IX. 36. 4. Ср. Демосѳ. cont. Aristokrat. стр. 637, и Лизія De Caede Eratosthen. стр. 31.

тіемъ на самомъ дѣлѣ прелюбодѣянія убитаго съ его женою, то судъ собирался на мѣстѣ, посвященномъ Апполону и Артемидѣ, называемомъ Дельфиніонъ. Особое мѣсто на морскомъ берегу, Фреаттисъ, было назначено для суда надъ лицами, которыя, будучи присуждены къ изгнанію за случайное убійство, подвергались обвиненію въ новомъ преступленіи, конечно совершенномъ въ предѣлахъ Аттики; такъ какъ они уже считались нечистыми въ силу прежняго опредѣленія, то имъ не позволяли ступить на отечественную землю, а держали ихъ во все время суда на лодкѣ, причаленной къ берегу. Въ пританеіонѣ — главномъ зданіи правительства — четыре сановника, носившіе титулъ царей филъ, производили судъ надъ неодушевленными предметами — кусками дерева, камнями, и т. д., которые причинили кому-либо смерть, безъ доказаннаго участія человѣческой руки: если фактъ подтверждался, то предметъ деревянный или каменный, съ извѣстными формальностями, перебрасывался черезъ границу Аттики *). Всѣ эти различія конечно предполагаютъ предварительное изслѣдованіе дѣла, называвшееся anakrisis, царемъ-архонтомъ;—изслѣдованіе было необходимо для опредѣленія характера дѣла и назначенія мѣста, гдѣ должно было происходить засѣданіе эфетовъ. Такъ тѣсно были разные виды суда надъ убійцами соединены съ религіознымъ чувствомъ Аѳинянъ, что эти древнія постановленія не были формально уничтожены въ продолженіе всего историческаго періода и, написанныя на особой колоннѣ, читались даже современниками Демосѳена **). Ареопагъ продолжалъ свою судебную дѣятельность, и судъ эфетовъ также повидимому существовалъ еще во времена Демосѳена; хотя кругъ дѣйствій этихъ учрежденій былъ отчасти стѣсненъ и значеніе ихъ уменьшено ***) болѣе популярными дикастеріями, которыя были образованы впослѣдствіи. Такимъ образомъ эти учрежде-

*) Гарпократіонъ VV. Ἐφέται, Ἐπὶ Δελφινίῳ, Ἐπὶ Παλλαδίῳ, Ἐν Φρεαττοῦ; Поллуксъ VIII. 119, 124, 125; Фотій V Ἐφέται; Гезихій Ἐξ Φρέατου; Демосѳ. cont. Aristokrat. гл. 15 — 18; cont. Makartat. гл. 13; Арист. Полит. IV. 13. 2. Matthiae: De Judiciis Atheniens; Schömann: Antiq. Jur. Pub. Att. sect. 61 стр 283; Platner: Process und Klagen bei den Attikern T. I гл. 1; E. W. Weber: Comment. ad Demosth. cont. Aristokrat. 627—641. Meier und Schömann Attisch. Process стр. 14 — 19.

**) Демосѳ. cont. Energ. et Mnesib.

***) Демосѳ. cont. Aristokrat.; cont. Makartat.; Aeschin. cont. Ktesiphon. Antiph. de Caede Herodis гл. 14; Isocrat. cont. Kallimachum Or. XVIII; Demosth. cont. Neaer; Поллуксъ VIII. 125.

нія сдѣлались намъ извѣстны, между тѣмъ какъ слѣды прочихъ установленій Драконовыхъ временъ изгладились: тѣмъ не менѣе въ понятіи нашемъ объ нихъ остается много неяснаго, и въ особенности неясно отношеніе, существовавшее между эфетами и ареопагитами. Дѣйствительно — такъ мало было извѣстно объ этомъ предметѣ даже аѳинскимъ историкамъ, что многіе изъ нихъ полагали, будто бы совѣтъ Ареопага началомъ своимъ обязанъ Солону: и даже Аристотель, хотя онъ и оспариваетъ это мнѣніе, выражается весьма неопредѣленно *). Что до временъ Дракона дѣла объ убійствѣ рѣшались судьями, которые собирались на горѣ, посвященной Аресу (Ареопагъ), явствуетъ повидимому изъ распоряженій этого законодателя относительно эфетовъ, такъ какъ онъ не постановляетъ ничего новаго о судѣ по дѣламъ объ уменьшенномъ убійствѣ, которыя, по всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, подлежали разсмотрѣнію Ареопага; но были ли эфеты и ареопагиты одни и тѣ же лица, и если тѣ же, то всѣ или отчасти — мы рѣшить не можемъ. До Дракона не было никакого судебнаго мѣста, могущаго судить убійства, кромѣ совѣта, засѣдающаго на Ареопагѣ, и мы можемъ догадываться, что существовало нѣчто, связанное съ этою мѣстностью, — легенда, обрядъ или особое религіозное чувство — что заставляло судей, тамъ засѣдающихъ, осуждать всякаго совершившаго убійство, и запрещало имъ принимать во вниманіе оправдывающія его или уменьшающія вину обстоятельсва **) Драконъ назначилъ эфетамъ для засѣданій разныя мѣста, и эти мѣста такъ положительно указаны и назначенія такъ неизмѣнно соблюдались, что мы ясно видимъ, какъ разные виды суда надъ убійствами, совершенными въ различныхъ обстоятельствахъ, въ мнѣніи Аѳинянъ, были связаны съ каждою изъ вновь указанныхъ священныхъ мѣстностей***), и потому для каждой былъ особый порядокъ, установленный самими богами. Что религіозныя чувства Грековъ были весьма тѣсно связаны съ нѣкоторыми мѣстностями было уже неоднократно замѣчено, и Драконъ долженъ былъ примѣниться къ этимъ чувствамъ, чтобы устранить чрезмѣрную строгость въ сужденіи разнообразныхъ случаевъ убійства, которая была неизбѣжна, пока единственнымъ мѣстомъ суда оставался Ареопагъ. Судьи, засѣдающіе на Аресовомъ (Мар-

---

*) Плутарха Солонъ гл. 19. Aristot. Polit. II. 9. 2.

**) Платона Legg. XII p. 941; IX pp. 865—873.

***) Ср. Тита Ливія V. 521.

совомъ) холмѣ не могли ни оправдать человѣка, признавшагося или вполнѣ обличеннаго въ умерщвленіи другаго, ни осудить его иначе, какъ на высшую мѣру наказанія (смерть или вѣчное изгнаніе съ конфискованіемъ всей его собственности), какія бы онъ ни представлялъ оправданія: но когда мѣстомъ засѣданія былъ Дельфиніонъ или Палладіонъ, то судьи могли, не нарушая религіозныхъ убѣжденій общества, выслушивать виновника и принимать его объясненія. Что касается до судей, засѣдающихъ на Ареопагѣ, то Драконъ не только не касался до дѣятельности ихъ, но даже объ нихъ вовсе не упоминалъ.

И такъ, относительно убійства, драконовы законоположенія были частью дополненіемъ слишкомъ узкаго взгляда, частью смягченіемъ чрезмѣрной жестокости, выражавшихся въ прежнихъ правилахъ, и только эти положенія дошли до насъ, такъ какъ они остались неизмѣнными, вслѣдствіе религіознаго уваженія Аѳинянъ къ древнему законодательству вообще и въ особенности объ этомъ предметѣ. Объ остальныхъ его постановленіяхъ историки говорятъ, что они были отмѣнены Солономъ, какъ проникнутыя невыносимою строгостью. Такими они дѣйствительно могли казаться Аѳинянамъ позднѣйшихъ временъ, которые уже измѣряли преступленія и проступки совершенно другимъ мѣриломъ, и даже Солону, который долженъ былъ утишить волненіе народа, дошедшее до открытаго возмущенія.

Въ томъ, что при такой олигархической власти евпатридовъ и при столь строгомъ законодательствѣ, положеніе аѳинскаго народа было весьма жалкое, мы скоро убѣдимся, когда будемъ разсматривать дѣятельность Солона: но время демократіи еще не пришло и правительству евпатридовъ суждено была получить первый ударъ отъ руки честолюбца изъ нихъ же сословія, — домогавшагося деспотической власти. Это фазисъ, чрезъ который, какъ было замѣчено выше, прошла большая часть греческихъ правительствъ, въ теченіи изучаемаго нами вѣка...

Законодательство и конституція Солона.

Мы теперь дошли до новой эры въ исторіи Греціи, — до перваго, извѣстнаго намъ примѣра истинной, безкорыстно предпринятой и совершенной правительственной реформы, положившей притомъ первое основаніе тому величественному зданію

которое въ послѣдствіи стало для всей Греціи идеаломъ развитія демократіи. Архонтство евпатрида Солона должно быть отнесено къ 594 г. до Р. Хр., тридцатью годами позже Дракона и около восемнадцати лѣтъ послѣ килонова заговора — предполагая, что послѣдній правильно относятъ къ 612 г. до Р. Хр.

Біографіи Солона, написанныя Плутархомъ и Діогеномъ, служатъ намъ главными источниками свѣдѣній объ этомъ достопамятномъ мужѣ; выражая нашу благодарность за то, что они намъ сообщаютъ, невозможно удержаться отъ сожалѣнія о томъ, что они не сообщили намъ больше. Плутархъ конечно имѣлъ въ рукахъ и поэмы и законы Солона въ оригиналѣ, и немногія выписки, предлагаемыя имъ изъ тѣхъ и другихъ, составляютъ главное достоинство его біографіи; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что пользуясь столь драгоцѣнными матеріалами онъ долженъ бы былъ доставить намъ несравненно полнѣйшую сумму свѣдѣній, чѣмъ та, которую мы у него находимъ. Едва ли есть что нибудь въ числѣ потерянныхъ для насъ сокровищъ греческаго ума, о чемъ бы слѣдовало сожалѣть болѣе, чѣмъ о поэмахъ Солона; такъ какъ мы по сохранившимся отрывкамъ изъ нихъ видимъ, что онѣ заключали въ себѣ очерки гражданскихъ явленій, которыя окружали его и которыя онъ долженъ былъ тщательно изучать — вмѣстѣ съ выраженіемъ его собственныхъ чувствъ при исполненіи того важнаго и многотруднаго дѣла, которое было ему поручено довѣріемъ согражданъ.

Солонъ былъ евпатридъ съ посредственнымъ состояніемъ, *) но самой чистой, героической крови, принадлежащій къ фамиліи или роду Кодридовъ и Нелеидовъ и ведущій свое происхожденіе отъ бога Посейдона (Нептуна). Повѣствуетъ, что отецъ его разстроилъ состояніе свое расточительностью, вслѣдствіи чего Солонъ былъ вынужденъ въ молодости заняться торговлею, по дѣламъ которой онъ и посѣтилъ многія страны Греціи и Азіи. Эти путешествія дали ему возможность расширить кругъ своихъ наблюденій и пріобрѣсти матеріалы какъ для собственнаго размышленія, такъ и для литературныхъ трудовъ: его дарованіе, какъ поэта, проявилось въ весьма раннемъ возрастѣ, сначала въ легкихъ, а потомъ въ болѣе серьезныхъ произведеніяхъ. Не должно забывать, что прозаической письменности у Грековъ въ то время еще вовсе не существовало, и что результаты знаній, равно

---

*) Плутарха Солонъ I; Діог. Лаэр. III. I; Аристот. Polit. IV. 9. 10.

какъ и выраженія чувствъ даровитаго человѣка, даже въ простѣйшей формѣ ихъ, должны были выражаться но въ логически построенныхъ силлогизмахъ и періодахъ, но въ мѣрной, стихотворной рѣчи — въ гекзаметрѣ и пентаметрѣ: дѣйствительно стихотворенія Солона, по характеру ихъ, назначены единственно къ тому, чтобы произвести то впечатлѣніе, которое мы обыкновенно соединяемъ съ трогательнымъ, горячо-прочувствованнымъ поученіемъ въ прозѣ. Совѣты и наставленія, съ которыми онъ обращался къ своимъ соотечественникамъ, *) были выражены въ этомъ вольномъ размѣрѣ, составлявшемъ форму безъ всякаго сомнѣнія несравненно легчайшую, чѣмъ тщательно выработанная проза позднѣйшихъ писателей и ораторовъ, какъ-то Ѳукидида, Изократа и Демосѳена. Его поэмы доставили ему извѣстность во многихъ странахъ Греціи, и скоро общественное мнѣніе поставило его на ряду съ Талесомъ Милетскимъ, Біантомъ изъ Пріэны, Питтакомъ Митиленскимъ, Періандромъ Коринѳскимъ, Клеобуломъ изъ Линдоса и Хейлономъ Лакедемонскимъ, которые вмѣстѣ съ нимъ составляютъ созвѣздіе дарованій, извѣстное подъ именемъ семи мудрецовъ Греціи...

По поводу Солонова законодательства, древніе историки сообщаютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, къ сожалѣнію весьма поверхностныя и отрывочныя, о предшествовавшемъ состояніи Аттики и жителей ея. Это состояніе представляетъ собою печальную и отталкивающую картину — бѣдственное соединіе политическихъ раздоровъ съ частными страданіями.

Жестокія распри преобладали между жителями Аттики, которые были раздѣлены на три партіи: педіэевъ или жителей равнины, заключающей въ себѣ Аѳины, Элевзисъ и окружающую ихъ мѣстность, къ числу которыхъ принадлежала большая часть богатыхъ фамилій;—горцевъ на востокѣ и сѣверѣ Аттики, которые назывались діакрями и вообще составляли самую бѣдную частъ населенія;—и наконецъ паралiевъ въ южной части Аттики, выдающейся въ море, которыхъ средства и общественное положеніе занимали середину между двумя предъидущими партіями. **) Что именно составляло предметъ этихъ междоусобныхъ распрей намъ положительно неизвѣстно. Мы знаемъ только, что эти распри не принадлежали исключительно временамъ, непосредствен-

---

*) Плутарха Солонъ V.

**) Плутарха Солонъ гл. 13.

но предшествовавшимъ архонтству Солона. Онѣ происходили и прежде и вновь появляются въ послѣдствіи, передъ владычествомъ Пизистрата, который выступилъ на политическое поприще какъ предводитель діакріевъ и защитникъ — истинный или лицемѣрный — бѣднѣйшаго класса гражданъ.

Но во времена Солона къ этимъ междоусобнымъ распрямъ присоединилось другое явленіе, съ которымъ было гораздо труднѣе совладать — общее озлобленіе бѣднѣйшихъ гражданъ противъ богатыхъ, вызванное нуждою и угнетеніемъ. Тэты, которые уже были упомянуты въ поэмахъ Гомера и Гезіода, теперь представляются намъ образующими большинство населенія Аттики — сословіе замледѣльцевъ, фермеровъ и мелкихъ собственниковъ края. Всѣ они, по словамъ историковъ, находились въ тяжкой зависимости отъ высшихъ сословій и въ значительномъ числѣ были обращаемы изъ свободнаго состоянія въ рабство.—Все сословіе ихъ было въ долгу у богатыхъ, которые владѣли большею частью земель. *) Нѣкоторые долги образовались тѣмъ, что бѣдные тэты дѣлали займы на свои собственные нужды, а другіе — тѣмъ, что они обработывали земли богатыхъ владѣльцевъ въ качествѣ фермеровъ, за условленную плату произведеніями, и допускали накопленіе значительныхъ недоимокъ.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ выражались вредныя послѣдствія тяжкаго закона древности о договорѣ займа,—нѣкогда преобладавшаго въ Греціи, Италіи, Азіи и почти во всемъ мірѣ — совокупно съ признаніемъ, въ качествѣ законныхъ явленій рабства и права одного человѣка себя продать, а другаго — купить его. Каждый должникъ, немогущій исполнить принятаго имъ обязательства, могъ быть по суду отданъ въ рабство своему кредитору до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ средствъ расплатиться или заработать долгъ; и нетолько онъ самъ могъ подвергнуться такой участи, но и малолѣтные сыновья и незамужнія дочери или сестры его, которыхъ онъ при томъ имѣлъ право продавать и отдѣльно. Такимъ образомъ бѣдный человѣкъ — переводя буквально греческое выраженіе — занималъ подъ залогъ своего собственнаго тѣла и тѣлъ прочихъ членовъ своего семейства, и такъ строго прилагались эти тяжкіе договоры, что многіе должники были обращены изъ свободнаго состоянія въ рабство въ самой Аттикѣ, многіе дру-

*) Плутар. Солонъ, 13; Гезихій V; Поллуксъ VII. 151; Діонис. Галикар. А. R. II 9.

гіе проданы чужестранцамъ, а нѣкоторые сохранили свою личную свободу продажею дѣтей. *) Сверхъ того большая часть мелкихъ участковъ поземельной собственности была въ залогѣ, что обозначалось, по обычной въ законахъ Аттики формальности, каменнымъ столбомъ, поставленнымъ на землѣ съ надписью, заключающею въ себѣ имя заимодавца и сумму долга. Владѣльцамъ этихъ заложенныхъ земель, въ случаѣ неблагопріятнаго оборота дѣлъ, не предстояло другаго исхода кромѣ вѣчнаго рабства для нихъ самихъ и ихъ семействъ въ отчизнѣ, которая должна была потерять всю свою привлекательность, или въ какой нибудь варварской странѣ, гдѣ слуха ихъ никогда не коснулась бы аттическая рѣчь. Многіе бѣжали изъ Аттики, чтобы избѣгнуть угрожавшаго имъ обращенія въ рабство и заработывали жалкое пропитаніе въ другихъ краяхъ самыми унизительными занятіями: нѣкоторымъ также эта грустная доля доставалась вслѣдствіе несправедливаго приговора подкупленныхъ судей: вообще дѣйствія богатыхъ относительно, какъ относительно суммъ религіознаго и гражданскаго назначенія, такъ и въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ, отличались величайшею безнравственностью и хищничествомъ.

Всестороннее и продолжительное угнетеніе, которому подвергались бѣдные при этомъ образѣ правленія, повергло ихъ въ состояніе столь-же невыносимаго униженія, какъ-то, до котораго доведены были плебеи Галліи. Притѣсненія, совершаемыя богатыми, которые тогда имѣли въ своихъ рукахъ всю политическую власть, составляютъ фактъ, подтверждаемый даже поэмами Солона, въ немногихъ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ: **) непосредственно передъ его архонтствомъ, зло повидимому достигло до такой степени, и рѣшимость всей массы угнетенныхъ исторгнуть у правительства хотя какое нибудь улучшеніе своей участи, была такъ сильна, что приведеніе въ дѣйствіе существовавшихъ законовъ стало невозможнымъ. Согласно съ глубокимъ замѣчаніемъ Аристотеля — что революція зарождается отъ великихъ причинъ, но вспыхиваетъ отъ ничтожныхъ поводовъ,***) — мы можемъ предположить, что какіе нибудь недавніе случаи въ родѣ событій, придающихъ такъ много интереса лѣтописямъ первыхъ временъ Рима, непосредственно вызвали возстаніе долж-

---

*) Ср. Тацита Annal. IV. 72; Zosimus II. 38; Libanius т. II стр. 427.
**) См. Солона отрыв. περὶ τῆς Ἀθηναίων N. 2: Schneidewin
***) Аристот. Полит.

ииковъ — и замѣнили собою искру, отъ которой вспыхиваетъ давно наложенный порохомъ подкопъ. Можетъ быть случаи присужденія къ рабству архонтами несостоятельныхъ должниковъ стали особенно многочисленными, или жестокость, оказанная къ какому нибудь должнику, бывшему въ свободномъ состояніи уважаемымъ гражданиномъ, особенно возбудило сочувствіе народа— подобно тому, какъ въ Римѣ старый центуріонъ плебей *), который сперва былъ раззоренъ нашествіемъ непріятеля, затѣмъ вынужденъ занимать и наконецъ, по несостоятельности, отданъ въ рабство своему кредитору, — прося среди форума защиты у народа и показывая на своемъ тѣлѣ знаки, употребляемаго для наказанія рабовъ бича, довелъ плебеевъ до высшей степени ожесточенія и произвелъ открытое возстаніе. Вѣроятно случилось какое нибудь событіе такого же рода, хотя мы не имѣемъ историка, который бы намъ объ немъ расказалъ; сверхъ того не безъ основанія можно предположить, что нравственно болѣзненное состояніе, **) въ которое впалъ народъ, и для прекращенія котораго призванъ былъ очиститель Эпименидъ,—происходя частью отъ моровой язвы, имѣло также въ числѣ своихъ причинъ продолжавшійся нѣсколько лѣтъ неурожай, который долженъ былъ естественно усилить нищету земледѣльческаго класса. Какъ-бы то ни было, но около 594 г. до Р. Хр., вслѣдствіе возстанія бѣднѣйщихъ свободныхъ людей и тэтовъ, равно какъ и волненій, проявившихся въ среднемъ сословіи гражданъ, дѣла пришли въ такое положеніе, что управлявшіе Аѳинами олигархи, не видя возможности ни взыскать съ должниковъ своихъ занятыя ими суммы, ни удержать свою политическую власть, вынуждены были прибѣгнуть къ извѣстной всѣмъ мудрости и безпристрастію Солона. Хотя въ его поэмахъ и выражался энергическій протестъ противъ несправедливости всей существующей организаціи общества — который безъ сомнѣнія долженъ былъ пріобрѣсти ему расположеніе народа, — тѣмъ не менѣе олигархи надѣялись, что онъ будетъ на ихъ сторонѣ и поможетъ имъ преодолѣть настоящія затрудненія; вслѣдствіе того они избрали его

*) Ливія II. 23; Діон. Галик. А. В. VI 26; ср. Ливія VI. 34—36.

**) Уныніе, доходящее до совершеннаго отчаянія. Высшая степень этого отчаянія проявилась тогда, когда народъ представилъ себѣ, что истребленіе приверженцевъ Килона, которые искали убѣжища у алтаря Евменидъ, окончательно лишило его заступничества боговъ.

Примѣч. Перев.

какъ будто бы только въ архонты, вмѣстѣ съ Клеомбротомъ, но въ существѣ предоставили ему власть диктатора.

Случалось въ разныхъ греческихъ государствахъ, что правительствующія олигархіи, или вслѣдствіе распрей между самими членами ихъ или отъ несчастнаго положенія, до котораго народъ доходилъ подъ ихъ, управленіемъ лишались того значенія въ глазахъ общества, которое было необходимо для сохраненія ихъ власти. Иногда. какъ произошло съ Питтакомъ Митиленскимъ, еще ранѣе архонтства Солона, и какъ бывало часто при смутахъ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ, столкновеніе противоборствующихъ силъ дѣлало состояніе общества невыносимымъ, и вынуждало всѣ партіи согласиться на избраніе диктатора—-преобразователя. Впрочемъ обыкновенно, въ раннихъ олигархіяхъ Греціи, этотъ послѣдній кризисъ предупреждался какимъ нибудь честолюбцемъ, который пользовался общественнымъ недовольствомъ, чтобы низвергнуть олигархію и присвоить себѣ деспотическую власть; точно также вѣроятно случилось бы и въ Аѳинахъ, если бы недавняя неудача Килона и страшная гибель его не устрашали желающихъ послѣдовать его примѣру. Любопытно прочесть то мѣсто въ сочиненіяхъ Солона, гдѣ онъ самъ говоритъ какъ большая часть согражданъ смотрѣла на его назначеніе, и прежде всѣхъ — его близкіе и друзья. Мы не должны забывать, что въ эти отдаленныя времена, на сколько намъ извѣстно, демократическаго образа правленія еще не знали въ Греціи—всѣ правительства были или деспотическія или олигархическія, и большинство свободныхъ людей еще не знало конституціонныхъ учрежденій. Собственные друзья Солона первые убѣждали его воспользоваться случаемъ, чтобы, устраняя причины преобладающаго недовольства, умножить число своихъ приверженцевъ и овладѣть верховною властью: они даже называли его безумнымъ за то, что онъ отказывался «вытащить сѣти. когда рыба уже запуталась въ нихъ» *) Масса народа, доведенная до отчаянія своимъ положеніемъ, съ радостью бы стала помогать ему въ такомъ предпріятіи, и даже многіе изъ олигарховъ согласились бы на принятіе имъ верховной власти, изъ опасенія подвергнуться чему нибудь худшему, если они будутъ ему противиться. Что Солонъ

---

*) См. Плутарха Солонъ, 14; и преимущественно трохическіе тетраметры Солона, въ которыхъ онъ обращается къ Фоку, Frag 24—26 Schneidewin.

могъ бы весьма легко сдѣлаться деспотомъ, въ этомъ нѣтъ никакаго сомнѣнія; и хотя положеніе греческаго деспота было всегда довольно опасно, но ему было бы легче удержаться въ немъ, нежели послѣдовавшему за нимъ Пизистрату, такъ, что только соединеніе осторожности съ добродѣтелью, составляющее главную черту его возвышеннаго нравственнаго характера, заставило его ограничиться исполненіемъ ввѣреннаго ему дѣла. Къ удивленію всѣхъ, и къ явному неудовольствію своихъ друзей, среди жалобъ, слышавшихся, по собственнымъ его словамъ, отъ всѣхъ самыхъ противоположныхъ партій, которыя требовали отъ него мѣръ, гибельныхъ для общественнаго благоустройства*), — онъ приступилъ къ честному и безпристрастному разрѣшенію возложенной на него трудной и важной задачи.

Изъ всѣхъ золъ, наиболѣе требующимъ исправленія было положеніе бѣднѣйшаго класса должниковъ, и къ облегченію ихъ была направлена первая изъ мѣръ, принятыхъ Солономъ—достопамятная сейсахтія или сложеніе бремени. Доставляемое ею освобожденіе было полное и совершилось немедленно. Съ изданіемъ сейсахтіи потеряли силу всѣ договоры займа, по которымъ должникъ представлялъ въ залогъ свою личность или свой участокъ земли, и запрещены всѣ будущіе займы подъ залогъ собственной личности. Сверхъ того сейсахтіею навсегда уничтожено право кредитора заключать въ темницу и обращать въ рабство должника, или заставлять его работать, и предоставлено ему только просить судебнагоприговора о секвестрованіи имущества должника. Тѣмъ же распоряженіемъ уничтожено безчисленное множество столбовъ для означенія залога, которыми была усѣяна вся Аттика, и поземельная собственность освобождена отъ всѣхъ притязаній прежняго времени. Всѣ должники, обращенные въ рабство по прежнимъ судебнымъ приговорамъ, освобождены и возстановлены въ званіи полноправныхъ гражданъ; даже изысканы были средства—какія именно мы не знаемъ, для выкупа и возвращенія въ Аттику несостоятельныхъ должниковъ, проданныхъ въ рабство въ другія страны**). Въ тоже время какъ Солонъ запрещалъ каждому Аѳинянину закладывать самаго себя или продавать себя въ рабство, онъ сдѣлалъ

*) Аристида. Περὶ του Παραφθέγματας II. стр. 397 и Отр. 29 (изд. Шнейд.) Ямбовъ Солона.

**) См. отр. изъ Ямбова Солона, сохранившійся у Плутарха и Аристида; ср Платона Ledd. V. стр. 740—741 и Плутарха, Солонъ гл. 15.

еще шагъ въ томъ же направленіи, запретивъ также гражданамъ продавать сыновей, дочерей и находящихся подъ опекою ихъ несовершеннолѣтнихъ сестеръ—за исключеніемъ того случая, когда которая нибудь изъ послѣднихъ оказывалась виновною въ нарушеніи цѣломудрія. *) Было ли это послѣднее распоряженіе современно сейсахтіи или сдѣлано потомъ, при одной изъ послѣдующихъ реформъ, неизвѣстно.

Вслѣдствіе этой общей мѣры, бѣдные должники—тэты, фермеры и мелкіе собственники—избавились отъ всѣхъ прежнихъ бѣдствій и опасностей. Но они были не единственные должники въ государствѣ: кредиторы и владѣльцы освобожденныхъ отъ долга тэтовъ въ свою очередь были должны другимъ, и также не имѣли возможности исполнить свои обязательства, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими отъ сейсахтіи. Чтобы помочь этимъ болѣе достаточнымъ должникамъ, которые впрочемъ не подвергались личной опасности, — не освобождая ихъ однакоже совершенно — Солонъ употребилъ какъ добавочное средство пониженіе денежной единицы; онъ уменьшилъ вѣсъ каждой драхмы нѣсколько болѣе чѣмъ на двадцать процентовъ, такъ что въ ста драхмахъ новаго образца было не болѣе серебра, чѣмъ въ семидесяти трехъ прежнихъ—иначе сказать сто драхмъ прежняго образца равнялись сто тридцати восьми новымъ. Вслѣдствіе этой перемѣны, кредиторы болѣе достаточныхъ лицъ должны были понести потерю, а должники получить облегченіе въ уплатѣ—примѣрно на двадцать семь процентовъ съ капитальной суммы.

Наконецъ Солонъ постановилъ чтобы всѣмъ, осужденнымъ архонтами на атимію (лишеніе правъ гражданства), были возвращены прежнія права—за исключеніемъ тѣхъ, которые были осуждены эфетами или Ареопагомъ или царями филъ (phylobasileis), засѣдающими въ пританеіонѣ — за убійство или измѣну **). Такая общая амнистія даетъ намъ сильный поводъ предполагать, что предшествовавшіе приговоры архонтовъ были большею частью невыносимо жестоки, при чемъ не должно забывать, что въ то время постановленія Дракона были еще въ полной силѣ.

---

*) Плутар. Солонъ гл. 23—ср. гл. 13. Пиррона Hypoth. III. 24. 211; Діон. Галик. А. Т. II. 25.

**) Плутарха Солонъ гл. 19. Діодора XVII., 109; XVIII, 8—46.

Таковы были мѣры облегченія, посредствомъ которыхъ Солонъ старался утишить проявившееся въ обществѣ недовольство. Легко понять, что богатые люди и лица, пользовавшіеся властью, энергически обличаемые въ поэмахъ Солона за надменность и несправедливость и совершенно обманувшіеся въ тѣхъ ожиданіяхъ, съ которыми они его избрали, *) должны были сильно возмущаться противъ новаго порядка вещей, лишавшаго ихъ, безъ всякаго вознагражденія, столь многихъ прежнихъ преимуществъ. Но показаніе Плутарха о томъ, что бѣдные, освободившись отъ долговъ, тѣмъ не менѣе остались недовольны, такъ какъ они надѣялись, что Солонъ не удовольствуется этимъ, но произведетъ передѣлъ всей поземельной собственности, совершенно невѣроятно и не подтверждается ни однимъ выраженіемъ въ сохранившихся поэмахъ Солона. **) Плутархъ представляетъ бѣдныхъ должниковъ имѣвшими въ виду примѣръ Ликурга и равенство собственности въ Спартѣ, которое однакоже, по болѣе достовѣрнымъ извѣстіемъ, никогда не существовало; если бы даже это равенство когда нибудь существовало, то оно, какъ явленіе давно минувшихъ временъ, не могло бы дѣйствовать на умы большинства жителей Аттики такъ сильно, какъ предполагаетъ біографъ. Сейсахтія должна была раздражить весьма многихъ и значительно уменьшить множество состояній, но всему сословію тэтовъ и мелкихъ собственниковъ она дала все то, чего только они могли надѣяться. Историки повѣствуютъ, что черезъ нѣсколько времени сейсахтія получила даже и всеобщее одобреніе, и доставила Солону значительное увеличеніе популярности: всѣ сословія соединились для принесенія общей жертвы въ знакъ своей благодарности и согласія.***) При этомъ однакоже произошло событіе, которое возбудило взрывъ всеобщаго негодованія. Трое изъ богатыхъ друзей Солона—люди, принадлежащіе къ первымъ фамиліямъ въ государствѣ и носящіе имена, которы, сохраняясь въ потомствѣ ихъ, не разъ встрѣчаются въ продолженіе исторіи Греціи,—Кононъ, Клейніасъ и Гиппоникъ, преждевременно услышавъ отъ Солона нѣкоторые намеки на его намѣренія, воспользовались этимъ, чтобы занять денегъ у кого только было возможно и накупить земель; такое эгоистическое нарушеніе довѣрія могло бы бросить тѣнь на самаго Солона, еслибы не было извѣстно, что онъ лично много

*) Плутарха Солонъ гл. 15.

**) Плутархa Солонъ гл. 16.

***) Плутарха l. c. ἐφίσαν τε κυινῃ, σΣειάχθεαν ιτην θυσίαν ὀνομάζοντες ect.

потерялъ, такъ какъ у него было роздано денегъ въ долгъ до пяти талантовъ. Весьма важно было бы для насъ узнать изъ какого источника Плутархъ почерпнулъ этотъ анекдотъ, который едва ли могъ быть упомянутъ въ поэмахъ Солона. **)

Что касается до самой мѣры, названной сейсахтіею, то, хотя поэмы Солона составляли источникъ доступный для всѣхъ, но древніе писатели говорятъ весьма различно, какъ о характерѣ такъ и о предѣлахъ ея. Многіе видятъ въ ней всеобщее уничтоженіе всѣхъ денежныхъ договоровъ, между тѣмъ какъ Андротіонъ и нѣкоторые другіе полагаютъ, что ею только пониженъ причитающійся по долгамъ ростъ и уменьшена внутренняя цѣнность монеты на 27 процентовъ. Почему Андротіонъ держится такого мнѣнія мы не можемъ понять, такъ какъ сохранившіеся донынѣ отрывки изъ сочиненій Солона повидимому ясно опровергаютъ его, хотя съ другой стороны они не подтверждаютъ вполнѣ и противоположнаго мнѣнія, высказаннаго многими писателями—что всѣ денежные договоры безъ различія были уничтожены**)—и опровергаемаго между прочимъ тѣмъ, что если-бы дѣло было такъ, то Солону не было бы никакой надобности понижать цѣнность денегъ. Такое пониженіе доказываетъ, что были по крайней мѣрѣ нѣкоторые должники, которыхъ обязательства сохранили свою силу и которымъ онъ однакоже желалъ отчасти оказать пособіе. Въ поэмахъ его ясно говорится о трехъ моментахъ реформы: 1. о снятіи столбовъ, обозначающихъ залогъ, 2, объ освобожденіи поземельной собственности вообще отъ долговъ, 3, о покровительствѣ самимъ личностямъ тѣхъ должниковъ, которымъ угрожало порабощеніе, и объ освобожденіи и востановленіи уже порабощенныхъ въ гражданскихъ правахъ. Всѣ эти выраженія ясно указываютъ на тэтовъ и мелкихъ собственниковъ, которыхъ бѣдствіе составляли самую неотложную нужду государства и требовали немедленнаго и полнѣйшаго облегченія; такъ что предпринятое Солономъ сложеніе долговъ должно было быть распространено на столько, чтобы освободить ихъ отъ лежащаго на нихъ бремени, но не далѣе.

Одною изъ причинъ. произведшихъ эти различныя ошибоч-

---

*) Плутар, Reipub. Ger. Praec.

**) Плутар. Солонъ гл. 15, Діонис. Гал. V. 65, Теракл. Понт. Πολιτ. гл. 1; Діонъ Хризост, Or. XXXI стр. 331, Wachsmuth Hell. Alterth. V. 1; K. F Hermann, Gr. Staat. Altert, Платона Legg III.

ныя истолкованія распоряженій, сдѣланныхъ Солономъ для облегченія должниковъ, было повидимому чрезмѣрное уваженіе, внушенное писателямъ его личностью: Андротіонъ между древними и многіе замѣчательные изслѣдователи новѣйшихъ временъ стараются доказать, что онъ помогъ нуждающимся, не сдѣлавъ никакой несправедливости и не причинивъ никому потери. Но такое мнѣніе совершенно недопустимо: потеря, понесенная кредиторами отъ уничтоженія множества существовавшихъ договоровъ и отъ пониженія цѣнности монетной единицы составляетъ фактъ совершенно несомнѣнный. Сейсахтія Солона составляетъ мѣру конечно несправедливую потому, что ею уничтожены добровольно-заключенные договоры, но въ высшей степени спасительную по своимъ послѣдствіямъ, и оправдывается тѣмъ, что никакимъ другимъ средствомъ не могло быть сохранено правительственное единство Аѳинъ и облегчено несчастное положеніе большинства гражданъ. Мы должны принять въ соображеніе во первыхъ самую жестокость существовавшихъ договоровъ, по которымъ должникъ свободнаго состоанія со всѣмъ своимъ семействомъ присуждался къ рабству; затѣмъ глубокую ненависть, возбужденную этою системою отношеній во всей массѣ бѣдныхъ противъ судей и кредиторовъ. приводившихъ ее въ дѣйствіе— ненависть, которая перешла въ непреодолимое ожесточеніе, когда бѣдные граждане возстали всѣ за одно подъ впечатлѣніемъ общей опасности и рѣшились стоять другъ за друга до конца. Сверхъ того законъ, предоставляющій кредитору власть надъ самою личностью должника и допускающій обращеніе его въ рабство, неизбѣжно подаетъ поводъ къ такому роду займовъ, которые должны внушать намъ глубочайшее отвращеніе—когда деньги ссужаются человѣку съ убѣжденіемъ въ томъ, что онъ не будетъ имѣть средствъ возвратить ихъ, но съ тѣмъ расчетомъ, что цѣнность его, какъ раба, вознаградитъ потерю: такимъ образомъ величайшее несчастіе должника употребляется какъ средство для усиленія или обогащенія кредитора Между тѣмъ уваженіе наше къ праву договора, при хорошемъ законодательствѣ, основано на совершенно противоположномъ этому началѣ—на убѣжденіи въ томъ, что заключаемые договоры выгодны для обѣихъ договаривающихъ сторонъ, и что нарушеніе необходимаго для существованія ихъ довѣрія произвело бы величайшее разстройство во всѣмъ гражданскомъ обществѣ. Человѣкъ, питающій нынѣ самое глубокое уваженіе къ договорнымъ обязательствамъ, имѣлъ бы совершенно другой взглядъ, еслибы онъ былъ свидѣтелемъ

того, что происходило между заимодавцами и должниками при древнемъ до Солоновскомъ законодательствѣ. Олигархиу потребляли всевозможныя средства, чтобы удержать въ своей силѣ прежній законъ о заемныхъ обязательствахъ, со всѣми происходившими отъ него бѣдственными условіями, и единственно потому прибѣгнули къ помощи Солона, что оказалась невозможность долѣе приводить въ дѣйствіе этотъ законъ, вслѣдствіе проявившихся въ народѣ твердосги и единодушія. То, чего они не могли сдѣлать сами, не могъ бы сдѣлать для нихъ и Солонъ, еслибы даже онъ захотѣлъ. Удовлетворить или вознаградить кредиторовъ, изъ которыхъ конечно каждый ъъ отдѣльности былъ совершенно правъ и заслуживалъ удовлетворенія, Солонъ не имѣлъ никакихъ средствъ; слѣдуя за его распоряженіями мы даже видимъ, что онъ считалъ себя обязаннымъ вознаградить не кредиторовъ за понесенные убытки, а обращенныхъ въ рабство должниковъ за испытанныя ими страданія, — такъ какъ онъ многихъ изъ нихъ выкупилъ изъ рабства у чужестранцевъ и возвратилъ на родину. Достовѣрно, что никакая мѣра, простирающаяся исключительно на будущее время, не удовлетворила бы требованій минуты: настояла безусловная необходимость нарушить цѣлый разрядъ существовавшихъ дотолѣ правъ, которыми общество было доведено до такого опаснаго болѣзненнаго состоянія. Слѣдовательно, между тѣмъ какъ въ этомъ отношеніи сейсахтія конечно можетъ быть названа несправедливою мѣрою, мы однакоже имѣемъ право сказать съ достовѣрностью, что совершенная ею несправедливость была необходимою цѣною за сохраненіе мира въ обществѣ и за окончательное уничтоженіе безчеловѣчной системы взысканія за несостоятельность. *) Нравственное чувство и духъ законодательствъ всей современной намъ Европы запрещая строго всѣ договоры, которые клонились бы къ продажѣ въ рабство кѣмъ нибудь себя самаго или своихъ дѣтей, практически оправдываютъ совершенное Солономъ нарушеніе договоровъ.

Есть еще одно обстоятельство, относящеся къ Солоновой сейсахтіи, которое не должно быть ни въ какомъ случаѣ забыто, — эта мѣра окончательно разрѣшила вопросъ, къ которому она относилась. Никогда болѣе не увидимъ мы, чтобы законъ о взысканіи долговъ послужилъ поводомъ къ нарушенію общест-

---

*) Ср. Діон Галик. VI. 83. Обѣщанія Мененія Агриппы. Дръ Тирлуолль Истор. Грец. гл XI, Т. II.

веннаго спокойствія въ Аѳинахъ. Общественное мнѣніе, развившееся въ Аѳинахъ при Солоновомъ законодательствѣ и при демократическомъ образѣ правленія, отличалось глубочайшимъ уваженіемъ къ святости договоровъ. Въ аѳинской демократіи не только ни разу не проявлялось требованія новыхъ таблицъ, то есть вторичнаго пониженія монетной единицы, но даже внесено было въ торжественную клятву, приносимую ежегодно многочисленными дикастами, составляющими народное судилище геліею (они также назывались присяжными геліастами) формальное отреченіе отъ всякихъ предположеній такого рода Таже самая клятва, которою они обязывались поддерживать демократическую конституцію, обязывала ихъ также отвергать всякое предложеніе, клонящееся или къ сложенію долговъ или къ передѣлу земель*). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что при Солоновомъ законѣ, дозволяющемъ кредитору взять въ удовлетвореніе собственность должника, но не дающемъ первому никакой власти надъ личностью послѣдняго, вся система кредитныхъ сдѣлокъ получила другой, болѣе благотворный характеръ: безнравственные договоры прежняго времени, служившіе лишь сѣтями, въ которыхъ свободный, но бѣдный гражданинъ запутывался и терялъ свою свободу и свободу дѣтей, изчезли и замѣнились займами, производимыми по расчету собственности должника и предстоящихъ ему заработковъ, и служащими къ пользѣ обѣихъ сторонъ, почему они и сохранили навсегда свое значеніе въ нравственныхъ понятіяхъ народа. Такимъ образомъ, хотя Солонъ вынужденъ былъ уничтожить всѣ существовавшія въ его время закладныя на земли, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что въ продолженіи всего историческаго существованія Аѳиннъ, деньги свободно давались взаймы подъ такое же обезпеченіе, и что столбы, служащіе доказательствомъ залога, съ тѣхъ поръ оставались всегда неприкосновенными.

Въ понятіяхъ общества, только начинающаго развиваться — какъ было и въ первобытномъ законодательствѣ Рима — дѣлается обыкновенно важное различіе между капиталомъ долга и наростающими на него процентами, хотя заимодавцы и стара-

---

*) Демосѳ. cont. Timokrat.; Діонъ Хрисост. Or. XXXI. Heraldus, Animadv. ad Salmasium. стр. 174—286; Мейеръ и Шеманъ Der Attische Process, т. III гл. 2 стр. 497 и слѣд.: Plotner. Prozes. und Klagen т. II стр. 349—361; Демосѳ. cont. Nikostr. стр. 1,249; Діодоръ I. 79; Изокр. Or. XIV, Plataicus стр. 305, 414 Век.

ются слить то и другое въ одно неразрывное цѣлое. Если должникъ не можетъ исполнить своего обязательства относительно уплаты капитала, общество считаетъ его нанесшимъ кредитору убытокъ, за который онъ долженъ отвѣчать своею личностью; но въ отношеніи къ обязательству должника заплатить извѣстные проценты, такого единомыслія всего общества не сущесвуетъ: напротивъ того самое требованіе процентовъ представляется многимъ въ такомъ же свѣтѣ, въ какомъ англійское законодательство разсматриваетъ лихвенные проценты, то есть какъ обстоятельство, уничтожающее силу всей сдѣлки. Но въ сознаніи людей новѣйшихъ временъ капиталъ и интересъ, принимаемый въ извѣстныхъ предѣлахъ, до такой степени тѣсно слились, что мы едва можемъ понять какимъ образомъ могло когда либо считаться недостойнымъ честнаго гражданина отдавать деньги на проценты; тѣмъ не менѣе таково рѣшительное мнѣніе Аристотеля и другихъ первостепеннныхъ мыслителей древности, — между тѣмъ какъ Римлянинъ Катонъ Ценсоръ доходитъ до того, что даже называетъ это дѣйствіе ненавистнымъ злодѣяніемъ *). Оно было причисляемо философами къ худшимъ злоупотребленіямъ торговли — а уже всякая торговая выгода, или прибыль, пріобрѣтаемая посредствомъ мѣны, казалась имъ чѣмъ-то неестественнымъ, такъ какъ она получается однимъ человѣкомъ на счетъ другаго: всѣ подобные промыслы по ихъ мнѣнію не заслуживали одобренія, хотя и могли быть въ извѣстной степени терпимы, какъ необходимое зло, но естественно должны были исключительно принадлежать нисшему разряду гражданъ **). Относительно Греціи замѣчательно то, что отвращеніе къ лицамъ торгующимъ и дающимъ деньги въ ростъ, свойственное самому раннему періоду развитія общества, существовало дольше между философами, нежели въ массѣ народа — оно болѣе согласовалось съ общественными идеалами первыхъ, нежели съ практическими инстинктами послѣдняго.

Въ дикомъ состояніи народовъ, какимъ было состояніе древнихъ Германцевъ, описанное Тацитомъ, займы на проценты неизвѣстны: не заботясь вообще о будущемъ, Германцы любили дѣлать и получать подарки, вовсе не имѣя понятія о томъ, чтобы они этимъ налагали или принимали на себя обязательство***).

*) Арист. Polit. I, 4, 23; Цицер. de Officiis II. 25; Платона de Legg. V. стр. 742.

**) Аристот. Полит. I. 4. 23: Ethic. Nikm. IV. I. Плутар. de Vit. Aer. Al.

***) Тацита Germ. 26, 21.

При такомъ настроеніи народа, ссуда на проценты представляется уму его съ ненавистнымъ характеромъ извлеченія выгоды изъ нужды, въ которой находится занимающій; сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что первыми искателями ссудъ должны были быть люди, доведенные до этой необходимости крайнею нуждою, и прибѣгающіе къ займу какъ къ послѣднему средству, не имѣя никакой вѣрной надежды на возможность расплатиться: долгъ и голодъ, въ понятіи поэта Гезіода составляютъ нѣчто нераздѣльное *). Заемщикъ, находясь въ такомъ несчастномъ положеніи, являлся болѣе въ видѣ несчастнаго, просящаго помощи, чѣмъ состоятельнаго лица, способнаго заключить и исполнить договоръ; если у него не было друга, который, принимая его положеніе въ первомъ выраженномъ нами смыслѣ, помогъ бы ему безвозвратнымъ даромъ, то, въ послѣднемъ смыслѣ, онъ не иначе находилъ ссуду у посторонняго лица, какъ обѣщавъ чрезмѣрный ростъ **) и предоставивъ заимодавцу, на случай неуплаты, величайшую власть надъ собою, какую онъ только могъ дать. Съ теченіемъ времени является новый разрядъ заемщиковъ, которые ищутъ денегъ для временнаго извлеченія изъ нихъ выгоды или удобства, но съ достаточною увѣренностью въ уплатѣ, и тогда отношеніе между заимодавцами и должниками является совершенно въ другомъ видѣ чѣмъ прежде, когда оно представляло собою отталкивающую картину страшной бѣдности съ одной стороны и чрезмѣрной алчности съ другой. Еслибы Германцы временъ Тацита увидѣли положеніе бѣдныхъ должниковъ въ Галліи, обращенныхъ въ рабство богатымъ кредиторомъ и въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ составляющихъ его свиту, они бы не были расположены жалѣть о своемъ невѣдѣніи въ дѣлѣ займа***). До какой степени было сильно убѣжденіе въ томъ, что ростъ на ссужаемыя деньги составляетъ незаконную прибыль отъ нужды ближняго,—это выражается весьма ясно въ древнемъ законѣ Евреевъ, дозволявшемъ брать ростъ съ иноплеменниковъ, которымъ законодатель не считалъ нужнымъ покровительство-

*) Гез. Раб. и Дни 647—404; Turgot Mémoires sur les Prêts d'Argent.

**) Ср. Адама Смита Wealth of the Nations т. I, гл 9, стр. 143 изд. 1812 г. Деппингъ Histoire du Commerce entre le Leuant et l'Europe т I, стр. 235. Бекъ (Boeckh) Staatshaushatung der Athener кн. I гл. 22; Corp. Jnscrip. Pars. VIII p. 23. sect. 3, NN 1845, 1569, 2446.

***) Цезарь Bel. Gal. I. 4; VI. 13; Гриммъ Deutsche Rechts — Alterthümer ст. 612 — 615; Thorpe Ancient Law of England т. I стр. 53. Плутархъ de uioA· Alt. pir. de Cap. Divit. c. 2.

вать, но не съ своихъ единоземцевъ *). Этотъ-же взглядъ весьма послѣдовательно выражается въ Коранѣ, въ которомъ взиманіе процентовъ совершенно воспрещено. У большей части древнихъ народовъ существовали законы для ограниченія размѣровъ роста, а въ Римѣ, между прочимъ, этотъ законный размѣръ былъ постоянно понижаемъ—хотя повидимому, какъ и слѣдовало ожидать, запрещенія не достигали своей цѣли.

Всѣ подобныя ограниченія установляемы были для покровительствованія должникамъ, но опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ, что этотъ результатъ ими никогда не достигается, если только мы не назовемъ покровительствомъ производимую ими иногда совершенную невозможность получить деньги взаймы—при какой бы то ни было настоятельной нуждѣ. Но было другое послѣдствіе, которое этими законами дѣйствительно достигнуто—они смягчили первоначально существовавшее отвращеніе къ процентнымъ займамъ вообще, и вслѣдствіе того ненавистное имя лихвы или ростовщичества присвоены исключительно тѣмъ сдѣлкамъ, при которыхъ выговаривался ростъ свыше назначеннаго законами размѣра. Только въ такомъ смыслѣ могли они принести истинную пользу, и должно сказать, что это значеніе ихъ въ то время было не маловажно, такъ какъ оно совпало съ другими стремленіями, возникшими вслѣдствіе промышленнаго развитія общества, которыя понемногу придали въ глазахъ его отношеніямъ между заимодавцемъ и заемщикомъ характеръ равенства и обоюдной выгоды и уничтожили ненавистное значеніе ихъ въ общественномъ мнѣніи **).

Въ Аѳинахъ самый благопріятный взглядъ на заемныя сдѣлки преобладалъ въ теченіе всего историческаго періода; развитіе промышленности и торговли вмѣстѣ со смягченіемъ законовъ, наступившемъ послѣ Солона, привели къ этому результату весьма рано и уничтожили все существовавшее прежде отвращеніе къ лицамъ, дающимъ деньги въ ростъ***). Должно замѣтить притомъ, что этотъ здравый взглядъ на вещи развился самъ собою, безъ участія законныхъ ограниченій размѣра процентовъ,— тогда, когда никакого подобнаго ограниченія не было и количество взимаемаго интереса было даже формально пре-

*) Левит. 25: 35—36; Второз. 23—20; Salvador Histoire des Jnstitutions de Moise liv. III ch. 6; Prideaux t. I. p. 290.

**) Ср. Тит. Лив. VII. 42.

***) Boeckh Staatsh. der Athen. т. I гл. 22, стр. 128.

доставлено частному произволу особымъ закономъ, приписываемымъ самому Солону *). Тоже самое можно сказать и о всѣхъ греческихъ общинахъ, — по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ основанія сказать противное. Но отвращеніе къ самому акту процентной ссуды сохранилось въ людяхъ философскаго настроенія весьма долго, послѣ того, какъ оно перестало проявляться въ практической нравственности гражданъ, и не находило уже оправданія въ обычной обстановкѣ дѣла. Платонъ, Аристотель Цицеронъ **) и Плутархъ смотрѣли на процентный заёмъ какъ на проявленіе того духа своекорыстія и сребролюбія, который они старались искоренить, и вслѣдствіе того они были менѣе расположены стоять за неприкосновенность существующихъ денежныхъ договоровъ. Консервативное чувство въ этомъ отношеніи было сильнѣе въ массѣ гражданъ, чѣмъ въ философахъ. Платонъ даже жалуется на неудобства, происходящія отъ преобладанія его, ***) и на представляемыя имъ препятствія всякой радикальной законодательной реформѣ. Дѣйствительно большею частью предположенія о сложеніи долговъ и о передѣлѣ земель зарождались только въ умахъ безнравственныхъ и своекорыстныхъ честолюбцевъ, которые видѣли въ нихъ средство къ достиженію деспотической власти. Такіе люди были обличаемы одинаково и практическимъ смысломъ общества и теоретиками-мыслителями, — но обращаясь къ спартанскому царю Агису III, который предложилъ совершенное уничтоженіе долговъ и равный передѣлъ всей поземельной собственности въ государствѣ, не съ какими нибудь эгоистическими видами, но по самому возвышенному патріотизму — худо или хорошо понятому — и съ цѣлью возстановить потерянное преобладаніе Спарты, — мы видимъ, что Плутархъ****) выказываетъ самое безусловное, благоговѣйное уваженіе къ молодому царю и его намѣреніямъ, и приписываетъ встрѣченное имъ сопротивленіе исключительно низкому корыстолюбію. Философы, мыслившіе о политикѣ, полагали — и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, довольно справедливо, что безопасность общества, при политическихъ условіяхъ древности, требовала сохраненія во всѣхъ гражданахъ нѣкотораго воинственнаго духа и готовности во всякое время подвергнуться тягостямъ

---

*) Лизія, cont. Theomnest. A. c. 5, стр. 360.

**) De Officiis I. 42.

***) Платона Legg III, V.

****) Плутархъ Agis c. 2, 13.

и лишеніямъ войны; потому умноженіе богатствъ, по той привычкѣ къ удобствамъ жизни, которую оно обыкновенно производитъ, принималась ими болье или менѣе неблагопріятно. Если, по ихъ мнѣнію, какое нибудь изъ греческихъ обществъ утратило строгость нравовъ, то они были готовы одобрить сильнѣйшія нарушенія существующихъ правъ лишь бы они имѣли цѣлью возвращеніе общества къ созданному мыслителями идеалу: такимъ образомъ истинное обезпеченіе сохранности этихъ правъ заключалось несравненно болѣе въ консервативныхъ мнѣніяхъ всей массы гражданъ, чѣмъ въ воззрѣніяхъ, почерпнутыхъ людьми высшаго образованія изъ ученія философовъ.

Эти консрвативныя убѣжденія были особенно глубоко вкоренены въ аѳинской демократіи послѣдующихъ временъ: большинство народа неразрывно соединяло неприкосновенность собственности во всѣхъ ея видахъ съ сохраненіемъ основныхъ законовъ и политическаго устройства республики. Весьма замѣчательною чертою считаемъ мы то, что хотя весь народъ питалъ къ памяти Солона самое глубокое уваженіе, но начало, на которомъ основаны его сейсахтія и пониженіе цѣнности денегъ, не только не возбудило подражанія, но даже встрѣтило всеобщее, хотя и не высказанное порицаніе; напротивъ того, въ Римѣ и въ большей части европейскихъ государствъ новѣйшихъ временъ, мы видимъ, что пониженія цѣнности монеты слѣдуютъ быстро одно за другимъ — побужденіе избѣгнуть хотя отчасти давленія финансовыхъ затрудненій, послѣ одного удачнаго опыта, оказывается непреодолимымъ, и такимъ образомъ монета отъ полнаго вѣса-фунта въ двѣнадцать унцій—доходитъ до полу-унціи. Весьма важно обратить должное вниманіе на этотъ фактъ, послѣ того какъ римскіе писатели обратили выраженіе «греческая совѣсть «въ бранное слово, означающее безчестность въ денежныхъ дѣлахъ *). Аѳинская демократія и вообще всѣ греческія государства, какъ демократическія, такъ и олигархическія. стоятъ несравненно выше римскаго сената, и на столько же выше правительствъ Франціи и Англіи — за исключеніемъ временъ, сравнительно весьма недавнихъ, — относительно честности въ монетномъ дѣлѣ **); сверхъ того, между тѣмъ какъ въ Римѣ совер-

---

*) Graecâ ride mercari Полибій VI, 56; XVIII. 17; Vellei. Paterc. II. 23 Hefftеr Athenaeische Gerichtsverf. стр. 466; Демосѳ. cont. Timokrat. c. 20, 36.

**) Ср. Сисмонди Républ. Jtal. т. III, гл. 18. Бёкъ Staatshaush. der. Ath I. 6; IV. 19. Аристоф. Ran. 719—737.

шилось нѣсколько политическихъ переворотовъ, приводившихъ за собою установленіе новыхъ таблицъ монетной цѣнности *) или покрайней мѣрѣ уменьшеніе долговыхъ суммъ, въ Аѳинахъ въ продолженіи трехъ вѣковъ, протекшихъ отъ временъ Солона до конца свободной демократіи, не было ни одного явленія такого рода. Конечно были въ Аѳинахъ безчестные должники и виды суда, существовавшіе для дѣлъ гражданскихъ, хотя и не заключали въ себѣ особеннаго послабленія къ нимъ, но были слишкомъ несовершенны, чтобы подавлять предпринимаемыя ими ухищренія такъ успѣшно, какъ можно было бы желать. Но общественное убѣжденіе объ этомъ предметѣ было правильно и твердо, и можно сказать съ достовѣрностью, что въ Аѳинахъ денежная ссуда была такъ безопасна, какъ только она могла быть гдѣ либо въ древнемъ мірѣ; не смотря на важное преимущество Рима — накопленіе цѣлой системы предшествовавшихъ судебныхъ случаевъ, которые имѣли обязательный характеръ для судей, и послужили источникомъ образованія римскаго права. Въ числѣ разныхъ причинъ возмущеній и распрей въ греческихъ общинахъ**), мы почти нигдѣ не находимъ наклоненія частныхъ долговъ.

---

*) Тацита Ann. VI. 16; Аппіана Bell. Civil. Praefat.; Montesquien Esprit des Lois Цицер. in. Catil. Or. II. c. 8—3; Sallus B. Catil c. 20—21,

**) Никол. Дамаск. Отр. стр. 152 изд Орелли. Diod I. 79.